

А.Б. Егоров

Юлий Цезарь

Политическая биография

Annotation

Монография посвящена политической и военной биографии Юлия Цезаря, рассматриваемой на широком фоне жизни Рима эпохи гражданских войн. В книге рассматриваются события политической борьбы в римском обществе, противостояние оптиматов и популяров, сложные конфликты и интриги внутри властной элиты римского сената. Помимо собственно событийной истории автор даёт широкий обзор источников по истории Цезаря и анализ его образа в мировой историографии. Также рассматриваются личности его друзей и врагов, политических союзников и противников (Помпея, Красса, Катона, Цицерона, Марка Антония и многих других). Книга предназначена для специалистов-антиковедов, историков, философов, юристов, студентов и аспирантов гуманитарных факультетов, а также для всех интересующихся античной историей.

- [А.Б. Егоров](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [Глава I.](#)
 - [1. Рождение Рима](#)
 - [2. Итальянская республика](#)
 - [3. Римская политическая система](#)
 - [4. «Наследие» Ганнибала](#)
 - [5. Великие завоевания](#)
 - [Глава II.](#)
 - [1. Начало кризиса](#)
 - [2. Гракхи \(133-122 гг. до н.э.\)](#)
 - [3. «Принципат» Мария \(111-100 гг. до н.э.\)](#)
 - [4. Катастрофа \(99-81 гг. до н.э.\)](#)
 - [Глава III.](#)

- 1. Ранние годы
- 2. «Большой террор»
- 3. Сулла и его «дело»
- 4. Сулланская элита
- Глава IV.
 - 1. Романтические приключения (81–78 гг.)
 - 2. Первые шаги (78–70 гг.)
 - 3. «Мирная революция» 70 г.
 - 4. «Принципат» Помпея (69–63 гг.)
 - 5. Катилина (66–61 гг.)
- Глава V.
 - 1. Союз трех
 - 2. Консульство (59 г.)
 - 3. Первая кампания (58 г.)
 - 4. Покорение Галлии (57–56 гг.)
 - 5. События в Риме. Цицерон и Клодий (58–57 гг.)
 - 6. Лукское соглашение (56–55 гг.)
- Глава VI.
 - 1. Германия и Британия (55–54 гг.)
 - 2. Кризис (54–53 гг.)
 - 3. Амбиорикс[49]
 - 4. Великое Галльское восстание (52 г.)
 - 5. Завершение Галльских войн (51–50 гг.)
 - 6. «Партия Помпея»
 - 7. Путь к диктатуре Помпея. Рим 53–50 гг.
- Глава VII.
 - 1. «Бархатная революция» (январь-март 49 г.)
 - 2. План Помпея
 - 3. Первые операции (март-май 49 г.)
 - 4. Испанская кампания (май-август 49 г.)
 - 5. Второе консульство (конец 49 — начало 48 гг.)
 - 6. Война в Греции (январь-август 48 г.)
 - 7. Фарсал (9 августа 48 г.)
- Глава VIII.

- 1. Последствия Фарсала
- 2. «Египетская авантюра» (август — октябрь 48 г.)
- 3. Александрийская война (конец 48 — март 47 г.)
- 4. Фарнак (март — октябрь 47 г.)
- 5. Африканская кампания (октябрь 47 — март 46 гг.)
- 6. Тапс (март — июнь 46 г.)
- Глава IX.
 - 1. Триумф и власть (июль — ноябрь 46 г.)
 - 2. Политика милосердия (осень 46 г.)
 - 3. Календарь
 - 4. Испанская война (ноябрь 46 — осень 45 гг.)
 - 5. Наследники
 - 6. Император Цезарь (ноябрь 45 — февраль 44 гг.)
 - 7. Новый сенат
 - 8. Цезарианское руководство
 - 9. Последние реформы и планы
 - 10. Большой поход
- Глава X.
- Глава XI.
 - 1. Заговор (январь — март 44 г.)
 - 2. Кризис (март 44 — апрель 43 гг.)
 - 3. Месть (май 43-42 гг.)
- Глава XII.
 - 1. Путь к принципату (42-31 гг. до н.э.)
 - 2. «Дело Цезаря» и империя Августа (31 г. до н.э. — 14 г. н.э.)
- Глава XIII.
 - 1. Современники
 - 2. Писатели эпохи Империи
- Глава XIV.
 - 1. Создатель империи или гениальный неудачник? (западная историография от

эпохи Возрождения до начала 20 века).

- 2. Цезарь и «демодернизация»
- 3. Отечественная историография
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А.Б. Егоров
ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
Политическая биография

ВВЕДЕНИЕ

Сюжетом этой книги станет политическая биография Гая Юлия Цезаря, представленная на фоне истории Рима. Роль этого выдающегося полководца и политического деятеля в истории римской цивилизации действительно трудно переоценить. Именно с Цезарем был связан переход от республики к монархии и от римского полиса к политической системе Империи, именно с ним связано и превращение римского государства в гигантскую сверхдержаву, владения которой простирались от Британии до Африки и от Евфрата до побережья Атлантики. Эта огромная Империя создала ту высочайшую цивилизацию, которая, вне всякого сомнения, оказала определяющее влияние на последующую историю вплоть до относительно недавнего прошлого и даже современного периода. Победа Цезаря была не просто сменой формы власти, это был переход римской цивилизации и культуры на новый, качественно иной уровень своего развития.

Политическая биография Цезаря стала весьма популярной темой исследований в западной историографии. Ставшие широко известными биографические исследования М. Гельцера, Ж. Каркопино, А. Феррабино, Дж. Бальсдона, Л. Радитцы и многих других ученых^{1} представляют собой необычайно широкий спектр мнений, суждений и информации о, вероятно, крупнейшем представителе римской истории. С другой стороны, как показывают примеры Т. Моммзена, К.В. Нича, Эд. Мейера, а также — двух изданий «Кембриджской античной истории», французской серии «Всемирной истории» Г. Глотца и гигантского международного издания «Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt»,^{2} тема Цезаря занимает

одно из центральных мест в общих трудах по истории гражданских войн 1 в. до н.э., истории римской республики, а иногда и истории Рима вообще. Цезарь, несомненно, стал, быть может, главным символом Рима, что связано не только с его исторической ролью, но и с его яркой и многогранной личностью, которая, возможно, как никакая другая, отражает суть римской цивилизации и римской ментальности.

Наверное сейчас, во введении, нет необходимости говорить о значении Цезаря и его личности, рано как и о том разнообразии мнений, которое существует в мировой историографии. Мы наметим лишь некоторые общие принципы, которым намерены руководствоваться в последующем изложении. Впрочем, перед тем, как это сделать, отметим наличие достаточно значительной разработки темы и в отечественной науке. Прежде всего, это общие труды по истории Рима и исследования о гражданских войнах и раннем принципате (СИ. Ковалев, Р.Ю. Виппер, Н.А. Машкин и др.)^{3}. Единственной специально монографией, посвященной биографии Цезаря, является книга С.Л. Утченко «Юлий Цезарь»^{4}. Хотя речь об историографии (в том числе — монографии С.Л. Утченко) еще впереди, заметим, что несмотря на ряд достаточно существенных различий и разногласий, мы высоко ценим труд своего непосредственного предшественника, ставший первым в отечественной науке серьезным исследованием по данной теме, выполненным в биографическом жанре.

Теперь о нескольких исходных принципах последующего изложения. Особенностью нашего подхода, впрочем, вполне характерного и для предшествующей традиции, является намерение рассмотреть деятельность главного героя на широком историческом фоне. Политическую карьеру, реформы и итоги деятельности Цезаря невозможно понять без общего представления о том, что представляло собой

римское республиканское государство и так называемая римско-италийская федерация, ставшая ядром последующей Империи. Перемены, происшедшие в связи с превращением римского полиса в огромную территориальную державу, что позднее стало, наверное, главным делом Цезаря, также нельзя понять без хотя бы суммарного обзора итогов 2 Пунической войны и завоеваний II века до н.э., с которых начался этот процесс. «Наследие Ганнибала»^{5} во многом определило последующее развитие римской истории. Наконец, вся деятельность Цезаря была направлена на выход из глобального кризиса, начавшегося в 40–30-е гг. II века и достигшего кульминации в катастрофе 80-х гг. I века, что делает необходимым достаточно подробный обзор этих событий. Вопреки расхожему мнению, представляющему Рим этого времени как республиканское государство с развитым принципом разделения властей и могущественную всемирную державу, в указанный период от представлял собой слабое, развалившееся и раздираемое противоречиями общество с разоренными, ненавидящими римлян провинциями, грозящей отовсюду внешней опасностью, пустой казной, обнищанием граждан и невероятным богатством олигархов. Это был Рим диктатуры Суллы и восстания Спартака, заговора Каталины и движений популяров, Рим военных переворотов и вторжений Митридата, разгула пиратства и восстаний рабов и провинциалов, республика «нищих и миллионеров», как определил его Т. Моммзен^{6}. К этой характеристике выдающегося немецкого историка можно добавить, что это было общество немногих миллионеров и множества нищих, еще ниже которых стояли миллионы неправых союзников и провинциалов, а еще ниже — миллионы совершенно неправых рабов, лишенных даже права на собственную личность. Кризис завершился тем, чем он и должен был завершиться, страшной бойней

гражданских войн, унесших сотни тысяч жизней и поставивших общество на грань полного уничтожения.

Войны завершились победой человека, ставшего олицетворением этой «республики» и, быть может, главным символом того, с чем Цезарь боролся всю свою жизнь, Луция Корнелия Суллы.

В силу этих причин, мы сочли целесообразным не сразу перейти к описанию биографии Цезаря, а дать хотя бы суммарную характеристику становления Рима и его империи и показать ход и обстоятельства кризиса, уделив достаточно большое внимание диктатуре Суллы и постсулланской власти. В двух первых главах Цезарь еще не появляется, в них характеризуется обстановка, сформировавшая его как личность и как политическое явление, тесно связанное и с уходящей в глубокую древность политической и культурной традицией Рима, и с завоеванной им Империей, и с постигшим ее кризисом, едва не приведшим к гибели не только республики, но и самой римской цивилизации. С другой стороны, две первые главы служат как бы собранием информации, которая призвана способствовать пониманию последующего изложения. Невозможно понять политическое восхождение Цезаря по лестнице магистратур (от военного трибуна до консула и диктатора) без знания сути этих должностей, описать Галльские войны без знания о том, что представляли из себя галльские племена, как складывались их отношения с Римом и какова была суть этих войн. Рассмотрение ожесточенных столкновений и дебатов в сенате, на форуме и в судах невозможно без хотя бы краткого экскурса о том, что представляли собой римский сенат и народное собрание, и каковы были основные принципы действия римской законодательной, исполнительной и судебной власти. Говоря о борьбе Цезаря с оптиматами и Помпеем, надо иметь хотя бы общее представление об этих последних, а, отмечая

вклад Цезаря в римскую культуру, дать хотя бы суммарные заключения относительно ее специфики. Такого рода предварительные разъяснения помогут далее говорить об этих реалиях как о достаточно известных вещах и избежать обширных пояснений, способных разрушить цельность биографического повествования.

Переходя к самой биографии, мы считаем нужным уделить особое внимание детским и юношеским годам Цезаря. Хотя сами античные авторы ограничиваются несколькими фразами, а современные биографы уделяют им максимум несколько страниц, именно это время определило его будущую деятельность. Ребенком, мальчиком, а затем — юношей Цезарь стал очевидцем, наверное, самого страшного и трагического периода римской истории, собственными глазами увидев Союзническую и гражданскую войны, серию военных переворотов и конечную победу Суллы с ее вакханалией террора. Он находился не только в гуще событий, но и в гуще людей, вершивших историю. Его ближайшими родственниками были те кто, определял судьбы государства, Марий и Цинна, Секст и Луций Цезари, круг Крассов-Сцвевол. Сам мальчик рос как «наследный принц» правящей марианской партии. Разумеется, попытка реконструкции всего того, что мог чувствовать и переживать юный и молодой Цезарь, скорее является задачей писателя, чем историка (последний должен иметь дело только с установленными, а не с гипотетическими фактами), но рассмотрение той обстановки, о которой известно достаточно много, особенно важно и для понимания последующих событий. Поворот наступил с победой Суллы, лишившей Цезаря всего, что у него было. Это был не только личный крах, это было уничтожение его партии, когда один за другим буквально на его глазах умирали и гибли его покровители. Сам Цезарь с трудом избежал смерти, а

самым безопасным для него место стала действующая армия. Перспектива гибели в бою была предпочтительнее смерти от рук сулланских палачей и вплоть до смерти Суллы в 78 г. до н.э., жизнь молодого племянника Мария оставалась постоянной дуэлью со смертью и бесчестьем.

Уход Суллы, вызванный перспективой неизбежного краха его политики, стал временем низшей точки падения для республики, однако низшая точка может стать и начальной точкой подъема. Пришедшая к власти постсулланская элита прекратила террор и пошла на уступки, при этом сохраняя и свою личную власть и суть сулланской системы. После смерти диктатора, Рим продолжал жить по его законам, а сулланская аристократия господствовала до конца 60-х гг. I века. Именно на борьбу с наследием и наследниками Суллы и ушла большая часть жизни Цезаря.

Исследователи достаточно редко обращают внимание на то, что его деятельность началась с нравственной оппозиции режиму и правозащитной деятельности. Собственно, действия Цезаря достаточно трудно назвать политикой в собственном смысле этого слова. Будучи сам жертвой сулланских репрессий, молодой популярист сосредоточил свою деятельность на помощи людям, пострадавшим от террора диктатора и беззакония и произвола его последователей, восстановлении прав и юридической защите репрессированных, реабилитации памяти погибших, защите жертв сфабрикованных процессов. Это сочеталось с попытками (пока еще в чисто конкретных случаях) показать суть сулланской и постсулланской политики с ее террором, подавлением, коррупцией и круговой порукой, равно как и ее полную неэффективность. То, что объявлялось «государственной необходимостью» или «восстановлением устоев общества» находило в этих

процессах новое истинное определение как элементарные уголовные преступления (убийства, взяточничество, подлог и подкуп, превышение власти) совершаемые в особо крупных размерах и с особой жестокостью. Фактически в 60-е гг. Цезарь добился того, что сулланские палачи стали подвергаться ответственности в соответствии с общепринятыми нормами уголовного права.

Именно это сделало Цезаря одним из лидеров оппозиции и привело к его небывалой популярности, гарантировавшей успех на любых выборах. От критики конкретных лиц и ситуацией он переходит к борьбе с системой как таковой, начиная формировать позитивную часть программы. В 4 главе мы проследим его постепенное восхождение по ступеням политической лестницы (от квестора до претора), постаравшись показать, что эти успехи были не результатом какой-то особо ловкой политической игры, а истинной волей народа, выражавшего свой протест против сулланской системы и надежду на новую политику. Деятельность Цезаря проходит на широком фоне антисулланского движения, вобравшего в себя самые различные силы, от испанских повстанцев Сертория до либерально настроенных сенаторов. Оно все больше соединялось с теми силами в сулланском лагере, которые были готовы в той или иной степени пойти на смягчение режима. «Мирная революция» 70 года была первой победой этих сил, она же фактически завершила Союзническую войну. Это были серьезные уступки, на которые система пошла ради сохранения в своих руках основных рычагов власти. Символом этой политики реформ, проводимых при сохранении основных элементов сулланского порядка и успешной внешней политики, был Гней Помпей, ставший в это время влиятельнейшим политиком и полководцем Рима.

В 70–60-е гг. из молодого правозащитника Цезарь превращается в лидера популяров, все больше и больше становящихся реальной политической оппозицией постсулланской власти и выдвигающих конструктивную и всеобъемлющую программу общественных преобразований. От защиты жертв Суллы и обвинений его преемников и его «дела» Цезарь переходит к борьбе с системой в целом. Программа реформ в уже достаточно законченном виде предстает в период, непосредственно предшествующий его консульству и триумвирату.

Вопреки достаточно общему убеждению, триумвират не был чисто личным «союзом трех властителей» с целью захвата личной власти. Это был альянс оппозиции во главе с Цезарем с теми умеренными просулланскими силами, которые были готовы на продолжение преобразований. Их символом стал Помпей, а отчасти и Крассе, причем последний все больше сближался с антисулланскими кругами. Хотя союз сформировался в 60–59 гг., он имел достаточно длительную предысторию, вероятно, восходя к «мирной революции» 70 года. Консульство Цезаря в 59 г. стало вторым актом этой революции, временно сделав оппозицию правящей партией и создав на будущее равновесие сил, просуществовавшее в течение 50-х гг. Оказавшись не только несомненным лидером народа, но и блестящим мастером «аппаратной борьбы», Цезарь начал процесс медленного завоевания сената оппозиционными силами.

Впрочем, наступал новый этап, когда демократические, электоральные возможности общества оказывались исчерпанными. Для продолжения слома сулланской системы и избежания ее реставрации, было необходимо создание мощной силовой структуры, способной стать гарантом успеха революции. Это, несомненно, было одной из причин галльских кампаний Цезаря и создания им галльской армии, бывшей, по всей

вероятности, одной из лучших армий Рима за всю его историю. Впрочем, было бы ошибочным считать внутренние причины и личные цели Цезаря единственными или главными причинами этих войн. Галльские войны (58–50 гг. до н.э.) были связаны с, вероятно, самой серьезной внешнеполитической проблемой Римской державы на протяжении большей части ее истории. Нашествия с севера оставались вполне реальной угрозой. Итогом кампаний в Галлии стало создание мощного буфера, надолго обезопасившего западные провинции Рима от этих вторжений.

Назревало решающее столкновение. Помпеи сделал выбор в пользу своего сулланского прошлого, новых и старых союзников из числа сулланской и постсулланской элиты и собственных диктаторских амбиций. В борьбе с Цезарем были задействованы все силовые рычаги. Несмотря на последующую неудачу, это была тщательно подготовленная попытка фактически полной реставрации сулланской системы во главе с Помпеем. У нее не было будущего: альтернативой победе Цезаря была не победа Помпея или Катона, а всеобщий крах и распад. Система была ранена, но в своей агонии она могла увлечь с собой в пропасть и общество. Теряя перспективы мирной борьбы, Помпеи и оптиматы пошли на силовой вариант. В 50–49 гг. главным образом посредством неправовых действий постсулланское окружение Помпея пошло на откровенный государственный переворот, нарушив общественное равновесие, а выигравшая тяжелейшую в истории Рима войну армия, от командующего до простых солдат, оказалась под угрозой роспуска и неминуемых репрессий. Готовилась расправа над победителями.

В этой ситуации Цезарь взял власть на себя. Изображаемый как насильственный захват власти поход Цезаря в Италию (январь–март 49 г.) был фактически бескровной «бархатной революцией», поддержанной

практически всеми слоями италийского населения и солдатами собственных армий Помпея. Как ни парадоксально, Помпеи учел и этот вариант. Его план предполагал мобилизацию всех стоявших в провинциях армий и флотов и активное привлечение к борьбе вассальных царей и разнообразных антиримских сил. Это был план затяжной войны и морской блокады Италии, похожий на план Ганнибала, показавший выдающиеся полководческие качества его создателя и вызвавший ужас даже у верных сторонников последнего. Помпеи проиграл, и его проигрыш был вызван, прежде всего, тем, что это была война против собственного народа, решительно вставшего на сторону Цезаря. Серия бескровных побед завершилась Фарсальским сражением, определившим исход борьбы за власть.

Нам представляется целесообразным разделить военную стабилизацию, проводимую Цезарем, и его глобальные политические преобразования (главы 8 и 9). Став теперь единственной законной властью, Цезарь покончил со всеми силами, защищавшими сулланско-помпеянскую «республику». Последними «борцами» за «дело» Помпея были не только его сыновья и Катон Утический, но и ловкие интриганы, взявшие власть в распадающемся Птолемеевском Египте, уничтожавшая все на своем пути конница нумидийского царя Юбы, набранные из уголовных преступников помпеянские легионы в Испании и иллирийские пираты. Общим было то, что все они уже не вписывались в новую систему. Эти союзники нисколько не смущали «борцов за республику» и нетрудно представить, что стало бы итогом их победы. Возможно, именно в это время Цезарь пошел на нарушение принципов своей «политики милосердия», которую он неуклонно проводил на первом этапе гражданской войны и к которой вернулся после победы.

Главным было другое. Победивший Цезарь начал глобальные политические реформы, целью которых было создание новой Империи, основанной на глобальной системе внешней и внутренней безопасности, экономическом росте и принципиальной реформе римского гражданства. История отвела ему мало времени, но сделанное за два последние года (46–44 гг. до н.э.) заложило основу для стремительного цивилизационного скачка и будущего двухсотлетнего процветания Рима. Заговор и убийство приостановили этот процесс, но он был уже необратим, к власти пришли те силы, которые продолжили его политику, хотя и замедлив ее темпы и пойдя на ряд компромиссов. В продолжающейся уже много десятилетий дискуссии о соотношении диктатуры Цезаря и принципата Августа мы твердо придерживаемся мнения об их глубокой преемственности. Рим I–II вв. н.э., а отчасти и далее, с его системой внешней безопасности, устойчивым экономическим процветанием и правовой реформой был Римом Цезаря.

Вопреки установившейся традиции, мы поместим обзор источников и историографии не в начале, а в конце изложения. Это не только позволит избежать дублирования структуры труда нашего предшественника, С.Л. Утченко, но и будет иметь дополнительный смысл. Последние главы будут посвящены как бы «посмертной жизни» Юлия Цезаря. Это исход борьбы с последней оппозицией, которую довели до конца уже его наследники, и установление той системы, которая стала итогом его победы. Это также образ Цезаря в античной традиции, как правило, поздней, и потому отражавшей отношение к нему новой эпохи созданной им Империи I–II вв. н.э., а затем уже и поздней античности. Наконец, это его образ в научной историографии 18–20 вв., постоянно являющийся предметом полемики и переоценок и показывающий

степень созвучия этой темы уже современной или близкой к современной истории. Предварительное изложение фактов, предшествующее оценочной части, может оказаться полезным для выбора подходящего читателю мнения, а чтобы традиция все же не была нарушена до конца, мы поместим в начальной части другой обзор историографии, посвященный характеристике кризиса I в. до н.э.

Разумеется, сейчас не время и не место для анализа мнений о Цезаре, но, быть может, имеет смысл закончить наше введение одним из вопросов, ответ на который мы попытаемся дать позже. Исследователи много занимались приходом Цезаря к власти и самой его властью, гораздо реже пытаюсь ответить на вопрос о цели, ради которой он ее взял. Когда речь идет о политиках, принятие и захват власти часто воспринимается как самоцель, однако трудно представить, что все политические деятели стремятся к ней только ради позолоченного трона, громкого титула, коллекции наград и всеобщего раболепия, равно как и ради возможности диктовать свои условия, обогащаться или расправляться с реальными и мнимыми противниками. Какова была та более высокая задача, ради которой Цезарь стремился к власти всю свою жизнь? Власть как цель, или власть как средство — этот вопрос вполне уместен и в данном случае. В зависимости от принятия той или иной позиции, мы должны по-разному взглянуть и на его деятельность, и на его личность, и на саму природу его власти. Встает и другой вопрос: к интереснейшей, хотя далеко не бесспорной идее С.Л. Утченко о «мифе о Цезаре»^[7] можно добавить и вопрос о другом мифе, созданном его противниками, а отчасти и сторонниками, а затем ставшим популярным в последующей традиции. Это был миф о «свободной республике» свергнутой «военным диктатором».

Глава I.

РИМ И ЕГО ДЕРЖАВА

1. Рождение Рима

Имя Цезаря во многом символизирует процесс превращения Римской Республики в Римскую, а затем и в Средиземноморскую державу, а потому несколько изменив традиционную схему, мы рассмотрим основные принципы, по которым строилось римское общество, основы государственной системы Рима и путь превращения маленького италийского государства в крупнейшую сверхдержаву античной древности. Это был тот фон, на котором позже будет проходить деятельность Цезаря, его родственников, друзей и врагов, а его рассмотрение поможет понять многие события жизни будущего диктатора.

Политическая, экономическая и правовая система Римской республики складывалась с древнейших времен. Восходя еще к царскому периоду (VIII–VI вв. до н.э.) и ранней республике (V–IV вв. до н.э.), она в основном, сформировалась к III в. до н.э. По своей сути республика была полисным государством со всеми основными признаками этого общества: замкнутая система гражданства, противостоящая массам неполноправного населения, республиканский принцип управления и особые, характерные для полиса сознание и культура^[1].

Становление римско-италийского государства было длительным и сложным процессом. Сами римские писатели постоянно подчеркивали, что гигантская сверхдержава возникла фактически «с нуля», с маленького поселения на холмах, расположенных в устье Тибра, основанного горсткой колонистов из латинского города Альба-Лонги, которых возглавлял Ромул, внук альбанского царя Нумитора (Liv. прооет; Eutr., I, 1). Легенда о Ромуле, дошедшая до нас в

сочинениях многих писателей, зачастую в очень разных вариантах, стала своеобразным символом римской истории^{8}. Свержение законного царя Альбы Нумитора его братом Амулием, убийство сына Нумитора, вынужденное безбрачие дочери царя Реи Сильвии и тайное рождение близнецов, Ромула и Рема, таинственное спасение мальчиков, их воспитание, раскрытие тайны и свержение узурпатора — таковы основные вехи этой легенды, сходной с историями многих великих героев древности. Вероятно, впервые такого рода легенда возникла в далекой Месопотамии и была связана с основателем Царства Шумера и Аккада Саргоном Древним (2684–2630 гг. до н.э.). Аналогичные мотивы можно обнаружить в историях о рождении основателя Персидского царства Кира Великого, индийского божественного героя Кришны, библейского Моисея и греческих героев, Персея, Тесея и Эдипа.

Легенда о Ромуле подвергалась сомнению даже в древности, а Плутарх приводит большой список альтернативных версий основания города (Plut. Rom., 2), еще больше сомнений вызвала она у современных историков. Кроме нахождения сказочных, «бродячих» мотивов, ученые пытались доказать позднее (не ранее V в. до н.э.) появление легенды и эпонимический характер главного героя. Они подчеркивали обилие собственно античных версий и их разночтений, равно как и наличие этрусских и греческих мотивов и ономастики^{9}. Хотя сам миф, несомненно, имеет древнее происхождение, многие из этих аргументов нельзя не учитывать, однако, не вдаваясь в детали, заметим, что легенда была и остается главной официальной версией основания города, в которую верили римляне и которую изучали в римских школах.

Ромула считали основателем римского государства. По традиции, он правил 37 лет (753–717 гг. до н.э.). Ромул укрепил Палатин, главное место поселения

древнейших римлян, построил крепость на Капитолии и объединил свой город с поселениями сабинян, живших на двух соседних холмах, Эсквiline и Квиринале. При Ромуле начались первые войны с латинами, сабинянами и этрусками. Он же учредил главные общественные и государственные институты: разделил весь народ на три трибы (Рамны, Тиции и Луцеры) и 30 курий, создал римское ополчение (легион) из 3000 человек и римскую конницу (300 цел еров), набирающуюся по куриям и трибам, разделил население города на патрициев и плебеев и учредил сенат из 100 человек. Преемнику Ромула, второму царю Рима Нуме Помпилию (715–672 гг.), традиция приписывает прекращение войн, создание римской религиозной организации и завершение преобразований Ромула (Peut. Numa, 6–7; Liv., I, 18–21). Согласно легенде, Нума построил храмы древнейших римских богов, Януса, Фидес (Верности) и Термина, и учредил главные римские жреческие коллегии, понтификов, фламинов и салиев, а, возможно, и ввел в Риме культ Весты и коллегию весталок. Римляне считали Нуму основателем древнейших ремесленных коллегий (флейтистов, золотых дел мастеров, плотников, красильщиков, сапожников, дубильщиков кожи, медников, гончаров), добавившим к ним общую коллегию всех остальных ремесленников. Завершение политического развития раннего периода связано с двумя следующими царями, Туллом Гостилием (672–640 гг.), завоевавшим Альбы-Лонгу (Liv., I, 22–31), и Анком Марцием, развернувшим наступление вдоль Тибра и переселившим в Рим множество латинов (Ibid., I, 32–34).

Несмотря на красочные описания первых побед римлян, Рим эпохи царей представлял собой примитивное карликовое государство, площадь которого не превышала 150 км² при Ромуле и несколько больше при Анке Марции с населением 10–15, а позже — 25–30 000 человек^[10].^[2] Его границы отстояли на 4–8

миль от города. Вместе с тем, новый город имел множество особенностей географического, экономического и этнического характера, которые сказались как в этот, так и в последующие периоды.

Латинская равнина была одной из самых плодородных и населенных частей Италии, относительно защищенной от внешней угрозы. С севера Лациум был защищен от этрусков рекой Тибр, крупнейшей судоходной рекой Апеннинского полуострова, с востока и юга — горами, населенными сабинянами, эквами и вольсками, а на юге почти переходил в другую плодородную равнину, Кампанскую. Другим соседом Лациума были этруски, создавшие самую высокую цивилизацию Италии, сопоставимую с греческой. Впрочем, и греки были не так далеко. На Кампанской равнине находилась одна из крупнейших и древнейших колоний, Кумы (осн. 754 г. до н.э.), и, как полагали римляне, многие религиозные культы, право, письменность и архитектура пришли к ним отсюда. Легенды рассказывают о посещении Лациума греческими героями, начиная с микенских времен, причем, по крайней мере трое из них были связаны с древнейшей историей римлян. По преданию, древнейшее поселение на Палатине основал аркадянин Эвандр^[11],^[3] троянец Эней и его сын Асканий стали основателями Альбы-Лонги, а с Гераклом был связан один из наиболее популярных римских культов (Liv., I, 7).

Латинская равнина была одним из самых населенных районов центральной Италии, в котором перекрещивались самые различные этнические взаимовлияния. Уже в 1800–1500 гг. до н.э. здесь распространилась культура террамар, здесь был и один из центров культуры Вилланова. Из сообщений античных авторов вырисовывается крайне сложная и пестрая этническая картина. В числе жителей упоминаются сикулы и сиканы, неизвестный народ, именуемый

аборигенами (по разным версиям — греки, протосабины, латины, лигии, пеласги), греки Эвандра и троянцы Энея (Dion Hal., 1. 16; 17; 19; 31-32; 34; 40; 45; 56; 60; 89; И. 1-2; Liv. L; 9-10; Flor, I, 1, 9; Tac. Ann., II, 54; 55; IV, 9; 43; VII, 58; Or. gent. Rom., 1-23)^[12].^[4] Позже участие в этногенезе Лация приняли этруски и сабиняне, эквы и вольски.

Особенности этногенеза во многом определили менталитет народа. В римской истории было немало примеров упорного нежелания делиться своими привилегиями с «иностранцами», политического, экономического и национального самоограничения, а иногда и подлинного шовинизма и ксенофобии, и, вместе с тем, изначально римлянам гораздо больше, чем грекам, была присуща идея открытости. Римляне признавали себя как «сборный» народ и даже патрицианские роды царского периода включали в себя не только «коренных» латинов, но и сабинов (Валерии, Аврелии, Помпилии, Ветурии, Клавдии) и этрусков (Сергии, Лицинии), а некоторые возводили себя к троянцам (Юлии, Навтии) и грекам (Эмилии)^[13]. Возникает представление, что римляне достигли своих успехов потому, что заимствовали от других все лучшее и соединили в себе лучшие силы и достижения разных народов. Позже эту идею выразил Саллюстий (что интересно — устами Цезаря) (Sail. Cat., 51, 38-9), а затем — император Клавдий (Dess., 212; Tac. Ann., XIII, 42). Наряду с этим, Рим приобретает образ защитника гонимых. Уже Ромул открыл убежище для всех обездоленных и ищущих защиты (Liv., I, 8, 4). Великая Империя, покоряющая и побеждающая, но и готовая защитить обиженного, создающая из разных народов новую историческую общность римлян — таков был образ римской сверхдержавы, созданной маленьким народом на Тибре. Одним из главных символов этой идеи позже было суждено стать Юлию Цезарю.

Рим занимал особое место в Лации. В области были две группы холмов, Альбанские и Римские. Первые были более ранним политическим центром Лация, и именно здесь находились такие города, как Лавиний, Лаврент и Альба-Лонга, откуда и произошли римляне. Группа римских холмов (Палатин, Эсквилин, Виминал, Квиринал, Целий, Авентин) имела более выгодное стратегическое положение. Холмы были прекрасно защищены, владеющий ими контролировал устье Тибра, рядом находился брод, позже появился мост, здесь проходила Соляная дорога (Via Salaria). Военному развитию Рима способствовала близость этрусской границы. Уже в конце «эпохи царей» соперничество Рима и альбанского союза стало склоняться в пользу римлян.

Первый серьезный поворот в истории Рима приходится на рубеж VII–VI вв. до н.э. Три последних царя, Тарквиний Приск (616–578 гг.), Сервий Туллий (578–534 гг.) и Л. Тарквиний Суперб (534–510 гг.), условно именуется «этрусской династией». Два Тарквиния были этрусками, версии происхождения Сервия Туллия различны, но и он был тесно связан с правящей семьей (Liv., I, 39). Хотя традиция показывает мирный приход к власти этих правителей, сам факт наличия царей-этрусков вызвал появление теории «этрусского завоевания».

Еще более важным является то, что Рим, так или иначе, попал в «этрусскую зону». На VII век приходится активная этруская экспансия. Традиция и данные археологии показывают расширение «зоны» от Кампании на юге до Альп на севере. На территории Рима заметно резкое увеличение числа предметов этрусской материальной культуры и искусства. В Риме появился этрусский квартал (vicus Tuscus), резко растет число этрускизмов в языке, ономастике и топонимике.

Вхождение в «этрусскую зону» способствовало резкому скачкообразному развитию Рима, римского

общества и римской материальной и духовной культуры. Именно цари-этруски создали Рим как город. По мнению Э. Гьерстада, на 800–700 гг. до н.э. приходится так называемый догородской период, характерный существованием изолированных поселений на Палатине, Эсквилине, Квиринале и Велии с постепенным заселением долин и Форума^{14}. С 700г. начинается «городской период», когда Рим все больше и больше превращается в единую агломерацию. К началу правления царей-этрусков город становится единым целым, а весь процесс завершается примерно к 575 г. до н.э.^{15} По традиции, все три царя много строили (Liv., I. 38, 5–7; 45; 55–56). Происходит и качественное изменение облика города. Площадь Рима выросла с 66 до 132 га, а город обносится мощной стеной (т. наз. стена Сервия Туллия). Тарквиний Приск начал рыть дренажные каналы, ставшие прообразом будущего водопровода (Cloaca Maxima). Создаются новые храмы: Тарквиний строят храм Юпитера Капитолийского, а Сервий Туллий сооружает на Авентине храм Дианы, главного божества Латинского союза.

Расширение Рима сопровождается наступлением римлян в Лации. Тарквиний Приск развернул наступление в области т. наз. Prisci Latini, расширяя господство Рима на Тибре и Анио, отодвинув границы на 10–16 миль и подчиня латинские города (Корникул, Коллация, Номент, Медуллия, Америола и др.) (Liv., I, 38). При Сервий Туллии происходит важная военно-политическая реформа, а претензии на лидерство в Латинском союзе отражает строительство храма Дианы. Еще больших успехов добился Тарквиний Гордый, захватив Габии, Ардею и Арицию. Рим стал гегемоном Латинского союза, римский царь заключил договор с правителем Тускула Октавием Мамилием. Создавался тот мощный римско-латинский союз, который станет главным механизмом римских завоеваний (Liv., I. 52–55).

К концу этрусского периода *ager Romanus* увеличился до 850 км^{16}.

Не менее радикальными были и перемены в социально-политической жизни общества. По справедливому замечанию Э. Гьерстада, «этрусский период» можно считать известным аналогом «старшей тирании» в Греции^{17}. Характер царской власти существенно изменился, и из патриархального древнего царя, сочетавшего сакральные функции с ролью военного и гражданского лидера и верховного судьи, римский реке превращается в полновластного монарха. Нарушается принцип выборности царя, а новые властители все меньше считаются с правами сената и народа. Конечным этапом этого развития стало тираническое правление Тарквиния Гордого, решавшего все вопросы практически единолично и жестоко подавляющего оппозицию. Вместе с тем, этрусские правители стали проводить и более глубокие преобразования, заложившие основу римского полиса.

Первые реформы провел уже Тарквиний Приск, добавивший к старым сенаторам 100 человек из так называемых «младших родов» (*gentes minores*), что стало шагом к превращению сената в царский совет. (Liv., I, 34). Вторым важным шагом было увеличение числа всаднических центурий до 6, что стало предпосылкой последующей реформы триб (Liv., I, 34).

Радикальные преобразования связаны с так называемой реформой Сервия Туллия. По преданию, шестой царь Рима упразднил родовые трибы и разделил город и его владения на 4 городские и, видимо, 17 сельских триб, построенных по территориальному принципу. Вторым этапом было деление всего населения, патрициев, плебеев и клиентов, по имущественному принципу на 5 классов. Нижним уровнем для 1 класса было 100 000 ассов, 75 000 — для второго, 50 000 — для третьего, 25 000 — для

четвертого и 12, 5 или 11 000 ассов — для пятого. Люди, имевшие меньше 11 000 ассов (римская «черта бедности»), именовались *capite censi* («оцененные головой») или пролетарии (Liv., I, 42–43; Dion Hal., IV, 15).

Реформы были настолько радикальной социальной революцией, что многие ученые высказывают сомнения в их историчности^{18}. Хотя многие реалии (напр., деление на 5 классов и денежный ценз) могли появиться только в IV в. до н.э., основа реформы несомненно, подлинна. Плебеи, составлявшие основную массу населения, были допущены в легион, что намного увеличило численность армии и стало основой их последующего равноправия. Реформа впервые установила принцип равенства граждан, сделав определяющим денежный ценз. Это было первое массовое расширение гражданского коллектива, беспрецедентное для греческих полисов.

Реформа изменила характер армии и народного собрания. Каждый класс выставлял определенное количество центурий: 1 класс — 80 центурий пехоты, 2, 3 и 4 — по 20 центурий, 5–30. Кроме того, к ним присоединились 18 центурий всадников (самая богатая часть 1 класса), 2 центурии ремесленников, 2 центурии музыкантов и 1 центурия пролетариев. Общее число центурий составляло 193, большую часть из которых имел 1 класс (98 центурий) (Dion Hal., IV, 15–18; Liv., I, 42–3). Основой практически удвоенной или утроенной армии стала фаланга гоплитов.

Наряду со старым собранием по куриям (куриатные комиции), видимо, имевшим чисто патрицианский характер, появляются центуриатные комиции, основой которых стали центурии. Каждая из центурий имела один голос, а результат подсчитывался по их соотношению. Хотя в центуриях преобладал 1 класс (98 голосов), это был значительный шаг вперед по сравнению со старыми собраниями. Вплоть до III века до

н.э., центуриатные комиции были главной формой народного собрания в Риме, большое значение они имели и во II-I вв. до н.э.

Противоречия между царской властью и аристократией нарастали. По традиции, в конце VI в (509 г. до н.э.) произошел переворот, когда группа аристократов, получив поддержку народа, свергла власть Тарквиния. Царь и его семья были изгнаны из Рима. Царская власть была упразднена, а вместо царей стали избирать двух ежегодно сменяемых консулов. Эти события приобрели для римлян знаковый характер, не меньший, чем само основание города, и считались началом римской республики и римской свободы (*libertas*), а лидеры восстания, Л. Юний Брут и П. Валерий Публикола, которых скептически настроенные ученые склонны считать легендарными фигурами, стали отцами-основателями свободного государства.

Легенда о свержении царей, окрашенная в яркие тона, стала одной из центральных в римской анналистике, а ее персонажи, негиббемый первый консул республики Юний Брут, талантливый политик и полководец Валерий Публикола, чистая и благородная Лукреция, которая предпочла смерть позору, героиня войны, Гораций Коклес и Муций Сцевола, мужественная и изобретательная заложница Клелия, были теперь знаковыми фигурами «римского мифа». Столь же знаковыми стали и фигуры тирана Тарквиния, его сына, насильника Секста, и «благородного врага», этрусского царя Порсены, пришедшего на помощь Тарквинию, но затем отказавшегося воевать с получившим свободу народом. Миф о перевороте неизменно играл охранительную роль, защищая Рим и его строй. Даже во времена Цезаря он был опасным оружием в руках политиков, стремившихся повернуть вспять развитие истории.

Важнейшим итогом переворота было обретение Римом национальной независимости и начало республики. За это пришлось заплатить дорогую цену. Как это часто бывает, плодами этих событий могли воспользоваться только последующие поколения.

2. Итальянская республика

Первые десятилетия после свержения царей, как, впрочем, и почти весь V в. до н.э., стали временем спада и потери практически всех завоеваний царской эпохи. Согласно традиции, Тарквиний бежал к царю Клузия Ларсу Порсене, с которым римляне выдержали тяжелую войну. Патриотическая традиция (Ливии, Дионисий Галакарнасский) сообщает о почетных условиях мира (Liv., 1, 13-4), но, вероятно, она выдает желаемое за действительное. Многие ученые полагают, что Рим попал под власть этрусков. Положение спасли греки. Наступление Порсены на Рим было частью большого наступления этрусков в Кампании, остановленного греками под руководством правителя Кум Аристодема. В 524 г. до н.э. Аристодем разбил этрусский флот при Кумах, а в 507 г. греки одержали победу под Арицией. Римляне, согласно Ливию, дали убежище остаткам побежденной армии, после чего Порсена принял их условия (Liv., I, 15). Дело было не только в благодарности, этруски, вероятно, уже не могли удержать Рим под своим контролем.

Так или иначе, в V в. до н.э. Рим вышел из «этрuscoй зоны», что имело не только позитивные последствия. Итогом стал упадок экономики, прогрессирующая аграризация общества, ослабление торговых связей, исчезновение большого числа предметов этрусского импорта, быта и искусства, упадок строительства. Вероятно, только в IV веке, Рим достиг прежнего экономического и культурного уровня. В отличие от Рима Тарквиниев, Рим этого периода не был заинтересован в морской торговле, денежная система возродилась только к IV веку, исчезли предметы богатого этрусского искусства.

Не менее серьезны были внешнеполитические последствия. Ухудшилось положение на границе с этрусками. Главным врагом Рима стал большой город Вейи. Положение на юге и востоке также резко изменилось не в пользу римлян. С Апеннинских гор спустились племена эквов и вольсков. Вместе с сабинянами они постоянно атаковали ослабевшее римское государство. Особых успехов достигли вольски, занявшие юг Латинской равнины. В 491 г. они впервые заявили о себе, заняв ряд городов и дойдя до Рима, что отразилось в римской легенде о Марции Кориолане (Liv., I, 39-40). Фактически рухнула и римская гегемония в Латинском союзе. Волнения начались уже в 501 г., когда латины во главе с Октавием Мамилием поддержали Тарквиния, выступив против Рима, лидером антиримской коалиции стал Тускул, к которому присоединились Ариция, Лаврент, Ланувий, Тибур, Помеция, Ардея и другие города. В 499 (или 496 г.) римляне одержали одну из своих самых больших побед, победу при Регилльском озере. В 493 г. был заключен новый альянс (договор Спурия Кассия), но с гегемонией пришлось распрощаться, союз был абсолютно равноправен (Liv., II, 19; 33).

Свержение царей имело еще одно последствие, начало борьбы между патрицианской знатью и массами плебса. Этрусские цари делали немало популистских жестов, а реформа Сервия Туллия заложила основу прав плебеев. Хотя народ поддерживал восстание, ликвидация царской власти скорее усиливала сословные противоречия. Еще больше их усилило общее падение уровня жизни, вызванное внешним и внутренним упадком.

Переворот привел к власти группу знатных и могущественных патрицианских родов, опиравшихся на сильные клиентелы (Валерии, Лукреции, Горации, Постумии, Сульпиции, Юлии, Фабии, Клавдии и др.).

Именно они фактически монополизировали должности консулов и диктаторов и места в сенате. Царский совет начал превращаться в реальное правительство.

Основная масса плебеев оказалась в крайне тяжелом положении. В Риме V века существовал острейший аграрный голод, который усиливался из-за постоянных войн, неурожаев, эпидемий и внутренних смут. Аграрный кризис был тесно связан с массовой задолженностью плебса и крайне суровым долговым правом. Закон XII Таблиц позволял кредитору казнить несостоятельного должника (Leg. XII Tab., III, 1-8), но римские кредиторы, исходя из экономических интересов, предпочитали продажу должника за деньги или отработку на положении раба или крепостного. Долговое рабство становилось подлинным бичом римского общества.

Все это и определило требования плебеев. Они стремились получить хотя бы какие-то средства к существованию и вырваться из долговой кабалы. С другой стороны, плебеи требовали элементарной правовой защиты (*auxilium*) от произвола магистратов и расширения прав народного собрания. Богатая и знатная элита плебса (при республике в плебс зачисляли все пришлое население, включая богатых людей и местную знать) шла дальше, требуя правового паритета сословий.

Первые две трети V века были одним из самых тяжелых периодов в истории Рима. Отступление этрусков и договор Спурия Кассия остановили политический кризис. В 486 г. до н.э. к союзу присоединились герники. Вместе с тем, 90-50-е гг. V века прошли под знаком непрерывных бесплодных войн с вольсками, эквами и сабинянами. Только к 40-м гг. наступает некоторое затишье. На севере шли войны с этрусками. Две большие войны с Вейями пришлись на 479-474 и 437-425 гг. до н.э. Римская традиция

сообщает о непрерывных победах над врагами, но эквы и вольски, возрождаясь словно феникс из пепла, с новыми силами атаковали римлян.

Внутренняя борьба была столь же ожесточенной и бесперспективной. Волнения вокруг аграрного вопроса, раздела добычи и задолженности фактически не прекращались до середины V века. Вместе с тем, конфликты не принимали вооруженного характера и самым эффективным методом плебса был отказ от участия в войне, превращавшийся иногда в массовые уходы из города (сецессии) и ставивший власти в сложнейшее положение.

И все же Рим выстоял. Обе стороны стали приходить к сознанию необходимости компромисса. Процесс шел медленно, патриции и плебеи проходили тяжелый путь осознания себя как единого народа. Первая сецессия плебеев (495–4 гг.) привела к известному признанию их как правового субъекта. Плебеи получили право избирать своих магистратов, народных трибунов, бывших представителями сословия, числом 2 и 5 (Liv., II, 33). Это было и косвенным признанием прав неформальных плебейских сходок, постепенно превращавшихся в новый тип собрания. К 457 г. трибунов стало 10 (Liv., III, 30). Первые трибуны обладали, вероятно, только *ius auxilii*, т.е. правом индивидуальной защиты плебеев. Вероятно, к середине V в. до н.э. из него выросло право интерцессии (вето) на решения магистратов. Именно трибунат стал руководящим органом борьбы плебеев за свои права, часто играя роль «второй власти», и именно на его основе формируется новая элита плебейских лидеров, которая рано или поздно потребует свою долю в управлении. Практически все сколь-нибудь значимые *выступления* плебса возглавлялись трибунами^[5].

К середине V века плебеи добились первого перелома. Итогом длительного противостояния стало

появление римского законодательства, знаменитых Законов XII Таблиц, составленных двумя комиссиями децемвиров в 451–450 гг. Значение события выходит за рамки борьбы сословий. Это был важный акт создания государства и гражданского общества, оказавший огромное влияние на развитие римского права, а Ливии назвал XII Таблиц «источником всего государственного и частного права» (*fons omnis publici privatique iuris*).

Традиция придает огромное значение этому событию, делая его третьим узловым блоком повествования после основания Рима и свержения царской власти (Liv., III, 32–55). Законодательный орган едва не стал тиранией, а децемвиры во главе с Аппием Клавдием были свергнуты совместными усилиями народа и сенатской оппозиции во главе с М. Валерием и Л. Горацием (Liv., III, 56–58). Символом национального примирения стали законы Валерия-Горация (449 г.), признавшие правомочность плебисцитов (постановлений плебейских собраний), незыблемость права провокации (апелляция к народу на смертный приговор) и неприкосновенность (*sacrosanctitas*) трибунов (Liv., III, 55). Закон Дуиллия подтвердил обязательность их выборов (Liv., III, 55). В 445 г. закон Канулея разрешил браки патрициев и плебеев (Liv., IV, 1–2), а с 444 г. появляется новая должность военных трибунов с консулярной властью (*tribuni militum consulare potestate*), которых могли выбирать вместо консулов. Хотя бы в теории должность была доступна плебеям^{19}. Происходит известное «дробление» высшей власти. В 443 г. до н.э. из компетенции консулов изымаются полномочия, связанные с переписью граждан, которые были переданы цензорам (Liv., IV, 8), а с 447 г. квесторов, бывших помощниками консулов, стал избирать народ.

Последняя треть V века стала временем первых внешнеполитических успехов. В 431 г. до н.э. диктатор А. Постумий Туберт в большом сражении на р. Альгид

разбил соединенные силы эквов и вольсков (Liv., IV, 27–29). Значение Альгидской битвы показывает и то, что мы знаем ее точную дату (16 июня) (Ovid. Fast., VI, 727). Римляне развернули наступление, сопровождаемое выводом колоний. В 418 г. выводится колония в Лабик, в 414 г. — в Болы (Liv., IV, 47; 49). Еще раньше некоторые плебеи получили землю по закону Ицилия (456 г.), а в 446 г. появилась Скаптиева триба (Ibid., III, 31–32; 71–72). На севере Вторая война с Вейями (437–425 гг.) прошла с явным преимуществом римлян.

Впрочем, главный успех был впереди. В 406 г. Рим начал осаду Вей, превратившуюся в войну с большинством городов юга Этрурии. Тяжелая война завершилась в 396 г. до н.э., когда диктатор М. Фурий Камилл взял город при помощи подкопа. Захват территории Вей был беспрецедентным расширением римских владений, во многом решившим проблему земельного голода. В руки римлян попало 75 000 га земли, а в 387 г. на этой территории появились 4 новые трибы: Стеллатина, Троментана, Сабатина и Арниенсис (Liv., VI, 5). Римляне развернули наступление, в 395 г. сдались Капены и Фалерии, в 392 г. был заключен мир с Вольсиниями. Весь юг Этрурии оказался под властью Рима, а основными форпостами стали две новые колонии, Сутрий и Непете.

В 390 г. произошло новое знаковое событие — первое нашествие галлов. Разгром при Аллии (18 июля) был одним из самых больших поражений римской армии, за которым последовал захват Рима и семимесячная осада Капитолия, после чего галлы ушли, получив большой выкуп. Рассказ римских историков об их разгроме на обратном пути, видимо, по меньшей мере, сильно преувеличен (Liv., V, 36–49).

Последствия галльского разгрома были значительны. Рим получил нового страшного врага, угрожавшего ему на протяжении всей истории республики. Набеги галлов

терроризировали северную и центральную Италию, особенно усилившись в середине IV века (367, 361, 360, 358, 350, 349 гг. до н.э.) (Liv., VI, 42; VII, 9-11; 12-15; 23-26) и продолжая тревожить римлян в III и даже II вв. до н.э. Галлы были не только самостоятельной угрозой, они активно участвовали во всех крупных войнах против Рима, включая Самнитские войны и поход Ганнибала. Большие войны с галлами приходятся на 285-282, 227-223 и 200-197 гг. до н.э., они играли большую роль в страшном нашествии кимвров и тевтонов в конце II века. Черту под этим противостоянием, наверное, самым опасным в истории республики, подвел Цезарь.

Последствия погрома были драматичны. Активизировались все старые противники Рима, эквы, вольски, этруски, сабиняне. Город был разрушен набегом, начался кризис, рост задолженности, долговые волнения, выросла социальная напряженность. Вместе с тем, поражение заставило римлян мобилизовать все свои усилия. В рекордный срок был отстроен город (Liv., V, 50-55), появились новые стены. Происходит военная реформа, которую, равно как и победы 90-70-х гг., связывают с именем одного из крупнейших полководцев Рима, М. Фурия Камилла. Легионы стали строиться не по цензовому, а по возрастному принципу в три линии (гастаты, принципы и триарии), кожаный шлем сменился металлическим.

С 80-х гг. IV века римляне перешли в новое наступление, прерванное галльским погромом. В 389 г. Камилл разбил эквов у Бол, а в 388 г. этот противник был надолго выведен из строя (Liv., VI, 2-3). К середине 80-х гг. римляне восстановили положение на юге Этрурии (Liv., VI, 4-5). Особенно тяжелой была война с вольсками, завершившаяся лишь к 377 г. до н.э. (Liv., VI, 6-32). Союзниками вольсков были латинские города (Тибур, Пренесте, Приверны). На помощь последним пришли галлы, не раз вторгавшиеся в Лациум и

прорывавшиеся к Риму. Только в 358 г. новый договор сделал Рим гегемоном Латинского союза (Liv., VII, 12). К середине IV века Рим был уже сильнейшей державой центральной Италии, утвердившей свой контроль над Лациумом и подчинившей юг Этрурии, области герников и аврунков, а отчасти — эквов и вольсков. Цензы показывают значительный рост числа граждан: со 103 000 в 474 г. (Dion. Hal., IX, 36) до 152 573 в 392 г. (Liv., V, 31-36) и 160 000 — в 340 г. {20}

Чуть позже наступил перелом в борьбе патрициев и плебеев. После непрерывного кризиса в 80-е гг., в 376 г. до н.э. два народных трибуна, Г. Лициний Столон и Л. Секстий, предложили три законопроекта, объединивших все основные требования плебеев. Первый закон ликвидировал долгосрочные долговые обязательства и отменял большие проценты, второй ограничивал земельные владения нормой в 500 югеров, а количество скота — 100 головами крупного и 500 — мелкого. Третий закон упразднял должность трибунов с консульской властью и закреплял одно из консульских мест за плебеями, создавая паритет высшей власти (Liv., VI, 35). Патриции яростно сопротивлялись, что вызвало десятилетний политический кризис. С 375 по 371 г. патриции не могли избрать консулов, а плебеи избирали трибунами Лициния и Секстия. Только к 367 г. законы были приняты (Ibid., VI, 38-41), а Л. Секстий стал первым консулом-плебеем. Законы не решали всех проблем, но это был несомненный прорыв. В последующее столетие патриции постепенно сдают одну позицию за другой.

Начался период решающих успехов в борьбе за Италию. Продвижение римлян в Кампании столкнуло их с самнитами. В это длительное противостояние были вовлечены многие крупные народы Италии: этруски, умбры, луканы, народы Аbruццо. Участвовали в нем и галлы. Первая Самнитская война (343-341 гг. до н.э.), несмотря на победные реляции римских анналистов (Liv.,

VIII, 32–7), вероятно, была относительно небольшим столкновением с довольно скромными результатами. Римляне были вынуждены прервать ее в условиях начавшегося восстания латинских союзников, к которым присоединились вольски и кампанцы.

Более важной оказалась Латинская война (340–338 гг. до н.э.). После ряда тяжелых сражений (у Минтурн, Трифана и Педа) (Liv., VIII, 12) Рим победил. Вскоре прекратили сопротивление вольски. Воспользовавшись победой, римляне провели новое устройство Лация. Латинский союз был распущен. Ряд крупнейших городов (Тускул, Арция, Ланувий, Пед, Номент и др.) получили римское гражданство, некоторые (Тибур, Пренесте) лишились части земель, в другие (Велитры) выводились колонии. Колония выводится и в крупнейший город вольсков, Анций. Многие города Кампании (Капуя, Кумы, Суэссула, Фунди, Формии) получили права гражданства без политических прав (*ius civitatis sine suffragio*). На месте Латинского союза возникло фактически унитарное Римское государство. Цензы отмечают беспрецедентно резкий рост числа граждан: 160 000 в 340 г. и 250 000 в 332 г. (Veil., 11, 2; 82; Liv., III, 17, 11).^{21} Это число мало изменилось до середины II века до н.э.

Решающим столкновением между Римом и самнитами была 2 Самнитская война (328–304 гг.). После тяжелой войны в Самний (327–322 гг.), римляне потерпели серьезное поражение. В Кавдинском ущелье римская армия была блокирована самнитами, разоружена и проведена под ярмом. После Кавдия римляне долго не решались атаковать Самнитские горы. Теперь пришлось полностью изменить тактику. В 320–317 гг. римляне закрепились в Апулии, а в 316–313 гг. операции были перенесены в Кампанию, где обе стороны пытались вырвать инициативу друг у друга. К 311 г. римляне выиграли борьбу за Капую, с 311 г. началось медленное наступление на Самний, тогда же

открылся новый фронт на севере. Этруски атаковали римские колонии. Впрочем, уже в 310 г. талантливый римский полководец Кв. Фабий Руллиан заставил этрусков заключить мир, а в 308 г. сдались главные противники Рима, Тарквинии и Вольсинии. В 310–306 гг. римские армии постепенно углублялись вглубь Самния, а самниты несколько раз прорывались в Кампанию и Лаций. В 305 г. пала столица самнитов Бовиан, а в 304 г. война закончилась. Хотя римляне заняли только область верхнего Лириса, военная мощь самнитов была сломлена.

После победы над самнитами, римляне продолжили уже мирное наступление. Небольшие народы сдавались без боя или вступали в союз с Римом. В 304 г. римляне разгромили восставших эквов, тогда же сдались пелигны, союзниками Рима стали марруцины, френтаны и марсы, в 302 г. был заключен союз с вестинами, в 299 г. — с пицентами. Римское продвижение в Лукании вызвало 3 Самнитскую войну (298–290 гг.). Преимущество Рима было бесспорно. Уже в первый год консул Гней Фульвий вторгся в Самний, разбил противника и взял Бовиан. Походы римских армий под командованием двух выдающихся полководцев, Кв. Фабия Руллиана и П. Деция Муса, привели к опустошениям Самния и поставили самнитов на грань разгрома. В 295 г. в Италии появились галлы, к ним присоединились этруски, на соединение выступили главные силы самнитов во главе с Гелием Эгнацием. Против них двинулась римская армия во главе с Фабием и Децием. Битва при Сентине была самым большим сражением Самнитских войн. Силы коалиции были разбиты, немалые потери понесли и римляне, но остановить их было уже невозможно. В 293 г. самниты были снова разбиты при Аквилонии. Римские вторжения в Самний продолжались, а в 290 г. консул Маний Курий Дентат заставил самнитов капитулировать.

Римские армии продолжали триумфальный марш по Италии. Одновременно с Самнитскими войнами была занята большая часть Этрурии, союзниками Рима стали Вольсинии, Перузия и Арреций. Победитель самнитов, Курий Дентат, подчинил сабинян. Римляне вышли к галльским границам, на севере появились колонии Сена и Адрия. Это была первая война с галлами, где наступающей стороной были римские легионы. В 284 г. Курий Дентат разбил сенонов и занял их территорию, в 283 г. с севера вторглось войско бойев, однако у Вадимонского озера консул Корнелий Долабелла нанес им сокрушительное поражение. В течение двух последующих десятилетий римляне вышли к долине Пада и закрепились в Этрурии.

На юге римляне вышли к греческим городам юга Италии. Страдая от набегов луканов и бруттиев, некоторые колонии были готовы признать покровительство нового гегемона, другие, во главе с Тарентом, готовились к борьбе. В качестве союзника они пригласили эпирского царя Пирра, одного из лучших полководцев раннеэллинистической эпохи. Это была первая война нового типа, которую вели римляне. Пирр прибыл в Италию с 20 000 гоплитов, 2000 стрелков и 3000 всадников, пополнив войско за счет местных ополчений и наемников. Риму противостояла эллинистическая армия, качественно превосходящая всех его прежних противников. Особую опасность представляли 20 слонов. Летом 280 г. у Гераклеи Пирр разбил римлян. Греческие города встали на сторону эпирского царя. Через Самний и Кампанию победитель двинулся на Рим, но был вынужден отступить. В 279 г. при Аускуле Пирр снова одержал победу. На его сторону перешли самниты, луканы и бруттии. Вместо «легкой прогулки», Рим получил тяжелую войну.

Римляне по обыкновению, перешли к затяжной войне. Большая часть италийских союзников осталась

верна Риму, наоборот, коалиция Пирра оказалась достаточно аморфной. В этой ситуации Пирр совершил стратегическую ошибку, приняв предложение сицилийских греков возглавить их в борьбе против карфагенян. Осенью 278 г. Пирр с 10-тысячным корпусом переправился в Сицилию и начал теснить карфагенян к западной части острова. Война развивалась по «италийскому» сценарию: карфагеняне упорно оборонялись, а среди греческих союзников царя росли разногласия и недовольства. Получив передышку, римляне восстановили свое господство над луканами и бруттиями и подходили к греческим городам. Теряя позиции в Сицилии, Пирр вернулся в Италию. В 275 г. произошло сражение при Беневенте, закончившееся победой римлян. Поражение имело скорее политический характер, Пирр сохранил ядро армии, однако, потеряв надежду на успех, покинул Италию (275 г.). В 272 г. римские войска заняли Тарент, в 270 г., взяв Регий, они вышли к Мессанскому проливу.

Эпоха Самнитских войн стала временем завершения борьбы патрициев и плебеев и создания той политической системы, которая просуществовала вплоть до кризиса конца II в. до н.э. и обычно считается римской республикой.

Завоевание Италии решило аграрную проблему. Если до 80-х гг. IV века римляне вывели всего 11 сравнительно небольших колоний, то в период 379–241 гг. до н.э. появились еще 23. Среди них были такие крупные города, как Велитры, Сора, Аримин, Беневент, Брундизий. Как полагают исследователи, землю в колониях получили около 50 000 человек (1/4 и 1/5 всех граждан). После Латинской войны, Рим отнял крупные земельные массивы у латинов и кампанцев, в 332 г. появились Мециева и Скапциева трибы, в 318 г. — трибы Уфентина и Фалерна. В 299–241 гг. возникли еще 4 трибы: Арниенсис, Терентина, Квирина и Велина. Общее

число триб достигло 35. Аграрные волнения прекратились до II века, а площадь *ager Romanus* составила около 1/3 площади Италии. В руки римлян попало такое количество земли, что ее освоение растянулось на весь III век.

Решение долговой проблемы началось в 50-40-е гг. IV века, а в 326 г. (или 313 г.) появился закон Петелия-Папирия, запретивший рабство за долги и провозгласивший, что за них должно отвечать только «имущество должника, а не его тело» (Liv., VIII, 29; Varro *De l. lat.*, 105). Ливии назвал закон «вторым началом римской свободы» и отныне любой римский гражданин получал гарантии своего свободного статуса.

Видимо, следствием этих перемен стало изменение статуса народного собрания. Рим все больше переходит к новой комициальной системе, когда наряду с центуриатным собранием, набирали силу неформальные собрания плебеев по трибам. Закон Валерия-Горация (449 г.), признавший их статус, вероятно, не соблюдался. Потребовались новые законы. В 339 г. диктатор Кв. Публилий Филон провел три закона. Два из них создавали новый статус комиций. Плебисциты приобретали силу закона (*lex*). Второй закон ликвидировал утверждение со стороны *patres* (сената или куриантных комиций), которое теперь давалось до голосования. Народное собрание стало суверенным органом (Liv., VIII, 12). В 287 г. происходят волнения должников, возможно, вышедшие за рамки долгового вопроса. Новый диктатор Квинт Гортензий фактически подтвердил закон Публилия.

Медленно, но верно делал свое дело и закон Канулея о браках. Вероятно, в течение нескольких поколений создается значительная прослойка людей смешанного происхождения, ставших частью правящей элиты. Деление на патрициев и плебеев в римских верхах приобретало все более формальный характер. Как

показывает пример самого Цезаря, представитель древнейшего рода Юлиев, Корнелиев или Фабиев мог принадлежать к плебейскому роду через мать, бабушку или жену и, наоборот, в жилах человека, носящего скромную плебейскую фамилию, могла течь кровь древнего рода, восходящего к царской эпохе. В IV веке это слияние еще не закончилось, но именно тогда плебейская знать потребовала своей доли власти.

Переломом стал закон Лициния-Секстия, по которому один из консулов должен был быть плебеем. Добиться реального соблюдения закона было сложнее, только с 342 г. в фастах регулярно появляются консулы-плебеи. Второе место не было регламентировано, но неписанным правилом стало оставление его за патрицием. После этого доступ к должностям был открыт. В 356 г. двоекратный консул Г. Марций Рутил стал первым плебеем-диктатором, в 351 г. он же первым из плебеев добился цензуры (Liv., VII, 17; 22). В 339 г. по закону Публилия одно место цензора сохранялось за плебеями, в 337 г. плебей впервые стал претором (Liv. VIII, 15). В 300 г. пал последний бастион патрицианской власти. По закону Огульниев плебеи получили половину мест в двух главных жреческих коллегиях, авгуров и понтификов (к 4 авгурам и 4 понтификам-патрициям было добавлено 4 авгура и 5 понтификов-плебеев).

Эти события положили начало созданию смешанной патрицианско-плебейской знати, нобилитета. К патрицианской знати постепенно присоединялись семьи плебейской верхушки из числа трибунских семей, италийской знати и людей, выдвинувшихся в победных войнах. Плебейские роды Лициниев, Генуциев, Марциев, Публилиев, Дециев, Плавтиев, Юниев, Фульвиев, Семпрониев, Цецилиев и др. заняли место рядом с древними патрицианскими родами Корнелиев, Фабиев, Эмилиев, Юлиев, Валериев, Клавдиев. Из родовой аристократии знать становилась служилой, а ее

положение определялось должностью и заслугами, хотя тенденция к наследственности и замкнутости сохранялась и далее.

Итак, к III веку сложилась та политическая, социальная и правовая система римского общества, которая с относительно небольшими изменениями сохранилась до времени Цезаря. Сложилась и другая основа римского могущества, объединенная Италия.

3. Римская политическая система

Само понятие *res publica* содержит в себе известную двойственность. Это слово означало государство вообще, не будучи привязано к конкретному политическому строю^{22}. Вместе с тем, в нем содержится тот оттенок, который привел слово к современному значению, т.е. государству, власть в котором принадлежит выборному органу и имеет коллегиальный характер. Цицерон связывает *res publica* с властью народа и свободой (*libertas*) (Cic. De re p., I, 36; 42; 44; 48).

Основой римской системы была система гражданства. Составными частями *status civitatis* были следующие: (*ius connubii*) право вступать в квинитский брак, дети от которого становились гражданами по рождению; (*status libertatis*) личная свобода; *ius commercii* (имущественная правоспособность и защита ее государством); право иметь долю на общественной земле; активное и пассивное избирательное право (*ius suffragii ius honorum*); право провокации (апелляции к народному собранию) и право носить особую одежду (тогу). Первоначально полные права гражданства имели только патриции, к концу IV века плебеи стали полноправными гражданами.

После завоевания Италии Рим ставил разные народы на разный уровень подчинения, зависящий от обстоятельств завоевания. Часто эту сложную организацию именуют Римско-италийской федерацией, что, видимо, верно по сути, но не отражает ее правовой статус. Новый союз сочетал принципы полиса, гегемониальной симмахии, федерации, конфедерации, союзного и даже унитарного государства. Единого федерального договора не было, его заменяла

совокупность договоров между Римом и каждым отдельным членом союза. Не было и союзных органов власти, их место занимали римские властные структуры.

Наиболее привилегированной частью населения Италии были римские граждане. Это были жители Рима, римских колоний и территории римских триб. Кроме того, римское гражданство получили некоторые народы Италии, в основном — латины. Ядром этой территории были области Лациума, юга Этрурии, области сабинов и ряд приморских городов. Римские колонии были форпостами римской власти и средством обеспечения граждан землей. К категории римских граждан относились и так называемые муниципалы, жители самоуправляемых городов. Муниципий имел самоуправление по типу Рима с народным собранием, сенатом (курией) и магистратами (дуумвиры, эдилы, квесторы и др.). Муниципии делились на две категории: с правом голоса (*cum suffragio*) и без права голоса (*sine suffragio*). Первые имели все политические и имущественные права римских граждан, вторые, обладая всеми имущественными и личными правами, не имели права голоса. Права первого типа впервые получил Тускул (381 г.), позже они распространились на многие города Лация. Категория *sine suffragio* в большом количестве появилась в начале Самнитских войн (аврунки, Капуя, Цере, Неаполь и др.). Римские граждане составляли около трети населения Италии. В основном, это были области, контролируемые Римом накануне Самнитских войн.

Промежуточную категорию составляли латины. Еще со времен царской эпохи члены Латинского союза имели ряд привилегий. Они не были римскими гражданами, но служили в особых легионах и имели *ius commercii* и *ius connubii* (их браки с римлянами считались равноправными). Латинские города имели положение, сходное с муниципиями, сохраняли самоуправление, но

были обязаны давать Риму войска и платить налоги. После 338 г. большинство собственно латинских городов получили статус римских граждан, однако статус латинов стал распространяться на выводимые римлянами колонии. К III веку их было около 30, в т.ч. Аримин, Адрия, Венузия, Луцерия, Сора, Брундизий, Эзерния. В случае переселения в Рим, латины получали гражданство, чуть позже возникли некоторые ограничения. Гражданство получали и члены местных сенатов и магистраты.

Большинство городов и общин Италии считались союзниками (*socii*). В основном это были народы, попавшие под власть Рима после Самнитских войн: самниты, луканы, умбры, этруски, апулийцы, группа небольших народов центральной Италии (народы Аbruццо) и др. Формально союзники были независимы и имели самоуправление, реально это были вассалы Рима. Они должны были поставлять римлянам военные контингенты, составлявшие около половины римской армии, платить дань и нести другие повинности. Отношения римлян и союзников регулировались договорами, фактически лишавшими союзников самостоятельной внешней политики. К категории «морских союзников» (*socii navales*) относились и греческие полисы, поставлявшие Риму флот. Небольшая часть италийцев (напр. бруттии) были поданными (дедитициями), прямо подчиненными римской администрации.

Согласно Полибию, в 227 г. перед лицом угрозы войны с галлами, римские власти отдали приказ провести по всей Италии перепись боеспособного населения. Римские граждане составили 273 000 человек, жители латинских колоний — 85 000, союзники — (без греческих городов)- 350 000. Из последних 20 000 составили умбры, 54 000- этруски, 77000 — самниты, 66 000 — апулийцы и мессапы, 33 000 -луканы, 24 000 —

народы центральных Апеннин. Если военнообязанных мужчин было около 800 тысяч (Polyb., II, 27), то общее население достигало 2, 5-3 млн. Эта картина мало изменилась вплоть до Союзнической войны 90-88 гг. до н.э.

К III в. до н.э. сложилась и политическая система республики, состоящая из трех элементов: народного собрания, магистратов и сената. В Риме существовали три типа политических собраний народа (contio, concilia, comitiae). Contio представляло собой любое собрание народа, не имевшее формального характера и напоминавшее современный митинг. Concilia применялось к собранию какой-либо части народа (concilia plebis), тогда как comitiae были правомочными народными собраниями, принимавшими правовые нормы, обязательные для римских властей. От царского периода республика унаследовала три типа комиций: куриатные, центуриатные и калатные^[6], в процессе борьбы патрициев и плебеев появился четвертый тип, трибутные комиции. Общим для всех видов собрания была инициатива магистрата. Последний созывал собрание, председательствовал в нем, выступал сам и определял, кому дать слово. Магистрат закрывал собрание и делал ренунциацию, т.е. объявлял результаты голосования. На комициях не должно было быть дискуссий, народ только голосовал.

Куриатные комиции были самым древним видом собрания. Народ собирался по куриям (всего 30), каждая из которых имела один голос. К III веку архаичное и, по сути, патрицианское собрание стало оттесняться на второй план собраниями центурий и триб. За куриями оставалось право пополнения патрициата и принятие *lex curiata de imperio*, т.е. утверждения империя магистратов. К I веку они почти перестали собираться, а формальные процедуры выполняли 30 ликторов.

Наоборот, центуриатные комиции, созданные Сервием Туллием, стали в V–III вв. до н.э. главным видом собрания, сохраняя большое значение и во II–I вв. Собрание имело военный характер. Собрать его мог магистрат, наделенный военной властью (империем). Это были консулы, преторы или аналогичные экстраординарные магистраты (диктатор, децемвир, интеррекс, начальник конницы). Комиции собирались на Марсовом поле, а на Яникуле поднимали красный флаг.

После сбора народа, магистрат совершал гадания (ауспиции) и начинал собрание, целью которого было голосование. До середины III века сервианская система сохранялась, серьезная реформа происходит в эпоху Пунических войн, когда центуриатные комиции приводятся в соответствие с трибутной системой. Каждая триба выставляла по 10 центурий, а каждый класс имел по 2 центурии в каждой трибе. Число центурий значительно выросло. К 350 основным центуриям (2 центурии x 5 классов x 35 триб) прибавлялись прежние центурии всадников, ремесленников, музыкантов и пролетариев (всего 23). Новая система уравнивала в правах все имущественные классы, сохраняя и известное преобладание имущих слоев.

Главными сферами деятельности комиции были принятие законов, выборы и юрисдикция. Судя по всему, центурии принимали все основные законы, сохраняя эту монополию вплоть до законов Филона и Гортензия. Более конкретная компетенция центурий была связана с военными вопросами. Собрание решало вопросы войны и мира, вопросы раздела военной добычи и выбирало магистратов с империем (консулы, преторы, военные трибуны с консулярной властью) и цензоров. Возможно, их прерогативой было принятие конституционных законов, например, законов XII Таблиц (Liv., III, 34). К

центуриям апеллировали на смертные приговоры, иногда они выступали как высшая судебная инстанция.

Трибутные комиции возникли из стихийных сходок плебеев. После законов Филона и Гортензия, эти собрания стали полностью правомочными. Строго говоря, существовали два собрания, *concilia plebis* и *comitia tributa*. Первые сохранили чисто плебейский состав и теперь использовались только для выборов народных трибунов и плебейских эдилов, вторые включали и патрициев. Голосование в трибутных комициях проходило по трибам, каждая из которых имела 1 голос. К III веку число триб достигло 35 и далее не менялось, 31 считалась сельской, 4 — городскими. Трибы были бессловны, в них входили патриции, плебеи, либерты и клиенты, для вхождения в них не требовалось имущественного ценза. Процедура была проще, трибутные комиции мог созывать любой магистрат, народ собирался в части Форума, именуемой Комицием. Постепенно законодательство стало переходить к трибам. Наоборот, в области выборов они уступали центуриатным комициям, выбирая низших магистратов (квесторы, курульные эдилы, военные трибуны). На *concilia* выбирались трибуны и плебейские эдилы.

Формально народное собрание было суверенным органом^[23]. Оно принимало все основные законы, избирало всех магистратов и было последней инстанцией в криминальном процессе. Закон, принятый комициями, имел преимущество перед любой другой правовой нормой. С другой стороны, ученые полемизирующие с этой идеей Т. Моммзена, отмечают множество факторов, ограничивающих идею суверенитета (особая роль магистрата, предварительное обсуждение и утверждение со стороны сената, неравноценность голосов и манипуляции властей)^[7].

Только в конце II века до н.э. римляне перешли к тайному голосованию.

Развитие принципа народовластия в Риме претерпело определенную эволюцию. Уже в царский период наряду с патрицианскими собраниями по куриям появилась центуриатная система, вначале отражавшая интересы богатой части общества, а затем — зажиточного военнообязанного населения. «Демократия» римских центурий была «умеренной демократией» среднего класса, которую идеализировали Платон и Аристотель. Другую систему олицетворяли трибы, бывшие собранием народа, основу которого составляли низы общества.

Магистратская система создавалась постепенно. В V веке появились консулы, а возможность временного восстановления единоличной власти давала диктатура, ограниченная 60-дневным, а затем — 6 месячным сроком. Ограничение консульской власти началось с середины V века. С 444 г. консулов стали заменять военными трибунами с консулярной властью. В 433 г. появились цензоры, в 427 г. выборной стала должность квестора. С 366 г. консульская система установилась окончательно, тогда же появилась претура. К концу IV века доступ ко всем этим должностям получили плебеи. В почти неизменном виде эта система просуществовала до конца республики. Большинство магистратов избирались в народном собрании большинством голосов, назначались только некоторые чрезвычайные должностные лица, в т.ч. диктаторы и начальники конницы.

С IV века начались два параллельных процесса, установление магистратской иерархии и ограничение занятия должности одним лицом. В 342 г. закон Генуция запретил занятие двух магистратур в один год и переизбрание на одну и ту же должность в течение 10 лет. В 180 г. это правило было подтверждено законом

Виллия, установившим возрастной ценз и последовательность должностей (*cursus honorum*). Основными этапами карьеры были квестура, претура и консульство, между которыми должно было пройти два года. Минимальным возрастом для квестора было 28 лет, для претора — 31 год, для консула — 34 года. Закон Виллия стал основой для магистратской иерархии. Молодой политик начинал карьеру с коллегии 26-ти, должности военного трибуна и квестуры, затем он становился эдилом и (если он был плебеем) народным трибуном, после чего следовали претура и консульство. Только консуляр мог стать диктатором и цензором. Экстраординарные должности были необязательны.

Магистратуры имели ряд признаков различия. Они делились на ординарные, избираемые постоянно и на определенный срок, как правило — на год, и чрезвычайные (экстраординарные), избираемые или назначаемые в особых ситуациях. Ординарными были консулы, цензоры, преторы, народные трибуны, эдилы, квесторы, экстраординарными — интеррекссы, диктаторы, начальники конницы, члены различных особых комиссий. Другими делением было деление на магистратов с империем (*cum imperio*) и без империя (*sine imperio*). Империй давал военную власть и сильную степень независимости от власти коллегиальной. Империй был у консулов, преторов и диктаторов, остальные его не имели.

Сложная система магистратур дополняла друг друга. С одной стороны, практически все они выбирались народом, будучи независимы друг от друга, с другой стороны, логика требовала наличия определенной вертикали власти. Сочетание этих принципов вызвало деление на старших (*maiores*) и младших (*minores*) магистратов, соединенных отношениями субординации и интерцессии. Субординация, впрочем, понимаемая достаточно

неопределенно, заключалась в обязанности младших магистратов подчиняться приказам старших. Интерцессия была правом высшего или равного по рангу наложить запрет (вето) на решение младшего. Интерцессия была не только признаком старшинства, но и, в известной мере, демократическим институтом. «Запрещающий» (intercessor) был всегда сильнее «предлагающего» (lator), а меньшинство коллегии могло таким образом сопротивляться решениям большинства. Наивысшей была интерцессия народного трибуна, действующая против любого магистрата (в том числе — консула) и даже против сената и самой коллегии трибунов. Ветви власти во многом дополняли друг друга. Консулы и преторы выполняли управленческие функции, цензоры комплектовали состав общины и ее правящих органов, трибуны были органами контроля. Младшие магистраты, эдилы и квесторы, имели особые сферы полномочий.

Консулы были высшими магистратами республики. Они ежегодно избирались на центуриатных комициях под предводительством консула, диктатора или интеррекса, были эпонимами и имели царские инсигнии, курульное кресло и 12 ликторов. Имена консулов записывались в специальные списки (фасты). Консулы вступали в должность 1 марта (позже — 1 января).

Можно признать правомерность точки зрения Т. Моммзена и его школы, считавшей власть консула универсальной и не ограниченной какой-либо определенной компетенцией^{24}. Консул руководил всей жизнью государства, играя роль президента или премьер-министра. В V-III вв. до н.э. именно консулы командовали армиями. Обычно один консул оставался в Риме, а второй отправлялся на войну, часто военная необходимость требовала участия обоих консулов, которые могли действовать во главе собственных армий или (реже) — объединенных сил. Находясь в Риме,

консулы руководили работой комиций и сената. Особое значение имела консульская интерцессия, действующая против любого магистрата, кроме трибуна.

Власть римских магистратов, как правило, представляется в научной литературе, как нечто постоянное, однако перемены постепенно происходили. В первой половине V в. до н.э. консул отвечал за все, будучи верховным главнокомандующим, председателем сената и народного собрания и главой гражданской администрации, наделенным, к тому же цензовыми функциями. В IV–III вв. консулы еще сохраняли функции командующих и глав гражданского управления, но после 2 Пунической войны они все больше и больше подчиняются сенату и теряют военную власть, превращаясь в сенатских спикеров и глав исполнительной власти. Дальнейшее падение их власти приходится на I век.

Согласно традиции, сразу после закона Лициния-Секстия (367 г.) была создана должность претора, который вначале считался младшим коллегой консулов. В 242 г. до н.э. появился второй претор, что означало создание коллегии. Преторы имели консульские функции в ограниченных рамках. У них был империй, они командовали армиями меньших размеров, помогали консулам в гражданском управлении, имели право созыва комиций и сената. Постепенно главной функцией преторов становятся судопроизводство и частное право. Именно такими «министрами юстиции» стали два первых претора, один из которых, «городской претор» (*praetor urbanus*), руководил юрисдикцией между гражданами, а второй, «иностраный» (*peregrinus*) разбирал дела между гражданами и негражданами. В более раннее время претор чаще играл роль прямого судьи, теперь он все больше становится координатором между различными судебными коллегиями. Претор отвечал и за исполнение приговоров. Новые преторы

имели иные функции. В 227 г. после захвата Сицилии и Сардинии были созданы две новых преторские должности, в 197 г. до н.э. появились еще два претора для управления испанскими провинциями.

Другая ветвь власти, цензоры, появились в 433 г. до н.э. Цензоры выбирались раз в 5 лет. Вскоре диктатор Мамерк Эмилий провел закон об ограничении власти цензоров полутора годами. Три с половиной года их не было (Liv., IV, 24). Принцип коллегиальности проводился здесь особенно жестко. В случае смерти или отставки цензора, второй снимал власть. В 265 г. пере выборы в цензоры были запрещены по закону, впрочем, их не было и ранее. С III века цензорами могли быть только консуляры, а цензура считалась *summus honos*.

Цензоры избирались на центуриатных комициях. Империя у них не было, цензоры не имели законодательной инициативы и исполнительной власти. Основной функцией было проведение переписи населения: составление списков триб и центурий и списков военнообязанных. Любой гражданин мог лишиться прав по воле этих магистратов. Римские цензы играли важнейшую роль в жизни общества, позволяя реально учитывать возможности Рима^{25}. С этой функцией были связаны две другие, более частные, но крайне важные: составление списков сената (*lectio senatus*) и перепись всадников (*recognitio equitum*).

Не имея криминальной юрисдикции, цензоры контролировали нравственность граждан. Эта функция называлась *cura legum et morum* или *сига morum* и стала своеобразным судом чести римлян в отношении проступков, не наказуемых в уголовном порядке, но неприемлемых с точки зрения морали (непочтение к родителям, дурное отношение к детям и рабам, пьянство, моральная распущенность и т.п.). Наказания были разными: от замечания (*notatio*) до ущемления прав и даже лишения прав гражданства.

Цензоры получили важные финансовые функции. Именно они сдавали на откуп различные повинности: сбор налогов, строительство дорог, построек и акведуков, им же принадлежал верховный контроль за ведением крупных общественных работ, в том числе — больших дорог (Аппиевой, Фламиниевой, Эмилиевой и др.).

Народный трибунал, возникший уже как революционная магистратура, долгое время противостоял официальным властям и выделялся из общей властной системы. Трибуны были лидерами плебса и долго оставались особыми плебейскими должностными лицами, лишь позже вписавшись в структуру государства. Трибуны избирались на *concilia plebis*, а должность мог занимать только плебей. Трибуны вступали в должность 10 декабря и избирались на год. Они не имели империя, а их власть действовала только в черте города и радиусе 1,5 миль.

Трибуны имели *sacrosanctitas* (неприкосновенность), защищавшую их, вероятно, более других магистратов.

Первоначальным правом трибуна было *ius auxilii*, право помощи отдельным плебеям. Двери дома трибуна были открыты и любой нуждавшийся человек находился под его защитой. Трибуны также были защитниками сословия в целом, и из этой функции появилась и трибунская интерцессия. Трибун имел право созывать народное собрание и сенат. Именно от них исходила инициатива аграрных законов и других мер по демократизации политического строя, а большинство реформ V-IV вв. проводилось трибунами. После законов Лициния-Секстия, трибунал стал вписываться в общую систему магистратур.

Видимо, одновременно с трибунами появились и их помощники, плебейские эдилы (*aediles plebes*), числом двое, первоначально бывшие хранителями плебейских храмов Цереры, Либера и Либеры. В 367 г. патриции

создали должность курульных эдилов, но уже в 366 г. она стала доступна плебеям (Liv. VI, 42; II, 1). Две коллегии эдилов имели разнообразные функции. К ним относились *cura urbis* (надзор за порядком в городе), наблюдение за городскими храмами и постройками и состоянием дорог. Другой функцией эдилов была полицейская, и эдил играл роль главного полицмейстера города. Эдилы контролировали цены на рынке и правила поведения в общественных местах. После завоевания Сицилии, им были поручены раздачи хлеба. Наконец, в круг обязанностей эдила входила *cura ludorum* (устройство общественных игр).

Квесторы появились рано, возможно, еще в царский период, как лица, расследовавшие уголовные преступления (*quaestor* от глагола *quaeror* — «расследовать»). Другой функцией была охрана эрария. После 421 г. до н.э. к двум квесторам добавились еще два военных квестора и теперь должность была доступна плебеям (Liv., VI, 42). В 246 г. до н.э. появились четыре новых квестора для управления Италией (в Остии, Кампании, Циспаданской Галлии и Лилибее в Сицилии). Новые перемены были связаны уже с Суллой и Цезарем.

Реальным правительством Рима был сенат. Согласно традиции, к началу республики число сенаторов достигло 300 человек. Оно более или менее сохранялось вплоть до реформ Суллы, а затем — Цезаря. Бывший вначале царским советом, а затем — органом владык рода, сенат уже с IV века становится советом экс-магистратов. Особенностью Рима было отсутствие прямых выборов в сенат со стороны народного собрания, что сближает его скорее с афинским Ареопагом, чем с выборным Советом 500. В царский период сенат назначали рексы, затем — консулы, с 443 г. до н.э. — цензоры. Ревизии списков проводились раз в 5 лет.

Кроме цензоров, пополнением сената занимались диктаторы.

В царский период устанавливается деление на «отцов старших родов» (*patres maiorum gentium*) и «отцов младших родов» (*patres minorum gentium*), а ранние цари ориентировались, прежде всего, на родовую знать. Принцип сохранялся и далее, хотя царь-этруски дополнили сенат своими сторонниками и превратили его в царский совет. При ранней республике аристократический принцип был полностью восстановлен. С IV века сенат состоял из экс-магистратов, и только в случае их нехватки, цензоры включали в список самых богатых всадников. Это определяло и внутрисенатскую иерархию: верхушку сената составляли бывшие цензоры и консулы (цензории и консуляры), далее шли бывшие преторы, трибуны, эдилы и квесторы (претории, трибуниции, эдилиции и квестории). В нижней части этой иерархии находились так называемые педарии, сенаторы, не занимавшие магистратур.^{[26]. [8]}

Республиканский сенат обязательно созывался магистратом, имевшим *ius agendi cum patribus*. Это были консул и претор, а также — диктатор и начальник конницы, позже право получили народные трибуны. Примерно с III-II вв. до н.э. консул окончательно приобретает функции спикера сената, руководящего его работой. В понятие *ius agendi cum patribus* входило много функций: собирать сенат (*vocare*), председательствовать в нем (*senatum habere*), делать доклад (*referre*), проводить опрос мнений сенаторов (*consulere*) и принимать решение (*senatusconsultum facere*). В отличие от большинства государственных советов, сенат не имел определенного места сбора, выбирая различные места, чаще всего — храмы. В эпоху республики это, как правило, были Капитолий (крепость или подножие холма), храм богини Верности (*Fides*),

храм Диоскуров, курия Гостилия, храм Сатурна и другие места.

Вопрос о правовой и политической власти сената представляет особую сложность. Согласно теории Т. Моммзена, сенат, в принципе, был консультативным органом при магистратах, а его реальная власть была результатом фактического положения, т.е. узурпации^{27}. Другие исследователи (П. Виллемс, А. Хойсс, В. Кункель и др.) считают, что сенат имел ряд самостоятельных полномочий, будучи реальным правительством Рима^{28}.^[9] Есть все основания присоединиться к этому мнению.

Consilium считается одной из главных функций сената^{29}. В IV–III вв. до н.э. это совещательное право превращается в фактический арбитраж между магистратами. Сенат начинает распределять их обязанности и давать прямые поручения (Liv., XXII. 8; XXXIII, 24), а также — решать их разногласия. Хотя между магистратом и сенатом могли возникать правовые коллизии, правилом становится то, что магистрат подчиняется воле «отцов», воспринимая ее как прямой приказ. Во время войны сенат становится генеральным штабом римской армии, а письма Цицерона и комментарии Цезаря показывают регулярность донесений, идущих в сенат, и постоянные отчеты командующих армиями и провинциальных наместников. Из consilium вырастает всеобъемлющее право контроля над общественной жизнью.

Сенат играл большую роль в регламентации выборов, временами играя роль избирательной комиссии. Между 444 и 367 гг. он решал вопрос о выборе консулов и военных трибунов. Сенат решал вопрос о назначении диктатора и продлении власти магистратов разного уровня. Он всегда рассматривал вопросы, идущие на народное голосование, а до 339 г. (законы Публилия Филона), вероятно, даже утверждал итоги

последнего. Возможно, это сенатское утверждение было свидетельством того, что выборы прошли без нарушений. Обращение в комиции без санкции сената не было противозаконным (по крайней мере, до Суллы), но явно считалось «аномальным явлением». Функцией сената было и *interregnum*^{30}, восходящее к царской эпохе выдвижение «междуцарей» (интеррекссов) в периоды между выборами высшей власти.

Говоря об особых функциях сената, Полибий отмечает управление финансами и государственным имуществом, контроль за государственной безопасностью, надзор за религией и культом и дипломатическую деятельность (Polyb., VI, 13). Согласно Полибию, сенат ведал всеми приходами и расходами казны, контролировал государственный бюджет, устанавливал характер и сумму налогов. От сената зависели все военные расходы. Хотя решение о войне и мире принимали комиции, а войну вели магистраты, сенат принимал решение о наборе войск, их количестве и распределении, он же решал все финансовые вопросы кампании. В руках сената было награждение полководцев и солдат, назначение триумфов и оваций (Liv., IX, 40; X, 37), решение судьбы пленных (Liv., XXII, 59).

Сенат отвечал за государственную безопасность. В критические моменты жизни Рима (сецессии плебеев, войны V-IV вв., 1 и 2 Пунические войны и др.) он фактически брал на себя прямое управление. Сенат решал вопросы о введении чрезвычайного положения, до 123 г. до н.э. в руках сенаторов находились суды, иногда функции суда брал на себя сенат. Через сенат проходили все отношения с союзниками, включая предоставление им прав гражданства. Ливии упоминает об изменении статуса общины, заключении договоров, текущих переговорах с союзниками (Liv., IX, 20; X, 12; VI, 21). Особое значение сенат приобретал в периоды

кризисов в отношениях с зависимыми народами (Polyb., VI, 13). Позже именно через сенат проходила деятельность римской дипломатии.

Религиозная жизнь определялась многочисленными жреческими коллегиями (понтифики, авгуры, фециалы, салии, весталки, гаруспики), но и здесь полномочия сената были весьма велики. Сенат определял бюджет и осуществлял общий надзор за религиозной жизнью, решал вопросы о разрешении и запрете культа.

Сенат достаточно уверенно управлял Римом. Хотя закон народного собрания был высшей волей общины, а власть магистратов имела сильную тенденцию к автономии, народ вмешивался в дела только в поворотных ситуациях, а магистраты все больше и больше становились просто исполнительной властью. Формально решение сената (сенатус-консульт) было мнением сената, реально это было решение правительства. Власть сената чаще обозначалась как *auctoritas*, освященная древним правом и обычаями и основанная на огромном моральном авторитете полурелигиозная санкция, а сам сенат считался воплощением коллективного гения Рима и республики.

Древние были склонны идеализировать римскую систему. Римские историки создали картину жизни великого народа, проделавшего путь от «самых скромных начал» (Liv., I, 1) до великой державы, оплота цивилизованного мира и всеобщего мирового порядка, защитника всех гонимых и грозы преступников и тиранов. Теоретики государства и права, особенно Полибий и Цицерон, считали римский государственный строй идеальным, основанным на балансе трех форм государственного строя, монархии, аристократии и демократии (Polyb., VI, 2).

Тезис античных авторов подвергся очень тщательному разбору в историографии^{31}. Ученые приходят к разным выводам относительно его

правомерности^[10], но, не вдаваясь в подробности дискуссии, заметим, что и политическая система римского государства и система управления Италией, при всех их проблемах, оказались достаточно сбалансированными и жизнеспособными, что не раз было проверено на практике. Опасность была в другом: «идеальная» римская политическая система была приспособлена для небольшого государства, и с его расширением все более и более оказывалась системой для меньшинства, а все большее и большее число людей оставалось вне нее, то есть вне права, государства и элементарной защиты. В III веке Рим и его «федерация» проявили поразительную жизнестойкость. Во II-I вв. до н.э. они оказались на грани катастрофы.

4. «Наследие» Ганнибала

Римско-италийский союз был готов выйти за пределы Италии. Ему предстояло столкновение с другой сверхдержавой, Карфагеном. Основанная в 825 (или 814 г.) маленькая финикийская колония проделала сходный путь с Римом, оказавшись в итоге гегемоном западного Средиземноморья. К III веку Карфаген владел большой территорией в Африке (совр. Тунис и северное побережье Алжира), южной Испанией и почти всей Сицилией, а карфагенский военный и торговый флот, вероятно, превосходил силы любой другой морской державы. Необычайное богатство Карфагена, созданное эксплуатацией поданных и морской торговлей, позволило ему создать мощную наемную армию, в которой служили наемники из практически всех стран Средиземноморья (испанцы, ливийцы, галлы, италики, греки). Хотя ресурсы римско-италийского союза превосходили войска карфагенян, последние компенсировали это качеством армии, общим более высоким уровнем цивилизации и господством на море.

Первая Пуническая война (264–241 гг. до н.э.) стала первым большим столкновением двух держав. На ее начальном этапе Рим, казалось, добился быстрого успеха. В 263 г. римляне взяли Мессану и осадили Сиракузы, сделав своим союзником сиракузского правителя Гиерона II, в 262 г. был взят второй по величине город Сицилии Акрагант, под стенами которого римляне разбили карфагенскую армию. К 260 г. вся восточная и центральная Сицилия была в руках римлян. Карфагеняне отступали к своим форпостам в западной части острова, Дрепане и Лилибею, готовясь к затяжной войне. Тем не менее, главной проблемой

оставалось господство карфагенян на море, сводившее на нет любой успех сухопутных армий.

Римляне сделали невероятное, в рекордный срок, видимо, при активном содействии греческих полисов, возник римский флот из нескольких сотен судов. В 260 г. римляне одержали первую победу при Милах, в 259–258 гг. овладели Сардинией и Корсикой, а в 256 г., окрыленные успехами, решили закончить войну решающим ударом по Карфагену. Огромный римский флот из 330 судов, на борту которых находилось 100 тысяч гребцов и 40 тысяч солдат, взял курс на Африку. У мыса Экном произошло генеральное сражение с основными силами карфагенского флота (350 кораблей и 150 000 солдат и гребцов), закончившееся полной победой римлян. Римляне подошли к Африке и высадили армию консула Регула. Казалось война уже закончена.

В это время наступил поворот. Собрав все силы, карфагеняне разбили корпус Регула. Впрочем, римляне столкнулись с новым, еще более опасным врагом, морской стихией. В 255 г. у мыса Пахин римский флот попал в бурю, погибло 284 корабля и около 100 000 гребцов и солдат. В 253 г. катастрофа повторилась, римляне потеряли еще 150 кораблей. Война переместилась в Сицилию. Невероятными усилиями римляне восстановили флот. В 250 г. они одержали победу у Панорма, захватив почти всех вражеских слонов, а затем со 100-тысячной армией и 240 кораблями осадили Лилибей. Осада затянулась, возле Дрепаны римляне потерпели неудачу в морском сражении, остатки римского флота уничтожил шторм. В 247 г. в Сицилию прибыл новый командующий карфагенян Гамилькара Барка, начавший позиционную войну. Казалось, все предыдущие успехи сошли на «нет», римляне были на грани истощения, причем, и противник сражался из последних сил. Исход решило последнее усилие, римляне снова построили флот, а в

241 г. они разбили вражескую эскадру у Эгатских островов. Гамилькар, отрезанный от Африки с моря, пошел на переговоры.

Успех был значительным. Карфагеняне оставляли Сицилию, вскоре ставшую римской провинцией, и платили контрибуцию в 3 200 талантов. Рим стал морской державой, но обрел смертельного врага, готового к войне на уничтожение. Цена победы была необычайно высока: Карфаген потерял около 500, Рим — около 700 кораблей (Polyb., I, 53). Римские цензы показали спад населения с 292 334 человек в 265 г. до н.э. до 241 212 в 247 г. (Liv. Epit., 19)^{32}, что означало потерю более 1/5 граждан. Потери морских союзников были, видимо, еще больше.

Короткий период между 1 и 2 Пуническими войнами стороны использовали для подготовки к новой войне. Карфагеняне готовились к глобальному конфликту, создавая базу в Испании, римляне использовали передышку для войны с галлами (226–223 гг.), укрепления своих позиций в Иллирии и на Адриатике, а также — в Сицилии и Сардинии, в известной мере, готовясь к предыдущей войне. Они оказались бессильны перед лицом той концепции «мировой войны», которую навязал им Ганнибал. Создав мощную базу в Испании и набрав сильную армию из карфагенян и испанских наемников, карфагенский полководец принял решение перенести войну в Италию, рассчитывая поднять против Рима галлов и итальянских союзников. В его планы входило восстание в Сицилии, позже возникли перспективы альянса с Филиппом V Македонским. Тактическое превосходство карфагенян и особенно — их конницы должны были способствовать успеху предприятия. Над Римом нависла серьезная опасность.

В 218 г. Ганнибал перешел из Испании в Италию, форсировав Пиринеи и Альпы и сорвав римские планы удара по Испании и Карфагену. Первый этап войны

отмечен серией тяжелейших поражений римлян при Тицине, Треббии (218 г.), Тразименском озере (217 г.) и Каннах (216 г.). В сражениях пало более 100 000 римлян (видимо, около 1/3 их ресурсов). После первых побед к Ганнибалу присоединились галлы, после Канн на его стороне оказалось большинство городов и племен южной Италии (самниты, луканы, бруттии, часть кампанских греческих городов и др.). Глобальная стратегия Ганнибала стала реализовываться: в Испании шли военные действия, летом 215 г. отпала Сицилия, тогда же в войну вступил Филипп Македонский.

Римляне смогли выйти из кризиса путем мобилизации всех своих ресурсов и изменения тактики, перейдя к долгой изнурительной позиционной войне. В 215 г. римляне мобилизовали 14, в 214 г. — 20 легионов, в 213-212 гг. — 25. Напряжение сохранялось до конца войны, когда в поле оставалось 18-20 легионов.

В 215-213 гг. они остановили продвижение противника, перейдя в наступление в Кампании и Самнии. В 212 г. консулы осадили Капуя, ставшую главным союзником карфагенян в Италии, в 211 г. Капуя пала. Началось наступление и на других театрах. К 213 г. римляне сумели нейтрализовать Филиппа путем союза с этолийцами и, хотя война продлилась до 205 г., она не причиняла римлянам особых хлопот. В 214 г. римляне высадились в Сицилии и после двухлетней осады взяли Сиракузы. В 210 г. война в Сицилии закончилась.

Римские успехи стоили им крайне дорого: Ганнибал и карфагеняне не раз одерживали новые победы, а в 212 г. в Испании карфагеняне разбили действующую там армию Сципионов. Решающие успехи римлян были связаны с именем Публия Сципиона. В 210 г. он высадился в Испании и взял Новый Карфаген, к 206 г. римляне очистили Пиринейский полуостров от карфагенян. К этому времени римские армии в Италии оттеснили Ганнибала в Бруттий. В 204 г. Сципион

высадился в Африке, громя карфагенян и склоняя на свою сторону нумидийские племена. Оказавшись в критическом положении, власти Карфагена отозвали из Италии Ганнибала. В 202 г. знаменитый полководец был разбит в сражении при Заме, а в 201 г. был заключен мир, реально означавший капитуляцию Карфагена.

Вторая Пуническая война кардинально изменила ситуацию во всем Средиземноморье. Карфаген перестал существовать как великая держава. Он лишился всех внеафриканских владений, независимость получили ряд ливийских племен, а рядом с владениями карфагенян появилось сильное агрессивное царство Масиниссы. В битвах Второй Пунической войны погибли карфагенские армии. У Карфагена не было денег, более того, по условиям договора он платил 10 000 талантов и выдавал все военные корабли и слонов. Карфагеняне не могли вести войну без разрешения Рима.

Напротив, Рим стал великой державой, заняв место Карфагена. В ходе войны закрепилось его положение в Италии, римляне переходили к глобальной политике, приобретая новые интересы в Африке, Галлии, Испании и Греции. Римская армия стала лучшей армией мира, более не имея равного соперника, а флот господствовал на море. Война принесла огромную добычу: сумму, внесенную в казну Сципионом, Ливии оценивает в 134 000 фунтов серебра (13,4 млн. денариев или 53, 6 млн. сестерциев) (Liv., XXX, 46). Это примерно равнялось карфагенской контрибуции.

Цена победы была невероятно велика. Людские потери были огромны, ценз 236/4 гг. показал 270 213 человек, а ценз 194 г. — 143 703 человека^{33}. Чтобы компенсировать эти чудовищные потери, римляне резко снизили имущественный ценз 5 класса (с 11 до 2 тыс. ассов). В 204–179 гг. они вывели 14 колоний, а многие латины, кампанцы и другие италики получили римское гражданство^{34}.^[11]

В 80–70 гг. II века число граждан вернулось к уровню 250–260 000 человек.

Можно было формально восстановить гражданский коллектив, но нельзя было вернуть людской и материальный ущерб. Итальянское крестьянство понесло непоправимый урон и так и не возродилось после него^{35}, южная Италия была опустошена, центральная разорена войной. Как следствие этого, начались масштабные деформации, в числе которых был рост латифундиального хозяйства, развитие рабства и экономические диспропорции, заставлявшие грабить заморские территории.

Последние также понесли огромные потери. Многие области Испании, Галлии, Сицилии или Африки были опустошены не в меньшей степени, чем Италия, а боеспособные ресурсы взяты Ганнибалом и другими карфагенскими полководцами. В войне были разграблены многие процветающие города (Тарент, Сиракузы, Новый Карфаген, Капуя). Рим стал зависеть от привозного хлеба. «Наследие Ганнибала» стоит у истоков будущих завоеваний Рима, равно как и у истоков будущих кризисных явлений в его развитии. Эти процессы продолжились во II веке до н.э.

5. Великие завоевания

II век отмечен становлением римской державы. Войны I половины II века стали стремительным продвижением римлян во всех направлениях. В ходе 2 Македонской войны (200–197 гг.) было разгромлено Македонское царство, уже никогда не сумевшее возродиться. Новая, Сирийская война (193–189 гг.) привела к разгрому Селевкидской державы. После 3 Македонской войны (171–168 гг.) Македония перестала существовать как единое государство и греческой мир оказался под властью Рима.

В Испании римляне закрепились в бывших владениях Карфагена, а в 90–70-е гг. после тяжелых войн установили контроль над Кельтиберией и Лузитанией. Наступило затишье, и только в 50–30-е гг. началось новая полоса войн в Лузитании и Кельтиберии. К 30 г. II века большая часть Пиринейского полуострова оказалась в руках римлян, хотя военные действия продолжались до времени Августа. В 90-е гг. шло наступление на севере. К 196 г. римляне завершили завоевание Цизальпийской Галлии, к 50-м гг. II века была подчинена Лигурия. В 181–177 гг. было подавлено восстание в Сардинии.

В 40-е гг. II века Рим завершил первый этап покорения южного и восточного Средиземноморья. В 149–146 гг. в результате 3 Пунической войны был взят и разрушен Карфаген, а его владения стали провинцией Африка. В 148 г. провинцией стала Македония, в 146 г. (после разгрома Ахейского союза) под власть римлян попала Греция. В 133–129 гг. после смерти пергамского царя Аттала III и восстания Аристоника, на месте Пергамского царства появилась провинция Азия.

К 30-м гг. II века Рим стал огромной территориальной державой. Он владел почти всей Испанией, Северной Африкой, Сицилией, Сардинией и Корсикой, Грецией, Македонией и частью Малой Азии. Эти области в 4–5 раз превышали Италию по территории. Население восточных провинций Рима могло достигать 10–15 млн. человек, население Испании и Африки — около 10 млн.^[12] Эта масса поданных приходилась на 1 млн. граждан и 2–3 млн. латинов и союзников, что создавало опаснейшую диспропорцию.

На II век пришелся и спад военных усилий. В 90–70-е гг. римская армия насчитывала 8–12 легионов, в 70–50-е гг. — 7–8, а затем — 4–6.^{36} Потери были невелики, это было почти мирное время.

Новым фактором был приток денег и развитие рабства. Огромные денежные средства дали войны 90–60-х гг. Триумф Фламинина принес не менее 10 млн. денариев (Liv., XXXIX, 52), а на Филиппа была наложена контрибуция в 1000 талантов. Добыча после войны с Антиохом превысила македонскую в 2–3 раза, а контрибуция составила 15 000 талантов (19, 8 млн. денариев) (Liv., XXX, 45). Публий Сципион, бывший организатором побед над Карфагеном и Антиохом, едва ли преувеличивал, когда говорил, что внес в римский эрарий 200 млн. сестерциев (Liv., XXXVIII, 50). Огромные деньги давали и другие кампании: испанский триумф Катона в 194 г., триумф Г. Манлия над галатами в 187 г. (Liv., XXXIX, 7; 46). В руки римлян попали испанские рудники, которые только в 206–197 гг. дали 130 000 фунтов серебра и 4 000 фунтов золота^{37}. Последняя из больших войн 90–60 гг., 3 Македонская (171–168 гг.), завершилась трехдневным триумфом, давшим римской казне 120 млн. сестерциев (30 млн. денариев) и освобождение от налогов всего римского населения вплоть до 43 г. до н.э. В 60–40 гг. II века происходит дефляция.

Следствием денежного бума вскоре становятся концентрация богатства и рост неравенства, некоторое время сдерживаемые властями. Впрочем, происходили и другие процессы. 2 Пуническая война нанесла особенно сильный удар по мелкому хозяйству. В ряде областей происходит переход от земледелия к скотоводству. Число рабов, захваченных в войнах 90–70-х гг., было относительно невелико, массовые захваты начались позже. В 179 г. до н.э. в рабство было продано 80 000 сардинцев, в 181 г. в Самний было выселено 40 000 лигуров, в 168 г. Эмилий Павел захватил в Эпире 150 000 невольников. Новые притоки рабов давали испанские войны 50–30-х гг. и разрушение Карфагена и Коринфа, а затем — появление провинций. Рим втягивается в развитую систему восточной работорговли, а разгром карфагенского, селевкидского и пергамского флотов стимулировали небывалый рост пиратства. К 40–30 гг. растет рабство в Сицилии, примерно в это время Рим переходит к системе вилл и латифундий, что дало определенный экономический эффект. По различным подсчетам число рабов и свободных в Италии соотносилось от 1:2 (У. Уэстерманн) до 1:1 (А. Валлон) [\[38\]](#), что означало, что только в Италии появилось от 1 до 3 млн. рабов. Рабство проникало в экономику, которой катастрофически не хватало рабочих рук после Ганнибаловой разгрома. Рабы были на рудниках, на тяжелых работах, в сельском хозяйстве, ремесле, домашнем хозяйстве, при обслуживании богатых людей. Среди рабов выделяется своеобразная элита, включавшая как руководящий персонал, так и людей, близких к персоне хозяина. Многие из них становились вольноотпущенниками (либертами).

Процесс был достаточно опасен. Рабовладельческое хозяйство обеспечивало значительный экономический подъем, вызванный широким внедрением рабства, ростом товарности и переходом от мелкого хозяйства к

крупному. Рабство закрыло брешь в италийской экономике, образовавшуюся в результате Ганнибаловой войны. Вместе с тем, рабская экономика могла быть эффективной только при условии низких цен и жестокой эксплуатации. Следствием этого были тяжелые условия труда, массовая смертность и эксплуатация на износ. Необходимость постоянного массового пополнения числа рабов требовала постоянных войн и порабощения провинциалов, что неизбежно влекло за собой ненависть, восстания и кризисы. С другой стороны, рабский труд вытеснил немалую часть свободного, что привело к разорению мелких собственников и люмпенизации свободного населения. Экономическими последствиями последнего стало нарушение имущественного равновесия внутри римского общества, и нарушение товарообмена, политическим — разрушение костяка армии, недовольство городского плебса и народного собрания и рост эгоизма знати.

Оценка экономических и политических перемен этого периода вызвала серьезную дискуссию. Одним из ее пунктов стала оценка самой римской экспансии, и если сторонники теории «защитного империализма» Т. Моммзена объясняют ее в основном соображениями обороны или вынужденными действиями^{39}, то другие исследователи (Г. Бенгтсон, Т. Франк, У. Отто, М. Гельцер, Г. Фолькманн и др.)^{40} видят в ней чисто империалистскую политику, проводимую римской знатью, мало считавшейся с интересами собственного народа, не говоря уже о других. Рассматривается и вопрос об этапах формирования и развития римской имперской доктрины от принципа обороны и ограниченных завоеваний к принципу региональной, а затем — глобальной экспансии и формированию идеологии великой державы^{41}. Истина, видимо, лежит где-то посередине, и особенностью римской политики было сложное сочетание прямолинейной агрессии и

постепенной интеграции покоренных народов в единую Империю, а исследователи отмечают как жестокость и агрессию римского империализма, так и его эластичность, конструктивность и толерантность^{42}. Было бы слишком прямолинейно видеть в римлянах чистых агрессоров, а в их противниках — слабые и невинные жертвы. Существует достаточно серьезная полемика вокруг проблемы виновности Рима и его противников в Пунических^{43}, Македонских^{44}, и Сирийских^{45} войнах, исследователи часто видят в действиях Рима отсутствие продуманного плана завоевания и полагают, что греческий мир предпочитал римское господство власти Филиппа V и Антиоха III^{46}. Эта теория «двух правд» постепенно исчезает и в античной, и в современной историографии, когда речь идет о событиях после битвы при Пидне, когда агрессивный империализм Рима выступил в наиболее откровенном виде, обнаружив свои самые неблагоприятные черты.

Другой темой дискуссии стали характер и глубина перемен, вызванных великими завоеваниями. Историография XIX века показывает глубину и остроту социального и политического кризиса республики, упадок ее военной системы, неэффективность управления, кризис сословия мелких собственников, разрушение общественных структур и основ римской идеологии^{47}. В принципе эту точку зрения разделяют и многие ученые XX века^{48}.

Вместе с тем, именно историография XX века поставила под сомнение как сам кризис, так и его конкретные проявления. Достаточно общим местом является то, что в плане чисто экономических показателей (производительность труда, технический прогресс, использование новых методов в сельском хозяйстве и индустрии, урожайность, освоение новых

культур) экономика поздней республики переживает не кризис, а подъем^{49}. Подвергается сомнению и мнение о полном исчезновении мелкой собственности и широком внедрении в сельское хозяйство римлян крупных латифундий^{50}.

Эти исследования вполне обоснованно показывают, что кризис носил, прежде всего, военно-политический и социальный характер и показал скорее не неэффективность римской экономики, а неспособность римской управленческой системы обеспечить защиту прогрессивных экономических тенденций. Отсутствие такой системы защиты едва не привело Рим к гибели, а ее создание уже было делом Цезаря.

Рост государства сопровождался сохранением традиционных форм управления, результатом чего стали трансформация римской армии, кризис комициальной системы и упадок господства аристократии. Одним из сложнейших вопросов кризиса эпохи гражданских войн является проблема особенностей римской идеологии, морали и общественно-политического сознания. Для иллюстрации можно привести как заключение Хр. Мейера о фактически всеобщем осознании необходимости и неизбежности перемен и столь же всеобщем их нежелании^{51}, так и мнение Г.С. Кнабе о стремлении общества к минимальным переменам и восприятию новых тенденций как чего-то внешнего и чуждого по сравнению с римской стариной^{52}. Для Хр. Мейера общество оказалось в идейном тупике «кризиса без альтернативы»^{53}, однако другие исследователи полагают, что оно было вполне подготовлено к будущим переменам, а традиция о древней республике была не только тормозом развития, но и фактором стабильности^{54}. Так или иначе, Римская держава II века, созданная буквально на глазах одного-двух

поколений, была уже совсем иным государственным образованием, чем италийская республика IV-III вв. до н.э. Теперь ей было суждено вступить, вероятно, в самый сложный период своей истории.

Глава II.
КРИЗИС
(133-82 гг. до н.э.)

1. Начало кризиса

50–30-е гг. II века отмечены всеобщим усилением антиримских настроений. Военная напряженность нарастала. В 154 г. началось восстание лузитан, нападавших на Дальнюю Испанию. В 151 г. была разбита армия претора Гальбы, на помощь выступили войска претора Лициния Лукулла из Ближней Испании. Обманув повстанцев, Гальба вероломно перебил их во время перемирия. После этого во главе лузитан встал талантливый вождь Вириат. В 147 г. он нанес поражение претору Ветилию, а со 146 по 143 г. римляне терпели одно поражение за другим. Одновременно началось восстание кельтиберов, охватившее всю центральную и западную Испанию. В 141 г. Вириат разгромил армию консула Кв. Фабия Сервилиана, после чего объявил себя царем. Только в 138 г. римляне подкупили нескольких приближенных Вириата, которые закололи его во время сна.

Одновременно римляне вели не менее тяжелую войну с кельтиберами. В 153 г. консул Фульвий Нобилиор атаковал Нуманцию, один из главных опорных пунктов кельтиберов, но попал в засаду и потерпел поражение, в 152 г. его преемник Клавдий Марцелл заключил с испанцами мир. В 151 г. консул Л. Лициний Лукулл подчинил ваккеев в области верховий Дуэро, но затем отступил. Затишье длилось до 143 г. до н.э. Возобновление военных операций стимулировалось успехами лузитан и лишь к 141 г. консул Л. Цецилий Метелл Кальв сумел добиться полного подчинения восставших племен.

Дальнейшая борьба сосредоточилась вокруг Нуманции. С 143 г. до 138 г. испанцы отражали римское наступление. В 137 г. консул Гостилий Манцин попал в

окружение. Тиберий Гракх, квестор Манцина и сын одного из покорителей Испании, заключил договор с нумантинцами. Сенат расторг соглашение и выдал Манцина испанцам, которые отказались его принять. В 134 г. в Испанию был послан победитель Карфагена Сципион Эмилиан. 60-тысячная римская армия блокировала Нуманцию. Только в 133 г., когда голод достиг крайнего предела, нумантинцы сдались. Многие защитники города покончили с собой. Нуманция была сожжена, а оставшиеся жители проданы в рабство.

В 50-е гг. продолжались войны в Лигурии и Далмации, после чего римляне вышли к двум крупным массивам варварского мира, галльско-германскому и балкано-фракийскому. Тяжелые войны шли в Африке, Македонии и Греции. В 149–146 гг. в Африке шла 3 Пуническая война. В 148 г. началось восстание Андриска в Македонии, разгромленное претором Кв. Цецилием Метеллом, а на 147–146 гг. приходится тяжелая Ахейская война, закончившаяся разгромом Ахейского союза и фактическим покорением Греции. В 133 г. римская аннексия Пергама вызвала восстание Аристоники, подавленное только в 129 г. В 136–132 гг. в Сицилии длилось восстание рабов, создавшее трудности со снабжением Рима продовольствием.

Кампании 50–30-х гг. были первыми серьезными симптомами кризиса. Резкое увеличение числа граждан в 189 г. было достигнуто путем искусственного прироста — 258 318 (Liv. XXXVIII, 36, 10)^{55}. Увеличение продолжалось до 159 г. до н.э., особенно прогрессируя в относительно мирные 70–60-е гг., что, быть может, и стало одной из причин идеализации римлянами эпохи Сципиона Африканского и Катона Старшего. В 179 до н.э. ценз дал 263 294 граждан (Liv. Epit., 41), в 174 г. — 269 015 (Liv., XLI, 27, 1; XLII, 10, 1), в 169 г. — 312 895 (Liv., Epit., 45)^{56}; в 164 г. — 327 022 (Liv. Epit., 46), в 159 г. — 338 314 (Liv. Epit., 47)^{57}. После 154 г. динамика

пошла вниз: 324 000 в 154 г. (Liv. Epit., 48); 322 000 в 147 г.; 328 448 в 142 г. (Liv Epit., 54); 317 933 в 136 г. (Liv. Epit, 56), 317 823 в 131 г. (Liv. Epit., 59){58}. Наоборот, другая кривая пошла вверх: в 160-157 гг. римская действующая армия достигла самого низкого возможного уровня в 4 легиона, в 157-145 гг. она удвоилась до 8 легионов, а в 144-134 гг. достигла уровня 8-10 легионов{59}. Потери, особенно в Испании и при осаде Карфагена, были весьма велики.

Именно в 40-30-е гг. II века появились новые провинции, Лузитания, Африка, Македония, Азия, что привело к росту денежных доходов, тогда же римляне разграбили Коринф, Карфаген и Нуманцию. Впрочем, новые успехи обернулись и новыми проблемами. Захват северной Италии вывел римлян к границам Галлии, после захвата Пергама Рим столкнулся с полуэллинизированным миром Малой Азии, а к 129 г. парфяне заняли Месопотамию и вышли к Сирии. В Африке Нумидия из союзника превращалась в противника, а в Киликии и на Кипре активизировались пираты.

Новая ситуация требовала постоянной дислокации войск за пределами Италии, что требовало профессионализации армии и ее отрыва от итальянской территории. Возникла и проблема управления.

Большая часть провинциалов имела статус дедитициев, подданных Рима, находящихся под прямым контролем римских властей и платящих дань. Некоторые были «свободными общинами» (*civitates liberae*), не платящими налоги, и союзниками (*socii*). Римских граждан и провинциалов отделяла друг от друга непроходимая стена, и лишь очень немногие из последних имели римское гражданство. Возникла угроза массового порабощения жителей провинций, а восстания, как это показывает пример Вириата, часто были тесно связаны с внешними войнами.

Рим пытался контролировать своих наместников. Одним из таких механизмов были учрежденные в 149 г. до н.э. судебные комиссии по делам о вымогательствах (*quaestio repetundarum*) и система провинциальной клиентелы, но реально система защиты провинциального населения от произвола власти была создана только во времена Цезаря.

Это время было отмечено ростом экономики. Под влиянием более передовых обществ происходит развитие новых отраслей сельского хозяйства (виноградарства, оливководства, разведения плодовых растений и др.), замена овса и полбы качественной пшеницей, рост уровня скотоводства и птицеводства^{60}.

[13] Вместе с тем, сама экономика создавала свои проблемы: концентрацию собственности и разорение крестьянства и мелких арендаторов. Возникал и приоритет более доходных и дорогостоящих отраслей, и уже Катон отмечал, что виноград и оливки считались гораздо более доходными, чем выращивание хлеба (*Cato, De agr.*, 6). Росли города, что создавало проблему их снабжения. Началась конкуренция более дешевого сицилийского хлеба.

Еще более опасными были социальные и военно-политические последствия: упадок мелкой собственности и связанный с ней кризис армии, вытеснение труда многих горожан и крестьян рабским трудом и обострение социальных противоречий на всех этажах общества (между знатью и деловыми кругами, знатью и римским плебсом, римлянами и союзниками, римлянами и провинциалами, свободными и рабами).

Конец III-II вв. стали периодом сильной культурной эллинизации. В руках римлян оказались самые старые и развитые области греческого мира. После Пирровой войны под власть Рима попали греческие города юга Италии, I Пуническая война дала ему Сицилию, к середине II века римляне стали хозяевами Македонии,

Греции и Малой Азии. В Риме появилось много греческих предметов искусства и предметов роскоши. Римляне в огромном количестве вывозят скульптуры, вазы, изделия из драгоценных металлов, библиотеки. В триумфах несли бронзовые и мраморные изваяния, чеканные серебряные сосуды, изделия из меди, слоновые клыки, кистофоры, статуи, картины, образцы оружия (Liv., XXXIV, 52; XXXVII, 59; XXXIX, 7; Plut. Aen., 32).

В Риме появилось множество греков: дипломатов, иммигрантов, заложников, рабов. В Рим приезжали ораторы, философы и ученые из формально независимых греческих городов. Греками были почти все педагоги, актеры, музыканты и врачи. Широко распространяется знакомство с греческим языком. Римляне читают произведения греческой литературы, а многие нобили в совершенстве знали греческий и писали на нем. Эллинофильство, охватившее значительную часть элиты, часто вырождалось в полинию грекоманию, вызывавшую насмешки самих греков и негодование ревнителей римской старины. Зарождается римская литература и театр. II век стал временем Ливия Андроника и Гнея Невия, Энния и Плавта, Теренция Афры и Марка Пакувия, Фабия Пиктора и Порция Катона. Было бы неверно недооценивать значение греческого воздействия на Рим, но оно никогда не было бы столь плодотворным, если бы последний не достиг собственного, относительно высокого уровня.

Рим воспринимал греческую культуру достаточно творчески, выбирая наиболее подходящие для себя области. Здесь так и не прижился театр и, наоборот, получили развитие историческая проза и ораторское искусство. Среди римлян существовала сильнейшая реакция на эллинизацию, а Катон Старший стал одним из символов старой морали. Из синтеза римской старины и греческого влияния возникает оригинальная новая культура Рима.

Идеология римлян во многом была ориентирована в прошлое. Теперь старая римская мораль рушилась: растет богатство, эгоизм в политике, уход в частную жизнь. В семейной жизни ослабевает власть отца семейства, начинается женская эмансипация и новое греческое воспитание молодых поколений. Новая ситуация нанесла удар по римскому благочестию (*pietas*), вызвав если не откровенно атеистические идеи, то, по крайней мере, пренебрежение к обрядовой стороне религии, крайне важной для древних римлян. Ухудшается надзор за местами поклонения богам (храмами и алтарями), в Рим попадают чуждые римской идеологии экстатические культы.

Меняется быт, особенно быт правящих слоев. Традиционный римский дом перестраивается по греческому образцу. Дома аристократов стали дворцами, переполненными штатом домашних рабов. Развивается кулинарное искусство. Римская знать живет окруженная роскошью, проводя время в пирах и попойках с играми и танцами.

Римские писатели не строили иллюзий относительно времени, в котором они жили. Саллюстий считал разрушение Карфагена рубежом «золотого века» республики (*Sail. Cat*, 10), то же самое позже писал Веллей Патеркул (*Veil.*, II, 1; *Liv. Epit.*, 52). У Флора можно найти резкую критику как успешной Ахейской войны, так и трудных испанских кампаний (*Flor*, II, 16–20), в эпитамах Ливия негативные характеристики римских политиков и военачальников начинаются со 146 г. до н.э. Историческая традиция постоянно сообщает о поражениях и некомпетентности властей, коррупции и грабежах, несправедливом распределении и упадке морали.

2. Гракхи (133-122 гг. до н.э.)

Первая попытка выйти из кризиса была связана с деятельностью Гракхов. В 133 г. народный трибун Тиберий Семпроний Гракх предложил аграрный закон, ограничивающий размеры аренды на *ager publicus* 500 югерами земли (1000 югеров при наличии двух взрослых сыновей). Излишки изымались (видимо, за компенсацию) и раздавались неимущим гражданам наделами по 30 югеров. Отчуждение наделов запрещалось, а для проведения реформы назначалась комиссия из трех человек^[14].

Предложение вызвало яростное сопротивление богатой верхушки и поддержку народа. Хотя сенат, видимо, отверг законопроект, Гракх предложил его комициям. Трибуна-реформатора поддержала группа нобилей во главе с П. Муцием Сцеволой, М. Лицинием Крассом и тестем Тиберия Аппием Клавдием Пульхром, принадлежащими к наиболее образованной части римской элиты. Очевидной целью закона было восстановление земельного паритета в римской общине. Опасаясь, что предложение будет принято, противники использовали единственное доступное им средство — интерцессию другого трибуна, Октавия. После неудачных переговоров, Гракх предложил собранию сместить коллегу с должности. В результате голосования Октавий был отстранен, а аграрный закон принят. Аграрными триумвирами стали сам Тиберий Гракх, его брат Гай и Аппий Клавдий.

Комиссия столкнулась с рядом практических трудностей, главной из которых была неупорядоченность документации, зачастую вызванная сознательными действиями. Вставал вопрос о постройках и вкладах капитала, начинались проблемы с

долгами. Нехватка денег заставила Тиберия Гракха провести через комиции решение об использовании на нужды реформы казны пергамского царя Аттала, что вызвало раздражение сената. Срок пребывания Гракха в должности заканчивался, и Тиберий заявил о своем желании баллотироваться в трибуны на новый срок. Враждебная традиция объясняет это страхом перед судебными процессами, но более вероятно, что главным мотивом была необходимость продолжить работу комиссии.

Обстановка в народном собрании была сложной и нервной. Если Гракха поддержали те, кто получил землю или намеревался получить ее в будущем, то группы населения, не связанные с реформой (зажиточные крестьяне и городской плебс), отнеслись к ней достаточно прохладно или даже негативно. Во время голосования на Капитолии заседал сенат. Верховный понтифик Сципион Назика с толпой сенаторов и их клиентов бросился на гракханцев. Народ расступился, началось побоище, в котором погибло около 300 человек, включая самого Тиберия Гракха. В 132 г. консул Попилий Ленат отправил в изгнание ряд сторонников Гракха, впрочем, репрессии не затронули лидеров группировки.

Реформа дала определенные результаты. Численность граждан выросла с 317 823 человек в 131 г. до н.э. до 390 736 в 125 г. (Liv. Epit, 59; 60), что, как мы увидим далее, имело огромное значение для судеб Рима. Кризис пошел на спад: в 133 г. Сципион закончил войну в Испании, а консул П. Рупилий подавил восстание в Сицилии, в 129 г. в Азии было подавлено восстание Аристоника. После 133 г. численность армии снова сокращается: в период 132-113 гг. она колеблется между 3 и 8 легионами^{61}.

В 129 г., воспользовавшись жалобами союзников, Сципион Эмилиан сумел заморозить деятельность

аграрной комиссии. Вскоре последовала таинственная смерть Сципиона. Хотя официальной версией было самоубийство, стороны обвиняли друг друга. Проблема италиков требовала решения, и в 125 г. консул М. Фульвий Флакк, один из гракханских лидеров, предложил свой вариант. Латины получали права римского гражданства, а союзники — латинское право с перспективой получения полных прав (App. V. C, 1, 21). Закон был провален не только сенатом, но и народным собранием, а первым откликом союзников было восстание во Фрегеллах, с невероятной жестокостью подавленное римлянами.

В 124 г. началась новая волна гракханского движения. Ее лидером был младший брат Тиберия, Гай Семпроний Гракх, блестящий и эмоциональный оратор, и, несомненно, один из самых выдающихся политиков Рима. Программа, предложенная Гаем, касалась практически всех сфер жизни римского общества.

Первые законы Гракха касались демократизации римской политической жизни. Один ужесточал наказание магистрату, казнившему или отправившему в изгнание гражданина без апелляции к народу (провокации). Жертвой этого закона стал Попий Ленат, еще раньше в добровольное изгнание ушел инициатор расправы над Тиберием, Сципион Назика (Cic. De or., II, 235; Strabo, XIV, 148; Plut. T. Gr., 21). Согласно второму закону, любой человек, лишившийся должности по воле народа, не имел права занимать другие должности. Закон был настолько необычным для Рима и в такой мере устанавливал реальный контроль народа над избираемой им властью, что даже сам Гракх пошел на компромисс, сняв его по просьбе матери (Plut. G. Cr., 4).

Далее следовал блок экономических законов, аграрный, хлебный и судебный. Первый закон, видимо, продолжал закон Тиберия и восстанавливал полномочия

аграрной комиссии^[15]. С другой стороны, в известной мере, аграрная реформа исчерпала себя (ценз 115 г. показал лишь небольшой прирост до 394 336 человек — Liv. Epit., 63) и немалая часть народа, особенно городское население, стремилось к другим способам решения проблемы. Хлебный закон (*lex frumentaria*) устанавливал продажу хлеба с государственных складов по сниженной цене (6 и 1/3 асса за модий — 8,7 л) для беднейшего населения. Косвенным следствием закона стало интенсивное строительство складов и дорог, давшее работу многим жителям Италии. Военный закон (*lex militaris*) запретил призыв в армию лиц моложе 17 лет, ограничил телесные наказания в войсках и определил, что снабжение армии обмундированием должно производиться за счет государства (Plut. G. Gr., 5). Особое значение имели два закона, касающиеся всадничества и делового мира. Судебный закон предполагал передачу судебных комиссий о вымогательствах в руки всадников, что стало первым примером независимого суда в истории Рима. Возможно, готовился и более смелый законопроект, добавлявший к прежним сенатором 300 (Plut. Ibid.) или даже 600 (Liv. Epit., 60) новых из числа всадников. Другой закон Гракха закон о провинции Азия, сдавал на откуп сообществ публиканов сбор налогов с провинции.

Конец 123 г. стал пиком влияния реформатора. Гракха поддерживали практически все слои населения, он безоговорочно господствовал в народном собрании и имел поддержку всадничества и делового мира. Казалось, в Риме происходит мирная революция, и Гай Гракх мог чувствовать себя всенародно поддерживаемым демократическим лидером. На 122 г. он без всяких помех прошел в трибуны.

122 год был отмечен продолжением реформ и нарастающим сопротивлением консерваторов. Гракх предложил обширный проект колонизации: Плутарх

пишет о выводе колоний в Италию, в т.ч. — в Капую и Тарент (Plut. G. Gr., 8; De v. ill., 65). Другим важнейшим пунктом программы был вывод колонии Юнонии рядом с разрушенным Карфагеном. По инициативе Гракха и его коллеги Рубрия в Юнонию было послано около 6 000 колонистов. Начиналось освоение провинций и возрождение крупных провинциальных центров.

Противники использовали против Гая сочетание жесткой консервативной политики и тактики контрреформ, однако главными оставались силовые методы. Обвинения в тирании звучали все чаще и чаще, а в борьбе вокруг Юнонии разыгрывалась «пунийская карта», когда действия Гракха объявлялись национальной изменой и нарушением воли богов. Коллега Гракха по должности, Ливии Друз, действовал по-другому, представив себя более последовательным реформатором, чем Гай, и предложив огромную программу колонизации в Италии и отмену телесных наказаний в армии (Plut. G. Gr., 9). Часть плебса, видимо, предпочла нового кумира. На сторону консерваторов стали переходить многие лидеры сената, включая друга Гракха, консула 122 г. Г. Фанния. В этот момент Гай предложил свой центральный законопроект, закон о союзниках. Существуют две версии закона: согласно одной, это было повторение закона Фульвия, согласно другой — гражданство получали и латины, и союзники. Трудно сказать, было ли это тактической ошибкой или же у Гая Гракха не было иного пути, кроме как предложить свою главную реформу, но кризис начался именно теперь. Закон был провален.

На новых выборах трибунов (на 121г.) Гай потерпел поражение. Консулами 121 г. стали Кв. Фабий Максим Сервилиан и Л. Опимий, бывшие врагами Гая. Фабий отправился на большую войну в Галлии, а Опимий начал подготовку к подавлению движения. Полномочия Гракха истекли в декабре 122 г., с 1 января 121 г. в должность

вступили новые консулы. Почти сразу трибун Минуций Руф предложил ликвидировать Юнонию и после заранее спланированного конфликта, сенат принял «крайнее решение» (*senatuconsultum ultimum*). Гай и Фульвий с отрядом вооруженных сторонников заняли Авентин, атакованный правительственными силами. Во время побоища погибли Гай Гракх и Фульвий, а также 3 000 их сторонников.

Движение было потоплено в крови, а реформы провалены. Не решаясь тронуть всадников, оптиматы оставили судебный закон и закон об Азии, сохранил силу и хлебный закон. Аграрная программа была заморожена. В 119 г. прекратила свое существование аграрная комиссия, а закон 111 г. под видом сохранения статус кво, объявил частной собственностью как гракханские наделы, так и еще неразделенные земли. Создавалась возможность реставрации.

Гракхи — одни из самых сложных персонажей римской истории. Античная традиция и историография Нового и Новейшего времени дают крайне различные, а подчас и диаметрально противоположные оценки их деятельности. Спор идет вокруг целого ряда вопросов: общие и конкретные причины выступления, намерения реформаторов, сущность почти каждого закона, их хронология и последовательность и наконец, общие итоги деятельности Гракхов.

Враги Гракхов обвиняли их в демагогии, личном честолюбии и чрезмерных амбициях, нарушавших нормальные отношения между сенатом и народом и ввергнувших государство в пучину кризиса. Несмотря на свои собственные, достаточно резкие оценки положения в 40–30-х гг. II в. до н.э., эти авторы перелагают вину за последовавшие события именно на реформаторов. Достаточно часто звучали прямые обвинения в тирании и стремлении к единоличной власти. Это мнение, вероятно, преобладало в современной Гракхам

традиции, попав в текст Аппиана и Плутарха и в полной мере сохранившись у Веллея Патеркула, Флора, Ливия и автора сочинения «О знаменитых мужах» (Veil., II, 3, 6; Liv. Epit., 58–59; De v. ill., 64–65; Plut. T. Gr., 9)^[16]. Интересно, что историография принципата продолжала обвинять Гракхов в развязывании гражданской войны^{62}.

Более сложный анализ представлен Цицероном. Возможно, он восходит к более раннему прототипу, вероятно, мнению круга Сципиона Эмилиана. Гракхи для Цицерона — это образ врага, они — виновники начавшейся смуты и раскола государства (Cic. De re p., III, 9, 26; De off., 33, 80), мятежники и демагоги, возбудившие народ, потрясшие основы общества (Cic. de orat., I, 38; pro Sest., 48, 103; 49, 104) и начавшие собой ряд мятежных трибунов, заканчивающийся смертельным врагом Цицерона Клодием. Именно они внесли в жизнь общества произвол и насилие (Cic. de rep. III. 29, 41), а убийство их было неизбежно и оправдано (Cic. de leg., III, 9, 2).

Вместе с тем, Цицерон признает их несомненную одаренность, твердость в достижении целей, собственное достоинство и ораторские таланты (Cic. de har. resp., 19, 41). Оправдание убийства сочетается с сожалением, что столь выдающиеся люди принесли обществу вред (Cic. de orat., III, 226), и признанием их личной честности и благих намерений (Cic. pro Sest, 49, 104–105).

Сказанное выше показывает неконкретность, гипертрофию и необъективность контрпропаганды и отсутствие попыток диалога с реформаторами, к которому последние постоянно призывали. Возникает достаточно частая в истории ситуация, когда одна сторона пытается действовать убеждением, тогда как основным оружием второй становятся демагогия, передергивание, запреты и силовые методы. Похоже,

что «аргументы» противоположной стороны, как правило, сводились к запретам и рассуждениям о пользе и вреде для государства, делавшимся в самом общем плане. Более того, и здесь последняя не могла быть последовательна до конца. Флор признает «известную справедливость» раздела земель (Flor, III, 13; Veil. II, 7), а у Веллея есть нотки осуждения жестокой расправы.

Было и другое. В народе возникает спонтанный культ Гракхов, а в массовом сознании они стались борцами за дело простых людей и мучениками. «Народ открыто поставил и торжественно освятил их изображения и благоговейно чтит места, где они были убиты, даруя братьям первинки плодов... а многие ходили туда, словно в храмы богов, ежедневно приносили жертвы и молились» (Plut. G. Gr., 18). Саллюстий пишет, что Гракхи хотели вернуть народу свободу (*vindicare in libertatem*), но нобилитет жестоко подавил восстание, убийство вызвало жажду мести и привело к губительной войне партий (Sail. Cat., 41,1; 42).

Если Саллюстий еще отдает дань идее «двух правд», то Плутарх полностью остается на стороне реформаторов. Его Гракхи — благородные идеалисты, стремящиеся к благу страны и народа, пытавшиеся сделать свои необходимые и морально оправданные реформы максимально безболезненными. Он отвергает обвинение Гракхов в начале междоусобиц и считает виновными их противников (Plut. Cotr. Cum Agis et Cleom., 4). У Плутарха, а отчасти и у Аппиана, намечается мысль, что именно срыв реформ стал причиной опасного развития событий. Несколько особняком стоит версия Аппиана. Целью Тиберия было возрождение военной мощи Рима, а не создание благополучия беднейших слоев (App. B. C, I, 11). Вместе с тем, ради осуществления своего разумного плана, Гракхи прибегли к насилию, что вызвало последующий конфликт (1,2; 17).

Столь же различны оценки в историографии. Историография XIX века, особенно немецкая, следуя за античными авторами, отнеслась к Гракхам достаточно негативно (Т. Моммзен, К.В. Нич, Эд. Мейер и др.). Т. Моммзен, вероятно, наиболее полно выражающий эту позицию, дает уничтожающую характеристику положению в Риме того времени^{63}. Вместе с тем, он не сочувствует Гракхам, считая Тиберия благонамеренным патриотом и консерватором, вставшим на путь демагогии и тирании и оказавшимся жертвой начатой им революции^{64}. Его дело продолжил Гай, стремящийся свергнуть власть аристократии и установить неограниченную личную власть вплоть до положения монарха^{65}.^[17] Аналогичную позицию занимает и Э.Д. Гримм^{66}.

С другой стороны, у Гракхов оказалось немало сторонников. Симпатии к ним были особенно сильны среди революционеров, начиная с Великой Французской революции и заканчивая советской историографией. В последней Гракхи предстают лидерами демократического движения, стремившимися к осуществлению масштабных реформ вплоть до превращения Рима в подлинную демократию (СИ. Протасова, С.И. Ковалев, Н.А. Машкин, С.Л. Утченко, отчасти — Я.Ю. Заборовский)^{67}. В более крайних вариантах этой концепции Гракхов сближают со Спартаксом или Аристоником, в более умеренных (С.Л. Утченко) их деятельность считается прологом италийской революции, кульминацией которой стала Союзническая война^{68}. При всей справедливости оценки Гракхов как демократических деятелей, эта точка зрения приписывает им слишком много утопизма в политике, зачастую игнорируя ее социально-экономический и военный аспекты.

Большинство исследователей (особенно западных) придерживаются «аппиановской» оценки, рассматривая всю деятельность Гракхов именно в плане экономических преобразований и военных реформ (Кл. Николе, Г. Борен, Д. Эрл, А. Кэри, Е. Бэдиан, Хр. Мейер; сходна позиция Я.Ю. Заборовского)^{69}. Ученые этого направления дают более или менее разные общие оценки, но общим для них является отрицание серьезного влияния на Гракхов каких-либо утопических идей и признание их политиками-реалистами, стоящими на твердой практической почве.

Достаточно различны и конкретные оценки. Многие исследователи (Кл. Николе, Г. Борен, М. Кэри, Е. Бэдиан и др.) видят у Гракхов разумный конструктивный план преобразований, другие склонны подвергать критике конкретные положения реформ и программу в целом. В качестве критики реформ Тиберия отмечается создание сложной ситуации, связанной с нарушением договоров с италиками в 129 г., вызвавшей первый кризис этих отношений, бескомпромиссность в деле Октавия и бесцеремонное распоряжение казной Аттала, отчасти вызвавшее восстание Аристоника^{70}. Отмечается, что лидер демократов был столь же безразличен к проблемам италиков и провинциалов, как и представители знати.

Из реформ Гая особой критике подвергается хлебный закон, вызвавший, по мнению многих ученых, рост социального паразитизма плебса и огромные расходы, разорявшие казну и экономику Сицилии (Т. Моммзен, Э.Д. Гримм, А. Гринидж и др.)^{71}. Другой критикуемый блок — всаднические суды, которые были не менее коррумпированными, чем сенатские. Однозначна и критика закона об Азии, отдавшего провинцию в руки публиканов и создавшего сильнейшую напряженность, итогом которой стали события 88 года до н.э. (Т. Моммзен, К.В. Нич, Х. Лэст, Э.Д. Гримм)^{72}.

Наконец, отмечается, что аграрная реформа была невыгодна не только латифундистам, но и владельцам катоновских вилл и даже зажиточным крестьянам, не попавшим под передел, но лишившимся наемных рабочих^{73}. Развивая менее рентабельное сельское хозяйство, Гракхи ставили общество перед угрозой расходов, а, возможно, и экономического спада. Все эти обстоятельства (а не только эгоизм знати и крупных посессоров) и были причиной острой борьбы вокруг реформ, позиции Сципиона Эмилиана и критических замечаний Цицерона.

И все же, при всех возможных недостатках или ошибках Гракхов, их реформы спасли Рим. Увеличение числа граждан фактически позволило государству выстоять в условиях страшных потерь Кимврской, Митридатовой, Союзнической и гражданской (83–82 гг.) войн. Меры Гракхов были недостаточны, потребовалось новое массовое расширение прав гражданства и радикальные правовые реформы Цезаря. Вместе с тем, реформаторы шли именно в этом направлении, и реализация их планов могла бы предотвратить Союзническую и гражданскую войны и ослабить воздействие внешнеполитических катастроф. Программа Гракхов была эффективным выходом из того социально-политического кризиса, к которому шло римское общество, причем, Гракхи предлагали ее тогда, когда было еще не поздно. Провал реформ (а можно говорить именно о нем) имел негативные последствия в событиях 100–80 гг. и едва ли справедливо возлагать вину на реформаторов. Именно сопротивление римской элиты завело Рим в тупик, едва не приведший к полному краху римской цивилизации. Цезарь, отзывавшийся о Гракхах достаточно сдержанно (Caes. В. С, I, 7), фактически продолжал их политику.

3. «Принципат» Мария (111-100 гг. до н.э.)

Неизвестно, предвидел ли Гай Гракх то, что случится спустя 10 лет после его смерти, но озабоченность Гракхов боеспособностью римской армии оказалась пророческой. Степень развала стала видна уже в ходе так называемой Югуртинской войны (111-105 гг.), хотя кризис начался даже раньше.

После разгрома Карфагена ранее дружеские отношения с Нумидией должны были перейти в противостояние. В 149 г. умер старый друг римлян, царь Масинисса, дружеские отношения сохранялись и при его сыне Миципсе (149-118 гг.). После смерти Миципсы остались три наследника, сыновья царя, Адгербал и Гиёмпсал, и племянник Югурта. В 118 г. по просьбе умирающего Миципсы консул М. Порций Катон, сын Катона Цензора, разделил между ними царство.

В 117-113 гг. Югурта устранил Гиёмпсала, разбил Адгербала и фактически установил контроль над страной. Два римских посольства возглавляемые лидерами сената, Л. Опимием и М. Эмилием Скавром, не смогли остановить этот процесс. Трудно сказать, насколько это было реально, и какова была степень вины римского правительства, но римское общественное мнение было уверено в том, что новый кризис был вызван некомпетентностью и прямой коррупцией сенатской верхушки.

В 113 г. Югурта напал на Цирту, столицу Адгербала, и несмотря на недовольство римлян, взял город, перебил все взрослое население, среди которого были и римские всадники, и казнил самого Адгербала. Это вызвало негодование в Риме, всадники жаждали мести, а народ, наконец, получил возможность выразить свое

недовольство после гибели Гракхов. Выразителем этих настроений стал народный трибун Г. Меммий. Народное собрание объявило войну Югурте, и консул 111 г. Л. Кальпурний Бестия начал военные операции. С помощью подкупа, Югурта, еще не готовый к войне, заключил выгодное перемирие. Последнее вызвало новое недовольство демократических кругов. Меммий вызвал царя в Рим, потребовав ответа прямо в комициях, но другой трибун, Бебий, велел ему молчать. Находясь в Риме, Югурта сумел устранить еще одного претендента на престол, Массиву, что окончательно привело к конфликту.

Даже войны 40–30-х гг. II века не были столь сильным оскорблением римского общественного мнения. Ведение войны было поручено консулу 110 г. Сп. Постумию Альбину, который передал армию своему легату, брату Авлу. Возле Сутула войско Авла Постумия было окружено, римлянам пришлось сдаться, армия прошла под ярмом, что было самой позорной формой капитуляции, и должна была очистить Нумидию.

Антиаристократическая кампания нарастала. По предложению трибуна Г. Маилия Лиметана создается комиссия для суда над виновникам поражения. Главными осужденными были Опимий, Постумий и Кальпурний Бестия. В 109 г. командующим стал Квинт Цецилий Метелл, принадлежащий к одному из самых влиятельных кланов и не связанный с делом Югурты. После победы римлян на р. Мутул, Югурта стал отступать в пустынные районы Нумидии, ведя партизанскую войну. Метелл медленно продвигался вглубь страны. Народное недовольство продолжалось, и на его гребне выдвинулся новый лидер, Гай Марий.

Этот человек был уже самым тесным образом связан с Цезарем, и на его биографии мы остановимся более подробно. Марий родился в Арпине, в небогатой, видимо, всаднической семье. Согласно Плутарху, в год смерти

(87 г.) ему было 70 лет (Plut. Mar., 45), что дает 157 год в качестве года рождения. В 134–3 гг. Марий служил под Нуманцией под началом Сципиона Эмилиана, удостоившись похвал и покровительства полководца (Ibid., 3). Кроме Сципиона, Марий имел покровителей в лице Метеллов, будучи их потомственным клиентом (Ibid., 4). В 119 г. он стал народным трибуном и предложил закон о судах «уменьшающий значение знати». Консул Л. Аврелий Котта оказал сопротивление, но Мария поддержали Метеллы (Plut. Mar., 4). Вскоре он выступил против хлебного закона, а в 118 г. провалился на выборах в эдилы (Plut. Mar., 5). Примерно в это же время Марий женился на одной из представительниц рода Юлиев Цезарей, тете будущего диктатора (Plut. Mar., 6). В 115 г. он с большим трудом стал претором, а затем был обвинен в подкупе избирателей и исключен из сената, хотя сам процесс кончился оправдательным приговором (Plut. Mar., 5). Карьеру Мария трудно назвать успешной, как «новый человек» он испытал особые трудности. Теперь его выдвинула война.

В 114 г. Марий отличился в качестве пропретора Дальней Испании (Plut. Mar., 6), а в 109 г. Метели взял Мария в Африку в качестве легата. Марий отличился при Мутуле и стал правой рукой командующего и кумиром солдат. На волне критики Метелла Марий делает решающий шаг: он получил консульство на 107 г. и стал преемником Метелла в качестве командующего армией. Вокруг Мария объединились разные антисенатские силы. Его поддержали солдаты африканской армии и деловые круги, вначале в Африке, а затем — в Риме (Sail. Jug., 63–65; 85). Вскоре его поддержали популяры и массы городского и сельского плебса (Ibid., 73; Plut. Mar., 8–9). Антисенатские силы, представлявшие значительное большинство населения, нашли теперь лидера в «вышедшем из народа» популярном военачальнике.

Отправляясь в Африку, Марий пополнил армию, совершив новшество, именуемое «военной реформой Мария». Саллюстий сообщает, что Марий стал набирать воинов «не по обычаю предков» (*non more maiorum*) из числа входящих в классы (*ex classibus*), но из числа добровольцев, в том числе — пролетариев (*Sail. lug.*, 86; *Plut. Mar.*, 9). Многие ученые видят в реформе политическую революцию, создавшую особую профессиональную армию из пролетариев, которая и стала носителем монархического строя^{74}. Другие (Р. Смит, Э. Габба, С.Л. Утченко) склонны считать ее скорее концом достаточно длительного процесса, начавшегося со времен 2 Пунической войны^{75}. Наконец, для некоторых исследователей истории римской армии (П. Брюнт, Ж. Арман, Й. Фогт, В. Шмиттенер)^{76}, это было, скорее, начало пути.

Собственно говоря, это был все тот же поиск новых ресурсов. Проблема возникает и ранее, особенно в ходе 2 Пунической войны, когда после Канн римляне шли на любые экстраординарные меры вплоть до вербовки заключенных и рабов (*Liv.*, XXII, 57; XXIII, 14a), а черта бедности снизилась с 11 до 4 000 сестерциев. На поиск новых ресурсов были направлены и гракханские реформы. Реформа Мария пока еще не приняла значительных размеров, африканская армия насчитывала всего 2 легиона^{77}, но она «открыла все шлюзы, через которые и хлынули в армию различные слои неимущего населения»^{78}. Массовые армии последующих войн втянули в себя почти все население.

Тактика Мария мало отличалась от тактики Метелла. Как и его предшественник, Марий медленно теснил Югурту вглубь пустыни. Царь отступал в Мавретанию, оказавшись во власти царя этой страны, Бокха, вступившего в переговоры с римлянами. Их вел квестор и будущий враг Мария, Луций Корнелий Сулла. Молодой

аристократ из ветви Корнелиев Руфинов, Сулла был беден в молодости (Plut. Sulla, 1), а после смерти прадеда, консула 290 и 277 гг. П. Корнелия Руфина, несколько поколений Сулл не занимали высоких должностей. В молодости будущий диктатор много вращался в кругах артистической богемы и имел успех у женщин полусвета, благодаря которым в немалой степени составил свое состояние. Известно, что одним из его «спонсоров» была гетера Никопола, другое состояние оставила собственная мачеха (Plut. Sulla, 1). Ранняя биография будущего диктатора известна крайне плохо, и впервые он появляется в 107 г. до н.э. как квестор Мария в возрасте 31 года, что было довольно поздно для потомственного аристократа и патриция. Впрочем, это был действительно неожиданный взлет. Сулла, командуя кавалерией, отличился в боях с нумидийцами и теперь блестяще выполнил сложную дипломатическую миссию (Sail, Jug., 89-94; 97-101). После колебаний Бокх заключил мир с римлянами и выдал Югурту Сулле, который доставил его в римский лагерь. Война закончилась.

Победа вызвала новое возвышение Мария, сделав его самым популярным полководцем Рима. Это положение тем более поддерживалось перспективой предстоящей тяжелой войны. Югурту провели в триумфе Мария и казнили, Нумидия была разделена на две части, западную получил Бокх, а восточную — брат Югурты Гауда. Нумидия перестала быть соперником Рима в Африке, по крайней мере, так полагали римляне. Рим вышел из этой непрестижной, «грязной» войны. Впрочем, Марий был не единственным героем, пропаганда оптиматов стала противопоставлять ему Метелла, реально выигравшего войну, и Суллу, ставшего героем ее заключительного этапа (Veil. II, 12; Plut. Mar., 10; Sulla, 3; 6).

Еще более опасная ситуация возникла на севере. На протяжении 60–30-х гг. здесь наступило затишье и только в последней трети II века происходит активизация римской, а затем и «варварской» политики. В 135 г. римляне предприняли экспедицию в Далмацию, в 129 г. консулу Тудитану пришлось воевать с племенем япудов, а в 119 г. один из представителей рода Метеллов, Кв. Цецилий Метелл, получивший прозвище Далматик, победил далматов и скордисков и сделал Салоны главной базой римлян. Войны со скордисками продолжались до 107 г. и завершились захватом областей современной Боснии и Герцеговины. Римляне оттеснили скордисков за Дунай и заключили договоры с соседними племенами.

В 20-е гг. 2 века римляне начали наступление в Галлии. Военные действия начал гракханский лидер, консул 125 г. Кв. Фульвий Флакк. В 122 г. римляне двинулись на алоброгов. Война вовлекла в конфликт два крупнейших племенных союза южной Галлии, эдуев и арвернов. Эдуи предпочли союз с Римом, арверны поддержали аллоброгов. В 121 г. в двух сражениях консул Кв. Фабий Максим разбил галлов. Итогом этой войны стало присоединение области к югу от Севенн и верхнего течения Гаронны до Тулузы (Толоса), которая превратилась в провинцию Нарбонская Галлия. Войны велись относительно небольшими силами. В 128–128 гг. римская армия насчитывала 5 легионов, в 125 г. она выросла до 6–7, а в 120–119 гг. упала до рекордной цифры в 3–4 легиона. Новое увеличение начинается со 115 г. с начала кимврской, а чуть позже — Югуртинской войны^{79}.

Со 113 г. с севера нависла новая опасность. Германские племена кимвров и тевтонов двинулись из района побережья Балтийского моря в поисках мест для поселения. К ним примкнуло множество кельтов, и вся огромная кочующая орда подошла к альпийским

проходам. Последовала цепь поражений. В 113 г. была разбита армия М. Юния Силана, в 107 г. гельветы (племенной союз в совр. Швейцарии) уничтожили армию Л. Кассия Лонгина. Поражение потерпел и его легат Л. Кальпурний Пизон.

Готовясь к более серьезным столкновениям, оптиматы нанесли удар по внутреннему противнику. В 106 г. консулом стал один из их лидеров, Кв. Сервилий Цепион, который провел закон о судах, аннулирующий закон Гая Гракха и возвращающий суды сенаторам. Новая неудача изменила все.

В 105 г. против германцев выступили армии консула Гн. Маллия Максима и ставшего проконсулом Сервилия Цепиона. На помощь подошли войска Эмилия Скавра. 6 октября 105 г. при Араузионе произошла битва, закончившаяся разгромом римлян. Современники сравнивали ее с битвой при Каннах, согласно Плутарху, в сражении пало 80 000 римлян (Veil., 11,12; Liv. Epit., 67; Plut. Mar., 9). Ливии дает еще более значительные цифры — 80 000 легионеров и 40 000 обозной прислуги.

Цифры Плутарха и Ливия явно преувеличены, но, несмотря на это, значение поражения и масштабы войны трудно переоценить. По подсчетам П. Брюнта, в 109 г. армия выросла до 8, а в 105 — до 11 легионов. Фактически вся она была уничтожена при Араузионе, и Марию, видимо, пришлось воссоздавать ее заново. В 104–100 гг. армия насчитывала 11–13 легионов^{80}. Плутарх и Ливии вполне правомерно полагают, что со времен 2 Пунической войны римляне никогда не были в таком тяжелом положении.

Араузион был поворотным пунктом в римской политической жизни. Консулом 104 г. стал Марий. Одновременно происходит выдвижение двух лидеров популяров, Л. Апулея Сатурнина и Г. Сервилия Главции. 1 января 104 г. состоялся триумф над Югуртой (Sail. Jug., 114; Plut. Mar., 12; Veil., 11, 12), что должно было поднять

дух римлян и оттенить успех «нового человека» на фоне неудач полководцев-аристократов. Весь год Марий занимался подготовкой к войне, тем же самым он занимался и в 103 году, ставшем годом его третьего консульства. Начиная складываться своеобразный «принципат» Мария, вокруг которого собирается мощная «личная партия» и все силы, враждебные оптиматам. Среди верхушки марианцев было немало представителей знати, Корнелиев Сципионов, Юниев Брутов, Марциев, Валериев Флакков, Антониюв. Видное место в этом окружении заняли и Юлии Цезари. С другой стороны, среди марианского руководства было много «новых людей», которые, как и сам Марий, добились успеха благодаря собственным заслугам и покровительству лидера: Г. Флавий Фимбрия, Маний Аквиллий, Г. Норбан, Кв. Серторий и др. Бросается в глаза концентрация вокруг Мария представителей подчас весьма знатных родов, которые однако, утратили позиции в верхних эшелонах власти.

Превращению марианцев в правящую партию способствовали и другие обстоятельства. Волна процессов, начатая по инициативе Сатурнина и Главции, сильно сократила число консуляров, большинство из которых составляли оптиматы. Жертвами комиссии Лиметана были Г. Порций Катон (консул 114 г.)^[18], Л. Кальпурний Бестиа (консул 111 г.) и Сп. Постумий Альбин (консул 110 г.). В 103 г. по инициативе Сатурнина был принят закон об оскорблении величия, направленный против виновников поражения в войне с германцами. Центральными фигурами процессов стали Сервилий Цепион, главный виновник араузионского поражения, которого обвиняли Сатурнин и Г. Норбан (Liv. Epit., Licin. p. 13 Flemish), и Г. Маллий. Жертвами войны стали другие консуляры: осужденный Гн. Папирий Карбон (113 г.) и погибший Л. Кальпурний Пизон (112 г.), возможно на войне погибли консул 107 г. Г. Кассий

Лонгин и консул 109 г. М. Юний Силан. Интересным, быть может, не случайным симптомом времени, стали частные смерти должностных лиц: во время пребывания в должности умерли знаменитый противник Гая Гракха, консул 112 и цензор 109 г. М. Ливии Друз, сын убийцы Тиберия Гракха, консул 110 г. П. Корнелий Сципион Назика и один из коллег Мария Л. Аврелий Орест (103 г.). В 104 г. умерли два лидера аристократов, консул 122 г. Л. Домиций Агенобарб и консул 119 г. Метелл Далматик.

Поредевшую элиту сената составляли теперь несколько представителей рода Метеллов: Кв. Цецилий Метелл Капрарий (113 г.), Метелл Нумидийский (109 г.) и, возможно, Метелл ДиадеMAT (117 г.) и М. Цецилий Метелл (115 г.) и оптиматов — принцепс сената М. Эмилий Скавр (115; suff. 108), Г. Атилий Серран (106 г.), П. Рутилий Руф (105 г.) и бывший гракханец М. Минуций Руф (110 г.). К этим 8 или 10 консулярам, из которых Марию противостояли только Метеллы, добавились несколько марианцев — Г. Флавий Фимбрия (104 г.), Маний Аквилый (101 г.) и Л. Валерий Флакк (100 г.). За время «принципата Мария» оптиматы сумели провести только одного своего кандидата — Кв. Лутация Катула (102 г.).

Если на верхних этажах существовало шаткое равновесие, то на нижних позиции марианцев были гораздо сильнее. Всадники и плебс почти полностью поддерживали Мария, а многие исследователи вообще считают знаменитого полководца ставленником всаднического сословия^{81}. Позже, в 88 г. Сульпиций окружил себя «антисенатом» из 600 молодых всадников, а Сулла уничтожил 1600 представителей этой части общества (App. В. С, 1, 95). Наконец, Марий имел сильные позиции среди средних классов и низов общества, особенно — безземельной части армии и ветеранов, число которых постоянно росло. Он был и

кумиром плебса, ожидавшего от Мария решения всех своих проблем.

Решающая фаза войны началась в 102 г. Германцы, наконец, вторглись в Италию. Тевтоны шли вдоль Лигурийского побережья, кимвры пытались прорваться через альпийские проходы в северо-восточной части хребта. Консулы разделились, Марий встал против тевтонов, Катул защищался от нашествия кимвров. Первым ударом Марий разбил амбронов, бывших авангардом тевтонского войска. Основная масса тевтонов обошла его лагерь в районе пересечения Изары и Роны, но Марий пошел за ними и вновь перекрыл путь у Секстиевых вод (Аквы Секстиевы) недалеко от Массалии. В сражении армия Мария одержала полную победу, остатки германцев были проданы в рабство. Полиэн оценивает силы тевтонов в 100 000 человек (Polyaen, VIII, 10, 1-3), что может быть достаточно близко к реальности, поскольку племя шло полным составом, а по пути к нему примкнуло множество галлов. Плутарх дает то же число для потерь германцев (Plut. Mar., 21). Невероятные цифры, 200 000 убитых и 90 000 пленных, дает Ливии (Liv. Epit., 68). Армия Мария насчитывала 32 000 солдат.

Более слабая армия Катул а (20 300 человек) отступала, не решаясь вступить в сражение с кимврами. Одним из его легатов был Сулла. Он снова начал службу в 104 г. будучи легатом у Мария, а затем — военным трибуном 103 г. Поссорившись с Марием, Сулла служил легатом в армии Катула в 102-101 гг., вероятно, сыграв немалую роль в кампании (Plut. Sulla, 3). Другим офицером, отличившимся в этой войне, был Квинт Серторий (Plut. Sert., 4). После Акв Секстиевых, войска Мария и Катула соединились. В 101 г. при Верцеллах (в верховьях По) произошла новая битва. После жестокого сражения, германцы были разбиты. Наступление римлян остановили германские женщины. Легионерам пришлось

выдержать вторую битву, в которой погибла большая часть кимвров, их остатки были проданы в рабство. Плутарх оценивает силы кимвров в 100 000 человек (Plut. Mar., 26). Согласно Орозию, у них было 60 000 убитых и 60 000 пленных (Oros., V, 16, 66). Полиэн оценивает потери в 160 000 воинов (Polyaen., VIII, 10, 1-3). Ливии снова дает огромные цифры в 140 000 убитых и 100 000 пленных (Liv. Epit., 68).

Опасность с севера перестала существовать. В ходе войны завершились перемены, начатые во время войны с Югуртой. Происходит окончательный переход к когортной тактике, отказ от римской конницы и легкой пехоты, переход на иноземные контингента, и введение метательного копья (пилума). Четырехлетнее консульство Мария сделало его фактически независимым от сената главой государства. Налицо было его стремление сохранить свою власть, равно как и нарастающее опасение общества перед лицом военной диктатуры. Особенно важным для Мария была необходимость расплатиться с армией. В самой марианской партии активизировались радикальные силы во главе с Сатурнином и Главцией.

В ходе новой предвыборной кампании Марий и его союзники одержали победу. Марий в шестой раз стал консулом на 100 год до н.э. вместе с Валерием Флакком (Plut. Mar., 28), Сатурнин вторично стал народным трибуном, а Главция — претором (Plut. Mar., 29; App. B. C, I, 28; Flor, II, 16). Марианцам пришлось прибегнуть к подкупу (Plut. Mar., 28), особенно трудной была кампания Сатурнина, пошедшего на убийство своего соперника Нония (Plut. Mar., 29; App. B. C, I, 28; Liv. Epit., 69; Val. Max., IX, 7, 3; Flor, III, 16; Oros., V, 17, 3).

Главным пунктом программы Мария и Сатурнина стал аграрный закон. Согласно Аппиану, предполагалась раздача земель в захваченной части Галлии (App. B. C, I, 29). По другим данным, предполагалось раздать по 100

югеров земли воинам Мария в Африке, а также — вывести колонии в Сицилию, Ахайю и Македонию (De v. 111., 73). К закону было добавлено, что в случае его принятия, сенат должен был дать клятвенное обязательство привести закон в исполнение под угрозой штрафа в 20 талантов и исключения из сената (App. V. C, I, 30; Plut. Mar., 29). Скрывая сговор с Сатурнином, Марий обещал сенаторам противодействовать принятию закона (Plut. Mar., 29).

Закон Апулея продолжал гракханские традиции, сочетая аграрный закон, колонизацию и частичное привлечение италиков, которых было немало среди марианских солдат^{82}. Было и новое. Марий во многом реализовал мечты Гракхов об обеспечении обороноспособности Рима, но как военный, он явно сделал крен в эту сторону, обеспечивая солдат и ставя наделение землей в зависимость от военной службы^{83}. Видимо, именно это опасение перед военной диктатурой и грубой силой способствовало росту антимарианской оппозиции. С другой стороны сам Марий чувствовал себя достаточно неуютно в борьбе на форуме, которая предстояла ему с наступлением мирного времени (Plut. Mar., 28).

Законопроект встретил поддержку сельского плебса, среди которого было много марианских солдат^[19]. Напротив, городской плебс, не связанный с землей и армией и охваченный клиентами знати, оказал сопротивление. Сатурнин специально рассылал гонцов, призывая марианских ветеранов (App. V.C. I, 29). В день голосования несколько трибунов наложили вето. Городская толпа требовала роспуска собрания под предлогом грома. В завязавшейся схватке сторонники Мария и Сатурнина силой прогнали противников с форума (App. V. C, I, 30).

После этого «принятия закона» Марий потребовал присяги сената, используя ее как предлог для

разгрома «партии Метеллов». Метелл Нумидийский демонстративно отказался присягнуть и ушел в изгнание (App. B. C, I, 31; Plut. Mar., 28-9; De v. ill., 73; Flor, III, 16). Риторика «К Гереннию» упоминает хлебный закон Сатурнина (1,21), но молчание Аппиана и Плутарха вызывает известные сомнения.

К концу 100 г. Марий начинает исчерпывать кредит доверия. Демагогия и насилия Сатурнина шокировали общественное мнение. Марианский блок начал распадаться. Подходил срок новых выборов, и Марий не решился выставить свою кандидатуру. Популяреры поддерживали Главцию. Сатурнин в третий раз стал трибуном, а его коллегой был Л. Эквитий, выдававший себя за сына Гая Гракха (App. B.C. I, 32; Flor, III, 16; 30). Против Главции выступили сильные кандидаты, выдающийся оратор Марк Антоний и Гай Меммий. Обоих выдвинула «центристская группировка». Антоний родился в 143 г. (Cic. Brut., 161), был квестором 113 г. и претором 102 г. (Liv. Epit., 68), после чего стал пропретором Киликии. Известный как один из лучших римских ораторов, он оказывал услуги обеим сторонам: в 113 г. обвинил в измене Гн. Папирия Карбона, открыв серию процессов, связанных с поражениями в войне с германцами, в 99 г. выступил против трибуна П. Тиция, а в 98 г. защищал от обвинения в вымогательствах друга Мария, Мания Аквилия. Другой кандидат, Гай Меммий, был лидером популяреров в 111 г. и центральной фигурой антиартистократической кампании в период войны с Югуртой. Одержать победу над такими противниками было нереально, и Сатурнин организовал убийство Меммия (Liv. Epit., 69; App. B. C, I, 32; De v. ill., 13 Cic. Cat., IV, 4). Это и вызвало ответный удар.

Гибель Меммия вызвала взрыв народного возмущения. Воспользовавшись этим, сенат решил расправиться с Сатурнином. Было принято «крайнее решение» (*senatusconsultum ultimum*), оптиматы,

центристы и марианцы выступили единым фронтом. Противники Сатурнина, вероятно, действуя по заранее подготовленному плану, вышли на форум. Во главе их стояли консуляры: консул 115 и цензор 109 гг. М. Цецилий Метелл, консул 117 г., известный правовед Кв. Муций Сцевола, консул 117 г. Л. Цецилий Метелл Диадема, консуляры Г. Атилий Серран (106 г.), бывший легат Метелла П. Рутилий Руф (105 г.), консул 102 г. Кв. Лутаций Катулл (*Cic. pro Rab.*, 21). Особенно широко было представлено молодое поколение оптиматов и «центристов», ставшее в два последующих десятилетия правящей элитой республики. Цицерон называет будущих консулов 96 г. Гн. Домиция Агенбарба и Г. Кассия Лонгина, консулов 95 г. знаменитого оратора Л. Лициния Красса и его коллегу, правоведа Кв. Муция Сцеволу, консула 94 г. Л. Домиция, консула 92 г. Г. Клавдия Пульхра, знаменитого реформатора, трибуна 91 г. М. Ливия Друза и его будущего противника, Кв. Сервилия Цепиона, сына виновника Араузионского поражения и, наконец, консула 76 г. Г. Скрибония Куриона. События 100 г. стали и политическим дебютом будущего сулланского руководства: здесь были будущий консул 87 г. Гн. Октавий, народный трибун 100 г. и консул 88 г. Кв. Помпей Руф, его коллега по трибунату Л. Порций Катон (консул 89 г.), дядя Катона Утического, консул 79 г. П. Сервилий Ватия и консул 78 г. Кв. Лутаций Катулл. Здесь были и такие деятели как Л. Марций Филипп (консул 91 г.), Л. Корнелий Сципион (консул 83 г.), М. Эмилий Лепид (консул 78 г.) и Д. Юний Брут (консул 77 г.). Восторженно перечисляя громкие имена аристократов, Цицерон заявляет, что против мятежников выступили «все» Октавии, Метеллы, Юлии, Кассии, Катоны, Помпеи (*Cic. pro Rab.*, 7, 21). Сенаторов поддержали все преторы и трибуны (*Cic. Ibid.*). Оптиматы добились поддержки большого числа всадников, и исследователи говорят о восстановлении

союза всадников и сената^{84}. На стороне правительства была и народная поддержка. Под давлением общественного мнения Марий был вынужден возглавить правительственные силы, за ним последовала и марианская партия в сенате во главе с Валерием Флакком (Cic. pro Rab., 7, 20; App. B. C., I, 32; De v. ill., 67; Veil., II, 12).

Развязка была неизбежна, правительство использовало вооруженные отряды. Небольшая группа сторонников Сатурнина вместе с Главцией и Г. Сауфеем была загнана на Капитолий. Марий перерезал водопровод и вынудил Сатурнина сдаться, возможно, дав ему гарантии личной безопасности, однако он уже не был хозяином положения. Противники Сатурнина разобрали крышу курии, где находились арестованные, и перебили всех, кто находился в здании (App. B. C, I, 32; Plut. Mar., 30; Liv. Epit., 69). Согласно Аппиану и Веллею, убийство произошло в курии Гостилия, согласно Плутарху — на форуме.

События 100 г. примечательны в ряде отношений. Это была первая неудачная попытка военного переворота, когда военные попытались взять власть при помощи трибунов-популяр, движение которых приобретало все более насильственный и демагогический характер. Можно согласиться и с Т. Моммзенем: со времени Гракхов правительственная партия никогда не одерживала столь полной победы, и, возможно, никогда ранее ей не удавалось найти столь массовую поддержку.

Популяры были уничтожены. Марий потерял значительную часть своего ореола победителя германцев. В 99 г. оптиматы добились возвращения Метелла Нумидийского, превратившегося в подлинный триумф. Сопrotивляющийся его реабилитации трибун П. Фурий был растерзан толпой (Plut. Mar., 31; App. B. C, 1,

32). Наоборот, Марий покинул Рим под предлогом исполнения религиозного обета (Plut. Mar., 31).

4. Катастрофа (99-81 гг. до н.э.)

Было бы не совсем правильно считать события 100 г. только победой оптиматов. Наряду с их успехами происходит выдвижение группы умеренных реформаторов, в данный момент поддерживавших аристократию, но в целом стремящихся проводить «средний курс», сочетавший опору на традиционные ценности и ограниченные, но своевременные реформы. Основой этой группы стал политико-интеллектуальный ораторский кружок^{85}, центром которого были три знаменитых оратора: консул 95 г. Лициний Крассе, его дальний родственник, правовед Кв. Муций Сцевола и оратор Марк Антоний. Род Муциев Сцевола имел репутацию выдающихся знатоков права, а три представителя рода, Крассе Муциан (131-130 гг.), П. Муций Сцевола (130-115 гг.) и П. Муций Сцевола (89-82 гг.), занимали в указанное время должности великого понтифика. К ним примыкает и консул 117 г. П. Муций Сцевола (Сцевола-авгур), у которого учился праву Цицерон (Cic. Lael., 1; Plut. Cic, 3). Репутацию выдающихся правоведов и ораторов имели Крассы. Достаточно видное место, о чем будет сказано далее, занимал и род Юлиев Цезарей. Старшее поколение клана Крассов-Сцевола было тесно связано с Гракхами. Тиберий Гракх и Крассе Муциан были женаты на сестрах, дочерях принцепса сената, Аппия Клавдия Пульхра, консула 143 г. Гай Гракх был женат на дочери Красса Муциана.

Младшие представители кружка Крассов-Сцевола также представлены громкими именами, которые не раз появятся в дальнейшем изложении. Это трибун 91 г. М. Ливии Друз, П. Сульпиций Руф и Г. Аврелий Котта, который, как и его братья, стали крупными

реформаторами. Практически все реформаторы периода от Гракхов до Суллы были так или иначе связаны с этим кругом.

Равновесие сил и преобладание «умеренных» показывает список консулов 99–91 гг. Из 20 консулов 99–91 гг. шестеро представляли группу Крассов-Сцевола: М. Антоний (99 г.), П. Лициний Крассе (97 г.), оратор Л. Лициний Крассе и Кв. Муций Сцевола (95 г.), С. Юлий Цезарь (91 г.), Л. Юлий Цезарь (90 г.). Шесть человек можно отнести к оптиматам, в основном, умеренным. Это Кв. Цецилий Метелл Непот (98 г.), Гн. Домиций Агенобарб (96 г.), Л. Домиций Агенобарб (94 г.), Г. Клавдий Пульхр (92 г.) и, возможно, А. Постумий Альбин (98 г.) и Г. Кассий Лонгин (96 г.). Третью группу (7 человек) составляли умеренные марианцы и «новые люди»: Т. Дидий (98 г.), Г. Целий Кальд (94 г.), Г. Валерий Флакк и Г. Геренний (93 г.), М. Перперна (92 г.), Л. Марций Филипп (91 г.) и П. Рутилий Луп (90 г.).

90-е гг. были достаточно спокойным периодом. В 99–96 гг. армия насчитывала всего 4 легиона (в основном — армия Дидия в Испании), в 95–92 гг. — 5–6.^[86] Государство стояло перед лицом трех проблем: союзнического вопроса, положения на востоке и «всаднических законов».

В конце II века на востоке происходят важные перемены. Два главных эллинистических царства, Селевкидское и Птолемеевское, были ослаблены, превратившись во второстепенные державы. В 129 г. парфяне разбили Антиоха VII Сидета и завладели Месопотамией, оттеснив Селевкидов в Сирию. Царю Парфии Митридату II (123–88 гг. до н.э.), одному из крупнейших правителей страны, удалось разбить туранских кочевников и создать огромную державу, включавшую Иран и Месопотамию. В 90-е гг. усилилось Армянское царство. В 94 г. царь Тигран II объединил страну и начал расширять свои владения. В 82 г. он

даже завоевал Селевкидское царство, на некоторое время став прямым преемником династии (до 69 г.) и претендуя на положение главы новой великой державы.

Впрочем, непосредственная угроза исходила от третьего эллинистического властителя, Митридата VI Евпатора (115–62 гг. до н.э.). Пройдя через перипетии борьбы за власть, царь начал создавать новую империю. В первые годы правления он присоединил Боспор, Колхиду и Малую Армению, тем самым установив контроль над Причерноморьем. В 101 г. Митридат захватил Галатию и Пафлагонию, а в 92 г. до н.э. попытался захватить Каппадокию, чему помешал бывший пропретором Киликии Сулла. Это было первое столкновение римлян с великими державами востока, сыгравшее немалую роль в возвышении Суллы как «полководца оптиматов». Прославившись в югуртинской и кимврской войне, он без особого успеха продвигался на политическом поприще, не будучи популярен в народных массах. В 95 г. он провалился на выборах в преторы, Плутарх, ссылаясь на мемуары диктатора, пишет, что причиной провала было желание народа избрать его эдилом и увидеть травли африканских зверей, но странность объяснения очевидна и самому историку (Plut. Sulla, 5). Претуру Сулла получил только в 93 г., в 92 г. он стал пропретором Киликии. По возвращении Сулла был обвинен в вымогательствах, но обвинитель, Л. Марций Цензорин взял обвинение обратно (Plut., Ibid.), что, впрочем, не спасло его от уничтожения в период сулланской диктатуры (Cic. Brut., 237; 311).

Тем не менее, обстановка накалялась. Партия Крассов-Сцевола пыталась решить обе сложнейшие проблемы: проблему союзников и проблему всаднических судов и публиканов. В первом случае их союзниками были марианцы, во втором они оказывались главным противником. Напротив, оптиматы были за

возвращение судов, но против предоставления прав гражданства союзникам. Более того, со времени поездки Мария в Азию, марианцев интересовала перспектива войны с Митридатом, которая могла снова выдвинуть стареющего победителя германцев.

С 94 г. этот узел противоречий приобрел опасный характер. Будучи проконсулом Азии, Муций Сцевола, обеспокоенный положением в провинции и настроениями местного населения, начал энергичную борьбу с публиканами, деятельное участие в которой принял его легат П. Рутилий Руф. Рутилий происходил из незнатной сенаторской семьи, и его жизненный путь был чем-то сходен с судьбой Мария. Волею судеб они оказались в разных лагерях. Рутилий родился около 154 г. до н.э., служил у Сципиона под Нуманцией и также сблизился с полководцем (App. Iber, 88). Через брак с Ливией, дочерью М. Ливия Друза, он породнился с противником Гракхов (Val. Max., VIII, 13, 6). В 109 г. он был легатом Метелла в Африке (Sail. Jug., 50; 52-3) и, сохранив лояльность командующему, взял на себя неприятную миссию передачи войск Марию (Ibid., 86), после чего вернулся в Рим. В 105 г. Рутилий был консулом, а в 100 г. оказал сопротивление Марию во время его шестой консульской кампании (Plut. Mar., 28) и участвовал в разгроме Сатурнина (Cic. pro Rab., 21).

В 92 г. публиканы обвинили Рутилия в вымогательствах и, несмотря на очевидную невиновность, всаднические суды признали его виновным. Рутилий демонстративно удалился в «ограбленную» им провинцию и прожил там до конца жизни, написав сочинение мемуарного характера (Cic. de orat., 1,229; Dio, 28. fr. 97; Flor, III, 17). Дело Рутилия обычно считается примером конфликта сенаторов и всадников^{87}, но за кулисами интриги, видимо, стоял Марий. Растет и интерес последнего к восточному вопросу.

С 90 г. наместником Азии стал Маний Аквиллий, жесткими действиями взявший курс на войну с Митридатом (Plut. Mar., 30). Впрочем, последующие события спутали все карты.

Скандалный процесс Рутилия стал толчком к выступлению реформаторов. Непосредственным инициатором стал трибун 91г. Марк Ливии Друз, сын трибуна 122 г. до н.э. и брат жены Рутилия. Вероятно, основными пунктами программы Друза были закон об италиках, видимо, присутствующий в ней изначально (App. В.С. I, 35), и закон о судах. Понимая необходимость привлечения народных масс, Друз заимствовал некоторые пункты программы Гракхов. Некоторые исследователи видят в нем еще одного продолжателя дела Гракхов^{88}, для других он продолжал деятельность отца, а близость с гракханскими реформами была вызвана объективной ситуацией^{89}. По мнению С.И. Ковалева, Друз стремился к реставрации старого порядка, но, понимая необходимость поддержки народа, создал консервативно-демократическую программу, соединив лозунги демократии с просенатской реформой судов^{90}, Хр. Мейер полагает, что Друз подошел к идеям Гракхов с другой стороны и теперь оптиматы решили заменить «твердолобое» сопротивление реформам гибкой контрреформой сверху, перехватив инициативу в свои руки^{91}. По мнению Э. Габбы, Друз был сенатским реформатором, не чуждым демагогии популяров^{92}.

Попытки контрреформ, несомненно, были. Друза поддержали центристские силы во главе с Крассом и Сцеволой. Но было и другое — осознание неизбежности близкого кризиса и желание его предотвратить. Эта перспектива теперь становилась ясной для любого здравомыслящего и честного политика, будь он оптиматом или популяром.

Первым законом Друза был судебный. Согласно Аппиану, Друз предложил добавить к примерно 300 сенаторов еще столько же всадников, чтобы довести общее число до 600 (App. B. C, 1, 35; Liv. Epit., 70; Flor, III, 17). В руки нового сената и предполагалась передать суды. Закон встретил сопротивление с двух сторон. Многие сенаторы, прежде всего, оптиматы, не желали включения в сенат всадников, наоборот, публиканы, марианцы и всадническое «лобби» в сенате были недовольны потерей судов. Лидерами оппозиции стали Кв. Сервилий Цепион, бывший шурином Друза и претором 91 г., и консул того же года Л. Марций Филипп, вероятно, и олицетворявший это всадническое «лобби». Филипп начинал как популярь, предложив в качестве народного трибуна аграрный закон 104 г., но затем перешел на сторону нобилитета. В 100 г. он участвовал в подавлении восстания Сатурнина, а в 93 г. неудачно баллотировался в консулы, вступив в конфликт с Кв. Сервилием Цепионом, обвинившим его в *ambitus* (Flor, 11,5). Теперь обе оппозиции фактически объединились.

Встретив сильную оппозицию в сенате, Друз обратился к народному собранию, используя гракханские методы. Судебный закон шел в «пакете» с аграрным и хлебным. Детали аграрного закона не совсем ясны (De v. III., 66). Аппиан пишет о намерении вывода колоний (App. B. C, I, 36), согласно Флору, Друз возбуждал народ «гракханскими разделами» и заявил, что не оставит для раздела ничего, «кроме неба и топей болот» (Flor, III, 17, 7). Хлебный закон только упоминается авторами и, вероятно, предполагал снижение цен (De v. 111., 66; Liv. Epit., 71). Нарушив закон Цецилия-Дидия от 98 г. до н.э., Друз поставил все три закона на единое голосование (Flor, III, 17). Он действовал жестко, пригрозив Цепиону сбросить его с Тарпейской скалы (De v. ill., 66), а консул Филипп был

жестоко избит (Ibid.; Val. Max., IX, 2; Flor., III, 18, 8). Все три закона были приняты.

Вскоре позиции Друза стали ослабевать, а в сентябре 91г. противники перешли в наступление: Филипп резко выступил против законов в сенате (Cic. De or., I, 24; III, 3-5; Val. Max. IV, 8, 2), многие сенаторы и всадники стали отходить от Друза (App. B. C, I, 36), наконец, недовольство аграрным законом стали проявлять италики, особенно — этруски и умбры (Ibid.). Вскоре сенат отменил законы на основании закона Цецилия-Дидия, запрещающего такого рода «пакетные» предложения.

Друз обратился ко второму пункту своей программы, закону об италиках. Согласно Аппиану и Ливию, он сделал это еще до отмены остальных (App. B. C, I, 35; Liv. Epit., 71), по Веллею и Флору — после (Veil., II, 14; Flor., III, 17). Мы так и не знаем, был ли закон внесен, или Друз только собирался это сделать. Как и закон Гракха, закон Друза предполагал предоставление прав римского гражданства всем жителям Италии. Как и во времена Гракха, народ поддержал сенаторов, выступивших против закона. Друз установил связи с италиками, которые готовились к решительным действиям (Veil., II, 14; Liv: Epit. 71). Реформатор активно готовился к дискуссиям. Вечером, возвращаясь с народной сходки и прощаясь с избирателями, он получил смертельный удар кинжалом. Одним из подозреваемых в организации убийства был Марций Филипп.

Противники перешли к ответным действиям. Трибун Квинт Варий внес законопроект о привлечении к суду тех, кто «тайно или явно» помогал союзникам (App. B.C. I, 37). Несмотря на сопротивление других трибунов, всадники настояли на принятии закона. Началась истерия преследований, Жертвами закона стали консул 111 г. Л. Кальпурний Бестиа, уже пострадавший от комиссии Лиметана, и Гай Аврелий Котта, близкий друг

Друза, обвинению подверглись Эмилий Скавр и Л. Антоний (Cic. Tusc, II, 57; pro Sest, 101), а также — Л. Муммий, сын или внук знаменитого консула 146 г., разрушившего Коринф. Вскоре под давлением как знати, так и народа, процессы прекратились, а сам Варий был осужден по собственному закону (Cic. Brut., 89; 305). Провал реформ Друза имел катастрофические последствия. Началось, наверное, самое трудное десятилетие римской истории.

Восстание охватило практически всю южную и центральную Италию. Начавшись в конце 91 г. в городе Аускуле, где римляне обнаружили нити разветвленного заговора союзников, оно перекинулось на *другие* города и области страны. Вскоре появились два главных очага: южный, ядро которого составляли Самний, Лукания и север Апулии, и северный, где восстали небольшие племена центральной Италии (марсы, вестины, пицены, пелигны и др.). Перед началом войны союзники предъявили римлянам ультиматум, потребовав предоставления гражданства. Отказ римлян вызвал начало военных действий. Достаточно быстро создается организация повстанцев. Столицей стал город Корфиний, переименованный в Италию. Здесь находился сенат из 500 человек, народное собрание и должностные лица, 2 консула и 12 преторов.

Союзническая война (91–89 гг.) стала одной из самых опасных войн Рима. Ценз 227 г., приводимый Полибием, дает примерно равное соотношение сил. Согласно цензу, римские граждане насчитывали 300 000 военнообязанных, 134 000 приходятся на латинов. В районах, охваченных восстанием, обнаруживается около 320 000 человек (123 000 самнитов, 52 800 луканов, 89 600 апулийцев, 54 400 жителей Абруццо; 76 000 пришлось на колеблющихся этрусков и умбров)^{93}. Хотя численность, видимо, несколько выросла, пропорции примерно сохранялись. Италия испытала на себе

невероятное военное напряжение. П. Брюнт оценивает число римских легионов в 30–32 (больше, чем в худшие годы Ганнибаловой войны), т.е. около 150 000 человек. Примерно такими же силами располагали союзники^{94}. Операции проходили в непосредственной близости от Рима, в Лации и Кампании.

И все же Рим имел ряд преимуществ. За ним была долгая традиция, а италики были разнородны и раздроблены. В их тылу находились римские колонии. Римляне имели возможность политического маневра. В движении италиков сочетались две тенденции, старый сепаратизм, направленный на ограничение или даже свержение римского господства, и новые тенденции получения гражданства и занятия места в римской системе^{95}. [20]

В 90 г. против Кампании и Самния действовала армия консула Л. Юлия Цезаря. Второй армией, прикрывающей Рим с севера, командовал консул П. Рутилий Луп. В качестве легатов служили лучшие военачальники Рима, Марий, Сулла, Помпеи Страбон и др. Тем не менее, 90 год отмечен серией поражений римлян. На южном фронте самниты взяли Эзернию и Венафр. Самнитский командующий Папий Мутил развернул наступление в Кампании, занял Нолу и один за другим захватывал римские центры, Стабии, Минервий, Фалерн, Ацерры. Собрав значительные силы, в том числе — нумидийскую конницу, Луций Цезарь атаковал противника. В сражении у Ацерр погибло 6 000 самнитов. Согласно Ливию, после этой победы римляне сменили военную одежду на гражданскую, однако отступить пришлось не самнитам, а римлянам. В Апулии Гай Видацилий занял Канузий, Венузию и другие города, а римляне почти потеряли эту область (App. B. C, I, 41; Liv. Epit., 73).

Еще хуже обстояли дела на севере. Союзники атаковали консула Рутилия Лупа при переправе через

реку Толен. Римляне были разбиты, среди павших оказался сам консул (App. В. С, I, 43), командование армией приняли Марий и Сервилий Цепион. Марсийский военачальник Кв. Попедий Силон заманил в засаду войска Цепиона и разбил его. Марий, командовавший оставшейся армией, считал успехом то, что ему удалось вывести ее из под удара (App. В.С. I, 43; Liv. Epit., 73). Недалеко от Теана армия одного из Юлиев Цезарей (консула Луция или проконсула Секста) попала в засаду, понесла большие потери и так и не добралась до города (App. В.С. I, 45). Успехов добились и римляне: Марий и Сулла, действуя против пиценов, нанесли поражение марсам, а Сервий Сульпиций Руф успешно воевал против пелигнов (App. В.С. I, 46; Liv. Epit., 73). Возможно, самых больших успехов добился Помпей Страбон, разбивший союзников у Фалерна и Фирма. Союзническая армия Г. Видацилия отступила в Аускул, где и была блокирована Помпеем (App. В.С. I, 46; Liv. Epit, 74). По большому счету, год закончился поражением Рима.

Бессмысленная бойня уничтожала римскую боевую мощь, а производительные силы Италии подвергались невероятному перенапряжению. Сенат был вынужден пойти на массовую вербовку вольноотпущенников (Liv. Ibid.; App. В. С, I, 49). Возникла опасность, что восстание охватит Этрурию и Умбрию. В Риме четко обозначились две политические линии: одни требовали немедленного мира, реформ и выхода из кризиса, другие стремились лишь использовать различные маневры, чтобы потопить восстание в крови и «решить» союзнический вопрос путем уничтожения союзников. К первому варианту склонялись умеренные реформаторы и марианцы, известную дань этому варианту отдавал и Помпей Страбон. Силы, стремившиеся покончить с союзниками, все больше и больше делают ставку на Суллу. Мария выдвинула война с германцами, Сулла сделал свое имя на подавлении восстания союзников. Часть союзников

также зашла слишком далеко, ставя своей задачей полный разгром римлян.

В конце 90 г. по инициативе Л. Юлия Цезаря римское гражданство получали те союзники, которые еще не отложились от Рима (App. В.С. 1, 49), а в самом начале 89 г. по инициативе трибунов М. Папирия Карбона Арвины и Л. Плавтия Сильвана, был принят новый закон, по которому любой союзник, в течение 2-х месячного срока сложивший оружие и падавший заявление претору, мог получить гражданские права. Наконец, по закону Помпея Страбона (89 г.) латинское право было дано жителям Цизальпийской Галлии, а латинские колонии в этой области получили права римского гражданства. Перемены, которые могли бы вывести Рим из кризиса, в условиях последующих событий привели к трагическим последствиям.

В 89 г. римляне перешли в наступление. Армиями командовали новые консулы, Гн. Помпеи Страбон и Г. Порций Катон. Закон Юлия имел последствия, этруски и умбры приняли приглашение из Рима и отказались присоединиться к повстанцам. Посланный туда 15-тысячный отряд союзников был перебит Помпеем Страбоном (App. В.С. I. 49-50). В Этрурию и Умбрию все же прибыли римские войска, но серьезных операций там не было (Liv. Epit., 74). Сложнее шли операции против марсов, где воевали Марий и Помпеи Страбон, а затем и павший в бою Порций Катон. Только к концу года после гибели Поппедия Силона, марсы прекратили сопротивление (Ibid., 75-76; App. В.С. 1, 50). Так или иначе, после предложений из Рима, силы северного союза стали ослабевать. Помпею Страбону сдались вестины, пелигны и марсы (Liv. Epit., 76), теперь он нанес свой главный удар, осадив Аускул, где находились главные силы Видацилия, ранее прорвавшиеся на помощь городу, но снова попавшие в римский капкан. После долгой осады, город сдался римлянам, а

Видацилий покончил с собой (App. В.С. I, 47; Liv. Epit. 75–76). Северная конфедерация перестала существовать.

Командование на юге перешло к Сулле и именно здесь развернулись самые жестокие и кровопролитные бои. Согласно Аппиану, в нескольких сражениях у Нолы Сулла перебил около 50 000 самнитов и их союзников (App. В.С. I, 50), а затем по очереди разбил гирпинов и луканов. После этого Сулла повернул в Самний, атаковал Папия Мутила и занял главный город самнитов Бовиан (App. В.С. I, 51–52). Другая армия Гая Коскония вторглась в Апулию и заняла эту область, одержав большую победу неподалеку от Канн (Ibid., I, 52; Liv. Epit., 75). Войска Сульпиция Руфа подчинили марруцинов, а Кв. Цецилий Метелл Пий, сын Метелла Нумидийского, занял Япигию (Liv. Epit. 78; App. В. С, I, 53). К началу 88 г. сопротивление продолжалось только в Самний и Лукании, что отчасти было связано и с жестокостью римских армий.

Переломный характер Союзнической войны отмечают многие исследователи^[21]. Как правило, они акцентируют внимание на конструктивной стороне, превращении Рима — полиса в италийскую унитарную державу. Но война — это деструктивное явление, несущее потери и разрушения, а эта война имела и особые последствия. Флор замечает, что такого разорения Италии не было ни при Пирре, ни при Ганнибале (Flor, III, 18), а согласно Веллею Патеркулу, обе стороны потеряли 300 000 человек (Veil, II, 15–6). В полной мере экономику Италии удалось восстановить только во времена Цезаря и Августа. Война ослабила Рим и повлекла за собой неудачи в другой войне, Митридатовой, а показателем разрухи и кризиса стали долговые волнения 89 г., жертвой которых стал претор Семпроний Азеллион (App. В.С. I, 54).

С другой стороны, решение вопроса было половинчатым. Даже те италики, которые получили

полные права гражданства, были зачислены только в 8 или 10 новых триб (Veil., II, 20). Предстояла огромная практическая работа, растянувшаяся до 70 г. до н.э. Дело было и в прямом противодействии. В 90–88 гг. гражданских прав не получили самниты и луканы, составлявшие почти половину инсургентов. Часть союзников еще продолжала сражаться. Наконец, что было особенно опасно, в Риме набирали силу круги, готовые выиграть войну даже ценой уничтожения союзников и римлян.

Победы Суллы способствовали небывалому росту его авторитета. В 88 г. он стал консулом вместе с Кв. Помпеем Руфом (Veil., II, 17–18; Flor, III, 21; App. B. C, I, 55). В качестве консула он должен был завершить подавление восстания союзников, а затем (или вместо этого) — получить командование в войне с Митридатом. Символом окончательного союза Суллы и отпиматов стал его брак с Цецилией Метеллой, дочерью консула 115 г. Метелла Далматика, ставшего теперь великим понтификом (Plut. Sulla, 6).

Конфликт с Митридатом начался в 90–89 гг. В 88 г., разбив вифинцев, царь вторгся в Малую Азию и, одержав победу над слабой римской армией, быстро овладел провинцией. Опасения Сцеволы и Рутилия полностью оправдались, а разжигаемая марианцами война началась в самый неподходящий момент. По приказу Митридата произошла страшная резня, в которой погибло 80 000 римлян и италиков. Население Малой Азии признало царя: Митридата поддержали народные массы, в интересах которых он провел сокращение недоимок и освобождение рабов на волю, частично выполняя программу Аристоники. Пергам стал столицей нового царства Митридата, пропагандировавшего себя как лидера эллинистического мира в борьбе с Римом. Рим получил нового врага, сопоставимого с Пирром или Ганнибалом и готового вести глобальную войну.

Понтийское наступление развивалось стремительно. Флот царя в союзе с киликийскими пиратами захватывал города Эгейского моря. Пал Делос, родосцы оказали стойкое сопротивление. Армии Митридата вторглись в Грецию, где их главным союзником стали Афины, власть над которыми захватил тиран Аристион. В Пирее высадились войска лучшего полководца Митридата, Архелая. К нему стали присоединяться греческие города. Пергам и Греция были потеряны, под угрозой оказались Македония и даже собственно италийское побережье. Война с Митридатом стала вопросом номер один, и сенат принял решение направить на восток армию Суллы, осаждавшую Нолу.

В этот момент на политической арене появился Марий, выдвинувший претензии на командование в войне против Митридата (App. B. C, I, 55; Plut. Mar., 34; Sulla, 7; Flor, III, 21,6; Veil., 11, 18). Кроме личных претензий, его подталкивала личная вражда с Суллой. С другой стороны, народный трибун 88 г. П. Сульпиций Руф, выдвинул законопроект о записи италиков во все 35 триб, предоставив им равные права гражданства (App. B.C. I, 55; Liv. Epit., 77). Дополнительным требованием Сульпиция, бывшего ранее близким другом Друза, стало возвращение изгнанников, ставших жертвами комиссии Вария (Liv. Epit., 77). Две оппозиции, марианская и друзианская, объединились.

Неясно, когда произошло решающее столкновение, вероятно, связанное с законом об италиках (App. B.C. I, 55). Проект поддержали новые граждане, наоборот, старые были в оппозиции. Опасаясь за исход голосования, консулы и сенат объявили юстиции (временную приостановку ведения дел), рассчитывая хотя бы затянуть время. (App. B. C, I. 55; Plut. Sulla, 8). Сторонники Сульпиция требовали отмены запрета. В народном собрании произошло столкновение. Погиб сын Помпея Руфа. Под угрозой расправы Сулла отменил

юстиции, и Сульпиций провел все свои законопроекты. Марианцы одержали победу, а Марий занял пост командующего. Традиционные методы борьбы были исчерпаны (App. B. C, I, 56; Peut. Mar., 35; Sulla, 10; Liv. Epit., 77; Veil., II, 18).

Сулла направился к Ноле, где стояла его армия, и повернул ее против Рима. Практически все офицеры, кроме квестора Л. Лициния Лукулла, отказались за ним следовать, но солдатская масса поддержала полководца. Шесть легионов шли на Рим (App. B. C, I, 57; Plut. Mar., 35; Sulla, 9; Liv. Epit., 77; Veil., II, 19). Марианцы тщетно пытались вступить в переговоры. Сулла подходил все ближе и ближе. Поставив по одному легиону у Коллинских и Эсквилинских ворот и деревянного моста, он ввел оставшиеся войска в город. Наспех собранные отряды Сульпиция и Мария были рассеяны, в городе начался пожар. Рим был захвачен войсками, и Сулла расставил свои караулы (App. B. C, I, 58-59; Plut. Mar., 36; Sulla, 9; Flor, III, 21). Это был первый в истории Рима военный переворот.

Законы Сульпиция отменялись (Cic. Phil., VIII, 7; Liv. Epit., 77). Марий, Сульпиций и еще 10 лидеров марианцев были объявлены вне закона, а их имущество конфисковывалось (App. B. C, I, 61; Veil., II, 19; Plut. Sulla, 10). Согласно Аппиану, Сулла запретил вносить в народное собрание законы без санкции сената, что было фактической отменой законов Филона (339 г.) и Гортензия (287 г.) (App. B.C. I, 59). Аппиан пишет и о пополнении сената на 300 человек (Ibid.), а Ливии даже сообщает о выводе колоний (Liv. Epit., 77). Все это маловероятно, и относится уже ко времени сулланской диктатуры.

Положение победившего Суллы было достаточно сложным. Армия господствовала в Риме, но она ждала вознаграждения в виде восточного похода. Общественное мнение, и без того негативно

относящееся к Сулле, было шокировано его методами (Plut. Sulla, 10; App. B. C, I, 63.). Конкретная ситуация складывалась не в его пользу. Из изгнанников погиб только Сульпиций. Марий и другие бежали, а оппозиция настоятельно требовала их возвращения (App., Ibid.). Собственную игру начал Помпей Страбон: когда Сулла послал на смену лояльного Помпея Руфа, солдаты убили преемника, сохраняя верность Страбону (Ibid.; Liv. Epit., 77; Veil., II, 80). Неудачей стали и консульские выборы на 87 год. Кандидаты Суллы, его племянник Нонний и П. Сервилий Ватия, были провалены (Plut. Sulla, 10). Консулами стали Гней Октавий и Л. Корелий Цинна, и если первый был оптиматом, то рассчитывать на Цинну было довольно сложно.

Ранняя биография будущего лидера марианцев и тестя Цезаря известна плохо. Цинна происходил из младшей, недавно появившейся ветви Корнелиев, а его отец, консул 127 г. Л. Корнелий Цинна, был первым консулом из своего рода. Исследователи даже сомневаются в патрицианском происхождении Цинн^{96}. О его связях с Марием и популярами, равно как и с оптиматами, ничего не известно, как практически не известно и о каком-либо участии в политике. Цинна был претором в 90 или 89 гг. и участвовал в Союзнической войне, а в 88 г. вместе с Метеллом Пием воевал против марсов (Liv. Epit., 76). Уже в ходе предвыборной кампании он заявлял о враждебности Сулле (App. B. C, I, 63; Plut. Sulla, 10; Flor, III, 31). Перед отъездом Сулла взял с Цинны клятву не противодействовать его реформам, но не успел Сулла покинуть Италию, как Цинна начал против него процесс, действуя через народного трибуна Вергиния (Cic. Brut., 179; Plut. Sulla, 10).

Отъезд Суллы стал сигналом к действию. Цинна вернулся к программе Друза и Сульпиция, предложив закон о равном распределении италиков по всем 35 трибам (Cic. Phil., VIII, 7; Veil., II, 20; App. B. C, I, 54) и

возвращении изгнанников. Против Цинны выступил второй консул, Октавий. Группа трибунов наложила вето, а когда сторонники Цинны стали им угрожать, сторонники Октавия устроили нападение. Новое побоище превзошло все, что было ранее. Погибло 10 000 человек. Цинна был изгнан, а сенат лишил его власти и гражданских прав (App. B. C, I, 64-65; Plut. Mar., 41; Sert., 4; Veil., П., 20; Liv. Epit., 79; Licin. 15 Flemish).

Цинна фактически повторил действия Суллы. Он бежал в Капую к армии Аппия Клавдия, сменившей войска Суллы, и повел ее на Рим. К Цинне стали перебегать многие сенаторы, в том числе — 6 народных трибунов (Licin. P. 15 Flemish). На его сторону переходят союзные города (App. B. C, I, 66; Liv. Epit., 79). Мятежного консула поддержали многие новые граждане, ему удалось договориться с самнитами и заключить союз с прибывшим из Африки Марием (Cic. Brut., 79; Phil., VII, 7; pp. B. C, I, 6-7). Высадившись в Этрурии с отрядом рабов и изгнанников, Марий собрал 6-тысячное войско (App. B. C, I, 68). Наконец, четыре армии марианцев во главе с Марием, Цинной, Папирием Карбоном и Серторием осадили город (App. B. C, I, 69; Liv. Epit., 79).

Оптиматы также собрали значительные силы. На помощь Октавию были вызваны армии Метелла Пия, воевавшая против самнитов (App. B. C, 1,65; Plut. Mar., 42), а затем и войска Помпея Страбона (App. Ibid.; Plut. Pomp., 1; Licinian p. 18 Flemish.). По подсчетам П. Брюнта, у Октавия было 16 когорт, у Метелла — 3 легиона, а пиценская армия Помпея насчитывала 6 легионов^{97}, у Цинны было 150-180 000 человек^{98}, что, видимо, является преувеличением, но марианцы имели явное превосходство. Перед уходом Метелл пытался договориться с самнитами, но не смог этого сделать, хотя после ухода Суллы военные действия пошли на спад. Вскоре самниты заключили договор с марианцами (App. B. C, I, 69; Liv. Epit., 80).

Марианцы начали осаду города. Положение становилось все более сложным. Помпеи Страбон и его армия были ненадежны (Plut. Pomp., 1; Veil. II, 21), тем более, что полководец пытался вести сепаратные переговоры с Цинной. Октавий был непопулярен в армии, солдаты предлагали власть Метеллу, но тот отказался (Plut. Mar., 42). Марий атаковал Яникул, но Октавий и Помпеи вытеснили его из города. По данным Ливия марианцы потеряли около 7000 человек, а осажденные — 1700 (App. B. C, I, 68; Veil. II, 2; Liv. Epit., 80; Licin. p. Flemish).

Не сумев взять столицу штурмом, Марий и Цинна попытались взять ее измором. Марий захватил Остию, были взяты Анций, Ариция и Ланувий, где находились запасы продовольствия, которыми снабжался Рим (App. B. C, I, 69; Plut. Mar., 42; Flor, III, 21, 12). Это привело к массовому дезертирству, тем более, что вскоре после сражения погиб Помпеи Страбон (App. B.C. I, 68; Plut. Pomp., 1; Veil., II, 21). После его смерти дезертирство усилилось. Солдаты отказывались воевать, и сенат был вынужден пойти на переговоры и принять условия марианцев. Цинна был восстановлен в правах, решение об изгнании Мария отменялось (App. B. C, 1,10; Plut. Mar., 43; Liv. Epit., 80), часть правительственных войск сдалась, другая ушла вместе с Метеллом (Plut. Mar., 42; Diod. 38. fr. 2.).

Марий, Цинна и их сторонники вошли в город. Победа сопровождалась резней политических противников. Традиция единогласно считает инициатором террора Мария, а ударной силой — отряд рабов, именуемых бардиеями (App. B. C, I, 73-74; Plut. Mar., 43; Sert., 5; Veil., II, 22). Среди жертв террора были многие высокопоставленные оптиматы, особый удар наносился по группе Крассов-Сцевола. Одним из первых погиб Октавий, покончили с собой Корнелий Мерула, назначенный на место Цинны, и Лутаций Катул, коллега

Мария по консульству 102 г. Погибли известный оратор Г. Юлий Цезарь Страбон (Cic. Brut., 207; de or., III, 9), его брат, консул 90 г. Л. Юлий Цезарь, консул 99 г. М. Антоний, один из руководителей обороны, консул 97 г. П. Лициний Красс (Licin. p. 19; Flemish; App. B.C. I, 69). Жертвами репрессий были П. Корнелий Лентул, Гай Нумиторий, М. Бебий, претор 88 г. Квинт Анхарий, погибли другие сенаторы и всадники. Аппиан сообщает об изгнаниях, смещениях с должностей, конфискациях и репрессиях против друзей Суллы (App. B.C. I, 73). Согласно Диону Кассию, повальная резня длилась 5 дней (Dio, 30–35. fr. 103). Евтропий сообщает о гибели около 200 сенаторов в гражданской войне (Eutr., V, 9). Аппиан пишет, что в гражданской войне 83–82 гг. (App. B. C, I, 95) погибли 90 сенаторов, 40 из которых стали жертвами сулланских проскрипций. Если учесть потери в Союзнической войне, также, вероятно, входящие в список Евтропия, то жертвами марианцев стали несколько десятков сенаторов. Из сопоставления данных Аппиана о всадниках (App. B.C. I, 95) видно, что около 1000 из них стали жертвами войны и марианского террора.

Последний отличался особой жестокостью и публичным характером, а головы казненных выставляли на форуме (App. B. C, 1,71; Plut. Mar., 43–4). Волна репрессий прекратилась только тогда, когда Цинна и Серторий, видимо, прежде всего, по инициативе последнего, перебили вышедших из-под контроля марианских бардиеев (Plut. Mar., 43–4; Sert., 4; App. B. C, I, 74).

Консулами 86 г. стали Марий и Цинна. 70-летний диктатор осуществил мечту о семикратном консульстве. Он умер в январе 86 г., а консульское место занял посланный в Азию Л. Валерий Флакк (App. Ibid.; Liv. Epit, 81; Veil, II, 23). Место Мария занял Цинна. Он был консулом 86, 85 и 84 гг. (App. B.C. I, 75; 76; 83), а

регулярное переизбрание делало его фактическим диктатором Рима. Древние авторы именуют его режим *dominatio* (Veil., II, 28; *De v. ill.*, 67; *Tac. Ann.*, I, 1), *regnum* (*Sail. Cat.*, 47); *δυναστεία* (Dio, XXX–XXXV, 106; *μοναρχία* (Plut. *Caes.*, 1).

В 85–84 гг. его коллегой по консульству был Гней Папирий Карбон, возможно ставший консулом уже в 86 г. после гибели Флакка. Карбон происходил из семьи потомственных популяров. Его отец, консул 113 г. потерпел поражение от кимвров и, видимо, был осужден; брат, Г. Папирий Карбон, был трибуном 89 г. до н.э. и инициатором закона Плавтия-Папирия. Наиболее знаменит дядя, Г. Папирий Карбон, видный гракханец, трибун 131 г. и член аграрной комиссии вместе с Г. Гракхом и Фульвием Флакком, позже ставший консулом 120 г. Впрочем, в конце жизни Гай Карбон-старший перешел на сторону оптиматов и даже защищал Опимия (*Cic. de orat.*, 106; 170; *Brut.*, 103), а в 119 г. будучи осужден за вымогательства, покончил с собой. Собственно коллега Цинны был народным трибуном 92 г., легатом в Союзнической войне (*Liv. Epit.*, 76) и, вероятно, претором 89 или 88 г. Карбон участвовал в движении Сульпиция, был среди 12 марианских изгнанников, осужденных Суллой (*App. B.C.* I, 61), а в 87 г. командовал одной из марианских армий, осаждавших Рим.

Цинна опирался на те же силы, что и Марий. Ему удалось расширить свою партию, привлекая людей из самых различных слоев населения: нобилей, сенаторов, всадников, плебс. В 86–85 гг. Цинна, видимо, привлек на свою сторону или добился благожелательного отношения сената^{99}. Сенатская верхушка изрядно поредела. После многократных консульств Мария и гибели большинства консуляров, ее основу составляли три консула-марианца: Валерий Флакк (100 г.), М. Перперна (92 г.) и Л. Марций Филипп (91 г.). Жертвами

Союзнической войны стали С. Юлий Цезарь (91 г.), Рутилий Луп (90 г.) и Л. Порций Катон (89 г.), в событиях 88–87 гг. погибли Кв. Помпей Руф (88) и Гн. Помпей Страбон (89 г.), в Митридатовой войне — Маний Аквиллий (101 г.). Еще большее число консуляров было уничтожено марианцами: Кв. Лутаций Катул (102 г.), М. Антоний (99 г.), П. Лициний Красс (95 г.), Л. Юлий Цезарь (90 г.), Гн. Октавий (87 г.), Л. Корнелий Мерула (суффект 87 г.). Еще оставались уничтоженные позже П. Муций Сцевола (95 г.) и Л. Домиций Агенобарб (94 г.). Сулла (88 г.) воевал на востоке, а П. Рутилий Руф (105 г.) находился в изгнании. На стороне марианцев, впрочем, было немало более молодых представителей знатных семей (Корнелии Сципионы, Домиций Агенобарбы, Юнии Бруты, Марций Цензорины, Валерии Флакки). Размах сулланского террора против всадников свидетельствует об их поддержке, оказанной Цинне. Вероятно, его поддержало и народное собрание. Для борьбы с Суллой марианцы мобилизовали огромные силы (около 150–180 тыс. человек) и то, что это могло сделать достаточно слабое правительство, показывает поддержку жителей Италии. Цинну поддержали самниты и луканы, а в период всего правления нового диктатора в Италии не было серьезных конфликтов между римлянами и италиками.

Общие оценки режима достаточно различны. Исследователи обычно разделяют мнение о Цинне, как о преемнике Мария^{100}. Многие оценивают его власть как диктатуру популяров, причем, уже Т. Моммзен отмечал, что диктаторская сторона преобладала, и с умышленным пренебрежением отстраняла суверенное народное собрание^{101}. Многие считают режим Цинны откровенной диктатурой^{102}. Вместе с тем, начинается известная переоценка.

Как полагает Хр. Мейер, хотя режим был «диктатурой чистой воды», установленной военной

силой и создавшей новую, замкнутую олигархию, Цинна стремился опереться на различные (если не на все) слои населения^{103}. По мнению В.И. Кузищина, Цинна продолжал политику Марии и провел ряд мероприятий в интересах широких масс населения (смягчение долговой кабалы, восстановление власти трибунов, обращение к прежнему порядку голосования). Главным достижением Цинны было равномерное распределение италиков по всем трибам^{104}. Это мнение разделяют многие западные ученые, считая режим Цинны преемником марианского, но принявшим более умеренные формы. Цинна прекратил террор, проводил умеренные реформы и искал опору в разных слоях общества^{105}, добившись благожелательного нейтралитета со стороны сената^{106}. Его поддержали и зажиточные и консервативные слои. Образ диктатора сменяется образом достаточно умеренного политика, пытавшегося (но не сумевшего) провести разумные преобразования, организовать сопротивление Сулле и сдерживать экстремистские силы в своем лагере, возглавляемые Марием и Карбоном.

Наверное главным мероприятием Цинны было продолжение предоставления гражданства италикам. Не желая раздражать старых граждан, он проводил его медленно и осторожно. В 86 г. был проведен первый ценз с учетом новых граждан, давший достаточно небольшое приращение (463 тыс. граждан)^{107}.^[22] Увеличение происходит в условиях огромных потерь после Союзнической войны и показывает достаточно выборочное включение новых граждан. Прирост (с учетом потерь) примерно совпадает с числом этрусков, умбров и жителей Аbruццо (более 130 000 в 227 г.) что, возможно, дает некоторые объяснения. То, что это не все население Италии, показал ценз 70 г. до н.э., давший 910 000 граждан. С другой стороны, декларировав в 87

г. равное распределение италиков, Цинна не спешил выполнять обещание. Закон был принят в 84 или 83 г. в условиях непосредственной угрозы вторжения Суллы (Liv. Epit., 84). Наконец, в 86 г. Цинна урегулировал долговой кризис, когда по закону Валерия Флакка, должники получали право уплатить только *Ул* долга. В 84 г. был принят закон о равном распределении по трибам либертов и либертинов (Liv. Epit., 84).

Главной заботой Цинны была подготовка к борьбе с Суллой. Одновременно правительство обратилось к проблеме Митридата. Весной 87 г. Сулла со своей армией переправился в Эпир, перешел в Беотию, отбросил войска Архелая и осадил Афины, бывшие главным форпостом понтийских войск. Осада Афин продлилась до марта 86 г. Весной в городе начался голод, а 1 марта римляне пошли на штурм. Город был разрушен и разграблен, лидеры восстания казнены, однако статус «свободной общины» сохранился.

Тем временем, в Риме происходит смена власти и в начале 86 г. на восток двинулась армия Валерия Флакка. В марте 86 г. при Херонее Сулла разбил главные силы понтийцев во главе с Архелаем. Остатки армии спаслись на Эвбею. Сулла выступил в Фессалию, где стояли войска Флакка. Войска не решились сразиться друг с другом и более слабая армия Флакка ушла на север и вторглась в Пергам через Македонию и Фракию. Римляне атаковали на двух фронтах. Осенью 86 г. Митридат направил в Грецию новые войска. При Орхомене Сулла снова разбил потийцев, очистив Грецию от войск Митридата. Флакк занял Византии и развернул наступление в Азии. В армии начался мятеж, во главе которого встал легат Г. Флавий Фимбрия. Флакк был убит, а Фимбрия стал командующим. Поскольку Фимбрия был активным сторонником Мария и принимал участие в репрессиях, компромисс с Суллой стал еще менее возможен. Фимбрия действовал энергично. В сражении у

Пропонтиды Митридат был разбит, и римляне вошли в Пергам. В Эгейском море появился флот Суллы во главе с квестором Л. Луцинием Лукуллом и только несогласованность действий Лукулла и Фибрии помещала Митридату избежать плена.

Царь оказался на грани разгрома, его спасла только вражда между римскими командующими. Митридат пошел на сепаратный мир с Суллой, также стремившимся развязать руки для гражданской войны. В августе 85 г. в Дардане встретились Митридат и Сулла. По договору царь очищал захваченные им римские владения, которые и так находились в руках римлян, платил 2 или 3 тыс. талантов контрибуции и давал Сулле 80 кораблей и отряд стрелков. Так называемая I Митридатова война закончилась, фактически полная победа была отдана противнику, и еще более 20 лет царь оставался угрозой для Рима.

Сулла переправился в Азию. При Фиатирах встретились армии Суллы и Фимбрии. Фимбрианцы перешли на сторону противника, а Фимбрия покончил с собой (Plut. Sulla, 25; Liv. Epit., 83). На Азию был наложена огромная контрибуция в 20 000 талантов. Римский командующий велел считать каждый год войны за 5 налоговых лет. Верные Риму города и области (Родос, Ликия и др.) получили награды. В 84 г. Сулла переправился в Грецию, начав подготовку к войне. Оттуда он направил письмо в сенат, обещая отомстить врагам и простить остальных, вместе с тем, вернув права тем, кто был изгнан марианцами (Liv. Epit., 84). Фактически это было объявление войны. Страх перед Суллой привел к тому, что сенат стал выходить из-под контроля Цинны. Сенат направил к Сулле послов, считая ряд его требований вполне разумными (App. B.C. I, 77; 83-84), а затем выступил с мирными инициативами, запретив Цинне собирать войска до получения ответа Суллы (Ibid). Игнорируя запрет, Цинна стал собирать

войска. В Анконе взбунтовавшиеся солдаты заявили о нежелании сражаться против граждан. Во время бунта погиб Цинна. Марианцы лишились самого способного из своих лидеров (App. B. C, I, 78; Veil., II, 24; Liv. Epit., 89).

Место Цинны занял Карбон, пытавшийся сохранить положение единственного консула, но протест трибунов заставил его провести выборы, впрочем, сорванные по сакральным причинам (App. B.C. I, 78). Карбон продолжал набор войск и требовал заложников от италийских городов. Противники готовились к большой войне.

Стороны мобилизовали огромные силы. Согласно Аппиану, у марианцев было 200 когорт по 500 человек (App. B.C. I, 82), по Плутарху — 450 (Plut. Sulla, 27). Веллей оценивает марианскую армию в 200 тысяч (Veil., II, 24), Флор — в 8 легионов и 500 когорт (Flor, III, 21). Значительные силы дали находящиеся на положении союзников самниты и луканы. П. Брюнт, видимо, вполне обоснованно оценивает силы марианцев в 150–180 000 (30–35 легионов){108}. Сулла высадился в Брундизии с армией, которую Веллей Патеркул оценивает в 30 000 человек (Veil., II, 24), а Аппиан — в 5 легионов и 6 000 всадников, т.е. всего около 40 000 (App. B. C, 1,79). Силы сулланцев можно было, по крайней мере, удвоить за счет войск его легатов и повстанцев, собранных Метеллом Пием, Помпеем, Крассом и другими. Согласно тем же подсчетам, обе стороны в 83–82 гг. выставили 54 легиона (вдвое больше, чем во 2 Пунической войне). Это невероятное напряжение пришлось на страну, разоренную Союзнической войной. Численное превосходство марианцев Сулла компенсировал качественным перевесом своей ветеранской армии. Существовало еще одно «преимущество» — Сулла сумел снять сильнейший психологический барьер перед гражданской войной. На первом этапе удары наносила практически одна сторона.

В 83 г. умеренные несколько оттеснили Карбона от власти. Консулами 83 г. были П. Корнелий Сципион, ранее известный только тем, что в 100 г. участвовал в подавлении движения Сатурнина (Сis. Rab., 21) и Г. Норбан. В 103 г. Норбан был народным трибуном и сторонником Сатурнина, в 102 г. — квестором Марка Антония в войне с киликийскими пиратами, а в 87 г. — наместником Сицилии. Хотя Норбан принадлежал к марианскому руководству, тесные связи между ним и его лидерами не прослеживаются.

В марте 83 г. Сулла высадился в Брундизии и начал свой победный марш. К нему подошли отряды Метелла Пия (App. B.C. I, 80) и Гнея Помпея, сына Помпея Страбона, набравшего 3 легиона в Пицене и по пути уже нанесшего поражение войскам Сципиона и Юния Брута (App. Ibid.; Liv. Epit., 86; Plut. Pomp., 6-7). Активизировались и другие отряды, так, в области пиценов действовал Марк Красс, сын консула 97 года (Plut. B.C. I, 80-81; Veil., II, 25; Eutr., V, 7).

Брундизии открыл ворота Сулле, город был занят без боя. Не встречая сопротивления, он прошел через Калабрию и Апулию и, обойдя Самний, оказался в Кампании, где и начались боевые действия (Veil., II, 25). В первом сражении у Канузия Норбан был разбит, потеряв 6 или 7 тыс. человек (App. B. C, I, 84; Liv. Epit., 95). Возможно, вскоре состоялась и вторая битва у Капуи (Liv. Epit., 95; Flor, III, 21, 20; Veil., II, 25), также закончившаяся поражением марианцев. Со вторым консулом, Сципионом, Сулла заключил мирный договор, во время которого его легионеры переманили солдат противника на свою сторону (Plutt. Sulla, 28; App. B. C, I, 85-86; Veil., II, 25). Сдались 4 легиона марианцев. На зиму Сулла расположился в Кампании. Предстояли решающие бои.

Консулами 82 г. стали Карбон и 20-летний сын Мария, Г. Марий-младший, в лице которого к власти

пришли наиболее радикально настроенные марианские круги. Консулы разделились: легионы Мария ждали Суллу в Лациуме, в Этрурии Карбон действовал против Метелла, Помпея и других легатов. Военные действия, видимо, открыли Карбон и Метелл. На р. Эзина Метелл разбил марианцев, но был вынужден отступить под давлением превосходящих сил Карбона.

Решающей стала битва у Сакрипорта между Суллой и Марием. Последний собрал 85 когорт, но, потеряв в битве 20 000 солдат, отступил в Пренесте, где и был осажден (Plut. Sulla, 28; App. Ibid.; Veil., II, 26; Liv. Epit., 87). После этой победы Сулла занял Рим (App. B. C, I, 89; Liv. Epit., 87), конфисковал имущество противников и повернул на Клузий против Карбона (App. Ibid). Перед вступлением в город Суллы, претор Л. Юний Брут Дамазипп по приказу Мария расправился с остатками оптиматов и сторонников Друза. Были казнены консул 95 г., известный правовед Кв. Муций Сцевола, консул 94 г. Л. Домиций Агенобарб, преторий П. Антистий Вет и инициатор закона 89 г. Г. Папирий Карбон Арвина, двоюродный брат марианского лидера (App. B.C. I, 88; Veil., II, 27; De v. ill., 68).

Основные военные действия шли вокруг Пренесте и в Этрурии. Оставив у Пренесте корпус Лукреция Офеллы, Сулла двинулся на помощь легатам, которые наносили Карбону удар за ударом. Помпеи одержал победу у Сены Галльской, Сулла нанес ему поражение при Клузий. На Сполетской равнине Карбон потерпел новое поражение от Метелла и Помпея, видимо, переломившее ход войны (App. B.C. I. 87-89). Стремясь соединиться с Марием, Карбон послал к Пренесте Марция Цензорина с 7 легионами, но и эта армия была разбита Помпеем. Неудачной оказалась и попытка самнитов и луканов во главе с Телезином и Лампонием прорваться к осажденному Пренесте (Ibid., 90). В сражении при Фавенции легионы Карбона и Норбана

были разгромлены Метеллом. Марианцы потеряли 10 000 человек, 6 000 перешли к Сулле. На сторону Суллы перешел луканский легион Альбинована (App. B.C. I, 91). Несколько ранее М. Лициний Лукулл разбил при Фидентии 50 когорт противника (Plut. Sulla, 27).

Только Аппиан сообщает о подробностях разгрома Карбона, остальные авторы сразу переходят к битве у Клузия Рима. Несмотря на поражения, Карбон собрал у Клузия 30 000 человек, на помощь подошли 2 легиона Гая Каррины и Марция Цензорина и 2 легиона Брута Дамазиппа. Помпеи разбил их у Клузия, после чего Карбон бежал в Африку. Оставшиеся войска Каррины, Цензорина и Дамазиппа соединились с самнитами и луканами и двинулись на столицу (App. B.C. I, 92). Главные силы Суллы быстрым маршем подошли к Риму и вступили в бой, не дожидаясь идущего на помощь Помпея. Непосредственно у Рима, возле Коллинских ворот, произошла, вероятно, самая тяжелая и кровопролитная битва этой войны. Левый фланг Суллы был разбит и отброшен в город, а сам командующий уже готовился защищать столицу. Напротив, правый фланг Марка Красса полностью разбил неприятеля. В бою пали Телезин, Лампоний и Марций Цензорин, позже сулланцы казнили попавших в плен Каррину и Дамазиппа (App. B. C, I, 93; Plut. Sulla, 29; 30; Crass, 6; Veil., 27; Liv. Epit., 88). Битва отличалась кровопролитностью, Аппиан сообщает о 50 000 павших (App. B.C. I, 93), Флор — о 70 000 (Flor, III, 21). После сражения Сулла велел перебить всех пленных: 4 000 по Флору (Flor, III, 23, 21), 6 000 по Плутарху (Plut. Sulla, 30), 8 000 — по Аппиану (App. B.C. I, 93). Автор «De viris illustrious» пишет о 9 000 (De v. 111. 75). После сражения капитулировал Пренесте. Марий покончил с собой, а сулланцы устроили в захваченном городе резню (App. B. C, I, 94; Veil., II, 27; Liv. Epit., 89; De v. 111., 75), перебив 12 000 человек (Plut. Sulla, 32). Армия Эмилия Лепида захватила Норбу (App. B.C. I, 94).

Сулла занял Нолу и Волатерры, устроив резню в этих городах.

Довольно быстро сулланцы овладели провинциями. Гней Помпей переправился в Сицилию, где сдались войска М. Перперны. В плен попал Карбон, казненный по приказу Помпея. Вскоре после этого Помпей переправился в Африку и разбил 20-тысячное войско Домиция Агенобарба, которому помогал царь Ярба (Plut. Pomp., 10-12; App. B. C, I, 95-96; Liv. Epit, 89; Eutr., V, 9). В Испании сулланский командующий Гай Анний вытеснил марианского наместника Квинта Сертория, который позже вернулся в качестве вождя восстания (Plut. Sert., 7; 10-11).

По своей страшной разрушительности гражданская война 83-82 гг. очень близка к Союзнической. Согласно Евтропию, в войне погибло 150 тыс. человек (Eutr., V, 9), Аппиан считает, что только Сулла уничтожил 100 000 человек (App. B.C. I, 82). Вероятно, речь идет только о военных потерях. Многие области Италии, особенно Самний, Кампания, Этрурия были разорены, ряд городов (Пренесте, Норба, Эзерния) разрушены. Массовые разрушения и уничтожения продолжались после победы Суллы. Диктатор фактически заморозил предоставление гражданства италикам, многие из них были уничтожены физически. Еще предстояла сулланская колонизация. Война Суллы против марианцев, или точнее, против народа Италии, закончилась его полной победой.

Кровавая катастрофа 80-х гг. стоила Риму и Италии не менее полумиллиона жизней, вероятно, больше, чем все потери Рима во внешних войнах. Большинство областей лежало в развалинах, Рим как никогда был близок к гибели и распаду. Катастрофа закончилась победой Суллы, на счет которого можно несомненно отнести большую часть этих жертв. Быть может, эти годы стали определяющими и в жизни Цезаря, бывшего очевидцем, свидетелем и участником этих событий. На

фоне смут и гражданских войн проходили его детство и юность. Он родился в год победы при Верцеллах (102 г.) или же в год мятежа Сатурнина (100 г.). Первое десятилетие, особенно раннее детство, прошло достаточно спокойно, но уже десятилетним ребенком Цезарь мог наблюдать начало Союзнической войны, когда Рим перестал быть глубоким тылом и стал прифронтовым городом, куда отступали истекающие кровью римские армии. Уже взрослея, он мог наблюдать переворот Суллы и еще более кровавый приход к власти Цинны и Мария, осаду Рима и уничтожения людей прямо на улицах города, а среди жертв были многие члены его семьи. Последующие годы были временем стремительного взлета политической карьеры, относительного покоя, первой любви и напряженного ожидания гражданской войны, сломавшей его жизнь. Цезарь был не только очевидцем событий, он находился в их гуще, а главные действующие лица (Марий, Цинна, представители рода Юлиев Цезарей и Аврелиев Котт, а, возможно, и собственные родители) составляли его непосредственное окружение и были его семьей. Будущая деятельность Цезаря была связана с двумя большими целями — освободить Рим от последствий страшного кризиса и не допустить его в будущем.

Глава III.
МОЛОДОСТЬ (102-81 гг.)

1. Ранние годы

Происхождение и жизнь Гая Юлия Цезаря были теснейшим образом связаны со многими из указанных выше перепитий римской истории. В известной степени, судьба рода стала некоей квинтэссенцией судьбы Рима, и есть основания полагать, что знаменитый полководец и политик четко осознавал это обстоятельство и связь времен.

По отцу он принадлежал к роду Юлиев, восходящему к богам и основателям Рима. Род возводил генеалогию к богине Венере (Suet. Iul., 6) и ее сыну Энею, троянскому герою, основавшему династию древних римских царей. Фигурировавший уже у Гомера, Эней стал одним из главных героев римской мифологии. Бежавший из Трои, совершивший путешествие в Италию и поселившийся в Лации, он заключил мир с царем Латинном и женился на его дочери Лавинии. Традиция об Энее была разработана Вергилием, но она восходит к очень ранним временам, появляясь у Антиоха Сиракузского, Тимея и Стесихора, а, возможно, и в более ранний период, и имеет множество версий (Liv., I, 12; Plut. Rom., 1-2; Plin. N. H.). Изображения Энея относятся еще к VI в. до н.э. Венера у римлян была не только богиней любви, но и богиней удачи, очень ценимой именно в этом качестве. Удача и любовь будут играть немалую роль в жизни Цезаря.

Родоначальником Юлиев считался Юлл-Асканий, сын Энея. Одна линия предания считает его сыном Энея и Креусы, бежавшим с отцом и дедом из-под Трои, другая — сыном Лавинии (Liv., I, 3 Dion. Hal., I, 70). Согласно Аврелию Виктору, беременная Лавиния бежала после смерти Энея к царю Тирру (Origo, 16, 5) и родила Сильвия, от которого пошла династия Сильвиев,

правлящая в Альба-Лонге. К ней принадлежали Нумитор, Амулий, Рея Сильвия, Ромул и Рем. По другой версии Сильвий был сыном Аскания (Liv., I, 3). Интересно, что Цезари, вероятно, придерживались версии о Креусе (Gell., II, 16), так или иначе, с Ромулом они себя не связывали. Относительно Альбы-Лонги мнения также расходятся, основателями ее обычно считают Аскания или самого Энея (Liv., I, 5, 1-2; Dion. Hal., I, 45; 56; Iust., XIII, 1, 4; Strabo, V, 3; Aur. Vict. De orig., 17).

В царский период Юлии упоминаются как знатный род Альбы (Liv., I, 15-16; Dion., II, 63; Plut. Rom., 28; Flor, I, 1; 18, 6; Cic. De re p., I, 20) и Рима (Liv., I, 30; Dion., III, 29; Tac. Ann., XI, 24). В Риме он упоминается в основном в связи с Прокулом Юлием, тогда как основной род, вероятнее всего, находился в Альбе. После завоевания Альбы Туллом Гостилием, Юлии в числе альбанских семей переселяются в Рим и входят в число знатнейших патрицианских родов.

При республике род появляется в фастах очень рано. Первый его представитель — консул 489 г. Г. Юлий Юлл. Юлии были консулами в 473, 447, 435, 434, 431, 430 гг., военными трибунами 438, 424, 408, 405, 403, 401, 397, 388 и 379 гг.

Не раз они были цензорами и диктаторами, так Г. Юлий был назначен диктатором в 352 г. до н.э. (Liv., VII, 22). В IV веке род почти исчезает из фаст и появляется после значительного интервала. Консулом 267 г. стал Л. Юлий Либон. Юлии Цезари появляются в фастах в 208 г. Прапрадед будущего диктатора, Секст Юлий Цезарь, участвовал во II Пунической войне. У него было два сына, Секст Цезарь, консул 156 г. и претор Луций Юлий Цезарь. Сыновьями Секста были претор 123 г. Секст Цезарь и Луций Цезарь, а сыновьями последнего консул 90 и цензор 89 г. до н.э. Л. Юлий Цезарь и знаменитый оратор, Гай Юлий Цезарь Страбон. Вторая ветвь, к которой принадлежал диктатор, шла от претора Л. Юлия

Цезаря. Его детьми были консул 91г. Секст Юлий Цезарь, отец диктатора, Гай Юлий Цезарь, и Юлия, вышедшая замуж за Мария. Ее сыном (родным или приемным) был Марий-младший.

Бабушка Цезаря по отцу происходила из рода Марциев Рексов (Suet. Iul., 6). Судьба этого рода достаточно сложна. Его родоначальником считался царь Анк Марций, внук Нумы Помпилия. К нему принадлежал Марций Кориолан, предавший Рим в войне с вольсками. Затем род появился в IV веке как плебейский, а его ветви, Рутилы, Тремулы и Филиппы, часто появляются в фастах IV–III вв., принадлежа к новой плебейской знати (консулы 357, 352, 344, 310, 306, 288 и 281 гг.). Во II веке наряду с Филиппами появляются Фигулы (консулы 169, 162 гг.) и Цензорины (149 г.). Марций Рексы могли бы быть и патрициями, происходящими от священных царей (*rex sacrorum*). Сам Цезарь, видимо, по крайней мере, дважды упоминал о происхождении от последних — в речи на похоронах тети (Suet. Iul., 6) и затем — в одной из шуток, сказанных в последние месяцы жизни, заявив, что он является не царем (*rex*), а Цезарем (*Caesar*) — юмор не монархического, а аристократического свойства, прекрасно понятный знатокам римских генеалогий.

Родителями Цезаря были Гай Юлий Цезарь и Аврелия из выдвинувшегося во II в. до н.э. рода Аврелиев Котт. По сравнению с Марциями это была «новая» плебейская знать, впрочем, в I веке такого рода различия уже не имели принципиального значения. Об отце известно мало, он достиг должности претора и умер. Мать руководила воспитанием сына и всегда была ему близким доверенным человеком. Римляне часто сравнивали ее с матерью Гракхов (Tac. Dial., 28). Аврелия дожила до 55 г. до н.э. Кроме Цезаря, в семье были две дочери, как обычно, их именовали Юлия Старшая и Юлия Младшая. Старшая сестра позже была замужем за

Л. Пинарием и легатом Цезаря в Галлии Кв. Педием, консулом 43 г. до н.э. Младшая сестра сыграла важную роль в конце жизни брата и последующей истории. От брака с М. Атием Бальбом у нее были две дочери. Одна из них была замужем за преторием 61 г. Г. Октавием. В 63 г. у них родился сын, будущий император Август.

Среди родственников Цезаря были весьма значительные люди. Его родной дядя, Секст Юлий Цезарь, был консулом 91 г. и участником Союзнической войны, двоюродными дядями были Луций Юлий Цезарь и Цезарь Страбон. Л. Юлий Цезарь был консулом 90 г., цензором 89 г. и инициатором закона Юлия о союзниках, а Цезарь Страбон — известным оратором и членом кружка ораторов П. Лициния Красса и М. Антония. Возможно, в кружок Крассов-Сцевола входили и Луций Цезарь и отец диктатора, Гай.

Младшими членами кружка были Ливии Друз, Сульпиций Руф и братья Котты. Последние, возможно были двоюродными братьями Цезаря по матери. Гай Аврелий Котта (род. 120 г.) был другом Ливия Друза. В 90 г. он был обвинен комиссией Вария и вернулся только с победой Суллы (Cic. De orat., III, 11; Brut., 205; 303-5; App. B. C, I, 37). Котта имел репутацию оратора и позже стал консулом 75 г. Его брат, М. Аврелий Котта, был консулом 74 г. и участвовал в войне с Митридатом. Третий брат, Л. Аврелий Котта, претор 70 г., позже станет одним из лидеров популяров и инициатором закона о судах, в 65 г. он стал консулом, в 64 г. — цензором, всю жизнь оставаясь союзником Цезаря. То же самое можно сказать о сыне Луция, консуле 64 г. Л. Юлии Цезаре.

Происхождение не могло не повлиять на будущую судьбу. Несмотря на понимание пороков и ограничений своего класса, Цезарь оставался аристократом. Это означало наличие у него римского патриотизма и глубокой приверженности к традиции, веру в

исключительность Рима и его миссии, высокое чувство государственности и аристократический стиль поведения, высокую ответственность и обостренное понимание личной чести. Примечательно, что Цезарь был одним из тех римских политиков, которые особенно поднимали на щит понятие личной чести (*dignitas*), так и не растворившееся в государственности создания римлян. Родословная Юлиев была особой даже на фоне родословных римского нобилитета.

С другой стороны, род был теснейшим образом связан с реформаторами и популярными. Еще маленьким мальчиком Цезарь оказался в центре марианской и друзианской оппозиций. Племянник Мария, затем зять Цинны, двоюродный брат Мария-младшего и достаточно близкий родственник Луция Цезаря и Аврелиев Котт, он волею самой судьбы должен был стать новым лидером марианцев и «наследным принцем» этой оппозиции, объединившим ее различные течения.

Влияние было различным. Марий, несомненно, самый крупный из этих лидеров, видимо, оказал влияние скорее как полководец, чем как политик. Цезарь всегда демонстративно подчеркивал свою приверженность Марию, как в личном, так и в политическом плане. Качество племянника Мария давало ему популярность в народных массах, возможно, это и был его начальный политический капитал. С другой стороны, в политике Цезарь едва ли ориентировался на Мария, будучи чуждым его радикализму, грубому популизму, классовой и социальной ограниченности и склонности к насилию.

Цезарь никогда не подчеркивал приверженности Цинне. Отношения с Корнелией строились в чисто личном плане. Реабилитация Цинны - дело современной историографии, античная традиция относится к нему однозначно негативно. Впрочем, быть может, гибкость и умение лавировать в сочетании с решительностью при

взятии власти были связаны с политическим влиянием тестя.

В политике Цезарь во многом следовал линии круга Крассов-Сцевола-Цезарей. Это был курс на сильное государство, лишенное диктаторского и репрессивного элемента. Политический центризм, взвешенность решений, и политика *dementia* роднят Цезаря именно с этими кругами. С ними его сближает и высокий интеллектуализм и рационализм политики, а его действия были основаны на высокой культуре, знании основ государственности, права и традиции и сочетании пиетета перед греческой образованностью и исконно римских почвеннических интересов.

Наследник всех трех политических сил, Цезарь соединил полководческий талант и популярность Мария, политическую гибкость Цинны и интеллектуализм круга Крассов-Сцевола. В его лице получился исключительно редкий синтез военного, политика и деятеля культуры.

Гай Юлий Цезарь родился 12 квинктилия (позже — июля) 102 или 100 года. Именно год рождения представляет собой сложную, а, возможно, неразрешимую проблему. Прямые указания дают более позднюю дату. Светоний, Плутарх и Аппиан сообщают, что он погиб на 56 году жизни (Suet. Iul., 88; Plut. Caes., 69; App. B. C, II, 146), а, согласно Плутарху, в 67 г. ему было 33 года (возраст Александра Македонского) (Plut. Caes., 11). 102 год принимается на основании возраста при занятии должностей. По закону Суллы минимальным возрастом для квестуры был возраст 37 лет, претуры — 40, а консульства — 43 года. Если считать 100 г. годом рождения, то получается, что Цезарь занимал должности за два года до положенного срока, что трудно объяснить, учитывая окружающую его политическую обстановку.

События детства восстановить достаточно сложно. Детские годы вообще мало освещаются в биографиях

политиков. Кроме того, биография Цезаря у Светония начинается со смерти его отца (16 лет) (Suet. Iul., 1), а у Плутарха — с брака с Корнелией (Plut. Caes., 1).

По всей вероятности, детские годы мало отличались от детства и юных лет любого римского аристократа, хотя, в них, конечно, были и свои особенности. Ранние годы обычно посвящаются образованию, а образование Цезаря было глубоким и разносторонним. Позже он проявил себя во всех областях тогдашнего знания: филология и язык, ораторское искусство, эпистолография, историописание, поэзия. Цезарь, несомненно, был глубоким знатоком права и религиозных установлений. Луций Цезарь даже написал трактат «Об ауспициях», а в семье Цезарей, как и во всем круге Сцевола и Крассов, прекрасно знали сакральное право. Произведения самого Цезаря показывают его интерес к астрономии, математике, технике (особенно — военной), строительству, биологии, географии. По всей вероятности, он был очень любознательным человеком с глубоким интересом практически ко всем областям знаний. Многие из них он приобрел уже позже, но основа, несомненно, была заложена в детские и юношеские годы.

Известны некоторые детали. Аврелия уделяла образованию сына особенно много внимания и сама участвовала в его воспитании в детстве. Учителем Цезаря был грамматик М. Антоний Гнифон (Suet. De gram., 1)^{109}, под руководством которого он научился читать и писать, учился латинскому и греческому языку и основам ораторского искусства. Вероятно именно Гнифон впервые привил своему ученику вкус к чистому и правильному языку, четким формам и литературному пуризму^{110}. Язык Цезаря всегда предельно прост, четок и ясен. В филологии он был сторонником аналогизма, течения, отстаивающего необходимость жесткого следования грамматическим правилам^{111}.

Круг чтения был очень широк. В числе любимых авторов Цезаря — Гомер, Эсхил, Софокл, Еврипид, «Одиссея» Ливия Андроника, «Анналы» Энния, комедии Менандра и Теренция^{112}. Конкретные данные всегда очень неполны. Среди книг, прочитанных Цезарем, наверняка должны были быть произведения философов, Платона, Аристотеля, Эпикура, историков, Геродота, Фукидида и Ксенофонта (явное подражание последнему имеется в стиле «Записок»), многих римских авторов от Фабия Пиктора до своего времени. Вероятнее всего, в список надо включить всю (или практически всю) известную нам античную литературу и, по-видимому — немалое число произведений, которые мы просто не знаем. Круг литературных знаний Цезаря, вероятно, примерно тот же, что и круг литературных знаний Цицерона и, при всем различии их убеждений, интересов и вкусов, уровень сочинений обоих людей творчества показывает сопоставимость интеллектуального потенциала и творческой одаренности. Наши сведения о творчестве Цезаря, помимо «Записок», содержат фрагменты минимум 8 речей и около 150–200 писем, большие трактаты «Об аналогиях», «Антикатон» и даже трактат «О звездах» и поэму «Путь»^{113}. Впрочем, все это относится к более позднему периоду.

Из юношеских произведений Цезаря известны поэма «Похвала Геркулесу» и драма «Царь Эдип». Выбор, наверное, не случаен. Образ Геракла — это образ самого значительного героя греческой мифологии, обошедшего весь земной круг и боровшегося со злом, защитника слабых и обиженных, популярного в самых различных слоях общества. Судьба самого Цезаря позже окажется удивительно созвучна судьбе Геракла, смертного человека, личными заслугами вознесенного к богам. Что это — предчувствие или уже понимание перемены судьбы? Трагедия «Эдип» (Цезарь был едва ли не первым римским писателем, обратившимся к этой теме)

могла быть навеяна ужасами проходивших перед его глазами гражданских войн.

Эти последние были, быть может, важнейшим фактором, определившим его ранние годы и последующую жизнь. Цезарь родился в год или сразу после великих побед Мария, и, вероятнее всего, дядя был кумиром его ранних лет. Позже известно о личном мужестве Цезаря, не раз принимавшем участие в сражении, даже будучи полководцем. Как римский аристократ, тем более, живший в условиях постоянной войны, Цезарь прошел основательную военную и спортивную подготовку, прекрасно владея верховой ездой и всеми видами оружия. Позже он выделялся даже на фоне римских полководцев, особенно ценивших солдатские награды. Известно, что Цезарь прекрасно плавал.

Если в детстве Марий, несомненно, должен был быть примером для подражания, то остался ли он таковым после того, как мальчик своими глазами увидел ужасы гражданских войн, виновником которых был его прославленный дядя? Вопрос, наверное, остается без ответа, но политический опыт Мария, несомненно, был переосмыслен юным потомком Цезарей.

Первые годы жизни Цезаря, вероятно, действительно были счастливыми. Окруженный любовью и заботой, он жил в кругу знаменитых родственников, возможно, мечтая когда-нибудь войти в их число. В 90 г. он впервые увидел лицо войны, а затем один за другим уходят все, кто мог бы быть его покровителем. В 87 г. жертвами марианского террора стали Луций Цезарь и Цезарь Страбон. В 86 г. умер Марий, в 84 г. погиб тесть Цезаря, Цинна. В 16 лет (т. е. в 86 или 84 г.) юноша лишился отца.

С 84 г. начинается уже достоверная информация о его политической карьере. Светоний дает следующую последовательность событий: смерть отца, назначение

Цезаря фламином Юпитера, расторжение помолвки с Коссуцией, девушкой из всаднического рода, и брак с дочерью Цинны Корнелией. Это последовательность опять-таки скорее указывает на 102 год как дату рождения.

Гай Юлий Цезарь-старший умер, скорее всего, в 84 г. Если получение жречества пришлось на следующий год (Suet. Iul., 1), то брак с Корнелией также состоялся в 83 г., а в 82 (или конце 83) родилась дочь Юлия. При более раннем варианте сроки смещаются: смерть отца приходится на 86 год, брак с Корнелией и назначение фламином на 85 год, а рождение Юлии — на 84.

Различие принципиально. В 83 г. не было в живых отцов обоих новобрачных, Цинны и Цезаря-старшего, хотя, вероятнее всего, брак должен был состояться (или хотя бы быть согласован) при жизни обоих политиков. Назначение молодого Цезаря на одну из высших должностей в римской сакральной иерархии было, скорее всего, возможно при жизни Цинны. После его смерти Цезарь вполне мог отойти от высших кругов марианского руководства, с которым его уже почти не связывали личные узы. Это, равно как и возраст и семейные обстоятельства, вероятно было причиной его неучастия в гражданской войне 83–82 гг. Впрочем, наступал новый, самый опасный поворот в его жизни. После кровопролитной междоусобной бойни, к власти пришел Сулла.

2. «Большой террор»

Победитель юридически оформил свою неограниченную власть. По инициативе самого Суллы сенат объявил междуцарствие (*interregnum*), а интеррекс, старейший консуляр (консул 100 г.) и принцепс сената Л. Валерий Флакк, назначил Суллу диктатором (Veil., II, 28; Liv. Epit., 89; Cic. De 1. agr., III, 5; Plut. Sulla, 33). Это был не только карт-бланш на будущее, но и предоставление полной безнаказанности за все прошлые деяния и, более того, полное их формальное одобрение. Цицерон уточняет, что все действия Суллы, совершенные ранее, приобретали законную силу, а согласно Плутарху, Сулла получил безнаказанность за все, совершенное им ранее, а на будущее — «право на убийства, конфискации, вывод колоний, разрушения, право отбирать царства и жаловать их, кому он пожелает» (Plut. Sulla, 32). Плутарх описывает абсолютную власть Суллы, скорее оперируя эмоционально-этическими, нежели правовыми понятиями, но суть передана достаточно верно. Аппиан пишет более четко: Сулла был избран диктатором «для принятия законов» (*σνί Οεοεί νοίkgv*), «какие он сочтет нужным» и «устройства государства» (App. B.C. I, 98–99).

Правовой аспект сулланской диктатуры является предметом дискуссии. Спор идет вокруг трех вопросов: соотношение с традиционной диктатурой, характер полномочий Суллы и их срок.

Диктатура была реанимирована после столетней паузы. Последний диктатор был назначен в 202 г. до н.э. Власть Суллы была не только восстановленной магистратурой, но и значительно расширенной, причем, споры среди исследователей вызывает даже сама формула власти. Т. Моммзен считает ее диктатурой *rei*

gerendae causa^{114}, тогда как другой правовед, У. Вилькен, предлагает формулу *rei publicae constituendae* (аппиановское *καταστάσει; πολιτείας*), что можно признать более правомерным. В этом случае, диктатура Суллы была беспрецедентна даже в чисто правовом аспекте^{115}.

Компетенция диктатора выходила за все возможные рамки^{116}. Если древняя диктатура обычно концентрировалась на какой-либо конкретной задаче, то сулланская, напротив, касалась всех сфер жизни. По сути, задача носила внутренний характер, и власть соединяла элементы диктатур *seditionis sedandae* (подавления мятежа) и *senatus legendae* (пополнения сената) с некоторыми элементами диктатуры военного характера (*rei gerendae*). Даже самые серьезные древние диктатуры такого рода не обнаруживают и части тех полномочий, которые имел Сулла. Ни один из ранних диктаторов не проводил сколь-нибудь масштабных репрессивных акций, что вообще не очень характерно для диктатуры V-III вв., носители которой скорее играли роль социальных посредников, аналогичных греческим эсимнетам или израильским судьям, и в этом смысле Сулла не только превысил, но и исказил суть магистратуры.

Наверное, самым сложным вопросом является срок. Начиная с Т. Моммзена, исследователи придерживаются мнения о ее бессрочном характере^{117}. По мнению У. Вилькена, диктатура не была ограничена определенным сроком, и Сулла должен был снять ее, когда он сочтет нужным (предполагалось, что когда-то он должен был это сделать)^{118}. Третья точка зрения, мнение Э. Габбы, заключается в том, что Сулла занимал должность в течение положенного 6-месячного срока, в 80 г. он стал консулом, а в 79 г. снял власть^{119}. Заметим, что мнение Э. Габбы противоречит источникам. Оно не

соответствует рассказу Аппиана (App. B. C. I, 98–99), а согласно Плутарху, снятие диктатуры произошло в 79 г. в связи с уходом на покой и выборами на 78 г. (Plut. Sulla, 34). Аналогичны и сообщения Ливия и неизвестного автора «De viris illustribus» (Liv., Epit., 89–90; De v. ill, 15). Римляне совершенно однозначно восприняли его уход как отказ от монархической власти (App. B. C, I, 103; Plut. Sulla, 34).

Победа сулланцев знаменовалась волной спонтанного террора, постоянно происходящего уже в процессе военных действий и напугавшего даже сторонников диктатора (Plut. Sulla, 31). Вероятно, Сулла сознательно начал именно с такого рода акции. Далее последовали проскрипции. По просьбе сторонников (или в соответствии с собственным планом), диктатор составил список из 80 имен лиц, подлежащих уничтожению, на следующий день добавил 220 имен, на третий — «по меньшей мере столько же» (Plut. Sulla, 31). Списки Сулла составил лично. Потом они возобновлялись и, наконец, диктатор заявил, что записал только тех, «кого вспомнил», обещая добавить тех, кого «вспомнит еще» (Ibid.).

Укрывательство проскрипта каралось смертной казнью даже если укрывателем был близкий родственник (отец, сын или брат), а за убийство платили 2 таланта. Раб, убивший хозяина или сын-отца, не подлежал наказанию. Имущество конфисковывалось, а рабы отпускались на волю. Как правило, жертвы уничтожались, лишь в достаточно редких случаях диктатор ограничивался изгнанием или конфискацией (App. B. C, I, 95–96; Plut. Sulla, 31; Veil., II, 80). Последнее было опять-таки грубейшим нарушением закона, поскольку даже гражданин, осужденный на высшую меру наказания в полном соответствии с законом, как правило, присуждался не к смерти, а к изгнанию и лишению гражданских прав.

Валерий Максим оценивает число казненных в 4 700 человек (Vail. Mai., X, 2,1), вероятно, эта оценка касается людей, принадлежащих к социальной элите. Согласно Аппиану, Сулла уничтожил 40 сенаторов и 1 600 всадников (App. B.C. 1,95), по Флору, число всадников достигло 2 000 (Flor., III, 21). Террор вышел за пределы уничтожения противников. Карали за денежную помощь и сочувствие марианцам, а также — за различного рода связи с ним. Особенно свирепствовали против богатых, многие становились жертвами личной вражды с сулланцами. Списки составлялись по всей Италии. Некоторые убийства сопровождались особыми жестокостями. Головы убитых выставлялись на форуме, а современникам на всю жизнь запомнились эти страшные дни террора (App. B. C, I, 95-96; Plut. Sulla, 31; Veil., II, 28; Dio, 30-36, fr. 9; 21). Акции проводились против целых городов: Столетий, Итерамна, Пренесте, Флоренция, Сульмон.

Сулла позаботился о полном уничтожении всего, связанного с противниками. Все действия марианцев были объявлены противозаконными. Победные трофеи Мария были свергнуты, равно как и статуи марианских лидеров (Licin. p. 33 Flemish). Дети и внуки проскрибированных лишались гражданских прав, что было тоже беспрецедентно для римских законов, предполагавших только индивидуальную ответственность.

Террор обогатил сулланскую верхушку и именно тогда создавались сверхбогатства сулланских олигархов и основа их политического могущества. Состояние Суллы достигло 350 млн. сестерциев (Liv. Epit., 89), богачами стали Каталина (Sail. Cat., 5), Марк Лициний Красс, занимавшийся скупками конфискованного имущества (Plut. Crass, 6), Гай Веррес и многие другие. О массовых грабежах пишут многие авторы (Sail. Cat., 11; App. B. C, 1, 95-96; Plut. Sulla, 33; Dio, 30, fr. 9-11).

Происходило и грандиозное перераспределение собственности, когда с санкции Суллы его сторонники приобретали конфискованное имущество по сниженным ценам.

Итогом террора было уничтожение марианцев и любой другой оппозиции и создание атмосферы подавляющего страха. Репрессии стали резким шоком, сломившим всяческое сопротивление, а конфискации были расплатой с армией и сулланским окружением, равно как и способом создания новой олигархии, располагавшей теперь гигантскими богатствами.

Кровавая вакханалия коснулась и Цезаря, едва не ставшего ее жертвой. Формальных оснований для осуждения, даже учитывая полнейший произвол диктатора, у Суллы не было, в военных действиях 83–82 гг. Цезарь не участвовал, а каких-либо тесных связей с марианским руководством у него, видимо, уже не было. Участию в войне препятствовала и должность: фламину Юпитера было запрещено покидать Рим и даже смотреть на вооруженное войско и прикасаться к острым предметам. Наконец, молодой человек совсем недавно женился и, видимо, только что стал отцом. Сулла сделал другой ход, потребовав от Цезаря развода с Корнелией, а после отказа, лишил его должности фламина Юпитера, приданого жены и родового наследства. Преследуемый и больной лихорадкой, Цезарь попал в руки сулланского патруля и спасся только после того, как откупился за взятку (Plut. Caes., 1; Suet. Iul., 1). Цезарь был спасен благодаря матери, сумевшей найти путь к всесильному диктатору. Непосредственными ходатаями выступили весталки (по римскому обычаю даже осужденный на казнь подлежал помилованию в случае встречи со жрицей Весты) и два влиятельных покровителя, будущий консул 77 г. Мамерк Эмилий Лепид Ливиан и родственник Аврелии, Аврелий Котта. По мнению исследователей, это мог быть либо Г.

Аврелий Котта, член кружка Антония и Красса, изгнанный в 91 г. комиссией Вария и возвращенный Суллой, либо его брат, Л. Аврелий Котта, позже ставший консулом 74 г. Вполне возможно, что ходатайствовали оба. Сулла дал согласие, сделав это весьма неохотно, и произнес свою знаменитую фразу о том, что этот молодой Юлий «стоит многих Мариев».

Как и многие другие эпизоды из молодости Цезаря, этот вызывает немало вопросов. Предыдущий рассказ был основан на достаточно логичном изложении Светония. Плутарх дает хотя и близкий, но несколько иной вариант. Согласно Плутарху, Сулла потребовал развода с Корнелией и, после отказа, лишил Цезаря приданого. Цезарь попытался стать жрецом (возможно, подтвердить сан фламينا), Сулла помешал ему и теперь уже внес в проскрипционные списки. В этом варианте действия Суллы оказываются в большей степени «в правовом поле», а действия Цезаря более вызывающими.

Между Суллой и Цезарем произошла личная встреча. Очень маловероятно, что встреч было несколько, диктатор вообще не удостоивал свои жертвы аудиенции, и уже сам факт был неординарным. Светоний и Плутарх сообщают, что встреча произошла до ходатайства родственников, но логичнее предположить, что она состоялась после. Вероятно, Цезарь просто получил приказ о разводе, а поскольку его не последовало, Сулла, как и ранее, вопреки всяким законам, внес его в списки. Для личной встречи должно было быть очень веское основание, и им могло стать ходатайство. Возможно, Сулла захотел лично поставить точку в этой истории.

Встреча произвела на Суллу очень сильное впечатление. О чем могли говорить эти два человека? Это уже загадка для романиста, историку остается только констатировать факт и всякая попытка

реконструкции является лишь умозрительной гипотезой. Вероятнее всего, Сулла встретил не политическую (это было бы самоубийством для Цезаря), а нравственную оппозицию. Проявив глубокую лояльность к Риму и (хотя бы чисто внешнюю) лояльность к диктатору, молодой человек оказался готов погибнуть ради сохранения собственной чести и чести своей жены, сейчас, как никогда, нуждающейся в его поддержке. Может быть, это сцена была чем-то похожа на мастерски нарисованную Александром Дюма сцену первой встречи д'Артаньяна и кардинала Ришелье. Впрочем, на месте коварного, ловкого, жестокого, но все же преданного идее государственности кардинала был циничный кровавый палач, не веривший никому и, вероятно, изверившийся уже во всем, кроме своего права вершить дела по собственному произволу.

Почему же Сулла пощадил Цезаря? Как ни парадоксально, известную роль могли сыграть второстепенные факторы. Потомок древнего патрицианского рода, Сулла смотрел свысока не только на «новых людей» типа Мария, но и на менее родовитых нобилей. Аристократическая солидарность могла проявиться. Уничтожая марианцев, Сулла выступал как мститель за убитых ими аристократов, среди которых были и родственники Цезаря. Корнелия была дочерью государственного преступника, Цезарь — не был. Формально он был невиновен перед режимом и, в силу возраста и положения, пока еще не опасен. Все эти аргументы наверняка выставляли ходатаи, доказывая, что их протеже — не родственник Цинны и Мария, а потомок Цезарей и Аврелиев.

Цезарю была сохранена только жизнь. Он лишился имущества, должности, возможности карьеры и положения, ему пришлось покинуть Италию и (возможно, это было условием) отправиться в действующую армию. Он оставался «виновным» перед

диктатором. Приговор, по сути, не был отменен, скорее он был смягчен и отсрочен, реабилитации не было. Возможно, Сулла тоже предпочел «держать на крючке» оставшихся членов семьи Мария.

82-81 гг. сыграли большую роль в жизни Цезаря. Буквально в одночасье он лишился всего, что было у него ранее. Новый период жизни он встретил изгоем, подобно своему любимому герою Гераклу, в одиночку противостоя могущественному врагу. Впереди были «двенадцать подвигов». Это была его первая, возможно, самая тяжелая схватка с сулланской системой, с которой он будет бороться всю жизнь. И, все же, несмотря ни на что, он победил. Рядом с ним были мудрая любящая мать, молодая жена и только что родившийся ребенок. Случилось почти невероятное: любовь и жизнь одержали свою маленькую победу над насилием и смертью.

3. Сулла и его «дело»

В 80 г., не снимая с себя диктаторских полномочий, Сулла стал консулом. Его коллегой был, видимо, второй человек в сулланской партии, Квинт Цецилий Метелл Пий, фактический глава рода Метеллов и лидер аристократической части сулланцев. Выбор Метелла должен был подчеркнуть, что кровавый репрессивный режим поворачивался своей *другой* стороной, «консервативно-реформаторской». Трудно сказать, в какой последовательности проводились действия Суллы, но обычно полагают, что 81 год был, в основном, связан с репрессиями, а в 80-м Сулла провел основной блок реформ. Одно не мешало другому, реформы могли начаться во время террора, а последний мог не прекращаться и в ходе преобразований.

Суть сулланских законов сводилась к реставрации старых порядков, существовавших до Гракхов, а иногда и до периода завоеваний плебеев. Другой целью диктатора было установление безраздельного господства собственной партии и создание системы, при которой последняя получала неограниченный контроль над государственной жизнью. Восстанавливая старые порядки, Сулла приспособлял их к нуждам своих сторонников, приведших его к власти.

Основным звеном нового порядка становился сенат, который должен был взять на себя функции управления государством и быть избавленным от всякого контроля со стороны других органов власти. Сенат сильно поредел в ходе войн и террора 80-х гг. Евтропий оценивает потери в войнах 91–81 гг. до н.э. в 200 сенаторов, 24 консуляра, 7 преториев и 60 эдилициев (Eutr., V, 9). По Аппиану, только в ходе войны 83–82 гг. и репрессий марианцев и Суллы погибло 90 сенаторов и 15

консуляров (App. В.С. I, 103). Число оставшихся сенаторов, видимо, не превышало 100-150 человек, многих из которых Сулла считал неблагонадежными. Особенно пострадала элита, в сенате оставалось 5-6 консуляров (обычно — 20-25), а из 15 консулов 90-81 гг. (младшая часть элиты) в живых остался один Сулла^[23].

Эти остатки сената^[24] Сулла пополнил 300 новыми членами, в основном, из молодых нобилей и своих офицеров (App. В.С. I, 100), сразу получив твердое большинство. Составу сулланского сената посвящена немалая литература^{120}. Значительную часть составляли молодые аристократы из числа сторонников Суллы, цвет которой сражался под знаменами диктатора (Цецилии Метеллы, Клавдии Пульхры, Корнелии Долабеллы, Лицинии Лукуллы, Лицинии Крассы, Октавии, Постумии, Сервилиии и др.). Многие из них уже были на нижних этажах сената и теперь переместились в его верхушку. Многие сулланские сенаторы были его офицерами из сенаторских и всаднических семей. Э. Габба отмечает, имена 102 сулланских сенаторов (85% из них сенатского происхождения), Кл. Николе обнаруживает 23 сенатора всаднического происхождения^{121}. Среди сулланских офицеров и исполнителей проскрипций было немало незнатных людей. Значимость этих маргинальных групп видна из того, что в 70 г. были исключены 64 человека. Свое назначение Сулла подкрепил «народным выбором», все новые сенаторы прошли выборы по трибам. (App. В.С. I, 100).

Сенаторам была передана и судебная власть (отмена законов Гракха и Главции) (Cic. Verr., I, 13, 37; Veil., II, 32). Чтобы избавить сенат от всяческого контроля, диктатор отменил цензуру. Одним из следствий законов стала небывалая коррупция сенатской элиты, борьба с которой была одним из центральных процессов 70-60-х гг. и проводилась самыми разными силами. Хотя

правительство защищало своих коллег и многие из них стали практически неприкасаемыми, центральными фигурами процессов были именно сулланские лидеры.

Сулланские законы сняли контроль за политикой со стороны магистратов и комиций. Особенно слабыми стали демократические элементы системы. Еще в 88 г. Сулла провел решение, запрещающее передавать в народное собрание предложения без предварительного обсуждения в сенате (App. V.C. I, 59). Это было фактической отменой закона Гортензия о плебисцитах. При соблюдении этого закона, большинство законопроектов Гракхов, Сатурнина, Сульпиция, Друза, а позже — популяров и самого Цезаря не были бы даже поставлены на голосование. Еще более сильным был экономический удар: Сулла отменил хлебные раздачи (App. V.C. I, 100). Решение вызвало сочувствие многих античных авторов^{122} и поздних историков, как «ликвидация системы социального паразитизма»^{123}, но немалая часть обнищавших граждан лишалась тем самым средств к существованию, и невозможность таких мер осознавали даже крайние сулланцы.

Особый удар Сулла нанес по народным трибунам, de facto лишив из какого-либо значения. Трибуны были ограничены в праве вносить законопроекты в народное собрание (*ius legum ferendarum*) и должны были согласовывать это с сенатом (Cic. Verr., II, 1, 155; Liv. Epit., 89). Существенно ограничивалось трибунское вето. Наконец, занятие должности лишало бывшего трибуна права занимать какие-либо иные магистратуры, что восстанавливало порядки времени до IV века до н.э. В том, что Сулла практически уничтожил трибунскую власть, согласны все наши источники (Caes. V. C, I, 7; App. V.C. I, 100; Liv. Epit., 89; De v. ill., 15). Это был удар по реформам, поскольку именно трибуны были теми магистратами, которые напрямую обращались к народу

и могли наложить вето на антинародное решение. Именно они были инициаторами реформ 133–91 гг.

Ограничению подвергались и магистратуры с империем. Сулла отменил практику марианцев, превративших консульство в диктаторскую власть. Диктатор подтвердил закон Виллия от 180 г., нарушаемый марианцами и требующий занимать должности в четком порядке (квестура-претура-консульство). Возрастной барьер был поднят: 39, 41 и 43 года. Второе консульство можно было занимать только через 10 лет после первого. С другой стороны, консулы фактически лишались права командовать армиями и почти все войны 79–49 гг. велись проконсулами. Консулы превращались во власть, управлявшую Италией, и спикеров сената. Выборы, по всей вероятности, *de facto* решались в сенате, руководимом элитой консуляров. Согласно Аппиану, диктатор отменил и реформу центуриатных комиций, вернувшись к системе Сервия Туллия (App. В.С. I, 59). Исследователи часто и вполне обоснованно сомневаются в правомерности этих данных^{124}, но такого рода идеи вполне могли фигурировать в сулланской пропаганде.

Сулланские лидеры высшего ранга особенно стремились к длительным проконсулатам, которые и делали их реальной властью. Проконсульства Помпея длились с 77 г. по 71 г. (Испания), 67–62 гг. (восточные провинции) и 55–48 гг. (Испания); Метелл Пий был проконсулом Дальней Испании в 79–71 гг. Сервилий в Исаврии — с 78 по 74 г., Курион во Фракии — с 75 по 73 гг., затем его сменил Марк Лукулл (73–71 гг.), его брат Луций был проконсулом на востоке с 74 по 67 г. Как правило, власть давал сенат.

Число низших магистратов существенно выросло: преторов с 6 до 8, квесторов — с 8 до 20. Отчасти причиной был рост числа провинций, но были и другие причины: число квесторов было связано с пополнением

сената, а число преторов — с ростом числа судебных комиссий. Число авгуров и понтификов въросло с 9 до 15 (Liv. Epit., 89). Другим новшеством стала отмена закона Домиция (104 г.) о выборе жрецов и допущение кооптации.^{125}.

Важнейшим и наверное, самым конструктивным преобразованием Суллы были преобразования судебной системы. Были созданы новые специальные комиссии (quaestiones) для разбора различных преступлений: поджогов, лжесвидетельств, государственной измены, подделки завещаний, оскорбительных действий, ростовщичества и др.^{126},^[25] Есть данные об уголовных законах диктатора: о лжесвидетельствах (de falsis), о вымогательствах (de repetundis), об убийствах (de sicariis), об отравительствах (de veneficiis). Был принят и закон против роскоши. Членами судебных комиссий были сенаторы.

Программа Суллы носила реставраторский характер. Во главе стоял значительно усилившийся сенат, подчинивший себе магистратуры и народные собрания. Исчезли многие перемены, происшедшие в 133–88 гг. Формулой нового порядка стал Закон Корнелия об оскорблении величия (Lex Cornelia de maiestate) квалифицировавший государственные преступления: самовольное оставление провинций и войск, ведение войны без санкции сената и народа, организация мятежа (seditio) и убийство магистрата, самовольный ввод войск в провинцию (Cic. pro Cluent, 9 Fam., III, 11, 2; in Piso, 50).

Политика Суллы в Италии носила ярко выраженный консервативный характер. По большому счету, диктатор прервал и даже сорвал процесс предоставления гражданства Италии, начатый в 90–89 гг. и продолженный Цинной. Законы Сульпиция отменил переворот 88 г., после победы Суллы, диктатор, похоже, не отменял закон Цинны (есть и другие данные)^[26] и

скорее пошел по пути лишения прав (полностью или частично) конкретных городов и общин. Многие «новые граждане» были уничтожены физически. Другим ударом было расселение по Италии 120 000 солдат 23 или 27 легионов Суллы. Поселения появились по всей Италии, они были в Этрурии, Лации и Кампании (Фезулы, Капуя, Пренесте, Арреций). Раздача земель сопровождалась репрессиями, конфискациями и массовым сгоном с земель местного населения. Ликвидировав цензы и цензуру, Сулла ликвидировал механизм учета новых граждан. Положение до Союзнической войны могло показаться италикам хорошими временами.

В 79 г. Сулла, видимо, продолжал быть диктатором (App. B.C. I, 103). Плутарх сообщает о роскошном триумфе (Plut. Sulla, 34; App. B.C. I, 99). Консулами стали П. Сервилий Ватия Исаврийский и Аппий Клавдий Пульхр. После этого Сулла снял власть и удалился от дел, живя в своем поместье и занимаясь охотой и сочинением мемуаров. Мелкими государственными делами он занимался вплоть до своей смерти в 78 г. Источники не без злорадства сообщают о тяжелой болезни диктатора в его последние годы. Его заболевание именуют «вшивой болезнью», когда тело постепенно превращается в струпья и вшей (некоторые врачи сомневались в существовании такой болезни в природе), или лихорадкой. Возможен вариант экземы или аллергии. Последние дни Сулла непрерывно пьянствовал в обществе актеров, заглушая вином нестерпимую боль. Незадолго до смерти он закончил свои мемуары, от которых до нас дошли незначительные фрагменты. Сам он умер от кровоизлияния в момент расправы над своей последней жертвой, эдилом Гранием (Plutt. Sulla, 37).

Зачастую необъяснимые парадоксы жизни, деятельности и особенно отставки Суллы вызвали дискуссию в источниках и историографии. Откровенной

апологетики Суллы было немного. Консервативная традиция отнеслась к нему достаточно неоднозначно, представив диктатора как великого полководца, обвинив в войне марианцев и проявив симпатию к его реформам. Вместе с тем, защищая «дело Суллы» (термин имеет не современное, а античное происхождение)^{127} и поднимая на щит его продолжателей (Метелла Пия, Помпея, Катула и др.), она оставила диктатора фигурой умолчания, стараясь вывести за скобки его одиозную личность. Цицерон и Саллюстий пишут, что за «прекрасным делом» последовала «дурная в нравственном отношении победа» (Cic. De off., II, 86; Sail. Cat., 11), Плутарх замечает, что Сулла оказался «хуже собственных законов» (Plut. Sulla, 41). Напротив, демократическая традиция отвергает все, связанное с Суллой, видимо, вполне справедливо видя в его деятельности жесткую тиранию, подчинившую все и вся своему произволу.

Исследование политической деятельности Суллы началось с Т. Моммзена, создавшего образ аристократического реформатора и создателя италийской государственности^{128}. Эти два несколько противоречивых тезиса, образ консервативного реставратора и образ предтечи Цезаря в создании государственности Империи, долго сохранялись в историографии XIX века, претерпевая отдельные модификации (напр. К.В. Нич)^{129}. Одной из попыток пересмотра этой позиции является мнение К. Фрелиха, считавшего Суллу лидером победивших олигархов, стремившимся к неограниченному возвышению, и делавшим акцент на политике репрессий, террора и конфискаций^{130}. Другие исследователи, оставаясь на этой позиции, отмечают сходство между ним и его противниками в плане методов, целей и состава партий и видят в диктаторе скорее лидера «личной партии», стремящегося к личной власти (Л. Блох, Ф. Марш, Е.

Бэдиан, Х. Беннет)^{131}. Э. Габба более склонен искать в деятельности Суллы легитимные стороны, не видя особых противоречий между ним и аристократической традицией.^{132}

На несколько ином уровне идею консервативной реставрации воссоздает Хр. Мейер, полагающий, что она завершилась неудачей.^{133}^[27] По мнению С.И. Ковалева, Сулла заложил основы военной монархии, сочетавшейся с республиканскими формами.^{134} Н.А. Машкин считает реставрацию скорее формальной стороной деятельности диктатора.^{135} Для С.Л. Утченко действия Суллы — это последняя попытка правящей знати удержать свои позиции, выявившая безнадежность планов такого рода.^{136} Достаточно оригинально звучит точка зрения Ж. Каркопино, считавшего Суллу «неудавшимся монархом», стремящимся к личной власти, но вынужденным уйти в отставку под давлением оппозиции в собственном лагере.^{137} Существуют и откровенные апологии Суллы, авторы которых считают его «последним республиканцем»^[28].

Особые споры возникли вокруг отставки диктатора. Большинство исследователей, видимо, справедливо, считают ее добровольным актом (Т. Моммзен, К. Фрелих, У. Вилькен, С.И. Ковалев, А.В. Игнатенко и др.)^{138} - Другим пунктом полемики стал вопрос о том, было ли действие Суллы обычным снятием чрезвычайной магистратуры (Э. Габба) или же, как видимо, восприняли его римляне, неожиданным отказом от огромной, бесконтрольной, диктаторской (в современном понимании) или монархической власти. Очевидность второй точки зрения привела к появлению логичной, интересной, но не находящей подтверждения в источниках версии Ж. Каркопино.^{139} Суллу ненавидели многие, в том числе и значительная часть его окружения, но если бы он решил остаться, оппозиция

была бы бессильна. Вопрос, почему он принял такое решение, объясняют (помимо фактора болезни) «сознанием выполненного долга» (Т. Моммзен)^{140} или, наоборот, разочарованием и пониманием отсутствия перспективы^{141}. Можно даже усилить вторую точку зрения: перспектива была обратной и вполне очевидной.

К 80–79 гг. общество оказалось в критическом положении. Большинство населения Италии и провинций было разорено войнами 80-х гг. и сулланской системой, экономика находилась на грани развала, казна была пуста (вероятно, около 40 млн. сестерциев). Итогом диктатуры было то, что большинство населения Италии и провинций было раздавлено системой. Восстание Лепида показало взрывоопасную обстановку в Италии, в 80 г. в Испании началось восстание Сертория, уже занявшего Дальнюю Испанию и громившего сулланских наместников. На востоке поднял голову Митридат, начинался расцвет киликийского пиратства и войны на Балканах. В 70-е гг. военное напряжение достигло 28–45 легионов (больше чем во II Пунической войне).

Крах был реален. Политика Суллы зашла в тупик. Сулла выбрал момент, когда было еще не поздно. Более того, полного ухода не было, экс-диктатор оставался самым высокопоставленным сенатором, сохранял огромное влияние, богатство и страх перед собой. Власть была передана его сторонникам, многие из них были с ним в родстве (Метелл Пий, Лукуллы, Сервилий Ватия, Помпеи и др.). Многие из них предпочитали сделать Суллу «фигурой умолчания», но лично ему ничего не угрожало. Это был не столько уход от власти, сколько снятие ответственности, совершенное с характерной для Суллы изворотливостью и цинизмом.

Сулла и его «дело» сыграли огромную роль в жизни Цезаря. Это было то, с чем ему предстояло бороться всю его жизнь, а дальнейшая политическая биография проходила в окружении сулланской элиты. Борясь с

законами Суллы и его креатурами, Цезарь должен был думать не только об их устранении, но и о выходе из тупика, в который было загнано все римское общество. Живой и мертвый, Сулла оставался, наверное, самым страшным противником Цезаря. Именно Цезарь вывел общество из тупика, в который загнал его Сулла, другим парадоксом было то, что этих двух людей часто считали политическими преемниками.

4. Сулланская элита

Сулланская и постсулланская элита была достаточно сложным объединением, включавшим разные группировки и господствующим с 79 по 49 гг. до н.э. Монополизировав высшие магистратуры, решающие голоса в сенате и высшие посты в провинции, эти люди достаточно уверенно держали власть в своих руках. Условно их можно разделить на четыре группы, грани между которыми провести достаточно сложно, но каждая из которых имела тот или иной отличительный признак.

1. Клан Метеллов. Основателями могущества рода стали два брата, победитель Лже-Филиппа и ахейцев Кв. Цецилий Метелл Македонский, консул 143 и цензор 131 г., и консул 142 г. Л. Цецилий Метелл Кальв. В 123–110 гг. консульство занимали шесть представителей рода: 4 сына Метелла Македонского — Кв. Цецилий Метелл Балеарский (консул 123 и цензор 120 г.), Л. Цецилий Метелл Диадема (консул 117 г.), М. Цецилий Метелл (консул 115 г.) и Г. Цецилий Метелл Капрарий (консул 113 и цензор 102 г.) и 2 сына Метелла Кальва — Л. Цецилий Метелл Далматик (консул 119 и цензор 115 г.) и Кв. Цецилий Метелл Нумидийский (консул 107 г.). Новое поколение Метеллов стало во главе сулланской партии. Посредством браков с родом были связаны М. Эмилий Скавр и Сулла, женатый на дочери Метелла Далматика. Сыном Метелла Нумидийского был Метелл Пий, консул 80 г. и командующий в Серторианской войне, отправившийся в Испанию уже в 79 г. Из консулов 79 г. один, Сервилий Ватия, принадлежал к Метеллам по матери, активно участвовал в войнах 87 и 83–82 гг., затем, с 78 по 74 г., был проконсулом Исаврии. Второй консул, Аппий Клавдий Пульхр, был женат на Метелле.

Их детьми были Анн. Клавдий Пульхр, консул 54 г., знаменитый трибун 58 г. П. Клодий и три дочери, Клодии, бывшие замужем соответственно за консулом 68 г. Кв. Марцием Рексом, Кв. Цецилием Метеллом (консул 60 г.) и Л. Лицинием Лукуллом. Братья Лукуллы были через мать внуками Метелла Кальва. В 69 г. консулом был Кв. Цецилий Метелл Критский, завершивший войну с критскими пиратами, в 68 г. — Л. Цецилий Метелл. Влияние Метеллов преобладало в 70-е гг. и сохранялось в 60-е гг., с ними были связаны 11 из 40 консулов 79–60 гг. и почти все проконсулы. Метеллы сохранили влияние и в 50-е гг.: в 57 г. консулом был Кв. Цецилий Метелл Непот, а в 60 г. — его брат, Метелл Целер, внуки Метелла Балеарского. Наконец, вторым человеком в партии Помпея был консул 52 г. Кв. Цецилий Метелл Пий Сципион, приемный сын Метелла Пия и тесть Помпея.

2. Консерваторы и оптиматы. Строго говоря, в идейном плане они были едины с Метеллами, не будучи, впрочем, структурированы в их «семью». Хотя Метеллы, видимо, были лично связаны с Суллой в большей степени, чем их единомышленники из других кланов, и те и другие видели в нем «секиру палача», которая должна была быть убрана, выполнив свою задачу^{142}. Стоя за «дело Суллы», бывшее реально их делом, эти силы ставили его выше личности диктатора, они же были идеологами его реформ.

Лидером этой группы можно считать Кв. Лутация Катула, сына второго победителя кимвров, ставшего жертвой репрессий Мария. В 78 г. он стал консулом при поддержке самого Суллы (Plutt. Sulla, 34; Pomp. 15), а после его смерти возглавил его сторонников в вопросе о похоронах диктатора. Именно Катул реально возглавлял сулланский сенат, а в 70 г. это положение было узаконено после объявления его принцепсом. Он же подавил восстание Лепида. Вплоть до своей смерти в 61

г., Катул был неизменным руководителем оппозиции всем попыткам изменить законодательство Суллы.

К консерваторам можно, видимо, отнести Мам. Эмилия Ливиана, консула 77 г., консулов 76 и 75 гг., Гнея и Луция Октавиев, вероятно, племянника и сына консула 87 г. Гн. Октавия и знаменитого оратора, консула 69 г. и соперника Цицерона, Кв. Гортензия Гортала. К ним присоединились и некоторые бывшие марианцы: интеррекс Л. Валерий Флакк, объявивши Суллу диктатором, и консул 91 г. Л. Марций Филипп. К числу этих перебежчиков принадлежал и консул 65 г. Т. Манлий Торкват. Если в 70 г. эта группа скорее играла вспомогательную роль, то в 60–50-е гг. она выдвигается на ведущее место, включив в себя и Метеллов. Ее несомненным идейным лидером стал племянник Ливия Друза, М. Порций Катон, на эту же роль претендует и оратор Цицерон. Среди ее представителей были ровесник Цезаря, консул 59 г. М. Кальпурний Бибул, консул 57 г. П. Корнелий Лентул Спинтер, консул 56 г. Гн. Корнелий Лентул Марцеллин, могущественный олигарх, консул 54 г. Гн. Домиций Агенобарб, консул 50 г. Г. Клавдий Марцелл и консулы 49 г. Г. Клавдий Марцелл и Л. Корнелий Лентул Крус. Это было поколение, среди которого было много молодых сулланских сенаторов, однако некоторые, как Цицерон и Катон, относились к нему откровенно враждебно. Вместе с тем именно они стали преемниками сулланских оптиматов и центром борьбы с Цезарем.

3. Военные. Эта группа объединяла выходцев из, как правило, незнатных сенаторских семей, бывших офицерами диктатора. Хотя среди первых групп было немало способных полководцев, именно данная группа, вероятно, в наибольшей степени отражала это военное начало. Для целого ряда сулланцев качество военного, видимо, было определяющим. Они сыграли особую роль в победе Суллы в 83–82 гг. и были неопределимы, как

силовая структура. Они оказались и наиболее независимой частью сулланцев, готовой на реформы и отход от сулланской практики.

Типичным представителем этой группы и, видимо, ее лидером, можно считать будущего союзника, а затем — главного противника Цезаря, Гнея Помпея Магна, крупнейшего римского полководца в 80–40-е гг. I века. Хотя род Помпеев появился в фастах во II веке, отец Помпея, Гней Помпеи Страбон, был, видимо, первым представителем своей ветви рода, который добился консульства. Став консулом 89 г., Помпеи Страбон командовал северным фронтом римлян, не снял власть после войны и играл очень сложную роль в событиях обороны Рима в 87 г. Страбон явно претендовал на положение, аналогичное положению Мария, Цинны или Суллы. Эти амбиции унаследовал и его сын.

Гней Помпеи родился в 106 г. и в 17 лет начал службу в армии отца, пройдя с ним все перипетии событий 89–87 гг. После вступления марианцев в Рим, Помпеи бежал в Пицен. В 86 г. он удачно выступил в процессе по обвинению покойного отца и был оправдан благодаря Кв. Гортензию и Л. Марцию Филиппу. Успех был двойной, разбиравший дело претор Антистий выдал за Помпея свою дочь (Plut. Pomp. 4). При подходе Суллы Помпеи выступил на его стороне, собрав в Пицене 3 легиона. В 83 г. он разбил войска марианских полководцев, Г. Каррину, Целия и Брута (Plut. Pomp., 7), а затем соединился с Суллой. Сближение с последним изменило положение Помпея, которого уже не устраивало родство с Антистиями. Сулла также желал родства с молодым генералом. Помпеи дал развод Антистий, а сам преторий вскоре был проскрибирован Суллой (Plut. Pomp., 9). В аналогичной ситуации Помпеи поступил совершенно отличным от Цезаря образом и женился на падчерице диктатора Эмилии, уже бывшей замужем за Манием Ацилием Глабрионом. Беременная

Эмилия умерла в доме Помпея. В 82 г. вместе с Метеллом Пием, Помпеи командовал сулланской армией в Этрурии и сыграл, возможно, решающую роль в разгроме Карбона (App. B.C. I, 91-92). После победы в Италии, Помпеи переправился в Сицилию: войска Перперны сдались, сам он бежал, а Карбон был захвачен и казнен. Помпеи переправился в Африку и разбил 20-тыс. войско Домиция Агенобарба и его союзника, нумидийского царя Гиарбу (Plut. Pomp., 10-12; App. B. C, I, 95-96). Молодой командующий явно претендовал на особую роль в окружении Суллы, полагая, что своей победой диктатор во многом обязан ему. Он получил триумф и прозвище Магн (Plut. Pomp., 13-14), быть может, данное ему не без иронии, а на выборах консулов на 78 г. Помпеи против воли Суллы поддержал Лепи да. Сулла имел основания не доверять Помпею и обошел его в завещании (Plut. Pomp., 15).

Другим, также достаточно нетипичным представителем этой группы, был М. Лициний Красс, сын консула 97 г. П. Лициния Красса. Судьба родившегося в 115-4 гг. Красса была чем-то похожа на судьбу Цезаря. В 87 г. его отец и брат стали жертвами марианцев (Liv. Epit, 80; Cic. Sest, 48), сам Красс с тремя друзьями бежал в Испанию, где долго скрывался, а в 84 г. начал операции в Испании с отрядом в 2500 человек. Позже он соединился с Метеллом в Африке, а затем прибыл к Сулле в момент его высадки. Сулла послал Красса в область марсов для набора войск, после чего он участвовал в кампании 83-82 гг. Красс отличился в битве под Римом, фактически выиграв это решающее сражение. Происходя из одной из самых богатых семей Рима, Красс вернул себе состояние семьи, разбогатев на проскрипциях и городских пожарах (App. B.C. I; Plut. Crass., 6), что вызвало недовольство Суллы. Впрочем даже диктатор был вынужден терпеть этого богатейшего олигарха. В 55 г. Красс имел 45 млн.

денариев (180 млн. сестерциев) (Plut. Crass., 2; Plin. N. H., XXXIII, 134), немалая часть капитала была у него уже в сулланский период.

К числу военных можно отнести ряд других сулланцев. Это легат Суллы в войне с Митридатом Л. Лициний Мурена, оставшийся в Азии, командовавший осадой Пренесте Кв. Лукреций Офелла, убитый Суллой за то, что хотел стать консулом против его воли (Plut. Sulla, 33; Liv. Epit., 89) и Т. Анний Луск, посланный в 81 г. в Испанию и изгнавший оттуда Сертория. Представителями этой группы были консул 73 г. Гай Кассий Лонгин, консул 72 г. Л. Геллий Публикола, консул 65 г. Л. Манлий Торкват, консул 62 г. Л. Лициний Мурена, сын легата Суллы. Из числа легатов Помпея выдвинулись консул 62 г. М. Пупий Пизон и консул 61 г. и Л. Афраний, правая рука Помпея во всех его походах, а также участник Серторианской войны и победитель при Пистории Марк Петрей.

Военные были, видимо, самой сильной и независимой частью сулланцев и ориентировались не столько на партийные интересы, сколько на Рим и его державу. Это могло сделать их союзниками реформаторов или, хотя бы заставить соблюдать нейтралитет. Вся будущая коллизия отношений Цезаря и Помпея, бывшего явным центром этой группы, показывают сложность положения этой части сулланцев.

4. Маргинальные и криминальные круги. Многочисленные люди с «темным прошлым» и откровенно криминальные деятели были одной из опор сулланского режима, будучи использованы для «темных дел» режима и особенно — террора во время проскрипций. Вероятно, будучи наиболее одиозной из всех групп сулланцев, они особенно нуждались в фигуре диктатора, видя в нем свою основную защиту. Возникла опасность их чрезмерного сближения с Суллой, также чужим среди уважаемых оптиматов и не всегда

ладившим с военными. Эти силы не ошиблись: после смерти диктатора их значение стало падать до тех пор, пока попытка самостоятельных действий не завершилась заговором Каталины. Представителями более старшего поколения, возможно, были консулы 81 г. М. Туллий Декула (о котором, впрочем, ничего не известно) и уже несомненно — Гн. Корнелий Долабелла, позже обвиненный Цезарем в вымогательствах. Впрочем, центральными фигурами были лидеры будущего заговора Каталины.

Сам Катилина был легатом Лукреция Офеллы и «отличился» во время проскрипций (Sail. Hist., I, 44; Cic. Comm. pet., 10; Oros, V, 21), другой лидер, П. Корнелий Лентул Сура, смог даже стать консулом 71 г. Интересно, что и тот и другой мечтали повторить судьбу Суллы. Третий руководитель заговора, Г. Корнелий Цетег, был легатом Метелла Пия в Испании (Cic. pro Sulla, 70). Не совсем ясно его родство с Цетегом-старшим, бывшим марианцем, перешедшим к Сулле, перед которым заискивал сам Лициний Лукулл (Plut. Luc, 5–6). Будущий консул Г. Антоний Гибрида, позже связанный с катилинариями и ставший консулом 63 г., обогатился во время грабежей и проскрипций (Asc. p. 75; 79). У катилинариев были и более «респектабельные» связи. Катилина имел контакты с Крассом и даже Катуллом. Не все представители этой группы были связаны с Катилиной, превращавшимся в ее центр. Среди них — будущий наместник Сицилии Гай Веррес, сулланские палачи, Л. Лусций и Л. Беллиен, любимый либерт Суллы Корнелий Хрисогон. Верхушка группы имела сильный фундамент: многие сулланские ветераны, значительная часть Корнелиев, персонажи, подобные Росциям из речи Цицерона. Возможно, и оптиматы, и военные опасались чрезмерного сближения диктатора с этими кругами. Все эти силы начинают терять влияние после его ухода,

сильный удар нанесли по ним реформы и чистка сената в 70 г., в 60-е гг. они попытались взять власть.

Глава IV.
ПОПУЛЯР (81-61 гг.)

1. Романтические приключения (81-78 гг.)

Покинув Италию в разгар сулланских репрессий, Цезарь прибыл в провинцию Азию в штаб претора Кв. Минуция Терма, осаждавшего Митилену на Лесбосе. Митилена поддержала Митридата еще в 88 г. до н.э. и выдала ему консуляра и друга Мария, Мания Аквилія. После Дарданского мира и отплытия Суллы в Италию (83 г.), против города выступил претор Л. Лициний Лукулл, который, впрочем, не стал осаждать Митилену. На время внимание римлян было отвлечено столкновением с самим Митридатом. Новый наместник Азии Л. Лициний Мурена вступил в Каппадокию, но потерпел поражение, и только вмешательство Суллы заставило стороны прекратить эту так называемую II Митридадову войну (83-82 гг.). В 81 г. сменивший Мурену Минуций Терм, сконцентрировал силы на осаде города. Кроме всего прочего, римлянам, видимо, нужно было «спасти лицо» после поражения.

Маловероятно, что Терм решился бы взять Цезаря в свою свиту и, тем более, давать ему сколь-нибудь важные поручения. Вопрос был, видимо, согласован в Риме. Нуждаясь во флоте, Терм послал молодого офицера за помощью к царю Вифинии Никомеду III Филопатору (91-75 гг.). Хотя Никомед был обязан римлянам престолом, был их верным союзником и в 75 г. умер, завещав царство Риму, Цезарь, видимо, не только блестяще выполнил поручение, доставив флот, но и установил с царем особые отношения. Косвенным свидетельством, иногда заслоняющим реальные события, является как постоянно преследовавший его слух о гомосексуальной связи с Никомедом, так и то, что позже Цезарь защищал интересы дочери царя, Нисы

(Gell., V, 13). История с Никомедом (кстати, единственная в своем роде, а потому-явно неправдоподобная) (Suet. Iul., 2; 49), которую Цезарю вспоминали даже во времена Галльских войн, является явным образчиком «черной пропаганды», показывающим, что сулланская верхушка зорко следила за его действиями. Штурм города, видимо, последовавший в 79 г., дал Цезарю возможность отличиться: молодой офицер получил *corona civica*, венки за спасение в бою римского гражданина (видимо, солдата), что было одной из самых престижных наград. Как и в любой другой армии, награды за личное мужество ценились у римлян особенно высоко. Такого рода награды Цезарь получал многократно, даже во времена Фарсала и Мунды. Это была первая.

Первые симптомы будущего кризиса начались уже при жизни Суллы. В 80 г. восставшие лузитане пригласили в качестве командующего Квинта Сертория, бывшего марианского наместника провинции. Квинт Серторий был последним из крупных полководцев марианской партии. Он родился в 123 г. в Нурсии, со 105 г. служил в армии Цепиона в Галлии, со 104 г. — в армии Марка и участвовал в битве при Аквах Секстиевых. В 98 г. он служил в армии Т. Дидия в Испании, где пробыл до 94 г. В 90 г. Серторий был квестором в Цизальпийской Галлии, стать трибуном в 88 г. ему помешал Сулла. В 87 г. он стал одним из лидеров марианцев во время осады Рима, а затем вместе с Цинной прекратил марианские репрессии. После смерти Цинны, Серторий отошел от руководства и был назначен наместником Испании. В 83 г. он был пропретором в *Hispania Ulterior*, в 82–81 гг. готовился к продолжению борьбы с сулланцами, но в 81 г. был выбит из провинции сулланцем Г. Аннием и находился в Мавретании. В 80 г. Серторий высадился в Бетике, возглавил лузитан и разгромил армию наместника Фуфидия. В 79 г. с 6 легионами в Бетику

прибыл Кв. Цецилий Метелл, однако и ему не удалось разбить Сертория. Началась затяжная война, в которой марианский полководец активно использовал испанские племена, составлявшие основу его армии.

Серторий сумел соединить движение туземного населения с действиями римской эмиграции. Во главе встал эмигрантский сенат и назначенные им магистраты.^[143]^[29] Серторий считался проконсулом, на подконтрольных ему территориях испанцы получали римское гражданство, создавались провинциальные собрания. В городе Оске появилась школа для детей испанской знати. Самого Сертория окружало несколько тысяч солдуриев, готовых отдать за него жизнь. Ядром армии были марианцы и романизированные жители Бетики, но Серторий широко использовал туземные войска и их партизанскую тактику^[30]. В 79 г. армия Метелла вторглась в Лузитанию, но, благодаря партизанской тактике, Серторий заставил ее отступить. В том же году серторианцы начали наступление в Ближней Испании и разбили сулланского наместника Домиция Кальвина.

На Востоке начинался расцвет пиратства, особенно в Киликии и на Крите. Пиратство процветало и ранее, но именно после гражданских войн эскадры морских разбойников резко усилились за счет беглецов из Италии, Испании и Азии. Победа Суллы придала пиратству новое дыхание. Пиратские государства стали бросать вызов римлянам, их поддерживали племена и государства в Далмации, Македонии и Исаврии. В 80 г. в Далмации начала операции армия Гая Коскония, в 79 г. назначенный наместником Македонии Аппий Клавдий начал операции против фракийцев. В том же году второй консул этого года, П. Сервилий Ватия, был послан в Исаврию.

Сервилий был одним из ведущих лидеров клана Метеллов. Его отец, претор 114 г. П. Сервилий Ватия,

был женат на Цецилии Метелле, дочери Метелла Македонского. Сервилий родился в 134 г., в 100 г. он участвовал в борьбе с Сатурнином, в 90 г. был претором и участвовал в Союзнической войне. Сервилий был достаточно близок к Сулле, в 88 г. тот хотел сделать его консулом на 87 г., но Сервилий потерпел неудачу (Plut. Sulla, 10). В 87 г. Сервилий командовал одной из армий оптиматов, но был разбит у Аримина (Licin. 27 Bonn), бежал к Сулле в Грецию, вернулся вместе с ним и участвовал в гражданской войне. В 82 г. он одержал победу у Клузия (Veil., II, 28; Plut. SuU, 28). Сервилий и Аппий Клавдий стали консулами сразу после Суллы и Метелла Пия. Сервилий, видимо, оказался более или менее непричастен к террору Суллы. Принадлежа к Метеллам, он скорее всего, смыкался с военными, ориентируясь на державные интересы и умеренные реформы, это был способный полководец и именно с него Цезарь начал разыгрывать свою сложную партию с сулланской элитой.

В 79–78 гг. Сервилий разбил пиратский флот и начал наступление против пиратского предводителя Зеникета, заняв его крепости Олимп, Корик и Фаселиду в восточной Ликии и Атталию в Памфилии. Зеникет погиб. Легионы Сервилия двинулись в Исаврию, перешли через Тавр и взяли Исавру и Ороанду. Война закончилась к 74 г., когда римляне подавили сопротивление противника в Ликии, Памфилии и западной Киликии, ограничив пиратство приморскими областями. Кроме того, Сервилий сумел подчинить ряд внутренних областей Малой Азии, создав возможность наступления на центральную часть державы Митридата, которое вели уже другие полководцы. Возможно, это был первый серьезный успех римской армии в постсулланский период.

Цезарь участвовал в кампании на начальном этапе, уже в 78 г. он вернулся в Рим. Видимо, он достойно

проявил себя и в этой войне, так или иначе, у него сложились очень дружеские отношения с семьей Сервилиев. Сервилий прожил долгую жизнь. В 74 г. он получил триумф, в 66 г. поддержал Помпея (Cic. de imp. Pomp., 66), в 63 г. он выступил против катилинариев, в 57 г. защищал Цицерона, выступая против Клодия, в 54 г. был цензором. Одним из немногих оптиматов он сохранил нейтралитет в гражданской войне 49–45 гг. и умер в 44 г. Вероятно, на ранних этапах Сервилий был одним из главных покровителей Цезаря и в его армии было относительно безопасно. Угрожал только внешний враг. Сын Сервилия, П. Сервилий, позже стал другом и сторонником Цезаря, а также его коллегой по консульству в 48 г.

В 78 г. на восток пришло известие о смерти Суллы. Цезарь получил возможность вернуться в Рим, где начинались весьма бурные события.

Консулами 78 г. стали Кв. Лутаций Катул и М. Эмилий Лепид. Абсолютное господство сулланцев в высших эшелонах власти впервые было нарушено. Марк Эмилий Лепид был сторонником Суллы, участвовал в гражданской войне 83–82 гг. и обогатился во время проскрипций (Sail. Or. Lep., 18). В 80 г. он стал пропретором Сицилии, но вступил в конфликт с Метеллами и был обвинен в хищениях, а вражда с Метеллами поссорила Лепида и с Суллой. Экс-диктатор препятствовал ему на выборах, но Лепид добился успеха благодаря поддержке Помпея. Его выдвижение часто считают успехом оппозиции внутри сулланского руководства, который мог привести и к отставке самого Суллы^{144}. Впрочем, более вероятно, что своим успехом Лепид был обязан поддержке военных, которые были готовы ограничить влияние Суллы, но никоим образом не собирались свергать созданную им политическую систему. Позже, в ситуации реальной угрозы, они приняли сторону правительства, тогда как Лепид явно

пошел дальше, попытавшись свергнуть сулланский порядок.

Лепид начал выступать с критикой Суллы еще при жизни последнего, однако главные события произошли после смерти диктатора, которая привела к активизации всех антисулланских сил: трибуны-популяры приступили к агитации за реформы, а жители наказанных Суллой городов начали восстание против его колонистов. В 78 г. началось наступление Сертория: армия его квестора Гиртулея выступила на север, пополняясь за счет местного населения. Вскоре серторианцы установили контроль над областью между рекой Эбро, Илердой и Пиринеями. К 77 г. они заняли Ближнюю Испанию, а к концу года большая часть Пиринейского полуострова была в руках Сертория, контролировавшего часть южного и восточного побережья Испании, центральную часть полуострова, большую часть долины Эбро и практически всю Лузитанию^{145}.

Первой пробой сил в Риме и Италии стал вопрос о похоронах Суллы. Лепид выступил против предложения Катула и других сторонников диктатора похоронить его на Марсовом поле. Предложение поддержал Помпей, что, возможно, и сыграло решающую роль. Несмотря на сильное сопротивление оппозиции, сенат принял решение (Plat. Pomp., 16). Похороны Суллы были устроены с невероятной пышностью. Тело диктатора провезли от его виллы до Рима, а затем торжественная процессия вступила в город. Сулла возлежал на золотом ложе в царских одеждах (κοσμοῦ βασιλικού), а в процессии несли знамена и 2000 венков. За гробом шел весь сенат в полном составе и все магистраты этого года, далее следовали жрецы и жрицы, всадники и, наконец, огромное количество солдат и ветеранов (около 50 000 человек), за процессией следовали толпы народа, включая освобожденных Суллой Корнелиев.

Похороны стали демонстрацией мощи сулланской партии (App. B. C, I, 106).

Вскоре после похорон в Фезулах началось восстание против сулланских колонистов (Licin. p. 34 Flemish). Сенат направил в Этрурию обоих консулов, но, получив войска, Лепид выступил против правительства. К мятежному консулу присоединились войска, собранные М. Юнием Брутом, бывшим марианцем и трибуном 83 г. (Cic. pro Quinct, 65; 69). Брут занял Мутину (Liv. Epit., 90; Plut. Pomp., 16), а Лепид двинулся на Рим. Он требовал восстановления власти народных трибунов, возвращения изгнанников и отмены ограничений для проскриптов, а также — консульство для себя лично. Кроме того, Лепид потребовал вернуть землю присоединившимся к нему повстанцам (Licin. Ibid; App. B. C, 1,107; Plut. Pomp., 16).

Началась новая гражданская война. Если в 79 г. три армии Метелла, Аппия Клавдия и Сервилия насчитывали 10 легионов, то в 78 г. вместе с силами Лепида и Катула, было мобилизовано 34 легиона^{146}.^[31] Лепид подошел к Риму, против него выступили войска Катула. Помпеи направился в Цизальпийскую Галлию против Брута. Брут был разбит при Мутине, Помпеи осадил его в городе и заставил сдаться (App. B. C, II, III; Liv. Epit., 90; Cic. Att., IX, 14, 2). На Марсовом поле сразились армии Лепида и Катула. Потерпев поражение, Лепид отплыл в Сардинию и вскоре умер (App. B. C, I, 107; Plut. Pomp., 16; Liv. Epit., 90). Остатки его армии, 5 легионов во главе с М. Перперной Вентоном, ушли в Испанию^{147}.

Видимо, после смерти Суллы Цезарь вернулся в Рим и получил от Лепида предложение присоединиться к нему, но вскоре отказался. Он не присоединился и к Серторию, хотя Л. Корнелий Цинна, сын Цинны и брат Корнелии, отправился к Лепиду, а затем присоединился к серторианцам в Испании. Почему Цезарь не принял участие в восстании? Обычное объяснение — это его

неверие в Лепида (Suet. Iul., 3), но дело, видимо, глубже. Цезарь был, прежде всего, патриотом Рима и сторонником стабильного государства, что было для него выше, чем партийные интересы и борьба с сулланским порядком. Восстание Сертория все же было восстанием провинциалов против Рима, а восстание Лепида — восстанием против власти. Цезарь сочувствовал марианской оппозиции, но по большому счету, она несла то же, что принес Риму Сулла. Он выбрал легальные и мирные методы, не желая бороться ни за Рим марианцев, ни за Рим Суллы. Внешне этот путь казался еще более безнадежным, чем путь Лепида и Сертория, но это был единственный настоящий путь в борьбе с системой. Цезарь начинал бороться за Рим, в перспективе было создание новой оппозиции с новыми идеями, новыми методами и новыми людьми.

Цезарь начал готовиться к деятельности оратора. Именно поэтому он поехал на Родос, чтобы брать уроки красноречия у Аполлония Молона. Возможно, это был и хороший предлог покинуть Рим, где он мог быть втянут в военный конфликт. Молон появился в Риме в 87 г. как посол Родоса во время Митридатовой войны. Оратор не знал латыни, и сенаторы в виде исключения разрешили ему говорить по-гречески. Возможно, это была не только дань красноречию посла, но и дань особой важности позиции Родоса во время тяжелых событий на востоке. В 81 г. Молон вернулся в Рим и стал популярным педагогом, у которого учились Цицерон и Помпей. Римляне, вероятно, пользовались его услугами в области техники ораторского искусства.

Во время путешествия на остров, и произошла знаменитая история с пиратами. Недалеко от Милета, у острова Фармакусса, судно, на котором плыл Цезарь, попало в руки морских разбойников. Пираты потребовали выкуп в 20 талантов, но пленник предложил 50. Затем он разослал спутников и рабов в

разные города и собрал нужную сумму, оставаясь только с личным врачом и двумя слугами. 38 дней Цезарь был в плену у разбойников, и его поведение, поражавшее пиратов, было непохоже на обычное поведение их пленников даже весьма высокого ранга. Он не обнаруживал ни малейшего страха, велел им не тревожить его покой, шутил, писал стихи и речи, демонстративно заставляя похитителей слушать его декламации, и периодически угрожал пиратам распять их на кресте. История напоминает авантурный роман, вероятно, в ней есть его элементы. Наконец, деньги прибыли, и пленник был отпущен. Теперь Цезарь отправился к претору Юнку и потребовал дать ему войска. Юнк не прореагировал, и тогда Цезарь сам собрал отряд и расправился с разбойниками. Пираты были распяты, чтобы они не мучались, Цезарь приказал их заколоть (Plut. Caes., 3-4; Suet. Iul., 3-4).

В этой истории много неясного. Плутарх и Светоний дают разную последовательность событий. Согласно Плутарху, Цезарь попал к пиратам сразу после первого отъезда из Рима еще во времена Суллы, до осады Митилены, т.е. в 80 или 79 г. Согласно Светонию, это происходит после его отказа присоединиться к Лепиду и даже после процесса Долабеллы, т.е. в 78 или даже 77 г. Это очень важно, за это время Цезарь стал героем осады Митилены и одним из самых выдающихся молодых офицеров, имевших немало заслуг и влиятельных друзей и покровителей, включая самого Публия Сервилия. Видимо, это и было причиной бережного отношения к нему пиратов, быстрого сбора денег и вызывающего поведения Цезаря. Посягнуть на такое лицо пираты не решались, более того, создается впечатление их растерянности по поводу того, что делать с попавшим к ним героем восточных кампаний, тем более, что он предложил за свою голову невероятную сумму. Отношение Цезаря к пиратам было достаточно

традиционным, попавшие в плен морские разбойники уничтожались. Кроме того, пираты обратились к опасному промыслу, захвату заложников, и это было уроком. Цезарь хотел дать урок не только пиратам, но и коррумпированным и некомпетентным римским наместникам. История придала ему романтический ореол и стала популярной в последующей традиции: ее рассказывают Плутарх, Светоний и Полиэн, причем, рассказ последнего отличается от других и носит уже совершенно фантастический фольклорный характер (Polyaen, VIII, 23, 1).

2. Первые шаги (78-70 гг.)

Светоний подробно описывает внешность Цезаря (Suet. Iul., 45), и его описание примерно соответствует достаточно многочисленным сохранившимся до нашего времени скульптурным портретам, относящимся, главным образом, к позднему времени. Тонкое аристократическое лицо с темными очень живыми глазами и удивительной пропорциональностью черт, временами напоминающее лицо ученого и мыслителя — таким предстает нам будущий правитель Рима. При всей возможной субъективности оценок, Цезарь считался очень красивым человеком. Небольшую, но яркую характеристику дает Саллюстий (Sail. Cat., 54).

Он пишет о мужестве и честолюбии Цезаря, его выдающемся красноречии, постоянной готовности оказывать помощь самым различным людям, что было вызвано не только политической необходимостью, но и склонностью характера, и стремлении к крупным предприятиям. Плутарх и Светоний сообщают, что он с большим вниманием относился к своей внешности и одежде и очень любил красивые вещи. По всей вероятности, молодой аристократ был одним из законодателей столичных мод (Suet. Iul., 45-47; Plut. Caes., 17). Вместе с тем, оба автора пишут о его умеренности в еде и питье (Suet. Iul., 53), а Плутарх подчеркивает его личную храбрость, выносливость и умеренность (Plut. Caes., 17).

Еще одной чертой, характерной для Цезаря, обычно считают *fides*, качество, которое римляне всегда считали своей национальной особенностью. Речь шла о верности слову, взятым на себя обязательствам и личным связям, а также готовности отдавать долги, независимо от того, кому он был обязан тем или иным благодеянием.

Светоний пишет о его преданности друзьям и клиентам (Suet. IuL, 71), умении прощать обиды, умеренности и мягкости, отсутствии чувства мести (Ibid., 73–75). Многие отмечали личную доброту Цезаря. Он отличался харизматическими данными и обаянием и имел огромный успех у женщин (Suet. IuL, 50–52). Цезарь, несомненно, был одним из лучших ораторов Рима, что вполне определенно признавал и Цицерон^[32]. Его ораторские манеры и литературные произведения отличали четкость и лаконизм, ясность и правильность речи, убедительность и отсутствие сознательных литературных прикрас, что однако, не лишало его выступления сильнейшего воздействия на аудиторию (Plut. Caes., 3 Suet. Iul., 35).

Политический стиль Цезаря представляет собой достаточно интересную проблему. Многие исследователи (Ж. Гаже, Г. Ферреро, С.Л. Утченко и др.)^[148] склонны особенно подчеркивать его внешние харизматические данные, личное обаяние, блестящие ораторские данные и умение создавать нужный политический имидж. Они отмечают роскошь устраиваемых им зрелищ, рассчитанные на публику особенности поведения, включая мельчайшие детали одежды, и, наконец, прекрасное владение им всеми методами «политтехнологий», тщательно разработанными римскими политиками и детально описанными в «Наставлении к соисканию должности» Квинта Цицерона, адресованном его брату Марку, и самих произведениях знаменитого оратора. Все это, несомненно, играло определенную роль, равно как и образ «критика системы» и «защитника обиженных», который создавался вокруг молодого политика. Одной из отличительных черт Цезаря считалась щедрость (*liberalitas*) в тратах денег, в том числе и на пропагандистские акции и предвыборные кампании.

Все это было не только формой. Навыками подобных «политтехнологий» владели практически все римские политики, а с появлением риторического образования это умение ставилось на высокий профессиональный уровень. Римский политик постоянно жил в условиях выборов, а сходные методы были характерны и для многих других, Помпея и Красса, Лукулла и Гортензия, Цицерона и Катона (Plut. Crass., 4; Pomp., 122; Cato, 4-6; Cic, 34-37). С другой стороны, искушенного римского избирателя было не так легко обмануть: народ также неплохо знал «законы жанра» и понимал всевозможные «демонстрации стиля», а личного обаяния и умения хорошо говорить было явно недостаточно. За блестящей формой и напускным изяществом, образом законодателя мод и покорителя женских сердец, несомненно, стояло, нечто большее и нечто совсем иное.

Программа Цезаря стала последовательной программой демонтажа политической, социальной, правовой и идеологической системы сулланского Рима с его деструктивной внешней и внутренней политикой, коррупцией, политическими репрессиями и полной бесконтрольностью олигархического сената и его лидеров. Эта программа включала в себя большое число политических и идеологических акций и, вместе с тем, она находилась в строго правовом поле и имела мирный характер. Цезарь противопоставил сулланскому террору и коррупции право и мирную конструктивную политику. На первом этапе (до 67 г.) его деятельность носила вполне конкретный, по преимуществу правозащитный характер, мало отличный от современного понятия. Она включала в себя защиту конкретных людей, пострадавших от сулланского террора и постсулланского «правосудия» и столь же конкретные действия против коррумпированных представителей системы и ее репрессивного характера. Именно эта конкретная нравственная оппозиция, которую молодой

политик впервые проявил в отношениях с Суллой, и была основой его деятельности: действия Цезаря разоблачали скрытую за слоем политической риторики и рассуждениями об «интересах государства» и «политической необходимости» реальную суть сулланской и постсулланской политки. Последняя приобретала свой истинный облик убийств, грабежей, казнокрадства и коррупции. На данном этапе главным оружием становились не армии и вооруженные отряды, а выборы и судебные процессы.

С другой стороны, делая свою политическую карьеру и приобретая связи в мире политики, Цезарь прекрасно понимал необходимость этой составляющей. Даже сам «харизматический стиль» был не только средством вхождения во власть, но и важным изменением самих политических реалий. Сулланские лидеры делали ставку на свое положение в сенате и «аппаратную борьбу», когда народу оставалось лишь послушно вотировать волю всесильного сената, тогда как новое поколение политиков (и Цезарь играл здесь очень значительную роль) пыталось сделать народ реальным субъектом политической борьбы. Выборы становились все более свободными, и политическая борьба 60-х гг. уже отличалась от закулисных игр сенатской верхушки в предыдущем десятилетии. Эти перемены стали залогом успеха Цезаря. Одну за другой он блестяще выигрывает избирательные кампании, становясь одним из самых публичных и популярных политиков Рима. Народ голосовал не только за Цезаря, он голосовал и за новую политику популяров.

77-74 гг. были временем острого кризиса постсулланской системы. В 77 г. Серторий был как никогда близок к победе. Владая почти всей Испанией, он получил подкрепление в виде армии Перперны. Возможно, именно сейчас возникла угроза похода серторианцев в Италию, и, вероятно, многие этого

ждали. Армия Метелла была отрезана от Рима, в перспективе ее ожидал полный разгром. Сенат направил в Испанию новую армию во главе с Помпеем, и теперь против Сертория сражались 11-12 легионов. Прибытие Помпея означало не только усиление армии, но и изменение политики. Появление молодого реформистски настроенного полководца показало готовность власти пойти на компромисс с провинциалами и есть основания считать, что сигнал был понят.

В 77 г. армия Помпея перешла Пиринеи. В 76 г. основные романизированные области Дальней Ближней Испании перешли на сторону правительства. Серторий изменил тактику: он бросил главные силы против Помпея, стремясь нанести ему быстрое поражение. После неудачи у Лаврона, не сумев оказать помощь городу, осажденному Серторием, Помпеи отступил за Эбро. Удар последовал с другой стороны — Метелл разбил армию Гиртулея у Италики, после чего юг Испании стал переходить на сторону правительственных войск. Впрочем, Метелл отошел к Пиринеям к войскам Помпея.

В 75 г. произошли решающие битвы этой войны. Помпеи выступил к побережью и разбил Перперну и Геренния на Валенсийской равнине. Метелл вторгся в центральную Испанию и при Сеговии уничтожил армию серторианского квестора Гиртулея. Серторий взял остатки разбитых армий, соединил их со своими войсками и атаковал Помпея. На р. Сукрон (Хукар) Помпеи был разбит, от полного разгрома его спас подход Метелла. В конце 75 или уже в 74 г. возле Сегунтии Серторий сразился с объединенными силами обоих полководцев. Сражение закончилось вничью.

Обе стороны были на грани истощения. Потрепанные правительственные армии отошли к Пиринеям. Помпеи послал письмо в сенат, требуя подкреплений и угрожая, что война может перейти в Италию (Sail. Hist., II, 98; Plut.

Sert., 21; Pomp., 20). Серторианцы также практически потеряли регулярную армию, их оттеснили с восточного побережья вглубь Испании в Дальнюю Кальтиберию, а главной силой Сертория становились ополчения полузависимых и независимых племен, враждебные к Риму и, в основном, способные на партизанские действия. В подконтрольной Серторию Испании начинались волнения, с отрывом от римских провинций ощущалась нехватка денег. Последний успех зависел от того, кто предпримет решающее усилие.

На востоке наступило затишье. Действия Аппия Клавдия во Фракии перешли в затяжные бои в горах и продолжились до его смерти в 76 г. Преемник Клавдия, Г. Скрибоний Курион, также продолжал войну без особого успеха (76–74 гг.), сумев покорить только дарданов (совр. Сербия) и дойти до Дуная. К 74 г. закончилась кампания Сервилия. В 77 г. (пик восстания Лепида) число войск (со всех сторон, считая повстанцев) достигла рекордной цифры в 45 легионов, в 76–75 гг. оно снизилось до 29 за счет роспуска армий Лепида и Катула, в эти же годы шли тяжелые бои в Испании, Фракии и Исаврии, что предполагает немалые потери. С 74 г. снова начался рост.

Ситуация в Риме становилась более благоприятной для Цезаря. Начала рушиться монополия на власть сулланцев и клана Метеллов. В 77 г. консулом стал Мамерк Эмилий Лепид Ливиан, ранее ходатайствовавший за Цезаря перед Суллой. В 75 г. консульство занял самый младший из кружка Крассов — Сцевола, Г. Аврелий Котта, в 74 г. — его брат Марк. Несмотря на поражение Лепида, трибуны продолжали агитировать за восстановление своей власти. В 76 г. с таким предложением выступил Гней Сициний (Sail. Hist., III, 48), встретивший сопротивление консулов Гнея Октавия и Г. Скрибония Куриона, в 75 г. волнения успокаивал уже консул Котта. В 74 г. трибун Л.

Квинкий снова потребовал восстановления трибуната (Cic. pro Cluent, 77; 79; 93; 95; 103), но встретил сопротивление консула Л. Лициния Лукулла. В 73 г. была предпринята, наверное, самая энергичная попытка. Саллюстий приводит красочную речь народного трибуна Лициния Макра с резкими обвинениями в адрес сулланского и постсулланского режима (Sail. Hist., III, 48). Предложения о либерализации исходили не только от трибунов. В 75 г. консул Котта предложил разрешить народным трибунам занимать другие должности. Это не помешало обвинить и его в принадлежности к «клике» (Sail. Hist. III, 48, 8–9). В речи Макра критике подверглись практически все консулы 79–74 гг. В 73 г. консулы-сулланцы, М. Теренций Варрон Лукулл и Г. Кассий Вар, провели закон о раздаче зерна (lex Cassia Terentia frumentaria), восстанавливающий закон Гая Гракха от 122 года. Число получателей зерна определялось в 40 000 человек, они получали по 5 модиев в месяц (43 л) за плату в $6\frac{1}{3}$ асса.

Надо полагать, что Цезарь активно участвовал во всей этой агитации. Вместе с тем, он предпринял ряд собственных акций. Видимо, в 77 г. он привлек к суду П. Корнелия Долабеллу, консула 81 г. и триумфатора, обвинив его в вымогательствах в Киликии, которой тот управлял в 80 г. Удар наносился по одному из главных столпов сулланской партии, хотя и не имевшему непосредственных связей с Метеллами. Обвинение могло быть связано и с пребыванием Цезаря на востоке и даже опираться на поддержку Сервилия. Это был первый антикоррупционный процесс против ближайшего сподвижника Суллы. Долабелла вел себя вызывающе, будучи уверен в безнаказанности и постоянно позволяя себе оскорбительные выпады (Suet. Iul., 49), на его стороне была сулланская олигархия, а адвокатами выступали Г. Аврелий Котта и Квинт Гортензий. Процесс, по-видимому, был очень крупным, сопоставимым даже с

делом Верреса. Авл Геллий упоминает книгу 1 первой сессии (*actio I*), из чего следует, что речей было несколько. Долабелла был оправдан, но его дальнейшая карьера, видимо, закончилась, и упоминаний о нем больше нет. Цезарь приобрел славу знаменитого оратора и смелого политика (*Plut. Caes.*, 4 *Suet. Iul.*, 4; 55; *Asc. P.* 23; 69).

Хронология процесса вызывает известные проблемы. Согласно Тациту, в момент процесса Цезарю был 21 год. Это дает 81 или 79 год, т.е. время жизни Суллы, когда такого рода процесс был невозможен, тем более, что Цезаря в Риме не было (*Tac. Dial. De or.* 34). Согласно Плутарху, процесс произошел почти сразу после смерти диктатора, т.е. около 78–77 г., что вероятно. Согласно Светонию, событие произошло после восстания Лепида, т.е. в 77 или даже 76 г., после чего Цезарь попал к пиратам. 77 год более вероятен еще и потому, что в 76 г. последовал новый процесс.

В 76 г. Цезарь выступил против другого сулланца, Г. Антония Гибриды, сына оратора Антония и дяди Марка Антония, своего будущего соратника. Во время гражданской войны Гибрида находился в Греции, командуя конницей Суллы и занимаясь грабежами (*Asc. P.* 75, 79), а затем обогатился во время проскрипций. В 76 г. греки обвинили его в вымогательствах и Цезарь взялся защищать их дело (*Asc. p.* 75). Как и Долабелла, Гибрида был оправдан.

Дальнейший путь Антония Гибриды весьма интересен. В 70 г. он был исключен из сената (*Asc. p.* 74), что явно было отголоском процесса, он был связан с катилинариями, стал консулом 63 г., в конечном счете, приняв сторону Цицерона. В 62–60 гг. Гибрида управлял Македонией, а в начале 59 г. был осужден по двойному обвинению (участие в заговоре Каталины и ограбление Македонии) и отправлен в ссылку на остров Кефаллению (*Strab.*, X, 456). Видимо, в 49 г. он вернулся в Рим в

рамках общей амнистии, объявленной Цезарем, и до конца жизни был членом цезарианского сената, возможно, даже получив цензуру в 42 г.

Вероятно, еще больше Цезарь выступал как адвокат и правозащитник, что и отмечает Саллюстий (Sail. Cat., 51). В будущем он проведет несколько важных правозащитных акций.

В 74 г. кризис вступил в последнюю, но крайне опасную фазу. В 74 г. Помпеи и Метелл, получив ожидаемые подкрепления (1-2 легиона), перешли в наступление в Кельтиберии. Серторий продолжал партизанскую войну. Продолжали держаться твердыни серторианцев, Палланция и Калагуррис^{149}. В лагере повстанцев начались опасные процессы. Начинает разрушаться блок марианских эмигрантов и местных племен. Римские командиры часто третируют туземцев, зачастую выдавая свои действия за выполнение приказов Сертория. Испанцы отвечали массовым переходом на сторону правительственных войск (Plut. Sert., 25; App. B. C, I, 112). С другой стороны, эмигранты начинают тяготиться и властью Сертория.

Серторий мечется из стороны в сторону, то создавая личную охрану из испанцев, то, наоборот, прибегая к репрессиям. Одним из таких актов было уничтожение школы в Оске и ее учеников. Видимо, последним дипломатическим успехом марианского полководца стал союз с Митридатом, впрочем, ставший эфемерным. Серторий получил от царя 40 кораблей и 3 000 талантов, а сам послал в Азию отряд Марка Мария (Plut. Sert., 23-24; App. B. C, I, 111; Liv. Epit., 93; Flor, III, 22). В окружении полководца возник заговор во главе с Перперной.

В 72 г. Серторий был убит во время пира^{150}. Это был смертельный удар для движения, блок римских эмигрантов и провинциалов раскололся окончательно.

Римскую армию возглавил Перперна, продолжавший операции в районе Оски и Калагурриса. В большом

сражении Помпеи разбил серторианцев, сам Перперна попал в плен и был казнен, но большинство его сторонников были помилованы. Оставшаяся часть армии ушла в горы, но вскоре сдалась. Война была фактически закончена.

В 75–74 гг. возник новый кризис на востоке. Умирает старый знакомый Цезаря, царь Вифинии Никомед III, завещавший царство Риму. Недовольный этим Митридат вторгся в Вифинию, что и стало началом 3 Митридатовой войны (75–63 гг.). Митридат заключил договор с Серторием, его союзниками были киликийские и критские пираты.

Сенат, в нарушение закона Суллы, поручил войну консулам 74 г. М. Лицинию Лукуллу и М. Аврелию Котте. Реальной подготовкой занялся Лукулл, бывший одним из лучших полководцев Суллы. Лукулл родился в 117 г. Его отец был женат на Цецилии Метелле, дочери Метелла Кальва и сестре Метелла Нумидийского. От этого брака родились два брата, Луций и Марк, ставшие одними из центральных фигур в клане Метеллов. Вся молодость Луция прошла под командованием Суллы. Он был военным трибуном 90 г. (Plut. Luc, 2), а затем квестором Суллы и участвовал в перевороте 88 г. С 88 по 85 г. Лукулл сражался в Митридатовой войне, командуя римским флотом (Ibid., 3), а с 84 по 81 г. был наместником Азии (Ibid., 4), не участвуя в гражданской войне и последующих репрессиях. В момент смерти Суллы Лукулл был претором. Несмотря на неучастие в событиях диктатуры, Сулла считал его очень близким человеком, посвятив Лукуллу свои мемуары и сделав его опекуном сына, Фавста (Plut. Luc, 4; Pomp., 15; Sulla, 38). Лукулл был очень образованным человеком, увлекался книгами, собирал древние рукописи, имел незаурядные ораторские способности и был близок с Цицероном и его кругом (Plut. Luc, I; 42). Позже он прославился невероятной роскошью и пирами (Ibid., 39–42). Около 75

г. Лукулл женился на Клодии, дочери консула 79 г. Аппия Клавдия, одной из трех знаменитых сестер Клодий. В конце 60-х гг. Лукулл развелся с Клодией и женился на Сервилии, сестре Катона. Другая сестра последнего была любовницей Цезаря.

В 74 г. началось вторжение войск Митридата в Азию. Формально эта была военная помощь серторианскому военачальнику Марию. Серторианцы и понтийские войска занимали азиатские города, в которых началась резня сторонников римлян. Участие в войне принял и Цезарь. Находясь в это время на Родосе, видимо, продолжая свои ораторские занятия, и узнав о вторжении Митридата, он собрал отряд добровольцев и выступил на защиту провинции (Suet. Iul., 4). На стороне римлян выступил галатский царь Дейотар. Эти отряды отбили первую атаку понтийцев, не допустив повторения ситуации 88 г., и продержались до прибытия Лукулла.

Лукулл окончательно выбил противника из Азии и двинулся в Вифинию против главных сил царя на помощь второму консулу Котте, осажденному Митридатом в Калхедоне. Котта потерпел поражение, но, узнав о походе Лукулла, царь отступил и начал осаду Кизика. Присоединив один легион к четырем, бывшим в Азии, Лукулл с 30 000 пехоты и 1 600 всадников выступил против Митридата. Кизик стойко оборонялся, а Лукулл, расположившись в тылу, отрезал противника от подвоза продовольствия. К весне 73 г. Митридат с флотом отплыл к Геллеспонт, а затем — в Лампсак. Туда же направилась и армия. Отступление походило на бегство, у реки Граник Лукулл нанес понтийцам тяжелое поражение. Остатки армии ушли в Лампсак, а оттуда морем — в Понтийское царство. Лукулл перенес войну на море, разбив противника у острова Нея. В плен попал Марк Марий. Азия и Вифиния были очищены от армий Митридата.

В 72 г. Лукулл перешел в наступление. В сражении у Кабиры Миридат снова был разгромлен. Армия Лукулла начала осаждать понтийские города, Гераклею, Амис, Синопу и Амастриду. Амис пал только к 71 г. Весь Понт был в руках римлян. Митридат бежал к своему зятю, армянскому царю Тиграну.

С 73 г. римляне добились решающих успехов во Фракии. Консулами этого года стали брат Лукулла Марк и Г. Кассий Вар. Марк Лициний Лукулл также был легатом Суллы (Plut. Sulla, 27). Он участвовал в гражданской войне и в 82 г. одержал победу при Фидентии. В 79 г. он был курульным эдилом, в 76 г. — претором, в 73 г. при помощи брата он стал консулом и начал наступление во Фракии. Разбив бессов, он взял их центр Уксудам (Филипполь), подчинил всю страну и занял греческие города к северу и югу от Балканского хребта — Истрополь, Томы, Каллатис, Одесс, Мессембрию. К 71 г. война была закончена.

К 71 г. Рим вышел из тяжелейшего военно-политического кризиса. После разгрома Перперны, в Испании еще продолжали сопротивляться сторонники Сертория. В 71–70 гг. в Дальней Испании действовал М. Пупий Пизон, в 69 г. получивший триумф. Впрочем, бои в Лузитании продлились до конца 60-х гг. В Ближней Испании действовал другой легат Помпея, Луций Афраний, усмиривший провинцию к 70 г. до н.э. и также получивший триумф в 69 г. К 71 г. закончились операции во Фракии, а Лукулл на востоке завершил первый этап Третьей Митридатовой войны. Успех дался Риму немалым напряжением: в 74 г. римляне имели 31 легион, в 73 г. — 35, в 72 г. — 41, в 71 г. — 35^[151].^[33]

Последнее событие едва не привело к серьезным последствиям. В 73 г. в одной из гладиаторских школ Капуи возник заговор рабов. В нем участвовало около 200 человек. Видимо, заговор был раскрыт, но 70 человек сумели вырваться. Во главе их стояли Спартак,

Крикс и Эномай. Спартак был фракийцем, отличался отвагой и физической силой и, как сообщает Плутарх, был скорее похож на эллина, чем на варвара (Plut., Crass, 8). Возможно, он был непростого происхождения, а его жена участвовала в мистериях Диониса (Сабазия). В известной мере, восстание стало отголоском войн 70-х гг., наиболее боеспособную часть повстанцев составляли фракийцы, германцы и галлы. Кроме того, гражданские войны привели к использованию гладиаторов борющимися сторонами и нет ничего удивительного, что теперь они использовали оружие и боевую выучку против римлян.

Уничтожив отряд римлян, окруживший их у горы Везувий, Спартак направился в Кампанию, где против него были брошены два легиона претора П. Вариния. В первом бою Спартак разбил 3-х тысячный отряд Фурия, у Салин второй отряд Коссиния, а затем в нескольких сражениях уничтожил войско претора. Повстанцы прошли через Апулию и Луканию, их число достигло 70 000. Повидимому, они планировали покинуть Италию, перейти Альпы и разойтись.

В 72 г. против Спартака отправились оба консула, Гн. Корнелий Лентул Клодиан и Л. Геллий Публикола. В районе горы Гарган Геллий уничтожил отделившийся отряд Эномая и Крикса, в основном, галлов и германцев, а Лентул перекрыл путь на север. Спартак сумел прорваться, по очереди разбив обоих консулов. Армия рабов достигла 120 000 человек. Она подошла к Альпам и внезапно повернула на Рим.

Причина не вполне ясна. Разногласия между повстанцами существовали с самого начала, и теперь сторонники продолжения войны заставили Спартака повернуть. Очень вероятно и еще одна причина: путь работ проходил по районам, население которых участвовало в Союзнической войне, и италийцы, недовольные постсулланскими порядками и

неполучением прав гражданства, оказывали рабам посильную помощь^[34]. Армия Спартака ни в чем не нуждалась, и, видимо, находила полное понимание с местным населением. Возникла угроза нового варианта Союзнической войны.

Командование армией было передано Марку Лицинию Крассу. Красс собрал 6 новых легионов и добавил к ним остатки четырех консульских. Вероятно, он был последним оставшимся крупным полководцем, а набранная им армия — последними ресурсами республики. В Пицене Красс попытался взять противника в клещи, два легиона Муммия перекрыли ему путь, а сам командующий с главными силами подходил сзади. Вопреки приказу, Муммий вступил в бой и был разбит. Тем не менее, наступление на Рим было нереально. Спартак продолжал идти на юг, видимо, стремясь переправиться в Сицилию и начать восстание на острове. В Лукании начались тяжелые бои. Возле Фурий Спартак, видимо, одержал победу, однако Аппиан сообщает о двух римских победах (App. B. C, I, 118). Война шла с переменным успехом. Спартак договорился с киликийскими пиратами о переправе его армии в Сицилию, но пираты нарушили договор.

С севера подошел Красс. Он построил укрепленную линию длиной в 55 км и отрезал повстанцев. После попыток неудачного прорыва, в одну из зимних ночей 72/71 гг. Спартак прорвался и оказался в тылу у Красса. Красс начал преследование. Как раз в это время в Италию стали возвращаться римские армии. К 71 г. возвращалась армия Помпея, Марк Лукулл закончил войну во Фракии. Оба получили приказ идти на помощь Крассу. В Лукании Красс разбил 12-тысячный отряд Ганника и Каста, отделившийся от Спартака. У Петелийских гор Спартак нанес поражение квестору Красса Скрофе и легату Квинту. Тогда же Спартак узнал о подходе Помпея. Вероятно, он шел к Брундизию, где

хотел захватить флот, но город был занят войсками Лукулла. Весной 71 г. в Апулии или Лукании произошло последнее сражение. Спартак повернул против Красса. Армия рабов была уничтожена, Спартак пал в бою, остатки его войска ушли на север, но были перехвачены Помпеем и уничтожены. 6 000 пленных рабов были распяты.

Если не считать эпизода с участием в Митридатовой войне, мы очень мало знаем о жизни Цезаря в эти годы. В 73 г. он вернулся в Рим и впервые выступил на выборах, начав свой *cursus honorum*. Он стал членом коллегии понтификов и военным трибуном, а выборы показали симпатии простых избирателей. О его деятельности в 72–71 гг. не известно ничего. Если бы он участвовал в Спартаковой войне, мы, вероятно, об этом бы знали. Существует только сообщение Светония, что Цезарь агитировал за восстановление трибуната (Suet. Jul., 5). Войны 70-х гг. оказали на Цезаря определенное влияние, и их опыт во многом ощущался в его деятельности во время последующей гражданской войны. В последующих событиях он принял очень деятельное участие.

3. «Мирная революция» 70 г.

После подавления восстания Спартака, в Италии находились две большие армии Помпея и Красса. Оба генерала не распускали войска и выдвинули свои кандидатуры в консулы (App. B.C. I, 121). Неприязненные отношения вызвали опасения нового военного конфликта. Под давлением народа полководцы примирились, распустили войска и вступили в должность (App. Ibid.; Plut. Crass., 62; Pomp., 22). К власти пришли лидеры сулланских военных, готовые на реформу системы и вошедшие в контакт с популярами. Революция почти не встретила сопротивления. Лукулла в Риме не было, Метелл Пий стал отходить от политики. Пассивное сопротивление оказали только Катул, Мамерк Эмилий Лепид, Юний Брут и Марк Лукулл.

По закону Помпея власть трибунов была восстановлена в полном объеме (Plut. Pomp., 21; Veil., II, 32; Liv. Epit, 97). По закону претора Л. Аврелия Котты, младшего из трех братьев, были созданы двух- или трехсословные суды (Asc. p. 25; 47-49; Veil., II, 32; Liv. Epit., 97). Третьим важнейшим преобразованием стало восстановление цензуры. Цензорами стали консулы 72 г. Геллий и Лентул. Этот ценз стал реальным предоставлением гражданских прав жителям Италии.

Произведенный впервые после 86 г. до н.э., ценз 70 г. дал 910 000 граждан^{152}. Цензоры произвели и ревизию списков сената, исключив оттуда 64 человека^{153}. Это был удар по «маргинальной части» сулланцев (Среди пострадавших были, например, Лентул Сура и Гай Антоний). Чуть ранее, в 73 г. происходил первый процесс против Каталины (Sail. Cat., 15). В 70 г. случился крупнейший коррупционный процесс этого периода, дело Верреса.

Гай Веррес мог бы стать символом римской коррупции. В 84 г. он был квестором Карбона, но в 83 г. перебежал к Сулле, захватив военную казну в 600 000 сестерциев. Даже Сулла не допускал Верреса в свое окружение, что не помешало последнему обогатиться и на проскрипциях. В 79 г. он был легатом другого коррупционера, Долабеллы, в 75 г. стал претором, а в 73–70 гг., во время Спартаковой войны, был пропретором Сицилии. За время своего правления он нанес ущерб, оцененный в 100 млн. сестерциев, а Цицерон смог собрать материалов на шесть больших речей.

Это была первая крупная политическая акция Цицерона, выдвинувшая нового политического деятеля. Марк Туллий Цицерон родился 3 января 109 г. в городе Арпине во всаднической семье. В 89–88 гг. он служил в армиях Помпея Страбона и Суллы во время Союзнической войны. В 90 г. он стал учиться у Муция Сцевола-авгура, а в 87 г. — у Кв. Муция Сцевола, таким образом войдя в этот круг и оказавшись его духовным преемником. В 87 г. он стал брать уроки и у Аполлония Молона, вскоре став одним из самых образованных людей Рима. Первые публичные речи Цицерона относятся к 81 г. («За Л. Квинкция»), однако его триумфом стала речь «За Секста Росция Америнского» в защиту жертвы проскрипций, где показал всю полноту жестокости и коррупции сулланского Рима. Хотя процесс был выигран, Цицерон уехал в Афины, чтобы продолжить образование, и вернулся только после смерти диктатора, в конце 77 г. В 75 г. он был квестором Сицилии и именно к нему обратились провинциалы.

Ситуация показала, что сулланцы неохотно «сдавали» своих, даже таких, как Веррес. Верреса защищал Квинт Гортензий, избранный консулом на 69 год, поддержку ему оказали второй консул 69 года Кв. Цецилий Метелл Критский и его братья, Л. Цецилий Метелл, претор 71 г. и преемник Верреса, и М. Цецилий

Метелл, претор 69 г., дети Метелла Капрария. Дело затягивалось. Слушание начали 5 августа 70 г. (Цицерон был готов уже весной), а уже 7-го Веррес сказался больным и не явился в суд, а затем покинул Рим. На девятый день суд закончился, Гортензий отказался защищать своего подопечного. Суд постановил признать добровольное изгнание Верреса и взыскать с него 40 млн. сестерциев. Похоже, что реально было взыскано только 3 миллиона. Дело достаточно хорошо показывает суть событий 70 года: деяния Суллы и сулланцев были осуждены, формально отменены, но реально система продолжала существовать.

Многое сближало Цицерона и Цезаря. Цицерон был консерватором и патриотом, хотя ему были присущи и либеральные взгляды. Он негативно относился к Сулле, но еще более негативно — к экстремизму популяров. Будучи всадником, он выдвинул лозунг «согласия сословий» (*concordia ordinum*), также требуя доступа к власти всех способных людей, независимо от их происхождения. Кроме того, Цицерон активно поддержал Помпея. Как умеренный оптимат, он был сторонником реформ в духе круга Крассов-Сцевола. Цезаря и Цицерона сближало уважение к закону. В 60-е гг. они поддерживали одни и те же законы, в 50–40-е два политика станут врагами, которых сближали только интеллектуальные занятия.

70 год был очень важен для Цезаря. Он активно поддерживал реформы и участвовал в агитации популяров. Его важнейшим личным достижением была амнистия для бывших серторианцев и сторонников Лепида, в числе которых был и Л. Цинна (*Suet. Iul.*, 5). Видимо, примерно в это время установились его отношения с Помпеем и Крассом.

На Помпея делали ставку многие силы, а союз с ним мог дать оппозиции реальные возможности. Сам Помпей старался придерживаться надпартийной позиции. Он

отличался обаянием, умел воздействовать на народные массы и, вопреки общим представлениям, был хорошим оратором и образованным человеком. Разумеется, на первом плане были его военные успехи. В определенном смысле, Помпей стал символом революции 70 года и на данном этапе был сторонником преобразований. Обе стороны видели в нем полководца республики, способного решить все ее проблемы.

С Крассом Цезаря связывало большее. Оба происходили из одного круга Крассов-Сцеволов. Интересно, что если отношения с Помпеем всегда отличались долей недоверия и взаимного контроля, когда стороны постоянно взвешивали свои заслуги и уступки, то отношения с Крассом, как это ни парадоксально, отличались взаимным доверием. Конфликтов между ними не было, а позже в Галлии, Цезарь будет тщательно опекать Публия, а затем — второго сына Красса, Марка. С другой стороны, будучи чужим в кругах сулланской олигархии, Красс сделал смелый ход, сделав ставку на Цезаря и другие антисенатские и антисулланские силы, и вложив свои миллионы не в обреченные на гибель правящие структуры, а в оппозицию, за которой и было будущее. Цезарь получил то, что было ему особенно необходимо, огромные деньги.

Революция 70 г. ликвидировала основной блок сулланских законов. Это была первая серьезная победа над системой. Впрочем, пожертвовав законами Суллы и отчасти — маргинальными кругами его сторонников, сулланский сенат сохранил реальное доминирование, власть и ее рычаги. Отчасти это соответствовало планам Помпея и сулланских генералов, которые вынесли на своих плечах основное бремя кризиса и были готовы отдать часть, чтобы сохранить целое. Господство в сенате и власть в провинциях оставалась в руках сулланской и постсулланской знати, и весьма

символично, что именно в 70 г. цензоры узаконили положение принцепса сената за Катуюлом. Оппозиция была еще крайне разрознена. Впрочем, даже эти уступки раздражали сулланскую элиту, готовую пересмотреть итоги революции. И все же шаг был сделан, события 70 г. открыли новый перспективный путь, продолженный Цезарем.

4. «Принципат» Помпея (69-63 гг.)

60-е гг. отмечены спадом напряженности. Из больших войн оставалась только кампания Лукулла на востоке, которую продолжил Помпей. В 70-69 гг. действовали только 15 легионов (вдвое меньше, чем в 70-е гг.), а в 68-59 гг. численность армии колебалась от 10 до 25 легионов, имея тенденцию спадать к низшей грани^[154].^[35] Это было и время динамичного наступления оппозиции, завершившегося ее крупным успехом. Цезарь все больше и больше превращается в ее лидера.

В 68 г. он стал квестором. Тем не менее, это был особо тяжелый год, когда он лишился двух очень близких людей, жены и тети. Вопреки обыкновению, он произнес *laudatio* не только в честь знаменитой пожилой матроны Юлии, вдовы Гая Мария, но и в честь своей молодой жены. Как и в античной традиции, общим местом новой литературы стали многочисленные любовные романы Цезаря. Интересно, что все конкретные указания Светония относятся ко времени после смерти Корнелии (Suet. Iul., 50-52). Возможно, определенный образ жизни был характерен для него и раньше, а обаятельному красивому римскому аристократу, окруженному множеством соблазнов, было нелегко сохранять супружескую верность. Тем не менее, это была большая любовь, одна из самых больших в жизни Цезаря, ставшая, быть может, единственным настоящим чувством. Теперь он оставался один. Оставалась дочь, Юлия, на которую Цезарь перенес эти чувства. Возможно, ранняя смерть Корнелии была воспринята им как еще одно зло, которое принесло «дело Суллы».

Похороны тети, вдовы Мария, несомненно, стали политической манифестацией. В этой речи Цезарь, видимо, впервые публично заявил о происхождении Юлиев и Марциев (Suet. Iul., 6). Другой еще более важной демонстрацией было то, что Цезарь выставил изображения Мария. Это было первое публичное появление изображений великого полководца после его фактического «осуждения памяти» при Сулле. Такого рода реабилитации, как правило, становятся знаковыми событиями (Plut. Caes., 6). Пока что она была связана с семейной историей и носила личный характер, но Цезарь четко заявил о своей преемственности, что было встречено явным одобрением народа.

По всей вероятности, в 67 г. Цезарь был провинциальным квестором и отправился в Испанию, где служил под началом пропретора Гая Антистия Вета (Veil., II, 43, 4; Plut. Caes., 5). Никаких деталей этих событий нет, кроме знаменитой фразы об Александре (Suet. Iul., 5), выдающей мнение молодого политика о несоответствии его официального и реального положения. Позже сын Антистия был легатом Цезаря в период гражданской войны (Plut. Caes., 5; Cic. Att., XIV, 9, 3).

После возвращения, Цезарь женится на Помпее, внучке Кв. Помпея Руфа, коллеги Суллы по консульству 88 г., убитого солдатами Помпея Страбона. Самое любопытное, что по материнской линии Помпея была внучкой Суллы: сын Помпея Руфа, погибший вместе с отцом, был женат на дочери диктатора. В известной степени, это было символом той сложной игры, которую начинал Цезарь с сулланской знатью.

Вероятно, примерно в это же время начинаются многочисленные связи Цезаря с великосветскими дамами. Светоний называют пятерых: Постумия, жена Сервия Сульпиция, Лоллия, жена Авла Габиния, Тертулла, жена Красса, жена Помпея, Муция и, видимо,

самая любимая из них, мать Брута Сервилия. Конкретных данных не так много. Знаменитый юрист Сервий Сульпиций Руф, друг Цицерона, был братом или кузенком известного трибуна 88 г. В 65 г. он был претором, консулом Сульпиций стал только в 51 г. Столь же трудно сказать что-либо определенное о романе с Лоллией, ее муж, Авл Габиний, еще не раз появится в последующих событиях. Долгое время будучи связан и с Помпеем, и с Цезарем, Габиний стал цезарианцем. Все эти связи, вероятнее всего, приходятся на период 70–59 гг., равно как и связь с женой Красса Тертуллой, о чем также пишет Светоний (Suet. Iul., 50).

Светоний мог основывать свою информацию на выпадах Г. Скрибония Куриона, одного из видных сулланцев. Курион родился в 125 г., в 100 г. он был в числе выступавших против Сатурнина, в 91 г. стал сторонником Друза. В 88 г. Курион поддержал переворот Суллы и находился в его свите (Cic. Brit., 227; 311). Курион был претором 80 и консулом 76 г., он часто и остро выступал против Цезаря в период 63–59 гг. (Suet. Iul., 9; Cic. Att., 11, 7, 3; 8, 1; 12, 3). В 53 г. Курион умер. Возможно, время некоторых романов Цезаря можно сузить до 67–63 гг.

Муция (или Муция Терция) была третьей женой Помпея. Он женился на Муции, дочери консула 95 г. Кв. Муция Сцевола, сразу после смерти Эмилии. У них было трое детей, Гней, Секст и дочь Помпея. В 62 г. Помпей развелся с Муцией, обвинив ее в неверности. Ее романы, в том числе, и с Цезарем, видимо, произошли во время отсутствия знаменитого полководца в 66–62 гг.

Сервилия была тесно связана с будущими главными врагами Цезаря. Ее отцом был Квинт Сервилий Цепион, сын виновника Араузионского поражения и противник Друза, а матерью — дочь Друза Ливия. Сервилия была сестрой Катона по матери (вторым мужем Ливии был отец Катона). Первым мужем Сервилий был М. Юний

Брут, союзник Лепида, казненный по приказу Помпея. В 82 г. от этого брака родился Марк Брут, будущий убийца Цезаря. После гибели Брута, Сервилия вышла за М. Юния Силана, будущего консула 62 г. Их дочери стали женами уже нового поколения политиков, П. Сервилия (консул 49 г.), Эмилия Лепида и Г. Кассия Лонгина. Роман с Цезарем, видимо, проходил в середине 60-х гг., в разгар заговора Каталины. По всей вероятности, их отношения начали охлаждаться ко времени гражданской войны. В момент заговора Сервилия активно помогала сыну. Впрочем, отношения были живы еще в 48 г. Плутарх полагал, что Цезарь пощадил Брута в угоду Сервилии (Plut. Brut., 5).

Перед тем, как покинуть Испанию, Цезарь проехал по латинским колониям Цизальпийской Галлии^[36]. Согласно Светонию, он агитировал жителей этих регионов, получивших латинское гражданство в 89 г., бороться за полные права. По сообщению Светония, консулы даже задержали войска, которые должны были быть отправлены на восток, что странно, поскольку никаких новых войск посылать на восток не предполагалось (Suet. Iul., 8). Поездка, по всей вероятности, имела ознакомительный характер. Возможно, уже тогда Цезарь начал завязывать контакты с транспаданцами и впервые увидел перспективы этих областей. Позже Цизальпийская Галлия станет главной базой для набора его армии и военных действий в Галлии.

В 67 г. перед Римом встал вопрос исключительной важности. После поражения Марка Антония на Крите (74 г.), пиратская проблема продолжала обостряться. Во многом это было связано и со Спартаковским восстанием. Ядром пиратов были жители Киликии, а слово «киликеец» стало обозначением пирата, независимо от национальности. Пираты помогали всем противникам римлян, Серторию, Митридату и Спартаку.

Помимо Киликии, основными центрами морского разбоя были Крит, Кирена и Ахайя, а оттуда пираты начали захватывать практически все побережье Средиземного моря, полностью парализуя морскую торговлю (Plut. Pomp., 24; Flor, III, 6). Возникла угроза снабжению Рима хлебом. Плутарх оценивает число пиратских кораблей в 1000, по его сообщению, пираты захватили около 400 городов (Plut. Pomp., 24). Они ограбили многие греческие святилища, нападали на побережье Италии и даже захватывали в качестве заложников римских высокопоставленных лиц (Plut. Ibid.; Flor, III, 6).

В 67 г. народный трибун А. Габиний предложил наделить чрезвычайными полномочиями одного из консуляров. Хотя персональное голосование предполагалось отдельно, было ясно, что речь идет о Помпее. Закон давал власть на всей береговой полосе Средиземного моря шириной в 400 стадий (50 миль). Новый командующий назначал 15 легатов из числа сенаторов и мог брать любые суммы из казны и иметь флот из 200 кораблей с правом набора воинов и гребцов (Plut. Pomp., 25; Dio, 36, 31-6). Дион Кассий пишет о 3-летнем сроке полномочий.

Закон встретил сопротивление оптиматов. Лидером оппозиции стал Катул, выбравший очень разумную линию защиты: не критикуя Помпея, он показал опасность концентрации столь большой власти (Dio, 36, 31-36; Veil., II, 32). Катупу поддержали консул 61 г. Г. Кальпурний Пизон и Ман. Ацилий Глабрион (Cic. de imp., 52; Veil., II, 31), оратор Гортензий и два трибуна, Л. Требеллий и Л. Росций Отон (Dio, 36, 24). Сенат высказался против проекта, но закон был перенесен в комиции, что было нарушением закона Суллы. Цезарь был одним из немногих сенаторов, поддержавших предложение Габиния (Plut. Pomp., 25). Недоверие к Помпею, которое испытывали популяры, несомненно, перевешивалось выгодами предложения.

Борьба была острой. Габиний едва спасся от покушения в сенате. Требеллий хотел наложить вето, но Габиний пригрозил поставить на голосование вопрос о его пребывании в должности, и Требеллий взял вето назад (Ibid.). Росцию даже не дали выступить (Plut. Pomp., 25). Первое собрание разошлось, не приняв решения, и только со второго раза закон был принят (Plut. Pomp., 26; Liv. Epit., 99).

Эффект превзошел все ожидания. Помпеи увеличил силы до 500 кораблей, 120 000 пехоты и 5 000 всадников. Во главе стояли 24 легата (Plut. Pomp., 26). Первым этапом было очищение моря от морских разбойников. Разделив его на районы, легаты Помпея начали операции в Тирренском море, Лигурийском заливе, в районе Сицилии и Балеар, в Гибралтаре и на побережье северной Африки, другие эскадры действовали в Адриатике, Эгеиде и Пропонтиде (Flor., III, 6; Plut. Pomp., 26). В течение 40 дней море было очищено от пиратов, и Помпеи начал наступление на Киликию (Veil., II, 32). После победы у Коракесия, командующий высадился на побережье и начал наступление на пиратские крепости. Сопrotивления почти не было. В течение 49 дней замки пиратов были взяты. В плен попало 10 000 человек, было захвачено 800 кораблей и 120 замков. С большинством захваченных поступили достаточно мягко, что было одной из причин быстрого успеха. Пиратов поселили в городах Киликии, а также — в Диме и Соле в Ахайе и заставили заниматься земледелием.

Пиратская война была звездным часом Помпея. Он стал крупнейшим военачальником республики. Новым шагом в его превращении в «первого гражданина» и «первого полководца» стал конец 3 Митридатовой войны. Тигран отказался выдать тестя. Как и Митридат, Тигран II (ок. 95–55 гг.) создал из своего царства региональную сверхдержаву. В 94 г. он объединил

Армению и распространил власть на ряд областей Малой Азии, Месопотамии и Закавказья. Он присоединил Софену, Мидию Атропатену и Верхнюю Месопотамию и принял титул «царя царей». В 83 г. Тигран завладел царством Селевкидов, уже ранее ограниченным Сирией и Финикией. В 77 г. он начал строить огромный город Тигранокерт (Алзин), ставший центром нового царства, переселяя туда тысячи ремесленников и торговцев из малоазийских и сирийских городов.

Лукулл продолжал наступление. В 69 г. он разбил армянское войско у Тигранокерта, взял город и разрушил его. В 68 г. римляне заняли Нисибис. Тигран и Митридат бежали в Артаксату (Арташат), древнюю столицу Армении. Лукулл готовился продолжить войну, но его действия были парализованы. Блестяще выиграв военную кампанию, Лукулл проиграл политически.

Вероятно, основной причиной был конфликт с армией, не воспринимавшей его жесткий стиль командования, и особенно — с бывшими солдатами Фимбрии, составлявшими ветеранское ядро войска (Plut. Luc, 31; Cic. de leg., III, 24). Лукулл готовился и к войне с Парфией, но войска решительно отказались за ним следовать. После этого он пошел на Артаксату, одержал победу, но легионеры отказались штурмовать город (Plut. Luc, 32). Воспользовавшись бездействием римлян, Митридат вторгся в Понт, разбив оставшиеся там войска Сорнатия и Триария. Лукулл снова призвал солдат продолжить войну, но они отказались, и на сей раз окончательно (Plut. Luc, 35).

Другой причиной был конфликт Лукулла с публиканами. Борясь с их произволом, он ограничил сумму процентов по ссудам, заимодавец имел право присвоить только $\frac{1}{4}$ имущества должника, а те, кто включал проценты в сумму долга, теряли все (Plut. Luc, 20). Мероприятия Лукулла позволили жителям провинции Азии выйти из того кризиса, который был

вызван огромный контрибуцией, наложенной на провинцию Суллой, причем, неспособность выплатить долг вынуждала местные общины брать деньги у римских публиканов, давая им под залог свои земли, строения и имущество городов. Римские дельцы сказочно богатели, происходит процесс концентрации собственности в руках местных и римских олигархов, главными из которых были римские публиканы. Помогая выплатить долги, Лукулл пытался остановить этот процесс, и теперь публиканы требовали его смещения. Против Лукулла выступили и радикальные лидеры популяров, Л. Квинкций и П. Клодий. Квинкций имел конфликт с Лукуллом еще в 74 г., в 70 г. он поддержал закон Котты и стал претором 68 г. Теперь он активно требовал послать Лукуллу преемника (Plut. Luc, 33).

Публий Клодий был особой фигурой среди популяров. Сын консула 79 г. Аппия Клавдия, он принадлежал к клану Метеллов и был братом жены Лукулла. Клодий имел скандальную репутацию одного из представителей римской «золотой молодежи». Будучи офицером Лукулла, он резко выступил против него перед армией (Plut., Luc, 34; Dio, 36, 14; Cic. De har. resp. 48), после чего удалился к другому шурина, Марцию Рексу, воевавшему в Киликии, попал в плен к пиратам и был освобожден Помпеем (Dio. 36, 17; 38, 30; App. B. C, II, 23; Strabo, XV, 684). У Клодия были и личные причины. Все его сестры славились скандальным поведением, а самого Клодия обвиняли в инцесте со всеми тремя (Plut. Pomp., 7). Старшая была женой Марция Рекса, младшая — женой Лукулла, с которой последний развелся после похода по причине ее измен (Plut. Luc, 38). Самой известной светской львицей была средняя сестра, фигурировавшая в стихах Катулла под именем Лесбии, и бывшей любовницей Марка Целия Руфа, связь с которым кончилась разрывом и процессом

(54 г.), когда Клодия обвинила Целия в попытке ее убить.

Ситуацией воспользовался Помпей. 10 декабря 67 г. по инициативе трибуна Манилия было предложено передать ему все провинции, управляемые Лукуллом, с добавлением Вифинии и сохранением командования на море. Конкретно речь шла о захваченной римлянами Фригии, Ликаонии, Галатии, Каппадокии, верхней Колхиде и Армении, а также — всей армии Лукулла (Plut. Rompr., 30), т.е. о всеобщем империи на востоке. Плутарх называет эту власть «предводительством над римлянами и тиранией» (Ibid.). Армия насчитывала 12-15 легионов, т.е. примерно 2/3 всех римских сил^{155}. Закон прошел легко. Против выступили только Катул и Гортензий, большая часть элиты оказала закону поддержку. Среди поддержавших были Сервилий Ватия и Курион, а также — консул 73 г. Г. Кассий Лонгин. Своеобразным манифестом этих сил стала речь Цицерона «О законе Манилия». Поддержал его и Цезарь.

Задача, стоящая перед Помпеем, носила скорее политический характер. Война была уже выиграна Лукуллом, оставалось лишь подвести ее политические итоги и удовлетворить различные стороны. В 66 г. Помпей разгромил Митридата в сражении в верховьях Евфрата. Митридат бежал в Армению, но Тигран не принял его. Армения подверглась одновременному наступлению римлян и парфянского царя Фраата, ставшего их союзником. Митридат бежал в Колхиду, а оттуда — в захваченное им Боспорское царство. 70-летний царь продолжал борьбу с Римом. Он набирал войска, флот и деньги. Греческие города были недовольны. Восстание охватило Фанагорию, Херсонес, Феодосию и другие города. Во главе повстанцев встал сын Митридата Фарнак, войска перешли на его сторону. К инсургентам присоединился Пантикапей. Оказавшись в безвыходном положении, Митридат отравил всю свою

семью, а затем хотел отравиться сам. Яд не действовал, организм понтийского царя привык к воздействию ядов и Митридат велел себя заколоть. Эти события произошли в 63 г.

Помпеи вторгся в Армению. Тигран сдался без сопротивления. Он отказался от всех владений за пределами Армении и стал вассалом Рима. Римляне двинулись в Иберию и Альбанию (совр. Грузия и Азербайджан). Помпеи одержал победу в сражении и добился их (впрочем, достаточно номинального) подчинения. В 64 г. поход закончился, римский полководец занялся устройством новых провинций.

Понтийское царство и Вифиния стали провинцией Вифиния-Понт. В 63 г. Помпеи прибыл в Сирию, сверг царя Антиоха Азиатика и превратил бывшее царство Селевкидов в римскую провинцию. Римляне вмешались во внутреннюю борьбу в Иудее, где соперничали Гиркан и Аристокбул. Гиркана поддерживали садуккеи, партия крупного жречества и знати, отрицавшая ряд ортодоксальных положений иудаизма и стремившаяся к эллинизации. Аристокбул опирался на фарисеев, более ортодоксальную партию среднего класса и образованных священников. Помпеи поддержал Гиркана. Аристокбул сдался, римляне вошли в Иерусалим, а часть противников Гиркана заняли иерусалимский храм. Оборона длилась три месяца, храм был взят и разграблен. Иудея с правами автономии была подчинена римскому наместнику Сирии.

Восточный поход Помпея изменил карту римских владений на востоке. Были завоеваны Понт, Вифиния, Сирия и Иудея. Восточные малоазийские царства, Каппадокия, Коммагена, Галатия, Малая Армения, стали римскими вассалами. Владения Рима вышли к Месопотамии, где назревало столкновение с последним противником Рима, Парфией. Восточный поход дал огромные доходы, казна выросла с 200 до 280 млн.

сестерциев, а доходы — на 70%^[156].^[37] Появилась перспектива выхода Рима из кризиса. Это был пик славы и могущества Помпея.

5. Катилина (66-61 гг.)

Усиление Помпея создает сложную ситуацию. Многие из крупных политиков боялись, что он станет новым диктатором. Против Помпея или, во всяком случае, с большей или меньшей настороженностью по отношению к нему были настроены оптиматы во главе с Катупом и Гортензием. Многие из их лидеров имели и личные мотивы, прежде всего, это были Лукулл и Метелл Критский. Популяры в целом поддержали Помпея, хотя известную осторожность проявляли и они. Другой антипомпеянской силой был Красс, и именно он находился в центре всех интриг против знаменитого полководца. В 60-е гг. Цезарь сближается с Крассом и многие его действия, видимо, следует понимать в свете нового альянса.

На это время приходится выдвигания маргинальной части сулланцев. С 70 г. начинается ухудшение их положения, а в середине 60-х гг. они делают попытки прорваться к власти. Их лидером становится Луций Сергий Катилина, образ которого дошел до нас в изображении Цицерона и Саллюстия. Оба рисуют его черными красками, изображая портрет злодея, убийцы, человека с извращенной психикой и ненасытным честолюбием, ставшего главой преступного мира Рима^{157}. Противники Катилины не отрицают и его духовную и физическую силу, энергию, руководящие качества, стойкость и предприимчивость. Многие исследователи пытались опровергнуть портрет, нарисованный современниками или объявить его фальсификацией^{158},^[38] однако факты, известные о Катилине, говорят скорее, что портрет утрирован, но не искажен.

Вокруг Каталины собирается весьма разрозненная, но сплоченная группировка, принадлежащая к маргинализированным частям сулланцев и связанным с ними силам. Согласно Саллюстию, к 64 г. эта группа в основном сформировалась (Sail. Cat, 17). Центральное место занимали Л. Корнелий Лентул Сура, и Г. Корнелий Цетег. Лентул Сура, консул 71 г., был исключен в 70 г. из сената, но в 63 г. занял претуру. Гай Корнелий Цетег был еще молод, отличался решительностью, нетерпеливостью и жестокостью, ратуя за крайние меры (Sail. Cat., 43). Известно, что Цетег был с Метеллом в Испании в 71 г. (Cic. pro Sulla, 70). Г. Кассий Лонгин был претором 66 г. и баллотировался в консулы 64 г., а Л. Кальпурний Бестия, внук консула 111 г., был в 63 г. народным трибуном. В окружение Каталины входили два племянника Суллы, Публий и Сервий. Публий Сулла обогатился во время проскрипций (Cic. de off, II, 29) и оказывал влияние на диктатора, сумев спасти нескольких проскриптов (Cic. pro Sulla, 72). П. Автроний Пет был квестором 75 г. и одним из самых активных катилинариев. К заговору примкнули и многие более молодые нобили и сенаторы: Квинт Анний, Марк Порций Лека, Кв. Курий, М. Фульвий Нобилиор, Л. Статилий, П. Габиний Капитон, Г. Корнелий, а также — представители муниципальных элит (Sail. Cat., 17). В основном, это были деклассированные нобили, представлявшие собой обедневшую и отстраненную от власти часть аристократии. К ним примыкали самые различные силы, которые объединяло только то, что для них уже не было места в меняющемся обществе.

Катилина привлек к себе многих сулланских ветеранов, которые успели обеднеть и потерять участки, видимо, в 70 г. и последующее время. К нему примкнули много представителей городской и сельской бедноты. Все эти силы надеялись поставить Катилину во главе государства, уничтожить политических противников и

провести кассацию долгов. Этим их программа, вероятно, и исчерпывалась.

По сути дела, это было псевдодемократическое движение, в определенной степени привлекательное для низов и имевшее самые разнообразные, подчас, неожиданные связи. У Катилины и его сторонников были связи с высшей элитой сулланцев. Катилине покровительствовал лично Катул. В 73 г. он помогал ему в деле Фабии (Sail. Cat., 35; Oros., VI, 3, 1), позже, уже во время заговора, Катилина написал ему письмо и поручил жену, Аврелию Орестиллу (Sail. Cat., 35). Жена консула 77 г. Д. Юния Брута Семпрония была активной участницей заговора, а ее дом стал одним из его центров. Определенные связи были и с Крассом. Похоже, что в сулланском руководстве преобладало достаточно сложное отношение к Катилине, что показало заседание 5 декабря 63 г. Значительная часть его стремилась отмежеваться от маргиналов, однако другие силы, как Катул, были не прочь разыграть эту карту в собственных интересах. С одной стороны, оптиматы стали заложниками своего сулланского прошлого, с другой, они могли использовать катилинариев против демократов и популяров. Использование могло быть двояким: маргиналы могли оказаться пригодными для провокаций и, вместе с тем, могли отвлечь народные массы от популяров, как раз приступивших к серьезным реформам. Позже, разгромив заговор Катилины, сулланский сенат попытался расправиться и с популярами, включая Цезаря, а, возможно, и Красса. Красс, со своей стороны, искал союзников и против Помпея, и против оптиматов. Что касается Цезаря, то он продолжал свои демократические преобразования. Две силы, популяры и катилинарии, действовали против общего противника, хотя и были практически независимы друг от друга.

Первое странное событие, связанное с этой сложной игрой политических сил, произошло в конце 66 г. и было связано с выборами на 65 год. Группировка Катилины впервые одержала победу на выборах, консулами стали П. Автроний и Л. Корнелий Сулла. Оба были обвинены в подкупе, а избрание признано недействительным. Новыми консулами стали Л. Аврелий Котта, инициатор закона о судах в 70 г., и Л. Манлий Торкват. Далее сообщения авторов расходятся: согласно Саллюстию, во главе заговора стояли Каталина и его союзник Гн. Кальпурний Пизон совместно с Автронием и Суллой. Планировалось убийство Торквата и Котты, провозглашение консулами Катилины и Автрония и посылка Пизона наместником Испании. Сигнал к выступлению должен был подать Каталина, который этого почему-то не сделал (Sail. Cat., 18-19).

Светоний, ссылаясь на недошедшие до нас эдикты Бибула, речи Гая Куриона и истории Танузия Гемина, а также — глухие намеки Цицерона в недошедшем письме к Акцию, сообщает, что заговором руководили Красс, Цезарь, Автроний и Сулла. Планировалось сделать Красса диктатором, а Цезаря — начальником конницы. Сигнал должен был дать Цезарь. Этот диктатор должен был провести комиции и «восстановить справедливость», вернув консульство Сулле и Автронию (Suet. Iul., 14).

Вопрос о первом заговоре Катилины крайне сложен. Кроме расхождения Саллюстия и Светония (кстати, версия Светония предполагает мирную ревизию итогов выборов), можно отметить молчание Аппиана, Плутарха, а в конечном счете и Цицерона. Не исключено наличие острых предвыборных интриг, в которых участвовали или могли участвовать все указанные персонажи. Маловероятно, что в планировании убийства могли участвовать Цезарь и даже Красс. Вполне возможно, что обсуждались два варианта: назначение диктатора и

новые выборы (такой вариант должен был обязательно пройти через сенат или, в обход его, через народное собрание) или насильственные действия. Первый вариант могли рассматривать Цезарь и Красс, второй мог исходить от Катилины. Так или иначе, все осталось на уровне намерений и слухов и далее, хотя какие-то связи могли сохраняться, обе стороны действуют в разных направлениях. Это было первое и последнее совместное действие Катилины и популяров.

В 65 г. Цезарь стал курульным эдилом. Он украсил город и дал роскошные игры. В играх выступило 320 пар гладиаторов, что стало демонстрацией финансовых возможностей новой оппозиции. Одновременно продолжалась реабилитация Мария, а трофеи знаменитого полководца были выставлены на Капитолии. Это было заявление о марианцах как о полноправной политической силе. По сообщению Плутарха, последнее вызвал сильнейший энтузиазм народа (Suet. Iul., 9; Plut. Caes., 5). Сразу после эдилитета, Цезарь начал кампанию против сулланцев, объявив убийцами тех, кто получал деньги из казны за головы проскриптов. Тем самым проскрипции Суллы объявлялись не «государственной необходимостью», а уголовным преступлением, каковым они, в сущности, и были, а получение денег становилось лишь отягчающим обстоятельством (Suet. Iul., 11). Более того, начались осуждения сулланских палачей, в числе которых были Л. Лусций и Л. Беллиен, активно действующие в период террора. Кампания была подхвачена и другими силами, хотя, разумеется, сулланская элита защищала своих лидеров. Г. Меммий выдвинул такое обвинение против М. Лукулла, который был оправдан (Plut. Luc., 37), аналогичные действия предпринимались и против Катилины.

В 65 г. Красс и Кв. Катул стали цензорами. Вскоре между ними начался конфликт. Красс планировал

аннексию Египта, возможно, предполагая чрезвычайные полномочия и для Цезаря (Suet. Iul., II; Cic. de I. agr. II, 44). Основной целью Красса было, по-видимому, обеспечение позиции против Помпея. Катул и оптиматы сорвали этот план. В эти годы оппозиция добилась новых успехов. В 65 г. консулом стал Котта, а в 64 г. — Л. Юлий Цезарь, сын одноименного консула 90 г. и дядя триумвира Марка Антония. Оба были политическими союзниками Цезаря.

Выборы на 63 год прошли исключительно остро. Всего баллотировалось 7 кандидатов. Трое принадлежали к умеренным оптиматам: П. Сульпиций Гальба, Кв. Корнифиций и Г. Лициний Сацердот. Четвертым был Цицерон. Катилинарии и их сторонники выставили трех кандидатов. Это были сам Каталина, видимо, лоббируемый Крассом и Катуллом, Г. Антоний Гибрида и Л. Кассий Лонгин. Это была вторая попытка Каталины, он пытался стать консулом еще в 65 г., но не смог сделать этого по причине двух обвинений. Публий Клодий обвинял его в вымогательствах в бытность пропретором Африки в 67–66 гг., а Манлий Торкват — в участии в заговоре 66 г. (Cic, pro Sulla, 31). В обоих случаях Каталина смог оправдаться, однако время было упущено. Вторым кандидатом был Г. Антоний Гибрида, ранее обвиненный Цезарем. После исключения, он снова попал в сенат и даже стал претором 66 г. Фаворитами выборов стали Цицерон, Каталина и Гай Антоний.

Цицерон переиграл своих противников. В соответствии с инструкциями своего брата Квинта (Comm. Petitionis), он сумел организовать избирательную кампанию, привлекая на свою сторону широкие массы населения и проповедуя идею «согласия сословий». Цицерон получил поддержку всадников и делового мира и (возможно, это и было главным) доказал оптиматской элите, что защитит ее интересы лучше, чем Каталина. Одновременно он заключил предвыборное соглашение

(coitio) с Антонием, разрушив его альянс с Каталиной. Консулами 63 года стали Цицерон и Антоний Гибрида.

63 года стал драматическим для Цицерона, Цезаря и Каталины. Первый достиг вершины своего успеха, второй впервые выступил с программой реформ, третий был разгромлен. В конце 64 г. трибун-популяр П. Сервилий Рулл выступил с серьезной аграрной программой, реальными инициаторами которой были Цезарь и Красс^{159}. Предполагалось провести раздел государственных земель в Кампании и закупить земли у частных лиц. Средства на закупку должна была дать военная добыча Помпея и распродажа государственной земли в провинциях. Предполагалась раздача земли малоимущим гражданам. Закон продолжал программу Гракхов и создавал множество мелких и средних собственников, меняя структуру собственности в обществе. Предложение снимало социальную напряженность и создавало основу более здоровой экономики. Позже Цезарь будет проводить ее в более широких масштабах. Проведение реформы должна была осуществить аграрная комиссия из 10 человек, наделенная огромной властью (Plut. Cic, 13). Децимвиры выбирались на 5 лет с правом покупать любые земли, выводить колонии и восстанавливать старые и брать землю в провинциях, у союзников и вассальных царей. Их власть включала военный империй и запрет провокации. Интересной была система выборов, голосовали только 17 триб из 35, как это было на выборах понтификов. Интерцессия была запрещена (Cic. de L. agr., II, 8, 21; 13, 34-35; 12). Для выборов децимвиров нужно было только личное присутствие, что исключало Помпея и многих его сподвижников.

Против закона выступил оптиматский сенат во главе с Цицероном. Экономическая сторона во внимание почти не принималась. Акцент был сделан на политическом факторе, огромной власти децемвиров и ее опасности

для оптиматов и Помпея. Сами инициаторы, видимо, и не рассчитывали на успех, понимая, что без политической воли сената и магистратов программа нереальна. В трех речах Цицерон полностью провалил проект^[39]. И все же основа экономической программы была обозначена. Впервые после Суллы оппозиция выдвинула масштабную экономическую реформу, что открывало новую перспективу^[40].

Другая акция Цезаря носила как раз политический характер и была направлена на защиту неприкосновенности личности римского гражданина и его основы, закона о провокации, против чрезвычайных сенатских решений (*senatus-consultum ultimum*) и одновременно на очередной пересмотр истории. Сенатус-консультум ультимум применялся дважды в поворотные моменты истории для расправы над Гаем Гракхом и Апулеем Сатурнином.

Сценарий был проведен очень тонко. Народный трибун 63 г. Тит Атий Лабиен, популярь и сторонник Цезаря, обвинил старого сенатора Гая Рабирия в убийстве Апулея Сатурнина. С точки зрения оптиматов и сената, убийство Сатурнина было законным по причине сенатус-консультум ультимум, дающего сенату право временно отменять конституционные гарантии, включая право провокации. Обвинение Рабирия ставило под вопрос эту законность, а человек, выполнивший решение, «герой» с точки зрения оптиматов, превращался в обычного уголовного преступника. Рабирий никогда не был значительным лицом, и было ясно, что дело направлено против принципа. С другой стороны, убийство Сатурнина всегда считалось коллективной акцией, сплотившей разные группы политической элиты. Теперь, когда многих из действующих лиц уже не было в живых, появился индивидуальный виновник, а «выдающаяся» политическая акция становилась элементарным

убийством, что меняло и ее политическую оценку. Это был общий стиль поведения Цезаря, «высокая политика» его врагов обретала четкий правовой характер убийства, корыстных преступлений и прочих уголовных деяний. Разоблачение продолжалось, и по иронии судьбы, одной из его основ было новое сулланское уголовное законодательство.

Для процесса реанимировалась старая процедура суда за *perduellio* т.е. тягчайшее государственное преступление. Предварительное обсуждение дела производили *duumviri perduellionis*, которыми были сам Цезарь и консул 64 г. Луций, его троюродный брат. Дуумвиры присудили Рабирию к смертной казни, заставив противоположную сторону сделать ряд вынужденных шагов. Рабрий апеллировал к народу, и оптиматы прибегли к многократно нарушаемому ими праву провокации, четко показав принцип «двойных стандартов». Процесс происходил перед центуриатными комициями. Рабрию защищали Цицерон и Гортензий. Речь Гортензия до нас не дошла, а Цицерон был вынужден доказывать две противоположные и даже взаимоисключающие идеи: во-первых, что Рабрий не убивал Сатурнина, а во-вторых, что даже если он это делал, такое убийство не является преступлением. Отстаивая преимущество «целесообразности» перед правом, Цицерон вставал на очень опасный путь. Впрочем, народное собрание, вопреки обыкновению, склонялось на сторону обвинения. Претор Кв. Цецилий Метелл Целер распустил собрание под религиозным предлогом, чем спас Рабрию (*Cic. pro Rab.*, 10; 15; *Dio*, 37, 27). Обвинение не настаивало на продолжении дела, оно добилось всего, чего хотело, а реальная казнь старого сенатора могла бы даже дискредитировать принцип. В 63 г. Цезарь обвинил другого оптимата, консула 67 г. Г. Кальпурния Пизона, в вымогательствах и

убийстве галла. На сей раз защищавший его Цицерон процесс выиграл (*Cic. pro Flacco*,98).

В том же году Цезарь добился новой большой победы. В начале 63 г. умер старейший лидер сулланской партии и клана Метеллов, Кв. Цецилий Метелл Пий. После победы над Серторием Метелл отошел от политики, только в 66 г. он выступил против Каталины в сенате (*Cic. in toga cand. in Asc. p. 77*). Метелл занимал высшую должность в сакральной иерархии Рима, должность великого понтифика. На это высокое положение претендовали два старейших и наиболее высокопоставленных сенатора, П. Сервилий Ватия Исаврик и Кв. Катул. В этих условиях выступление Цезаря было невероятной дерзостью, еще большей сенсацией была его победа. Катулл предлагал ему огромную взятку, чтобы он снял кандидатуру. Цезарь отказался. Он победил противников в их собственных трибах, что считалось невероятным, набрав там голосов больше, чем они во всех остальных (*Suet. IuL, 18; Plut. Caes., 7*). При наличии 17 триб это означало, что Цезарь набрал около 95% голосов, Рим практически единогласно проголосовал за Цезаря.

Значение победы трудно переоценить. Должность была пожизненной. Цезарь занял постоянное место в римской политической системе, что стало основой его дальнейшего выдвижения. Он оставался великим понтификом до смерти в 44 г. и, в этой связи, встает сложный вопрос об отношении Цезаря к религии.

Светоний пишет, что Цезарь не был суеверен и относился к знамениям с известным скепсисом (*Suet. IuL, 59*). Возможно, как и многие образованные люди Рима, он относился со скепсисом и к архаическим верованиям. Сам Цицерон показывает, что в римской элите были сильны отношения скепсиса и неверия и, видимо, религиозность самого оратора, прежде всего, определялась государственно-политической

необходимостью. Религия в Риме во многом была политической функцией, но заметим, что образ ловкого демагога и религиозного скептика, использовавшего религию в своих целях, создавался уже в историографии, в античных источниках обвинений в неверии, атеизме и дурном отношении к богам и религии нет. Следует заметить, что римляне отличали *religio* от *superstitio* и предосудительным считалось лишь это последнее. С другой стороны, римская религия переносила в отношения с богами отношения *fides*, т.е. систему взаимных услуг. Обязанности человека во многом сводились к выполнению обрядов, принесению жертв и строительству алтарей и храмов. Между личностью и богами стояло государство, и религия неизбежно воспринималась как элемент политики, а в этом смысле религиозность Цезаря вполне соответствовала религиозным представлениям общества и его элиты. Кроме того, Цезарь принадлежал к семье, имевшей особые знания и традиции в области древнего права, истории, религиозной традиции и обрядности, что и могло быть одной из причин успеха на выборах. Понтификат снова переходил к духовному наследнику Крассов-Сцевола-Цезарей. Впрочем, деятельность по защите людей в начале карьеры, стремление к бескровным войнам, соблюдение религиозных обрядов и политика милосердия могут говорить и о глубокой религиозности, лишенной религиозного фанатизма и понимаемой как целостность политики и жизни. Верность взятым на себя обязательствам, глубокая честность, скрываемая за маской ловкого политика и религиозного скептика, осознание своей миссии — возможно, это и есть ключ к личности Цезаря и его вере.

В этом же году он стал претором на 62 год, снова одержав внушительную победу. После выборов 63-62 гг. становилось ясно не только то, что народ симпатизирует

Цезарю, но и то, что и тот и другой становятся весомой политической силой.

Вторая половина года прошла под знаком заговора Катилины, видимо, полностью выходящего из-под чьего-либо контроля. Перед тем, как перейти к нелегальным методам, Катилина еще раз попытал счастья на выборах. Кроме него кандидатами были Д. Юний Силан, Л. Лициний Мурена и Сер. Сульпиций Руф. Цицерон явился на Марсово поле в панцире, одетом под тогой, и реальный результат был провозглашен именно им. Консулом стал Силан, что вероятно, было связано с его браком с Сервилией, сестрой Катона по матери, кроме того оптиматы предпочли профессионального военного Мурену, участника похода Лукулла, правоведа Сер. Сульпицию Руфу. Позже Сульпиций обвинил Мурену в подкупе. Мурену защищали Кв. Гортензий, Красс и Цицерон. Он был оправдан^[41].

После поражения, Катилина рассылает эмиссаров по Италии и готовится к военным действиям. Центром стала северная Этрурия, где командовал сулланский офицер Гай Манлий. Готовились мятежи в Пицене, Апулии и Капуе. Предполагалось покушение на Цицерона. Усиливались слухи о предстоящем выступлении Манлия, поджоге города и резне. Цицерон, уже давно пытавшийся нащупать заговор, получил канал информации через некую Фульвию, любовницу одного из заговорщиков, Квинта Курия. Вскоре был завербован и сам Курий, имевший доступ на тайные собрания катилинариев.

21 октября 63 г. Цицерон выступил в сенате с докладом и убедил принять *senatusconsultum ultimum*. 25 октября выступил Манлий, которого не успели предупредить об отсрочке. Правительство начало набор войск. Кроме новой армии, оно смогло использовать войска Кв. Марция Рекса и Метелла Критского,

ожидавших триумфа и, наконец, 3 легиона Метелла Целера в Цизальпийской Галлии.

7 ноября в доме Порция Леки состоялась встреча руководителей заговора. Было решено, что Катилина уедет в Этрурию к Манлию, а в Риме останутся его сторонники во главе с Лентулом и Цетегом. Двое заговорщиков вызвались убить Цицерона. Заговор Каталины наткнулся на контрзаговор Цицерона. Убийц просто не пустили в дом консула. 8 ноября Цицерон произнес в сенате речь против Каталины (I речь). Особенностью ситуации было то, что консул не имел улики. Речь строилась на создании психологического эффекта. Собрав информацию и усилив ее своим ораторским талантом, Цицерон бросил в лицо Каталине обвинение в организации заговора. Расчет оправдался, сенат оказался на стороне Цицерона. Катилина уехал к Манлию.

Вскоре Цицерон смог арестовать заговорщиков, оставшихся в Риме. Лентул вступил в контакт с послами галльского племени аллоброгов, рассчитывая, что восстание отвлечет правительственные войска. Впрочем, послы сообщили все своему патрону, Кв. Фабию Санге, а Санга донес Цицерону. Дальше все пошло по разыгранному сценарию. Послы попросили письма, скрепленные личными печатями. В ночь со 2 на 3 декабря при выезде из Рима послы и эмиссар Лентула Тит Вольтурций были арестованы. 3 декабря были арестованы руководители заговора, Лентул, Цетег, Габиний и Статилий, вскоре арестовали пятого, Цепария. Заговорщики были вынуждены сознаться. 5 декабря произошло заседание сената для суда над заговорщиками. Первым высказался Д. Юний Силан, консулдесигнат на 62 год, предложивший смертную казнь. Силана поддержали все консуляры и претории. Единственным диссонансом было выступление Тиб. Клавдия Нерона, предложившего отсрочить

рассмотрение дела до победы над Катилиной (App. B.C. II, 5; Sail. Cat., 50).

Примерно в середине заседания выступил Цезарь. Суть его речи, видимо, достаточно адекватно передает Саллюстий (Sail. Cat., 58). Оратор призвал сенаторов решать важные дела без чувства гнева, ненависти и жалости, подчиняясь только соображениям разума. Приведя ряд исторических примеров, Цезарь выразил свое негативное отношение к преступлению катилинариев, но призвал не увлекаться описаниями ужасов заговора, хорошо известных и понятных любому присутствующему. Серьезные решения требуют очень серьезных размышлений. Далее последовал выпад против Силана. Несомненно достойный и мужественный человек, Силан явно поступил под влиянием эмоций, и именно теперь Цезарь перешел к тому, ради чего все это и говорилось. Хотя казнь катилинариев была бы и справедливым наказанием, она стала бы нарушением законов о провокации и, прежде всего, закона Порция. Саллюстий приводит длинное рассуждение о том, что даже однократное нарушение закона, совершенное во имя самых благих целей и даже таким достойным человеком, как Марк Туллий (здесь опять могла проскользнуть скрытая ирония), может создать весьма опасный прецедент. Как бы подтверждением этого тезиса может служить краткая лекция о законе Порция, содержащая факты, вероятно, хорошо известные аудитории. Естественной является и резолюция: арест заговорщиков, конфискация их имущества и содержание их под стражей в муниципиях с запретом поднимать вопрос перед сенатом и народом (Sail. Cat., 51,43).

Резолюция, приведенная Саллюстием, неясна и, вероятно, правы Аппиан и Плутарх, считавшие, что Цезарь фактически предложил отложить вопрос до победы над Катилиной, разумеется, с учетом закона Порция (Plut. Cic, 21; Caes., 7; App. B. C, II, 6). Плутарх,

Аппиан и Светоний дают нам только резолюцию, опуская аргументацию Цезаря, показавшую весьма глубокое понимание сущности правопорядка.

Речь произвела сильное впечатление, согласно Саллюстию, сенаторы стали высказываться то за одно, то за другое предложение. Плутарх сообщает, что многие из высказавшихся ранее, включая самого Силана, склонились к мнению Цезаря (Plut. Cic, 21; Caes., 7-8). Аппиан полагает, что на стороне последнего оказалось большинство (App. B. C, II, 6). Так или иначе, вопрос о смертном приговоре повис в воздухе. Нарушая регламент, Цицерон произнес новую речь (4 Катилинария), согласно Плутарху, его поддержал Катул (Plut. Cic, 21). Впрочем, это не смогло изменить положения.

Новый поворот наступил неожиданно. Слово взял один из самых молодых членов сената, М. Порций Катон, духовный лидер молодого поколения оптиматов. Речь Катона также передана Саллюстием в близком к оригиналу варианте. Саллюстий мог даже читать ее оригинал, поскольку по приказу Цицерона речь была записана специально отобранными писцами с очень быстрым почерком (Sail. Cat., 52).

В отличие от Цезаря, Катон должен был апеллировать к эмоциям, страху, недоверию и ожесточению. Предложение Цезаря опасно даже если оно не является актом прямой измены и признаком связи с заговорщиками. Под угрозой жизнь и свобода, а промедление не только неверно, но и опасно. Катилина еще на свободе, в руках у него сильная армия. Плутарх пишет, что Катон открыто заявил, что Цезарь должен радоваться, что вышел сухим из воды (Plut. Cato, 23). Приговор был суровым: надо немедленно казнить обвиняемых катилинариев за участие в заговоре, сделав это как можно скорее (Sail. Cat., 52, 36-37). Речь Катона решила спор. Все консуляры и большая часть сената

проголосовали за казнь. В ту же ночь приговор в отношении пяти катилинариев был приведен в исполнение.

Заседание сената 5 декабря 63 г. вызывает ряд вопросов. Одним из них является вопрос о причинах выступления Цезаря. Достаточно часто его объясняют связями лидера популяров с заговорщиками и даже его причастностью к заговору, но, похоже, что это не находит серьезного подтверждения. Никаких конкретных фактов после очень странных событий 66 г. нет. Саллюстий категорически отвергает эту возможность, однако и другие авторы, включая Светония, не высказывают никаких определенных суждений (Plut. Caes., 8; Suet. Iul., 7-8). Как мы увидим, противники не раз пытались привлечь Цезаря к суду, но им это не удалось. Примечательно молчание Цицерона. Последний часто поступал под воздействием выгоды, но даже в таких антицезарианских произведениях, как трактат «Об обязанностях», он не решается бросить прямое обвинение. Известно, что в октябре 63 г. Красс открыто встал на сторону Цицерона, а потому продолжение контактов Цезаря с катилинариями (если они, конечно, были) оказывается тем более непонятным. Наконец, произнесение защитной речи не есть свидетельство связей; если бы они были, логичнее было бы молчать.

Итак, почему Цезарь, рискуя своим положением и успехами этого года, решился выступить. Одна из причин была в том, что он говорил то, что хотел сказать: это была речь против «крайнего решения» в защиту права провокации, законности и прав личности. Получалось, что Цезарь, уже долгое время боровшийся за эти принципы, просто не мог безоговорочно согласиться на казнь римских граждан. Видимо, было и другое: Цезарь и, возможно, некоторые другие

предпочитали уничтожение катилинариев при помощи Помпея.

Другой, еще более примечательный факт — это голосование, которое, возможно, и объясняет речь Цезаря. Судя по рассказам, консуляры вначале проголосовали за казнь, а затем вдруг «изменили мнение». Маловероятно, что на искушенных политиков могло произвести такое впечатление выступление оппозиционера и его лекция о законе о провокации. Можно примерно установить состав голосовавших консуляров. Среди них были союзники Цезаря, П. Сервий (79 г.), Ман. Ацилий Глабрион (67 г.), Л. Аврелий Котта (65), Л. Юлий Цезарь (64) и нейтральные лица, Г. Марций Фигул (64 г.), Л. Волькаций Тулл и Ман. Эмилий Лепид (66 г.) однако, большинство составляли сулланцы и оптиматы. В сенате точно присутствовали Г. Скрибоний Курион (76 г.), М. Лициний Лукулл (73 г.), Л. Геллий (72 г.), Г. Кальпурний Пизон (67 г.). Двое, Метелл Критский (69 г.) и Марций Рекс (68 г.) командовали войсками. Если первая группировка (ее мнение и выразил Силан) была более или менее настроена против катилинариев, хотя и не поддерживала какие-либо радикальные действия (речь Цезаря могла отразить и их позицию), то вторая, при всем желании избавиться от маргиналов, оказалась заложником своего сулланского прошлого. Показательно поведение Катула и, возможно, Красса. Согласно Плутарху, Катул выступил после речи Цезаря (Plut. Cic, 23), что противоречило всем правилам иерархии, но другие авторы об этом не сообщают. Отношения с Катулом Каталина поддерживал до конца, поручив ему жену, Аврелию Орестиллу (Sail. Cat., 34, 36). Красс вообще не пришел на заседание, его положение было особенно сложным (Cic. Cat., ГУ, 10.). Консуляры, действительно, колебались между желанием избавиться от катилинариев и старыми связями или опасениями перед обвинениями в слишком жесткой позиции. В

предложении Цезаря они могли увидеть неплохой выход из деликатного положения, и уже в который раз он столкнул «респектабельных оптиматов» с их сулланским прошлым, что, возможно, и вызвало их ярость и замешательство. Быть может, не без сарказма Цезарь сослался на пример Суллы: справедливо покарвав Демазиппа, он открыл путь беззакониям и насилию (Sail. Cat., 51, 32).

Победа Цезаря могла бы нанести удар по Цицерону, разрушив его образ спасителя государства. Оратор увидел опасную перспективу возвращения к ситуации выборов, когда оптиматы выбирали между ним и Катилиной. Наконец, оставление в живых заговорщиков было для него просто опасно. Именно речь Катона показала оптиматам реальность.

Марк Порций Катон был правнуком Катона Цензора. После ранней смерти родителей, Катон вместе со сводным братом, Сервилием Цепионом, воспитывался в доме дяди, Ливия Друза, женатого на сестре Цепиона. В 91 г. Катону было 4 года. В период диктатуры Суллы наставник Сапедон периодически водил мальчиков в дом Суллы, демонстрируя лояльность (Plut. Cato, 3), и именно тогда мальчик спросил, почему никто не может убить тирана. Катон получил прекрасное образование и начал военную службу. В 72 г. он в качестве добровольца участвовал в войне со Спартаксом (Plut. Cato., 8), в 67 г. служил трибуном в Македонии. В 65 г. Катон стал квестором, примечательно, что почти одновременно с кампанией Цезаря, он начал свою кампанию, преследуя тех, кто получал от диктатора деньги за участие в проскрипциях и скупал конфискованное по заниженным ценам (Plut. Cato, 17). В чем-то Катон и Цезарь говорили на «одном языке»: один преследовал за убийство, другой требовал компенсировать нанесенный казне ущерб. Уже тогда Катон становился новым моральным лидером оптиматов,

завоеывая репутацию честного, неподкупного политика, безупречного героя и бескомпромиссного консерватора. Хотя характеристики Саллюстия и Плутарха напоминают панегирик (Sal. Cat., 53; Plut. Cic, 6), многое в них было верно. К словам такого человека было трудно не прислушаться. В 63 г. он был избран трибуном на 62 год.

Молодой политик стал центром притяжения нового поколения оптиматов. Сестра Катона Порция была женой Домиция Агенобарба, будущего консула 54 г. и злейшего врага Цезаря, дочь была выдана за другого врага, будущего консула 59 г. М. Кальпурния Бибула. Бывший одним из богатейших людей Рима, Домиций был сыном консула 96 г. Гн. Домиция Агенобарба, а мужем его тетки, Домиций, был Катул. К этому кругу примыкали молодые политики-оптиматы, Метелл Целер, консул 57 г. Л. Корнелий Лентул Спинтер и др. Уже в 65–64 гг. интерес к Катону впервые проявил Помпей.

Новое поколение, не связанное с Суллой и отрекшееся от него, а формально и от его «дела», становилось «защитниками республики» от разных политических сил, к которым они относили и Цезаря, и Помпея, и Красса, и популяров. Требование Катона о немедленной казни катилинариев означало решительный отказ от компромисса с Катилиной и, вместе с тем, ориентировало сенат на победу своими силами, ставя его в независимое положение от Помпея. Смелый дебют придал оптиматам «второе дыхание».

История Цезаря и катилинариев имела продолжение. Оптиматы нанесли по нему удар, попытавшись обвинить в причастности к заговору, борьба с которым перешла в открытую фазу. Сообщения Саллюстия, Плутарха и Светония несколько расходятся. Согласно Саллюстию, Катул и Г. Кальпурний Пизон пытались обвинить Цезаря в соучастии в заговоре, а группа всадников из свиты Цицерона открыто угрожала физической расправой (Sail.

Cat., 49). Согласно Плутарху, нападение произошло не до, а после речи в сенате. Цезаря спасли его старый недруг Курион, Цицерон и, прежде всего, собравшиеся возле курии массы народа (Plut. Caes., 8). Согласно Светонию (Suet. Iul., 14–17), всадники окружили Цезаря и угрожали кинжалами, но его защитили некоторые сенаторы (неясно, кто именно). Светоний сообщает дополнительные факты. Профессиональный доносчик Л. Веттий обвинил его перед следователем Новием Нигром, а в сенате последовал донос главного информатора Цицерона, Квинта Курия. Впрочем, Цезаря поддержал сам Цицерон, а доноски были наказаны.

Оставалась еще проблема Каталины. Катилина и Манлий собрали в Этрурии около 20 000 человек. Известие о казни Лентула и Цетега вызвали массовое дезертирство. Против катилинариев были брошены две армии. Из Галлии выступили войска Метелла Целера, а из Рима — главные силы правительственной армии во главе с консулом Антонием Гибридой. Соглашение с последним было скреплено обещанием Цицерона уступить ему провинцию Македонию. Впрочем, Антоний был скорее номинальным командующим, реально армию возглавил его легат, претор 64 г. Марк Петрей.

В конце 63 г. произошло событие, возможно, также объясняющее речь Цезаря 5 декабря. Помпеи произвел пробу сил. В конце 63 г. в Рим прибыл Кв. Цецилий Метелл Непот, который был избран трибуном на 62 год. Будучи членом клана Метеллов, Метелл Непот был тесно связан с Помпеем, будучи его легатом с 67 г. и, вероятно, должен был пощупать почву для возвращения Помпея и новых чрезвычайных полномочий полководца. Помпеянцы дали свою интерпретацию событий, обвинив обе стороны.

3 января 62 г. Метелл Непот и другой трибун, бывший катилинарий Л. Кальпурний Бестия, выступили в комициях с нападками на Цицерона в связи с делом

Лентула, запретив оратору обращаться к народу. Цицерон искусно обошел запрет (Plut. Cic, 23). Метеллу активно помогал Цезарь, только что вступивший в должность претора и бывший председателем собрания. Кульминацией стало предложение немедленно вызвать из Азии Помпея для борьбы как против Каталины, так и против «всевластия Цицерона». Цицерон защищался, оптиматы выступили единым фронтом, Катон и его коллега Минуций Терм наложили вето. Плутарх красочно описывает ход голосования. После схватки, Катон одержал победу (Plut. Cato, 28). Сенат хотел лишит Метелла должности, но, видимо, не желая доводить дело до крайности, сам Катон попросил этого не делать. Согласно Светонию, Метелла и Цезаря все же отстранили, но поддержка народа заставила сенат отменить решение (Suet. Iul. 14). Тем не менее, план был сорван. Метелл уехал в Азию и вернулся уже вместе с Помпеем. События 63–62 гг. показали еще одно обстоятельство: оптиматы начали борьбу за форум, используя методы своего противника. В лице Катона и Цицерона они нашли публичных политиков, которых бороться на этом поле с Цезарем и Помпеем.

В январе 62 г. Катилина был вынужден вступить в битву с правительственной армией. Антоний сказался больным и реально армией командовал Петрей. В жестоком сражении при Пистории армия катилинариев была разбита. Мужественно сражаясь пал и сам Катилина.

**Глава V.
ТРИУМВИР
(62-56 гг.)**

1. Союз трех

62 год, год претуры, был достаточно сложным для Цезаря. Он был отмечен наступлением группы Катона и неудачами Помпея. Цезарь нанес удар по Катулу. После смерти Суллы, ему было поручено восстановление сгоревшего храма Юпитера Капитолийского, и, став теперь великим понтификом, Цезарь потребовал финансового отчета (храм еще не был достроен) и передачи обязанностей по строительству Помпею (Call., II, 10,2). Оптиматы отстояли своего лидера, но это была их последняя стычка, в 61 г. Катул умер. Став новым куратором, Помпей быстро завершил работы.

В том же году произошел скандал в доме Цезаря. Между Клодием и Помпеей, новой женой Цезаря, возможно, начался роман, закончившийся достаточно необычным происшествием. Клодий был обнаружен в доме Цезаря, куда он проник во время праздника Доброй Богини (Vona Dea), носившего чисто женский характер. Согласно Плутарху, подробно описавшему эту историю, Клодия разоблачила одна из служанок. Свидетельницами против него выступили мать Цезаря Аврелия и его сестра Юлия (Plut. Cic, 29; Caes., 10).

Против Клодия начался процесс по обвинению в святотатстве и разврате. Обвинителем выступил один из трибунов. Коллегия понтификов дала ответ, что святотатство действительно имело место (другого варианта у нее просто не было). Лидеры оптиматов достаточно активно втянулись в процесс, зачастую по чисто личным мотивам. Одним из свидетелей обвинения был Лукулл, ранее женатый на младшей из трех Клодий. Цицерон, прежде бывший в хороших отношениях с Клодием, дал против него показания, опровергнув алиби. Причиной, возможно, было то, что жена Цицерона

Теренция приревновала супруга к Клодии-Лесбии. На осуждении настаивала группа Катона. Инцидент с *Вона Деа* превращался в политическую акцию, которая ударила не только по Клодию, но и (косвенно) по Цезарю, превратив его в оскорбленного супруга и, возможно, в укрывателя святотатства.

Вероятно, это и стало причиной поведения Цезаря, постаравшегося не дать этой чисто личной истории стать предметом публичного разбирательства. Он развелся с Помпеей, произнеся свою знаменитую фразу, что жена Цезаря должна быть выше подозрений (*Plut. Caes.*, 10), но на суде заявил, что ему ничего по этому поводу неизвестно, тем самым оказав немалую услугу Клодию. Существует мнение, что Цезарь спасал Клодия, в котором видел будущего политического союзника, но более вероятно что он заботился о собственной репутации и репутации жены. Общество во все века достаточно спокойно относилось к соблазнителям, иногда даже сочувствуя им больше, чем пострадавшему супругу, но оно не прощало этого женщине. В Риме еще не было законов Августа, согласно которым с обвинением могло выступить любое постороннее лицо, а потому инициатива процесса могла принадлежать только собственно потерпевшей стороне. Отказавшись от обвинения, Цезарь вывел из-под удара Помпею, вместе с тем, показав, что не позволит связывать свое имя с компрометирующими историями. Процесс переходил в чисто политическую плоскость и, возможно, именно с этим было связано и решение суда. Суд оправдал Клодия, хотя и незначительным большинством (31 против 25). Ходили слухи, что он подкуплен, и открыто намекали на Красса (*Cic. Att.*, I, 26). В данной ситуации Цезарь также спасал не Клодия, а свою семейную репутацию.

В конце 62 г. из Азии вернулся Помпей. Рим был в панике, ожидали новой диктатуры. Тем не менее,

Помпеи собрал воинов на сходку и велел им разойтись по домам. С небольшой свитой он направился в Рим и ждал возле границ померия, как полагалось триумфатору. Переворот так и не состоялся (Plut. Pomp., 43–44; Dio, 37, 20; Veil., II, 40).

Действия Помпея стали предметом дискуссии. По мнению Т. Моммзена, Помпеи стремился к единоличной власти, но делал это крайне нерешительно, одновременно стремясь быть и властелином Рима и честным республиканцем, и именно эта непоследовательность вызывает критику выдающегося немецкого историка^{160}. Эд. Мейер восхищается Помпеем именно за то, что его критикует Моммзен. Согласно его мнению, Помпеи был носителем принципиально иной идеи, в этом плане отличной от идеи абсолютной монархии Цезаря, и особой формы управления, принципата, единоличной власти при сохранении республиканских порядков^{161}. По мнению Ф. Марша, действия Помпея отмечены противоречивостью и готовностью нарушить дух закона, соблюдая его букву^{162}. М. Гельцер также отмечает роль Помпея, как первого среди равных^{163}. По мнению Ж. Эллегуара, Помпеи был «сенатским диктатором» уже с 70 г. и теперь просто сохранял свое положение^{164}. В отечественной историографии также имеются существенные различия. С.И. Ковалев критикует его за близорукость и непоследовательность^{165}, тогда как С.Л. Утченко сохраняет очень высокое мнение о Помпее, отмечая его республиканизм и лояльность к республике и отрицая мнение о принципате Помпея^{166}.

Многое, видимо, справедливо. Помпеи был более легитимен, чем Сулла, и предпочитал более косвенные и легальные методы. Он оставался связанным с сенатом и его сулланским большинством. С другой стороны, у него не было оснований для выступления: в Риме его

встретило монолитное правительство, имевшее совершенно законный статус, Катилина был разбит, а миссия Непота показала невозможность новых чрезвычайных полномочий. Наконец, Помпеи не ожидал, что его достаточно разумные меры встретят столь активное сопротивление, а сенат явно «перестарается» в кампании по дискредитации своего полководца.

Основными требованиями Помпея были утверждение его распоряжений в восточных провинциях, наделение землей его ветеранов и триумф. Когда эти, в общем, законные и разумные предложения были высказаны, они столкнулись с сопротивлением оптиматов. Среди них было много личных врагов и недоброжелателей и, кроме того, после «дела Катилины» группа Катона почувствовала свою силу, желая «поставить Помпея на место». Сумев справиться с опасным врагом, сенат не нуждался и в «защитнике». Попытки Помпея сблизиться с Катоном не удались (Plut. Pomp., 44; Cato, 30).

Консулами 61 г. стали М. Пупий Пизон и М. Валерий Мессала. Пизон был ставленником Помпея. В 83 г. он был квестором Сципиона и сдался Сулле, в 72 г. был претором Испании, а в 71 г. сменил Помпея на посту командующего войсками в испанских провинциях. Вероятно, ранее Пизон участвовал в Серторианской войне. В 69 г. Пизон получил триумф, а с 67 по 62 г. был легатом Помпея на востоке. Это был достаточно типичный представитель сулланских военных, и Помпеи мог на него рассчитывать. Впрочем, хороший военачальник, Пизон, как это часто бывает, оказался неэффективным помощником в гражданской политике. М Валерий Мессала Руф, ранее претор 64 г., скорее склонялся к оптиматам. Цицерон именует его «защитником благородных» (*defensor bonorum*). Лишь позже Мессала присоединился к триумвирам. Впрочем, главными противниками Помпея были Лукулл, Метелл Критский, Красс и Катон (Dio, 37, 49; App. B. C, II, 9; Plut.

Pomp., 6; Luc, 42; Cato, 31; Veil., II, 10; Suet. Iul., 19), занимавшие ключевые позиции в сенате. Помпеи был встречен очень холодно, и, согласно письмам Цицерона (Cic. Att, I, 19), в период с февраля по июнь 61 г. сенат даже не занимался делами Помпея, тем более, что всех отвлекло сенсационное дело Клодия. Цицерон был одним из немногих сенатских лидеров, считавших необходимым сохранение союза с Помпеем.

В 61 г. Помпеи получил только триумф (Plut, Pomp., 45-46; App. Mitr., 116-7; Veil. II, 40); принесший в казну огромные деньги. Лукулл начал критику восточной политики Помпея и предложил обсуждать вопрос по пунктам, затягивая дискуссию. Его поддержали другие лидеры.

На рубеже 61 и 60 гг. Помпеи предпринял более решительные действия. Один из консулов, Л. Афраний, был верным легатом Помпея во всех его кампаниях, второй, Кв. Цецилий Метелл Целер, принадлежал к клану Метеллов. В 80 г. вместе с братом он был обвинителем Лёпида, в 71 г. — народным трибуном, в 66 г. — легатом Помпея в Азии. В 63 г. Метелл Целер стал городским претором и сыграл немалую роль в подавлении восстания Катилины (Cic. pro Sulla, 65; Vail. Max. VII, 7, 7). Ранее Целер сорвал процесс Рабирия (Dio, 37, 27, 3), а в октябре 63 г. был послан в Пицен и Умбрию для борьбы с катилинариями (Sail. Cat., 30, 5; Cic. Cat., II, 5, 6), хотя, как и многие сулланцы, сохранял отношения с Катилиной (Cic. Cat., I, 19). В 61 г. Метелл Целер, будучи наместником Цизальпийской Галлии закрыл последнему путь на север. Помпеи рассчитывал на помощь Целера и даже помог ему баллотироваться в консулы, но второй консул встал на сторону оптиматов.

Окончательной пробой сил стал аграрный закон. 15 марта 60 г. народный трибун Л. Флавий предложил новую реформу (детали см. Cic. Att., I, 19), предлагая наделить землей ветеранов Помпея, а, возможно, и

другие категории граждан, за счет покупки земли на военную добычу Помпея (Dio. 37, 50; Plut. Cato min., 31). Оптиматы во главе с Катонем и Метеллом Целером сорвали голосование (Dio, 37, 50). Это было полное поражение Помпея, потерявшего немалую часть политического влияния. Ситуация вызвала и недовольство солдат (Ibid). Оптиматы праздновали победу над Помпеем, но как раз в это время появился Цезарь, снова мастерски разыграв сулланские «масти» и воспользовавшись просчетом своих противников.

После претуры, в 61 г. Цезарь стал пропретором Дальней Испании. Перед отъездом ему пришлось улаживать свои дела с кредиторами, но Красс поручился за Цезаря на огромную сумму в 830 талантов (Plut. Caes., 11). Детали испанской кампании неясны. Цезарь воевал против лузитан и галлеков, не сложивших оружие после Серторианской войны, и использовал 30 когорт (Plut. Caes., 12; App. B. C, II, 8; Iber, 102). Кампания была очень крупная, согласно Аппиану, Цезарь не завершил операции до тех пор, пока не объявил Испанию подчиненной. Военная добыча была велика, в казну было послано много денег. По всей вероятности, это и было окончательное покорение Испании, после 61 г. никаких волнений на полуострове не было. Солдаты провозгласили Цезаря императором, и он мог претендовать на триумф, что не оспаривали даже оптиматы. Сенат согласился на триумф без особого сопротивления, вероятно, все формальные основания были налицо. Это был первый опыт Цезаря в качестве крупного военачальника. Он восстановил и свое финансовое положение, вероятно, за счет военной добычи, поскольку никаких попыток обвинить его в вымогательствах не было.

В 60 г. Цезарь прибыл в Рим и стал готовиться к решающему шагу, баллотировке в консулы. Он достиг должного возраста, прошел всю предварительную

карьеру и имел славу выигранной войны. Ситуация в Риме дала ему возможность более смелой комбинации — консолидации оппозиции и создания реального противовеса сулланской и постсулланской олигархии. Оптиматы также готовились к решающей схватке. Прежде всего, возник формальный момент. Полководец, дожидавшийся триумфа, не мог вступить в город, напротив, кандидат на выборах должен был лично предстать перед избирателями. Цезарь просил о заочной баллотировке, но получил отказ. Триумф также затягивался. В этой ситуации Цезарь отказался от триумфа, что было беспрецедентным в римской истории, и выставил свою кандидатуру на выборах (Dio, 37, 54; 44, 41; Plut. Caes., 13; Cato, 31; Suet. Iul., 18).

Сомнений в поддержке избирателей у Цезаря быть не могло. Выборы 65 и 63 гг. показали это с достаточной очевидностью. Народ был готов оказать своему кандидату неограниченную поддержку. Впрочем, Цезарь ставил и большие цели: создание сильной постоянной оппозиции оптиматам в сенате и начало масштабной программы реформ, включающей масштабные аграрные преобразования и начало новой провинциальной политики. Вероятно, уже тогда Цезарь планировал крупномасштабные внешнеполитические программы и решение проблем Италии и проблем державы. Именно для этого, а не только для собственно выборов, и понадобился созданный Цезарем альянс крупных политических лидеров.

Видимо, летом 60 г. оформляется его союз с Помпеем и Крассом^{167}. Реально он уже существовал. Отношения Цезаря и Красса были вполне сложившимися к 70 году и основывались на старых семейных связях. С другой стороны, с 67 года Цезарь неизменно поддерживал все назначения и действия Помпея. Отношения Красса и Помпея всегда отличались соперничеством, но у них были и периоды сотрудничества. С другой стороны,

даже в событиях 62–60 гг. Красс выступал против Помпея.

В создании триумvirата были заинтересованы все трое, и для союза имелись весьма серьезные основания. Кроме всего прочего, Помпеи рассчитывал провести в жизнь все свои преобразования на востоке и дать землю солдатам, а Красс, будучи чужим в мире сулланских олигархов и понимая пагубность их политики, искал новую политическую силу, способную обеспечить его собственные интересы и интересы связанного с ним делового мира. Если Цезарь становился политическим лидером триумvirата, а Помпеи — его опорой в армии и сенате, то Красс был банкиром альянса.

Более сложен вопрос о датировке, целях и инициаторах соглашения. По Аппиану, соглашение было заключено перед консульством (App. B.C. II, 9), то же самое сообщает Плутарх (Plut. Caes., 13; Pomp., 41). Дион Кассий, Ливии и Светоний пишут о союзе после консульских выборов (Dio, 38, 55–56; Liv. Epit., 103; Suet. Iul., 19, 2), Веллей просто указывает на 59 год.

Различны и мнения исследователей. Триумvirат датируют летом 60 г. (Э. Корнеманн, Р. Сайм, Г. Бенгтсон, С.И. Ковалев), т.е. до выборов^{168}; концом 60 г., после выборов, но перед консульством (К.В. Нич, Эд. Мейер)^{169}; 60 годом (неопределенно) (В.И. Кузищин, А.В. Игнатенко)^{170}; началом 59 г. (начало консульства) (Эд. Шварц, Р. Ханслик)^{171}. Существует мнение, что точную дату союза установить невозможно, а в 59 г. случилось лишь его первое проявление (С.Л. Утченко, Х. Сандерс, Н.В. Чеканова)^{172}.

Последнее мнение, наверное, ближе к истине. Союз сложился уже давно, однако конкретная договоренность и особенно — «примирение» Помпея и Красса, видимо, происходят в период между законом Флавия (июнь 60 г. — Cic. Att, II, 1) и, вероятно, выборами. Скорее всего, уже

на выборах Цезарь мог рассчитывать на ресурсы Помпея и особенно на деньги Красса. Все источники (Plut., Caes., 13; Pomp., 47; Crass, 14; App. B. C, II, 9; Dio, 37, 55) и, наверное, большинство исследователей указывают на инициативу Цезаря^{173}. Впрочем, и двое других членов триумvirата никоим образом не были пассивными фигурами в его игре.

Сложен вопрос о цели и характере триумvirата. Плутарх считает причиной монархические устремления Цезаря (Plut. Caes., 13) и его союзников (Plut. Crass, 14). Согласно Светонию, они договорились «не допускать государственных мероприятий, неугодных троим» (*ne quid ageretur in re publica quod displicuisset tribus*) (Suet. Iul., 19). Достаточно интересно объяснение Флора: «Итак, Цезарь стремился к завоеванию политического влияния, Красс — к его умножению, Помпеи — к удержанию. В равной мере одержимые жаждой власти в государстве, они охотно объединились для ее захвата» (Flor, II, 13, 1). Флор добавляет, что Помпеи был вынужден защищаться от бесчестия со стороны оптиматов, а Красс мечтал о дальнейшем обогащении (Flor, II, 13, 8–10) Веллей называет его «союзом ради могущества». Целью Помпея было проведение при помощи консула Цезаря своих установлений на востоке. «Цезарь хотел приумножить свою славу, а Красс держался за авторитет Помпея и силу Цезаря, поскольку в одиночку он не мог добиться первенства» (Veil., II, 44). Согласно Диону Кассию, к союзу привели монархические устремления каждого и страх перед объединением двух других лидеров. Союз был скреплен клятвами, когда все трое договорились во всем содействовать друг другу (Dio, 37, 55–57).

Древние авторы делают акцент на стремлении всех троих и особенно — Цезаря, к захвату власти. Было бы точнее говорить — о взятии власти вполне легальным путем через выборы. С другой стороны, даже совокупная

мощь всех троих не могла превратить их в «монархов». Оптиматы были достаточно сильны, и реально речь шла только об известном равновесии. С.Л. Утченко справедливо полагает, что речь шла об объединении всех антисенатских сил^{174}. Как отмечают многие исследователи, соглашение было неофициальным, а его прообразом были весьма частые в римской политической жизни предвыборные соглашения^{175}. Союз явно был долгосрочным и имел далеко идущие цели. Кроме взятия власти, у триумвиров была основательная, разносторонняя программа, которая, в целом, была программой Цезаря, хотя и с существенными дополнениями, особенно — со стороны Помпея. Триумвират готовился к новому слову сулланской системы и, видимо, здесь всегдашний лидер оппозиции Цезарь действовал более последовательно, чем бывшие сулланцы Помпей и Красс. Впрочем, на данном этапе совпадение интересов явно преобладало.

Каковы же были цели союза? Триумвиров, видимо, объединяли общие установки (декларация о совместных действиях — Plut. Crass, 14; Dio, 37, 55-56 и взаимопомощи — Dio, Ibid., а также — решение не допускать, чтобы что-либо в государстве происходило без их желания — Suet. Iul., 19) и конкретные цели, особое место среди которых занимали выборы Цезаря в консулы и проведение в жизнь распоряжений Помпея.

Оптиматы оказали серьезное сопротивление. Кандидатом в консулы стал М. Кальпурний Бибул, оптимат, личный враг Цезаря и его коллега по квестуре, эдилитету и претуре. Вокруг Бибула сплотились все лидеры оптиматов, Катон, Цицерон, Лукулл и др. Обе стороны, особенно, оптиматы, использовали огромные денежные средства (Suet. Iul., 19). Борьба была крайне острой (Plut. Cato, 31; Caes., 13; App. B. C, II, 9). Третьим кандидатом был друг Цицерона Л. Лукцей, претор 66 г., обвинявший Катилину и оказавший помощь Цицерону в

64–63 гг. (Cic. Fam., V, 13,4; Asc. p. 81). Обе стороны пытались заключить с ним предвыборное соглашение, но Лукцей предпочел Цезаря. Причиной, вероятно, была его близость к Помпею, членом consilium которого он был (Cic. Art., IX, 1,3; 11, 3). Впрочем, оптиматы мобилизовали все свои ресурсы. Консулами 59 г. стали Цезарь и Бибул. Голосуя за Цезаря, народ совершенно определенно голосовал за слом сулланской и постсулланской системы, политические реформы и изменение внешней политики. Это был второй этап «мирной революции», начавшийся в 70 г., итогом которого стало начало преобразований нового плана и изменения в составе сената в пользу оппозиции.

2. Консульство (59 г.)

1 января 59 г. Цезарь и Бибул вступили в должность. Лидер оппозиции стал главой исполнительной власти и спикером сената. Теперь он впервые мог предпринять попытку изменить соотношение сил. Несмотря на перемены в период 78–59 гг., руководство сенатом по-прежнему принадлежало бывшим сулланцам и оптиматам. Лучше всего известно положение в верхнем этаже правящей элиты. Из 23 консуляров 59 г. минимум 11 представляли собой эту «партию власти» и, как правило, были противниками Цезаря: Г. Скрибоний Курион (76 г.), Л. Лициний Лукулл (74 г.), М. Лициний Лукулл (73 г.), Л. Геллий Публикола (72 г.), Кв. Гортензий Гортал (69 г.), Кв. Цецилий Метелл Критский (69 г.), Г. Кальпурний Пизон (67 г.), Ман. Эмилий Лепид (66 г.), Л. Манлий Торкват (65 г.), Кв. Цецилий Метелл Целер (60 г.). К этой группе примыкали Цицерон (63 г.) и коллега Цезаря Бибул. В более низших эшелонах (претории, эдилитии, трибуниции) набирала силу группа Катона.

Цезарь мог рассчитывать на гораздо более скромную поддержку. Его сторонниками были его старый покровитель П. Сервилий Ватия (79 г.), известный популярист и, видимо, родственник Аврелии, консул 65 и цензор 64 г. Л. Аврелий Котта и консул 64 г. Луций Цезарь. Все трое были политиками достаточно умеренной ориентации и об их роли в событиях 59 г. практически ничего не известно. Это могла быть группа «пассивной поддержки».

Расстановку сил изменил триумвират. Кроме самих Красса и Помпея, за ними пошла группа консуляров — военных: М. Пупий Пизон (61 г.), Валерий Мессала (61 г.), Афраний (60 г.). Позиция Помпея оказывала влияние и на некоторых других консуляров, в целом, находящихся в

лагере оптиматов (Цицерон, Г. Кальпурний Пизон (консул 67 г.)), которые пытались выступить в качестве посредников между борющимися партиями, хотя и безуспешно. К нейтральным можно отнести и Л. Волькация Тула (66 г.) и, возможно, Д. Юния Силана (62 г.). Триумвиры имели сильную поддержку среди младших сенаторов. В 56 г. на встрече в Луке было 200 сенаторов и почти все магистраты этого года (App. B. C, 11, 17; Plut. Pomp. 5; Dio. 39, 24-31).

Положение оппозиции резко изменилось, она впервые стала единым целым и получила признанного лидера. В сенате начинает устанавливаться неустойчивое равновесие, которым отмечены все события 50-х гг. Вместе с тем, оппозиция пока еще была слабее, а «контрольный пакет» имели Помпеи и сулланские военные. Помпеи выиграл от триумvirата не меньше, чем Цезарь.

Уже в начале консульства Цезарь устанавливает принцип гласности и контроля за деятельностью сената, повелев обнародовать ежедневные отчеты о заседаниях сената и народных собраниях (Suet. Iul., 20).

Вскоре после этого был предложен и аграрный закон. Он продолжал традицию Рулла, присоединив к ним требования Помпея. Закон готовился уже в середине 60 г. (Cic. Att., II, 1), к декабрю он был уже подготовлен (Cic. Att. II, 3). Согласно Диону Кассию, Цезарь хотел разделить всю общественную землю, кроме Кампании (ager Campanus) (Dio, 39, 8). Предполагалась покупка земли на добычу Помпея (Ibid.). Дион Кассий сообщает, что преимущества имели лица с 3 и более детей, которые получали землю на ager Campanus. Колонией стала Капуя (Dio, 38. 7). Веллей говорит о двух редакциях: закон предполагал раздел между плебеями ager Campanus (Veil., II, 44), после чего Цезарь вывел туда 20 000 человек и восстановил муниципальный статус Капуи (Ibid.). Два закона

упоминает Плутарх (Plut. Caes., 14), множественное число использует Ливии (Plut. Cato, 32–33). У остальных авторов речь идет об одном законе (App. B. C, П., 10; Suet. Iul., 20). Полемика о количестве аграрных законов затронула и историографию (Е. Греббе, Ф. Милтнер, С.И. Ковалев){176}.

Суть закона, видимо, ясна. Он предполагал раздел земель в Кампании (Veil., II, 44; Dio, 38, 7; Suet. Iul., 20; 25; Plut. Cato, 35). Колонии выводились в ряд городов (Капуя, Казилин и др.), среди земель, подлежащих разделу, были Стеллатинское и Фалернское поле, а также — частные земли, купленные за военную добычу.

Встает вопрос, кто получал землю. Источники называют многодетных отцов, которых набралось более 20 000 (App. B. C, II, 100; Dio, 38, 6; Suet. Iul., 20). Вероятно, это была льготная категория. Среди получателей земли, наверняка, были ветераны Помпея. Как полагает П. Брюнт, землю получали около 50 000 человек (вероятно, самих владельцев без членов их семей){177}. Важным фактором было создание аграрной комиссии из 20 человек, среди которых были Помпеи, Красс, муж сестры Цезаря М. Атий Бальб и др. Сам Цезарь в комиссию не вошел.

Программа предполагала наделение землей широких масс граждан, позже продолженное и самим Цезарем и его преемниками. Восстановление мелкой собственности не происходило за счет конфискации. В перспективе было важное структурное изменение собственности, когда на место сулланской системы гигантских капиталов олигархов и «крепких хозяйств» ветеранов Суллы, противостоящих массам безземельных и малоземельных людей, приходила более эффективная экономика, основанная на мощном фундаменте мелкой и средней собственности. Аграрная программа воссоздавала основу армии и стала важным фактором

борьбы с бедностью. В перспективе это создавало возможность выхода из кризиса.

Оптиматы оказали яростное сопротивление. Сенат выступил против закона (Plut. Caes., 14; App. B. C, II, 11; Liv. Epit., 103). Лидерами оппозиции стали Катон (Plut. Cato, 33; App. Ibid.; Dio, 32, 2-3) и Бибул (Dio, 38, 6; Liv. Epit., 103; Plut. Pomp., 47), их поддержали Метелл Целер, Фавоний (Dio, 38, 7), Лукулл (Suet. Iul., 20,4), Курион (Cic. Att., II, 18; Plut. Luc, 42) и Марк Петрей (Dio, 38, 3). Не добившись успеха в сенате, Цезарь перенес законопроект в комиции. Его поддержали Помпеи и Красс. Три трибуна наложили вето, а лидерами сопротивления стали Катон и Бибул. События красочно описаны Аппианом (II, 11), Плутархом (Plut. Caes., 14; Cato, 33) и Светонием (Suet. Iul., 20). В комициях произошла настоящая схватка, на голову Бибула вывернули корзину с навозом. Оставшиеся полгода Бибул заперся дома, объявил все дни года праздниками и поносил Цезаря в регулярно публикуемых эдиктах (Plut. Pomp., 47; Dio, 38, 6; Suet. Iul. 20). Попытка обжаловать действия в сенате не удалась, Цезарь и его союзники заставили сенаторов принести присягу (Dio, 38, 7). Это была полная победа, народное собрание полностью контролировалось триумвирами.

Основная борьба вокруг аграрного закона приходится на апрель-июль 59 г. В письме между 21 и 29 апреля Цицерон пишет об отсрочке комиций Бибулом (Cic. Att., II, 15), борьба продолжалась в мае-июне (Ibid., II, 17-18), а в середине июля он пишет о демонстративной поддержке, оказанной Куриону и Бибулу (Ibid., II, 19). Впрочем, в письме от 25 июля оратор пишет о «бедственном положении государства», заключая его мрачным резюме «все погибло» (*tota periiit*), что, вероятно, является указателем на принятие закона (Ibid., V, 21).

Вероятно, еще в начале года Цезарь провел через сенат утверждение распоряжений Помпея на востоке (Plut. Pomp., 47; App. B. C, II, 12), сопротивления практически не было, если не считать протестов Лукулла. В ответ Цезарь пригрозил ему судебным преследованием за обогащение во время похода (Suet. Iul, 20; Plut. Luc, 42; App. B. C, II, 46). Еще один сенатский лидер был удален из политики. После 59 г. Лукулл уже не участвует в политической жизни. Последние годы он прожил в роскошных пирах и интеллектуальных занятиях. Сходят со сцены Марк Лукулл и Скрибоний Курион-старший. Решение вопроса о восточных провинциях, важное для устройства значительной части римской державы и заведенное в тупик сенатом, наконец, было принято.

По другому закону (вероятно, принятому в апреле) арендная плата для публиканов была снижена на 1/3 (App. B. C, II, 13; Suet. Iul. 20, 4; Dio, 38, 7; Val. Max, II, 10). Закон, видимо, позволил быстро пополнить казну и был выгоден для делового мира, предполагая также и снижение давления на провинции.

На перспективу был нацелен закон о вымогательствах (*lex Iulia repetundarum*). Это было установление новых правил деятельности провинциальных наместников. Им запрещалось покидать свои провинции и вести военные действия за их пределами, в законе регламентировались поставки наместникам и их свите, запрещалось принимать золотые венки, упрощался судебный процесс^{178}. Это было первое всеобъемлющее регулирование в области провинциального управления, решающее, вероятно, основную проблему Рима, проблему провинций и центра.

Возможно, последним политическим событием года было так называемое «дело Веттия» (октябрь 59 г.). Веттий — достаточно интересная фигура в римской политике. Римский всадник (Q. Cic. Com. pet., 10), он

участвовал в кампании Помпея Страбона и был известен в политической жизни Рима уже в 60-е гг. В 64–63 гг. он был участником заговора Катилины и донес на Цезаря (Suet. Iul., 17). Теперь он устроил новую провокацию, обратившись к сыну Куриона с предложением убить Помпея. Курион сообщил об этом отцу, а искушенный политик Курион-старший передал все Помпею. Арестованный Веттий молчал, а затем сообщил о существовании заговора во главе с Курионом-младшим и назвал несколько имен: Л. Эмилий Павел Лепид, сын консула 78 г., Л. Корнелий Лентул, вероятно, сын консула 72 г., и Марк Брут, будущий убийца Цезаря. Марк Брут, родившийся в 85 г. был сыном марианского полководца и любовницы Цезаря Сервилии. Вторым браком мать Сервилии Ливия, сестра Ливия Друза, трибуна 91 г., вышла замуж за отца Катона. Катон был дядей Брута и с 78 г. Брут воспитывался в его доме. По словам Веттия, за заговором стоял Бибул.

На следующий день Цезарь вывел Веттия на ростры. По словам Цицерона, он сказал все, что нужно консулу. Затем Веттий дезавуировал обвинение Брута, но назвал Лукулла, Г. Фанния и Л. Домиция Агенобарба (Plin. NH., VIII, 131), который вместе с Катоном активно действовал на выборах 61–60 гг. против Афрания, Пупия Пизона и Помпея (Cic. Att., I, 16, 2). Намек коснулся и Цицерона и его зятя, Долабеллы, Г. Кальпурния Пизона, а также — трибуна Л. Латеренсия. Веттий предстал перед судом Красса, но погиб в тюрьме при загадочных обстоятельствах. Аппиан рассказывает историю по-другому. Веттий был пойман с кинжалом на форуме с целью убить Цезаря и Помпея. По его заявлению, кинжал ему дал ликтор Бибула Постумий. Цезарь дал делу ход, но ночью Веттий был убит в тюрьме (App. B.C. II, 12).

Часто «дело Веттия» трактуется как провокация Цезаря, хотя ни Цицерон, ни Аппиан, ни Светоний прямо

этого не утверждают. Прямо об этом говорят многие исследователи (Эд. Мейер, Л.Р. Тэйлор, С.Л. Утченко) [{179}](#), другие (Т. Моммзен, Ж. Каркопино) считают его к этому непричастным [{180}](#). В принципе наличие реального заговора или разговоров о нем не является невозможным. Некоторые детали вполне реальны. Цезарь, в общем, воспользовался этой возможностью, а устранение провокатора было выгодно кому угодно, кроме него. Дело только начинало «раскручиваться», хотя ему мало кто верил. Не исключено, что Веттия устранила противоположная сторона, сделавшая из него «провокатора Цезаря».

Год подходил к концу. Цезарю нужно было провести ряд заключительных мероприятий: обеспечение провинциального управления и проведение выборов на следующий год. По закону П. Ватиния Цезарь получил чрезвычайные полномочия в Цизальпийской Галлии на 5 лет (App. B.C. II, 13; Plut. Caes., 14; Pomp., 48; Dio, 38, 8; Suet. Iul., 22). По предложению Помпея и Красса, он получил также и Нарбонскую Галлию (Veil., II, 4; Plut. Crass, 14). Уже с самого начала это было чрезвычайное назначение. Длительный срок наместничества, объединение нескольких провинций, их особая стратегическая важность и широкие возможности действий были характерны для чрезвычайной власти.

Назначение Цезаря было связано с особой ситуацией. Во-первых, в последние несколько лет положение в Галлии (см. далее) значительно усложнилось, во-вторых, Цезарь, несомненно, преследовал и внутривластные цели. Возможности римской выборной системы были практически исчерпаны. Вместе с тем, сулланская и постсулланская элита продолжала сохранять основные и силовые рычаги, армии, провинции, деньги и вассальные царства. Борьба перешла в новое качество. Чтобы не допустить срыва своей программы преобразований, Цезарь должен был приобрести собственные силовые

структуры, армию, «личную партию» и контролируемые им провинции.

Перед отъездом из Рима, Цезарь должен был обеспечить свои позиции в столице. Их основой оставался триумvirат. В начале мая 59 г. союз был скреплен личной унией, дочь Цезаря и Корнелии, Юлия, стала женой Помпея (Cic. Att., II, 17, 1; Plut. Caes., 14; Suet. Iul., 21). Несмотря на разницу в возрасте, брак был счастливым. Сам Цезарь вступил в свой третий брак с Кальпурнией, дочерью Л. Корнелия Пизона Цезонина.

Триумvиры обеспечили выборы на 58 год. Консулами стали Пизон Цезонин и Авл Габиний. В 67 г., будучи трибуном, Габиний был автором закона о чрезвычайных полномочиях Помпея, после этого он был легатом Помпея на востоке, а теперь стал консулом как кандидат последнего, будучи также поддержан и Цезарем (Plut. Pomp., 48; Cato, 35; App. B. C, II. 51). Возможно, на это время приходится роман Цезаря с его женой, Лоллией.

Впрочем, не все выборы на 58 г. были успешны. Среди преторов оказались Л. Домиций Агенобарб и Г. Меммий. Меммий был трибуном 66 г., затем он выступал против Лукуллов в поддержку Помпея (Plut. Luc, 37; Cato, 23). Меммий был женат на дочери Суллы Фаусте, в 60 г. он развелся с ней и женился на Сервиллии. В конце 59 г. Домиций и Меммий выступили против Цезаря, обвинив его в действиях в период консульства и пытались опротестовать закон Ватиния (Suet. Iul., 23; 49; 73; Nero, 2). Цезарь передал дело в сенат, который не стал обсуждать вопрос, и вскоре уехал в Галлию.

Вступив в конфликт с Меммием, Цезарь приобрел новых неожиданных врагов, или, по крайней мере, критиков. Меммий был близок со знаменитым поэтом Лукрецием Каром, автором поэмы «О природе вещей» и с широко известным в будущем кругом поэтов-неотериков, в который входили Лициний Кальв, Валерий

Катулл и Гельвий Цинна. С Меммием, причиной выступления которого мог быть его брак с Сервилией, Цезарь примирился в 54 г., оказав ему поддержку на выборах. В 52 г. Меммий стал жертвой процесса. Обвинителем выступил Метелл Сципион, отец Корнелии, пятой жены Помпея, с которой Меммий пытался завести роман (Suet. Gramm. 14; App. B. C, II, 98). Из изгнания его вернул Цезарь. Г. Лициний Макр Кальв был сыном лидера популяров Лициния Макра, в 58 г. он выступил с обвинением против Ватиния (Cic. Sest., 33), но позже Цезарь наладил отношения и с ним (Suet. Iul., 73). Поэт Катулл, самый крупный из неотериков, писал стихи против Цезаря в период галльской кампании. Примирение с ним состоялось через посредство отца поэта. Гельвий Цинна был убит по ошибке, когда толпа народа пыталась расправиться с заговорщиками, убившими Цезаря в 44 г.

Еще одним важным событием были выборы в трибуны П. Клодия. Процесс 61 г. сделал его противником оптиматов, в 60 г. он решил перейти в плебеи с целью стать трибуном. Тогда это не удалось. В 59 г. Клодий был усыновлен своим другом Фонтеем, а комиции, на которых председательствовал Цезарь, утвердили этот акт (Cic. De domo suo, 13, 34-15, 39; Veil., II, 45; App. B. C, I, 14; Plut. Caes., 14). Бибул заявил протест, но ничего не смог сделать. Именно Клодию предстояло стать центральной фигурой событий 58 года.

3. Первая кампания (58 г.)

Выбор объекта наступления был ясен. После походов Помпея, Рим достиг естественных рубежей на востоке. Оставалась другая проблема, галльская.

Галльские племена занимали огромную территорию современной Франции, Бенилюкса, Швейцарии и Германии по левому берегу Рейна, а также — север Италии. Кельты принимали участие в этногенезе Италии и Подунавья. В 279–278 гг. часть галлов вторглась в Грецию и Малую Азию, где образовались государства галло-греков.

На протяжении истории Рима галлы были, быть может, самым опасным противником. В V веке до н.э. они вторглись в долину По, образовав т. наз. Цизальпийскую Галлию. Первым столкновением с Римом стало знаменитое нашествие 390 г. до н.э., после чего войны с галлами заполнили всю историю IV–II вв. до н.э. В 367 г. галлы вторглись в Лаций и потерпели поражение на р. Анио (Liv., VI, 42), в 361 г. они появились, как союзники Тибура, новая битва произошла в 358 г. (Liv., VII, 11–15). В 350–349 гг. последовало новое нашествие (Liv., VII, 23–4). На некоторое время набеги прекратились, но в 295 г. вместе с самнитами и этрусками галлы сражались в генеральном сражении при Сентине. В 285 г. началась новая война, когда в наступление перешли римляне. Армия Курия Дентата победила сенонов, на их территории появилась колония Сена Галльская, в 283–2 гг. римляне разбили бойев.

В конце III века началась новая большая война. В 226 г. союз против Рима заключили четыре племени северной Италии, бойи, инсубры, таврины и лингоны. В 225 г. консул Эмилий Пап одержал победу над объединенными силами галлов и опустошил область

боев, заставив их заключить мир. В 223 г. консул Фламиний прошел через область ценоманов и вторгся в область инсубров, разбив их у Кластидия. В 222 г. консулы М. Клавдий Марцелл и Гн. Корнелий Сципион снова атаковали инсубров. У Кластидия Марцелл разбил галлов, после чего обе армии заняли центр инсубров Медиолан. Инсубры сдались, на их территории появилась колония Кремона. Цизальпийская Галлия была покорена, но в 218 г. здесь появилась армия Ганнибала. В период Ганнибаловой войны галлы составляли немалую часть армии карфагенского полководца. При Каннах из 40 000 карфагенской пехоты 20 000 составляли галлы, они же дали половину из 10 000 всадников, в 207 г. галлы составили большую часть армии Газдрубала.

Сразу после заключения мира с карфагенянами, война с галлами возобновилась. В 200 г. инсубры атаковали Плаценцию, разграбили ее и подошли к Кремоне, но потерпели поражение. В 197 г. консул Корнелий Цетег вышел из Аримина и вторгся в страну ценоманов. При Мантуе инсубры были разбиты, в 196 г. его преемник М. Клавдий Марцелл заставил их капитулировать. На территорию Цизальпийской Галлии началась активная колонизация италиков. В 191 г. римляне разбили боев и заняли их главный город Бононию, заставив значительную часть галлов уйти на север.

Следующий этап войны пришелся на 20-е гг. II века. Военные действия начал в 125 г. консул Кв. Фульвий Флакк. В 122 г. римляне атаковали аллоброгов, большое племя между Изарой и Роной. Это вызвало столкновение римлян с двумя крупнейшими племенами южной Галлии, эдуями и арвернами. Эдуи заключили договор с Римом, а арверны двинулись на помощь аллоброгам. В 121 г. у места впадения Изары в Рону консул Кв. Фабий Максим разгромил войско арвернов и аллоброгов. Аллоброги подчинились, а после этого римляне снова разбили

арвернов. В результате этих войн область к югу от Севенн и верхнее течение Гаронны до Тулузы (Толосы) стала новой провинцией Нарбонской Галлией. Впрочем, в критический период рубежа II-I вв. опасность снова пришла с севера во время тяжелой кимврской войны 113-101 гг.

К началу кампаний Цезаря Галлия не была единой, здесь существовали многочисленные племена, находившиеся на разных стадиях развития. Сам Цезарь делит ее на три части: Аквитания (область южнее Гаронны), Бельгия (между Рейном, Сеной и Мозелем) и остальная часть, собственно Галлия (Caes. B. C, I, 1). Возможно, несколько особняком стоит область современной Бретани и Нормандии, населенная племенами венетов.

Экономически это была довольно высокоразвитая страна с населением в 5-7 млн. человек. Главным занятием было земледелие, причем, показательно, что галлы могли обеспечить себя хлебом. Существовало и развитое скотоводство. Высокого уровня достигло ремесленное производство: строительство судов, бочарное дело, техника обработки кожи, текстиля, стекла, обработки металла и изготовления оружия. Регионы Галлии отличались друг от друга. Наиболее высокой была цивилизация на юге, где явно ощущалось влияние греческого города Массилии, старого союзника Рима. Другие районы, Бельгия и северо-восток, были более отсталыми. Это видно и на примере городов: на юге Галлии появились большие города античного типа (Бибракте, Герговия, Аварик, Алезия)^{181}, у северных племен (нервии, адуатуки и др.) город еще не стал центром оседлости.

В плане социальном Галлия находилась на грани образования государственности. Цезарь подробно описывает галльское общество, правящими классами которого были друиды и всадники, «ибо простой народ

там держат на положении рабов: сам по себе он не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имеют над ними все права господ над рабами» (Caes. B. G. VI, 13). Под всадниками Цезарь понимает галльскую аристократию, составляющую конницу и имеющую слуг и клиентов. Друиды были жрецами, в ведении которых находились религия, образование и суд. Друиды имели общие собрания и выборного главу ордена (Ibid., VI, 14–15).

Общество галлов развивалось в сторону феодализации. В ряде племен были цари (*reges*), в других — вожди (*duces*), избираемые на определенный срок. В племенах типа эдуев власть находилась в руках знати, а высшим магистратом был ежегодно сменяемый вергобрет (Caes. B. G. I, 16). Основной силой таких племенных союзов была конница, более отсталые племена сохранили сильное пешее ополчение.

В политическом плане Галлия не была единым целым. Она была раздроблена на множество племен, воюющих между собой и вступающих в непрочные союзы. Перспективы объединения были, но они реализовывались уже в борьбе с Цезарем. Цезарь отмечает политическую разрабленность галлов, как характерную черту их *modus vivendi* (Caes. B. G., VI, 11). Этот фактор сыграл достаточно противоречивую роль: воевать порознь было удобнее, но покорить такую страну было сложнее, так как ее одновременно пришлось объединять. Сначала Цезарь столкнулся с раздробленной Галлией (58–56 гг.), затем пришлось иметь дело с объединенной (52 г.).

Другим противником были германские племена, жившие за Рейном, но начавшие экспансию в Галлию. Германцы стояли на более низкой стадии развития, на этапе родового строя. Их жизнь подробно описывает

Цезарь (Caes. B. C, VI, 22). Германцы, воины и охотники, кочевали и одевались в шкуры. Постоянной власти у них не было, кое-где существовал совет старейшин (Caes. B. G., VI, 23), хотя стали появляться и племенные вожди.

Итак, в 59 г. Цезарь появился в Галлии. Как правило, гальские войны изображаются как завоевательное предприятие, но обстановка в Галлии была очень серьезной. Возникла перспектива общего взрыва: взрыв социальный мог быть вызван укреплением рядовых общинников и невероятным усилением знати, взрыв национальный был связан с борьбой за власть между разными племенными союзами и усилением более отсталых воинственных племен. Усиливались германцы, гельветы, белый, венеты. Есть мнение, что Цезарь разрушил оригинальную и самобытную цивилизацию кельтов^{182}, однако эта цивилизация вполне могла рухнуть в результате вторжения германцев и «варварских» племен и нарастания социальных противоречий.

В конце 60-х гг. в южной Галлии шла борьба между эдуями и арвернами и секванами (юг района между г. Мозель и Дубис). Потерпев поражение, секваны призвали германцев. Судя по сообщению послов, Рейн перешли 15 000 варваров, видимо, наемники, после чего эдуи были разбиты. Секваны получили заложников, а эдуи обратились за помощью в Рим. Переселение германцев продолжалось, их число выросло до 120 000. Германский вождь Ариовист занял треть земли секванов, потребовав очистить еще одну треть. Возникла перспектива массового переселения (Caes. B. C, I, 31). Опасность исходила и с других сторон. В 58 г., а, возможно, и раньше, происходит консолидация союза бельгов (Caes. B. C, II, 1). Одновременно начинается переселение гельветов из районов современной Швейцарии. В 61 г. знатный гельвет Оргеториг убедил свое племя начать поход в Галлию для ее завоевания.

Подготовка шла два года, причем, общий надзор был поручен Орбеторигу. Воспользовавшись этим, Орбеториг решил захватить царскую власть над своим племенем, вступив в союз с секванским князем Кастиком и эдуем Думноригом, ставшим зятем гельветского вождя (*Ibid.*, I, 3). Все трое планировали захват власти в своих племенах и установление господства над Галлией. Гельветы Орбеторига должны были стать ударной силой в борьбе с римлянами и германцами. Замыслы Орбеторига были раскрыты. Его привлекли к суду, и он умер во время процесса. Смерть Орбеторига предотвратила опасный конфликт между его сторонниками и общиной (*Caes. B. G.*, I, 4).

Таким образом, накануне появления Цезаря в Галлии могла возникнуть крайне опасная ситуация. Социальные и политические конфликты, захваты власти могущественными аристократами, нашествия более диких племен и германцев могли создать опаснейший кризис и, возможно, подорвать развивающуюся галльскую цивилизацию. Опасность могла перекинуться и на римские провинции и особенно — Нарбонскую Галлию, а Рим мог оказаться перед угрозой вторжения, аналогичного вторжению кимвров и тевтонов. О перспективе войны с галлами Цицерон пишет еще в письме от 15 марта 60 г., сообщая о набегах гельветов на провинцию (*Cic. Att.*, I, 19). Видимо, уже во время консульства Цезарь предпринял некоторые шаги. Ариовист получил титул царя и союзника римлян, что должно было удержать галлов и помочь выиграть время перед конфликтом с германцами (*Caes.*, *B. G.*, I, 35).

План Орбеторига был реализован. Гельветы сожгли свои города и села. Цезарь пишет о 12 городах и 400 селах (*Caes. B. G.*, I, 5). Гельветы взяли провиант на 3 месяца и покинули страну. К ним присоединились более мелкие племена рауриков, тулингов, латовиков и бойев. В движение пришла огромная масса, которая могла

обрушиться на римскую провинцию. По сведениям Цезаря, сославшегося на собственные записи гельветов, среди переселенцев было 268 000 гельветов, 36 000 тулингов, 14 000 латовиков, 23 000 рауриков и 32 000 бойев. Поскольку при переселении в военных действиях участвовало практически все мужское население, Цезарь оценивал способных носить оружие в 92 000 человек (Caes. B. G., I, 29). Нашествие, видимо, мало чем уступало нашествию кимвров и тевтонов.

Перед гельветами возникла проблема проникновения в Галлию. Пути было два: через область секванов между р. Родан и Юрским хребтом, более трудный и идущий по горной дороге, и более удобный, через римскую провинцию. Подойдя к району Генавы (Женева) гельветы вступили в переговоры с аллоброгами, готовясь также и к применению силы (Ibid., I, 6). Собственно, это было началом необъявленной войны.

Цезарь прибыл в провинцию около 21 марта и быстро оказался в Генаве. По его приказу начался усиленный набор в провинции. Прибыв к Генаве, он велел разрушить мост, что и заставило гельветов вступить с ним в переговоры (Ibid., I, 7). То, что римляне не были готовы к войне, в которой их часто считают агрессорами, показывает тот факт, что в районе Генавы стоял один легион под командованием Тита Лабиена. Три легиона находились у Аквилеи и именно их подход был столь необходим Цезарю. Главным было выиграть время, и Цезарь заявил, что даст ответ к идам апреля (13 апреля). За эти две недели в рекордный срок римские войска и провинциальные ополченцы построили вал длиной в 10 миль и высотой в 16 футов (около 5 метров), идущий вдоль Роны, между озером Леман и Юрским хребтом. Когда послы снова явились к Цезарю, они получили решительный отказ, а попытки силой

форсировать Рону были отбиты. Первое нападение гельветов на провинцию удалось отразить.

При посредничестве Думнорига, секваны пропустили гельветов, последние оказались в области сантонов, и обрушились на эдуев и подвластных Риму аллоброгов, теперь угрожая провинции с незащищенной стороны. Защищаться малыми силами было невозможно, и Цезарь решил начать более крупную операцию.

Армия создавалась фактически на ходу. Передав командование лагерем Лабиену, Цезарь направился в Аквилею и взял там три легиона, присоединив к ним два легиона новобранцев. Теперь римский командующий располагал 6 легионами, т.е. 25–30 000 человек. Сломив сопротивление горных племен (центронов, грайокелов и катуригов), он достиг города Окела, а затем — области аллоброгов (Caes. B. G., I, 10). Тем временем гельветы прошли через область секванов и начали нападения на эдуев и аллоброгов, направивших к Цезарю послов о помощи (Ibid., I, 11).

Первый удар по гельветам был нанесен во время их переправы через р. Арар (Саона) на границе эдуев и секванов. Авторы не уточняют, в каком направлении шла переправа, видимо, гельветы двигались с левого на правый берег. Когда три из четырех гельветских пагов переправились через реку, римляне атаковали оставшийся четвертый. Согласно Плутарху, атакой руководил Лабиен (Plut. Caes., 18). Это был тигуринский паг, ранее нанесший поражение армии Кассия Лонгина (107 г.). Внезапная атака закончилась полным разгромом галлов (Caes. B. G., I, 12). После этого Цезарь устроил на Араре мост и перешел реку за 1 день (у гельветов это заняло 20 дней), показав свое техническое и маневренное превосходство (Ibid., I, 19). После поражения, гельветы направили к Цезарю посольство во главе с Дивиконом, требуя мест для поселения и заявляя о готовности, в противном случае, продолжать войну.

Цезарь ответил, что готов заключить мир при условии выдачи заложников и удовлетворения обид эдуев и аллоброгов. Вопрос о поселении остался без ответа (Ibid., I, 13-4).

На следующий день произошло конное сражение. 500 гельветских всадников обратили в бегство 4-тысячную римскую кавалерию, составленную из галлов. Конницей командовал Думнориг. Гельветы стали уходить вглубь Галлии, заманивая Цезаря и стараясь заставить его оторваться от провинции и р. Арар, ставшей главной артерией снабжения (Ibid., I, 15).

Начались перебои с хлебом, вызванные как весенним периодом, так и сложным положением в общине эдуев. Чтобы решить этот вопрос, Цезарь созвал старейшин племени. В числе собравшихся были Дивитиак и Лиск. Лиск был вергобретом этого года, а Дивитиак — признанным вождем проримской партии, еще в 62 или 61 гг. бывшим послом в Риме с просьбой о защите от германской угрозы. Разумеется, римский сенат, занятый кампаниями против Помпея, не обратил внимание на сгущавшиеся на севере тучи. На совещании римский командующий в резкой форме обвинил эдуев в измене и потребовал немедленного подвоза хлеба (Caes. B. G., I, 16). В ответ на это Лиск обвинил во всем Думнорига, брата Дивитиака (Ibid., I, 17). Ситуация была достаточно сложной, а расправа над Думноригом могла вызвать недовольства галлов. Цезарь предпринял тонкий ход: он вызвал Дивитиака и сообщил компрометирующую брата информацию, угрожая принять меры (Ibid., I, 17-19). Примечательно, что Цезарь выдвинул альтернативу: решение о Думнориге может принять либо он сам, либо община эдуев, перед которой он выдвинет обвинения (Ibid., I, 19). После ходатайства Дивитиака, Цезарь заявил о прощении Думнорига, тем не менее, взяв его под стражу (Ibid., I, 20). Несмотря на эти действия,

проблема продовольствия так и не была решена. Преследование продолжалось (Ibid., I, 21).

Продолжая испытывать трудности с провиантом, Цезарь свернул к городу Бибракту. Возможно, не без ведома командующего, информация попала к гельветам. Римский командующий довольно неожиданно создал видимость изменения плана, дав понять противнику, что преследование прекращается. Галлы повернули, начав преследование римлян, и, возможно, здесь мы видим особенность Цезаря-полководца. Будучи, несомненно, стратегом атакующего плана и совершая беспрецедентно дерзкие и быстрые переходы, он прекрасно умел брать паузу, отступать или выжидать. Совершая неожиданный ход, Цезарь предоставлял ответный ход противнику, заставляя его ломать первоначальные планы. Именно жертвой такого маневра оказались гельветы.

Римская армия ждала противника, готовая к сражению, а битва при Бибрacte была первой битвой данной Цезарем в Галлии. Армия стояла двумя эшелонами: в первом — 4 легиона ветеранов, а на вершине холма в резерве — 2 новых легиона. Против них построилась фаланга гельветов. Сражение началось несколько необычно: римская кавалерия атаковала галлов, когда они еще не построились (маневр, редко применяемый во времена Цезаря, но часто описываемый Ливием в войнах ранней республики). Атака была отбита, возможно, кавалерия просто отступила в полном порядке, втянув противника в бой, и фаланга (так называет ее Цезарь) гельветов пошла на римскую пехоту (Ibid., I, 24). В решительный момент битвы Цезарь велел увести своего коня и лошадей командиров, показывая, что не намерен спастись бегством ни при каких обстоятельствах (Ibid., I, 25).

Сражение началось с атаки метательными копьями, пилумами, нанеся огромный урон вражескому

строю. Удар легионеров обратил гельветов в бегство, заставив их отступать к своему лагерю, расположенному у подошвы горы. Когда армия приближалась к гельветскому лагерю, из-за горы с фланга римлян атаковали союзники врагов, тулинги и бойи. Любая армия, кроме римской, вероятно, была бы разбита, но именно здесь проявилось тактическое и организационное преимущество войск Цезаря. Полководец применил тот маневр, который использовал Сципион при Заме. Две первые линии продолжали бой с гельветами, а третья обратилась против бойев (Caes. B. G., I, 25). Цезарь пишет только о действии своих четырех старых легионов, два новых, возможно, не участвовали в сражении, а возможно, были брошены в бой в конце.

Битва длилась до вечера. Гельветы стойко сражались. Сломив их упорное сопротивление, римляне овладели лагерем и обозом. Остатки побежденных, около 100–130 000 человек, ушли с поля боя. На четвертый день они дошли до области лингонов, живших у истоков Сены, а, после трехдневного отдыха, армия Цезаря двинулась в погоню. Гельветы сдались. По приказу римского командующего, они должны были вернуться в свою страну, получив на первое время провиант от аллоброгов. Цезарь опасался, что земли займут германцы (Caes. B. G., I, 27–28).

Первая война принесла Цезарю большой успех. Это было первое боевое крещение галльской армии. Войска поверили в Цезаря и постепенно начинают закладываться основа для тех отношений с солдатами, которые поражали, восхищали, а иногда и приводили в ужас его друзей и врагов. В Галльских войнах создается одна из лучших римских армий на протяжении всей римской истории. Ее ядро возникло уже в ходе первой кампании, в которой, по всей вероятности, участвовали его лучшие легионы — 7, 8, 9, 10, 11 и 12 (Caes. B. G., II, 23). Тогда же начинают выдвигаться его генералы и

офицеры. Некоторые погибли в Галлии, другие служили ему в последующих кампаниях.

Правой рукой Цезаря с начала и до конца Галльских войн был Тит Атий Лабиен. Лабиен был сыном всадника из Цингула и примерно ровесником Цезаря, он родился в 100 г. (Cic. Rab., 14, 25), а в 78 г. познакомился с Цезарем в киликийской армии Сервилия (Plut. Caes, 3). В качестве трибуна 63 г. Лабиен был обвинителем Рабирия, а в 62 г. поддерживал Помпея. Лабиен был, несомненно, самым способным из легатов Цезаря, в 58–51 гг. он был вторым человеком в галльской армии, а в 49–45 гг. — одним из лучших военачальников помпеянцев.

Видное место в окружении Цезаря занимали сыновья Красса. Публий Лициний Красс был его квестором и, несомненно, любимцем командующего, участвуя во всех его кампаниях с 58 по 54 гг. Положение Красса было близко к положению Лабиена и позже, в «Записках», Цезарь создаст обаятельный образ молодого талантливого военачальника, у которого, несомненно, было большое будущее. После отъезда Публия и его гибели в Парфии, его место занял младший сын триумвира, Марк. Вероятно, с самого начала легатами Цезаря были Кв. Титурий Сабин, Кв. Педий и Л. Аурункулей Котта. Сабин и Котта погибли во время восстания 53 г., Квинт Педий был мужем старшей сестры Цезаря и служил ему до 45 г. По завещанию Цезаря, он был одним из наследников и умер в 43 г. во время своего консульства. П. Сульпиций Руф, женатый на родственнице Цезаря (видимо, дальней), также, вероятно, был его легатом с начала войны. Уже в 56 г. (а, возможно, и ранее) в окружении Цезаря появился молодой Д. Юний Брут Альбин, дальний родственник Марка Брута. К старшему поколению принадлежал другой легат, Сервий Гальба.

Несколько позже (по крайней мере, если судить по изложению Цезаря) среди легатов и высших офицеров

галльской армии появились Л. Мунатий Планк, М. Юний Силан, Г. Антистий Регин, Г. Каниний Ребил, Т. Секстий, М. Семпроний Рутил. Среди них были и будущие заговорщики, Г. Требоний и Л. Минуций Базил. Требоний был уже квестором. В конце войны видное место в окружении Цезаря занимал Г. Фабий. Интересно и наличие в армии Цезаря немалого числа людей, связанных с Цицероном: его легатом был брат оратора Кв. Туллий Цицерон, почитателем Цицерона был П. Красс. Среди людей, рекомендованных Цицероном Цезарю, были всадники М. Курций и Г. Требаций Теста.

Весьма интересен круг более молодых офицеров Цезаря, некоторые из них появились ближе к концу войны, а другие служили на более низших должностях (военные трибуны, контуберналы){183}. В будущем многие из них стали видными деятелями цезарианской партии. Среди молодежи было немало сыновей его противников, Кв. Гортензий Гортал, сын знаменитого оратора, сын Куриона Г. Скрибоний Курион, возможно, даже потомок Долабеллы, П. Корнелий Долабелла. На позднем этапе войны появились Г. Матий, А. Гирций и Г. Вибий Панса. Видимо, наиболее значительным представителем этой молодежи был М. Антоний, сын Антония Критского, впрочем, появившийся в армии ближе к концу войны.

Эти люди стали ядром новой элиты Цезаря, здесь были молодые аристократы, выходцы из сенатских и всаднических семей, «новые люди». Сравнительно немногие (Лабиев, Требоний, Юний Брут, Минуций Базил) предали Цезаря, большинство остались ему верны. Цезарю удалось установить чувство корпоративности не только с солдатами, но и с командирами, готовыми выполнить его приказания. Это чувство корпоративности и стало одной из причин непобедимости армии.{184}.

Война изменила и положение в Галлии. Цезарь прочно укрепился в стране, а разгром одного из самых сильных и воинственных племен внушил страх и уважение. После победы, в Бибракте собрались многие главы галльских племен, выразив свои поздравления по поводу успеха. Возможно, именно в войнах с галлами Цезарь впервые предпринял беспрецедентную политическую акцию, создав собрание галльских представителей. Некоторые исследователи полагают, что инициатива исходила от Цезаря (Caes. B. C, I, 30) [\[185\]](#), но вероятно интерес был обоюдный. Тогда же Дивитиак от имени галльских князей обратился с просьбой защитить их от Ариовиста (Caes. B. G., I, 31-32). Интересы явно совпадали. Хотя среди галлов были искренние сторонники римлян (как Дивитиак), большинство хотели столкнуть двух завоевателей. Наоборот, Цезарь получил санкцию галлов на действия против германского царя, формально также бывшего «союзником римского народа». Римское командование приняло твердое решение об изгнании германцев из Галлии, и в «Записках» Цезарь подчеркивает борьбу с ними как главную цель войны (Ibid., I, 31). Фактически он действовал не только как римский военачальник, но и как защитник и представитель союзных галлов.

Момент был крайне опасным. Ариовист ждал сильные подкрепления, только что к нему прибыло 24 000 гарудов, начавших захват земель эдуев (Ibid., I, 31). Кроме того, треверы, жившие в междуречье Рейна и Мозеля, сообщили о подходе ста пагов крупнейшего германского племени свебов. Через послов Цезарь выразил желание вступить с Ариовистом в переговоры. Ответ был вызывающим: если Цезарь хочет чего-либо от него (Ариовиста), то должен явиться к нему, хотя и неясно, какое ему дело до Галлии, которой владеет он. По сути дела, германский вождь признавал право римлян только на Нарбонскую Галлию [\[42\]](#).

Римский командующий предъявил конкретные требования: прекратить переселение германцев на левый берег, вернуть эдуям заложников и не вести военные действия (I, 35)^[43]. Ариовист снова потребовал невмешательства в его дела, отказался выдать эдуям заложников, но сказал, что не будет воевать, если эдуи будут соблюдать договор и платить дань. В ответе опять звучал вызов (I, 36).

Римская армия выступила на запад. После трех дней пути Цезарь узнал, что и Ариовист идет для захвата Вензотиона, главного города секванов, имеющего великолепную стратегическую позицию. Город был окружен р. Дубис, а узкий проход прикрыт горой. Двигаясь ускоренным маршем, Цезарь опередил противника и занял Вензотион (I, 38). Именно здесь в армии начались паника и страх перед германцами, охватившие вначале молодых офицеров, а затем и центурионов и солдат. Многие заявили, что не пойдут дальше (I, 39).

Цезарь произнес речь, заявив, что непобедимость германцев — миф и напомнив о победах Мария. Сам Ариовист хочет мира, он одолел галлов только благодаря обману, а гельветы часто побеждали этого врага. Сам Цезарь верит в победу и не понимает панику армии. Впрочем, если она откажется двигаться дальше, он выступит только с 10 легионом. Заявление было рискованным, но основывалось на хорошем знании психологии солдат. 10 легион был в восторге от заявления, остальные были ущемлены и заявили о готовности идти в бой (I, 41).

По всей вероятности, Цезарь планировал ждать врага в Вензотионе. Учитывая положение в армии и ее порыв, опасаясь, что Ариовист получит подкрепления и, вероятно, думая, что он находится ближе, римский полководец выступил против германцев. Только через неделю он узнал, что войска Ариовиста находятся в 24

милях от римлян (I, 41). Переговоры начал уже Ариовист. Спустя 5 дней, произошла личная встреча, подробно описанная Цезарем. Ариовист потребовал взять на переговоры только всадников и, не доверяя галлам, Цезарь нашел остроумный выход, посадив на коней воинов 10 легиона (I, 42).

Во время встречи Цезарь напомнил Ариовисту о данном ему титуле «друга и союзника», о союзнических отношениях Рима с эдуями и снова повторил требования (I, 43). Ответ Ариовиста был достаточно полон: он начал войну, будучи приглашен секванами, а побежденные должны платить ему дань по праву войны, тогда как власть римлян распространяется только на их Провинцию. Самым интересным был конец речи: Цезарь должен уйти, и тогда Ариовист обещает ему помощь в Галлии, доведя до конца все войны, «какие пожелает вести Цезарь». В переговорах прозвучала еще одна фраза: гибель Цезаря доставит удовольствие многим богатым и знатным римлянам, что известно ему от собственных гонцов, и его смертью Ариовист мог бы купить расположение и дружбу их всех (I, 44). Похоже, германский царь имел какую-то информацию из Рима. Вылили это общие догадки или же Ариовист имел конкретные основания, остается неясным. Фраза отражает другую реальность: Цезарь вел войну фактически не имея надежного тыла, а оптиматы в Риме зорко следили, чтобы не допустить его усиления, чего они опасались более, чем поражения римлян. Это еще трудно назвать прямой изменой, но разрыв между интересами общества и государства и интересами сенатской олигархии был налицо. Переговоры были прерваны нападением германских всадников на римский отряд. Ариовист предложил новую встречу, Цезарь отказал, но отправил к германцам послов, граждан галльского происхождения, Г. Валерия Прокилла и М. Меттия, которых царь бросил в оковы (I, 47).

По всей вероятности, Ариовист решил действовать не дожидаясь свебов, которые, впрочем, тоже не спешили на помощь. Он обошел лагерь Цезаря, отрезав его от подвоза провианта и не вступал в сражение с противником, действуя только конницей и легковооруженными. Взяв все свои войска, Цезарь обошел лагерь германцев, вызывая их на бой, а затем, под прикрытием двух линий, третья устроила новый лагерь (1,48). В последнем Цезарь оставил 2 легиона и вспомогательные войска, отведя остальные легионы в главный лагерь (1,49). На следующий день Ариовист атаковал малый лагерь, но был отброшен. Германцы оказались в окружении, хотя и продолжали тянуть время под предлогом знамений (I, 50).

На следующий день Цезарь велел вывести войска из «малого» лагеря, создавая видимость массы. Когда германцы были отвлечены этой демонстрацией, последовала атака из большого лагеря. Ариовист был вынужден вступить в сражение. Битва была упорной. Правый фланг римлян одержал победу, а левый отступал под давлением противника. Положение спас все тот же удар третьей линии, на сей раз предпринятый по инициативе Публия Красса. Германцы обратились в бегство, римляне гнали их до Рейна, и лишь немногие могли переплыть реку. Погибли две жены и дочь Ариовиста, сам германский царь спасся, но более о нем ничего не слышно. Подошедшие к Рейну свебы были вынуждены уйти, на обратном пути подвергшись нападению убиев (I. 51-53).

58 год, возможно, был самым результативным годом Галльских войн, не считая 52 г., год Галльского восстания. Цезарь отразил нашествие, по силе равное нашествию кимвров и тевтонов, сделав это с минимальными потерями. Таких побед Рим не одерживал со времен Митридатовой войны, да и там противник был, видимо, слабее. Цезарь стал хозяином

южной Галлии. Оставив легионы в области секванов под началом Лабиена, он уехал в Ближнюю Галлию, где исполнял функции гражданской власти.

4. Покорение Галлии (57-56 гг.)

В 57 г., фактически став хозяином юга Галлии, Цезарь выступил на север. Следующим объектом стал союз бельгов. Он получил известие, что бельги заключили союз против Рима, а часть галльской аристократии могла им сочувствовать. Набрав еще 2 легиона, 13 и 14, Цезарь быстрым маршем выступил против бельгов и после 15-дневного перехода подошел к р. Аксона (II, 2). Сразу же последовала удача, ремы, племя родственное бельгам и населявшее область между реками Изарой, Матроной и Аксоной, перешли на сторону римлян (II, 3). Они же дали Цезарю подробные сведения о противнике (II, 4). Эдую Дивитиаку было приказано совершить отвлекающий маневр против белловаков, самого большого бельгского племени, жившего между Секваной (Сеной) и Изарой. Сам Цезарь перешел Аксону и разбил лагерь у моста, на другой стороне реки остались 6 когорт Титурия Сабина. Туда же подошло огромное ополчение бельгов, которое Цезарь оценивает примерно в 300 тысяч человек (II, 4). Об огромной численности бельгов говорит то, что их лагерь растянулся на 8 миль (II, 7).

В этой кампании Цезарь применил свой излюбленный прием: вторгнувшись в область противника, он сделал паузу, укрепившись в лагере, избегая фронтального сражения и затягивая время. Было очевидно, что атака римской позиции невозможна, а снабжение такой массы войск из разных племен также должно было с течением времени стать неразрешимой задачей.

Белый атаковали центр ремов Бибракт, находящийся в 8 милях от лагеря римлян. Огромная масса осаждающих создала угрозу взятия города, а комендант Бибрakta Иккий послал к Цезарю с просьбой о помощи и

сообщением, что более не может держаться (II, 6). Цезарь послал на помощь нумидийских и критских стрелков и балеарских пращников (II, 7). Сняв осаду, белый выступили против лагеря Цезаря, но не решились его атаковать (II, 8-9). Часть войска галлов нашла брод, перешла Аксону и напала на лагерь Титурия, однако была отброшена подошедшей конницей (II, 10).

Вскоре произошло то, на что рассчитывал Цезарь. Белыские вожди приняли решение распустить войско с тем, чтобы племя защищалось собственными силами (II, 10), оказывая друг другу помощь. Отступление походило на бегство. Цезарь направил для преследования конницу Кв. Педия и Аврункулея Котты и три легиона Лабиена, которые нанесли бельгам большие потери (II, 11). Римляне могли громить противника по частям. Белый представляли собой конфедерацию, самыми сильными племенами которой были белловаки, суэссионы (между Аксоной и Изарой) и нервии (в области Самбры и Мозы). Севернее нервиев находились атребаты и амбианы, болота Шельды населяли морины и менапии, области между Мозой и Рейном — полугальские-полугерманские племена коалетов, велиокассов, эбуронов, кересов и пеманов (II, 4). Цезарь вторгся в область суэссионов и, опередив их ополчение, пытался взять город Новиодун, но не смог это сделать. Ночью в город вошли остатки ополчения. Потрясенные недавним разгромом и римскими осадными сооружениями, суэссионы сдались (II, 12-13). Вскоре при посредничестве Дивитиака, удалось добиться сдачи белловаков (II, 14-13). Оставались только северные белый, нервии, и здесь произошли самые драматические события кампании.

Приняв сдачу амбианов (II, 15), Цезарь выступил против нервиев. Вместе со своими союзниками, атребатами и веромандуями, нервии расположились в засаде у р. Сабис (Самбра). На помощь им двинулись адуатуки. Согласно Цезарю, войско нервиев

насчитывало 50 000 человек, веромандуи дали 10 000, атребаты — 15 000 воинов (II, 4). В другом месте Цезарь оценивает силы нервиев в 60 000. В качестве места для лагеря римляне выбрали холм на берегу реки, напротив холма на другом берегу был лес, где засело все войско нервиев.

Армия подошла к холму: впереди шли 6 старых легионов, участвовавших в прошлогодней кампании, дальше следовал обоз, а в арьергарде находились два новых легиона. Легионы начали разбивать лагерь, и в это время нервии бросились в атаку: масса галлов перешла реку и обрушилась на римлян (II, 19). Управление было дезорганизовано, Цезарь пытался организовать сопротивление, лично бросившись в гущу сражения. Это было самое тяжелое сражение этой кампании. Лишь постепенно возникла возможность организовать правильную оборону. Левый фланг (9 и 10 легионы) сбросили в реку атребатов, переправились и разгромили противника, в центре 11 и 8 легионы отбросили часть нервиев и веромандуев к реке. Самым тяжелым было положение на левом фланге римлян, где нервии теснили 7 и 12 легионы, и прорвались к лагерю, заходя в тыл противнику. Побеждавшие галлы обрушились на конницу, легковооруженных и обозную прислугу и обратили их в бегство. Возникла угроза для обоза (11, 24). Лично прибыв на свой левый фланг, Цезарь возглавил оборону, легионы остановили противника. В это время Лабиен направил на помощь левому флангу 10 легион, снова атаковала конница, стали подходить и другие части, возможно, и два свежих легиона (II, 27). Оказавшись в безвыходном положении, нервии продолжали сражаться.

Битва закончилась почти полным уничтожением нервиев: из 60 тыс. человек уцелело не более 500, а из 600 сенаторов (видимо, членов совета племени) только трое. Старики, женщины и дети, укрывшиеся на болотах,

сдались римлянам. Пораженный их мужеством, Цезарь помиловал пленных и взял их под защиту, запретив соседям чинить насилие нервиям (II, 28).

Оставался еще один противник, адуатуки. Узнав о разгроме нервиев, они вернулись обратно, укрепившись в одном из своих городов. Город был почти неприступен: его окружали скалы и обрывы, а единственный подход галлы перегородили двойной стеной (II, 29). Адуатуки считались потомками кимвров и тевтонов, оставленными ими для охраны добычи.

Римляне окружили город валом и редутами и стали подводить крытые галереи и подвижную башню. Именно башня произвела столь сильное впечатление, что адуатуки сдались. Цезарь принял капитуляцию, повелев сдать оружие. Часть его белый сумели спрятать. Осажденные открыли римлянам ворота, но вечером, видимо, опасаясь засады, Цезарь велел солдатам покинуть город. Ночью адуатуки совершили нападение на римские укрепления, но были отброшены. На следующий день в город вошли войска. По приказу Цезаря, все население (53 000 человек) было продано в рабство (II, 33). Тем временем, Публий Красс, посланный вперед с одним легионом, фактически без сопротивления подчинил все приморские племена современных Нормандии и Бретани (венеты, венеллы, осисмы, куриосолиты, эсубии, аулерки, редоны). Послов к Цезарю стали посылать даже зарейнские германцы (II, 34–35). В отличие от прошлого года, главные силы римской армии расположились вдоль течения Лигера (Луары) в областях карнунтов, андов и туронов, а сам Цезарь уже смог отправиться в Иллирик и вмешаться в дела в Италии. Весной 56 г. происходит знаменитая встреча в Луке с Помпеем и Крассом, а летом Цезарь вернулся в Галлию.

В 56 году Цезарь и его легаты начали операции на различных фронтах, завершая покорение Галлии.

Видимо, еще в конце 57 г. Сервий Гальба с 12 легионом был послан к Родану, чтобы обеспечить альпийские проходы. После удачных боев, Гальба добился подчинения горных племен нантуатов, седунов и варагров (III, 1-2) и расположился там на зиму. Восставшие варагры и седуны обрушились на римский лагерь. После долгого боя, римляне устроили вылазку, нанеся галлам поражение и заставив отступить (III, 3-6). Впрочем, и Гальба, не чувствуя себя уверенно, отступил в Провинцию, где и провел остаток зимы (Ш, 6).

Сам Цезарь должен был начать войну с венетами. Публий Красс, зимовавший в устье Луары, разослал своих офицеров к венетам, куриосолитам и эсубиям. Венеты, имевшие самый сильный флот в Галлии, задержали послов и отказались повиноваться римлянам (III, 8). Узнав об этом, Цезарь приказал Крассу строить флот. Венеты и их союзники стали закрепляться в городах, получая помощь из Британии (III, 9). Главным препятствием стала местность: бедность страны создавала проблему продовольствия, а продвижение к городам затруднялось из-за морских течений (III, 9). Восстание венетов могло расширяться.

Цезарь разделил силы. Конница Лабиена была послана в область треверов, живших возле р. Мозель, чтобы держать под контролем уже покоренных бельгов. Публий Красс с 12 когортами и кавалерией был послан в Аквитанию. Три легиона Кв. Титурия Сабина были направлены в область нижней Секваны (Сены) против союзников венетов, венеллов и куриосолитов. Главные силы Цезаря выступили против венетов, с ними шел вновь построенный флот под командованием Децима Брута.

Цезарь подробно описывает трудности войны. Войскам было трудно осаждать города, как с моря, так и с суши, из-за приливов и отливов, а флот венетов, подойдя на помощь своим, координировал действия,

увозил защитников и оказывал им помощь (III, 12). Корабли венецов, построенные из дуба и представлявшие собой мощные конструкции, были парусными и имели низкий киль, пригодный для плавания на отмели (III, 13). Римляне построили около 220 кораблей и дали морское сражение, используя в бою преимущество гребных судов. При помощи крюков они выводили из строя паруса, а затем уже немобильные суда брались на abordаж (III, 14-15). В морском сражении флот венецов был разгромлен. Все племя сдавалось римлянам (III, 15-16). Цезарь, видимо, опасаясь возможной войны с венецами, сурово расправился со сдавшимися. Сенат венецов был казнен, а остатки племени проданы в рабство (III, 16).

Одновременно Титурий Сабин вторгся в страну венеллов. Их союзники, аулерки, эбуровики и лексовии, перебили своих старейшин, бывших против войны, и соединились с венеллами, которых возглавил Вирвидовик. Сабин использовал ту же тактику, которую Цезарь применил против бельгов. Римляне расположились лагерем, не вступая в сражение, а Сабин распространил слух, что должен идти на помощь терпящему поражение Цезарю. Под давлением своего войска, Вирвидовик атаковал лагерь, но контратака Сабина закончилась разгромом галлов (III. 17-19).

Вероятно, одной из самых крупных операций было наступление Публия Красса в Аквитании. Перейдя (Гарумну), Красс вторгся в область сотиатов, разбил их в сражении и осадил их город. После неудачной вылазки, сотиаты сдались (III, 21-22). Победа римлян заставила жителей Аквитании объединиться, обратившись за помощью даже к общинам Ближней Испании, где было немало бывших воинов Сертория, и независимым кантабрам (III, 23). В новом сражении Красс снова разбил противника и занял его лагерь, после чего практически вся Аквитания подчинилась римлянам (III, 23-27).

Подчинение было во многом номинальным, окончательно страна была покорена во времена Августа.

После победы над венетами, летом 56 г. Цезарь выступил против моринов и менапиев, северных бельгских племен, живших в устье Шельды. Главной защитой этих племен были болота. Спрятавшись в них, галлы время от времени атаковали римских фуражиров. Римляне начали вырубать лес, опустошая поля и захватив часть обоза, но были вынуждены прекратить войну из-за плохой погоды (III, 28-29).

Три первые года сделали Цезаря хозяином Галлии и резко изменили его положение. Теперь Цезарь располагал огромными материальными ресурсами, контролировал большие территории, имел сильную, преданную ему армию и огромный престиж, уже равный престижу Помпея и Красса. С другой стороны, Цезарь понимал, что покорение Галлии во многом было внешним. Успех еще предстояло закрепить.

5. События в Риме. Цицерон и Клодий (58-57 гг.)

Пока Цезарь действовал в Галлии, обстановка в Риме в целом складывалась в его пользу, что обеспечивало стабильный тыл. Впрочем, постепенно оптиматы начинают восстанавливать свое положение. В 58 г. триумвиры были едины, а их сторонники заняли ключевые посты. Консулами были Пизон и Габиний. Публий Ватиний стал народным трибуном.

Главной фигурой года стал трибун П. Клодий. Используя рост оппозиционности масс, Клодий выдвинул несколько законопроектов: 1. бесплатные раздачи хлеба (Cic. pro Sest., 25, 55; Dio, 38, 13); 2. восстановление ряда запрещенных коллегий и право на создание новых (Cic. pro Sest. 15, 35; Dio, 38, 13); 3. Разрешение проводить собрания в некомициальные дни и отмена ауспиций и 4. Ограничение прав цензоров и запрет исключений из сената без согласия последнего.

Законы появились уже в январе 58 г., в феврале Клодий издал закон о лишении огня и воды лица, изгнавшего гражданина без суда и права провокации (Veil., II, 45,1; Dio, 38, 13-4). Конкретно закон был направлен против Цицерона. Во многом благодаря самому оратору, тема изгнания Цицерона занимает центральное место в наших источниках^{186}. С другой стороны, борьба вокруг Цицерона стала важной пробой сил разных политических группировок накануне решительной борьбы Цезаря и сулланских олигархов.

Клодия поддержали оба консула, Пизон и Габиний. Габиний в молодости был близок к Катилине (Cic. post red., 10ff; de domo, 62), а Пизон был двоюродным братом Цетега (Ibid). Клодий купил их поддержку, пообещав две важные провинции, Пизону-Македонию, а Габинию-

Сирию. Это устраивало и триумвиров, давая им контроль над стратегически важными провинциями.

Примечательно, что от участия в борьбе устранились и триумвиры, и оптиматы. Красс был открыто враждебен Цицерону и предложил передать дело консулам (Plut. Cic, 30; Crass, 12; Dio, 38, 17). Помпеи, на которого больше всего рассчитывал Цицерон, хранил молчание. Отношения с Цезарем также были сложными.

Хотя эти отношения никогда не отличались близостью, а в 59 г. Цицерон был противником реформ Цезаря, именно он протянул руку помощи. Еще в середине 59 г. Цезарь предложил Цицерону пост легата в Галлии (Cic. Art., II, 18-19). Это могло оказаться спасением, тем более, что легатами Цезаря были Квинт и Публий Красс, бывший страстным поклонником оратора. Как пишет Цицерон, он отказался от этого предложения как из-за неприятия законов Цезаря, так и из-за обещаний Помпея (Cic. Art., II, 19). В конце года, будучи уверен в поддержке Помпея и оптиматов, он снова не принял повторное предложение (Cic. ad Q. fr., 2, 16). Согласно Плутарху, ловкий ход предпринял и сам Клодий, пообещавший Цицерону неприкосновенность (Plut. Cic, 30).

Дальнейшие сведения расходятся. Веллей Патеркул, Дион Кассий и Плутарх сообщают о содействии Цезаря Клодию, хотя и не уточняют форму этого содействия (Veil., II, 45, 2; Plut. Cic, 30). По некоторым сообщениям Цицерона, Клодий публично утверждал на сходках, что его поддерживает Цезарь (Cic in Pis., 6, 14; Sest., 14, 33; in sen., 6, 13), хотя его же собственные суждения, что Клодий прикрывается именем наместника Галлии, представляются гораздо более справедливым (Cic de prov. cons., 18,43; 20, 47; Sest., 17, 38-18, 40). По всей вероятности, получив отказ на свои предложения и будучи занят кампанией в Галлии, Цезарь просто

устранился от этого вопроса. То же самое сделал и Помпей.

Пожалуй, более интересна явно неадекватная поддержка оптиматов. На них оратор очень надеялся. Он рассчитывал на поддержку группы преторов-оптиматов, Домиция, Меммия, Лентула Спинтера и Г. Нигидия Фигула (Cic ad Q. fr., 1, 2) и народных трибунов. Определенная поддержка была оказана: сторонники Цицерона устроили депутацию к консулам, но те их не приняли, а Клодий устроил нападения своих сторонников (Cic. pro Mil., 14, 17; Dio, 38, 1). Тем не менее, оптиматы уклонились. Сам Катон дал совет уйти в изгнание, не дожидаясь начала вооруженного конфликта (App. B. C, II, 15; Cic; Sest., 15, 36–19, 43; 24, 53; in Pis., 29, 72; Liv. Epit., 103; Plut. Cic, 32; Dio 38, 17; Cic. De domo, 18,47; 19, 50; 31, 83). Клодий официально провел закон об изгнании, имущество Цицерона было разграблено и конфисковано, дом разрушен. Клодий заявил, что построит на его месте храм Свободы (App. B. C, II, 15; Dio, 38, 17; Cic post red. 7, 18; Sest., 24, 54; de domo suo, 37, 100–102; 44, 116).

Успех Клодия был результатом особого стечения обстоятельств. Обе стороны пожертвовали Цицероном: триумвиры, потому, что он, в сущности, был в противоположном лагере, а на Клодия можно было рассчитывать, оптиматы сделали то же самое примерно по той же причине. Их главным противником был Цезарь, а появление такого лидера как Клодий, одновременно вводило массы народа в сторону и дискредитировало движение популяров. Как в свое время с Катилиной оптиматы рассчитывали (скорее косвенно, чем прямо) использовать Клодия, чтобы завести в тупик народное движение. Как показали события 52 г., кампания против дискредитировавшего себя Клодия могла перейти в фактический государственный переворот, направленный против

демократических сил. Наконец, между оптиматами и мятежным трибуном существовала возможность прямого контакта через его братьев, Аппия и Гая Клавдия Пульхров. Позже Цицерон узнал, что Аппий Клавдий Пульхр тайно помогал брату в 58 г. (Cic Sest., 77, 85; 87; 89; 126; Att., IV, 16), а Гай в то же самое время был легатом Цезаря (Cic Sest., 41). Сам Клодий достаточно искусно балансировал между различными силами.

Определенную попытку сотрудничества с Клодием предпринял даже Катон. В 58 г. по завещанию Птолемея Апиона Кипр был передан Риму. По инициативе Клодия устройство новой провинции было поручено Катону. Наши авторы, в известной мере, правы, полагая, что Клодий хотел удалить из Рима серьезного политического оппонента, а Плутарх и другие авторы видят в его действиях часть антицицероновской акции, однако, необходимо заметить, что отъезд Катона произошел после изгнания Цицерона^[44]. Несгибаемый Катон, никогда не шедший на компромиссы с триумвирами, оказался вполне способным пойти на компромисс с Клодием. Это «сотрудничество» дало свои плоды: когда позже Цицерон предложил аннулировать законы Клодия, Катон выступил против, ссылаясь на свои действия на Кипре (Plut. Cato, 40).

Впрочем, Клодий был не только независим, но и непредсказуем. Он вмешался в восточные дела и устроил побег сыну царя Тиграна, находившемуся в Риме в качестве заложника под охраной претора Л. Флавия (Cic. de domo, 25, 66; pro Mil., 6, 18; 14, 37; Dio, 38, 30; Plut. Pomp., 48) и предложил отменить восточные установления Помпея (Plut. Pomp., 48; Cic. 33). Отношения с последним накалялись, грозя перейти в открытый конфликт (App. B.C. II, 15; Plut. Pomp., 48; Cic. Sest., 32, 69), дошедший до откровенно издевательских демонстраций, которые устраивал мятежный трибун.

Происходили и прямые покушения (Plut. Pomp., 49; Dio, 38, 30; Cic. de domo, 32, 69). Однажды Клодий устроил открытое нападение на Помпея и после схватки изгнал с форума его и консула Габиния. Эти действия толкали Помпея к новому сближению с оптиматами.

10 марта 58 г. Цицерон покинул Рим, жалуясь (с полным на то основанием) на всеобщее предательство и пребывая в полнейшей депрессии^[45]. События 58 г. сделали Клодия серьезной политической силой. Т. Моммзен однозначно видит в Клодий агента Цезаря и, вместе с тем, считает его анархистом и беспринципным демагогом, сближая его образ с образом Каталины^{187}. Некоторые исследователи связывают его с Цезарем даже более решительно (П. Покок, Ж. Каркопино)^{188}. Есть мнение, что «хозяином» Клодия был Красс^{189}. Наконец, некоторой модификацией этого мнения можно считать мнение Эд. Мейера о взаимодействии триумвиров и Клодия как двух разных сил, и точку зрения М. Кэри о том, что начав как агент Цезаря, Клодий вышел из под его контроля и превратился в независимую силу^{190}.

Другая линия исследования, также отчасти намеченная Т. Моммзеном, изображает Клодия лидером городской черни, анархистом, беспринципным демагогом и политическим гангстером, а его действия — показателем упадка городской демократии^{191}. С другой стороны, С.И. Ковалев видит в нем лидера демократии и, при этом, беспринципного авантюриста, ставшего агентом Цезаря во время его отсутствия и проводившего демократические законы^{192}. По мнению Н.А. Машкина, Клодий опирался на плебейские слои города Рима, которые можно было привлечь на свою сторону только радикальными мероприятиями^{193}. Движение носило радикальный, но не демократический характер, когда плебс просто хотел улучшить свое

материальное положение за счет общества. При этом, Клодий не считал себя преданным массе руководителем, равно как не была предана ему и масса. Действия Клодия поддерживались Цезарем, но его агентом Клодий не был^{194}. Наконец, С.Л. Утченко считает очевидным демократический характер законов Клодия, видя в них продолжение традиции «великих трибунов», начиная с Гракхов. Это было последнее движение, проходящее под лозунгами и в традициях римской демократии^{195}.

Некоторые положения, вероятно, можно принять. Клодий был особенно популярен среди городского плебса, и движение носило городской характер. Это были, прежде всего, беднейшие, радикально настроенные слои, среди которых было немало рабов и либертов. Движение принимало все более агрессивный и радикальный характер. Клодий быстро сформировал вооруженные отряды, организационной базой которых стали восстановленные коллегии. Движение стало показателем вырождения демократии, и Клодий все больше и больше опирался не на плебс, а на свои вооруженные банды. Он не был агентом триумвиров или конкретно Цезаря, для этого Клодий был слишком сильной и одиозной фигурой, от которой все они предпочитали дистанцироваться. К тому же Клодий выступил и против законов Цезаря (Cic. Att. III, 18, 1), хотя главной его мишенью оставались Цицерон, Помпей и оптиматы. Наконец, долгосрочное сближение с Клодием было невозможно для кого бы то ни было по причине его непредсказуемости и неуправляемости, что было свойственно и его социальной опоре, римскому городскому плебсу^{196}.

Вероятно, именно Клодию, полностью дискредитировавшему идею демократии, оптиматы были обязаны успехом на выборах на 57 год. Консулами стали П. Корнелий Лентул Спинтер и Кв. Цецилий

Метелл Непот. Почти сразу после выборов, Лентул Спинтер выступил с предложением о возвращении Цицерона (Dio, 39, 6; Cic. Sest., 52, 69-53, 71-72). Предложение поддержали большинство преторов: Л. Цецилий Метелл, М. Калидий, М. Циспий, Г. Септимий, Кв. Валерий, С. Квинктилий и Г. Анней Корнут (Cic. post red., 22-23; Att., III, 1) и народных трибунов (Т. Анней Милон, П. Сестий, М. Циспий, Т. Фадий Галл, М. Курций, Г. Мессий и Кв. Фабриций (Cic. post red. 3, 5; 8; 19-22; Dio, 39, 6). Среди сторонников возвращения Цицерона были оптиматы, «новые люди» и даже будущие цезарианцы. Их поддержали всадники. Некоторые из сторонников возвращения перешли к активным действиям, и вероятно, центральное место среди них заняли Тит Анний Милон и П. Сестий, ранее бывший квестором в армии Г. Антония, сражавшейся под Писторией (Cic. Sest., 12).

Сторонники возвращения Цицерона стали устанавливать отношения с триумвирами, начав с Помпея. В первой половине сентября 58 г. Аттик пишет Цицерону, что М. Теренций Варрон сообщил ему о готовности знаменитого полководца помочь в деле возвращения в случае согласия на это Цезаря (Cic. Att., III, 18). Письма Цицерона, датированные октябрем-ноябрем 58 г. показывают сильный спад, депрессию и жалобы на всеобщее предательство, однако в конце ноября (29-го), восемь народных трибунов будущего, 57 г. обнародовали законопроект о возвращении оратора из ссылки (Cic. Att., III, 23) и были активно поддержаны Помпеем, который теперь принимал активное участие в борьбе за судьбу Цицерона.

Оставалось добиться поддержки еще нескольких влиятельных лиц. Цицерон очень опасался второго консула, Метелла Непота, с которым он враждовал еще с 62 г. (Cic. Att., III, 12; Dio, 39, 6). Впрочем, будучи членом клана Метеллов и лицом, близким к Помпею, Непот дал

свое согласие. Уже 10 декабря 67 г. Цицерон с радостью пишет, что Метелл прекратил с ним вражду (Cic. Att., III, 24), а 1 января 57 г. выступил в сенате, заявив, что не возражает против возвращения (Cic. pro Sest., 72; 87; post, red., 5, 9; de domo, 7, 9), за что уже в середине января удостоился благодарности Цицерона (Cic. Fam., V, 4). Вероятно, очень быстро удалось получить согласие Цезаря: единственное упоминание о переговорах с ним — это известие о поездке Сестия в Галлию (Cic. Sest., 33, 71-7). Влияние на Красса было оказано через Публия (Plut. Crass., 13). В армии Цезаря было немало людей, готовых присоединиться к этим ходатайствам.

В середине января 57 г. Лентул Спинтер и, возможно, лидер популяров, консул 65 и цензор 64 г. Л. Аврелий Котта официально сделали предложение о возвращении (Cic. Att., III, 26; post, red., 27-28; 12, 30 Sest., 34, 73-75). Клодий пытался препятствовать принятию решения в народном собрании. Ему решительно противодействовали Милон, Сестий, Фабриций и Фадий, на форуме начались вооруженные стычки, во время одной из них был ранен Сестий, а во время другой чуть не погиб Квинт Цицерон (Cic. Sest., 35, 76-36, 79; Dio, 39,9). Только организовав отряды гладиаторов, Милон и Сестий смогли дать отпор бандам Клодия.

Впрочем, подготовка решений сената и народного собрания заняли немало усилий, причем, особую роль в этом сыграл Помпей. Лишь в июле 57 года Лентул сумел провести рассмотрение вопроса о возвращении в сенате. Голосование было единогласным, 417 сенаторов высказались «за», «против» был только Публий Клодий. 4 августа 57 г. народное собрание приняло решение о возвращении Цицерона (Cic. Sest., 50, 107; 58, 123; Att., IV, 1, 4), а спустя месяц знаменитый оратор с триумфом возвратился в столицу после 15-месячного изгнания. Цицерон произнес две небольшие речи, 5 сентября он

выступил в сенате, а спустя два дня произнес речь перед народом.

«Дело Цицерона» стало центральным событием политической жизни Рима 58–57 гг. К 57 г. влияние Клодия в комициях стало падать. Напротив, оптиматы успешно начали борьбу за народное собрание, стал намечаться альянс оптиматов и Помпея, а вернувшийся Цицерон оказался важным связующим звеном.

Действие этого альянса сказалось уже в конце 57 г. В Риме обострился продовольственный кризис, вне всякого сомнения вызванный хлебным законом Клодия, начались голодные бунты (Cic. de domo, 6; 11). По инициативе Цицерона, сенат обратился к Помпею с предложением новых чрезвычайных полномочий (Cic. Att., IV, 1, 6–7; Plut. Pomp., 49–50). По закону, предложенному консулами, Лентулом Спинтером и Метеллом Непотом, Помпеи получил на 5 лет «всю власть над продовольственными делами» (*omnis potestas rei frumentarii toto orbe terrarum*-Cic. Att., IV, 1, 7). Трибун Гай Мессий предложил дать ему империй в поставляющих хлеб провинциях (*maius imperium in provinciis quam sit eorum, qui eas obtinebant*). Помпеи получил в свое подчинение 15 легатов-консуляров (Ibid.; App. B. C, II, 18) и энергичными действиями достаточно быстро исправил положение (Plut. Pomp., 50).

Цицерон и его сторонники продолжали борьбу с Клодием. 29 сентября 57 г. Цицерон поставил в коллегии понтификов вопрос о незаконности трибуната Клодия и восстановлении своего разрушенного дома. Процесс имел значение как для имущественного состояния оратора, так и для общего морально-политического состояния дел в Риме. На месте дома оратора Клодий поставил собственный дом, галерею и статую Свободы, теперь он пытался мешать ему насильственным путем. Цицерона защищали отряды Милона. Коллегия понтификов признала действия Клодия незаконными и 2

октября 57 г. решением сената Цицерон получил свой участок и компенсацию в 2 млн. сестерциев на восстановление дома. Еще 750 000 он получил для восстановления усадеб в Тускуле и Формиях, также разрушенных мятежным трибуном.

6. Лукское соглашение (56-55 гг.)

В 56 г. Цезарь впервые активно вмешался в дела в Риме. Он послал в Италию много денег, в страну хлынул поток галльского золота, военной добычи и рабов. Проконсул стал все чаще появляться в Цизальпийской Галлии и встречаться с высокопоставленными римскими политиками (App. B. C, II, 17; Plut. Pomp., 50; Dio, 39, 25-26). Могущество Цезаря достигает могущества Помпея, что, несомненно, вызвало беспокойство последнего. Усиление Помпея, а, возможно, и Цезаря, беспокоило Красса. Цезарь, в свою очередь, едва ли был удовлетворен усилением оптиматов, их сближением с Помпеем и растущими трениями между триумвирами.

Зимой 57-56 гг. возник спор из-за Египта. Еще в 59 г. Цезарь провел решение о предоставлении Птолемею XII Аулету, царю Египта, статуса «друга и союзника римского народа», а Птолемею заплатил Риму 6 000 талантов. Теперь Аулет был свергнут в результате восстания и бежал в Рим. Римский сенат принял решение о помощи своему вассалу, однако начались споры о том, кто будет это делать. Консул Лентул Спинтер, при поддержке Помпея, добивался этого назначения. Ему противодействовал Красс.

Оптиматы снова добились успеха на выборах. Консулами 56 г. стали оптимат и бывший легат Помпея в 67 г. Гн. Корнелий Лентул Марцеллин и Л. Марций Филипп, сын знаменитого лидера оптиматов и консула 91 г. Несмотря на то, что он был женат на племяннице Цезаря Атии, Филипп поддержал оптиматов. Цицерон и Милон активно действовали против Клодия. Схватки продолжались (Dio, 39, 20-21). Цицерон открыто объявил недействительными все решения Клодия в период его трибуната и, вместе с Милоном, сверг с Капитолия текст

постановления о своем изгнании (Dio, 39, 21; Plut. Cic, 34; Cato, 30). В феврале-марте 56 г. состоялись процессы. Милон и Клодий обвинили друг друга в насилии, но были оправданы. Милона защитил Помпей (Cic. ad Q. fr., II, 3). В феврале-марте 56 г. Гн. Нерий и П. Туллий Альбинован обвинили П. Сестия в организации вооруженных отрядов. Процесс был инспирирован Клодием. Сестия защищали Гортензий, Красс и Цицерон, после чего он был оправдан.

Еще более опасными для Цезаря были попытки лишить его галльского командования и аннулировать его законы. Начались дебаты по аграрному закону Юлия (Cic. ad Q. fr., I, 9, 8), а в сенате предстояло обсуждение его провинциальных полномочий. Быть может, самой серьезной опасностью было то, что в консулы на 55 г. баллотировался Домиций Агенобарб, один из лидеров оптиматов и богатейший римский олигарх, которого поддерживал муж его сестры Катон, осенью 56 г. вернувшийся с Кипра с казной Птолемея (Veil. II, 45, 5; Dio, 39, 22-23). Главным пунктом программы Домиция было лишение Цезаря провинциального командования (App. B. C, II, 17; Plut. Cato, 41; Suet. Iul., 24).

В этой ситуации Цезарь решает реанимировать триумвират. Ранней весной 56 г. в Равенне встретились Цезарь и Красс (Cic. Fam., I, 9, 9). Надо полагать, оба были недовольны действиями Помпея, особенно это касалось Красса, планировавшего аннексию Египта. Цезарь убедил своего старого соратника сохранить альянс. В апреле 56 г. к встрече присоединился Помпей. Триумвиры продемонстрировали внушительную силу. В Луку прибыли почти все магистраты и около 200 сенаторов. Союзники договорились. Было решено сделать консулами 55 г. Помпея и Красса, после чего предполагалось продлить командование Цезаря на 5 лет и предоставить аналогичные назначения Помпею и

Крассу (App. B.C. II, 17; Plut. Pomp., 51; Caes., 21; Crass, 14; Cato, 40).

В мае 56 г. сенат обсуждал вопрос о консульских провинциях. Речь шла о трех наместниках, Цезаре, Габинии и Пизоне. Полномочия Цезаря были пролонгированы (по закону срок истекал в 54 г.) и речь, видимо, шла о большем сроке (вероятно, до конца 53 г.). Пизон должен был быть смещен до конца года, а Габинии оставался в Сирии до 54 г., когда его должен был сменить Красс. Во время дискуссии, Цицерон произнес речь «О консульских провинциях», в которой обрушился на Пизона и Габинию и, наоборот, восхвалял Цезаря, произнеся панегирик его галльской кампании (Cic. de prov. cons., 13, 32–16, 39).

Предвыборная борьба была острой. Цезарь направил в город солдат во главе с Публием Крассом для участия в голосовании (Suet. Iul., 24). Домиций и Катон оказали яростное сопротивление, и выборы состоялись только в феврале (App. B. C, II, 17–18; Plut. Pomp., 52; Crass, 15; Cato, 41; Dio, 39, 27–30). Консулами стали Помпей и Красс, другим поражением оптиматов был провал Катона на преторских выборах и победа цезарианца Публия Ватиния (Liv. Epit., 105; Plut. Pomp., 52; Dio, 39, 32). Ватиний был одним из старых соратников Цезаря, квестором 63 г. и народным трибуном 59 г. В 59 г. он активно поддержал Цезаря и был инициатором закона о его галльском наместничестве. Став легатом проконсула Галлии, он был направлен им в Рим. В 58 г. Ватиний помогал Клодию и выступал против Цицерона, а в 56 г. действовал против Сестия (Cic. Sest., 133).

55 год был небогат событиями. Триумвиры снова уверенно контролировали ситуацию. Оппозиции практически не было. По закону Требония, Помпей получил в управление три испанские провинции (Ближняя Испания, Дальняя Испания и Лузитания) сроком на 5 лет, а Красс-Сирию также на 5 лет с правом

воевать с парфянами (Liv. Epit., 105; Veil., II, 46; Flor, IV, 2,12 — неверно указано 10 лет; App. B. C, II, 18; Plut. Pomp., 52; Caes., 28; Cato, 42 — упоминается наместничество в Египте; Dio, 38, 33). По закону Лициния-Помпея, внесенному самими консулами, полномочия Цезаря также продлевались на 5 лет (Veil., II, 40; Flor, II, 2,12; Plut. Pomp., 52; Caes., 28; Crass, 15; Cato, 43; Dio, 39, 33–36). Сопротивление оказали Катон, Фавоний и два трибуна (Dio, 39, 33; Plut. Cato, 43) Помпеи устраивал пышные зрелища. В том же году началось строительство театра, известного как театр Помпея (Dio, 39, 38).

События 55 г. стали важным этапом в развитии триумvirата. Лукское соглашение институционализировало их статус. В руках триумvirов находились три больших провинциальных блока, Испания, Галлия и Сирия. Это была примерно половина римской державы, но в распоряжении триумvirов находились практически все вооруженные силы республики: от 8 до 11 легионов Цезаря в Галлии, 8 легионов Красса в Сирии и 6–8 легионов в Испании. Триумvиры взяли провинции на длительный срок и контролировали все угрожаемые границы. Что касается Помпея, то он управлял провинциями через легатов, оставаясь в Риме и еще сохраняя полномочия по снабжению хлебом. Лукский раздел стал прообразом II триумvirата и провинциальной системы Августа. Возможно, особенностью ситуации было и то, что все три участника были озабочены не только общим положением, но и внутренним, равновесием.

Итог последнего пятилетия (60–55 гг.) был для Цезаря ошеломляющим. После долгой борьбы он, наконец, добился высших постов в римской иерархии, а консульство стало фактическим приходом к власти и созданием мощной партии в сенате. За три последующих года его армия покорила Галлию и была

готова наступать дальше. Восстановив триумвират, он, казалось бы очутился на вершине могущества. Вместе с тем, победа была кажущейся. Галльская знать из крупнейших племен этой страны, внешне поддержавшая Цезаря, на самом деле, была готова нанести удар в спину. Второй удар готовился в Риме. Если на первом этапе Цезарь, подобно Ганнибалу, мог жаловаться на явно недостаточную помощь, которую оказывали ему римские власти, то теперь последние готовились к гражданской войне, начав делать это как раз в тот момент, когда истекающая кровью галльская армия римлян сражалась с галльским ополчением Верцингеторикса. Рим становился все более враждебен и предпочитал победу галлов победе Цезаря. Несомненно, Цезарь должен был это понимать, и одной из его задач было не допустить, чтобы эти удары совпали по времени.

**Глава VI.
ПОКОРИТЕЛЬ ГАЛЛИИ
(55-50 гг.)**

1. Германия и Британия (55-54 гг.)

После покорения Галлии, объектом экспансии становились Германия и Британия. Впрочем, начало 55 г. в Галлии, ознаменовалось весьма тревожными событиями. Под давлением свебов, на левый берег Рейна перешли два терманских племени, узипеты и тенктеры. Переход произошел в области впадения в Рейн рек Рура и Лупии и создал угрозу для областей бельгов, которые Цезарь мог считать не вполне надежными. Впрочем, местные менапии бежали, сообщив обо всем римлянам (Caes. B. G., IV, 1-4)^[46]. Германцы расширяли свои владения и область набегов, добиваясь покорности от галльских племен. Собрав галльских князей (видимо, из ближайших районов), Цезарь сообщил им о нападении германцев, потребовал конницу и заявил о своем намерении начать военные действия (IV, 6-7).

Вся армия Цезаря, 8 легионов и 5 000 конницы, выступила против германцев. Находясь в нескольких днях пути, он встретил их послов, требующих выделить земли на левом берегу Рейна (IV, 7). Римский командующий сделал им встречное предложение — поселиться в области враждебных свебам убиев (IV, 8). Германцы попросили три дня на размышление, обратившись с просьбой не двигаться дальше, на что Цезарь ответил отказом, понимая, что германцы ждут отосланные ранее конные отряды (IV, 9). Переговоры продолжались, в их разгар произошло конное сражение, когда отряд из 800 германцев напал на пятитысячную кавалерию римлян (точнее — галлов) и нанес ей поражение (IV, 12). На следующий день в лагерь Цезаря явились германские старейшины, возможно, ничего не знавшие о конном сражении (IV, 13).

Цезарь с армией прошел 8 миль и обрушился на лагерь узипетов и тенктеров. После незначительного сопротивления, оба германских племени были практически уничтожены. Плутарх пишет об уничтожении 400 тыс. германцев (Plut. Caes., 22). Остатки были отпущены на свободу (IV, 14–15). Второе и последнее наступление германцев было отбито, и с тех пор вплоть до времени Августа крупные вторжения германцев в Галлию прекратились.

После этой победы Цезарь решил произвести военную демонстрацию на правом берегу Рейна. Кроме общей демонстрации силы и удержания германцев от новых переходов границы, имелись и конкретные причины. Убии, одно из наиболее цивилизованных племен Прирейнской Галлии, просили его помочь защититься от нападений свебов. Наконец, конница узипетов и тенктеров ушла за Рейн, найдя убежище у сугамбров. На требование Цезаря о выдаче всадников сугамбры ответили отказом.

Переправа осуществлялась по мосту, подробно описанному Цезарем и ставшему шедевром римской военно-инженерной техники (IV, 17). Переправив армию и оставив охрану моста, он выступил в область сугамбров. Некоторые племена отправили к нему послов, однако сугамбры собрали свое имущество и укрылись в лесах (IV, 18). Уничтожив их поселения, Цезарь вернулся в область убиев, от которых узнал, что свебы также удалились в центр своих владений, готовясь к сражению. Цезарь принял решение вернуться на левый берег (IV, 19). Римская армия пробыла в Германии 18 дней. Цель демонстрации была достигнута, германцы более не переходили Рейн большими массами. Разведка показала и трудности борьбы с варварами, защитой которым служили большие леса.

Весьма показательно для ситуации в Риме обсуждение вопроса о благодарственных молебствиях.

Хотя молебствия (как и ранее) были установлены, Катон открыто предложил выдать Цезаря германцам «за нападение во время перемирия», а другие оптиматы требовали его смещения (Plut. Caes., 51).

Осенью 55 г. Цезарь предпринял поход в Британию. Кампания требовала очень трудной переправы через Ла-Манш и большого флота. Несколько труднее сказать о причинах экспедиции. Цезарь объясняет это тем, что британцы помогали континентальным галлам, прежде всего — венетам (IV, 20). Определенную роль сыграла страсть к географическим открытиям. Светоний прямо указывает, что Цезарь, кстати, любивший и ценивший драгоценные камни, хотел найти на острове жемчуг и янтарь (Suet. Iul., 25). Вообще у римлян явно было преувеличенное мнение о невероятных богатствах острова.

Поход предполагался как стратегическая разведка. Ему предшествовала разведка более конкретная. Выяснилось, что галлы знают довольно мало, определенные сведения были получены только от купцов (IV, 20). Для обследования побережья был послан Г. Волусен Квадрат. Британские общины стали присылать послов и заложников. В качестве посла был отправлен один из галльских вождей, атребат Коммий (IV, 21).

Цезарь перевел войска в область моринов, выразивших желание подчиниться римлянам (IV, 22). С двумя легионами и конницей на 98 кораблях Цезарь отплыл в Британию, оставив войска под командованием Кв. Титурия Сабина, Л. Аврункулея Котты и П. Сульпиция Руфа (IV, 23). Плавание было достаточно быстрым, но на берегу римлян ждало ополчение бриттов. Через некоторое время Цезарь нашел место для высадки (IV, 23). Уже при высадке римлян атаковали конница и боевые колесницы бриттов, род войск, с которым римляне всерьез столкнулись только здесь (IV, 24).

Британцы отбивались на берегу и отмелях. Цезарь провел уникальное комбинированное сражение. Длинные военные корабли выстроились в линию и обстреливали противника стрелами и метательными снарядами, а подкрепления высадившимся войскам доставлялись на лодках и челноках. Римляне обратили врага в бегство, но не могли преследовать из-за нехватки конницы (IV, 25–26). После сражения прибрежные племена послали к Цезарю послов и номинально подчинились римлянам (IV, 27).

Как и во многих районах Галлии, Цезарь воевал с природными условиями.

В новолуние случилась сильная буря, уничтожившая много кораблей, другие были повреждены. Возникла перспектива надолго остаться на острове. Из-за шторма корабли с конницей вернулись на континент (IV, 28–29). Когда Цезарь послал 7 легион за продовольствием, последний был атакован и только подход нескольких когорт Цезаря позволил римлянам отступить в лагерь (IV, 32–33). Через несколько дней британцы атаковали римский лагерь. Атака была отбита (IV, 34–35), после чего к Цезарю прибыли послы с просьбой о мире (IV, 36). Не желая испытывать судьбу, Цезарь велел им доставить заложников в Галлию и покинул Британию, вскоре благополучно достигнув галльского побережья (IV, 36). Часть солдат была атакована мори́нами, но подошедшая конница обратила противника в бегство (IV, 37). Завершением этого похода было подчинение мори́нов и менапиев. Два легиона Лабиена разгромили мори́нов, другая группировка под командованием Титурия Сабина и Котты подчинила менапиев (IV, 38). Как оказалось позже, заложников прислали только две британские общины.

Первая экспедиция была крупной стратегической разведкой, но она произвела сильный резонанс в Риме, на что, вероятно, рассчитывал Цезарь. Сенат назначил

20-дневное молебствие (IV, 38), большее, чем после других побед. Британская кампания оказалась блестящей «пиар-акцией». Причиной, вероятно, было то, что Британия была terra incognita, и Плутарх пишет, что многие в Риме считали ее очень богатым и огромным островом, а другие, напротив, сомневались в ее существовании (Plut. Caes., 23). Кроме того, римляне впервые совершили плавание через Ла-Манш, считавшийся частью Атлантического Океана, а древние отличали плавание в Атлантике от плавания в Средиземном море.

В 54 г. Цезарь решил предпринять более крупное вторжение. Легаты получили приказ строить флот. Тем временем, Цезарь отправился в Иллирию, получив известия о набегах пирустов. Впрочем, после его прибытия, пирусты сдались, дали заложников и согласились возместить убытки (V, 1).

Накануне большого похода, Цезарь решил подавить оставшиеся в Галлии очаги сопротивления. С 4 легионами и 800 всадников он выступил в область треверов, племени, жившего между Рейном и Мозелем и проводившего достаточно независимую политику. У треверов шла борьба за власть между Индутиомаром и Цингеторигом. Последний подчинился римлянам, Индутиомар пытался организовать сопротивление, но вынужден сдаться и был взят Цезарем в качестве заложника вместе с 200 человек, среди которых были его родственники (V, 2-4).

Цезарь прибыл в Итий, назначенный местом сбора армии и флота. Римляне построили около 600 грузовых кораблей и 28 военных судов (V, 2). Сюда же прибыли 8 легионов и 4 000 гальской кавалерии, а также — князя всех галльских племен (V, 5). Большинство старейшин, особенно ненадежные, должны были следовать в Британию. Возможно, впервые Цезарь столкнулся с сопротивлением собственно гальской знати. Ее

организатором выступил уже известный по событиям 58 г. эдуй Думнориг, брат Дивитиака. Цезарь потребовал, чтобы Думнориг отправился с ним в Британию. Тот пытался бежать, Цезарь послал в погоню отряд конницы с приказом вернуть беглеца, а, в случае отказа, применить силу. В схватке с римской кавалерией мятежный аристократ погиб (V, 6-7).

Цезарь разделил армию. В Галлии остался Лабие с 3 легионами и 200 всадников, а сам командующий с 5 легионами и сильной конницей отплыл в Британию. В полночь флот вышел из Ития и уже в 12 часов следующего дня подошел к острову. Плавание и высадка прошли благополучно, испугавшись римской армады, бритты отступили вглубь страны (V, 8-9). Оставив на берегу 10 когорт и 300 всадников, во главе с Кв. Атрием, Цезарь двинулся вглубь материка. Пройдя 12 миль, он наткнулся на засаду британцев. Одержав победу, римляне пытались преследовать противника, но Цезарь получил известия от Атрия о сильной буре и вернулся в лагерь (V, 9-10).

Проведя ремонт кораблей и укрепив лагерь, он снова вернулся к продолжению похода. Впрочем, как выяснилось, к войне подготовились и британцы. Племена южной Британии объединились, а командование было передано одному из вождей, Кассивелауну, владения которого находились за Темзой (Тамесис) (V, II). Кассивеллаун вел партизанскую войну, постоянно атакуя римлян конницей и колесницами, нападая на караульные посты и пытаясь заманить в ловушку отдельные отряды (V, 15-16). Осмелев, британцы попытались дать более крупное сражение и атаковать посланные вперед три легиона Требония, но потерпели поражение (V, 17). Римляне форсировали Тамесис и вторглись в страну Кассивеллауна (V, 18), продолжавшего партизанскую войну, главной силой которой были 4 000 колесниц, постоянно атаковавшие

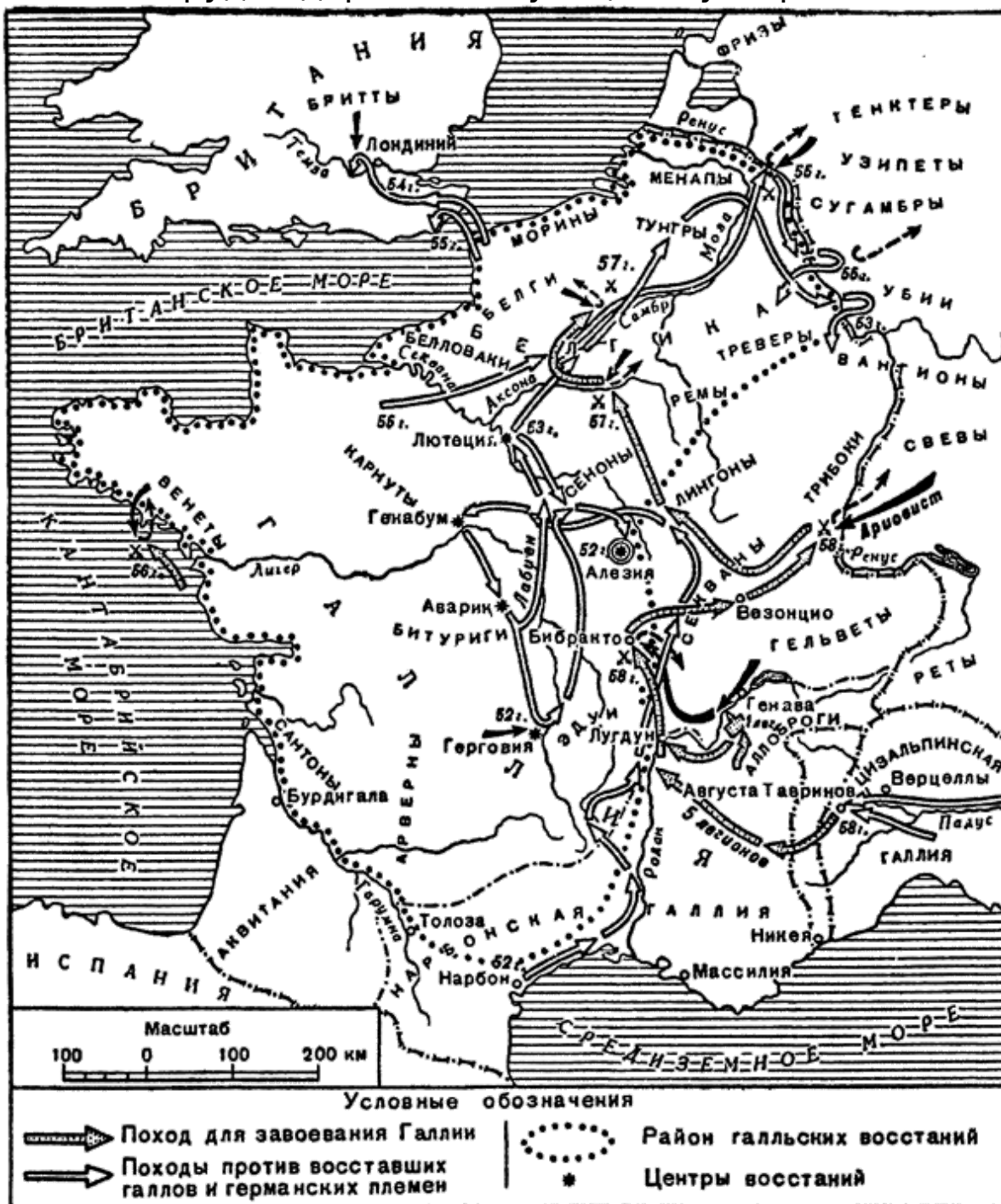
римлян. Население и скот сгонялись в леса, война затягивалась (V, 19). Теперь Цезарь перешел к использованию политических методов.

Еще в Галлии к Цезарю прибыл Мандубракий, сын царя племени тринобантов, убитого Кассивеллауном. Подойдя к их владениям, Цезарь послал Мандубракия к его племени, сделав его их вождем (V, 20). В лице Мандубракия появился угодный Риму правитель. За тринобантами последовали племена кеномагнов, сегонтиаков, анакалитов, биброков и кассов. Теперь Цезарь атаковал укрепленный центр Кассивеллауна, который он сам называет «городом», и захватил его (V, 21). Союзники Кассивеллауна, правители приморского города Кантия, напали на римский лагерь и корабли, но были отброшены. Терпя поражение, Кассивеллаун сдался. Цезарь установил дань, которую должны были платить британцы, и запретил Кассивеллауну вредить Мандубракию и тринобантам (V, 23).

Из-за нехватки кораблей пришлось переправлять армию в два приема. Первое плавание прошло успешно, но на обратном пути многие корабли отнесло бурей обратно. Отклонились от курса и 60 кораблей, посланные Лабиеном. Тогда Цезарь велел погрузить на имеющиеся корабли большее число воинов и достиг Галлии. Британская экспедиция закончилась (V, 23).

Британскую экспедицию часто считают неудачей^{197}. Римляне не покорили остров и вывели оттуда войска. Впрочем, это не совсем так. Номинально Британия была подчинена, первый шаг был сделан, были найдены и силы, которые могли сотрудничать с римлянами. Не исключено, что Цезарь мог бы продолжить действия в Британии, но события в Галлии, а затем — в Риме надолго отложили эти планы. Во многом это было вызвано реальной ситуацией: Британия оказалась беднее, чем думали римляне (Plut. Caes., 23), что могло вызвать и разочарование. Переправа

требовала больших материальных затрат на строительство флота, из-за нехватки продовольствия там было трудно держать оккупационную армию.

Планы были надолго отложены, но не оставлены. В принципе, римляне не оставляли их и приняли как программу [\[198\]](#). [\[47\]](#) Август дважды планировал поход в

Британию (Dio, 60, 19; Tac. Ann. 13), Тиберий отложил эти планы. Идею возродил Калигула^{199}, но реализация плана приходится на правление Клавдия. В 43 г. н.э. римские войска высадились на острове и на сей раз — надолго. Южная Британия фактически объединилась, племена стояли на более высоком уровне развития. Британские войны затянулись. В 43–47 гг. римляне подчинили Южную Британию, в 49–50 гг. завоевали силуров, продолжив движение на север. В 61 г. произошло крупнейшее в истории Британии восстание Боудикки. На острове постоянно находились три легиона и большое число вспомогательных войск. Только к 80-м гг. I в. н.э. римляне подчинили большую часть Британии. Впрочем, север острова, Каледония, не был подчинен до конца истории Римской Империи, а войны шли во 2–4 вв. н.э.

2. Кризис (54-53 гг.)

С 54 г. начинается серия неудач, происходит ослабление политических позиций Цезаря, распад триумvirата, ухудшение положения в Галлии и других частях Империи, усиление оптиматов. В 54-53 гг. Цезарь теряет многие позиции, приобретенные в предыдущее время. Наконец, это было время личной трагедии.

В конце августа или в сентябре 54 г. умирает его дочь Юлия. Согласно Плутарху, во время выборов эдилов произошла схватка и Помпей велел отнести домой свою окровавленную тогу. У Юлии, которая тогда ждала ребенка, от волнения начались преждевременные роды, от которых она умерла. Через несколько дней умер и ребенок (видимо, мальчик) (Plut. Pomp., 53; Caes., 23; Suet. Iul., 26). Цезарь узнал об этом по возвращении из Британии. Плутарх сообщает, что из уважения и почтения к Помпею, а еще больше — к Цезарю, Юлия (несмотря на протесты оптиматов) была погребена на Марсовом поле (Plut. Caes., 23). Примерно в это время умерла и мать Цезаря, Аврелия. Теперь он лишился двух ближайших к нему людей. Возможно, именно тогда у него начались приступы эпилепсии.

Смерть дочери была не только личной трагедией. До этого времени несмотря на все разногласия, союз с Помпеем казался нерушимым. Дочь Цезаря была, видимо, и его важным политическим союзником, смягчающим противоречия с мужем. Брак с Помпеем, согласно источникам, был очень прочен и, несмотря на разницу в возрасте, супруги любили друг друга (Plut. Pomp., 4; 53).

Цезарь объявил Помпея своим наследником (Gell., IV, 105). Отношения по инерции сохранялись в 54 и 53 гг., но постепенно наступало отдаление и соперничество. О

том, сколь большое значение придавал Цезарь родству с Помпеем, показывает его новый проект, когда Цезарь предложил ему в жены внучку сестры Октавию, а сам хотел жениться на дочери Помпея и Муции (Suet. Iul., 27). План полностью сорвался.

Впервые после 59 г. оптиматы взяли реванш, видимо, ставший реакцией на консульство Красса и Помпея. Консулами 54 г. стали Домиций Агенобарб, продолжавший (хотя и без особого успеха) попытки лишить Цезаря наместничества в Галлии и Анн. Клавдий Пульхр, оптимат и брат Клодия. Катон стал претором (Plut. Cato, 44; 50). Равновесие в сенате начинает нарушаться в пользу оптиматов.

Последнее отразилось и на характере выборов. В июле 54 г. началась новая предвыборная кампания. В консулы баллотировались Гн. Домиций Кальвин и Г. Меммий, ранее бывшие противниками Цезаря. В 59 г. Домиций Кальвин был народным трибуном и вместе с Кв. Анхарием и Г. Фаннием оказывал поддержку Бибулу (Cic. Sest., 114), в 56 г. при поддержке оптиматов он стал претором, а с 54 г. начал постепенно сближаться с Цезарем. Меммий стал пользоваться поддержкой проконсула Галлии уже в 54 г. (Cic. Att., IV, 15, 7; 16, 6; Suet. Iul., 73). Выборы были трудными, а соперники, М. Эмилий Скавр и М. Валерий Мессала, обвинили победителей в подкупе избирателей.

Другим важным событием стал процесс Габиния. В 55 г. он восстановил на престоле Птолемея Аулета, а в 54 г. начался большой судебный процесс. Габиния обвинили в самовольных действиях, вымогательствах в провинции и подкупе избирателей. Одним из инициаторов процесса был консул 54 г. Анн. Клавдий Пульхр (Cic. ad Q. fr., III, 1, 4; At IV, 17-18; Dio, 39, 55-63). Несмотря на поддержку Помпея и Цицерона, Габиний ушел в изгнание.

Коррупция, анархия и нескончаемая борьба Милона и Клодия парализовали нормальную жизнь в Риме, подталкивая все более широкие слои населения к идее диктатуры. На роль диктатора все больше претендует Помпей, увидевший возможность реставрации своего «принципата» (App. B. C, II, 19; Cic. ad Q. fr., III, 6; Plut. Rompr., 54). К этой мысли, хотя не очень охотно, стали подходить оптиматы, рассчитывая столкнуть Помпея и Цезаря.

Другая трагедия разыгрывалась на противоположном конце державы, в Сирии и Месопотамии. После походов Помпея, римляне вышли к границам своего самого сильного восточного соседа и соперника, Парфии, Парфянское царство отложилось от империи Селевидов еще в середине 3 в. до н.э., его ядром были горы Копет-Даг и долины юго-западной Туркмении и северо-восточного Ирана. Превращение относительно небольшого царства Аршакидов в мировую державу, Великую Парфию, приходится на время правления Митридата I (171–138 гг.), подчинившего большую часть Ирана и Месопотамии. Селевкиды, разгромленные Римом в Сирийской войне (191–188 гг.) отступали под натиском парфян. В 129 г. сын Митридата I Фраат II (138–128 гг.) нанес поражение Антиоху VII Сидету, окончательно отвоевав у Селевкидов Месопотамию.

Парфянская экспансия на запад на время остановилась. С востока держава Аршакидов подверглась вторжению кочевников. Античные авторы именуют их тохарами, китайские — да-юэчжи. В борьбе с ними погибли Фраат II и Артабан (128/7–ок. 123 гг.). Восстановить положение смог только Митридат II (ок. 123–88 гг.), сумевший отразить кочевников и восстановить Парфянское царство^{200}.

По своему типу Парфия была полуфеодальным государством. Парфянская знать имела огромные домены в Иране, где работали зависимые люди. Более

развитая городская жизнь была в Месопотамии, где выделялись города с греческим населением, прежде всего — Селевкия^{201}.

Внутреннее устройство Парфии не совсем ясно. Похоже, что это был конгломерат царств под властью верховного сюзерена, «царя царей». Царь принадлежал к династии Аршакидов, но его выбирали семь знатнейших родов (Сурены, Карены, Михраны и др.), каждый из которых имел свое войско. Плиний писал, что парфяне владеют 18 царствами. В этот конгломерат входили Мидия Атропатена, Адиабена, Софена и др. Армения, видимо, самое крупное из независимых царств, управлялось боковой ветвью Аршакидов. Парфянская знать и должностные лица представляют собой достаточно сложную смесь персидской (питиахш, нахвадар, ноходар), восточной (дизпат, вазург) и греческой (архос, акрапат) номенклатуры^{202}.

Парфия имела сильное войско. Основу его составляли тяжеловооруженные всадники-катафракты, закованные в броню на манер западноевропейских рыцарей и вооруженные тяжелыми пиками. Катафрактов сопровождало множество конных лучников. Пехота была довольно слабой, парфяне почти не умели брать крепости.

Недооценка сил Парфии была просчетом римской политики. Первый контакт с парфянами пришелся на 92 г., время пропретуры Суллы, когда к наместнику Киликии прибыли парфянские послы с предложением «союза и дружбы» (Plut. Sulla, 5). Инициатива исходила от парфян (Liv. Epit., 10; Veil., II, 24, 3; Fest. Brev, 15). Сулла принял их как вассалов, посадив парфянского посла Оробаза наравне с послом каппадокийского царя Ариобарзана. Недовольство переговорами отразилось в том, что Митридат II казнил своего посла^{203}.

Новый контакт пришелся на 60-е гг. В 69 г. Митридат и Тигран обратились к парфянскому царю Фраату III с

просьбой о помощи, но Фраат начал переговоры с Лукуллом (Plut. Luc, 31), одновременно продолжая контакты с Митридатом и Тиграном. Лукулл даже хотел воевать с парфянами, но встретил отказ солдат. В 65 г. Фраат был союзником Помпея в войне с Арменией (Dio, 36, 45), но затем Помпеи изгнал парфян из Горд иены (Plut. Pomp., 36–37). Вскоре парфяне заняли ее снова, а в 64 г. послы Фраата и Тиграна явились к Помпею (Dio, 37, 56), который решил вопрос в пользу Армении.

В 58 г. царь Фраат был убит двумя своими сыновьями, Митридатом и Ородом. В 56 г. умер царь Армении Тигран II Великий, его преемником стал его сын Артавазд (55–34 гг.). Новый царь Парфии Митридат III (58–55 гг.) объявил войну Артавазду. Габиний, бывший тогда наместником Сирии, двинул войска за Евфрат, но получил приказ восстановить Птолемея XII на египетском престоле. Против Митридата началось восстание во главе с Ородом и Суреной, ставшим его «великим визирем». Митридат был свергнут и бежал к римлянам. Габиний убедил его начать войну, царь взял Селевкию и Вавилон, но потерпел поражение, оказавшись без помощи римлян. Сурена отбил города, Митридат попал в плен и был убит по приказу Орода. Началось правление Орода II (58–39 гг. до н.э.). Из-за внутренних конфликтов, римляне упустили благоприятный момент^{204}.

В 54 г. Красс, собрав 7 легионов и 4 000 всадников, двинулся в Сирию. Как и Цезарь, он был, в общем, предоставлен сам себе и брошен правительством, в котором доминировали оптиматы, более того, в Риме была развернута кампания против похода (Plut. Crass, 16; App. B. C, II, 66). Трибун Атей Капитон даже совершил публичное заклятие. Помпеи, к которому обратился Красс, устался. Реальную помощь оказал только Цезарь, пославший на помощь Публия Красса с сильным контингентом галльской и германской кавалерии и

легковооруженных (Plut. Crass, 26–27). В 54 г. римляне предприняли разведку, перешли Евфрат, разбили парфянского сатрапа и заняли ряд городов.

Готовясь к основному походу, Красс совершил ряд ошибок. Он отказался от более безопасного пути через Армению, где правил его союзник Артавазд. Кроме того, своими хищениями и грабежами он восстановил против Рима иудеев (Jos. Ant., XIV, 7. 2). Более того, из двух *путей* в Месопотамию он избрал не тот, который вел через города, но прямой путь через пустыню. Парфянская конница уходила, заманивая римлян вглубь страны. Одной из причин решения Красса был совет арабского князя Абгара, правившего в области от Эдессы до Карр^[48].

Парфяне разделили силы: пехота во главе с царем Ородом вторглась в Армению, а против римлян бросили конницу Сурены. Артавазд не смог поставить Крассу 10 000 всадников, которых он обещал. У города Карры (Харран) парфяне встретили армию римлян. Легкая конница построилась полукольцом, обстреливая римскую пехоту из луков, а контратаки римлян отражались тяжелой кавалерией. Чтобы избежать окружения, Красс бросил в атаку 6-тысячный отряд Публия. Галльская конница совершала чудеса храбрости, но оказалась бессильной против катафрактов. Отряд Публия был окружен и перебит, сам Красс-младший отказался бежать и велел щитоносцу заколоть его. После победы, парфяне снова обрушились на римскую армию, однако, гибель отряда Публия вероятно, спасла остальных. Парфяне не успели разбить ее до окончания дня, и ночью римляне начали отступать. Приказ был отдан даже не самим Крассом, обезумевшим от горя, а его военачальниками, квестором Гаем Кассием Лонгином и Октавием. Бросив 4 000 раненых, римляне дошли до Карр, где их приняли местные жители. Остатки армии разделились: силы Кассия ушли в Сирию,

Октавий с 5-тысячным отрядом добрался до крепости Синнак. Парфяне вступили в переговоры, во время которых были убиты Красс и Октавий, остатки римской армии сдались или разбежались. Из 40-тысячного войска уцелело не более четверти. Тем временем Ород победил Артавазда. Царь праздновал свадьбу своего сына Пакора с дочерью армянского царя. Голова Красса, посланная Ороду Суреной, была брошена на сцену в тот самый момент, когда оба правителя смотрели представление «Вакханок» Еврипида.

Поражение и гибель Красса имели далеко идущие последствия. Рим получил серьезного противника на востоке, самого сильного из всех, которые были ранее. Парфянская тактика, основанная на действиях кавалерии, противостояла тактике римлян, использующей линейную пехоту. В 52-53 гг. парфяне вторглись в Сирию, но были отброшены Кассием. Начались восстания в Иудее, жестоко подавленные римским полководцем, помощь которому оказал Антипатр (Jos. Ant., XIV, 7, 3). Более сильное вторжение в Сирию произошло в 51 г. Парфяне пытались захватить Антиохию, но снова были отброшены Кассием. Кассия сменил Бибул, впрочем, не сумевший добиться успеха. Римлян спасло то, что в 50 г. руководивший вторжением Пакор восстал против собственного отца.

Еще серьезнее были внутривосточные последствия. Триумvirат распался, а Цезарь лишился своего самого надежного и сильного союзника. Равновесие существенно изменилось в сторону оптиматов, постепенно создававших альянс с Помпеем. Именно после 53 г. оптиматы и помпеянцы взяли курс на захват власти, начав разыгрывать против Цезаря силовую вариант. Кризис в Риме развивался параллельно кризису в Галлии, и Цезарь оказывался зажатым между мощным антиримским восстанием в Галлии и наступающей диктатурой оптиматов и Помпея в Риме.

События 53-49 гг. стали, быть может, самым критическим периодом его политической биографии.

3. Амбиорикс^[49]

Тяжелые испытания начались уже зимой 54-53 гг. Из-за нехватки хлеба ему пришлось отказаться от практики крупных военных лагерей и рассредоточить большую часть легионов в области бельгов и их соседей. Ядром группировки были три легиона, стоявшие в Бельгии во главе с Г. Требонием, Л. Мунацием Планком и М. Крассом, сыном триумвира (V, 24). Остальные располагались примерно в 100 милях друг от друга: легион Кв. Фабия — в области моринов, Кв. Цицерона — в области нервигов, Л. Росция — в области эзувиев, а легион Лабиена — на границе треверов и ремов (V, 24). 15 когорт, недавно набранные в Цизальпийской Галлии, стояли в области эбуранов под командованием Кв. Титурия Сабина и Л. Аурункулея Котты (V, 24).

Именно здесь началось восстание. Эбураны во главе со своими вождями, Амбиориксом и Катуволком, атаковали римлян, загнали их в лагерь, но были отбиты при штурме (V, 26). Стороны начали переговоры, и Амбиорикс, известный как лояльный союзник римлян, заявил, что произошло общегалльское восстание, и он вынужден к нему присоединиться. Впрочем, желая оказать услугу римлянам, он советует им выйти из лагеря и направиться на соединение с другими войсками, обещая безопасный проход (V, 27).

В римском лагере начались напряженные дебаты. Титурий Сабин советовал принять предложение Амбиорикса, а Котта и наиболее опытные центурионы считали нужным остаться в лагере, выдерживать осаду и не покидать лагерь без приказа Цезаря. В конце концов победило мнение Сабина, бывшего, к тому же, и старшим по рангу (V, 28-31).

На рассвете римское войско со всем обозом вышло из лагеря. В двух милях от него в лесистой долине его ожидала засада эбуронов. После тяжелого боя, сопротивление римлян стало ослабевать, раненый Котта мужественно организовывал оборону (V, 32–35). Потрясенный Титурий бросился к Амбиориксу, прося о переговорах, но был убит по его приказу. Эбуроны прорвали римское каре. Погиб Аурункулей Котта (V, 36–37). Остатки римлян отступили в лагерь и, понимая, что спасения нет и не желая попасть в руки галлов, жестоко расправлявшихся с пленными, ночью покончили с собой (V, 37). Лишь немногие сумели добраться до лагеря Лабиена. От них Лабиен, а затем и Цезарь, узнали о масштабах катастрофы (V, 37). Это было самое тяжелое поражение галльской армии Цезаря, потерявшей 15 когорт, т.е. примерно 7 000 человек.

Успех Амбиорикса стал сигналом к общему восстанию северных бельгов. К нему присоединились нервии, аудуатуки и их союзники, кеутроны, грудии, левки, плеумокены и гейдумны (V, 39). Следующим объектом атаки стал зимний лагерь Квинта Цицерона, брата знаменитого оратора (V, 39). Первый штурм был отбит. Цицерон успел сообщить о происходящем командующему. Началась долгая и трудная осада. Галлы использовали тот же прием, что и Амбиорикс, видимо, находящийся вместе с ними, заявив римлянам о восстании всей Галлии и сообщив о происшедшем с Сабинном и Коттой, после чего предложили Цицерону выйти из лагеря. Легат решительно отказался (V, 40–41). Осада продолжалась, римляне из последних сил отражали атаки превосходящего противника (V, 42–45).

Узнав о случившемся, Цезарь собрал легионы Фабия и Марка Красса (V, 46). Третий легион Лабиена подойти не смог, поскольку перед ним внезапно появились все силы треверов (V, 46–47). Ускоренным маршем Цезарь

выступил на помощь Цицерону. Между ними удалось установить связь (V, 48).

Узнав о подходе Цезаря (как они полагали, с небольшими силами) галлы бросились на него и пытались атаковать лагерь. Вылазка римлян закончилась полным разгромом повстанцев (V, 49–51), их остатки ушли, а Цезарь соединился с Цицероном, узнав подробности гибели отряда Сабина и Котты (V, 52). Известия о победе достигли лагеря Лабиена и предотвратили сражение с треверами Индутиомара (V, 53), ушли и ополчения общин Арморика, уже готовые атаковать лагерь Росция (V, 53). Впрочем, треверы продолжали борьбу: Индутиомар сверг проримски настроенного Кингеторига и стал готовиться к атаке лагеря Лабиена. По приказу легата римская кавалерия внезапно совершила вылазку, во время которой был убит Индутиомар, после чего повстанцы отступили (V, 58–58). Было беспокойно и в остальной Галлии: еще ранее в области карнунтов (центральный Лигер) был убит их царь Тазгетий, поставленный Цезарем (V, 25), другое лояльное племя, сеноны, изгнали своего царя Каварина и открыто проявили неповиновение (V, 54). Впрочем, при известиях о победах римлян, волнения утихли.

Цезарь понимал, что спокойствие было кажущимся. Он разослал легатов для набора войск и попросил Помпея о помощи. Легаты, М. Юний Силан, Г. Антистий Регин и Т. Секстий собрали три новых легиона, и теперь армия Цезаря насчитывала 11 легионов, т.е. свыше 50 000 человек (IV, 1). Известную помощь оказал и Помпей, отослав солдат, набранных им в Цизальпийской Галлии, что Цезарь, крайне заинтересованный в стабильности в Риме, должен был расценивать как значительное благодеяние.

Весной 53 г. Цезарь начал наступление на повстанцев, используя комбинацию военных и политических методов. Еще ранее он собрал собрание

представителей Галлии (не совсем ясен состав), пытаюсь договориться мирным путем (V, 54). С 4 легионами он вторгся в область нервиев, быстро заставил их сдаться и отошел в зимние лагеря (IV, 3). В начале весны собралось общегалльское собрание, на которое явились все, кроме сенонов, карнунтов и треверов. Собрание состоялось в центре паризиев, Лутетии, находящейся на месте современного Парижа (IV, 3). После собрания, римские войска вошли в область сенонов, которые вскоре сдались, их примеру последовали карнунты (IV, 4). По галльскому обычаю, поручителями за них выступили лояльные римлянам эдуи и ремы.

Теперь римская армия нацелилась на эбурунов. Это была война мести за Котту и Титурия. Цезарь отпустил волосы и бороду, поклявшись не стричь их до тех пор, пока не отомстит за погибших. Война имела особое значение, римский проконсул хотел показать, что Рим страшно карает за свои поражения. Перед ударом по эбурунам, Цезарь решил изолировать их от соседей, треверов и менапиев. Через треверов Амбиорикс установил контакты с германцами (VI, 5). Обоз и два легиона были посланы к Лабиену в область треверов, а сам Цезарь с 5 легионами выступил против менапиев, заставив их просить мира (IV, 5-6). Лабиену, наконец, удалось разгромить треверов (IV, 7-8).

Поскольку инсургенты пользовались поддержкой германцев, Цезарь еще раз решил перейти Рейн. Соорудив мост, он вторгся во владения убиев, которые опять изъявили покорность и заявили, что треверам помогали свебы (VI, 9-10). Последние снова удалились в огромный лес, именуемый Бакенским, и ожидали римлян (VI, II). Опасаясь недостатка продовольствия и не желая идти на неоправданный риск, римский командующий отступил за Рейн. Римляне разобрали конец моста на 200 футов (около 60 м), а для его охраны было заложено

сильное предместное укрепление под охраной 12 когорт Г. Волькация Тулла, вероятно, сына консула 66 г. (VI, 29).

Теперь началась собственно операция против эбуронов. Перейдя через Ардуеннский (Арденнский) лес, Цезарь послал вперед конницу Л. Минуция Базила. Римляне едва не захватили самого Амбиорикса. Вождю эбуронов удалось бежать, но организованное сопротивление племени было сломлено (VI, 30–31). Амбиорикс разослал гонцов, предложив каждому заботиться о себе, часть эбуронов бежала в Арденнский лес, другие скрывались в болотистых местах побережья и устья Мозы (VI, 31). Второй вождь племени, Катуволк, покончил с собой (VI, 31).

Вскоре подошли главные силы римлян. Центром операции стала Адуатука, где находился обоз всей армии под охраной легиона и 200 всадников под командованием Квинта Цицерона (VI, 32). Остальные 9 легионов тремя колоннами вторглись в область эбуронов. Средней колонной командовал сам Цезарь, фланговыми — Лабиен и Г. Требоний. Лабиен опустошал области, соседние с менапиями, Требоний действовал в области рядом с адуатуками, а Цезарь выступил к Скальдису (VI, 33). По плану, через 7 дней армия должна была вернуться в Адуатуку.

При приближении римлян ближайшие соседи эбуронов, сегны и кондрусы, сдались (VI, 32). Легионы Цезаря огнем и мечом прошли через страну. После этого, не желая нести неоправданные потери и надеясь добить врага, римский командующий разослал клич по всей Галлии, разрешив грабить эбуронов. Охотников нашлось много. Месть была завершена, страна была опустошена, а племя фактически исчезло с лица земли (VI, 34).

Во время операции произошел драматический эпизод. Сугамбры (на сей раз Цезарь привлек и германцев) послали отряд из 2 000 всадников, который, по указке пленных эбуронов, напал на Адуатуку, атаковав лагерь

Квинта Цицерона. Набег едва не привел к катастрофе, вызвав невероятную панику. Легион был терроризирован, тем более, что шел уже седьмой день, и многие решили, что армия разбита. Все же германцы были отброшены, но даже после прибытия Цезаря солдаты не могли опомниться от пережитого (VI, 35-42).

Римская армия снова прошла по стране эбуронов, сжигая все дома и уничтожая на полях хлеб. Конница гонялась за Амбиориксом, бежавшим в сопровождении четырех всадников. Поймать его так и не удалось: галльский вождь, причинивший такой ущерб римлянам, бесследно исчез (VI, 43-44). Другой мятежник, вождь сенонов Аккон, был казнен.

4. Великое Галльское восстание (52 г.)

Восстание бельгов было подавлено, однако самые серьезные события войны приходятся на 52 год, когда против Цезаря и римлян восстали наиболее цивилизованные и сильные племенные союзы южной и центральной Галлии, арверны, секваны, сеноны, карнунты, битуриги и др., включая даже старых римских союзников, эдуев. Многие из них ранее не участвовали в борьбе с римлянами, на первых этапах поддерживая Цезаря. Причины восстания могут быть различными. По всей вероятности, во главе восстания стояли галльские аристократы и, возможно, друиды, а крупнейшие галльские племена увидели перспективу длительного римского господства. Именно в этот момент галльские племена и антиримские силы в Галлии попытались создать некий вариант единого государства. С другой стороны, несмотря на масштабы и остроту восстания, оно не было столь ожесточенным, длительным и упорным, как испанские войны 2 века до н.э., восстание в Далмации и Паннонии при Августе или Британские войны. Гибкая политика Цезаря все же создала немало сторонников союза с Римом и римского господства на самых разных этажах общества, включая аристократов и правителей. Другие достаточно часто меняли позицию. Наконец, плебс, простые горожане и крестьяне Галлии, находясь, как пишет сам Цезарь, «на положении рабов» (VI, 13) и будучи подчинены власти всадников и друидов, были не очень готовы нести тяготы войны, став разменной монетой в руках знати. Известный толчок дали и события в Риме, показавшие изоляцию Цезаря. Галльская верхушка, видимо, неплохо знала то, что у Цезаря, в сущности, не было тыла, и могла

рассчитывать, в случае его разгрома, на завоевание полной независимости.

Цезарь также понимал перспективу возможного восстания. Борьба с эбурунами показала ему трудности войны с ведущими партизанскую войну племенами и, видимо, поэтому он сам попытался противопоставить себе централизованного противника. Определенное влияние оказали известия о смутах, последовавших за убийством Клодия в Риме (VII, 1), которое галлы оценили как восстание против Цезаря. Это, а также — недовольство действиями римлян в 54–53 гг. и стало поводом к тайным, а затем уже и явным антиримским акциям. Наконец, на тайных сходах (определенную роль могли сыграть и друиды), галлы договорились об условленном дне начала восстания (VII, 2).

Римская армия расположилась на зимние лагеря совершенно по-иному, чем в два прежние года. Главная группировка (6 легионов) находилась в Агединке (р-н современного Санса, чуть южнее Сены), еще 2 легиона находились у границы треверов, а два других — немногим южнее Агединка в области лингонов (VII, 44), т.е. фактически — в географическом центре Галлии. Сам Цезарь выехал в Цизальпийскую Галлию, чтобы наблюдать за ходом событий в Риме (VII, 1).

Восстание началось в области карнунтов и арвернов (совер. Овернь и течение Луары), что было особенно опасно и отрезало армию от Провинции. Отряды карнунтов устремились в Генаб (р-н совр. Орлеана) и устроили резню находившихся там римлян, что и стало сигналом ко всеобщему выступлению (VII, 3).

Во главе восстания встал молодой вождь Верцингеторикс, сын Кельтиллы. Отец его был убит за стремление к царской власти, а сам Верцингеторикс — изгнан из Герговии. Впрочем, набрав отряды из бедноты, он захватил власть, изгнав старейшин племени и своего дядю Гоббанитона. Арверны провозгласили его царем

(VII, 4). Поскольку римляне всегда противостояли такого рода тираническим переворотам (напр. случаи с Думнориком, Виридовиком — III, 17, Индутиомаром — V, 3, Акконом), это естественно толкало Верцингеторикса в лагерь их противников, а антиримское движение вскоре сделало его фактическим правителем Галлии.

На первом этапе к восстанию примкнули племена, жившие в бассейнах Луары и Сены: сеноны, парисии, пиктоны, кадурки, туроны, аулерки, лемовики, анды (VII, 4), Новый вождь быстро централизовал командование, взял у всех общин заложников, четко определил поставки войск и оружия, особенно — конницы, и жесткими мерами навел дисциплину. За крупные проступки полагалось сожжение на костре или другая мучительная казнь, за более мелкие выкалывали глаза или отрезали уши (VII, 4).

Армия повстанцев разделилась. Сам Верцингеторикс направился в область битуригов, эдуи пытались послать последним помощь, но не решились перейти Лигер, после чего битуриги присоединились к арвернам (VII, 5). Другая армия инсургентов во главе с Луктерием, вторглась в область рутенов, вольков-арекомиков и толосатов, непосредственно угрожая Нарбонской Галлии (VII, 7).

Положение Цезаря было крайне сложным. Легионы находились в центральной Галлии, а сам он был в окрестностях Нарбона, которому также угрожали галлы. Собрав провинциальное ополчение, Цезарь расставил гарнизоны и остановил Луктерия, который не решился продолжить свое наступление (VII, 7). Собрав подкрепления, Цезарь подошел к области гельвиев у р. Элавер, находящейся на границе арвернов (VII, 8) и перейдя заснеженный хребет Севенн, оказался в области этого племени, что заставило Верцингеторикса немедленно идти на помощь своим (VII, 9). Оставив здесь Децима Брута, Цезарь прибыл в Виенну, где застал свою

конницу, а затем направился к легионам, стоявшим в области лингонов, после чего прибыл в Агединк, где и сумел собрать свою армию (VII, 9-10). Верцингеторикс направился к Горгобине, городу, куда по просьбе эдуев были переселены разбитые в 58 г. бойи (VII, 10).

Теперь в наступление перешли римляне. Оставив 2 легиона в Агединке, Цезарь подошел к крепости сенонов, Веллаунодуну, окружив ее укреплениями. На третий день город сдался. Через два дня он подошел к Генабу, центру карнунтов, где и началось восстание. В полночь галлы решили бежать из города, о чем узнал Цезарь. Ночью римляне подожгли ворота и вошли в Генаб, значительная часть жителей была перебита при отступлении, после чего город был отдан на разграбление солдатам и подожжен (VII, II), явно в отместку за устроенную галлами резню. Взяв Генаб, Цезарь перешел Лигер (Луару) и вошел в страну битуригов, осадив город Новиодун. Горожане уже начали переговоры о сдаче, но тотчас же прекратили их, увидев подходящие отряды Верцингеторикса. Цезарь выслал вперед конницу. В конном сражении особо отличился отряд из 400 германских всадников (VIII, 12-13), а конница галлов была обращена в бегство, после чего Новиодун сдался. Победным маршем римляне шли на Аварик (совр. Бурж), центр племени битуригов.

Верцингеторикс изменил план войны, перейдя в тактике «выжженной земли». Главная цель заключалась в том, чтобы помешать подвозу продовольствия для римлян и взять их измором. По приказу Верцингеторикса уничтожались все города и усадьбы, находящиеся на пути римлян, а запасы свозились в укрепленные центры, которые предполагалось защищать до последнего. Около 20 городов битуригов были сожжены и лишь с большим трудом им удалось добиться права оставить Аварик. В городе были поставлены отборные силы, а

Верцингеторикс следовал за Цезарем, отрезая его от продовольствия (VII, 12-16).

Римляне подошли к Аварику, считавшемуся одним из самых красивых городов Галлии, возможно, уже напоминавшему города средиземноморского типа^{205}. Город стоял на пересечении двух диагоналей торговых путей, ведущих соответственно на юго- и северо-запад. Возле города были железные рудники, а битуриги славились как мастера металлургии. Эта область сильно пострадала от плана Верцингеторикса, но позже возродилась при римлянах^{206}.

Со всех сторон Аварик был окружен рекой и болотами и только с одной из сторон имелся доступ, где и расположилась римская армия. Цезарь установил две башни, которые начал пододвигать к стене (VII, 17). План галльского вождя начал работать: у римлян начались перебои с продовольствием. Когда командующий поставил этот вопрос, легионеры решительно заявили о готовности продолжать осаду (VII, 17). Верцингеторикс пытался устроить засаду римским фуражирам, Цезарь выступил навстречу. Обе стороны простояли, разделенные болотами, так и не решившись вступить в сражение (VII, 18-19). Это стало поводом для обвинения Верцингеторикса в измене, что, впрочем, он сумел отвергнуть (VII, 20-21).

Осада продолжалась. Римляне построили огромную плотину длиной в 330 и высотой в 80 футов (более 100 и 25 метров соответственно). Галлы пытались ее поджечь, но потерпели неудачу (VII, 22-25). Не желая оборонять город, Верцингеторикс посоветовал жителям Аварика покинуть его. Женщины стали умолять не делать этого, угрожая сообщить обо всем римлянам, что и удержало защитников города (VII, 26). Башни Цезаря подходили все ближе. Воспользовавшись проливным дождем, римляне заняли часть стены и башен города (VII, 27-28).

Галлы бросились бежать и были перебиты, только остатки добрались до лагеря Верцингеторикса (VII, 28).

Поражение у Аварика пошатнуло позиции вождя восстания. Впрочем, Верцингеториксу удалось доказать, что неудача стала следствием неподчинения его плану (VII, 29–30). Цезарь пробыл в Аварике до конца зимы, найдя там большие запасы продовольствия и готовясь к продолжению военных действий (VII, 32). Его планам, однако, помешали события в общине эдуев. За положение вергобрета боролись два знатных эдуа, Конвиктолитав и Кот (VII, 33). Уважая местные обычаи, запрещавшие верховному правителю покидать пределы страны, Цезарь прибыл в Децетию, куда собрались старейшины племени и оба претендента и, в соответствии с нормами галльского права, провел выборы Конвиктолитава (VII, 33), после чего обратился к эдуям с просьбой прислать к нему конницу и 10 000 пехотинцев (VII, 34).

Для продолжения войны, римский командующий разделил армию. 4 легиона Лабиена должны были идти в область сенонов и паризиев, а сам Цезарь с 6 легионами выступил против столицы арвернов Герговии, куда двинулся и Верцингеторикс (VII, 34)^[50]. Перейдя Элавер, Цезарь осадил Герговию (VII, 34–35) и вскоре убедился в крайней сложности осады. Город находился на высокой горе, занятой войсками Верцингеторикса. Цезарь занял холм у города и стал выжидать (VII, 36).

Во время осады Герговии начались брожения среди эдуев. Конвиктолитав, обязанный своим положением Цезарю, вступил в контакт с арвернами. Командование армией, посланной на помощь римлянам, было поручено соучастнику замысла, молодому аристократу Литавикку, который пытался поднять восстание (VII, 38). Предлогом стал слух об убийстве римлянами знатных эдуев, Эпоредорига и Виридомара, а затем и уничтожении конницы эдуев (VII, 38). В отместку эдуи перебили

находившихся при армии римлян. Узнав об этом, Цезарь с 4 легионами выступил навстречу эдуям. Обман раскрылся, и Литавикк и его сообщники бежали в Герговию, а мятеж прекратился (VII, 39–41). Цезарь поспешно вернулся в лагерь и узнал, что оставленный им для командования войсками Фабий был атакован Верцингеториксом (VII, 41–42). Волнения у эдуев на время прекратились, но положение было настолько серьезно, что Цезарь стал думать о прекращении осады (VII, 43).

Впрочем, пока осада продолжалась. Цезарь предпринял атаку, вероятно, задуманную им как локальная операция для захвата стратегически важного уступа (VII, 44). Выведя вперед конницу для отвлекающего маневра, римский командующий перевел в ложбину у холма один из легионов, продолжая отвлекать противника, а затем начал атаку с другой стороны. Для обхода правого фланга были посланы и эдуи (VII, 45–46). Уступ был захвачен, римляне заняли три неприятельских лагеря и Цезарь дал сигнал к отходу (VII, 46). Его план явно ограничивался локальной задачей, или, возможно, демонстрацией силы перед снятием осады.

Ситуация развивалась в другом направлении. Армия увлеклась преследованием, опьяненные успехом легионеры подошли к стенам воротам Гергови и начали на них взбираться (VII, 47). В городе началась паника, на помощь прибывали новые силы галлов, снятые с других участков. Цезарь приказал легату Т. Секстию вывести часть когорт, чтобы принимать и прикрывать отступающих римлян (VII, 48–49). Впрочем, солдаты у стен продолжали сражаться, и положение изменило только появление эдуев, которое испугало не галлов, а римлян. Решив, что их обходят, солдаты бросились отступить и были сбиты с позиции. Чтобы отразить

галлов, Цезарь выслал вперед свой отборный 10 легион. Верцингеторикс отступил (VII, 50-51).

И сам Цезарь и его биографы, Плутарх и Светоний, считают «штурм Георговии» серьезным поражением (Caes. B. G., VII, 52-54; Suet. Iul., 24-25; Plut. Caes., 26). Цезарь, всегда крайне щепетильно относящийся к собственным потерям и дорожающий жизнью своих солдат и офицеров, оценивает потери в 700 человек и 46 центурионов (Caes. B. G., VII, 51). При Диррахии Цезарь потерял 960 пехотинцев и 200 всадников (Caes. B. C, III, 71), при Мунде — 1000 человек (B. Hisp., 30-31). Оба сражения он считал самыми тяжелыми. Потери в центурионах, которых особенно ценил полководец, были велики (64 человека), при Диррахии пало 32 человека. Общее число центурионов в 6 легионах могло достигать примерно 360 человек (а реально даже меньше), и это означало, что при Георговии пала 1/6 общего количества римских унтер-офицеров. Вероятно, именно они сыграли основную роль в том заграждении, которое сдержало атаку галлов.

Выступив перед солдатами, Цезарь попытался вселить в них уверенность: их вина состоит в неподчинении приказу командующего (Цезарь всегда считал это самым серьезным проступком), но его восхитил их героизм, и именно он является залогом победы (VII. 52-53). Опасаясь за положение в общине эдуев, куда отправился Литавикк с конницей, Цезарь выступил туда, перешел Элавер и подошел к Новиодуну на берегу Нигера (VII, 53-54). Случилось то, чего он опасался. Победа при Герговии и прибытие Литавикка побудили эдуев и их правителя Конвиктолитава заключить договор с Верцингеториксом (VII, 55). Римляне в Новиодуне были перебиты, а галльские заложники отправлены в Бибракт (VII, 55). Цезарь оказался отрезан и от провинции, вода в Лигере

поднялась, а Северны оставались непроходимыми (VII, 56).

Цезарь принял решение соединиться с Лабиеном. Оставив обоз в Агединке, Лабиен выступил против Лютеции, где собрались большие силы галлов (VII, 57). С другой стороны, подходили белловаки. Узнав о неудаче Цезаря, Лабиен решил отступить в Агединк (VII, 58-61). Командовавший ополчением Камулоген начал преследование. В упорном сражении Лабиен разбил галлов, пал и сам Камулоген (VII, 62). Выполнив свою задачу, Лабиен отступил в Агединк и через три дня соединился с Цезарем (VII, 62).

Победивший Верцингеторикс попытался оформить свою власть. В Бибракте был собран общегалльский съезд, на котором его избрали командующим. Фактически только ремы сохранили верность Риму (VII, 63). Верцингеторикс принимает наступательный план войны, приказав собрать 15 000 кавалерии и некоторое число пехотинцев и продолжая придерживаться тактики «выжженной земли». 10 000 эдуев и сегусиавов были посланы им в Провинцию против римских войск и поддерживающих их провинциальных племен (аллоброгов, габалов и вольков) (VII, 64). Галльский вождь считает себя и правителем Нарбонской Галлии (VII, 64). Галлы атаковали римские владения: гельвии были разбиты, аллоброги установили оборону вдоль границы. Римские войска Луция Цезаря (22 когорты) были недостаточны для обороны (VII, 65).

Цезарь начал движение в сторону римских владений, двигаясь в область секванов и лингонов, и тогда Верцингеторикс решил атаковать римлян. Ударной силой стала 15-тысячная конница (VII, 66). Галлы обрушились на римскую походную колонну. Против них была брошена конница римлян, лучшую часть которых составляли германцы. Коннице помогала пехота (VII, 67). Упорное сражение завершилось разгромом конницы

галлов и теперь уже Верцингеторикс был вынужден отступить (VII, 68).

Наступил последний этап войны. Верцингеторикс ушел в центр мандубиев, Алезию. Вскоре сюда пришли римляне. Это было самое большое сражение Цезаря в Галлии. Алезия (Ализон-сен-Рем) лежала на вершине холма. Подошва холма омывалась большими реками. Вокруг города были холмы и равнина, а линия укреплений вокруг Алезии тянулась на 11 миль (VII, 70) [{207}](#). Снова разбив конные отряды галлов, Цезарь подошел к Алезии. Верцингеторикс решил отпустить кавалерию. Римская армия стала блокировать город, вокруг которого появилась укрепленная линия длиной в 17 км. Вождь галлов понимал, что его армия не сможет держаться долго, продовольствия оставалось всего на 30 дней, а потому отдал приказ привести ополчения галльских племен (VII, 71). Именно на них он и рассчитывал. Это понимал и Цезарь: для защиты извне появилась вторая линия длиной в 20 км. Между ними находилась вся армия римлян.

Укрепления римлян были, видимо, беспрецедентным примером фортификационных сооружений. Римские позиции опоясывали три рва: внешний — 20 футов (около 7 м) шириной и два по 15, средний ров наполнили водой. За рвами находились плотина и вал высотой в 12 футов (около 4 м) с бруствером. В 80 футах друг от друга (более 25 м) находились башни, стены были снабжены рогатками, а вокруг были выкопаны ямы с кольями (VIII, 72–73). Римляне запаслись месячным запасом провианта и фуража (VII, 72–74).

Вскоре положение в Алезии стало критическим. Хлеб был съеден. Дело дошло до того, что некоторые галльские вожди предлагали сдаться, другие требовали устроить вылазку и вырваться наружу. Один из знатных арвернов, Критогнат, предложил питаться трупами и с этой целью убивать местных жителей (VII, 77). На совете

было принято более «гуманное» решение: местное население было изгнано из города и находилось между Алезией и укреплениями Цезаря (VII, 78).

В этот момент к Алезии подошло огромное галльское ополчение. Армией командовали четыре вождя: арверн Веркассивеллаун, двоюродный брат Верцингеторикса, эдуи Эпоредориг и Виридомар и атребат Коммий. Трое последних были ранее близки к Цезарю (VII, 76). Цезарь оценивает силы ополчения в 240 000 пехоты и 8 000 всадников, еще 80 000 находились в Алезии (VII, 76). Еще большие цифры дает Плутарх: 170 000 в городе и 300 000 в ополчении (Plut. Caes., 27). Современные ученые оценивают гарнизон Алезии в 20 000 человек, а ополчение — в 50-70 000^[51]. Этим войскам противостояли 10 легионов Цезаря, т.е. 40-45 000 римских солдат. Согласно Цезарю, ядро галльского ополчения составили эдуи и арверны (по 35 000 человек каждые), большие контингенты дали секваны, сеноны, битуриги, карнунты, рутены, сантоны и лемовики (по 10—12 000). Остальные (почти все племена Галлии) представили более мелкие контингента. Около 30 000 дали племена Арморика (VII, 75).

Задачей галлов было найти слабое место римской обороны и прорвать линию. Первый штурм, предпринятый с ходу, был отбит (VIII, 80). Через день последовала новая атака, сопровождаемая вылазкой из города. Римляне отразили удар: галлы, наступающие извне, были разбиты до того, как осажденные достигли римских укреплений (VII, 81-82).

Наконец, галлы нашли слабое место в северной части римских позиций — не имея возможности включить в полосу укреплений один из холмов, римляне расположились у его подошвы. Здесь стояли легионы Антистия Регина и Каниния Ребила (VII, 83). Против них была брошена ударная группировка Веркассивеллауна из 60 000 человек. Навстречу ударили осажденные (VII,

83-85). Галлы теснили римлян, Цезарь бросил сюда 6 когорт Лабиена, 7 когорт Фабия и войска Децима Брута (VII, 86), однако удержать галлов было невозможно, и тогда Цезарь и Лабиен предприняли блестящий маневр (VII, 87).

Вероятно, сначала мысль пришла Лабиену. Собрав ударную группировку из 40 когорт, он сделал это предложение Цезарю, который лично возглавил атаку, присоединив к ним кавалерию. Римляне рисковали — для атаки пришлось фактически оголеть многие участки обороны. С фланга и тыла римляне ударили на галлов.

Началось побоище, Веркассивеллаун попал в плен. Бегство отборного отряда превратилось во всеобщий разгром. Галлы потеряли 74 знамени и многих вождей. Остатки ополчения разбежались (VII, 28).

На следующий день сдался Верцин-геторикс. По приказу Цезаря, галлы выдали вождей и оружие. Плутарх описывает эффектную сцену сдачи галльского военачальника. Цезарь отобрал пленных арвернов и эдуев, остальные стали военной добычей. Эдуи и арверны сдались на милость победителя (VII, 89-90). Римские легионы расположились на зимних квартирах. Легионы Лабиена и М. Семпрония Рутила стояли в области секванов, легионы Фабия и Минуция Базила — в области ремов, в областях амбиваретов, битуригов и рутенов расположились легионы Г. Антистия Регина, Т. Секстия и Г. Каниния Ребила, Кв. Туллий Цицерон и П. Сульпиций стояли в области эдуев. Таким образом, римляне держали под ударом почти все области Галлии. Сам Цезарь остался в Бибракте (VII, 90). Рим отметил 20-дневным молебствием одну из самых больших побед в своей истории.

5. Завершение Галльских войн (51-50 гг.)

Оба последующих года были заняты подавлением очагов восстания и окончательным покорением Галлии. В 51 г. Цезарь разделил армию. С двумя легионами, 11 и 13, он вторгся в область битуригов и заставил их сдаться (VIII, 2-3), два других легиона, 14 и 6 он повел на карунтов, также заставив их подчиниться (VIII, 4-5). Эти операции проходили еще зимой.

Центром сопротивления стало крупнейшее бельгское племя белловаков. Белловаки воевали с Цезарем в 57 г., сдались ему, но далее не принимали участия даже в восстании 52 г., впрочем, обязавшись воевать с римлянами самостоятельно (VII, 75). К белловакам присоединились ряд других племен, амбианы, аулерки, калеты, велиокасы и атребаты (VIII, 7), т.е. все южные белый. Во главе стояли белловакский вождь Коррей и атребат Коммий.

В операции участвовали два легиона Фабия, один легион из группировки Лабиена (7, 8 или 9) и 11 легион (VIII, 8). Римляне устроили мощный лагерь, напротив которого расположились войска галлов (VIII, 9-10). Между лагерями находилось болото, перейти которое не решалась ни одна сторона. Цезарь вызвал подкрепления от Требония (VIII, 11). Конные сражения шли с переменным успехом (VIII, 12-13). Узнав о подходе трех легионов Требония, галлы отправили обоз вглубь страны, а войска стояли у болота, прикрывая отход. Цезарь форсировал болото по построенным мостам, но белловаки отошли под прикрытием огневой завесы (VIII, 14-16).

Галлы перешли к партизанской войне. Коррей с 6000 пехоты и 1000 всадников устроил засаду. Предвидя это,

Цезарь расположил среди конницы легковооруженных, а затем на помощь подошли легионы. Повстанцы были разбиты, а Коррей пал в бою (VIII, 17-19). После этой победы, белловаки и их союзники сдались римлянам (VIII, 20-23). Перед тем, как уйти, Цезарь еще раз опустошил области эбуронов (VIII, 24-25).

Другая группировка римлян под командованием Каниния Ребила выступила на помощь Лемону (Пуатье), осажденному повстанцами во главе с вождем андов Думнаком. На помощь Канинию подошли 25 когорт Фабия (VIII, 26-27). В сражении Фабий разбил Думнака (VIII, 28-29).

Остатки повстанцев во главе с Драппетом объединились с остатками армии Верцингеторикса во главе с Луктерием и ушли в хорошо укрепленный город Укосселодун (VIII, 30). Тем временем, Фабий подчинил племена Арморика (VIII, 31), а Каниний осадил город, защищенный скалами. Драппет и Луктерий вывели часть войск из города, но Канинию удалось разбить их по очереди. Драппет попал в плен (VIII, 32-36). После этого Каниний снова начал осаду, на помощь к нему подошел Фабий. Наконец, к городу прибыл и сам Цезарь (VIII, 37-39). Установив метательные машины и расставив лучников и пращников, он сделал трудным пользование водой (VIII, 40). Укосселодун продолжал сопротивляться, горожане нашли ключ, впрочем, тоже обстреливаемый римлянами с построенной ими плотины. Попытка поджечь ее оказалась неудачной. Оказавшись в безвыходном положении, горожане сдались, тем более, что римлянам удалось осушить ключ (VIII, 42-43). Наказание последних галльских повстанцев было суровым: пленным, способным носить оружие, отрубили правые руки. Вскоре в плен попал и Луктерий (VIII, 44). Лабиен снова победил треверов, а сам Цезарь с 2 легионами, как ранее Публий Красс, совершил поход в Аквитанию (VIII, 45-46). На зиму армия была снова

рассредоточена по Галлии: 4 легиона под командованием Марка Антония, Требония и П. Ватиния стояли в Бельгии, 2-в области эдуев, 2-в области туронов в среднем течении Лигера и еще 2-в области лемовиков у границ арвернов (VIII, 46). Небольшой неудачей было то, что конница Волусена Квадрата упустила знаменитого Коммия. Атребат ранил самого Волусена, бывшего его личным врагом, и ушел от погони. Впрочем, последний вождь повстанцев договорился с квестором Марком Антонием. Его единственным условием было избежание встречи с римлянами (VIII, 47-48).

Галльские войны завершились. Началась конструктивная деятельность по устройству новой Галлии. Войны стоили стране огромных потерь и разрушений, страна была разгромлена, как это было с Македонией, Грецией и Испанией во 2 в. до н.э. И все же галльская цивилизация обрела перспективу, связанную с прекращением войны, внешней и внутренней, социальной стабильностью, интеграцией Галлии в рамки Римской Империи и связанными с этим экономическими, политическими и культурными процессами.

После завоевания Галлия переживает длительный период мира. Нашествия германцев прекратились, их не было до Августа, а после него 6-8 римских легионов надежно держали границу на Рейне. Галлия оставалась мирной в 40-30-е гг. I века, во время тяжелых гражданских войн здесь не было никаких серьезных военных столкновений. В 28-27 гг. до н.э. римляне без каких-либо особых усилий подчинили Аквитанию. В 21 г. н.э. в областях треверов, эдуев и секванов произошло восстание Флора и Сакровира. Галлия пострадала от гражданской войны 68-70 гг. н.э., но Веспасиан восстановил границу на Рейне. Серьезное давление на рейнской границе началось только во времена Северов, а военные действия на территории Галлии — во времена Галлиена и Проба. Интересно, что поздние авторы,

Полиэн (Polyaen, VIII, 23) и Евтропий (Eutr, V, 1), воспринимали войны Цезаря не как войны с галлами, а как защиту Галлии от германцев и покорение части Германии и Британии. Во II–V вв. н.э. галлы, несомненно, считали Цезаря защитником и освободителем. Более сложное отношение наблюдается уже в последующей историографии, где мнения о благе завоевания сочетаются с осуждением империалистических сторон покорения Галлии и мнением о пагубности действий Цезаря, приведших к уничтожению оригинальной цивилизации кельтов.

Во внутренней организации Галлии Цезарь удачно соединил римскую систему и галльские традиции. Завоеванная Галлия стала провинцией *Gallia comata*, но традиционное деление на Галлию, Аквитанию и Бельгику позже отразилось в делении провинций при Августе (*Tres Galliae*). Цезарь наложил на Галлию небольшую дань в 40 млн. сестерциев, и Рим долго придерживался этой суммы, дав Галлии время на восстановление. В 27 г. до н.э. Август реорганизовал податную систему, а в 12 г. до н.э. Друз учредил в Лугдуне алтарь Трех Галлий. Традиционное деление продолжало сохраняться. Согласно Страбону, в Галлии было 46, а в Аквитании — 14 общин (Strabo, IV, 3, 2). Во времени Тацита их было 64. Примерно столько же крупных племен было при Цезаре. Это число *civitates* сохранялось до 5 в. н.э. [{208}](#).

Римляне принесли в Галлию резкий подъем экономики и урбанизации. По мнению А. Гренье и многих других исследователей, урбанизм римской эпохи заложил основы будущей цивилизации Франции. [{209}](#). Первые новые города появились в Нарбонской Галлии уже при Цезаре и Августе: Нарбонна (колония 10 легиона), Арелат (Арль) (колония 6 легиона), Безье (*Iulia Batteredra*) (колония 7 легиона), Оранж и Фрежюс (колонии

8 легиона). Нарбон и Арелат начали свой рост уже при Цезаре^{210}.

Чуть позже появились новые центры в Косматой Галлии. В 43 г. Мунатий Планк, легат Цезаря в Галлии, основал Лугдун (Лион) и Новиодун (Нион). Позднее колонии и города основывали императоры — Клавдий, Флавий и Траян. Лугдун стал столицей Трех Галлий, крупным торговым и политическим центром и гигантским складом, куда стекался галльский импорт и экспорт. Вскоре это был уже многонациональный город, где, кроме галлов обитали италики, греки и сирийцы^{211}. Позже появились новые города в южной части Галлии, Антремон, Анзюрем, Гланум. Достаточно урбанизированной страной была и доримская Галлия, а теперь римляне сохраняли и приумножали эти традиции. В римскую эпоху разрослись Аварик (Бурж) и Вензотион (Безансон), а некоторые маленькие галльские oppida превратились в большие города: Андемантум (Лангр), Новиодун (Augusta Suessionum), Варманд (Augusta Viromandunorum), Августа Треверов (Трир). В 31 г. до н.э. появился Немаус (Ним). Со времен Августа (несомненно, на основе стратегической концепции Цезаря) начался спуск галльских городов на равнины: Новиодун, Трир, Вензотион, Бибракт (Августодун), Герговия (Августонемет). Очень скоро число городов и поселений городского типа выросло в десятки раз. Иосиф Флавий насчитывает в Галлии около 1200 городов (Jos. V. J., II, 16, 4), а в одной маленькой общине воконтиев их было 24^{212}.

Город меняет свой облик. Традиционный город доримской Галлии представлял собой укрепленную цитадель или еще формирующееся поселение раннеурбанистической эпохи. Теперь появились новые черты: гипподамова планировка, форум, единый архитектурный ансамбль, святилища, театры и

амфитеатры, термы, зрелищные комплексы, новый тип домов, ремесленные комплексы.

Город приобретает рыночный характер и сочетает функции центра ремесленного производства и сельской округи^{213}.

Романизированная Галлия стала важным компонентом римской державы. Страна обладала редким качеством, наличие сырья и продовольствия сочеталось с наличием центров обрабатывающей индустрии. Существовали местные сырьевые ресурсы (медь, олово, железо, лес, шерсть), имелись запасы золота и серебра. Вместе с тем, уже в доримской Галлии и особенно в первый век римского господства возникают крупные центры гончарного, металлообрабатывающего и текстильного производства. В I в. н.э. по уровню ремесленного производства Галлия догнала Италию. Страна обеспечивала себя хлебом и фуражом, а мясо, сыр, молоко и колбасы экспортировались в Италию. Римляне принесли в Галлию виноделие, процветало рыболовство, интенсифицируется дорожное строительство, происходит развитие внутренней и внешней торговли.

Галлы стали получать права гражданства даже раньше, чем многие другие жители провинций. Процесс начался при Цезаре. Ко времени Августа римское гражданство получили жители Нарбонской Галлии, во времена Клавдия и Веспасиана латинское право получила уже вся Галлия, а многие галлы имели права римских граждан и даже *ius honorum*. При Августе появились первые представители галло-римской культуры, Вотиен Монтан, Домиций Афр, Помпеи Трог. Во 2 веке н.э. представителем этой культуры был Тацит.

Заплатив за это высокую цену, Галлия стала частью римской системы. Политика Цезаря в Галлии — это, вероятно, та часть его деятельности, которая в наибольшей степени может вызвать критику, поскольку

никакое завоевание не может быть свободным от критики. Естественно, Цезарь был римским полководцем и представлял не интересы Галлии, а интересы Рима, впрочем, хорошо понимая, что выработка приемлемой для побежденных галлов политики отвечает и римским интересам. Встает и другой вопрос — могла ли независимая Галлия остаться таковой, и имел ли путь, по которому она развивалась, реальную перспективу? Не могло ли это развитие найти свое завершение в победе Ариовиста или какого-либо иного германского вождя?

Завоевание Галлии имело особое значение и для Рима. Италия, южная Галлия и Испания получили мощный буфер на севере и были надолго защищены от внешней угрозы. Самая серьезная внешняя опасность была устранена. Военная добыча была огромна, золота оказалось столько, что оно стало дешевле серебра на 25%. Эта добыча Цезаря, в том числе и галльская, стала основой, обеспечившей экономический подъем ранней Империи. Романтика галльских походов охватила даже врагов Цезаря. В 56 г. Цицерон произнес речь «О консульских провинциях», содержащую восхваления Цезаря, а поэт Катулл, ранее сочинявший памфлеты против последнего, писал:

*Затем ли на далекий остров Запада
Ходил ты, цвет и слава победителей.*

Галльские войны были крайне важны для самого Цезаря, его армии и его партии. За годы галльских кампаний он создал мощную, высокопрофессиональную и неограниченно преданную ему армию, вероятно, лучшую армию за весь период I в. до н.э., а возможно, и за всю римскую историю. Древние авторы и современные ученые отмечали особую преданность армии Цезаря своему полководцу^{214}. Об этом очень

много пишет Светоний (Suet. Iul., 67–8) и, хотя его примеры чаще всего относятся к гражданской войне, это была армия, созданная в Галлии. Достаточно сопоставить два эпизода: страх, охвативший войско во время германского похода 58 г. (Caes. B. C, I, 39) и ее же поведение при Аварике, когда солдаты требовали довести осаду до победного конца (Ibid., VII, 17). Между этими событиями стоят шесть лет тяжелых галльских кампаний. Цезарь приводит много примеров исключительного мужества солдат, центурионов и офицеров (Caes. B. G., III, 5; V, 35–36; VI, 44; VII, 46–47; 50). Аналогичные примеры приводят Плутарх и Светоний (Plut. Caes., 16; Suet. Iul., 63).

Причин этих отношений было несколько. Цезарь всегда побеждал, и его победы были основой той почти мистической веры армии в удачу, ум и дарования своего полководца. Вместе с тем, как никто другой, Цезарь заботился о материальном вознаграждении, довольствии и снабжении солдат (Suet. Iul., 67–68). Другой характерной чертой Цезаря-военачальника была крайняя щепетильность в отношении потерь, которых он всячески пытался избежать, часто оказываясь даже от заведомо успешного открытого фронтального столкновения или ненужного штурма и стремясь одержать победу максимально бескровным путем. Цезарь всегда предпочитал политические и дипломатические методы чисто военным и широко использовал любой прогресс военной инженерии. Вероятно, никакой успех не мог оправдать в его глазах большие потери. Солдаты могли терпеть невероятные лишения, совершать беспрецедентные по величине и скорости переходы, мужественно сражаться в окружении и без ропота дожидаться нового приказа — они прекрасно знали, что товарищи и полководец всегда придут им на помощь, замысел командующего всегда имеет свой смысл, а их усилия будут вознаграждены.

Цезарь всегда вникал в мельчайшие детали лагерного быта и давал армии пользоваться плодами побед. Наконец, он прекрасно знал ту подчас зыбкую грань, которая существует между железной дисциплиной и снисхождением (Suet. Iul., 65; 67; Plut. Caes., 17). Худшим из преступлений Цезарь считал невыполнение приказа, и всегда, когда он особенно резко критикует своих офицеров и солдат (напр. Титурия Сабина), причиной является именно это неподчинение дисциплине. Вместе с тем, Цезарь, как никто иной, был способен «спуститься» до нужд своих солдат и вести активный диалог с армией, выслушивая предложения «снизу» (Caes. B. G., I, 40; 72), а всевозможные послабления и отсутствие ненужных проявлений своей власти отмечались даже враждебными источниками.

В Галльских войнах создается и мощная «партия Цезаря», из которой вышли многие военные и политические деятели последующего периода, Кв. Фабий Максим, П. Ватиний, М. Антоний, Г. Требоний, Г. Каниний Ребил, Д. Юний Брут, Л. Мунаций Планк, А. Гирций, Г. Вибий Панса, М. Лициний Красс (сын триумвира), П. Вентидий Басе, Т. Секстий, П. Сульпиций Руф, Кв. Педий. Это была новая политическая элита, пока еще не имевшая высокого статуса, но имевшая большое будущее. Самые высокопоставленные из них были эдилиями, трибунициями и квесториями, некоторые не имели даже этого положения. Анализ партий в гражданской войне четко показывает, что сторонники Цезаря среди бывших эдилов, квесторов и трибунов явно превосходили помпеянцев (20:6) в той же мере, как и уступали им по числу консуляров и преториев^{215}. Молодое поколение и младшая часть сената выступала против старшей. Галльская победа стала одним из важнейших оправданий претензий на власть со стороны этой новой элиты.

По большому счету, она шла к власти прямым и честным путем, через свободные выборы и победу в тяжелейшей Галльской войне. Она была связана множеством нитей с самыми различными слоями населения от высшей знати до простых горожан и крестьян. Цезарь и его партия несли с собой новые преобразования, глобальную реорганизацию государства и общества, а их сила стала гарантией необратимости преобразований и невозможности новой сулланской реставрации, с перспективой которой еще предстояло столкнуться. Будущее было именно за этими силами, и альтернативы им, в сущности не было.

Образ самого Цезаря приобрел еще оно особое качество. К образу правозащитника и популяра, талантливого политика и смелого реформатора добавилось то, что древность ценила, наверное, больше всего. Это был образ великого полководца, выигравшего, вероятно, одну из крупнейших войн в римской истории.

6. «Партия Помпея»

После смерти Юлии, гибели Красса и распада триумvirата, равновесие нарушилось. Новое поколение оптиматов, вступив в союз с Помпеем и пользуясь прогрессирующей анархией, перешло в наступление. Намечается та расстановка сил, которая и определила положение к началу 49 г. Постсулланская элита 50-х гг. во многом напоминает сулланскую элиту конца 80–70-х гг. В ней может но выделить несколько групп, имевших разное происхождение, установки, интересы и цели, которых объединяла, прежде всего, их вражда к Цезарю.

1. Помпей и его окружение. Сам Помпей был, несомненно, самым высокопоставленным из противников Цезаря. После смерти Метелла Пия, Лукуллов, Куриона и Аппия Клавдия, он мог совершенно безоговорочно претендовать на эту роль. Дважды (70 и 55 гг.), а после 52 г. и трижды консул, трижды триумфатор, трижды удостоенный особых полномочий (76, 67, и 66 гг.) в беспрецедентных масштабах, проконсул Испании с 54 г. и, возможно, принцепс сената, Помпей превосходил любого из римлян (включая всех своих союзников и даже Цезаря) своим послужным списком. Именно ему предназначалась роль нового Суллы, и намеки на это имеются в разных источниках. Отношение оптиматов и олигархов к Помпею было довольно сложным, в той степени, насколько сложным было и его собственное прошлое. Римляне прекрасно помнили и его прошлое сулланского генерала, и то, что он был символом и во многом — инициатором революции 70 г., и его сближение, а временами и союз с Цезарем, и соперничество с Крассом. Некоторое время Помпей играл роль буфера между Цезарем и непримиримыми

антицезарианцами типа Катона или Домиция Агенобарба, особое отношение заметно к нему и со стороны Цезаря, постоянно настаивавшего на переговорах именно с Помпеем. Помпею не доверяли, опасаясь его собственной диктатуры или блока с Цезарем, а к образу ненадежного лидера присоединился и образ властолюбца. Впрочем, сколь бы ни велики были подозрения, без Помпея борьба с Цезарем была бессмысленна, и это обстоятельство перевешивало все остальные. Альянс оптиматов и Помпея стал складываться в период 52-49 гг., и Помпеи был единственным человеком, которого можно было противопоставить Цезарю (как выяснилось позже, и в реальном плане). Совершенно очевидно, что Цезарь особенно не хотел именно этого.

Вокруг Помпея, как и ранее вокруг Суллы, складывается определенный круг людей, связанных с ним в чисто личном плане. Подрастали дети Помпея и Муции, Гней (род. 80-75 гг.) и Секст (род. ок. 75 г.), вполне очевидно, что Помпей рассчитывал хотя бы на частичную передачу своего статуса по наследству. Отчасти это и получилось. Гней Помпей-младший активно участвовал в гражданской войне 49-45 гг., а в 46-45 гг. был главнокомандующим в последней войне в Испании. На последних этапах в войне участвовал и Секст, позже ставший одним из лидеров республиканцев и помпеянцев. В 52 г. Помпей пятым браком женился на Корнели, дочери Кв. Цецилия Метелла Пия Сципиона, человека с очень интересной родословной. Прадедом Метелла Сципиона был палач Тиберия Гракха Назика Серапион. Его сын, консул 111 г. П. Корнелий Сципион Назика, был женат на Цецилии Метелле, дочери знаменитого Метелла Македонского. Их внук, П. Корнелий Сципион Назика, был усыновлен тогдашним главой клана, консулом 80 г. Кв. Цецилием Метеллом Пиём и стал теперь Квинтом Цецилием Метеллом Пиём

Сципионом, будущим тестем Помпея. Будучи потомком Сципионов и Метеллов и породнившись с Помпеем, Сципион очевидно претендовал на второе место в «партии» и после гибели Помпея в 48 г. был признан его официальным преемником и командующим в Африке. К семье Помпея принадлежал и Л. Скрибоний Либон, тесть Секста Помпея, занимавший видное место в помпеянском командовании.

Среди помпеянцев и противников Цезаря можно обнаружить и других представителей разных ветвей Помпеев и Метеллов, а также — прямых родственников Суллы. Внуком Суллы был трибун 52 г. Кв. Помпей Руф (Dio, 40, 45; 40, 55), также бывший внуком одноименного консула 88 г. Среди помпеянцев был Кв. Помпей Вифиник (точное родство с Помпеем неизвестно) (ХОго Б., VI, 15). Дочь самого Суллы, Фавста, была женой Т. Анния Милона, а сын, Фавст Корнелий Сулла, активно сражался против Цезаря. Его опекуном был Л. Лициний Лукулл, в 63 г. Фавст был военным трибуном в армии Помпея, в 54 г. — квестором. После этого он женился на Помпее, дочери Помпея Магна и сестре Гнея и Секста (Suet, Iul., 27; Plut. Pomp., 47; Caes., 14). Наконец, у Помпея было несколько человек, игравших роль политических советников, с которыми он обсуждал все важные решения. В их числе были Л. Лукцей, неудавшийся кандидат в консулы 59 г., и грек Феофан.

2. Военные. Эта группа, в основном, концентрируется вокруг Помпея и составляет важный компонент его «личной партии». Старшее поколение имело сулланское прошлое, младшее служило и выдвинулось в походах самого Помпея. Многие из них были людьми незнатного происхождения, обязанными своим выдвижением личным заслугам и покровительству знаменитого полководца, а потому заинтересованными не столько в «республике», сколько в ее «принцепсе». К этой категории принадлежали три легата Помпея,

командовавшие в Испании: консул 60 г. Л. Афраний, победитель при Пистории М. Петрей, впрочем, в 59 г. проявивший оппозиционность триумвирам, и М. Теренций Варрон, историк, филолог, антиквар, также бывший легатом Помпея в Дальней Испании. Позже к ним присоединился изменивший Цезарю Лабиев. Возможно, был жив и консул 61 г. М. Пупий Пизон.

К более младшему поколению можно отнести Г. Кассия Лонгина, квестора Красса в 53 г. и организатора обороны восточных провинций от парфянского нашествия 53–51 гг. На более низших постах находились будущие военачальники Помпея в гражданской войне 49–45 гг., П. Атий Вар, М. Октавий, Отацилий Красс, Г. Колоний, Г. Консидий Лонг, Г. Валерий Триарий.

3. Олигархи и оптиматы. К их числу относятся многочисленные высокопоставленные и знатные аристократы. Наиболее значительными из них можно, наверное, считать коллегу Цезаря по консульству 59 г. М. Кальпурния Бибула и Л. Домиция Агенобарба. Менее последовательными и яростными врагами Цезаря были и другие аристократы: консул 54 г. и цензор 50 г. Аппий Клавдий Пульхр, консул 66 г. Ман. Эмилий Лепид и консул 65 г. Т. Манлий Торкват. В 50-е гг. особое значение в этой группировке приобретают два рода, Корнелии Лентулы и Клавдии Марцеллы. К первому принадлежали консул 57 г. П. Корнелий Лентул Спинтер и, возможно, его брат, консул 49 г. до н.э. Гн. Корнелий Лентул Крус, ко второму — три Клавдия Марцелла, консул 51 г. М. Клавдий Марцелл, его брат, консул 49 г. Г. Клавдий Марцелл и их двоюродный брат, Г. Клавдий Марцелл, консул 50 г. Начиная с 54 г., эта группа регулярно добивалась консульства. В 57 г. — Лентул Спинтер, в 56 г. — Гн. Корнелий Лентул Марцеллин, в 54 г. — Домиций Агенобарб и Аппий Клавдий, в 51 г. — М. Клавдий Марцелл, в 50 г. — Г. Клавдий Марцелл, в 49 г. — Г. Клавдий Марцелл и Л. Корнелий Лентул Крус. К

концу 50-х гг. они составили очень влиятельную группу в элите сената, а во время гражданской войны занимали руководящие посты в помпеянской партии и армии.

4. Идеологи. Олигархи и оптиматы давали деньги, влияние, положение и большинство в элите сената. Несколько особое положение занимали те, кто формировал идеологию «помпеянской партии», и центральными фигурами были здесь, несомненно, Катон и Цицерон. Оба лидера несколько отличались: Катон проявлял несомненное непримиримое отрицание Цезаря, будучи готовым на любые крайности в борьбе с противником, Цицерон, также бывший противником Цезаря, был более склонен к компромиссу и недопущению эксцессов. Непосредственных последователей Катона было не так много. К их числу можно отнести Марка Фавония, уроженца Нуцерии, постоянно следовавшего за своим кумиром (Cic. Att., I, 14, 5; II, 1, 9; IV, 7; Plut. Caes., 21) и, возможно, М. Юния Брута, сына Сервилии и племянника Катона. В 59 г. через усыновление Брут стал сыном Кв. Сервилия Цепиона, легата Помпея. В 58 г. он сопровождал Катона на Кипр (Plut. Brut., 3). Первым браком Брут был женат на Клавдии дочери Аппия Клавдия Пульхра, консула 54 г. Сестра жены Брута была женой Гнея Помпея — младшего.

Круг Цицерона был более обширен, а его связи более сложны. Ближайший друг оратора, Т. Помпоний Атик, сознательно придерживался нейтралитета. Его биограф Корелий Непот восхищается способностью Атика придерживаться добрых отношений со всеми римскими политическими лидерами от Мария и Суллы до Антония и Октавиана. Разумеется, он ладил и с Помпеем, и с Цезарем, и с Катоном. С Цезарем был связан родной брат оратора, Квинт, также очень близкий к Цицерону человек. Из близких к Цицерону людей можно назвать людей обеих партий: это были и оптиматы и помпеянцы

(Т. Анний Милон, П. Сестий) и цезарианцы (А. Гирций, Г. Оппий, Л. Корнелий Бальб, собственный зять Цицерона Долабелла). Некоторые колебались: среди них весьма характерна фигура М. Целия Руфа, одного из доверенных лиц Цицерона. С другой стороны, Цицерон был достаточно близок и с Катоном и Брутом.

По своему положению круг Цицерона мог играть определенную посредническую роль, что он и пытался делать. По большому счету, это ему не удалось.

Положение «идеологов» достаточно интересно. Среди них было немного аристократов, но в основном это были люди, стремившиеся войти в круг знати (прекрасные примеры — Фавоний, Милон и сам Цицерон) и не всегда принимаемые этой последней. Даже Катон, бывший правнуком знаменитого Катона Цензора, в определенном смысле подчеркивал демократическую традицию предка. Их социальный статус был относительно невысок: только Цицерон был консуляром, а Катон, несмотря на свое фактическое положение, был только преторием и неоднократно терпел поражения на выборах. Их фактическое влияние было гораздо больше. Под влиянием Катона (а иногда и в родстве с ним) находились многие влиятельные олигархи, Домиций Агенобарб или Лентул Спинтер, Катон и Цицерон имели огромное влияние на Помпея. Нередко, как это было в случае с заговором Каталины, именно позиция Катона или Цицерона и даже менее влиятельных членов кружка имели решающее значение для принятия решения.

Наконец, именно этот круг создавал идеологию и имидж новой оптиматской и помпеянской партии, создавая новые ценности: идея нравственного преобладания Катона, теория расширительного толкования *optimates* у Цицерона, его же идеи «согласия сословий» и «первого гражданина», обосновывающие особое положение Помпея. Катон и Брут (в меньшей степени, Цицерон) имели безупречную нравственную

репутацию, являя собой пример честности, принципиальности, стойкости и бесстрашия борцов за республику. Показателем их реального положения было то, что после гибели Помпея, его сторонники достаточно единодушно хотели сделать командующим именно Катона, а выбор Сципиона был продиктован им самим. В 44 г. заговорщики без колебаний уступили лидерство Бруту, в 58–57 гг. именно Цицерон стал той фигурой, вокруг которой начинается борьба за возрождение партии оптиматов, в 44–43 гг. он был несомненным лидером оппозиции в сенате.

Имея огромное влияние на интеллектуальную жизнь, именно эти люди создали «миф о республике», представив Рим I в. до н.э. со всеми его пороками, как свободное гражданское общество, низвергнутое «тираном» Цезарем и поставив его в один ряд с Марием, Суллой, Катилиной и Клодием. Фигуры Катона, Цицерона и Брута «прикрыли» властолюбие Помпея и его окружения, коррупцию, эгоизм, политические манипуляции и близорукость сулланских, постсулланских и оптиматских олигархов и зверства помпеянских военных и представили эту гибельную для Рима политику, как оппозицию «лучших людей» и «мыслящей интеллигенции» тоталитаризму и военной диктатуре. Вероятно, именно в борьбе с «идеологами» Цезарь и созданная им система испытала самые серьезные трудности. В какой-то степени, он даже проиграл.

С конца 53 г. вся эта разнообразная группировка вполне определенно взяла курс на захват власти и жесткое подавление любой оппозиции. Она, несомненно, прекрасно воспользовалась ситуацией, но встает и вопрос, в какой степени она ее создала. Операция выборов на 52 год была достаточно четко разыграна разными частями этой «партии». Именно сейчас всякого рода компромиссные фигуры уходят на второй план, а

фактическим римским правительством становятся непримиримые враги Цезаря: Помпей, все больше склоняющийся в эту сторону, Сципион, Катон, Бибул, Домиций Агенобарб, Петрей и Афраний, Лентул Спинтер, Лентул Крус, а позже — Лабиен, Аттий Вар и сыновья Помпея. Эти силы берут в свои руки власть и политику, стремясь к ничем не ограниченному контролю над политическими структурами, материальными ресурсами и идеологией.

7. Путь к диктатуре Помпея. Рим 53-50 гг.

Выборный кризис начался уже в 54 г. В июле начались консульские выборы. Кандидатами выступили Гн. Домиций Кальвин, пока еще бывший сторонником оптиматов, и Гай Меммий, которого поддержал Цезарь. Домиций и Меммий заключили предвыборное соглашение (Cic. Att., IV, 15, 7; 16, 6; Suet. Iul., 73). Другими претендентами были М. Эмилий Скавр и М. Валерий Мессала. Оба были связаны с правящей семьей. М. Эмилий Скавр был сыном знаменитого лидера сената, М. Эмилия Скавра и Цецилии Метеллы, а после смерти отца стал приемным сыном Суллы. В 62 г. он женился на Муции, бывшей жене Помпея. М. Валерий Мессала Руф был сыном Гортензии, сестры знаменитого оратора Кв. Гортензия, позже он стал легатом Цезаря в гражданской войне.

Предвыборная борьба была очень острой. Все кандидаты обвиняли друг друга в подкупе. В конечном счете, консулами стали Домиций Кальвин и Мессала Руф. Скавр и Меммий стали жертвами процессов: Скавра обвинили в вымогательствах во время его бытности наместником Сардинии в 55 г., Меммий, который вначале прошел в консулы, был обвинен в подкупе и лишен должности (Cic. ad Q. fr., III, 22). Позже, в 52 г., когда власть взял Помпей, он был обвинен Метеллом Сципионом и отправлен в изгнание. Реальной причиной обвинения было не только сближение с Цезарем, но и попытка Меммия соблазнить новую жену Помпея, Корнелию (Suet. Gram., 14; App. B. C, II, 93). Меммий вернулся из изгнания в 50-49 гг., но отошел от политики.

Еще более громким делом стал процесс Габиния, в центре которого оказался консул Аппий Клавдий Пульхр (Cic. ad Q. fr., III, 1-4; 7; Att., IV, 17-19; App. B. C, II, 90ff., Dio, 39, 55-63). Габиний был обвинен по трем серьезнейшим пунктам: оскорбление величия (т. е. действия против сенатус-консульта), вымогательства в провинции и подкуп (Plat. Ant., 3, 2; Cic. Rab. Post., 21, 30; 34, 38). Габиний был союзником и Цезаря, и Помпея, он достаточно хорошо проявил себя на посту наместника Сирии, и удар по нему был нанесен оптиматами. При помощи Помпея, Габиния оправдали по первому пункту (Cic. ad Q. fr., II, 11; III, 2-3; 6; Att., ГУ, 15, 7-10; App. B. C, II, 19; Plut. Pomp., 54), но осудили за вымогательства. Третий процесс о подкупе не состоялся. Габиния поддержал Цицерон, бывший его личным врагом с 58 г. (Cic. Rab. Post. 19), но проявивший лояльность к Помпею. Габиний отправился в ссылку и был возвращен Цезарем в 49 г. (Cic. Att., X, 8, 3).

Уже в 54 г. рост анархии и коррупции вызвал слухи о назначении диктатора, на роль которого претендовал Помпей, в известной мере подводя общество к этой идее (App. B. C, II, 19; Cic. ad Q. fr., II, 6; Plut. Pomp. 54). Неудача этого плана была вызвана, прежде всего, пока еще несогласованными действиями двух элит, помпеянцев и оптиматов. Постепенно их интересы сближаются, хотя внутренние противоречия сохранились и далее.

53 год отмечен прогрессом анархии и неспособности властей справиться с ситуацией. В этом году Цезарь фактически не участвовал в предвыборной кампании, и борьба за консульство была связана с борьбой внутри правящей элиты. Претендентами стали Метелл Сципион, только что ставший или еще готовившийся стать тестем Помпея, Л. Плавтий Гипсей и Т. Анний Милон. Гипсей, ранее квестор Помпея, был его вторым кандидатом (Asc. Mil., 31) и теперь Помпей активно лоббировал Сципиона и Гипсея.

Положение Милона было сложнее. С 57 г. он был центральной фигурой в борьбе с Клодием и организатором вооруженных отрядов, сумевших остановить мятежного трибуна. Милона поддержали Сципион и Гортензий (Asc. Mil., 11), наконец, Милон пользовался поддержкой Катона (Ibid., 11; 32). Оптиматы полагали, что победа столь жесткого и сильного кандидата, как Милон, позволит покончить с Клодием и нанести удар по Цезарю, а заодно и усилить их позиции в отношении Помпея. По этой же причине Помпей относился к нему настороженно: сильный консул-оптимат мог быть опасен для него самого. Милон сделал достаточно ловкий ход, заявив, что снимет кандидатуру, если таково будет желание Помпея, однако последний вовсе не стремился к такого рода ясности (Asc. Mil., 13–17). Помпеянцы даже начали обвинять Милона в подготовке покушения на Помпея (Ibid., 17).

Ситуацией воспользовался Клодий. Он выставил собственную кандидатуру в преторы и одновременно поддерживал Сципиона и Гипсея, оказавшись в числе союзников Помпея. Снова активизировались временно успокоившиеся в 55–53 гг. отряды Милона и Клодия, а провести выборы становилось все труднее и труднее. Желая привлечь голоса, Клодий пообещал полностью уравнивать в правах либертов и свободных (Cic. Mil., 87; Asc. p. 46).

Развязка наступила неожиданно, хотя вполне возможна и хорошо спланированная акция. 18 января 52 г. произошел инцидент. Наиболее подробно его описывает Асконий Педиан. Милон выехал в свой родной муниципий Ланувий в сопровождении большого числа рабов, среди которых было немало число гладиаторов. У Бовилл его кортеж встретился с Клодием, который ехал из Ариция с тремя спутниками (Т. Кавсинием Схолой, П. Помпонием и Г. Клодием) и 30 рабами. Произошла ссора, во время которой один из гладиаторов

Милона, Биррия, нанес удар копьем Клодию. Раненного Клодия отвезли в харчевню в Бовиллах, но Милон велел добить своего врага. Отряд гладиаторов во главе с М. Сауфеем добил Клодия. Отряд последнего был разгромлен, а сам лидер популяров получил множество ран (Asc. Mil., 4-6). Большинство источников следуют версии Цицерона, настаивавшего на случайности встречи и вынужденности действий Милона (Cic. pro Mil., 10; 27; 31, нейтрально — Veil., II, 47, 4; Liv. Epit., 107; App. B. C, II, 21; скорее обвиняя Милона — Suet. Iul., 26; Plut. Cic, 35; Dio, 40, 43), однако эта версия порождает слишком много вопросов. Совершенно очевидно, что отряд Милона (согласно Асконию — около 300 человек — Asc. Mil., 12) существенно превосходил противника, и начать столкновение было не вовсе не в интересах клодианцев. Если ссора началась случайно (как пытался доказать Цицерон), то дальнейшие действия, несомненно, были преднамеренным убийством. Вопрос о случайности встречи более сложен, хотя обе стороны могли знать о действиях друг друга, и примечательно, что оптиматы, в том числе и Марк Брут (Asc. Mil., 30), и, возможно, Катон, советовали Цицерону изменить тактику, доказывая, что хотя убийство и было преднамеренным, оно было сделано «ради государства». Цицерон, прекрасно понимавший опасность такого рода интерпретаций и их полную неуместность в нормальном криминальном процессе, решительно отказался. Наконец, Милон явно рассчитывал на поддержку и, возможно, безнаказанность, что подтверждают Аппиан и Дион Кассий (App. B.C. II, 22; Dio, 40, 49).

После гибели Клодия начались массовые беспорядки. Ночью тело было доставлено в Рим и выставлено в атриум его дома. На следующий день огромная толпа отнесла его на форум, а трибуны Кв. Помпей Руф, внук Суллы и консула 88 г. Кв. Помпея Руфа, и Т. Мунатий Планк, брат легата Цезаря, потребовали наказания Милона. Толпа

принесла тело в курию Гостилия и устроила там погребальный костер; во время пожара сгорела Курия Гостилия, а также — базилика Порция и ряд окрестных сооружений (Asc. Mil., 7–8). Часть сторонников Клодия атаковала дом интеррекса М. Эмилия Лепида, будущего сторонника Цезаря, и самого Милона, но была отогнана стрелами (Ibid., 8–9). Беспорядки продолжались (App. B.C. 1121; Dio, 40, 19).

В Рим вернулся Милон. Вместе с трибуном М. Целием Руфом, близким другом Цицерона, он выступил на сходке, заявив, что действовал в порядке самообороны (Asc. Mil., 9; App. B.C. II, 22; Dio, 40, 49). Беспорядки продолжались. Интеррексы сменялись один за другим.

Сенат пошел на крайние меры. В воздухе носилась идея назначения Помпея диктатором. Сенат принял «крайнее решение» (s. c. ultimum) и после дебатов был принят компромисс. Помпей должен был стать единоличным консулом (consul sine collega) (Liv. Epit., 107; Veil., II, 17, 2; App. B. C, II, 23; Plut. Pomp. 54; Caes., 28; Dio, 40, 50). Согласно Аппиану, это предложение внес Катон, согласно Диону Кассию-Бибул и «другие» (οἱ ἄλλοι), согласно Плутарху, Бибул сделал это при поддержке Катона. Асконий, быть может, наиболее справедливо с формальной точки зрения, сообщает, что предложение внес интеррекс Сервий Сульпиций (как вероятный председатель, именно он ставил вопрос на голосование) по заявлению Бибула (Asc. Mil., 14). Так или иначе, это было заключение соглашения между всеми тремя группами руководства, Помпеем и его кругом, олигархами и «идеологами», причем, Помпей становился формальным, а во многом и реальным, но не бесспорным лидером группы. По положению, Помпей мог провести выборы (а фактически — назначение) коллеги, но не ранее чем через 2 месяца с момента собственного назначения (Plut. Comp., 54; Cato, 48). Помпей сохранял и полномочия в Испании.

Цезарь, в общем, смирился с этим решением. В 53 и даже 52 г. между ним и Помпеем сохранялось традиционное согласие, так или иначе, «принципат» Помпея устраивал его больше, чем преобладание группы Катона. Цезаря могло устроить и наведение порядка в Риме под эгидой Помпея и хотя он, конечно, был озабочен положением популяров в Риме, лично Клодий, вероятно, вызывал у него мало сочувствия. В начале 7 книги «Галльских войн» Цезарь очень лояльно отзывается о Помпее (Caes. B. G. VIII, 6). При известии о гибели Клодия, он начал набор войск в провинции и выехал в северную Италию, но вернулся в Галлию, узнав о назначении Помпея и прекращении беспорядков (Ibid.). По его мнению, слухи о смутах в Риме ускорили начало галльского восстания (Ibid., VII, 2-5). Народные трибуны (неизвестно, с ведома или без ведома Цезаря) предложили сделать его вторым консулом (Suet. Iul., 26). Предложение повисло в воздухе. После семимесячного пребывания в должности, Помпей сделал вторым консулом Метелла Сципиона. Впрочем, в 52 г. Цезарь был слишком занят подавлением восстания Верцингеторикса, и, поскольку он, видимо, был достаточно высокого мнения о деловых качествах Помпея, его устраивало то, что власть в Риме в данный момент находится в его руках. Тем не менее, принятие предложения трибунов могло бы способствовать снятию напряженности, чего не произошло.

Помпей достаточно быстро навел порядок, используя войска. Через несколько дней после вступления в должность, он предложил два закона, о подкупах (*de ambitu*) и о насилии (*de vi*), после чего начинается серия процессов, проводимых под защитой вооруженной охраны.

Самым громким и, вместе с тем, самым сложным и деликатным делом было дело Милона. Обвинителями выступили народные трибуны. Кв. Помпей, Т. Мунатий

Планк и будущий знаменитый историк Г. Саллюстий Крисп. Последний, уроженец сабинского города Амитерна, принадлежал к всаднической семье и, как и многие популяры и цезарианцы, был «новым человеком» в римском политическом мире. Саллюстий родился в 86 г., получил хорошее образование и в молодости был близок к кружку П. Нигидия Фигула, философа-неоплатоника, астролога и видного деятеля партии оптиматов (Sail. Hist., II, 5; 14), в 55 г. он был квестором, а в 52 г. — трибуном. Кроме политической вражды, были и личные мотивы. Ходили слухи, что Милон, застав Саллюстия со своей женой Фаустой, велел его безжалостно выпороть.

Против Милона выступили и родственники Клодия, по римской традиции защищавшие члена своего клана. К обвинителям-популярарам присоединились племянники трибуна, Аппий и Гай Клавдии Пульхры (Asc. Mil., 23). Мести требовала жена Клодия, Фульвия (Ibid., 7) в будущем — жена Куриона и Марка Антония. Среди обвинителей были Г. Корнелий Цетег, возможно, родственник бывшего катилинария, Л. Корнифиций, Г. Фульвий Нерат и П. Валерий Непот.

Сторона защиты была представлена элитой партии оптиматов. Милона защищали Гортензий, Цицерон, Катон, Фауст Сулла, будущий консул 51 г. М. Клавдий Марцелл и М. Калидий. Основная линия защиты четко представлена в речи Цицерона «За Милона» (Asc. Mil., 11). Процесс закончился осуждением: 38 судей против 13 вынесли ему обвинительный приговор. Милон удалился в изгнание в Массалию. Примечательно, что председателями суда были Домиций Агенобарб и А. Манлий Торкват (Ibid., 25).

Оптиматам пришлось пожертвовать Милоном. Вина обвиняемого была слишком очевидна, а широкие массы, сочувствующие Клодию, могли рассчитывать на месть. Более или менее непредвзятый процесс Милона был

нужен правящей партии для известного сохранения имиджа. Впрочем, решающую роль, видимо, сыграла позиция Помпея. Лично не любя Милона и даже его опасаясь, Помпей также мог продемонстрировать образ «справедливого» и «беспристрастного» защитника правопорядка, выставляя себя борцом с коррупцией и насилием и сохраняя лицо перед Цезарем и популярами. И Помпей, и Сципион открыто говорили об угрозе со стороны Милона, а Сципион, выступив в сенате, опроверг доводы Милона и его защиты и открыто заявил о преднамеренном убийстве Клодия (Asc. Mil., 12), приведя множество компрометирующих обвиняемого подробностей.

Осуждением Милона кампания закончилась. Примечательно, что другой обвиняемый, Марк Сауфей, бывший предводителем отрядов Милона и непосредственным организатором акции 18 января, был оправдан (Asc. Mil., 34). Правящая партия достаточно четко показала, что осуждает лично Милона, но не убийство Клодия (App. B. C, II, 24; Plut. Cic., 35).

Более серьезный удар обрушился на клодианцев, обвиненных в поджоге курии и организации массовых беспорядков. По сообщению Аскония, подавляющее большинство осужденных были именно сторонниками Клодия (Asc. Mil., 35; Dio, 40, 52). Среди них был Секст Клодий, родственник мятежного трибуна, руководивший его отрядами. На сей раз осуждение было почти единогласным (Asc. Ibid). Восстановление курии было поручено Фаусту Сулле (Dio, 40, 50). Партия Клодия была разгромлена.

Косвенными жертвами событий стали даже родственники Клодия. Один из его братьев, Г. Клавдий Пульхр, бывший легатом Цезаря и помогавший брату (Cic. Sest., 41; de domo, 118; Dio, 39, 21), был обвинен и отправлен в ссылку (Cic. Fam., VIII, 8, 2; XI, 22, 1). Процесс о вымогательствах коснулся даже самого влиятельного

из братьев, консула 54 г. Аппия Клавдия Пульхра. Он был обвинен зятем Цицерона Корелием Долабеллой, который просил содействия у Цицерона, Брута и М. Целия Руфа, впрочем, без особого успеха (Cic. Fam., VIII, 6, 1; III, 10; Att, VI, 2, 10). Аппий был оправдан благодаря влиянию Помпея, а Гортензий и Брут выступили в качестве адвокатов (Cic. Fam., III, 11; Brut., 230, 24). Более того, в 50 г. Аппий стал цензором, продолжая и далее защищать дело Помпея. Другой жертвой стал Саллюстий Крисп: в 50 г. он был исключен из сената. Официальной формулировкой было «аморальное поведение», но большинство исследователей связывают эту санкцию с политической деятельностью будущего историка.^{216} Цезарь получил еще одного важного сторонника.

Наконец, серия процессов была направлена против коррупции. Ее жертвами стали Эмилий Скавр, Гай Меммий и Плавтий Гипсей (вероятно, пострадавший за связи с Клодием) (Plut. Pomp., 55; App. B. C, II, 23–24). Все они, хотя и косвенно, были связаны с популярами и Цезарем.

Некоторые действия Помпея носили уже достаточно опасный характер, нарушая создавшуюся систему равновесия. Полномочия Помпея в Испании пролонгировались на 5 лет (до 47 г.) (Dio, 40, 56; Veil., II, 48; Plut. Pomp., 55), тогда как полномочия Цезаря не только не продлевались, но, более того, был сделан шаг к их прекращению. Срок их окончания остается достаточно сложным и спорным вопросом. Действие закона Лициния-Помпея заканчивалось к 50 г. Неизвестно, когда он был принят, но более вероятно, что ближе к концу 55 г. Вместе с тем, закон Ватиния от 58 г. действовал не пять лет, а три. Едва ли это всерьез принималось во внимание, но возможность неофициальной пролонгации хотя бы на год существовала. Вероятно, после победы над

Верцингеториксом, Цезарь выдвинул идею собственной баллотировки на 48 год, что допускалось действующим законодательством Суллы и повторяло практику самого Помпея.

Попытки пролонгации наместничества и новых полномочий для Цезаря внешне выглядели как попытки политического лидера и без того неправоммерно долго занимавшего чрезвычайную должность, продолжать до бесконечности цепляться за власть, а требования сената сократить его срок, как вполне законный контроль коллегияльных властей над монархическими устремлениями сильной личности. Впрочем, это было только внешнее проявление. Консульство Цезаря в 48 г. (а мало кто сомневался, что он снова одержит блестящую победу) было, прежде всего, способом ликвидировать опаснейший дисбаланс политических сил и дать «второй партии» положение в государстве, адекватное ее статусу и реальным заслугам. С другой стороны, консульство было жизненно необходимо для материального обеспечения галльской армии, а опыт самого Помпея показывал необходимость такого личного участия.

Равновесие действительно имело место. По подсчетам Д. Шекльтона Бэйли, касающегося участников гражданской войны 49–45 гг., соотношение было весьма сложным. Общее число нобилей было примерно одинаково (55:40, скорректировано 50:45), а соотношение сенаторов-неаристократов — 27:21. При наличии этого равновесия, помпеянцы доминировали в верхней части сената. Из 31 консуляра (включая консулов 49 г.) 18 были на стороне Помпея, 8 на стороне Цезаря, 5 остались в Риме, что предполагает их благожелательный к Цезарю нейтралитет, о четырех нет данных. Из 32 известных нам преториев соотношение было 20:12 в пользу Помпея, а трибуниций и эдилициев — 20:6 в пользу Цезаря^{217}. Ситуация была очевидна:

помпеянцы и оптиматы взяли верх в элите сената, противник доминировал в его нижней части. При мирном развитии оптиматы исчерпывали свой кадровый ресурс и со временем ситуация должна была уравниваться и меняться в пользу Цезаря и новой элиты. Такое развитие событий (а консульство Цезаря могло его существенно ускорить) не могло устроить помпеянцев, которые начали «раскручивать» силовой вариант.

Первые шаги были сделаны уже в 52 г. В полномочиях Цезаря оставалась проблема 49 года. Сняв свои полномочия в конце 50 г., он мог быть смещен консулами 49 г., которые могли прибыть в провинцию только в 48 г. Это означало, что Цезарь мог оставаться полуофициальным наместником провинции, дожидаясь своего преемника, что часто практиковалось в Риме того времени. С другой стороны, окончательное снятие империя происходило после триумфа, что также требовало времени. Пользуясь все еще сохранившимися отношениями с Помпеем, Цезарь рассчитывал на разрешение заочной баллотировки в консулы. Практически все трибуны предложили закон о такой пролонгации и заочной баллотировке (Liv. Epit., 107; Suet. Iul. 26; App. B. C, II, 25). Катон выступил против, но Помпей поддержал предложение, впрочем, дав понять, что оно может быть и пересмотрено (Plut. Pomp., 54).

Проблематичными были все этапы наместничества: помпеянцы попытались поднять проблему 49, а, возможно, и 50 года, сорвать участие Цезаря в выборах, а, возможно, и сами выборы, о праве на триумф не было даже и речи. Первый удар был нанесен в 52 г.: по закону Помпея, магистрат получал провинцию не сразу по окончании срока, а через 5 лет после него. Это могло быть развитием закона Корнелия, но предложение имело вполне конкретный адрес. Цезарю назначался преемник, им становился консул 54 г. Гн. Домиций

Агенобарб, который мог прибыть в провинцию 1 января (или марта) 49 г. Другой закон носил определенный идеологический смысл. Помпей провел закон о праве требовать отчет со всех, кто занимал высшие должности с 70 г. (App. В.С. II, 23), т.е. после «мирной революции», что, в известной степени, означало попытку пересмотра всех достижений политического развития этого времени. В число этих лиц входил и Цезарь. 52 год стал первым этапом переворота и блока Помпея с оптиматами. То, как восприняли эти события цезарианцы и популяры, подробно излагается во 2 Письме к Цезарю, приписываемом Саллюстию.

«Но так как Гней Помпей», — пишет Саллюстий (или Псевдо-Саллюстий) «либо из-за дурных склонностей, либо потому, что больше всего отдавал предпочтение тому, что может повредить тебе, пал так низко, что вкладывал оружие в руки врагов, то теми же средствами, какими он нарушал порядок в государстве, тебе следует его восстановить. (2) Прежде всего, он предоставил нескольким сенаторам возможность полностью распоряжаться податями, расходами, правосудием; римский народ, ранее обладавший высшей властью, он, издав даже не равные для всех законы, оставил в рабстве» (Sail. Epist., II. 3, 1-2). Саллюстий называет эти имена: Катон, Домиций, Бибул, Фавоний (Ibid., 4).

События 52 г. стали сигналом для атаки на Цезаря, который был главным объектом для удара победивший *factio*, постепенно ставившей себя над государством, включая и собственно сенат. Катон сделал попытку стать консулом 51 г., но потерпел поражение (Liv. Epit., 108; Plut. Cato, 49-50), что стало показателем протеста масс против политики оптиматов. Консулами стали Марк Клавдий Марцелл и Сервий Сульпиций Руф. Марцелл принадлежал к правящей партии. Он был другом Катона и его коллегой по квестуре 65 г. (Plut. Cato, 18). В 63 г.

он был соперником Цицерона в его борьбе с Катилиной (Cic. Cat., 1, 21; Plut. Cic. 15), в 56 г. защищал Милона (Cic. ad Q. fr., II, 3, 1), в 54 г. стал претором, в 52 г. продолжал защищать Милона. Сервий Сульпиций Руф, известный юрист и корреспондент Цицерона, был претором 65 г. Впервые он баллотировался в консулы в 63 г., но потерпел неудачу. В 52 г. он был интеррексом, провозгласившим консулом Помпея (App. B. C, II, 26; Suet. Iul., 28). Сульпиций был умеренным консерватором и, в данный момент, получил поддержку Цезаря и популяров, опасавшихся победы Катона и Марцелла. Во многом против своей воли Сульпиций оказался соперником Катона и одержал победу.

Тем не менее, Марцелл решил провести в жизнь программу Катона. Консул потребовал, чтобы Цезарь уже в 51 г. (военные действия явно шли на спад) снял свои полномочия и лично баллотировался в консулы (Liv. Epit., 108; Dio, 40, 59; Suet. Iul., 28; App. B. C, II, 26). Цезарь парировал предложение через консула Сульпиция и народных трибунов (Suet. Iul., 29). Впрочем, и это, видимо, стало решающим фактором, сам Помпей заявил, что Цезарь может оставаться в провинции до окончания срока, т.е. до 50 г. (App. B.C. II, 26). Более мелким, но болезненным уколом был акт непризнания предоставления Цезарем гражданских прав городу Новумкомум (App. B.C. II, 26; Suet. Iul., 28). Решающая схватка должна была состояться в 50 г. Военные действия в Галлии прекратились, и Цезарь мог посвятить свое время политической борьбе в Риме. Консулами 50 г. стали Г. Клавдий Марцелл и Л. Эмилий Павел. Марцелл, двоюродный брат консула 51 г. принадлежал к помпеянцам, но не был ярым врагом Цезаря. В 54 г. он женился на Октавии, внучатой племяннице Цезаря и сестре будущего императора Августа (Suet. Iul., 27). Л. Эмилий Павел был сыном консула 78 г. и братом будущего триумвира Лепида. В 50

г. братья еще не принадлежали к числу цезарианцев: Лепид, родившийся в 89 г., был понтификом в интеррексом 52 г., Павел в 63 г. обвинил Катилину в насилии (Sail. Cat., 31, 4), в 57 г. боролся за возвращение Цицерона (Cic. Fam., XV, 13), а в 53 г. стал претором. Если после начала гражданской войны Лепид стал верным союзником Цезаря, то Павел оказался «семейным диссидентом». Он не участвовал в гражданской войне, позже собирал войска для Д. Брута (Cic. Fam., XI, 19, 1), попал в проскрипционные списки, спасся при помощи брата, бежал к Марку Бруту в Азию (Dio, 47, 8) и остался жить в Милете.

Согласно традиции, Цезарь обеспечил нейтралитет Эмилия большой взяткой в 1 500 талантов (Plut. Rompr., 58; Caes., 29). На самом деле никакой взятки не было, и Цезарь просто выделил значительную сумму денег на строительство сооружаемой Павлом Эмилиевой базилики. В начале войны он появился в северной Италии и встретил энтузиастический прием, фактически ставший открытием предвыборной кампании (Caes. V. G., VIII, 50-51). Показателем настроений масс стал успех Марка Антония, избранного как в авгуры, так и в народные трибуны (Ibid.). Сын Антония Критского, претора 74 г., и дочери Л. Цезаря (консула 90 г.) Юлии, Антоний родился в 82 г., отличался красотой и физической силой и принадлежал к римской «золотой молодежи». Его друзьями были Клодий (Cic. Phil, II, 48) и Курион-младший, а от отца Антоний унаследовал только имя и долги. После смерти мужа, Юлия вышла замуж за Лентула Суру, ближайшего сподвижника Катилины. В 58-55 гг. Марк Антоний служил в Греции в армии Габиния, участвовал в походе в Египет, а затем стал одним из высших офицеров Цезаря в его галльских войнах. Другим трибуном стал Кв. Кассий Лонгин, видимо, кузен Г. Кассия. Эти люди должны были защищать интересы Цезаря в сенате и в Риме.

Оптиматы усилили агитацию за снятие полномочий. В конце 51 г. их открыто поддержал Помпей (Cic. Fam., VIII, 8-9; 14, 2-3; Li v. Epit., 109; Dio, 40, 60; Veil., II, 48; App. B. C, II, 26-27). Катон провел через сенат запрет заочной баллотировки Цезаря (Plut. Cato, 49). Цезарь сделал ответный ход, через народного трибуна 50 г. Г. Скрибония Куриона было передано новое предложение. Курион-младший был сыном известного сулланца, консула 76 г. и врага Цезаря Г. Скрибония Куриона-старшего, умершего в 53 г., и принадлежал к тому же кругу «золотой молодежи», что и Клодий и Антоний, будучи близким другом последнего. В начале карьеры он следовал в русле политики отца. В 61 г. оба Куриона защищали Клодия (Cic. Att., I, 14, 5), а в июне 59 г. Курион-младший выступил и против Цезаря и Помпея (Suet. Caes., 50; Cic. Att., II, 18). В 52 г. после гибели Клодия, Курион женился на его вдове Фульвии (Cic. Phil., II, 11).

Став трибуном, Курион выступил с предложением отмены аграрного закона Цезаря и последующей антицезарианской программой (App. B. C, II, 100). Источники сообщают, что Цезарь сумел перекупить Куриона, заплатив его огромные долги в 2, 5 млн. денариев (10 млн. сестерциев) (Dio, 40, 61-62; Veil., II, 48; Plut. Pomp., 58; Caes., 29; Cic. Fam., VIII, 5, 6).

Уже в марте 50 г. Марцелл внес на рассмотрение сената вопрос о власти Цезаря. Эмилий Павел его не поддержал, а Курион предложил взаимное разоружение Цезаря и Помпея. Значительная часть сената и собравшийся возле курии народ поддержали инициативу Куриона. Казалось, что выход был, наконец, найден. Предложение, сулившее ликвидацию опасного конфликта, встречало все большее и большее сочувствие. Помпею пришлось отделяться обещаниями. Идею, озвученную Курионом, поддержали даже такие лидеры сената как цензор Л. Кальпурний

Пизон и Цицерон (Veil., II, 48, 5; Dio, 40, 62–64; Hirt. V. G., VIII, 52–53; App. B. C, II, 27–29; Plut. Pomp., 38; Caes., 30; Ant., 6).

Противникам Цезаря удалось ослабить его армию. При известиях о наступлении парфян, было принято решение, чтобы и Цезарь, и Помпей выделили по одному легиону для посылки на восток. Помпей дал I легион ранее посланный им Цезарю, а Цезарь добавил свой, 15 легион. Реально группировка Цезаря сократилась с 11 до 9 легионов (Hirt. V. G., VIII, 54; Dio, 40, 65; App. B. C, II, 29; Plut. Pomp. 56; Caes., 29). По приказу Марцелла, войска были переданы в распоряжение Помпея, став ядром его группировки.

Другим весьма опасным фактором стала измена лучшего из легатов Цезаря, Тита Лабиена, Мотивы измены Лабиена остаются неясными. Ее часто объясняют преданностью Помпею и тем, что в конфликте Цезаря и Помпея он выбрал второго. Не исключены и более глубинные мотивы: выдающийся военачальник не довольствовался ролью второго и чувствовал себя чужим в цезарианской элите. Так или иначе, в дальнейшем, Лабиен был одним из самых способных, последовательных и жестоких противников Цезаря в войне 49–45 гг. Не совсем ясно, когда произошел конфликт. В 50 г. Лабиен был наместником Ближней Галлии, и его задачей была важная функция обеспечения лояльности населения провинции (Hirt., VIII, 52). Переговоры начались, видимо, уже тогда, возможно, помпеянцы рассчитывали на измену какой-то части армии Цезаря. Не исключено, что Лабиену уделялась и другая роль: он должен был помочь переходу галльской армии под командованием помпеянцев.

Дебаты продолжились в августе 50 г. (Cic. Fam., VIII, 14). Целий Руф, регулярно писавший письма находящемуся в Киликии Цицерону, информируя его о событиях в Риме, всерьез опасается гражданской войны,

а настроения Помпея становятся все более решительными. Была сделана попытка давления на Куриона: цензор Аппий Клавдий собирался вычеркнуть его из списков сенаторов, но второй цензор, тесть Цезаря Л. Кальпурний Пизон, этому помешал. Новым фактором конфликта стали выборы в консулы 49 г., на которых баллотировались два помпеянца, Гней Корнелий Лентул и Г. Клавдий Марцелл, и легат Цезаря Сер, Сульпиций Гальба. Гай Клавдий Марцелл был братом Марка, консула 51 г., а Гней Корнелий Лентул Крус, видимо, брат Лентула Синтера, служил в Испании под началом Помпея. В 61 г. он был главным обвинителем Клодия в святотатстве (*Cic. de har. resp.* 37), а в 58 г. стал претором. Лентул был ярым врагом Цезаря и одним из лидеров «военной партии». По сообщению Гарция, Гальба набрал больше голосов, чем его соперники (*Hirt. VIII*, 50). Не совсем ясно, стал ли он жертвой римской избирательной системы, при которой подсчет шел по округам, а не по абсолютному числу выборщиков, или же имела место прямая фальсификация результатов, что также вполне возможно. Впервые за довольно долгое время помпеянцы могли контролировать оба консульских места.

Трудно сказать, когда начался набор войск. Хотя официально помпеянцы объявили о нем в декабре 50 г. или в январе 49, реально он, несомненно начался раньше. К февралю 49 г. помпеянцы располагали 116 когортами: 5 легионов Помпея (2 из них взяты у Цезаря), 7 когорт Минуция в Игувии, 3 — в Ауксуме у Аттия Вара, 10 — в Аускуле у Лентула Синтера, 30 — в Корфинии у Домиция Агенобарба, 7 — в Сульмоне, 6 — в Альбе и 3 Таррацине под началом Кв. Лукреция, Л. Манлия и Рутилия Руфа (*Caes. B.C. I*, 12; 13; 15; 17-18; *Cic. Att.*, IX, 6, 2). Набрать такие силы даже за два месяца было бы достаточно сложно. Войска были готовы оборонять

Италию и даже действовать против галльской армии. Так или иначе, факт набора показывает постепенную подготовку переворота и гражданской войны, тем более, что войска находились под командованием надежных помпеянских и оптиматских военачальников, как правило, отобранных по принципу враждебности Цезарю.

Цезарь предпринял последние шаги для избежания конфликта. Галльская армия была рассредоточена двумя военными группировками. Четыре легиона Требония находились в Бельгике, а четыре легиона Фабия — в области эдуев. В Цизальпийской Галлии стоял один, 13 легион (Hirt., VII, 4). Сама эта группировка не была предназначена для активного наступления, хотя Цезарь мог достаточно быстро изменить дислокацию.

В декабре 50 г. была предпринята последняя попытка мирного решения проблемы. Противники Цезаря поставили на голосование вопрос о его полномочиях и большинство сената согласилось с предложением об их прекращении. Однако, когда Курион все же настоял на предложении об обоюдном разоружении Цезаря и Помпея, итоги голосования вызвали подлинную сенсацию. За предложение Куриона высказалось 370 человек, против было только 22 или 25 (Liv. Epit., 109; App. B. C, II, 30; Dio, 40, 64; Plut. Pomp., 59; App. B.C. II, 31). Председательствующий консул Марцелл распустил сенат и потребовал чрезвычайных полномочий для Помпея (Dio, 40, 64; Plut. Pomp., 56; Caes, 32). 4 декабря Марцелл открыто потребовал объявления войны Цезарю и официально начал набор войск. 9 декабря, завершив свой срок пребывания в должности, Курион уехал к Цезарю. 27 декабря 50 г. Курион отправился в Рим с письмом командующего: по-прежнему сохраняя в силе предложение о взаимном разоружении с Помпеем, Цезарь выдвинул новый план, оставляющий за ним два легиона и управление

Иллириком и Цизальпийской Галлией (App. B. C, II, 32; Suet. Iul., 29). Оставляя за собой минимальное количество войск и достаточно формальные полномочия, Цезарь фактически требовал лишь минимальных гарантий для баллотировки на выборах на 48 год. Это были попытки во что бы то ни стало найти политический выход из кризиса.

**Глава VII.
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (49-47
гг.)**

1. «Бархатная революция» (январь-март 49 г.)

Как показали новейшие исследования (П. Яль, Дж. Коллинз и др.), вопрос о непосредственном виновнике гражданской войны имел для римлян ключевой смысл, временами даже отстраняя на второй план проблему «справедливости» и «легитимности»^{218}. Именно поэтому обе стороны стремились всеми силами снять с себя вину за начало военных действий и переложить ее на противника. В отличие от современного сознания, начальные насильственные действия такого рода в глазах римлян не оправдывались практически ничем, и целью Цезаря (как и его противников) было показать, что не его войска начали боевые операции. Как показали события, несмотря на всю очевидность, ему это не удалось.

Античная традиция почти однозначно решила этот *Kriegschuldfrage* не в его пользу. Из авторов, писавших о войне, одни вполне однозначно считают Цезаря ее виновником (Suet. Iul., 29–30; Veil., II, 49), а другие (App. B. C., II, 32; Plut. Caes., 28–30) склоняются к тому или иному варианту «взаимной вины». Видимо, только Анней Флор подчеркивает, что Цезарь начал войну, вынужденный к этому открытым объявлением его «врагом отечества» (Flor, IV, 2, 7). Примечательно, что Цицерон, откровенно сочувствуя помпеянкам и приняв твердое решение встать на их сторону (Cic. Att., VII, 26), предпочел мирное решение вопроса (Cic. Fam., XVI, 12) и так и не решился бросить Цезарю открытое обвинение в развязывании войны.

Сходна и позиция большинства исследователей. Одни вполне определенно считают Цезаря виновником гражданской смуты^{219},^{52} другие развивают теорию

«обоюдной вины»^[53] или указывают на безысходность положения, в котором оказались обе стороны^[54]. Наконец, даже многие представители процезарианской позиции (напр. Т. Моммзен) выдвигают теорию глобальной исторической оправданности действий Цезаря, защищавшего (пусть и не всегда законным путем) высшую справедливость и государственные интересы.^{[220]. [55]} Вопрос об исторической справедливости еще нуждается в дальнейшем рассмотрении, сейчас мы остановимся на более конкретном вопросе о том, что происходило в Риме в январе-марте 49 г.

Письмо Цезаря было передано в сенат накануне его первого заседания в новом, 49 г., под председательством новых консулов. Его доставил Фабий или Курион (Caes. B. C, I, 1; Flor, IV, 2; App. B.C., II, 32; Dio, 41, 1). В письме содержались предложения о взаимном разоружении или о частичном разоружении Цезаря, а также перечень его действий и подробный отчет о галльской кампании (Dio, 41, 1; App. B. C, II, 32). Цезарь напоминал правительству, что галльская армия сражалась за Рим и выиграла тяжелейшую войну, а сам он готов дать отчет перед сенатом и народом. Цицерон сообщает, что письмо было написано с убеждением, что конфликт вот-вот разразится (Cic. Att., VII, 9) и называет его тон угрожающим (Cic. Fam., XVI, 11). Впрочем, это было субъективное впечатление, никаких конкретных угроз оратор не привел.

1 января 49 г. консулы открыли заседание сената и попытались не дать зачитать письмо Цезаря (Caes. B. C, I, 1; Plut. Pomp., 59; Dio, 41, 1). На зачитании настояли Антоний и Кассий (Caes. B. C, I, 1; Dio, 41, 1). Консулы также отказались сделать специальный доклад по письму, заменив его общим докладом о положении в государстве (B. C, I, 1)^[56]. Лентул призвал высказываться «смело и мужественно», не ища расположения Цезаря.

Только в этом случае он намерен помогать сенату, в противном случае, он позаботится о себе сам и найдет способ наладить отношения с Цезарем. Это было весьма резкое заявление — исполнительная власть уже давно не решалась на подобный тон по отношению к сенату. Сципион выступил от имени Помпея (как проконсул последний должен был находиться за чертой города и не мог лично участвовать в заседании) и заявил, что Помпей готов прийти на помощь государству, если сенат его поддержит, и, напротив, не намерен помогать сенату, если тот проявит мягкость и слабость (В. С, I, 1). В завуалированной форме, имитируя свободную дискуссию, помпеянские лидеры (а именно они, а не сенат были заинтересованы в жестком решении вопроса) постепенно толкали сенаторов к силовому решению. Впрочем, некоторые сенаторы поняли эти заявления как возможность компромисса.

Высказывались и более мягкие предложения. М. Калидий и друг Цицерона Целий Руф предложили, чтобы Помпей удалился в свои испанские провинции, а второй консул Марцелл советовал отложить вопрос до окончания набора войск, т.е. продолжать необъявленную войну, но воздерживаться от ее объявления (В. С, I, 2). Заметим, что эти суждения исходили от людей, весьма далеких от сочувствия Цезарю. Желание сената хотя бы отсрочить войну было очевидно. Помпеянское руководство перешло к открытым действиям. Под его давлением было принято решение Сципиона в ультимативной форме обязывающее Цезаря распустить армию. В противном случае он объявлялся врагом отечества, готовящим государственный переворот (*ad versus rem publicam facturum*) (В.С., I, 2). Цезарь пишет о явном нежелании сената принимать подобную резолюцию (*inviti et coacti*) (В. С, I, 2), более того, Антоний и Квинт Кассий наложили на нее вето, что по закону делало решение

недействительным (Ibid.), однако власть уже совершенно определенно переходила в руки помпеянского руководства, а в адрес трибунов раздавались откровенные угрозы.

Получив резолюцию сената, Помпей начал действовать. Сенат в полном составе был вызван к нему, и теперь заседания происходили уже за чертой города. Рим наполнялся солдатами и офицерами Помпея и его вооруженными сторонниками, а Лентул, Катон и Сципион оказывали на сенаторов открытое давление (В. С, III, 4). Интересно, что Цезарь не упоминает ни Бибула, ни Домиция Агенобарба, которые, вероятно, уже брали контроль над доверенными им войсками.

Особо жесткому давлению подверглись трибуны. Согласно Цезарю, на 7 день они были уже вынуждены бежать из Рима. Это означает 7 января, и следовательно, в заседании 7-8 января они уже не принимали участия (В. С, I, 5). В письме, датированном 12 января, Цицерон пишет о бегстве Антония и Кассия, как о свершившемся факте (Cic. Fam., XVI, 11). Согласно Аппиану, консулы удалили трибунов с заседания, а курия была оцеплена вооруженными воинами (App. В.С., II, 33). Не совсем ясно, о каком заседании идет речь, возможно, о заседании 1 января. Тесть Цезаря Л. Кальпурний Пизон и претор Л. Росций Фабат, бывший аграрный триумвир и легат Цезаря в Галлии (в 54 г.), попросили 6 дней для того, чтобы вручить Цезарю решение сената (В. С, I, 3). Значительная часть сенаторов считала нужным хотя бы информировать его о решении, что требовалось даже в отношении с внешним врагом, но и это предложение было отвергнуто помпеядцами (В. С, I, 3-4).

Заключительный акт переворота приходится на 7-8 января. 7 января сенат принял «крайнее решение» (*senatusconsultum ultimum*), дающее неограниченные полномочия Помпею и другим магистратам. Сама форма

такого решения, как показал это Цезарь, была сомнительна с точки зрения государственного права (В.С., I, 5). Конкретные меры были приняты 8 января: это было решение о наборе, который реально уже давно шел, и распределение провинций. Согласно Аппиану, набор увеличивался до 130 000 человек (App. В.С., II, 34). Вопреки всякой очередности, правилам и даже собственному закону Помпея, все ключевые провинции оказываются в руках помпеянского руководства. Испанские провинции уже были в руках Помпея и его легатов, Сирия передавалась Сципиону, Домиций утверждался в качестве наместника Галлии и преемника Цезаря, Африка передавалась Кв. Элию Туберону, хотя реально, при молчаливом согласии помпеянского руководства ее занял П. Аттий Вар. Мавретания доставалась Фаусту Сулле (В. С, I, 6), наместником Сицилии стал Катон. Македония и Греция вскоре также оказалась под властью консулов и Помпея, а находившийся в Сирии Бибул получил (видимо в марте 49 г. или даже раньше) командование флотом (Caes. В. С, III, 5, 4; Cic. Att., IX, 9). Командование в Италии также находилось в руках той же группы. Главная группировка (5 легионов) передавалась под личное командование Помпея, группировкой в Центральной Италии (около 40 когорт) командовали Домиций Агенобарб и Лентул Спинтер. Севернее стояли 10 когорт Кв. Минуция Терма и П. Аттия Вара. Терм, вероятно, связанный личными узами с первым командиром Цезаря, был в 62 г. народным трибуном и выступал вместе с Катоном против Цезаря и Метелла Непота (Plut. Cato, 27-28), а в 51 г. управлял Азией. Из других командиров можно отметить претора Л. Манлия Торквата, сына сулланского офицера и консула 65 г. и П. Рутилия Лупа, видимо, также потомка консула 90 г.

Излишне говорить, что ни одно из помпеянских назначений не прошло через комиции, равно как и само

объявление войны. Часть должностных лиц, включая трибуна Л. Марция Филиппа, сына консула 56 г. и знаменитого популяря, консула 65 г. Л. Аврелия Котту, пытавшегося заступиться за Цезаря, исключили из жеребьевки, как неблагонадежных (В. С, I, 6). «По всей Италии производится набор», — заключает свой рассказ об этих событиях Цезарь, — «требуют оружие, взыскивают из муниципиев деньги, берут их из храмов, одним словом, попирается всякое право, божеское и человеческое» (I, 6).

Помпеянский переворот создавал крайне опасную ситуацию, фактически прерывая не только переговорный процесс, но и нормальное функционирование римской электоральной системы и вообще — политической жизни Рима. Парадоксально и то, что сами помпеянцы, столь решительно захватывавшие власть, в известной мере, оказались неспособными ей распорядиться. Упреки в «непродуманности» действий, которыми проникнуты многие письма Цицерона (Cic. Fam., XVI, 1, 2; Att., VI, 10; 15), видимо, разделялись многими помпеянами (Plut. Caes., 33-34; Pomp., 60). Сторонники Помпея могли рассчитывать на психологический эффект, но, видимо, мало кто из них ожидал скорой капитуляции Цезаря. Возможно, большинство оптиматов рассчитывали на возможность поражения Цезаря в Италии или надеялись продержаться до подхода войск из Испании или с Востока. Примечательно, что одним из немногих, кто не верил в реальность обороны Италии, был сам Помпей, считавший нужным перенести войну в провинции. Многие, как и Цицерон, втайне надеялись на какое-то чудо, которое может остановить войну.

Помпеянам и тем, кто предпочитал положение наблюдателя, предстояло немало неожиданностей. Первой из них было поведение противника, основанное на исключительной выдержке и глубоком чувстве

ответственности. Военному решению вопроса Цезарь противопоставил политическое решение. Переживший в детстве и молодости бойню гражданской войны, он сделал все возможное, чтобы новая война не стала повторением событий его ранней юности.

После написания письма, Цезарь находился в Равенне, ожидая ответа на свои предложения (Caes. B. C, I, 5). Хотя он, несомненно, достаточно быстро получил известия о происходящем в Риме (гонцы могли прибыть в Равенну за 1-3 дня), никаких демаршей вплоть до 10 января, т.е. фактически, до прибытия трибунов, он не предпринял. Его первый ход вызвал наиболее сложную дискуссию в античной, а затем и в новой и новейшей историографии. По собственному заявлению, получив известия о событиях 7-8 января, Цезарь выступил перед войсками, т.е. перед единственным, стоящим в Цизальпийской Галлии 13 легионом. Начав с перечисления обид противников, Цезарь особо обратил внимание на недоброжелательные действия Помпея, отношения с которым не давали основания для такого рода поведения. Большая часть речи, как ее излагает Цезарь, посвящена антиконституционным действиям помпеянцев, нарушению прав народных трибунов и, в общем, противозаконности и необоснованности «крайнего решения» сената и введения особого положения (тем более, применительно к данному случаю) (B. C, I, 7). Вопреки достаточно распространенному убеждению, никаких призывов к войне, мести или даже просто решительным действиям, в речи не было. Дав правовую оценку происходящему и свое негативное отношение к действиям помпеянцев, Цезарь только просил защитить его доброе имя и народных трибунов от обид (Ibid.).

После речи он выступил в Аримин, возможно, послав туда предварительно отряд центурионов. Тогда же произошло то, что именуют переходом через Рубикон.

Эпизод с переходом реки занял центральное место в сообщениях трех главных историографов Цезаря, Аппиана, Плутарха и Светония (App. B. C, II, 35; Plut. Caes., 32; Suet. Iul., 31), рассказывающих о событиях с небольшими вариациями. Согласно Аппиану, он вечером выслал вперед храбрейших из центурионов, чтобы те вошли в Аримин, а сам под предлогом нездоровья, удалился с ночного пира и прибыл к войскам, довольно быстро подойдя к реке Рубикон, бывшей границей Провинции и Италии. После долгих раздумий, Цезарь, наконец, перешел реку со своими знаменитыми словами (*Alea iacta est* — “Жребий брошен”) и к утру занял Аримин. Примерно то же рассказывает и Плутарх, добавив деталь о красивом юноше, игравшем на флейте, вслед за которым Цезарь и перешел реку (Plut. Caes., 32). Этот эпизод упоминает и Светоний, хотя в рассказах авторов есть важные различия. Во-первых, Аппиан сообщает, что переход состоялся ночью, а описание Светония и Плутарха скорее соответствует дневному событию; во-вторых, Цезарь у Светония произносит речь после перехода (Suet. Iul., 31), а в одном из кратких вариантов Плутарха упоминается только Аримин (Plut. Cato, 52).

Все три биографа описывали событие спустя два столетия после того, как оно произошло. Самым интересным является полное молчание современников; ни Цезарь, ни Цицерон, ни его корреспонденты (а среди них в январе-марте 49 г. были Помпей, Домиций Агенобарб, Л. Корнелий Бальб, Г. Оппий, М. Целий Руф и сам Цезарь) ни словом не говорят о «судьбоносной реке». Рубикон появился позже; в эпитафиях Ливия его еще нет (Liv. Epit., 109), Веллей Патеркул о нем уже упоминает (Veil., II, 50, 1). Заметим, что трудности с идентификацией реки испытывали и современник Августа, знаменитый географ Страбон (Strabo, V, 1 11; 2, 10 — он сомневается, был ли Рубикон границей Италии)

и позднейшие исследователи. В 1932 г. правительство Италии объявило Рубиконом реку, именуемую ранее Фьючимино.

Впрочем, река Рубикон, несомненно, существовала, двигаясь из Равенны к Армину, Цезарь ее перешел, а знаменитая фраза (тем более, что это цитата из любимого Цезарем Менандра) действительно была произнесена. Фактом остается то, что рядовое и не замеченное современниками событие стало знаковым для будущих историков. Кроме чисто литературной стороны (что очень немаловажно), превращение Рубикона в символ смещало акценты, делая Цезаря нарушителем мира.

Операция с Армином непохожа на объявление войны или начало переворота, но она имеет, наверное, не менее глубокий смысл. Действия Цезаря были спокойным и взвешенным противодействием перевороту. В своей речи он заявил о готовности противостоять беззаконию, подчеркнув его неприемлемость. Методы противостояния не уточнялись, противник получил право и возможность ответных ходов. Цезарь показал и то, что переговорный процесс слишком важен, чтобы его могли сорвать даже столь противозаконные действия помпеянцев.

Почти сразу после прибытия в Армин, Цезарь начал переговоры через Л. Цезаря и Л. Росция. Луций Цезарь передал ему весьма своеобразное заявление Помпея, который просил не видеть в его действиях личное оскорбление и заявил, что действует «в интересах государства» (обычная формула группы Катона и оптиматов), призывая к этому и оппонента (Caes. B. C, 1, 6). Трудно сказать, было ли это стремлением успокоить больную совесть, шагом к переговорам или тактической уловкой (B. C, I, 7). Цезарь дал понять, что увидел первое.

Росций и Л. Цезарь получили конкретный ответ. Заявив о своих правах в отношении Галлии и вопроса о заочной баллотировке, Цезарь, в духе Помпея, заявил, что готов пожертвовать даже умалением собственного достоинства (*dignitas*), если это будет отвечать интересам государства. Условием остановки опасного развития событий являются простые и конкретные действия; вывод войск из Италии, отъезд обоих лидеров в провинции и прекращение набора. Цезарь предложил Помпею немедленные личные переговоры и обмен клятвами и гарантиями по любому спектру вопросов (Caes. B. C, I, 9). В перспективе вопрос о власти должен быть решен через свободные выборы в установленном законом порядке.

Согласно Цицерону (Cic. Att., VII, 14), 25 января Росций и Л. Цезарь вернулись к Помпею в Капую. Поездка, вероятно, потребовала около недели. Между тем, до конца января Цезарь не предпринял никаких активных действий. Это не позволяло ни количество войск, ни политическая установка. Наступление на Рим по Фламиниевой или Кассиевой дороге, потребовало бы не более недели, и его, видимо, ждали, но, понимали ли это помпеянцы, или нет, Цезарь вообще не собирался идти на столицу. Все это время он не спеша готовил плацдарм для подходящих из Галлии сил. Цезарь занял Арреций, Фан, Пизавр и Анкону, в которых вообще не было помпеянских войск (B. C, I, II). В письме от 17-22 января Цицерон пишет об утрате Анконы и сохранении помпеянами Цингула, родного города Лабиена (Cic. Att., VII, 11), 26 января он сообщает только о занятии Цезарем четырех упомянутых городов (Cic. Fam., XVI, 12), а 3 февраля даже о слухах об отбитии Анконы (Cic. Ibid.).

Впрочем, в этом письме есть сведения о занятии Цезарем каких-то новых городов, хотя о военных действиях Цицерон не сообщает (Cic. Att., VII, 18).

Активные операции начались, по всей вероятности, только на рубеже января-февраля.

Вероятно, между 17 и 22 января помпеянцы начали эвакуироваться из Рима. Помпей покинул столицу, приказав всем следовать за ним, а 23 января пришли сведения о сдаче Ауксима и Игувия. Ходили слухи о подходе Цезаря. Консулы бежали из Рима, прекратили набор и в суматохе оставили в городе государственную казну. Только в Капуе помпеянцы собрались и возобновили набор, зачисляя в армию колонистов и гладиаторов (Caes. B. C, I, 14; Cic. Att., VII, 14, 3). Уже 23 января Помпей встретился в Теане с Лабием (Cic. Att., VII, 13a), а 25 принял посольство Росция (Cic. Att., VII, 14). Бегство из Рима произвело крайне неблагоприятное впечатление на большинство сенаторов (в т.ч. оптиматов) и, вероятно, на простых римлян и италиков, а скептическое, настороженное и раздраженное отношение Цицерона, похоже, отражает и общее впечатление. Некоторые оптиматы обвиняли Помпея в некомпетентности и прямом предательстве (App. B.C., I, 36-37; Flor, IV, 3, 21; Dio, 41, 2; Plut. Caes., 33-34; Pomp., 60-61).

Позиция Цезаря вскоре стала давать свои результаты. Быстрота перемен привела к серьезным последствиям, предвидеть которые не могли не только помпеянцы, но, возможно, даже и Цезарь. В последней декаде января (вероятно, после 20-го) Цезарь направил Куриона к Игувию, где стояли 5 когорт Минуция Терма. Узнав о подходе Куриона, Терм вывел когорты из города, но солдаты разошлись по домам, Терм бежал, жители Игувия приняли войска Цезаря (B. C, I, 12). В Ауксиме, где расположился Аттий Вар, инициативу проявили уже сами местные власти, потребовавшие от Вара немедленно покинуть город (B. C, I, 13). Вар был вынужден вывести войска, но еще до начала боя его солдаты разбежались, а часть из них сдалась Цезарю (I,

13). На сторону Цезаря стали переходить города Пицена, а его собственные войска пополнились за счет 12 легиона (I, 15). Примерно ко 2 февраля Цезарь подошел к Аускулу, где стояли 10 когорт Лентула Спинтера (I, 15).

При известии о подходе Цезаря Спинтер вышел из города и стал отступать на юг, большая часть его солдат разбежалась. По пути он встретил Л. Вибуллия Руфа, квестора и бывшего офицера Помпея, которому и передал командование. К ним присоединились 6 когорт Луцилия Гирра, уходящие из Камерина (I, 15). Объединенные силы Вибуллия, Спинтера и Луцилия Гирра, насчитывающие (учитывая дезертирство) примерно 13 когорт, отступали в Корфиний, где стоял Домиций Агенобарб. Северная группировка, не уступавшая войскам Цезаря, оставила Умбрию и Пицен практически без сопротивления.

Примерно в это же время Л. Росций отбыл из Капуи с новыми условиями. Помпей соглашался на условия Цезаря при условии вывода его войск из Италии (Cic. Att., VII, 17, 2). Впрочем, общее согласие (скорее, на переговоры, чем на реальное выполнение обязательств) не сопровождалось конкретными действиями, например, предложениями о личной встрече, и 5 февраля Цицерон пишет, что потерял надежду на мир (Cic. Att., VII, 20). 8 февраля он сообщает, что набор в районе Капуи почти прекратился, и вербовщики не осмеливаются заниматься своими делами. В том же письме оратор сообщает, что получил мирные предложения от самого Цезаря (Cic. Att., VII, 21). Впрочем, события принимали несколько иной оборот, вести переговоры было уже не с кем.

Около 9–10 февраля Домиций собрал в Корфиний около 30 когорт, включая войска, набранные им в области марсов, пелигнов и других народностей Аbruццо и отступающие с севера отряды Вибуллия, Гирра и Лентула Спинтера (Cic, Att, VII, 23–24; VIII, 1 la; 12b; Caes.

В. С, I, 15; 18; App. В. С, II, 38; Plut. Caes., 34). Домиций расположил войска для обороны города и обратился к Помпею с просьбой прийти к нему на помощь (Caes. В. С, I, 17). Олигарх обещал примерно 15 тысячам солдат выдать им по 4 югера из своих владений (Ibid.).

11 или 12 февраля Помпей потребовал срочного отступления Домиция и соединения с ним, 15-го он повторил просьбу (Cic. Att., VIII, 12 b). Впрочем, было уже поздно. С точки зрения военной ситуации, Домиций занимал превосходную позицию и подход Помпея мог бы обеспечить победу, однако, четко сознавая ненадежность (как своих, так и Домиция) Помпей, вероятно, предлагал единственно возможный выход.

Вероятно, 12-13 февраля Цезарь без боя занял Фирм (Caes. В. С, I, 16), и через день-два подошел к Корфинию. Здесь произошел первый и, возможно, единственный бой, когда солдаты Цезаря помешали противнику разрушить мост (I, 16). Около 17 февраля сдался Сульмон, где стояли 7 когорт Лукреция Веспиллона и Аттия Пелигна. При подходе пяти когорт Антония, солдаты и горожане открыли ворота и вышли приветствовать цезарианцев (I, 18). Чуть позднее началась осада Корфиния, в которой участвовали уже три легиона Цезаря (13, 12 и 8) и 22 когорты новобранцев, значительную часть которых составляли бывшие солдаты Помпея (I, 18). Город был окружен.

Последующие события показали полный развал помпеянской армии. 17 февраля Помпей пишет последнее письмо Домицию, сообщая о полной ненадежности своих войск и прося попытаться выйти из окружения (Cic, Att, VIII, 12b). Впрочем, в тот же день он написал письмо консулам, где сообщал, что Домиций окружен и уже не может прорваться, а сам он, учитывая ненадежность армии, намерен идти в Брундизий (Ibid., VIII, 12a, 1-4). Домиций поступил полностью в духе своего командующего. Заявив на военном совете, что

Помпей идет на помощь, он сам попытался бежать (Caes. B. C, I, 19), но был арестован собственными солдатами, вступившими в переговоры с Цезарем (I, 20). Ночью переговоры продолжил Лентул Спинтер, а на рассвете началась сдача (I, 22–23).

Осада Корфиния пролилась неделю (17–24 февраля) и завершилась сдачей города и армии Домиция. Сдалась 15-тысячная армия (около 30 когорт), среди них были 50 сенаторов, детей сенаторов, военных трибунов и всадников, а также — многие представители муниципальной знати. В числе сдавшихся были Домиций Агенобарб, Лентул Спинтер, Л. Целий Руф и квестор Квинтилий Вар (I, 23). В комическом ракурсе историю сдачи Домиция рассказывает Плутарх (Plut. Caes., 34). Под Корфинием Цезарь впервые в массовых масштабах применил свою политику милосердия (*dementia*). Ни один из захваченных не был казнен или интернирован, а солдаты Домиция (как и другие сдавшиеся отряды помпеянцев) были зачислены в армию Цезаря (Caes. B. C, I, 23; Liv. Epit., 109; Dio, 41, 10–11; Suet. Iul., 34, 1; Plut., Caes., 34; App. B.C., II, 38). Позже эти войска проявили очень высокие боевые качества во время занятия Сицилии и кампании в Африке (Caes. B.C., I, 23; II, 23–44), из чего следует, что слабое сопротивление при Корфиний было вызвано их полным нежеланием сражаться. Наоборот, руководители помпеянцев во главе с Домицием бежали к Помпею (App. B. C, II, 38; Plut. Caes., 35). Очень характерно еще одно мероприятие Цезаря: 6 млн. сестерциев, взятые Домицием из казны, он отдал городу (Caes. B. C, I, 23).

25 февраля Цезарь ускоренным маршем выступил в Брундизий, и менее чем за 2 недели прошел 450 км^[57]. К моменту выступления противника Помпей уже находился в области этой главной гавани восточного побережья Италии. Конница Цезаря догнала 9 когорт Манлия Торквата и Вибуллия Руфа, сдавшиеся при ее

появлении (В. С, I 24). За это время он дважды делал предложения о мире через Цицерона, а затем — через попавшего в плен префекта инженерных войск Помпея, Нумерия Магия (В. С, I, 24). Примерно в это же время Цезарь провозглашает свою политику милосердия, заявив о готовности простить всех сдавшихся противников и считать своими союзниками всех, кто еще (или в принципе) не принял ничьей стороны (Cic. Att., IX, 7c). Вероятно, впервые в истории гражданских войн одна из борющихся партий провозглашала и оправдывала принцип неучастия. Наоборот, Помпей в духе сулланской традиции сделал противоположное заявление, объявив всех нейтральных своими врагами.

Около 5–6 марта Цезарь подошел к Брундизию. Его армия состояла из трех собственных и трех набранных легионов. Половина армии Помпея во главе с консулами отплыла в Диррахий (предположительно 4 марта) (Caes. V.C., I, 25; Cic. Att., IX, 6, 2). Началась 9-дневная осада, Цезарь начал строить плотину, чтобы перегородить гавань, а Помпей атаковал ее кораблями (В. С, I, 25–26). Одновременно Цезарь начал переговоры через своего легата Г. Каниния Ребила и Л. Скрибония Либона. Впрочем, Помпей отказался от переговоров, сославшись на отъезд консулов (Caes. V. С, I, 25–26; App. V. С, II, 40; Veil., 49; Flor, IV, 19–20; Plut. Pomp., 62–63).

На девятый день пришли корабли. Перегородив улицы поперечными рвами и закрыв ворота, помпеянцы начали погрузку. Жители Брундизия поддержали Цезаря, давая сигналы его солдатам и показывая им рвы и частоколы. 14 марта Помпей покинул гавань Брундизия, при помощи горожан Цезарь едва не помешал этому бегству (App. V. С, II, 38–40; Veil., II, 49, 4; Flor, IV, 2, 20; Dio, 41, 12–15; Plut. Pomp., 62–63; Caes., 35).

Значение первых месяцев 49 г. трудно переоценить. Кроме моральной победы, Цезарь мог распоряжаться огромными людскими и материальными ресурсами

Италии и Рима, что стало залогом победы. Италия занимала центральное положение в Средиземноморье, а потому владеющий ей мог наносить удары в разные стороны, затрудняя для противника координацию действий. Наконец, сторона, обладающая Римом, превращалась в законную власть.

Первый этап гражданской войны прошел фактически бескровно. Эту операцию провел не столько выдающийся военачальник, сколько выдающийся политик. Исход войны был решен не на поле боя и даже не армией Цезаря, а населением Италии и войсками помпеянцев, «проголосовавшими» таким образом за своего противника. События января-марта стали своеобразным «референдумом», на котором Цезарь, его армия и “партия” одержали полную и убедительную победу. Еще в большей степени это было поражением Помпея. Впрочем, победа была только началом войны. Победив в борьбе за Италию, Цезарь начал борьбу за державу.

2. План Помпея

Как ни парадоксально, одним из немногих военачальников противника, не верившим в возможность удержать Италию, был сам Помпей. Вероятно, больше, чем другие лидеры его партии, он был уверен в возможности избежать войны. Плутарх пишет о крайней самоуверенности Помпея (Plut. Pomp., 57). Впрочем, по письмам Цицерона вырисовывается несколько иная, гораздо более сложная картина.

10 или 11 декабря 50 г. Цицерон встретился с Помпеем, и после беседы с ним писал Аттику, что Помпей не верит в мирное урегулирование (Cic. Att., VII, 4). В отличие от Цицерона, Помпей его, вероятно, и не хотел. Уже с конца января 49 г. Цицерон начинает критиковать Помпея за ведение войны. Первым предметом критики было оставление помпеянами Рима (Cic. Att., VII, 11, 3; 13, 1-2). Цицерон именует Помпея непредусмотрительным и неспособным полководцем и пишет о ненадежности его армии (Cic. Att., VII, 13, 2). На какое-то время критика ослабевает (Цицерон верит в надежность мирных переговоров), но после сдачи Домиция она опять резко усиливается. Как и многие оптиматы, Цицерон считал, что Помпей был обязан идти на соединение с окруженными в Корфинии войсками (Cic. Att., VII, 23-4). Это соединение войск в Корфинии вызвало подъем настроения среди оптиматов (Cic. Att., VII, 23, 1), но поражение Домиция было слишком быстрым, и в письмах конца февраля Цицерон резко осуждает Помпея за все, что он сделал с начала войны (Cic. Att., VIII, 8; 9), продолжая эту критику в мартовских письмах (Cic. Att., VIII, 11; 16; IX, 7; 9; 11). То, что Помпей постоянно подвергался нападкам своего окружения за оставление Италии, свидетельствуют и другие авторы

(Caes. B. C, I, 30; App. B. C, II, 37). Среди критиков были и помпеянские лидеры, Катон, Домиций Агенобарб и др. Ворчание по этому поводу позволял себе даже неизменно верный Помпею Луций Афраний.

Впрочем, наряду с обвинениями в некомпетентности и безынициативности Помпея, появились и новые. В письме от 27 февраля 49 г. Цицерон обвиняет Помпея в чрезмерной жажде власти и сознательном оставлении Италии, чтобы бросить на нее силы провинций: «все земли, все моря привести в движение, возбудить варварских царей, привести в Италию вооруженные дикие народы и собрать величайшие войска» (Cic. Att., VIII, 11). Согласно Цицерону, этот план существовал “с самого начала войны” (*sed hoc a primo cogitavit*) (Ibid.). Аналогичная мысль звучит в письме от 13 марта (Cic. Att., IX, 7), а в письме от 17 марта оратор достаточно подробно пишет о структуре помпеянского флота, его функциях и плане организации морской блокады Италии (Cic. Att., IX, 9 сравн. Caes. B. C, III, 5). В письме от 20 марта Цицерон высказывает свой ужас при мысли о том, что будут творить помпеянцы в случае победы (Cic. Att., IX, 11) и постоянно сравнивает Помпея с Суллой (*genus Sullani regni — VIII, 11; regnandi contentio — X, 7, 1; Sullano more — X, 7, 1*). Из писем Цицерона достаточно четко прорисовываются контуры плана Помпея, заключавшегося в том, чтобы воспользоваться своим господством в большинстве провинций и обрушить на противника мощь провинциальных армий и другие ресурсы, войска вассальных, независимых и даже враждебных Риму правителей, равно как и объединить различного рода антиримские силы, включая маргинальные, с целью удушения Италии морской блокадой и тяжелой войны на измор и уничтожение. Другие авторы, в общем, подтверждают свидетельства Цицерона. Аппиан намекает на то, что план существовал с самого начала (App. B. C, II, 37), Плутарх и Флор скорее

отмечают вынужденность действий Помпея (Plut. Pomp., 61-62; Flor., IV, 2, 2).

При конкретном анализе план вырисовывается достаточно четко. Основными силами, на которые рассчитывали Помпей и его сторонники, которые, несмотря на критику, достаточно последовательно проводили этот план в действие, были армии в Испании и на востоке, мощный флот, а также — определенные силы и средства в Сицилии и других регионах державы.

Испания. Начиная с 55 г., испанские провинции, согласно закону Требония, находились под высшим империем Помпея, пролонгированного на 5 лет в 52 г. Конкретно управление было передано трем легатам: Л. Афранию (Ближняя Испания), М. Петрею (Лузитания) и М. Теренцию Варрону (Дальняя Испания). Все трое принадлежали к помпеянским военным, впрочем, будучи связаны и с оптиматами. Луций Афраний был одним из самых близких к Помпею людей, будучи легатом полководца во всех его войнах и консулом 60 г. Именно Афранию Помпей мог доверить высшее руководство испанскими армиями. Марк Петрей, настоящий победитель при Пистории, также был легатом Помпея со времен Серторианской войны. В период триумvirата (59-58 гг.) он проявил оппозиционность триумвирам, но с 55 г. Помпей снова назначает его легатом Лузитании. Очень интересной фигурой был М. Теренций Варрон (116-28 гг. до н.э.), также один из старейших легатов Помпея, более известный как едва ли не крупнейший ученый своего времени, писатель, историк, филолог и антиквар. Варрон получил глубокое образование в Риме и Греции, был близок с Цицероном и Аттиком. Хотя пик научной деятельности Варрона приходится на время после 49 г. до н.э., уже в 60-50-е гг. он, несомненно, был известен, как знаменитый ученый. Позже Цезарь сделает его куратором созданных им публичных

библиотек и своеобразным «министром культуры» в новом римском правительстве.

В 49 г. у Афрания было 3, а у Петрея и Варрона по 2 легиона (Caes. B. C, I, 39). Испания была «вотчиной» Помпея еще со времен Серторианской войны (79–71 гг.) и для войны были мобилизованы огромные силы испанцев. Афраний и Петрей собрали 80, а Варрон — 30 вспомогательных когорт (Ibid.), а пример Сертория прекрасно показал возможности страны. Помпей мог использовать тактику своего прежнего противника, причем конкретных вариантов могло быть много: наступление против Италии и Галлии, решительное сражение на границе испанских провинций и, наконец, крупномасштабная «малая» и партизанская война, основанная на опыте кампаний Сертория, в которой могла увязнуть армия Цезаря. К началу войны испанская армия была, видимо, самой сильной военной группировкой Помпея.

Восточные провинции. После бегства из Италии, Помпей начал создавать вторую армию на востоке. Цезарь сообщает, что к 48 г. у Помпея было 9 легионов (Caes. B. C, III, 4; App. B. C, II, 49). Ядром этой армии были пять легионов, приведенные из Италии. Два из них участвовали в Галльских войнах Цезаря, 1-ый — с 52 г. (Hirt. B. C, VII, 54), а 3-ий (бывший 15-ый), видимо, с еще более раннего времени. Три остальных были набраны в Италии в 49 г. Один легион ветеранов был набран в Киликии из ветеранов Помпея, еще один — в Македонии и на Крите. Македонский легион состоял из ветеранов войн 60-х гг., а еще два легиона, набранные в Азии, — из новобранцев и, возможно, немало числа местных жителей (Caes. B. C, III, 4; App. B. C, II, 49). Эта армия могла быть усилена за счет двух легионов из Сирии, командование над которыми получил Сципион. Войска были частично составлены из остатков армий Красса и Бибула. Слабостью восточной армии было относительно

небольшое число собственно италийских контингентов и то обстоятельство, что пополнение шло не только за счет граждан, но и за счет местных уроженцев, чьи боевые качества уступали римлянам. Кроме того, половина помпеянской армии состояла из новобранцев, а единую армию как таковую надо было еще создавать.

В армии Помпея были сильные греческие контингента. Цезарь пишет, что Помпей включил в свои легионы большое число воинов из Фессалии, Беотии, Ахайи и Эпира (III, 4). У него было 3 000 лучников (критяне, спартанцы, понтийцы, сирийцы и др.) и 1 200 пращников. Особенно много о греческих контингентах пишет Аппиан. Он сообщает о спартанцах и о других пелопоннесцах, беотийцах и афинянах (App. В. С, II, 70). Кроме того, он упоминает греческие (ионийцы, родосцы). негреческие (фракийцы, жители области Геллеспонта, вифинцы, фригийцы, лидийцы, памфилийцы, писидийцы, пафлагонцы, другие контингента из Малой Азии) (Ibid., II, 71) и восточные войска (киликійцы, сирийцы, финикийцы, иудеи, арабы, киприоты) (Ibid.). В известном смысле, Аппиан стремился показать участие в войне греков и изобразить Фарсальское сражение как “битву народов”, но наличие большое числа греков во вспомогательных войсках, а, возможно, и в легионах, видимо, достаточно очевидно.

Сильной частью армии Помпея была кавалерия. Цезарь оценивает ее в 7 000 человек (III, 4), это число повторяют и другие авторы (App, В. С, II, 70). Несколько более сложен вопрос о ее составе. Согласно конкретному списку, приводимому Цезарем, часть конницы дали вассальные цари: 600 — царь Галатии Дейотар, 500 — царь Каппадокии Ариобарзан, 500 — фракийский царь Котис, 500 всадников были посланы египетским царем Птолемеем XII Дионисом из египетской армии Габиния, 200 дал Антиох Коммагенский. К ним следует добавить контингента

других предводителей: 200 от Расциполида из Македонии, 300 — от вождей Галлогреции (Таркондарий Кастор и Домилай) и 800 рабов и пастухов самого Помпея (Caes. B. C, III, 4). Этот подробный список дает всего 3 600 человек, остальные 3 400 всадников Цезарь обозначает как дарданов, бессов, македонян, фессалийцев и «граждан других племен и общин» (III, 4). Аппиан сообщает о наличие конного контингента из Армении (видимо, Малой Армении) во главе с Таксиллом и из независимой Армении от Артавазда II во главе с Мегабатом (App. B. C, II, 76). Некоторые военные историки эту версию отвергают. Вопрос о кавалерии стал предметом дискуссии^{221}, причем, дополнительным фактором стали сообщения авторов о наличии в армии Помпея конницы из аристократов. Плутарх прямо сообщает, что конницу Помпея составляли молодые нобили (Plut. Pomp., 64; Caes., 42), то же самое пишут Полиэн и Дион Кассий (Polyaen, VIII, 23; 25; Dio, 41, 55). Аппиан упоминает о «молодости и неопытности всадников».

Серьезные военные историки отвергают эту версию^{222}. Конница из граждан практически исчезает в III в. до н.э., а конница из аристократов вообще является атрибутом ранней республики. Всадники и молодые представители сенаторских семей, не говоря уже о нобиллях, как правило, служили в качестве офицеров (военных трибунов и префектов). Предположить наличие подобного «офицерского корпуса» достаточно сложно еще и потому, что римляне не имели опыта подобного рода частей, а потому последние едва ли могли быть эффективны. Трудно допустить, что аристократы стали бы служить вместе с конницей римских вассалов, не говоря уже о рабах и пастухах Помпея. Красивый литературный образ соединился с политическим обвинением Цезаря в

«истреблении знати», которая едва ли существовала в столь большом количестве^[58].

В 49 г. восточная армия Помпея, видимо, только создавалась. Она должна была закрыть путь Цезарю в восточные провинции. В случае наступления Цезаря в Испании (а это был наиболее вероятный вариант), восточная армия могла нанести удар по Италии и, возможно, сделала бы это именно тогда, когда войска Цезаря «увязли» бы на Пиренейском полуострове.

Флот. Флот был одной из самых серьезных сил помпеянцев. Помпей полностью господствовал на море. Согласно Цезарю, у него было 128 кораблей. Командование флотом было передано Бибулу. Основной базой был о. Коркира, другие базы находились на эпирском (Орик, Лисе, Аполлония, Диррахий) и иллирийском побережье (Caes. B. C, III, 7). Флот делился на 6 эскадр по национальному признаку: египетская эскадра (командовал Гней Помпей-младший), азиатская (Г. Триарий, Д. Лелий), сирийская (Г. Кассий Лонгин), родосская (Г. Клавдий Марцелл, Г. Колоний), либурнская (Л. Скрибоний Либон), ахейская (М. Октавий) (Caes. B. C, III, 5). Все перечисленные командиры были доверенными лицами Помпея, а некоторые — даже членами его семьи (Скрибоний Либон, Помпей Младший). Г. Клавдий Марцелл был консулом 49 г., Колоний, претор 49 г., ранее участвовал в походе Красса (Plut. Crass., 27), Д. Лелий был сыном легата Помпея в 77–76 гг. (Sail. Hist., II, 31) и его близкого друга (Cic. Att, VIII, 12a. 3; lid. 1), а М. Октавий, возможно, был сыном консула 76 г. Вероятно, ядро флота составляли корабли, участвовавшие в пиратской кампании Помпея в 67 г., опыт которой он, несомненно, собирался использовать.

Другие авторы дают еще большие цифры: Дион Кассий (Dio, 41, 52) и Плутарх (Plut. Pomp., 64) — 500, а Аппиан — даже 600 кораблей (App. B. C, II, 50–51). Это, видимо, преувеличение, хотя речь может идти и о

грузовых судах. Огромная армада Помпея не только прикрывала восточную армию и провинции, но и была, возможно, одним из самых опасных компонентов его военной мощи. Флот пытался организовать блокаду Италии и координировать действия различных военных группировок.

Помпеянцы обратились за помощью и к внешним силам, включая противников Рима: Египту, понтийскому царю Фарнаку и даже — к парфянам. Правившие совместно дети Птолемея XII Аулета, Птолемей XIII Дионис и Клеопатра, послали 60 кораблей (App. В. С, II, 71) и 500 всадников из армии Габиния. Помпея поддержали оба правителя: в 49 г. в Александрию был послан сын Помпея Гней, который и возглавил эскадру, а Плутарх сообщает о романе Клеопатры с Помпеем-младшим (Plut. Ant., 25). Напротив, Фарнак отказал, что позже ставил себе в заслугу (В. Alex., 29). Впрочем, после поражения Помпея, понтийский царь начал самостоятельные действия против Цезаря. С парфянами Помпей вел переговоры через Луцилия Гирра (Caes. В. С, III, 82). Парфянских войск в армии Помпея не было (по Аппиану были только армяне), но примечательно, что Сципион смог вывести войска из Сирии, не опасаясь за восточную границу, а на последнем этапе гражданской войны Парфия все же вмешалась в конфликт.

Африка. Третий фронт помпеянцы создавали на юге в снабжающих Рим Африке и Сицилии. Наместником Сицилии стал Катон, развернувший активную подготовку к войне, собирая флот, производя набор в Лукании и Бруттии и требуя контингентов с общин Сицилии (Caes. В. С, I, 35; App. В. С, II, 40; Plut. Cato, 53). Еще более опасным было положение в Африке, где находились 2 или 3 легиона. Официальный наместник, Кв. Элий Туберон, умеренный сторонник Помпея из окружения Цицерона, так и не смог приступить к своим обязанностям. После неудачи под Ауксимом в

провинцию прибыл П. Аттий Вар, ранее управлявший Африкой в качестве пропретора. Пропретор 49 г. Г. Консидий Лонг передал провинцию Кв. Лигарию, который подчинился Вару. Вар и Лигарий не пустили в Африку Туберона (Cic. pro Lig., 3, 5; Caes. B. C, I, 34). Энергичный Вар начал активно организовывать оборону, укрепил основные городские центры, Утику, Гадрумет, Клупею и др. и собрал 22 корабля (Caes. B. C, II, 24).

В Африке помпеянцы обрели могущественного союзника в лице нумидийского царя Юбы I (50–46 гг.), сумевшего во многом возродить мощь Нумидийского царства времен Югурты. Согласно автору «Африканской войны», Юба имел 3 легиона, организованные им по подобию римских, и 30 слонов (B. Afr., 48), причем, это были не все силы нумидийцев. Аппиан оценивает его силы в 30 000 пехоты, 20 000 конницы, множество легковооруженных и 60 слонов (App. B. C, II, 96). Хотя, это и преувеличение, силы царя были внушительны, и их мощь испытали на себе Курион 49 г. (и сам Цезарь (47–46 гг.)), причем, особую угрозу представляла легкая конница нумидийцев. Юба был старым врагом Цезаря, конфликт между ними произошел еще до воцарения правителя (Suet. Iul., 71). Во время помпеянского переворота Юбу объявили другом римского народа (Caes. B. C, I, 6).

Стратегия Помпея показывает очень высокий уровень военного планирования. Этот план во многом сходен с планом Ганнибала, также планировавшего объединение всего средиземноморского мира против Рима и ударов из Испании, Африки и Греции. Тогда это стоило римлянам огромных потерь и многих лет войны. План мог нейтрализовать первоначальный успех Цезаря, а морская и сухопутная блокада должны были рано или поздно вызвать кризис в Италии. Как и во время Ганнибаловой войны, Рим мог оказаться перед лицом катастрофы, способной привести к всеобщему

опустошению и коллапсу экономики. План Помпея, основанный на опыте всех его многочисленных предыдущих кампаний, был почти безупречен с военной точки зрения. В отличие от плана Ганнибала, это был план войны с собственной страной и собственным народом, а потому вызывал ужас даже у его сторонников.

«И тот и другой ищут господства», — пишет Цицерон, — «и не делается ничего для того, чтобы государство жило достойно и счастливо. И тот оставил город не потому, что не мог его удержать, а также — Италию, но, прежде всего, думал о том, чтобы подвигнуть все земли, все моря, возбудить варварских царей, привести в Италию вооруженные дикие народы, приобрести величайшие войска. Это есть некий род сулланского царства, которого многие домогались уже ранее и которого желают некоторые из тех, кто с ним» (Cic. Att, VIII, 11, 2). Эту мысль Цицерон повторяет неоднократно (Ibid., IX, 7; 4, 9), иногда переходя и на более жесткий тон: «Первое решение — душить город и Италию голодом, затем опустошать поля, жечь, не удерживаясь даже от денег богатых» (Ibid., IX, 7, 4). В этих условиях Цезарь должен был действовать быстро и решительно. Он противопоставил плану Помпея не только эффективные, подчас, нестандартные военные решения, но и новую глобальную политику.

3. Первые операции (март-май 49 г.)

Главный удар Цезарь решил нанести по Испании. Для этой цели он сосредоточил всю свою галльскую армию, три легиона, участвовавшие в кампании в Италии (13, 12 и 8), оставшиеся 2 легиона Г. Фабия, стоявшие на юге Галлии, и 4 легиона Требония, находившиеся в Бельгии. Одновременно сильная группировка из новых, перешедших на сторону Цезаря войск должна была нанести сильный удар по Сицилии, Сардинии и Африке. Действия должны были быть быстрыми и решительными.

Перед тем, как начать операции, Цезарь появился в Риме. 1 апреля 49 г. он впервые прибыл в столицу в качестве победителя. Сенат был созван за границей померия (Цезарь оставался проконсулом), после чего Цезарь сделал ряд программных заявлений. Победитель сказал, что всегда действовал исключительно в рамках закона и был готов идти на мирные переговоры. Эту готовность он проявляет и сейчас. Центральным пунктом его речи стало заявление взять на себя заботу о государстве, и просьба к сенату «управлять вместе с ним», если же сенат будет уклоняться, то он готов править сам (*per se rem publicam administrare*) (Caes. B. C, I, 32). После этого, Цезарь предложил сенаторам послать послов к Помпею по вопросу о соглашении (*Ibid.*). Эта речь, в которой, несмотря на ощущение победы, прозвучали горечь и тревога, иногда считается показателем оппозиционности сената и декларацией Цезаря о готовности взять власть. Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим, к кому обращался Цезарь, и что он хотел сказать.

По всей вероятности, победитель обращался примерно к половине сената. Вторая половина бежала к

Помпею, большинство — сразу, а некоторые, чуть позже. Цицерон после колебаний сделал это в июне 49 года (Cic, Fam., XIV, 7). В 48 г. в Фессалонике было около 200 сенаторов, в Риме оставалось примерно столько же. Возникла ситуация «двух сенатов», каждый из которых считал себя законным^{223}. Имеются и некоторые конкретные указания. Из 35 консуляров 49 г. 18 были у Помпея, девятнадцатый, Цицерон, присоединился к нему позже. Остальные 13 (кроме возвращенных позже из изгнания Г. Антония Гибриды (63 г.) и Авла Габиния (58 г.)) сочувствовали Цезарю (обычно — достаточно умеренно) или заняли нейтральную позицию. К сочувствующим принадлежали старые союзники, Л. Аврелий Котта (65 г.) и Л. Юлий Цезарь (64 г.), первый из которых пытался защищать Цезаря в январе 49 г. (D. C, I, 6), а второй был его легатом (I, 9), и будущие легаты Цезаря, консулы 53 г. М. Валерий Мессала и Гн. Домиций Кальвин. В Риме оставался старейший сенатор и бывший командир Цезаря 79 г. П. Сервилий Ватия Исаврийский, как и всегда оказавший ему бесценную моральную поддержку. Явный нейтралитет сохраняли М. Валерий Мессала Нигер (61 г.), Л. Волькаций Тулл (66 г.), Сер. Сульпиций Руф (51 г.) и Л. Эмилий Павел (50 г.). Примечательно, что о нейтралитете заявили даже родственники Цезаря, муж Атии Л. Марций Филипп (56 г.) и тесть самого Цезаря, отец Кальпурнии, Г. Кальпурний Пизон (58 г.). Так или иначе, Цезарь обращался не к враждебному сенату или «сенатскому болоту»^{224}, но к своим сторонникам. Горечь за их пассивную позицию в январе 49 г., конечно, прозвучала, но Цезарь едва ли собирался их в чем-либо обвинять. Вместе с тем, речь была обращена и к слабому сенату и именно в этом контексте следует понимать его заявление о готовности взять на себя управление, т.е., прежде всего, ответственность (*administrare rem publicam*). Собственно, иного выхода и не было, и обе

стороны это прекрасно осознавали. Сенат еще раз продемонстрировал свое бессилие: после трехдневных дебатов, никто не решился взять на себя роль посредника, опасаясь расправы, которой ранее угрожал Помпей (Caes. B. C, I, 33; Suet, Iul., 34, 1; Dio, 41, 15-16; Plut Caes., 35). Становилось ясно, что тот сенат 50-60-х гг., который оказывал Цезарю поддержку в период мирных реформ, оказался неэффективен в условиях гражданской войны.

Вместе с тем, определенный смысл в выступлении все же был. Диалог с сенатом легитимизировал положение Цезаря, и сенат (точнее его процезарианская и умеренная половина) согласился вручить ему руководство. Аппиан сообщает, что Цезарь гарантировал отсутствие репрессий (App. B. C, II, 41), Цезарь об этом не упоминает, но такие декларации делались им постоянно, и на заседании сената он мог и не делать на этом акцент, тем более, что все было достаточно ясно. Впрочем, в условиях помпеянской угрозы, ожидать чего-либо большего, чем эта пассивная поддержка, едва ли было возможно. Пройдет год, и тот же самый сенат проявит гораздо большую солидарность со своим лидером. Пока что и в самом сообщении Цезаря звучала нотка разочарования. Согласно Диону Кассию, Цезарь выступил и перед народом, а затем провел денежную раздачу (Dio, 41, 16).

Во время пребывания Цезаря в Риме произошел инцидент. Один из молодых представителей рода Метеллов, Л. Цецилий Метелл, внук Метелла Капрария, консула 113 г., исполнявший должность народного трибуна, выступил против Цезаря. Вначале Метелл последовал за Помпеем и еще в марте 49 г. находился в Капуе (Cic. Att., IX, 6, 3), однако затем вернулся в столицу. Согласно Цезарю, он выступил против всех его предложений и особенно — инициативы мирных переговоров (Caes. B. C, I, 33), другие авторы пишут, что

он воспрепятствовал Цезарю взять деньги из казны (App. B. C, II, 41; Dio, 41, 17; Plut. Caes., 35). Цезарь отреагировал достаточно жестко и даже (согласно Аппиану) угрожал казнить Метелла и велел открыть казну. Аппиан сообщает, что были затронуты неприкосновенные фонды, сохраняемые только на случай войны с галлами (возможно, протест Метелла касался этого вопроса), причем, Цезарь, с полным на то основанием мог заявить, что проблемы более не существует (App. B. C, II, 41). Надо полагать, что деньги были использованы для закрытия финансовой брешы, образовавшейся в выплате жалования солдатам, ранее заявившим о готовности сражаться бесплатно. Метелл был вынужден удалиться в изгнание (видимо, это случилось после отъезда Цезаря), но в 48 г. он благополучно вернулся (Cic. Att., IX, 7).

Правовое положение было не лучше, чем военно-политическое. Рим оказался без официальной власти. Консулы и большая часть других магистратов отсутствовали, причем, они не просто отсутствовали в Риме, как это бывало в тяжелые периоды Второй Пунической войны, а воевали против Цезаря, сохраняя все права и статус магистратов. В Риме оставалась половина сената, полномочия которой оставалась весьма спорной. Достаточно сложным было положение самого Цезаря. Человек, предотвративший государственный переворот, был проконсулом одной из провинций, к тому же — полуофициальным. Весь 49 год прошел под знаком временной администрации и именно она взяла власть в свои руки. Из нее начинает формироваться новая властная элита.

Цезарь распределил поручения между своими легатами, делая это так, как это делает командующий воюющей армией. Два ключевых поста, ответственность за порядок в Италии и Риме, были поручены Марку Антонию и М. Эмилию Лепиду. С 54 г. происходит

стремительное выдвижение молодого лидера цезарианской партии: в 54-50 гг. Антоний участвовал в галльских кампаниях, в 49 г. как трибун он мужественно отстаивал интересы Цезаря. Теперь, в ранге *legatus pro praetere* он отвечал за управление Италией (Cic. Att., X, 8a; 10, 5; II, 4; 12a; 15, 3; 16, 5). Другой будущий лидер цезарианцев выдвинулся только сейчас. М. Эмилий Лепид был сыном мятежного консула 78 г. Лепид родился в 89 г., в 64 г. он стал понтификом, а в 52 г. поддержал оптиматов в деле Клодия (Asc. p. 43; Cic. Mil., 13). В 49 г. Лепид был городским претором. Цезарь сделал его ответственным за положение в Риме. Собственно говоря, ничего особенного и чрезвычайного в этом назначении не было: в отсутствии консулов, городской претор становился ответственным за положение в столице и, в общем, за работу сената и судопроизводство, и здесь Цезарь просто опирался на сохранившийся элемент старой администрации.

Другое доверенное лицо, Курион, бывший трибуном 50 г., стал наместником Сицилии, а Кв. Валерий Орка — наместником Сардинии. Управление Цизальпийской Галлией и, видимо, контроль за положением в Галлии, где теперь практически не было войск, поручались Марку Крассу, сыну триумвира. Примечательно, что положение в Галлии, впрочем, позже более обеспеченной войсками, оставалось стабильным. Брат Антония, Гай, с 15 когортами был послан в Иллирик для создания плацдарма цезарианцев на Балканах. В Тирренское и Ионийское море были посланы две эскадры под командованием Кв. Гортензия Гортала, сына знаменитого оратора (Гортензий-старший умер в июне 50 г.) и П. Корнелия Долабеллы, зятя Цицерона, прибывшего в лагерь Цезаря в январе 49 г. (Cic. Fam., XIV, 14, 1; Att., VII, 13, 3). Война очень быстро выдвинула молодое поколение цезарианской партии.

6 апреля 49 г. Цезарь выехал к армии, уже направлявшейся в Испанию. В Цизальпийской Галлии он узнал о появлении еще одной проблемы. Домиций Агенобарб с 7 кораблями, команды которых состояли из его рабов, либертов и колонов, направился в Массилию, крупнейшую греческую колонию на юге Галлии. Еще ранее Помпей направил в город знатных молодых послов, через которых просил оказать ему поддержку. Массилиицы заявили о своем нейтралитете, но как только к городу подошел Домиций, они приняли помпеянского олигарха, назначив его командующим обороной (Caes. B. C, 35–36). Позиция горожан, возможно, объясняется их связями с Помпеем, аристократическим устройством города (во главе Массилии стояла олигархия шестисот) и, быть может, отсутствием тесных связей с Цезарем. Хотя последний подчинил им племя саллиев, в целом, город не играл особого значения в Галльских войнах (I, 35). Город начал готовиться к обороне. Массилия была сильной крепостью с мощным флотом и находилась на пути из Италии в Испанию, контролируя важные стратегические коммуникации.

Цезарь оставил у города три легиона Требония (треть галльской армии) и быстро построил флот, во главе которого был поставлен Децим Брут, уже проявивший себя в качестве флотоводца в кампании против венетов в 56 г. Письма Цицерона позволяют датировать события: в письмах от 3 и 6 мая он пишет, что радуется действиям массилийцев (Cic. Att., X, 10, 4; Fam., X, 12a, 6). Скорее всего, это было написано между началом восстания и первыми неудачами повстанцев.

Вторая армия цезарианцев сумела прорвать блокаду. В апреле 49 года три легиона Куриона, составленные из бывших помпеянцев (по Аппиану и Плутарху армией командовал Азиний Поллион) были посланы в Сицилию, а один легион Кв. Валерия Орки — в Сардинию. После

занятия Сицилии, Курион должен был переправиться в Африку. В Сардинии жители главного города Харалиса изгнали из города помпеянского наместника М. Аврелия Котту, возможно, сына консула 74 г., и передали город Валерию. К ним присоединились все жители провинции (Caes. B. C, I, 30), после чего наместник бежал в Африку. Катон в Сицилии также не мог сопротивляться противнику. Цезарь не без юмора описывает, что, узнав о подходе Куриона, Катон стал жаловаться, что Помпей бросил его и начал войну без подготовки, а затем бежал из провинции (Ibid.). Аппиан передает, видимо, вымышленный диалог Катона с Поллионом (App. B. C, II, 40; см. также — Dio, 41, 18; Plut. Cato, 53). Катон отправился к Помпею, по сообщению Цицерона, это произошло за 7 дней до Календ Мая (25 апреля). Операция имела огромное значение: результатом было решение продовольственной проблемы в течение довольно длительного времени. Блокада была прорвана, по крайней мере, в одном пункте.

4. Испанская кампания (май-август 49 г.)

Для войны в Испании Цезарь смог выделить 6 легионов галльской армии. 5 000 пеших *auxilia* и сильную конницу, 3 000 всадников из Галлии и 3 000 из Аквитании. Большое число аквитанцев должно было способствовать контактам с местными жителями, на что цезарианцы очень рассчитывали (Caes. B. C, I, 39-40; Liv. Epit, 111; Flor, IV; Dio, 41, 19).

Действия Афрания и Петрея заключались в том, чтобы остановить противника на подступах к провинциям. Варрон находился в Дальней Испании, прикрывая тыл главных сил. Петрей и Афраний соединились и заняли позицию у города Илерды. Помпеянцы имели 5 легионов, около 80 вспомогательных когорт и 5 000 всадников (Caes. B. C, I, 39). Позиция помпеянцев была достаточно сильной. Помпеянцы опирались на город Илерду и могли использовать каменный мост, а их боевой порядок был защищен реками Сикорисом и Цингой. Выбор позиций давал определенное военное преимущество, но вероятно, был политической ошибкой. История Второй Пунической и Серторианской войн показывает, что для успешной обороны испанских провинций следовало втянуть противника во внутренние районы, где можно было успешно использовать испанских легковооруженных и тактику партизанской войны. Отступление вглубь страны сделало бы неэффективной конницу Цезаря, который учел традиционную слабость испанской кавалерии.

Авангард армии Цезаря, 3 легиона Г. Фабия, сбили отряды противника, защищавшие Пиренейские проходы (Caes. B. C, I, 37)^[59] и подошли к Илерде. Фактически

сразу Фабий начал устанавливать контакты с местными племенами (I, 40). Цезарианцы устроили два понтонных моста через Сикорис с целью фуражировки. Вскоре подошли остальные силы. Фабий перевел через реку два легиона, обоз и конницу, но начавшаяся буря снесла ближний мост. Афраний перевел по каменному 4 легиона и конницу, чтобы атаковать отделившиеся силы. Два легиона под командованием Планка оказались в опасности, но положение спас подход еще двух легионов по дальнему понтонному мосту (I, 40). Через 2 дня в лагерь прибыл Цезарь. Цезарианские войска подошли ближе к Илерде и начали укреплять свои позиции. Первые две линии стояли готовые к сражению, а третья укрепляла лагерь.

Первый удар Цезарь нанес по холму, находящемуся на равнине, разделявшей лагерь помпеянцев и город Илерду, где находились провиант и каменный мост. Три цезаринских легиона двинулись к холму, а Афраний послал многочисленные легковооруженные когорты (I, 43–44). Афранианцы заняли холм. Передовой легион удалось оттеснить, но подошедший на помощь 9 легион отбросил противника и оттеснил его к Илерде, атаковав сам город. К афранианцам подошли подкрепления, подходили и свежие когорты Цезаря. Сражение длилось 5 часов, цезарианцы отбросили противника в город и отошли в полном порядке под прикрытием конницы (I, 45–47). Результат был ничейным: помпеянцы заняли холм, избежав опасного развития событий, но легионеры Цезаря показали, видимо, главное — свое преимущество в рукопашном бою.

Вскоре в сложном положении оказалась армия Цезаря. Ее лагерь находился между реками Сикорисом и Цингой. Сильные бури и разливы рек снесли оба построенных моста, отрезав цезарианцев от продовольствия. Наоборот, Афраний и Петрей, пользуясь каменным мостом, имели в изобилии хлеб и фураж.

Армия Цезаря оказалась перед угрозой голода (I, 48), тем более, что Афраний свез значительную часть хлеба в Илерду, местные племена угнали скот, а легковооруженные испанцы нападали на фуражиров (I, 48–51). Наконец, Афраний атаковал большой обоз, идущий к Цезарю из Галлии, сопровождаемый примерно 6 000 галльской конницы и пехоты и заставил его отступить на холм (I, 51). Помпеянцы уже праздновали победу, а сторонники Помпея в Риме распространяли слухи о поражении Цезаря (I, 52–53).

Выход был найден. Цезарь приказал строить корабли особой конструкции с плоским дном, используя свой опыт в Британии. При помощи кораблей, он перебросил через Сикорис часть сил, видимо — 2 легиона, которые восстановили мост и благополучно доставили в лагерь отрезанный обоз (I, 54). Положение стало меняться: переправив через реку конницу, Цезарь успешно атаковал фуражиров противника. Во время одной атаки была уничтожена целая когорта (I, 55). Контроль над положением все больше переходил к цезарианской коннице (I, 59).

В это время произошло, наверное, важнейшее переломное событие. На сторону Цезаря перешли четыре больших племени (тарраконцы, авсетаны, яцетаны и иллурагвонцы), а также — Оска и Калагуррис. Примечательно, что это были те племена и города, которые ранее были основной силой восстания Сертория на последнем этапе восстания, в 74–72 гг., продолжая сопротивление и после его смерти.^[225] [60] Это решило проблемы снабжения цезарианской армии продовольствием (I, 60) и заставило помпеянцев изменить план.

Афраний и Петрей решили перенести войну в Кельтиберию, где были сильны позиции Помпея. Они собирались перейти Сикорис, подойти к Иберу, где уже готовился флот, и отсюда, обравшись к Октогезе, уйти в

низовья Ибера (I, 61–62). Оставив Илерду, помпеянцы в два этапа перешли Сикорис, но подверглись новым атакам кавалерии противника. Теперь инициатива была в руках Цезаря. Постоянно атакуя конницей, Цезарь с главными силами перешел Сикорис. Помпеянцы уходили в горы, но, совершив обходной маневр, Цезарь успел раньше. Отрезанные от гор, войска Афрания и Петрея повернули обратно и начали беспорядочное отступление (I, 63–70). Вероятно, именно в этот момент у Цезаря созрел план бескровной победы: удержав армию от сражения, несомненно, сулившего полный разгром противника, он заставил помпеянцев уйти в то место, где они были отрезаны от воды и продовольствия (I, 71–73). Тень Сертория продолжала преследовать армии Помпея.

Большинство помпеянцев, включая самого Афрания, были готовы сдаться. Начались активные контакты между солдатами, а «отказ» Цезаря от полного разгрома противника произвел на него сильнейшее впечатление. Даже сын Афрания с молчаливого согласия отца вел переговоры о судьбе последнего (I, 74–75). Еще большую готовность сложить оружие проявляли испанские племена и воины вспомогательных отрядов (I, 74). Переговоры сорвал Петрей. Вооружив преторскую когорту и верных ему всадников, он напал на солдат Цезаря, находившихся в лагере помпеянцев. По инициативе Петрея войска снова принесли присягу (I, 75–76), после чего по его приказу перебили пленных солдат Цезаря (большую часть сами афранианцы благополучно выпустили из лагеря) (I, 76). В ответ на это Цезарь уже в централизованном порядке выпустил из своего лагеря бывших там солдат Петрея и Афрания. Многие из последних остались у него, а центурионы и военные трибуны сохранили свои ранги (I, 77). Развал армии Афрания продолжался (I, 78).

Оставшись почти без провианта, помпеянцы повернули к Илерде, постоянно преследуемые кавалерией Цезаря. Отступление все больше походило на бегство, из-за нехватки фуража пришлось уничтожать множество вьючных животных (I, 79–81). Когда легионы Афрания пытались перейти Сикорис, часть конницы и легковооруженных войск Цезаря перекрыли им путь (I, 82–83). Афраний капитулировал, условием сдачи был роспуск всех войск (I, 84–85).

Операция под Илердой была блестящей бескровной победой. В Испании Цезарь применил политику *dementia* в еще больших масштабах.

Ни один пленный не пострадал: армия Афрания и Петрея была распущена, желающие зачислялись в армию Цезаря. Позже многие, включая Петрея и Афрания, бежали к Помпею. Удачно прошло и само разоружение: солдаты, уроженцы Испании, были отпущены немедленно, остальная часть — у реки Вар, куда она совершила марш вместе с войсками Цезаря. Далеко не все помпеянцы прекратили борьбу: часть отправилась к Помпею, многие, видимо, участвовали в войне 45 г. Тем не менее, главное было сделано — основная помпеянская армия в Испании перестала существовать (Caes. B. C, 1, 76–77; II, 42–43; Dio, 41, 22–23; Plut. Caes., 36; Suet. Iul., 34, 2; Flor, IV, 2; 26–27; Veil., II, 50, 3; Liv. Epit., 110).

Единственным противником оставалась армия Варрона. Последний собрал 30 вспомогательных когорт и распорядился построить 10 военных и большое число других судов. Помпеянцы собрали большие запасы продовольствия и денежные средства (18 млн. сестерциев и 20 000 фунтов серебра) (Caes. B. C, II, 18). Во всей провинции шли наборы и конфискации. Хотя Варрон едва ли был самым жестоким из помпеянских наместников, обстановка в провинции была напряженной. Центром обороны стал город Гадес, где

стояли 6 когорт Г. Галлония, а позже в город должен был прийти сам наместник с обоими легионами.

Кампанию в Дальней Испании Цезарь начал с необычной политической акции. Игнорируя помпеянского наместника, он обратился непосредственно к городам и общинам провинции, эдиктом созывая в Кордубе совещание магистратов и старейшин всех общин (Caes. B. C, II, 19). Это была акция в духе Сертория, предполагавшая беспрецедентную возможность прямого обращения к жителям провинций, существовавшую, видимо, только в отношении граждан в Италии. Население провинций, а не наместник, признавалось высшей властью в общине, а местное самоуправление становилось основой властных полномочий. Чуть позже аналогичное собрание было созвано в Ближней Испании в Тарраконе (II, 21). Население Испании четко увидело перспективу нового статуса, за который оно боролось еще во времена Сертория. Это был статус провинции, население которой имело определенные права и в перспективе могло сблизиться в правовом плане с населением Италии. Немалую роль сыграл факт победы над Афранием и добрая память, оставшаяся о Цезаре со времен его наместничества.

С 2 легионами Кв. Кассия Лонгина и 600 всадников Цезарь двинулся к Кордубе. Ответ на обращение последовал немедленно. Общины начали созывать в город представителей, а *conventus* Кордубы (речь, вероятно, идет о собрании римских граждан) закрыл ворота перед Варроном. На сторону повстанцев перешли 2 испанские когорты. Жители другого города, Кармона, также перешли к Цезарю, изгнав гарнизон из 3 когорт (II, 19).

События развивались по италийскому сценарию. Сочувствие провинции Цезарю было очевидно. Варрон шел к Гадесу, но гадитанские власти совместно с

офицерами стоявших там когорт предложили командиру гарнизона Г. Галлонию, покинуть город. Один из легионов Варрона, т. н. «туземный», набранный помпеянами в Испании, оставил Варрона и ушел в Гиспалис (II, 20). С оставшимся легионом наместник последовал в старейшую римскую колонию, Италику, которая тоже закрыла перед ним ворота. Оставшись в безвыходном положении, Варрон сообщил о готовности сдаться, передал легион племяннику Цезаря Сексту, после чего прибыл в Кордубу. В Кордубе он представил Цезарю отчет о своих действиях и расходах, передал бывшие у него деньги и сообщил о кораблях и провианте (II, 20). Для Варрона война закончилась, он вернулся в Рим к своим научным занятиям. Позже Цезарь обратится к нему со своим предложением.

В Кордубе Цезарь обратился к собравшимся провинциалам со словами благодарности. Он адресовал их жителям города, римским жителям, испанцам, солдатам и офицерам Варрона. Деньги, собранные Варроном, были возвращены общинам, некоторые получили награды. На будущее Цезарь обрисовал новые перспективы мира и расширения прав (II, 21). Из Кордубы он прибыл в Гадес и велел вернуть сокровища храма Мелькарта (II, 21). Наместником Испании стал Кв. Кассий Лонгин. Из Гадеса Цезарь вернулся в Тарракон, где собралось собрание Ближней Испании. Здесь же он узнал о назначении его диктатором. Впрочем, по пути Цезарю предстояло решить вопрос о Массилии, осада которой продолжалась на протяжении всей испанской кампании.

Подготовка флота против Массилии заняло примерно месяц (I, 36), одновременно массилийцы строили свой. Против стоящих на острове кораблей Брута вышли 17 военных кораблей и множество мелких судов. Сражение было очень ожесточенным, массилийцы превосходили противника числом кораблей и их маневренностью,

римляне противопоставили им тактику абордажного боя, в котором участвовали горцы-альбики и рабы Домиция, получившие обещание свободы. Морской бой завершился поражением массилийцев, потерявших 9 кораблей, еще 6 были захвачены цезарианцами (Caes. B. C, I, 56–58). По всей вероятности, сражение произошло примерно в июне 49 г. и совпало с трудностями Цезаря под Илердой.

Одновременно шла осада с суши. Легионеры Требония с двух сторон подводили к городу плотину, подвижные башни и крытые галереи. Массилия омывалась морем с трех сторон, а с четвертой находился перешеек, соединявший ее с сушей. Именно здесь Требоний выстроил плотину высотой в 80 футов (более 25 м). Одна из башен находилась рядом с гаванью, другая была поставлена у ворот, ведущих в Галлию (II, 1). Осада Массилии была одной из самых сложных в техническом отношении операций римской армии во времена Цезаря. Массилийские осадные машины обстреливали противника четырехметровыми кольями, а римляне медленно подбирались к стенам под прикрытием 60-футовой (20 метров) черепахи (II, 1). После строительства плотины, римляне начали строить мощную башню, предназначенную для ломки стены (II, 8).

Массилийцы приняли еще одну попытку добиться успеха на море. В город прибыла посланная Помпеем эскадра Л. Насидия из 16 кораблей. Навстречу вышел массилийский флот, состоящий из уцелевших старых и построенных новых кораблей. Горожане включили в состав флота даже крытые рыбацьи лодки (II, 4). У Тавроэнта эскадры соединились и вошли в гавань города. Массилийцы посадили на суда лучшую молодежь и элиту знати. Оставшиеся горожане собрались на возвышенных местах города, они «протягивали к небу руки из общественных мест, со

сторожевых пунктов и со стены или шли к храмам бессмертных богов и, распростершись перед их изображением, молили о победе» (II, 5). Весь город смотрел на начинающееся морское сражение.

Массилийский флот стоял на правом, а эскадра Насидия — на левом крыле (II, 5). Массилийцы сражались с большим мужеством, но потерпели поражение, а эскадра Насидия ушла, практически не понеся потерь (II, 6–7). Пять массилийских кораблей были потоплены, четыре захвачены, один спасся с эскадрой Насидия (II, 7). Господство над морем перешло к цезарианцам.

Легионеры соорудили мощную подвижную башню, стены которой в толщину достигали 1, 5 метров (5 футов). Башня была защищена мощными стенами и циновками от метательных орудий (подробное описание башни — II, 9–10). Массилийцы несколько раз пытались разрушить сооружение, на нее скатывали каменные глыбы, бочки с горючим веществом и пускали воду из труб, но нанести ей ущерб так и не удалось (II, 10–11). Устроив навес, римские солдаты подвели к стене одной из башен крытую галерею и стали ее подкапывать. Когда башня стала обрушиваться, горожане обратились с просьбой о сдаче (II, 12). Они просили дождаться прибытия Цезаря. Требоний, получивший приказ не допустить штурма и разграбления города, приостановил операции, несмотря на недовольство солдат (II, 13).

Ночью массилийцы устроили вылазку, во время которой была подожжена башня. Огромное сооружение погибло в огне. Римляне сумели восстановить часть своих построек (II, 14–15), после чего массилийцы вернулись к мысли о сдаче (II, 16). Возможно, известное воздействие оказали известия о победе Цезаря в Испании (II, 16). Наконец, в городе начались голод и болезни, после чего из Массилии бежал Домиций.

Прибыв к городу, Цезарь принял осаду Массилии. Город был пощажен. Массилийцам пришлось

разоружиться: из города были вывезены метательные машины, из гавани были выведены корабли, денежные ресурсы ставились под контроль римлян (II, 22). Статус свободной общины был сохранен (Dio, 41, 25), но в городе был оставлен гарнизон (II, 22). (См. также Liv. Epit, 110; Flor, IV, 2, 24-25; Veil., II, 50; Dio, 41, 25).

Осада Массилии осталась неприятным эпизодом. Во времена Страбона это по-прежнему был процветающий город, а войны Цезаря в Галлии, в конечном счете, упрочили его безопасность. Страбон пишет о превращении ее в культурный центр Галлии, «школу воспитания варваров», сыгравший большую роль в создании галло-римской культуры (Strabo, II, 5, 5).

Успехи Цезаря были омрачены двумя поражениями его легатов. Цезарианцы попытались создать плацдарм в Иллирии, куда были посланы эскадра Долабеллы из 40 кораблей (App. В. С, II, 40) и 15 когорт Гая Антония. Помпеянский флот (эскадры М. Октавия и Л. Скрибония Либона) изгнали корабли Долабеллы, а армия Гая Антония, блокированная на о. Курикта, была вынуждена сдаться (Dio, 41, 40; Liv. Epit, 110; Flor, 2, 31; App. В. С, II, 47). Из-за отсутствия рассказа Цезаря подробности кампании не известны.

Еще более серьезной проблемой стала Африка. План удара по Африке существовал еще во время наступления в Сицилии (Caes. В. С, I, 30), хотя, как показали дальнейшие события, цезарианское командование недооценило опасность этого театра военных действий. Не исключено, что известный расчет строился на относительной лояльности наместника Кв. Элия Туберона (Caes. В. С, I, 31) и невмешательстве Юбы. Оба расчета не оправдались, власть и провинции оказались в руках Аттия Вара, а Юба активно вмешался в ход событий (I, 31; II, 23).

Курион выделил для операции всего 3 легиона и 500 всадников. Через два дня и три ночи он высадился в так

называемом Анквилларии в 2 милях от Клупеи. Помпеянская эскадра Л. Цезаря (10 кораблей) пыталась перехватить их, но, не решившись атаковать и бросив одну трирему, Л. Цезарь бежал в Гадрумет, где находился гарнизон Г. Консидия Лонга (1 легион). Армию Куриона сопровождал флот из 12 кораблей во главе с Марцием Руфом (II, 23). Послав Марция к Утике, Курион двинулся к городу и после двухдневного марша достиг р. Баград и стал искать т. наз. «Корнелиев лагерь», бывшую укрепленную позицию Сципиона Африканского. Вар расположился рядом с Утикой в другой неприступной цитадели, лагере у «Ворот Бела» (II, 24-25), расположенном между городом и театром. Первые столкновения закончились успехом цезарианцев. Конница Куриона одержала победу в первом конном бою, после чего он приказал грузовым кораблям в Утике перейти в «Корнелиев лагерь», причем, около 200 судов выполнили приказ, что решило проблемы продовольствия (II, 25). В новом бою конница Куриона разбила авангард войска Юбы, идущего на помощь помпеянкам (II, 26). Успехи были столь впечатляющими, что солдаты провозгласили Куриона императором.

Агитация Вара и опасения нелояльности солдат во многом определили действия Куриона. На военном совете он отказался от штурма лагеря Вара, но и не стал отступать (II, 31). После эффектной речи, он сумел воодушевить солдат и повести их в бой (II, 32-33). Сражение закончилось полной победой Куриона, его кавалерия опрокинула правый фланг противника, что привело к отступлению Вара, потерявшего 1 600 воинов (II, 34-35).

Курион начал осаду Утики, в городе усиливались процезарианские настроения, влиятельные люди стали оказывать давление на самого Вара (II, 36). Город был на грани капитуляции, однако положение резко изменилось после известия о подходе больших сил Юбы (II, 36).

Узнав об этом, Курион отступил в «Корнелиев лагерь», стал собирать провиант, укреплять лагерь и свозить строевой лес, а затем вызвал из Сицилии два других легиона и кавалерию, готовясь к затяжной войне. План Куриона заключался в том, чтобы удерживать плацдарм в Африке и ждать распоряжений и помощи из Рима (II, 37).

Тем временем, до Куриона дошли слухи, что Юба возвращается в свое царство и оставляет только своего полководца Сабурру. Курион послал вперед конницу, совершившую удачный рейд против нумидийского лагеря (II, 38). Успех привел к тому, что Курион совершил непростительную ошибку, решив атаковать войско Сабурры. Узнав о ночном сражении, царь послал вперед отборную конницу (2 000 испанских и галльских всадников) и пехоту, а затем выступил сам с остальными силами и 60 слонами (II, 39–40). Возможно, слух об уходе Юбы был искусной дезинформацией. Курион попал в ловушку.

Приготовив армию к бою, Сабурра начал отступать, заманивая войска Куриона. При помощи подкреплений, присылаемых Юбой, Сабурра стал окружать римлян, используя нумидийскую тактику действий конницы и легковооруженных (II, 41). Курион пытался прорваться к ближайшим холмам, но они оказались заняты конницей Сабурры. Префект конницы Гн. Домиций уговаривал бежать, но Курион отказался и погиб в бою. Пехота цезарианцев была уничтожена, спаслись лишь немногие всадники (II, 42). Это было оно из самых больших поражений в этой войне.

Оставшиеся в лагере 5 когорт во главе с квестором Марцием Руфом пытались эвакуироваться из Африки. Впрочем, военные и грузовые корабли взяли лишь немногих. Остальные сдались Вару. Юба объявил их своей добычей, большая часть пленных были казнены, многих увели в Нумидию. Нумидийский царь ясно

показал, кто стал хозяином провинции (см. также — App. B. C, II, 45–46; Liv.Epit, 110; Flor, IV, 2, 34).

5. Второе консульство (конец 49 — начало 48 гг.)

Первый этап войны завершился несомненной победой Цезаря. Победа в Испании покончила с сильнейшей помпеянской армией, план Помпея был сорван, а блокада ликвидирована. Стороны готовились к решающей схватке.

Из Массилии Цезарь отправился в Рим. По пути он столкнулся с небывалым ранее явлением. В Плаценции восстал один из его лучших легионов, 9-ый. Согласно Аппиану и Диону Кассию, солдаты требовали денежного вознаграждения, выплатить которое было достаточно сложно. Цезарь действовал жестко. Аппиан сообщает, что он угрожал устроить децимацию, но затем смягчился и подверг жеребьевке 120 человек, 12 из которых были казнены (App. B. C, II, 47; Dio, 41, 26–35). Согласно Светонию, легион был «с позором распущен» и восстановлен «после долгих и униженных просьб» (Suet. Iul., 69).

В конце 49 г. были сделаны первые шаги по стабилизации властной системы. Цезарь был назначен диктатором. Согласно общему правилу, принципиальное решение принимал сенат, после чего конкретное назначение осуществлял один из консулов. Поскольку консулов не было, это сделал старший из магистратов, М. Эмилий Лепид, назначенный Цезарем для управления Римом (Caes. B. C, II, 32; Dio, 41, 36). Цезарь пишет о законе (*lex de dictatore*), а Аппиан сообщает, что закон провели через народное собрание «без согласия сената» (App. B. C, II, 22; Dio, 41, 36). Учитывая состав сената (см. выше), последнее было маловероятно. Судя по всему, Цезарь стал диктатором для проведения выборов консулов (*dictatore comitiarum habendarum*), т.е. dictator

imminuto hire — выбираемым для конкретной задачи. Впрочем, кроме выборов, Цезарь провел несколько важных политических мероприятий. Именно в 49 г. Цезарь завершил то, за что боролся всю свою жизнь — реабилитацию сулланских проскриптов и жертв других постсулланских репрессий. Плутарх пишет, что Цезарь вернул гражданские права детям тех, кто был проскрибирован Суллой (Plut. Caes., 37). Сам Цезарь упоминает о реабилитации всех, наказанных по закону Помпея (Caes. » В. С, III, 1). Среди вернувшихся были Гай Меммий и два консуляра, Г. Антоний Гибрида и А. Габиний. После уничтожения армии Куриона, царь Юба объявлен врагом римского народа (Dio, 41, 42).

С другой стороны, Цезарь был вынужден заняться экономическими вопросами. Война вызвала долговой кризис, в Италии упал кредит, а выплаты долгов прекратились, многие ожидали кассации долгов. Цезарь наметил достаточно гибкий путь выхода из кризиса. Он решительно отверг идею кассации долгов и, вместе с тем, приступил к конкретному решению проблемы (App. В. С, II, 48). Диктатор распорядился о назначении третейских судей, которые должны были провести оценки земельных владений и движимого имущества должников по довоенным ценам, тем самым сняв возможность злоупотребления за счет ситуации гражданской войны. Все расчеты по довоенным долговым обязательствам шли теперь по довоенным условиям без учета последовавших изменений (Caes. В. С, III, 1; App. В. С, II, 48). Были проведены экстренные раздачи хлеба горожанам (App., Ibid). Впрочем, Цезарь прекрасно осознавал, что главным способом борьбы с кризисом должно быть скорейшее окончание войны.

Тогда же происходит еще одно принципиальное преобразование. В 49 г. Цезарь дал римское гражданство жителям Цизальпийской Галлии. Начала реализовываться, видимо, главная реформа Цезаря,

предоставление прав гражданства провинциалам и расширение их прав. Предоставление гражданства Цизальпийской Галлии было крупнейшим после Союзнической войны мероприятием такого рода, увеличившим число граждан на 1-1,5 млн. человек. В известной степени, это было политическим завершением Галльских войн и признанием реального значения Цизальпийской Галлии, на которую опирался Цезарь во время своих кампаний. 49 г. знаменовал собой начало новой политики в Испании и Галлии и первый важный шаг к интеграции этих провинций. Война с Помпеем должна была стать частью решения проблем востока Римской державы.

В качестве диктатора, Цезарь провел латинские празднества и консульские выборы. Консулами 48 г. стали сам Цезарь и Публий Сервилий Ватия Исаврик-младший, сын старого покровителя Цезаря. Управленческая система была восстановлена, и Цезарь стал легитимным носителем высшей власти. Быть может, особенно примечательным был выбор коллеги. Это была дань благодарности семье, так много сделавшей для Цезаря на протяжении всей его жизни. Сервилий-младший родился в 94 г., в 60 г. он женился на Юнии, дочери Д. Юния Силана и племянницы Катона Сервилий. Сервилий-младший выступал против Помпея в 56 г. вместе с Бибулом и Фавонием (Cic. Ad Q. fh, II, 3, 2), а в 54 г. был претором вместе с Катоном. Тем не менее, в 49 г. он принял сторону Цезаря, став его надежным политическим союзником и обеспечивая спокойствие в Риме. Сделав коллегой Сервилия, Цезарь подчеркнул свою приверженность умеренным проаристократическим традициям, дав понять сенатской элите, что радикальной ломки существующих порядков не будет, а реформы будут носить (по крайней мере, внешне) умеренный либеральный характер. Наместником Ближней Испании был назначен М. Эмилий

Лепид (App. В. С, II, 48; В. Alex., 48; Dio, 48, 1), в Дальней Испании оставался Кассий Лонгин, а в Галлии — Д. Брут (App., Ibid). Претором Сицилии стал А. Постумий Альбин (App. В. С, II, 49), в Сардинию был послан С. Педуцей.

Первая диктатура Цезаря длилась 11 дней, после чего он снял с себя полномочия (Caes. В. С, III, 2; App. В. С, II, 18; Plut. Caes., 38). 1 января 48 г. он вступил в должность консула. Уже в конце 49 г. Цезарь начал подготовку к войне с Помпеем. Овладев Италией, он получил возможность использовать ее ресурсы. Согласно Аппиану, Цезарь подготовил для войны 10 легионов и 10 000 всадников (App. В. С, II, 49).

6. Война в Греции (январь-август 48 г.)

Быть может, основную опасность в кампании 48 г. представляла даже не армия Помпея, а его флот. Трудности борьбы с морским противником, характерные для разных периодов истории, зачастую становились неодолимыми. Ситуация предусматривала два варианта — строительство собственного флота, что требовало огромных материальных, людских и временных ресурсов, и действий против неприятя с суши. Первый вариант был неприемлем, строительство флота, адекватного помпеянскому, требовало огромных затрат и, видимо, нескольких лет времени. Ни того, ни другого у Цезаря не было.

План Цезаря стал планом грандиозной десантной операции, предполагавшей захват основных баз вражеского флота и одновременные действия против сухопутной армии противника. Нечто похожее сделал в 334–332 гг. Александр против персидского флота. Операция Цезаря стала одним из уникальных примеров нейтрализации флота с суши.

5 января 48 г. Цезарь нанес внезапный удар. Посадив на корабли 7 (видимо, малоукомплектованных) легионов, он снялся с якоря в Брундизии и высадился в районе Палесте у Керавнийских скал (Caes. B. C, III, 6). Данные об этом первом эшелоне несколько отличаются. Аппиан и Плутарх сообщают о 5 легионах пехоты и 600 всадников (App. B. C, II, 52–53; Plut. Caes., 37), Ливии и Веллей Патеркул точных данных не имеют (Liv. Epit., 110; Veil., II, 51). Бибул даже не успел отреагировать, известие пришло к нему только тогда, когда Цезарь направил в Брундизий пустые корабли, которые должны были доставить второй эшелон (Caes. B. C, III, 6)^[61].

Действия Бибула были, в общем, вполне адекватны. Он захлопнул кольцо, флот занял все стоянки от Сасонской до Куриктской гавани и организовал морскую блокаду (III, 8). Значительная часть грузовых судов (около 30) попали в руки Бибула, жестоко расправившегося с, в общем, невоенным противником. Корабли были сожжены вместе с командами и владельцами судов (III, 8).

Прибыв в Грецию, Цезарь еще раз предложил противнику переговоры через захваченного в Испании Л. Вибуллия Руфа. Условиями было прекращение военных действий, роспуск войск в трехдневный срок и обращение обеих сторон к сенату и народу за решением спора с обязательствами подчиниться любому их постановлению (III, 10). Вибуллий использовал ситуацию, чтобы сообщить Помпею о высадке Цезаря, после чего армия помпеянцев ускоренным маршем выступила к Диррахию (III, 11-13). Разумеется, никаких намерений вступать в переговоры у Помпея не было.

Главной задачей Бибула стала задача отрезать Цезаря от любых контактов с Италией и помешать подвозу подкреплений. Кроме того, флот предпринял несколько активных операций. Основной удар наносился по Брундизию, главной морской базе цезарианцев, другой был предназначен для создания угрозы Иллирику, северному побережью Италии и косвенно — армии Цезаря.

Когда часть грузовых судов вернулась в Брундизий, легат Цезаря Кв. Фуфий Кален посадил подкрепления на корабли и отплыл в Грецию, но при известии о морской блокаде был вынужден повернуть обратно, что сам Цезарь считает совершенно правильным решением (III, 14).

Бибул перевел флот с основной базы на о. Коркира и остановился у Орика. Скрибоний Либон с 50 кораблями подошел к Брундизию, занял остров у входа в гавань и

попытался атаковать порт. Несколько кораблей были захвачены и сожжены, а сама атака Либона была отбита Марком Антонием, посадившим солдат на лодки и взявшим на абордаж квадрирему помпеянцев, что заставило Либона уйти (III, 23-24).

Другая часть флота, ахейская эскадра М. Октавия подошла к Салонам. Октавий сумел заключить союз с местными племенами далматов и осадить Салоны. Он окружил город пятью лагерями и начал осаду. Жители Салон мужественно защищались: они построили башни, дали свободу рабам, а женщины отдали волосы для осадных машин (III, 9). Наконец, поставив на стенах женщин и детей, граждане Салон устроили вылазку и атаковали лагерь противника, заставив помпеянцев бежать на корабли. Потерпев неудачу, Октавий отступил в Диррахий.

Цезарь начал занимать приморские города, где находились морские базы флота. Сразу после высадки, он направил путь к Орику: войска шли ночью по узкой и каменистой тропе, армия разделилась и оказалась весьма уязвима, однако никакой атаки не последовало (App. V. C, II, 54). Манлий Торкват пытался защищать город, но гарнизон отказался поднять оружие против консула. К нему присоединились горожане. Комендант был вынужден открыть ворота и сдаться (Caes. V. C, III, II), получив помилование. Торкват вернулся к Помпею, видимо, участвовал в дальнейших кампаниях и погиб в 46 г. в Африке у Гиппона (V. Alex., 96).

Из Орика Цезарь направился в Аполлонию. Комендант Аполлонии Стаберий стал готовиться к обороне, но жители города заявили, что не станут воевать против представителя законной власти. Стаберий бежал, а горожане приняли цезарианцев (Caes. V. C, III, 12; App. V. C, II, 54).

На сторону Цезаря стали переходить остальные города Эпира, а в армии Помпея началось дезертирство

из эпирских и других греческих контингентов (Caes. B. C, III, 12-13). Цезарь начал продвижение к Диррахию, главной базе Помпея, где хранились запасы его продовольствия. Эти действия создавали двоякую угрозу как для базирующейся на Диррахий армии Помпея, так и для перебазирующегося к Орику флота Бибула.

Цезарианская блокада морского побережья стала давать свои результаты. Флот Бибула страдал от нехватки продовольствия, воды, дров и предметов первой необходимости. Бибул испытывал трудности и от того, что ему пришлось оторваться от основной базы на острове Коркира, откуда ему приходилось подвозить провиант (III, 15). В этой ситуации Бибул и Скрибоний Либон начали переговоры с командовавшими в Орике М. Ацилием и Л. Стеем Мурком.

Как раз в это время Цезарь планировал операцию против Коркиры, выступив с одним легионом к Бутроту. Узнав о предложении противника, он срочно вернулся в Орик (III, 16). Переговоры с Либоном зашли в тупик: Цезарь потребовал непосредственных переговоров с Помпеем, относительно которых Либон не давал никаких гарантий, прося только перемирия. Цезарь отказал. Впрочем, Вибуллий все-таки передал мирные предложения Помпею (III, 18). Обсудив их с членами своего совета, Л. Лукцеем и Феофаном, Помпей отказался вести дальнейшие переговоры.

Вскоре от болезни умирает Бибул. Его смерть привела к известному кризису в помпеянском руководстве. Найти человека, удовлетворявшего обе стороны, оптиматов и военных, составлявших две части руководства, помпеянцы не смогли. Конкретные детали не известны, мы знаем, что рассматривалась кандидатура Катона, на что не согласился Помпей (Ibid.). Возможно, Помпей уже не придавал флоту столь большого значения, поскольку условия изменились.

Единого командования флотом теперь не было, и каждая эскадра действовала самостоятельно (III, 18).

Согласно Аппиану, Помпей занял Диррахий (это следует и из дальнейшего изложения Цезаря) и подошел к р. Апис (или Амор). Когда армии остановились по обеим сторонам реки, Цезарь снова начал переговоры через своего легата П. Ватиния. От помпеянцев на переговоры вышел Лабий, однако вскоре началась перестрелка, и несколько центурионов Цезаря были ранены, после чего Лабий с полной откровенностью заявил, что условием мира может быть только голова Цезаря (V. C, III, 19).

Состояние «зажатости» между армией и флотом Помпея вынуждали Цезаря требовать подкреплений. Он стал проявлять нервозность, постоянно требуя переброски дополнительных сил (III, 25). Аппиан, Плутарх и Светоний даже сообщают об отчаянной попытке командующего лично отправиться за подкреплениями (аутентичность истории неясна), но, так или иначе, и эта попытка закончилась неудачей (Suet. Iul., 58; Plut. Caes., 38; App. V. C, II, 56–57)^[62].

Наконец, в начале апреля долгожданные подкрепления прибыли. Это были Марк Антоний и Кв. Фуфий Кален с 3 легионами ветеранов, 1 легионом новобранцев и 800 всадников (Caes. V. C, III, 29; App. V. C, II, 58–59; Dio, 41, 47–48; Plut. Caes., 39). Плутарх оценивает силы Антония в 20 000 человек (Plut. Ant., 7). Переправа прошла благополучно, уже на следующий день корабли Антония оказались вблизи Аполлонии. Стоящая в Диррахии эскадра Г. Копония (16 кораблей) пыталась атаковать цезарианцев, но Антоний и Кален ушли от преследования и высадились в 3 милях от Лисса в гавани Нимфей. В критический момент изменился ветер, преследовавшие корабли Копония разбились о скалы, а спасшиеся от кораблекрушения были спасены цезарианцами и отпущены (Caes. V. C, III, 26–27). Только два корабля Антония отнесло к Лиссу. Один корабль с

220 новобранцев сдался коменданту Отацилию Крассу. Все пленные были казнены. Экипаж другого (около 200 ветеранов) сумел высадиться, отбить атаки кавалерии и прийти к Цезарю (III, 28). Высадка Антония привела к сдаче Лисса, Отацилий Красс бежал из города. Инициатором сдачи была корпорация римских граждан в Лиссе. Помпеянцы лишились еще одной базы.

Оба командующих узнали о прибытии Антония почти одновременно, когда армии стояли у р. Апс. Помпей собирался перехватить противника и тайно подошел к позициям Антония. Узнав о приходе Помпея, Антоний задержался в лагере, а на следующей день, совершив обходной маневр, подошел Цезарь. Помпей отошел к Диррахию (III, 30). Соединившись с Антонием, Цезарь смог объединить свои лучшие войска. Из 8 или 10 (численность так и неясна) легионов, шесть были легионами галльской армии (8, 9, 10, 11, 12 и 6) (Caes. V. C, III, 89; 94). Качественное превосходство позволило Цезарю компенсировать численное преимущество помпеянцев и приступить к более активной фазе операции.

Главные силы Цезаря двинулись к Диррахию. Как показали события, Цезарь снова попытался использовать «испанский вариант». Одновременно он сделал попытку привлечь на свою сторону ближайшие области Греции, развивая и политический аспект этой кампании. После прибытия посольств из Фессалии и Этолии, Цезарь послал туда своих легатов: Л. Кассия Лонгина с легионом новобранцев (27 легион) и 200 всадников в Фессалию, а Г. Кальвизия Сабина с 5 когортами — в Этолию. В Македонию был отправлен Гн. Домиций Кальвин с двумя легионами (11 и 12-м) (V. C, III, 35). Наоборот, Помпей ждал из Сирии Сципиона (он был вызван значительно раньше), и одной из задач Домиция было воспрепятствовать его подходу. Все трое были относительно новыми людьми в окружении Цезаря: Гн.

Домиций Кальвин, консул 53 г. окончательно перешел к Цезарю после 49 г., Л. Кассий Лонгин был братом Гая Кассия, будущего убийцы Цезаря, в настоящее время командовавшего сирийской эскадрой помпеянцев. Впервые в качестве легата Цезаря появился Г. Кальвизий Сабин, в будущем консул 39 г. и видный деятель 30-х гг. I века.

Домиций появился в Македонии. Его поддержал Менедем, один из самых влиятельных людей в провинции (III, 34). К легату Цезаря собрались посольства от местных общин, однако здесь же он узнал о подходе Сципиона. Сципион в Сирии активно занимался выколачиванием денег из провинциалов. Он требовал больших взносов с городов и местных жителей, взял с публиканов сумму налога за 2 года и арендную плату за будущий год (III, 31), а затем вышел из Сирии, грабя по пути пергамские города (Ibid.). Азия подверглась сильному налоговому прессу. Цезарь пишет об увеличении подушной подати, росте старых пошлин и налогов, и введении новых, росте ссудного процента и задолженности, принудительных займах у римских граждан. Публиканов заставили заплатить на год вперед, а в населенные пункты назначались особые коменданты и вводились войска (III, 32). В довершение ко всему Сципион планировал ограбление Эфесского храма, но получил сообщение Помпея о высадке Цезаря и приказ немедленно идти в Грецию (III, 33).

Сципион быстрым маршем прибыл в Македонию и шел против Домиция Кальвина, однако затем повернул против Кассия, оставив для прикрытия М. Фавония с 8 когортами у реки Галиакмон, отделявшей Македонию от Фессалии. Лагерь Кассия был атакован конницей фракийского царя Котиса. Кассий отступил к Амбракии. Впрочем, и Фавоний, которому угрожали войска Домиция, просил Сципиона вернуться (II, 36). Одержав победу в конных стычках, Домиций стал вызывать

Сципиона на сражение, от которого тот уклонился (III, 37–38). Впрочем, операции на этом новом фронте приостановились. Аппиан сообщает о серьезном поражении Кальвизия, у которого осталось 800 человек от целого легиона (App. В. С, III, 60). Дион Кассий пишет, что Домиций был вытеснен из Македонии (Dio, 41, 51). Интересно, что Цезарь не упоминает о действиях войск Кальвизия, хотя позже пишет о Домиций Кальвине (III, 79). Возможно, небольшой отряд Кальвизия присоединился к Домицию или к Цезарю несколько позже.

После прибытия Антония, борьба с флотом на время прекратилась. Оставив 3 когорты М. Ацилия Канина, Цезарь вывел гарнизоны из приморских городов (III, 39). Орик был немедленно атакован египетской эскадрой Гнея Помпея, который сумел уничтожить несколько кораблей (III, 40). После этого Помпей-младший атаковал Лисе, сжег там 30 грузовых кораблей, однако не смог взять сам город (Ibid.).

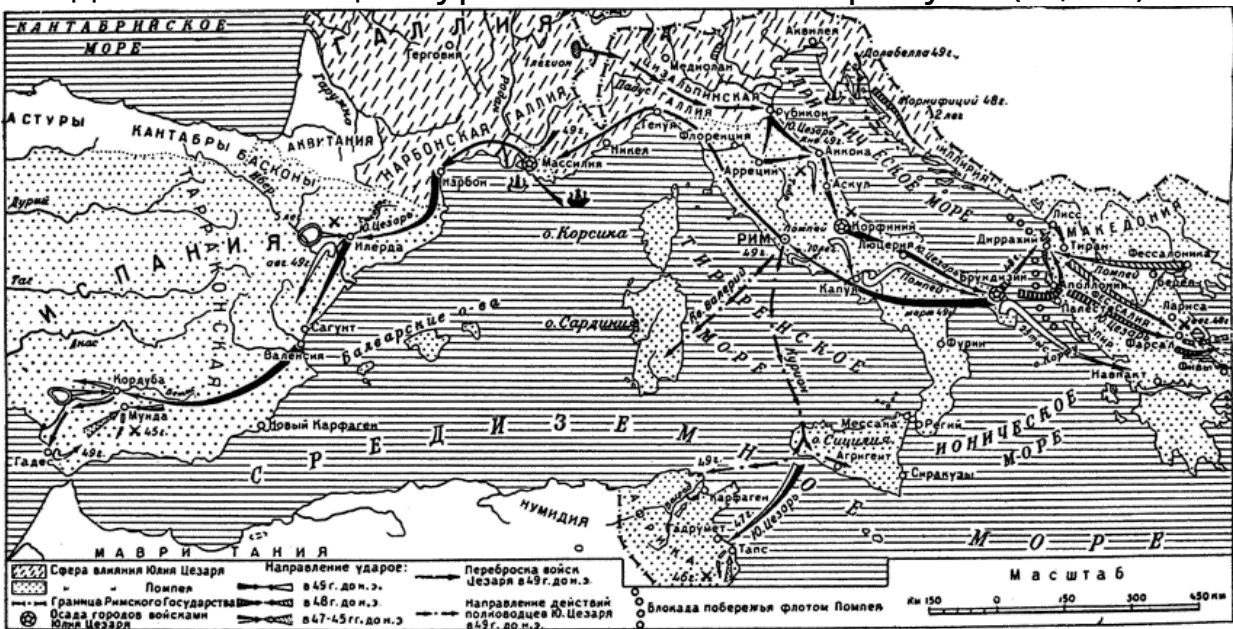
В мае-июне 48 г. началась позиционная война возле Диррахия. Цезарь подошел к лагерю Помпея, а затем попытался отрезать его от города, что ему удалось благодаря блестящему обходному маневру (III, 41–42). Помпей разбил укрепленный лагерь на горе Петра, свезя туда хлеб и другие запасы (III, 42). Цезарь получал продовольствие из Эпира, причем, уже сильно ограбленного помпеянами (III, 42). Цезарь начал окружать Помпея. Началась изнурительная позиционная война. Обе стороны отрезали друг друга цепью укреплений, сопровождая их малыми сражениями (III, 43–45). Один раз в трудное положение попал 9 легион, атакованный легковооруженными Помпея, причем, цезарианцы благополучно отступили (III, 46–47). Положение становилось все более трудным. Армия Цезаря стала испытывать нехватку хлеба, заменяя его каким-то местным корнем «хара», который солдаты ели

с молоком (III, 48). Помпеянцы, получавшие снабжение по морю, имели изобилие продовольствия, но испытывали дефицит воды, поскольку Цезарь отвел большую часть рек и ручьев (III, 49). Кроме того, начался падеж скота и лошадей, армия Помпея испытывала недостаток фуража, начались болезни (Ibid.). Помпея особенно беспокоило положение с кавалерией, которую он считал лучшей частью армии.

К июлю положение с продовольствием заставило Помпея пойти на прорыв. Одна из таких попыток была предпринята на участке П. Суллы, дальнего родственника диктатора, неудачливого кандидата в консулы 66 г. и жертвы процесса 62 г. Сулла отбил атаку. В других местах также шли упорные бои. Легат Л. Волкаций Тулл с 3 когортами отбил атаку целого легиона. В шести сражениях под Диррахием, состоявшихся в этот день, погибло 2 000 помпеянцев (III, 51-52). Показателем ожесточенности сражений было то, что в один из редутов попало 30 000 стрел, почти все солдаты и офицеры когорты были изранены, а в щите центуриона Сцевы оказалось 120 дыр (III, 59). Узнав о прибытии Сципиона, Цезарь в последний раз попытался начать переговоры через А. Клодия, но тот даже не был допущен к командующему (III, 37).

Бедственное положение с фуражом вынуждало Помпея снова пойти на прорыв. Цезарь подчеркивает особую роль двух знатных аллоброгов, Роукилла и Эга, указавших Помпею наиболее уязвимые места обороны противника (III, 59-61). Ударная группировка Помпея сосредоточилась против той части цезарианских укреплений, которые выходили к морю. Здесь он сосредоточил 60 когорт, а легковооруженные и стрелки атаковали с моря. Атаке подвергся 9 легион под командованием квестора П. Корнелия Лентула Марцеллина, сына консула 56 г. На помощь Марцеллину подошли 12 когорт Антония, а затем и войска под

командованием самого Цезаря (III, 62–65). Тем не менее, Помпей смог прорваться и устроить новый лагерь. Решив его уничтожить, Цезарь собрал в единый кулак 33 когорты. В лагере находился легион Помпея. Успешная атака привела к поражению помпеянцев (III, 65–67), однако Помпей принял ответные меры. Собрав 5 легионов, он бросил их в контратаку. Армия Цезаря была смята и оказалась на грани разгрома (III, 69–70). Цезарь сообщает, что в сражении погибло 960 пехотинцев, 200 всадников и 32 центуриона и военных трибуна (III, 71).

Видимо, главным итогом этого прорыва было прекращение беспрецедентной осады, когда меньшая армия блокировала большую. Продолжение осады было невозможно, и сам Цезарь пишет о поражении и крушении своих планов (III, 73) и полагает, что избежал полного разгрома потому, что Помпей не решился атаковать укрепления (III, 70). Другие авторы оценивают положение еще более серьезно. Аппиан считает, что Цезарь оказался на грани разгрома, но Помпей по совету Лабиена стал преследовать бегущих вместо того, чтобы занимать другие укрепления (App. В. С, II, 62). Аналогичны оценки Плутарха (Plut. Caes., 39–40; Cato, 54;

Pompr., 65) и Диона Кассия (Dio, 41, 49–50; Suet. Iul., 36). Авторы передают слова Цезаря, что война была бы закончена, если бы во главе противников стоял человек, умеющий побеждать. Другим мнением было то, что Помпей совершил ошибку, не став энергично преследовать противника.

Парадокс ситуации под Диррахием, быть может, станет яснее в связи с последующими событиями. Задача Помпея была выполнена: контакт с морем был восстановлен, Цезарь уходил от морского побережья, а блокада была прорвана. Помпей, по-прежнему не желавший сражения (Caes. B. C, III, 85–86), был объявлен императором и подвергся массивному давлению своего окружения. У него было несколько вариантов продолжения войны от десанта в Италию до продолжения «стратегии измора» (III, 72). Среди помпеянского руководства раздавались голоса в поддержку более осторожного варианта. Помпея поддержал Катон (Plut. Pompr., 67), бывший комендантом Диррахия. Аппиан упоминает об интересном предложении Афрания переправиться в Италию и занять ее, оставив флот сторожить Цезаря. Вместе с тем, Диррахий сыграл с помпеянцами злую шутку. Большинство руководителей помпеянцев, в число которых входили Сципион, Домиций Агенобарб, Петрей и Лентул Спинтер, считали необходимым «добить» Цезаря, дав ему генеральное сражение (Caes. B. C, III, 72; 83). Многие из них открыто упрекали Помпея в желании сохранить свои полномочия, шли споры о будущих магистратурах, наградах и даже понтификате Цезаря. Среди тех, кто был уверен в победе, были и такие выдающиеся военачальники, как Лабиен. После победы под Диррахием, по его приказу были перебиты все пленные (Caes. B. C, III, 71). Будучи, видимо, одним из самых авторитетных военных советников Помпея,

Лабием также уверял командующего в полном успехе. Помпеянская армия рвалась в бой.

Планы Цезаря определить несколько труднее: в известной мере, он оказался заложником событий. В речи к войскам Цезарь призвал их не отчаиваться от проигранного сражения и напомнил ветеранам о прежних победах и кампании под Гергovieй (Caes. B. C, III, 73). Трудно сказать, в какой степени Цезарь должен был стремиться к сражению, скорее всего, после Диррахия он уже не мог от него уклониться, поскольку это привело бы к весьма нежелательным последствиям. Итальянский или «испанский» вариант продолжения войны стал невозможен. Первой насущной задачей стал отрыв от преследования, соединение с Домицием и другими войсками и перенос войны в Грецию, где надо было учитывать и политические последствия Диррахия.

7. Фарсал (9 августа 48 г.)

Снявшись с лагеря, Цезарь выслал весь обоз и один легион в Аполлонию, оставил 2 легиона в лагере, а затем вывел главные силы (III, 75). Помпей начал преследование. Конница догнала армию Цезаря на реке Генуе, но была отброшена. Переправившись через Генуе, Цезарь разбил лагерь у Аспарагия. Туда же подошел Помпей (III, 76). Когда помпеянцы занялись устройством лагеря, Цезарь внезапно выступил, снялся с лагеря и оторвался от противника, отрыв продолжался и далее (III, 77).

Следующей задачей стало соединение с Домицием. Цезарь ненадолго задержался в Аполлонии, а Помпей выступил в Македонию через Кандавию (III, 79). Сам того не зная, Домиций шел навстречу Помпею, но чисто случайно узнал о подходе противника, повернул и соединился с армией Цезаря возле Эгиния у границы Фессалии (III, 79).

Стали сказываться и политические последствия Диррахия. Стратег Фессалии Андросфен запер ворота первого из фессалийских городов, Гомф, и стал готовиться к обороне. Сципион подошел к Лариссе, к Фессалии приближался Помпей (III, 80). Цезарь приказал атаковать Гомфы. Город был взят штурмом и командующий отдал его на разграбление армии, а затем подошел к другому городу, Метрополю. Наученные примером Гомф, жители Метрополя открыли ворота (III, 80-81). Здесь в Фессалии Цезарь стал ждать противника (App. B. C, II, 63-64; Plut. Caes., 39; Cato, 55; Dio, 41, 55; Veil., II, 52).

Помпей соединился со Сципионом. Обе стороны готовились к генеральному сражению. Колеблющийся Помпей уступил давлению окружения (App. B. C, II, 67-

69; Caes. B. C, III, 82–83; Dio, 41, 52–57; Plut. Caes., 41, Pomp., 66–69). Требование завершить войну было связано и с желанием оптиматов освободиться от концентрации власти в руках Помпея (App. B. C, II, 66; Dio, 41, 53; Veil., II, 52). Помпеянцы активно обсуждали последствия победы, уже распределяя должности и денежные награды. Обсуждались и обширные репрессивные планы помпеянского руководства. Цезарь упоминает о проскрипциях в отношении нейтральных лиц (III, 83); в отношении собственно цезарианцев предполагалось, видимо, полное уничтожение. Палатки помпеянских военачальников украшались плющом, для праздничного пира готовилась серебряная посуда (III, 96).

9 августа 48 г. возле Фарсала состоялось генеральное сражение. Несмотря на детальные описания многих авторов (Caes. B. C, III, 84–99; App. B.C., II, 72–82; Plut. Caes., 43–46; Pomp., 68–72; Cato, 55; Dio, 41, 55–62) в сообщениях о Фарсальском сражении есть ряд неясностей.

Цезарь оценивает численность помпеянцев в 110 когорт (45 000 пехоты) и 2 000 *evocati*, а свои — в 80 когорт (22 000 пехоты) плюс семь когорт для охраны лагеря (ок. 3–3, 5 тыс. человек) (Caes. B. C, III, 89–90). Эти же цифры приводят Плутарх (Plut. Caes., 42; Pomp., 69) и Аппиан (App. B. C, II, 70). Эти авторы оценивают конницу Помпея в 7 000 (впрочем, это исходная цифра) (Caes. B. C, III, 4; App. B. C, II, 70; Plut. Caes., 42) и 1–1 500 человек у Цезаря (Caes. B. C, III, 6, 9; App. B. C, II, 70).

Правый фланг армии Помпея был прикрыт рекой Апс, и вся кавалерия и стрелки находились на левом крыле под командованием Лабиена. Эти силы и наносили основной удар и должны были смять кавалерию Цезаря и ударить в тыл пехоте. Помпей и Лабиен уверяли, что сражение решится еще до его начала (Caes. B. C, III, 86–84; App. B. C, II, 73–75; Dio, 41, 60). Пехота Помпея, как

обычно, строилась в три линии. На правом крыле стояли 1 и 3 легионы, выведенные из Италии (бывшие легионы Цезаря), в центре — 2 сирийских легиона Сципиона, а на левом фланге — легион из Киликии. Эти пять легионов Помпей считал лучшими в своей армии и поставил в качестве опоры боевого порядка. Остальные были расположены между ними. Согласно Аппиану, в боевых порядках было много греков (App. В. С, II, 70-71). Плутарх сообщает, что командование левым флангом взял на себя Помпей, центром — Сципион, правым флангом — Домиций Агенобарб, а кавалерия была подчинена Лабиему (В. С, III, 87-88).

Цезарь противопоставил противнику свой боевой порядок. На правом фланге стоял 10 легион, на левом — 8 и 9. Положение остальных частей Цезарь не уточняет. Левым флангом командовал Марк Антоний, центром — Домиций Кальвин, правым флангом — П. Корнелий Сулла (Caes. В. С, III, 89). Конница стояла на правом фланге. Цезарь применил два тактических новшества, которые Г. Дельбрюк считает блестящим развитием эшелонной тактики и, возможно, высшим словом в античном военном искусстве^{226}. По приказу Цезаря третья линия должна была задержаться и не вступать в бой без специального приказа (Caes. В. С, III, 89). Кроме того, в тылу у кавалерии были поставлены 6 когорт (3 000 пехотинцев), которые, возможно, и решили исход сражения.

Помпей отдал приказ пехоте стоять на месте, рассчитывая на усталость цезарианцев, которым предстояло пройти двойное расстояние. Цезарь считает это ошибкой, полагая, что Помпей лишил армию важного эмоционального фактора (III, 92). Легионеры Цезаря дошли до середины поля, сделали остановку и пошли в атаку. Атака началась с героического удара отборного отряда центуриона Крастина (III, 93). Тем временем

кавалерия Помпея обрушилась на цезарианскую конницу.

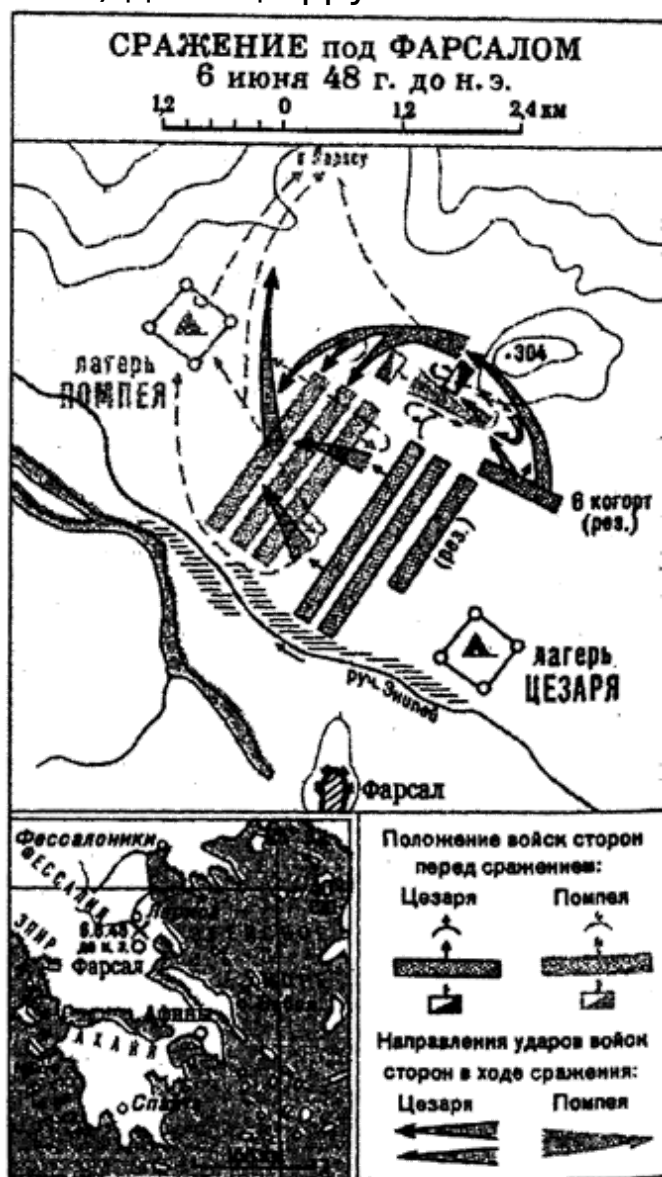
Атака была очень сильной. Конница Цезаря быстро отступила. Как полагает Г. Дельбрюк, ее целью было просто отступить и позволить помпеянкам наткнуться на построенное каре 6 когорт^{227}. Произошло неожиданное: кавалерия Помпея начала быстро отступать, за ней последовали лучники и пращники, вскорости перебитые когортами. Тем временем в центре шло ожесточенное пешее сражение, когда две цезарианские линии сдерживали наступление помпеянской пехоты. Конница и когорты ударили помпеянкам в тыл и фланг, и тогда Цезарь бросил в бой свою третью линию (Caes. B. C, III, 95). Цезарианцы штурмом взяли лагерь противника, остатки помпеянцев бросали оружие, сдавались и разбежались, часть из них бежала в находящиеся за лагерем горы (III, 96–97).

Цезарь продолжал преследование. Он окружил гору и стал отрезать противника от воды, после чего помпеянцы бежали к Лариссе. Оставив часть сил в лагере, Цезарь взял 4 легиона и продолжал следовать за противником. Помпеянцы снова остановились на горе, но Цезарь стал отрезать их от воды. Остатки армии Помпея сдались (III, 97–98).

Цезарь оценивает потери противника в 15 000 убитыми и 24 000 пленными, остальные разбежались (III, 99). Аппиан называет число 25 000 убитых (App. B. C, II, 82), впрочем, и он и Плутарх приводят (со ссылкой на Азиния Поллиона) и гораздо меньшее число — 6 000 убитых (App. B. C, II, 82; Plut. Caes., 46). Согласно Аппиану, пало 10 сенаторов и 40 всадников (App. Ibid.), среди погибших был и Домиций Агенобарб (Caes. B. C, III, 99). Цезарю принесли 9 легионных орлов и 180 знамен (Ibid.). Все пленные, среди которых было немало представителей знати, были пощажены. Уже в момент начала бегства противника Цезарь отдал знаменитый

последний приказ щадить граждан (Suet. Iul., 75; Flor, IV, 2, 53; Polyæn, VIII, 23; 29). Как и ранее, все военнопленные были отпущены, а желающие поступили на службу к Цезарю. Среди сдавшихся был и Марк Брут (Veil., II, 52; Flor, IV, 2, 51-52; Suet. Iul., 34; App. B. C, II, 80-81; Plut. Caes., 16; Brut., 6; Dio, 41, 62). Восточная армия перестала существовать.

Потери Цезаря были относительно невелики. Сам он сообщает о 200 солдатах и 30 центурионах (Caes. B. C, III, 99; App. B. C, II, 82). Аппиан (возможно, на основании Азиния Поллиона) дает цифру 1200 человек (App. Ibid.).

Сражение вызывает некоторые неясности. Быть может, первым является вопрос о том, почему Помпей так и не использовал свое огромное превосходство в пехоте? Многие исследователи пытаются снова и снова вернуться к проблеме численности армий. Как правило, авторы оценивают силы сторон в 60–70 000 человек, полагая, что Помпей имел в 1, 5–2 раза больше. Максимальный подсчет для цезарианцев дает 24000 против 36 000, минимальный — 23 000 против 46–47 000 (App. В. С, II, 71). Евтропий дает еще более скромное соотношение — 30 000 у Цезаря и 40 000 у Помпея (Eutr., VI, 20). Многие ученые (напр. Г. Дельбрюк) считают, что превосходство не было столь значительным. Если рассматривать соотношение когорт, то мы сталкиваемся с труднообъяснимым фактом, что средняя когорта помпеянцев насчитывала 450, а цезарианская — 250 человек. Отметим и очень большие цифры, интересные только потому, что они отражают значение битвы.

Флор пишет, что в ней участвовало 300 000 человек (Flor, IV, 2, 44). Аппиан, впрочем, указывая на невероятность оценок, стремится изобразить Фарсал как «битву народов» и сообщает, что некоторые авторы писали о 400 000 участников (App. В. С, II, 70).

Впрочем, превосходство в пехоте у Помпея, видимо, было, хотя, вероятно, и не столь значительное. Более безусловным было качественное превосходство цезарианцев. Из 8 легионов, сражавшихся при Фарсале, 6 были легионами галльской армии Цезаря. Помпеянская армия уступала именно в боевом опыте: половина не имела его вовсе, опыт других не шел ни к какому сравнению с опытом противника. В легионах Помпея было немало греческих и восточных контингентов, уступавших римским легионерам. Цезарь у Аппиана советует солдатам не обращать внимания на союзные отряды, принимая в расчет только италийцев (App. В. С, II, 74).

Фактор качества особенно сказался на корпусе центурионов, бывших основой римских легионов. Потери при Диррахии и Фарсале, постоянные упоминания о них Цезаря, эпизод с Крастином показывают, что полководец хорошо понимал, кому он обязан своей победой (Caes. B. C., III, 91; 95). Помпей пытался компенсировать этот фактор набором ветеранов и *evocati* (Caes. B.C., III, 4), но ветераны Помпея не были интегрированы в армию и даже самым молодым участникам последних войн Помпея (67-62 гг.) было около 40 лет. Солдаты и центурионы Цезаря были лет на 10 моложе. Именно эти обстоятельства вызвали осторожность Помпея при Диррахии и Фарсале, а Цезарь рассчитывал не столько на свои тактические решения (они родились в ответ на необычный план Помпея), сколько на этот несомненный качественный перевес.

Вопрос о кавалерии также достаточно сложен: превосходство помпеянцев могло быть не столь подавляющим. Кроме того, конница такого типа была более пригодна для преследования, обстрела, действий на коммуникациях, нежели для фронтальной атаки пехотинцев. Помпей и Лабиен, скорее, рассчитывали на психологический эффект атаки с тыла, нежели на поражающий фактор. Целью Помпея мог быть не полный разгром противника, а «второй Диррахии», который также мог стать роковым.

Наконец, неясно, какие силы приняли участие во фланговом ударе. Это явно были 6 когорт и, видимо, мало пострадавшая конница, но это могла быть и часть третьей линии. Поражение помпеянцев могло быть не только на этом участке. Показательно, что на левый фланг был поставлен, несомненно, самый способный из трех командиров Цезаря, Марк Антоний. Именно эта кампания сделала его одной из главных фигур в окружении полководца.

Фарсал стал переломным событием в гражданской войне. Это был крах плана Помпея, впрочем, показавшего, что противником Цезаря был один из лучших полководцев Рима. Победил не только Цезарь, победила его галльская армия, видимо, лучшая, которой когда-либо располагали римляне и, наконец, победила новая провинциальная политика, дающая римской державе новые перспективы.

Глава VIII.
ДИКТАТОР (48-46 гг.)

1. Последствия Фарсала

Победа при Фарсале сделала Цезаря главой римского государства, прекратив вынужденное военное двоевластие. Хотя сам Цезарь послал в сенат только сухое донесение, не желая отмечать победу в гражданской войне, в Риме широко отметили и победу, как таковую, и окончание борьбы «двух принцепсов»^{228}.

Строились планы пожизненной диктатуры Цезаря и пятилетнего консульства, однако Цезарь, видимо, стал только *dictator rei gerendae* на достаточно длительный срок. Решение принял сенат, а конкретное назначение произвел консул П. Сервилий. Т. Моммзен считает, что это была диктатура «для устройства государства» (*rei publicae constituendae*), как и у Суллы (именно такое добавление было сделано знаменитым немецким историком в Капитолийских фастах), не ограниченная конкретным сроком. Напротив, У. Вилькен, видимо, с большим основанием полагает, что вторая диктатура имела иные функции, военные (*rei gerendae*) или направленные против возникшего мятежа (*seditionis sedandae*)^{229}. В пользу мнения У. Вилькена говорит то, что в период этой диктатуры Цезарь пробыл в Риме не более 2–3 месяцев, остальное время заняли его кампании в Египте, азиатских провинциях и в Африке. Диктатура не была бессрочной — Дион Кассий пишет, что она была дана на год вместо положенных 6 месяцев и пролонгирована еще на год осенью 47 г. (Dio, 42, 20–21). Судя по надписям, еще в 46 г. Цезарь был *diet. II*.

В известной степени, диктатура была наградой за победу, однако в римском праве магистратура всегда оказывалась фиксацией статуса и власти. Вместе с тем, она была и формулировкой определенной задачи:

Цезарю предстояло урегулировать положение практически во всех провинциях огромной державы, а возможно, и проводить принципиальные гражданские реформы, пополнения сената и кадровые перестановки. Ни консул, ни проконсул подобных прав не имели. Кроме того, Цезарь получил трибунскую власть (Dio, 42, 20–21), дающую ему целый ряд дополнительных возможностей: право законодательной инициативы, право вето, определенную демократическую традицию и, наконец, ту особую связь с народом, которая по-прежнему сохранялась у бывшего правозащитника и дилера популяров, ставшего теперь полновластным главой государства. Было бы неправильным полагать, что в 48 г. Цезарь престал быть тем демократическим лидером, которым он был в 59 г., просто задачи, стоящие перед ним стали более масштабными, а решение проблем Италии и Рима переросли в решение проблем народов Средиземноморья. По сути дела, Цезарь только теперь мог приступить к этим вопросам.

Новое положение создавало и новые проблемы. Только теперь Цезаря восприняли как победителя. В доказательство этому граждане начали свергать статуи Помпея и Суллы (Suet. Iul., 75; Plut. Caes., 58; Dio, 42, 18; Polyaeon, VIII, 23, 31). Впрочем, диктатор немедленно пресек эту практику, а позже отдал приказ восстановить все пострадавшие памятники. К власти пришло новое цезарианское правительство. Начальником конницы стал Марк Антоний, а консулами 47 г. были легаты Цезаря Кв. Фуфий Кален и П. Ватиний. Кален, участник галльских кампаний, также сражался в Испании в 49 г. и теперь действовал в Греции (Caes. B. C, III, 26; Cic. Phil., VII, 17), П. Ватиний был союзником Цезаря еще с 63 г. (Cic. Sest., 114) и играл роль его «политического офицера». В 59 г. Ватиний был инициатором закона о галльском наместничестве, в 55 г. он стал претором, одержав победу над Катоном (Cic. Fam., I, 9; 19; Liv. Epit.,

105; Plut. Cato, 42; Pomp., 52), в 54 г. был обвинен в подкупе, но оправдан благодаря поддержке триумвиров, а с 51 г. считался легатом Цезаря. В 48 г. после отплытия подкреплений на помощь Цезарю во главе с Антонием и Каленом, Ватиний стал комендантом Брундизия (Caes. B. C, III, 10). Наместниками в Испании стали Лепид и Кв. Кассий Лонгин, в Галлии — Децим Брут.

Политика «милосердия» продолжалась, но, в отличие от кампаний 49 года, Фарсал стал первым большим сражением с серьезными потерями. Цезарь, как и ранее, помиловал пленных, но, вероятно, не столько он сам, сколько его окружение и новая политическая элита стремились показать, что политика «милосердия» имеет свои пределы. Впервые с начала войны помпеянцы и их союзник Юба были объявлены врагами отечества (Dio, 42, 20-21). На смену военному «двоевластию» приходит борьба единственной законной власти против мятежников.

Серьезность военных проблем никоим образом нельзя приуменьшать. Ключевое значение имела проблема самого Помпея, оставался его флот, фактически не понесший серьезных потерь. Второй проблемой была проблема восточных провинций, добровольно и принужденно оказавших помощь помпеянкам и дававших им войска и материальные ресурсы. Установление новой власти должно было пройти бескровно и быстро. Некоторые регионы представляли особую опасность. В борьбу вмешались вассальные цари и внешние силы. Сохранялась возможность парфянского вмешательства. В Африке набирал силу царь Юба. Как показали дальнейшие события, опасность представляли даже такие зависимые правители, как Фарнак Понтийский и египетские претенденты на престол.

Неспокойно было и в Италии. Уже в 48 г. ставший претором Целий Руф возглавил движение должников, пытаясь сорвать урегулирования Цезаря. В 60–50-е гг. Руф принадлежал к кругу Катона и Цицерона, и его судьба достаточно характерна для немалой группы политиков, мечущихся между разными лагерями. В молодости он получил образование под руководством Цицерона и Красса (Cic. Cael., 9, 12), в 63 г. пытался сблизиться с Катилиной, но затем вернулся к Цицерону (Ibid., 10, 11). В 50-е гг. Руф вместе с Милоном и Сестием был одним из ближайших сподвижником Цицерона, что, впрочем, не мешало ему стать любовником знаменитой Клодии. В 54 г. роман закончился бурным процессом, когда Клодия обвинила Целия в попытке ее убить. В 52 г. Целий защищал Милона, а в 49 г., вопреки советам Цицерона, поддержал Цезаря, бежав к нему вместе с Антонием и Квинтом Кассием (Dio, 41, 3, 2). В 48 г. Целий стал проявлять недовольство Цезарем и в феврале 48 г. написал в Эпир Цицерону о намерении выступить против него (Cic. Fam., VIII, 17).

Целий нанес удар в достаточно болезненное место — долговую политику Цезаря и проблему кассации долгов, которую правительство пыталось так гибко решить. Он обнародовал проект об уплате долгов без процентов в течение 6 лет (Caes. B. C, III, 20). Консул Сервилий и магистраты выступили против. Продолжая популистские действия, Руф уже открыто предложил сложение годовой квартплаты и отмену всяческих долговых обязательств (III, 21). Целий организовал нападение на Требония, бывшего городским претором и занимавшегося решением долгового вопроса, и прогнал его с форума (Ibid.).

Консул Сервилий оказался верным соратником Цезаря. Целий был исключен из сената, после чего Сервилий пресек его выступления (Ibid.). Теперь Целий выступил открыто, соединившись со своим старым

союзником Милоном, начавшим собирать отряды гладиаторов. Целий прибыл в Казилин и пытался поднять восстание на Капуе, но горожане решительно воспротивились его планам (Ibid.). Если Целий еще пытался выступать как защитник и лидер народного движения, то Милон открыто начал восстание, объявив себя сторонником Помпея. Против него был послан легион во главе с Кв. Педием. Из-за лакуны в тексте Цезаря, мы не знаем некоторых деталей. Милон погиб во время осады города Козы в области Фурий, а Целий пытался склонить к мятежу жителей Фурий и галльских всадников Цезаря, но был ими убит (III, 22). Хотя эта опасная попытка была ликвидирована, возможность использования помпеянами или другими силами вполне реальной проблемы задолженности продолжала оставаться (см также Dio, 42, 23-24).

Впрочем, наиболее острой продолжала оставаться проблема помпеянских лидеров. Остатки помпеянской армии начали собираться вокруг Катона, бывшего комендантом Диррахия. Сборным пунктом стал остров Коркира, где находилась главная база флота. Вскоре здесь было уже 10 000 солдат и 300 кораблей. На Коркиру прибыли все лидеры помпеянцев, Сципион, Лабиен, Афраний, Петрей, старший сын Помпея Гней и др. На первых порах они пытались закрепиться в Греции, где столкнулись с войсками Фуфия Калена, которого Цезарь еще до Фарсала послал для занятия Средней Греции. В распоряжении Калена были 15. когорт Кассия Лонгина и Кальвизия Сабина и, вероятно, какие-то другие войска. Вся средняя Греция перешла на сторону Калена, ему сдались Дельфы, Орхомен и Фивы, хотя некоторые города (точно неизвестно, какие) продолжали сопротивление (Caes. B. C, III, 55). Здесь находился и помпеянский наместник П. Рутилий Луп, в начале 49 г. помогавший Помпею в Италии (I, 24).

Помпеянцы пытались атаковать Патры и закрепиться в Пелопоннесе, однако Кален успешно продолжал операцию. Он взял Афины и Мегары и выбил противника с Пелопоннеса. Катон принял решение отплыть в Африку, где предполагал соединиться с войсками Аттия Вара и Юбы. Войска хотели объявить командующим Катона, но тот уступил Сципиону как старшему по рангу (Dio, 42, 10; 13-14; App. B. C, II, 87; De v. III, 80; Veil., II, 54; Flor, IV, 2 64-66; Plut. Cato, 55-57; Liv. Epit., 111-112). Африка должна была теперь превратиться в главный фронт борьбы с Цезарем. Впрочем, многие помпеянцы прекратили борьбу: одни, как Брут, сдавшись Цезарю, другие, как Цицерон, вернувшись в Италию.

Сам Помпей избрал другой путь. По не вполне ясным причинам, он бежал в противоположном направлении. Если это могло оказаться случайностью, то едва ли случайным было то, что его планы никак не были связаны с бывшими соратниками, трения с которыми особенно обострились при Фарсале (App. B. C, II, 66; Dio, 41, 53-56; Veil., II, 56). Положение Помпея было достаточно трагично: продолжая борьбу с Цезарем, готовым на мир с ним лично, он отошел от собственной партии, среди которой оставались его собственный сын, тесть Сципион и такие близкие люди, как Афраний и Петрей. Впрочем, далеко не все оставили Помпея. С ним находились Лентул Спинтер, Лентул Крус, Фавоний и др. Помпей бежал в Лариссу, жители которой просили его не вступать в город (Caes. B. C, III, 102; App. B. C, II, 81; Plut. Pomp., 75). Прибыв в Амфиполь, Помпей начал мобилизацию местного населения, либо для отвода глаз, либо действительно пытаясь задержать преследующего его Цезаря (Caes. B. C, III, 102), однако оттуда он отправился в Митилену, где забрал жену, Корнелию и младшего сына (от брака с Муцией) Секста (Ibid.; Plut. Pomp., 73-74). Там же он узнал об отпадении царя галатов Дейотара. В Митилене Помпей задержался на

два дня, затем он достал несколько судов и направился на Кипр и Киликию. Здесь вместе со своим окружением он стал обсуждать дальнейшие планы (Caes. B. C, III, 102). Вариантами были Парфия, Африка и Египет. Парфянский вариант был отвергнут — по всей вероятности, Помпей не рассчитывал втянуть в эту державу в войну (Ibid., III, 82). Известную роль сыграл и субъективный фактор. Наши источники обращают особое внимание на нежелание Помпея везти в Парфию молодую жену, Корнелию, бывшую, к тому же, вдовой Публия Красса (Veil., II, 53; App. B. C, II, 83; Plut. Pomp., 76). По неясной причине, Помпей отверг и наиболее надежный вариант Юбы и принял решение бежать в Египет, где стояла сильная 20-тысячная армия Габиния. Помпей смог взять отряд солдат на Родосе, здесь же к нему присоединились около 60 сенаторов (Plut. Pomp., 60). Родосцы и киприоты в помощи отказали (Caes., III, 102). «Парфянский вариант» окончательно сорвался из-за позиции провинциалов. Антиохия, а затем и другие города Сирии, приняли решение не пускать к себе Помпея и его союзников (Ibid.). Позиция жителей провинций вполне объяснима, если учесть произвол находившегося там наместником Сципиона и разграбление храмов (III, 32–33). После этого Помпей отправился в Пелузий, где стояло войско царя Птолемея XIII, воевавшего против Клеопатры (Caes. B. C, III, 103; Liv. Epit., 112; Veil., II, 53; App. B. C, II, 85–86).

2. «Египетская авантюра» (август — октябрь 48 г.)

За событиями в Египте вполне определенно закрепился образ «египетской авантюры», предпринятой Цезарем, главным образом, ради любви, или, по крайней мере, страстного увлечения Клеопатрой, что и стало причиной, в общем, бессмысленной войны. Появляется и другая оценка: длительное и «неоправданное» пребывание Цезаря в Александрии привело к острому политическому кризису и ухудшению положения в ряде провинций, из которого Цезарь вышел с величайшим напряжением сил. Можно безоговорочно согласиться только с последним — кризис конца 48 г. и события 47 г. оказались тяжелым испытанием для новой власти, впервые ставшей властью в полном смысле этого слова.

Мнение о войне «из-за Клеопатры» или «ради Клеопатры» ведет свое происхождение от беллетризированной традиции античной историографии и встречается у Плутарха, Светония и Аннея Флора. Плутарх пишет, что очень многие писатели отрицали военную необходимость кампании, а другие считали виновными в ней царских придворных во главе с Потинном (Plut. Caes., 49). К мнению, что египетская кампания была начата из-за молодой и красивой египетской царицы, склоняется Светоний (Suet. Iul., 35; 52). Флор выдвигает две причины: любовь к Клеопатре и месть убийцам Помпея (Flor, IV, 2, 56–57).

Мнение о Клеопатре, как главной причине войны и задержки Цезаря в Александрии, стала одной из центральных идей ряда больших художественных произведений: «Цезаря и Клеопатры» Б. Шоу, фильма «Клеопатра» (1963 г.) и многих других. Эти мотивы

можно найти в поэзии Дж. Г. Байрона и А.С. Пушкина. Популярная идея, сложившаяся вокруг Антония, переносится и на Цезаря. С другой стороны, многие исследователи отрицают этот мотив, ставя на место «великой любви» трезвый политический расчет^{230}.

Тема Клеопатры и Цезаря будет затронута позже, заметим, сейчас, что до появления Цезаря в Египте знаменитый полководец и красавица-царица попросту не были знакомы лично. Египетская царица была для Цезаря не более, чем вассальной правительницей, которая могла быть лишь «шахматной фигурой» в сложной системе управления римской державой и борьбе за власть с помпеянами. Клеопатра не представляла никакой реальной силы (эти сведения Цезарь, видимо, имел) и его больше интересовала позиция Птолемея XIII и его окружения.

С другой стороны, египетская кампания, часто подвергается критике, как неоправданная авантюра Цезаря, необъяснимая с рациональных позиций и поставившая на карту результаты великой Фарсальской битвы. В более жесткой форме эта позиция выражена Т. Моммзеном и М. Гельцером^{231}, в более мягкой — С.Л. Утченко и В.С. Дуровым, считающими египетское интермеццо простительной слабостью великого человека и ситуацией, когда живой человек брал верх над политиком^{232}.

Соглашаясь с последним утверждением (Цезарь действительно был «живым человеком» в политике, а не «безгрешным вождем», в чем была, впрочем, не только слабость, но и сила), признаем, что большая любовь могла бы изменить планы Цезаря. Суть была в том, что, плывя в Египет, он еще не знал и не мог знать об этом чувстве. Более того, для появления диктатора в Александрии была совершенно иная очевидная причина: он пришел туда, преследуя Помпея, и именно Помпей привел Цезаря в Египет. Вопрос Помпея был

действительно первостепенен, он был готов продолжать войну, а захват и сдача Помпея (а именно так ставил вопрос Цезарь) могли бы привести к окончанию войны или, хотя бы облегчить победу. Наоборот, появление Помпея в Египте или Парфии было чревато новым витком военных действий.

Фактически сразу после Фарсала Цезарь начал преследование Помпея, взяв с собой для быстроты передвижения минимальные силы, 6 легион и конницу (Caes. B. C, III, 102). Как в свое время Александр сразу после Гавгамел начал свою гонку за Дарием, Цезарь посвятил все свои усилия погоне за Помпеем. И в том и в другом случае, это было единственно правильным решением, и, как ранее Александр, Цезарь опоздал. Сразу после Фарсала ему сдались несколько важных союзников Помпея, фракийский царевич Садал, сын Котиса, каппадокийский царь Ариобарзан и правитель Галлогреции Дейотар, отряды которых составляли значительную часть кавалерии Помпея (Dio, 41, 63). Судя по тому, что Цезарь спокойно прошел через Македонию, сопротивления ему не было и здесь.

Еще более успешно действовала сирийская эскадра Гая Кассия. Используя тактику брандеров, Кассий атаковал стоявшую у Мессаны эскадру Л. Помпония и всю ее уничтожил. Возможно, это было самое серьезное поражение цезарианцев на море. Помпеянский военачальник пытался атаковать город, но отступил, получив известия о Фарсале (III, 101). После этого он напал на Вибон, где стояли корабли П. Сульпиция Руфа. легата Цезаря с 55 г., участника испанского похода 49 г. и претора 48 г. (Caes. B. C, I, 74). Сражение с Сульпицием было не столь удачным: Кассий поджег 5 кораблей, но сам потерял 4 корабля в результате контратаки и едва сумел спастись (III, 101).

Помпеянский флот распадался. После Фарсала ничего не слышно об эскадрах Кассия и Д. Лелия,

последний, вероятно, тоже сдался и появился вновь только в 42 г. Египетские корабли вернулись на родину, то же самое сделали родосцы, которые потом поддержали Цезаря. Часть флота ушла с Катонем в Африку, хотя, возможно, там было много грузовых кораблей (App. B. C, II, 87). Ахейский флот Л. Скрибония Либона и М. Октавия уже не мог контролировать море и переместил операции в Иллирик.

Цезарь продолжал преследование. По собственному признанию, он пробыл в провинции Азии несколько дней, известно, что он посетил Илион, родину Энея, родоначальника Юлиев. Вместе с тем, одно важное решение он все же принял — подати с провинции, разоренной помпеянами, были сокращены на треть (Plut. Caes., 48), а Книд, родина его учителя Артемидора, был освобожден от них вообще (Ibid.). Наместником Азии стал Домиций Кальвин. Исследователи отмечают появление в провинции многочисленных статуй, подчеркивающих происхождение Цезаря от богов, Артемиды и Ареса^{233}. Впрочем, это был достаточно обычный стиль отношений восточных провинциалов с римским наместником. В Азии Цезарь узнал, что Помпей отправился на Кипр и предположил, что тот решил направиться в Египет. Тогда (или еще ранее) Цезарь вызвал из Ахайи (от Фуфия Калена) еще один легион и 800 всадников, родосские и азиатские корабли (Caes. B. C, III, 106).

Тем временем, примерно к октябрю 48 г. Помпей прибыл в Египет и обратился за помощью к Птолемею, стоящему с войсками у Пелузия и воевавшему против своей сестры Клеопатры. В совете участвовали евнух Потин, управлявший финансами Египта и бывший фактическим главой гражданского управления, командующий армией царя Ахилла и ритор Теодот, воспитатель царя Птолемея. Было принято решение об убийстве Помпея. Предложение высказал Теодот. Само

убийство было поручено Ахилле и бывшему римскому центуриону Луцию Септимию, ранее служившему в пиратской войне под командованием Помпея.

Пиратский флот и войско выстроились вдоль берега. Под предлогом мелководья Помпею подали небольшую лодку, в которой находились Септимий и, возможно, Ахилла, которые приветствовали Помпея от имени царя. Помпей был обеспокоен. Тогда же он произнес стихи Софокла (Plut. Pomp., 78–79). Во время встречи, Септимий нанес удар, возможно, это сделал и Ахилла. Помпей погиб на глазах жены и своих приближенных. Вскоре были схвачены и несколько его друзей, в том числе Лентул Крус. Остальные спаслись бегством (Caes. B. C, III, 102; Liv. Epit., 112; Veil., II, 53; Flor, IV, 2, 51–52; App. B. C, II, 83–86; Plut. Pomp., 74–79).

Хотя источники объясняют решение царского совета желанием угодить Цезарю (App. B. C, II, 84) или, по крайней мере, не участвовать в войне на стороне Помпея (Caes. B. C, III, 104), решение было самым опасным шагом, который вообще могли предпринять египетские власти. Наиболее соответствующим обстановке было бы решение отказать Помпею в убежище (к нему и склонялся совет) или даже интернировать его с целью выдачи Цезарю. Это было явной демонстрацией лояльности и, конечно, бы предотвратило войну. Даже поддержка Помпея была бы более разумным решением — в случае неудачи, египетское правительство могло сослаться на вынужденность ситуации, как это делали многие вассалы Рима и, в конце концов, добиться прощения.

Напротив, убийство Помпея стало грубейшим нарушением принципов отношений вассального царя с Римом, основанных на подчинении римлянам и невмешательстве в их высокую политику. Более того, речь шла не об обычном магистрате, а о человеке, занимавшем особое положение в римской системе

ценностей. Формально Помпей оставался великим полководцем, высокопоставленным сенатором и трижды консуляром, а в глазах многих римлян, даже бывших сторонниками Цезаря, он был таким и *de facto*. С точки зрения права это было убийство высокопоставленного лица и, несомненно, означало *casus belli*. Какие бы чувства не испытывал Гай Юлий Цезарь, диктатор Цезарь, глава римского государства, должен был хотя бы внешне (а лучше — реально) начать «войну мести». «Война из-за Клеопатры» на самом деле была «войной из-за Помпея».

Убийство стало ударом лично по Цезарю и в политическом, и в человеческом плане. Оно резко нарушало политику *clementia*, наносило удар по престижу диктатора и его партии, а известные «выгоды» от гибели Помпея (на них и могло рассчитывать окружение царя) намного перевешивались невыгодами. Помпей был бывшим родственником Цезаря, и, видимо, довольно трудно представить то сочетание совершенно искреннего ужаса, скорби и ярости, которое должно было охватить победителя при виде головы Помпея. Надо полагать, что решение о войне было принято в этот момент. Цезарь не мог не понимать трудностей кампании, особенно, в условиях общей ситуации и при учете его сил, однако любое другое решение было опаснее. Цезарь должен был на время упустить из-под контроля ряд важных аспектов политики, но это было мало по сравнению с образом соучастника убийства Помпея. Уклонение от войны нанесло бы и удар по образу непобедимого полководца. Из бессмысленной по сути война становилась неизбежной, не вести ее было бы для Цезаря чем-то близким к политическому самоубийству. Мертвый Помпей оказался опаснее живого и именно он втягивал Цезаря лучше, чем, наверное, сделал бы это при жизни. Это был удар по *clementia Caesaris*, египтяне не дали ему

сделать то, чего он, наверное, больше всего хотел, пощадить живого Помпея и протянуть ему руку.

Действие египетского правительства могло быть одним из двух: грубейшим просчетом, основанным на полном непонимании ситуации или вполне осознанной целенаправленной политикой. Для понимания этого необходимо хотя бы кратко остановиться на отношениях Рима и Египта.

Эти отношения имеют долгую историю. Первый договор между Римской республикой и царством Птолемеев был заключен в 273 г. до н.э. В то время Рим еще не завоевал Италию и находился в преддверии Пунических войн, а Птолемеевский Египет достиг своего расцвета. Птолемеевский Египет был второй державой эллинистического мира. Большие внешние владения (Киренаика, Кипр, Келесирия, многочисленные укрепленные пункты в Эгееде и Анатолии) делали его эллинистической сверхдержавой, в которой египетские традиции сочетались с принципами державы Александра. Птолемеи были самыми богатыми правителями эллинистического мира, возможно, у них был самый сильный флот. Александрия стала одним из самых процветающих торговых и промышленных центров Средиземноморья и городом с полумиллионным населением.

Александрия была и крупнейшим портовым центром, через который велась транзитная торговля с Аравией, Парфией и Индией. Первые Птолемеи создали Мусейон и александрийскую библиотеку, превратив свою столицу в центр эллинистической науки, культуры и образованности, где работали крупнейшие ученые этого периода.

Долгое время Рим не имел серьезных контактов с Египтом. Римляне были заняты Пуническими войнами, а Птолемеи — войнами с Селевкидами. Рим вышел из Второй Пунической войны гегемоном Средиземноморья,

Египет стал быстро приходить в упадок. Кризис начинается при Птолемеях IV Филопаторе (221–204 гг.), когда Египет выдержал тяжелую войну с Селевкидами, держава которых резко усилилась при Антиохе III (223–187 гг.). Ухудшалась экономическая конъюнктура: важные партнеры Птолемея на западе (Сицилия, Карфаген) были потеряны, началась инфляция, вскоре после битвы при Рафии (217 г.) начинается серия восстаний местного египетского населения в Фиваиде и Нубии.

II век характеризуется нарастанием зависимости Египта от Рима. Первый кризис начался после смерти Птолемея IV и начала правления малолетнего Птолемея V (204–180 гг.). Перед смертью Птолемей IV сделал римлян опекунами малолетнего сына, а зимой 203/2 гг. Филипп V и Антиох III договорились о разделе заморских владений Птолемея. Селевкид получал Кипр и владения Птолемея в Киликии и Сирии, а Филипп — Киклады и побережье Фракии. Египет участвовал во 2 Македонской войне (200–197 гг.), с которой и начался новый этап отношений с Римом. В 90–80-е гг. II века Рим разбил двух сильнейших противников Египта, Селевкидов и Македонию. После 3 Македонской войны (171–168 гг.) Рим все больше становится хозяином восточного Средиземноморья. В 167 г. римский ультиматум спас Птолемея от полного разгрома их Антиохом IV Эпифаном. После этого, проблема Селевкидов перестала существовать, а в середине 40-х гг. Птолемеи даже пытались завладеть Сирией.

Тем не менее, появились новые проблемы. В Египте прогрессировал внутренний кризис, начались восстания местного населения. Птолемеи все больше зависели от Рима, а внутри самой династии шли острые конфликты. Эти явления продолжались в период длительного правления Птолемея VIII Эвергета Фискона (145–116 гг.), ставшего временем династических конфликтов, путчей, восстаний и упадка экономики. После смерти Фискона

Египет чуть не распался. Престол был разделен между вдовой царя, Клеопатрой III и ее сыновьями, Птолемеями IX Сотером и Птолемеями X Александром. Около 100 г. до н.э. царство распалось на три части: Египет под властью Птолемея X (101–88 гг.), Кипр под властью Птолемея IX (116–107 гг.) и Кирена под властью Апиона, незаконного сына Птолемея VIII. В 96 г. Апион умер, завещав Кирену Риму, в 74 г. здесь была образована римская провинция. Политический упадок сопровождался культурным, еще в 145/4 гг. Птолемеи VIII выселил из Александрии греческих ученых.

Последняя фаза кризиса началась в 88 г. Восстание в Александрии покончило с правлением Птолемея X, еще одно восстание началось в Фиваиде. К власти пришел Птолемей IX, объединивший Египет и Кипр (88–81 гг.). В 80 г. Сулла резко дестабилизировал положение в Египте, навязав дочери Птолемея Беренике брак с сыном Птолемея X, Птолемеями XI Александром. Александр уничтожил Беренику и был убит восставшими александрийцами на 18 день правления. Трон Лагидов получил Птолемей XII Неос Дионис по прозвищу Авлет (Флейта) (80–51 гг.), правление которого проходило под знаком наступления римлян. Идея аннексии Египта становилась все более явственной. В 65 г. это хотел сделать Красс, в 59 г. Птолемей стал «другом и союзником» Рима, но в 58 г. Катон осуществил аннексию Кипра. В том же году Птолемей Авлет был свергнут в результате восстания, и только в 58 г. Авл Габиний вернул его к власти. В Египте оставалась сильная римская армия, а диоикетом, контролировавшим египетские финансы, стал всадник Г. Рабирий Постум. Египет имел огромный долг Риму в 17, 5 млн. драхм (70 млн. сестерциев). В 51 г. умер Птолемей Авлет, наследниками царя стали его дети, Птолемей XII Дионис и его сестра Клеопатра. Почти одновременно с гражданской войной в Риме началась гражданская

война в Египте. Птолемей добился успеха — примерно 20-тысячная армия, пополненная выходцами из Сирии, Киликии и самого Египта, а также — уголовными элементами и беглыми рабами, была использована для защиты династии (Caes. B. C, III, 110).

В этой ситуации убийство Помпея стало вызовом, четким сигналом для римлян, что новая власть не желает вмешательства в свои внутренние дела. Этот вызов римской политике поддержали почти все: армия Ахиллы, население Александрии и соперничающие придворные партии.

Цезарь прибыл в Александрию вскоре после Помпея. У него было 2 малоукомплектованных легиона (3 200 пехотинцев), 800 всадников и 35 кораблей (из них 10 родосских) (Caes. B. C, III, 106). Когда ему предложили голову Помпея, он отвернулся и заплакал, а потом взял кольцо знаменитого полководца (Liv. Epit., 112; Veil, II, 54; Dio, 42, 34–38; App. B. C, II, 89, Plut. Caes., 48–49). Вопрос о войне был решен, оставался более сложный вопрос — как ее вести.

Наступление на Египет всегда была проблемой для любого завоевателя: сильная армия, защищавшая Пелузий, могла выдержать любое нападение, Александрия была неуязвима с моря, а любое вторжение в страну могло быть удачным только в случае внутренней помощи и успешной дипломатии. Ранее подчинить Египет удалось только трем завоевателям: ассирийцам в 674–669 гг., Камбизу в 525 г. и Александру в 332 г. Ассирийцам так и не удалось укрепиться в Дельте, Камбиз прорвался через Пелузий благодаря огромному численному превосходству (Hdt., III, 1), Александр занял страну без боя. Цезарь на это рассчитывать не мог.

Сил было слишком мало. Вся армия сражавшаяся при Фарсале, насчитывала 20–25 000 человек (Caes. B. C, III, 89–90). Значительную часть ее, включая лучшие легионы

галльской армии (8, 9 и 10) было необходимо отправить в Италию, какие-то войска следовало оставить в Греции. В результате, на помощь Цезарю смог прибыть только 37 легион из бывших помпеянских солдат, посланный Домицием Кальвином (B. Alex., 10-11; Plut. Caes., 49; Dio, 42, 39).

Обстановка накалялась. Между римлянами и египтянами начались стычки, римлянам давали испорченные продукты. Цезарь также пошел на обострение, потребовав от Египта внешний долг. Он согласился простить 7, 5 млн. при условии, что 10 млн. драхм ему выплатят немедленно. Потин обещал, но советовал римлянам оставить Египет. Обе стороны тянули время. Потин тайно вызвал армию Ахиллы (Caes. B. C, III, 106), Цезарь тоже готовился к борьбе. Его план стал одной из самых оригинальных операций в античной истории.

Римский командующий воспользовался тем, что его отряд сумел войти в столицу. Римляне заняли стратегические позиции в центре города, в их руках был царский дворец и прилегающие кварталы, чуть позже Цезарь внезапным ударом захватил остров Фарос со знаменитым маяком. Остров соединялся с городом дамбой (Caes. B. C, III, 111; Flor, IV, 2, 57; Dio, 42, 34; Plut. Caes., 49). Этот район был связан с морем, и Цезарь получал все необходимое благодаря флоту. Небольшой отряд отборных войск должен был оттянуть египетскую армию к Александрии и заставить ее открыть сухопутную границу у Пелузия, через которую должны были войти подкрепления, набранные Митридатом Пергамским. Если учесть, что Митридат прибыл уже в январе-феврале 47 г., то он, вероятно, получил такой приказ вскоре после прибытия Цезаря.

Военные меры сочетались с политическими. Исследователи указывают, что часть занятых римлянами районов приходилась на кварталы иудейской общины,

которая поддержала Цезаря и во многом помогла ему выдержать осаду^{234}. Вместе с тем, Цезарь начинает искать опору в самой египетской верхушке. Птолемей и его окружение были в положении заложников. Согласно завещанию Птолемея Аулета, наследниками должны были стать старший сын и старшая дочь, Птолемей XIII и Клеопатра, а Цезарь выступил, как третейский арбитр и исполнитель воли покойного царя (Caes. V. C., III, 108). Клеопатра могла стать союзником Цезаря и политическим прикрытием его действий. Разумеется, и она сама увидела способ обеспечить власть.

Источники дают разные версии относительно инициативы той или иной стороны. Цезарь скорее склонен приписать инициативу себе (V. C., III, 103), той же версии придерживается Плутарх, впрочем, рассказывая о романтическом приключении царицы (Plut. Caes., 48–49), Дион Кассий скорее склонен видеть инициативу Клеопатры (Dio, 42, 34). Интересно, что Аппиан и Веллей Патеркул этого эпизода не упоминают. Между Цезарем и Клеопатрой начался роман, и на протяжении всей войны египетская царевна находилась в ставке римлян.

Согласно Цезарю, вступление в город армии Ахиллы произошло как раз в момент разбирательства вопроса о престолонаследии. По требованию Цезаря, царь послал к Ахилле двух приближенных, Диоскорида и Серапиона, один из которых был убит, а второй ранен (Caes. V. C., III, 109). Последовательность событий у Плутарха примерно такая: встреча Цезаря и Клеопатры, а затем сговор Ахиллы и Потина и начало войны (Plut. Caes., 49). Дион Кассий дает уже другую последовательность: прибытие Клеопатры к Цезарю, их роман, тайная связь Потина и Ахиллы, вызов египетской армии и ее прибытие в город (Dio, 42, 34–36). Различие весьма важно, поскольку именно при этой второй версии, Александрийская война становится «войной из-за Клеопатры». Есть все

основания считать, что армия была вызвана практически сразу по прибытии Цезаря, и ей понадобилось определенное время, чтобы дойти до столицы. От Пелузия до Александрии примерно 200 км по прямой и, вероятно, значительно больше, если учесть характер египетской дельты. После этих событий, Цезарь немедленно овладел особой царя. Птолемей и его окружение стали заложниками и, вместе с тем, Цезарь выступал, как защитник правящей семьи от восставшей армии и народа (Caes. B. C., III, 110). Началась Александрийская война.

3. Александрийская война (конец 48 — март 47 г.)

Армия Ахиллы заняла город. Горожане, отношение которых к египетской армии было явно неоднозначным (Caes. B. C., III, 110), тем не менее, оказали ей активную поддержку. Небольшой отряд Цезаря оказался в смертельной опасности, ему пришлось противостоять 20-тысячной армии Ахиллы, немалую часть которой составляли бывшие римские солдаты, поддерживаемой населением огромного полумиллионного города. К Ахилле бежали младшая дочь Птолемея XII Арсиноя и ее воспитатель, евнух Ганнимед. Потин постоянно поддерживал контакты с Ахиллой и был казнен по приказу Цезаря (Caes. B. C., III, 112; App. B. C, II, 90; Dio, 42, 39; Plut. Caes., 49).

Возможно, первое столкновение было одним из самых опасных. Ахилла атаковал дворец и гавань, чтобы захватить военные корабли. В гаванях находилось около 50 кораблей, ранее посланных на помощь Помпею и теперь вернувшихся в город, еще 20 кораблей предназначались для охраны Александрии. Атака на дворец была отбита, Цезарь занял Фарос, однако удержать гавань он не мог. Перед отступлением римляне подожгли корабли, включая те, которые были в доках (Caes. B. C., III, 111). Дион Кассий пишет о непрерывных сражениях и это, видимо, соответствует истине (Dio, 42, 38). Первая опасность была отражена, началась длительная осада.

Римляне приступили к строительству укреплений, часть домов была снесена, строились «мускулы» и крытые «черепахи». Цезарь вызвал флот с Родоса, Киликии и Сирии, критских стрелков и набатейскую конницу, он начал свозить метательные машины и

укрепился во дворце, примыкающем к нему театре и на Фаросе (В. Alex., 1). Александрийцы начали мобилизацию, в город свозилось оружие и метательные машины, вооружались рабы, все улицы и переулки были перегорожены валом высотой в 40 футов (около 15 м.), строились подвижные башни (Ibid., 2).

Вскоре руководство повстанцев сменилось. Ахилла был убит, власть перешла к Арсиное и Ганимеду. Ганимед встал во главе осаждающих. По его приказу были заложены подземные каналы, а затем машины александрийцев пустили в область, занятую Цезарем, огромное количество соленой воды, что вызвало панику римлян (В. Alex., 5-6). Цезарь приказал рыть колодцы, кроме того, воду стали подвозить морем (Ibid., 7-9; Plut. Caes., 49).

На помощь Цезарю прибыл посланный Домицием Кальвином 37 легион из бывших помпеянских солдат. Когда корабли не могли войти в гавань, Цезарь вышел навстречу им со своим флотом. Александрийцы пытались атаковать его со вновь построенными кораблями. Произошел морской бой, в котором особенно отличились родосцы. Одержав победу, военные корабли отвели на буксире грузовые суда (В. Alex., 10-11; Plut. Caes., 49; Dio, 42, 39). Теперь римский отряд был усилен и, похоже, мог уже не опасаться фронтального столкновения.

Новый план Ганимеда был связан со строительством флота, который мог бы отрезать римлян от снабжения. В рекордный срок сторожевые и старые суда были переделаны в военные корабли, и египтяне вывели в море флот из 22 квадрирем и 5 квинкверем, добавив к ним мелкие суда. У Цезаря было 34 корабля (8 понтийских, 5 киликийских, 12 азиатских и 9 родосских) (В. Alex., 13). Оба флота разделяла отмель, и противники заняли выжидательную позицию. Наконец, блестящий маневр родосских кораблей Эвфранора позволил флоту

Цезаря перейти отмель. В морском сражении александрийцы потерпели поражение (В. Alex., 14).

Теперь Цезарь атаковал ту часть Фароса, которая находилась в руках александрийцев. Остров был атакован с двух сторон, с суши и с моря. Атака была успешной, и остров удалось захватить. После этого римляне атаковали мост, связывающий Фарос с городом. Туда же двинулись большие силы александрийцев и корабли. Римляне не выдержали натиск противника, началось бегство. Возможно, это был самый драматический момент осады. Один из кораблей затонул вместе с людьми. Римляне потеряли 400 солдат и примерно столько же моряков. Возможно, именно во время этого сражения начался пожар Александрии, во время которого сгорела Александрийская библиотека (В. Alex., 17-21; Plut. Caes., 49, Dio, 42, 40).

Птолемею удалось убедить Цезаря отпустить его к повстанцам. Римский полководец согласился, после чего царь открыто возглавил александрийцев. Хотя Цезарь казался обманутой стороной, он просто более четко обозначил противостояние (В. Alex., 23-4). Позиционная война продолжалась, продолжались и морские бои, в одном из которых погиб Эвфранор (Ibid., 25).

Хотя некоторые исследователи критикуют Цезаря за то, что в решающий момент он положился на восточные войска (других у него просто не было)^{235}, Митридат Пергамский успешно справился с поручением. Собрав войска в Сирии и Киликии, в январе-феврале 47 г. он появился в Палестине, где соединился с правителем Иудеи Антипатром, приведшим 3-тысячный отряд, и союзными отрядами из Аравии (Jos. Ant., XIV, 8, 1). Будучи враждебно настроены к Помпею из-за разрушения Иерусалимского храма в 62 г., иудеи активно поддержали Цезаря. Армия Митридата и Антипатра взяла Пелузий (В. Alex., 26) и двинулась в дельту Нила. Главные силы египетской армии оказались

между двух огней и выступили против Митридата, осадив его лагерь. Цезарь вышел из Александрии на соединение с прибывшей армией (Ibid., 27–28).

Сражение в дельте Нила (26–27 марта 47 года), видимо, представляло собой два последовательных столкновения. Оно началось с наступления египтян на лагерь Митридата, отраженного войсками последнего (B. Alex., 27; Jos. Ant., XIV, 8, 2). Согласно Иосифу Флавию, в сражении особенно отличился левый фланг Антипатра, сумевший даже перейти в наступление. Согласно автору «Александрийской войны», после этого к месту сражения подошел Цезарь (B. Alex., 28).

Птолемей попытался остановить римлян, послав к реке конницу и легкую пехоту и пытаясь помешать переправе. Германские всадники переправились чуть ниже по реке, в то время как легионеры начали переправу (Ibid., 29). После победы Цезарь занял ближайший к лагерю укрепленный холм, а затем атаковал лагерь. Исход битвы решил обходной маневр трех когорт Карфулена (Ibid., 30–31). Египетская армия бросилась спасаться на корабли, которые начали тонуть под тяжестью скопившихся на них людей. Во время этого побоища погибли царь и Ганимед (B. Alex., 30–31; Flor., IV, 2, 60; Veil., II, 54; App. B. C., II, 90; Piut. Caes., 49).

Цезарь вернулся в Александрию. После разгрома армии, горожане спокойно приняли победителя. Александрийцы сложили оружие, оставили укрепления и сдались. Правителями Египта стали Клеопатра и ее младший брат Птолемей XIV, а для поддержания римского управления, Цезарь оставил в стране 2 или 3 легиона во главе с Руфином. Арсиноя была низложена. После победы Цезарь пробыл в Египте еще 2 месяца, совершив вместе с Клеопатрой плавание по Нилу. Огромная флотилия из 400 кораблей проплыла по реке, видимо, посетив Мемфис, Файюм, Абидос и Фивы (Suet. Iul., 35, 1; 52, 1; 76, 3; App. B. C., II, 90; Dio, 42, 44).

Поездка Цезаря в обществе египетской царицы была его первым отдыхом за долгие годы. Несомненно сказался его интерес к путешествиям и желание посетить страну древнейшей цивилизации. Египет был местом паломничества греческих ученых и интеллектуалов классической эпохи: его посетили Гомер, Пифагор, Солон, Гекатей Милетский, Геродот, Платон. В эллинистическое время Александрия стала центром мировой науки. Цезарь, в известной степени, хотел продолжить эту культурную традицию.

Война и поездка по Нилу имели еще одно следствие. Цезарь смог оценить значение Египта, который позже во многом обеспечил «экономическое чудо» Империи. При Августе годовой доход от Египта составлял 35 млн. денариев (140 млн. сестерциев), то есть четверть дохода державы. Наряду с Сицилией и Африкой, Египет стал поставщиком хлеба в Рим, он поставлял 20 млн. модиев пшеницы в год и снабжал хлебом восточные провинции и армии. Цезарь нашел один из тех «локомотивов», которые вывели из кризиса экономику республики и обеспечили небывалый подъем I-II вв. н.э. Открывались определенные перспективы и для изолированной и деградировавшей державы Птолемеев, которая получала возможность интеграции в огромный римский мир и перспективу роста. В эпоху Империи в плане экономики Египет, видимо, достиг или даже превысил уровень Египта первых Птолемеев.

Цезарь смог обеспечить лояльность Египта, по крайней мере, при своей жизни. На троне находилась сильная правительница, усвоившая основные принципы его политики и (что было редкостью среди Птолемеев) популярная даже среди местного населения. Как это часто бывало в его истории, коренное население Египта не участвовало в перипетиях Александрийской войны, а Александрия даже, может быть, более, чем какая-либо другая столица, отличалась от страны, которой она

управляла. Отношения Цезаря и Клеопатры имели не только личный характер. Можно спорить о том, что в них было: очарование стареющего полководца молодой красавицей, чувственное начало, страсть, интеллектуальная и духовная близость или трезвый политический расчет с одной или с обеих сторон — анализ эмоциональной стороны весьма гипотетичен и скорее является задачей писателя-романиста, нежели историка. Последнему остается констатировать другое — их отношения были основаны на четком осознании исключительной важности друг друга и глубоком совпадении интересов. Клеопатра поняла, что судьба Египта решается в Риме (позже она попытается решить судьбу Рима из Египта), а Цезарь не менее четко осознавал, что Египет становится одной из основ системы римских восточных территорий. Завоевание Египта (а оно началось при Цезаре) было не менее важным, чем завоевание Галлии. Если Клеопатра могла мечтать о прежнем величии Птолемеевского Египта, то Цезарь мог думать об экономическом потенциале Египта тех времен, интегрированном в римское общество. Наконец, Клеопатра была обязана Цезарю не только своей властью, он в полной мере создал ее как политика, и, возможно, как женщину, и до конца своих дней она, несомненно, находилась под влиянием его многогранной незаурядной личности. Для Цезаря это, вероятно, было самое сильное увлечение, по крайней мере, второй половины его жизни.

После отъезда Цезаря, Клеопатра родила сына, которого назвала Птолемея Цезарь, более известного под прозвищем Цезарион (Plut. Caes., 49). В 44 г. маленький Птолемея Цезарь стал соправителем матери под именем Птолемея XV. Это был шокирующий римлян, но очень подходящий для Египта переход власти. Страной правила возлюбленная Цезаря, а в перспективе власть переходила к его внебрачному сыну, которого

диктатор по римскому обычаю признал своим. Судьба распорядилась по-иному: после смерти Цезаря, Клеопатра вышла за те рамки могущественной вассальной царицы, которые, в общем, определил для нее Цезарь, и попыталась решать судьбы Рима, а затем погибла в борьбе за власть. Птолемей Цезарь был казнен в 30 г. до н.э. по приказу другого сына Цезаря, усыновленного диктатором Октавиана Августа. Император Август ускорил процесс аннексии Египта Римом, тем более, что после Актийской войны царство Птолемеев стало завоеванным противником. Управление Египтом находилось под личным контролем принцепса и осуществлялось через префекта Рима, подотчетного лично Августу и его преемникам. Войска подчинялись римским легатам легионов. На низовом уровне гражданской администрации сохранялась старая система, восходящая к Птолемеям.

Неотложные дела требовали отъезда Цезаря. Главной угрозой стал африканский фронт. При поддержке Юбы Сципион, Катон, Лабиен, Афраний и другие помпеянские военачальники собрали примерно 60-тысячную армию^{236}. Надо заметить, что определенные меры Цезарь принял. Наместник Испании Кв. Кассий Лонгин получил приказ отправиться в Африку и начать военные действия (В. Alex., 51–52). У Кассия было 5 легионов, кроме того, он мог использовать силы наместника Ближней Испании М. Эмилия Лепида (Ibid.) и мавританского царя Богуда. Непопулярность наместника, нестабильность в провинции, а, возможно, и прямая агитация помпеянцев, вызвали смуты в Испании, сорвавшие эти планы. Не менее тревожные события назревали в Азии, где слабая армия Домиция Кальвина не могла сдерживать нашествие понтийского царя Фарнака. Непокойно было в Италии, где начались волнения должников и недовольства собственной армии Цезаря. Опасная ситуация продолжала оставаться в

Далмации. Помпеянские «борцы за свободу» были готовы опереться на любую силу, будь то египетские или нумидийские правители, иллирийские или испанские племена, восставшие рабы и криминальные элементы. Эта «тотальность» войны и определила драматизм событий 47–45 гг. Вместе с тем, египетская кампания выбила из этой цепи одно из важных звеньев. Задержка Цезаря в Александрии во многом усилила кризисные явления, но кризис мог бы стать еще опаснее, если бы диктатор принял другое решение.

4. Фарнак (март — октябрь 47 г.)

Дестабилизация затронула восточные провинции, Иллирию, Испанию и, наконец, собственно Рим. В 47 г. возобновились волнения должников, во главе которых встали Долабелла и Требеллий. Долабелла принадлежал к кругу «золотой молодежи», его друзьями были Антоний, Курион и Целий Руф. Вместе с тем, Долабелла был зятем Цицерона. В начале 49 г. он присоединился к Цезарю и одним из первых прибыл в его лагерь (Cic. Fam., XIV, 14, 1; Att., VII, 13, 3), а затем неудачно действовал в Иллирике. В 48 г. Долабелла участвовал в кампании в Греции (Cic. Fa., IX, 9), сражался при Фарсале и вернулся в Рим (Cic. Phil., II, 75).

В 47 г. Долабелла стал трибуном (Cic. Att., VI, 10). Также как и Целий Руф, он предложил кассацию долгов и снижение платы за жилье. Не очень успешный политик и военный, Долабелла решил компенсировать это популистскими лозунгами. Против Долабеллы выступил другой трибун, Л. Требеллий. Борьба продолжалась до осени и доходила до открытых схваток на улицах. Долабелла уже видел себя в роли Клодия (Dio, 42, 29–30; Liv. Epit., 113).

Оба консула, Ватиний и Кален, находились вне Италии. Главным лицом был начальник конницы Цезаря Марк Антоний. По сути дела, он должен был поддерживать более разумную позицию Требеллия, но личная дружба связывала его с Долабеллой. Кроме того, начались волнения в армии. Быть может, одной из причин, повлиявших на окончательный выбор Антония, стала супружеская измена его жены Антонии, дочери Антония Гибриды и двоюродной сестры самого начальника конницы, с Долабеллой (Cic. Phil., II, 99; Plut. Ant, 9). В конечном счете, Антоний провел

senatusconsultum ultimum, а после этого ввел в город войска и подавил выступление. Впрочем, окончательно волнения утихли только с прибытием Цезаря (Dio, 42, 27-32; App. В. С, II, 98).

Весьма опасным было положение в Испании. После роспуска помпеянских армий, в провинциях было много людей, готовых воевать против Цезаря. С другой стороны, толчком к возмущению стали произвол и вымогательство наместника Дальней Испании Кв. Кассия Лонгина (В. Alex., 48-49). На Кассия было организовано покушение. Это случилось как раз тогда, когда он получил приказ Цезаря переправить войско в Африку через Мавретанию и Нумидию. Группировка Кассия насчитывала 5 легионов: 2, 20, 21, 30 и так называемый «туземный» легион (Ibid., 51; 53-54). Этот легион был набран еще Варроном, из бывших помпеянских солдат состоял и 2 легион (Ibid., 53). 20, 21 и 30 легионы состояли из италийских новобранцев. Еще один легион, 5-ый, набрал сам Кассий, видимо, желавший сделать его своей главной опорой, была собрана и кавалерия (Ibid., 50).

Покушение произошло в базилике в Кордубе. Один из заговорщиков, Минуций Силон, нанес Кассию два удара кинжалом, после чего на наместника набросились все остальные. Был убит ликтор, получил ранение легат Кв. Кассий, сам Лонгин получил еще несколько ран и был спасен своими телохранителями (Ibid., 52-53). Один из руководителей заговора, Л. Латеренсий, прибыл в лагерь туземного и 2 легионов, ненавидевших Кассия, и сообщил им о гибели последнего, фактически подняв их против цезарианской администрации (Ibid., 53).

Вскоре выяснилось, что Кассий жив. Латеренсий отправился к нему. 30, 21 и 5 легионы оказались лояльны, вскоре к ним присоединился и 2 легион (Ibid., 54). Заговорщики были казнены, лишь некоторые

откупились деньгами (*ibid.*, 55). В числе казненных были Латеренсий, Л. Рацилий и Анней Скапула (*ibid.*, 55).

Эти события происходили еще до Фарсала. Оправившийся от ран Кассий готовился к походу. В этот момент туземный легион взбунтовался открыто, к нему присоединились 4 когорты 5 легиона. Инсургенты выбрали командующим Т. Тория из Италики (*ibid.*, 57). Кассий послал легата Кв. Кассия в Гиспалис, а квестора М. Клавдия Марцелла Эзернина — в Кор дубу. Через некоторое время пришло известие об отпадении Кордубы и Марцелла, а Торий привел мятежные войска в Кор дубу и открыто заявил о поддержке Помпея (*ibid.*, 58). Легионеры написали на щитах имя Помпея, однако жители Кордубы вышли навстречу солдатам и заявили, что враждебны только Кассию. Марцелл также заявил, что поддерживает Цезаря. Мятеж удалось направить только против наместника, лояльность Цезарю сохранялась (*ibid.*, 59). Объявив Марцелла претором, мятежники расположились у Кордубы (*ibid.*).

Кассий был вынужден обратиться за помощью к пропретору Ближней Испании Лепиду и царю Мавретании Богуду, а сам начал операции против Кордубы (*V. Alex.*, 60–61). Обе армии маневрировали. Кассий отступил к Улии, куда подошел и Марцелл. Используя тактику Цезаря, Марцелл начал окружать противника укреплениями. Вскоре к Кассию подошла конница Богуда, а затем — сильная армия Лепида из 35 когорт с конницей (*ibid.*, 62–63). Лепид выступил в качестве посредника. Марцелл сдался Лепиду, Кассий после колебаний также пошел на перемирие. Марцелл и Лепид прибыли в Кордубу, а в Дальнюю Испанию прибыл новый наместник, Гай Требоний (*ibid.*, 64). Лишившись власти, Кассий отправился в Малакку и погиб во время плавания (*ibid.* См. *Dio*, 42, 15; 43, 1; 29). Опасное развитие событий было остановлено, однако поход в Африку был сорван окончательно. Гражданской войны в

Испании не произошло, что во многом было заслугой Лепида. В изложении автора «Александрийской войны», вероятно, отражавшей официальную позицию правительства, чувствуется явное обвинение против Кассия и весьма прохладное отношение к его противникам. Недовольство вызвали и действия Марцелла. Дион Кассий сообщает, что он был отправлен в изгнание, а затем возвращен (Dio, 42, 15; 43, 1; 43, 29). Напротив, Лепид получил титул императора и триумф (Dio, 48. 1-2). Позже он станет консулом 46 г. и начальником конницы, превратившись в лицо, равное самому Марку Антонию.

Последним этапом военных действий в Адриатике стали операции в Иллирике. Здесь продолжали действовать остатки флота Помпея, опирающиеся на местные племена. Еще в 48 г. Цезарь послал в провинцию квестора Кв. Корнифиция с 2 легионами. Корнифиций достаточно успешно действовал против местных повстанцев и флота Октавия (B. Alex., 42). Впрочем, положение оставалось серьезным, и Цезарь распорядился направить подкрепления из новобранцев во главе с Габинием (Ibid., 43). На сей раз опыт и энергия не помогли этому, в общем, способному военачальнику. Армия Габиния терпела неудачи, в одном из сражений он потерял около 2 000 солдат и с трудом добрался до Салон, сохранявших неизменную верность Помпею, где через несколько месяцев умер от болезни (Ibid.).

Октавий активизировался. Он заключил союз с мятежными иллирийцами и попытался захватить провинцию. Некоторые города, прежде всего, город Исса, поддержали помпеянцев. Октавий осадил Эпидавр и в это время Корнифиций обратился за помощью к консулу Публию Ватинию (Ibid., 44; 47).

Действия Ватиния были обусловлены крайней нехваткой солдат и кораблей. Ядром его войска стали собранные в Брундизии находившиеся на лечении

ветераны Цезаря, а большая часть кораблей представляла собой переделанные на военный лад обычные весельные суда. Создав этот флот, Ватиний начал освобождать города Далмации. Ватиний заставил Октавия снять осаду Эпидавра (В. Alex., 4). Возле острова Тавриды произошло морское сражение, в котором флот помпеянцев был разгромлен. Как это часто бывает в военной истории, победа на море была одержана благодаря абордажному бою. Только захваченных кораблей было около 10 (Ibid., 45–47). После победы Ватиний подошел к главному форпосту противника, городу Иссе, который вскоре сдался (Ibid., 47). Остатки флота Октавия ушли в Грецию, а оттуда через Сицилию — в Африку, где приняли участие в Африканской войне конца 47–46 гг., а Ватиний вернулся в Брундизий.

Если положение на западе сумели восстановить легаты Цезаря, то в восточных провинциях началась новая война. Примечательно, что именно Цезарю было суждено завершить Митридатовы войны. На востоке находились главные противники Рима, Парфия и Понтийское царство. Они не приняли участия в войне на стороне Помпея, хотя последний обращался к обоим, однако и те и другие воспользовались внутренним положением Рима для решения своих территориальных вопросов. Сын Митридата, Фарнак II, пришедший к власти в 63 г. в результате свержения и убийства отца, долгое время был лояльным союзником Рима. Царство Фарнака было ограничено Боспором, и царь даже отказал Помпею в помощи, однако после ухода римских войск, как и Птолемей, решил изменить модель отношений с Римом и, насколько это возможно, восстановить царство своего отца Митридата.

После Фарсала Цезарь поручил управление Азией Гн. Домицию Кальвину, ставшему фактически ответственным за политику Рима на востоке. Впрочем,

главной задачей Кальвина стало обеспечение помощи и снабжения армии Цезаря в Александрии. Кальвин имел в своем распоряжении 2 легиона из бывших помпеянцев, один из которых (37-ой) он отправил в Александрию. Как раз в это время начинается вторжение понтийцев в Малую Армению и Каппадокию. Каппадокией управлял Ариобарзан III Благочестивый Филоромей (54-42 гг.) из относительно недавно (с 96 г.) установившей свою власть династии Ариобарзанидов. В Галатии правил Дейотар, активный сторонник Рима, фактически создавший из разрозненных княжеств Галатское или Галлогреческое царство. Лукулл и Помпей дали ему царский титул и расширили владения (Cic. *Deiot.*, 5, 13; 37; *Phil.*, II, 37, 94; *V. Alex.*, 68). Малая Армения стала частью царства Дейотара. В 51-50 гг. он оказал Риму помощь против парфян, а в 49-48 гг. (это прекрасно учитывал Фарнак) оба царя были союзниками Помпея. Ариобарзан дал 500 всадников, Дейотар — 600, еще 300 привел его зять Таркондарий Кастор (*Caes. V. C.*, III, 4). Впрочем, теперь и Дейотар, и Ариобарзан обратились за помощью к цезарианскому наместнику.

Домиций поддержал царей и, потребовав от Фарнака очистить Каппадокию и Малую Армению, начал собирать войска. Ядром армии Домиция были три легиона, из которых остался один (36-ой). 37 легион был послан в Александрию морем, третий легион (номер неизвестен) шел в Египет через Сирию, но прибыл лишь к концу войны (видимо, после армии Митридата Пергамского). Чтобы усилить армию, Домиций включил в нее два так называемых легиона, которые набрал Дейотар, «вооружив их и обучив по римскому образцу» (*V. Alex.*, 34). Ариобарзан и Дейотар дали по 100 всадников (дать больше они просто не могли). Легат П. Сестий набрал в Понте еще один легион, видимо, состоящий из местных уроженцев, небольшие подкрепления пришли из Киликии (*Ibid.*).

Узнав о планах Домиция, Фарнак очистил Каппадокию, но отказался уходить из Малой Армении. Впрочем, его планы изменились, когда он выяснил, что лучшая часть армии ушла к Цезарю. Вместе с тем, Фарнак боялся столкновения с римлянами и предложил отложить вопрос до прибытия Цезаря, однако Домиций выступил из Коман, вошел в Каппадокию и, двигаясь по лесистым дорогам этой горной страны, дошел до Никополя в Малой Армении (В. Alex., 35–36).

Подойдя к Никополю, Домиций расположился в 7 милях от города. Продолжая уверения в желании мира, Фарнак стал готовиться к бою. На перевале, через который проходила римская армия, была устроена засада из конницы и отборной пехоты, а в ущелье царь направил большое количество мирных жителей и скота. Домиций выдержал паузу, не покидая лагеря. Фарнак увел засаду и разбил лагерь у города. Туда и подошла армия римлян (В. Alex., 36–7). Именно в это время Домиций получил послание Цезаря с требованием немедленно идти к нему на помощь в Александрию (Ibid., 38). Гонцы были перехвачены Фарнаком, и царь также узнал о ситуации.

Фарнак расположил войска между двумя глубокими рвами глубокими боевыми порядками по изобретенной им самим схеме. Позиция его была защищена с флангов. Фронт понтийцев представлял прямую линию, за которой в центре и с обоих флангов стояли резервы в три прерывистых линии (В. Alex., 37–8). Домиций, поставленный перед необходимостью вступить в сражение, также выстроил свои войска: 36 легион стоял на правом фланге, «понтийский легион» на левом, в центре находились войска Дейотара (В. Alex., 39).

Сражение при Никополе (декабрь 48 г.) закончилось поражением римлян. 36 легион атаковал царскую конницу, стоящую вне рва, отбросил ее, обошел боевые порядки понтийцев, перешел ров и ударил с тыла.

Видимо, аналогичный маневр должен был осуществить понтийский легион, однако при переправе через ров он был почти целиком уничтожен. Основная масса понтийцев обрушилась на «легионы» Дейотара, отошедшие с большими потерями (В. Alex., 40), а затем — на победивший 36 легион, который, отбиваясь, отступил к подножию гор (В. Alex., 40). После поражения, Домиций с остатками армии через Каппадокию ушел в Азию.

«Побывав почти во всех более значительных городах, Цезарь определил людям, оказавшим ему услуги, награды от имени государства и от себя лично, произвел расследование и вынес приговоры по прежним местным тяжбам; соседним с провинцией царям, тиранам и династам, которые все поспешили к нему, он обещал свое покровительство, возложив на них обязанность охранять и защищать провинцию, и они простились с ним, полные дружественных к нему и к римскому народу чувств» (В. Alex., 65). Последнее замечание весьма показательное, у правительства было слишком мало сил.

Из проблем обороны особое значение имели две, Парфия и Фарнак. Вторую проблему диктатор собирался решить сам, ситуация с парфянами была сложнее. Ород II пока сохранял спокойствие, что, возможно, было вызвано пребыванием Цезаря на востоке. Диктатор оставил в Сирии всего один легион (видимо, тот, который послал к нему Домиций) под командованием Секста Юлия Цезаря, своего племянника и внука консула 91 г. Секст Юлий участвовал в испанском походе 49 г. (Caes. В. С., II, 20), принял сдачу войск Варрона и теперь исполнял должность квестора. Как показали события следующего года, этих сил было мало, а потому позиция других провинций и вассалов была особенно важна.

Особое значение в политике Цезаря и его победе сыграла Иудея, как сами иудейские правители, так и

диаспора в Александрии. Недавно завоеванная страна была враждебна не только Помпею и оптиматам, но и Риму. Политика Цезаря в Иудее отличалась конструктивностью и продуманностью. Это был курс на интеграцию страны в римскую систему, причем, интеграцию плавную и не нарушающую национальные особенности народа. По всей вероятности, подробный отчет Иосифа Флавия отражает реальную ситуацию (Jos. Ant., XIV, 10).

После победы у Нила, Гиркан получил титул первосвященника, золотую статую и венок, а Антипатр — статус римского гражданина (Jos. Ant., XIV, 8, 2). Ряд решений Цезаря показывает удивительное для столь краткого знакомства со страной понимание сути религии, древних традиций и ключевых проблем истории иудаизма. Все иудеи Римской державы получали свободу вероисповедания и право жить по своим обычаям, иметь общие кассы и отправлять богослужения (Jos. Ant., XIV, 10, 8)^[63]. Диктатор подтвердил правомочность всех древних, т.е. ветхозаветных законов (XIV, 10, 1). Иудаизм стал *religio licita* («дозволенной религией»), а особое разрешение касалось городов (в основном, греческих), где находилась иудейская диаспора (XIV, 10, 7).

Гиркан и его потомки были признаны первосвященниками и этнархами, в ведение которых входили все вопросы культа (XIV, 10, 2). Цезарь запретил пребывание в Иудее войск и взимание дани (XIV, 10, 3), разрешил укреплять Иерусалим и строить стены, упорядочил систему налогов (XIV, 10, 5–6) и постановил освободить иудеев от военной службы (XIV, 10, 11). Согласно Иосифу Флавию, за решениями правительства последовали постановления городов, признающие право местных общин на отправление культа и устанавливающие отношения с собственно Иудеей. Такого рода постановления были приняты в Эфесе,

Сардах, на Косе, в Лаодикее, Траллах, Милете, Пергаме, Галикарнассе и, возможно, в некоторых других городах (XIV, 10, 10-26). Иудеи Александрии получили полные права гражданства в своем городе (XIV, 10, 1).

Политика Цезаря стала основой политики Рима в Иудее и установления общих принципов отношений, которые впоследствии были нарушены. Именно их нарушение привело к трагедии Иудейских войн 66-70 и 132-135 гг. н.э. Светоний сообщает, что после смерти диктатора иудеи еще долго собирались на его пепелище (Suet. Iul., 84). Хотя все эти мероприятия принимались на протяжении всей диктатуры Цезаря (47-44 гг.), начало им было положено после победы в Александрии.

Мероприятия в Иудее освещены в источниках значительно лучше, чем действия Цезаря в других провинциях. Из Сирии Цезарь прибыл в Киликию. Как и в Испании, он собрал в Тарсе представителей провинциальных общин (вероятно, и здесь римляне делали это впервые). Из Киликии он направился в вассальную Каппадокию, пробыл два дня в ее столице Мазаке и достиг Коман, где находился главный храм Кибелы. Сам факт внимания высшего должностного лица Рима к местным культам также было символом новой политики. Цезарь помнил, что Ариобарзан III оказал помощь Помпею и уравновесил властные функции каппадокийских правителей. Царь сохранил власть, но Малая Армения, пока что отнятая Фарнаком, была передана брату Ариобарзана Ариарату. Ариарат стал наследником престола, и после смерти брата в 42 г., стал царем Каппадокии (46-36 гг.).

На границе Галлогреции произошла встреча с, наверное, главным союзником Помпея, Дейотаром. Последний явился к Цезарю без знаков царского сана в одежде подсудимого и молил его о прощении. Цезарь разговаривал с ним весьма жестко (в обычной манере римских вассалов царь доказывал вынужденность своих

действий), но, в конце концов, объявил о помиловании. Хотя тетрархи остальных областей оспаривали право Дейотара на царский титул, Цезарь отложил этот спор и вернул галатскому правителю его царские одежды (В. Alex., 67-68). Одной из причин мягкости Цезаря было желание использовать войска Дейотара в войне против Фарнака.

На этом проблемы Дейотара не кончились. В 45 г. его обвинили в покушении на жизнь Цезаря во время остановки последнего во дворце царя после победы над Фарнаком. Инициаторами обвинения стали зять Дейотара Бругитар и отец другого зятя, Таркондария Кастора. Дейотара защищал Цицерон. Царь был оправдан, вопрос о его власти даже не ставился. После смерти Цезаря Дейотар получил подтверждение своего статуса. Он поддержал Брута и Кассия в 44-42 гг., но снова сдался триумвирам после Филипп. В 40 г. Дейотар умер.

Прибыв в Понт, Цезарь начал подготовку к войне с Фарнаком. Силы, которыми он располагал, мало отличались от тех, которые имел Домиций Кальвин, однако превосходили их качественно. Ядром армии стал отборный 6 легион, прошедший Александрийскую войну, но сократившийся до 1000 человек. Два легиона (одним из них был 36-ой) были взяты из армии Домиция Кальвина, один был составлен из бывших легионов Дейотара (В. Alex., 69).

Фарнак тянул время, рассчитывая на нехватку времени у Цезаря, и начал переговоры. Царь даже предложил Цезарю золотой венок и (что было сочтено оскорбительным) руку одной из дочерей (App. В. С, II, 91). Согласно «Александрийской войне» диктатор потребовал очищения Понта и возвращения разграбленного имущества римских граждан и союзников (В. Alex., 70), другие авторы скорее считают, что Цезарь вообще не был склонен к какому-либо

компромиссу (App. B. C, II, 91; Plut. Caes., 50; Dio, 42, 46-48).

Армии встретились у города Зелы, где ранее потерпели поражение войска Г. Триария. Фарнак расположился на холме, где прежде находился лагерь Митридата. В пяти милях расположился Цезарь, а на рассвете следующего дня он занял место, где много лет назад стояли войска Триария. Это был психологический ход, который полностью оправдался (B. Alex., 72-73). Фарнак выстроил свои войска перед лагерем и начал спускаться по крутому склону в долину, что поразило Цезаря, а затем вошел в долину, после чего понтийцы начали атаку, поднимаясь на холм, где стояли римляне (Ibid., 74-75).

Вперед были брошены серпоносные колесницы, Фарнак, видимо, рассчитывал на эффект внезапности. Тем не менее, Цезарь быстро принял ответные меры. Колесницы были осыпаны множеством стрел и метательных снарядов, а сверху атаковали легионеры. Первый успех обозначился на правом фланге, где стоял 6 легион, затем начался разгром левого фланга и центра понтийской армии, многие воины были передавлены своими же. Войско Фарнака было наголову разгромлено (B. Alex., 75-77; Flor, IV, 2, 62-63; Liv. Epit., 113; App. B. C, II, 91; Suet, Iul, 36, 2; Dio, 42, 46-48; Plut. Caes., 61).

После победы Цезарь послал свое знаменитое донесение в сенат: (Veni, vidi, vici) («Пришел, увидел, победил»). Сражение при Зеле состоялось 2 августа 47 г. По иронии судьбы именно Цезарь завершил Митридатовы войны, начатые Суллой и продолженные Лукуллом и Помпеем. Армия Цезаря намного уступала армиям этих полководцев, и в донесении, несомненно, прозвучала скрытая ирония по поводу неэффективности сулланского правительства, более 20 лет воевавшего с понтийцами. Цезарь, возможно, вспомнил свою молодость, когда он, молодой популяр, с величайшим

трудом пробивал себе путь наверх, а Рим рукоплескал победам Лукулла и Помпея. Аппиан развивает эту тему, приписывая Цезарю несколько другие слова: «О, счастливый Помпей! Так значит, за то тебя прозвали Великим, что ты сражался с такими людьми при Митридате, отце этого человека!» (App. В. С, II, 91). Цезаристская пропаганда, несомненно, использовала этот успех, чтобы показать мыльный пузырь военной славы Помпея. Когда в 46 г. Цезарь праздновал понтийский триумф, публика смеялась (App. В. С, II, 102).

Фарнак бежал на Боспор и был убит своим сатрапом Асандром (Dio, 42, 47). Династия Митридатитов закончилась. Царем Боспорского царства стал верный союзник Цезаря Митридат Пергамский (В. Alex., 78), получивший и часть владений Дейотара (Ibid., 78). После победы над Асандром, он вступил в свои владения. Через Галлогрецию и Вифинию Цезарь прибыл в Азию. Автор «Александрийской войны» лаконично сообщает, что диктатор «разобрал и решил спорные вопросы и определил права тетрархов, царей и городов» (В. Alex., 78), после чего через Грецию направился в Италию. Хотя некоторые действия Цезаря (устройство власти в Египте, Боспорском царстве и урегулирование в Иудее) имели долгосрочную перспективу, было очевидно, что мероприятия на Востоке носят временный, «противопожарный» характер. По-иному действовать было невозможно. К восточной политике Цезарь вернется в самом конце жизни, когда речь пойдет о долгосрочном урегулировании в этих провинциях.

5. Африканская кампания (октябрь 47 — март 46 гг.)

Посетив Афины и Коринф, 26 сентября 47 г. Цезарь прибыл в Италию и высадился в Таренте. По дороге он встретился с Цицероном, который вернулся в Италию после Фарсала. Здесь и произошло их примирение.

Прибытие Цезаря успокоило долговые волнения (App. B. C, II, 92; Plut. Caes., 51), по пути он получал почести от городов и частных граждан. Рим получил надежду на начало стабилизации. Долабелла наказан не был, более того, Цезарь даже частично провел в жизнь его программу, снизив задолженность по квартплате и несколько улучшив положение должников. Впрочем, диктатор еще раз дал понять, что кассации долгов не будет (Dio, 42, 50).

Короткое пребывание в Риме стало началом административных реформ и кадровых перестановок. Согласно Диону Кассию, Цезарь увеличил число преторов до 10 (Dio, 42, 51), что было, вероятно, связано с ростом числа управляемых им провинций. Персональные перемены имели, наверное, не менее важный характер.

В 49–48 гг. происходит выдвижение новой, достаточно сильной и влиятельной группы сторонников диктатора, к которой принадлежали его молодые помощники, Антоний, Курион, Кассий Лонгин, Долабелла, Целий Руф и др. Оказав немалые услуги Цезарю в этот период, эта «золотая молодежь» связанная с Клодием, а ранее — с Катилиной, претендовала на награды в виде власти, денег, материальных благ и возможностей «демонстративного потребления». В определенном смысле эта группа оттеснила как старшую часть его сторонников, не

участвовавшую в Галльских войнах (Аврелий Котта, Л. Юлий Цезарь, Домиций Кальвин), так и старшее поколение легатов, консервативных исполнительных служаков типа Фуфия Калена, Фабия Максима или Каниния Ребила. Цезарь пытался поддерживать определенный баланс и в первые годы войны, назначая в качестве консулов Сервилия (48 г.), Калена и Ватиния (47 г.) и давая реальную власть «золотой молодежи».

Последняя причиняла ему немало проблем. Опасения общества перед лицом перспективы проскрипций, грабежей или кассации долгов были связаны именно с этой группой, и, пока она была у власти, заявления самого Цезаря звучали не очень убедительно. Были и другие проблемы. Курион мужественно сражался в Сицилии и Африке, но хотя Цезарь не винит его в некомпетентности, его метод ведения войны и конечный результат, естественно, не могли его устраивать, учитывая крайнюю чувствительность Цезаря к потерям. Куриона больше не было, Гай Антоний неудачно действовал под Курикой, он вернулся в Рим, но до 44 г. не получал никаких серьезных поручений. Квинт Кассий Лонгин вызвал мятеж в Испании и погиб. Целий Руф дошел до прямой измены, а Долабелла вызывал популистские выступления и пытался заигрывать с оппозицией. «Золотая молодежь» сходила со сцены, и отчасти этому решил способствовать сам Цезарь.

Прибыв в Италию, он произвел важную кадровую перестановку, отстранив от власти самого значительного и сильного представителя этой группы, Марка Антония. В 49 г. Антоний управлял Италией, *de facto* став вторым человеком в цезарианской партии, в 48 г. он был фактически вторым человеком в восточной армии, в 47 г. он стал *magister equitum* (Plut. Ant., 8; Cic. Phil., VII, 62; CIL. I. p. 440). Цезарь имел немало оснований быть недовольным своим заместителем: беспорядки в Риме, постоянные кутежи и личное обогащение, покупка

по дешевой цене дома Помпея, откровенно шокирующие Рим любовные похождения (Plut. Ant., 9–11). Конечно, полного отстранения Антония не было, он сохранял достаточно сильные позиции в руководстве, и реально заменить его было некем. Тем не менее, положение «второго» поколебалось. Человека, способного его заменить, Цезарь увидел в Эмилии Лепиде, оценив его способности в мирном урегулировании кризиса в Испании.

В 46 г. Цезарь в третий раз стал консулом, его коллегой стал Лепид. Чуть позже Лепид стал начальником конницы, оставаясь им до окончания диктатуры Цезаря (Plut. Ant., 10; Cic. Fam., XIII, 6, 3). Отношения между Антонием и Цезарем были, видимо, достаточно прохладными. Антоний не участвовал в Африканской и Испанской войнах, что, конечно, отстраняло его от армии. Примечательно, что другой «недовольный», Требоний, даже предложил ему участие в заговоре. Антоний не согласился, но Цезарю не донес (Plut. Ant., 10; 13). Только к 44 г. отношения стали улучшаться, Антоний стал консулом этого года, а в завещании диктатора он оказался наследником второй степени (Suet. Iul., 83; Dio, 44, 35; Flor, IV, 4; App. B. C, II, 143; Liv. Epit., 116). Цезарь хотел продемонстрировать сохранение личной дружбы. Вместе с тем, хотя Антоний и должен был занимать определенное место в новой политической системе, на роль преемника или «заместителя» он уже не предназначался.

Проблема новой политической элиты уже вставала перед диктатором. Старые союзники и легаты принадлежали к уходящему поколению, выдвинутая началом войны молодая элита также понесла большие потери и, главное, не устраивала самого Цезаря. После Фарсала наметился компромисс с частью бывших помпеянцев. В этой ситуации Цезарь начал искать новых, желательно молодых помощников. Этот процесс

произошел позже, но, вероятно, думать об этом он стал уже в период второй диктатуры. Смещение Антония было сигналом консервативным и умеренным кругам, что ожидаемых ими эксцессов не будет.

Коллизия, затронувшая элиту, повторилась на нижних этажах, в армии Цезаря. Наверное, именно этим объясняются последние события. Цезарь столкнулся с тем, чего раньше не было — мятежом собственных войск. Более того, восстали элитные части галльской армии. Точно неизвестно, кто именно принял участие в мятеже, можно лишь с уверенностью сказать, что в их числе были лучшие легионы, 9 и 10, прошедшие с Цезарем все кампании галльских и гражданских войн. Профессиональная армия выдвигала свои требования: отставку и денежные награды. Самым подробным сообщением об этих событиях является рассказ Аппиана. Легионеры двинулись к Марсовому полю, посланный к ним для переговоров претор Г. Саллюстий Крисп (будущий историк) с трудом спасся бегством. Согласно Диону Кассию, два сенатора были убиты. Плутарх пишет о гибели двух преториев, Коскония и Гальбы. Мятежники продолжали путь к Марсовому полю. Цезарь взял один из верных легионов (видимо, новобранцев) и занял ключевые позиции в городе (App. B. C, II, 93; Plut. Caes., 51; Dio, 42, 52).

Приняв эти меры (Цезарь, видимо, всерьез опасался грабежей и мародерства), диктатор выступил навстречу войскам. Встреча показала великолепное знание психологии солдат. Мятежники были обезоружены уже началом разговора, когда Цезарь в обращении назвал их «гражданами» (*cives*), а не «соратниками» (*commilitiones*), как он это обычно делал, и спросил об их требованиях. Растерявшиеся солдаты попросили об отставке, на что командующий заявил, что отпускает их и выдаст все положенное после триумфа, который будет праздновать с другими войсками. Легкость, с

которой Цезарь отказался от своих элитных частей накануне тяжелой войны, произвела на солдат очень сильное впечатление. Воины прекратили мятеж, заявив, что готовы служить ему дальше и стали просить прощения. Цезарь не уступал, особенно жесткую позицию он занял по отношению к 10 легиону. Лишь после долгих уговоров, Цезарь согласился. Аппиан даже сообщает о децимации мятежных частей 10 легиона, но из других источников (В. Afr., 54) этого не следует. Так или иначе, мятеж был подавлен. В столкновении с армией командующий одержал полную победу, вместе с тем дав понять, что его власть не будет военной диктатурой (App. В. С, II, 94; Liv. Epit., 113; Plut. Caes., 51; Suet. Iul., 70). Позже в Африке Цезарь довел эту историю до конца, а ряд офицеров и центурионов 10 легиона (Г. Авиен, А. Фонтей, Т. Салиен, М. Тирон, Г. Клузинат) были с позором уволены из армии (В. Afr., 54). Мятеж и сопровождающие его обстоятельства отражают и общее положение. Став государственной властью, Цезарь нуждался в более сильной армии, с другой стороны, его галльская армия все же несла потери (как бы ни старался избежать их Цезарь), старела и нуждалась в отставке. Выдержать более чем 10-летнюю службу, полную невероятно тяжелых войн, даже если учесть великолепные боевые качества войск, их преданность командующему и его исключительную заботу об армии, было крайне трудно.

Начиная гражданскую войну, Цезарь имел 9 легионов, после Корфиния к армии добавились еще три (Caes. В. С., I, 23), затем его армия пополнилась еще тремя (Ibid., I, 25). К концу 49 г. у Цезаря было 6 легионов в Испании (Ibid., I, 39), 3 у Массалии (I, 36), 4 имел Курион (I, 30), 1 был у Валерия Орки и Сардинии (I, 30) и 15 когорт у Г. Антония. В общей сложности, в 49 г. у Цезаря было 15, 5 легионов, 9 из которых составляла галльская армия. В 48 г. армия Цезаря насчитывала

минимум 12 легионов в Италии (III, 2) и минимум 5 — в Испании (В. Alex., 53), 3, 5 легиона погибли в войнах 49 г. В 47 г. в Испании и Греции находилось по 8 легионов, 3 стояли в Египте, 1 — в Сирии, 3- в Азии. В 46 г. в Африканской войне участвовало 10 легионов, а число войск в восточных провинциях, видимо, сохранялось. Галльская армия в 47-46 г. и после уже составляла меньшую, хотя и лучшую часть армии Цезаря. По подсчетам П. Брюнта, уже в 49 г. Цезарь имел не менее 24 легионов (видимо, ближе к концу), в 48 г. их стало 27-31. а с 44 г. — не менее 34^{237}.

Хотя Цезарь заботился о минимизации потерь, они все же были. Галльская армия понесла определенные потери в Испании, под Массилией и в Греции, вынося основную тяжесть военных кампаний. Некоторые косвенные свидетельства указывают на это. Перед Фарсалом (впрочем, и до него) Лабиен уверял, что от этой армии осталась незначительная часть: многие погибли в Галлии (в 52-50 гг. пополнение едва ли было адекватно), многих унесли поварьные болезни в Италии, другие были распущены (Caes. В. С., III, 87). Речь, конечно, имела пропагандистский характер, но доля правды в ней есть. В другом месте нечто похожее повторяет уже сам Цезарь: «Да и эти силы были посажены далеко не в полном составе, так как многие от стольких войн в Галлии сделались неспособными к службе, далее немалых жертв потребовал длинный путь из Испании, наконец, суровая осень в Апулии и в окрестностях Брундизия после пребывания в здоровых местностях Галлии и Испании вредно отозвались на санитарном состоянии всей армии» (Caes. В. С., III, 2). Лабиен утверждал, что в Брундизии из больных ветеранов составляли целые когорты (III, 87). В 47 г. Ватиний, действительно, составил основную массу своей армии из находящихся на излечении старых солдат (В. Alex., 44). 6 легион Цезаря, прошедший все его

кампании, видимо, с начала Галльских войн, насчитывал в 47 г. менее 1000 человек (В. Alex., 69). Боевой путь 6 легиона в Галльских войнах восстановить нелегко. Судя по номеру, он появился довольно рано, хотя в 57 г. 6 легиона еще не было (Caes. В. С., II, 23). Он мог появиться в том же 57 г. или в 54 г. В 51 г. легион уже был (Caes. В. С., VIII, 4), вероятно, он участвовал в кампании 52 г., а поскольку легионом командовал Т. Секстий, то можно предположить его наличие уже в 54 г. (Caes. В. С., VI, 1). В гражданскую войну легион участвовал в испанской кампании 49 г. (в Испании или под Массилией), сражался в Греции при Диррахии и Фарсале, прошел осаду Александрии и сыграл решающую роль при Зеле.

Африканская война была первой войной, в которой ветеранские легионы составляли меньшинство. Из 9 легионов, сражавшихся в Африке, четыре относились к галльской армии (9, 10, 13 и 14), тогда как пять были новыми войсками (5, 25, 26, 28 и 29) (В. Afr., 60). Кроме того, галльская армия старела: тем, кому в 58 г. было 18 лет, к 46 г. было уже 30.

Сразу после прибытия в Рим, Цезарь начал подготовку к войне. В период с 49 г. помпеянцы сколотили сильную армию, особенно выросшую после прибытия разбитых при Фарсале помпеянцев. Согласно автору «Африканской войны», армия Сципиона насчитывала 8 легионов (В. Afr., 20). Ту же цифру называет Аппиан (App. В. С., II, 96), оценивающий численность кавалерии в 20 000 человек, в основном, ливийцев (Ibid.). Согласно «Африканской войне», эта конница насчитывала 10–15 000 человек (В. Afr., 19–20). Число легковооруженных, вероятно, примерно соответствовало коннице. По подсчетам П. Брюнта, 3 легиона были у Вара, Катон прибыл с 15 когортами, еще 5, 5 легионов были набраны из провинциалов, среди которых было много неримлян (напр. гетулов) (В. Afr., 35)

[{238}](#). Возможно, легионов было больше: около 2 легионов стояли в Гадрумете (*Ibid.*, 2), гарнизоны стояли и в других городах. В одном из мест «Африканской войны», которое издатели часто считают вставкой, упоминается 12 легионов (*Ibid.*, 19). Впрочем, несмотря на многочисленность, легионы помпеянцев не отличались высокой боеспособностью, и главной ударной силой стала армия Юбы.

Согласно «Африканской войне», Юба сформировал 4 легиона на манер римских, по Аппиану, у царя было 30 000 пехоты (*App. V. C.*, II, 96). Главной силой нумидийцев была кавалерия и легковооруженные. Нумидийцы составляли немалую часть конницы Сципиона, кроме того, Юба имел 20 000 собственной кавалерии (*App. V. C.*, II, 96) и множество копейщиков. Автор «африканской войны» именует их *equitatus infinita et levis armaturae magna vis* (*V. Afr.*, 1). Наконец, в армии царя было 60 или 120 слонов (*App. V. C.*, II, 96; *V. Afr.*, 1). Поскольку армия Юбы составляла едва ли не главную силу помпеянской армии, царь требовал и соответствующего положения.

Плутарх пишет, что помпеянские военачальники «прислуживали Юбе» (*GspatieiiaoDai tov IoPav*) и только Катон мог позволить себе независимое поведение (*Plut. Cato*, 57). Ту же тему развивают Цезарь (*Caes. V. C.*, II, 44) и автор «Африканской войны» (*V. Afr.*, 57). По требованию Юбы, Сципион перестал носить пурпурный плащ полководца (*Ibid.*). По всей вероятности, Юба чувствовал себя полным хозяином всей провинции, возможно, считая ее платой за помощь в войне с Цезарем. Похоже, что царь мало сомневался в том, что «борцы за свободную республику» откажутся пойти на такую уступку. Африка регулярно разорялась как нумидийцами, так и самими помпеянами (*V. Afr.*, 26; 27). Автор «Африканской войны» цитирует письмо Цезаря: «Если не подать союзникам скорой помощи против преступных и коварных врагов, то от Африки не уцелеет

ничего, кроме голой земли, не будет даже кровли, под которой можно будет укрыться» (В. Afr., 26). Грабежи, опустошения, казни, разрушение городов, тактика «выжженной земли» — все это увидели Цезарь и его армия в захваченной помпеянами и Юбой провинции.

Диктатор прибыл в Лилибей уже в середине декабря 47 г. Цезарь спешил, его палатка стояла у самого морского берега. Началась поспешная концентрация армии и флота. Вскоре в его распоряжении было уже пять или шесть легионов, причем, только один из них состоял из ветеранов (В. Afr., 1-2). Выйдя из Лилибея, флот направился к Африке. Первая переправа прошла не совсем удачно. Высадка происходила в районе Гадрумета, где стоял сильный гарнизон Гая Консидия Лонга. Сам Цезарь высадился с 3 000 человек (Ibid., 3) и начал собирать рассредоточенные по побережью войска.

Гарнизон Гадрумета достигал 2 легионов. Консидий отказался от переговоров. Город был прекрасно укреплен, постоянно приходили известия о подходе царской конницы (Ibid., 4-5). Сильный отряд конницы Юбы примерно в 2 000 человек прибыл в Гадрумет для получения жалования (армия царя во многом оплачивалась за счет провинции), а затем занял лагерь, оставленный Цезарем, и пытался атаковать высадившийся отряд. Небольшая конница цезарианцев (около 200 человек) отбросила противника. Отбиваясь от кавалерии нумидийцев, Цезарь отступил и 1 января 46 г. разбил лагерь возле города Руспины (Ibid., 6), а затем достиг Лептиса (Ibid., 7). Жители Лептиса подчинились диктатору. В район Лептиса и Руспины начали подходить корабли (Ibid.). Часть кораблей под командованием Рабирия Постума были отправлены в Сицилию, а отряд военных кораблей должен был разыскивать грузовые суда (Ibid., 8). Претор Г. Саллюстий Крисп был послан к острову Керкине для

организации снабжения хлебом (Plut. Caes., 52; Dio, 42, 56-58).

2 января Цезарь оставил в Лептисе 6 когорт Гая Сазерны и перевел обоз в Руспину, а сам с 7 когортами на кораблях отправился в поисках флота, сумев обнаружить и привести в гавань Лептиса новые транспорты с войсками (B. Afr., 10-11). Имея уже 30 когорт, 400 всадников и 300 стрелков, Цезарь выступил в поисках продовольствия (Ibid., 11; Liv. Epit., 113; App. B. C, II, 95). Когда он немного отошел от Руспины, цезарианцы были атакованы конницей противника.

Сражение при Руспине состоялось 4 января 46 г. Противником Цезаря был его бывший легат Лабиен, ранее сражавшийся против него в Греции. Лабиен пытался повторить тот план, который дал столь удачный результат в борьбе с Курионом. Атака проводилась двумя волнами. Первым эшелоном командовал Лабиен. У него было 1600 галльских и германских всадников и 8000 конных нумидийцев. За ним шла вторая волна — 1600 всадников Марка Петрея и, вероятно, 7-8000 легковооруженных пехотинцев и пеших и конных стрелков (B. Afr., 19).

Лабиен выстроил линию из конницы, в рядах которой было много легковооруженных, на флангах стояли усиленные отряды кавалерии. Цезарь построил пехоту в боевую линию с кавалерией на флангах (Ibid., 13). Конница Лабиена стала растягивать боевую линию и обходить неприятеля с флангов, а в центре пехота Цезаря попеременно подвергалась атакам конницы и пехоты. Легковооруженные составили основу боевого порядка помпеянцев, а конница то отступала, то наоборот атаковала противника. Постепенно кавалерия Лабиена взяла неприятеля в кольцо, а цезарианцы, построив каре, отбивались от вражеских атак. Сражение развивалось по катастрофическому сценарию, и,

казалось, что разгром Куриона должен был повториться (Ibid., 14-16).

Цезарь произвел неожиданный маневр. Когорты резко растянули фронт, разрезав неприятельское кольцо. Кавалерия Лабиена стала отступать. Цезарианцы отогнали противника, вернулись, восстановили боевой порядок и стали отходить в лагерь. В этот момент на них обрушилась вторая волна, кавалерия и пехота Петрея и Гнея Кальпурния Пизона, ранее бывшего проквестором Дальней Испании в 49 г. (B. Afr., 17-18). Помпеянцы возобновили атаки, мешая противнику вернуться в лагерь (Ibid., 18). Цезарь предпринял общую контратаку, помпеянцы были отброшены, после чего цезарианцы отступили в лагерь (B. Afr., 18-19; app. B. C, II, 95). Лагерь был укреплен, в него свозились метательные снаряды и машины с кораблей, походили отряды стрелков и легковооруженных, свозился хлеб (B. Afr., 20-21).

Помпеянцы стали усиливать свою военную группировку. Главные силы Сципиона, находившиеся поблизости от Утики, выступили к Гадрумету (B. Afr., 20, 24; Dio, 43, 3; App. B. C, II, 96). Через несколько дней они соединились с Лабиеном и Петреем. Конница помпеянцев полностью господствовала на пустынной местности. Цезарь занял оборону в лагере. У него возникли проблемы с продовольствием и фуражом. Солдаты Цезаря были вынуждены кормить животных морской травой (B. Afr., 24). В дополнение ко всему на помощь Сципиону выступил Юба (Ibid., 25).

Впрочем, и у цезарианцев были некоторые удачи. По инициативе Катона, Гн. Помпей-младший с 30 кораблями отплыл из Утики в Мавретанию и вторгся в царство мавретанского царя Богуда. Двухтысячный отряд рабов и либертов подошел к городу Аскуру, но был отброшен его жителями, после чего Помпей отплыл к Балеарским островам (Ibid., II, 23). У Цезаря появился новый союзник,

П. Ситтий Нуцерин, бывший катилинарий, отправленный в Мавретанию еще Катилиной (Sail. Cat., 21) и с тех пор участвующий в борьбе местных царьков за власть в качестве наемника (App. B. C, IV, 54). Теперь вместе с другим мавретанским царем Бокхом Ситтий вторгся в Нумидию. Отряды Ситтия занимали Цирту и города гетулов. Это наступление заставило Юбу уйти в свое царство, оставив у помпеянцев только 30 слонов (B. Afr., 25, Dio, 43, 3).

Лабием и его конница контролировали местность. Конница даже атаковала Лептис, но была отброшена, а Сципион вызывал противника на бой (B. Afr., 29-32). На сторону цезарианцев перешел город Ахулла. Цезарь направил в Ахуллу отряд Гая Мессия, после чего город был осажден помпеянами (Ibid., 33). Вскоре претор Саллюстий Крисп прислал цезарианцам большое количество хлеба (Ibid., 34). Быть может, еще более важным было прибытие второго эшелона, 13 и 14 легионов, 800 галльских всадников и 1000 пращников и стрелков (Ibid., 34). Чувствуя себя более сильным, диктатор вышел из лагеря (Ibid., 37-38). Все эти события происходили в конце января.

Цезарианская армия выступила к Руспине, двигаясь вдоль морского побережья, а затем по вершинам горного хребта, и стала укрепляться поблизости от помпеянского лагеря (Ibid., 38-39). Сципион и Лабием построили в передовой линии кавалерию, сзади стояла пехота. Сражение кавалерии закончилось победой цезарианцев (Ibid., 39-40), после чего обе армии начали маневрировать в районе занятого помпеянами города Узиты (Ibid., 41-42).

Юба принял новое решение. Оставив часть войск под командованием Сабурры против Ситтия, он выступил с главными силами на помощь помпеянам. Юба подошел с тремя легионами, 800 всадниками с «уздечками», большей частью своей легкой кавалерии и 30 слонами.

Прибытие царя вызвало панику в цезарианской армии, которая вскоре прошла, некоторые источники сообщают об остроумной речи Цезаря, в которой он сильно преувеличил силы Юбы, вызвав смех своих солдат (Suet. Iul., 66; Polyaeus, VIII, 23; 19).

Бои у Узиты продолжались. Цезарь в основном продвигался по горам. Лабиен устроил ему засаду при переходе через лощину и оливковую рощу, однако потерпел неудачу (B. Afr., 50). Обороняясь укреплениями от конницы, Цезарь подводил укрепленные линии к Узите, где находилась продовольственная база Сципиона (Ibid., 51). В какой-то степени он повторял вариант Диррахия. Во время отхода части цезарианских войск в лагерь, кавалерия Юбы и Лабиена снова обрушилась на неприятеля, но ее снова удалось отбросить (Ibid., 52).

Цезарь получил новое подкрепление. Это были его отборные 9 и 10 легионы (Ibid., 53). Теперь его армия насчитывала 10 легионов, что превышало силы во время кампании 48 г. Происходит еще одна перемена: в армии Сципиона начинается дезертирство воинов из племени гетулов, в свое время бывших клиентами Мария (B. Afr., 35; 55). Вскоре гетульские солдаты подняли восстание своего племени против Юбы, заставив его послать часть сил на борьбу с инсургентами. После этого около тысячи гетулов из конницы царя перешли на сторону Цезаря (Ibid., 56).

Теперь Цезарь мог перейти к более решительным действиям. Вначале он попытался вызвать противника на открытое сражение. Сципион не уклонился. Обе армии выстроились друг против друга. Цезарь применил то же построение, что и при Фарсале, причем, третья линия, стоящая на расстоянии от двух первых, сдвинулась к левому флангу, а один легион (5-ый) и легковооруженная пехота стояли на левом крыле, где находилась большая часть конницы противника.

Сципион, поставив в центре легионы, усилил фланги конницей и легковооруженными. Нумидийцы стояли и во второй линии за пехотой. Сципион и Лабиен явно учили уроки Фарсала и хотели повторить сражение при Руспине в более крупных масштабах (Ibid., 59-60). Впрочем, битва не состоялась, обе армии простояли почти весь день и стали отступать в лагерь. Перед концом дня, когда нумидийцы начали атаку на правом крыле, на них обрушилась конница Цезаря, которая, впрочем, увлеклась погоней и была удачно контратакована противником (Ibid., 61). Война затягивалась.

6. Тапс (март — июнь 46 г.)

Помпеянцы и нумидийцы использовали ту же тактику, которую ранее использовал Югурта: основной акцент делался на действия конницы, во главе которой стояли Лабиен, Петрей и Афраний. Цезарь противопоставил им тактику Метелла и Мария, постепенное занятие городов и укрепленных пунктов и выдавливание противника, сочетавшееся с политическими акциями. Впрочем, стороны попробовали силы и в морском сражении. Аттий Вар вывел эскадру из 55 кораблей из Утики и отплыл к Гадрумету. Помпеянцы атаковали грузовые корабли Цезаря в Лептисе и сожгли те, которые стояли далеко от гавани (В. Afr., 52). Цезарь поспешно направился к Лептису и собрал флот, атаковав Вара, направившегося в Гадрумет (В. Afr., 63). Несколько кораблей Вара были захвачены, после чего Цезарь успешно атаковал гавань Гадрумета, нанеся противнику значительный урон (Ibid., 63–64).

Цезарианские фуражиры успешно избежали засады, устроенной Лабиеном, после чего диктатор несколько изменил план действий. Оставив гарнизоны в Лептисе, Руспине и Ахулле, он направил две эскадры, Л. Циспия и Кв. Аквилы к Гадрумету и Тапсу для начала их осады с моря (В. Afr., 67). Затем он уничтожил свой лагерь и двинулся к городам Аггар и Зета (В. Afr., 67–68). Лабиен и Афраний снова атаковали своей конницей, под давлением которой Цезарь отступил в лагерь (Ibid., 68–69). Возле Сарсуры он опять подвергся атаке Лабиена, но сумел взять город (Ibid., 75). Позже ему пришлось отступить от Тиздры к Аггару, а затем Цезарь захватил другой город, Табену (Ibid., 76–77). В это время к нему подошло последнее подкрепление, 4000 легионеров, не

сумевших переправиться со своими частями, 400 всадников и 1000 пращников и стрелков (Ibid., 7).

Сципион уклонялся от сражения, а кавалерия Лабиена снова дала бой цезарианской коннице (Ibid., 78). 4 апреля 46 г. Цезарь двинулся к Тапсу, где стоял гарнизон П. Вергилия. Теперь город был окружен с суши и с моря. Именно здесь и наступила развязка (Ibid., 79–80).

Цезарь осаждал Тапс. Сципион стал укреплять лагерь между болотом и морем, в местности, труднодоступной для кавалерии. Цезарь послал часть флота, чтобы атаковать помпеянцев с тыла (B. Afr., 80). Дальнейшее не совсем ясно. 6 апреля Цезарь выстроил войска перед лагерем, построение напоминало Фарсальское сражение. На правом фланге стояли 9 и 10 легионы, на левом — 13 и 14. На флангах находилась конница, легковооруженные и по 5 когорт 5 легиона, специально обученного действиям против слонов (Ibid., 81). В центре стояли легионы новобранцев.

Как сообщает автор «Африканской войны», инициатива атаки принадлежала самим солдатам, увидевшим беспорядок в неприятельском лагере. Цезарь даже удерживал их, но элитные легионы, стоящие на правом крыле, по собственной инициативе бросились вперед, и только тогда командующий отдал приказ о наступлении. Какая-то часть помпеянцев, видимо, успела построиться, во всяком случае, стрелки и пращники правого фланга обратили в бегство слонов, повернувших на собственное войско (Ibid., 82–83). Вылазка гарнизона Тапса была отбита. Атакующие легионы Цезаря заняли лагерь Сципиона и Юбы, а затем взяли и третий лагерь противника. Собственно говоря, сражение превратилось в резню (B. Afr., 86; Plut. Caes., 53; Dio, 73, 7–9; Eutr., VI, 2; Liv. Epit., 114). Согласно Флору и Плутарху, Цезарь вообще не мог руководить битвой из-за припадков эпилепсии. Только Аппиан дает несколько

иную картину сражения. Он сообщает, что незадолго до битвы Юба, узнав, что мавретанские отряды Бокха взяли Цирту, удалился в свое царство, оставив Сципиону 30 слонов. Само сражение было тяжелым, Цезарь победил только к вечеру, а лагерь противника был взят в ночном сражении (App. B. C, II, 86–87).

Автор «Африканской войны» пишет о 10 000 погибших помпеянцев (B. Afr., 86), согласно Плутарху, погибло 50 000 противников (Plut. Caes., 53). Аппиан сообщает даже о 80 000 (App. B. C, II, 97). Потери цезарианцев были невелики (согласно B. Afr., 86–50 человек). Так или иначе, это был полный разгром. Армия Цезаря показала себя совершенным механизмом, уже способным действовать самостоятельно. Она же и вышла из-под контроля, устроив резню противников.

После сражения при Тапсе началось уничтожение помпеянских командиров. Перед Тапсом были выстроены 64 захваченных слона, а на сходке Цезарь благодарил и награждал своих солдат. Впрочем, Вергилий не сдавался (B. Afr., 86). Победитель разделил силы: три легиона Г. Каниния Ребила оставались у Тапса, 2 легиона Домиция Кальвина, консула 53 г. и участника войны с Фарнаком, осадили Тиздру, а остальные во главе с самим Цезарем и М. Валерием Мессалой Руфом, вторым консулом 53 г. выступили к Утике.

В Утике разыгрался еще один акт этой драмы. Как было сказано ранее, Катон, бывший с февраля 47 г. комендантом Утики, после Фарсала был главным центром притяжения разбитых помпеянцев на Коркире (Plut. Cato, 55–56), несколько позже к нему присоединились Афраний и Лабийен (Dio, 42, 10). Все они высадились в Кирене (Plut. Cato, 56), где соединились с Метеллом Сципионом и Варом. Катон, которому было предложено верховное командование, настоял на назначении Сципиона (ibid., 57; App. B. C, II, 87).

Став комендантом Утики, Катон превратил ее в главную базу помпеянцев к Африке. В городе были сильны процезарианские настроения. Юба и Сципион хотели его разрушить, но Катон добился сохранения Утики (Plut. Cato, 58). После Тапса он получил письмо от Юбы и Сципиона. Оба послали к Утике сильный отряд конницы, а Сципион двигался с флотом (Ibid., 60; B. Afr., 87). Конница Сципиона жестоко расправилась с жителями города Парады, устроив посреди города огромный костер, на котором были сожжены все горожане (B. Afr., 87). После этого, всадники направились к Утике. Население города сочувствовало Цезарю, Катон не мог полагаться и на управлявший городом Совет 300 (Plut. Cato, 61).

Согласно автору «африканской войны», Катон выгнал из города множество народа, а Совет 300 содержался у него под стражей (B. Afr., 87). На этих людей напала конница Сципиона, однако горожане отбили ее атаку камнями и палками. Тогда всадники ворвались в Утику и начали повальную резню находившихся в городе людей. Как сообщает Плутарх, они требовали уничтожения всего городского населения, угрожая, в противном случае, покинуть город. Катон, все еще рассчитывавший превратить Утику в антицезарианский форпост, пытался задержать конницу в городе и организовать сопротивление горожан (Plut. Pomp., 62–63). Как пишет автор «Африканской войны», всадники продолжали грабежи и убийства, после чего Катон был вынужден откупиться, дав им по 100 сестерциев и позволив уйти из города (B. Afr., 87).

В Утику бежали остатки армии Сципиона. Катон пытался организовать оборону, но желания сражаться не было. Жители Утики обещали своему коменданту ходатайствовать за него перед победившим Цезарем (B. Afr., 88). К городу подошли 2 легиона Марка Октавия,

бывшего командующего ахейской эскадрой помпеянцев (Plut. Cato, 95). Катон посоветовал жителям сдаться Цезарю, ему советовали сделать то же самое, ни у кого не было сомнения в помиловании (Ibid., 65–66).

Теперь наступил финал, самоубийство Катона, подробно описанное Плутархом, Аппианом, Дионом Кассием и автором «Африканской войны». Сдав дела утикийским властям и своему квестору Луцию Цезарю, Катон принял ванну и поужинал, потребовав, чтобы ему оставили на ночь кинжал. Его последним чтением был диалог Платона. Прочитав, он пронзил себя кинжалом. На стон сбежались близкие. Врачи сумели сделать уникальную операцию, вложив выпавшие внутренности и сшив разорванные части тела. Дождавшись, пока его оставят, Катон разорвал руками швы и умер (Plut. Cato., 69–70; App. B. C, II, 98–99; Dio, 43, 10–12; Liv. Epit., 114; V. Afr., 83). Жители Утики, спасенные им от уничтожения озверевшими помпеянами, устроили Катону торжественные похороны (Plut. Cato, 71–72, App. B. C, II, 98–99).

Катон был особым явлением среди противников Цезаря. Имея репутацию высокоморального человека, он был духовным идеалом и моральным авторитетом для многих республиканцев, а мужественная смерть сделала его символом стойкости. Намерение Цезаря пощадить Катона было несомненным, в этом, видимо, не сомневался никто, включая самого Катона (Plut. Cato, 72; Caes., 54). Своей смертью он не дал противнику проявить это милосердие. Катон и «катонизм» стали главной идеологией сопротивления Цезарю, постепенно эта идея приобрела глобальный характер борьбы «свободы» и «человеческого достоинства» против «тирании». Мертвый Катон стал мучеником и в этом смысле он был опаснее живого Катона. Еще при жизни Цезаря появились два панегирика знаменитому республиканцу, авторами которых были Цицерон и Брут.

Цезарь, видимо, попытался объяснить свою правду. Катон продолжал оставаться врагом. В 45 г. диктатор взялся за перо, написав трактат «Антикатон» в 2 книгах. К сожалению, трактат до нас не дошел, но по фрагментам и другим упоминаниям о Катоне можно составить примерное представление о том, что думал о нем диктатор. Человек огромного личного мужества, Цезарь, несомненно, оценил его в противнике, он явно не хотел смерти Катона, но он не хотел и его морального торжества.

От «Антикатона» дошло несколько отрывков. В маленьком отрывке из Авла Геллия (IV, 16) Цезарь наделяет Катона тремя негативными качествами: высокомерием (*arrogantia*), надменностью (*superbia*) и жадностью власти (*dominatus*). В другом месте он пишет о склонности Катона к пьянству (Plin Epist., III, 12), чего не отрицает и Плутарх. Цезарь писал о роскоши Катона, скрываемой за его бескорыстностью и суровостью нравов (Plut. Cato, 35), его корыстолюбии и моральной нечистоплотности (Ibid., 52; 56). Образ лицемера, несомненно, присутствовал в его характеристике Катона и, возможно, (с основанием или без ононого) Цезарь придал ему образ, сходный с мольеровским Тартюфом.

В «Гражданской войне» Катон упоминается несколько раз. Вначале он фигурирует как деятель переворота начала января 49 г., где, в принципе, ставится в один ряд с другими лидерами помпеянского путча. Ему не дает покоя старая вражда к Цезарю, ради которой он готов на все, что угодно, и провал на консульских выборах (Caes. B. C., III, 4). Второе появление Катона — его командование в Сицилии. Эпизод рассказан не без сарказма. Катон активно готовится к отражению войск Куриона, но, узнав об их подходе, критикует Помпея за развязывание ненужной войны, и, тем не менее, бежит к Помпею в Грецию (Caes. B. C., I, 30). В «Африканской войне» (можно считать, что

произведение отражает точку зрения Цезаря) описано, как Катон пытается навести элементарный порядок в городе и организовать оборону, а затем кончает с собой. Сцена описывается не без традиционной дани уважения. Автор говорит о редкой честности, отличавшей его от остальных помпеянских лидеров и уважении к нему жителей Утики (V. Afr., 89). Впрочем, Катон оказывается и достаточно жестоким человеком, спокойно изгоняющим на растерзание нумидийской коннице множество безоружных людей, а в финальной сцене самоубийства видна жестокость уже к самому себе (Sail. Ep., II, 9).

Стремление превратить Катона в идеал республиканца и римлянина охватило не только Цицерона и Брута, но и некоторых цезарианцев. В «Заговоре Каталины» Саллюстий показывает Катона вторым героем наравне с Цезарем. Безупречная жизнь, строгость, твердость, умеренность, чувство долга и суровость, противопоставление и сопоставление с милосердием, энергией и благодеяниями Цезаря — таковы особенности личности великого республиканца (Sail. Cat., 54). Где-то проскальзывает и другое: активное добро, которое несет Цезарь, противопоставлено репрессированному морализму Катона. В другом письме, более близком к событиям, Катон оказывается для Саллюстия (или Псевдо-Саллюстия) лишь звеном в цепи помпеянских «ничтожеств». «Лишь ум Марка Катона, изворотливого, речистого, хитрого человека не вызывает у меня пренебрежения. Эти качества дает греческая образованность, однако доблести, бдительности и трудолюбия греки совершенно лишены» (Sail. Epist., II, 9).

Возможно, здесь и кроется главное. Катон для Цезаря был символом узколобой, консервативной, ошибочной и пагубной политики, отвергающей все конструктивное и новое. Цезарь не отделял Катона от

остальных помпеянцев: разрушительная война, жестокость, сулланский стиль, прямая национальная измена и, в конечном счете, полная античеловечность. «Порядочность» и «моральные устои» Катона, его действительное неприятие жестокостей своих союзников всегда уступали «необходимости» борьбы за общее дело, которое Катон санкционировал своим имиджем «морального героя».

В поединке с мертвым Катонем Цезарь скорее потерпел поражение. Позже в триумфе он пронес изображение Катона среди вражеских трофеев (App. В. С, II, 101). Возможно, это было «недосмотром» или политической ошибкой, и Цезарю было удобнее взять на себя вину за самоубийство Катона, ставшее следствием духовного тупика, в который он зашел. Цезарь отказался от этого компромисса, следуя своим модальным убеждениям и стремясь отстоять свою правду. В готовности следовать своим этическим принципам он ничем не уступал своему противнику и, будучи готов на политическую реабилитацию Катона, диктатор решительно восстал против его моральной реабилитации. Это принесло новый миф, идею мужественного «борца за свободу» против «цезаристской тирании». История запомнила мужественную смерть Катона, забыв о зверствах его соратников и том обстоятельстве, что хотя «великий республиканец», несомненно, их осуждал, в конечном счете, он всегда оправдывал их во имя «государственной необходимости», «ради государства», как любил говорить он сам.

После гибели Катона, командующим в Утике остался Л. Юлий Цезарь, весьма своеобразная фигура в семье самого диктатора. Луций был сыном Л. Юлия Цезаря, консула 64 г. и дальнего родственника Цезаря. В 49–47 гг. Луций-старший был сторонником своего родственника, хотя и весьма умеренным. В 49 г. он был

его легатом (Caes. B. C., I, 8), в 47 г. — городским претором (Dio, 42, 30). Луций-младший оказался в лагере Помпея. В 49 г. он еще пытался сохранить нейтралитет, выполняя роль посредника (Caes. B. C., I, 8; Cic. Att., VII, 13a, 2; 14, 1; 16, 2; 17, 2; 18, 2; 19; VIII, 12, 2; Dio, 41, 5), чуть позже он командовал эскадрой у Вара в Африке (Caes. B. C., I, 23). Теперь, подчиняясь неизбежности и следуя приказу самого Катона, он вышел навстречу победителю во главе толпы горожан (B. Afr., 83-89; Plut. Cato, 66; Dio, 43, 12). Вскоре Луций был убит. Цицерон пишет о сознательной воле Цезаря (Cic. Fam., IX, 7, 1), Светоний использует слово *dumtaxat* («быть может»), а из контекста скорее следует, что и здесь этого приказа не было (Suet. Iul., 75). Аналогичная неясность и в тексте Диона Кассия (Dio, 43, 12). Из предложения, которое он ранее сделал Катону, следует, что Луций-младший едва ли ожидал расправы (Plut. Cato, 66). В «Африканской войне» сказано, что он был помилован (B. Afr., 29).

Помпеянские твердыни сдавались цезарианцам. Мессала ввел войска в Утику. Выйдя из Тапса, Цезарь занял Узиту, где обнаружил большие запасы продовольствия и боеприпасов, а затем — Гадрумет. Все пленные были помилованы (Suet. Iul., 75; B. Afr., 89), включая семью Консидия Лонга, сына Катона и сыновей Брута Дамазиппа, а также — ряд сенаторов (Г. Цецина, Г. Атей Капитон, М. Аквиний, Л. Целлы (отец и сын), М. Эппий) (B. Afr., 89). Довольно интересна судьба трех братьев Лигариев, показавшая перипетии гражданской войны.

Лигарии были новыми сенаторами из сабинского рода. Один из них, Тит Лигарий, квестор 56 г., сохранял во время войны нейтралитет и оставался в Риме (Cic. Lig., 5, 34), второй, Публий Лигарий, был на стороне Помпея. В 49 г. он служил в Испании у Афрания и попал в плен (Caes. B. C., I, 87), в 48 г. он был у Помпея в Греции, а после Фарсала бежал в Африку к Вару. В 46 г.,

попав в плен у Гадрумета, Лигарий был казнен (Caes. B. C., II, 88; B. Afr., 64). Особенно интересна судьба третьего брата, Квинта Лигария. В 50 г. (еще до войны) Кв. Лигарий был легатом Консидия Лонга в Гадрумете (Cic. Lig., 2, 4; 30–34), а затем стал легатом Вара (B. Afr., 5). Примечательно, что хотя Квинт Лигарий был помилован, он оставался в изгнании. В 45 г. Цицерон произносил речь «За Лигария». Процесс против него начал Кв. Элий Туберон, которого Вар и Лигарий не пустили в Африку. Лигарий был помилован. В 44 г. после Ид марта он примкнул к заговорщикам (App. B. C, IV, 22). Позже оба Лигария стали жертвами проскрипций триумвиров (Ibid., IV, 22–23).

Цезарь вошел в Утику, ободрив и поблагодарив жителей за поддержку. Имущество «трехсот» должно было быть конфисковано, но Цезарь ограничился штрафом в 200 млн. сестерциев, который им предстояло выплатить в течение трех лет (B. Afr., 90). Размеры контрибуции свидетельствовали о достаточно больших возможностях местных олигархов.

Юба и находившийся с ним Петрей бежали в Заму. В городе находились дворец и гарем царя, сюда он свез деньги драгоценности и построил сильные укрепления. Готовясь к войне, Юба соорудил в центре Замы огромный костер и собирался сжечь на нем свое имущество, жен, детей, сокровища, а также — все население города (B. Afr., 90). Горожане закрыли перед царем ворота. Юба угрожал, затем он попросил впустить его в город, но, не добившись успеха, отступил (Ibid.). Жители Замы отправили послов к Цезарю с заявлением о полной готовности сдаться и просьбой о помощи. На следующий день Цезарь с конницей выступил в царство Юбы. На пути ему сдавались войска царя и нумидийские вожди (B. Afr., 91). Цезарь прибыл в Заму, где ему сдались царские всадники (Ibid.).

Находившийся в Тиздре Консидий Лонг бежал из города в царство Юбы, но был убит сопровождавшими его гетулами. Сдался комендант Тапса Вергилий (*Ibid.*, 93). Юба бежал, его сторонники покидали царя один за другим. Оказавшись в безвыходном положении, Юба и Петрей сразились на мечях. Петрей убил царя, а затем покончил с собой (*Ibid.*, 94; *Liv. Epit.*, 114; *Flor.*, IV, 2, 68; *App. V. C.*, II, 100; *Dio*, 43, 8).

С другой стороны наступал Ситтий Нуцерин. В сражении он разбил войска победителя Куриона Сабурры. Погиб сам полководец. В Мавретании Ситтий столкнулся с полуторатысячным отрядом Афрания и Фавста Суллы и устроил им засаду. Помпеянцы были разбиты, оба предводителя попали в плен и были казнены Ситтием (*V. Afr.*, 95). Цезарь сохранил жизнь жене Фавста Помпее, дочери Помпея Магна (*Flor.*, IV, 2, 90). Светоний (*Suet. Iul.*, 75, 3) и Флор (*Ibid.*) сообщают, что Афраний и Фауст были казнены по приказу Цезаря. Флор также сообщает о гибели Помпей, хотя точно известно, что она умерла в 35 г., находясь в Сицилии с братом Секстом.

Сципион вместе с несколькими приближенными, Юнием Брутом Дамазиппом, претором 49 г. Л. Манлием Торкватом и Плеторием Цестианом, направлялся морем в Испанию, но был атакован флотом Ситтия и погиб (*V. Afr.*, 96). Согласно Аппиану, он покончил с собой, будучи захвачен противниками (*App. V. C.*, II, 100).

Итак, Африканская война, отличавшаяся большей жестокостью, чем все прочие, завершилась. Ее результатом было уничтожение большинства оптиматских и помпеянских лидеров: погибли Сципион, Катон, Афраний, Петрей, Юба и Сабурра. В Испанию бежали Лабиев, Аттий Вар и сыновья Помпея, Гней и Секст. Гней Помпей с эскадрой направился в Испанию еще в начале войны (*V. Afr.*, 22), он неудачно действовал на Балеарских островах и уже летом 46 г. обосновался

на юге Испании. Лабиен, Вар и Секст Помпей прибыли позже. Вместе с тем, несмотря на жестокости войны, Цезарь продолжал политику *dementia* (Dio, 43, 13; Suet. Iul., 75; Veil., II, 55).

Спокойствие в Африке было восстановлено. Главные города, поддержавшие помпеянцев, были наказаны штрафом. На Тапс был наложен штраф в 200 млн. сестерциев, 3 млн. платила область этого города, 8 млн. платил Гадрумет, Лептис был наказан поставкой трех миллионов фунтов масла, Тиздра заплатила штраф хлебом (B. Afr., 97). Вместе с тем, в провинции был восстановлен мир, началось экономическое оживление. Возобновились поставки африканского зерна в Италию и Рим, что окончательно решило экономические проблемы. К середине I в. н.э. 8 месяцев в году Рим существовал за счет африканского зерна (Jos. VJ. II, 386). Диктатор попытался восстановить традиционную инфраструктуру страны. По его приказу началось восстановление Карфагена, который должен был стать центром провинции. Во II в. н.э. Карфаген стал огромным мегаполисом с населением в 500 тыс. человек. Цезарь и Азгуст вывели 19 колоний в Африку и 12 — в Нумидию и Мавретанию, что способствовало закреплению римского господства. С другой стороны, Утика получила латинское право.

Цезарь надолго решил проблему обороны провинции. В Заме диктатор устроил аукцион имущества Юбы, сдал в аренду царские пошлины и наградил жителей города. Нумидийское царство прекратило свое существование, превратившись в провинцию Новая Африка (*Africa Nova*). Первым ее наместником стал Саллюстий Крисп в ранге проконсула (B. Afr., 97; App. B. C, II, 100; Dio, 43, 9). С этого времени вплоть до конца II века н.э. угрозы африканским провинциям не существовало.

1 июня 46 г. Цезарь покинул Утику и через два дня прибыл в главный город Сардинии, Харалис. В Сардинии он пробыл довольно долго, наложив штраф в 10 млн. сестерциев на жителей городов, поддержавших помпеянского командира эскадры Л. Насидия. Налог был увеличен с традиционной десятины до $1/8$. 29 июня диктатор отплыл из Харалиса. Плавание оказалось достаточно долгим. Цезарь прибыл в Рим только в конце июля.

Глава IX.
ИМПЕРАТОР ЦЕЗАРЬ
(июль 46 — март 44 гг.)

1. Триумф и власть (июль — ноябрь 46 г.)

Мирную деятельность Цезаря очень трудно отделить от военной, а многие его преобразования, особенно в провинциях, начались уже в ходе гражданской войны. На долю Цезаря выпал очень короткий период мира, но за это время произошли воистину эпохальные перемены. Диктатор наметил общие контуры политики, полностью изменившей характер Римской державы. Эти перемены происходили, главным образом, в два коротких периода: июль-декабрь 46 г. (до 2 Испанской войны) и осень 46 — март 44 г. Трудно определить, в каком именно порядке происходили преобразования Цезаря, тем более, что некоторые из них растянулись на оба периода, и для установления хотя бы примерной последовательности реформ необходимо рассмотреть хронологию наших авторов, Плутарха, Аппиана, Диона Кассия, Светония, Веллея Патеркула, Флора и эпитоматора Ливия.

Согласно Плутарху, на первый период пребывания Цезаря в Риме приходятся триумфы и переписи граждан (Plut. Caes., 55), а все прочие мероприятия, из которых Плутарх упоминает политику милосердия, упорядочение хлебных раздач, вывод колоний и реформу календаря, относятся ко второму периоду (Ibid., 57-59). Достаточно сходна последовательность Аппиана: до Испанской войны Цезарь был занят празднествами и общей оценкой ситуации (App. B.C., II, 102), тогда как все реформы (оформление собственной власти, создание нового сената, подготовка к восточному походу) проводились после испанской кампании (App. B.C., II, 106-109). Согласно Диону Кассию, первый период нахождения в Риме Цезарь был занят, прежде всего, празднованием триумфов (Dio, 43, 14-23), хотя и в это

время он “принял много законов” (*ἔνομοθετεῖτο πολλὰ* — Dio, 43, 25). Тогда же он провел все властные реформы (Dio, 43, 25; 27) и осуществил реформу календаря (Ibid., 43, 26). Во второй период он продолжил административные реформы и готовился к восточному походу. В это же время он начал колонизацию, включая восстановление Карфагена и Коринфа.

Порядок Светония Транквилла диктуется особой структурой его сочинения. Все мирные реформы Цезаря он помещает после рассказа о военных деяниях. Впрочем, эта особенность компенсируется обширной информацией о реформах и, вероятно, именно у Светония Цезарь в полной мере предстает не только военным, но и политическим реформатором. Подробно рассказав о триумфах и празднествах (Suet. Iul., 37–9), Светоний сообщает о реформе календаря (Ibid., 40), административных реформах, масштабной колонизации, экономических мероприятиях и судопроизводстве (Suet. Iul., 41; 42; 43), культурной программе Цезаря и его обширных планах (Ibid., 42; 44). После этого Светоний переходит к описанию характера и личной жизни диктатора, в данном случае не особо соблюдая хронологический порядок (Ibid., 45–74), и политики милосердия (*dementia*), оформлению власти и проявлениям оппозиции (Ibid., 75–79). Большое внимание последним уделяют и другие авторы (Plut. Caes., 60–61; App. B.C., II, 108–110). Сообщения эпитоматора Ливия, Веллея и Флора слишком кратки, чтобы добавить какие-либо сведения принципиального характера. Веллей упоминает только о триумфах (Veil., II, 53), делая это после рассказа о войнах, то же самое делает Флор, очень кратко упоминая о мирной деятельности диктатора (Flor, II, 90). В кратких эпитомах Ливия (Liv. Epit., 115–6) рассказу об испанской войне предшествует рассказ о триумфах, цензе и политике милосердия, а

после них говорится об апофеозе его власти и нарастании оппозиционных настроений.

Итак, данные о реформах дают все наши источники, однако можно отметить, что писателей больше интересуют беллетристически выигрышные сюжеты, такие как оппозиция, эскалация власти и заговор. Последовательность событий часто диктуется удобством изложения, а логика развития реформ зачастую сменяется иной логикой, логикой развития сюжета (триумф, эскалация власти, падение), интересной для развития образа, но не отражающую логику действий Цезаря. Разумеется, ряд реформ (колонизация, предоставление гражданства и др.) относятся и к более раннему времени, но нам представляется возможным взять за основу последовательность Диона Кассия, вероятно, учитывая некоторые коррективы.

Можно вполне определенно сказать, что первый месяц, август 46 г. и, возможно, часть сентября, были связаны с празднованием и экономическими мероприятиями. В сентябре-октябре Цезарь, видимо, начал свои реформы в области реформы администрации и сената, строительную и культурную программы и, возможно, колонизацию. Этот весьма интенсивный старт был прерван испанской кампанией (ноябрь 46- осень 45 гг.), после чего реформы разворачивались во второй период, также занятый подготовкой к походу.

После Тапса началась третья диктатура Цезаря. Он получил должность диктатора на 10 лет вперед, причем, формально диктатура была годичной магистратурой, данной ему на длительный срок (Dio, 43, 14). Одновременно Цезарь продолжал быть консулом 46 г., а на 45 год его избрали единственным консулом. Были оказаны и внешние почести. В честь победителя было устроено 40-дневное молебствие (Ibid.). На Капитолии была установлена конная повозка Цезаря, а его имя было теперь написано на храме Юпитера

Капитолийского вместо имени Катула (Dio, 43, 15). Последнее было не только данью смене власти: храм был достроен Помпеем по инициативе Цезаря. Очень быстро началось строительство. Диктатор построил храм Венере Прародительнице (Venus Genetrix) и установил священные участки у Форума. Культ Венеры был тесно связан с самим родом Юлиев, причем, любопытно, что рядом со статуей богини было поставлено изображение Клеопатры (App. B.C., II, 102).

Новый этап эскалации власти Цезаря был, как это всегда бывало у римлян, связан с почестями и личной экзальтацией. Впрочем, как отмечают современные ученые, римская концепция власти предполагала восприятие последней не только как обязанности и поручения (administratio), но и как награды (honus) за прежние заслуги^{239}. С другой стороны, ситуация требовала длительного сохранения концентрации властных полномочий: несмотря на кажущуюся полную свободу, противник еще не был разгромлен, внутренний мир еще не был установлен, обществу требовались масштабные перемены, а внешнее положение требовало длительного и масштабного урегулирования.

В августе 45 г. Цезарь отпраздновал четыре триумфа: галльский, египетский, понтийский (над Фарнаком) и нумидийский (над Юбой). Триумфы подробно описаны всеми нашими авторами, что понятно, если учитывать особый интерес древности к зрелищным программам (App. B.C., II, 102; Suet. Iul., 37–39; Dio, 43, 19–25; Plut. Pomp., 55; Veil., II, 56). Пышность торжеств должна была превзойти все, что было ранее. Согласно Аппиану, (App. B.C., II, 102) в триумфах несли 65 000 талантов денег и 2 822 золотых венка весом в 20 414 фунтов. Только денежные доходы втрое превышали добычу Помпея в 62 г.^[64]

Денежный эквивалент этих сумм был огромен. 1 талант равнялся 6 000 драхм (драхма — 6 г), что

означало сумму в 390 млн. драхм. Драхма, как правило, приравнивалась к денарию, состоящему из 10 ассов или 4 сестерциев (традиционная римская денежная единица) и в переводе на сестерции сумма превышала 1,5 млрд. Внушительные суммы денег составляли и венки. При оценке римского фунта в 327,5 г их вес составлял 66 586 кг, т.е. примерно 1 857 (11,14 млн. драхм или 44,56 млн. сестерциев). Рим получил суммы денег, беспрецедентные в своей истории.

Под триумфальные мелодии проходила грандиозная финансовая реформа, создававшая новую общественную ситуацию. Первым результатом стало пополнение римской казны и создание государственных финансов и стабилизационного фонда. После победы Суллы, по подсчетам Т. Моммзена, казна составляла 40 млн. сестерциев, находясь практически “на нуле”, к 62 г. произошло медленное накопление до 280 млн., после походов Помпея — 480 млн.^{240} Гражданская война и действия Помпея и его сторонников могли привести к финансовому краху. Даже в лучшие годы размеры казны уступали размерам состояний крупных олигархов: состояние Красса достигало 42–45 млн. денариев (160–180 млн. сестерциев) (Plut. Crass, 2; Plin. N.H., 33, 134), состояние Помпея — 70 млн. сестерциев (примерно — военный бюджет республики). Того же порядка были состояния Домиция Агенобарба, Лукуллов или клана Метеллов. Элита помпеянских олигархов в своей совокупности превосходила финансовые возможности государства, состояния средних римских богачей достигало десятков миллионов сестерциев, более мелких — исчислялось миллионами. Олигархи провинциальной Утики вполне могли собрать 200 млн. сестерциев.

Теперь ситуация резко изменилась. Согласно Веллею Патеркулу, Цезарь внес в казну 600 млн. сестерциев (Veil., II, 56, 2), огромные суммы пошли на зрелища,

строительство, и украшение Рима и других городов, около 160 млн. (подсчет Т. Моммзена)^{241} составили личную долю диктатора (официальная “доля” полководца), причем, личное имущество Цезаря, а позже — Августа, становилось дополнительным “стабилизационным фондом”, часто используемым на нужды государственных программ или раздач населению. По завещанию диктатора, каждый житель Рима должен был получить по 300 сестерциев (население города составляло 150–200 000 человек), на что могло уйти 50–60 млн. сестерциев (порядка трети имущества) (App. B.C., II, 143; Suet. Iul., 83; Plut, Brut., 20; Ant., 14). Дион Кассий сообщает о сумме в 300 драхм или 1200 сестерциев, что, вероятно, ошибочно (Dio, 44, 35). С другой стороны, прекращение гражданской войны, внешнеполитическая стабилизация и наведение порядка в провинциях способствовали собираемости налогов, что создавало выгодные перспективы. К концу диктатуры Цезаря казна возросла до 700–800 млн. Динамика была задана. При Августе, несмотря на гражданские войны и активную внешнюю политику, казна, вероятно, достигла 2–2,5 млрд. сестерциев, при Тиберии она выросла до 2,7 млрд. (Suet. Calig., 48), сохраняя этот уровень до времени Антонина Пия. Это была только часть средств, которые могла контролировать власть. В 69 г. Веспасиан заявил, что для восстановления после гражданских войны ему потребуется 40 млрд., причем, сумма была собрана без особых усилий.

Суммы, собранные Цезарем, во многом обеспечили “экономическое чудо” ранней Империи, они же изменили общественную структуру. Трудно сказать, каким образом диктатор получил этот “стартовый капитал”. “Ограбление Галлии”, даже если признать наличие этого процесса, едва ли можно считать его главным источником. Галлия была не столь богатой страной, и определенные суммы, несомненно, остались там,

поскольку, в противном случае, было бы трудно объяснить ее быстрое возрождение. Определенные доходы все же, видимо, поступили: нищета народных масс сочеталась в Галлии с огромными богатствами галльской знати (напр. людей типа Оргеторига, Дивитиака или Верцингеторикса) и, наверное, еще большими, тезаврированными в храмах сокровищами друидов. Определенные (и явно немалые) суммы дали завоевания Понта, Египта и Нумидии, значительные средства конфисковывались у местных правителей и провинциальных олигархов. Определенное “перераспределение” коснулось и Рима — многие римские олигархи погибли в борьбе с Цезарем или лишились своих огромных богатств. Можно предположить, что “стартовый капитал” был, в значительной степени, получен за счет сулланской и постсулланской знати.

Хотя некоторые представители “новой элиты” (Антоний, Квинт Кассий, Саллюстий Крисп) были явно “нечисты на руку” и быстро разбогатели, уровень коррупции явно снижался, равно как и соотношение между государственной казной и крупными частными капиталами.

Легионеры Цезаря получили по 5 000 драхм (20 000 сестерциев), центурионы — по 10 000 драхм, военные трибуны — по 20 000 (App. В.С., II, 102). Сообщение Диона Кассия о 500 драхмах, видимо, ошибочно (Dio, 43, 21). Сумма в 80 000 сестерциев уже приближалась к всадническому цензу. Согласно Светонию, легионеры диктатора получили по 24 000 сестерциев плюс 2 000 в качестве выплаты долга (Suet. Iul., 38, 1). Солдаты превращались в зажиточных крестьян и горожан, а офицеры становились муниципальной верхушкой, всадниками и нижней частью богатой части общества. Таких людей, было, вероятно, достаточно много. Это была не только галльская армия, но и те войска, которые

сражались в гражданской войне. Если многие из них уже не были пригодны к военной службе по возрасту, то они еще были во вполне дееспособном возрасте, чтобы заниматься разными сферами экономики. Вероятно, именно с Цезаря идет традиция Империи, когда ветераны становились экономически активной и политически значимой частью верхушки муниципальных и провинциальных городов, а, учитывая прогресс местного самоуправления, многие из отставных солдат и центурионов, не говоря уже об офицерах, могли найти себя на этом поприще. Этот к тому же связанный корпоративностью класс населения насчитывал при Цезаре десятки, а, возможно, и сотни тысяч людей и имел тенденцию к росту в эпоху Империи.

Простые жители Рима получили намного меньше, по 75 драхм (300 сестерциев), а затем еще по 150 драхм (600 сестерциев) (Dio, 43, 21). Светоний сообщает о 400 сестерциях (Suet. Iul., 38), по Аппиану, они получали по аттической мине (600 сестерциев) (App. B.C., II, 102). Кроме того, плебеи получили по 10 модиев (87 л) зерна и 10 фунтов (3,4 кг) масла. Цезарь произвел и раздачу мяса (Suet. Iul., 38), согласно Светонию эта раздача (*visceratio*) произошла во время испанского триумфа (Suet. Ibid.). Если учесть, что 1 модий (8,7 л) зерна стоил по закону Гая Гракха 6,5 ассов (около 2,5 сестерциев), то прибавка была солидной, означая возможность пропитания на один — два года. Проблема бедности, конечно, не была решена, но это была важная антикризисная мера, к тому же поднимающая на более высокий уровень и римскую бедноту. В дальнейшем предполагались более постоянные реформы. И здесь были неплохие перспективы: стабилизация положения в Сицилии и Африке и открытие нового канала снабжения из Египта предполагали бесперебойность снабжения Рима всем необходимым.

После триумфа Цезарь устроил роскошные игры. Согласно Светонию, гладиаторские бои устраивались по регионам города, кроме того, происходили представления актеров и мимов (*linguarum histriones*), а также — цирковых атлетов (*Suet. Iul.*, 39). Были устроены Троянские игры (*Suet. Iul.*, 39, 9). В заключение Цезарь дал пятидневные звериные травли (*Ibid.*, 39, 3) и масштабные бои гладиаторов. Как сообщает Аппиан, в бою участвовали по 1000 пехотинцев, 200 всадников и 20 слонов с каждой стороны (*App. B.C.*, II, 102). По всей вероятности, бой стал имитацией войны в Африке. Морские бои Александрийской войны имитировались навмахией, несомненно, ставшей венцом программы. В морском бою участвовали 4000 гребцов и 1000 воинов с каждой стороны (*App. B.C.*, II, 102) и десятки бирем, трирем и квадрирем египетского и тирийского образца (*Suet. Iul.*, 39, 3-4; *Dio*, 43, 23). Во время галльского триумфа Цезарь совершил торжественный въезд на Капитолий, вокруг стояли 40 слонов, держащие факелы в хоботах (*Suet.*, *Iul.*, 37, 2).

Хотя Цезарь относился к гладиаторским боям весьма скептически и открыто демонстрировал свое безразличие, полное отсутствие интереса и даже неприязнь к этому общественному пристрастию, он был вынужден следовать вкусам населения и ментальности римского общества. Тем не менее, бросается в глаза обилие иных, более мирных видов состязаний: мусические агоны, мимы, скачки, состязания атлетов, Троянские игры (*Suet. Iul.*, 39, 1-4). Светоний упоминает об участии в боях нескольких сенаторов (*Ibid.*). Римское общественное мнение было шокировано, но исподволь готовилось определенное изменение эти сенаторы, как и многие другие гладиаторы, были добровольцами. Из жутких ритуальных убийств, связанных с культом смерти, и уничтожения бесправных, насильственно загоняемых на арену невольников, гладиаторские бои

становились жестоким, извращенным видом спорта или шоу-бизнеса со всеми чертами этих последних, включая большие деньги, социальный престиж и фактор добровольности. Цезарь только начал этот процесс, но гладиатор эпохи Империи становился “профессионалом”, чьи права были хотя бы частично защищены. Положение популярного гладиатора эпохи (это прекрасно показано в известном фильме Р. Скота) скорее напоминало положение современного известного спортсмена или рок-звезды, разумеется со всеми жестокостями, криминализацией и другими теневыми сторонами этого мира. Перемены шли медленно, гладиаторские бои прошли через всю историю Империи, и только Адриан запретил продажу рабов в гладиаторские школы, а рабынь в публичные дома (лупанары). Честь искоренения этого явления принадлежит христианской Церкви, настоявшей на запрете зрелищ.

Достаточно интересной была и судьба мимического искусства, жанра, который явно переживал творческий взлет. На празднике было много смеха. Обладавший чувством юмора и ценивший его в других Цезарь сам становился мишенью, как в песенках собственных солдат, открыто исполняемых во время триумфа, так и в подчас нелюбезных шутках мимов (Suet. Iul., 51). Надо полагать, что анекдоты про диктатора (что было весьма широко отражено и в его биографиях) были многочисленны и популярны. Разумеется, Цезарь становился и популярной темой мимов, тем более, что масло в огонь подливал затянувшийся визит Клеопатры и ее новорожденного сына (в 46 г. Клеопатра под предлогом дипломатической миссии приехала в Рим вместе с Цезарионом и пробыла там до убийства диктатора). На этот период приходится расцвет творчества двух мастеров римской “эстрады”, Децима Лаберия и Публилия Сира. Сир и Лаберий часто

позволяли и сатирические выпады против Цезаря, временами содержащие достаточно глубокие критические замечания по поводу его деятельности.

Сатирической фронде диктатор противопоставил терпимость и даже известное “соучастие”. Во время игр Цезарь (кстати, с полного согласия соперников) был... судьей в сатирическом поединке Сира и Лаберия и присудил премию Публилию Сиру, чем немало обидел его противника (Gell. XVII, 14, 2; Macr. Sat., II, 7, 7). Впрочем, Лаберий, видимо, всерьез переживавший такую “недооценку” со стороны предмета его критики, также получил хорошую возможность выступить на триумфальных играх Цезаря (Suet. Iul., 39, 1)^{242}.

Современники поражались толерантности диктатора. Цезарь примирился с двумя поэтами, писавшими против него злые эпиграммы, Лицинием Кальвом (возможно, это произошло ранее) и Г. Валерием Катуллом. С Катуллом диктатор установил отношения через отца поэта, с которым состоял в дружбе (Suet. Iul., 73). Достаточно мягко Цезарь отнесся и к другим писавшим против него поэтам, Авлу Цецине и Пифолаю (Ibid., 75, 5). Предположить такое поведение со стороны лидеров “свободной республики” весьма жестко расправлявшихся с инакомыслием, было бы достаточно сложно.

Правительство Цезаря вносило в управление рациональные тенденции. Введение в экономику огромных финансовых средств, ранее тезаврированных или лежащих мертвым грузом, требовало весьма важных действий различного плана. Согласно мнению Т. Моммзена, Цезарь многократно (примерно в 10 раз) увеличил денежные эмиссии, резко увеличив и денежные доходы населения и оборот капиталов^{243}. Инфляции не последовало (источники не фиксируют этот процесс, который, если бы он имел место, неизбежно отразился бы в их сообщениях), огромные

средства стимулировали массовое строительство в Риме, Италии и провинциях, оживление экономики во всех областях и массовые колонизационные проекты. Огромные планы диктатора, о которых будет сказано позже, показывают возросшие возможности сверхдержавы. В планы Цезаря входили даже экологические проекты. Планировалось осушение Помптинских болот, создававших крайне нездоровый климат в столице, спуск Фуцинского озера и строительство новых дорог (Suet. Iul., 44, 1-2). Этот проект был осуществлен спустя почти столетие императором Клавдием^{244}. Другой проект, канал через Истм в Греции, должен был интенсифицировать греческую торговлю в Эгеиде и Адриатике, и был исполнен ко времени Нерона^{245}. Диктатор начал другой, более важный проект возрождения Греции, восстановление Коринфа, ставшего, вероятно, крупнейшим экономическим и торговым центром Греции в эллинистическую эпоху и разрушенного римлянами в 146 г. до н.э. (Plut. Caes., 57; Dio, 43, 50).

Другим важным мероприятием Цезаря было начавшееся возрождение столицы. Диктатор провел ценз городского населения^{246}. Светоний отмечает, что она проводилась “поквартильно через домовладельцев” (*vicatim per dominos insularum*) (Suet. Iul., 41, 3). Согласно Плутарху, перепись показала уменьшение числа граждан с 320 000 до 150 000 человек (Plut. Caes., 55; App. B.C., II, 102). Сообщение неясно: население Рима в 320 000 человек для I в. до н.э. — это очень большая цифра, с другой стороны, совершенно неясно, почему в стране, где не было войн со времен Суллы (жители Рима вообще мало привлекались к службе в армии), население могло понести столь невероятные потери. Разумеется, немалая часть могла покинуть Рим в трудные 49–47 гг., равно как и в более ранние времена, в том числе и в результате аграрного закона Цезаря.

Светоний, видимо, с гораздо большим основанием пишет, что речь шла о получающих хлеб жителях столицы. Цифра 320 000 достаточно странна еще и потому, что после 70 г. до н.э. общее количество римских граждан насчитывало 910 000 человек. Вероятнее всего, 320 000 все же относится к общему числу граждан, а 150 000 — к жителям Рима, причем, именно к тем, которые нуждались в государственной поддержке. Этот ценз мог быть новшеством Цезаря.

Вероятно, со времен Цезаря началось постепенное возрождение города, которое приходится уже на эпоху Августа и первых императоров. В начале принципата Августа население Рима едва ли превышало 250–300 000 чел, тогда как к середине I в н.э. совокупное население столицы (считая рабов, вольноотпущенников и неграждан обоего пола) составляло примерно 1 млн. человек^{247}. Бум римской урбанизации пришелся на время Августа и был достигнут благодаря планам Цезаря и конкретной политике первого принцепса.

Цезарь явно готовился к расширению Рима и перестройке столицы. Светоний сообщает, что диктатор планировал гигантское строительство: воздвижение храма Марса, храма Милосердия (Clementia), создание форума Юлия и театра на Тарпейской скале (Suet. Iul., 44). Готовилось и расширение остийской гавани, что предполагало расширение и улучшение системы снабжения. Этот проект осуществили позже Клавдий и Траян^{248}.^[65]

Планы Цезаря осуществил Август, наладивший инфраструктуру этого самого большого мегаполиса древности, создав систему снабжения водой и продовольствием, расширив зрелищные программы и развернув общественное и жилищное строительство. За свой долгий принципат Август фактически воссоздал новый Рим и осуществил гигантскую программу строительства общественных зданий и храмов. Только

число построенных и отреставрированных храмов достигло 82, и есть основания считать, что первые шаги на пути храмовой и религиозной реставрации Августа были сделаны Юлием Цезарем.

К 46 г. Цезарь разрешил долговой вопрос и проблемы квартирной платы. Долговые волнения, проходившие на протяжении 49–47 гг., прекратились в 46 г. Меры Цезаря были достаточно гибкими. Он отказался от кассации долгов, но снизил расценки, сократил квартплату и стал считать проценты в счет долга. Вероятно, после раздач 46 г. кризис стал идти на спад.

Популизм политиков типа Клодия, Целия Руфа и Долабеллы и радикальные настроения были опасны для той системы стабилизации, которую создавал Цезарь. Поэтому он нанес удар по центрам этих движений, которыми являлись восстановленные в 64 г. Клодием коллегии. Согласно Светонию, диктатор запретил “все коллегии, кроме самых древних” (Suet. Iul., 42, 3). Вероятно, под последними подразумевались ремесленные коллегии, восходящие к царю Нуме, запрету же подверглись политизированные клубы клодианцев и разного рода религиозные, полурелигиозные и неформальные объединения сомнительного свойства.

В последние годы (46–44 гг.) отношения с народными массами могли усложниться. Из кумира толпы и лидера популяров Цезарь превратился во власть, временами достаточно жесткую. Упорядочение раздач хлеба и сокращение числа получателей, запрет коллегий, а отчасти и политика в долговом вопросе могли быть непопулярны. Власть наводила порядок, шла на компромиссы и не поддавалась радикальным настроениям. Особенно во второй период можно увидеть и оппозиционные настроения. Наконец, народ еще не ощутил плодов стабилизации и хорошо помнил лишения

гражданской войны. Тем не менее, ореол Цезаря как защитника обездоленных и народного избранника мог потускнеть, но не должен был полностью исчезнуть. Оппозиционные настроения, которые, несомненно, имели место, не следует преувеличивать. В конце марта 44 г. именно народ Рима четко и однозначно высказался за Цезаря и его партию, разгромив дома заговорщиков и поддержав цезаристских лидеров во главе с Антонием и Октавианом (Dio, 44, 50; Plut. Brut, 20; Ant., 14; Flor, IV, 4; Cic. Phil., III, 36, 91; App. B.C. II, 143, 148). На сторону Цезаря и его “дела” встали и радикальные группировки, включавшие рабов, либертов и деклассированные городские низы (движение Амация), грабя и устраивая беспорядки, но делая это под цезаристскими лозунгами. Наконец, в народе (впервые со времен Гракхов) возник спонтанный культ диктатора. На месте сожжения его тела был воздвигнут алтарь, возле которого поставили колонну, у подножия которой приносили жертвы, давали обеты и решали споры (Suet. Iul., 58; App. B.C. III, 3). Римский плебс сказал свое слово, он предпочел Цезаря не только Помпею, Цицерону и Бруту (это было бы естественно), но и “истинным популярам” типа Клодия, Долабеллы и Амация. У простых людей оставался свой Цезарь, великий император и полководец, защитник обиженных и обездоленных.

2. Политика милосердия (осень 46 г.)

На сентябрь-октябрь 46 г. приходится новый этап политики *dementia* несколько поколебленной африканской кампанией. Уже в Африке Цезарь показал, что в принципе намерен придерживаться ее и далее, хотя судьба помпеянских лидеров и особенно Катона, могла внушить известные опасения. Цезарь попытался их развеять.

Дион Кассий приводит речь Цезаря перед сенатом и народом по возвращении из Африки еще до знаменитых триумфов. Ее можно считать если не аутентичным (обычная манера риторических конструкций древних авторов хорошо известна), то, по крайней мере смысловым отражением того, что мог сказать Цезарь, несомненно, обеспокоенному обществу. Согласно Диону Кассию, Цезарь заявил, что не намерен “совершать ничего дурного” (*χαλεπον μηδέν πραξείν*) и причинить кому-либо зло. Интересно терминологическое различие: Цезарь заявил о намерении быть “простатом” (*πρῶντευεῖν*), а не “тираном” (*προσπᾶτευεῖν*) или “предводителем” (*ἡγεμόντευεῖν*). *Πρῶντευεῖν* означает “руководить, быть начальником” (примерно эквивалентно *administrare*), что показывает оттенок управления в противовес власти (*tyrannis* или *dominatio*) (Dio, 43, 15). В этом заявлении содержится очень глубокое понимание сути власти, настолько глубокое, что оно может восходить к самому Цезарю, понимающему власть диктатора именно в смысле статуса “управленца” и “кризис-менеджера”, возможно, даже эсимнета, в противовес власти как возможности преобладания и насилия над людьми.

В продолжение речи Цезарь повторил идею, высказанную в письме 49 г. (Cic. Att., IX, 7c). Он не уничтожает даже врагов и тем более не намерен трогать тех, кто не причинил ему зла. Проскрипций и репрессий не будет — это было дано понять достаточно четко. Диктатор намерен опекать граждан как отец детей (еще одна чисто римская идея) (Dio, 43, 17). Он просил не бояться солдат, а считать их охраной и обещал привести в порядок финансы (Ibid., 43, 18). В заключении диктатор заявил, что прекрасно понимает, что только дела могут убедить в его правоте (Ibid.).

Вторым деликатным моментом стал триумф. В нем провели знатных пленников. Среди них был Верцингеторикс, уже шесть лет находящийся в плену у римлян, Арсиноя и сын Юбы. Их судьба была разной. Верцингеторикс был казнен после триумфа, Арсиное сохранили жизнь. Еще маленький Юба II лишился власти. Впрочем, позже, в 25 г. до н.э. он считался правителем Мавритании (25 г. до н.э. — 22 г. н.э.), будучи верным вассалом Рима. Юба был женат на Клеопатре Селене, дочери Антония и Клеопатры. Царь получил римское образование и даже писал историю. В отличие от отца, Юба II был одним из тех вассальных правителей, чье правление было логическим переходом от независимости к прямому управлению Рима. В 40 г. н.э. после убийства сына Юбы Птолемея, Мавретания стала римской провинцией.

Гораздо сложнее была проблема помпеянцев. Праздновать победу над гражданами не полагалось. Вместе с тем, полностью обойти их участие было невозможно. Цезарь отказался нести в триумфе изображения Помпея, однако картины, изображающие гибель Сципиона, Петрея и Катона, а, возможно, и других помпеянцев, в триумфе были (App. B.C., II, 101). По всей вероятности, как позже Август, Цезарь хотел показать их как находящихся на службе у врагов Рима,

однако эффект был скорее обратный. Народ явно сочувствовал помпеянкам (Ibid.).

После триумфов последовала всеобщая амнистия. Согласно Аппиану и Диону Кассию, все изгнанники были возвращены, сохранили свои места в сенате и право занимать магистратуры (App. B.C., II, 107; Plut. Caes., 58; Dio, 43, 50). Детям погибших возвращались, по крайней мере, часть имущества, а жены даже получали компенсацию (Dio, 43, 50). Началась массовая реставрация городов, разрушенных Суллой (Ibid.). Наконец, Цезарь даже велел восстановить статуи Суллы и Помпея, разрушенные толпами народа (Dio, 42, 48; Plut. Caes., 54; Suet. Jul., 75, 4). Это была не столько уступка оппозиции, сколько декларация национального примирения. Даже враги оставались гражданами, а борьба с историей признавалась ненужной, бессмысленной и опасной. Позже эту политику продолжил Август. На форуме Августа, в Портике возле Марсова поля были поставлены статуи знаменитых римлян, начиная от Энея, снабженные краткими биографиями (Suet. Aug., 31, 5; Gell. IX, 10, 11). Рядом со статуями героев древности, Манием Валерием Максимом, Фурием Камиллом, Аппием Клавдием Цеком, Эмилием Павлом, стояли статуи Мария и Суллы, Помпея и Лукулла, Цезаря и Красса. В середине Форума помещалась квадрига Августа. Историю нельзя забывать, но ее нельзя и перекраивать. Сам Цезарь писал исторические произведения, оценки давались четко и определенно. Это было не всепрощение, а объективность: противникам сохранялась жизнь, а иногда и положение, но сохранялась и память о них, добрая и недобрая.

Clementia Caesaris была политикой консолидации общества. В определенной степени это была видимость консолидации. Вместе с тем, это была новая конструктивная политика, порывавшая с жестокостью,

террором и бескомпромиссностью сулланской и постсулланской власти. Это, в общем, была победа над Суллой и сутью его системы, победа не персональная или политическая, а победа сущностная.

В речи “За Марцелла” Цицерон достаточно ясно высказывает эту идею. “Ты покори́л племена свирепых варваров, неисчисли́мые, населяющие беспредельные пространства, обладающие незримыми богатствами всякого рода и все же ты одержал победу над тем, что, в силу своей природы и обстоятельств могло быть побеждено; нет ведь той силы, которую, как бы велика она ни была, было бы невозможно одолеть и сломать силой оружия. Но победить свое враждебное чувство, сдержать гнев, пощадить побежденного, поверженного противника... — того, кто это делает, я не стану сравнивать даже с самыми великими мужами, но признаю равным богам. (9) Твои всем известные воинские подвиги, Гай Цезарь, будут прославлять в сочинениях и сказаниях не только наших, но, можно сказать, и всех народов, молва о твоих заслугах не смолкнет никогда... Но когда мы слышим или читаем о каком-либо поступке милосердном, хорошем, справедливом, добропорядочном, мудром... то как пламенно восторгаемся мы не только действительно совершенными, но и вымышленными деяниями и часто начинаем относиться с любовью к людям, которых мы никогда не видели” (Cic. Pro Marc, III, 8). “Ибо когда по закону самой победы все мы должны были пасть побежденными, мы были спасены твоим милосердным решением. Итак, по всей справедливости, непобедим ты один, ты, кем полностью побеждены и закон и сила самой победы “ (Ibid., III, 12).

Цицерон повторяет эти мысли в другой речи “За Лигария”: “Нет ничего более угодного народу, чем доброта, а из множества твоих доблестей наибольшее восхищение и наибольшую признательность вызывает

твое мягкосердечие. (38) Ведь люди более всего приближаются к богам именно тогда, когда даруют людям спасение. Самое великое в твоей судьбе — то, что ты можешь спасти возможно большее число людей, а самое лучшее в твоём характере — то, что ты этого хочешь” (Cic. pro Lig., 12, 37).

Обе речи были произнесены Цицероном как раз в сентябре 46 г. Первая была посвящена ходатайству за М. Клавдия Марцелла, консула 51 г., вторая — защите Кв. Лигария, легата Г. Консидия Лонга и Атия Вара, обвиненного сыном наместника Эллия Туберона. К сожалению, Цицерон не был искренен, равно как не были искренни и его подзащитные. Пройдет два года, и оратор будет утверждать прямо противоположное. Один из прощенных, Лигарий, участвовал в заговоре против Цезаря, второй, Марцелл, погиб 26 мая 45 г. при невыясненных обстоятельствах. Тем не менее, со сказанными Цицероном словами нельзя не согласиться — в этом была суть политики милосердия.

3. Календарь (по Э. Бикерман. Хронология древнего мира. М., 1976. с. 38-44).

На это время приходится, вероятно, самая продолжительная реформа Цезаря — реформа календаря (Plut. Caes., 59; Dio, 43, 26; Suet. Iul., 40).

Римский календарь был определенной попыткой “синхронизации гражданского и солнечного года” (Censor, 20, 6). Этот псевдосолнечный год был модификацией “года Ромула”, чисто земледельческого 10-месячного года, начинавшегося в марте и заканчивавшегося в декабре. Древнейшие народы часто принимали во внимание только сезонность, пренебрегая остальным временем естественного года. Месяцы достигали 39 дней (Plut. Numa, 18; Censor., 19, 6; 22, 6). Уже во времена децимвиров римляне перешли на 12-месячный год (иногда его именуют “год Нумы”), состоящий из 4 месяцев по 31 дню (март, май, квинтилий — позже июль, октябрь), 7 месяцев по 29 дней (январь, апрель, июнь, секстилий — позже август, сентябрь, ноябрь, декабрь) и одного месяца продолжительностью в 28 дней (февраль). В году было 335 дней. С другой стороны, уже астроном Гарпал (ок. 480 г. до н.э.) вычислил, что период обращения Земли вокруг Солнца составляет 365 дней и 13 часов. Римляне знали об этом уже во времена Квинта Энния (ок. 190 г. до н.э.).

Для установления соответствия между земледельческим, гражданским и солнечным годом, римляне раз в два года вводили так называемые “интеркалярные” (intercalaris), вставные, месяцы, состоящие из 22 или 23 дней. Прибавление производилось после праздника Терминалий (23 февраля). К нему добавлялись оставшиеся 5 дней

февраля. Таким образом, четырехгодичный цикл составлял 355+378+355+377, т.е. 1465 дней, на 4 дня длиннее, чем 4 солнечных года. Система интеркаляций была введена в 191 г. до н.э. по закону Мания Ацилия Глабриона.

Очень скоро начались сбои в установлении циклов, интеркаляций вводились произвольно, часто становясь предметом политических манипуляций. В 50 г. еще 13 февраля Цицерон не знал, будет ли 23 февраля введен интеркалярный месяц (Cic. Att., V, 21, 3).

Как полагают исследователи, в период между 1 и 2 Пуническими войнами (264–218 гг.) римский год более или менее соответствовал позднему юлианскому. Значительные сбои начались в период 2 Пунической войны и к 190 г. он опережал юлианский на 117 дней, а в 168 г. разрыв сократился до 72 дней. Во времена Гракхов разрыв выровнялся, но после 70 г. отставание усилилось. К 46 г. отставание римского года достигло 90 дней.

Реформа Цезаря была связана с Египтом. У египтян год всегда имел одинаковую продолжительность (anni certus modus), т.к. состоял только из дней, объединенных в четыре времени года и 12 месяцев по 30 дней. Дни в месяце считались по порядку, один за другим. Месяцы именовались по номерам, хотя в народном календаре они имели названия (тот, паопи, хатор и др.). К последнему месяцу, месоре, добавлялись 5 дополнительных дней. Времена года обозначались тремя циклами по 4 месяца и зависели от разливов Нила: наводнение (Нил заливал поля), выход (освобождение земли, сельскохозяйственные работы) и отсутствие (период низкой воды). Египетский год отличался от солнечного на $\frac{1}{4}$ дня. Интересно, что египтяне были принципиальными противниками вводного дня, и египетские жрецы активно

сопротивлялись подобной инициативе со стороны Птолемея III в 238 г.

В Египте солнечный календарь сосуществовал с народным, состоящим из лунных месяцев по 29 и 30 дней и используемым для культовых целей и в быту. Египетский год оказался более удобным, чем греческие, как правило бывшие лунно-солнечными и похожими на римский с его интеркалярными месяцами. Кроме того, в греческом мире были разные календари с разной продолжительностью, порядком и названием месяцев. Так, например, месяц Панем (Панам) стоял первым в Родосском календаре, вторым — в этолийском и беотийском, третьим — в фессалийском, первым — в милетском, десятым в календаре Эпидавра. В календарях Афин, Дельф и Делоса его не было вообще (см. Бикерман. Хронология... с. 16). Другие жители Средиземноморья, галлы, испанцы, нумидийцы, жили по примитивным местным системам.

Реформа Цезаря была предельно проста, диктатор просто отказался от лунных месяцев, лунного года и римского календаря. Вместо этого был установлен солнечный год в 365, 25 дня, который был взят за основу при делении на месяцы, ставшие уже условными единицами солнечного года. Цезарь изначально добавил недостающие 90 дней. Привыкшие к интеркаляциям римляне спокойно восприняли это значительное дополнение, столь же спокойно приняли они и идею интеркалярного дня, тем более, что его следовало добавлять раз в 4 года. Десять дополнительных дней (лунно-солнечный календарь римлян, “год Нумы” насчитывал 355 дней) были распределены по месяцам: к январю было добавлено 2 дня, к апрелю — 1, к июню — 2, к секстилию (августу) — 2, к сентябрю — 1, к ноябрю — 1 и к декабрю — 1, что позволило не сдвигать даты праздников. Теперь январь, март, май, июль, август, октябрь и декабрь насчитывали по 31 дню, а апрель,

июнь, сентябрь и ноябрь — по 30. Интеркалярный день добавлялся после 24 февраля (6 день до Календ Марта, т.е. до 1 марта). День именовался *bis sextus* (“дважды шестой”), потом это название распространилось на весь год (русское “високостный”).

Новая система вводилась 1 января 45 г. и, поскольку в это время Цезарь был в Испании, куда он выехал в ноябре 46 г., надо полагать, что все необходимые распоряжения были отданы им накануне отъезда. Новый календарь предлагался как система счета дней огромной сверхдержавы, а Цезарь провел реформу в качестве великого понтифика, тем более, что именно понтифики отвечали за счет времени. Система отвечала унификации деловой жизни огромного, становящегося единым средиземноморского мира. В Риме она стала действовать очень быстро, и только один раз после смерти Цезаря произошел сбой. Понтифики добавляли день не раз в 4, а раз в 3 года, и с 9 г. до н.э. Август на некоторое время отказался делать добавления. С 8 г. н.э. календарь вошел в норму.

Введение календаря в огромной Империи происходило без насилия “явочным порядком”. Видимо, главным преимуществом и причиной успеха стала его четкость и простота. В западных провинциях он вошел в обиход очень быстро, в восточных он вводился позже и постепенно. Первые города восточных провинций (например — Саламин на Кипре) приняли его уже при Цезаре. В 26 г. до н.э. Август ввел календарь в Египте, около 9 г. н.э. — в провинции Азии. Дольше всего дуализм или местная система сохранялись в греческих городах. В Эфесе и Милете местные календари были еще при Адриане, двойной календарь в Сардах просуществовал до V в. н.э., в некоторых местах Египта местные календари дожили до арабского завоевания. Смешанные местно-юлианские календари были в

Антиохии, Сидоне, Тире, Александрии, Газе, Аскалоне, Смирне, Вифинии, Ликийи, на о. Патос и в других местах.

Современный календарь по сути является юлианским календарем и мы обязаны им Цезарю. Последующие века внесли одну поправку, которая была возможна только спустя тысячелетия после его реформы. Если юлианский год равен 365 дней и 6 часов, то тропический год (т.е. настоящий период времени, за который Земля совершает один оборот вокруг Солнца равен 365 дням, 5 часам 48 минутам и почти 46 секундам. Ничтожная разница в 11 минут (за 4 года — 44 минуты) постепенно накапливалась, и к концу XVI века составляла примерно 10 дней, т.е. была вполне ощутима. Внешне это выразилось в смещении даты Пасхи к дате весеннего равноденствия. В 1582 г. папа Григорий XIII решил перенести дату Пасхи назад к 21 марта (ее дате, установленной Никейским Собором). По календарю Цезаря равноденствие приходилось на 25 марта, что дало сдвиг на 10 дней (5 октября стало 15 октября) вперед, поскольку юлианский год “уходил” от тропического времени. Далее он предложил опускать три добавочные дня каждые 400 лет, чтобы 1600 и 2000 гг. считались високосными, а 1700, 1800 и 1900 не считались. Это и дало расхождение в 10–13 дней между юлианским и новым, григорианским годом (Бикерман Э. Хронология... с. 8).

Господство юлианского календаря продолжалось и после 1582 г. В 1582–84 гг. он был принят католическими государствами и Церковью и был введен в Италии, Испании, Португалии, Бельгии, Франции, а также католиками Дании, Швеции, Голландии, Швейцарии, Германии. В 1586–87 гг. он был принят в Польше и Венгрии. Протестанты приняли его позже: 1700 г. — протестанты Германии, Дании, Норвегии, в 1752 г. — Англия и Ирландия, 1753 г. — Швейцария, Финляндия. Другие страны принимали его позже: 1911 г.

— Китай, январь 1918 г. — Советская Россия (Русская Православная Церковь и по сей день пользуется юлианским календарем), 1925 г. — Иран, 1926 г. — Турция, 1967 г. — Вьетнам. В зависимости от даты принятия григорианского календаря, добавление составляет 10, 11, 12 и 13 дней. В период с 1582 по 1700 г. поправка включает 10 суток, с 1700 до 1800-11, с 1800 до 1900-12, с 1 марта 1900 по 28 февраля 2100 г. -13 суток. Так, если папа Григорий XIII добавлял 10 суток, то в Советской России поправка выросла до 13 (см. Цибульский В.В. Календари и хронологии стран мира. М., 1982. с. 54-55). Впрочем, эти проблемы человечество решало уже после Цезаря.

Несколько труднее обстояло дело с точкой отсчета, но, похоже, что и здесь эпоха Цезаря сыграла свою роль. Римляне считали от основания города, в греческом мире существовал счет по Олимпиадам (1 Олимпийские игры датировались 776 г. до н.э.), когда каждая Олимпиада начиналась каждый 4 год. Кроме того, существовали эры Селевкидов, Птолемеев и др., а в каждом городе или вассальном царстве существовали эпонимические годы (архонты в Афинах) или счет по датам правления местных царей и магистратов. Плюрализм в хронологии отражал плюрализм в политике. Интересно появление на востоке и в Греции (но не в Риме) эр, связанных с событиями римской истории. В Малой Азии была “эра Суллы” (85-84 гг.), потом появилась “эра Фарсала”. Одна надпись из Ликии датировалась 21 годом после Фарсальской победы. Иудейская эра от сотворения мира начиналась 6 октября 3761 г. до н.э.

Древность не смогла унифицировать этот отсчет. В христианском мире это было сделано только с введением христианского отсчета вначале от сотворения мира, а затем — от рождества Христова, но некоторые попытки унификации, похоже, были сделаны уже во времена Цезаря.

Именно в это время была окончательно установлена “римская эра” (от основания города — *ab urbe condita*). Подсчеты велись со времен Фабия Пиктора и Цинция Алимента, первых римских историков, живших во времена 2 Пунической войны, этим занимался Полибий, но окончательное уточнение произошло в середине 1 в. до н.э. Цицерон, Диодор, а позже — Ливии, принимали датировку Полибия (751/0 гг. до н.э.), но Аттик и Варрон передвинули дату к 753 г до н.э. Авторитет Варрона и его положение при Цезаре, видимо, способствовали утверждению этой даты в качестве канонической.

С другой стороны, писатели этого времени создали сводную хронологию. Диодор Сицилийский (ок. 90–21 г. до н.э.) использовал тройную хронологию: счет по Олимпиадам, римским консулам и афинским архонтам. Этот счет заимствовал от него Дионисий Галикарнасский, писавший уже во времена Августа и, вероятно, Помпей Трог. Тит Ливии (59 г. до н.э. — 17 г. н.э.) взял двойную хронологию: дата от основания Рима и римские консулы, а благодаря всемирным историям Диодора и Ливия происходит четкая идентификация исторических событий.

4. Испанская война (ноябрь 46 — осень 45 гг.)

Конструктивная реформаторская экономическая и политическая деятельность Цезаря была прервана событиями в Испании. Приостановив мероприятия по восстановлению государства и общества, диктатор был вынужден снова обратиться к той деятельности, которую он, видимо, никогда не любил, но которую с таким совершенством умел выполнять.

Летом 46 г. Гней Помпей-младший с сильным отрядом высадился в Бетике. Эскадра Помпея фактически не пострадала во время африканской кампании и оставалась боеспособной единицей. Восстание нашло массовую поддержку, к нему присоединились многие бывшие солдаты армии Афрания, Петрея и Варрона и отряды, набранные из испанцев. С прибытием Помпея началось восстание воинов, провинциалов и рабов во главе со всадниками Т. Квинтием и Кв. Апонием. Как ранее Серторий, помпеянцы использовали движение туземцев (Dio, 43, 29; V. Hisp., 1; App. B.C., II, 103).

На сторону Помпея перешли ряд городов Дальней Испании, в том числе -Кордуба, Атегуя, Мунда, Гиспалис, Урсаон и др. "Туземные" легионы Требония перешли на сторону Помпея (V. Hisp., 7, 12). Видимо, это были войска, набранные еще Варроном и проявившие нелояльность в 47 г. Требоний был изгнан из Бетики (Dio, 43, 29). Наступление Помпея-младшего продолжалось, города переходили на его сторону. Соединившись со Скапулой, он взял Новый Карфаген. На сторону Помпея перешло племя аллобригов. Наконец, в провинцию прибыли остатки войск Афрания, а через

некоторое время — эскадра Секста Помпея и бежавшие из Африки Лабиен и Аттий Вар (Ibid., 43, 30).

Помпей собрал огромную армию. Как сообщает автор “Испанской войны”, у него было 13 легионов (B. Hisp., 7, 30) и 6 000 легковооруженных (Ibid., 30). Несколько труднее определить их состав. Легионы явно не были полностью укомплектованы. Ядром армии стали два “туземных” легиона, уже имевших немалый боевой опыт, и легион, набранный из римских колонистов, еще один был набран из бывших в Африке войск Афрания. Остальные автор называет *fugitivi auxiliares* (бывшие солдаты испанских *auxilia*) (Ibid., 7). Аппиан перечисляет остатки африканской армии, местные племена иберов и кельтиберов и множество рабов, видимо, работавших на рудниках и получивших свободу (App. B.C., II, 103).

Помпеянская армия успешно действовала против двух легатов Цезаря, Кв. Фабия Максима и Кв. Педия. Отступая под натиском помпеянцев, оба легата обратились к Цезарю с просьбой о немедленном прибытии. В октябре 46 г. диктатор выехал в Испанию и прибыл к войскам, проделав путь в рекордно короткий срок, 27 дней (Dio, 43, 30; App. B.C. II, 103; согласно Светонию — 24 дня -Iul., 56). Война оторвала Цезаря не только от мирной созидательной деятельности, но и от творчества. Видимо, в это время он завершает “Записки о гражданской войне”, а чуть раньше (датировка колеблется от 51 до 46 г.) вышли “Записки о галльской войне”. Во время похода в Испанию он написал поэму “Путь” (Suet. Iul., 56).

В ноябре 46 г. начались военные операции. У Цезаря было 8 легионов и 8 000 всадников (B. Hisp., 30). По мнению автора “Испанской войны”, он превосходил противника легкой пехотой и кавалерией. Какими конкретными силами располагал диктатор, неясно. В “Испанской войне” упоминаются 4 легиона — 10 и 9 легионы, вероятно, пришедшие с ним из Италии (B. Hisp.,

12, 30), 3 и 5. Пятый легион был набран Кассием Лонгином в 48–47 гг. в Испании, вероятно, то же самое было с 3-м (В. Alex., 50). Маловероятно, что Цезарь, совершивший переход в столь рекордный срок, мог взять с собой большие силы. Даже наличие второго элитного легиона, 9-го — это всего лишь гипотеза. Остальные 4 или 5 легионов, вероятно, были из испанской армии. Из бывшей армии Кв. Кассия Лонгина могли участвовать 21, 20 и 30 легионы, набранные в 47 г. По всей вероятности, старые легионы, “туземный” и 2-ой сражались на стороне Помпея. В 47 г. в Ближней Испании было 35 когорт Лепида (В. Alex., 53; 57; 60). Таким образом, большая часть армии состояла из набранных во время гражданской войны солдат. Впервые Цезарь сражался фактически без своей галльской армии, что, видимо, и отразилось на ходе кампании.

Когда Цезарь прибыл в Испанию, перебежчики из Кордубы сообщили ему о возможности взять город (В. Hisp., 2), в котором с сильным гарнизоном стоял Секст Помпей. Гней выступил против города Улии, сохранившего верность Цезарю. По просьбе горожан Цезарь послал 6 когорт Л. Юния Пациека, сумевшего пробраться в город, после чего жители отбили атаку помпеянцев (В. Hisp., 3).

Цезарь со всеми силами двинулся на Кордубу, у города произошло конное сражение, закончившееся поражением помпеянцев. Тревожные послания Секста Помпея заставили старшего брата снять осаду Улии (Ibid., Dio, 43, 31–32). Подойдя к Бетису, диктатор пытался перейти реку, но туда подошли войска Гнея. Начались ожесточенные стычки. Не сумев атаковать Кордубу, Цезарь отступил к Атегуе, одной из главных баз противника.

Осада Атегуи началась в январе 45 г. Помпей расположился лагерем между Атегуей и Укубисом и

попытался деблокировать город (B. Hisp., 7). Сражения под Атегуйей протекали с невероятной ожесточенностью (Ibid., 9). К Цезарю подошла конница Аргуэтия и Л. Нонния Асперната (Ibid., 10). Помпей сжег лагерь и отошел к Кордубе, часть цезарианской конницы увлеклась преследованием, но потерпела неудачу. Среди погибших был и царь Индо (Ibid.).

Осада Атегуи продолжалась, горожане предприняли вылазку, сумев поджечь часть осадных сооружений (Ibid., 12). Война принимала все более жестокие формы, а автор “Испанской войны” сообщает об убийствах пленных и перебежчиков (Ibid., 12-13; 20), убивали даже послов и мирных жителей (Ibid., 19; 22). Горожане Атегуи стойко сопротивлялись (Ibid., 13). Помпей неоднократно пытался помочь городу, между войсками шли конные сражения (Ibid., 14-15). Наконец, Помпей приказал гарнизону сжечь город и прорваться на соединение с главными силами. Началось избиение горожан (B. Hisp., 16). Впрочем, комендант города Л. Мунатий и значительная часть жителей сдались Цезарю (Ibid., 19). Это произошло 19 февраля. Показателем тяжести осады было то, что солдаты провозгласили Цезаря императором (B. Hisp., 19; Dio, 43, 33-34).

17 марта 45 г. у Мунды состоялась знаменитая битва. 13 легионам Помпея противостояли 8 легионов Цезаря (B. Hisp., 30). На правом фланге стоял 10 легион, на левом — 5 и 3, там же находилась, видимо, большая часть конницы и легкой пехоты. Автор “Испанской войны” дает достаточно лаконичное и неясное описание сражения. Помпеянцы заняли возвышенность и мужественно сражались, сдерживая удары противников. В какой-то момент показалось, что одержать победу так и не удастся (*prope nostri diffident victoriae*). Успех стал обозначаться на правом фланге, на участке 10 легиона. Помпеянцы стали переводить сюда один из своих легионов в качестве подкрепления. Тогда в бой пошла

кавалерия Цезаря с левого фланга. В ожесточенном сражении помпеянцы были обращены в бегство (B. Hisp., 31).

Другие авторы дают еще более драматичное описание. Дион Кассий пишет, что цезарианцы превосходили противника “численностью и опытом” (τω ...πλήτει ἔμπειρία), помпеянцев было меньше, но “они не рассчитывали на пощаду и не собирались давать ее сами” (Dio, 43, 36–37). Долгое время ни одна сторона не могла одержать победу. Успех принес маневр мавретанской кавалерии Богуда, атаковавшей помпеянский лагерь и сумевшей его обойти. Лабиен послал часть когорт к лагерю, что было принято за бегство обеими сторонами. С этого и началась победа Цезаря (Dio, 43, 37–38).

Согласно Аппиану, сражение произошло неподалеку от Кордубы. Легионы Цезаря дрогнули, и только сам командующий смог вновь повести их в бой. В него было брошено около 200 копий. Увлеченные личным примером Цезаря, войска пошли в атаку. Аппиан подчеркивает, что Цезарь повел армию в бой в начале сражения (первая атака, видимо, захлебнулась) (App. B.C., II, 104). Примерно также описывает сражение и Плутарх, согласно которому Цезарь бросается в бой уже в разгар сражения (Plut. Caes., 56). Оба автора приводят признание Цезаря, что это было самое трудное из его сражений, и в этой битве он впервые сражался не за победу, а за жизнь.

Видимо, более всего остроту ситуации передает Флор. Битва была необычайно жестокой. В какой-то момент армии просто остановились, не будучи способны добиться успеха. Наступила пауза, армия Цезаря была готова начать отступление. Тогда сам полководец ворвался в первые ряды. Флор красочно описывает его полубезумное состояние. Диктатор был на грани гибели или самоубийства, но в это время пять когорт были

посланы (видимо, Лабиеном) на защиту лагеря. Воспользовавшись этим, Цезарь убедил своих, что враг дрогнул, после чего помпеянцы обратились в бегство (Flor, IV, 2, 77-84). О трудности битвы и личном вмешательстве Цезаря сообщают Ливии и Веллий Паткеркул (Liv. Epit., 115; Veil., 11, 55).

Данные можно объединить, тем более, что сообщения не столь уж противоречат друг другу. По всей вероятности именно Цезарь, рассчитывая на качественное (а, возможно, и на численное) превосходство армии, избрал атакующий вариант. Атака захлебывалась, и тогда командующий предпринял (это он сделал явно до своего вмешательства в сражение) несколько тактических ходов. Вероятно, это была концентрации кавалерии на левом фланге и обходный маневр Богуда. Возможно, что помпеянцы начали теснить противника, и тогда Цезарь лично бросился в бой. Момент был весьма драматичен, и описание Флора может быть не столь уж далеко от истины. Возможно, Цезарь бросился в атаку во главе 10 легиона, где и обозначился первый успех. В это время появилась кавалерия Богуда, что вынудило Лабиена усиливать опасные участки и было столь удачно использовано Цезарем. Вероятно, после перелома диктатор смог снова командовать армией и контролировать ход сражения, а кавалерия левого фланга была брошена на уже ослабевавшего противника. Теперь начались общая атака армии Цезаря и общее бегство помпеянцев. Конечно, в традиции в качестве центрального эпизода остался мужественный поступок Цезаря, лично поведшего в бой дрогнувшую армию.

Битва при Мунде закончилась полным разгромом армии Помпея. В сражении погибло 30 000 помпеянцев. На поле боя остались Лабиен и Атий Вар. В руки победителя попало 13 легионных орлов. Цезарианцы потеряли 1 000 убитых и 500 раненых (больше чем при

Диррахии, Фарсале или Тапсе) (B. Hisp., 31; Plut. Caes., 56).

Остатки помпеянской армии бежали в Мунду. Цезарь подвел войска к городу, солдаты соорудили перед стенами Мунды огромный вал из трупов и захваченного оружия (B. Hisp., 32). Оставив у города Гая Фабия, Цезарь с главными силами двинулся к Кордубе. После ожесточенного сражения у моста, который обороняли помпеянцы, цезарианская армия перешла Бетис (Ibid., 33). Скапула соорудил огромный костер в центре города и в присутствии множества клиентов велел рабу убить его и поджечь дрова (Ibid.; App. B.C., II, 107). В Кордубе стояли помпеянские отряды, набранные из рабов. Жители города, наоборот, обратились за помощью к Цезарю. Цезарианцы вошли в город, отряды Скапулы подожгли его и устроили резню, но в ожесточенном бою были разбиты, погибли 22 000 помпеянцев (B. Hisp., 34).

Взяв Кордубу, диктатор подошел к Гиспалису. Горожане сдались на милость победителя, и в город вошел гарнизон Каниния Ребила. Вооружив отряды лузитан, помпеянцы снова ворвались в город. Опасаясь грабежей и поджогов, Цезарь подошел к Гиспалису и сознательно позволил лузитанам выйти из города, после чего они были перебиты конницей (B. Hisp., 36). Цезарю сдалась Аста (Ibid.). Тем временем, Фабий взял Мунду (горожане сделали неудачную попытку вылазки во время перемирия) (Ibid., 36; 41; Dio, 41, 39), а затем выступил к Урсаону (Ibid., 41). Подробностей осады Урсаона мы не знаем. "Испанская война" прерывается на этом месте.

После Мунды Гней Помпей с 50 всадниками бежал в Картею. Встретивший его префект лагеря Куцилий сообщил о настроениях в городе, после чего Помпея доставили в Картею в крытых носилках (B. Hisp., 32; App. B.C., II, 105). Жители города дали знать Цезарю (B. Hisp., 36). Впрочем, положение было более сложным, чем

могло показаться, в городе начались стычки между борющимися партиями, и Помпей принял решение бежать морем (Ibid., 38). Согласно Аппиану, он был ранен в тот момент, когда всходил на корабль и зацепился ногой за канат, а один из спутников, желая его отрубить, ранил Помпея в ногу (App., B.C., II, 105). Согласно Аппиану, на этом месте все и кончилось. Помпей отплыл в безопасное место, где и лечил рану, а затем, разыскиваемый цезарианцами и убегая от них был застигнут погоней и убит в бою (Ibid.).

Автор “Испанской войны” добавляет некоторые подробности. Флотом Цезаря командовал А. Дидий, видимо, родственник (возможно, внук) консула 98 г. Тита Дидия. Дидий действовал очень успешно. Уже в начале войны он разгромил эскадру Атия Вара (Dio, 38, 31), а теперь, узнав о пребывании Помпея в Карте, распустил слухи о своем отплытии в Гадес и внезапно атаковал эскадру Помпея, нанеся ей сокрушительное поражение (B. Hisp., 38). Далее рассказ совпадает с изложением Аппиана: Помпей бежал, скрывался, но был застигнут воинами Дидия (Ibid., 38-39). Это произошло в самом конце марта. 11-12 апреля, когда Цезарь был в Гиспалисе, ему доставили голову Гнея (Ibid., 39). Через некоторое время Дидий был атакован лузитанами. Мужественно сражаясь, молодой военачальник погиб (Ibid., 40).

В начале апреля Цезарь прибыл в Гадес. “Испанская война” обрывается буквально на полуслове, и мы в точности не знаем, что происходило дальше. Примечательно, что диктатор пробыл в Испании достаточно долго, будучи занят устройством провинции. Вероятно, он считал положение настолько серьезным, что отложил свои масштабные преобразования в Риме.

Видимо, именно сейчас началось массовое предоставление римского гражданства жителям Бетики. Как полагают исследователи, статус латинских

муниципиев получили 27 испанских городов^[66]. Муниципием стал, например, город Секси, в 44 г. выводится колония в Урасон (Юлия Генетива) (CIL., II, 5439, 104). Ряд колоний, созданных в 43 г., Виктрикс Юлия Лепида, Норба Цезарина и др. были, видимо, задуманы Цезарем. При Августе на составляющую всего 1/6 территории Испании Бетику приходилось 175 из 400 испанских городов (число последних при Империи резко выросло) и 1/3 всех найденных латинских надписей. Усмирение Испании продлилось до конца лета, а 13 сентября Цезарь уже был в своем лавиканском поместье.

Война в Испании была отмечена особой жестокостью и особым упорством, особенно со стороны помпеянцев. Тем не менее, эти качества проявили и цезарианцы. Основной опорой помпеянцев были, видимо, туземные племена, туземные отряды, деклассированные элементы и рабы, которым обещали свободу. В последних битвах “республику” помпеянских олигархов защищала нумидийская конница Юбы, нероманизированные туземцы Испании и всевозможные маргиналы. Позже эту роль “защитников” играли парфянская кавалерия и пираты Секста Помпея. Население провинции и города в целом поддержали Цезаря.

Это была последняя война в римской Испании. Позже, 27–19 гг. до н.э. Август вел войну в Кантабрии и Астурии, однако она затронула только северную границу. Больших войн уже не было. Впрочем, восстание не было вырвано с корнем. Младший сын Помпея Секст оставался единственным лидером помпеянской партии. Секст Помпей родился в 75 г., к началу гражданской войны ему было 26 лет. В 48 г. он находился с Корнелией в Митилене (Plut. Pomp., 66), а затем сопровождал отца в его бегстве в Египет (Dio, 32, 39). После гибели Помпея Магна, Корнелия отправилась в Рим, а Секст бежал в Африку. После Тапса он сражался в Испании.

После Мунды Секст Помпей с небольшим отрядом бежал к лацетанам и продолжал военные действия. Наместник Дальней Испании Гай Каррина потерпел поражение, после чего Цезарь поручил ведение войны Азинию Поллиону, впрочем, тоже действовавшему без особого успеха (App. B.C., IV, 83–84; Dio, 45, 10).

Можно отметить еще один интересный эпизод. Светоний упоминает о романе Цезаря с царицей Эвной, женой правителя Мавретании Богуда (Suet. Iul., 50). Встретиться с Эвной диктатор мог только во время африканской или испанской (последнее даже более вероятно) кампании и, таким образом, это было изменой не только Кальпурнии, но и Клеопатре, которая находилась в Риме. История могла быть связана с распадом Мавретании на два царства, Тинги (Танжер) под властью Богуда и Иол (позже Кесария) под властью Бокха. Оба царя оказали помощь Цезарю, Бокх помогал Ситтию в 46 г., Богуд помог Цезарю в Испании. Диктатор расширил области обоих, сохранив известное равновесие. Бокх и Богуд продолжали борьбу и в период Антония и Октавиана. В 43 г. Октавиан отдал область Богуда своему союзнику Бокху (Богуд ориентировался на Антония), а в 30 г. до н.э. посадил на трон всей Мавретании своего верного вассала Юбу II. История с Эвной, скорее всего связанная с этим мавретанским урегулированием, показывает, что диктатор не собирался ни разводиться с Кальпурнией (якобы готовившийся указ о возможности брать “сколько угодно” жен для рождения наследников — Suet. Iul., 52, 3) ни более тесно связывать свою судьбу с египетской царицей. Возможно, единственная женщина, чьей (теперь уже памяти) Цезарь был когда-либо верен, была его первая жена, Корнелия.

5. Наследники

После Мунды Цезарь предпринимает ряд важнейших шагов в области создания новой системы власти. Если первый период отмечен принципиальными экономическими преобразованиями и политикой милосердия, то теперь диктатор начал строить политическую систему, которая должна была пережить его самого.

Административные реформы проходили на протяжении всего времени после начала гражданской войны, но основной их блок, несомненно, пришелся на последний период. Гражданская война требовала временных экстренных мер, и теперь были нужны более или менее стабильные, постоянные, ориентированные на будущее решения.

Свои политические реформы Цезарь начал с незаметного, но знакового хода. 13 сентября 46 г. в своем лавиканском имении он написал завещание (Suet, Jul., 83). Последняя воля диктатора была обнародована значительно позже, но политическая элита, несомненно, знала о его существовании и содержании. Завещание носило характер завещания частного лица. Формально Цезарь мог только распорядиться своим личным состоянием, однако все исследователи единодушны в том, что это был первый шаг к обозначению политического преемника, которого затем предстояло готовить к власти. Более того, особенность положения Цезаря заключалась в том, что, даже если бы он хотел оставить за завещанием характер чисто личного документа, общественность все равно восприняла бы его как политическое завещание. Именно из этого диктатор и исходил.

По завещанию, главным наследником имущества становился внучатый племянник Цезаря Гай Октавий, получивший $\frac{3}{4}$ наследства и усыновленный диктатором, остальное получали два остальных внучатых племянника, Л. Пинарий и Кв. Педий. Наследниками второй степени (на случай отказа первых или неспособности вступить во владение) назначались Марк Антоний и Децим Брут (Suet. Iul., 83; Dio, 44, 34; Flor, IV, 4; App. B.C., II, 143; Veil., II, 90; Liv. Epit., 116). По римскому обычаю некоторые суммы получали друзья и высокопоставленные лица. Впрочем, все эти суммы были не столь велики, если учесть, что наследники должны были раздать по 300 сестерциев каждому жителю Рима. Народ получал и роскошные сады Цезаря за Тибром, превращенные в государственный парк (Suet. Iul., 83; Dio, 44, 35; App. B.C., II, 4, 3; Plut. Brut., 20; Ant., 14). Таким образом, завещание Цезаря лишь по форме было завещанием богатого римского аристократа, по сути, это было завещание лидера партии и главы государства, передающего свой статус таким, достаточно своеобразным, но принятым в обществе путем.

Почему диктатор написал завещание именно в этот момент? Отчасти это было связано с возрастом (Цезарю было 55 или 57 лет) и, вероятно, с ухудшающимся здоровьем и нервным напряжением. Кроме того, Цезарь только что едва не погиб в сражении при Мунде и, возможно, уже начал планировать восточный поход, предполагавший длительное отсутствие из Рима. Так или иначе, Цезарь хотел обеспечить преемственность на случай своей внезапной смерти.

Главный наследник Цезарь, Гай Октавий, будущий император Август, был сыном Гая Октавия и Атии, племянницы диктатора. Атия была дочерью Юлии, родной сестры Цезаря, вышедшей замуж за претора 59 г. М. Атия Бальба (Suet. Aug., 41; Veil., II, 59; Suet., Iul., 27; 83; App. B.C., II, 149).

Гай Октавий-старший не имел никакого отношения к аристократическому роду Октавиев и был выходцем из муниципальной верхушки города Велитр (Veil., II, 59; Suet. Aug., 2-3). Позже, уже при Августе, возникла легенда, что Октавий принадлежали к так называемым “младшим родам” (*gentes minores*) и были включены в сенат Сервием Туллием (Suet. Aug., 2), продолжая занимать видное место в римской политической элите и в эпоху Поздней Республики. На самом деле, дед императора был военным трибуном во 2 Пунической войне, отец занимал магистратуры в родных Велитрах. Октавий из Велитр были достаточно богаты, что помогало их представителю сделать карьеру в Риме и даже породниться с Юлиями (Suet. Aug., 2-3).

Октавий-отец был представителем первой волны цезарианских политиков. В 61 г. он стал претором, после чего был направлен в Македонию в качестве пропретора. По пути в провинцию он разгромил отряды разбойников, действовавших в районе Фурий еще со времен Спартака и Каталины (Ibid., 3), в Македонии Октавий успешно действовал против бессов и фракийцев (Ibid.) и, вернувшись, пытался баллотироваться в консулы, возможно, вместе с самим Цезарем, который мог рассчитывать на него, как на политического союзника, но умер (вероятно, в 60-59 гг.) (Suet. Aug., 4). У Октавия осталось трое детей: Гай Октавий и две дочери, Октавия-старшая от первой жены, Анхарии, и Октавия-младшая от Атии. Октавия-младшая позже стала женой Марка Антония.

Гай Октавий-младший, будущий наследник Цезаря, Гай Юлий Цезарь Октавиан, а затем — император Август, родился 23 сентября 63 г. в Риме (Suet. Aug., 5). Позже Август гордился, что родился в год подавления заговора Катилины. В детстве его прозвали Фурийцем, возможно, в честь отцовской победы (Suet. Aug., 7, 1). Детство прошло в Велитрах (Suet. Aug., 6). В 4 года он

лишился отца, мать вторично вышла замуж за Л. Марция Филиппа, консула 56 г., в доме которого и воспитывался ребенок (Nic. Dam. Vita Caes., 3; Veil., II, 59, 3). В детстве он едва ли общался с дядей, Цезарь находился в Галлии, но, вернувшись, почти сразу обратил внимание на юношу.

В силу возраста, Октавию можно было поручать лишь третьестепенные задания, но действия Цезаря показывают его стремление форсировать события. Диктатор едва ли смог не увидеть задатки талантливого политика в своем юном племяннике. Уже при жизни он стремился превратить его в политического лидера. В 51 г. состоялось первое публичное выступление Октавия, он (в 12 лет!) произнес хвалебную речь (laudatio) на похоронах своей бабки Юлии, сестры Цезаря. В 48 г., после Фарсала, Октавий был назначен понтификом на место погибшего Домиция Агенобарба (Veil., II, 59, 3; Nic. Dam. Vita Caes., 4). Главой коллегии был Цезарь. В начале 47 г. консулы сделали Октавия praefectus urbi feriarum Latinarum causa (Nic. Dam. Vita Caes., 5) после чего Цезарь хотел взять его в Африку. В войне Октавий не участвовал, ему было только 16 лет, кроме того, будущий император отличался слабым здоровьем, но в триумфе Цезаря он участие принял (Suet. Aug., 8; Nic. Dam., 5, 8). Он должен был отправиться с Цезарем в Испанию, но заболел и смог выехать позднее. С Цезарем он пробыл все время апреля-сентября 45 г., находился в свите диктатора, посетил Тарракон и Новый Карфаген (Veil., II, 58, 3; Nic. Dam. Vita Caes., 10-12; Suet. Aug., 81). Дядя и племянник впервые общались в течение долгого времени (такого у них, вероятно, не было никогда в жизни) и, видимо, не случайно, что завещание появилось именно в этот момент. Чуть позже Цезарь провел через сенат постановление о переводе племянника в патриции, и, возможно, именно тогда начинает создаваться новая родословная Октавиев (Nic. Dam. Vita

Caes., 15; Suet. Aug., 2). Аппиан и Плиний сообщают, что Октавий стал начальником конницы (*magister equitum*), что делало его вторым человеком в государстве и официальным заместителем диктатора, готовым, в случае необходимости, занять его место. Похоже, что это было нереализованным намерением, и пост остался за Лепидом. Не лишено оснований и предположение К. Фитцлера и О. Зеека, что Октавий должен быть стать начальником конницы во время восточного похода^{249}. Так или иначе, в декабре 45 г. Октавий вместе с друзьями, М. Випсанием Агриппой и Кв. Сальвидиеном Руфом, выехал в Аполлонию, ставшую местом сбора войск, отправлявшихся в поход на восток (Suet. Aug., 8; 19; 94; Veil., II, 59, 4; App. B.C., III, 9; Dio, 45, 3; Plut. Brut., 22; Cic, 43; Ant., 16; Nic. Dam., 16).

Тот факт, что Цезарь видел своего преемника именно в Октавий, не подлежит никакому сомнению, более того, он стремился обеспечить это положение и в личном, и в политическом плане. Для монархического государства, каковым позже стала Римская империя, назначения наследником по завещанию было бы вполне достаточно (у Калигулы и Нерона было куда меньше оснований для занятия престола по наследству, чем у Августа), однако Рим еще не был монархией, а потому воля Цезаря еще не была единственным необходимым условием. Такую форму передачи власти не признали бы не только республиканцы, но и умеренные сторонники диктатора, а для некоторых, например, Антония и Лепида, которые сами рассчитывали на подобное положение, был неприемлем выбор конкретного наследника. Даже сам Цезарь еще не обнародовал свою последнюю волю, вероятно, дожидаясь каких-либо заслуг Октавия. Последний также выдерживал политический имидж республиканца. В “Деяниях божественного Августа”, итоговом документе, в котором старый, умудренный опытом император, несомненно,

продумал каждое слово, он подчеркивает свои личные заслуги в приходе к власти, создавая имидж человека, пришедшего к власти благодаря собственной воле, энергии и качествам военачальника и политика. Говоря об отце, он лишь подчеркивает выполнение своего сыновнего долга и наказание его убийц. Дело было не в “неблагодарности”, просто время монархии еще не наступило, и наследственный принцип вуалировался республиканскими формами наделения властными полномочиями. Вместе с тем, эти тенденции были характерны не только для Цезаря и цезарианцев. Командование в Африке получил Сципион, и решающую роль, вероятно, сыграло его качество тестя Помпея. В 45 г. командующим в Испании стал Гней Помпей-младший, оттеснив на второй план даже Лабиена.

Есть все основания считать, что Август был не только личным, но и политическим преемником Цезаря, а диктатор видел будущее Рима как вариант системы принципата, контуры которого (это нам еще предстоит рассмотреть) мало отличались от системы Августа. Последний действительно стал человеком, сумевшим осуществить “дело Цезаря”, и есть все основания полагать, что сам Цезарь шел в сторону создания именно такой формы власти. Расхождения между Цезарем и Августом, отчасти вызванные просто иной временной ситуацией, были не столь значительны в сравнении с единством их политического курса.

Октавий имел особое положение среди остальных наследников. Внукам другой сестры, Л. Пинарию Скарпу и Кв. Педию, предназначалась более скромная роль. Вероятно, они рассматривались как родственники, причем, в чисто личностном плане. Пинарий был легатом в армии триумвиров в 42 г., а в 31 г. командовал легионом Антония в Египте.

Квинт Педий был гораздо более значительной фигурой: в 57-54 гг. он был легатом Цезаря в Галлии, в

48 г., будучи претором, Педий подавил восстание Целия и Милона (Caes. B.C., III, 22). В 47–45 гг. внучатый племянник Цезаря был легатом Ближней Испании в ранге проконсула (Dio, 43, 31), в 45 г. участвовал в испанском походе (B. Hisp., 2). Возможно, Педий мог бы стать одним из лидеров цезарианской партии, в 43 г. он был коллегой Октавиана по консульству и провел закон о преследовании убийц Цезаря (Veil., 11, 69; Suet. Nero., 3; Galba, 3).

Усыновление Октавия делало бессмысленным и претензии Клеопатры и Птолемея Цезаря. По римским законам, приемный сын ничем не уступал родному. Кроме того, Октавий был гражданином Рима по обеим линиям. Впрочем, при жизни Цезаря, амбиции царицы и ее сына едва ли шли дальше египетского престола и особого статуса среди вассальных правителей.

Октавий мог быть наследником в дальней перспективе. Возможно, еще несколько лет и восточный поход сделали бы этот переход более плавным, но Цезарь вполне мог предполагать наличие одной или нескольких переходных фигур. По логике вещей такой фигурой мог быть начальник конницы М. Эмилий Лепид, который по закону должен был заменить диктатора в крайней ситуации. Лепид был *magister equitum* в 46 и 45 гг., он оставался им и в 44 г. тем более любопытно, что Цезарь не упомянул его в завещании (по крайней мере, на первых ролях), а в 44 г. Лепид должен был управлять Нарбонской Галлией и Ближней Испанией, что было очень важной должностью, но лишало его статуса “второго человека”. Место это готовилось для Октавиана, причем, в отличие от Лепида, он должен был стать “бессменным” *magister equitum*. Возможно, что Цезарь не видел в Лепиде подходящую замену даже на время и мнение о “заурядности” последнего, позже муссируемое и Октавием и Антонием, могло идти от самого диктатора.

Наоборот, похоже, что после Мунды Цезарь снова стал считать такой переходной фигурой Антония. После охлаждения их отношений в 46–45 гг., после испанского похода они изменились. Цезарь сделал Антония наследником второй категории, а в 44 г. он становился консулом вместе с самим Цезарем. Интересно и появление Децима Брута, причем, в отличие от Антония, который, кстати, был дальним родственником диктатора (мать Антония Юлия состояла с Цезарем в троюродном родстве), Децим Брут ни в каких родственных отношениях не состоял. Он участвовал в Галльских войнах практически с самого начала (56 г. или ранее). В 49 г. он осаждал Массалию, в 47–45 гг. был наместником Цизальпийской Галлии, не участвуя в последних кампаниях. Цезарь также планировал усиление этой фигуры, Брут должен был стать консулом 42 г. и наместником Цизальпийской Галлии (Veil., II, 58; Dio, 44, 1). Возможно, в Дециме Бруте Цезарь видел силу, способную уравновесить Антония. Это оказалось ошибкой, хотя как раз Децим Брут, казалось бы, не имел видимых оснований для участия в заговоре.

6. Император Цезарь (ноябрь 45 — февраль 44 гг.)

Следующим шагом стало создание того образа власти, которому и принадлежало будущее. После Испанской войны власть Цезаря начинает приобретать четкие контуры. Он стал *dictator perpetuus*, постоянным пожизненным диктатором (App. B.C., 11, 106; Liv. Epit., 116; Flor., IV, 2, 31; Plut. Caes., 67; Dio, 43, 45). Принятие постоянной диктатуры часто считают установлением монархии и переходом к единоличной власти, ликвидировавшим даже иллюзии возвращения к республике. Именно на этом основывались многие обвинения против Цезаря.^[250] ^[67]

Впрочем, другие исследователи склонны считать, что постоянная диктатура не означала установление монархии.^[251] ^[68] Диктатура всегда считалась чрезвычайной властью и не исключала возможности ее снятия. Планы диктатора были масштабны и многообразны. Предстояла грандиозная военная кампания и не менее значительные реформы. Вероятно, Цезарь не желал связывать себя каким-либо определенным сроком и тем более показательно, что он упорно держался именно за чрезвычайную должность, вероятно, находясь на распутье, идти ли ему в сторону монархии или (что гораздо более вероятно) — в сторону иной, более сложной политической системы дуализма, которую впоследствии создал Август. Цезарь явно рассматривал диктатуру как военную должность (*rei gerendae causa*). Кем бы он ни был *de iure*, *de facto* диктатор становился командующим большей частью (или всей армии) и ближайшие годы не мог управлять огромной державой чисто физически, поскольку находился за ее пределами. По сути дела, его

диктаторский империй мало отличался от проконсульского империя Августа. Цезарь, явно более четко, определенно и конкретно брал на себя ответственность за оборону страны или за ее экспансию. По сути дела это была не столько диктатура для “наведения порядка”, т.е. внутренней функции, сколько диктатура военного характера^[69], С другой стороны, гражданские реформы были не менее важны, и для их проведения Цезарь (что очень показательно) берет на себя другие функции: консульство, *cura togum* и трибунскую власть.

В 45 г. Цезарь снял с себя консульство. По возвращении из Испании консулами стали воевавшие там Требоний и Фабий (Suet. Caes., 80; Plut. Caes., 58). Когда Фабий умер в конце консульства, консулом стал Г. Каниний Ребил, другой легат Цезаря, участник Галльской кампании с 58 по 50 гг., прошедший все кампании гражданской войны с 49 по 45 год (Италия, Греция, Африка, Испания). Каниний был консулом с 25 декабря 45 г. (т.е. 6 дней, а не один, как утверждает враждебная Цезарю традиция) (Suet. Iul., 76).

В 44 г. Цезарь стал консулом в 5 раз вместе с Марком Антонием. Аппиан и Дион Кассий пишут об особых полномочиях Цезаря в плане консульской власти. Согласно Аппиану, Цезарь получил консульство на 10 лет (App. B.C., II, 107), то же самое утверждает Дион Кассий (Dio, 43, 45). Светоний пишет о *continuum consulatum*, причем, первое слово можно понимать и как “постоянное” в том же смысле, что и диктатура, и как просто непрерывное занятие должности. Вероятно, именно в последнем смысле и следует понимать эту фразу. Цезарь был консулом 48, 46, 45 и 44 гг. Светоний замечает, что 3 и 4 консульство он занимал “скорее по имени” (*titulo tenus*) и передавал власть через 9 месяцев (Suet. Iul., 76). Цезарь имел цензорские полномочия, видимо, отменив цензуру, он монополизировал эти

функции, составляя списки сената, давая гражданство и осуществляя “надзор за нравами” (*cura praefectura morum*- Suet. Iul., 76, 1).

Наконец, диктатор имел возможность войти еще в одну важнейшую коллегию магистратов: трибунскую. Цезарь был патрицием, а потому не мог стать трибуном, к тому же его особый статус требовал и особых форм. Согласно Диону Кассию, он получил пожизненную трибунскую власть (*tribunicia potestate* -Dio, 44, 4). Трибунская власть давала возможность внесения законодательных и других предложений, внесения вето и, что, видимо, было главным, показывало особую связь между Цезарем и народом. Именно эту власть Август сделал основой гражданских полномочий принцепса. Став “пожизненным трибуном”, Цезарь становился главой коллегии трибунов с особыми привилегиями.

Цезарь также был верховным понтификом. Последний и ранее превращался в главу жреческой организации, а, будучи объединено с огромной гражданской властью, это положение значительно усиливалось. В период с 63 г. Цезарь не мог всерьез заниматься сакральными делами, вначале не имея для этого должных возможностей, а затем будучи занят Галльской и гражданской войнами. Впрочем, Цезарь создал необходимую для религиозной реставрации военно-политическую основу, равно как и основу экономическую, а появление первых новых храмов и строительная программа стали началом для гигантской реставрационной программы Августа.

Новый правитель получил и некоторые особые функции. Так, магистраты были обязаны приносить присягу не противодействовать ничему из того, что постановил Цезарь, т.е. то, из чего выросла *sacramentum in acta* (App. B.C., II, 106).

Власть Цезаря была огромна, но во всей этой власти виден оттенок чрезвычайности, особой, а потому и

временной ситуации. По большому счету, концентрация больше касалась военной власти, в сфере гражданской ситуация была более сложной. Не собственная власть, а нормализация жизни государства была приоритетом деятельности Цезаря.

Достаточно часто объектом внимания становятся почетные права. Наиболее полно их перечисляет Светоний: императорский преномен (*praenomen imperatoris*), титул отца отечества (*cognomen patris patriae*), ряд почетных прав и элементы культа (Suet. Iul., 76, 1). Некоторые из них нуждаются в особом рассмотрении, другие достаточно просто перечислить, третьи можно поставить под сомнение.

Одним из важнейших элементов титулатуры был *praenomen Imperatoris* (Suet. Iul., 76, 1; App. B.C., II, 110; Dio, 43, 44). Дион Кассий допускает явный анахронизм, как это делает и Аппиан. Первый утверждает о существовании преномена для потомков Цезаря, что отражает реалии уже императорского времени, второй ставит рядом власть “диктатора” и “императора”, что неправомерно, поскольку в эпоху республики титул императора не давал никаких властных полномочий.

Титул “император” подробно разобран многими исследователями^{252}. Е. Розенберг отмечает, что первое известное нам упоминание появляется в “Анналах” Энния и, следовательно, восходит к раннему периоду римской истории^{253}. В 1 веке до н.э. а, возможно, и ранее, титул имел два смысла: а) общее обозначение командующего армией, т.е. носителя империя, и б) титул, который солдаты давали победоносному полководцу. Интересно, что хотя предоставление было достаточно произвольным и зависело от отношения военачальника и солдат, для “общественного признания” титула требовалась определенная “норма” убитых врагов (10 000-по Аппиану, 5-6 000 — по Диодору и 1-2 000- по Цицерону)^{254}.

До 2-1 вв. до н.э. предоставление звания, как правило, имело второй смысл. И в том, и в другом случае титул не имел правового значения и сохранял чисто почетный характер. Цезарь получил его уже после победы над гелльветами в 58 г. и, похоже, носил его постоянно. Известен только один случай “дополнительного” предоставления — солдаты провозгласили его императором в 45 г. после взятия Атегуи. Титул носили противники Цезаря. Помпей был провозглашен императором после Диррахия (Caes. B.C., III, 71, 1), императором именовали Сципиона (B. Afr., 4; 45). С другой стороны, в 49 г. солдаты объявили императором Куриона, причем, ни у солдат, ни у самого Куриона не было и мысли о нелояльности Цезарю или выходе из его подчинения. Цицерон стал императором в 51-50 гг. после успехов в Киликии. Примечательно, что этот титул постоянно фигурирует в письмах времен гражданской войны (письма Помпея от 10 и 20 февраля и ответные письма Цицерона от 16 и 27 февраля — Cic. Att., VIII, 1 Ia; 1 Ib; 1Ic; 1 Id). Так обращается к нему Бальб (Ibid., VIII, 15). Цицерон именуется императором в письме к Цезарю (Cic. Att., IX, Ha). Наконец, сам Цезарь (например, письма от 49 г.) обращается к нему именно так, с подчеркнутым уважением и, возможно, едва уловимой иронией (Cic. Att., IX, 16; X, 8b, 1-2). Более того, это обращение сохраняет даже Антоний (Cic. Att., X, 8a; 1-2). Наконец, обращаясь к своему близкому другу Целию Руфу, Цицерон, которому всегда нравилась пышная титулатура, не преминул упомянуть о своем “императорском” качестве (Cic. Fam., II, 16).

Вместе с тем, начинает проявляться и тенденция к исчезновению плюрализма. В речи, обращенной к воинам, Курион заявил, что хотел именоваться лишь воином Цезаря, тогда как “вы дали мне имя императора”. С другой стороны, титул не признается за противником. В “Африканской войне” рассказывается,

что солдаты Цезаря не признавали права Сципиона (кстати, не одержавшего ни одной победы) именоваться *imperator*, а сторонники Сципиона отвечали им тем же (B. Afr., 4; 45). “Сейчас у римского народа есть один император, Сципион”, заявляет помпеянец Консидий Лонг (B. Afr., 27).

Преномен императора (*praenomen Imperatoris*) давал титулу особое качество, последний включался в имя, становясь его постоянным компонентом. Впрочем, вокруг преномена Цезаря существует и источниковедческая проблема. Сообщения о *praenomen Imperatoris* встречается у Светония (Suet. Jul., 76) и Диона Кассия (Dio, 43, 44), авторов 2 и 3 вв. н.э., причем, и тот и другой склонны вносить в изложение реалии своего времени. Дион Кассий сообщает, что решение о преномене было принято в отношении диктатора и его потомков (Dio, 43, 44), однако это заявление отражает практику его собственного времени, а не закон эпохи Цезаря.

Напротив, в документах времен Цезаря преномена нет, и он именуется императором только в традиционном смысле (Dess., 70). Противоречие решается различными способами. Одни ученые полагают, что Цезарь не вышел за пределы традиционного республиканского смысла^{255}, другие — что преномен действительно появился (Т. Моммзен, Н.А. Машкин, С.Л. Утченко)^{256}.^[70] Есть и компромиссные решения. Так, А. фон Премерштейн полагает, что решение было принято, но его отклонил сам Цезарь^{257}. Имеется мнение, что Цезарь принял преномен, но старался его не использовать (Л. Виккерт)^{258}.

Окончательный ответ дать довольно трудно. Тенденция развития от “многих” императоров к одному, несомненно, есть. Цезарь становился главным носителем высшего империя, самым заслуженным и непобедимым полководцем и, наконец, он опирался на

уникальный, спонтанно создавшийся собственный культ в армии, ставший результатом его особых отношений с солдатами и офицерами и поддерживаемый и сверху и снизу.

Примеры невероятной любви армии к Цезарю действительно многочисленны. Как бы итоговую характеристику дает Светоний Транквилл, но практически все его примеры подтверждены свидетельствами самого Цезаря. В начале гражданской войны легионеры заявили, что готовы служить ему без жалования и предложили свои сбережения, а более зажиточные солдаты поддерживали более бедных, чтобы обеспечить их участие в кампании (Suet. Iul., 68). После Диррахия легионеры требовали наказать их за поражение (Caes. B.C., III, 74), при Тапсе они фактически без приказа бросились в атаку и выиграли битву. Светоний приводит немало примеров невероятного мужества воинов (Suet. Iul., 68). Попавшие в плен солдаты и центурионы ценой жизни отказывались служить противнику (Ibid.).

Возвращаясь к смыслу титула, следует констатировать сложное положение в историографии. Одни ученые (Д. Мак Фэйден, Р. Сайм, Ю. Дайнингер и др.) считают, что он сохранил свое республиканское качество^{259}. По мнению Н.А. Машкина, хотя имя-титул указывало на верховную власть, оно скорее подчеркивало особенности компетенции^{260}. Другие ученые, как, например, С.Л. Утченко^{261}, считают, что новое качество все же появилось и, хотя “император” еще не становится титулом монарха, но новое значение все же присутствует, причем, теперь уже на постоянной основе^{262}.

Титул действительно сохраняет два смысловых значения: полководец, командующий армией и полководец, одержавший победу. Эта двойственность весьма причудливым образом сохраняется и в

титулатуре императоров 1-2 вв. н.э., когда в документах указывались как преномен (который император мог и не брать), так и число одержанных побед, т.е. императорских аккламаций (критерий победы сохранял произвольный характер). Тем не менее, во времена Цезаря *imperator* еще не стал монархическим титулом и, отражая особенности римской концепции власти, термин подчеркивал как республиканскую преемственность, так и известные тенденции перехода в новое качество. Титул все больше применялся по отношению к правителю государства, однако “частные императоры” исчезли только во времена Тиберия. Присутствовала и еще одна концепция — это было нечто близкое к современному пониманию, когда императорская власть обозначала не только власть монарха, но и власть, стоящую выше других правителей иностранных государств и отражающую концепцию огромной сверхдержавы, превосходящей любое другое государство.

Другим титулом Цезаря стал титул “отца отечества” (*pater patriae*) (App. B.C., II, 106; Flor, IV, 2, 91; Suet. Iul., 16, 1). Это был республиканский титул, вероятно, неформального характера, который давался за особые заслуги перед государством. Похоже, что его имели два республиканских политика, Марк Фурий Камилл, считавшийся спасителем Рима от галльского нашествия в 390 г. и победителем в многочисленных войнах, которые Рим вел в 80-70-е гг. IV века, и Цицерон, получивший его после разгрома заговора Катилины. Скорее всего, Цезарь имел в качестве непосредственного образца пример Цицерона, хотя прообразом мог быть и Фурий Камилл, первый победитель галлов, пятикратный диктатор (396, 390, 389, 368, 367 гг.) и многократный интеррекс и военный трибун с консулярной властью. Еще одним вероятным носителем титула мог быть Квинт Фабий Максим

Веррукоз, знаменитый Фабий Кунктатор, консул 233, 218, 215, 214, 209 гг. и диктатор 221 и 217 гг., человек, которому, быть может, в наибольшей степени, Рим был обязан победой во 2 Пунической войне.

Не совсем ясна правовая сторона предоставления титула. Август получил его во 2 г. н.э. “решением сената, народа и всаднического сословия” (R.g., 35). Цезарь также получил титул официально, возможно, тем же самым способом. Титул не имел правовой функции и не давал каких-либо новых полномочий. Август считал его апофеозом своей политической деятельности, Цезарь, вероятно, тоже.

Подробные перечисления других почестей, оказанных Цезарю, имеется у Флора, Светония, Аппиана и Диона Кассия. Дион Кассий сообщает, что Цезарь получил право появляться на всех праздниках в триумфальной одежде и с венком на голове (Dio, 43, 43), хотя, судя по контексту, речь шла только о празднествах по поводу испанской победы 45 г. Он также получил прозвище “Освободитель” (Dio, 43, 45), а статуя диктатора была поставлена возле статуй царей (Ibid.). Похоже, что эти сведения Диона Кассия вполне достоверны, но почести относятся конкретно к испанскому триумфу.

Ряд почестей перечисляет Светоний, причем, в его изложении они приобретают характер постоянных. “Статуя среди царей, колесница перед трибуналом, носилки на цирковых зрелищах” (Suet. Iul., 76). Все это представлено как символы чрезмерных почестей, однако предоставление колесницы и носилок, видимо, было достаточно естественным для пожилого диктатора.

Аппиан сообщает о большем: воинские игры в его честь в трибах и провинциях, венок из дубовых листьев, сидения из слоновой кости и золота, облачение триумфатора на всех (сравн. Dio, 43, 43) жертвоприношениях. Он также сообщает об учреждении

ежегодных празднеств побед Цезаря, молебствий за его здоровье раз в 5 лет и клятву на верность деяниям диктатора (App. B.C. II, 106). Флор пишет о диадеме в виде лучей на кресле, кресле в курии и *fastigium* (Flor, IV, 2, 9, 91).

Взятые в комплексе эти почести производят сильное впечатление, на что и было рассчитано. Относительно сообщения Флора можно сказать, что как магистрат Цезарь должен был сидеть на курульном кресле, а кресла магистратов делались из слоновой кости, иногда, будучи позолоченными. Диадема могла быть просто украшением. Сообщения Аппиана могут быть анахронизмом. *Sacramentum in acta* появилась 1 января 29 г. до н.э. при Августе, с 24 г. она стала регулярной (Dio, 51, 20; 53, 28). Сообщение Аппиана — единственное в своем роде, следов такой присяги не видно. Интересно упоминание посмертной присяги на “верность делам Цезаря” (*in acta Caesaris*) (Dio, 47, 18) 1 января 42 г. (Dio, 47, 18), что было нововведением триумвиров. Празднование юбилеев прихода к власти, 5, 10, 15 и 20-летия были обычаем императоров, но Цезарь не дожил ни до одного из своих юбилеев.

Почетные права и награды едва ли несли какую-либо смысловую нагрузку. Ни один римлянин не был равнодушен к знакам отличия, Цезарь не был исключением, что подчеркивает его чисто римскую ментальность. почетные титулы играли и негативную роль, вызывая раздражение непримиримой оппозиции и поток юмора со стороны городских остроловов. Судя по общему тону сообщений, поток шуток и анекдотов в адрес стареющего диктатора, его любовных увлечений и Клеопатры был неиссякаем. Одной из мишеней был золотой веночек, который, как утверждали, имел целью сокрыть лысину (Suet. Iul., 45). Это было вполне республиканское восприятие награды, и, быть может, эпизод с Луперкалиями (см. ниже) был попыткой свести

на “нет” волну насмешек, а, возможно, и более серьезные обвинения.

В числе почестей было и переименование месяца квинтилия, в котором родился Цезарь, в июль (App. B.C., II, 106; Suet. Iul., 76, 2). Это новшество Цезарь принял. Сказалось ли здесь честолюбие правителя или скорее — честолюбие ученого, желавшего увековечить свое открытие? Более вероятно второе. Понятие “юлианский год” и “юлианский календарь” постепенно входили в обиход.

Последняя проблема, связанная с властью Цезаря — это проблема культа. Немецкий исследователь Х. Геше, а за ним и С.Л. Утченко, признали сложный характер этого понятия и наличие двух форм культового почитания, обожествление и обоготворение. Первое означало присуждение божеских почестей без включения объекта в число государственных богов, второе — официально санкционированное государством включение его в этот состав. Обоготворение предполагает наличие культового имени, места культа и собственно функционировавший культ, существующий за счет государства^{263}.

Говоря о Цезаре, можно обнаружить различные проявления культового почитания. Сакральные элементы власти были в его магистратурах. Так, трибунская власть была сопряжена с *sacrosanctitas* (καί το σωμα ἱερός ἄσυλος εἶναι) (App. B.C., II, 106). Сакральные моменты были во власти диктатора, в его *proaefectura potum* и почетных правах. Были и особые сакральные аспекты. Светоний упоминает о посвящении Цезарю храмов, жертвенников, изваяний рядом с богами, месте угощения для богов и даже учреждении храма и Луперков (*templa, aras, simulacra iuxta deos, pulvinar, flaminem, lupercos, appellationem mensis*). Согласно Плутарху, ему был посвящен храм *Clementia* (Plut. Caes., 57). Согласно Диону Кассию, в честь Цезаря

делались надписи на храмах, ему же был посвящен и храм Юлия (Dio, 44, 5–6). Как полагает С.Л. Утченко, все элементы обоготворения были налицо, но окончательно процесс завершился только после его смерти.^{264}

Информация авторов не всегда точна. Храм Юлия появился позже, а *Clementia* была самостоятельным божеством, хотя и связанным с Цезарем. Надписи на храмах были вполне обыденным явлением и могли иметь просто строительный характер, а четких сведений о каких-либо жрецах или луперках до 42 г. нет. Наконец, посвящение храмов, жертвенников и алтарей делались в отношении многих римских наместников. В сообщениях о каком-то необычном культе Цезаря очень много вымысла, ретроспекции и, наоборот, традиционной информации.

Между тем, культ Цезаря создавался по нескольким линиям без особого участия его самого. Светоний пишет, что люди, в значительной степени искренне верили в его сверхъестественную природу, хотя эта вера особенно усилилась после смерти (*pop ore modo decernentium, sed et persuasione volgi* — Suet. Iul., 88). Культ Цезаря создается одновременно как культ героя и как культ правителя. Невероятная популярность его в массах сохранялась и на последнем этапе, и у истоков принципата стояло культовое почитание великого полководца, политика и человека, сумевшего вывести Рим из кризиса и создать новое общество.

Это был своего рода мессианский культ и наличие сотерологических мотивов едва ли случайно.

Второй аспект культа — это персонифицированный в Цезаре культ государства. Е.М. Штаерман справедливо отмечает, что культ императора это не просто культ определенного бога или силы природы, это культ силы, ответственной за социально-политическое бытие личности.^{265} Эта сила не была столь сверхъестественной, как боги, но во многом она была не

менее грозной и часто — более отдаленной. Император воспринимается не только (и не сколько) как личность, сколько как воплощение и символ государства. Культ правителя становился культом сверхдержавы и, видимо, в этом и был заключен особый смысл культа императора в Риме и связанные с ним обязательные и репрессивные моменты. Особенно сильно эта государственность была выражена в культе Августа, и именно при нем культ императора стал культом государства.

Итак, в культе Цезаря сочетались три момента: преклонение перед личностью, намного превосходящей других, мессианско-сотерологические чаяния и, наконец, культ государства и правителя как его персонификация. В первом смысле особое отношение вызывали его интеллектуальные и политические способности, это был похожий на греческие аналоги культ личности, явно превосходящей других своими возможностями и преимуществами в разных областях, от личной храбрости в бою до разносторонних научных интересов. Второй аспект носил мессианский характер: образ защитника народа, великого и непобедимого полководца, спасителя государства и борца с несправедливостью. Наконец, при Цезаре начинает зарождаться культ нового римского государства. Как и всякий культ на своей начальной стадии, он имел свою специфику, сохраняя черты личностно-героического начала и еще не приобретая характер института. Христос и христианство, Мухаммед и ислам, Будда и буддизм, вероятно, могут дать очень характерные параллели. При Августе культ героя постепенно превращается в культ правителя, системы и государства.

Остается вопрос о том, какую систему создал Цезарь. В этой связи можно отметить наличие разных теорий принципата. Ранняя историография видела в принцепсе монарха, считая его носителем абсолютной

власти, аналогичной власти монархов Западной Европы XV–XVII вв., затем появились теории “эллинистической монархии” и даже монархии “восточного типа”^[71]. Наряду с этим появляется и устойчивое представление о принципате как о системе, скрывающей свою монархическую сущность под прикрытием республиканских институтов и идеологии^[72].

Начиная с Т. Моммзена, устанавливается теория диархии, двоевластия принцепса и сената и традиции континуитета республики и Империи^{266}. Многие ученые пошли дальше, считая принципат “восстановленной республикой”, т.е. республиканским государством с сильной магистратской властью^{267}. Точка зрения других авторов (Кл. Миспуле, Г. Буассье, В.И. Герье, Э.Д. Гримм и др.) скорее сводится к определению принципата как монархии, созданной из соединения республиканских магистратур^{268}.

После исследования В. Гардтгаузена, появляется новая концепция монархического принципата, т.е. особого типа монархии, военной диктатуры или авторитарной власти, опирающейся на армию и другие силовые структуры, при которой все остальные факторы (правовые, идеологические и т.п.) оказываются вторичными^{269}. Принципат, а, следовательно, и цезаризм, оказываются разновидностью военного, полицейского и тоталитарного государства или “военной монархией” с республиканским фасадом^{270}. С другой стороны, развитием теории Т. Моммзена становится представление о “конституционной монархии”, “системе взаимодействия”, “системе дуализма” или “системе политического равновесия”^{271}. Наконец, возникает и мнение о некоей уникальной политической системе, “которую можно описать, но нельзя четко дефинировать”^{272}.

В отличие от традиционных типов монархии, основанных на определенных, веками установившихся принципах, власть Цезаря выросла из “республиканской” системы, взаимодействовала с коллегиальными органами и была реальным, вполне демократическим выбором народа. По сути дела, у динамично расширяющейся сверхдержавы с широкой автономией городов, провинций и регионов было мало общего с теми достаточно застойными традиционными обществами, каковыми были восточные монархии или западноевропейские средневековые государства, часто стоящие на пороге революции. В Римской Империи революция наоборот, прошла. От эллинистического общества Рим отличало отсутствие фактора завоевания и сильных восточных традиций. Параллелей с обществами эпохи абсолютных монархий XVII-XVIII вв. гораздо больше, однако их отличают разные тенденции развития: абсолютизм должен был смениться республиканскими государствами, система Цезаря шла скорее в обратном направлении.

Достаточно часто система, создаваемая Цезарем, сводится к понятиям военной диктатуры, военной монархии или военно-полицейского государства. Сходство с такими системами может носить лишь внешний характер в смысле большого значения армии, ее высокой боеспособности и военных талантов лидера (качеств не обязательных для военной диктатуры). В отличие от таких обществ, развитая экономическая, политическая и культурная система, идущая в сторону развития экономики и прав граждан, создавала характерную для таких обществ атмосферу развития. В отличие от “деспотии”, “военной монархии” или “системы фасада”, в случае с Цезарем авторитарная власть была механизмом выхода из кризиса и обеспечения защиты общего цивилизационного скачка. Армия Цезаря защищала не только себя, свою власть и

своего командующего, но и новую развивающуюся цивилизацию.

Не совсем применима и “теория диархии”. Равновесие правителя и сената во многом имело место, но это была перспектива. Старая сенатская республика уходила в прошлое. Цезарь создавал дееспособный, полноценный сенат, работающий под его руководством. Система “дуализма” и “равновесия” была скорее тем, что получилось в результате гражданских войн, чем тем, что планировал Цезарь.

Впрочем, в политической системе Цезаря был еще один фактор — чрезвычайность власти и ситуации. Он упорно держался за диктатуру, подчеркивая особый, чрезвычайный и необычный характер положения. Власть оказывалась средством достижения цели, защиты новой Империи и новой политической системы, средством перехода на новый уровень развития всей римской цивилизации и средством реформ. В определенном смысле, Цезарь оказался на распутье. Создавалась новая система власти с полномочным пожизненным главой государства или конституционным монархом, олицетворяющим новую сверхдержаву и контролирующим армию и силовые и административные структуры, но, вместе с тем, и с достаточно эффективным, представляющим общество сенатом и широким развитием местного, городского и провинциального управления. Из “республики” с сотнями тысяч “полноправных граждан”, реально управляемой десятками олигархических семей, и десятками миллионов бесправных провинциалов и рабов начинает создаваться огромная, прекрасно защищенная сверхдержава с устойчивой динамикой экономического роста, развивающимся равноправием граждан, прогрессирующим местным управлением разных уровней и высокой культурой.

Монархия или республика? Приоритет защиты или приоритет свободы *libertas* или *securitas*? Цезарь, похоже, так и не решил этот вопрос до конца. Скорее всего, он думал об их равновесии. Так или иначе, Империя создавалась как самое цивилизованное или передовое общество тогдашнего мира. Это отличало ее от монархий, как правило, связанных с застоєм и традицией, и тогдашних республик, не способных выйти за пределы полиса. Многие исследователи принципата призывают выйти за пределы заколдованного круга “монархия-республика”. Цезарь попытался сделать это на практике.

7. Новый сенат

Если тема личной власти Цезаря исследована весьма глубоко и основательно, и исследователю приходится выбирать между уже высказанными точками зрения, то теме его сенатской политики уделяется значительно меньше внимания. Во многих исследованиях Цезарь представлен оппозиционером, пришедшим к власти в результате борьбы с сулланским сенатом и превратившимся в монарха, стремящегося к подавлению этих структур, в других его курс представляется как действия, вольно или невольно игнорирующие “сенатский фактор”^{273}.

Между тем, как и всякий политик, Цезарь придавал сенату большое значение. Сам он был сенатором с очень большим стажем (не позднее 68 г.) и если в 70-60 -е гг. он был оппозиционером, то со времени консульства он стал одним из лидеров сената, создавая внутри него мощную группировку. Гражданская война расколола высшее сословие: в Фессалонике находился помпеянский сенат примерно из 200 человек, примерно столько же было у Цезаря в Риме, значительная часть (примерно поровну с обеих сторон) находилась в армии.

Расстановка сил (см. ранее) показывала явное преобладание помпеянцев в верхней части сената. Из 31 консуляра 49 г. 18 было на стороне Помпея, 5 — в Риме. Соотношение среди преториев показывает преимущество 20:12 в пользу Помпея. Наоборот, нижняя часть была на стороне Цезаря; среди трибуниций и эдиллийцев соотношение идет как 20:6.^{274}

В ходе гражданской войны произошли значительные перемены. Прежде всего, сенат понес серьезные потери. Оценить их точно достаточно трудно. По списку Д. Шэкльтона Бэйли, число погибших сенаторов примерно

равно 30 (в основном — помпеянцы)^{275}. Некоторая, небольшая часть осталась среди непримиримых, некоторые умерли или сошли со сцены. Все эти потери сената могли приближаться к сотне человек. Особые потери пришлось на верхние эшелоны: среди погибших было 9 помпеянских консулов: Помпей, Афраний, Бибул, Лентул Спинтер, Домиций Агенобарб, Анн. Клавдий Пульхр, Метелл Пий Сципион, М. Клавдий Марцелл (консул 51 г.), Л. Корнелий Лентул (49 г.) и примерно столько же преториев — Г. Фанний, М. Порций Катон, М. Петрей, М. Целий Руф, Т. Анний Милон, П. Атий Вар, легат пропреторского ранга Т. Атий Лабиен.

Определенные перемены стали происходить в ходе гражданской войны. В сенат вошло некоторое (видимо, не столь большое) число молодых офицеров Цезаря и, возможно, всадников и муниципалов. С другой стороны, поскольку магистратами назначались цезарианцы, многие из членов “партии Цезаря” значительно повысили свой статус. В 48–44 гг. создается новая элита цезарианских консуляров. В 48 г. консулом стал П. Сервилий, в 47 г. — Кв. Фуфий Кален и П. Ватиний, в 46 г. — Лепид, в 45 г. — Кв. Фабий Максим, Г. Требоний и Г. Каниний Ребил, в 44 г. — М. Антоний. Сенат становился цезарианским.

В сенате оставалось немало тех, кто занял в 49 г. нейтральную позицию. Некоторые из них были даже весьма высокопоставленными лицами. Примерами могут служить Сер. Сульпиций Руф и Л. Эмилий Павел, знаменитый правовед Сер. Сульпиций Руф, консул 51 г., сохранил нейтралитет в гражданской войне и оставался в столице (Cic. Att, VII, 3, 3). После убийства Цезаря Сульпиций пытался сохранить ту же позицию (Cic. Phil., I, 3; II, 91), был отправлен в качестве посла к М. Антонию и умер во время посольства (Сю. Phil., VIII, 22). Л. Эмилий Павел, родной брат триумвира, был консулом 50 г. и провел всю войну в Риме. Нелояльность Павла привела к

тому, что он попал в проскрипционные списки в 43 г., бежал с помощью брата, сражался в армии Брута, спасся и прожил в изгнании в Милете (Dio, 47, 8, 1). По мере успехов Цезаря такие сенаторы постепенно отходили от политики или сближались с оппозицией.

В 48 г. в сенат стали возвращаться бывшие помпеянцы, пошедшие на компромисс с Цезарем. Можно предположить, что около половины помпеянского сената вернулось в Рим. В 48 г. вернулся Цицерон, из изгнания возвратился консул 51 г. М. Клавдий Марцелл. Будучи ярким противником Цезаря, он выступил на заседании 1 января 49 г. за отсрочку объявления войны (Caes. B.C., I, 2; 2, 5; Cic. Fam., IV, 7, 2). Марцелл не принимал участия в военных действиях, но сочувствовал помпеянкам (Cic. Fam., IV, 7, 2), а затем удалился на Митилену. В 46 г. Цезарь вернул Марцелла из изгнания, но тот вскоре погиб. Его брат, Гай, консул 50 г., бежал с Помпеем из Рима, но вскоре вернулся, быть может, даже не покинув Италию (Cic. Att., X, 12a, 3; 13, 2-3) и дожил до 40 г. до н.э.

Видное место среди вернувшихся помпеянцев занимали Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин. В 49 г. Брут был легатом П. Сестия в Киликии и присоединился к Помпею (Plut. Brut., 4; Cic. Att., VIII, 15, 3), а после Фарсала сдался Цезарю (Plut. Brut., 6; Caes., 46; Dio, 41, 63). После сдачи Брут стал близким к диктатору человеком, что, возможно, было вызвано и отношениями Цезаря с Сервилией. В 47 г. Цезарь послал Брута в Цизальпийскую Галлию (Plut. Brut., 6; Cic. Brut., 171; App. B.C. II, 111; De v. 111., 82), где он находился до марта-апреля 45 г. (Cic. Att., XII, 29, 1; 36, 2; 37, 1). В 44 г. Брут стал городским претором, на 41 год планировалось его консульство (Plut. Caes., 62; Cic. Fam., XII, 2, 2; Phil., VIII, 27). Гай Кассий Лонгин сдался Цезарю после своей успешной операции против Мессаны (Caes. B.C., III, 101). Обстоятельства сдачи неизвестны. Возможно имело

место ходатайство Брута (Cic. Brut., 6), возможно, он был с Цезарем в Александрии и диктатор сохранил за ним статус легата (Cic. Fam., VI, 6). После этого Кассий уже не участвовал в войне и жил в Риме, а в период испанской кампании проявил даже большую лояльность к Цезарю, чем Цицерон. Если последний в письме к Манлию Торквату заявляет, что плохо будет независимо от того, кто победит, то Кассий пишет о своем сочувствии Цезарю и дает уничтожающую характеристику Гнея Помпея-младшего (Cic. Fam., XV, 19, 4). В 44 г. Кассия тоже ожидал карьерный взлет: он стал претором 44 г. и должен был получить управление Сирией (Plut. Caes., 57), игравшей большую роль в планах восточного похода.

Среди вернувшихся были Кв. Элий Туберон, которого пустил в Африку Аттий Вар. В 48 г. Туберон сражался при Фарсале, после чего сдался Цезарю. В 48 г. вернулся Л. Цецилий Метелл, трибун, оказавший сопротивление Цезарю в апреле 49 г. (Cic. Att., XI, 7, 2). После африканской кампании возвратился активный участник испанской (49 г.) и африканской войн Гн. Кальпурний Пизон Фруги. В 47 г. Цезарь вернул П. Корнелия Лентула Спинтера, сына консула 57 г. (Cic. Att., XI, 13). Примерно в это же время сдался претор 49 г. Кв. Минуций Терм, вероятно уцелел Квинтилий Вар, легат П. Атия Вара в 49 г. Гай Колоний, командовавший родосской эскадрой Помпея в 49–48 гг., дожил до 32 г. до н.э., после Фарсала к Цезарю перешел командовавший азиатской эскадрой помпеянцев Д. Лелий (Caes. B.C., III, 100). Гай Луцилий Гирр, один из командиров армии Домиция под Корфинием в феврале 49 г. (Caes. B.C., 1, 15), будучи отпущен Цезарем, бежал к Помпею и сдался после Фарсала (Caes. B.C. III, 82). Тогда же сдался Кв. Лукреций Веспиллон, командовавший когортами в Сульмоне в 49 г., а затем возглавивший часть азиатского флота Д. Лелия. Близкий друг Цицерона П. Сестий после Фарсала

перешел на сторону Цезаря (Cic. Att., XI, 7, 1), а в 47 г. командовал так называемым “понтйским легионом” в войне с Фарнаком (V. Alex., 34). Вероятно, вернулся Т. Секстилий Руф, бывший в 47 г. квестором на Кипре (Cic. Fam., VIII, 13, 4).

В числе сдавшихся помпеянцев были и высокопоставленные лица: Л. Лукцей, один из членов *consilium* Помпея, вернувшийся в Рим после гибели патрона, тесть С. Помпея Л. Скрибоний Либон, близкий друг Помпея Магна и, возможно, второе лицо в его флоте в 48 г. после Бибула, легат Дальней Испании в 49 г., знаменитый филолог и антиквар М. Теренций Варрон.

Итак, к 44 г. цезарианцы по большому счету, контролировали сенат. Последний несколько поредел, и от трети до половины его составляли бывшие помпеянцы, “нейтралы” и люди, хотя бы частично находившиеся в оппозиции к Цезарю. Диктатор сделал все возможное, чтобы наладить с ним конструктивный диалог как через лидеров этих групп, Цицерона, Брута, Кассия, Либона, Теренция Варрона, так и через своих сторонников. По большому счету, это не удалось. Большинство бывших помпеянцев (Гн. Кальпурний Пизон, Лукреций Веспиллон, Спинтер-младший, Минуций Терм, Колоний, Д. Лелий, Секстилий Руф, Лукцей, Луцилий Гирр и др.) оказались в числе заговорщиков и их сторонников. Нелояльными оказались и многие их лидеры, Цицерон, Кассий и Брут. Почти все эти люди были уничтожены триумвирами в 43–42 гг.

Ресурсы оппозиции можно оценить по данным проскрипций. В заговоре против Цезаря участвовало около 60 человек (Suet. Iul., 80, 4; Eutr., 25). Наши источники дают разное число проскрибированных в 43 г. — Ливии — 130 (Liv. Epit., 120), Орозий- 132 (Oros., VI, 18), Флор- 140 (Flor., IV, 6, 3), большее число дает Плутарх — 200 (Plut. Brut., 27) и 300 (Plut. Ant., 20), число 300 дает и Аппиан (App. B.C., IV, 5). Возможно, 300- это общая

цифра, включающая и тех, кто, в конечном счете, уцелел, а данные Ливия, Орозия и Флора, видимо, отражают число погибших реально. В списки, несомненно, входили все заговорщики, кроме того, Аппиан дает список из 45 человек, большинство из которых погибли, и список 33 спасшихся (App. B.C., IV, 6; 12-30; 36-51). Заговорщики в это число не входят, об их судьбе автор рассказывает отдельно. Из этого следует, что оппозиция могла насчитывать 100-150 твердых сторонников и примерно такое же число сочувствующих. Это было много даже для нового сената 44 г., для сената 46-45 гг. вопрос о большинстве вообще ставился под серьезное сомнение.

Видимо, именно во время второго пребывания в Риме Цезарь делает радикальный шаг с целью обеспечить себе большинство в сенате. Число сенаторов значительно выросло. Дион Кассий сообщает о 900 сенаторах (Dio, 43, 47). Светоний просто пишет о резком увеличении их численности. Это число подтверждается косвенными данными. К моменту окончания гражданской войны 44-31 гг. сенат составлял около 1000 человек (Suet. Aug., 35, 1). Данные Светония подтверждаются информацией "Деяний". Август сообщает, что его поддержали 700 сенаторов (R.g., 25). По данным Диона Кассия, около 300 человек бежали к Антонию (Dio, 50, 3). Чистка сената в 29 г. сократила его почти на 200 человек. После второго ценза (19 г. до н.э.) сенаторов осталось 600 (Dio, 54, 13, 2-4). Известные потери сенат понес от войн и проскрипций, только последние уничтожили от 100 до 300 человек (см. ниже).

Известно, что триумвиры не проводили больших пополнений, видимо, вводя своих сторонников в явочном порядке. Можно предположить, что они могли пополнить сенат на 200-400 человек (плюс пополнение потерь), но основную реформу совершил Цезарь. Увеличение числа сенаторов до 900 человек

предполагает, что новых сенаторов было около 500. Это, несомненно, были люди, лояльные к диктатору. Проспографический анализ показывает, что большинство из них были офицерами и даже солдатами Цезаря, всадниками и выходцами из муниципальной знати^{276}.

Сенаторская реформа была не менее важным социально-политическим переворотом, чем создание личной власти Цезаря. Формально диктатор как бы шел по стопам Суллы, но содержание было иным. Пополнение сената имело социальное, политическое и правовое значение. В плане социальном и национальном римский сенат становился италийским, а нобилитет (и помпеянский и цезарианский) растворялся в италийской муниципальной знати и всадничества, в перспективе было пополнение сенаторами-провинциалами (именно это небольшое, но символичное пополнение и было воспринято особенно болезненно — Suet. Iul., 80). Реформа сената была переходом власти от римского нобилитета к италийской муниципальной верхушке, и от римских олигархов к италийскому верхнему и среднему классу. Такой сенат и мог проводить новую политику.

Новый сенат был одной из основ политической стабильности. В нем преобладали сторонники Цезаря. Возможно, именно эта реформа, даже больше, чем личная власть Цезаря, лишала нобилитет монополии на власть. На первых порах новый сенат имел два уязвимых места: многие сенаторы имели низкий статус, как правило, будучи педариями, и не имели опыта сенатской деятельности. Первую проблему Цезарь пытался решить путем реорганизации магистратур, вторую могло решить только время.

Реформу сената Цезарь, вероятно, проводил в качестве диктатора, подобные прецеденты были и ранее: первым было пополнение сената Кв. Фабием Бутеоном после Канн в 216 г., вторым было пополнение

Суллы. Как и Сулла, Цезарь решил сделать это изменение необратимым, снова отменив цензуру.

Сенатская реформа была дополнена реформой магистратур. Число квесторов выросло до 40, т.е. удвоилось (Dio, 43, 47). Новые квесторы, не входящие в сенат, должны были теперь автоматически становиться сенаторами, что и обеспечивало пополнение. С другой стороны, это был способ придать статус новым сенаторам, причем, сделать это достаточно быстро. Увеличение числа квесторов было связано и с увеличением числа провинций, которое достигло примерно 20 и имело тенденцию к росту. Завоевания Августа добавили около 10 провинций, а диктатор готовил еще более масштабную программу. В соответствии с квестурой были приведены и другие должности: преторов стало 14, позже -16 (Dio, 43, 47), а эдилов — 8 (Ibid., 43, 48). Рост числа магистратур, включая рост числа консулов-суффектов, имел и еще одну цель, обеспечение должностями и рангами представителей различных этажей цезаринской партии.

Есть основания считать, что Цезарь видел в сенате работающий орган и был готов сотрудничать со всеми группами сенаторов, включая оппозицию, он, несомненно, создавал сильный сенат, в котором видел серьезного партнера. По сути дела, это была будущая августовская система дуализма. Цезарь брал на себя военные и внешнеполитические функции и самые радикальные преобразования, более спокойное и рутинное гражданское управление оставалось сенату. На первых порах персональный контроль Цезаря был более сильным. Диктатор запрещал сенаторам и их детям покидать Италию иначе, как по служебным делам (Suet. Iul., 42). Весной 44 г. Цезарь собирался надолго покинуть Италию. Балканская и восточная кампании должны были продлиться не один год, и на это время управление переходило к сенату. Хотя элементы

имперского управления начинали зарождаться (особенно в 49–46 гг.), они никоим образом не могли быть альтернативой сенату. Цезарь широко использовал промагистратов и префектов, в Египте войсками командовал либерт Руфион, а чеканка монеты доверялась рабам диктатора (Suet. Iul., 76, 3), однако именно в сенате Цезарь видел главную управленческую структуру, которой в то время просто не было альтернативы.

8. Цезарианское руководство

К 45–44 гг. складывается та партия Цезаря, которая должна была обеспечить существование новой системы, континуитет руководства и постепенный переход власти к преемнику. Для анализа этой новой элиты имеет смысл вернуться к рассмотрению той ситуации, которая сложилась в руководстве сенатом в 45–44 гг.

К этому времени точно известно о наличии 24 консуляров (падение общего числа вызвано гибелью консуляров-помпеянцев). 6 из них принадлежали к старым сторонникам Цезаря: П. Сервилий (79), Л. Аврелий Котта (65), Л. Юлий Цезарь (64), Г. Антоний Гибрида (63), Г. Кальпурний Пизон Цезонин (58), Л. Марций Филипп (56). 9 были его легатами в Галльских и гражданских войнах — М. Валерий Мессала Руф и Гн. Домиций Кальвин (53), Кв. Фуфий Кален и П. Ватиний (47), М. Эмилий Лепид (46), Кв. Фабий Максим и Г. Требоний (45), Г. Каниний Ребил (суффект 45), М. Антоний (44). К этой категории, в общем, можно отнести П. Сервилия, коллегу Цезаря по консульству 48 г. Из “нейтральных” можно отметить Сер. Сульпиция Руфа (51) и Л. Эмилия Павла (50). Трое были бывшими сторонниками Помпея: Цицерон (63), П. Корнелий Лентул Марцеллин (56) и Г. Клавдий Марцелл (50). Относительно троих точных данных нет: Ман. Эмилий Лепид (66), М. Пупий Пизон (61) — согласно Иосифу Флавию, в 49 г. он был легатом Помпея в Иудее (*Jos. Ant.*, XIV, 231), Г. Клавдий Марцелл (49). Судьба последнего после консульства 48 г. неизвестна, но Цицерон называет обоих консулов 49 г. жертвами гражданской войны (*Cic. Phil.*, XIII, 29).

Руководство цезарианцев можно условно разделить на несколько категорий.

1. Старые сторонники Цезаря. Самые старые консуляры были связаны с прежними этапами деятельности диктатора, многие были старше его, другие были его старыми союзниками. Эта группа сходила со сцены, но еще сохраняла известное влияние, она мало участвовала в гражданской войне и была связана с Цезарем в его бытность молодым лидером популяров, реформатором и защитником прав народа. Биографии большинства из них уже полностью или частично излагались ранее, поэтому в ряде случаев можно ограничиться краткими замечаниями.

Публий Сервилий Ватия Исаврик, консул 79 г. и консул-суффект 68 года, стал цензором 54 г. и был еще жив во время гражданской войны 49–45 гг. Сервилий оставался в Риме, хотя и не принимал участия в политической жизни. Патриарх римской политики, как и ранее, поддерживал Цезаря самым фактом своего существования и, придя к власти, Цезарь поспешил подчеркнуть свою связь именно с Сервилиями. В 44 г. 90-летний Сервилий умер, вероятно, ненадолго пережив своего бывшего молодого офицера. Старый генерал Суллы, отошедший от своей партии, видимо, единственный из ее членов сохранивший репутацию честного политика и полководца, он стал символом перехода от эпохи Суллы к эпохе Цезаря. Сервилий поддержал Цезаря, вероятно, в самый трудный момент его жизни: молодой изгнанник, осмелившийся бросить вызов всемогущему тирану, нашел убежище в его армии.

Л. Аврелий Котта, видимо, родственник Аврелии и последний из братьев Котт, был связан уже со следующим этапом. Претор 70 г., инициатор судебного закона, консул 65 г. и цензор 64 г., Котта был, наверное, старейшим из действующих консуляров, лидером популяров и соратником Цезаря по его борьбе за реформы и права граждан в 70–60 гг. Их позиции несколько разошлись в 63 г., когда на заседании сената

по поводу катилинариев Котта активно поддержал Цицерона (Cic. Phil., II, 13). Умеренный популярь, Котта мог считать Цезаря слишком радикальным, его идеалом были реформы, и он так и не решился взяться за меч. Тем не менее, в 49 г. он был одним из немногих, кто осмелился открыто защищать Цезаря (Caes. B.C., I, 6), за что *de facto* был отстранен от власти. Пожилой человек, не имевший военного опыта, Котта не участвовал в войне, но оставался в Риме, работая в цезарианском сенате (Suet. Iul., 79). Видимо, они были очень близки лично, их связывало то прошлое, когда оба верили в мирные реформы и разум. После убийства Цезаря, испытав полное отчаяние (*fatali quidem desperatione*) Котта перестал посещать сенат (Cic. Fam., XII, 2, 3).

Судьба консула 64 г. Л. Юлия Цезаря показывает сложные отношения в самой семье диктатора. Сын консула 90 г., он колебался между политическим центризмом Котт, восходящим к кругу Крассов-Сцевола, и более определенной позицией ставшего лидером популяров Цезаря. В 63 г. он помогал своему двоюродному (или троюродному) брату в деле Рабирия, однако затем поддержал Цицерона, требуя казни катилинариев (Cic. Cat., IV, 13; Phil., II, 14; VIII, 1). В 49 г. Луций был легатом своего брата (Caes. B.C., I, 8), а в 47 г. — городским претором (Dio, 42, 30). Луций участвовал в похоронах диктатора, но затем присоединился к противникам Антония, возглавляемым Цицероном (Cic. Phil., VIII, 1ff; App. B.C., II, 45). Он был проскрибирован Антонием и спасся только благодаря его матери, своей сестре Юлии (Liv. Epit., 120). Его сын, Л. Юлий Цезарь, был единственным членом рода, сражавшимся на стороне Помпея.

Отношения с Г. Антонием Гибридой, консулом 63 г. и дядей Марка Антония, сложились еще сложнее. Они были отражением тех вынужденных альянсов, на которые шел Цезарь, и его сложных отношений с

некоторыми представителями сулланских маргиналов. Несмотря на молодость, Антоний Гибрида был одним из известных офицеров Суллы, а в 76 г. Цезарь обвинил его в грабежах провинциалов. Судьба толкнула Гибриду в ряды катилинариев, в 70 г. он был исключен из сената (Asc. p.74), но в 63 г., став консулом, Антоний предал Катилину, вступив в альянс с Цицероном, получив за это проконсульство в Македонии. В 59 г. он был осужден и отправлен в изгнание, а в 49 г., как и другие жертвы политических процессов, Гибрида был возвращен Цезарем, возможно, при протекции Марка Антония. Уже пожилой человек, Гибрида не участвовал в войне, но находился в Риме. Вероятно, в 42 г. он был цензором и вскоре умер.

С Гаем Кальпурнием Пизоном и Л. Марцием Филиппом Цезаря связывали родство и бурная и сложная эпоха трумвирата. В 59 г. Цезарь женился на Кальпурнии, став зятем Пизона. Пизон стал консулом 58г., наместником Македонии в 57-55 гг. и цензором 50 г., будучи, в основном, известен как недруг Цицерона. В начале гражданской войны он выступил в поддержку Цезаря и отправился к нему как посредник (Plut. Pomp., 58). Участия в гражданской войне он не принимал, хотя и находился в Риме. Как ближайший родственник, он поддержал требование публичных похорон диктатора и зачтения его завещания (Suet. Caes., 83; App. B.C., II, 135). К мести за Цезаря добавилась вражда с Цицероном. Именно поэтому Пизон пытался договориться с Антонием в период Мутинской войны в 43 г. (Cic. Phil., VII, 28; IX, 1; XIV, 4; XII, 3, 15). Вскоре после посольства, в котором участвовал Сульпиций Руф и Марций Филипп, Пизон умер.

Консул 56 г. Л. Марций Филипп во многом унаследовал политический оппортунизм своего отца, консула 91 г. Родство связало Филиппа-младшего с Цезарем, он был мужем племянницы Цезаря Атии и

отчимом Октавиана, политические симпатии сближали его с оптиматами и Цицероном. Филипп просил Цезаря дать ему право не участвовать в войне (Cic, Att, X, 4, 10), а затем пытался не допустить столкновения между Антонием и Октавианом.

К более молодым представителям этой группы можно отнести консулов 53 г. Мессалу Руфа и Домиция Кальвина и консула 48 г. П. Сервилия. Марк Валерий Мессала Руф, двоюродный брат оратора Гортензия по матери, присоединился к Цезарю в 48 г. и участвовал во всех основных кампаниях 48–45 гг. в Греции, Африке и Испании. После смерти Цезаря он отошел от политической жизни. Гней Домиций Кальвин был умеренным оптиматом и перешел к Цезарю (таких было достаточно много). В 59 г. он, будучи народным трибуном, поддерживал Бибула. Собственное консульство и процессы 52 г. заставили Домиция отойти от помпеянцев, а в 49 г. он решительно принял сторону Цезаря. В гражданской войне 49–45 гг. и в начале войн 45–31 гг. он был одним из ведущих цезарианских легатов и наиболее значительных членов сената. В 48 г. он играл важную роль в кампании в Греции и командовал левым флангом при Фарсале, в 47 г. воевал с Фарнаком, в 46 г. — в Африке. В 42 г. Домиций Кальвин (правда, не очень успешно) сражался с флотом республиканцев. В 40 г. Кальвин снова стал консулом, а с 39 по 36 гг. был наместником Испании (Veil. II, 78; Dio, 48, 42). Публий Сервилий-младший, консул 48 г. был наместником Азии в 46–44 гг., сменив Домиция Кальвина. Позже он стал политическим союзником Октавиана, а его дочь, Сервилия — женой будущего принцепса (Suet. Aug., 62). После убийства Цезаря, Сервилий стал великим понтификом. В 41 г. он получил второе консульство, после чего сведений о нем нет.

Вся эта группа имеет несколько особенностей. Вероятно, первая из них — это социальная и

политическая пестрота, представляющая весьма сложный спектр антисулланских сил. По преимуществу, это были политики либерального толка, умеренные популяры, “центристы”, сторонники разумных реформ, противники жестких методов борьбы. В 70–50 -е гг. Цезарь существовал именно в этой среде, которая несколько отступила в период галльской и особенно — гражданской войны, но, вероятно, снова оказалась востребована в период политики милосердия, умеренных реформ и попыток наладить отношения с бывшими помпеяйцами. Похоже, что последние годы Цезарь снова стал обращаться к идеологии центризма. Слабость этой группы, самой высокопоставленной, но, возможно, и самой слабой в окружении диктатора, был ее возраст. Это были пожилые люди, чьи идеалы и деятельность были в прошлом, и им было суждено сойти со сцены вместе с Цезарем или сразу после него.

2. Легаты. Наоборот, вторая группа была обязана своим выдвижением галльским и гражданским войнам. Это были офицеры и генералы Цезаря, выигравшие войну в Галлии и поддержавшие своего командующего в гражданской войне. Эта категория была менее всего связана с какой-либо идеологией, основой их мировоззрения была преданность лично Цезарю как командующему и диктатору и выполнение любой его программы. Легаты сыграли большую роль в приходе Цезаря к власти и победе в *bellum civile*, сложности начались после смерти диктатора, а отчасти и в последние годы его жизни, когда генералы Цезаря запутались в сложной борьбе идеологий.

В 44 г. они еще играли значительную роль. Квинт Фуфий Кален, претор 59 г. и консул 47 г. был легатом Цезаря в Галлии. Впервые он упоминается в 51 г., но, несомненно, участвовал в войне и ранее. В 49 г. Кален был участником кампаний в Италии и Испании (Caes. B.C., I, 87) и осады Массилии (Cic. Phil., VII, 17). В 48 г.

Кален был фактически третьим человеком в цезарианской армии после Цезаря и Антония. Он завершил покорение Греции и стал консулом 47 г. После гибели Цезаря, Кален пытался предотвратить междоусобную борьбу между цезарианскими лидерами и посредничал между Антонием, Октавианом и своим зятем Пансой. Он резко выступил в сенате против Цицерона (Dio, 46, 1-28), а его речь, переданная Дионом Кассием (при всем учете авторской конструкции) четко ставила точки над *i* — партия Цезаря должна объединиться против антицезарианских сил во главе с Цицероном и Брутом. Кален приветствовал триумвират и стал одним из оплотов новой системы: он участвовал в кампании 42 г., в 41 г. стал наместником Галлии с армией из 11 легионов (App. B.C., V, 95) и вскоре умер. Похоже, он так и не сделал выбор, видя наследников Цезаря и в Антонии, и в Октавиане. Сын Калена передал войска последнему.

Публий Ватиний был “политическим офицером” Цезаря. Трибун 59 г. он поддержал все предложения Цезаря и стал инициатором закона о галльском наместничестве. Он стал легатом Цезаря, но вскоре вернулся в Рим. В 58-56 гг. Ватиний сдерживал Цицерона и его сторонников в борьбе с Клодием, в 55 г. стал претором, победив на выборах Катона, в 54 г. стал жертвой процесса, но был спасен триумвирами. С 51 г. он снова был легатом Цезаря, в 48 г. — комендантом Брундизия, в 47 г. удачно действовал в Иллирии, в 46 г. участвовал в африканской кампании (B. Afr., 10), затем стал наместником Иллирика. В 44 г. Ватиний пытался действовать в Иллирике против Брута, но потерпел неудачу и сдался. Брут сохранил за ним власть наместника провинции, но при подходе триумвиров Ватиний перешел на их сторону (Plut. Brut., 25). В 42 г. он получил триумф и вскоре умер.

Биография Лепида излагалась ранее. Цезарь чаще использовал его как администратора, нежели как военного. Городской претор 49 г., проконсул Ближней Испании в 48–47 гг., успешно уладивший опасный конфликт, он стал консулом 46 г. и был бессменным начальником конницы Цезаря в 46–44 гг. Лепид, вероятно, был центральной фигурой этой группировки в последние годы жизни Цезаря. Он стал и ее представителем в триумvirате, впрочем, будучи оттесненным представителями других сил. “Заурядность” Лепида, ставшая фактическим штампом, во многом является характеристикой этой группы цезарианских генералов, бывших прекрасными исполнителями, но неспособными лидерами и идеологами, а судьба его — это судьба его группы, оттесненной и подчиненной другими.

В армии Цезаря были два Фабия. Гай Фабий, видимо, Фабий Адриан, стал легатом Цезаря не позднее 54 г. В 50 г. он был его послом в Риме, в 49 г. командовал южной группировкой галльской армии (Caes. B.G., VIII, 54), а затем был правой рукой Цезаря в Испании. Более о нем не известно. Как полагают исследователи, консул 45 г. — это Кв. Фабий Максим, курульный эдил 57 г., примкнувший к Цезарю только после начала гражданской войны. Он воевал в Испании до прибытия Цезаря, участвовал в Испанской войне 45 г. и руководил осадой Мунды. Фабий умер во время своего консульства (Suet. Caes., 80; Plut. Caes., 58).

Гай Требоний — очень своеобразная фигура среди легатов Цезаря, квестор 60 г. и трибун 55 г., инициатор закона Требония о власти Помпея и Красса, он был одним из старейших легатов Цезаря. В 54–49 гг. Требоний был легатом Цезаря в Галлии, а в 50 г. командовал северной группировкой галльской армии. В 49 г. он руководил осадой Массилии, а в 48 г., будучи претором, подавил восстание Целия Руфа. В 47 г.

Требоний был назначен наместником Дальней Испании (В. Alex., .64), где и воевал в 46–45 гг. Цезарь считал Требония одним из самых надежных легатов, однако первые признаки его нелояльности проявились в 47 г., когда он сблизился с Цицероном. В 46 г. Требоний даже планировал заговор против диктатора, а в 44 г. стал одним из лидеров заговора Брута. По плану Цезаря он был наместником Азии, использовал свое положение для помощи заговору и погиб в борьбе с Долабеллой.

Гай Каниний Ребил был легатом Цезаря в Галлии на протяжении всей кампании (58–50 гг.). В 49 г. Цезарь вел через него переговоры со Скрибонием Либоном (Caes. B.C., I, 26). Каниний был с Курионом в Африке, вероятно, будучи его главным военным консультантом (Ibid., II, 24; 34). Он спасся после разгрома, но затем появился только в 46 г. и участвовал в кампаниях в Африке и Испании (В. Afr., 86; 93; В. Hisp., 35). После краткого консульства в конце декабря 45 г. сведений о Каниний нет.

К этой группе принадлежат и некоторые другие генералы, многие из которых стали консулами после 44 г., как правило, в полном соответствии с планами Цезаря. В 44 г. они были преториями и им предстояло стать следующим поколением цезарианских консулов.

Сер. Сульпиций Гальба был легатом Цезаря в Галлии, по крайней мере, с 57 г. В 50 г. он безуспешно баллотировался в консулы (Hirt., B.G., VIII, 50). Согласно Тациту, Гальба участвовал в гражданской войне на стороне Цезаря (Tac. Hist., I, 15), но Цезарь о нем не упоминает, и, возможно, Гальба не получал никаких постов в этот период. Как и Требоний, Гальба, вероятно, отошел от Цезаря. В 44 г. он примкнул к заговорщикам (Cic. Phil., XIII, 33; Suet. Galba, 3). В начале 43 г. Гальба командовал “Марсовым легионом” в армии Гирция против Антония (Cic. Fam., X, 30). Гальба был осужден по

закону Педия как убийца Цезаря. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Как показывают судьбы Лепида и Калена, с одной стороны, и Требония и Гальбы — с другой, легаты пытались играть и самостоятельную роль, либо (чаще всего) оставаясь в своем лагере, либо (иногда) примыкая к оппозиции. Самым ярким примером второго типа можно, наверное, считать Децима Брута Альбина. Брут был легатом Цезаря в Галлии по крайней мере, с 56 г., в 49 г. он командовал флотом при осаде Массилии. Далее мы слышим о нем значительно меньше. Он был наместником Транспаданской Галлии и не принимал участия в кампании 48–45 гг. Впрочем, на его службе и карьере это не отразилось: он должен был стать консулом 42 г., наместником Цизальпийской Галлии и (главное) наследником Цезаря во второй степени наравне с Антонием. Примечательно, что когда в Иды марта Цезарь колебался, идти ли ему в сенат, к нему был послан именно Децим, успешно справившийся с этим заданием. В Дециме Бруте, как в Требонии, можно видеть человека, “разочаровавшегося” в деятельности Цезаря, однако не исключена и более сложная интрига. Претендуя на особое положение после смерти Цезаря и, ощущая предстоящее столкновение с Октавианом и Антонием, Децим не рассчитывал на поддержку традиционных процезарианских сил и сделал необычный ход, вступив в союз с оппозицией, среди которой было немало людей, имевших аналогичные амбиции. Один из наследников диктатора решил получить власть, ловко сочетая властные функции, полученные от Цезаря, поддержку оппозиции и лозунг “возвращения свободы”.

К этому же кругу принадлежал Л. Минуций Базил, легат Цезаря в галльских войнах (видимо, на втором этапе). В 49 г. Базил был послан на помощь Г. Антонию к Курикте (Flor, II, 18, 32), в 48 г. участвовал в кампании в

Греции, в 45 г. стал претором, в 44 г. участвовал в заговоре. В 43 г. был убит за жестокость собственными рабами.

Впрочем, большинство легатов более молодого поколения сохранили лояльность делу Цезаря.

Квинт Педий был легатом Цезаря в Галлии с 58 г., в 48 г. он стал претором, подавив мятеж Милона (Caes., B.C., III, 22), в 46–45 гг. воевал в Испании (Dio, 43, 31; B. Hisp., 2). Особенностью положения Педия было его положение внучатого племянника и наследника Цезаря. В 43 г. он был коллегой Октавиана по консульству и инициатором закона Педия о преследовании убийц диктатора (Veil., II, 69; Suet. Nero, 3). Педий умер во время своего консульства.

Луций Мунатий Планк был легатом Цезаря в Галлии с 54 г., в 49 г. участвовал в испанском походе (Caes., B.C., I, 40), в 46 г. — в африканской войне (B. Afr., 4), в 45 г. был префектом города вместе с Лепидом, в 44–43 гг. должен был стать наместником Gallia comata (Cic. Fam., X, 1–26; Phil, III, 38). Веллей Патеркул, крайне негативно относящийся к Планку, изображает его классическим типом политического оппортуниста (Veil., II, 76; 83), однако его позиция скорее отражает ту сложную коллизию, в которой оказались генералы Цезаря после гибели своего командующего. Поддавшись всеобщей растерянности после Ид марта, Планк высказался за амнистию заговорщикам (Plut. Brut., 19), а во время Мутинской войны долгое время оставался на стороне сената. С созданием триумvirата Планк присоединился к его лидерам, будучи сторонником Антония. В окружении последнего Планк стал видной фигурой. Он был консулом 42 г., наместником Азии в 40 г., наместником Сирии в 35 г. (App. B.C., V, 10; 144). По приказу Антония Планк уничтожил Секста Помпея. В 32 г. Планк бежал к Октавиану и передал ему завещание Антония (Plut. Ant., 58; Dio, 50, 3; Veil., II, 83). В 27 г.,

будучи старейшим консуляром, он пред ожил дать Октавиану титул Августа.

Г. Кальвизий Сабин и П. Вентидий принадлежали к младшей части цезарианского генералитета. В 48 г. Кальвизий действовал в Этолии во время фарсальской кампании, в 45 г. в качестве претора стал наместником Африки (Cic. Phil., III, 26). После убийства Цезаря, Кальвизий сохранил верность его памяти и почти сразу поддержал Октавиана. В 39 г. он стал консулом, в 39–37 гг. воевал против Секста Помпея (App. B.C., V, 81–96), а в 32 г. выступил в сенате с обвинениями против Антония (Plut. Ant., 58–59). В 28 г. Кальвизий получил триумф над Испанией.

В судьбе Вентидия Басса как в зеркале отразилась судьба италиков. Сулланский режим сделал его рабом. Вентидий происходил из видной италийской семьи, участвовавшей в Союзнической войне. Веллей пишет, что его провели в триумфе (Veil., II, 65). Судя по всему, Вентидий был еще маленьким. Молодость была тяжелой, это была молодость раба, возможно, либерта. С 58 г. он служил в галльской армии Цезаря и получил гражданство (Cic. Fam., X, 18, 3; Gell., XV, 4, 3). Цезарь включил его в сенат, видимо, уже в начале гражданской войны или до нее (Gell., XV, 4, 3), в 46 г. Вентидий был народным трибуном, в 44 г. — претором. В Мутинской войне он был легатом Антония. Звездный час этого, несомненно, выдающегося полководца, выделявшегося даже на фоне легатов Цезаря, наступил в конце его жизни. В 39–38 гг. он трижды разбил вторгшихся в восточные провинции парфян. Среди этих побед была знаменитая битва при Гиндаре. Вскоре после триумфа Вентидий умер.

О других легатах известно меньше. Д. Юний Силан, сын консула 62 года, был легатом Цезаря в Галлии с 53 г. (Caes. B. C., VI, 1), возможно, он был легатом Лепида в 43 г. Г. Антистий Вет был квестором у Цезаря (Plut. Caes.,

5) и народным трибуном 56 г. В 45 г. Вет действовал против повстанцев Цецилия Басса в Сирии (Cic. Att., XIV, 9, 3; Dio, 47, 27). Тит Секстий был легатом Цезаря в Галлии с 53 г. (Caes. B.G., VI, 1) и в гражданской войне и дошел до претуры. После смерти Цезаря он присоединился к Антонию, стал наместником Африки, победив сенатского наместника Корнифиция, а затем — наместника Октавиана, Г. Фуфиция Фангона, и передал провинцию Лепиду.

Легаты были главными действующими лицами в Галлии и, видимо, самой сильной группировкой в гражданской войне. У них было настоящее, но не было серьезного будущего, ни в условиях масштабных реформ Цезаря, ни в условиях начавшейся гражданской войны после его смерти. Будущее было за другими силами.

3. Монархисты. Эту группу выдвинула гражданская война, хотя многие ее представители ранее служили в галльской армии. Их было не так много, но эти люди были очень влиятельны, имели популярность в армии и харизматические данные. Оказав Цезарю немалые услуги в войне, они толкали его на самые резкие, радикальные меры. Трудно сказать, что они исповедовали откровенно монархическую доктрину, последняя, вероятно, появилась уже во времена союза Антония и Клеопатры, но именно эта часть цезарианской элиты стремилась в наибольшей степени воспользоваться победой и добиться богатства, власти и возможности неограниченного демонстративного потребления.

Таких людей было особенно много в окружении Цезаря в начале войны, когда были необходимы решительные, нестандартные решения, а противники обвиняли в развязывании войны именно их. К этой группе принадлежали погибшие в войне Курион и Кв. Кассий Лонгин, однако центром группировки, несомненно, стал Марк Антоний. Несмотря на опалу 46-

45 гг. он, вероятно, всегда продолжал оставаться самым влиятельным из цезарианской политики. Консульство 44 г. было возвращением во власть. В условиях, когда диктатор надолго отправлялся на восток, главными лицами оставались Антоний и Лепид. В конце 44 г. Лепид должен был отправиться в Нарбонскую Галлию и Ближнюю Испанию (App. B.C., II, 107; Veil., II, 63). Не исключено, что Цезарь мог поручить ему нечто вроде чрезвычайного управления Италией в 49–47 гг. Упоминание Антония в завещании было, несомненно, фиксацией его особого положения, а в 44 г. заговорщики планировали убить его вместе с Цезарем.

Восстановление альянса было отчасти вынужденным. Цезарь понимал, что Антоний был единственным человеком, способным заменить его в критической ситуации. Желая видеть наследником Октавиана, диктатор, видимо, понимал, что промежуточной фигурой, вероятно, будет Антоний. Расчет оказался верен. В марте 44 г. именно Антоний взял на себя управление и возглавил цезарианскую партию, в 43 г. он был несомненным лидером триумvirата, в 42 г. стал главным героем Филипп, после чего стал уступать позиции своему коллеге и сопернику Октавиану. В 44–42 гг. он стал спасителем дела Цезаря, позже, все больше подчиняясь Клеопатре и, оказавшись в зависимости от восточных провинций и эллинистических идей, Антоний превращался в противовес римской идее, которую вслед за Цезарем унаследовал Октавиан. Антоний был не только политическим наследником Цезаря. Будучи пасынком Лентула Суры и племянником Антония Гибриды, он оказывался и политическим наследником Каталины, а женившись на Фульвии, вдове сначала Публия Клодия, а затем — Г. Скрибония Куриона, он стал и преемником клодианцев, соединив в себе эти различные тенденции.

Традиция Каталины, Клодия и Куриона стала соединяться с традициями эллинистического востока. Если при Цезаре Клеопатре уделялась особая роль лишь в рамках восточных провинций, то союз с Антонием создал ее планы реставрации державы Птолемеев и, возможно, управления могущественным Римом. Пожалуй, именно в этой части элиты особую роль играли женщины, в частности, Фульвия и Клеопатра.

Клан Антония был серьезной силой. Кроме Марка Антония и его дяди, Антония Гибриды, к нему примыкали два брата Антония, Гай и Луций. Оба, в сущности, выдвинулись благодаря старшему брату. Гай Антоний был легатом Цезаря в Иллирике в 49 г., потерпевшим поражение при Курикте и попавшим в плен. Это обстоятельство привело к тому, что Цезарь не давал Гаю Антонию серьезных поручений в период войны. Впрочем, в 44 г. он снова стал претором и был отправлен в Македонию. В 43 г. история повторилась: Гай безуспешно пытался противостоять Бруту и Кв. Гортензию, был осажден в Аполлонии, попал в плен и в 42 г. был казнен.

Луций Антоний, народный трибун 44 г., пытался стать посредником между братом и сенатом, однако потерпел неудачу. В Мутинской войне он был легатом Марка Антония, в 41 г. стал консулом и вместе с Фульвией возглавил восстание в Италии против Октавиана. Зимой 41 г. пала осажденная Перузия. Луций был помилован и послан наместником в Испанию, но вскоре умер.

Состав "партии Антония" достаточно сложно определить, тем более, что зачастую он становился центром притяжения для самых различных деятелей, включая Мунатия Планка и Вентидия Басса. Антоний был очень популярен в армии. Тем не менее, некоторые из цезарианских политиков были связаны с ним особенно тесно. Л. Марций Цензорин был одним из тех, кто

потребовал наказания убийц Цезаря (N. Dam. Vita Caes., 25). В качестве претора 43 г. он участвовал в Мутинской войне на стороне Антония (Cic. Phil., XI, II, 36; XII, 20; XIII, 2, 26). После Филиппа, Антоний сделал его наместником Македонии и Ахайи. В 39 г. Цензорин стал консулом, а его дальнейшая судьба неизвестна.

Гай Азиний Поллион был весьма своеобразной фигурой в окружении Антония. Его предки были марруцинами, дед еще не был римским гражданином, а отец получил всаднический ранг (Veil., II, 128). Азиний прошел галльскую войну на положении адъютанта Цезаря, а позже написал исторический труд, в котором пытался подвергнуть сомнению многие сведения, приводимые Цезарем в его "Записках". Он находился при Цезаре и в 49-48 гг., в 47 г. был народным трибуном и поддержал Антония против Долабеллы (Plut. Caes., 9). Поллион участвовал в африканской (Plut. Caes., 52) и испанских войнах (Suet. Iul., 55) и мог быть автором "Африканской войны". В 45 г. он стал претором, а затем, в качестве пропретора Испании, воевал против Секста Помпея. Только после смерти Цезаря при помощи Лепида он завладел провинцией (Cic. Fam., V, 32, 4). После длительного периода нейтралитета, последовавшего за убийством диктатора, Азиний, наконец, присоединился к триумвирам, став наместником Транспаданской Галлии (Veil., II, 76). Он был нейтрален и в период Перузийской войны и стал консулом 40 г., после Брундизийского мирного договора Поллион перевел часть армии Луция Антония к Марку Антонию, а в 39 г. в качестве легата последнего воевал в Далмации. Вскоре он окончательно устранился от политики, жил в Риме, занимаясь культурной деятельностью, и умер в 5 г. н.э. на своей тускуланской вилле.

Карьера Г. Сосия Сенециона до 40 г. неизвестна, вероятнее всего, он был офицером Цезаря. С 40 г. судьба

Сосия связана с Антонием, в 38 г. он был его наместником в Сирии, а в 32 г. выступил с обвинениями против Октавиана в сенате и направился к Антонию во главе его сторонников (Dio, 50, 3). В Актийской битве Сосий командовал левым крылом (Veil., II, 85) и сдался Октавиану (Ibid., II, 86). П. Канидий Красс в 43 г. служил у Лепида в Галлии и содействовал соединению армий Лепида и Антония (Cic. Fam., X, 21; 24). В 40 г. стал консулом-суффектом, в 36 г. участвовал в парфянском походе Антония, а в 31 г. командовал его сухопутными войсками при Акции (Veil., II, 85; Plut., Ant., 63; 65). Несмотря на сдачу армии, сам Канидий отправился к Антонию в Египет и был одним из немногих приближенных последнего, казненных Октавианом (Veil., II, 87, 3; Oros., VI, 19–20).

Возможно, одной из самых колоритных фигур был сын Домиция Агенобарба, Гней Домиций Агенобарб. В 49 г. он сдался вместе с отцом в Корфинии и был помилован Цезарем (Caes. B. C., I, 23), а в 48 г. воевал в Греции в армии Помпея. В 46 г. он уже вернулся в Италию (Cic. Fam., VI, 22). Домиций — младший не участвовал в заговоре против Цезаря, но был осужден по закону Педия (Suet. Nero, 3; App. B.C., V, 55), хотя позже, в 40 г. его судили и оправдали (App. B.C., V, 61–62). Впрочем, попав в число проскриптов, Домиций присоединился к Бруту и Кассию и командовал их флотом, а после поражения запел к Сексту Помпею. В 40 г. через посредничество Азиния Поллиона он примирился с Антонием и добился реабилитации от обвинения в убийстве Цезаря. Началась его служба у Антония. В 36 г. Агенобарб участвовал в парфянском походе, в 35 г. воевал с Секстом Помпеем в Азии. В 32 г. вместе с Сосием был лидером сторонников Антония в сенате и бежал к своему полководцу. При Акции Домиций командовал частью флота, был главой оппозиции Клеопатре, настаивавшей на морском

сражении, а после битвы перешел к Октавиану, вернулся в Рим и вскоре умер. Антоний считал его настолько близким себе человеком, что выслал вслед Домицию его имущество. Сын знаменитого олигарха и яркого врага Цезаря, Домиций Агенобарб прожил бурную жизнь, побывав и в армиях помпеянцев и заговорщиков, и среди пиратов Секста Помпея, и среди пиров Антония и Клеопатры, но, вероятно, более всего мечтая о спокойной жизни в Риме. Его потомки вернулись в римскую политическую элиту.

К категории такого рода политиков принадлежал и зять Цицерона и старый приятель Марка Антония П. Корнелий Долабелла. После событий 47 г. Цезарь держал его на расстоянии, хотя летом 46 г. Долабелла участвовал в африканском походе, а затем — в войне в Испании (App. В.С., II, 75). К началу 44 г. Долабелла примирился с Цезарем и со своим тестем (теперь уже бывшим) Цицероном. После Ид марта он присоединился к заговорщикам, что было достаточно неожиданным для окружающих, подавлял народные волнения и призывал народ к спокойствию, но перешел на сторону Антония после его возвращения. В 43 г. Долабелла стал наместником Сирии и начал операции против заговорщиков. Его внезапное ночное нападение стоило жизни Требонию, после чего Долабелла погиб в борьбе с Кассием.

4. “Неоконсерваторы”. Последнюю группу сторонников Цезаря можно было бы достаточно условно назвать “неореспубликанцами” и “неоконсерваторами”. Эти силы только выходили на политическую арену, но они сразу получили мощную поддержку Цезаря, которого можно считать их создателем, и будущее было именно за ними. Диктатор, наконец, нашел альтернативу своим легатам и “партии Антония” и, вероятно, проживи он еще некоторое время, “неореспубликанцы” превратились бы в правящую

партию гораздо быстрее. Эти новые политики сохраняли традиции либералов и умеренных демократов, будучи, в известной степени наследниками старых сторонников диктатора, их политической линией был центризм, они сохраняли связи с республиканцами и помпеянами, а многие из них были близки к кругу Цицерону и даже Брута и Кассия. Это были люди достаточно консервативных убеждений, ориентированных на римско-италийские ценности. С другой стороны, они были глубоко преданы Цезарю, а многие из них близки ему лично, причем, похоже, что именно с представителями этой группы у диктатора существовали наиболее тесные личные отношения.

Именно “неоконсерваторы” включали в себя немалое число представителей интеллектуальной элиты и интеллигенции и были связаны с культурой, что было чрезвычайно важно и для самого Цезаря. Наконец, при всех своих “республиканских” настроениях, это были сторонники твердой власти и централизованной, могущественной, надежно защищенной Империи. Идеология этих сил, соединившая цезаризм с цицеронианством (политическим и особеннокультурным) и даже с “катонизмом”, была той идеологией, к которой все больше и больше склонялся диктатор, и именно она стала идеологией принципата Августа. Эти силы еще не пришли к власти, им предстояла схватка и с республиканцами Цицерона, Брута и Кассия, и с “монархизмом” Антония и Клеопатры. Цезарь делал ставку на эту молодежь и всеми способами форсировал их приход к власти.

“Неоконсерваторы” принадлежали к нескольким поколениям. Деятели первой волны были такие близкие к Цезарю люди, как А. Гирций, Г. Вибий Панса, Г. Оппий, Л. Корнелий Бальб, Г. Матий и др., лидером нового поколения должен был стать (и, в конечном счете

стал) наследник Цезаря, будущий император Рима Октавиан Август.

Авл Гирций происходил из муниципальной знати города Ферентина, в 54-50 гг. был офицером Цезаря в Галлии, возможно, участвовал в кампании 49 г. в Испании, а в 45 г. был претором Gallia Comata. Будучи близким другом Цезаря, Гирций имел очень тесные связи с Цицероном и его окружением (Cic. Att., XII, 44, 1; XIII, 21, 1) и выполнял посреднические функции между Цезарем и умеренными помпеянами. После гибели Цезаря, Гирций был сторонником сохранения "худого мира" и противником насильственных шагов (Nic. Dam. Vita Caes., 27), сохраняя контакты и с заговорщиками, и с Цицероном (Cic. Fam., XI, 1). Став консулом 43 г. Гирций был одним из лидеров тех сил, которые противостояли как заговорщикам, так и усилению власти Антония. Вместе со своим коллегой, Вибием Пансой, Гирций выступил во главе правительственной армии на помощь Д. Бруту, осажденному Антонием, одержал победу при Мутине и пал в сражении. Гирций известен как вьщающийся деятель культуры: его перу принадлежит 8 книга "Галльских войн" и, возможно, "Александрийская война", а в последние годы диктатуры Цезаря Гирций вслед за своим патроном взялся за перо и написал "Антикатона", продолжив литературную полемику Цезаря с Цицероном и Брутом.

Отец Гая Вибия Пансы был проскрибирован Суллой (Dio, 45, 17), сын получил права только благодаря Цезарю. С 53 г. Панса служил в галльской армии, в 51 г. был народным трибуном (Cic. Fam., VIII, 8). Об участии Пансы в гражданской войне известно немного: в 48 г. он был претором (Cic. Att., XI, 6), а затем наместником Вифинии. В 45 г. Панса был послан в Цизальпинскую Галлию, а в 43 г. был коллегой своего друга Гирция по консульству и пал в той же битве. Гирций и Панса способствовали первым шагам Октавиана, оказав ему

помощь в сложной коллизии с Антонием и перед смертью передав ему командование сильной правительственной армией.

Гай Оппий был помощником Цезаря с 54 г. и до его смерти. Оппий не занимал официальных постов и был скорее членом "теневого кабинета". Будучи близок к кругу Цицерона (Cic. ad Q.Fr., III, 1, 8), Оппий, возможно, был доверенным лицом Цезаря, информируя его о событиях в Риме, играя примерно ту же роль, которую играл в 51-50 гг. Целий Руф по отношению к находящемуся в Киликии Цицерону. В 49 г. наряду с Гирцием и Бальбом он был ключевой фигурой в переговорах Цезаря с помпеянами. Оппий продолжал свои отношения и с Цицероном, и именно в письме к Оппию и Бальбу Цезарь изложил основные принципы политики милосердия (Cic. Att., IV, 7). После смерти Цезаря и начала конфликта Октавиана и Антония, Оппий совершенно определенно поддержал главного наследника диктатора и способствовал альянсу Октавиана и Цицерона (Cic. Att., XIV, 15, 3). Гай Оппий дожил до 30 г до н.э., постепенно отходя от политики.

Л. Корнелий Бальб был достаточно необычной фигурой в римской политике. Он происходил из Гадеса в Испании, его отец имел римское гражданство. Бальб участвовал в восстании Сертория, затем служил в армии Метелла Пия и Помпея, получил гражданство. Его патроном был П. Корнелий Лентул Крус, консул 49 г. Бальб стал всадником, в 68 г. получил квестуру, сблизившись с Цезарем, видимо, уже в те годы (Suet. Iul., 7), в 61 г. он был praefectus fabrum Цезаря в его первой кампании в Испании (Cic. pro Balb., 63). В силу своего особого положения, он был близок и к Цезарю, и к Помпею, имея связи в обоих лагерях (так, например, он был усыновлен Феофаном Митиленским, историком и советником Помпея). С 58 г. он был praefectus fabrum в Галлии, а когда в 56 г. против Бальба было выдвинуто

обвинение в незаконности получения им гражданских прав, в его защиту выступили Цезарь, Помпей, Цицерон и Красс. В гражданской войне Бальб принял сторону Цезаря, но в военных действиях не участвовал, сохраняя роль посредника, советника и пропагандиста политики милосердия. Надо полагать, что Бальб был и советником Цезаря по вопросам провинциальной политики. Об огромном влиянии Бальба пишут Цицерон и Тацит (Cic. Att., XII, 12, 1; Fam., IX, 19, 1; Tac. Ann., XII, 60). В 46 г. он был ключевой фигурой в осуществлении политики *dementia*, и его посредничеством часто пользовался Цицерон. Гадитанец помог вернуться многим сторонникам Помпея: А. Цинне, Кв. Лигарию, Т. Ампию Бальбу, П. Нигидию Фигулу (Cic. Fam., VI, 8, 1; 14, 3; 12, 2; 13, 5). После убийства Цезаря положение Бальба ухудшилось, тем более, что он имел плохие отношения с Антонием и был сторонником Гирция (Cic. Att., XIV, 20, 4; 21, 2). 16 марта 44 г. на совещании цезарианских руководителей он, вопреки мнению Гирция, высказался за необходимость борьбы с заговорщиками. Бальб поддержал Октавиана и стал его сторонником. В 40 г. он стал консулом-суффектом.

Всадник Гай Матий долго играл роль посредника между Цицероном и Цезарем (Cic. Fam., IX, 27) и активно пытался предотвратить начало гражданской войны (Cic. Art., IX, 11, 2; 27, 2; 28, 2), но затем присоединился к Цезарю (Cic. Att., IX, II, 2) и все время войны оставался в Риме. Возможно, Матия можно причислить к той же категории влиятельных всадников, что и Аттика и Мецената. Матий был идейным сторонником диктатора: он признавался Цицерону, что является цезарианцем даже несмотря на то, что его личное положение ухудшилось, а после смерти диктатора впал в отчаяние, считая, что теперь выход из кризиса невозможен. Наконец, к этой категории можно, вероятно, отнести и секретаря Цезаря, Фаберия. Эта группа политиков,

составлявшая “теневой кабинет” Цезаря и ядро его личной администрации, ввела в большую политику Октавиана Августа, сумевшего привлечь на свою сторону, как ветеранов Цезаря, армию и массы городского плебса, так и умеренных цезарианцев и даже часть сторонников Цицерона.

Можно, вероятно, обнаружить других политиков, которых можно отнести к “неоконсерваторам”. Луций Кокцей Нерва из Нарнии, близкий друг Антония и Августа, игравший роль посредника между ними и участвовавший в выработке Брундизийского соглашения (App. В.С., V, 60), в 39 г. стал консулом-суффектом и вел переговоры с Антонием. Сын отчима Октавиана, Л. Марций Филипп, народный трибун 49 г., защищавший Цезаря в сенате (Caes. В.С., I, 6) и претор 44 г. встал на сторону “умеренных” цезарианцев и был консулом-суффектом 38 г.

К политикам новой волны можно причислить и клан Корнифициев. Луций Корнифиций в 43 г. был официальным обвинителем Брута в убийстве Цезаря (Plut. Brut., 27), а затем командовал флотом Октавиана в борьбе с Секстом Помпеем (App. В.С., V, 80), в 36 г. он с 3 легионами высадился в Сицилии, а в 32 г. справил триумф. Другой представитель рода, Квинт Корнифиций, был квестором 48 г. Цезарь послал его с двумя легионами в Иллирик, где Корнифиций сумел добиться успеха (V. Alex., 42). Летом 47 г. Корнифиций был претором, а в 44 г. — наместником провинции Африка. Впрочем, после смерти диктатора, Корнифиций сочувствовал заговорщикам и в 42 г. погиб в борьбе с Секстием. Народный трибун 55 г. Секст Педуцей в 49 г. остался в Риме как сторонник Цезаря (Cic. Att, VII, 13, 3; 14, 3; 17, 1; IX, 7, 2; 10, 10; 13, 6) и был наместником Сардинии в 48-47 гг. Будучи легатом Цезаря, Педуцей был дружен с Цицероном и Аттиком. В 35 г. он стал консулом-суффектом. Л. Семпроний Атрин,

консулсуффект 34 г. был другом Антония, но затем перешел к Октавиану и долго находился на его службе (в 21 г. он был проконсулом Африки). Сын консула 66 г. Л. Волькаций Тулл был претором 46 г. и консулом 33 г., Г. Фонтей Капитон, консул-суффект 33 г., служил у Антония и перешел на сторону Октавиана.

В перспективе лидером этой группы должен был стать Октавиан. Это случилось позже, и Цезарю не суждено было это увидеть, хотя он, вероятно, мало сомневался в том, что так оно и произойдет. Вместе с Октавианом в политику пришли три человека, двое из них стали первыми людьми в период принципата Августа, третий мог бы им стать, но судьба распорядилась иначе. Если Цезарь еще не обратил на них внимание, он, несомненно, должен был сделать это в будущем.

Марк Випсаний Агриппа родился в 63 г. В 46 г. он участвовал в войне на стороне помпеянцев, будучи поклонником Катона (*Nic. Dam. Fr.*, 127, 16), попал в плен и был помилован по просьбе Октавиана. С этого времени началась их дружба. В 44 г. Агриппа вместе с Октавианом находился в Аполлонии, где собирались войска для дунайской и восточной кампаний, а после гибели Цезаря вернулся в Рим, постоянно следуя за своим другом. В 43 г. в качестве народного трибуна он был обвинителем Кассия на основании закона Педия (*Plut. Brut.*, 27; *Vell.*, II, 69). Агриппа был участником всех войн Октавиана, проявив способности выдающегося военачальника. В 42 г. он сражался с Октавианом при Филиппах, в 41 г. командовал всеми вооруженными силами Октавиана в Перузийской войне, в 39–36 гг. — в войне с Секстом Помпеем, в 32–31 гг. — в войне с Антонием. Ближайший сподвижник Августа и фактически военный министр Империи, он был победителем в ряде внешних войн (25–19 гг. в Кантабрии и в 12 г. в Паннонии) и вторым человеком в

Империи Августа. В 23 году, когда Август был смертельно болен, он собирался передать власть Агриппе, единственному человеку, который мог бы его заменить. В 21 г. Агриппа стал зятем, наследником и соправителем принцепса. Впрочем, Агриппа умер в 12 г. до н.э., а Август пережил его на 26 лет. Будучи выдающимся администратором, Октавиан не имел военных дарований, и все его войны были выиграны Агриппой.

Вторым сподвижником Октавиана Августа был Гай Цильний Меценат. Первое упоминание о нем относится к битве при Филиппах (Plin. NH., VII, 148), но, возможно, они были знакомы и раньше. Если Агриппа воевал, то Меценат вел переговоры о мире. В 40 г. он устраивал брак Октавиана и Скрибонии (App. B.C., V, 53), а затем был представителем Октавиана при заключении Брундизийского (Ibid., V, 64) и Мизенского соглашений (Ibid., V, 92–93). В 36 г., покинув Италию для войны с С. Помпеем, Октавиан доверил управление Меценату. Меценат был своеобразным руководителем “спецслужб” принцепса, раскрывшим несколько заговоров против Августа. Он же стал проводником культурной политики императора, спонсором одного из самых крупных поэтических кружков и покровителем двух великих поэтов, Вергилия и Горация. В 44 г. Вергилию было 26 лет, Горацию — 21 год, они завершили образование и готовились к своему творческому пути. Как и Аттик и Матий, Меценат оставался всадником. Он умер в 8 г. до н.э.

Третьим членом этого содружества был Кв. Сальвидиен Руф. В 45–43 гг., как и Агриппа, Сальвидиен был вместе с Октавианом во всех во всех сложных перипетиях его политической жизни. В 42 г. он действовал против С. Помпея, в 41 г. командовал армией в Испании, а затем вместе с Агриппой сражался в Перузийской войне 41 г., в 40 г. Сальвидиен стал

наместником Галлии и должен был стать консулом. Вскоре после Брундизийского договора с Антонием (40 г.), Октавиан вызвал Сальвидиена в Рим и казнил по обвинению в измене. Многие в этой истории остаются загадкой (Suet. Aug., 66).

Все эти группы отражали различные спектры цезаристской элиты, от его старых соратников и даже покровителей до начинающих молодых политиков, которым было суждено отомстить за его гибель и продолжить его дело как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе. Сам диктатор занимал центральное место во всех группах своих сторонников. Он был яркой фигурой среди своих бывших союзников и сторонников, главнокомандующим для своих легатов, известные узы связывали его с силами, группировавшимися вокруг Антония и, наконец, он был создателем идущей к власти партии молодых "неоконсерваторов". Похоже, что именно с последними Цезарь связывал свои будущие планы, надежды и личные симпатии. Старые соратники были слишком связаны с республикой и оказались слабой поддержкой в период гражданской войны, легаты так и остались "партией подчиненных". Вероятно, наиболее чуждыми диктатору оставались "монархисты", однако и они на определенном этапе оказались необходимы. Особенно сложными и важными были отношения между Цезарем и Марком Антонием, возможно, единственным человеком, способным заменить его на высшем посту. Именно Антоний фактически спас "дело Цезаря" в трагические 44-42 гг. Вместе с тем, проводить политику Цезаря в ее долгосрочной перспективе могли только молодые "неоконсерваторы" во главе с Октавианом.

9. Последние реформы и планы

В последний период правления Цезарь провел ряд важнейших мероприятий. Некоторые из них начались еще ранее, другие уместно упомянуть в данном контексте, поскольку именно теперь начали сказываться их результаты. Этими мероприятиями были колонизация в провинциях, принятие ряда базовых законов (*lex municipalis*, *lex repetundarum*, *lex maiestatis*) и “правовая революция” в провинциях.

Наряду с денежными наградами и раздачами, Цезарь проводил более основательные попытки создания большого числа зажиточных людей и сильного среднего класса, одновременно решая проблемы провинциальной интеграции и усиления прослойки граждан в провинциях. Первым шагом стал аграрный закон Юлия от 59 г. до н.э., давший землю десяткам тысяч людей. Второй шаг был сделан после триумфов 46 г., видимо, после возвращения Цезаря из Испании.

Согласно Светонию, в заморские колонии было направлено 80 000 граждан (Suet. Iul., 42). Значительную часть из них составляли ветераны Цезаря. Цезарь основывал колонии в Сицилии, Испании, Азии, Нумидии, Нарбонской Галлии, в числе прочих колонии были выведены в Карфаген и Коринф (Dio, 43, 50)^{277}. В отличие от земельных переделов Суллы и даже аграрного закона Тиберия Гракха, закон Цезаря не предполагал конфискаций. Крупномасштабная программа была продолжена Августом. По подсчетам П. Брюнта, землю при Цезаре получили 130 000 человек (50 000 в Италии и 80 000 в провинциях)^{278}, а при Августе (хотя и за значительный больший промежуток времени) — еще 420 000 (120 000 в Италии и 300 000 в провинциях)^{279}. Помимо этого шло интенсивное

стихийное переселение, ставшее возможным после обеспечения военной безопасности.

Все это усиливало прослойку граждан в провинциях и интеграционные процессы внутри Империи. В конце правления Августа в провинциях было свыше 800 000 граждан (около 1/5 общего числа)^{280}.

Еще более важными преобразованиями были перемены в провинциях. Происходит коренное изменение провинциальной системы и самого характера римской державы. Этими переменами были создание системы военной и политической безопасности, упорядочение провинциального управления и “правовая революция” в провинциях. Политика Цезаря стала попыткой смягчить или устранить три фактора, вызвавшие кризис римского государства и общества угрозу внешних нашествий, злоупотребления и ошибки римской администрации и несправедливости провинциалов, ненавидящих своих римских хозяев. Собственно говоря, этими проблемами Цезарь занялся еще во времена галльских войн, но именно к концу его диктатуры можно было подвести некоторые итоги.

В 90-80-е гг. почти все провинции Римской республики были “прифронтовыми” и подвергались постоянным вторжениям извне, сочетавшимся с внутренними восстаниями и провинциальными кризисами. Нарбонская Галлия была одной из самых опасных пограничных провинций: в конце 2 века на нее обрушилось вторжение кимбров и тевтонов, а в конце 60-начале 50-х гг. угрожало аналогичное вторжение, предотвращенное Цезарем. Эта угроза распространялась на Италию и Испанию. Испанские провинции, формально считавшиеся “внутренними”, были “горячей точкой” даже по сравнению со многими приграничными территориями. Мелкие военные действия не прекратились здесь даже после взятия Нуманции в 133 г., а в 79-71 гг. весь полуостров был

охвачен грандиозным Серторианским восстанием, отголоски которого ощущались на протяжении двух последующих десятилетий. В 61 г. сам Цезарь вел здесь крупномасштабные операции, а в 50-е гг. здесь постоянно находились 6–7 легионов. Север полуострова (Астурия и Кантабрия) оставались независимыми, полунезависимыми были многие племена Лузитании и Кельтиберии. В 49–45 гг. Испания стала ареной гражданской войны.

Африка подверглась серьезной угрозе во время Югуртинской войны и была опустошена нумидийцами и помпеянами в 49–46 гг. Похоже, что Юба добился того, чего не смог сделать Югурта, и (с полного согласия помпеянцев) сумел стать настоящим хозяином провинции. В 70-е гг. к северу от Македонии шли тяжелые войны против фракийских, иллирийских и других племен Подунавья. В 88 г. Македония и Греция подверглись нашествию Митридата, в 87–85 гг. здесь продолжалась война между Митридатом и Суллой, в ходе которой были разграблены Афины. В 49–48 гг. здесь дислоцировалась, вероятно, самая сильная армия помпеянцев, а военные действия прекратились только в 47 г.

Провинция Азия подверглась массивному вторжению Митридата в 88 г., в середине 70-х гг. она была на грани аналогичного вторжения. Операции всех трех Митридатовых войн шли на малоазийской территории. До 67 г. на юге Малой Азии находился центр пиратов, другой центр находился на Крите. В 49–48 гг. система обороны была полностью дезорганизована, а области полуострова грабили помпеянцы. В 47 г. последовало вторжение Фарнака. Сирия подверглась нашествию парфян в 51–50 гг., а граница во время войны была фактически открыта.

Не в лучшем положении были и области, ранее не входившие в состав Римской державы: Галлия до Цезаря

была ареной постоянной межплеменной и социальной борьбы и вторжений германцев и гельветов, а в 59–51 гг. — ареной войн Цезаря. Царство Птолемеев распалось в конце 2 века, фактически потеряв Кипр и Кирену, в 88 г. произошло крупное восстание в Фиваиде. Египетская экономика находилась в упадке и уже в 55 году римляне фактически контролировали страну, а в 51 г. началась борьба между Птолемеем XIII и Клеопатрой, завершившаяся Александрийской войной Цезаря.

После победы Цезаря положение резко изменилось. Завоевание Галлии привело к тому, что вторжения с севера уже не угрожали ни Италии, ни Испании, ни южной Галлии, не угрожали они и Галлии независимой. Рейн стал естественным барьером между римской Галлией и германцами, последние могли только совершать набеги, а переброшенная уже при Августе на линию реки римская армия надежно обеспечивала оборону. Кроме того, Цезарь дал противнику хороший урок. Серьезных волнений в Галлии не было ни при Цезаре, ни при Августе. В Испании война 46–45 гг. была последней большой войной. Политические мероприятия Цезаря и достаточно широкое распространение гражданских прав (римских и латинских) привели к тому, что крупные восстания местного населения прекратились. Римская Испания по большому счету перестала оказывать серьезную помощь независимой Испании. Кантабрийские войны Августа 27–19 гг. затронули только север. После этого Испания на два столетия стала мирной провинцией, безопасность которой обеспечивалась не семью, а всего двумя-тремя легионами. Цезарь начал операции в Иллирике на весьма угрожаемом направлении, тем более, что местные племена были вовлечены в войну помпеянами. Он планировал крупномасштабные операции, которые должны были оттеснить противника далеко на север. Фактически это сделал Август, установив прочную

границу на Дунае. Победа в войне с Фарнаком обезопасила границы Азии. Восточные провинции, Сирия, Иудея, Малая Азия, подверглись нашествию парфян в 40–38 гг., но после побед Вентидия серьезная парфянская угроза исчезла. Цезарь планировал более крупномасштабные мероприятия на восточной границе, которые могли бы привести к разгрому Парфии. Задача диктатора *rei gerendae causa* была блестяще выполнена. Внешняя защищенность стала основой защищенности внутренней, экономического процветания и римского мира, равно как и исходной точкой беспрецедентного подъема античной цивилизации, сопоставимого с “греческим чудом” 8–6 вв. до н.э. или началом эллинистической эпохи. Гарантом этого процветания стали созданные Цезарем армия и государственные структуры.

Три основных закона Цезаря стали правовой базой новой стабилизации. Закон Юлия о муниципиях (*lex Iulia municipalis*) стал основным законом для муниципальной системы Италии, а позже и провинций. Датировка закона спорна^{281}, его относят к 46 г. или 45 г., но есть мнение, что его издал Антоний после смерти диктатора. В основном закон касался вопросов городского управления, предписаний по городскому благоустройству и других вопросов, ставших базовой основой для организации муниципиев по всей Империи.

Так называемая “Гераклейская таблица” дает содержание этого закона. Первые статьи касались заявлений и обращений к высшим должностным лицам (*Tab. Heb.*, 1–13), причем, магистрат обязательно должен был заносить в государственные списки имя заявителя, содержание и время заявления (*Ibid.*, 13). Жестко регламентировались списки получающих продовольствие, запрещалось выдавать его кому-либо вне списков (*Ibid.*, 17). Ряд статей закона показывают исключительное внимание их авторов к строительству и

благоустройству дорог. Домовладельцы были обязаны содержать в порядке прилегающие к их домам дорожные участки, а курульные и плебейские эдилы распределяли между собой городские кварталы и были обязаны уделять особое внимание ремонту и мощению дорог. В случае неспособности власти поддерживать состояние последних, подряд сдавался на откуп (Ibid., 32–34). Закон детально расписывал не только крупные дороги, но и пешеходные дорожки (Ibid., 50; 53), а в период от заката до восхода солнца перевозки были запрещены (Ibid., 56).

Другая часть закона касалась местного самоуправления и выборов городских властей, вероятно, впервые четко регламентируя эти вопросы и поднимая их значение до общегосударственного уровня. Регламентировались выборы магистратов, дуумвиров, кваттуорвиров и префектов (Ibid., 89–94; 98), чего раньше практически не было. Закон содержит подробный перечень лиц, которым было запрещено занимать должности или входить в состав городского сената. Это были лица, осужденные за воровство и денежные махинации, а также — осужденные за тяжкие уголовные преступления (предательство, убийство, крупное воровство). Не могли быть избраны и изгнанные из армии за порочащие поступки, лица, нанявшиеся в гладиаторы, осужденные за клевету, занимавшиеся проституцией или содержавшие гладиаторские школы или публичные дома, несостоятельные должники.

Закон о вымогательствах (*lex Iulia repetundarum*) был принят еще в 59 г., но реально стал действовать только с приходом Цезаря к власти. Он четко определял полномочия наместников, квалифицировал должностные преступления и понятие коррупции и вводил суровые наказания за последнюю. Упрощался ход судебного процесса. Закон Цезаря был завершением длительного процесса, начавшегося с закона Кальпурния Пизона от

149 г. После закона Кальпурния появились еще как минимум три закона такого рода (закон Ацилия 123/2 гг., закон Юлия (дата неизвестна) и закон Корнелия Суллы), однако только после закона Цезаря и его победы, это законодательство, наконец, стало работать.

Наконец, последний закон, закон о насилии и оскорблении величия (*lex de vi et maiestate*; Cic. Phil., I, 23) по типу напоминал закон Суллы, расширял сферу его применения и квалифицировал государственные преступления. Под этот закон подходили: впуск в город вооруженного врага, захват храмов и возвышенных мест, призыв народа и солдат к мятежу (*seditio*), объединение в тайные сообщества и дезертирство, нанесение военного ущерба и отказ магистрата покинуть провинцию по окончании срока, отказ дать отчет в своих действиях и ведение войны без разрешения сената и народа. Наказывался отказ передать войска преемнику и самовольный отпуск на волю подсудимых и заложников. Как и закон Корнелия, закон Цезаря запрещал практику гражданских войн и представлял широкую квалификацию антигосударственной деятельности.

Дополнениями к этому блоку законов были и другие установления Цезаря, сделанные в духе законов Котты и Помпея. По закону Цезаря судебные комиссии состояли теперь из двух коллегий, сенаторов и всадников (Suet. Iul., 41, 2; Dio, 43, 25). Другой закон ограничивал промагистратуры. Консулы и преторы получали должности через 2 года после магистратуры, а промагистратуры, как правило, не пролонгировались (Dio, 43, 25). Ужесточались наказания за уголовные преступления, жесткость судов и наказания за вымогательства. В духе консервативных реформаторов Цезарь вводил законы против роскоши (Suet. Iul., 43, 1–2), целью которых было ограничение потребления, особенно — демонстративного, что было попыткой

переведения капитала в более производительные сферы.

Законодательство о роскоши было достаточно распространено в позднереспубликанском праве. Известно 8 законов этого периода: закон Оппия (215 г.), Архия (181 г.), Фанния (161 г.), Эмилия (115 г.), Лициния (103 г.), Корнелия Суллы (82 г.), Юлия Цезаря (46 г.) и Августа (18 г.). Законы касались импортного вина, посуды из драгоценных металлов, серебра и золота (Gell., И, 24, 2). Закон Фанния определял предел трат на обед в 100 ассов, а по праздникам в 200 или 300. Эти нормы повторили закон Лициния, ограничив потребление мяса и соли. Закон Суллы их несколько увеличил — 300 сестерциев по праздникам (Календы, Ноны, Иды) и 30 сестерциев в обычные дни. Закон Цезаря чуть повысил нормы, учитывая повысившееся благосостояние и рост цен, но сохранил ту же традицию: 30 сестерциев в обычные дни, 200 — в праздники (*profesti dies*), 300 в Календы, Иды, Ноны и большие праздники, 1000 — на свадьбы и сразу после (Gell., И, 24).

На 40-е гг. приходится грандиозная правовая реформа. Она проходила достаточно тихо и временами медленно, но неуклонно, постоянно и планомерно. С Цезаря начинается крупномасштабное распространение прав гражданства в провинциях, то есть, решение главной проблемы, которая стояла перед правительством Империи. Самым крупным событием в этом плане было, вероятно, происшедшее в 49 г. предоставление прав римского гражданства жителям Цизальпинской Галлии. Права получили, по всей вероятности, 1-1, 5 млн. человек (Tac. Ann., XI, 24; Dio, 41, 38). Диктатор планировал и другие крупномасштабные акции такого рода, как например, предоставление прав гражданства населению Сицилии. В Испании при Цезаре и Августе появилось 29 новых

муниципиев (из них 19 при Цезаре)^{282}. Права гражданства получили крупнейшие города испанских провинций, Новый Карфаген, Гиспалис и Гадес; расширение прав гражданства коснулось и Нарбонской Галлии.

К сожалению, нам достаточно трудно определить конкретные масштабы расширения гражданского коллектива при Цезаре. По переписи 70 г. до н.э. в Италии зафиксировано 910 000 человек (Phlegon., fr. 12, 6; Cic. Verr., I, 7, 54; 2, 57; pro Cluent., 117-134; pro Flacco, 45; de suo domo, 124; pro Arch., 5, 11; Val. Max., V, 9, I)^{283}. Первый ценз, проведенный при Августе, дал 4 063 000 человек (R.g., 8, 2), ценз 8 г. до н.э. — 4 233 000 (R.g., 8, 4), а в 14 г. н.э. — 4 937 000 (R.g., 8, 4). Такое изменение достаточно трудно объяснить, и оно вызвало ряд различных объяснений. Ю. Белох и П. Брюнт полагают, что различие объясняется изменением принципа ценза (*formula censendi*), когда в цензе Августа учитывалось все население, включая женщин и детей, а не одни взрослые совершеннолетние мужчины^{284}. Эта внешне очень логичная теория имеет несколько уязвимых мест. По подсчетам Я.Ю. Заборовского цифра 910 000 человек дает очень малую плотность населения (6 человек на 1 км²) и даже с учетом детей и женщин (цифра, как правило, умножается на 4) эта плотность дает 22, 8 человек на км², что опять-таки очень мало^{285}. Для сравнения плотность населения современной Италии — более 170 чел. на км² (общее население — свыше 50 млн.). Из цифры Августа надо вычесть 836 100 граждан, проживавших в провинциях, что сокращает население до 3,5 млн., с другой стороны, в источниках нет никакой информации об учете женщин и детей, и если бы это было, то революционность реформ Цезаря и Августа, возможно, превзошла бы то, что предполагают современные исследователи.

Наконец, при таком подходе неясно, как объяснить увеличение граждан в Цизальпийской Галлии на 1-1,5 млн. (4-6 млн. человек с семьями).

Возможно, единственным объяснением является мнение Я.Ю. Заборовского, что ценз 70 г. учитывал далеко не все население Италии^{286}.^[73] Именно при Августе, как полагает автор, вся Италия смогла воспользоваться правами гражданства, а значительное число римских граждан все-таки составляли италики.

Итогом деятельности Цезаря и Августа было полное реальное предоставление гражданства жителям Италии и Цизальпийской Галлии и расширение числа граждан в нескольких провинциях. Поскольку общество ощутило это только во времена принципата Августа, Я.Ю. Заборовский совершенно справедливо полагает, что именно это и было секретом небывалой популярности принцепса. Добавим, что основа этой новой ситуации была заложена Цезарем, а Август даже замедлил темпы его быстро раскручивающейся реформы.

Предоставление гражданства союзникам, а тем более — провинциалам, в корне меняло отношения человека и власти. Римский гражданин находился под защитой римского права, будучи гарантирован от наиболее жестоких форм насилия, эксплуатации и порабощения, а его отношения с государством строились в правовом поле. С превращением значительного числа провинциалов в граждан, власти были вынуждены перестраивать провинциальную политику, отказываясь от прежних проявлений насилия, произвола и коррупции. Небывалый грабеж провинций, порабощение масс населения, произвол администрации были возможны только при старой системе существования элиты граждан и бесправных масс союзников, перегринов и дедитициев. В новых условиях это было уже невозможно. Законы Цезаря о вымогательствах и оскорбления величия (*lex maiestatis*)

стали регламентацией новых отношений населения провинций и римской администрации.

Массовое дарование прав имело крайне важный психологический эффект. Большая часть населения провинций все еще не имела гражданства и получила его значительно позже, однако непроходимая ранее грань между провинциалом и римлянином начинает исчезать, и это снимало напряженность даже в тех районах, которые его до сих пор не получили^[74]. Позже Империя замедлила процесс, но она неуклонно проводила его в жизнь и завершила к рубежу II–III вв. н.э. Наряду с военной защищенностью и созданием условий для экономического оживления, правовая реформа изменила жизнь провинций. Хотя рабство как таковое не было ликвидировано, а проблемы провинций оставались достаточно серьезными, эта реформа Цезаря была одним из важнейших в истории освобождений человечества и сопоставима с отменой рабства и крепостного права в Новое время. Миллионы людей были спасены от перспективы и угрозы рабства. Возможно, именно это было самым великим из деяний Цезаря.

Специального законодательства о рабах у Цезаря нет. Впрочем, Светоний упоминает один его закон, согласно которому не менее 1/3 пастухов должны были быть свободнорожденными. Как полагают, пастухи играли особую роль в рабских восстаниях (Suet. Iul., 42).

Не все планы Цезаря были реализованы, многие реализовались в ином варианте, другие были искажены до крайности, а исполнение некоторых затянулось не десятилетия и столетия. Однако, в любом случае, именно он дал начальный импульс двухвековому развитию средиземноморского мира, итогом которого стали невиданные ранее достижения цивилизации.

Еще один план Цезаря был реализован только столетия спустя, во времена Феодосия II и Юстиниана.

Это было создание единого свода законов.

10. Большой поход

Последним планом диктатора был замысел грандиозного похода. То, что он готовился достаточно давно, возможно, со времен гражданской войны, видно из того, что на Балканах, в Македонии и Эпире, была собрана мощная военная группировка, 16 легионов и 10 000 всадников (App. B.C., II, 110). В декабре 45 г. в Аполлонию был отправлен Октавиан, а в марте 44 г. к армии должен был выехать сам Цезарь.

Данные о подготовке похода содержатся в наших источниках, хотя их информация зачастую запутана и недостоверна. С другой стороны, некоторые обстоятельства подготовки можно приблизительно определить на основании последующих кампаний, которые велись уже в эпоху Империи, особенно информативными в этом плане могут быть кампании Антония и Августа, во многом бывшие реализацией замыслов диктатора.

Согласно Аппиану, Цезарь планировал поход против гетов и парфян и, с этой целью собрал 16 легионов и 10 000 всадников (App. B.C., II, 110). Светоний пишет о походе еще более кратко и сообщает, что его целью были парфяне и даки (Suet. Iul., 44, 3). Дион Кассий пишет только о подготовке парфянского похода, приводя некоторые интересные детали. Достаточно важную роль в войне должен был играть Вентидий Басе. Цезарь распределил консульства на три года вперед: в 43 г. консулами должны были быть Гирций и Панса, в 42 г. - Лепид и, видимо, Децим Брут, в 41 г. — вероятно, Марк Брут и П. Сервий (Dio, 45, 51). Наиболее подробную информацию дает Плутарх, согласно которому первым объектом удара должна была стать Парфия. После этого, пройдя через Гирканию вдоль

Каспийского моря, Цезарь собирался перейти Кавказский хребет и через Северное Причерноморье атаковать Германию и завершить поход в Галлии (Plut. Caes., 58). Дион Кассий сообщает, что Цезарь решил изменить маршрут вторжения в Парфию и наступать не через Месопотамию, где армия была очень уязвима для ударов парфянской конницы, а через гористую Армению (Dio, 44, 3).

Сообщения античных авторов вызывают немало вопросов. Встает вопрос об объекте (или объектах) удара, последовательности действий Цезаря, его конкретных замыслах и путях их осуществления. Главным объектом удара, несомненно, была Парфия (поход, разумеется, мыслился как реванш за разгром Красса), где еще правил победитель Красса Ород II (58–39 гг. до н.э.). вполне вероятно, что второй целью похода были германцы, старый враг Цезаря еще со времен гражданских войн. Наконец, еще одним противником было созданное в Дакии царство Буребисты (или Биребисты), а также ряд других крупных племен Подунавья, мезы, жившие между Балканами и Дунаем, их соседи, германское племя бастарнов и мятежные иллирийцы.

Существовало и еще одно обстоятельство — положение в Сирии значительно осложнилось. Согласно Аппиану, еще в 46 г. произошло восстание солдат сирийского легиона. Солдаты убили своего командующего, наместника Сирии Секста Цезаря, и поставили на его место Цецилия Басса. Восставшие собрали еще один легион. Цезарь отправил против повстанцев три легиона Стея Мурка, на помощь которому шли еще три легиона из Вифинии под командованием Марция Криспа (App. B.C., IV, 58). Если Аппиан скорее склонен винить во всем Секста Цезаря, то Дион Кассий дает совершенно иную картину. По Аппиану, Бассу угрожала физическая расправа и потому

он присоединился к мятежникам. Согласно Диону, Цецилий Басе, бывший сторонник Помпея, после поражения последнего направился в Тир и сдался Сексту Цезарю. Последний поручил ему области и, отнятые у Фарнака. В Сирию пришли ложные известия о поражении в Африке, после чего Басе поднял восстание и атаковал Тир, занятый войсками Секста Цезаря. Атака была отбита, а затем, после смерти Секста (Дион Кассий не уточняет, как) он взял Апамею и стал набирать войска (Dio, 46, 25–27), привлекая на свою сторону даже рабов. Басу помогал арабский царь Алахондий, а затем и парфяне. Последние уже готовились идти на помощь, но не подошли из-за наступления зимы. Повстанцы отразили наступление Антистия Вета, командовавшего авангардом противника, и стали обороняться от Мурка и Криспа (Ibid., 46, 27). В результате, в Сирии собралась сильная цезарианская группировка из 6 легионов.

Самым подробным сообщением о планах похода является сообщение Плутарха, которое уже Т. Моммзен считал полностью фантастичным^{287}. В случае победы над Парфией, наиболее целесообразным было бы возвращение обратно через Месопотамию. Что касается похода по побережью Каспийского моря, то он был чреват слишком большими трудностями. Столь же бессмысленным был и переход через Кавказские горы, а путь через южнорусские степи, возможный для легкой конницы кочевников, был бы нереален для римских легионеров. Описание Плутарха явно навеяно ассоциациями с походом Александра, но, к сожалению, оно дает мало позитивной информации.

Каков же был план Цезаря? Некоторые выводы (разумеется, косвенные) можно сделать, исходя из расстановки сил в 43–42 гг. и последующих войн Римской Империи. Антоний использовал в Мутинской войне 6 легионов, а уже к осени 44 г. Марк Брут собрал в Македонии 7 или 8 легионов, что в сумме примерно

подтверждает данные Аппиана о 16 легионах, собранных Цезарем на Балканах (App. B.C., III, 79; Veil., II, 69, 2). Итак, основная и наиболее сильная группировка Цезаря находилась на Балканах примерно в области Аполлонии.

Это помогает определить направление главного удара. Позже, когда Империя готовилась к большим войнам на востоке, место сбора обычно отодвигалось к восточной границе. В 58 г. н.э., готовясь к наступлению, Домиций Корбулон создал свою группировку в Каппадокии параллельно с уже существующей сирийской армией Умидия Квадрата. Все три легиона Корбулона были переброшены с дунайской границы, но местом сбора стала эта область, находящаяся в глубине Малой Азии. Римляне действовали двумя группировками, сирийской, задачей которой было сдерживание парфян на Евфрате, и каппадокийской, которая наносила главный удар по Армении^[75]. Корбулон ставил ограниченные задачи, главным образом, в Армении. Когда в 114 г. Траян готовился к крупномасштабной войне против Парфии, ставя цели примерно аналогичные целям Цезаря, местом сбора его огромной армии стала Антиохия. Напротив, когда речь шла о войнах в Дакии, армия концентрировалась к югу от Дуная. Скорее всего, Цезарь, как и Траян, планировал не один, а два похода, причем, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что первый удар он планировал нанести по царству Биребисты.

На востоке уже действовали 6 легионов Мурка и Марция Криспа, а из Египта должны были подойти 4 легиона Алиена (App. B.C., III, 77-78; Dio, 47, 21; 24-28; Veil., II, 69, 2-10). Наконец, весьма значительные силы стояли на галльской границе. Марк Эмилий Лепид, управлявший Нарбонской Галлией и Ближней Испанией, имел 4 легиона, три легиона стояли в Дальней Галлии у Планка и еще два — у Азиния Поллиона в Дальней

Испании (App. В.С., III, 46). Легионы Азиния сражались против Секста Помпея, но семь остальных легионов уверенно контролировали Галлию и вполне могли начать наступление на Рейне.

Некоторые возможности реконструкции плана Цезаря дают сообщения о последующих войнах Антония, Октавиана и их преемников. Еще в 35-34 гг., сразу после победы над Секстом Помпеем, Октавиан лично возглавил поход в Далмацию, победил местные племена и занял Сисцию. Дальнейшие завоевательные планы были сорваны войной с Антонием. В 29 г. начался главный этап операции, когда П. Лициний Красс, вероятно, внук или правнук триумвира, разгромил мезов, фракийцев и бастарнов, к 27 г. подчинил Мезию и вышел к Нижнему Дунаю. Заметим, что армия Цезаря была значительно сильнее, чем армия Красса. Уже намного позже Траян, действуя из Мезии, завоевал Дакию.

Надо полагать, Цезарь имел сходные планы. Кампания могла занять несколько лет. Армия диктатора (16 легионов) была примерно эквивалентна армии Траяна. У последнего было 10-11 легионов, но легионы императорского времени были больше республиканских. Не исключено, что после первого сокрушительного удара, Цезарь, который находился на Балканах, имея возможность оценивать и отслеживать события в Парфии, мог поручить ведение войны легатам и, видимо, с лучшими силами дунайской армии, приступил бы ко второму этапу. Царство Бурбисты не было достаточно прочным и распалось даже без вмешательства римлян.

Второй этап реконструировать несколько сложнее. Многие зависело от поведения парфян, которые могли бы избрать либо пассивную (выжидание и поддержка Басса), либо активную тактику. В конце 41 г. парфяне использовали именно последнюю, когда сын царя Орода Пакор и перешедший на парфянскую службу Квинт Лабиев предприняли масштабное вторжение в

восточные области державы. Это вторжение происходило в особенно неблагоприятных для Рима условиях: держава только что пережила тяжелую гражданскую войну 44-42 гг., большие силы действовали на Дунае, а парфяне получили приглашение от Брута и Кассия, пославших к ним сына Лабиена, Квинта.

Сценарий парфянского похода мог протекать по двум вариантам. Парфяне могли не вмешиваться в дела в Сирии и оказать Бассу ограниченную поддержку, и в этом случае, римлянам могло быть вполне достаточно сил Мурка и Цензорина. Оставалось только ждать подхода главных сил с Балкан, после чего можно было начать крупномасштабное наступление. В этом случае оно могло бы последовать после победы в Дакии и Мезии.

Другим возможным вариантом могло быть активное парфянское наступление, подобное тому, которое произошло в 41-38 гг. Не исключено, что диктатор рассчитывал как раз на такое развитие событий, именно так протекала кампания 41-36 гг. В 39 г. Вентидий Басе разбил противника в Малой Азии, заставил отступить в Киликию и снова разбил у подножья Тавра. Во втором сражении в Сирии римляне разбили парфянского полководца Франнипата, а в 38 г. при Гиндаре нанесли поражение главным силам Пакора, после этого Сосий и Канидий завершили кампанию в Сирии и Армении, причем, Канидий Красс разбил иберов и альбанов. Заключительный удар в 36 г. нанес сам Антоний. Именно этот поход был неудачен, но в то время римляне были значительно слабее, чем при Цезаре, а Антоний должен был постоянно оглядываться на находящегося на западе Октавиана.

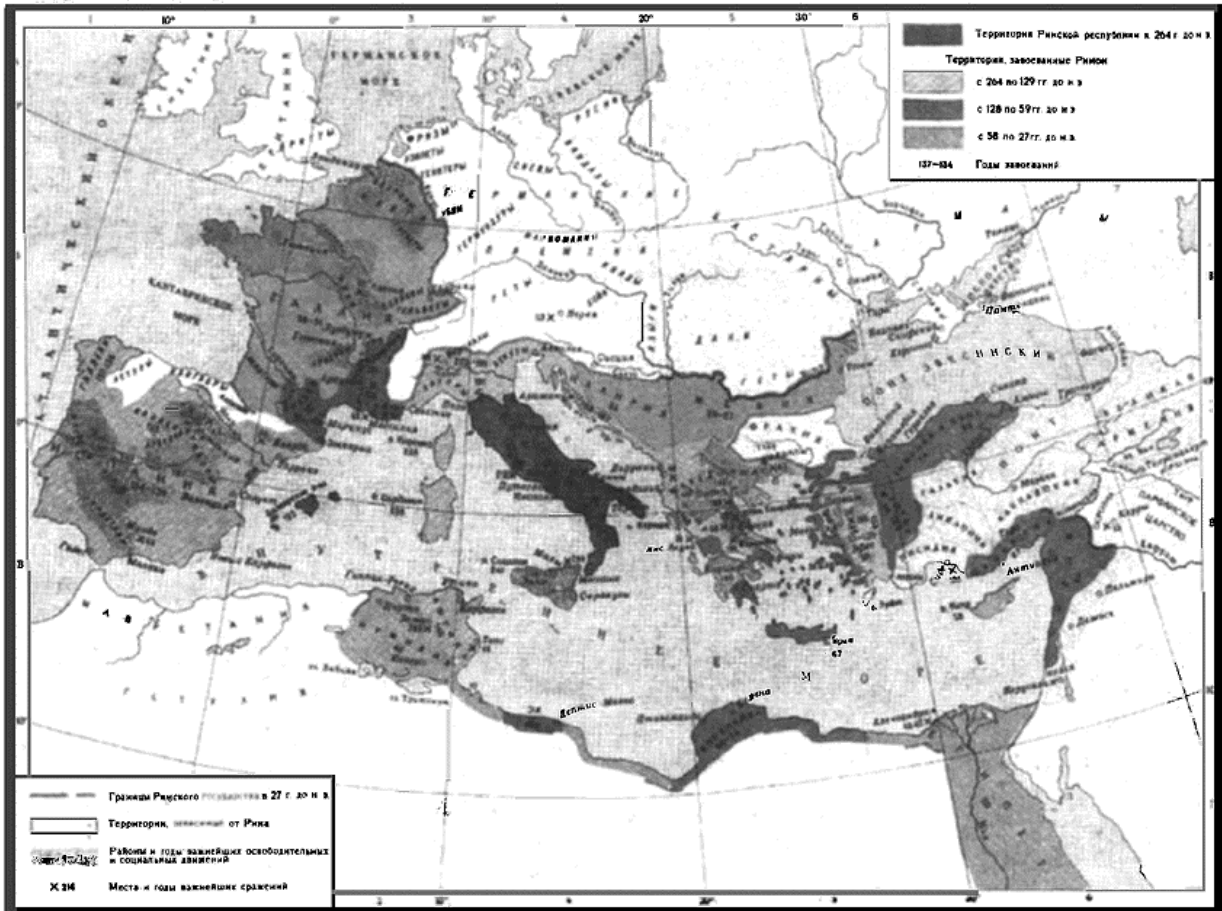
Есть все основания считать, что Цезарь подготовился к походу весьма основательно, как в военном, так и в политическом отношении. В общей

сложности, в дунайских и восточных провинциях было собрано более 25 легионов. Диктатор обеспечил и прочный тыл. В Азии после победы над Фарнаком и подчинения Ариобарзана и Дейотара, положение было достаточно стабильным, в Египте лояльность страны обеспечивали Клеопатра и римские войска, а Иудея после мероприятий Цезаря должна была поддержать римлян.

Видимо именно Цезарь принял решение об изменении маршрута вторжения. Отказавшись от прямого удара через пустыни Месопотамии, он решил наступать через горные районы Армении. Римская армия могла пройти по горам без риска подвергнуться атаке со стороны парфянской кавалерии и оказаться вблизи от важнейших центров Парфии. Именно так двигался в 36 г. Антоний. На троне Армении продолжал оставаться Артавазд II (55–34 гг.) бывший (хотя и ненадежным) союзником римлян, вначале Красса, а затем и Антония. В армии Антония была сильная конница из восточных областей и царств. Согласно Ливию, она насчитывала 16 000 всадников (Liv. Epit., 130), согласно Плутарху — 10 000 всадников и 30 000 союзников, из числа которых 6 000 конницы и 7 000 пехоты выставил Артавазд Армянский (Plut. Ant., 37). Вероятно, аналогичные меры планировал и Цезарь. То, что на начальном этапе он не располагал столь большим количеством кавалерии, говорит в пользу балканского варианта, после чего должно было происходить наращивание кавалерийских контингентов.

Одно сообщение Иосифа Флавия показывает, что диктатор пытался осуществить определенную “спецоперацию” при парфянском дворе. У Орода II были два сына, Пакор и Фраат. Цезарь послал в дар парфянским правителям красивую рабыню Формуссу (Jos. Ant., XVI, 2, 4), ставшую впоследствии любовницей, а затем и женой Фраата. “Мина замедленного действия”

сработала позднее. В 39 г. умер Ород, к концу жизни начинающий склоняться к миру с римлянами. Царем стал Пакор, уже с 41 г. начавший войну с Римом, однако в 38 г. Пакор пал в бою. Несмотря на то, что Фраату IV пришлось вести трудную войну с Антонием, в 36 г. он был, в отличие от Пакора, сторонником более умеренной политики и в 20 г. до н.э. пошел на мирное соглашение с Августом, надолго обеспечившее мир на восточной границе Империи. Рим также был обессилен гражданской войной и войнами на севере. За долгое правление Фраата IV (около 40–3 гг. до н.э.) отношения Рима и Парфии отмечены определенным равновесием. В конце правления Фраата Формусса уговорила царя отправить законных детей заложниками в Рим и сделать наследником ее сына Фраата V (Фраатака) (3 г. до н.э. — 3 г. н.э.). Приход к власти Фраата V привел к дестабилизации в Парфии, римлянам удалось посадить на престол своего нового ставленника Вонона I (около 7–12 гг. н.э.) и только после острой борьбы к власти пришел ставленник парфянской знати Артабан II (10 — около 38 гг. н.э.). В случае вторжения Цезаря, сходного рода события могли произойти раньше.

Трудно сказать, каковы были планы Цезаря в отношении германцев, но примечательно, что в 43 г. в Испании и Галлии находилась мощная военная группировка: 4 легиона М. Эмилия Лепида в Ближней Испании, 3 легиона Планка в Галлии и 2 легиона Азиния Поллиона в Дальней Испании (App. В.С., III, 46). Армию можно было усилить. С началом гражданской войны 43 г. Лепид усилил войска до 7, а Планк — до 4 легионов. Не менее двух легионов стояли в Цизальпийской Галлии. Все эти командиры были доверенными лицами Цезаря, и их задачей было удержание западных провинций. Вместе с тем, создать в Галлии армию, равную по силе галльской армии Цезаря, было не так уж трудно.

Действия этой группировки могли координироваться с операциями балканской армии. В 6 г. н.э. Тиберий, пасынок Августа, бывший тогда фактическим

главнокомандующим северной армии римлян, планировал двойной удар по царству Маробода и независимым германцам. Армия Тиберия шла из Паннии, вторая армия легата Гн. Сентия Сатурнина двигалась навстречу ей из Германии. Каждая из них насчитывала примерно 6 легионов. План был сорван восстаниями в Паннии (6–9 гг. н.э.) и в Германии (9 г. н.э.).

Итак, большой поход Цезаря, по всей видимости, должен представлять собой не долгий поход со сложным маршрутом, а серию последовательных или одновременных ударов, вероятно, наносимых разными группировками. Вероятность успеха была очень велика, план был прекрасно подготовлен как в военном, так и в политическом отношении. Он был частично реализован Антонием и Августом, а затем и последующими правителями Империи, однако момент был упущен. Рим смог реализовать свой исторический шанс лишь частично, но даже то, что смог сделать Август, на два столетия сделало Империю неуязвимой. Полная реализация плана Цезаря могла привести к разгрому всех внешних противников и ликвидации всякой внешней угрозы. Этот план был сорван убийством Цезаря и последовавшей гражданской войной.

Глава X.

ЦЕЗАРЬ И РИМСКАЯ КУЛЬТУРА

Эпоха Цезаря стала важнейшей частью того духовного переворота, который создал оригинальную культуру Рима. I век до н.э. стал своего рода «нормативным» этапом ее формирования и превратил римскую культуру в греко-римскую, а затем уже и в общесредиземноморскую, что происходит в последующие века (I и II вв. н.э.). Культурный скачок затронул все области: красноречие и философию, историографию и политическую теорию, филологию и поэзию, науку и научную прозу. Поколение Цезаря заняло особое место в этом развитии, значительное место принадлежит здесь и самому диктатору.

Первым этапом духовного переворота стало время Гракхов, а ведущими областями, повлекшими за собой все развитие гуманитарной культуры — красноречие и историография. Расцвет красноречия был вызван активизацией политической жизни, ростом публичности политики и развитием судебной системы. Римскому политику все чаще и чаще приходилось выступать перед аудиторией: в народном собрании, перед армией, в сенате, в суде.

Цицерон считает этот период временем перехода от обычного «стихийного» красноречия, основанного на общем владении речью и знании предмета, к красноречию профессиональному, базировавшемуся на профессиональной подготовке, специальных знаниях, особых технических навыках и постоянно развивающейся теории. Со времен Гракхов практически все крупные римские политики получали специальную подготовку в Греции или учились у греческих педагогов. Рим принимает разработанную в эпоху эллинизма

риторику, развивающую технику ораторских выступлений. Детальному анализу подвергаются такие вопросы, как предмет красноречия, структурные основы речи, построение слов и предложений, тональность речи, способы подготовки к выступлению и развитие речевых данных. На рубеже II и I вв. до н.э. получает второе дыхание начавшаяся еще в III веке полемика между двумя ораторскими направлениями, азианизмом и аттикизмом. Азианисты (от слова «Азия») ориентировались на более пышные, украшенные и вычурные образцы эллинистического красноречия, процветавшие в Малой Азии. Аттикисты настаивали на соблюдении более простых правил, лаконизме и четкости речи и ориентировались на афинскую ораторскую прозу V-IV вв. до н.э. (Лисий, Эсхин, Демосфен, Исократ). Римские ораторы также разделились на два лагеря, Цицерон скорее тяготел к азианству, Цезарь с его ясным, правильным и простым языком, основанным на четких грамматических правилах, примыкал к аттикистам.

Самыми значительными ораторами конца II века до н.э. Цицерон считает обоих Гракхов и основателя династии популяров, консула 120 г. Г. Папирия Карбона (Cic. Brut., 27, 103; 33, 125-127). Эти великие мастера слова существуют на фоне других, менее крупных, но заметных ораторов: Гая Фанния, Д. Брута; консула 121 г. Кв. Фабия Максима и членов кружка Сципионов — Л. Фурия Фила, Мания Манилия, а также принцепса сената Аппия Клавдия Пульхра; консула 162 г. Л. Корнелия Лентула и противника Гая Гракхов, народного трибуна 122 г. М. Ливия Друза и его брата, Гая (Cic. Brut., 38, 107-109). К их числу относили и популяров, консула 125 г. М. Фульвия Флакка и трибуна П. Деция. Выдающимися ораторами Цицерон считал Г. Скрибония Куриона, П. Рутилия Руфа, а также Кв. Элия Туберона (Cic. Brut., 29, 110; 31, 117). Эпоха Югуртинской войны дала, согласно

Цицерону, таких ораторов как Г. Сервий Гальба, П. Лициний Нерва, консул 104 г. Гай Флавий Фимбрия, Гай Секстий Кальвин и Тит Альбуций (Ibid., 33, 117; 34, 129–130). Этот ряд заканчивается Квинтом Катулом, консулом 102 г., Квинтом Цецилием Метеллом Нумидийским и консулом 109 г. М. Юнием Силаном. Хорошими ораторами были и лидеры популяров, Гай Меммий и Спурий Торий, инициатор аграрного закона 111 г.

Второй расцвет ораторского искусства, самый значительный перед эпохой Цицерона, приходится на 90-е гг. I века. Это время деятельности кружка Л. Лициния Красса и Марка Антония, к которому принадлежали несколько представителей рода Сцевола, Цезарь Страбон, братья Котты и П. Сульпиций Руф, будущий трибун 88 г. (Ibid., 37, 139–144; 164). Эта блестящая плеяда ораторов была непосредственной предтечей Цицерона и его современников. Судьба их была трагична, почти все они стали жертвами гражданских войн 80-х гг. Среди мастеров красноречия Цицерон упоминает многих видных политиков: консул 91 г. Л. Марций Филипп (Ibid., 37, 173), консул 87 г. Гн. Октавий (Ibid., 47, 176), консул 72 г. Л. Геллий (Ibid., 37, 174), претор 74 г. П. Корнелий Цетег, Лукреций Офелла и Т. Анний (Ibid., 48, 178), а также — Квинт Варий и П. Антистий Вет (Ibid., 49, 179). Эти ораторы были как бы «фоном» для кружка Антония и Красса. По утверждению Цицерона, в определенный промежуток времени дела вели только шесть адвокатов: Красс, Антоний, Цезарь Страбон, консул 75 г. Г. Аврелий Котта, Сульпиций Руф и Марций Филипп (Ibid., 57, 207).

Несколько способных ораторов дало окружение Суллы: это были консулы 76 и 75 гг. Гней и Луций Октавий и консул 78 г. Кв. Лутаций Катул. Цицерон также считает хорошими мастерами красноречия

Сатурнина, Гн. Папирия Карбона и Главцию (Ibid., 62, 222-223; 224-225).

Самый значительный этап развития красноречия приходится на 80-40-е гг. I века, а крупнейшими представителями этого жанра были Цицерон, Квинт Гортензий Гортал и Цезарь. Именно в таком порядке Цицерон перечисляет ораторов этого поколения. Это не было его субъективным мнением, современники его разделяли. За Цицероном однозначно утвердилось слава величайшего римского мастера слова. Он же является нашим главным источником по истории римского ораторского искусства. От него дошли 58 речей (всего их было примерно в два раза больше) и 7 трактатов по ораторскому искусству.

Первые ораторские успехи Цицерона связаны со временем Суллы. В 80 г. состоялся его ораторский дебют, а речь «За Секстия Росция Америнского», в которой Цицерон защищал молодого человека, ставшего жертвой сулланцев, была первой речью, которая принесла ему славу. В 70 г. он произнес шесть знаменитых «Веррин». Новым пиком ораторской деятельности Цицерона был год его консульства, давший три речи «Против аграрного закона», четыре речи «Против Катилины» и речь «За Рабирию». 50-е гг. отмечены блестящими речами, направленными против Клодия («Речи в сенате и перед народом по возвращении» — 57 г.; «О своем доме» — 56 г.; «За Сестия», «Об ответах гаруспиков», «О консульских провинциях» — 56 г.; «За Милона» — 52 г.). Наконец, в 44-43 гг. он произносит 14 Филиппик против Марка Антония. Речи Цицерона были, вероятно, самым ярким выражением развития римского красноречия, как в плане совершенствования содержательной части речи, так и в плане создания «золотой латыни», ее лексики, фонетики и синтаксиса.

Кроме речей, перу Цицерона принадлежит ряд трактатов. Последние относятся к периодам отхода Цицерона от политики в эпоху триумvirата (55–54 гг.) и диктатуры Цезаря (46–44 гг.). Как оратор-практик, Цицерон был тесно связан с острой политической борьбой, тогда как Цицерон-теоретик был связан с периодами вынужденного досуга. В 55 г. он пишет большой трактат «Об ораторе» в 3 книгах, посвященный систематизации теории ораторского искусства. Темами трактата стали предмет красноречия, его место среди других областей знания и видов практической деятельности (право, политика, философия), анализ построения речи, жанры и их особенности, выражение мысли, манера произнесения и некоторые специальные сюжеты (напр. роль юмора). В 46 г. он пишет диалоги «Брут», где излагает историю римского красноречия и «Оратор», посвященный образу идеального оратора. Четыре малых трактата «О нахождении материала» (86 г.), «О наилучшем виде ораторов» (46 г.), «Подразделения речи» (46 г.) и «Тописка» (44 г.), посвящены частным вопросам красноречия и также относятся ко времени диктатуры Цезаря.

Взгляды Цицерона на красноречие настолько многогранны, что дать их полную характеристику было бы, наверное, необычайно трудно, однако его главная мысль достаточно очевидна: знаменитый оратор настаивает на синтезе теории и практики, сочетании глубокой общей эрудиции, глубокого знания теории и огромной практической деятельности.

Квинт Гортензий Гортал (114–50 гг.) был единственным оратором, которого Цицерон сравнивал с самим собой. Ему он уделил особое внимание в трактате «Брут» (Cic. Brut., 64, 228; 87, 301–89, 304; 92, 317, 93, 321–96, 329. К сожалению, от речей Гортензия не дошло ничего, и информация в основном идет от его коллеги, соперника и союзника, Цицерона. Деятельность

Цицерона и Гортензия проходила параллельно. В 81 г. Гортензий выступал как оппонент Цицерона в процессе Л. Квинкция, в 70 г. он защищал Верреса, в 67 и 66 гг. выступал против законов Габиния и Манилия о полномочиях Помпея. После 63 г. политические позиции Цицерона и Гортензия сближаются. В 62 г. они совместно защищали Мурену (*Cic. Pro Mur.*, 10, 48) и П. Корнелия Суллу. В 57 г. Гортензий активно участвовал в кампании за возвращение Цицерона из изгнания, в 55 г. был противником законов Красса и Помпея (*Dio.*, 39, 37), а в 52 г. вместе с Цицероном защищал Милона (*Asc. pro Mil.*, 33). Цицерона и Гортензия связывала личная дружба. В 45 г. Цицерон написал диалог «Гортензий», посвященный проблемам философии и ораторского искусства. Согласно Цицерону, Гортензий был сторонником традиционного римского практического красноречия и, признавая значение греков, брал у них только технические приемы, не заимствуя философские и политические концепции, что противоречило теории Цицерона, настаивавшего на необходимости более глубокого заимствования и взаимовлияния. (*Gell.*, I, 1, 4).

Цицерон всегда был очень высокого мнения об ораторских способностях Цезаря. Политик, полководец и реформатор, Цезарь был в меньшей степени оратором-профессионалом, нежели Цицерон и Гортензий. Речи в его «Записках» дают представление о его ораторском стиле: лаконизм, ясность, правильный четкий язык и содержательность, за счет которой и создавался необходимый эффект (*Caes. B.G.* I, 14; 31; 35–36; 40; 44; VII, 20; *V.C.*, I, 7; 32; II, 31–32). О речах Цезаря и его ораторских дарованиях писали многие авторы, а Цицерон специально отмечает его тщательность в области употребления слов и правильность латинской речи, а также профессионализм, тщательность подготовки, «величественность и благородство формы» (*Cic. Brut.*, 72, 252; 74, 258; 75, 261). Согласно Светонию,

Цицерон и Брут считали его лучшим римским оратором (даже в сравнении с Гортензием) и находили у него сходства с ораторской манерой Цезаря Страбона (Suet. Caes., 55). Квинтилиан сопоставляет Цезаря только с Цицероном (Quint., X, 1, 14), а Тацит отмечает, что занятия Цезаря политикой и военными действиями не дали ему возможности совершенствоваться в красноречии так, как того «требовал его божественный ум» (Tac. De orat., 21). Для последующих поколений Цезарь был третьим (после Цицерона и Гортензия), а иногда и вторым (после Цицерона) великим римским оратором, а в глазах некоторых мог быть и первым.

Несколько его речей известны нам по фрагментам. Это речь против Гнея Корнелия Долабеллы (77 г.), речь за предложение Плавтия о восстановлении трибуната (70 г.), речи на похоронах тети Юлии и жены Корнелии (68 г.), речи «За вифинцев» (Gell., V, 13), «Против Г. Меммия и Л. Домиция» (58 г.), речь в защиту своих действий в период консульства (58 г.), речь перед воинами (45 г.). Несомненно, были и другие (Suet. Iul., 55).

Цицерон, Гортензий и Цезарь были звездами на необычайно ярком фоне других хороших ораторов; некоторые из них имели репутацию выдающихся мастеров ораторского искусства. Цицерон называет консула 97 г. П. Лициния Красса, отца триумвира, Гая Фимбрию (противника Суллы), консула 72 г. Гн. Корнелия Лентула, П. Лициния Мурену, Г. Марция Цензорина и Л. Фурия. Известным оратором был историк Сизенна. Талантливым мастером слова считался видный историк и трибун-популяр 70-х гг. Гай Лициний Макр (Cic. Brut., 66, 228–67, 238).

Среди ораторов 60–50-х гг. Цицерон упоминает консула 67 г. Г. Кальпурния Пизона, консула 62 г. Д. Юния Силана, Кв. Помпея Вифинского и катилинария П. Автрония, а также ораторов из муниципиев, Г. Октавия

из Реате, Г. Коскония и Гая и Луция Цепазиев (Ibid., 68, 239–69, 243). Он также сообщает о наличии многих крупных ораторов среди политиков-оптиматов 50-х гг. Так, Цицерон считает выдающимися мастерами красноречия Метелла Целера и Метелла Непота, а также консула 51 г. Гая Клавдия Марцелла и Манлия Торквата-младшего (Ibid., 70, 245; 247; 71, 248–251), а в числе «умеющих говорить» упоминает Бибула, консула 54 г. Аппия Клавдия Пульхра, Лентула Спинтера и Лентула Марцеллина, равно как и консула 49 г. Л. Корнелия Лентула Круса (Ibid., 77, 267–268). Среди талантливых ораторов младшего поколения Цицерон называет Целия Руфа, Марка Канидия, Куриона-младшего, поэта Лициния Кальва и сына триумвира, Публия Красса (Ibid., 79, 273–281, 292). Как Цицерон, так и другие источники, сообщают о незаурядных способностях Помпея (Ibid., 68, 239).

По неясным причинам в списке Цицерона отсутствуют некоторые крупные политические деятели. Плутарх пишет о значительных ораторских способностях Лукулла (Plut, Luc, 1), Марка Красса, бывшего, кроме всего прочего, одним из самых востребованных адвокатов (Plut., Crass, 3), и Катона, несомненно, принадлежавшего к числу выдающихся мастеров красноречия (Plut., Cato, 4–5). Много хороших ораторов дала цезарианская партия: Антоний, Азиний Поллион, Гирций, Панса, Оппий и, возможно, даже Фуфий Кален.

Хотя Цезарь не оставил произведений по теории красноречия, он много занимался филологией и лингвистикой^[76]. Проявил он себя и еще в одном относительно новом жанре. Именно в это время зарождается эпистолография, наиболее ярким представителем которой был Цицерон. От последнего дошло 37 книг писем (16 книг к Аттику, 16 книг к близким (familiares), 3 книги писем к брату Квинту и две — к Марку Бруту), включавших более 1 000 писем.

Переписка Цицерона воистину уникальна, среди его корреспондентов было около 100 человек. Список включал политических лидеров, видных представителей политического мира, интеллектуалов, деловых людей, родственников и друзей оратора. Это обстоятельство свидетельствует о распространенности жанра. Писать письма стало принятым и модным. Переписка Цезаря дошла в небольших фрагментах, но количество адресатов (около 30) также достаточно велико. Среди них были Цицерон, Аттик, Помпей, Красс, Оппий, Бальб, Гирций, Марк Антоний и др. {288}.

«Красноречие — питомец своеволия», — писал Тацит. Его питательной средой была бурная эпоха политической борьбы. Спад начался после победы Августа. Этому способствовала утрата политической остроты и сужение свободы творчества, кроме того, в ходе гражданских войн сообщество политических ораторов понесло большие потери. Развитие красноречия продолжалось, но оно шло в сторону формализации. Римская империя I–II вв. н.э. дала Азиния Поллиона, Валерия Мессалу, Сенеку Старшего, Квинтилиана, Плиния и Тацита. Вместе с тем, красноречие и культура слова начинают оттесняться письменной культурой, люди стали меньше говорить и больше писать. Часть своего потенциала ораторское искусство отдало другим жанрам, историографии, поэзии, правоведению, научной прозе, филологии и лингвистике. Искусство повествования и реконструкции событий дает импульс истории, музыка слова — поэзии, точность критических аргументов — развитию права и теории государства, тщательность в использовании слов и конструкций — филологии и грамматике. Вместе с тем, римляне помнили свои истоки: подобно тому как практически вся греческая литература классического времени вышла из Гомера, римская культура эпохи

Империи вышла из Цицерона и его выдающихся современников, одним из которых был Цезарь.

Умерший в 149 г. до н.э. Марк Порций Катон Старший стал создателем литературной латыни и последним представителем старшей анналистики. Во времена Гракхов начинается новая волна так наз. средних анналистов (Кассий Гемина, Л. Кальпурний Пизон, Гней Гелий и Г. Фанний). Похоже, что новый шаг сделал Кассий Гемина, начавший свой труд с Гомера и Гесиода и попытавшийся включить историю Рима в общеисторический контекст (Gell., XVII, 21, 3). Консул 137 г. Л. Кальпурний Пизон по традиции писал всеобщую историю, начиная от Ромула (Ibid., XI, 4; XV, 29, 2) и, судя по Ливию, продолжил ее, по крайней мере, до 2 Пунической войны, а, возможно, и подошел к событиям своего времени. Язык Пизона (Gell., VII, 9) отличается и от греческого языка старших анналистов, и от архаической латыни Катона. Это был первый шаг к созданию «золотой латыни».

Важные перемены связаны с трудами Л. Целия Антипатра и Семпрония Азеллиона. Целий Антипатр, возможно, стал основателем исторической монографии, начав не с Ромула, а скорее всего с 390 г. до н.э. Семпроний Азеллион (род. в 160 г.) написал исторический труд о современных ему событиях. Труд состоял из 14 книг (Gell., XIII, 22, 8). Неясно, откуда начал автор, но в 4-й книге речь идет о Сципионе Африканском (Ibid., II, 14, 4-5). Вероятно, труд концентрировался на событиях II — начала I в. до н.э. и был доведен до Союзнической войны.

После 80-х гг. начинается новый расцвет историографии. Возникновение младшей анналистики приходится на 70-е гг., что совпало по времени с тяжелыми войнами этого периода. Для младших анналистов характерно появление некоторых новых принципов. Во-первых, историография отказывается от

традиционного изложения событий в форме летописи «от Энея или Ромула и волчицы»^{289}, создавая, наряду с традиционными анналистическими жанрами, сочинения нового типа. Таким новым жанром была историческая монография, посвященная отдельному историческому периоду. Наряду с ним появились «личные» жанры — биография, мемуары и автобиография, что существенно расширило жанровые возможности. Во-вторых, в историографию приходят политическая теория, новые методы исторического анализа и достижения греческой мысли. Именно в период от 70-х гг. I века до конца принципата Августа достигают своего расцвета все жанры исторической литературы, — как традиционная анналистика, так и биография, автобиография и жанр мемуаров.

Двух младших анналистов еще можно считать представителями традиционного жанра. Это претор 78 г. Кв. Клавдий Квадригарий, написавший большой исторический труд (не менее 23 книг). Многочисленные фрагменты Квадригария не позволяют нам составить цельное впечатление о его сочинении, хотя некоторые выводы все же возможны. Как и Целий Антипатр, Квадригарий начинает труд не с Энея или Ромула, а с галльского нашествия (390 г.) и заканчивает примерно своим временем (последнее известное нам событие — взятие Афин Суллой). Другой анналист, Валерий Анциат, в духе старой традиции, написал огромный труд от основания Рима до, предположительно, 90-х гг. I века до н.э. Сочинения Квадригария и Анциата были весьма широко, хотя временами и в критическом ключе, использованы Титом Ливием.

Впрочем, до времени появления труда Ливия анналистический жанр уходит на второй план. Тит Ливий (59 г. до н.э. — 17 г. н.э.) написал огромный труд, вобравший в себя всю традицию анналистики и во многом завершивший создание «римского мифа». Труд

Ливия, предположительно именуемый «От основания города» (*Ad urbe condita*) состоял из 142 книг, начинался с Энея и заканчивался событиями 9 г. до н.э. Это была первая крупная всемирная история, несомненно, ставшая результатом создания сверхдержавы. Концепция Ливия в полной мере отражает идеологию нового общества, сочетавшую цезаристскую идею Империи, августовскую идею реставрации и республиканскую (идущую от Цицерона и Катона) идею «свободы» и «великого Рима».

Жанр всеобщей истории был весьма популярен и у греческих авторов и также получил новое развитие при Цезаре и Августе. Он приобрел, вероятно, более близкий к идеям Цезаря характер всемирной истории, когда акцент (в отличие от Ливия) делается не на Риме, а на единстве человечества. В эпоху Августа были предприняты четыре попытки такого рода. Двое из этих авторов (Диодор и Помпей Трог) начинали свою творческую жизнь во времена Цезаря, а два других (Дионисий Галикарнасский и Николай Дамасский) уже полностью принадлежат времени Августа.

Диодор Сицилийский (80–29 гг. до н.э.), продолжая традицию Полибия и Посидония, написал труд в 40 книгах под названием «Историческая библиотека». Сочинение Диодора было посвящено всемирной истории, начиная от первых людей и древнейшей истории Востока (т.е. от Нина и Озириса) до британских походов Цезаря (54 г.). Эта концепция отражала цезаристскую идею несколько по-иному, чем труд Ливия. Впрочем, на Диодоре и Николае Дамасском эта линия прерывается, а добротная компиляция греческого историка не идет ни в какое сравнение с глубокими аналитическими обзорами Полибия и Посидония.

Дионисий Галикарнасский, автор «Римских древностей» воплощал уже новую идею. Охватив период от Ромула до 2 Пунической войны, Дионисий ставил

своей задачей анализ римских правовых и политических институтов с целью обнаружения родства двух великих народов, греков и римлян. Наконец, Николай Дамаский написал огромный труд в 144 книгах, также представивший опыт всемирной истории. Отсутствие фрагментов не позволяет нам высказать какой-либо обоснованный вывод, но сочинению, вероятно, были присущи объединительные идеи полибиево-посидониевой традиции.

Возможно, самым необычным явлением была еще одна «Всемирная история» в 44 книгах, написанная уроженцем Галлии Помпеем Трогом и дошедшая в переложении христианского автора II века н.э. Юстина. История представлена в виде последовательного развития четырех Империй: Ассирийской, Вавилонской, Персидской и Греко-Македонской, а все сочинение проникнуто антиимперской идеей. Трог продолжает мысль Саллюстия о негативных последствиях превращения Рима в огромное имперское государство, а отрицательное восприятие всемирной сверхдержавы провинциалом прослеживается у него вполне определенно.

Всемирная империя создает всемирную историю. Это было несомненным отражением новой эпохи Цезаря и Августа. Имперская идея выступала в различных ракурсах, которые скорее дополняли друг друга, нежели содержали принципиальное противоречие. Идея Рима как создателя Империи (Ливии), подчеркивавшая римский характер нового общества, сочеталась с идеей единства всего человечества (Диодор) и родства Рима и Греции (Дионисий Галикарнасский), при этом допуская и определенную долю антиимперского протеста (Помпей Трог).

В послесулланское время зарождается историческая монография. Ограничение сюжета было частично связано с большим накоплением материала, с другой

стороны, небольшая монография могла дать лучшую возможность донести до читателя конкретную мысль.

Если анналистическая история была пронизана консервативными идеями, то монография стала жанром, характерным для историков-популярных. Наверное, первое сочинение, написанное с этих позиций, принадлежало перу Г. Лициния Макра, народного трибуна 73 и претора 68 г., активно агитировавшего за отмену сулланских законов. Судя по всему, труд Макра представлял собой относительно краткий обзор истории Рима с древнейших времен (писатель упоминает об Акке Ларенции). Ливии критикует его за восхваление рода Лициниев, а Цицерон — за многословие в речах, тогда как Дионисий Галикарнасский причисляет его к «хвалимым историкам». Цицерону, вероятно, не нравилось и то, что Макр уделял особое внимание борьбе патрициев и плебеев и писал свой труд с позиций римских демократов. В речи Макра, приведенной Саллюстием, проводится яркая параллель между борьбой патрициев и плебеев и действиями популярных в 70-е гг.

Продолжателями жанра стали Сизенна и Саллюстий. Л. Корнелий Сизенна родился в 118 г., в 78 г. он стал претором, в 70 г. защищал Верреса, в 67 г. был легатом Помпея в войне с пиратами, после чего был направлен к Метеллу на Крит. Сочинение «Истории» в 12 книгах было посвящено современному Сизенне периоду и охватило самое трагическое десятилетие римской истории (90–80 гг.). Цицерон считает, что Сизенна превзошел всех предшествующих историков (*Cic. de leg.*, I, 7; *Brut.*, 238) и был прекрасным оратором, хотя и несколько увлекался литературной стороной изложения, подражая Клитарху. Сизенна, видимо, ввел в свое повествование эффектные сцены и речи. Саллюстий также ценил его как писателя, но не разделял его политические оценки, поскольку

Сизенна проводил линию на реабилитацию Суллы (Sail. Iug., 95).

Гай Саллюстий Крисп (86–35 гг.), биография которого уже не раз затрагивалась в предыдущем изложении, является несомненной вершиной жанра и единственным его представителем, чьи труды дошли до нас практически полностью^[77]. Он обратился к публицистике уже во время гражданских войн и написал два письма Цезарю (первое — около 50 г., а второе — около 46 г. до н.э.), однако его подлинное обращение к литературе происходит после собственной отставки и особенно — после смерти Цезаря. Саллюстий стал первым проконсулом образованной в 46 г. провинции Нумидии, а по возвращении в Рим его ожидал суд по обвинению в вымогательствах. Цезарь избавил Саллюстия от процесса (Dio., 42, 9, 2), но политическая карьера кончилась, а вскоре после этого погиб и диктатор. Саллюстий удалился в построенную им великолепную усадьбу между Квириналом и Пинцием, а затем купил усадьбу Цезаря в Тибуре. В политику он более не вернулся, но именно в последнее десятилетие жизни были написаны три основные сочинения Саллюстия: «Заговор Каталины» (41 г.), «Югуртинская война» (39–36 гг.) и «Истории» (остались незавершенными). В последнем труде описаны события 78–66 гг., эпоха больших войн 70-х гг. и постсулланского Рима.

Отношение к Саллюстию в историографии неоднозначно. Очень многие ученые пытаются не обращать внимание на образ коррупционера^{290}. Его высоко ценят как историка и литератора, часто сравнивая даже с Фукидидом или Ксенофонтом^{291}. Блестящая композиция сочинения, стройная теория исторического развития Рима от эпохи царей до расцвета и упадка республики (Sail. Cat., 1–4; Iug., 1–5), прекрасный стиль и несомненный писательский талант,

психологические характеристики и яркие образы, знаменитая «краткость Саллюстия» (*Sallustiana brevitatis*) делают его крупнейшим представителем жанра.

Хотя жизнь Саллюстия скорее похожа на жизнь представителей круга Антония, стремившихся получить максимум от своей победы, его взгляды отражают позицию «неоконсерваторов», а сетования на всеобщую коррупцию, честолюбие и продажность (*ambitio et avaritia*) выглядят довольно необычно на фоне его собственной деятельности. Пороки, на которые сетует автор и которые часто воспринимались как плод откровения выдающегося мыслителя^[78], были в полной мере свойственны ему самому.

Саллюстий ненавидит правящую сулланскую и постсулланскую знать и дает ей очень точные и беспощадные характеристики. Злоупотребления властью, жестокость, насилие, коррупция, некомпетентность, роскошь, корыстолюбие таковы общие характеристики нобилитета у Саллюстия. Именно это стало причиной военных поражений, развала армии, обострения социальных противоречий, политической борьбы и, наконец, привело к глобальным угрозам типа заговора Каталины, в котором автор видит еще одно уродливое порождение аристократического правления (*Sail. Cat.*, 12; 16–18; 20; *Iug.*, 15–16; 31; 41; *Hist. Or. Lep.*). Саллюстия часто считают демократом и популяром, и, действительно, на его страницах можно найти сочувственные нотки по отношению к обездоленным и задавленным произволом знати народным массам. Тем не менее народ вполне «достоин» своих правителей, неспособен к управлению и стремится лишь к грабежам и стихийным бунтам, а его лидеры, популяры, столь же эгоистичны, как и их противники, и борются только за собственную власть (*Sail. Cat.*, 37–39; *Iug.*, 40).

Произведения Саллюстия полны пессимизма, положительное начало он видит лишь в отдельных

политических лидерах. Характеристикам главных антигероев, представителей нобилитета, таких как Катилина, Пизон или Эмилий Скавр, противопоставляются положительные герои, среди которых оказываются Цезарь (Sail. Cat., 54), Марий, Меммий (Iug., 30), равно как и Метелл Нумидийский (Iug., 43), Катон (Cat., 54) и даже Сулла (Iug., 95). Впрочем, позитивная характеристика Суллы относится только к «Югуртинской войне», авторское суждение в «Заговоре Катилины» звучит уже гораздо более сурово (Sail. Cat., 11), а в «Истории», в речах Лепида и Лициния Макра (Sail. Hist. Or. Lep.; Or. Mac), даны совершенно уничтожающие характеристики диктатора и созданного им режима.

Тем не менее в больших произведениях Саллюстия нет позитивной программы, а положительные герои (Марий, Цезарь или Катон) не способны избавить государство от застарелых зол. Позитивная программа содержится в Письмах к Цезарю, принадлежность которых, строго говоря, находится под вопросом^{292}.

Во втором, более раннем письме Саллюстий пишет о рабстве, разобщенности и развращенности народа (Ep., II, 5, 8) и резко критикует нобилитет и его лидеров, включая Катона (Ibid., 9–11), призывая Цезаря «упрочить и укрепить государство» (Ibid., 4–7). Конкретных предложений не так много, главное из них — это чуть завуалированный призыв свергнуть правящую помпеянскую клику. Предложенные Саллюстием реформы, в целом, находятся в русле преобразований Цезаря. Автор приветствует программу расширения гражданства и, ссылаясь на пример Ливия Друза, призывает как можно скорее интегрировать новых граждан в политическую систему Рима (Ibid., II, 6–8). Достаточно радикально звучат предложения о выборе судей из всего I класса (Sail. Epist, II, 11, 5), увеличении числа сенаторов и даже — о введении в сенате тайного голосования (Ibid., II, 11, 5). Это был вполне

конструктивный план, в конечном счете выполненный Цезарем.

Первое (более позднее) письмо было написано в 46 г. после победы. В нем содержится призыв к милосердию к побежденным и восхваление политики милосердия (Sail. Ер., I, 4-5). Предлагаются и конкретные реформы: ликвидация ростовщичества (I, 5), усиление обороны Италии и провинций (I, 8, 4) и жесткий контроль за нравами (I, 6, 4). Антикоррупционные требования и требования наведения общего порядка соответствовали политике Цезаря, достаточно естественными были требования ликвидации сильного дисбаланса в имущественном неравенстве. Слабой стороной проекта Саллюстия была, вероятно, экономическая программа, когда автор требовал не только уравнивания собственности, но и свертывания денежных отношений, что противоречило курсу диктатора на экономическое развитие. Саллюстий парадоксальным образом пытался соединить практику Цезаря и реформы Суллы, что вызывало опасения, что правление цезарианцев превратится в правление Суллы «наоборот». Эти настроения были свойственны определенной части окружения Цезаря и, быть может, именно поэтому Цезарь по возможности отстранит эти круги от власти.

Программа Саллюстия соединила в себе настроения различных кругов цезарианской элиты. Приветствуя многие реформы Цезаря, он пытался внести определенные коррективы, с одной стороны, в духе старшего поколения консерваторов и новых «неоконсервативных» сил, с другой — выражая интересы тех, кто особенно решительно требовал плодов от своей победы. В известной мере, это были реформы Суллы «наоборот», когда наследие диктатора пытались ликвидировать его же методами. Как мы уже видели, Цезарь пошел в другом направлении^[79].

Рост роли личности и особенности событий I века до н.э. вызвали появление новых жанров, мемуаров, биографии и автобиографии. Мемуары писали многие видные политики того времени: М. Эмилий Скавр, Кв. Лутаций Катул (консул 102 г.), П. Рутилий Руф и Сулла. Скавр написал собственную биографию в 3 книгах, Катул оставил сочинение «О консульстве и делах своих», где описал события Кимврской войны. Рутилий Руф составил автобиографию в 5 книгах и написал историческую монографию на греческом языке, видимо, начав с событий II века. К сожалению, все эти труды известны по небольшим фрагментам, чаще всего приведенным не историками, а филологами и грамматиками. То же самое можно сказать о мемуарах Суллы, огромном труде в 22 книгах, который диктатор завершил всего за несколько дней до своей смерти. Мемуары были посвящены Л. Лицинию Лукуллу и изданы вольноотпущенником Суллы Корнелием Эпикадом (Plut. Sulla, 38). Сочинением много пользовался Плутарх. Судя по всему, это была апология действий диктатора с явным акцентом на внешних победах (более трети сочинения Плутарха посвящено Митридатовой войне — Plut. Sulla, 11-23) и меньшим вниманием к Союзнической (Plut. Sulla, 6) и даже гражданской войнам (Ibid., 27-30). Излишне утверждать, что Сулла возлагает на противника всю вину за развязывание гражданской войны и братоубийственной смуты, а его собственные жестокости объясняются ответом на действия марианцев. Впрочем, эти мысли диктатора можно восстановить лишь с определенной степенью вероятности.

Вершиной мемуарного жанра стали два сочинения самого Цезаря, «Записки о галльской войне» в 7 книгах (восьмая была написана Авлом Гирцием) и «Записки о гражданской войне» в 3 книгах. «Галльские войны» представляют собой последовательное погодное

изложение кампаний и заканчиваются подавлением восстания Верцингеторикса (52 г.). О событиях 51–50 гг. писал уже Гирций. В «Записках о гражданской войне» содержится рассказ о кампаниях 49 и 48 гг. до битвы при Фарсале, прибытия Цезаря в Египет и начала Александрийской войны.

О содержании мемуаров можно судить по предыдущим главам. Разумеется, существует огромная литература, посвященная детальному разбору содержания, степени достоверности информации, различным историческим и политическим аспектам произведения, цели написания мемуаров и всевозможным деталям описания тех или иных событий^{293}. Определенное внимание уделено и продолжателем Цезаря. Война в Египте и события 47 г. (война с Фарнаком, события в Испании и кампания в Иллирике) описаны в «Александрийской войне», кампания в Африке — в «Африканской войне», а последняя война в Испании — в «Испанской войне». Произведения написаны разными авторами, установить которых по-прежнему не удастся.

Не имея возможности подробного анализа сочинений Цезаря, остановимся на нескольких основных вопросах: цель написания, степень достоверности и общая политическая тенденция. Соблазн опровергнуть общую картину или хотя бы какие-либо отдельные детали, показать недостоверность, искажения или умолчания в сообщениях знаменитого полководца, найти в них «большую» или, по крайней мере «малую» ложь всегда был необычайно велик и то, что это, по большому счету, не удалось, можно со всей определенностью считать свидетельством достоверности «Записок». Уровень гиперкритического отношения к Цезарю всегда был выше среднего уровня гиперкритики по отношению к любому античному автору, а сопоставления с материалом других авторов, как правило,

свидетельствует в пользу Цезаря^{294}. Ни «большой», ни «малой» лжи в «Комментариях» не могло быть и по другой причине — желающих их обнаружить было слишком много.

Исследователи часто указывают на то, что оба сочинения имели своей целью самооправдание: в «Галльской войне» это было оправдание римской агрессии, а в «Гражданской» — стремление снять с себя ответственность за развязывание и ведение междоусобной брани. Как ставит вопрос Дж. Коллинз, нам интересно знать, что хотел оправдать Цезарь, и какими методами он для этого пользовался?^{295} Как полагают многие ученые, римское массовое сознание вовсе не требовало оправдания внешней войны в случае ее успеха^{296}, и практически все политические процессы были связаны с поражениями^{297}. Даже элементарное стремление военачальника к войне и обогащению считалось вполне естественным при условии, что оно не ведет к потерям и неудачам^{298}. Так, Лукулл подвергся очень жесткой критике за начало войны с Тиграном без какой-либо санкции правительства, но он никогда не был объектом судебного преследования, а уличить полководца в незаконном присвоении материальных ценностей также оказалось необычайно сложно. Цезарь не скрывает своих неудач: он подробно пишет как о собственных трудностях (поражения при Герговии и Диррахии, первоначальные неудачи под Илердой и т.п.), так и о неудачах своих легатов (гибель когорт Сабина и Котты в северной Галлии, разгром Куриона в Африке, поражение Домиция Кальвина в Азии в 47 г., мятеж 47 г. в Испании). Вместе с тем, автор четко осознает, что успехи явно перекрывают поражения, и ни один серьезный военный специалист не сможет упрекнуть его в некомпетентности. В основу мемуаров легли

официальные отчеты, а здесь искажение событий было бы попросту противозаконным. В известной мере, Цезарь попытался встать выше обыденного милитаристско-имперского сознания, оправдывающего любую войну в случае ее успеха.

Реально существовавшая галльская угроза и еще более опасное нарастание угрозы со стороны германцев и более остальных племенных союзов (белый, венеты, гельветы) по отношению как к Галлии, так и к Риму обрисованы Цезарем вполне определенно (Caes. B. C., I, 3, 4, 5, 6, 7; II, 31, 33; II, I; IV, I, 3, 16; VII, 1, 2, 5). Другая мысль, также выступающая с достаточной ясностью, — это мысль о том, что в Галлии существовали значительные силы, поддержавшие завоевание, а Рим всегда ставил в качестве одной из важнейших задач защиту своих союзников. Впрочем, Цезарь не пытается преувеличивать значение этого фактора он является римским полководцем, действующим в интересах Рима, а его политика милосердия по отношению к галлам — это нормальный способ поведения по отношению к побежденным, вполне соответствующий интересам римской политики. Не против Рима, а вместе с Римом — таков единственно перспективный путь любого народа, а вчерашний враг может стать завтрашним другом (B.G., I, 17; 28; 30, 31; 33; IV, 6; VI, II, 13, 23, 24; VII, I). В «Записках» есть еще одна тема — главным героем произведения становится римская армия с ее мужеством, профессионализмом, железной дисциплиной и высокой воинской этикой. Цезарь любил свою армию, стремился воздать дань ее достоинствам и показать необходимость такой армии для Рима.

В гражданской войне все было по-иному. С точки зрения любого римлянина война между гражданами была позорна и порочна, а любая пролитая кровь римских солдат становилась тягчайшим преступлением^{299}. Цезарь, вне всякого сомнения,

стремился доказать, что войну начал противник (В.С., I, 1-6) и, вместе с тем, продемонстрировать свое полное превосходство над помпеянами, показав их жестокость (В.С., I, 75; II, 18, 44; III, 8, 14, 19, 28, 31-33, 71), трусость и слабость (В.С., I, 12-15, 17-22, 24, 30, 76, 84; II, 44; III, 29, 37, 98)^{300}. Писатель делает акцент на бескровности войны, и именно политика *dementia* становится центральной идеей произведения. По справедливому замечанию Дж. Коллинза, Цезарь действительно хотел показать свое дело как дело мира (В.С., I, 5, 5), поддерживаемое большинством населения Италии и провинций. Он описывает эту поддержку, не пренебрегая даже мельчайшими деталями. Итальянские муниципии, испанские общины, племена Испании и Африки, греческие полисы, азиатские и сирийские народы — все они, в конечном счете, принимают сторону Цезаря, которому противостоит лишь кучка властолюбивых олигархов.

Демонстрируя имперскую идею, Цезарь показывает, что именно он является защитником традиционных римских устоев и твердо установленных римских границ. Описывая процесс развязывания гражданской войны, автор показывает легитимность своих действий и противозаконность действий противников. Он не создает какой-то новый мир с новыми «правилами игры», он «играет» по старым правилам, защищая вековые основы старого Рима, римское государство и римский закон. Сам Цезарь, вероятно, только намечает эту тему, в сочинениях его продолжателей, авторов «Александрийской», «Африканской» и «Испанской» войн, особенно подчеркивается участие на стороне противника внешних сил, Птолемея, Фарнака, Юбы.

Прощение — это не всепрощение, а милость победителя не означает невиновность побежденных. Таких идей в мемуарах практически нет — врага щадят, но его виновность продолжает оставаться. Вполне

определенно звучит и другая мысль: победа помпеянцев была бы губительна для Рима и провинций, и Цезарь снова и снова демонстрирует пагубность, опасность и близорукость политики противников (Caes. B.C., I, 6; II, 44; III, 31-33; V. Afr., 26).

Литературные качества труда делают мемуары Цезаря одним из лучших произведений римской литературы. Как писатель и оратор, он был крупнейшим представителем римского аттицизма с его четкой правильной речью, краткостью, ясностью, простотой и определенностью, что создавало подчас поразительные по своей силе эффекты.

Историография достигала своего расцвета практически во всех жанрах. В жанре мемуаров и исторической монографии этими вершинами были Цезарь и Саллюстий, позже, в лице Ливия достигает своего расцвета анналистическая историография, а уже во II в. н.э. появились Тацит и Плутарх.

На время Цицерона приходится расцвет политической теории и теории государства и права, и именно знаменитый оратор стал крупнейшим представителем этого литературного направления. Вопросам политической теории посвящены три больших трактата Цицерона, «О государстве», «О законах» и «Об обязанностях». Центральной темой всех трех сочинений, продолжавших учение Панетия и Полибия, а, в конечном счете, восходящих к платоновско-аристотелевской традиции, стали проблемы сущности государства и его формы, проблемы закона и законности, соотношения гражданского (*ius civile*) и «общечеловеческого» (*ius gentium*) права, «естественного» (*φύσις*) и «искусственного» (*νόμος*) порядка. В трактате «О законах» Цицерон дает краткий очерк государственного права, подробно анализируя римские органы власти (народное собрание, сенат и система магистратур) и общие принципы организации римской *ci vitas*.

Традиция Цезаря вела в сторону развития новой Империи, напротив, идеология Цицерона как бы подводила черту под республикой. Собственно говоря, именно он создал ту идеальную модель «свободной римской республики», которую с таким успехом удавалось противопоставить «цезаризму». Вслед за Полибием, Цицерон видел в римской республике идеальное сочетание трех форм государственного устройства, монархии, аристократии и демократии, видя первое в магистратской власти, второе — в полномочиях и авторитете сената, а последнее — во власти народного собрания. Это был идеализированный вариант той республики, которая существовала во времена оратора. Вместе с тем, будучи достаточно дальновидным и прагматичным политиком, Цицерон предлагает ряд разумных преобразований, целью которых является защита существующего строя.

Одной из этих новых идей является данное им в речи «За Сестия» (Cic. pro Sest., 45; 56–59; 109) расширенное толкование понятия «оптиматов», включавшее не только аристократов, как считали «твердолобые» консерваторы, но и достаточно широкий круг «благонамеренных» представителей всадничества, деловых кругов, средних и даже низших слоев населения и призывая сторонников традиционного порядка найти себе столь же массовую социальную базу, которая существовала у их противников, популяров. Цицерон постоянно настаивал на привлечении к власти всех талантливых, благонамеренных людей, дарования и энергию которых можно было использовать для защиты системы. К этой теории примыкает еще одна излюбленная идея Цицерона — *concordia ordinum* («согласие сословий»), основой которой был союз сената и всадников, аристократии и делового мира, верхней и нижней частей правящей элиты. Наконец, отдавая должное веяниям времени, знаменитый оратор создал

образ *princeps civitatis*, сильного военно-политического лидера, стоящего на страже существующего порядка. На протяжении почти всей своей жизни Цицерон видел такого лидера в Помпее, иногда (обычно из практических соображений) он пытался заигрывать и с Цезарем, а в последние годы захотел выступить в этой роли сам.

«Цицеронианство» было своеобразным политическим феноменом. При всей справедливости многих мыслей оратора, Цицерон был обращен в прошлое, а его новые идеи должны были защитить старую политику. Как и Полибий, Цицерон оставлял за пределами своей системы огромные массы провинциалов, а, возможно, и италиков, которых пытался интегрировать в свою политику Цезарь. Модель была приемлема для республики III века, но полностью непригодна для державы II века и сверхдержавы I века до н.э. С другой стороны, она оказалась исключительно привлекательной уже после того, как исчезли и реалии I века и даже сама римская цивилизация. Модель «идеальной республики» сыграла немалую роль в отрицании Цезаря и «цезаризма».

Примечательно, что Цезарь оказал знаменитому оратору еще одну невольную услугу. Занятый повседневной политикой и судебной деятельностью Цицерон мог уделять творчеству относительно мало времени. Периоды активной политической деятельности (что признавал и сам Цицерон) были для него относительно бесплодны в плане литературных занятий, наоборот, в периоды вынужденного досуга, «виновником» которого часто был Цезарь, Цицерон брался за перо. Диалоги «О государстве», «О законах» и «Об ораторе» появились в 55-51 гг., когда автор был вынужден отстраниться от политики, а собственно диктатура Цезаря стала для Цицерона периодом наиболее интенсивной творческой деятельности. В 46 г. он написал «Брута», «Парадоксы стоиков» и ряд

трактатов по ораторскому искусству, а в 45 г. один за другим выходят его философские диалоги, «Гортензий», «Утешение», «Учение академиков», «О пределах добра и зла», «Тускуланские беседы», «О природе богов» и перевод платоновского «Тимея». Даже первые месяцы 44 г. дали два новых диалога, «Катон или о старости» и «О предвидении». Напротив, два года после убийства Цезаря отмечены лишь тремя трактатами, «Лелий или о дружбе», «Топика» и «Об обязанностях». Последний трактат был закончен в октябре 44 г., после чего Цицерон заявил о прощании с творчеством и в последний раз вышел на политическую арену. Теперь он писал только «Филиппики» — яростные инвективы против своего последнего заклятого врага — Марка Антония.

Эпоха диктатуры Цезаря действительно лишила Рим нескольких посредственных политиков и дала в их лице великих философов, писателей и ученых. Так произошло с Марком Теренцием Варроном (116–27 гг. до н.э.) человеком, чье значение в культуре Рима вполне сопоставимо со значением Цицерона. То, что Цицерон сделал в области красноречия, философии, государственной теории, этики и политики, Варрон сделал в области языка, филологии, антикварных исследований и, отчасти, естественных наук. После поражения в Испании, Варрон уже не участвовал в войне и примирился с Цезарем, а в период диктатуры получил важное назначение. Цезарь впервые открыл в Риме две большие публичные библиотеки, греческую и латинскую, поручив их составление Варрону (Suet. Iul., 44, 2). Позже Варрон, как бывший помпеянец, был проскрибирован триумвирами, но сумел спастись. Пришедшие к власти «неоконсерваторы» оценили значение ученого, и всю оставшуюся жизнь он мог продолжать свои занятия.

Перу Варрона, согласно традиции, принадлежат 74 сочинения объемом в 620 книг. Вероятно, крупнейшим

из его произведений был огромный труд «О латинском языке» (*De lingua latina*) в 25 книгах, шесть из которых сохранились до нашего времени. Это было самое оригинальное и фундаментальное лингвистическое исследование того времени, сыгравшее огромную роль в становлении «золотой латыни». Другое сочинение Варрона стало основой для антикварного направления в римской историографии и было посвящено народонаселению, истории, топографии и хронологии Италии. Это исследование под названием «Древности дел людских и божественных» (*Antiquitates rerum divinarum et humanarum*) в 41 книге заложила основы исторического знания в Риме не в меньшей степени, чем это сделали Полибий и Посидоний, анналисты и Саллюстий, Цицерон и Цезарь. Вероятно, исчерпывающая характеристика творчества Варрона была дана Цицероном, который был связан со знаменитым ученым дружескими узами: «... нас, бывших чужими в своем городе и блуждавших наподобие иноплеменников, твои сочинения как бы привели домой, чтобы мы, наконец, могли узнать, кто мы и где мы. Ты открыл нам время существования нашей отчизны, описал времена, порядок богослужений, обязанности жрецов, ты объяснил государственный строй и военную организацию, местонахождение стран и отдельных пунктов, истолковал названия и причины божественных и человеческих деяний, осветил произведения наших поэтов и вообще латинскую литературу и латинский язык, сам написал поэму, полную разнообразия и изящества во всех отношениях, также и в философии во многих ее разделах ты положил почин, достаточный, чтобы научить нас...» (*Cic. De acad. I, 3, 9*). Этой же теме были посвящены и другие сочинения Варрона: «О жизни римского народа» (*De vita populi Romani*) и «О происхождении римского народа» (*De gente populi Romani*). Еще один огромный труд назывался

«Портреты» (Imagines) в 15 книгах и носил историко-биографический характер. Варрон дал коллекцию из 700 портретов выдающихся греков и римлян, снабдив их краткими биографическими справками. Другие произведения этого автора касались драматургии и поэзии, а также — проблемы этической философии («Орест или о безумии», «Пий или о мире», «Сизенна или об истории»). У Варрона были сочинения в письмах и стихи (знаменитые «Менипповы сатиры»). Хуже известны естественнонаучные труды знаменитого ученого (особое место среди них занимает трактат «О сельском хозяйстве»), а Авл Геллий, эрудит и антиквар II века н.э., считает Варрона крупнейшим авторитетом во всех областях знания.

Представителем еще одного направления в историографии был Корнелий Непот (109–32 гг.). Он написал «Хронику» в 3 книгах, где представил события всемирной истории, начиная с мифических времен. Самым большим сочинением Непота был сборник биографий правителей и полководцев, куда, вероятно, входили и жизнеописания деятелей культуры, ораторов, историков и грамматиков. Творчество Непота весьма показательно. Он был, вероятно, первым римским историком, обратившимся к греческой теме (большинство его персонажей — греки) и, возможно, первым, кто отошел от политики. Выражая эту идею, Непот пишет биографию своего друга, Тита Помпония Аттика, друга Цицерона, державшегося в стороне от политической борьбы и находящего общий язык со всеми политическими лидерами, от Мария и Суллы до Антония и Августа.

Именно с поколением Цезаря начался взлет римской поэзии. Писать стихи также становилось модно. Стихи и поэмы писали Варрон, Корнелий Непот и Цицерон. Не чужд поэзии был и сам диктатор. В ранней юности он написал поэму о Геракле и трагедию «Эдип», а в конце

жизни, во время испанской кампании, сочинил поэму под названием «Путь». Следуя традиции Аппия Клавдия Цека и Катона Старшего, Цезарь составил сборник крылатых изречений (*Dicta collectanea*). Возможно, он написал поэму на литературно-критическую тему, в числе прочего, сравнивая Теренция с Менандром, а среди его любимых поэтов были Гомер, Софокл, Еврипид, Менандр, Ливии Андроник, Энний и Теренций^{301}. Отличительным признаком эпохи Цезаря и последующего времени стало появление множества посредственных поэтов, любителей, а иногда и просто графоманов и всеобщее увлечение поэзией и стихосложением в высших слоях общества. Это явление, сколь бы своеобразные формы оно ни принимало, стало необходимым фоном для появления высокой поэзии.

Вероятно, первым значительным поэтическим кружком стали поэты-неотеоретики, особенностью которых было следование стилю александрийской поэзии с ее небольшими произведениями на малоизвестные сюжеты, изысканной ученостью и тщательно отделанной формой. В круг неотеоретиков входили Лициний Кальв, Гельвий Цинна, Фурий Бибакул и др. Самым значительным из них был Гай Валерий Катулл (87–54 гг.). Многие стихи Катулла находятся в русле александрийской поэтической традиции, однако другие, особенно — цикл стихов к Лесбии, оказались подлинным прорывом в римском поэтическом творчестве. Если для эллинистических поэтов любовная лирика относилась к «легкому жанру» сопровождавшемуся налетом искусственности, то для Катулла эта тема становится сердцевиной его творчества и предстает в разнообразной гамме ее тончайших оттенков. Как подлинный гимн высокому чувству эта поэзия стоит у истоков традиции, давшей миру Овидия, Петрарку и сонеты Шекспира. Катулл совершил ту революцию в римской поэзии, которую

ранее совершили поэты VII–VI вв. до н.э., превратившие лирику из поэзии, исполняемой под аккомпанемент лиры, в тот самый жанр личной поэзии, который ассоциируется с шедеврами мировой лирики от Данте и Шекспира до Байрона и Пушкина.

Цезарь, для которого личная честь, достоинство и любовь играли столь значительное место в жизни, человек, ради любви и чести позволивший себе послушаться всемогущего Суллу, известный в Риме покоритель женских сердец, бросавший вызов обществу своими романами с Сервилией и Клеопатрой и умевший (как это было в случае с Помпеей) достойно выйти из весьма сложного положения, не мог не оценить поэзии Катулла. Тем более обидным и болезненным должно было стать для него то, что, еще будучи триумвиром и командующим в Галлии, Цезарь стал мишенью нескольких эпиграмм Катулла. О значении, которое он придавал этим отношениям, свидетельствует то, что высокопоставленный политик и выдающийся полководец попытался примириться с поэтом через его отца, всадника из Вероны, стоящего намного ниже по социальной лестнице. Инициатива исходила от Цезаря, Катулл пошел на соглашение, отразив это в одной из эпиграмм.

Наверно как никто другой, Катулл выразил чувство любви в его римском понимании:

Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша, как ты сказала.

Будем друг другу верны и не узнаем разлук!

Боги великие! Сделайте так, чтоб она не солгала!

Пусть ее слово идет чистым от чистой души!

Пусть проживем мы в веселье спокойные, долгие годы,

Дружбы взаимной союз ненарушимо храня.

Основателем другого поэтического направления был еще один представитель поколения Цезаря, Тит Лукреций Кар (ок. 95–55 гг.), автор поэмы «О природе вещей» (*De rerum natura*), давший материалистическое толкование окружающего мира. Если стихи Катулла — это гимн чувству, то поэзия Лукреция это подлинный гимн познанию и разуму. Лукреций стоит на последовательно материалистических позициях и вслед за Эпикуром отрицает вмешательство богов в человеческую жизнь. Он пишет о своем стремлении избавить людей от страха перед богами и дать естественнонаучное объяснение материального мира и жизни людей. Это был новый прорыв человеческой мысли в сторону научного мировоззрения.

Поэзия Катулла и Лукреция стала предтечей еще более великой поэзии века Августа, поэзии Вергилия, Горация и Овидия, которую последующая литература и филология считала высшим достижением римской поэзии за всю историю ее существования. В период диктатуры Цезаря два крупнейших представителя «августова века» были уже зрелыми людьми. Родившийся в 70 г. Вергилий закончил свое образование и переселился в Рим, его первые стихи выйдут через несколько лет после смерти Цезаря. Это будут «Буколики», в которых поэт выразит тягу италийских землевладельцев к миру, покою и труду, а в знаменитой 4 эклоге, написанной в 40 году, он предскажет приход «золотого века». Бывший немного моложе Гораций (род. в 65 г.) учился в Афинах и в Риме. В 42 г. он вступил в войско Брута, чтобы пережить сражение при Филиппах, навеки проклясть гражданскую войну и стать певцом «августовского мира».

С эпохи Цезаря начинается взлет научной прозы. Новая сверхдержава готовилась к огромной конструктивной работе. Предстоял происшедший при Августе и ранней Империи взлет градостроительства и архитектуры. Чуть позже, в I веке н.э. начнется расцвет скульптуры и живописи. Наступает качественный скачок в развитии философии, правоведения и риторики и важный период развития грамматики и филологии, когда случайные события поразительным образом переплетались с историческими закономерностями.

Около 100 г. до н.э. приходит в упадок перипатетическая школа Аристотеля и Феофраста, однако в 40-е гг. она получает свое второе дыхание после находки сочинений Аристотеля и появления таких ученых как Андроник, Апелликон и Тираннион. Смертельный удар по платоновской Академии нанес Сулла, в 86 г. при осаде Афин был вырублен академический сад и уничтожена библиотека. Собственно Академия возродилась только во времена Марка Аврелия, однако «Учение академиков» Цицерона принесло платонизм в Рим. Еще более популярными стали стоицизм и эпикурейство — первый попал в Рим через Посидония, а затем через круг Цицерона и Катона, второе стало известно через поэзию Лукреция Кара. В I в. до н.э. возникает неопифагорейство. Особое значение для развития римской философии имели труды Цицерона, в которых автор ставил задачей не столько создание каких-либо оригинальных теорий, сколько популяризацию разных философских течений для своих соотечественников. С Цицерона начался новый этап в изучении права, а уже при Августе появились первые настоящие юристы-профессионалы, Антистий Лабейон и Атей Капитон.

Подъем переживает грамматика. Кроме монументальной фигуры Варрона, к этому времени относятся имена Элия Стилона, Стаберия Эрота и

Антония Гнифона. Возобновился ведущийся еще в III веке до н.э. спор между александрийской школой аналогистов и пергамской школой Кратета, аномалистами. Цезарь написал один из наиболее значительных в латинской грамматике трактат «Об аналогиях». Сочинение появилось в 55 г. в разгар галльских войн и было адресовано Цицерону, более близкому к аномалистам, и тем не менее, давшему Цезарю восторженный отзыв (Cic. Brut., 72, 253). Аналогизм как ничто иное соответствовал основным установкам-Цезаря с его четкой логикой, правильным языком и отсутствием излишеств.

Получила свое развитие естественнонаучная проза. Центральной фигурой, вероятно, можно считать Варрона. Тем не менее, и здесь Цезарь внес большой личный вклад. Его походы стимулировали рост интереса к географии, а несколько позже появился труд Страбона. Реформа календаря способствовала интересу к астрономии, а показателем роста интереса к технике и теоретической основой начинавшегося градостроительства был трактат М. Витрувия Поллиона «Об архитектуре», ставший подлинной энциклопедией римских знаний в этой области. Некоторые исследователи видят в Витрувии (полное имя М. Витрувий Поллион Мамурра) начальника инженерной службы войск Цезаря, ставшего также персонажем эпиграмм Катутла. Перу Цезаря принадлежит еще одно сочинение «О звездах», многократно цитируемое Плинием Старшим.

I век до н.э. стал эпохой значительного культурного скачка, затронувшего практически все области римской культуры. Этот культурный расцвет был во многом синхронен развитию государства: предпосылки появились во времена Гракхов, а затем, после некоторой паузы, в 70-е гг. начинается новый рост, уже связанный с поколением Цезаря, Цицерона и Варрона. Новый

всплеск, сопровождавший победу Цезаря, стал началом «золотого века» Августа. В принципе власть и культура были союзниками, а создание сверхдержавы оказалось основой для культурного развития. Поколение Цезаря (к нему принадлежали Цицерон, Варрон и многие другие) и несколько последующих создали культуру, ставшую для Рима «нормативной» и «эталонной». Цицерон стал абсолютной вершиной ораторского искусства, Варрон — столь же «абсолютной» вершиной филологии, Саллюстий и сам Цезарь, а позже — Тит Ливий — вершинами историографии, с Катуллы и Лукреция начался расцвет поэзии, с Варрона — римская научная литература.

Государственность, действительно, создала фундамент культуры Рима, но отношения между ними были крайне сложны. Цезарь, несомненно, пытался поддержать культурное развитие своей эпохи, но, вместе с тем, это была, возможно, первая попытка власти руководить интеллектуальной жизнью общества. Позже этот принцип заимствует Август с его системой поэтических кружков, деятельностью Мецената и личными заказами принцепса.

Цезарь избрал свой путь, вызванный его необычным положением. Будучи олицетворением власти, он также был одним из самых выдающихся представителей культуры, глубоко уважаемым и признаваемым своими современниками.

Политические противники, Цицерон и Цезарь, относились друг к другу с искренним уважением, когда речь шла об ораторском искусстве, филологии и политике, Цицерон восторгался речами и трактатами Цезаря, хотя придерживался иных взглядов не только в политике, но и в науке, а Цезарь посвятил свой трактат Цицерону, прося его «не сравнивать слово воина с искусной речью оратора, который много времени посвятил совершенствованию своего дара» (Plut. Caes.,

3). Диктатор глубоко ценил Цицерона, стремясь всеми возможными способами сохранить его для культуры и науки, где признавал его бесспорное первенство. Двойственное отношение заметно и на более низшем уровне. Цезаря просили быть арбитром между Лаберием и Публием Сиром, причем оба мима были известны шутками в адрес самого диктатора. К нему, возможно, обращались не только как к представителю власти, но и как к «коллеге», хорошо понимавшему и умевшему ценить юмор. Интересно, что Гирций во вступлении к 8 книге «Галльских войн» отдает дань не великому полководцу и политику, но блестящему историку, писателю и стилисту (Hirt., B.G. VIII, pr.).

И все же отношения Цезаря с Цицероном, Варроном, Саллюстием, Катуллом или Лаберием, равно как и со многими другими, были сложными. Цезарь весьма мягко пытался руководить культурой, во многом делая это «изнутри», а культура не желала подчиняться власти, крайне болезненно относясь к реальным и мнимым попыткам установления контроля над собой. Интеллигенция не могла существовать без власти, она сама была этой власти необходима. Обе стороны не очень хотели это признать. В силу этих сложных парадоксов, культурная среда часто оказывалась одним из источников оппозиции. Для одних, как для Цицерона и Брута, это была старая вражда, основанная на противоположных идейно-политических принципах, другие, как Катулл, ограничивались самоутверждающей фрондой, третьи, как Варрон, уходили в проблемы, как можно более удаленные от политики, четвертые, как Публий Сир, просто смеялись.

**Глава XI.
ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА
(44-42 гг.)**

1. Заговор (январь — март 44 г.)

Оппозиция Цезарю исходила с двух сторон. Первым ее источником было недовольство масс римского плебса, отчасти вызванное все еще нестабильным положением в Империи и нерешенностью долгового и квартирного вопросов. Как выяснилось, плебсу не всегда нравилась эскалация почестей и власти. Многие ожидали от диктатора кассации долгов (Suet. Iul., 42, 2) и, напротив, не ожидали сокращения раздач. Наконец, городской плебс едва ли испытывал восторг по поводу распространения гражданских прав в провинциях. Вторым, гораздо более серьезным источником недовольства была политическая элита. Центром оппозиции стали бывшие помпеянцы, многие из которых сохранили свою ненависть к Цезарю. Вместе с тем, оппозиционеры оказались и среди его бывших сторонников, либо связанных с помпеянами, либо недовольных преобразованиями Цезаря или своим собственным положением. Хотя оппозиция особенно усилилась в 44 г., определенные предпосылки возникали и ранее.

Еще в речи «За Марцелла» (46 г.) Цицерон сообщает, что Цезарь жаловался на готовящееся на него покушение (Cic. Marc, 21-23). Светоний пишет, что обнаруживая заговоры или ночные сборища, диктатор ограничивался тем, что объявлял о своей информированности в эдиктах (Suet. Iul., 75, 5). Не совсем ясно, что имеет в виду Светоний, говоря о *coniurationes* — речь может идти не только о покушениях на Цезаря, но и всякого рода тайных протестах против его политики. Не исключено, что речь идет о каких-то антицезарианских собраниях.

Осенью 45 г. планировался так называемый «заговор Требония», когда этот старый легат Цезаря пытался вовлечь в свои планы Марка Антония. Цицерон утверждал, что Антоний согласился (Cic. Phil., II, 14, 34), но, согласно Плутарху, Антоний отказался, хотя и не донес Цезарю (Plut., Ant., 10; 13). Он же сообщает, что позже Требоний рассказал об этом заговорщикам, которые обсуждали планы убийства Антония вместе с Цезарем. Как выяснилось, тем это было неизвестно. «Заговор Требония» помогает определить начало настоящего, большого заговора Брута и Кассия. Требоний был в Испании до осени 45 г. и участвовал в испанской войне, напротив, Антоний в этой кампании не участвовал. Разговоры о физическом устранении диктатора, вероятно, начались именно тогда, в последние месяцы 45 г.

44 год отмечен опасной эскалацией антицезарианских настроений. Цезарь стал консулом вместе с Антонием и произвел назначения на несколько лет вперед. Гражданские реформы шли полным ходом, еще более интенсивно шла подготовка к восточному походу. У противников Цезаря было очень мало времени: Октавиан уже отправился к армии, в середине марта в Эпир должен был выехать сам диктатор.

Восстановление хронологии событий января — марта 44 г. является достаточно сложной проблемой. Согласно Плутарху, сразу после введения нового календаря (1 января 44 г.) по Риму поползли слухи о стремлении Цезаря получить царскую власть. Далее Плутарх рассказывает об эпизоде с Луперкалями и лишении власти трибунов Цезетия и Эпидия Марулла (Plut., Caes., 60–61), а затем переходит к рассказу о заговоре и убийстве (Ibid., 62–66). Похоже, что сведения Плутарха указывают, что заговор окончательно оформился в январе 44 г. В биографии Брута Плутарх рассказывает о том, что Кассий вовлек его в заговор только после того,

как оба вступили в должность претора, а весь рассказ о заговоре помещен после рассказа об этом вступлении (Cic. Brut., 7-10). Согласно Диону Кассию, 44 год застал Цезаря в разгар его сенатской реформы. В январе диктатор увеличил число преторов (Dio., 43, 49), подтвердил общую амнистию, выдал компенсации семьям погибших помпеянцев и отдал распоряжения о восстановлении Коринфа, Карфагена и разрушенных Суллой городов. Одновременно шла подготовка к восточному походу (Ibid., 43, 50-51). Веллей и Флор помещают амнистию после испанского похода (Veil., II, 56), а Флор перед тем, как перейти к заговору, рассказывает о новых почестях, оказанных диктатору (статуи вокруг храмов и в театре, диадема с лучами, кресло в курии и *fastigium*). Наконец, в это время происходит переименования квинктилия в июль и получение Цезарем титула отца отчества (Flor., IV, 2, 91).

Интересна последовательность Светония. После рассказа о кратком консульстве Каниния Ребила, случившемся в самые последние дни 45 года, он сообщает о продолжении сенатской и магистратской реформ. Цезарь распределил должности консулов на несколько лет вперед, дал консульские инсигнии преторам и увеличил число сенаторов, в том числе и за счет галльских провинциалов (Suet. Iul., 76). Далее следует описание нарастания взаимного раздражения между Цезарем и сенаторами (Ibid., 77-78), история с Луперкалиями и появление слухов о царской власти (Ibid., 79), после чего Светоний переходит к рассказу о заговоре. Согласно Аппиану, Цезарь получил почести незадолго до консульства, а после вступления в должность, провел всеобщую амнистию (App. B.C. I, 106-107). Далее следует рассказ о Луперкалиях и смещении трибунов (Ibid., I, 108-109) и история подготовки восточного похода и организации заговора (Ibid., I, 110-111).

Хотя точно датировать возникновение таких вещей, как заговор, практически невозможно, определенная последовательность событий становится более или менее очевидной. Дион Кассий, Веллей и Флор показывают, что Цезарь продолжал реформы и активно готовился к походу и одновременно с этим раскручивались как заговор, так и механизм общественного недовольства. Явный *terminus post quem* — это «заговор Требония», происшедший осенью 45 г., но, вероятно, объединение заговорщиков произошло позже. Плутарх и Аппиан указывают, что Брут вступил в заговор, уже будучи городским претором, возможно, вскоре после распределения конкретных функций (Plut. Brut., 7–10; App. B.C. I, 115). Наиболее подробно формирование ядра заговорщиков описывает Плутарх: после соглашения Брута и Кассия, они вовлекли в него Лигария, Децима Брута и некоторых других, что явно требовало времени. Показателем определенного временного интервала является и история Порции, жены Брута, испытавшей свою выдержку ранением. Так или иначе, переход от намерений и разговоров к непосредственной организации убийства произошел где-то в январе — феврале 44 года. Этот переход был непосредственно связан с получением Цезарем титула и власти постоянного диктатора (*dictator perpetuus*), что, согласно Флору, произошло в январе — феврале 44 г.^[80] Другими событиями, видимо, повлиявшими на формирование заговора, были дополнительные почести и, возможно, пополнение сената, угрожавшее значительной части римской элиты. Естественным рубежом оставался отъезд Цезаря в армию, уже намеченный на март 44 г.

Согласно Светонию и Евтропию, в заговоре участвовало около 60 человек (Suet. Iul., 80, 4; Eutr. VI, 25). Далеко не все участвовали в убийстве, а некоторые явно присоединились после него. На теле Цезаря нашли

23 раны, и, возможно, это указывает на непосредственное число участников террористического акта, когда каждый из них должен был нанести свой удар (Plut. Brut., 15; App. B.C. II, 15).

В. Гребене^{302} поименно перечисляет 20 известных нам заговорщиков, которые, вероятно, и были прямыми убийцами Цезаря. Семеро из них ранее сражались на стороне Цезаря (Д. Юний Брут, Г. Требоний, Л. Минуций Базил, Л. Тиллий Цимбр, Публий и Гай Сервилий Каски, Сервий Сульпиций Гальба), восемь были помпеянами (М. Юний Брут, Г. Кассий Лонгин, Цецилий Буколиан, еще один Цецилий, Кв. Лигарий, Понтий Аквила, Сестий Назон, М. Спурий), относительно четырех сведений нет — Г. Кассий Пармский (видимо, помпеянец), Пакувий Антистий Лабен, Петроний, Турпиллий (Suet. Iul., 80; App. B.C. II, 113; Cic. Phil., II, 27; Plut. Caes., 66; Brut, 17).

Во главе заговора стояли Марк Юний Брут, Гай Кассий Лонгин и Децим Юний Брут Альбин. Из других значительных лиц можно отметить Г. Требония, Минуция Базила и Сер. Сульпиция Гальбу, биографии которых уже рассматривались ранее. Л. Тиллий Цимбр, вероятно, был претором 45 г. Прошлое Цецилиев и Касок точно неизвестно. Квинт Лигарий оставался помпеянцем даже несмотря на оправдание в 45 г., кроме того, в гражданской войне погиб его брат. О помпеянском прошлом Понтия Аквилы в точности неизвестно. Нет данных о Сестий Назоне и М. Спурий, равно как и о Лабене, Петроний и Турпиллий. Кассий Пармский, вероятно, был военачальником, сдавшимся Цезарю в Геллеспонте.

Самой значительной фигурой среди заговорщиков был Марк Брут, сын марианца Юния Брута и Сервилий. Считалось, что по мужской линии он был потомком легендарного Л. Юния Брута, инициатора свержения Тарквиниев и основателя римской республики. Легенда не выдерживает критики даже если исходить из нее

самой: согласно традиции, Брут казнил своих двух сыновей за участие в заговоре (Liv., II, 4-5), а о других детях никаких сведений нет. Впрочем, это не смущало ни республиканскую пропаганду, ни позднейших авторов (Plut. Brut., 1; App. B.C. II, 112). По матери Марк Брут возводил свой род к другому «тираноубийце», Кв. Сервилию Агале, расправившемуся в 439 г. со Спурием Мелием. Эту генеалогию также можно поставить под вопрос — ветвь Сервилиев Цепионов, к которой принадлежала Сервилия, появилась в консульских фастах в 253 г. до н.э.

Вместе с тем, Брут был действительно тесно связан с руководством оптиматов, и если Цезарь был в свое время «наследным принцем» марианской партии, то Брут занимал примерно такое же место в разгромленной «партии Помпея». Бабка Брута, Ливия, была дочерью трибуна 122 г. и консула 112 г. М. Ливия Друза, известного противника Гая Гракха. Ее братом был трибун 91 г. М. Ливии Друз, знаменитый инициатор контрреформ. Дедом Брута и мужем Ливии стал претор 91 г. и лидер оптиматов Кв. Сервилий Цепион, сын виновника Араузионского поражения. Сервилия, мать Брута, была таким образом, дочерью претора 91 г. и Ливии. Вторым браком Ливия вышла за М. Порция Катона, отца Катона Утического. В 56 г. Марк Брут женился на Клавдии, дочери консула 54 г. App. Клавдия Пульхра, а сестра жены Брута была женой Гнея Помпея-младшего.

Вероятно, самым близким человеком из собственной семьи был Катон. В детстве Брут воспитывался в его доме, и дядя всегда был для него эталоном политического и морального поведения. Хотя Брут был враждебен Помпею, бывшему виновником гибели его отца (Plut. Pomp., 16; Brut., 14), в 49 г. он оказался в лагере помпеянцев. Естественно, он последовал не за Помпеем, а за Катоном, однако в 48 г. после Фарсала

сдался Цезарю. В 47–45 гг. Брут был наместником Цизальпийской Галлии, а в начале апреля 45 г. вернулся в Рим (Plut. Brut., 6; Cic. Brut., 114; Att., XII, 29). Похоже, что после этого возвращения он снова становится оппозиционером. Брут пишет похвальное слово Катону, женится на Порции, своей кузине, дочери Катона и вдове М. Бибула (Cic. Att., XIII, 17, 1; 37, 3; Plut. Brut., 13), и еще более сближается с Цицероном, с которым его и ранее связывали тесные дружеские и интеллектуальные связи. С другой стороны, Брут имел очень неплохие карьерные возможности: в 44 г. он стал претором и по желанию диктатора получил самую престижную городскую претуру, а на 41 г. Цезарь наметил его в консулы (Plut. Caes., 62; Cic. Fam. XII, 2). Блестящее продвижение Брута часто связывали с отношениями Цезаря и Сервилий. Возникла легенда, что Брут был внебрачным сыном диктатора (Plut. Brut., 5), что, однако, невозможно — в период романа Цезаря и Сервилий ее сын был уже взрослым человеком. Судя по всему, во время гражданской войны заканчивается и этот длительный любовный роман: так или иначе, Сервилия была одной из тех, кто активно втягивал Брута в заговор.

Гай Кассий Лонгин был, вероятно, самым крупным из оставшихся помпеянских военачальников, позже именно он возьмет на себя реальное командование армией республиканцев. Кассий и Брут породнились, сестра Брута Юния стала женой Кассия (Plut. Brut., 7; Tac. Ann., III, 76). Как и Брут, Кассий был претором 44 г., далее Цезарь, вероятно, предполагал сделать его наместником Сирии и использовать его опыт участия в войнах с парфянами в 53–51 гг.

Вопрос о целях заговорщиков тесно связан с их положением. Как видно, все три лидера заговора занимали видное место в цезарианском окружении, а Децим Брут даже попал в число наследников. Впрочем,

они были скорее руководителями «второго эшелона», уступая Антонию, Лепиду, а теперь уже и Октавиану. Чтобы выйти на первые роли, надо было найти другую, не менее сильную идейную основу, каковой могла стать идея «республики» и «свободы». Именно поэтому на первый план выдвигаются «идеологи», Брут, а затем и Цицерон. Наши источники расходятся в вопросе о непосредственном инициаторе. Николай Дамасский считает таковым Брута, за ним следует Дион Кассий (Nic. Dam. Vit. Caes. fr. 19; Dio., 44, 14), Аппиан, Веллей и Светоний склонны считать, что инициатива была одновременной, не решаясь отдать пальму первенства кому-либо из двоих (Veil., II, 56; Suet. Iul., 81; App. B.C. II, I3) и только Плутарх подробно описывает, как Кассий (не без помощи Сервилии) постепенно затягивал Брута в заговор (Plut. Brut., 9-10). У нас нет оснований отвергать версию Плутарха, фактом остается одно — как только Брут вошел в заговор, роль лидера со всеобщего согласия перешла именно к нему.

Идея «республики» (вероятно, Брут был одним из немногих ее искренних сторонников) была не единственным, за что пошли в бой заговорщики. Непременно присутствовали и желание отомстить за поражение, особенно сильная у бывших помпеянцев, и разочарование и недовольство Цезарем у его бывших соратников. Многие помпеянцы были вынуждены служить Цезарю, и едва ли делали это охотно, а показателем этих настроений может служить поведение Цицерона, вылившего на покойного диктатора всю свою ярость за вынужденные слабости и компромиссы. Наконец, у некоторых руководителей заговора могли быть и личные амбиции. Плутарх прямо намекает на Кассия (Plut. Brut., 29), подобные планы могли быть у Децима и даже у Марка Брута. Жизнь все больше требовала единоличной власти, и если ведущие

заговорщики претендовали на роль «принцепсов», то более мелкие боролись за место в политической элите.

Впрочем, именно «республиканская идея» была самым опасным оружием против Цезаря, и именно она угрожала свести на «нет» все его конструктивные преобразования. Диктатору предстоял последний, быть может, самый сложный бой в его жизни. Последние месяцы показали, что он не был пассивной жертвой, однако борьба с идеей оставляла очень ограниченные возможности. Репрессии исключались — они дискредитировали бы и самого Цезаря и его политику милосердия и, напротив, лишь подтвердили бы «правоту» тех, кто считал Цезаря «новым Суллой». Нельзя было показать страх, а потому оставались другие, более тонкие методы.

Флор и Светоний, вероятно, правы, что именно к 44 году бесконечные славословия и награждения диктатора стали особенно ощутимы. По всей вероятности, они начались раньше, в конце 45 г., после испанского похода. Тем не менее, именно в первые месяцы 44 г. Цезарь стал постоянным диктатором, получил титул «отца отечества» и другие «новые и небывалые» почести и привилегии (Flor, IV, 92, 1). Иллюзии о реставрации «старого порядка» получили серьезный удар. Именно на фоне этих событий поползли слухи о скором предоставлении Цезарю царской власти.

Трудно сказать, кто именно начал эту кампанию, по сути дела, превратившуюся в завуалированную травлю. Отчасти, это было делом рук окружения Цезаря и выражением сервиллизма сенаторов, многие из которых желали «выслужиться» перед новой властью и прикрыть деловую некомпетентность демонстрацией преданности. Это было выгодно и прямым противникам, целью которых было создание атмосферы недовольства. Наконец к хору похвал присоединились и разнообразные острословы из разных партий или просто не

принадлежавшие ни к одной из них, стремящиеся превратить эти многочисленные награждения в комедию.

Наиболее обстоятельно ситуацию, создавшуюся вокруг этих слухов описывают Плутарх и Аппиан (App. B.C. I, 107–108; Plut. Caes., 60), другие авторы (Веллей, Флор) об этом не упоминают, и даже Светоний сообщает о стремлении диктатора к царской власти лишь в форме слухов (Suet. Iul., 79, 2). Наконец, ни Плутарх, ни Аппиан не высказывают обвинения в прямой форме. Впрочем, не только последующие действия Цезаря, но и сама логика отчетливо демонстрируют бессмысленность принятия титула. Никаких дополнительных властных полномочий или почетных прав это провозглашение не давало, а издержек было слишком много. В устах римлян «царская власть» (*regnum*) была равносильна понятию тирании, а подобные слухи звучали как страшное политическое обвинение, за которое многие римляне (Спурий Мелий, Манлий Капитолийский, отчасти — Тиберий Гракх и др.) заплатили своей жизнью. Если в кампании по славословию участвовали придворные льстецы, чрезмерно преданные цезарианцы и городские острословы, то кампания вокруг царского титула была, несомненно, инспирирована противниками Цезаря. «Тираноубийцы» уже были, теперь требовался тиран.

Сам Цезарь, занятый конструктивной практической деятельностью, вероятно, не сразу разгадал эту опасную ловушку. Какие-то почести он считал заслуженными, а организаторы кампании неплохо учили и психологию римлян и психологию пожилого человека. Гордившийся своей родословной, связывающей его с некоторыми из царей (происходить от них было достаточно престижно), диктатор, видимо, просмотрел и начавшуюся «царскую» кампанию. Впрочем, на определенном этапе не реагировать было нельзя. Диктатор не раз делал публичные заявления,

дезаууировавшие такого рода информацию (App. B.C. II, 107). Согласно Диону Кассию, он демонстративно распустил охрану и отказался от предложенной ему почетной охраны из сенаторов и всадников (Dio., 44, 6–7). Это обстоятельство позже оказалось вопросом первостепенной важности.

Кампания принимала все более изощренные формы. Дион Кассий сообщает, что именно в это время ему дали право постоянно носить триумфальную одежду, бывшую одеянием царя, и постановили устроить гробницу внутри померия (постановления о похоронах живого человека всегда носят двусмысленный характер). Эти решения должны были быть отчеканены золотыми буквами (Dio., 44, 6–7), тогда же было решено учредить храм Юлия (информация вполне может носить ретроспективный характер) и писать имя Цезаря на храмах.

На этом фоне особенно комично прозвучало предложение разрешить Цезарю брать сколько угодно и каких угодно жен для рождения законных наследников (Dio., 44, 7; Plut. Caes., 60; Suet. Iul., 52). Светоний ссылается на поэта Гельвия Цинну, одного из острословов, явно сочувствующего заговорщикам. «Достоверность» источника, вероятно, не нуждается в комментариях.

Постановление было бессмысленно и с точки зрения римского права. Развод в Риме был достаточно обыденным явлением, тем более, при отсутствии детей, брать законных жен в походы вообще не рекомендовалось, а деликатный вопрос о связях во время военных кампаний всегда обходился молчанием. Такими «походными романами» были связи Цезаря с Клеопатрой и Эвной, а также отмеченные Светонием многочисленные amores полководца в провинциях (Suet. Iul., 51). Разводиться с Кальпурнией Цезарю не было необходимости, а если бы она возникла, это было бы не столь трудно. Есть предположение, что такого рода

закон мог легализовать отношения Цезаря и Клеопатры и положение Цезариона, однако наследник был не нужен — им уже стал Октавиан, и создавать ему дополнительные сложности было не в интересах диктатора. Таким образом, мишенью этого слуха становились не только Цезарь, но и его жена и наследник. Есть все основания считать, что диктатор не планировал расторгнуть свой законный брак: Кальпурния участвовала в Луперкалиях, целью этого участия было излечение от бесплодия, а последнюю ночь Цезарь провел с ней. Описание этой последней ночи, тревоги Кальпурнии и колебания Цезаря не похожи на отношения людей, думающих о разводе (Dio., 44, 17-18; Suet. Iul., 10; Plut. Caes., 63).

Тем не менее, при всей своей занятости реальными проблемами, диктатор был вынужден принять определенные меры. Светоний пишет о его постоянно растущем раздражении. Это явно было раздражение человека, занятого решением более важных вопросов, которого заставляют заниматься бессмысленными с его точки зрения вещами (Suet. Iul., 77). О том насколько искусственным было это славословие, свидетельствует ответное раздражение сенаторов, когда Цезарь (скорее всего, случайно) не встал в присутствии сенатской депутации (требовать это от потенциального царя было бы нелепо). Заговорщики сознательно подливали масло в огонь: Кассий и группа его сторонников демонстративно голосовали против почестей Цезарю (Dio., 44, 8), а другой будущий заговорщик, трибун Понтий Аквила, демонстративно не встал перед диктатором, что было, явным нарушением субординации (Suet. Iul., 78, 2). Слух о «царской власти» стал принимать более тонкие формы. Ходили разговоры, что только царь может победить парфян, а на последнем заседании сената (15 марта 44 года; оывший квиндецемвиром для священнодействию и старейшим из

действующих консуляров Л. Аврелий Котта, консул 65 и цензор 64 г. должен был провозгласить Цезаря царем (Suet. Iul., 79). Светоний определенно называет эти «сведения» слухами, Аппиан также выражает свое недоверие (App. B.C. II, 111) и добавляет, то титул могли дать после парфянской кампании. Заметим, что выбор для этой миссии старого популяра и либерала Котты был более чем нелепым. Тем не менее, слух муссировался с необычайным упорством (Plut. Caes., 60; Dio., 44, 10). Если Цезарь не хотел стать царем, его надо было им сделать. Желая нанести ответный удар, Цезарь провел несколько ответных демонстраций. Похоже, первой из них была одна из встреч диктатора с толпой народа по возвращении из Лация, возможно, из Альбы, где праздновались Латинские игры. Возможно, Цезарь был одет (полностью или частично) в одежды альбанских царей, и массы народа приветствовали его царским титулом. Диктатор ответил своей знаменитой фразой: «Я не царь, а Цезарь» (Non rex sum, sed Caesar). Латинская фраза передает оттенок, неуловимый в русском переводе. Rex по-латыни — это не только титул царя, но и когномен рода Марцией Рексов, из которого происходила бабушка Цезаря по отцу, Марция. Обладающий тонким филологическим чутьем и не менее тонким юмором, диктатор хотел подчеркнуть не только отсутствие стремления к царской власти (Plut. Caes., 60; Suet. Iul., 79, 2), но и, как верно уловил Аппиан (App. B.C. II, 111), то что он не очень понял суть проблемы. Цезарь действительно имеет отношение к роду Марциев Рексов (в этом нет ничего дурного), но носит когномен отца (а не бабушки), как это положено любому римлянину. После этого, уже намекая на второй смысл, Цезарь в резкой форме запретил такое обращение (Ibid.).

Вторая демонстрация была приурочена к празднику Луперкалий (15 февраля). Наиболее подробно и красочно описывает ее Плутарх. Во время священного

бега луперков, жрецов этого «волчьего бога», возглавлявший процессию консул Антоний поднес Цезарю диадему с лавровым венком. Диктатор отклонил ее, предложение повторилось дважды, причем, народ аплодировал действиям Цезаря. По приказу последнего венок отнесли на Капитолий, после чего обнаружилось, что венками увенчаны многие статуи диктатора. Трибуны Л. Цезетий Флав и Г. Эпидий Марулл велели снять венки и отвести в тюрьму людей, выкрикивавших царский титул, после чего Цезарь снял обоих трибунов с должности (Plut. Caes., 61).

Несколько по-иному рассказывает историю Аппиан. Видимо, накануне праздника кто-то из чрезмерных поклонников Цезаря украсил венком с белой лентой одну из статуй диктатора. Трибуны Марулл и Цезетий разыскали этого человека и бросили в тюрьму, заявив, что выполняют волю диктатора, многократно порицавшего подобные манифестации. Тогда же случилась история с приветствием и изящным ответом Цезаря, после чего Цезетий и Марулл снова разыскали этих людей и начали суд над их лидером. Цезарь выступил в сенате с речью против трибунов, якобы обвиняющих его в тирании, и лишил их должностей и мест в сенате (App. V.C. II, 107-108). Только после этого произошла процедура на Луперкалиях, когда Антоний трижды возлагал диадему на голову Цезаря, а тот трижды ее отклонил (Ibid., II, 109).

Дион Кассий скорее следует Плутарху. Статуи Цезаря еще до Луперкалий были украшены венками, а трибуны к удовольствию толпы сняли эти украшения, чем вызвали недовольство Цезаря и восторг народа. После этого диктатор публично заявил о нежелании брать царский титул, снял трибунов с должности и исключил из сената, а затем уже и последовал праздник и эпизод с Антонием (Dio., 44, 10-11). Точно в той же последовательности рассказывает историю Светоний,

завершая ее тем, что Цезарь был опечален, что «у него отняли славу отказа» (*ereptam gloriam recusandi* — Suet. Iul., 79).

Рассказы несколько отличаются. Если у Плутарха поступок трибунов является смелым протестом если не против властолюбивых планов диктатора, то, по крайней мере, против энтузиазма его неумеренных поклонников, то у Аппиана действия Цезетия и Маруллы выглядят откровенной провокацией. Рассказ Диона Кассия и Светония также показывает, что трибуны достаточно навязчиво шли на срыв цезарианской демонстрации. При помощи Антония Цезарь хотел публично опровергнуть слухи о «коронации». Похоже, ему это удалось, разговоры приняли косвенный характер, хотя опасения, что диктатор продолжает постепенно готовить общество к переменам, полностью не исчезли. Гнев Цезаря в ситуации с трибунами вполне понятен, последние частично сорвали эту тщательно продуманную акцию. Показателем успеха Цезаря было то, что кампания приняла более скрытые формы. Возможно, именно в последний месяц стали в изобилии появляться подметные надписи или бюллетени на выборах, на которых писали имена Цезетия и Маруллы. Две ранее (и далее) неизвестных трибуна неожиданно стали символом сопротивления «тирании» (Suet. Iul., 80, 1).

Наступал срок отъезда Цезаря на войну и, вероятно, в этой связи встает вопрос о том, знал ли Цезарь о подготовке покушения и почему он реагировал именно таким образом? Именно здесь мы входим в глубинные пласты назревавшей трагедии. Плутарх сообщает о доносе Артемидора (Plut. Caes., 65), согласно Аппиану, доносов было несколько (App. B.C. II, 116). Более того, само поведение Цезаря показывает, что если он и не знал о деталях назревавшего заговора, то общую ситуацию понимал достаточно ясно. Как сообщает

Аппиан, диктатор открыто жаловался на несправедливые обвинения и намерения его убить (App. B.C. II, 109). Если бы Цезарь принял решение раскрыть заговор и начать с ним борьбу, он, несомненно, смог бы его ликвидировать.

Рассматривая деяния великих людей, мы видим все тот же парадокс. Выясняется, что у них было немало возможностей избежать своей участи. Сократ мог избежать смертного приговора, используя речь, написанную Лисием, или просто (чисто формально) покайся перед своими судьями, а после обвинительного приговора, он мог бежать или откупиться при помощи богатых друзей. Иисус знал о предательстве и своей будущей судьбе. Вместе с тем, оба предпочли стать жертвами, сделав это, вероятно, потому, что иной вариант заставил бы их отойти от своих принципов и потерять все или слишком многое. Цезарь имел и другие возможности, но все они оказывались неприемлемыми. Расправа над заговорщиками лишь «подтвердила» бы обвинения в тирании, другие меры, как усиление охраны или отмена сенатского заседания были паллиативами и тоже означали бы отход от принципа. На предложение снова взять охрану, которая была у него во время испанской кампании, Цезарь ответил, что охрана — это «примета того, кто живет в постоянном страхе» (App. B.C. I, 109). «Республиканская идея» была страшным противником, и мученики были одним из ее орудий. Цезарь мог вспомнить о Катоне, Петрее или самом Помпее Магне. Сейчас он сам оказался в таком положении.

Светоний выдвигает версию, что Цезарь уже не хотел жить, и его действия были формой самоубийства (Suet. Jul., 86). Это было очень точное наблюдение внешнего впечатления. Цезарь, действительно, очень устал, он был немолодым и не очень здоровым человеком, а приступы эпилепсии мучили не меньше,

чем постоянное нервное напряжение. Страх не был тем, что было ему свойственно, и Светоний передает еще одну фразу диктатора: «лучше один раз встретиться с опасностью, чем бояться ее всю жизнь». Цезарь обладал редким мужеством. Он не предал своих принципов, будучи юношей, отказавшись выполнить приказ Суллы. Тогда еще все было впереди, и жить, несомненно, очень хотелось. Он не мог предать себя и теперь, когда его дело (а это он понимал весьма отчетливо) уже одержало победу. Эта мысль прекрасно выражена в другой фразе, переданной Светонием: «Не столько для него, сколько для государства важна его безопасность: он уже с избытком отведал власти и славы; если с ним что-либо случится, государство не будет спокойно и будет подвержено худшим условиям гражданской войны» (Suet. Iul., 86). Слова оказались пророческими.

Поведение Цезаря не было поведением человека, решившего покончить с собой — это было поведение человека, готового умереть за свои принципы. Он был готов продолжать свою деятельность, планов было еще очень много, но он не хотел цепляться за жизнь любой ценой. Сказалась и еще одна особенность античной ментальности. Современный человек думает о жизни, смерть для него — нечто внешнее, чужое и враждебное, а потому он борется за жизнь до последней минуты, будь то полная беспомощность, маразм или кома. Античного человека тоже нельзя обвинить в отсутствии жизнелюбия, однако для него смерть была тесно связана с жизнью и мыслилась как ее логический конец, который должен был соответствовать предыдущему жизненному пути. Смертельно больной человек мог покончить с собой, чтобы избежать мучительного «доживания» — примеров было множество. Более того, можно найти множество ситуаций, когда самые разные люди (можно привести примеры Сократа, Катона или Клеопатры) режиссировали свою кончину, превращая в

ее закономерный финал своей биографии. С другой стороны, диктатор не мог не понимать, что приговаривая к смерти его, заговорщики выносили себе смертный приговор. Труднее было понять, почему этого не осознают сами заговорщики.

Смерть могла превратиться в победу. Готовые на самопожертвование «тираноубийцы» оставались живы, хотя и до поры до времени... жертвой становился «тиран». Смерть Цезаря должна была показать, кто есть кто. Римляне очень любили красивую легенду о полководце Деции Мусе, бросившемся в гущу врагов без какой-либо надежды остаться живым и обречшим себя и вражеское войско подземным богам-манам, ценой жизни вырвав победу из рук врага (Liv., VIII, 9). Этот бой он должен был выдержать в одиночку, не имея возможности положиться даже на физическую силу Марка Антония. Заговорщики режиссировали заговор, быть может, не случайно умирающий Цезарь должен был упасть к подножию статуи Помпея, а удар наносили все участники убийства. Цезарь режиссировал свою смерть и, быть может, будущую победу своих сторонников.

Накануне рокового дня Цезарь ужинал в доме Лепида. Неизвестно, сколь широк был круг гостей, но там точно присутствовал Децим Брут. Разговор (случайно ли?) зашел о смерти. Говоря о лучшем ее виде, Цезарь сказал «неожиданный». Ночью он был разбужен странным происшествием (внезапно открылись двери и окна) и сном Кальпурнии, умолявшей его не выходить из дома и отменить заседание сената. Утром знамения подтвердили страхи жены Цезаря, и диктатор заколебался. По некоторым данным он даже послал Антония, чтобы отменить заседание. Для заговорщиков это было равносильно полному провалу. Децим Брут отправился в дом диктатора и уговорил его прийти. Предостережения продолжались: знаменитый этрусский

гадатель Спурина продолжал предвещать беду. Игра шла в открытую. Традиционное жертвоприношение снова оказалось неблагоприятным, но жребий был брошен. Цезарь отделался шуткой и воспоминанием, что подобная ситуация уже была у него в Испании. Перед выходом в сенат Требоний беседой задержал Антония. Заговорщики планировали убить и его, но Брут настоял на том, чтобы убить только Цезаря. Помимо желания сохранить «чистоту идеи», Брут проявил немалую долю реализма — физически сильный Антоний мог недорого продать свою жизнь, если даже не сорвать план заговора.

Похоже, что Цезарю так и не дали начать заседание. Заговорщики окружили его у входа, возможно, диктатор успел сесть в кресло. Тиллий Цимбр стал просить его за своего находящегося в изгнании брата. После паузы Цезарь отказал. Цимбр начал стаскивать с него плащ, что было условным сигналом к нападению. Первый удар нанес Каска, вероятно, он целился в голову, но меч, соскользнув, попал в спину. Вырвав плащ у Цимбра, диктатор повернулся к Каске и пронзил ему руку бывшим у него в руке стилем. Посыпались другие удары: Брут ударил в бедро (или пах), Буколиан — между лопатками (возможно, это и был смертельный удар). Как сообщают, Цезарь пытался отбиваться, но увидев безнадежность положения, тем более, что удар нанес и Брут, закрыл лицо плащом, продолжая молчать. Озверевшие убийцы наносили удар за ударом. Смертельно раненый Цезарь упал к подножию статуи Помпея. Всего на его теле были обнаружены 23 раны. Смертельной оказалась одна, впрочем, количество ран и потеря крови неизбежно вызвали бы смерть. Били даже упавшего и, возможно, мертвого. Многие в суматохе ранили друг друга. Сенаторы в панике разбежались (App. B.C. II, 147; Liv. Epit., 116; Flor, IV, 2, 93; Plut. Caes., 67; Brut. 17; Ant., 14; Dio., 44, 19; Suet. Iul., 82).

2. Кризис (март 44 — апрель 43 гг.)

Анализируя заговор, исследователи часто указывают, что у заговорщиков не было ни конструктивного плана, ни серьезных идей^{303}. Это не совсем так. Заговорщики действительно полагали, что убийство Цезаря будет главным шагом на пути восстановления республики. Можно признать, что у них не было конструктивных идей по поводу развития общества, но план захвата власти был достаточно четким.

Заговорщики обеспечили себе охрану за счет отрядов гладиаторов и наемников, аналогичных отрядам Клодия. Эти боевики должны были нейтрализовать всяческие попытки немедленного сопротивления. Вероятно, не случайно, в городе начался грабеж торговых лавок (App. B.C. II, 118; Nic. Dam. fr. 25; Veil., II, 58). Более дальний расчет строился на завоевании большинства в сенате. Убийцы Цезаря рассчитывали на неопытность цезарианского большинства и, наоборот, опыт бывших помпеянцев, а также — на противоречия между различными частями цезарианской элиты и ее лидерами. Добившись большинства в сенате, заговорщики могли попытаться захватить соответствующие позиции в армии и провинциальном управлении.

Как и ранее помпеянцы, они просчитались в главном. Народ Рима, население Италии, а, в конечном счете, и провинциалы были за реформы Цезаря против помпеянских «республиканцев» и республиканских «идеологов». После Цезаря на стороне новой власти были армия, государственный аппарат и, в общем, большинство сената.

После убийства Цезаря, заговорщики бросились в город с криками, что убили тирана. К ним присоединились некоторые сенаторы, не участвовавшие в заговоре или, по крайней мере, в убийстве, Фавоний, Л. Стаций Мурк, Аквин, Патиск и др. Самым неожиданным было присоединение к ним одного из цезарианских лидеров, консула-суффекта 44 г. П. Корнелия Долабеллы (App. B.C. II, 119; Dio., 44, 21-22; Plut. Brut., 18).

Брут и его сторонники заняли Капитолий. Претор Л. Корелий Цинна предложил объявить заговорщиков тираноубийцами и дать им награду. С речью против Цезаря выступил Долабелла. Наконец, программную речь с призывом восстановить республику произнес Брут (App. B.C. II, 121-123; Dio., 44, 21-2; Plut. Brut., 18; Veil., II, 58). Народ встретил ее с гробовым молчанием. Вероятно, господствующим чувством была растерянность.

Достаточно противоречивой была и позиция цезарианских лидеров. Первым стал действовать Лепид, который ввел в город стоявший на острове легион и расположил войска на Марсовом поле. Вероятно, он был готов к силовой операции, но Марк Антоний решил выждать. Сторонником переговоров был и Гирций (Dio., 44, 22, 24; Nic. Dam. fr. 27; App. B.C. II, 118). Трудно сказать, что было причиной, растерянность или всеобщее недоверие, но цезарианцы явно утрачивали инициативу.

16 марта стороны вступили в переговоры. Лепид и Антоний дали в заложники своих детей. Это сделал и Долабелла, выступивший в качестве посредника. Стороны договорились передать решение в руки сената, а Антоний и Лепид гарантировали безопасность Брута и Кассия. Впрочем, ситуация начинает меняться, в город стали прибывать ветераны диктатора, а население все более откровенно выражало симпатии к Цезарю (Dio., 44, 34; App. B.C. II, 124; Plut. Brut., 18; Ant, 14).

17 марта Антоний собрал сенат в храме Земли и с удивлением обнаружил, что значительная часть сенаторов готова поддержать заговорщиков или, по крайней мере, пойти с ними на компромисс. Заговорщиков поддержала сильная и сплоченная помпеянская фракция, лидером которой вскоре стал Цицерон. Напротив, цезарианское большинство оказалось в трудном положении. Большую часть консуляров составляли старые союзники Цезаря и его легаты. Первые фактически сошли со сцены вместе с диктатором (Сервилий-старший, Котта, Мессала Руф) или заняли компромиссную позицию (Л. Цезарь, Л. Марций Филипп, Домиций Кальвин), вторые сохраняли лояльность, но оказались в состоянии растерянности (это затронуло даже Фуфия Калена), некоторые из них (Ватиний) находились за пределами города, другие недавно умерли (Фабий, Каниний Ребил). Несколько старых легатов Цезаря (Требоний, Гальба, Д. Брут) участвовали в заговоре. Группа цезарианских легатов стремительно распадалась, и естественным лидером цезарианской партии в сенате становился Марк Антоний. У него тоже не было безусловной поддержки, значительная часть «неоконсерваторов» не доверяла новому лидеру (Гирций, Панса, Бальб), некоторые из них имели дружественные отношения с Цицероном и даже с лидерами заговора. Сложное положение в верхушке сената парализовало его нижние и средние этажи, в основном состоявшие из цезарианцев. На стороне убийц оказался и второй консул, Долабелла.

Сторонники заговора попытались перехватить инициативу. Тиберий Клавдий Нерон, бывший легатом Цезаря в Александрийской войне (В. Alex., 25; Suet. Tib., 4) предложил объявить Брута и Кассия «тираноубийцами» и «освободителями», раздавались требования оставить тело диктатора без погребения (App. B.C. II, 127; Dio., 44, 35; Suet. Tib., 4). Впрочем,

дискуссия принимала все более умеренный характер. Большинство согласилось, что заговорщикам надо сохранить жизнь, однако о наградах речи уже не было. В какой-то момент прения обострились, некоторые ораторы стали указывать на правовое несоответствие: амнистия заговорщикам предполагала осуждение Цезаря и, наоборот, непризнание Цезаря «тираном» означало то, что его убийцы должны были предстать перед судом. Признание Цезаря «тираном» означало и то, что все его распоряжения и назначения оказывались недействительными, а это, действительно, могло парализовать жизнь общества и государства. Более того, подобный поворот был невыгоден многим заговорщикам, включая обоих Брутов. Отмена реформ диктатора, что особенно подчеркивал Антоний, затрагивала сотни тысяч людей, получавших деньги, землю и гражданские права. Рим начинал жить по законам Цезаря.

В довершение ко всему, народ впервые отчетливо показал свою позицию. Собравшаяся у курии толпа требовала мести за Цезаря. В этой ситуации даже Цицерон предложил оставить в силе все распоряжения диктатора, включая неопубликованные, но при этом помиловать его убийц. Оратор использовал греческое слово ἀμνηστεία (забвение). В речи, достаточно правдоподобно переданной Дионом Кассием, Цицерон воздержался от выпадов в адрес Цезаря, но живописал все возможные ужасы гражданской войны, что, вероятно, и стало решающим аргументом для аудитории. Предложение поддержали Антоний, Лепид и Планк (App. B.C. II, 133–135; Dio., 44, 23–34; Cic. Phil. I, 1–2; II, 35–36; Veil., II, 58, 4).

В конце заседания обсуждался еще один острый вопрос. Тесть Цезаря Кальпурний Пизон потребовал публичного зачитания завещания диктатора и организации торжественных похорон. Многие

протестовали, протестующих активно поддерживал Кассий, но под давлением Пизона и Антония согласился даже Брут (Plut. Brut., 20; App. B.C. II, 135–137).

Ситуация все больше менялась в сторону цезарианцев. В город прибывали все новые и новые ветераны Цезаря, а настроения горожан становились все более радикальными. Начались нападения на сторонников заговорщиков, все больше и больше ощущавших враждебность жителей огромного города. 17 марта Децим Брут написал письмо Марку Бруту и Кассию, советуя как можно скорее бежать из Рима и соединиться с Секстом Помпеем или Цецилием Басом. Антоний уже открыто рекомендовал им сделать то же самое (Cic. Fam., XI, I). Постепенно набирая силу, консул расставил в городе охрану, и велел отнести в свой дом казну и архив Цезаря (App. B.C. II, 125).

19 или 20 марта состоялись торжественные похороны диктатора. Церемония, вероятно, началась с чтения завещания. Читавшие особо подчеркивали, что Цезарь велел выдать по 300 сестерциев каждому жителю Рима. Город получил сады Цезаря за Тибром. Это накалило эмоции толпы. Как и ранее, народ безоговорочно поддержал Цезаря. Антоний (или Пизон) вынес тело убитого, после чего Антоний на правах высшего должностного лица и близкого друга и родственника произнес похоронную речь (laudatio). Как и полагалось, оратор перечислил его победы и благодеяния и (по контрасту) подробно остановился на обстоятельствах убийства. Последняя часть речи посвящалась политике милосердия и тому обстоятельству, что почти все заговорщики были ранее помилованы Цезарем, за что и заплатили ему черной неблагодарностью. Речь сопровождалась зрительным эффектом: при помощи специального механизма, Антоний демонстрировал особо жестокий характер

убийства (Dio., 44, 36–49; App. B.C. I, 143–147; Plut. Brut., 20).

После похорон толпы народа бросились громить дома заговорщиков, а на форуме был сооружен огромный костер, на котором сожгли тело Цезаря. Многие из убийц покинули город уже навсегда, другие удалились в предместья Рима. После неудач 15–17 марта, этот день стал победой народного восстания против «республиканцев». Рим с его огромным населением четко и ясно обозначил свою позицию. Первые дни после Ид Марта показали слабые стороны системы Цезаря. 19 марта показало ее силу (Dio., 44, 50; Plut. Brut., 20; Ant., 14; Flor, IV, 4; App. B.C. II, 143–148).

Восстание 19 марта было не только победой цезарианской партии, это была победа ее наиболее радикальной и монархически настроенной части, на время оттеснившей «умеренных» на второй план. Это была и личная победа Марка Антония, превратившегося в бесспорного лидера цезарианцев. В руках Антония оказался архив диктатора, переданный ему Кальпурнией и секретарем Цезаря Фабрием, однозначно поддержавшими нового лидера (App. B.C. III, 5; Dio., 44, 53; Liv. Epit., 117; Veil., II, 61; Cic. Phil. II, 39–40, 103). С разрешения сената, консул получил право на вооруженную охрану и превратил ее в небольшую личную армию в 6 000 человек. В руках Антония была казна (около 700 млн.), за счет которой он стал поправлять свое материальное положение (App. B.C. III, 5–6; Veil., II, 60, 4).

Народное движение разрасталось, угрожая выйти за рамки, определенные для него цезарианским руководством. Опасной тенденцией было усиление радикально настроенных элементов, проявивших оппозиционность не только к той части политической элиты, которая выступала против Цезаря, но и к той, которая, с их точки зрения, не проявляла достаточного

стремления с ними расправиться. Протест против заговора мог вылиться в протест против власти вообще.

Во главе движения, опиравшегося на городские низы, рабов и либертов стоял некто Амаций (иногда его именуют Герофилом), объявивший себя внуком Мария. Валерий Максим замечает, что Амаций стал действовать еще при Цезаре и был выслан им из Рима (Val. Max. IV, 15). В народе стал распространяться культ Цезаря, Амаций соорудил алтарь на месте сожжения тела, а народ поставил колонну, у подножия которой приносили жертвы, давали обеты и решали споры (App. B.C. III, 2-3; Liv. Epit., 116; Cic. Art. XII, 49; XIV, 6, 1; 8, 1; Suet. Iul., 84). В культе Цезаря принимали участие и иностранцы, в том числе — иудеи (Suet. Iul., 84). Такого рода народный культ возник в Риме впервые после Гракхов, причем, идея культа Цезаря была популярна не только среди низов общества. Как пишет Светоний, во время похорон народ сделал огромное количество приношений: старые легионеры бросали в костер оружие, матроны несли свои украшения, дети бросали маленькие буллы (Ibid.). Скорбь принимала воистину всенародный характер. Народ шел к покойному диктатору со своими горестями и бедами, скромными, но трогательными подарками и последними надеждами.

Опасность Амация для властей была очевидна. Совершив внезапное нападение, Антоний убил его. Толпа недовольных была разогнана, многие погибли, схваченных рабов распинали на кресте, а свободных сбрасывали с Тарпейской скалы (App. B.C. III, 3). Еще более активно действовал Долабелла, принявший участие в акции и разрушивший колонну (Cic. Att. XIV, 15, 2; 16, 2; 17 a; Phil. I, 2, 5). Аппиан сообщает, что действия консулов были поддержаны значительными массами населения (видимо, более зажиточного), настроенного процезариански, но недовольного размахом анархии и грабежей Лже-Мария (App. B.C. III, 3). Эти слои

населения также требовали учреждения официального культа Цезаря.

Движение Лже-Мария было разгромлено примерно в середине апреля. В письме от 11 апреля 44 г. Цицерон возмущается, что этот «заговор либертов Цезаря» все еще не подавлен (Cic. Att. XIV, 5), но более о нем не упоминает. Примерно в это же время Антоний провел через народное собрание закон об отмене диктатуры, нанеся удар по правовому статусу Цезаря (App. B.C. III, 25; Dio., 44, 51; Cic. Phil. I, 3; II, 26, 31). Он также предложил вернуть из ссылки Секста Помпея и дать ему компенсацию в 50 млн. за отцовское имущество (App. B.C. III, 4). Впрочем, стороны готовились к столкновению. 7 апреля Цицерон, гостивший в усадьбе Гая Матия в Формиях, пишет, что такой тонкий наблюдатель, как Матий, считает войну неизбежной (Cic. Att. XIV, 1).

Целью Антония стало получение Цизальпийской Галлии, где стал закрепляться Децим Брут. Обладание провинцией имело ключевое значение для стратегического контроля над Италией. Уже 25 апреля Цицерон пишет о приезде Децима к войскам (Cic. Att. XIV, 13), примерно в это же время Требоний прибыл в Азию (Cic. Att. XIV, 13 в, I). Немногим ранее произошло распределение провинциальных командований: Тиллий Цимбр получил Вифинию, Брут — Крит, а Кассий — Кирену (Plut. Brut., 19). Восточные провинции оказались в руках заговорщиков. Начались активные военные приготовления. Д. Брут собрал 3 легиона, а Требоний и Цимбр начали заготовки хлеба и оружия (App. B.C. III, 6). Стал реализовываться второй этап плана заговорщиков, очень напоминающий план Помпея.

Западные провинции контролировались цезарианцами. М. Эмилий Лепид с 4 легионами был наместником Ближней Испании и Нарбонской Галлии, Л. Мунаций Планк с 3 легионами управлял Дальней Галлией, Азиний Поллион с 2 легионами — Дальней

Испанией (App. В.С. III, 46). Возникли проблемы и на Пиринейском полуострове: Секст Помпей с отрядами испанцев начал наступление и занял Новый Карфаген (Dio., 45, 10). Антоний провел новое народное собрание и принял закон о передаче Сирии Долабелле (App. В.С. III, 8; Veil., II, 86). Консулы заключили между собой союз.

Пользуясь правами душеприказчика Цезаря, Антоний принял ряд законов. Он отменил закон Цезаря, ограничивающий срок пребывания наместника в должности, снова открыв путь для чрезвычайных назначений (Cic. Phil. II, 42, 108). Продолжались наделения земель ветеранов. Действия Антония вызвали оппозицию с самых разных сторон. Сохранялась прореспубликанская оппозиция, росло недовольство самоуправством Антония со стороны «неоконсерваторов» (Гирций, Панса, Оппий, Матий и др.). Наконец, среди ветеранов диктатора и процезариански настроенных масс росло возмущение пассивностью Антония в борьбе с заговорщиками. В этой ситуации «неоконсерваторы» впервые выступили на политическую арену. В Риме появился Октавиан.

Гай Октавий узнал о смерти Цезаря в Аполлонии. Вместе с известиями из Рима пришли советы. Некоторые друзья предлагали оставаться в Македонии, а Агриппа, Сальвидиен и стекавшиеся к нему ветераны диктатора советовали немедленно поднять армию и вести ее на Рим под предлогом мести за Цезаря (Nic. Dam., 16; Suet. Aug. 8, 2). Напротив, мать, Атия, и отчим, консул 56 г. Л. Марций Филипп, рекомендовали не принимать ни имя Цезаря, ни прав его наследника (App. В.С. III, 10; Dio., 45, 1; Suet. Iul., 92; Veil., II, 60). Наследник Цезаря отверг оба варианта и впервые проявил то блестящее сочетание решимости и осторожности, которое не раз помогало ему победить и сделало его императором Августом. Октавиан поступил так, как, вероятно, поступил бы Цезарь. Он вступил в права наследника и отправился в

Италию в сопровождении небольшой свиты, желая понять обстановку и начать борьбу, оставаясь в правовом поле.

Из осторожности Октавиан высадился в Лупиях, а затем, узнав о сильных процезарианских настроениях населения, прибыл в Брундизий (App. B.C. III, 10; Dio., 45, 1-4; Nic. Dam., fr. 16-17; Liv. Epit, 117). В Брундизий к нему стали стекаться друзья Цезаря, его ветераны, колонисты, рабы и либерты. В основном это были те, кто проявлял недовольство гибкой политикой Антония и требовал немедленной мести (App. B.C. III, II, Dio., 45, 3). Приемный сын Цезаря, именовавшийся теперь Гаем Юлием Цезарем Октавианом, стал, наряду с Антонием, вторым центром притяжения процезарианских масс. Особый успех Октавиан имел в Кампании, где к нему толпами стекались ветераны диктатора (App. B.C. III, 12).

18 апреля Октавиан прибыл в Неаполь (Cic. Att. XIV, 10, 3), а 21-го в Путеолы, на виллу Л. Марция Филиппа (Ibid.). Через посредничество Филиппа и мужа Октавий, консула 50 г. Г. Клавдия Марцелла, происходит сближение Октавиана с Цицероном, который, как показывают его письма, уже с начала апреля отслеживал передвижение наследника Цезаря (Ibid., XIV, 5), а затем — с Гирцием, Пансой, Оппием и Корнелием Бальбом. В апреле — мае 44 г.- на виллах Цицерона постоянно гостят Гирций, Панса, Филипп и Октавиан. Создается альянс цезарианских «неоконсерваторов» и умеренных помпеянцев (Cic. Att. XIV, 13 в, I; 14, 4; 15, 2). Хотя внешне все они сохраняли дружественные отношения с Антонием, альянс был направлен именно против него. Впрочем, этот союз казался противоестественным и многим римским политикам (Plut. Cic, 44-45). Так считал Марк Брут (Plut. Brut., 22), так, вероятно, считал и Октавиан, а, возможно и Цицерон. В разгар переговоров оратор всерьез

подумывал о бегстве к Сексту Помпею или Бруту (Cic. Att. XIV, 13).

Октавиан попытался сблизиться с Антонием. В сопровождении большой толпы сторонников, он появился в Риме, официально заявил о принятии имени и наследства Цезаря и начал денежные раздачи. Брат Антония Гай, -исполнявший обязанности городского претора вместо покинувшего Рим Брута, внес это предложение в протокол, а 9 мая другой брат консула, Луций Антоний, вывел Октавиана к народу и дал возможность произнести речь (App. B.C. III, 12-14; Plut. Brut., 22; Nic. Dam., 28).

Впрочем, все это было сведено на «нет» неудачными переговорами с Марком Антонием, вернувшимся из Кампании в середине мая. Антоний был недоволен самим фактом появления наследника Цезаря и не желал отдавать ему деньги (частично уже потраченные). Консула раздражало и напоминание о недостаточной активности в преследовании заговорщиков. Антоний резко ответил, что именно благодаря ему Цезарь не был объявлен тираном, а его законы продолжают существовать. Переговоры сорвались, соперники расстались врагами (App. B.C. III, 14-20; Dio., 45, 5; Plut. Ant., 16; Flor, IV, 4, 2; Suet. Aug., 10; Veil., II, 60, 3).

Перед Октавианом возникли денежные трудности. Для выплат денег по завещанию, он стал использовать имущество семьи, матери, отчима, Пинария и Педия (App. B.C. III, 21-23). Антоний воспрепятствовал принятию куриатного закона об усыновлении Октавиана, и последний даже не мог вступить во владение имуществом диктатора, которым продолжал распоряжаться Антоний. Через трибунов последний пытался сорвать усыновление (Dio., 45, 5-6), он же не дал Октавиану баллотироваться в народные трибуны (Dio., 45, 6-8; Plut. Ant., 16; App. B.C. III, 30) и не дал поставить ни играх золоток кресло и венок для Цезаря

(App. B.C. III, 28-29; Suet. Aug., 10). Все эти действия вызвали недовольство центурионов и ветеранов диктатора, под давлением которых Антоний и Октавиан были вынуждены примириться (Dio., 45, 6-8; Plut. Ant., 16; App. B.C. III, 30).

3 июня 44 г. Антоний провел через народное собрание закон о провинциях. Он получил Цизальпинскую Галлию, а Децим Брут становился наместником Македонии (Liv. Epit., 117; Dio., 45, 8; App. B.C. III, 30). Несмотря на противодействие сената, комиции приняли закон. Антоний получал власть на 5 лет, вероятно, это право распространялось и на Долабеллу, получившего Сирию (Cic. Phil. I, 6; 25; II, 108; V, 107; VIII, 28; Att. XV, II, 4).

Приток ветеранов в Рим сильно беспокоил Брута и Кассия (Cic. Phil. I, 2; Att. XIV, 4; Brut., 21). Ответом на их запрос был резкий эдикт Антония. 4 августа 44 г. Брут и Кассий, потеряв всякие надежды на успех в Риме и выразив Антонию протест, выехали в восточные провинции (Cic. Phil. I, 2, 6; Att. XIV, 4, 4; Brut., 21). Октавиан снова пытался стать трибуном, но ему опять помешал Антоний (Dio., 45, 11; App. B.C. III, 31). Хотя солдаты снова заставили их примириться (App. B.C. III, 31-39), к октябрю разрыв стал окончательным, и Антоний даже обвинил Октавиана в покушении на свою жизнь (Cic. Fam., XII, 23, 2; Plut. Ant., 16; App. B.C. III, 40).

Антоний вступил в конфликт и с Цицероном. 17 июля Цицерон захотел покинуть Италию, но в августе все-таки решил вернуться. 1 сентября состоялось заседание сената, на котором решался вопрос о молебствиях в честь Цезаря (Cic. Phil. I, 5, 12). Цицерон не явился, и Антоний ответил на это резким выступлением, угрожая снести его дом (Ibid.; Plut. Cic., 43). 2 сентября оратор произнес оправдательную речь (I Филиппика), в которой еще предлагал сохранить дружеские отношения (Cic. Phil. I, 14, 33-35).

К осени Антоний оказался в изоляции и решил пойти на силовой вариант, вызвав из Македонии 6 легионов, которые стали прибывать в Брундизий. Первые отряды появились уже в конце сентября (Cic. Fam., XI, 4, 1; XII, 23, 25; Veil., II, 61; App. B.C. II, 24-25; Dio., 45, 12) и, вероятно, именно с их прибытием связано ужесточение действий Антония.

Где-то между 2 и 28 сентября^[81] он выступил с резкой критикой Цицерона, обвинив его практически во всех действиях его политической карьеры (события консульства, борьба с Клодием, роль в борьбе Цезаря и Помпея). В довершение ко всему Антоний открыто назвал оратора идейным вдохновителем заговора против Цезаря (Cic. Phil. II, 2, 3-11, 35). 28 сентября Цицерон ответил знаменитой 2 Филиппикой, обрушив на Антония всю мощь своего красноречия. В свою очередь, Цицерон возложил на него ответственность за начало гражданской войны (Cic. Phil. II, 18, 44-49, 103). Пропагандистская война стала переходить в настоящую.

В октябре 44 г. в Брундизий прибыли уже 4 легиона Антония. Примерно тогда же Марк Брут прибыл в Афины, где к нему присоединились многие представители знатной молодежи (Plut. Brut., 24). Аристократы заняли ключевые посты в его армии: М. Кальпурний Бибул, сын консула 59 г., П. Корнелий Лентул Спинтер, сын консула 57 г., Гн. Домиций Агенобарб, сын консула 54 г., а также — сыновья Лукулла, Гортензия, Цицерона и Катона. К ним присоединились активный участник войны 49-45 гг. Л. Скрибоний Либон и посланный к парфянам Квинт Лабие. С прибытием Брута Требоний послал ему деньги (Dio., 47, 21), а Квинт Гортензий передал находившиеся в Македонии войска. К Бруту присоединились войска М. Апулея, а Марк Цицерон-младший привел целый легион (App. B.C. III, 63). У республиканцев скопилась внушительная сумма в 16 тыс. талантов. Против Брута выступили войска Ватиния и Гая Антония. После

поражения, Гай был окружен в Аполлонии и сдался. Брут держал его под стражей и казнил, обвинив в подготовке мятежа. Впрочем, последние события приходятся уже на начало 43 года, а в конце 44 г. в Сирию прибыл Кассий.

Подготовку к войне начал и Октавиан. Отправившись в Кампанию, он стал вербовать ветеранов, платя им по 500 драхм. Центрами набора армии были Казилин, Калатия и Капуя (App. B.C. III, 40; Dio., 45, 12; Suet. Aug., 10, 3; Liv. Epit., 117; Veil., II, 61). С этими силами Октавиан вошел в Рим и публично заявил о готовности бороться с Антонием. Впрочем, речь не понравилась солдатам, и армия чуть не распалась. Ее пополнили за счет дополнительных наборов в Этрурии (App. B.C. III, 41-42; Dio., 45, 52; Cic. Phil. III, 2, 3-5). Вероятно, Антоний был готов на военный переворот: 2 ноября Цицерон писал, что верный ему легион Жаворонка идет на столицу. Вплоть до конца ноября письма Октавиана и Цицерона выражают тревогу перед опасностью военного путча (Cic. Att. XVI, 8, 2; 9, 1). Впрочем, недовольства начались и в армии Антония — солдаты не желали воевать против наследника Цезаря. Мятеж был настолько серьезен, что Антонию пришлось прибегнуть к казням (Dio., 45, 13; App. B.C. III, 43-44). Во второй половине ноября 44 г. Антоний появился в Риме и потребовал от сената объявить Октавиана врагом отечества (App. B.C. III, 45). Именно тогда (Цицерон сообщает об этом в письме от 19 декабря) произошло переломное событие. На сторону Октавиана перешли два элитных легиона, отборный легион Марса и 4 легион. Кроме того, Октавиан захватил конницу и слонов противника (Dio., 46, 13; App. B.C. III, 49; Liv. Epit., 117; Cic. Phil. II, 9, 24-25).

19 декабря Цицерон выступил в сенате с новой речью (3 Филиппика), в которой предлагал одобрить действия Октавиана и Д. Брута и объявить Антония врагом отечества. Сенат согласился с первой частью предложения, но медлил с санкциями против Антония.

Впрочем, ситуация изменилась — 1 января 43 г. в должность вступили новые консулы, Гирций и Панса. Цицерон продолжал настаивать на военном решении. Лидером оппозиции стал один ведущих легатов Цезаря, Кв. Фуфий Кален, предложивший начать переговоры (App. B.C. III, 50; 54-60; Dio., 46, 22-28). Калена поддержал Кальпурний Пизон. Сопратники Цезаря пытались остановить столкновение двух набравших силу группировок цезарианцев, сторонников Антония и «неоконсерваторов». После дебатов, к Антонию было отправлено посольство в составе Сервия Сульпиция, Пизона и Марция Филиппа.

Видимо, в конце декабря 44 г. Антоний начал военные операции. У него было 4 легиона ветеранов, прибывших из Македонии, сильные auxilia, преторские когорты и множество новобранцев (App. B.C. III, 45-46). Сенат мог опереться на войска, ранее собранные Октавианом, два легиона, перешедшие от Антония, и легион новобранцев (App. B.C. III, 47). Понимая, что поход на Рим может кончиться полным провалом, Антоний выступил против Децима Брута, подошел к Мутине и осадил противника в городе. У Децима было 3 легиона и большое число гладиаторов (App. B.C. III, 49; Dio., 45, 13; Liv. Epit, 117; Cic. Phil. III, 1, I; V, 9; 24-25).

Цицерон не смог добиться успеха в вопросе о войне с Антонием. Более успешным было его предложение легализовать статус Октавиана. Последний был включен в сенат в ранге квестория, получил сан понтифика и право занимать все должности на 10 лет ранее положенного срока. Учитывая большое влияние, которое наследник Цезаря имел на солдат, ему было также разрешено иметь преторский ранг во время предстоящей кампании (Cic. Phil., V, 17, 46-18, 48; App. B.C. III, 51; Dio., 46, 29). Помимо Цицерона, предложение поддержала группа влиятельных консуляров (Марций Филипп, Сульпиций Руф и П. Сервилий-младший). Набор

продолжался, легионеры получали деньги из казны (App. B.C. III, 51). Напротив, переговоры с Антонием зашли в тупик. Мятежный проконсул был готов уйти из Цизальпийской Галлии и распустить войска, но требовал оставить в силе все его распоряжения, не требовать с него денег и предоставить ему Дальнюю Галлию сроком на 5 лет (Cic. Phil., VIII, 8, 24–10, 28). Цицерон и консулы продолжали давление на сенат. В феврале было принято *senatusconsultum ultimum*, а к концу этого месяца правительственные войска стояли в Клатерне и Корнелиевом Форуме. Консулы в спешном порядке проводили набор. Война еще не была объявлена.

В восточных провинциях военные действия уже начались. В конце 44 г. в Сирию отправился Долабелла (Dio., 45, 15), теперь уже окончательно ставший сторонником Антония. В декабре 44 — январе 43 г. он прибыл в Азию. Требоний дал Долабелле провиант, но не пустил его в главные города, Смирну и Пергам. Ночью Долабелла атаковал Смирну и захватил в плен Требония. Последний был высечен розгами и обезглавлен, его голову насадили на копье и отправили в Рим, а тело было брошено в море (App. B.C. III, 26; Dio., 47, 29; Liv. Epit., 119; Veil., II, 69).

В Македонии и Греции продолжалось наступление Брута. В Фессалии к нему перешла кавалерия Долабеллы, новые силы привел Гн. Домиций Агенобарб. Греция и Македония были в руках республиканцев (Dio., 47, 21; Plut. Brut., 26, 28; Cic. Phil., X, 5, 11–6, 14; Liv. Epit., 118, 121), а общая численность их армии выросла до 7–8 легионов (Veil., II, 69; App. B.C. III, 79). Брут переправился в Азию, где на его сторону переходили местные правители, в том числе, Дейотар и фракийские цари, Рескупорид и Садал (Dio., 47, 24–25; Plut. Brut., 29). Вскоре сенат легализовал статус Брута и Кассия, сделав их наместниками Сирии и Македонии, а солдаты

провозгласили обоим императорами (App. B.C. III, 63; IV, 57-59; Dio., 47, 29; Cic. Phil., XI, 6, 14-15; XIII, 10, 22-25).

Даже в марте 43 г. Антония еще не объявили врагом отечества. Согласно 14 Филиппике, это случилось только 21 апреля 43 г. после двух мутинских сражений. К концу зимы положение Децима значительно ухудшилось, войска в Мутине начали голодать (Cic. Phil., XII, 6, 2; App. B.C. III, 65). Под давлением Калена была предпринята новая попытка переговоров, однако Антоний уже шел к открытому разрыву с сенатом (Cic. Phil., XII, 1, 1; 5, 11-6, 13; 7, 15-12, 28; XIII, 1, 1-3, 7; 10, 22-25). На помощь Мутине выступила армия из 8-10 легионов под командованием обоих консулов, Гирция и Пансы. В качестве пропретора в армии находился Октавиан (Dio., 46, 29; Plut. Cic, 43; Flor, IV, 4, 4; App. B.C. III, 65). Лепид и Планк получили приказ помогать консулам (Dio., 46, 29). Неожиданный союзник появился и у Антония. П. Вентидий Басе набрал два легиона в цезарианских колониях и двинулся на Рим. В городе началась паника, а Цицерон спешно покинул столицу. Вентидий пытался соединиться с Антонием, но был отрезан Гирцием и стал дожидаться исхода кампании в Пицене, где набрал еще один легион (App. B.C. III, 66).

14 апреля 43 г. произошла первая битва при Мутине. Оставив лагерь под командованием брата Луция, Антоний выступил, чтобы атаковать Пансу, ведущего вторую часть армии, в основном состоящую из новобранцев, на соединение с Гирцием, уже подходившим к Мутине. В армии Пансы находился Октавиан. Сражение было тяжелым, преторская когорта Октавиана была перебита, новобранцы отступали, и только легион Марса спас правительственные войска от разгрома. Раненного Пансу отвезли в Бононию. Победители возвращались в лагерь, но были атакованы Гирцием, подошедшим на помощь своим с 2 легионами (4 и 7) и заставившим врага отступить уже в полном

беспорядке (App. В.С. III, 67–69; Dio., 46, 37–38; Suet. Aug., 10, 4; Cic. Fam., X, 30, 1–5; Phil., XIV, 1, 1; 3, 6, 9, 26–27). Сражение отличалось небывалым кровопролитием, пало около половины сражавшихся (App. В.С. III, 70). Антоний занял оборону в лагере.

21 апреля Гирций и Октавиан атаковали лагерь Антония. В жестоком сражении пал Гирций. Октавиан мужественно сражался, фактически приняв командование на себя. Лагерь был захвачен, но, в конечном счете, солдаты Антония отбили противника. Обе армии были готовы к новому сражению, друзья советовали Антонию продолжать осаду Мутины, но последний решил отступить на север. Сняв осаду города, Антоний ушел в Галлию (App. В.С. III, 71–72; Plut. Ant, 17; Liv. Epit, 119; Veil., II, 21, 4).

Республиканцы были как никогда близки к победе: две цезарианские армии практически уничтожили друг друга. Брут и Кассий фактически владели всеми восточными провинциями. Сенат устроил невиданное ранее 50-дневное молебствие. Хотя Цицерон предлагал дать триумф всем участникам событий, сенат сделал главным героем войны Децима Брута, Октавиан получил только овацию. Солдаты Марсова и 4 легионов, сыгравшие ключевую роль в мутинских сражениях, получили по 5 000 драхм (20 000 сестерциев). Республиканцы праздновали победу еще с большим основанием, чем в Иды марта 44 г. Брут и Кассий получили ключевые восточные провинции, Македонию и Сирию, а война против Антония была поручена Дециму Бруту, которому должен был передать войска Октавиан. Лепид, Планк и Азиний Поллион были обязаны всячески содействовать Дециму. Секст Помпей назначался главнокомандующим римским флотом (Dio., 46, 40; App. В.С. III, 72). Спустя год после убийства Цезаря, активные действия республиканцев, изворотливость Цицерона и

разногласия цезарианских лидеров поставили дело Цезаря на грань катастрофы.

Пока в Италии свои убивали своих, Брут и Кассий продолжали свой триумфальный марш по восточным провинциям. Брут заставил сдаться наместника Иллирии П. Ватиния. Еще больших успехов добился Кассий. К моменту его прибытия в Сирии все еще продолжался мятеж Цецилия Баса, против которого действовали 3 легиона Стея Мурка и 3 легиона наместника Вифинии Марция Криспа. Решение сената сыграло свою роль, в марте 43 г. все три армии подчинились убийце Цезаря, а в начале мая к нему присоединились выступившие из Египта 4 легиона А. Аллиена. Теперь у Кассия было 11 или 12 легионов (App. B.C. III, 77-78; Dio., 47, 21; 24-28; Cic. Phil., XI, 12, 27-31; Liv. Epit., 121; Veil., II, 69). Армии Кассия и 8 легионам Брута противостояли 2 легиона Долабеллы.

В конце мая Долабелла, не зная об успехах Кассия, переправился из Ионии в Киликию, собрав в Ликии флот родосцев, ликийцев, киликийцев и памфилов (App. B.C. IV, 60; Cic. Phil., XII, 15, 1-6). Против него выступила огромная армия противника. После неудачи у Арада, Долабелла отступил в Киликию. Не имея флота, Кассий обратился к Клеопатре. Согласно Аппиану, она отказалась, но Дион Кассий пишет об оказании помощи (App. B.C. IV, 60-61; Dio., 47, 30). После нескольких морских боев флот Долабеллы был разгромлен (App. B.C. IV, 61-62). Кассий блокировал Долабеллу в Лаодикее. Город был взят штурмом, Долабелла покончил с собой, а его солдаты сдались и, видимо, были включены в армию Кассия (Dio., 47, 30-31; App. B.C. IV, 61-62; Liv. Epit., 121; Veil., II, 6, 7).

* * *

В жизни Цезаря были критические моменты, когда казалось, что все, что было добыто ранее, может оказаться на грани крушения. В 82–81 гг. победа Суллы разрушила все, что десятилетиями создавала марианская партия, в 53–52 гг. начавшееся восстание Верцингеторикса грозило уничтожить все плоды успехов Цезаря в Галлии, в 49 г. помпеянский переворот стал угрозой для существования армии, «партии» и самого Цезаря. Последний, быть может, самый опасный кризис начался с Ид Марта, и общество решало его уже без своего лидера. Буквально за год все его реформы оказались на грани крушения: восточный поход сорвался, а армии, которые должны были обеспечить безопасность Империи и воевать с Биребистой и парфянами, истребляли друг друга; сенат раскололся, часть политической элиты изменила Цезарю, другие сцепились в смертельной схватке за власть, многие пошли на компромисс с собственной совестью. Появились первые жертвы (Требоний, Долабелла, Гирций, Панса), под угрозой оказалась политика милосердия, нарушенная убийцами Цезаря. Возможности компромисса уже не существовало. Под угрозой оказались и реформы Цезаря и его «правовая революция», распространившая права гражданства на провинции. Война исключала обширные планы колонизации и экономического возрождения, гигантские планы строительства городов и дорог, под угрозой оказалась финансовая стабилизация, с таким трудом создаваемая Цезарем. Все это было принесено в жертву абстрактной «республиканской идее» и вполне конкретным политическим амбициям лидеров заговора. Впрочем, как и ранее, свое слово сказали простые солдаты и офицеры Цезаря, жители Рима и Италии, а затем уже и население провинций. Кровавые сражения при Мутине, жертвами которых были цезарианские армии, стали началом отрезвления.

3. Месть (май 43-42 гг.)

Сражения при Мутине привели к повороту в настроении цезарианцев. Потери потрясли армию, состоявшую по преимуществу из солдат и офицеров Цезаря. Мутинская война была высшей точкой дезинтеграции «партии Цезаря», с нее же началась консолидация. Вскоре после второй битвы умер Панса (29 апреля об этом писал Д. Брут — *Cic. Fam.*, XI, 9, 1), старшим в армии остался Октавиан. При полной поддержке армии он отказался сотрудничать с убийцей Цезаря (*App. B.C.* III, 73; *Dio.*, 46, 41; *Suet. Aug.*, 11; *Liv. Epit.*, 119). В мае у Д. Брута было уже 7 легионов. Денег явно не хватало, войска были ненадежны. Децим не доверял ни Лепиду, ни Поллиону (*Cic. Fam.*, XI, 9, 1; 10, 3-5; 13 а, 1-3). Октавиан начал свою игру — при поддержке солдат он потребовал консульство и триумф, однако получил отказ сената (*Dio.*, 46, 41; *App. B.C.* III, 80; *Liv. Epit.*, 111).

Бездействие Октавиана (равно как и Д. Брута) позволили Антонию собрать свои силы. Терпя тяжелые лишения, он смог оторваться от противника и перейти Альпы (*Plut. Ant.*, 17). Около 12 мая 43 г. к нему присоединился Вентидий (*Cic. Fam.*, XI, 13 а, 1-3; *App. B.C.* III, 80). Наоборот, Планк с 4 легионами и 4 000 конницы соединился с Брутом (*App. B.C.* III, 81).

Примерно к середине мая Антоний подошел к расположению войск Эмилия Лепида. Силы были примерно равны: армия Лепида составляла 7 легионов, у Антония (вместе с Вентидием) было 7 или 8 легионов и большое число новобранцев. Солдаты и офицеры Антония вели активную агитацию, в армии Лепида началось дезертирство. 18 мая Лепид просил Планка идти к нему на помощь, а 29 мая, когда значительная

часть его армии уже перешла к Антонию, Лепид соединился с ним открыто (Cic. Fam., X, 21, 4-6; 34, 1-2; 18, 2, 4; 33, 3, 5; 23, 2-6; App. B.C. III, 83-84; Liv. Epit., III; Suet. Aug., 12; Plut. Ant., 18; Dio., 46, 50-51; Veil., II, 63, 2).

14 легионам Антония и Лепида противостояли силы Децима Брута и Планка. Сам Планк в письме к Цицерону оценивает свои силы в 4 легиона, а войска Децима — в 2 легиона ветеранов и 8 легионов новобранцев. Впрочем, войска были крайне ненадежны (App. B.C. III, 97; Dio., 46, 33). К Антонию присоединились 2 легиона Азиния Поллиона (App. B.C. III, 97; Veil., II, 63, 2), вскоре на их сторону перешел Планк (App. Ibid.; Veil. Ibid.; Dio., 46, 53). Армия Д. Брута таяла буквально на глазах. Оставшись с небольшим числом воинов, Децим пытался бежать в Иллирик к Марку Бруту, но был пойман неким Камиллом, вождем местных разбойников, и убит по приказу Антония (Dio., 46, 53; App. B.C. IV, 98; Veil., II, 64, 1). Консолидация цезарианцев создавала принципиально новую ситуацию и, потерпев поражение при Мутине, Антоний с легкостью выиграл войну. Оставив 6 легионов в Галлии, Лепид и Антоний двинулись на Италию с 17 легионами (Plut. Ant., 18). Противостоять им могла только армия Октавиана, который решил пойти на соглашение с Антонием.

Сенат назначил Октавиана командующим в войне с Антонием, после чего Октавиан снова потребовал консульства. Сенат ответил отказом, и Октавиан с 8 легионами двинулся на Рим. 19 августа он стал консулом вместе с Кв. Педием и, наконец, провел акт своего усыновления по куриатному закону. После этого был принят закон Педия о наказании всех убийц Цезаря. После принятия законов прошли заочные процессы: обвинителем Брута был Сициний Корона, Кассия — Випсаний Агриппа. Судьи единогласно вынесли обвинительный приговор. Закон Педия и постановления судов стали правовой основой для преследования

заговорщиков. Молодые лидеры впервые взяли на себя ответственность за продолжение цезарианской политики, что стало идейным стержнем новой партии, идеологии и политической системы. Октавиан принял имя Цезаря и выступил как лидер его партии и мститель за отца (Dio., 46, 46; Suet. Aug., 26; Veil., II, 69, 5; App. B.C. III, 95–96; Plut. Brut., 27; Liv. Epit., 119–120; R.g., 9).

Теперь он выступил навстречу Антонию и Лепиду, предварительно добившись отмены сенатских постановлений об объявлении их врагами отечества (App. B.C. III, 96). В ноябре 43 г. в Боннии встретились три лидера цезарианцев. После двухдневного совещания, все трое приняли решение о принятии чрезвычайной власти, войне с Брутом и Кассием и расправе над политическими противниками. Легионы и провинции были разделены. Антоний получал всю Галлию, кроме Нарбонской, Лепид — Нарбонскую Галлию и Испанию, а Октавиан — Африку, Сицилию и Сардинию. Солдаты должны были получить земли на территории 18 городов (в т.ч. Капуи, Венузия, Регия, Беневента, Нуцерии, Аримина, Гиппония и др.) (App. B.C. IV, 1–5; Dio., 46, 54–56; Plut. Ant., 19; Cic. Brut., 27; Flor, F/, 6; Suet. Aug., 27, 2; Liv. Epit., 120; Veil., II, 65; Oros., VI, 18, 5).

В течение трех дней цезарианские лидеры по очереди вступали в Рим. 27 ноября 43 г. по закону П. Тиция все трое были объявлены триумвирами для устройства государства (*triumviri rei publicae constituendae*) сроком на 5 лет (R.g., 1; Liv. Epit., 120; Suet. Aug., 2; App. B.C. IV, 7). В научной литературе триумвират обычно оценивается как неограниченная чрезвычайная диктатура и дальнейшее развитие экстраординарной власти^{304}. Дискуссия часто касается вопроса, имела ли здесь место старая римская традиция (напр. традиция децемвирата) или же речь идет о чрезвычайной власти нового типа^{305}? Встает вопрос о соотношении триумвирата с магистратурами

республики^{306}. Отмечается, что чисто внешне триумвират сохранял все правовые основы республиканской магистратуры (коллегиальность, срочность и формальная отчетность), однако, как и диктатура Цезаря, это было качественно новое явление^{307}. Полномочия триумвиров были весьма обширны: триумвиры имели военное командование, монопольное право набора войск и право войны и мира и решения вопросов внешней политики. У них было и право назначения и смещения магистратов и контроль за финансами^{308}.

Репрессивный характер триумвирата в чем-то роднит его с сулланской диктатурой, но полной аналогии здесь нет. Диктатура Суллы имела целью реставрацию республики после гражданской войны, триумвират создавался именно для ведения последней. Террор Суллы был террором победителей, действия триумвиров — борьбой с непримиримой оппозицией, продолжавшей борьбу за власть. С противником боролись его же методами.

Одним из первых актов нового режима было составление проскрипционных списков. Наказывались участники заговора, оппозиционеры и все, кто оказывал им помощь. Были казнены и многие колеблющиеся. Причиной репрессий объявлялось убийство Цезаря и превентивные меры против тех, кто объявил самих триумвиров врагами отечества. Противники обвинялись в покровительстве убийцам диктатора, расхищении денег, уничтожении и грабеже городов, наконец, говорилось об их готовности погубить многие тысячи граждан в развязанной ими гражданской войне (App. B.C. IV, 8–9). Запрещалось укрывательство проскриптов и помощь им. Те, кто был виновен в этом, сами вносились в список. Назначалась награда в 25 000 драхм (100 000 сестерциев), рабы получали 10 000 драхм (40 000

сестерциев) и свободу. Доносчикам гарантировали неприкосновенность (App. B.C. IV, II; Flor, IV, 6).

Особенность нашей информации — значительные разногласия при определении числа репрессированных. Минимальные числа дают Ливии (130) (Liv. Epit., 120), Орозий (132) и Флор (140) (Flor, IV, 6, 3), максимальные — Плутарх (200) (Plut. Brut., 27) и 300 (Plut. Ant., 20) и Аппиан (300) (App. B.C. IV, 5). Очевидно, что речь идет о сенаторах. Число всадников, 2 000 человек, дает только Аппиан (Ibid.), о «многих всадниках» сообщает Ливии (Liv. Ibid.).

Самый значительный нарративный материал дает Аппиан, материал которого можно лишь несколько дополнить деталями, взятыми у других авторов. Первыми жертвами стали консул 50 г. Павел Эмилий Лепид и консул 64 г. Луций Юлий Цезарь, дядя Антония. Обоих наметили Антоний и Лепид, мстя за то, что те участвовали в объявлении их врагами отечества. И Лепиду и Цезарю удалось спастись, последнего спасла мать Антония, Юлия. Меньше повезло претору 43 г. Г. Мунатию Планку, брату легата Галлии, тестю Азиния Поллиона и квестору 73 г. Г. Торанию (App. B.C. IV, 12). После того, как фактически каждый из цезарианских лидеров «пожертвовал» своим родственником, отряды триумвиров блокировали город, и центурионы приступили к «зачистке». Вероятно, самой значительной жертвой репрессий стал Цицерон, головы которого требовал Антоний. Вместе со знаменитым оратором погиб его брат Квинт (Ibid. IV, 19–20). Примечательно, что среди жертв репрессий было относительно немного высокопоставленных лиц (преторы 44 г. Анналис и Турраний, трибун 43 г. Сальвий, сенаторы Эгнации и Аррунции (в обоих случаях — отец и сын), старый сенатор-самнит Стаций и некоторые другие (App. B.C. IV, 18–27).

Конкретная информация вызывает ряд вопросов и сомнений. Поименный список репрессированных у Аппиана насчитывает 68 человек, 35 из которых погибли, а 33 — уцелели (Ibid. IV, 12-30; 35-51), что свидетельствует о спасении примерно половины осужденных. Аппиан красочно описывает их истории: некоторые попали в руки центурионов и даже не пытались сопротивляться, другие прятались, но их выдавали родственники или рабы, некоторые бежали к Бруту, Кассию и Сексту Помпею. Другая группа примеров демонстрирует самоотверженность жен, родителей, детей и даже рабов и либертов, спасавших своих близких даже ценой собственной жизни (App. V.C. IV, 37-51). Соотношение уцелевших и погибших в списке Аппиана, возможно, есть ключ к разногласиям наших источников. Ливии, Флор и Орозий, вероятно, дают реальное число погибших, тогда как Плутарх и Аппиан указывают на число проскрибированных. Можно отметить, что те, кто сумел спастись в эти трагические месяцы 43 г. и пережить битву при Филиппах, как правило, смогли и примириться с властями, вернуться на родину, а иногда и восстановить свое состояние и положение.

В списке Аппиана много персонажей, которых трудно идентифицировать. Часто он указывает не родовые имена, а когномены (Назон, Ларг, Руф, Гета) и даже личные имена (преномены) (Марк, Луций и др.), есть несколько персонажей, имен которых Аппиан даже не знает. Наконец, есть и прямые ошибки: Аппиан сообщает о гибели претора 49 г. Кв. Минуция Терма, который, на самом деле, бежал к Сексту Помпею и уцелел (App. V.C. IV, 17), среди проскриптов упоминается консуляр Вар, однако консулов с таким когноменом не было с 73 г. до н.э. (Ibid. IV, 28). Встает и еще один вопрос, вошли ли в этот список 60 человек, упомянутые Светонием и Евтропием в числе заговорщиков, и 20-25

человек, бывших непосредственными убийцами? Первый список нам практически неизвестен, так что сравнение двух неизвестных величин едва ли является плодотворным, сопоставление со вторым, дает весьма интересные данные. В списке Аппиана фигурирует только Тит Лигарий, и вполне возможно, что непосредственные убийцы шли «особым списком».

Репрессии сопровождались конфискациями. Кроме того, испытывая нехватку средств, триумвиры наложили на 1 400 богатых женщин, вероятно, связанных с семьями противников Цезаря и триумвиров, штраф в 200 млн. драхм. После протестов, налог был сокращен. Все граждане, имевшие имущество на сумму более 100 000 сестерциев, должны были внести в казну сумму, равную их годовому доходу и 1/50 собственности (App. B.C. IV, 32–34; Plut. Ant., 21). Налог брали даже с весталок. Шло грандиозное перераспределение собственности и одновременно — создание огромной армии. Основные суммы шли именно на нужды солдат, хотя немало количество было просто разграблено. Особенно обогатился Антоний. Традиция пытается снять обвинения с Октавиана. Веллей Патеркул пишет, что он терпел произвол коллег (Veil., II, 66), а Светоний писал, что Октавиан, вначале противившийся террору, позже стал суровее всех (Suet. Aug., 27). Плутарх также возлагает основную вину на Антония (Plut. Ant., 21), и, действительно, репрессии, в основном коснулись его противников.

В начале 42 г. консулами стали Лепид и Планк. Террор пошел на убыль (Dio., 47, 16). Лепид, ранее угрожавший репрессиями тем, кто не праздновал его триумф, выступил с извинениями за содеянное и заявил о наступлении «эры милосердия». Октавиан был более сдержан: он заявил об окончании репрессий, но сказал, что оставляет за собой свободу действий (Suet. Aug., 27, 3). Проскрипции достигли своей цели, оппозиция

триумвирам в Риме и, прежде всего, в сенате, была подавлена, армия получила деньги. В отличие от сулланских, репрессии, в общем, носили верхушечный характер и продолжались недолго, всего 1-2 месяца. Предстояла главная борьба — столкновение с основными силами республиканцев.

1 января 42 г. триумвиры, а затем — весь сенат и магистраты принесли присягу на верность «делам Цезаря» (*in acta Caesaris*), что означало приверженность его политике. Присяга регулярно возобновлялась. По закону Руфрена Цезарь был причислен к официальным богам, а его статуи ставились по всей Италии (*Dess.*, 73; 73 а). Октавиан стал первым в римской истории сыном государственного бога (*divi filius*). Решением сената и народа убийцам Цезаря объявлялась война (*R.g.*, 2).

Хотя главная угроза исходила от Брута и Кассия, серьезная опасность возникла и на западе. После сражения при Мутине Секст Помпей стал командующим флотом, и имел значительные морские силы, состоящие из пиратов и беглых рабов. Осенью 43 г. Помпей переправился в Сицилию и начал занимать местные города: Лилибей, Тиндариду, Мессану, Сиракузы. Бывший наместником острова Помпей Вифиник уступил его при условии паритетного командования, но вскоре был убит Секстом (*Die*, 48, 17-18; *App. B.C. IV*, 83-84; *Flor*, IV, 8, 1; *Liv. Epit.*, 123). В ходе проскрипций Помпей усилил свои войска благодаря притоку беженцев. Видимо тогда он уже начал нападения на Италию. Октавиан послал против Помпея Сальвидиена Руфа, но после неудачного морского боя у Скиллея, Сальвидиен был вынужден отступить (*App. B.C. IV*, 85; *Dio.*, 48, 19). Главной силой Секста Помпея был флот, насчитывавший до 250 кораблей. Во главе него стояли либерты Помпея, в прошлом бывшие пиратами, Менодор, Менекрат, Демохар и Аполлофан.

Брут и Кассий продолжали свое успешное продвижение. Победив Долабеллу, Кассий разбил Ариобарзана Каппадокийского, наложил огромную контрибуцию на Таре (1 500 талантов) и провел массовые продажи в рабство киликийского населения. На Иудею наложили контрибуцию в 700 талантов (Dio., 47, 32-33; App. V.C. IV, 63-64). В Сирии полководцы встретились. Брут настаивал на немедленном наступлении на Италию, но реалист Кассий убедил его остаться в восточных провинциях и расправиться с родосцами и ликийцами: противник имел явное превосходство, и наступательная кампания была обречена на неудачу. Кроме того, воинство республиканцев было готово сражаться только за большие деньги, а потому надо было провести две операции, не оправданные ни военными, ни политическими соображениями, но способные дать большие денежные средства.

Разбив родосцев в морском сражении, Кассий переправился на остров. Город был взят штурмом, Кассий казнил городскую верхушку и произвел массовые конфискации. По сообщению Плутарха, республиканцы взяли на острове 8 500 талантов (Dio., 47, 33; Plut. Brut., 30; App. V.C. IV, 66-73). Оставив на Родосе гарнизон под командованием Вара, Кассий переправился в Азию, наложив на нее огромную контрибуцию и потребовав налоги на 10 лет вперед. Брут оказался достойным учеником Кассия: его войска взяли ликийский город Ксанф, оказавший мужественное сопротивление. Большая часть жителей погибла, после чего Патары и другие города сдались без боя. В руки Брута также попала огромная добыча (App. V.C. IV, 82; Dio., 47, 34; Cic. Brut., 30-33; Veil., II, 69). Хозяйничание республиканцев, вероятно, привело бы провинции к полному коллапсу. Впрочем, Кассия и Брута интересовал только сегодняшний день.

Обе армии республиканцев встретились у Абидоса и переправились в Европу (Plut. Brut., 36–38). Аппиан оценивает силы Брута и Кассия в 20 легионов (8 — у Брута и 12 у Кассия) (App. B.C. IV, I, 75). Веллей называет число 17 (7 у Брута и 10 у Кассия) (Veil., II, 65; I, 69). Общую численность Аппиан оценивает в 80 000 легионеров, 12 000 конницы и 5 000 пеших и конных галатов. Флот под началом Мурка и Агенобарба насчитывал 130 кораблей (App. B.C. IV, 86–87).

Триумвиры собрали огромные силы. Лепид оставался в Риме, а Антоний и Октавиан с 25 легионами отправились на войну. 6 легионов охраняли коммуникации, в самой кампании участвовали 19 легионов, укомплектованные сверх нормы. По мнению П. Брюнта, 110-тысячная армия триумвиров противостояла 90 000 республиканцев^{309}. Авангард армии триумвиров (8 легионов под командованием Децидия Саксы и Норбана) прошел Филиппы и занял ущелья. К нему присоединились 3 000 всадников фракийского царя Раска, другой царь, Рескупорид, поддержал Кассия (App. B.C. IV, 87). Маневр отряда Тиллия Цимбра заставил противника отступить. Постепенно стали подходить основные силы Антония и Октавиана. Обе армии стояли у Филиппийского поля (App. B.C. IV, 102–109; Dio., 47, 35–37; Plut. Brut., 38; Veil., II, 69, 8).

Брут и Кассий расположили свои укрепленные лагеря у Филипп по обе стороны Эгнациевой дороги, напротив стояли войска триумвиров. Преимуществом республиканцев было хорошо организованное снабжение продовольствием. Именно поэтому Антоний стремился дать сражение как можно раньше, а Кассий тянул время. Впрочем, Антоний рассчитал правильно — такие огромные массы войск не могли долго стоять на одном месте. Армия заговорщиков тоже требовала немедленного сражения, эти требования поддержал Брут (Plut. Brut., 39–40; App. B.C. IV, 107–109).

В сентябре 42 г. произошла первая битва при Филиппах. Правым флангом республиканцев командовал Брут, его крыло было усилено отборным легионом Валерия Мессалы, ранее бывшим в армии Кассия. Кассий взял себе левый фланг. На правом фланге триумвиров находилась армия Антония, левое крыло было поручено Октавиану. Обе стороны атаковали правым крылом и добились успеха. Антоний обрушился на фланг Кассия, разгромил его и занял лагерь противника. На левом фланге Октавиан потерпел поражение, часть армии Брута, включая легионы Мессалы, обошла противника и атаковала лагерь, другие нанесли фланговый удар. Антоний бросил войска в центр, армии Брута и Кассия утратили взаимодействие, но солдаты Брута захватили лагерь Октавиана. Последний едва не погиб. Сражение закончилось «вничью», заговорщики потеряли 8 000 человек, триумвиры — вдвое больше (Plut. Brut., 41-42; Dio., 35-38; Suet. Aug., 13; App. B.C. IV, 110-112). Роковую роль для заговорщиков сыграла гибель Кассия. Его разбитые отряды отступали на близлежащие холмы. По ошибке Кассий принял большой конный отряд, посланный Брутом, за отряд армии триумвиров, после чего приказал своему слуге Пиндару убить его (Dio., 47, 46; Plut. Brut., 43; Flor, IV, 7, 11-13; App. B.C. IV, 113-114; Liv. Epit., 124; Veil., II, 70, 2).

Положение Брута становилось все хуже и хуже, в армии республиканцев шло массовое дезертирство. Войска выходили из под контроля. Обе стороны стремились к сражению: Антоний по-прежнему опасался за продовольствие, а Брут хотел удержать армию от распада. В армии Антония платили по 5 000 драхм. Брут мог платить только по 1 000, но обещал после победы дать на разграбление Лакедемон и Фессалонику. Понимая превосходство противника, Брут старался выиграть время. На битве настояли его собственные

легионеры (App. B.C. IV, 117–123; Dio., 47, 48–49; Plut. Brut., 44–47; Liv. Epit, 124).

Ход второго сражения при Филиппах (23 октября 42 г.) достаточно неясен. Вероятно, войска Октавиана одержали полную победу на правом фланге и ударили в тыл успешно сражавшемуся правому крылу Брута. Вторая битва при Филиппах закончилась полным разгромом республиканской армии. С остатками войска Брут бежал в горы. Преследование организовал Антоний, солдаты Брута были готовы прекратить сопротивление. При помощи своего друга Стратона Брут покончил с собой (App. B.C. IV, 128–131; Dio., 47, 48, 49; Flor, IV, 7, 13–15; Eutr., VII, 3; Veil., II, 70, 4; 72, 2).

Антоний велел похоронить тело Брута, его голову по настоянию Октавиана отвезли в Рим, чтобы бросить к ногам статуи Цезаря. Впрочем, триумвиры повели себя достаточно мягко. Остатки войск Брута (около 14 000) сдались и были зачислены в армию победителей. Многие погибли или покончили с собой, некоторые (напр. Фавоний или Гортензий) были казнены, однако многие другие были помилованы (Валерий Мессала, Кальпурний Пизон, Луцилий). Усталость и страх перед стихией гражданской войны возобладали над жаждой мести. Триумвиры стали медленно возвращаться к политике милосердия. Большую жестокость проявил Октавиан, Антоний был более склонен к пощаде (Dio., 47, 49; Plut. Brut, 50, 53).

Единственной боеспособной силой республиканцев оставался флот под командованием Л. Домиция Агенобарба и Л. Стея Мурка. После Филипп большая часть флота ушла к Сексту Помпею. С ним ушли бывшие командиры эскадр Брута и Кассия — Кассий Пармский, Клодий и Туруллий (App. B.C. V, 2; Veil., II, 72, 4).

Сражения при Филиппах были самым большим и кровопролитным столкновением между римскими армиями (App. B.C. IV, 137–138). Античные авторы и

современные ученые согласны, что они подвели черту под республикой. «Дело Цезаря» победило, хотя цена победы была слишком велика. Филиппы были посмертной победой Цезаря, одержанной его армией под командованием его лучшего военачальника. Быть может, не случайно наши авторы подробно описывают, что накануне второго сражения Бруту явился призрак диктатора (Plut. Brut., 48). Именно сейчас его миссия была закончена, легенда о Деции Мусе поразительным образом повторилась. Много позже Октавиан Август лаконично напишет, что отомстил за отца и избавил государство от «власти немногих» (R.g., 1-2). Гражданские войны должны были продлиться еще десять лет, но самое страшное было позади. Победа цезарианцев была окончательной, и следующий, 41 год, знаменовал наступление новой эпохи. Был ли дух Цезаря удовлетворен победой, достигнутой после такой страшной бойни сограждан?

Мечь свершилась. Все наши источники подчеркивают, что все участники заговора погибли скорой и насильственной смертью, будучи наказаны за свое преступление (App. B.C. II, 154; Plut. Caes., 69; Brut., 45). Мы уже рассмотрели судьбу руководителей заговора, Марка Брута, Кассия, Децима Брута, Гая Требония. Квинт Лигарий стал жертвой проскрипций (App. B.C. IV, 107). Понтий Аквила пал при Мутине (Dio., 40). При Филиппах погибли Тиллий Цимбр и Пакувий Антистий Лабен (App. B.C. IV, 135; Cic. Brut., 5), в этой войне погиб и Публий Каска (Plut. Brut., 45). Исчезает Сервий Гальба, если он не был убит, то, вероятно, умер достаточно быстро, будучи пожилым человеком. Л. Минуций Базил, отличавшийся особой жестокостью, был убит собственными рабами. Судьба четырех (Рубрий Руга, М. Спурий, Цецилий Буколиан и Петроний) неизвестна, они вообще появляются только в связи с заговором и убийством, далее их следы исчезают.

Судьба продлила жизнь Турпилию (Дион Кассий именует его Туруллием) и Кассию Пармскому. Кассий был в армии Помпея до 36 г., затем перешел к Антонию и служил ему вплоть до Актинской битвы (31 г.), попал в плен и был казнен Октавианом. Турпилий также бежал к Сексту Помпею, но уже в 40 г. сдался Антонию, оставаясь на его службе до 30 г. до н.э. Когда войска Октавиана подходили к Александрии, отчаявшийся Антоний послал Турпилия с просьбой о пощаде. Посол был убит на месте по приказу наследника Цезаря (Dio., 51, 8). Месть... или правосудие?

Глава XII.
НАСЛЕДНИК ЦЕЗАРЯ
(42 г. до н.э. — 14 г. н.э.)

1. Путь к принципату (42–31 гг. до н.э.)

Партия Цезаря победила и победила окончательно. На полях Филипп были разгромлены главные силы республиканцев, главные лидеры и идеологи оппозиции погибли в войнах и проскрипциях. Те, кто остался, подобно Сексту Помпею и Домицию Агенобарбу, боролись только за личный выход из создавшегося положения. Вместе с тем, бедствия гражданских войн 43–42 гг. вызвали массовый, стихийный, не имеющий четкой программы, но весьма решительный протест огромных масс населения против политики триумвиров. Наконец, предстояла борьба между цезарианскими лидерами и постепенно намечалось главное противостояние этого времени — борьба между «монархистами» Антония и «неоконсерваторами» Октавиана.

Победа при Филиппах сделала Антония несомненным лидером триумvirата. Его считали главным организатором победы, это мнение разделяли и друзья, и враги (Suet. Aug., 13, 2), ему же поручили награждение победителей (Die, 48, 2). Наоборот, Лепид, как не участвовавший в главной войне, все больше отходил на второй план. Его обвинили в связях с Секстом Помпеем и ограничили его область управления Африкой, что фактически выводило его из триумvirата, низводя до уровня обычного провинциального наместника (Dio., 48, 1; App. B.C., V, 3). Октавиан в лучшем случае сохранял свое положение, получив в управление Испанию и Нумидию. Галлия оставалась в руках Антония, который получал и все восточные провинции.

Расстановка сил также была в его пользу. Значительную часть армии (28 или 34 легиона)

предполагалось демобилизовать. Это была первая большая демобилизация после убийства Цезаря (App. B.C., V, 3-4; 22). Впрочем, сокращение оказалось значительно меньшим, чем это было запланировано, число легионов уменьшилось с 66 до 52, причем, во многом за счет потерь. Силы Антония насчитывали 38 легионов: на востоке оставалось 8 легионов и 10 000 всадников (App. B.C., V, 3; Dio., 48, 2), в Греции находились 6 легионов Марция Цензорина, в Галлии — 11 легионов Фуфия Калена (App. B.C., V, 24), в Италии — 13 разрозненных легионов Поллиона, Планка и Вентидия Басса (App. B.C. V, 50). Слабость Антония была в рассредоточении войск. У Октавиана было всего 11 легионов (3 были при нем в Италии и 8 в Испании) и 4 000 всадников, 7 легионов оставалось у Лепида. Триумвиры разделили задачи: Антоний должен был заняться устройством восточных провинций, а Октавиану предстояла не менее сложная задача наделения землей многочисленных ветеранов и выполнения обещаний, данных триумвирами победившей армии (App. B.C., V, 3; Plut. Ant., 23-24; Veil., II, 74, 1; Suet. Aug., 13, 3). По всей вероятности, Антоний рассчитывал, что его коллега не справится с этой задачей, что и станет началом его конца.

Сам лидер «партии Цезаря» переправился в Азию. Недалеко от Пергама он созвал представителей малоазийских общин, вассальных царей и союзных городов. Вначале Антоний вернулся к требованиям Кассия о 10-летнем налоге, но представителям провинции с большим трудом удалось уговорить его разрешить уплатить налоги за 9 лет в двухлетний период (App. B.C. V, 6; Plut. Ant., 24). По сообщению Аппиана, подати были наложены на Фригию, Мисию, Галатию, Каппадокию, Киликию, Палестину, Итурею и часть Сирии (App. B.C., V, 7). Освобождались только разграбленные республиканцами Ликия и Родос. В Сирии

Антоний изгнал местных «тиранов», в Каппадокии посадил на трон царя Сисину (Архелая), а в Иудее установил отношения с Иродом. Достаточно жесткая политика Антония была все же приемлемой альтернативой грабежам республиканцев. Он оставался привержен и политике *dementia*, а бывшие республиканцы предпочитали сдаваться Антонию, избегая более сурового курса Октавиана, проводившего непреклонную политику мести за Цезаря. Все больше и больше Октавиан создавал образ подлинного наследника Цезаря и продолжателя его конструктивной политики.

Напротив, Антоний эту линию утрачивал и подчинялся политической идее Клеопатры. Клеопатра VII Неос Филопатор (таков был ее полный царский титул) была одной из самых выдающихся правительниц Египта. Она была очень популярна среди коренного населения, в ее правление не было туземных восстаний, а после ее смерти начались восстания против римлян. После 47 г. прекратилась и оппозиция в Александрии. С юных лет Клеопатра поняла, что судьба Египта решается в Риме. Ее отец был обязан престолом Габинию и Помпею, сама она была обязана им Цезарю. Вместе с тем, царица прекрасно понимала и значение огромных материальных ресурсов Египта. Как истая ученица Цезаря, она мыслила глобальными категориями, мечтая о реставрации державы времен первых Птолемеев. При определенной ситуации из Александрии можно было управлять Римом.

Встреча с Клеопатрой произошла в Тарсе. Царицу обвиняли в том, что она не помогла триумвирам в войне против Брута и Кассия (App. B.C. V, 8) и даже сотрудничала с последним (Plut. Ant., 25–26). Обвинения были сняты очень быстро. Антоний увлекся Клеопатрой и в начале зимы уехал в Александрию, где ему оказали пышный прием. Зима 42–41 гг. прошла в непрерывных

развлечениях (App. B.C., V, 9–11; Plut. Ant., 29; Dio., 48, 24).

Тем временем кризис прогрессировал. Достаточно неожиданно проявилось еще одно последствие деятельности Брута и Кассия. Лидеры республиканцев направили к парфянам Квинта Лабиена, сына бывшего легата Цезаря и Помпея. Парфянские отряды участвовали в сражениях при Филиппах, но это было только начало. В конце 41 или в начале 40 г. началось вторжение парфян в Сирию. Вторжение возглавили сын царя Орода Пакор и оставшийся на парфянской службе Квинт Лабиен. Разгромив легата Сирии Децидия Саксу, парфяне заняли провинцию, а затем вторглись в Финикию, где к ним присоединились бывшие сторонники Брута и Кассия. В руках парфян оказались Антиохия и Апамея (Dio., 48, 24–25; Plut. Ant., 30; Flor, IV, 9, 1–5). Парфянские армии разделились: Пакор продолжал движение по Иудее, сместил Гиркана и посадил на престол Аристубула, заставив Ирода бежать к Антонию, а Лабиен вторгся в Азию, быстро вытесняя римлян с полуострова. Парфянское вторжение поставило под угрозу все римские владения на востоке (Dio., 48, 26; Plut. Ant., 30; Veil., II, 78, 1; Liv. Epit., 127).

Основные события происходили в Италии. Октавиан начал наделение земель ветеранов, земель не хватало, колонии выводились на земли городов, шел болезненный земельный передел (App. B.C., IV, 22; Liv. Epit., 125; Suet. Aug., 30; Dio, 47, 14). Эти действия вызвали массовые недовольства. Чтобы покрыть дефицит средств, Октавиан брал деньги у храмов. В Италии царила разруха (Dio, 48, 5, 6; Suet. Aug., 13). По всей стране начались кровавые столкновения (Dio, 48, 9–10). В 41 г. активизировался Секст Помпей. Перерезав подвоз продовольствия, Помпей, Агенобарб и Мурк создали сложнейшую ситуацию в столице и италийских городах (App. B.C., V, 16–17). Рим был на грани голода, во

всей Италии шли повальные грабежи, а солдаты собирались на Форуме, угрожая мятежом (Ibid.).

Ситуацией воспользовались родственники Антония, его брат Луций, жена Фульвия и управляющий делами Маний. Маний и Фульвия стремились направить главный удар против Октавиана, чья популярность была низка как никогда. Луций Антоний, бывший консулом 41 г., все больше становился противником триумvirата как такового (App. B.C., V, 14, 19), выступая в защиту италийского населения, страдавшего от произвола военного режима. Наконец, Луций и Фульвия приступили к открытым военным действиям (App. B.C., V, 20-21; Veil., II, 73; Liv. Epit., 125; Suet. Aug., 14; Dio, 48, 10).

Армия Луция Антония насчитывала 6 легионов, Октавиан мог противопоставить им только четыре, однако из Испании были вызваны 6 легионов Сальвидиена Руфа (App. B.C., V, 24). Все зависело от стоящего в Галлии Калена с 12 легионами и войск Вентидия, Азиния Поллиона и Планка (Ibid., V, 24, 30). Все эти полководцы подчинялись Марку Антонию, но в операциях не участвовали. Никаких приказов от триумвира не поступало. Лепид поддержал Октавиана, перед выступлением из Рима наследник Цезаря добился объявления Луция и Фульвии врагами отечества (App. B.C., V, 28-29; Dio, 48, 12).

Октавиан и Сальвидиен успешно действовали против главных сил повстанцев в Умбрии, Этрурии и области сабинов (App. B.C., V, 30; Dio, 48, 13). Неожиданным ударом Луций Антоний занял Рим, народ приветствовал его императором. Луций торжественно заявил, что в случае смещения Октавиана и Лепида, Марк Антоний добровольно сложит триумvirские полномочия. Впрочем, главные силы Луция были вынуждены оставить столицу, которую вскоре занял Октавиан. Реальное командование армией последнего все больше переходило в руки Випсания Агриппы, ближайшего

друга наследника Цезаря, уже отличившегося при Мутине и Филиппах (App. B.C., V, 30-31; Dio, 48, 13). Октавиан нашел человека, который смог вести для него военные операции, а Агриппа оказался одним из лучших римских полководцев эпохи гражданских войн.

Военные действия вступали в решающую фазу. Октавиан, Агриппа и Садьвидиен блокировали Перузию, где находились Луций и Фульвия. Осажденные обратились за помощью к Поллиону, Вентидию и Калену, но генералы Антония действовали крайне вяло. Вскоре, по совету Планка, они вообще прекратили военные действия (App. B.C., V, 32-33; Veil., II, 74, 3).

Блокада Перузии продолжалась, в армии Луция начался голод. После длительной осады, Луций, Фульвия и бывшие с ними сенаторы и всадники сдались. Решающую роль снова сыграли солдаты. Войска Луция приветствовали Октавиана императором, а солдаты Октавиана добились их помилования (App. B.C., V, 33-34; 36-47; Dio, 48, 14; Veil., II, 74, 3; Suet. Aug., 14; Flor., IV, 5). Луция и Фульвию пришлось отпустить, но многие из их сторонников были казнены (App. B.C., V, 48-49; Plut. Ant., 30; Dio, 48, 4; Veil., II, 74, 3-4). Больше всего пострадали жители города. Согласно Аппиану, Октавиан хотел отдать его на разграбление солдатам, но не смог сделать это из-за пожара (App. B.C., V, 48). Многие горожане погибли, а город (кроме храмов Гефеста и Геры) был срыт (Dio, 48, 14), весь перузийский сенат был казнен (App. B.C., V, 48). После взятия Перузии были подавлены и другие очаги восстания.

Организованное сопротивление было сломлено. Фульвия и Луций бежали в Грецию, войска легатов отступили в Брундизий, Равенну и Тарент, многие сторонники Антония покидали Италию или переходили на сторону Октавиана. Важнейшим следствием войны была сдача 12 легионов в Галлии. После смерти Фуфия

Калена, его сын передал войска Октавиану (App. B.C., V, 50; Veil., II, 76, 2; Dio, 48, 15; Plut. Ant., 30).

Перузийская война стала переломным событием в отношениях Октавиана и Антония и серьезной победой наследника Цезаря. Он блестяще справился с необычайно тяжелой задачей, вполне эквивалентной роли Антония в сражениях при Филиппах. Это была последняя война на территории Италии. Страна стала привыкать к мысли, что ее лидером и хозяином является Октавиан, а новый лидер все больше и больше берет курс на поддержание особой роли Италии как центра и основы Империи. Не менее важным был и военный паритет, теперь Октавиан контролировал около 40 легионов (App. B.C., V, 53). После победы, триумvir вступил в Рим в триумфальной одежде (Dio., 48, 16).

Вероятно, Антоний имел возможность покончить со своим противником, и его невмешательство было серьезным политическим просчетом. Впрочем, его бездействие было вызвано не только субъективными, но и объективными причинами. Движение было направлено против триумvirата в целом, а потому выступление на стороне повстанцев было открытым нарушением принятых на себя обязательств перед коллегами. Известное значение имела и парфянская угроза, а зимнее плавание с большим флотом было исключительно трудным предприятием. Наконец, желание оставаться с Клеопатрой в Александрии также могло перевесить практические соображения. О неоднозначности его реакции может свидетельствовать холодный прием, оказанный им Фульвии (Plut. Ant., 30). Вероятно, Антоний так и не смог принять определенное решение.

Весной 40 г. Антоний все-таки покинул Египет и с большим флотом в 200 кораблей направился к Брундизию, будучи готов как к военному, так и к мирному развитию событий. Сухопутных войск было

немного, и это обстоятельство позволяет предположить, что его целью была демонстрация с целью сохранения военного и политического паритета (App. B.C., V, 52, 55; Plut. Ant., 30). Азиний Поллион перевел 7 легионов в Грецию, при его помощи Антоний вступил в союз с Домицием Агенобарбом, который присоединился к нему с 80 кораблями и 2 легионами (App. B.C., V, 50; Veil., II. 76, 2; Dio, 48, 15-16). Начались переговоры с Секстом Помпеем.

Гарнизон Брундизия отказался впустить Антония и Агенобарба, город был осажден. Воспользовавшись ситуацией, флот Помпея под началом Менодора занял Сардинию. Ситуация беспокоила обе стороны, но, как и в 43 году, армия решительно вмешалась в борьбу за власть и потребовала примирения (App. B.C., V, 59). Мирный процесс ускорился смертью Фульвии. Через солдатских представителей начались переговоры вначале их вели Азиний Поллион и Меценат, затем состоялась встреча на высшем уровне (App. B.C., V, 60-64).

Так называемый Брундизийский договор (начало октября 40 г.) стал отражением установившегося равновесия. Антоний и Октавиан заключили союз, скрепленный браком Антония и сестры Октавиана Октавий. Западные провинции перешли под власть Октавиана, восточные контролировались Антонием. Антоний санкционировал войну Октавиана с Секстом Помпеем, а Октавиан обещал содействовать в отражении парфянского вторжения. Оба триумвира получили равные права набора войск в Италии (Liv. Epit., 127; Veil., II, 76, 3; Dio, 48, 28). Антоний получал половину армии Калена (App. B.C., V, 66). Октавиан признавал амнистию сторонников Луция Антония и Домиция Агенобарба. Произошел даже своеобразный «обмен» тайными связями: по просьбе Октавиана, Антоний велел убить Мания. В свою очередь, он раскрыл своему

партнеру измену Сальвидиена, который также был казнен Октавианом (Dio, 48, 29–30, 33; App. B.C., V, 66; Suet. Aug., 66). Двусторонний договор фактически означал устранение Лепида, которому оставалась только Африка (Dio, 48, 28; Plut. Ant, 30).

Брундизийский мир был не просто обычным мирным договором. Знаменитая 4 Эклога Вергилия^{310} и немногим менее популярный 16 Эпод Горация показывают, что впервые со времен Цезаря перед обществом возникла перспектива общего мира. Система Цезаря была окончательно восстановлена. Впрочем, некоторые проблемы еще требовали своего решения.

Центром сопротивления режиму триумвиров был теперь Секст Помпей. В 43 г. к нему бежали проскрипты, в 42 г. сюда стекались остатки армии Брута, в 41 г. — многие из тех, кто участвовал в италийских волнениях, кроме того, к Помпею постоянно шли всевозможные изгои, беглые рабы и пираты. Все эти люди были противниками режима, выброшенными им из нормальной жизни, и, вместе с тем, они уже не надеялись на победу. Единственное, чего они хотели — это прекращения борьбы на приемлемых для них условиях, а самого Секста Помпея вполне устраивало положение одного из триумвиров (вероятно, он претендовал на место Лепида). Хотя и далеко не сразу, правительство триумвиров достаточно правильно поняло эту ситуацию.

Впрочем, в 40 г. Помпей еще был врагом. Его флот блокировал подвоз продовольствия в Рим, в городе начались голодные бунты, а разъяренная толпа требовала либо немедленной победы над Помпеем, либо заключения с ним приемлемого мира. Секст усилил атаки на кампанское побережье (Путеолы, Формии, Вольсиний, Энария), пиратские корабли появлялись

даже в устье Тибра (Flor., IV, 8, 2-3; Liv. Epit., 127; App. B.C., V, 67-68; Dio, 48, 30-31; Plut. Ant., 32).

Через посредничество матери Помпея Муции и дочери Либона Скрибонии, недавно ставшей женой Октавиана, в 39 г. в Мизене был заключен договор. Секст Помпей должен был вывести из Италии войска, не принимать беглых рабов и не препятствовать снабжению Рима продовольствием. Все проскрипты, сражавшиеся на стороне Помпея, кроме непосредственных убийц Цезаря, получали амнистию, имели право вернуть имущество и гражданские права. Солдаты и матросы Помпея уравнивались в правах с солдатами триумвиров, а рабы получали свободу (App. B.C., V, 72; Veil., II, 77-78; Dio, 48, 34-37; Plut. Ant., 37). Сам Помпей фактически входил в триумвират и получал в управление Сицилию, Сардинию, Корсику и Ахайю сроком на 5 лет, а также — часть отцовского имущества (1 650 000 драхм). Мизенский договор, фактически ставший дополнением к Брундизийскому миру, был отмечен пышными банкетами. Распределение консульства на 38-35 гг. учитывало интересы различных партий: в 38 г. — Антоний и Либон, 37 г. — Октавиан и Помпей, 36 г. — Гай Сосий и Домиций Агенобарб, 35 г. — Антоний и Октавиан (App. B.C., V, 73-74; Dio, 48, 37-39; Plut. Ant., 32).

С 39 г. Антоний был вынужден заняться парфянской проблемой. План Цезаря реализовывался с опозданием и в гораздо более худших условиях. Сам Антоний провел зиму 39-38 гг. в Афинах вместе с Октавией, а против парфян была брошена армия Вентидия Басса (App. B.C., V, 74-75; Dio, 48, 39; Plut. Ant., 31-32). Вентидий добился блестящих успехов. Выступив в Азии, он нанес поражение Лабиему, заставив его отступить в Киликию. В горах Тавра Лабием был разбит и бежал на Кипр, где и погиб. Вентидий послал в Сирию конницу Попедия Силона, а затем выступил сам. Во втором сражении был

разбит Франнипат, полководец царевича Пакора. Сирия и Палестина стали римскими. Вентидий получил небывалые почести, титул императора и право чеканки монеты с собственным именем (Dio, 48, 39–41; Plut. Ant., 33–34; Liv. Epit., 127–128; Veil., II, 78).

В 38 г. Пакор с огромными силами вторгся в Сирию, перейдя Евфрат у Самосаты. Возле горы Гиндар была разбита его 20-тысячная армия. Вентидий отразил парфянское вторжение (Flor., IV, 9, 6; Veil., II, 78; Plut. Ant., 33–34; Dio, 49, 19–21). Римляне перешли в наступление: Сосий активно действовал в Сирии, Канидий победил армян, иберов и альбанов (Plut. Ant., 34), а сам Антоний усилил флот, вернул на престол Иудеи Ирода и готовился к мощному наступлению на Парфию.

Тем временем, на западе рушилась брундизийско-мизенская система. После Мизенского договора большая часть проскриптов вернулась в Рим (App. B.C., V, 74). Веллей сообщает о возвращении Тиберия Клавдия Нерона, Силана, Тития, Аррунтия, Сентия Сатурнина и др. (Veil., II, 77). Для большинства жителей Италии война уже кончилась, гарантом мира становился Октавиан, а Секст Помпей превращался в фактор нестабильности. Из защитника республики он стал превращаться в предводителя пиратов.

В этой ситуации Октавиан смог начать наступление. События начались с измены пирата Менодора, управлявшего Сицилией и Корсикой. Через доверенных лиц он договорился о передаче войск и провинций Октавиану, получив за это всаднический ранг (App. B.C., V, 78, 80; Dio, 48, 45). Не имея достаточного количества кораблей, Октавиан обратился к Антонию, который потребовал не нарушать договор. Октавиан начал подготовку к войне собственными силами (App. B.C., V, 78–79).

В том же 38 году Октавиан встретил свою любовь. Он женился в третий раз^[82] на Ливии Друзилле, забрав ее у вернувшегося из Сицилии Тиберия Клавдия Нерона. В момент их встречи будущей императрице было 20 лет. У нее уже был сын от Нерона, будущий император Тиберий, а в доме Октавиана родился второй сын, Друз Клавдий Нерон (Dio., 48, 45; Veil., II, 79). Этот брак продлился 52 года до самой смерти Августа, Ливия пережила его на 15 лет и умерла уже при Тиберий.

В 38 г. Октавиан атаковал Сицилию из Тарента, из Этрурии вышел флот Кальвизия Сабина и Менодора. В морском сражении у Энарии Кальвизий потерпел поражение. Впрочем, командовавший флотом Помпея либерт Демохар ушел в Сицилию, и Кальвизий продолжил наступление. На соединение с ним вышли уже высадившиеся в Сицилии войска Октавиана (App. B.C., V, 81-84; Dio., 48, 46-47; Liv. Epit., 128). Возле Скиллея флот Октавиана был атакован Помпеем и понес большие потери. Чуть не погиб сам Октавиан. Подход Кальвизия и Менодора заставил противника отступить, но правительственная эскадра попала в шторм, уничтоживший половину судов (App. B.C., V, 84, 92; Dio., 48, 47-48; Liv. Epit., 128). Первая атака против Сицилии завершилась неудачей, Менодор снова перешел к Помпею, а народ продолжал выражать недовольство Октавианом (Dio., 48, 54; App. B.C., V, 96; Suet. Aug., 16).

В 37 г. в Италии появился Антоний. Напряженность в отношениях сохранялась, но общность интересов оказалась сильнее. При помощи Октавий Меценат, ведущий переговоры со стороны Октавиана, сумел достичь соглашения (App. B.C., V, 92; Dio., 48, 54; Plut. Ant., 35). Главной целью Октавиана и Мецената было стремление развязать руки для новой войны с Помпеем.

Весной 37 г. в Таренте встретились Антоний и Октавиан. Оба продлили себе триумvirские полномочия на 5 лет вперед, не продлевая полномочий Лепида.

Октавиан санкционировал парфянский поход и дал коллеге 20 000 пехотинцев, в свою очередь, Антоний фактически признал право Октавиана вести войну с Помпеем и передал ему 120 кораблей. К этому обмену был добавлен «дар Октавий» — 1 000 солдат для Антония и 10 или 20 кораблей для Октавиана. После заключения договора, Антоний уехал в Сирию (App. B.C., V, 94-95; Dio., 48, 54; Plut. Ant., 35). Тарентинский договор стал развитием брундизийской системы с некоторыми дополнениями. Фиксируя силовой паритет главных лиц, Октавиана и Антония, соглашение убирало из системы руководителей «второго эшелона», Лепида и Секста Помпея. В последующий период начинается и нарушение равновесия. В 37-33 гг. Октавиан медленно, но верно становится более сильным партнером.

В 37 г. из Галлии вернулся Агриппа, которому и было поручено ведение военной кампании. Основной силой Помпея был огромный флот (350 кораблей), Агриппа начал масштабное строительство судов и набрал 20 тыс. гребцов из освобожденных на волю рабов. Для тренировки был устроен огромный полигон, созданный в результате соединения двух озер, Авернского и Лукринского (Flor., IV, 8, 6; App. B.C., V, 92, 95; Suet. Aug., 16; Veil., 79).

1 июля 36 г. Октавиан начал наступление. Предполагался тройной удар: с севера Сицилию атаковал Октавиан, которого прикрывал флот Агриппы, с юга, из Африки, наступал Лепид, из Тарента наносили удар корабли Антония под началом Статилия Тавра. Помпей оставил против Лепида один легион Плиния Руфа и сосредоточил главные силы армии и флота у Мессаны и Липар с целью отразить основного противника (App. B.C., V, 97-98). Подобный план показывает, что Помпей руководствовался не только военными, но и политическими соображениями,

рассчитывая на разногласия между Октавианом и Лепидом.

Лепид высадил в Сицилии огромные силы, 12 легионов и 600 нумидийских стрелков, для обеспечения переправы было выделено 1 000 транспортов и 70 боевых кораблей. Опальный триумvir явно рассчитывал занять остров и вернуть прежние позиции во власти (App. B.C., V, 98–99; Dio., 49, 1). Высадка прошла успешно, Лепид занял Липары и осадил Лилибей.

Напротив, на севере наступление захлебнулось. Буря заставила флот Тавра отступить в Тарент, а Октавиан, продолжавший плавание, потерял 30 кораблей и множество либурн (App. B.C., V, 98–102; Dio., 49, 1; Veil., II, 79). Наступление вскоре возобновилось, на острове высадились войска Валерия Мессалы, а Агриппа атаковал у Мил эскадру Демохара (40 кораблей). На помощь подошла вторая эскадра Аполлофана (45 кораблей), а затем и сам Помпей с главными силами флота (70 кораблей). После ожесточенного морского сражения, победу одержал Агриппа, Помпей потерял 30 кораблей (App. B.C., V, 105–108; Dio., 49, 1–4; Veil., II, 79, 4; Liv. Epit., 129).

Успех при Милах позволил продолжить наступление на суше. С 3 легионами и 500 всадников Октавиан высадился у Тавромения. Помпей захлопнул кольцо, отрезав войска с моря. Октавиан чуть не погиб и с остатками флота с трудом добрался до италийского побережья. Командование армией было передано Л. Корнифицию, который с трудом добрался до Тиндарида. Образовавшийся плацдарм был прикрыт флотом Агриппы (App. B.C., V, 111–115; Dio., 49, 4–7; Veil., II, 79, 4; Suet. Aug, 16).

Октавиан наращивал силы под прикрытием флота. Вскоре его армия в Сицилии выросла до 7 легионов, 14 было у Лепида. Армия Лепида двигалась к Мессане, а 10 легионов Помпея заняли оборону на небольшом пятачке

в районе Мессаны, Мил, Тиндарида и Навлоха (App. B.C., V, 116-117). Теперь Агриппа мог нанести решающий удар. 3 сентября 36 г. при Навлохе состоялось генеральное сражение между флотами Агриппы и Помпея. Согласно Аппиану, обе стороны имели по 300 кораблей, но современные ученые полагают, что у Помпея было не более 200. Помпей был разгромлен, у него осталось всего 17 судов (Dio, 49, 8-10; App. B.C., V, 118-121; Veil, II, 79, 5; Liv. Epit, 131).

Война закончилась. Помпей оставил Сицилию, а окруженные легионы Плиния Руфа сдались Лепиду (App. B.C., V, 122; Dio, 49, 2). Помпей бежал в Малую Азию, пытался добиться поддержки Антония, но затем поднял мятеж, был захвачен в плен и казнен по приказу Антония (App. B.C., V, 133-140; Dio, 49, 17-18; Veil, II, 79, 5; Liv. Epit, 131).

Теперь произошло столкновение между Октавианом и Лепидом. После присоединения Плиния Руфа, у Лепида было 22 легиона. Он запретил городам Сицилии принимать гарнизоны Октавиана и потребовал передачи ему острова и возвращения статуса триумвира. Свое слово снова сказали солдаты, Октавиан прибыл в лагерь Лепида с небольшой свитой, армия перешла на его сторону, и теперь уже Лепид униженно молил о пощаде. Ему сохранили жизнь и сан великого понтифика и консуляра, однако оставшуюся жизнь (до 12 г. до н.э.) Лепид прожил на положении опального вельможи (Liv. Epit, 129; Suet. Aug, 16; Dio, 49, 11-12, 14; Veil, II, 80).

Сицилийская война создала новую политическую ситуацию. Остатки республиканцев и помпеянцев окончательно прекратили сопротивление. Большинство высокопоставленных проскриптов и бывших сторонников Брута и Кассия уже покинули Помпея, другие сдались. Большинство простых солдат были зачислены в армию Октавиана. Гораздо более жестоким образом поступили с рабами: 30 000 пленных рабов были

возвращены хозяевам, несколько тысяч, чьи хозяева не нашлись или погибли, были казнены (App. В. С, V, 131; Dio, 49, 12). Пропаганда Октавиана объявила войну акцией против беглых рабов и пиратов, фактически идентифицировав ее с антипиратской операцией Гнея Помпея в 67 г. (R.g, 25).

Отстранение Лепида было символично в плане смены элит. Сошли со сцены старые легаты Цезаря: в 43 г. умерли Фуфий Кален и Квинт Педий, в 42 г. — П. Ватиний; Требоний, Д. Брут и Минуций Базил погибли как заговорщики. После 41 г. мы ничего не слышим о Сервилиии-младшем. После блестящего триумфа, умер Вентидий Басе, а после 39 г. ушел из политики самый молодой из цезарианских легатов, Азиний Поллион. Вместе с тем, создавалась новая элита. Молодые «неоконсерваторы» уверенно брали власть в свои руки. Агриппа в полной мере показал свои полководческие таланты, а Меценат превратился в талантливое дипломата и организатора спецслужб. На службе Октавиана оставались старые сотрудники Цезаря, Оппий и Бальб. Выдвигались новые военные и политические лидеры: Тиб. Статилий Тавр, Л. Семпроний Атратин, С. Педуцей, Волькаций Тулл. Сицилийская война сильно укрепила позиции Октавиана. Его армия насчитывала 45 легионов, 25 000 всадников и множество легковооруженных (App. В.С., V, 127-128). После войны он имел сильный флот, к тому же имевший боевой опыт. По численности (около 30 легионов) и качеству армии и флота Антоний был значительно слабее. Октавиан получил «безмерные почести» (App. В.С., V, 130-132).

Октавиан, чувствующий себя достаточно уверенно, смог изменить свой курс. В программной речи он заявил о наступлении мира, режим проскрипций, конфискаций, голода и междоусобиц стал уходить в прошлое. Репрессии прекратились, Октавиан выдвинул идею «римского мира». Его отряды начали борьбу с

грабителями в Италии. В 35–34 гг. Октавиан совершил поход в Далмацию, которая стала буфером, закрывшим Италию с востока. Началось активное строительство, чинились общественные здания, восстанавливались акведуки, появилась обширная программа восстановления храмов. Новая власть начинала мирное строительство.

Напротив, Антоний устранялся из римской политики, все больше и больше попадая в зависимость не только от женских чар Клеопатры, но и от политических, материальных и финансовых ресурсов востока. После Тарентинского договора, он выехал в Малую Азию, а осенью 37 г., еще не расторгая брака с Октавией, женился на Клеопатре и признал себя отцом ее двух близнецов, Александра Гелиоса и Клеопатры Селены (Plut. Ant., 36). Клеопатра увеличила свои владения, добавив к Египту Финикию, Келесирию, часть царства Ирода и часть Киликии, Набатеи, Аравии и Кипра. Если Октавиан продолжал традиции Цезаря, создавая римский вариант Империи, то Антоний делал то, что приписывали Цезарю его противники — он строил эллинистическо-восточную монархию. В греческом мире культ Антония и Клеопатры принял характер культа Диониса и Афродиты, а в Египте — Изиды и Озириса.

В 36 г. Антоний выступил против Парфии. Для похода были собраны огромные силы, 18 легионов и 16 000 всадников (Liv. Epit., 130). Веллей называет цифру 13 легионов (Veil., II, 82, 1). Согласно Плутарху, у Антония было 60 000 римской пехоты (наиболее вероятно число 13–16 легионов), 10 000 галльской и испанской кавалерии и 30 000 союзников.

План Антония был, по сути, планом Цезаря, разработавшего маршрут вторжения через Армению. После блестящих побед Вентидия, Антоний лично взял на себя задачу нанесения последнего удара. Он не стал зимовать в Армении, чтобы атаковать парфян весной, но

уже в зимнее время вторгся в Мидию Атропатену и осадил ее столицу Фрааспы. Осада затянулась, Антоний потерпел неудачу: 10-тысячный отряд Станиена, находившийся при обозе, был перебит парфянами, а гарнизон сумел сжечь осадные машины (Plut. Ant., 38–39; Veil., II, 82; Flor., IV, 10, 2–10).

К городу подошли главные силы царя Фраата, около 40–50 000 человек. Это была по большей части конная армия, в которой были как тяжелая, так и легкая конница. В сражении римляне потеряли 3 000 убитыми и 5 000 ранеными, после чего Антоний начал отступление. Отступление от Фраасп к реке Араке длилось 27 дней, несколько раз Антоний был на грани разгрома. Наконец, потеряв 20 000 пехоты и 4 000 конницы (вероятно, без учета отряда Станиена) римляне вышли к реке. Около половины потерь пришлось на болезни и трудности похода (Plut. Ant, 39–50; Dio., 49, 22–23; Liv. Epit., 130; Flor., IV, 10). Все источники однозначно оценивают поход как поражение.

Вероятно, в историографии недооценивается воздействие парфянской неудачи на судьбу Антония. Именно этот поход подорвал силы его армии и поставил его еще в большую зависимость от египетской царицы. Когда Октавия прибыла на восток с большим количеством провианта, войск и денег, Антоний принял провиант, но отослал саму Октавию в Рим, показав, что брак расторгнут. Октавия продолжала жить в доме мужа, что опять-таки работало на пропаганду Октавиана, превратившую ее в новую жертву Антония (Plut. Ant., 51, 53–54).

В 34 г. Антоний несколько компенсировал парфянскую неудачу. Царь Мидии Атропатены поссорился с Фраатом и обратился к Антонию. Последний вступил в Армению и захватил царя Артавазда. Армения попала под римский контроль, а Александр Гелиос был помолвлен с дочерью мидийского

правителя (Plut. Ant., 50, 52, 53; Liv. Epit, 131; Veil., II, 82; Dio., 49, 39-41).

Этот достаточно сомнительный успех позволил Клеопатре открыто декларировать провозглашение создаваемой ими системы. Осенью 34 г. в Александрии был отпразднован триумф по поводу «победы» над Парфией. Клеопатра была объявлена царицей царей, а в ее державу вошли Египет, Кипр, Келесирия и Африка (видимо, Кирена). Кипр, Кирена и часть Келесирии были римскими провинциями. Цезарион (Птолемей Цезарь) был признан законным сыном Цезаря и соправителем матери. Сыновья Антония и Клеопатры получали свои царства — Птолемей — Сирию, Финикию и Киликию (все три — римские провинции), а Александр Гелиос — Армению, Мидию Атропатену и независимую Парфию. Чуть позже Антоний признал наследниками своих сыновей от Клеопатры. Сам он оставался римским триумвиром, божественным монархом, Дионисом, супругом Изиды-Клеопатры и отцом царей царей. Некоторые документы показывали, что 34 год мыслился как начало новой эры. Ходили пророчества о подчинении Рима востоку.

С 33 г. началась пропагандистская война между Антонием и Октавианом. Главным обвинением против Антония стали национальная измена, его брак с Клеопатрой и раздача римских провинций (Dio., 50, 1). Октавиан явно переигрывал своего противника, его лейтмотивом была защита всего национального и исконно римского против восточного варварства. 33 год стал годом формального окончания триумvirата. Если Антоний продлил власть без какой-либо декларации, то Октавиан фактически перестал использовать титул в документах, а позже, в «Деяниях» он написал, что занимал должность в течение 10 лет (R.g., 7; Suet. Aug., 27). Наследник Цезаря подчеркивал конец чрезвычайного положения.

В 32 г. возникла ситуация, особенно благоприятная для Антония. Консулами стали его сторонники, Гай Сосий Сенецион и Гней Домиций Агенобарб, побывавший и в армии Брута и Кассия (44-42 гг.) и среди пиратов Секста Помпея (42-40 гг.). После 40 г. он перешел на службу к Антонию. Сосий открыто выступил с обвинениями против Октавиана, после этого в сопровождении охраны и вооруженных друзей Октавиан явился в сенат и выступил с обвинениями против Антония, зачитав завещание своего коллеги.

Конфликт принял открытый характер. Консулы и около 300 сенаторов бежали к Антонию, но большинство сенаторов (около 700) остались у Октавиана в Риме. Родственники и друзья Антония получили возможность покинуть столицу (Suet. Aug., 17). Вскоре появились первые перебежчики: старый легат Цезаря Мунатий Планк, консул 32 г. М. Тиций и другие. Октавиан предпринял блестящий пропагандистский ход, объявив войну Клеопатре. Это делало ее не «гражданской», а «внешней», объявленной по специальному обряду с метанием копья (Dio., 50, 4). Особая ситуация требовала и особой формы власти. Август писал об особой присяге, которую дали ему перед войной «вся Италия» и западные провинции (Галлия, Испания, Африка, Сицилия и Сардиния) (R.g., 25)^{311}. Ее дали и высшие сановники государства и все находящиеся в Риме сенаторы. Аналогичную присягу принял Антоний. Ему присягали восточные провинции, Азия, Фракия, Греция, Македония, Египет, Кирена, острова, а также — вассальные цари и династы. Из формальной власти оба лидера превращались в «харизматических» вождей, не имевших каких-либо правовых ограничений^{312}.

В 31 г. военные действия открыл Антоний. Вместе с Клеопатрой он прибыл в Эфес и велел Канидию Крассу с 16 легионами двигаться к побережью Эгейского моря. Плутарх оценивает его сухопутную армию в 100 000

человек, хотя число 16 легионов предполагает меньшую численность (Plut. Ant., 16). В. Тарн оценивает его силы в 19 легионов (12 — с восточной границы и 7 — из Македонии), которые, впрочем, составляли не более 60–65 000 человек. Еще 11 легионов были рассредоточены в Киренаике, Сирии, Египте и Македонии. Большую роль в армии Антония играли контингенты вассальных царей (Таркондимота Киликийского, царя Каппадокии Архелая, иудейского царя Ирода и др.). В. Тарн оценивает вассальные отряды в 10–12 000, но их могло быть и больше (Plut. Ant., 56–57, 61)^{313}. Плутарх сообщает о 12 000 кавалерии (Plut. Ant., 61). Флот Антония насчитывал 800 кораблей, 200 из которых поставила Клеопатра (Plut. Ant., 61). Из-за некомплекта многие пришлось уничтожить или оставить неиспользованными, а потому общее число сократилось до 500 (Plut. Ibid.).

Источники подчеркивает огромные размеры кораблей, среди которых были суда с 8 и 10 рядами весел (Plut. Ant., 61; Veil. II, 84). Уже с начала кампании в ставке Антония шла борьба между его военачальниками и Клеопатрой. Несмотря на желание военачальников Антония отослать Клеопатру в Египет, царица настояла на своем присутствии (Plut. Ant., 56).

По приказу Октавиана, свободные должны были внести в казну 1/4, а либерты — 1/8 имущества. Эти огромные поборы прошли спокойно (Plut. Ant., 58). Для войны наследник Цезаря выделил 80 000 пехоты и 12 000 кавалерии (Plut. Ant., 61). Плутарх оценивает его флот в 250 кораблей (Plut. Ant., 61), но, вероятно, более справедлива оценка Флора, называющего число 400 (Flor., IV, 11, 4). Все источники отмечают качественное превосходство армии и флота Октавиана (Plut. Ant., 62; Dio., 50, 11). Политическое руководство осуществлял Октавиан, военное командование и непосредственно — командование флотом — Агриппа, а сухопутные войска подчинялись Статилию Тавру.

Войска Антония расположились на зиму между Коркирой и Мефоной, флот стоял у мыса Акции. Первоначально Антоний планировал атаку Италии, но к Аксию подошли армия и флот Октавиана (Plut. Ant., 62; Dio., 50, 11-12). После этого Агриппа совершил маневр, захватив Левкады, Патры и Коринф (Dio., 50, 13; Flor., IV, 11, 4-5; Veil. II, 84, 2). Веллей Патеркул справедливо полагает, что вражеский флот был побежден еще до сражения (Veil. II, 84, 2). Будучи отрезан от подвоза продовольствия, Антоний был вынужден дать сражение, в его армии шли постоянные споры: римское командование во главе с Канидием настаивало на сухопутной битве, а Клеопатра требовала морского сражения. 2 сентября 31 г. произошло морское сражение при Акции.

Описание сражения в наших источниках оставляет много неясностей. Согласно Плутарху, Октавиан оттянул свое правое крыло, чтобы выманить противника из залива. Начался ближний бой, стороны использовали огнеметы и катапульты, а корабли Октавиана превосходили противника маневренностью. Агриппа начал растягивать левое крыло, чтобы зайти в тыл неприятелю, Геллий Публикола (командующий правым крылом Антония) повторил его маневр, но эскадра Аррунтия ударила в стык. В этот момент Клеопатра с эскадрой из 60 кораблей внезапно повернула на Египет, за ней последовал Антоний. Как сообщает Плутарх, он провел три дня в полном отчаянии, и только на четвертый день женщины из свиты царицы отвели его к Клеопатре. Флот продолжал сопротивляться и только вечером 300 кораблей сдались Октавиану (Plut. Ant., 65-67; Dio., 50, 29-35; Suet. Aug., 17; Veil., II, 85).

Сомнительность версии заключается в том, что виновниками поражения оказываются те, кто был более всех заинтересован в победе, Антоний и Клеопатра. В. Тарн предлагает иной вариант: после маневра Агриппы,

эскадры левого крыла и центра из флота Антония ушли в гавань, а эскадры правого крыла, в тылу у которых стояли корабли Клеопатры, сдались противнику. Только тогда Клеопатра взяла курс на Египет, за ней последовали 40 кораблей Антония^[314].^[83]

Получается, что Клеопатра и Антоний оказались в безвыходном положении, и иного варианта поведения у них просто не было. Версия Тарна более вероятна, но и в ней остается много неясного.

Более или менее достоверным можно считать следующее: уход кораблей Антония и Клеопатры произошел только тогда, когда исход сражения был уже решен. Сопrotивление флота Антония явно не было сильным: в сражении погибло 5 000 человек, что мало для столкновения таких армад, а из 500 (или менее) кораблей погибло не более 100 (300 сдались, а 100 ушли с Клеопатрой и Антонием) (Plut. Ant., 67). Исход сражения снова решили ее рядовые участники, уже не желавшие проливать кровь ради амбиций своих лидеров. Армия Антония, 19 легионов и 12 000 всадников, брошенная своим командующим Канидием, сдалась противнику (Plut. Ant., 68; Veil., II, 85).

Весной 30 г. Октавиан с большими силами двинулся на Египет через Сирию, а войска Корнелия Галла заняли Кирену (Plut. Ant., 69; Suet. Aug., 17; Dio., 51, 5). Летом 30 г. армия наследника Цезаря подошла к границам Египта. На сторону победителя перешел последний союзник Антония, царь Ирод (Plut. Ant., 71). Антоний просил дать ему право жить как частное лицо, а Клеопатра соглашалась на собственное низложение с целью сохранения династии. Октавиан отказал Антонию и обещал царице проявить снисхождение, если она убьет или изгонит Антония.

Взяв Пелузий, Октавиан шел к Александрии. Собрав войска и флот, Антоний дал последнюю битву. Флот и кавалерия сдались Октавиану, а пехота потерпела

поражение (Plut. Ant., 74-75; Dio., 51, 9-10). После поражения Антоний покончил с собой (Plut. Ant., 76-77; Dio., 51, 10; Liv. Epit., 133). 1 августа 30 г. Октавиан вступил в Александрию. Последовало самоубийство Клеопатры, будто бы пытавшейся найти компромисс с победителем, но решившей покончить с собой, поняв, что он намерен провести ее в триумфе (Plut. Ant., 78-80, 84; Dio., 51, 11-13; Suet. Aug., 17; Flor., IV, 10). Есть версия, что самоубийство было результатом тонкого плана, разыгранного Октавианом.

Большинство сторонников Антония были помилованы, есть сведения только о казни нескольких человек, включая Канидия и Кассия Пармского (Veil., II, 87; Oros., VI, 19-20). Политика милосердия продолжалась. Египет стал римской провинцией, а захваченная казна Птолемеев окупила военные расходы (Dio., 51, 15-18; Liv. Epit., 133; Suet. Aug., 18, 2). Из Египта Октавиан отправился в Сирию и Малую Азию. Области, переданные Клеопатре, стали римскими провинциями.

Победная эйфория прошла по всей Италии. Повсюду устраивались победные жертвоприношения, придумывались все новые и новые праздники (Dio., 51, 19). Происходит официальное осуждение памяти Антония (Ibid.). Напротив, Октавиан оказался в центре сыпавшихся на него почестей. 13-15 августа 29 г. он торжественно отпраздновал три триумфа, паннонский, актийский и александрийский (Dio., 51, 21). Это был апофеоз Октавиана, но это было и празднование общей победы. Интересно, что в этом празднике преобладала мирная символика (плуг с волами, козерог с рогом изобилия, богиня Мира)^{315}. Быть может, впервые за долгие годы римляне праздновали по-настоящему. Рим праздновал конец гражданских войн.

2. «Дело Цезаря» и империя Августа (31 г. до н.э. — 14 г. н.э.)

Незадолго до кончины император Август составил своеобразный документ, известный как «Деяния божественного Августа». Этот короткий и простой перечень был составлен самим принцепсом, и есть все основания считать, что последний тщательно проверил в нем каждое слово. Август очень кратко оценивает свою деятельность в гражданской войне, подчеркивая именно собственные заслуги. В 19 лет он набрал войско «по собственной инициативе и на частные средства» и освободил «попранное кликой» государство. Тогда же он совершил восхождение от частного лица до консула и триумвира (R.g., 1) и отомстил за Цезаря. «Убийц моего отца я отправил в изгнание, на основании принятого закона отмстив за их преступление; когда же они объявили войну государству, дважды победил их в сражении» (Ibid., 2).

Деликатно обходя события Перузийской войны, Август переходит к войне с Помпеем, ограничиваясь упоминанием о захвате 30 000 рабов, бежавших от хозяев и возвращенных их владельцам (Ibid., 25, 1). О последней, Актийской войне, Август упоминает несколько раз. Он пишет о присяге, принесенной Италией и провинциями и сражавшихся на его стороне сенаторах (R.g., 25, 2), упоминает о триумфах (Ibid., 4, 1) и, наконец, заявляет, что «погасив гражданские войны» в свое 6 и 7 консульство (28 и 27 гг. до н.э.) передал государство в «ведение сената и римского народа» (Ibid., 34, 1).

Большая часть документа посвящена принципату. Август подробно пишет о своей власти: 37 лет трибунской власти и 13 консульств (Ibid., 4, 4), отказ от

диктатуры (Ibid., 5, 1) и постоянного консульства (Ibid.), cura annonae (Ibid., 5, 2) и сига legum et morum (Ibid., 6), пожизненная трибунская власть и неприкосновенность (sacrosanctitas) (Ibid., 10) и сан великого понтифика (Ibid., 10, 2). Август также упоминает о 10 годах триумvirата, 40 годах пребывания на посту принцепса сената и членстве во всех жреческих коллегиях (Ibid., 7). Наконец, он сообщает о прозвище Август и даровании золотого щита (Ibid., 34), титуле отца отечества (Ibid., 35) и других почестях (Ibid., 3, 9-12).

О внутренней политике принцепс пишет относительно немного. Он трижды пересматривал списки сената (Ibid., 8, 2), увеличил число патрициев (Ibid., 8, 1) и произвел перепись граждан (Ibid., 8, 2-4). Много внимания уделяется денежным и хлебным раздачам (Ibid., 15, 18), поддержке эрария (Ibid., 17) и зрелищам (Ibid., 9, 22-23). О законодательстве Августа сказана всего лишь одна короткая фраза: «Внесены новые законы, я возродил многие обычаи предков, в наш век уже вышедшие из употребления, и сам передал потомкам много достойных подражания примеров» (Ibid., 8, 5). Гораздо больше внимания уделено строительству. В трех больших главах император подробно перечисляет построенные и реставрированные общественные здания, архитектурные комплексы и храмы. Последним уделено особое внимание, что должно было подчеркивать благочестие императора (Ibid., 19-21).

Вероятно, главной темой «Res gestae» являются армия и внешняя политика. Август подчеркивает, что многократно вел гражданские и внешние войны и при этом щадил граждан (Ibid., 3, 1). Он получил три триумфа, 21 императорскую аккламацию и многие другие почести (Ibid., 4, 2) и «расширил пределы всех провинций римского народа» (Ibid., 26, 2). Самый большой раздел «Деяний» представляет собой

подробнейшее перечисление завоеваний (Ibid., 26–33). Наконец, император подробно пишет об армии и военной организации. За время его длительного принципата под его началом служило 500 000 солдат, более 300 000 из которых были уволены в отставку (Ibid., 3, 3), было выведено 28 военных колоний в Италии и значительное число провинциальных колоний (Ibid., 28).

«Деяния» очень четко показывают систему приоритетов Августа, которая полностью вписывается в цезарианскую традицию. Принцепс делает акцент на внешнеполитической экспансии и положении в армии, уделяя много внимания финансам и поддержанию беднейших слоев населения. Гораздо меньше сказано об отношениях с сенатом, италийской и провинциальной политике, законодательстве. Как и Цезарь, Август, прежде всего берет на себя роль военного лидера и диктатора *rei gerendae*.

Хотя схема «*Res gestae*» в принципе остается верной, реальное положение было значительно сложнее. В отличие от Цезаря, для которого власть была инструментом политики, Август прекрасно понял самостоятельное значение этой проблемы. Новая власть должна была стать единоличной, стабильной и долгосрочной, но при этом она не должна была выражать свою самодержавную сущность и должна была опираться на республиканские, полисные и коллегияльные традиции. Октавиан Август решал эту задачу долго и постепенно, но решил ее блестяще.

С 33 г. он фактически перестал именоваться триумвиром, хотя реально чрезвычайная ситуация продлилась до его возвращения в Рим в 29 г. В 31 г. Октавиан стал консулом в 3 раз, после чего последовало еще 8 консульств (31–23 гг.), во время которых он и создал новую политическую систему. Другим инструментом ее создания была трибунская власть. В 36 г. Октавиан получил ее первый элемент, *sacrosanctitas*

(Dio., 49, 15). Аппиан и Орозий, опережая события, ошибочно сообщают о полных правах трибуна и даже о пожизненном трибунате.

Первые шаги были сделаны в 29 г., когда сенат стал приносить ежегодную присягу на верность «делам Августа» (in acta), возобновляемую 1 января каждого года^{316}. Тогда же Октавиан (как и Цезарь) принял императорский преномен, одновременно получая конкретные аккламации^[84]. В 29 г. состоялись три триумфа Октавиана, после чего власть совершила три важнейших мероприятия: массовую демобилизацию армии после гражданских войн, начало масштабной колонизационной программы и первую большую перепись сената. Тогда же он впервые стал принцепсом сената и был им до самой смерти. Из почетного права эта должность стала реальным обозначением сенатского лидера и, вероятно, наиболее употребительным титулом Августа.

В 27–23 гг. Октавиан провел основные властные реформы. 13 января 27 г. он торжественно заявил в сенате об отказе от чрезвычайных полномочий, «восстановлении республики» и «передаче власти сенату и народу» (R.g., 34, 1; Veil. II., 89). Блестящий пропагандистский ход продемонстрировал отсутствие претензий на абсолютную власть, и это был именно тот ход, который так и не сделал Цезарь.

Отказ от чрезвычайных полномочий вовсе не означал отказ от руководства римской политикой, а подавляющее большинство общества приветствовало сильную и эффективную власть или, по крайней мере, было готово с ней примириться^{317}. Труднее было принять мысль, что новая власть становится постоянным элементом государственного строя, но время должно было решить и эту проблему.

«Ответ» сената, несомненно, срежиссированный Октавианом, заключался в передаче ему

проконсульского империя (*imperium proconsular*) над рядом провинций, Тарраконская Испания и Лузитания, вся Галлия (Лугдунская, Нарбонская и Бельгика), Сирия, и уже бывший под его управлением Египет. Империй давался на 10 лет, а провинции управлялись через легатов консульского и преторского ранга (Dio., 53, 12–14). Позже империй пролонгировался каждые 10 лет, реально став пожизненным (Ibid., 53, 16). 16 августа 27 г. последовал торжественный акт: дом Октавиана был украшен лавровыми и дубовыми венками, а сам он получил прозвище Август и знаменитый золотой щит (*clipeus virtutis*)^{318}. Второй акт реформы произошел 1 июля 23 г. Империй стал высшим (*maius*) по отношению к другим, Август уже не должен был снимать его в пределах померия. После 23 г. принцепс перестал занимать должность консула (исключения — 5 и 2 гг. до н.э.). Хотя после 23 г. характер проконсульского империя не менялся, реальные перемены все же происходили.

В 27 г. на 7 императорских провинций приходилось 12 провинций, именуемых «сенатскими» и управляемых по старой системе через проконсулов и пропреторов (Азия, Вифиния — Понт, Македония, Иллирик, Ахайя, Кипр, Крит, Кирена, Бетика, Африка, Нумидия и Сицилия). Это число более не менялось, тогда как количество императорских провинций выросло за счет новых завоеваний Августа (Аквитания, Реция, Норик, Паннония, Мезия, Приморские, Пекинские и Коттиевы Альпы, Галатия и Иудея). Теперь императорские провинции занимали около 2/3 территории, на которых проживало не менее половины населения Империи. Если в начале правления в сенатских провинциях стояло 7–8 легионов (из 25), то теперь все армии перешли в императорские области.

Проконсульский империй был основой власти Августа в военном и провинциальном управлении,

трибунская власть была основой его гражданских полномочий, и, похоже, что в 23 г. до н.э. принцепс получил всю ее полноту^{319}. Природа трибунской власти трудноуловима: ее считают общей основой власти принцепса (М. Грант)^{320}, неким эквивалентом пожизненного консульства (Е. Сэлмон)^{321}, неким дополнением к империи, ценность которого заключалась не в практической пользе, а в некоем «сентиментальном восприятии народа» (М. Хэммонд, А. Джоунз)^{322}, наконец, некоторые ученые видят в ней чисто идеологическую фикцию^{323}, тогда как другие все же полагают, что эта власть была основой гражданских полномочий императора и вторым столпом его могущества (Т. Моммзен, Е. Карлова, П. Виллемс, Э.Д. Гримм)^{324}.

Август придавал трибунской власти огромное значение, фиксируя ее практически в любом документе. Она имела практический смысл: право абсолютной кассации решений сената и любой магистратской коллегии, право созыва сената и народа и законодательную инициативу. Связанный с народом особыми узами, освященный религиозным ореолом, трибунал создавал особую связь принцепса и народа, создавая образ «народного монарха».

Последующее правление Августа добавило лишь некоторые детали. В 22 г. Август получает право созывать сенат и приоритет в очередности его созыва (*ius primae relationis* (Dio., 53, 32)). В 22 г. принцепс берет на себя особые полномочия по снабжению Рима продовольствием (*R.g.*, 5; Dio., 54, 1, 1- *cura annonae*), а в 19 или 18 г. — полномочия, которые Дион Кассий именует *προστασία τῶν χοινῶν*, а латинские авторы — *cura legum et morum*. Вероятно, именно о ней сказано в законе о власти Веспасиана: «И чтобы все, что он сочтет нужным, ради величия дел божеских, человеческих,

общественных и частных, у него была бы власть и право делать так, как это дозволено божественному Августу...» (Dess., 212; Dio., 54, 10; Suet. Aug., 27). В 12 г. после смерти Лепида, Август стал верховным понтификом, что узаконило его положение главы римской религиозной организации. Принцепс входил во все жреческие коллегии, был авгуром, фециалом, членом коллегии арвальских братьев, 15-ти для обращения к Сивиллиным книгам и др. (R.g. 7, 3). Наконец, во II в. до н.э. стареющий император получил титул отца отечества (*pater patriae*). Помимо чисто формально-правовых факторов, особое значение имела так называемая *auctoritas*, ставшая суммарным выражением его политического влияния.

Мы уже затрагивали сложную дискуссию вокруг системы принципата, длившуюся на протяжении примерно двух столетий, а потому ограничимся лишь повторением ее самых общих положений, что, однако, необходимо, поскольку основная дискуссия связана именно с Августом. На различных полюсах этой полемики находятся «теории монархии», сближающие принципат с чисто монархическими и диктаторскими режимами (абсолютные монархии XVII–XVIII вв. ^[85], эллинистические и восточные царства ^[86] или тоталитарные режимы XX века) и теории республики и «республиканской монархии» («диархия» Т. Моммзена ^{325}, «восстановленная республика» ^[87], система равновесия ^[88]). Посередине можно отметить теории, согласно которым принципат сочетал монархическое и республиканское начала как в виде формального прикрытия (различные «теории фасада» ^{326}, ^[89] так и в качестве органического синтеза, будучи неким вариантом конституционной монархии ^{327}). Наконец, несколько особняком стоят теории, авторы которых отказываются от четкой дефиниции принципата

и настаивают на его уникальности^{328}. Не имея возможности для полноценного участия в дискуссии, попробуем высказать лишь несколько самых общих суждений.

Дион Кассий справедливо полагает, что Август не восстановил республику, как он заявлял про это сам. Это была новая политическая система с сильной единоличной властью во главе, однако это была не система самодержавия (особенно при Августе), а сам император был наделенным практически абсолютной властью работающим главой государства. Эта модель как нельзя лучше соответствовала новой политической реальности, а правитель становился неким воплощением и символом гигантской сверхдержавы. Что бы ни говорил Август, возврата к старой республике не было и не могло быть, и первый принцепс мастерски осуществил то, чего не успел или не смог сделать Цезарь — он определил свое положение в этой новой реальности.

Вокруг Августа сложился религиозный культ. В 44 г. он стал членом рода Юлиев, в 42 г. — сыном государственного бога. Культ императора принимал разные формы. В восточных провинциях это были традиционные варианты почитания — в Египте он почитался как сын Ра, подобно фараонам и Птолемеям, а в Сирии и Малой Азии получал почести эллинистических царей. Наряду с этим возникали новые, более современные формы. В 29 г. жители Пергама учредили у себя культ и храм Августа (Dio., 51, 20–21), позже такого рода храмы возникли в Никомедии, Милассе и Анкире. Согласно Светонию, принцепс разрешил посвящать ему храмы только совместно с богиней Ромой, олицетворявшей власть Рима в провинциях (Suet. Aug., 52). В западных провинциях инициативу проявили римляне. В 12 г. в Лугдуне Друз Старший освятил общегалльский алтарь Роме и Августу, а между 9 г. до

н.э. и 4 г. н.э. в Колонии Агриппина появился аналогичный алтарь для Германии. Известен алтарь *Gens Augusta* в Карфагене.

Если для провинций Август был олицетворением римского господства и римской сверхдержавы, то в Италии, игравшей роль метрополии, прямое обожествление заменялось косвенными формами. В одном неполном календаре (*Feriale Cumanum*- Dess., 108) упоминается 16 дат, связанных с Августом. Позже появились некоторые другие формы: в 12 г. до н.э. Гений Августа попал в государственную присягу, а в италийских городах появились августалы или *sevirī Augustales*. Новыми божествами были *Pax Augusta*, *Victoria Augusta*, *Concordia Augusta*. Особое значение приобретал культ Компитальных Ларов, теперь связанный с императором.

Культ Августа оказался гораздо более устойчивым, разветвленным и организованным, чем культ Цезаря, во многом он был его продолжением. Вместе с тем, в отличие от более выраженного в личностном и мессианском плане цезарианского культа, культ Августа был, прежде всего, не культом власти или личности, но культом государства, олицетворением которого был император.

Как и Цезарь, Август понимал огромное значение сената. Несмотря на видимое различие, его преобразования были органичным продолжением сенатской реформы Цезаря. Цезарь был только в начале пути, и его реформа оказалась незаконченной, Август мастерски довел до логического конца все замыслы своего предшественника.

Первым этапом стали реформы 27–23 гг. и сенатские *lectiones*. К моменту окончания гражданских войн, сенат, видимо, составлял около 1 000 человек (*Suet. Aug.*, 35, 1), а сторонники Октавиана составляли явное большинство (по *R.g.*, 25 — более 700 человек). Первая

перепись произошла в 28 г. до н.э., ее итогом было сокращение сената почти на 200 человек. В 18 г. произошло новое сокращение, на сей раз, с участием самих сенаторов. Общее число уменьшилось до 600 (численность, стандартная для всего периода принципата). Последующие цензы 8 г. до н.э., 4 и 14 гг. н.э. проходили более традиционно.

Положение сената при Августе и его преемниках составляет часть общей дискуссии о системе принципата. С точки зрения Т. Моммзена, отношения сената и императора представляли собой систему «двоевластия», а Эд. Мейер полагал, что в правовом плане сенат стоял над императором. Напротив, другие исследователи считают, что император был более сильной стороной, однако и сенат оставался серьезным и необходимым партнером. Есть мнения, сводящие сенат до уровня элемента республиканского «фасада» или подчиненной, зависимой и полуоппозиционной политической структуры. Впрочем, современные исследователи более склонны подчеркивать реальное значение сената, а не видеть в обеих сторонах борющиеся партии^{329}.

Формально положение сената практически не изменилось. Сенатус-консульт получил статус закона и, вероятно, большинство основных вопросов государственной жизни проходили через сенатское обсуждение. Сенаторы составляли командный состав армии, занимая должности наместников провинций, легатов легионов и префектов когорт и ал (последние могли быть и всадниками). Наместники сенатских провинций формально находились в подчинении сената. Последний ведал эрарием (государственной казной), а императорская казна, фиск, находилась в стадии зарождения. Была полностью сохранена старая система магистратур (квестура, эдилитет, трибунат, претура, консульство).

Хотя основная часть сената, как и при Цезаре, состояла из выходцев из всаднических семей и муниципальной элиты, Август попытался реставрировать положение старой республиканской аристократии. Гражданские войны были для нее тяжелым испытанием, если за весь период 4–2 вв. до н.э. со сцены сошли 33 знатных рода, то в период гражданской войны практически погибли еще 23. В 49–31 гг. начался процесс растворения старой аристократии в массе представителей новой политической элиты. При принципате положение изменилось, более половины консулов этого периода (30 г. до н.э. — 14 г. н.э.) принадлежали к старым нобильским семействам^{330}. Из 42 семей республиканской знати, чьи представители занимали должности консулов, 13 находились в родстве с Юлиями Цезарями и позже составили новую династию Юлиев-Клавдиев (Валерии Мессалы, Помпей, Юнии Силаны, Клавдии Марцеллы, Эмилии Лепиды, Домиции Агенобарбы, Ливии Друзы, Клавдии Нероны, Квинктилии Вары, Антонии, Корнелии Суллы, Сульпиции Гальбы). В эту «сверхэлику» вошли и несколько «новых» семей (Випсании Агриппы, Статилии Тавры, Пассивны Криспы).

Проаристократические тенденции проявились не только в попытках биологической регенерации римской знати, но и в реставраторской идеологии Августа, проявившейся значительно сильнее, чем у Цезаря. В 29 г. до н.э. закон Сения был призван регенерировать патрициат: в число патрициев попали многие бывшие плебейские роды времен республики (Кальпурнии, Клавдии Марцеллы, Домиции, Юнии Силаны), и отдельные представители новой знати (Элии Ламии, Азинии, Апулеи). В 29 г. до н.э. появился сенаторский ценз в 400 000 сестерциев (Dio., 54, 17, 3), в 18 г. он вырос до 1 млн. (Ibid.). В 13–9 гг. появился сенатский регламент, четко определявший порядок работы этого высшего органа новой Империи. При чистках Август

пытался избавляться не только от неблагонадежных, но и от «новых», бедных и незнатных сенаторов (Suet. Aug., 35). Первый принцепс ликвидировал гласность, отменив введенный Цезарем порядок публикации сенатских решений (Ibid., 36).

В идеологии Августа четко взял курс на «неоконсервативные» ценности, *mos maiorum*, *virtus*, *pietas*. Растет увлечение римской стариной и недавними героями республики. Принцепс старался представить свое правление как органичное продолжение развития республиканских традиций. Хотя Цезарь оставался одним из главных героев Рима, пропаганда Августа все больше «дополняет» его фигурой первого принцепса. Начинается реабилитация деятелей республики. В труде Тита Ливия восхвалялся Помпей, а Веллей Патеркул, писатель времени Тиберия, с восторгом пишет о Цицероне (Veil., II, 34, 3). Помпей входит в историю как великий полководец, а Цицерон — как выдающийся деятель культуры, оратор и философ. Процесс частичной реабилитации затронул даже Катона, Брута и Кассия. Ностальгия по республике, реальная и мнимая, становится общепринятой нормой поведения.

Принципат Августа характеризуется усилением национальной римской традиции, а имперская идеология Цезаря приобретала откровенный римский оттенок. Не империя, в которой растворяется Рим, а Рим, создавший Империю — такова была идея «Энеиды» Вергилия, «Истории» Тита Ливия и элогий августовского форума.

Синтез имперских и республиканских тенденций отчетливо виден в устройстве нового управленческого аппарата Империи, ставшего соединением трех основных структур, республиканских магистратур, нового сенатско-императорского аппарата и внесенатских должностей. Все старые республиканские должности сохранились, остался и *cursus honorum*

(квестура — трибунат — эдилитет — претура — консульство), от которого зависел и ранг сенатора. Старые магистраты полностью лишились военной власти, фактически потеряли их и наместники сенатских провинций (проконсулы и пропреторы). Второй элемент аппарата состоял из сенаторов, назначаемых на свои посты принципсом. Это были легаты императорских провинций проконсульского и пропреторского ранга, легаты легионов и многочисленные кураторы, назначаемые императором для выполнения определенных задач (распределения зерна, попечения о дорогах, надзора за водоснабжением, различных строительных работ и т.п.). Одной из главных должностей этой части аппарата становится должность префекта города, введенная Августом.

Внесенатский аппарат еще зарождался, а его «золотой век» наступит во времена Флавиев и Антонинов. Тем не менее, основы его были заложены Августом. Это были префекты и прокураторы, всадники или личные слуги императора, бывшие либертами и рабами. Ядром этого аппарата были несколько всаднических префектур: в конце правления (около 2 г. до н.э.) появились префекты претория (Dio., 55, 10, 10), а в 6 г. н.э. — корпус вигилов во главе с префектом всаднического ранга (Ibid., 55, 26, 4-5; 27, 1; 56, 41, 4; Strabo., V, 3, 7). Видимо, при Августе появился пост префекта анноны (Tac. Ann., I, 7). Высшим в этой иерархии был пост префекта Египта, учрежденный в 30 г. до н.э. Префекты управляли и мелкими провинциями. Прокураторы прошли эволюцию от личных слуг и императорских агентов до государственных чиновников. Функции были различны: прокураторы-наместники (Реция, Норик, Иудея), прокураторы фиска и прокураторы, управлявшие имуществом императора.

Рим и Италия играли значительную роль в политике Цезаря, но, вероятно, именно «неоконсерваторы»

поставили их в центр своей системы ценностей, соединив политику Цезаря с полисными традициями. Рим претерпевает, быть может, сильнейшую метаморфозу в своей истории и превращается в гигантский мегаполис^{331}. По подсчетам Г.С. Кнабе, с конца III века до н.э. население города выросло примерно с 200 000 человек до 1 млн. Пик этого роста приходится на время принципата Августа^{332}. Перемены отразились на городской жизни: хотя при Августе народное собрание еще сохранялось, выбирая магистратов и принимая законы, а сам Август голосовал как «человек из народа» и торжественно бросал в урну избирательный или законодательный бюллетень, комиции постепенно уходили из общественной жизни. Их смерть была тихой — в 14 г. н.э. преемник Августа Тиберий перенес выборы в сенат. Никаких особых протестов не последовало — римской элите надоело тратить деньги на дорогостоящие народные выборы, а народ был больше занят своими повседневными проблемами.

Вопреки общему убеждению, главным могильщиком городской демократии была не императорская власть. Собрание городского плебса уже не отражало ни интересы нескольких миллионов римских граждан, теперь живущих во всей Италии и даже в провинциях, ни волю нового, крайне пестрого в этническом отношении населения мегаполиса. Перед Августом встали новые проблемы: огромный город надо было снабжать продовольствием и водой, им надо было управлять и, наконец, он должен был играть роль мировой столицы.

Август создал новую систему управления городом. Была учреждена должность градоначальника (префекта города), а магистраты республики все больше становились должностными лицами, занятыми чисто городскими проблемами. Создавалась городская

администрация и полиция. В 7 г. до н.э. принцепс разделил Рим на 14 *regiones*, поручив управление ими бывшим магистратам и 265 *vici* (переулки, околотки) во главе с *vicomagistri* (Suet. Aug., 30). Появились городские когорты, числом 3 или 4 по 1 000 человек в каждой, и вигилы (военизированной пожарной охрана) — 7 когорт по 1 000 человек во главе с префектом (Suet. Aug., 30). В конце правления к несению полицейской службы подключили 9 преторианских когорт^{333}.

В 22 г. до н.э. принцепс взял на себя общий контроль над снабжением Рима водой и продовольствием. Серьезность проблемы подчеркивается частым упоминанием о ней в «*Res gestae*». Во 2 г. до н.э. хлеб получали около 200 000 человек (R.g., 15). Ранее это число могло быть больше (косвенными указаниями можно считать сообщение Августа о 320 тыс. людей, получивших подарки в 5 г. до н.э. и 250 000 — в 2 г. до н.э. — R.g., 15). Если при республике раздачи скорее носили политический и пропагандистский характер, то Август превратил их в систему. Раздачи происходили ежемесячно, не считая экстраординарных^{334}.

Сохранилась и традиция денежных раздач беднейшему населению. После раздачи по 300 сестерциев по завещанию Цезаря, Август провел четыре собственные раздачи: по 400 сестерциев в 29 и 24 гг. до н.э. и по 60 денариев (240 сестерциев) в 5 и 2 гг. до н.э. (R.g., 15; Suet. Aug., 42-2). Определенную политическую роль сыграла и зрелищная программа, ставшая неким квазизаменителем народного собрания. Август пишет о 8 больших играх и 10 000 участниках, 3 состязаниях атлетов, 26 более мелких играх, 26 травлях зверей и 3, 5 тысячах затравленных животных (R.g., 22). Упоминает он и о грандиозной навмахии (Ibid., 23). В 17 г. до н.э. состоялись Секулярные игры. О 27 зрелищах пишет Светоний, сообщающий о поквартальных театральные представлениях (Suet. Aug., 43).

Август и Агриппа начали программу улучшения водоснабжения. Республиканские водопроводы давали 202 квинария воды^{335}, а построенные Агриппой водопроводы, Юлиев (33 г.) и Дева (23 г.), дали еще 660 квинариев. Программу завершил суперводопровод Клавдиев и Новый Анио, построенный в 50 г. н.э. при Клавдии^{336}.

Рим охватила воистину небывалая ранее строительная программа. Светоний передает фразу Августа, что он сделал Рим из кирпичного мраморным (Suet. Aug., 28, 5). Появилось множество хозяйственных построек: доки, рынки, склады, зернохранилища. Программа предполагала полное восстановление старого города, пришедшего в состояние крайнего упадка, и его значительное расширение. Были восстановлены храм Юпитера Капитолийского, храм Помпея, достраивались Форум Юлия, Фламиниева дорога и большая часть римских мостов (R.g., 20). Началось и строительство новых центров и строительных комплексов: появилась Курия Юлия, ставшая главным местом заседаний сената, строился новый Форум Августа, театр Марцелла, портики и библиотеки, Сатрус Агриппы, термы Агриппы, ставшие первыми большими римскими общественными банями. Наконец, по собственному утверждению, принцепс осуществил реставрацию и строительство 82 храмов (R.g., 20, 4). Август упоминает храм Аполлона на Палатине, храм Божественного Юлия, храмы Юпитера Феретра, Юпитера Гремящего на Капитолии, Юпитера Либера на Авентине, храмы Квирина, Минервы, Юноны Регины, Ларов, Пенатов, Великой Матери, Марса Мстителя (R.g., 21; Suet. Aug., 29, 1-3). Появился Пантеон (храм всех богов), позже перестроенный Адрианом.

Грандиозная строительная программа в Риме была, вероятно, вершиной той программы, которая развернулась по всей Италии и в провинциях. После 36 г.

до н.э. в Италии начинается экономическое оживление, вызванное окончанием гражданской войны и грабежей Секста Помпея. Наибольший подъем наблюдается в Лации, Кампании и северной Италии. Страна переживала подъем. На примере наиболее исследованных городов (напр. Помпей) можно увидеть рост муниципальной жизни, местного самоуправления и активное строительство городов, акведуков и дорог.

Жители Италии в полной мере воспользовались «правовой революцией» Цезаря. Перепись 70 г. до н.э. зафиксировала 910 000 человек. Первый ценз, проведенный при Августе (28 г.) дал 4 063 000 человек, ценз 8 г. до н.э. — 4 233 000 (R.g., 8, 3), в 14 г. н.э. было 4 937 000 граждан (R.g., 8, 4). Ранее мы останавливались на причинах этих различий, отчасти вызванных принципами проведения ценза^{337}. Значительный прирост числа граждан дало предоставление Цезарем гражданства жителям Цизальпинской Галлии (1-1, 5 млн.) и распространение гражданства в провинциях (при Августе там проживало более 800 000 граждан). Тем не менее, у нас есть все основания согласиться с Я.Ю. Заборовским и считать, что только при принципате произошел по-настоящему полный учет всего населения Италии, и только при нем страна стала унитарным государством с римским гражданством^{338}.

Август почти не пишет о своем законодательстве, хотя, вероятно, придавал ему большое значение. Законы касались двух областей: брака и положения вольноотпущенников. Первые были призваны способствовать демографическому росту, происходящему в результате окончания войн и наступления мирной эпохи, укреплению институтов семьи и брака и утверждению общественной морали в духе «неоконсервативных» ценностей. Два закона, закон Юлия о порядке брака (18 г. до н.э.) и представлявший его модификацию закон Папия — Поппея (9 г. н.э.)^{339},

устанавливали обязанность всех граждан (мужчины от 25 до 60 и женщины от 20 до 50 лет) состоять в браке, определяли льготы для многодетных семей и штрафные санкции (ограничение свободы завещаний и налоги на имущество) для безбрачных граждан и бездетных браков. Закон Юлия об адюльтерах (18 г. до н.э.) устанавливал суровые наказания за супружескую измену. К этим законам примыкают и законы против роскоши, ограничивающие затраты на пиры, женские одежды, украшения и строительство (Gell., II, 24, 14-15; Tac. Ann., III, 28).

Тенденция законодательства о либертах была достаточно сложной. Законы Фуфия — Каниния (2 г. до н.э.) и Элия — Сентия ограничивали возможность отпуска рабов на волю, показывая тенденцию Августа к сохранению чистоты гражданского коллектива, а сенатус-консульт Силана (9 г. до н.э.) ужесточал наказания в случае насильственной смерти хозяев. С другой стороны, закон Юния Норбана узаконил неформальные манумиссии, создав прослойку либертов, лишенных гражданских прав, но имеющих свободу.

Принципат дал провинциям мирную жизнь и экономическое процветание. Хотя Август замедлил темпы романизации, заданные Цезарем, он все же вывел 10 колоний ветеранов (100 000 человек) в Африку, Сицилию, Македонию, Испанию, Ахайю, Азию, Сирию, Нарбонскую Галлию, Писидию (R.g., 28). «Зонами гражданства» становились старые провинции, Бетика, Сицилия и Нарбонская Галлия. Если Цезарь планировал дать гражданство всей Сицилии, то Август не стал этого делать, вероятно, из-за участия Сицилии в действиях Секста Помпея. Одним из основных каналов притока новых граждан стала армия: легионеры, если они не имели гражданства, получали его сразу, а солдаты *auxilia* — по окончании своей 25-летней службы. Права гражданства получала и местная верхушка.

Практически повсеместно идет активное строительство дорог, акведуков и городов. После войн Цезаря, на территории Галлии не было военных действий. Страна была разделена на 4 части: Провинция (позже -Нарбонская Галлия) и три исторически сложившиеся области «Косматой Галлии» Лугдунская Галлия, Аквитания и Бельгика. Галлия была огромной страной с населением в 5-6 млн. человек и находилась в непосредственной близости от Италии, обеспечивая рейнскую границу. Страна была богата сельскохозяйственными продуктами (зерном, мясом, молоком), сырьем и драгоценными металлами, в том числе золотом. Под влиянием римлян в Галлии появились виноделие и оливководство, с конца I в. до н.э. происходит рост керамического производства, а к середине I в. н.э. Галлия уже догнала Италию по уровню экономического развития. Цезарь вывел в Нарбонскую Галлию 6 или 7 колоний, Август — 12. Эти колонии, особенно — Лугдун и Нарбон, стали процветающими городами античного типа, такими же становились и старые галльские центры.

Август завершил покорение Испании, которая до конца II века н.э. была мирной провинцией. Экономически Испания делилась на три части: наиболее романизованная и цивилизованная Бетика, менее развитые Тарраконская Испания и Лузитания и отсталые районы северо-запада. Римляне построили на Пиринейском полуострове много дорог. Главными опорными пунктами стали старые (Италика, Малакка, Тарракон) и новые (Барцина, Эмерита, Астурика) колонии. Основным богатством Испании были металлы. Продолжалась разработка старых золотых, серебряных и медных рудников, однако после Августа центром добычи золота становится Астурия, где позже стали добывать 20 000 фунтов в год (Plin. NH., XXIII, 78). Центром добычи серебра были районы Бетики и Тарраконской Испании,

железо концентрировалось в Кельтиберии. Испания оставалась общеимперским центром добычи руд и металлов. Особенно высокого уровня достигла романизация Бетики. Составляя около 1/6 части Испании, Бетика имела 175 городов из 400, здесь же мы находим 1/3 всех известных нам латинских надписей с Пиринейского полуострова.

Африка сильно пострадала от войны 46 г., но после нее начался экономический рост. Специализируясь на сельском хозяйстве, провинция стала главным поставщиком хлеба в Рим, снабжая его 8 месяцев в году. Рост мегаполиса стимулировал развитие африканской экономики. Начал расти и собственный мегаполис, Карфаген, насчитывавший во II веке н.э. 700 тыс. жителей. Цезарь и Август вывели в Африку 19 колоний, еще 12 появились в Нумидии и Мавретании. Ряд городов, в том числе Утика, получили латинское гражданство. Буфером для защиты от кочевников стали Нумидия и Мавретания. В 25 г. Август сделал Мавретанию вассальным царством, где правил Юба II, сын Юбы I.

Сложнее было положение в восточных провинциях. Как и Греция, это были области с древними культурными традициями, и если на западе латынь и римский образ жизни быстро завоевали местное население, то на востоке сохранялся образ жизни, близкий к традициям эллинистического и доэллинистического времени. Август имел основания не доверять восточным регионам, поддержавшим Брута и Кассия, а затем — Антония и Клеопатру. Политика была сдержанной, но вполне реалистичной.

Стабилизация парфянской границы и окончание гражданских войн надолго установили мир на восточных территориях Империи. Малая Азия, Сирия и Египет были традиционно развитыми областями с древнейшими традициями цивилизации. Ядром римских владений в Малой Азии стали сенатские провинции Азия и Вифиния

— Понт, прикрытие с востока несколькими вассальными царствами (Галатия, Каппадокия, Понт, Малая Армения, Пафлагония). Август начал их аннексию: в 25 или 24 гг. римляне аннексировали Галатию, в 6 г. до н.э. — Пафлагонию.

В Малой Азии Август увеличил число свободных городов, как и ранее росло число римских дельцов, ветеранов и колонистов. Постепенно римляне стали отказываться от откупной системы. Сохранялся высокий уровень экономического развития Сирии. Из страны вывозились продукты садоводства, текстильные изделия, шелк, парфюмерия. Немалую часть доходов приносила транзитная торговля. Через Сирию шли торговые пути к Двуречью, Индии, Средней Азии, Китаю. Сирия стала основным узлом римской обороны на восточной границе, в провинции стояли 4 легиона. Рядом находилась еще одна «горячая точка», Иудейское царство, а затем, с 6 г. н.э. — провинция Иудея, Сохранив свои традиционные основы экономики, религии и культуры, Египет стал полезным приобретением Римской державы. Он снабжал хлебом весь восток Империи и собственно Рим, куда вывозилось 200 000 модиев зерна (173 млн. литров). Из Египта вывозились ткани, изделия из металла, строительные материалы, стекло, камень. Особое значение имел вывоз папируса.

Август всегда уделял большое внимание армии, продолжая те преобразования, которые начал Цезарь. Гражданские войны вызвали фантастическое военное напряжение. По подсчетам П. Брюнта, в 44 г. армия Цезаря составляла 41 легион, но уже в 43–42 гг. войска противоборствующих сторон насчитывали 66 легионов. Первая большая демобилизация, происшедшая в 41–40 гг. (после Филипп), составила примерно 50 000 человек. Тогда же, в 43–41 гг. римляне понесли самые большие потери. В первой битве при Филиппах пало 25 000

человек, вероятно, примерно столько же погибло и во второй (Plut. Brut., 41–42; Dio., 47, 45). Вероятно, до 20–25 000 человек пали в мутинских сражениях. Достаточно велики были и потери в Перузийской кампании.

Надежды на мир сбылись позже, в 39–36 гг. во время войны с Помпеем из-за участия больших флотов силы сторон выросли до 75–83 легионов, в 36 г., когда число легионов сократилось до 54. Это сокращение было вызвано не только демобилизацией, но и потерями. Около 30 000 человек погибли во время парфянского похода, потери понесли и армии Секста Помпея и Октавиана. В последней войне было мобилизовано 60–75 легионов, но потери были невелики^{340}. В 30–28 гг. произошла самая большая демобилизация римской армии, около половины ее (150 000 человек) были распущены. Оставшаяся армия насчитывала примерно 25 полнокровных легионов^{341}.

Август окончательно превратил войско в армию профессионалов. Прежде всего, это касалось солдат и центурионов. Хотя принудительные наборы никогда не прекращались, принципат стал ориентироваться на добровольцев. В 13 г. до н.э. срок службы был увеличен до 16 лет, с 5 г. до н.э. — до 20 лет. Легионы и другие подразделения получили постоянную нумерацию.

Римская армия делилась на три категории: легионы, *auxilia* и италийские войска. Последние включали три корпуса, преторианцев, вигилы и городские когорты. Основу этих сил составляла преторианская гвардия, которая насчитывала 9 когорт по 1 000 человек.

Число легионов Августа колебалось от 18 до 25–26, постепенно достигнув последнего уровня. Численность легиона достигла 5–6 000 человек, что дает общее количество в 125–155 000 человек. Дислокацию армии после окончания гражданских войн определить достаточно трудно. Ранее всего система стабилизировалась на юге: один легион стоял в Африке,

три — в Сирии, три — в Египте. В 23 г. до н.э. один легион был переведен в Сирию из Египта. К началу принципата на северной границе империи стояли три группировки: испанская, галльская и балканская. В 26–19 гг. в Кантабрии Август сосредоточил 5–6 легионов, вероятно, примерно столько же стояли на Рейне и на Дунае.

В конце правления испанская группировка сократилась до минимума, а главные силы римской армии перебрасываются на северную границу. В 6 г. н.э. Тиберий собрал против Маробода 12 легионов, в 7–9 гг. в Паннонии были сосредоточены 15 легионов. В последние годы правления Августа военная система установилась надолго: 8 легионов стояли на Рейне (4 — в Верхней, 4 — в Нижней Германии), 7 — на Дунае (3 — в Паннонии, 2 — в Мезии, 2 — в Иллирике), 4 легиона стояли в Сирии, 3 — в Испании, 2 — в Египте, 1 — в Африке.

Статистические данные о происхождении 333 солдат в I веке н.э. показывают, что 177 из них были италиками, а 156 — выходцами из провинций (46 галлов, 10 испанцев, 37 уроженцев балканских областей, 13 германцев, 49 уроженцев восточных провинций)^{342}. Данные относятся ко времени Юлиев — Клавдиев, при Августе число италиков было явно больше, однако ситуация достаточно очевидна — огромные потери армий в гражданских войнах вызвали приток в войска романизированных провинциалов.

Вероятно, этим можно объяснить и резкий рост численности вспомогательных войск (*auxilia*). Римляне компенсировали нехватку легкой пехоты и конницы за счет провинциалов, вассальных царей и даже внешних сил. *Auxilia* были организованы в когорты и алы во главе с “префектами. Последние могли быть сенаторами, всадниками, центурионами с племенными вождями. Численность определить сложнее. Обычно считается, что она была приблизительно равна или немногим

уступала числу легионеров и достигала 100–150 000 человек. Столь активное привлечение провинциалов к обороне и обеспечению им, таким образом, прав римского гражданства можно считать естественным дополнением к цезарианской политике интеграции^{343}.

Флот сыграл решающую роль в кампаниях против Секста Помпея и Антония, а Август с гордостью пишет о захвате им 600 кораблей (R.g., 3, 4). Впрочем, после Акция больших кампаний на море не было, и флот не вел серьезных морских операций вплоть до III века н.э. Тем не менее, именно Август был создателем флота Римской Империи. Его основой стали два больших флота, базирующиеся в Мизене (контроль над западным Средиземноморьем) и Равенне (контроль над его восточной частью). Небольшие эскадры были в Александрии и Северном Причерноморье. Флот был императорским, экипажи составляли рабы и либерты, либерты же были командирами флотов.

Август продолжал политику Цезаря по созданию ветеранского землевладения. Согласно его сообщению, в эпоху принципата вышло в отставку около 300 000 солдат, которых разместили в 28 колониях в Италии и примерно в 10 колониях в провинциях (R.g., 28). Поскольку ветеранов в основном селили в сенатских провинциях, они становились как бы гарнизонами этих территорий и опорными пунктами императорского господства. Август тратил на расселение отставных солдат достаточно значительные суммы: в период между 30 и 14 гг. до н.э. он выделил на расселение ветеранов 860 млн. сестерциев (R.g., 16), а в 6 г. н.э., также в период роста военных расходов, учредил так называемый «военный эрарий», основу которого составил его собственный взнос в 170 млн. сестерциев.

Внешняя политика Августа как правило считается осторожной и оборонительной. Справедливо только первое: на место энергичного наступления Цезаря

пришло медленное, но последовательное и упорное продвижение армий Августа, а весь тон «Деяний» показывает, что первый принцепс никогда не оставлял мечту о мировом господстве.

После войн 44–42 гг. римлянам надолго пришлось оставить экспансионистские планы. В 41 г. началось парфянское вторжение, а римско-парфянская война была последней глобальной войной на восточной границе вплоть до II века н.э. В 23 г., воспользовавшись внутренней борьбой в Парфии, Август сумел договориться о возвращении знамен, захваченных парфянами у Красса и Антония (Dio., 55, 33, 1–2). В 20 г., поскольку парфяне не собирались соблюдать договор, Август провел мощную военно-политическую демонстрацию. Принцепс приехал в Сирию, а Тиберий с большими силами вторгся в Армению (Dio., 54, 7; Verg. Aen., II, 606; Suet. Tib., 9, 1). Фраат IV заключил договор и выдал римлянам знамена и заложников. Римское общественное мнение оценило эти события как большую дипломатическую победу. На восточной границе Империи начался длительный период равновесия сил.

Противостояние Рима и Парфии локализовалось в Армении. В 20 г. Август и Тиберий поставили там своего ставленника Тиграна (Dio., 54, 3; Veil., II, 94, 122, 1; Suet. Tib., 9, 1; Aug., 21, 3; Tac. Ann., II, 3). На протяжении его правления в Армении существовал дружественный Риму режим, но после смерти Тиграна в 6 г. до н.э. началась военная анархия. Во 2 г. до н.э. внук Августа Гай Цезарь смог восстановить римский протекторат (Plin. NH., VI, 141; XII, 56; XXXII, 10; Veil., II, 102; Tac. Ann., III, 48; Suet. Tib., 12; Dio., 55, 10 a), в том же году был убит Фраат IV, а на парфянском престоле утвердился Фраат V, проводивший проримскую политику. Вскоре в Армении началось восстание, а в 3 г. н.э. погиб Фраат V. Беспорядки в Армении продолжались до конца принципата Августа. В 10 г. н.э. в Парфии к власти

пришел энергичный Артабан I. Римляне были отвлечены событиями на севере, а проблему урегулирования восточной границы Август оставил в наследство своему преемнику.

Первый принцепс подробно останавливается на событиях в Армении и Парфии, отмечая установление суверенитета Империи над Арменией и даже над Парфией и подчеркивая, что большинство парфянских и армянских царей получили власть от Рима. Август упоминает о договоре с Фраатом IV (R.g., 32, 2), обращении к Риму Тиридата, а затем и Фраата V (Ibid., 32, 1), а также — их вассалов, мидийского царя Артавазда и царя Адиабены Артаксара (Ibid., 32, 2). Он же сообщает, что римляне поставили на армянский престол Тиграна III (20 — ок. 8 гг. до н.э.), Тиграна IV (ок. 8 г. до н.э. — 1 г. н.э.), сына мидийского царя Артабаза (2–4 гг. н.э.), Ариобарзана и его сына Артавазда III (4–6 гг. н.э.) (R.g., 27). За утверждением в Рим обратился и противник Артабана, царь Боной I (7–12 гг.).

Итак, наследники Цезаря попытались добиться сначала военного (Антоний), а затем — политического (Август) подчинения Парфии. Обескровленная гражданскими войнами Империя не смогла выполнить эту задачу. К концу правления Августа был утрачен даже формальный суверенитет Рима над Парфией, Арменией и Мидией Атропатеной. Началась политика «равновесия», впрочем, надолго обезопасившая римские восточные владения.

Наступление шло и на южной границе. В 30 г. Август оставил в Египте 3 легиона и auxilia под командованием Корнелия Галла. Галл подавил восстания местного населения в Александрии и Фиваиде, а в 25–22 гг. новый наместник, Гай Петроний, начал наступление и взял столицу Эфиопии Набату, фактически превратив эфиопов в римских вассалов (Strabo., XVII, 1, 54; R.g., 26,

5; Dio., 54, 5-6; Ног. Odes., VI, 181-182). Передовые отряды римлян дошли до Экваториальной Африки.

В 25 г. римляне предприняли поход в Счастливую Аравии (совр. Йемен), желая захватить этот транзитный пункт на пути в Индию (Strabo., XVI, 4, 22; R.g., 26; Ног. Odes., I, 29, 1; 35, 40). К 24 г. Элий Галл добрался до столицы Аравии — Марибы, но отступил, не сумев взять город, и вернулся в Египет, потеряв большое число солдат из-за жары и климатических условий (Strabo., XVII, 1, 54). То, чего не смогли сделать римские войска, сделали римские купцы, освоившие путь в Индию и создавшие множество факторий на ее западном побережье. Август писал, что «из Индии ко мне часто направляются делегации царей, ранее не виданных кем-либо из римских вождей» (R.g., 31). На другом конце Африки завоевание и освоение Нумидии и Мавретании передали под власть римлян практически все цивилизованные районы африканского севера. Римляне вышли к Сахаре. Пределами их наступления на юге стали естественные рубежи, пустыни и джунгли.

Центр тяжести политики Августа находился на севере. Римляне начали грандиозное наступление на варварский мир центральной и восточной Европы. Политика Августа отличается тем же поэтапным решением задач, которое характерно для политики Цезаря. После окончания гражданских войн, Август дал обществу небольшую передышку, использованную им для оформления власти и устройства восточных провинций. С 29 г. началось наступление. Пока что обескровленная Империя смогла позволить себе локальные операции по завоевание непокоренных островков римского мира.

В 29 г. была проведена операция против галльских племен треверов и моринов и зарейнских германцев (Dio., 51, 21, 6), а в 27 г. Валерий Мессала завершил начатое Цезарем покорение Аквитании (App. B.C., IV, 38;

Tibull., I, 7; II, 1). В 26 г. началась война в северо-западной Испании, в Кантабрии и Астурии. В Испанию было стянуто 6 легионов, командование было передано Агриппе (Suet. Aug., 20; Dio., 53, 29, 1). Только к 19 г. он победил кантабров и переселил их остатки на равнину (Dio., 54, 2; Flor., II, 33; Veil., II, 90; Ног. Epodes., I, 12, 26).

В 25 г. М. Теренций Варрон разгромил и практически уничтожил альпийских салассов, пленники были проданы в рабство с запретом отпускать их на волю в течение 20 лет. Альпы стали римскими (Dio., 53, 25, 3-5; Strabo., IV, 6, 7; Liv. Epit., 135), а в 16 г. П. Силий Нерва подчинил другие альпийские племена (Dio., 54, 20, 1-3). Самая большая война шла на Нижнем Дунае. В 29 г. проконсул Македонии П. Лициний Красс, внук триумвира, разгромил мезов, фракийцев и бастарнов, а в 28-27 гг. римляне вышли к Дунаю на всем протяжении его нижнего течения (Dio., 51, 23, 25; Liv. Epit., 135).

Примерно к 16 г. до н.э. Август смог перейти к более масштабному наступлению на севере. В 15 г. пасынки Августа (дети Ливии от первого брака), Тиберий и Друз, захватили Рецию, Норик и Винделликию, равнины в верхнем течении Дуная. Реция и Норик стали императорскими провинциями, управляемые прокураторами, а Альпы были разделены на три района (Приморские, Пекинские и Коттинские Альпы). Особое значение имел Норик, где римляне обнаружили месторождения железа.

В 14 г. начались операции в Паннонии, с 12 г. идет систематическое наступление. Армией командовал Тиберий, уже в 12 г. молодой военачальник одержал победу и получил ование (Dio., 54, 31, 34; Veil., II, 96; R.g., 30; Suet. Tib., 9). В 10 г. в Паннонии началось восстание (Dio., 55, 2-4), но к 8 г. завоевание завершилось (Dio., 55, 2-4). Римляне вышли к Дунаю на всем его протяжении, одновременно отразив ряд нашествий задунайских варваров. В 16 г. шла война со

скордисками и дентелетами, нападшими на Македонию (Dio., 54, 20), в 13 г. Кальпурний Пизон воевал во Фракии, в 10 г. было отражено большое нашествие даков. Согласно «Res gestae», римская армия перешла Дунай и «вынудила даков принять власть римского народа» (R.g., 30, 2). Римляне пытались утвердиться и за рекой, в 3 или 1 гг. до н.э. С. Элий Кат разбил гетов и переселил 50 000 человек в Мезию (Strabo., VII, 3, 10).

Другим объектом экспансии стала Германия. С 12 г. командующим рейнской армией стал Друз, начавший крупномасштабные операции против германцев, в 2 г. поход повторился, а в 9 г. римляне захватили всю территорию между Рейном и Эльбой. После смерти Друза (9 г. до н.э.) командование принял Тиберий. В 8 г. он завершил поход брата и заключил договор с германцами. 40 000 сугамбров были переселены на левый берег Рейна (Dio., 55, 6; Veil., II, 97; R.g., 26; Suet. Tib., 9, 2; Aug., 21, 1; Oros., VI, 21, 24; Eutr., VII, 9). Операции в Германии продолжались, с 1 по 4 г. н.э. Домиций Агенобарб, сын знаменитого пирата и участника гражданских войн, подчинил гермундуров и подавил восстание херусков.

Самым тяжелым стал последний этап римского наступления. В 4 г. н.э. Тиберий снова перешел Рейн и дошел до Везера, подчинив всю северо-западную Германию. В 5 г. он дошел до Эльбы (Veil., II, 104-107; Dio., 55, 13, 2; 28, 5; Suet. Tib., 16). Германия между Рейном и Эльбой стала римской провинцией. Самым сильным противником Рима оставался племенной союз маркоманнов, населявших современные Чехию и Баварию, которых возглавил принявший титул царя Маробод. В 6 г. н.э. Тиберий начал подготовку к комбинированному удару по Марободу. Из Иллирика выступила армия Тиберия, навстречу двинулись римские легионы Сентия Сатурнина. Впрочем, это наступление

так и не состоялось. Началось грандиозное восстание в Паннонии и Далмации.

Восстание охватило огромную территорию. После гражданских войн и неудачного парфянского похода Антония, оно стало третьим фактором, остановившую глобальную экспансию римлян на ее пути к мировому господству. В 6 г. н.э. повстанцы пытались атаковать Италию и Мезию, но были отброшены. Вернувшиеся войска Тиберия заняли Сисцию и Сирмий, сделав их своими опорными базами. В Паннонию были переброшены огромные силы, 10 или 12 легионов, около 50 000 *auxilia* и 10 000 ветеранов-добровольцев. Закрепившись на границах Паннонии, Тиберий постепенно сжимал кольцо. В 8 г. н.э. капитулировала Паннония, в 9 г. римляне вошли в Далмацию (Veil., II, 109-117; Dio., 55, 29-34; 56, 11-12; 15-16; Suet. Tib., 16, 1; 20; Oros., VI, 21-23; Plin. N.H., III, 148). Восстание было подавлено, но сил для наступления уже не было. С Марободом был заключен мир.

Последней каплей стало восстание германцев, центром которого было племя херусков во главе с молодым вождем Арминием. Узнав о восстании, против инсургентов выступил наместник Германии П. Квинктилий Вар. В Тевтобургском лесу германцы устроили засаду и перебили три легиона римлян (20 000 человек). Реакция Августа напоминает реакцию Цезаря после разгрома Сабина и Котты, но, в отличие от Цезаря, он должен был смириться с неизбежным (Veil., II, 117, 1; Suet. Tib., 17, 1; Dio., 56, 18-23; Tac. Ann., I, 61; Strabo., VII, 1, 4; Flor., II, 90). В 10 г. в Галлию прибыл Тиберий, а в 11 г. Тиберий и сын Друза Германик перешли Рейн. Впрочем, этот поход имел целью лишь поддержание престижа римлян. Восстания германских и паннонских легионов в 14 г. отчетливо демонстрируют, в каком состоянии были войска.

По большому счету, Август осуществил «дело Цезаря». Разумеется, он во многом изменил политику предшественника, внося в нее свою крайне незаурядную личность. Он взял за это определенную «плату» — «дело Цезаря» стало во многом восприниматься как «дело Августа». Именно в силу данного обстоятельства для многих римлян, равно как и для последующих античных писателей и современных ученых фигура Августа действительно затмила собой фигуру Цезаря.

Август, действительно, выполнил основную задачу: он прекратил гражданские войны и установил прочную систему управления, в этом отношении даже превзойдя своего учителя. Более эффективной была, конечно, сенатская реформа Августа, впрочем, тесно связанная с преобразованиями Цезаря. Вероятно, важнейшими изменениями в политике Августа был поворот к неоконсервативным ценностям, что выразилось в аристократизации состава сената и государственной идеологии, превращении Италии в центр политического притяжения и приостановке (или, по крайней мере — замедлении) «правовой революции» Цезаря. Вместе с тем, первый принцепс вовсе не отказался от цезаристской политики. Он не стал препятствовать созданию единого политического, экономического и культурного пространства Империи и всячески способствовал экономическому и цивилизационному росту практически всех ее частей, развитию торговых связей и культурному подъему. Приостановив расширение гражданских прав для населения провинций, он продолжал обеспечивать главное, к чему они стремились — продолжение экономического процветания и политическую стабильность. Сверхдержава была создана; вероятно, она имела более «римский» характер, чем могла бы приобрести при Цезаре, хотя и покойный диктатор, видимо, не случайно делал ставку именно на эти силы и ценности. Будущее

двухвековое процветание Средиземноморского мира было во многом заслугой первого принцепса.

Крупномасштабный план завоевания мирового господства не был реализован до конца, однако сверхдержава Цезаря и Августа была примерно вдвое больше, чем республиканское государство середины I века до н.э. Августу не удалось подчинить германцев и парфян, но в течение двух веков они не были смертельной угрозой для Рима. Август мог сказать, что он покорил мир, а то, что он не сделал этого до конца, можно отнести за счет различных объективных и субъективных факторов, а вовсе не за счет какой-либо особой стратегии. Наследник Цезаря полностью разделял намерения своего приемного отца, и то, что римские армии остановились на линии Рейна, Дуная и Евфрата, произошло вовсе не потому, что этого хотел император Август.

Вероятно, главной причиной того, что не все планы Цезаря оказались реализованы, были гражданские войны 44–31 гг., развязанные организаторами заговора. Эти войны стоили жизни 200–250 000 человек и заставили Октавиана провести две крупные демобилизации, затронувшие примерно такое же число людей. Среди демобилизованных было немало инвалидов, раненых, больных или людей, уже навсегда потерявших желание и способность воевать. Именно это и внесло коррективы в политику первого принцепса, несомненно, исполненного желания осуществить планы Цезаря. История не знает сослагательного наклонения, но, вероятно, Цезарь был бы удовлетворен действиями своего наследника.

«Республика» снова собирала кровавую жатву. К сотням тысяч жертв Союзнической войны, победы Суллы и помпеянского переворота 49–45 гг. добавились жертвы Брута и Кассия. В критические месяцы 44–43 гг. у наследников Цезаря вполне могло создаться открыто

высказываемое ими мнение, что политика милосердия была политической ошибкой. Впрочем, к ней вернулись снова, а долгий принципат Августа был, в значительной степени, проникнут идеей стереть из памяти людей жестокости проскрипций и десятки тысяч жертв Мутины, Филипп, Перузии и Мизена.

**Глава XIII.
ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ
(АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ)**

1. Современники

С.Л. Утченко абсолютно прав, когда пишет о мифологизации образа Цезаря^{344}. Мифотворчество вообще характерно для восприятия античной истории, и такие фигуры как Цезарь и Александр, естественно оказываются в центре этого процесса. Более сложно охарактеризовать конкретные очертания того, что отечественный исследователь считает «мифом о Цезаре» и телеологическим подходом к анализу его личности^{345}. Можно предполагать, что речь идет о представлении Цезаря величайшим полководцем и государственным деятелем античного мира^{346} и творцом Римской Империи, а, возможно, и современной западноевропейской цивилизации^{347}. Создателем этого мифа в античной историографии С.Л. Утченко считает Плутарха, а в историографии Нового времени — Т. Моммзена^{348}. Заметим, однако, что это не единственный и, наверное, не главный миф, связанный в этом выдающимся деятелем римской истории.

Великий полководец стал жертвой пропаганды сразу с обеих сторон. С одной стороны, это была пропаганда Августа и победившей Империи. Для последней Цезарь был официальным божеством, его статуи стояли во многих храмах Рима, а некоторые из них были посвящены именно ему. Панегирики Цезарю писали даже во времена Поздней Империи. Чаще всего его восхваляли как победителя Галлии, великого полководца и одного из создателей римской сверхдержавы. Цезарем восхищались и как выдающимся деятелем культуры, а восторженные отзывы о его сочинениях можно найти у Цицерона (Cic. Brut., 252–263), Квинтилиана (Quint. Inst., 10) и Тацита (Tac. De or., 21). Вместе с тем, признавая заслуги диктатора,

августовская пропаганда, сохраняя должную преемственность, постепенно затмевала его фигурой первого принцепса, завершившего строительство того здания, фундамент которого заложил Цезарь. За сложной, неоднозначной и способной совершать ошибки личностью Цезаря стоял монолитный образ непогрешимого императора Августа, подлинного создателя нового общества.

Цезарь оказался оттеснен на второй план своим учеником и преемником. Традиция всячески подчеркивает те области деятельности, в которых Август действительно преуспел больше, чем его приемный отец, напротив, там, где первый принцепс изменил курс своего предшественника, последователи Августа стали подвергать Цезаря критике. Наконец, Августу просто приписывались многие заслуги Цезаря. Подобное положение имело далеко идущие последствия. Появились упреки, что Цезарь не завершил свои преобразования, а лишь наметил пути реформы. С другой стороны, его критиковали за излишнее «забегание вперед», а факт заговора и убийства часто объяснялся как признак политического краха. Именно Август вошел в историю как человек, прекративший гражданские войны и давший народам Империи полувековой мир и процветание. Август не только выполнил свой долг перед отцом и осуществил его планы — более того, он исправил курс Цезаря там, где последний нуждался в коррективах. Именно так трактовались оформление власти Августа, его сенатская политика, проиталийский курс и поворот в идеологии. Апологеты Августа даже пытались оторвать его от Цезаря, сближая с традицией Помпея и Цицерона, против чего, вероятно, протестовал бы и сам первый принцепс. Некоторые самые значительные реформы Цезаря как бы отошли в сторону, и в их числе была приостановленная Августом правовая реформа.

Первый принцепс взял определенную «плату» за выполнение планов своего предшественника: гигантская фигура Августа заслонила собой образ Цезаря, а его «дело» стало «делом Августа», разумеется, со всеми внесенными последним изменениями. Эта метаморфоза оказала воздействие и на выработку некоторых современных теорий. Отсюда идут истоки образа «гениального неудачника» Г. Ферреро^{349}, противопоставления «монархии Цезаря» и «принципата Августа» Эд. Мейера и Р. Сайма^{350}, и отчасти — теории «цезарианского мифа» С.Л. Утченко^{351}. Любопытным побочным продуктом этих представлений является то, что именно Цезарь, а не Август стал символом монархии, на все лады восхваляемым монархически настроенными учеными, писателями и публицистами и столь же ненавидимым противниками всех форм единоличной власти. Напротив, Август предстает либо мудрым создателем сбалансированной властной системы («диархии») или конституционной монархии, либо (все имеет свою оборотную сторону) — лицемерным тираном, прикрывавшимся республиканскими одеяниями. Подобно тому, как Цезарь превратился в символ «тирании», Август, столь же незаслуженно, стал воплощением «лицемерия».

Второй миф, наверное, еще более распространенный, создала республиканская пропаганда. Исходя от республиканских идеологов, он был поддержан блестящей публицистикой Цицерона и продолжен Светонием Транквиллом, вероятно, единственным биографом Цезаря, нарушившим принятый у древних авторов обычай не ссылаться на свои источники (Suet. Iul., 52, 77, 80). Развитие этого мифа продолжалось в сочинениях оппозиционных историков времени Юлиев-Клавдиев (напр. Кремуций Корд) и получила новое звучание в эпоху террористических режимов Тиберия, Калигулы и Нерона,

найдя свое наиболее полное отражение в «Фарсалии» Лукана. Этот «антимиф» был подкреплен авторитетом таких писателей как Сенека и Тацит, а затем получал все новое и новое звучание в периоды борьбы с монархиями, диктатурами и тоталитарными режимами. Такая трактовка образа Цезаря была поддержана У. Шекспиром и Ш. Монтескье и повторялась в идеях Великой Французской революции, движении декабристов или антифашистского сопротивления. В силу того же парадокса, Цезарь оказался популярным символом для европейских абсолютных монархий, Германской Империи и даже Третьего Рейха, тогда как Цицерон превратился в знаковую фигуру для англо-американского парламентаризма, а Брут и Катон — для французских революционеров, либералов и русских декабристов.

На первом этапе этого мифа создается образ ловкого честолюбивого манипулятора, изначально поставившего своей целью захват единоличной власти, не брезгуя никакими средствами для достижения положения, успеха и материального достояния. Именно таким образом он стал консулом и получил командование в Галлии, развязав завоевательную войну с целью собственного усиления, а затем пришел к власти благодаря гражданской войне и истреблению лучших граждан. Создается зловещий образ тирана, подобно тени нависающего над бессильной республикой и, после междоусобной брани, захватившего единоличную бесконтрольную власть.

Миф о Цезаре-тиране дополняется мифом о «свободной республике» и ее защитниках, Помпее, Катоне, Цицероне и Бруте, причем, идеализация последних становится дополнительным содержанием антицезарианского мифа. Полководческий талант Помпея, ораторский дар Цицерона, непреклонная стойкость и безупречная мораль Катона и мужественная

решимость Брута — все это противостоит Цезарю и его приспешникам, и тем трагичнее оказывается их поражение. Республика, которую они защищали, словно по мановению волшебной палочки становится свободным обществом с глубоко укоренившимися демократическими ценностями, свободными выборами, диктатурой закона, свободой слова, состязательным судебным процессом, равновесием властей и гарантиями прав человека.

Мы еще намерены вернуться к теме «свободной республики», но множество парадоксов бросаются в глаза даже при самом поверхностном подходе. Приверженцы мифа забывают о том, что это была республика с 300–400 тысячами граждан, подавляющее большинство которых жили за чертой бедности, и десятками миллионов бесправных союзников, провинциалов и рабов, которые никак не могли пользоваться благами «римской демократии». Забывается о практически непрерывной войне, идущей на территории большинства провинций, равно как и том, что все органы власти полностью контролировались сулланской и постсулланской олигархией с ее террором, небывалой коррупцией, невероятными богатствами и сказочной роскошью. Достаточно очевидно, что все победы Цезаря на выборах были результатом поддержки его подавляющим большинством населения, а галльская угроза была абсолютно реальна, и столь же странно, что честолюбие Помпея, общеизвестный оппортунизм Цицерона, твердолобое «нет» Катона и убийство беззащитного человека, осуществленное Брутом, стало символом свободы, чести, реформ и либеральных ценностей. Миф иррационален, а потому полемика с ним превращается в крайне неблагоприятное занятие, и нашей задачей станет рассмотрение конкретных оценок тех источников, которые дают нам более сложные и глубокие оценки.

Первым, кто писал о себе был сам Цезарь, и именно с него необходимо начать наше рассмотрение. Впрочем, мы уже останавливались на концептуальных установках «Записок», а потому остается добавить не столь уж много. Цезарь вообще избегает оценочных суждений — его мышление предельно конкретно, как это вообще свойственно выдающимся политическим деятелям. В «Записках о Галльской войне» Цезарь показывает реальную опасность, исходящую от противника, делая это особенно подробно в связи с событиями 58 г. до н.э. (переселение гельветов в Галлию и нарастание германской угрозы — Caes. B.G. I, 7; II, 31). Его последующие действия вызваны уже угрозой интересам Рима в Галлии, как это было в 57 г. (консолидация бельгов — Ibid. II, 1), 55 г. (новое нашествие германцев (IV, 1)) и, наконец, в 52 г., во время Великого Галльского восстания (VII, 1-2). В последнем случае Цезарь подчеркивает глобальный характер восстания и его опасность для римского господства, а в речи Верцингеторикса он рисует намерения галльского вождя, включающие не только полное свержение власти Рима в Галлии, но и захват Провинции (VII, 21, 64), а, возможно, и более серьезные планы.

Цезарь не пытается показать войну как чисто оборонительную акцию, поскольку для римского общества успешная завоевательная кампания в подобной аналогии не нуждалась. Так, он достаточно откровенно пишет о своем намерении предпринять поход в Британию: «... однако Цезарь решил предпринять поход в Британию, так как знал, что почти во все войны с Галлией оттуда посылались подкрепления нашим врагам... он все же считал полезным для себя вступить на этот остров, познакомиться с его населением и добыть сведения о его местности, гаванях и удобных для высадки пунктах» (Ibid., IV, 20). Еще один мотив, который постоянно

повторяет Цезарь — это военная мощь, физическая сила, воинственность и вероломство врага (*Ibid.*, I, 1, 2, 31, 39, 44; II, 1; III, 8; IV, 1-3; VI, 13, 23-24; VII, 4-5). Быть может, самое интересное, что гораздо более полно, обстоятельно и эмоционально апологию Галльской войны представил за него... Цицерон.

В речи «О консульских провинциях» (56 г.) Цицерон кратко, но предельно четко формулирует идею войны. Галлы — исторический враг Рима. «Не без промысла богов природа некогда оградила Италию Альпами; ибо если бы доступ в нее был открыт для полчищ диких галлов, наш город никогда не стал бы обиталищем и оплотом великой державы» (*Cic. de prov. cons.*, 14, 34). Испокон веков Рим воевал с галлами, но это была лишь оборона, и только Цезарь стал воевать по-настоящему (*Ibid.*, 13, 32). «Замысел Гая Цезаря, как я вижу, был совершенно иным: он не только признал нужным воевать с тем, кто, как он видел, уже взялся за оружие против римского народа, но и решил подчинить нашей власти всю Галлию» (*Ibid.*)... «Лишь узкую тропу в Галлии до сих пор удерживали мы, отцы-сенаторы! Прочими частями ее владели племена, либо враждебные нашей державе, либо ненадежные, либо неведомые нам, но, во всяком случае, дикие, варварские и воинственные; не было никого, кто бы не желал, чтобы эти народы были сломлены и покорены. Уже с начала нашей державы не было никого, кто бы, размышляя здраво об интересах нашего государства, не считал, что наша держава более всего должна бояться Галлии. Но ранее, ввиду силы и многочисленности этих племен, мы никогда не сражались с ними всеми сразу; мы всегда давали отпор, будучи вызваны на это. Только теперь достигнуто положение, когда крайние пределы нашей державы совпадают с пределами этих стран» (*Ibid.*, 13, 33). Целью войны является мир. Благодаря походам Помпея, исчезла угроза с востока (*Ibid.*, 12, 31), теперь, если дать

Цезарю завершить покорение и освоение Галлии, исчезнет угрозам севера (Ibid., 8, 19). Говорил ли Цицерон то, что он думал? Вероятно, да. Он не любил Цезаря, но был сторонником имперской завоевательной политики. Конечно, оратор не всегда говорил то, во что верил сам, но он всегда старался сказать то, что хотела услышать от него аудитория, и ошибался очень редко.

Лейтмотивом «Записок о гражданской войне» является желание Цезаря показать, что война была развязана помпеянами (Caes. B.C., I, 1-6), а он сам старался выйти из кризиса мирными средствами. Цезарь ярко демонстрирует бескровную войну в Италии (Ibid., I, 9-28) и Испании, постоянно подчеркивая свое нежелание решать исход войны путем сражения (Ibid., I, 71-72, 77, 85-87; II, 17-21). Даже кампания 48 г. долгое время планировалась им как бескровная. Другая мысль, которую поддерживает Цезарь - это идея всеобщей поддержки, которую оказывает ему население, будь то Италия или провинции. Центральная тема второго произведения — это политика *dementia*. Наконец, важнейшей красной нитью «Записок» является идея Рима — защита римских интересов, римского права, государства и римской идеи. Последнее еще больше подчеркивается в сочинениях продолжателей Цезаря.

Авторы этих произведений показывают Цезаря ведущим не гражданскую войну, а серию внешних войн и подавляющим противозаконные мятежи. «Их (александрийцев. — А.Е.) главари», — пишет автор «Александрийской войны», «так говорили на совещаниях и на сходах: римский народ мало-помалу привыкает к мысли захватить это царство в свои руки. Несколько лет тому назад стоял в Египте со своими войсками А. Габиний; туда же спасался Помпей, пришел с войсками Цезарь, и смерть Помпея несколько не помешала Цезарю остаться у них. Если они не прогонят его, то царство будет обращено в римскую провинцию» (B. Alex., 3).

Война в Африке представлена как война с Юбой, а помпеянцы, постоянно обвиняемые в жестокости (B. Afr., 19, 26, 28, 45–46, 66, 86, 91), показаны пособниками царя, вместе с ним опустошающими плодородную римскую провинцию (B. Afr., 8, 20, 22). Последняя война в Испании показана автором «Испанской войны» как война с маргиналами. Перебежчики, беглые рабы и колонны, остатки помпеянского воинства, местные повстанцы, независимые и полузависимые племена и прочие враги римского порядка — такой предстает нам армия Помпея-младшего (B. Hisp., 7). Оба автора не скрывают жестокий характер последних войн, но как иначе можно действовать с подобным противником?

Если Цицерон сумел представить апологию действий Цезаря в Галлии, то Саллюстий сделал это в отношении гражданской войны. Вся прошлая деятельность Цезаря была посвящена борьбе со знатью за свободу народа (Sail. Epist, II, 2), и теперь ему предстоит свергнуть господство помпеянской олигархии, подчинившей все своей власти и превратившей народ в рабов (Ibid., II, 3, 5) [90]. Саллюстий видит в Цезаре человека, который должен спасти гибнущее государство. Мы уже говорили о программе реформ, которые предполагал Саллюстий, сейчас еще раз отметим тот образ, который создает автор обоих писем. Это демократический лидер и защитник народа, выдвинувшийся благодаря поддержке последнего, и великий полководец, превратившийся в единственную надежду общества в условиях произвола помпеянской клики.

С.Л. Утченко отмечает, что античность знала Цезаря, прежде всего, как полководца, а не как «государственного деятеля» [352]. В известной мере, тон такого рода восприятию задал сам Цезарь. Он достаточно мало останавливается на характеристиках, предпочитая дать слово фактам. Цезарь любил свою армию, и ее солдаты и офицеры стали главными героями

«Записок». Автор отчетливо показал, что обязан своими победами мужеству и выносливости солдат, героизму и профессионализму центурионов и опыту и компетентности офицеров. Вырисовывается и образ полководца: быстрота действий, решительность и энергия сочетаются у него с гибкостью, умением предвидеть замыслы противника и выдержкой, а также — умением переходить от обороны к наступлению и наоборот [{353}](#). Помимо милосердия, автор подчеркивает еще одно дополнительное качество — стремление минимизировать риск и избежать потерь при сражениях и осадах (Caes. B.G., VII, 52; B.C., I, 71–72; III, 73), выиграв войну еще до того, как она началась [{354}](#). Современники Цезаря, Марий, Сулла и Помпей, были военными и считали армию решающим (если не единственным) аргументом в политике. Их выдвинула война, а военные методы были, с их точки зрения, последним и оптимальным средством решения всех проблем. Цезарь пришел в армию из политики и, похоже, считал войну лишь одним из способов решения политических задач, причем, далеко не всегда оптимальным.

Таков, вероятно, образ Цезаря, который вырисовывается из его произведений. Он сказал о себе далеко не все. Сочинение, в основном, посвящено военной стороне его деятельности, об остальном сказали другие.

Говоря о Цицероне, можно отметить правоту С.Л. Утченко, увидевшего у него, по крайней мере, три образа Цезаря [{355}](#). Первым является образ героя в некоторых его речах, вторым — образ врага и тирана в трактате «Об обязанностях» и речах и письмах 44–43 гг., третьим — образ Цезаря в письмах, речах и трактатах 50–40-х гг.

Цицерону как никому другому удалось «героизировать» образ Цезаря. Это не только великий полководец из речи «О консульских провинциях», но и

мудрый, милосердный победитель из речей «За Марцелла» и «За Лигария». Цицерон оказался в деликатном положении: он был в положении просителя, аппелирующего к победившему Цезарю и, вместе с тем, все его прошлое противилось тому, что он был вынужден говорить. Речь «За Марцелла» оратор начал с восхваления непобедимости и военных успехов диктатора, которыми он обязан, прежде всего, самому себе и своей способности предвидеть и рассчитывать (Cic. pro Marc, 2, 5-3, 9). Впрочем, дальнейшая речь превращается в гимн милосердию, благодаря которому Цезарь и одержал победу (Ibid., 3, 11-12). «Ибо когда по закону самой победы все мы должны были пасть побежденные, мы были спасены твоим милосердным решением. Итак, по всей справедливости непобедим ты один, ты, кем полностью побеждены и закон и сила самой победы» (Ibid., 3, 12). В угоду Цезарю Цицерон подвергает частичной переоценке и саму войну, предстающую неким глобальным бедствием, пришедшим откуда-то извне (Ibid., 5, 13). «Различны были желания граждан, расходились их взгляды, наши разногласия выражались не только в образе мыслей и в стремлениях, но и в вооруженных столкновениях и походах; царил какой-то мрак, происходила борьба между прославленными полководцами. Многие знали, чье дело правое; многие не знали, что им полезно, многие — что им подобало; некоторые — даже что было дозволено. Государство пережило эту злосчастную и роковую войну; победил тот, кто был склонен не разжигать свою ненависть своей удачей, а смягчать ее своим милосердием...» (Cic. pro Marc, 10, 31). Милосердие Цезаря было не только средством победы, оно станет и средством врачевания ран войны, «врачевать которые не может никто» (Ibid., 8, 24). Победа Цезаря спасла государство — такова главная мысль Цицерона. «Вначале, Цезарь, — повторил он в речи «За Лигария», —

ты признал это расколом, а не войной, не взаимной ненавистью между врагами, а распрей между гражданами, причем, обе стороны желали благополучия государства, но в своих намерениях и стремлениях упускали из виду общее благо... Само дело было тогда неясным, так как и у той, и у другой стороны было нечто заслуживающее одобрения, теперь же лучшей следует признать ту сторону, которой даже сами боги оказали помощь. Но кто, уже оценив твое милосердие, не одобрит той победы, при которой пали только те, кто взялся за оружие?» (Cic pro Lig., 6, 19).

Вслед за С.Л. Утченко, мы должны признать, что в этих словах Цицерона не было ни доли искреннего убеждения^{356}. Он, несомненно, считал Цезаря выдающимся полководцем, но, испытывая к нему ненависть, едва ли мог видеть положительное начало в победе цезарианцев. Совершенно иной была оценка диктатора в трактате «Об обязанностях», написанном после смерти Цезаря.

Вероятно, это был первый образ Цезаря-тирана, созданный дошедшей до нас античной публицистикой. Ради своего первенства (principatum) Цезарь преступил все божеские и человеческие законы, — считал Цицерон (Cic De off., I, 8, 26). Цезарь приводится у него как пример того, что жажда власти, славы и почестей способна привести к полному забвению справедливости, одной из высших добродетелей человека и гражданина (Ibid.). Критика усиливается во 2 книге. Цицерон ставит рядом царей и популяров, которые ради выгоды обманывают людей ложными обещаниями (Ibid., II, 6, 21). Появляется еще одна параллель: Цезарь сближается с Суллой, оба одержали «дурную в нравственном отношении победу», занимались грабежами и способствовали утрате Римом своего нравственного престижа (Ibid., II, 7, 27). Господство обоих держалось на страхе, а власть страха не может быть

продолжительной (Ibid., II, 7, 23). Неким связующим фактором и, вместе с тем, характерным примером является Публий Сулла. Родственник первого диктатора, скупавший имущество погибших при Сулле, он делал то же самое при Цезаре. При «той диктатуре он был писцом, при этой — городским претором» (Ibid., VII, 27–29). «Мы теряем государство», — заключает Цицерон свое мрачное суждение. Цезарь еще хуже Суллы, поскольку, в отличие от последнего, у него не было даже «добрых намерений».

Переоценке подвергается и гражданская война. Это — победа худших. «Твое время», — обращается он к сыну, — «попало на ту войну, во время которой одна сторона в изобилии имела злодеяний, другая же была несчастлива» (Cic. De off., II, 13, 45). Как и раньше, Цицерон проявляет ностальгию по господству помпеянцев. В конце звучит финальный аккорд. Цезарь открыто объявляется тираном, а его убийство считается оправданным (Ibid., III, 4, 19; 6, 32).

Таким образом, в «De officiis» звучит основное обвинение в адрес Цезаря как «тирана», подавившего «свободную республику». Очень скоро формулируется и второе: Цезарь шел к власти с самого начала своей деятельности и был как раз той зловещей фигурой, которая медленно, но верно подтачивала благополучие государства и общества, пока последние не стали его жертвой.

Уже в I Филиппике он рекомендует Антонию помнить об участии Цезаря (Cic. Phil., I, 14, 35) и говорит (еще один миф!) о ненависти народа к диктатуре и о том, что он рукоплескал статуям Помпея, трибунам-диссидентам и самим заговорщикам (последнего точно не было) (Cic. Phil., I, 13, 37). Конечно, подчеркивает Цицерон, он всегда относился с долей недоверия к изъятию народных эмоций, но здесь «рукоплескали все... высшие, средние и низшие» (Ibid., I, 15, 35).

Во II Филиппике содержится уже более развернутая и, как хочет показать Цицерон, более объективная характеристика покойного диктатора. «Он отличался умом, одаренностью, памятью, образованием, настойчивостью, умением обдумывать свои планы, упорством. Вступив на путь войны, он совершил деяния, хотя и бедственные для государства, но все же великие; замыслив царствовать долгие годы, он с великим трудом, ценой многочисленных опасностей осуществил то, что задумал. Гладиаторскими представлениями, щедрыми раздачами, играми он привлек на свою сторону неискушенную толпу; своих сторонников он привязал к себе наградами, противников — видимостью милосердия. К чему много слов? Коротко говоря, он, то внушая страх, то проявляя терпение, приучил свободных граждан к рабству» (Cic. Phil., II, 45, 126). В V Филиппике Цицерон обвиняет Цезаря в стремлении к царской власти и ставит в один ряд с Цинной и Суллой. «Помню я Цинну, видел Суллу, затем и Цезаря — ведь все эти трое, после того, как Л. Брут освободил государство от власти царей, имели больше власти, чем все государственные органы» (Cic. Phil., V, 17).

Не будем комментировать противоречия в оценках — они скорее говорят о самом Цицероне, чем о предметах его рассуждений. Такого рода расхождения весьма характерны для великого оратора, который на протяжении всей своей деятельности постоянно занимался приведением в соответствие своих собственных, подчас весьма различных оценок. Подборке взаимопротиворечащих и взаимоисключающих высказываний Цицерона можно посвятить самостоятельное большое исследование, равно как и попытаться дать ему самые разнообразные объяснения. Можно пытаться оценить это с позиций строгой морали и говорить об общечеловеческой нравственности, можно, как это часто делается, внести некую категорию

морали «политической» или объяснить все «постоянно меняющейся политической ситуацией», «государственной необходимостью» или просто тем, что он был «живым, эмоциональным человеком». У нас нет возможности (да и желания) вступать в дискуссию, обязан ли политик или администратор подчиняться общим правилам морали, или у него есть некие «особые» критерии. Мы исследуем только развитие образа Цезаря и обнаруживаем, что Цицерон стоит одновременно у истоков практически всей мифологии, «цезарианской» и «антицезарианской», начиная от трудноуловимого телеологического мифа, о котором пишет С.Л. Утченко, и заканчивая мифом о демагоге, развязавшем войну и ставшим тираном, уничтожившим республику и ввергнувшим народ в рабство. Цицерон явно следовал модели греческих тиранов и можно сказать, что в эти моменты он был гораздо более искренен, чем тогда, когда восхвалял галльские успехи Цезаря или его политику милосердия. Теперь оратор вероятно, высказывал свою «субъективную» правду, в которую он, несомненно, верил, но говорил ли он всю правду и всегда ли он думал именно так? Некоторые дополнительные характеристики дают нам письма Цицерона, по большому счету, исполненные той же негативной тенденции отношения к Цезарю как к демагогу, авантюристу, военному диктатору и тирану, но вносящие ряд интересных конкретных деталей.

Тема образа Цезаря в письмах Цицерона прекрасно разобрана С.Л. Утченко^{357}, и нам остается лишь повторить некоторые из его выводов, внося в них несколько частных дополнений. Мы согласны, что письма прошли определенный отбор и даже «редакцию» и едва ли адекватно отражали мысли и чувства автора. Вместе с тем, будучи более камерным жанром, они не требовали той цельности и литературной завершенности, которые были необходимы для

публичного выступления. Вместо «великого полководца» или «демагога и тирана», перед Цицероном был конкретный Юлий Цезарь, с которым его связывало многолетнее знакомство, множество других людей, конкретные деловые и политические интересы, общие вкусы и разногласия, симпатии и антипатии, научные споры и литературное творчество. Среди близких Цицерону людей были откровенные враги Цезаря (Катон, Лентул Спинтер, Домиций Агенобарб, позже он дружил с Брутом и Кассием), а среди окружения Цезаря — люди, которых оратор искренне ненавидел (Кальпурний Пизон, Габиний, Ватиний и особенно — Марк Антоний). Вместе с тем (об этом заботились оба политика) они всегда были окружены людьми, игравшими роль общих друзей и даже конкретных посредников (Авл Гирций, Панса, Оппий, Бальб, Матий, Требаций Теста, а иногда и Квинт Цицерон и Тит Помпоний Аттик).

Впервые Цезарь появляется в письмах в конце 61 г. (Cic. Att., I, 17) причем, негативная тенденция нагнетается постепенно. Цицерон достаточно спокойно пишет о намерениях Цезаря баллотироваться в консулы, а в середине июня 60 г. сообщает о своей приверженности Помпею и даже подумывает о сближении с Цезарем (Cic. Att., I, 20; XI, 1, 6). Эти колебания продолжались до декабря, когда Цицерон получил через Бальба предложение о союзе с триумвирами (Ibid., II, 3). Тем не менее, в 59 г. он явно выступает как враждебная сила, твердо встав на позицию оптиматов. «Эти», «эти популяры», «те, у кого в руках все», «властители», «цари», «надменные цари» (Cic. Att., II, 5, 1; II, 18; II, 19, 1; II, 21, 3) все эти издевательские и уничтожающие эпитеты звучат, быть может, еще сильнее, чем развернутые инвективы речей и трактатов. Цицерон был возмущен тем, что Цезарь помог Клодию перейти в плебеи (Cic. Att., II, 12 a), а в описании борьбы вокруг аграрного закона в апреле —

июле 59 г. он горячо болеет за Бибула и его сторонников, постоянно поносит триумвиров (включая Помпея) и, наконец, сетует на гибель государства после принятия закона (Cic. Att., II, 15; И, 16, 1; 17, 1; 18, 1-2; 19, 2-4; 20, 4; 21). «Все погибло», — такими словами встречает он принятие закона, а в октябре в красках описывает дело Веттия (естественно обвиняя во всем Цезаря) и его провал (Ibid., II, 24). Впрочем, с июля 59 г. звучит и другая тема: в перспективе был трибунал Клодия, и Цицерона крайне волнует поиск союзников и желание обеспечить хотя бы нейтралитет триумвиров. К осени он снова сближается с Помпеем (Ibid., II, 23) и теперь вплоть до самого времени изгнания, в письмах Цицерона звучит навязчивая идея о поддержке последнего. Цицерон оценил то, что Цезарь попытался протянуть ему руку помощи, и долго обдумывал, принять ли ему его предложение стать легатом в Галлии (Cic. Att., II, 18, 3). Обещания оптиматов и Помпея, чью поддержку он ценил значительно больше, убедили оратора отклонить это предложение.

Письма периода изгнания полны полной депрессии и жалоб на всеобщее предательство (Cic. Att., III, 1-12; ad. Q. fr., 1, 3). Подобного рода настроения характерны для марта — июля 58 г., они же преобладали и осенью этого года (Cic. Att., III, 19-22). Впрочем, в условиях, когда различные силы начали борьбу за его возвращение, Цицерон меняет тактику, пытаясь изолировать Клодия и доказать, что все, и оптиматы и триумвиры, верхи и низы общества, готовы объединиться ради его защиты (Cic. Att., III, 23; 24, 2; 26; Fam., V, 4). Этот лейтмотив звучит во всех его триумфальных речах 57-56 гг. в письмах этого периода. Теперь Цицерон уже не ссорится с триумвирами, во всем поддерживает Помпея и выражает признательность Цезарю за его согласие на возвращение.

Различие и восприятию триумвиров в письмах Цицерона хотя и трудноуловимо, но достаточно показательны. Дело не столько в смягчении отношения. Критические намеки 59 г. показывают триумвиров реальной властью и некоей структурой, надстроенной над государством и обществом. Возможно, именно эти оценки лежат в основе восприятия триумвирата как «союза трех властителей», перешедшего в труды поздних авторов и сочинения исследователей Нового и Новейшего времени. В 58 г., когда самому Цицерону угрожала вполне реальная опасность, и он оценивал ситуацию с конкретным прагматическим реализмом, триумвиры представлялись достаточно влиятельной, но не столь всемогущей силой, неспособной обеспечить защиту даже от Клодия.

В письмах 57-56 гг. Цезарь почти не встречается: Цицерон слишком озабочен собственной реабилитацией и борьбой с Клодием (Cic. Att., IV, 1, 2, 3; ad. Q. fr., II, 1, 3; Fam., I, 5 a, 7). Впрочем, именно в 56 г. он «отработал» свой долг Цезарю, произнеся речь «О консульских провинциях». Цицерон спокойно отнесся к новому альянсу триумвиров в 55 г. (Cic. ad. Q. fr., II, 7), он возмущается неприязнью оптиматов к Помпею (Cic. Fam., I, 8, 2-5) и даже признается в дружбе своему старому врагу Крассу (Cic. Fam., V, 8). Цицерон уже был научен горьким опытом, кроме того, триумвиры были теперь гораздо сильнее.

Судя по письмам, «медовый месяц» дружбы с Цезарем начинается в феврале 54 г. «Смотри, как я убедил себя в том, что ты есть мое второе «я» не только в моих делах, но и в тех, которые меня лишь касаются» (Cic. Fam., VII, 5). В июле — сентябре 54 г. Цицерон ведет активную переписку с Квинтом, бывшим тогда легатом Цезаря, постоянно заверяя брата в своей любви к командующему и, видимо, получая ответные комплиментарные заявления. «Ты пишешь, что Цезарь

нас очень любит. То что ты пишешь мне о Цезаре, нравится мне все больше и больше, и радуюсь невероятно» (Cic. ad. Q. fr., III, 8). В другом письме Цезарь оказывается самым близким Цицерону человеком «после наших детей» (Ibid., III, I).

У нас не так много писем 53-51 гг., тем более, что в это время Цицерон был, вероятно, очень занят делом Милона. Молчание могло быть связано и с меняющимся отношением к Цезарю в Риме. В 51-50 гг. Цицерон находился в Киликии и не участвовал в острых дебатах по поводу наместничества Цезаря. Уже в апреле 50 г. оратор однозначно принял сторону Помпея (Cic. Fam., VIII, 3) и осудил требования Цезаря, но его главной целью становится избежание войны и заключение мира на любых условиях. Вся эта сложная гамма отношений сохраняется в письмах января — марта 49 г. Цицерон жадно следит за любой информацией с театра военных действий, радуется малейшим намекам на успех помпеянцев, но все больше и больше критикует Помпея как за его поражения, так и за его планы. Впрочем, самым сильным желанием остается желание мира, который становится все более и более нереальным (Cic. Fam., XVI, 11-12, 21; Cic. Att., VII, 11, 13, 14, 23; VIII, 8, 9, 11, 15 a, 16; IX, 5). С марта 49 г. он стал получать от Цезаря заверения в безопасности и признание права сохранять нейтралитет (Cic. Att., IX, 7 a, 7 b, 7 c), что вызвало колебания Цицерона (Ibid., IX, 4, 7, 9). 19 марта Цицерон сам предложил Цезарю свои услуги посредника (Ibid., IX, 7 a), но 31 марта он принимает решение об отъезде (Ibid., IX, 19), хотя и остается в Италии. В апреле — мае 49 г. через Целия Руфа и Марка Антония Цезарь снова просит Цицерона не уезжать (Cic. Att., X, 9 a; Fam., VIII, 16), 2 мая он в последний раз просит об этом сам (Cic. Att., X, 8 b), однако в июне 49 г. Цицерон был уже в Греции (Fam., XIV, 7). Далее следует лагуна, а письма

конца 48 — начала 47 г. посвящены попыткам вернуть милость Цезаря.

Письма времен диктатуры снова становятся политкорректны. Цицерон сожалеет о продолжающейся войне (Cic. Fam., IV, 9), пишет о восстановлении дружеских отношений с друзьями диктатора (Ibid., VI, 12) и подчеркивает уважение к Цезарю и его милосердию (Ibid., IV, 6). В целом он отходит от политики, занимается литературой и просит за бывших помпеянцев. Впрочем, то, что он думал на самом деле, проявилось в коротком восторженном поздравлении Минуцию Базилу по поводу убийства диктатора (Ibid., VI, 15). Теперь в письмах фигурирует только образ врага, хотя и здесь все оказывается не так просто. Главным врагом становится Антоний, а среди союзников Цицерона было немало друзей Цезаря (Гирций, Панса, Оппий, Бальб, Мунатий Планк, Лепид) и его приемный сын. Во II Филиппике появился и другой мотив, Цицерон не мог скрывать враждебности к Цезарю, но отвергал свое прямое участие в заговоре (Cic. Phil., II, 11, 25–12, 28) и считал, что власть Цезаря была еще благом по сравнению с тем, что готовил Риму Антоний.

Заканчивая тему современников, остановимся на последней прямой характеристике Цезаря, на сей раз вернувшись к Саллюстию и его знаменитой характеристике Цезаря и Катона в «Заговоре Каталины». «Итак их происхождение, возраст, красноречие были почти равны; величие духа у них, как и слава, были одинаковы, но у каждого по-своему» (Sail. Cat., 54, 1). В отношении Цезаря подчеркивается его мягкость и милосердие (*mansuetudo et misericordia*), постоянная готовность помочь другим и защищать обиженных, энергия и усердие. «Забываясь о делах друзей, он пренебрегал собственными, не отказывал ни в чем, что только стоило им подарить; для себя самого желал высшего командования, войска, новой войны, в которой

могла бы заблестать его доблесть (virtus)». Образ Катона совершенно иной — он славился безупречностью жизни (integritas vitae), обладал умеренностью (modestia), чувством долга, суровостью (severitas) и постоянством (constantia). «Он соперничал не в богатстве с богатым и не во власти с властолюбцем, но со стойким в мужестве (virtus), со скромным в совестливости (pudor), с бескорыстным в воздержанности (abstinentia), быть честным, а не казаться им предпочитал он» (Sail. Cat., 54).

Характеристика Саллюстия вызвала полемику в исследовательской литературе^{358}. Одним из центральных вопросов был вопрос о том, кого предпочитает автор, энергичного, блестящего, обаятельного, честолюбивого Цезаря или сурового, честного, постоянного и справедливого Катона и почему он отдал то или иное предпочтение? Иногда в чертах Цезаря видели скрытое осуждение честолюбца, идущего к власти, напротив, в чертах Катона находили репрессивную силу или отвлеченный от реальности образ «морального героя»^[91]. Не останавливаясь на деталях характеристик, оценка которых зависит, в том числе, и от субъективных пристрастий, заметим то, что казалось бы «лежит на поверхности». Саллюстий, несомненно, создает двух положительных героев, и это «столкновение двух истин» вполне отражает сложную модель «неоконсерватизма» историка, пытавшегося соединить энергию, обаяние, честолюбие и стремление к новизне, свойственное Цезарю, и консерватизм, моральную стойкость и неподкупность Катона. Саллюстий хотел не только противопоставить, но и соединить «цезаризм» и «катонизм». Можно ли видеть в этом скрытый протест против Цезаря, не желавшего признать «истину» Катона? Можно согласиться и с некоторыми суждениями С.Л. Утченко, детально разобравшего этот сюжет^{359}. Нет оснований видеть в

Саллюстий прежнего безусловного сторонника Цезаря, однако у нас нет оснований и для обнаружения враждебного отношения к бывшему диктатору^[360].^[92] Очень точной является оценка образа как ретроспективного: образ молодого политика, адвоката и правозащитника соединен с будущим образом великого полководца, победителя Галлии и правителя Римской державы.

Итак, современники дают достаточно значительную информацию о Цезаре, особой ценностью которой является обилие различного рода конкретных деталей. Другим обстоятельством является то, что последующие характеристики Цезаря были заложены уже в его собственное время.

2. Писатели эпохи Империи

К сожалению, до нас не дошли два самых близких по времени произведения, «История» Азиния Поллиона и фундаментальный труд Тита Ливия, а потому ближайшим по времени сочинением является «История» Веллея Патеркула. Известную ценность представляет и сочинение Аннея Флора, предположительно относящееся ко времени Адриана, но, возможно, имеющее и более раннюю датировку^{361}. Впрочем, основной блок информации дают нам писатели времени Антонинов и ранних Северов, Плутарх, Аппиан, Светоний и Дион Кассий. Известным дополнением являются произведения поздних авторов, Евтропия, неизвестного автора сочинения «О знаменитых мужах» и особенно — самого подробного из них христианского писателя V в. н.э. Павла Орозия.

О сочинениях Азиния Поллиона практически ничего не известно. Мы знаем только то, что оно было посвящено галльским войнам и содержало немало расхождений с сообщениями Цезаря (Suet. Iul., 56), а следы этого труда можно обнаружить у последующих авторов, как правило, там, где их информация не совпадает с основным источником.

В эпитамах Ливия Цезарь впервые появляется в 103 книге, где рассказывается о процессе Клодия, победе Цезаря в Лузитании, триумвирате и начале галльских кампаний (Liv. Epit., 103). Это не значит, что Цезарь не появляется в более ранних книгах, но, по причине краткости эпитом, сделать какой-либо позитивный вывод представляется невозможным. Интересно и то, что в ряде других общеисторических трудов первое появление Цезаря относится к этим событиям, что означает, что именно с 62–61 гг. он стал считаться

значимой фигурой римской политики. В 104–108 книгах описаны галльские войны, в 109–115 — гражданская война, в 116 книге — события диктатуры. Можно только высказать сожаление, что столь подробный обзор событий (Цезарю посвящено 12 книг) остается за пределами исследования.

Из изложения эпитоматора достаточно трудно извлечь какие-либо оценочные суждения. Это просто краткий пересказ событий. Можно предположить, что основное внимание уделялось военным событиям — пропорция этих частей явно превышает остальные. Описание как галльской, так и гражданской войн в принципе соответствует Цезарю. Можно обратить внимание на некоторые детали. В 103 книге эпитоматор пишет, что Клодий «обесчестил» жену Цезаря, хотя остальные источники указывают, что он смог только проникнуть в дом, а далее сообщает, что Цезарь «притязает на консульство и на захват государственной власти» (Liv. Epit., 103). Быть может, Ливии указывает на то, что консульские выборы 59 г. были чем-то большим, чем просто избирательная компания по выборам высшего магистрата. В 108 книге автор называет незаконными требования Марцелла от отзыва Цезаря в 51 году (Liv. Epit., 108), а события начала 49 г., в общем, излагаются на основе рассказа Цезаря, когда вторжение в Италию рассматривается как ответ на крайнее решение сената (Ibid., 109). Пожалуй, критическую оценку мы находим только в 116 книге: «Сенат назначает ему величайшие почести: прозвище «отец отечества», звание «священного и неприкосновенного», должность пожизненного диктатора. Это возбуждает к нему ненависть... По всем этим причинам против него складывается заговор» (Liv. Epit., 116). В изложении Ливия появляется новый нюанс: именно последние действия Цезаря были направлены на разрыв традиции, что вызвало падение его популярности, а затем и

заговор. Интересно косвенное суждение. Ливии, вероятно, достаточно лояльно отнесся к памяти Помпея, за что, согласно Тациту (Тас. Анн., IV, 34), удостоился от Августа данного ему в шутку прозвища «помпеянец».

Веллей Патеркул впервые упоминает Цезаря в числе знаменитых ораторов, когда речь идет о консульстве Цицерона (63 г.) (Veil., II, 36). Интересно, что подробно описывая речь Катона на заседании сената 5 декабря 63 г., историк не упоминает о речи Цезаря, возможно, не желая упоминать его имя в связи с историей заговора Каталина (Veil., II, 35). Впрочем, позже Веллей возвращается к ранней биографии Цезаря, уделяя внимание его происхождению, истории с Корнелией и проскрипциями Суллы (Veil., II, 41) и особенно — его участию в борьбе с пиратами и плену (Ibid., II, 42-43). Остальная часть его жизни до консульства изложена более кратко: процесс Долабеллы, выборы в великие понтифики, эдилитет, восстановление памятников Мария и защита прав проскрибированных (Ibid., II, 43). Веллей дает восторженную характеристику Цезаря: «Выделявшийся среди граждан внешностью, наделенный неукротимой силой духа, неумеренный в щедротах, вознесшийся духом выше всего человеческого, естественного и вероятного, величию помыслов, стремительностью в военных действиях, выносливостью в опасностях уподоблявшийся Александру Великому, но рассудительному, а не гневливому» (Ibid., II, 41). Героический образ развивается в очень краткой, данной буквально несколькими мазками истории Галльской войны: «Едва ли не любая из девяти летних кампаний Цезаря в полной мере заслуживает триумфа, а под Алезией совершались такие подвиги, на которые едва ли мог решиться человек, а осуществить почти никто, разве лишь бог» (Ibid., II, 47).

Говоря о причинах гражданской войны, автор пытается снять вину с обеих сторон, выдвигая несколько

нестандартную версию, похожую на одно из утверждений Цицерона во II Филиппике, где оратор считал, что война началась из-за... Марка Антония. Здесь появляется иное действующее лицо. Обе стороны были согласны с предложенным Цезарем вариантом обоюдного разоружения, и даже Помпей был готов на это, однако мир был нарушен интригами... народного трибуна Куриона (Ibid., II, 48, 3). Впрочем, и помпеянцы обвиняются в неуступчивости: «Ничто не было упущено Цезарем для сохранения мира, ничто не было принято помпеянами». Только когда все его предложения были отвергнуты, Цезарь перешел Рубикон (Ibid., II, 49, 3-4).

Важнейшую роль в описании гражданской войны Веллей отводит борьбе Цезаря с Помпеем (Ibid., II, 51-52), отдавая должное милосердию Цезаря (Ibid., II, 52, 5). Затем следует подробное описание гибели Помпея (Ibid., II, 53-54) и красочная картина войн в Африке и Испании, которые автор считает самыми тяжелыми эпизодами *bella civilia*. После них снова возрождается политика милосердия, а Цезарь показывает толпе триумфальные шествия и многочисленные зрелища (Ibid., II, 56, 1-2). Веллей возмущен убийством диктатора: «Повторяя, что он предпочитает умереть, нежели внушать страх, Цезарь ожидал милосердия, которое он проявил сам. Из-за собственной опрометчивости он был захвачен врасплох неблагодарными гражданами...» (Ibid., II, 57).

Итак, Веллей полностью на стороне Цезаря. Исходя из концепции принципата как «восстановленной республики» и нового расцвета сверхдержавы, он определяет место Цезаря среди тех выдающихся людей, которые это создали: Цезарь, Август, Тиберий. Две последние фигуры уже начинают заслонять первую, но и для Цезаря находится определенное место. Концепция «восстановленной республики» снимает «вину» за свержение «республиканского строя», поскольку первая является органичным продолжением второго.

Красочное описание галльских (Flor., III, 10) и гражданской (Flor., IV, 2) войн имеется у Флора. Его точка зрения близка к мнению Веллея. Исходя из своей знаменитой «биологической» схемы^[93], которая, в основном, исходила из принципа расширения державы, Флор глубоко позитивно оценивает галльские кампании, считая их величайшей из всех внешних войн, которые вел Рим. Иное дело — война гражданская (Ibid., IV, 2), ставшая величайшей трагедией римского общества. Флор скорее подчеркивает этот трагический аспект, нежели ищет виновного (Ibid., IV, 2, 9). Вспоминается Цицероновская трактовка в речи «За Марцелла», когда гражданская война представляется некоей иррациональной стихией, обрушившейся на римлян. Как и Веллей, он считает центральным эпизодом войну Цезаря и Помпея (Ibid., IV, 2, 35–52) и битву при Фарсале, при этом признавая, что африканская (Ibid., IV, 2, 64–72) и испанская войны (Ibid., IV, 2, 73–87) были гораздо тяжелее предыдущих этапов. «И снова враждующие партии подняли оружие, словно прежде не сражались, а Африка настолько превосходила Фессалию, насколько Испания превзошла Африку» (Flor., IV, 2, 73). Двойственным является его отношение к последнему периоду: «Ведь милосердие первого в государстве человека было побеждено ненавистью, сама возможность получать благодеяния была невыносимо тяжела для свободных людей» (Ibid., IV, 2, 92). «Так тот, кто залил мир кровью сограждан, в конце концов наполнил курию своей собственной кровью» (Ibid., IV, 2, 93).

Итак, позитивный образ Цезаря получил дополнительное звучание. К саллюстиеву образу демократического лидера, освободившего народ от засилия и произвола олигархии, добавляется образ великого полководца (здесь, конечно, у истоков стоит сам Цезарь) и создателя сверхдержавы, предтечи

«восстановленной республики» Августа. Вместе с тем, как показывает «Фарсалия» Лукана, развивается и Цицероновский образ демагога, ставшего тираном и уничтожившего борцов за республику. Пафос Лукана, направленный против Цезаря, усиливался еще и тем, что в нем видели предтечу террористического режима Юлиев — Клавдиев с зверствами сумасшедшего Калигулы и полным развалом Империи при Нероне. Вероятно, еще больше, чем у Цицерона, у Лукана звучит мотив деструктивной силы, которой стал основатель монархии и его преемники. Цицерон мог только предупреждать, Лукан уже констатировал факт и показывал, что из этого получилось. В последующей традиции мы обнаружим самые разнообразные варианты синтеза этих двух идейных течений.

Переходим к двум биографиям Цезаря у Плутарха и Светония. Похоже, что именно Плутарх создал канонический образ знаменитого полководца и политика. Как справедливо заметил С.Л. Утченко, тема Цезаря оказалась затронутой и в других биографиях Плутарха, в жизнеописаниях Красса, Помпея, Катона, Цицерона, Брута, Антония^{362}. Отметим одну характерную деталь — особенностью Плутарха является стремление дать позитивный образ главного героя (зачастую за счет других персонажей), а потому в биографиях Катона и Брута мы увидим менее выигрышные факты, чем те, которые приведены в жизнеописаниях самого Цезаря.

Именно Плутарх создал ассоциацию между Цезарем и Александром, считая обоих величайшими деятелями греческой и римской истории и лучшими из известных ему полководцев. С.Л. Утченко прав и в том, что обе биографии создают образы величайших полководцев и завоевателей, однако, необходимо добавить, что и Александр и Цезарь являются в интерпретации Плутарха, двумя создателями новой цивилизации.

Александр создает единую цивилизацию греческих и восточных народов, тогда как Цезарь был основателем не менее значительной цивилизации единой Римской Империи. Расположение материала достаточно сбалансировано: 14 глав посвящены биографии Цезаря до консульства 59 г. (Plut. Caes., 1-14), 14 — войнам в Галлии (Ibid., 15-28), 5 — началу гражданской войны (Ibid., 29-34), 22 — самой гражданской войне (Ibid., 55-56), 5 — событиям диктатуры (Ibid., 57-61), 8 — заговору (Ibid., 62-69).

В отличие от большинства авторов, Плутарх дает всю биографию Цезаря от рождения до смерти и представляет ее на достаточно широком историческом фоне. Он ставит в центр событий личность, абстрагируясь, насколько это возможно, от исторического контекста. Наконец, это, несомненно, самое «литературное» сочинение о Цезаре, имеющее наиболее совершенную художественную форму и написанное ярким и красочным стилем. Изложение полно ярких эпизодов, и Цезарь Плутарха оказывается не только историческим деятелем, но и героем романа, впрочем, романа не вымышленного, а основанного на исторических фактах.

Последнее во многом определяет изложение. В первой части Плутарх подбирает ряд литературно выигрышных эпизодов: история с пиратами (Ibid., 2), ораторские успехи Цезаря и его образование (Ibid., 3-4), победа на выборах в понтифики и заговор Катилины (Ibid., 7-8), история Клодия и праздника Доброй Богини (Ibid., 9-10). Именно из Плутарха мы узнаем о поведении Цезаря в конфликте с Суллой, в пиратском плену, на процессе Долабеллы, на выборах в великие понтифики, в истории Катилины, в деле Клодия (Ibid., 1, 2, 4, 7-8, 10-11). В этой части Цезарь выступает именно таким, каким его часто воспринимали люди более поздних эпох, видевшие в истории развлекательный роман, а его путь

во власть предстает как острая политическая борьба, приключения, завоевание любви народа и победы на выборах. Несколько за пределами сочинения остается политическая программа, а из чисто политических сюжетов можно отметить, вероятно, лишь реабилитацию памяти Мария и заговор Катилины (Plut. Caes., 6-8). Для Плутарха начальная карьера Цезаря — это не путь популяря (как это было у Саллюстия) или первые шаги демагога и манипулятора (как пытался представить его Цицерон), а вхождение во власть блестящего молодого аристократа, в общем, лишенного каких-либо принципиальных убеждений и наделенного огромным личным честолюбием. Плутарх абсолютизирует форму, принимая ее за содержание. Более полно политическая программа представлена в рассказе о консульстве, хотя здесь автор уделяет особое внимание яркой картине борьбы между Цезарем и оптиматами во главе с Бибулом и Катонном (Plut. Caes., 14).

«Галльская» часть представляет собой изложение событий кампании. Плутарх, в основном, следует за Цезарем, и, если не считать несохранившейся части труда Ливия и малоизвестного широкому читателю Диона Кассия, это, вероятно, самая полная история галльских войн после самих «Записок». История войны — выигрышный момент для любого беллетриста, особенно, античного, а потому здесь преобладает историческое повествование. Оценка Плутарха однозначна — галльские кампании были самыми значительными войнами в римской истории, показавшими превосходство Цезаря над всеми полководцами (Plut. Caes., 15), а основными чертами Цезаря-военачальника были быстрота, личное мужество, выносливость и умеренность, равно как и умение внушить воинам мужество и любовь к полководцу (Ibid., 15-16).

Плутарх подробно рассматривает причины гражданской войны и процесс ее развязывания, показывая агрессивные действия обеих сторон и, в общем, придерживаясь точки зрения об «обоюдной вине» (Ibid., 29–31). Далее он переходит к описанию военных операций, в основном следуя Цезарю. Плутарх окончательно разрабатывает теорию, уже намеченную у Веллея и Флора, но еще отсутствующую у Цицерона и Цезаря. Если Цезарь и Цицерон видят в войне конфликт политических партий и политических принципов, то последующая традиция делает акцент на личном столкновении Цезаря и Помпея, а потому (в отличие от Цезаря), уделив минимальное внимание кампании 49 г. (Plut. Caes., 29–31) и даже последующим кампаниям 47–45 гг., которые подробно описаны продолжателями Цезаря, Плутарх посвящает половину всего изложения истории гражданских войн борьбе двух полководцев и особенно — Фарсальской битве (Ibid., 41–46). На эту, ставшую весьма распространенной традицию распределения материала, могла повлиять и «Фарсалия» Лукана. Фарсальское сражение становится центральным эпизодом войны, причем, Плутарх видит его, прежде всего, через призму личного конфликта Цезаря и Помпея. В истории гражданской войны много выигрышных литературных эпизодов: переход Рубикона, неудачная попытка Цезаря пересечь Адриатическое море на маленькой лодке (возможно, чистый вымысел), атака прмпеянской конницы при Фарсале, самоубийство Катона в Утике, мужество Цезаря при Мунде и, конечно, роман Цезаря с Клеопатрой (Plut. Caes., 32, 35, 38, 45, 54, 56, 48–49).

Вероятно, особый интерес представляет собой последняя часть. Плутарх достаточно кратко останавливается на реформах Цезаря, прежде всего, как и у Александра, отмечая его грандиозные проекты (восточный поход, строительные программы,

восстановление городов) (Ibid., 57-58) и придавая его политике черты мегаломании. Особенно полно описывает Плутарх реформу календаря (Ibid., 59). Тем не менее, главной темой этого периода становится подробное красочное описание заговора против Цезаря, наверное, самое полное в античной литературе со множеством ярких эпизодов и деталей (неблагоприятные знамения, колебания Цезаря, сон Кальпурнии, доносы, паника в Риме, народное восстание против убийц диктатора и роковая судьба последних) (Ibid., 62-69).

Наверное именно в этой части появляются нотки осуждения. Талантливый политик и великий полководец достиг вершины славы и положения и, подобно Александру, начавшему подражать персидским обычаям и вести себя подобно неограниченному монарху, ломая демократические традиции македонян, Цезарь окружил себя непомерными почестями и, возможно, мечтал о царском титуле. В достаточно невыгодном свете подана и история с Луперкалиями (Ibid., 57-61). Плутарх не оправдывает убийство Цезаря, но «понимает» его причины.

Цезарь появляется и в других биографиях Плутарха. В биографии Помпея он появляется с момента создания триумвирата (Plut. Pomp., 57), а затем, после упоминаний о его успехах в Галлии (Ibid., 61, 63, 66, 68), выступает в качестве соперника Помпея. Именно их соперничество находится в центре последующего повествования (Ibid., 60-73), когда Плутарх мастерски показывает постепенное возвышение одного и падение другого, демонстрируя тот духовный крах, к которому приходит Помпей (Ibid., 72-73). На место сложных картин политической борьбы, созданных современниками событий, приходит концепция борьбы двух великих полководцев, каждый из которых претендует на верховную единоличную власть, а республиканцы

присоединяются к Помпею, видя в нем «меньшее зло». Из героя и защитника республики Помпей превращается в «неудавшегося Цезаря», что позднее оказывает влияние и на историографию. Тем не менее, Плутарх явно сочувствует своему герою — великий полководец, победитель Сертория и Митридата, герой пиратской войны и восточного похода, лишившись всего своего могущества, погибает от рук наемных убийц.

В жизнеописании Катона появляется несколько иной образ Цезаря. Это ловкий интриган и манипулятор, проискам которого сопротивляется мужественный, бескомпромиссный и кристально честный герой биографии (Plut. Cato., 22, 27, 31–33, 43, 49, 51). Плутарх останавливается на эпизодах, в которых особенно проявились «манипуляторские» способности Цезаря: его речь по делу катилинариев, претура и поддержка Метелла Непота, создание триумvirата, встреча в Луке. В этой биографии особенно отчетливо выступает вторая линия конфликта в гражданской войне — конфликт между несущим монархическую власть Цезарем и «свободной республикой», защитником и воплощением которой выступает Катон. Значительная часть этой биографии посвящена подробному и красочному описанию пребывания Катона в Утике и его мужественной смерти (Plut. Cato., 58–71). Как и в биографии Помпея, Цезарь предстает достойным противником. Он мстит убийцам Помпея (Plut. Pomp., 80) и сожалеет о гибели Катона, с грустью осознавая, что тот не мог принять пощаду, которую, вне всякого сомнения, даровал бы ему победитель (Plut. Cato., 72).

Другие жизнеописания содержат уже более эпизодические, хотя временами и весьма характерные сведения. В биографии Красса содержится, вероятно, наиболее полный анализ триумvirата как антиоптиматского блока (Plut. Crass., 14), выгодного всем троим, тогда как других частях «Параллельных

биографий» союз — это ловкий ход Цезаря с целью создания собственного могущества (Plut. Caes., 13; Rompr., 47). В биографии Цицерона Цезарь появляется в связи с заседанием сената 5 декабря 63 г. и действиями против оратора, предпринятыми им в 62 г. (Plut. Cic, 22–23), а также — в связи с их позитивными контактами (попытка Цезаря помочь Цицерону в 58 г., их переговоры накануне гражданской войны и последующее примирение после Фарсала) (Plut. Cic, 39). Интересно, что далее Плутарх пишет о деятельности Цицерона после смерти Цезаря, показывает его сложные отношения с Октавианом, заговорщиками, друзьями Цезаря (Гирцием и Пансой), однако не стремится изобразить оратора борцом с Цезарем и «цезаризмом», скорее перенося конфликт с Антонием в личную плоскость (Plut. Cic, 40–41). В биографии Антония достаточно значительная часть посвящена событиям гражданской войны 49–45 гг., возвышению Антония и различным деталям его отношений с Цезарем, дружественных по преимуществу, но не лишенных «подводных камней» (Plut. Ant., 7–14). Очень интересно упоминание о Цезаре в биографии Брута (Plut. Brut., 8–15), когда Плутарх подробно описывает становление заговора и колебания своего героя между общественным долгом перед республикой и личным долгом перед Цезарем (Plut. Brut., 8). Тема развивается и далее, когда автор описывает споры Брута и Кассия и появление призрака Цезаря (Ibid., 29–30, 36–37, 48).

Плутарх дает много исторической информации и, вместе с тем, именно он создает ту самую канву исторического романа, которая оказала, быть может, самое сильное влияние на последующие восприятие Цезаря и его эпохи. Как и в любом романе, в этом немало мифов, и не вся информация может быть достоверна. У Плутарха много философских и этических рассуждений, но не так много исторического анализа, однако именно

Плутарх создает образы главных действующих лиц: победителя германцев и лидера популяров Мария, проявившего свои таланты на поле боя, неуверенно чувствующего себя в политике и склонного к радикализму и жестокостям; безжалостного и циничного диктатора Суллы; главного соперника Цезаря, знаменитого полководца, но неуклюжего и колеблющегося в политике Гнея Помпея; мужественного и несгибаемого Катона, ставшего «рыцарем» римской республики; великого оратора Цицерона и последнего защитника старых республиканских ценностей, Брута.

Создается и образ Цезаря. К образу популяра и правозащитника, ставшего великим полководцем и демократическим монархом, созданному Саллюстием, цицероновскому образу демагога и манипулятора, силой захватившего власть и ставшего тираном, и имиджу одного из создателей сверхдержавы и «восстановленной республики» (Веллей Патеркул, Флор) добавился плутарховский образ «римского Александра», надпартийного лидера и великого полководца, ставшего повелителем Рима. Этот имидж продолжали развивать писатели антониновского времени.

К сожалению, до нас не дошла «Кельтика» Аппиана, вероятно, содержащая описание галльских войн Цезаря (см. App. В.С., II, 17), однако мы располагаем очень полным описанием гражданской войны. Если Плутарх пишет биографию Цезаря, то Аппиан пишет историю события, и именно в этом контексте интересует его Цезарь. Будущий диктатор впервые появляется в повествовании в связи с его речью по делу катилинариев (II, 6), претурой и пропреторством в Испании (II, 8), созданием триумvirата (Ibid.) и консульством (II, 10–14). Аппиан показывает постепенное нагнетание конфликта между Цезарем и Помпеем (Ibid., II, 17, 19, 23, 26–30, 33–34), а затем, уже более подробно, описывает сам ход гражданской войны (Ibid., II, 34–105). Если Плутарх очень

важен для истории войн в Галлии, то Аппиан — самый подробный (после Цезаря, недошедшего Ливия и Диона Кассия) источник по гражданской войне. В заключении содержится гораздо более полный и подробный, чем у Плутарха, обзор реформ диктатора (*Ibid.*, II, 106–111) и подробное описание заговора (*Ibid.*, II, 112–116). Рассказ Аппиана гораздо более историчен, чем повествование Плутарха: здесь меньше эффектных и литературно выигрышных эпизодов (хотя есть и они), личностных характеристик и больше фактов, имен, дат и исторического анализа. К концепции Плутарха Аппиан добавляет исторический подход Саллюстия, Веллея, а отчасти и Цицерона. Это не рассказ о Цезаре, а рассказ о войне, которую вел Цезарь. Особенно интересна концовка 2 книги, где Аппиан дает развернутую сравнительную характеристику Цезаря и Александра (*Ibid.*, II, 149–154).

В самом начале труда Аппиан дает очерк гражданских войн, несомненно лежащий в основе их современной концепции. Эти войны — борьба между сенатом и народом, аристократией и популярами, начавшаяся еще на заре истории республики (*Ibid.*, I, 1) и получившая «второе дыхание» после Гракхов (*Ibid.*, I, 2). Постепенно борьба партий на форуме перешла в настоящую гражданскую войну, пока диктатором не стал Сулла, лидер оптиматов, захвативший единоличную власть и на время установивший порядок в государстве (*Ibid.*, I, 3). После Суллы борьба возобновилась, и теперь победу одержал Цезарь. Победив Помпея, он стал пожизненным диктатором и снова объединил государство. Аппиан, вероятно, впервые сопоставляет двух диктаторов именно в конструктивном плане: с одной стороны, Сулла и Цезарь были лидерами разных партий, оптиматов и популяров, но с другой — Аппиан, все больше и больше сводящий борьбу партий к борьбе личностей, наделяет диктатуры Суллы и Цезаря

близостью задач (*Ibid.*, I, 4). К Цицероновской идее «двух тиранов» прибавилась ставшая очень популярной аппиановская (а, возможно, еще и Ливиева) идея двух правителей, стабилизировавших и реформировавших республику.

Аппиан и Плутарх — наши основные источники по истории 100–60 гг. времени детских, юных и молодых лет Цезаря, предшествующих его выходу на политическую арену. Оба автора как бы дополняют друг друга. Плутарх в биографиях дает яркие образы протагонистов этих событий, Мария и Суллы, а также — Лукулла, Сертория, Помпея, Красса и представляет полные и красочные обзоры внешних войн: войн с Митридатом (*Plut. Sulla*, 11–24; *Luc*, 7–37), парфянского похода Красса (*Plut. Crass*, 17–34), «пиратской войны» Помпея (*Plut. Pomp.*, 24–28) и его восточного похода (*Ibid.*, 31–43). Аппиан, вероятно, посвятивший этим событиям другие труды^[363], напротив, уделяет основное внимание внутриполитической борьбе и собственно гражданским войнам^[94]. Ему принадлежит самый большой по объему и значению обзор истории Союзнической войны (*App. B.C.*, I, 35–54), военных действий в 87 г. (*App. B.C.*, I, 65–70) и гражданской войны 83–82 гг. (*Ibid.*, I, 77–95), относительно которых Плутарх ограничивается лишь отдельными упоминаниями в биографиях Мария и Суллы. Некоторые данные двух авторов дублируют, дополняют, а иногда и противоречат друг другу: движение Апулея Сатурнина, выступление Сульпиция Руфа, диктатура и реформы Суллы, восстание Спартака, заговор Катилины.

Также как и Плутарх, Аппиан приводит немало невыигрышных деталей именно там, где речь идет о событиях 63–59 гг. Так, он подозревает Цезаря в связях с катилинариями (*App. B.C.*, II, 6)^[95], пишет о его огромных долгах и помощи Красса (II, 8), показывает ловкие интриги Цезаря в период консульства, описывает драки

на форуме и дело Веттия (II, 10–11), сообщает о сделке с Клодием (I, 14). Тем не менее, Аппиан несколько меняет свою позицию, когда речь идет о развязывании гражданской войны. Он считает, что к диктатуре стремился не только Цезарь, но и Помпей, который специально поддерживал в обществе состояние анархии (II, 20) и использовал для этого дело Милона (II, 23). С 52 г. Помпей начинает постепенно раскручивать антицезарианскую кампанию, но с 51 г. Цезарь также готовится к силовому варианту, пока еще поддерживая мирное равновесие при помощи взяток и других аналогичных действий (II, 25–27). Подробно описывая выступления Куриона, Аппиан подчеркивает, что большая часть сената и большинство населения предпочитало разоружение обоих полководцев (II, 28–30), однако войну развязали обе стороны — Помпей начал набор войск, а Цезарь перешел Рубикон (II, 32–33). «Теория обоюдной вины», которую также разделяли Плутарх и Дион Кассий, приходит на смену взаимным обвинениям.

В рассказе Аппиана о гражданской войне встречается ряд особенностей, которые уже были отмечены у Веллея Патеркула, Флора и Плутарха. Так, центральное место в описании событий гражданской войны занимает рассказ о кампании 48 г. в Греции в битве при Фарсале. Остальные события 49–48 гг. описаны достаточно кратко: это италийская кампания (II, 36–40), военные действия в Испании в 49 г. (II, 42–43), поражение Куриона в Африке (II, 44–46), неудача Гая Антония в Иллирике (II, 47–48) и мятеж легионов Цезаря (Ibid.).

Несколько более подробно Аппиан пишет о последних годах войны. Он подробно рассказывает о гибели Помпея (рассказ, как и все вышеупомянутые разделы в основном совпадает с рассказом Цезаря) (II, 83–86) и его преследовании Цезарем (II, 88–89).

Собственно войне в Александрии посвящена всего лишь одна глава (II, 90), причем, половина ее содержит описание плавания Цезаря и Клеопатры по Нилу. 4 главы содержат рассказ о войне с Фарнаком (II, 91-95), 6 глав — о войне в Африке (II, 96-101) и 3 о войне в Испании (II, 103-105). Расхождений с Цезарем практически нет, а дополнения связаны с занимающими достаточно большое место романтическими деталями: плавание с Клеопатрой по Нилу (II, 90), некоторые подробности переговоров с Фарнаком (II, 91), рассказ о мятеже легионов (II, 93) и, наконец, описание гибели Катона, которому посвящено около половины «африканского» рассказа. Можно сказать, что, по большому счету, Аппиан следует рассказу Цезаря, иногда путая отдельные детали и, подобно Плутарху, добавляя романтические подробности.

Те же закономерности можно обнаружить на примере центрального эпизода, кампании в Греции. В этой части появляются несколько речей (App. В.С., II, 50-61, 55, 73-74), а основная часть кампании и особенно — события военных действий при Диррахии, излагаются также в соответствии с рассказом Цезаря (II, 49-67). Впрочем, центром повествования, несомненно, является сражение при Фарсале, представленное как грандиозная «битва народов» (II, 70-83). Красочно описывая ход сражения, Аппиан долго рассуждает о противоестественности этой бессмысленной и незаконной войны. Как и для Плутарха, в центре событий находится борьба двух великих полководцев, Цезаря и Помпея, однако на заднем плане все же присутствует концепция партийной борьбы. Теперь обе партии, «сенатская» и «народная» выступают как носители единоличной власти.

Рассказ о реформах Цезаря, его диктатуре и последних днях жизни весьма близок к рассказу Плутарха. Особое внимание Аппиан обращает на

почести, оказываемые Цезарю, и протестах общества (центральной сценой является подробно описываемый эпизод с Луперкалиями) (II, 106-109), а также — на грандиозные планы диктатора (II, 110), хотя, естественно главной частью этого раздела служит обстоятельный рассказ о заговоре и убийстве (II, 111-118). Отношение Аппиана сугубо негативное. Это «злодеяние, совершенное в священном месте и над особой священной и неприкосновенной» (II, 118). Цезарь принес Риму огромную пользу, а его убийство, напротив, привело к новой эскалации бессмысленных и жестоких войн и бедствий (III, 1).

Тема Цезаря завершается сопоставлением Цезаря и Александра. «Счастливейший человек во всех отношениях, гениальный, широкого размаха, справедливо сопоставляемый с Александром. Оба были весьма честолюбивы, воинственны, быстры в проведении своих решений, отважны в опасностях, не щадили своего здоровья и не столько полагались на стратегию, сколько на решимость и счастье» (II, 149). Сопоставление достаточно разнопланово^{364}. Поход Александра и его сражения сопоставляются с войнами Цезаря, а сами Цезарь и Александр считаются лучшими и непобедимыми полководцами (II, 150). Оба были невероятно любимы солдатами, отличались красотой внешности и происхождением. «Будучи крайне честолюбивыми в борьбе с упорствующими противниками, они быстро мирились и прощали пленных, а после прощения проявляли себя как благодетели, стремились лишь к одной цели — одержать победу» (Ibid., II, 151). Оба не были суеверны и проявляли интерес к наукам. Наконец, Аппиан обнаруживает интересную параллель в судьбе их врагов. «С Цезарем случилось, что никто из участников покушения на него не спасся бегством, и все они были

наказаны сыном его, точно также как Александром были наказаны убийцы Филиппа» (Ibid., II, 154).

Несколько иной тип сочинения представляет собой биография Цезаря у Светония Транквилла. Если Плутарх создает историко-психологический портрет, в общем, остающийся в рамках исторического контекста, то в биографии Светония личность взята еще более изолированно, а материал разбит на множество разнообразных рубрик. Светония еще больше, чем Плутарха, интересуется мелкие детали, причем, зачастую — скандального характера.

Первые 44 главы — это достаточно традиционная биография Цезаря, после чего начинается перечень его качеств и особенностей личности. Светоний описывает внешность, одежду и жилище Цезаря, его любовь к дорогим красивым вещам и драгоценным камням, поддержание в доме строгого порядка (Suet. Iul., 45–8). После истории с Никомедом, которую не может пропустить «скандальная хроника» Светония, автор подробно перечисляет связи Цезаря с различными женщинами (Ibid., 50–52), а затем переходит к личным качествам и чертам характера. Специально отмечены его умеренность в еде и питье, честолюбие в больших делах (Ibid., 53–54), красноречие и литературные занятия (Ibid., 55–56), качества полководца (быстрота, осторожность, прекрасное владение оружием и поведение во время сражений) (Ibid., 57–62), его поведение по отношению к солдатам (Ibid., 63–70) и отношение к друзьям и врагам (Ibid., 71–75). Светоний заканчивает последними годами жизни диктатора, его политикой *dementia* и рассказом о «непомерных» почестях, последних реформах и истории заговора (Ibid., 76–89).

Из биографии Светония достаточно трудно понять, что речь идет о выдающемся полководце. Она скорее выдержана в духе Цицерона, а Цезарь предстает перед

нами ловким интриганом и авантюристом, постоянно идущим к неограниченной власти. Много места уделено молодости Цезаря, причем, Светоний приводит множество малоизвестных деталей. Биография предстает как полоса разнообразных интриг: получение прощения Суллы (Suet. Iul., 1), история с Никомедом (Ibid., 2), интриги с Лепидом и восстановлением трибуната (Ibid., 3, 5), опасные поездки в мятежные латинские колонии (Ibid., 8), попытка аннексии Египта (Ibid., 10), дело Рабирия (Ibid., 12), связи с катилинариями и союз с Метеллом Непотом (Ibid., 13-17). Подробно освещена история консульства (Ibid., 19-21), а относительно событий 58-51 гг. Светоний пишет, что Цезарь ставил на консульские места нужных ему людей, а затем объединил триумвиров после встречи в Луке (Ibid., 23-24). Если собственно завоеванию Галлии посвящается чуть более одной главы (Ibid., 24, 3-25), то описание всевозможных интриг следует постоянно. Цезарь пытается стать коллегой Помпея (Ibid., 26), подкупает солдат и влиятельных сенаторов и политиков в Риме (Ibid., 27), строит матримониальные союзы с Помпеем, привлекает на свою сторону римскую «золотую молодежь» и вассальных правителей (Ibid., 27-28). Всевозможными хитростями он старается сорвать направленные против него постановления (Ibid., 29) и постоянно шантажирует войной (Ibid., 30). Именно Цезарь развязал гражданскую войну, испытывая нехватку денег и стремясь уйти от ответственности за многочисленные допущенные им нарушения и, вместе с тем, желая, чтобы его власть была неограниченной (Ibid.). Если Плутарх пишет о стремлении Цезаря к царской власти только в конце биографии, то у Светония этот лейтмотив фигурирует с самого начала. Уже Сулла произносит фразу о «многих Мариях» (Ibid., 1), а в речи на похоронах своей тетки Юлии Цезарь открыто и подробно говорит о своем царском происхождении (Ibid.,

6). Приводит Светоний и фразу Цезаря об Александре (Ibid., 7), и цитату о царской власти из Еврипида (Ibid., 30).

Рассказ о собственно гражданской войне относительно краток (Ibid., 31–36), гораздо более подробен рассказ о реформах Цезаря, даже превышавший по содержательности соответствующие разделы Плутарха и Аппиана (Ibid., 37–44) и написанный с явным сочувствием к герою произведения. Автор уделяет внимание и знаменитой *dementia Caesaris* (Ibid., 67, 75). Тем не менее, Светоний оправдывает убийство Цезаря: он подробно перечисляет всевозможные почести, оказываемые диктатору (Ibid., 76), его бесконтрольные авторитарные решения и циничные высказывания (Ibid., 76–77), равно как и проявления неуважения к республиканским традициям (Ibid., 78–79). Наконец, автор считает, что Цезарь действительно хотел получить царскую власть (Ibid., 79, 2).

Много негативной информации содержится и в описательной части. Светоний обвиняет Цезаря в грабежах и получении крупных взяток (Ibid., 54), любви к роскоши (Ibid., 46), регулярно повторяет позорящую историю о связи с Никомедом (Ibid., 2, 49).

Нельзя сказать, что биография написана только черными красками. Светоний приводит немало позитивных сведений и характеристик. Цезарь умерен в еде и не подвержен пьянству (Ibid., 53), он — талантливый оратор (Ibid., 55–56). Немало сказано о его мужестве в сражениях (Ibid., 60, 62, 69–70), умении держать в повиновении армию (Ibid., 63, 67), преданности ему солдат и офицеров (Ibid., 68). Много говорится о проявлениях преданности друзьям (Ibid., 72), мягкости и нежелании иметь врагов (Ibid., 73–74) и, наконец, о политике милосердия (Ibid., 75).

Итак, образ Цезаря у Светония достаточно сложен. Его личность не лишена привлекательности, а политика

— конструктивности, он лишен жестокости, хотя и достаточно авторитарен, и его едва ли можно считать тираном. Цезарь Светония предстает перед нами (как и в изображении Цицерона) ловким честолюбивым манипулятором, использующим все способы для захвата власти, личного обогащения и получения невероятных почестей. Сначала это интриги и подкуп, а затем и собственно силовой захват, целью которых была почти исключительно личная власть и деньги. Вместе с тем, этот образ лишен той зловещей окраски, которую придают ему Цицерон и Лукан, скорее это карикатура, которую в XX веке повторил Бертольд Брехт.

Наконец, Дион Кассий, в «Истории» которого дана, вероятно, самая подробная из дошедших до нас история Цезаря. К сожалению, из-за состояния сочинения Диона, мы можем начать обзор его труда только начиная с 37 книги, где речь идет о событиях 63–60 гг. Далее изложение становится более подробным, а текст дошел до нас практически в полной сохранности. События 50-х гг. освещены в книгах 37–40, в 49–44 гг. — в книгах 40–44. Изложение очень равномерное и основательное, по степени фактичности, объективности и тщательности сопоставимое с изложением самого Цезаря.

Подробно разбирая дело Рабирия, Дион Кассий, видимо, считает его невиновным (Dio., 37, 26–27). Он сообщает о выступлении Цезаря на заседании сената 5 декабря 63 г. (Dio., 37, 36) и придает большое значение его победе на выборах в великие понтифики (Ibid., 37, 37). Здесь же упоминается попытка Цезаря обвинить Катутула в воровстве средств на строительство храма Юпитера Капитолийского (Ibid.) и истории с Клодием, праздником Доброй Богини и разводом Цезаря с Помпеей (Ibid., 37, 45). Книга заканчивается победами Цезаря в Испании и созданием триумвирата, который Дион Кассий считает захватом власти (Ibid., 37, 52–53).

Изложение этих событий близко к изложению Аппиана, хотя тон осуждения Цезаря несколько мягче.

Примерно такая же неблагоприятная картина сохраняется при описании событий консульства. Дион Кассий более основательно, чем другие авторы, передает суть реформ Цезаря (Dio., 38, 1, 7) и подробно и объективно описывает борьбу вокруг этих предложений (Ibid., 38, 2-6), скорее сочувствуя оптиматам и считая, что Цезарь слишком угождает толпе, использует насилие и правит в городе единолично (Ibid., 38, 1, 6, 8).

Картина галльских войн является весьма подробной и мало отличается от традиционной картины, представленной «Записками» Цезаря. В 38 книге описана кампания 58 г. против гельветов и Ариовиста (Ibid., 38, 31-50), более кратко изложены события бельгской кампании 57 г. (Ibid., 39, 1-5) и кампании 56-54 гг. в Галлии, Германии и Британии (Ibid., 39, 40-53). Похоже, что особый интерес автора вызывают британские кампании (Ibid., 40, 1-11), и даже Великое галльское восстание 52 г. освещается менее подробно (Ibid., 40, 31-44). Такое смещение акцентов, вероятно, не случайно. К III в. н.э., Галлия давно стала интегральной частью римской державы и представление о войнах с галлами было не очень понятно читателям. Напротив, германцы и северные бритты оставались серьезными врагом, и римская историография уже могла представить Цезаря не только защитником Рима от варваров, но и защитником цивилизованных галлов от германцев.

Дион Кассий показывает рост влияния Цезаря в ходе галльских войн и превращение его в лидера высшего ранга (Dio., 40, 25-26) и достаточно кратко описывает начало конфликта Цезаря и Помпея, скорее сочувствуя первому и считая разумным предложение Куриона и другие предложения Цезаря (Dio., 40, 60).

Рассказ Диона Кассия о начале гражданской войны очень похож на рассказ Цезаря (Dio., 41, 1-5). Дион также уделяет достаточно большое внимание событиям января — марта 49 г., рисуя ту же самую бескровную победу (Ibid., 41, 6-15). Он следует Цезарю и далее, сообщая о его пребывании в Риме и занятию Сицилии и Сардинии (Ibid., 41, 16-8), а затем следует традиции Аппиана, уделяя лишь беглое внимание испанской кампании (Ibid., 41, 20-24) и подчеркивая политику милосердия. Дион Кассий упоминает и поражения легатов Цезаря, Долабеллы и Гая Антония в Далмации и Куриона в Африке (Ibid., 41, 40-2). Вместе с тем, Дион Кассий уделяет много внимания невоенным событиям. Кроме проявления политики милосердия, он подробно описывает мероприятия Цезаря во время его первой, небольшой диктатуры (Ibid., 41, 36-38), делая акцент на его финансовых мероприятиях и рассказывая о подавлении мятежа 9 легиона в Плацентой. Историк приводит явно сочиненную им самим речь Цезаря, в которой тот говорит, что воины пришли не грабить и убивать, а бороться с несправедливостью и подчиняться законам (Dio., 41, 27-35).

Центральным событием гражданской войны по-прежнему остается Фарсальская битва. Автор достаточно кратко останавливается на предшествующих событиях (Dio., 41, 44-53), более полно выразив свои взгляды именно в связи с этим решающим столкновением. Это столкновение между двумя равными полководцами, стремившимися к власти и славе (Ibid., 41, 53, 56), речь шла не о республике и монархии, а о том, кто будет править.

Вероятно, желая усилить романтическую традицию, Дион Кассий подробно останавливается на египетской кампании. Он рассказывает о бегстве Помпея (Ibid., 42, 1-5), погоне за ним Цезаря (Ibid., 42, 6-9), его встрече с Клеопатрой и самой войне (Ibid., 42, 34-44), причиной

которой автор, естественно, считает египетскую царицу (Ibid., 42, 35–36), Вместе с тем, как и автор «Александрийской войны», Дион Кассий дает широкую панораму событий во всей римской державе (Иллирик, Греция, Понт, Испания) (Ibid., 42, 9–16) и, в отличие от этого автора, очень детально останавливается на политических событиях в Риме (Ibid., 42, 17–33), включая смуты вокруг долгового вопроса.

Описания африканской (Ibid., 43, 1–14) и испанской войн (Ibid., 43, 30–40) достаточно полны и фактичны, но, вероятно, особенностью описания Диона Кассия является подробнейший обзор реформ, причем, автор останавливается не на почестях или личной власти, и даже не на политике милосердия (ее манифест — речь Цезаря — Dio., 43, 15–18), а на конструктивных преобразованиях (Ibid., 43, 22–7; 41–50), Наконец, очень подробен рассказ о заговоре, вызывающем возмущение автора (Ibid., 40, 10–19), а в речи Антония формулируется общая оценка Цезаря, когда оратор особенно подчеркивает его военные успехи (Ibid., 44, 40–43, 46), освобождение Италии от Помпея (Ibid., 44, 44) и, прежде всего, его милосердие и стремление к согласию (Ibid., 45, 47–48).

Вероятно, особенностью Диона Кассия является его разносторонность и обстоятельность, большое число фактов и, вместе с тем, как и у других авторов, стремление дать историческое событие в романтическом ракурсе. Он не пишет биографию, как это делают Плутарх и Светоний, это и не история войны, как у Аппиана. Сочинение Диона Кассия посвящено истории Рима, равноправными частями которой являются и республика и Империя. Переход от республики к Империи не воспринимается как трагедия — это скорее — важный прогрессивный этап эволюции. Особенностью Диона Кассия является интерес к конструктивной преобразовательной деятельности Цезаря, который

(также как и Август) является создателем новой римской истории. В отличие от Аппиана и даже Плутарха, Светоний и Дион Кассий считает Цезаря не концом старой, а началом новой эпохи.

Итак, образы Цезаря, которые позже перейдут в историографию, создаются уже в античной традиции. Собственно говоря, образ великого полководца создал сам Цезарь. Этот образ, похоже, остался самым бесспорным и самым устойчивым, и, по крайней мере, античное общество ставило военные достижения выше любых других. Саллюстий стоит у истоков образа «демократического монарха», народного лидера, борющегося за права простых людей и свергнувшего ненавистное господство олигархии. Для Цицерона Цезарь был ловким демагогом и честолюбцем, любой ценой стремившимся получить власть, инициатором военного путча, развязавшим междоусобную бойню, приведшую к свержению республики и порабощению собственного народа. Этот образ развивает Светоний, однако для последнего это не зловещая тень, нависшая над гибнущей республикой, а ловкий интриган, всеми правдами и неправдами достигший верховной власти, но вызывающий скорее не ужас, а смех. Для Плутарха Цезарь — талантливый, блистательный герой, намного превосходящий окружающих, «римский Александр» и покоритель мира. Для Аппиана он — выдающийся полководец и политик, спасший общество от тяжелого и губительного кризиса и покончивший с отжившей системой республики, тогда как Дион Кассий видит в нем конструктивного реформатора и строителя нового мира, который продолжал создавать Август. «Народный лидер», «тиран», «манипулятор», «герой-спаситель», «разрушитель старого», «создатель нового общества» — вот те основные линии, по которым пойдут последующие оценки. Так что же первично? Сложный путь лидера популяров, вынужденные интриги периода вхождения

во власть, блестящие победы в Галлии, гражданская война, свержение республики, «политика милосердия», великие реформы конца правления? Мы увидим много вариантов ответа на эти вопросы.

Информация поздних авторов не столь велика. У Евтропия Цезарь появляется в связи с консульством и галльскими войнами, которым автор уделил всего одну главу (Eutr., VI, 17). Примечательно, что Евтропий делает акцент на войнах с германцами и бриттами, не упоминая даже о восстании Верцингеторикса. Гораздо больше внимания уделено гражданской войне, «которая должна быть предана проклятью и полная слез, когда, кроме бедствий, которые случились в сражениях, изменилась даже судьба римского народа» (Eutr., VI, 19). Виновником войны автор считает Цезаря (Ibid.). Мельком коснувшись событий Италии и Испании, Евтропий концентрирует внимание на Фарсальской битве (Ibid., VI, 20–21). «Никогда доселе римские войска не собирались в одном месте ни в большем числе, ни с лучшими полководцами; войска, которые легко могли бы покорить весь земной круг, если бы их повели против варваров» (Ibid., 21). XXII глава посвящена Александрийской войне и победе над Фарнаком, XXIII — африканской войне, XXIV — войне в Испании. После этого Цезарь вернулся в Рим и «начал вести себя более высокомерно и вопреки обычаям римской свободы, когда, таким образом, и почести, которые ранее давались народом, брал по собственному усмотрению... и другое совершал по-царски и почти по-тиранически» (Ibid., 25), а потому стал жертвой заговора. Подобно Светонию и Диону Кассию, Евтропий придерживается проавгустовской традиции.

В короткой биографии Цезаря у неизвестного автора сочинения «De viris illustrious» перечислены события молодости Цезаря, его пребывание в Азии и Вифинии, процесс Долабеллы и история с пиратами. После этого автор кратко упоминает о войнах в Галлии и

перечисляет победы в гражданской войне (Фарсал, Александрия, Тапс, Мунда). В конце говорится о политике милосердия, становлении постоянным диктатором и заговоре. Автор пытается взять все самое «интересное» для античного читателя: образ романтического героя сочетается с образом великого полководца.

Наиболее оригинальный и полный образ, относящийся к этому времени, принадлежит перу Павла Орозия. В рассказе о галльских войнах он (по собственному заявлению) намеревается следовать Светонию, но, по справедливому мнению комментаторов, это фактическая ошибка. На самом деле, автор следует самому Цезарю.

В рассказе христианского писателя много неточностей. Описывая события 58–57 гг., Орозий сообщает о двух сражениях с гельветами, тогда как на самом деле было только одно, причем, Цезарь громит их на берегу Родана (*Ibid.*, VI, 7), в описании войны с германцами немало деталей, характерных для войн IV в. (*Ibid.*, VI, 8), а, рассказывая о походе против бельгов, автор с некоторыми ошибками воспроизводит перечень племен и их контингентов, приведенный Цезарем (*Ibid.*, VI, 7, 11–15). В заключение он сообщает о разгроме галлов в сражении, чего на самом деле не было.

Примечательно, что Орозий очень подробно описывает малые кампании Цезаря, подчас уделяя им большее внимание, чем крупным, хорошо известным операциям. Можно сравнить, например, описание событий 56 г. (VI, 8), восстания Амбиорикса (VI, 10) или кампании 51 г. (особенно — осады Укосселодуна) (VI, 11, 12–28) с одной стороны, и разгрома германцев в 55 г. (VI, 8, 23), перехода Рейна (VI, 9, 1), британских походов (VI, 9, 4–8) и даже восстания Верцингеторикса (VI, 11, 1–11) — с другой. Возможно, Орозий просто не хотел повторять общеизвестные факты, но не исключено, что

определенную роль сыграли конкретные реалии V в., когда в Галлии снова шли крупномасштабные военные действия, римляне были обороняющейся стороной, а на территории страны хозяйничали германские племена.

Быть может, впервые в античной историографии была высказана особая точка зрения на галльские войны. Если освещение гражданской войны отмечено плюрализмом мнений и оценок, то войны в Галлии описывались только с позиций римлян. Точка зрения борющихся с Цезарем галлов отсутствует полностью, и Орозий отчасти становится на эту позицию. «Хотел бы я сейчас открыть (вашему) взору обескровленную и истерзанную Галлию и показать, как чувствует она себя после тех ужасных лихорадок и внутреннего жара, испепелившего лучшие ее жизненные силы, насколько она иссохла и сколь бледна, как лежит она брошенная и ослабленная, как боится шелохнуться, дабы не вызвать тем самым очередного наплыва несчастий» (Ibid. VI, 12, 2). Римское войско вторгается в Галлию как язва в тело, а Галлия дает «клятву в вечном рабстве» (Ibid., VI, 12, 4).

Гражданская война именуется «отвратительнейшей», и Орозий, желая усилить эффект, знаменует ее начало страшным пожаром, во время которого сгорело 14 кварталов (факт чисто вымышленный и, вероятно, навеянный пожаром при Нероне) (Ibid., VI, 14, 4). Первую часть войны Орозий излагает в соответствии с Цезарем (переход Рубикона, занятие Италии, испанская кампания, поражение Куриона и Гая Антония) (Ibid., VI, 15, 3–10). Он пишет, что Цезарь захватил в Риме казну (Ibid., VI, 15, 5). Как и у многих других авторов, центральное место в рассказе о *bellum civile* занимает описание Фарсальского сражения (Ibid., VI, 15, 23–28). Здесь можно увидеть ставшее уже традиционным осознание трагедии междоусобной войны: «Можно было видеть и оплакивать то, что застыли на Фарсальских полях сошедшиеся на взаимное

истребление силы римлян, перед которыми, если бы у них царило согласие, не смогли бы устоять никакие народы и никакие цари» (Ibid., VI, 15, 24).

Относительно подробно описана война в Александрии (Ibid., 15, 29-33; 16, 1-2), причем, Орозий, единственным из авторов подробно описывает пожар Александрийской библиотеки (Ibid., VI, 15, 31-32). Достаточно кратко описаны африканская и испанская войны (Ibid., VI, 16, 3-7). О дальнейшем сообщается еще более кратко. Прибыв в Рим, Цезарь устроил все дела «вопреки обычаю предков», после чего произошел заговор (Ibid., VI, 17, 1-3).

Наверное, особенно интересны общие взгляды Орозия. Конечно, писатель-христианин, который стремился показать историю языческого Рима как цепь преступлений, не может не включить в него и критику Цезаря, с другой стороны, будучи серьезным историком, он следует именно традиции последнего. Негативным является не отношение лично к Цезарю, а отношение к Цезарю как к представителю ненавистного, жестокого и кровавого языческого Рима.

Заключение Орозия демонстрирует и весьма необычное понимание истории Цезаря. В гражданских войнах Орозий видит божью кару и угрозу для существования людей. «Наполнил Рим просторы власти своими бедами и оглянувшись на собственную кровь, отмстил каждому народу по отдельности, там же, где и покорил его» (Oros., VI, 17, 4). Высокомерие — это причина гражданских войн, а окончание войн привело народ к смирению. Только когда люди научились жить в смирении, мог появиться Иисус Христос (Oros., VI, 17, 9). Цезарь, Август и созданная ими Империя установили тот самый мир, в который пришел Иисус. «Позже, в наше время, на исходе 42 года правления первого из всех императоров, Августа Цезаря, хотя и отец его Цезарь выступал скорее предвестником императорской власти,

нежели императором, — был рожден Христос» (Ibid., VII, 2, 14). В отличие от многих других авторов, Орозий не делает акцент на *dementia Caesaris*, милосердие — это качество христиан. Впрочем, вслед за Орозием, позволим задать этот вопрос, столь ли случайными являются все эти совпадения?

**Глава XIV.
ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ
(НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ)**

1. Создатель империи или гениальный неудачник? (западная историография от эпохи Возрождения до начала 20 века)

Обзор историографии вполне уместно начать с очень удачной характеристики С.Л. Утченко: «Поистине каждая эпоха знала своего Цезаря. Для той эпохи, когда вдруг проснулся страстный и восторженный интерес к античности, для эпохи Возрождения, Цезарь не стал еще любимым героем. Данте изображает своим руководителем Вергилия, Петрарка преклоняется перед Цицероном и оживленно беседует с ним, как с современником. Не блеск и победы римского оружия, не мощь и сложная организационная структура империи отвечали духовным запросам того времени, но диалоги Платона, резец Праксителя, ораторское искусство Демосфена и Цицерона и, наконец, нечто не очень ярко определяемое, но всем близкое и понятное, что последователи Петрарки, Колуччо Салютатти и Леонардо Бруни впервые обозначили заимствованным у того же Цицерона словом *humanitas*»^{365}.

Ренессанс установил приоритеты, оказавшие влияние на последующее развитие историографии. Был четко установлен приоритет интереса к античной культуре над интересом к экономике, политике, государственности и другим сферам жизни древнего мира. Это означало появление особого интереса к Цицерону и гораздо меньшего — к Цезарю и Августу. Цицерон и его творчество стали символом римской культуры, а другие писатели, включая Цезаря и Саллюстия, превращаются во «второстепенных» авторов цicerоновской эпохи. Другой знаковой фигурой стал

Плутарх, и уже Ф. Петрарка (1304–1374) пишет сочинение «О знаменитых мужах», стилизованное под плутарховы биографии. В числе его персонажей был и Цезарь. Победа культурного «цицеронианства» неизбежно должна была привести и к его победе в области политических оценок, а традиция Плутарха стала преобладать над традицией других авторов.

Суть была не только в именах, но и в изменении ценностных подходов. Средневековая историография еще продолжала сохранять античную традицию рассмотрения истории как эволюции Империй, что стимулировало интерес к самой большой из них, Римской. Вместе с тем начиная с Августина и Павла Орозия, а еще ранее — с Евсевия Кесарийского, история начинает делиться на две части, дохристианскую и христианскую, причем, первая окрашивается по преимуществу в темные, а вторая — в светлые тона. Цезарь очевидно попадал в первую, непосредственной связи с христианством в его биографии не прослеживается, а потому он оказался вне системы ценностей христианских писателей.

Возрождение было процессом секуляризации и гуманизации культуры; с другой стороны, Италия 13–15 вв. представляла собой мир маленьких государств с республиканскими традициями, тогда как монархия приобретала образ врага, как в виде местных тираний, так и в виде осуществлявших экспансию внешних сил (французская или испанская монархия). Востребованными оказались и республиканские политические взгляды, а потому Цицерон, Катон и Брут вызывали все большие и большие симпатий. Так, уже Ф. Бьондо (1392–1463) критиковал Цезаря за «удушение республики», считая, что этот переворот, равно как и божья кара за преступления языческого Рима, стали причинами гибели Римского государства. Будучи гуманистом и, вместе с тем, пребывая на посту

секретаря папской канцелярии, Бьондо соединил новые взгляды Ренессанса с традиционной христианской концепцией.

Н. Макиавелли считал государственное устройство Римской республики идеальным и разделял взгляды Цицерона о «смешанном строе». Именно у него эта теория приобретает новое, современное звучание. Процесс политической борьбы Макиавелли считал естественным — это был механизм изменения учреждений и исправления недостатков, а народные трибуны, бывшие защитниками прав и свобод народа, одновременно защищали и государство, удерживая народ в подчинении сенату. Рим усиливался еще и потому, что делал побежденных своими гражданами, не замыкаясь в рамках традиционного коллектива. Республика стала жертвой собственных противоречий, аграрных конфликтов, начавшихся со времен Гракхов, и роста власти провинциальных наместников и крупных военачальников.

Взгляды Н. Макиавелли, вероятно, стоят у истоков теории современного демократического общества и, вместе с тем, у истоков мифа о римской республике, которую пытались сблизить как с республиками эпохи Ренессанса, так и с демократиями более позднего периода. Вместе с тем Н. Макиавелли явно приписывал Риму некоторые черты, которых тот не имел. Он преувеличивал демократический потенциал этого общества, а потому считал борьбу знати и народа естественным регулятором жизни свободного общества, тогда как римская олигархия, напротив, стремилась к полному подавлению всех государственных институтов и установлению над ними своего неограниченного контроля, что придавало конфликтам не конструктивный, а кровавый и деструктивный характер. Идеалом сулланской олигархии был не диалог с оппозицией, а ее полное уничтожение и подавление.

Разбирая взгляды итальянского мыслителя, Э. Линтотт^{366} указывает, что, в отличие от него, Полибий видел силу республики в ее единстве и отсутствии конфликтов, что свидетельствует об отличии римской модели от моделей поздних европейских демократий^{367}.

Впрочем, в другом сочинении, «Государь», Н. Макиавелли, напротив, демонстрирует конструктивность единоличной власти. В историю вошло и понятие «макиавеллизма», в свою очередь приведшее к частому отождествлению сильной власти с беспринципностью, жестокостью и насилием. Н. Макиавелли понимал действия «государя» скорее в позитивном смысле, общечеловеческая мораль переосмыслила его в негативном ракурсе.

Темы Цезаря коснулся еще один великий деятель Возрождения, на сей раз английского. В своем «Юлии Цезаре» У. Шекспир показал последние месяцы знаменитого диктатора, создав образ старого, больного, усталого, нервного, подозрительного правителя, подверженного всем человеческим слабостям. Это было не очернение, а скорее — развенчание Цезаря, и устами Кассия Шекспир выражает изумление, что такой человек может управлять огромной державой и мечтать о мировом господстве. Собственно говоря, Цезарь погибает еще во втором акте, а подлинным героем трагедии является Брут, сделавший выбор между личным долгом и благом государства, мужественно сражавшийся за свои убеждения и заслуживший уважение даже у своих врагов. Шекспир следует Плутарху, его персонажами становятся энергичный и эмоциональный Марк Антоний, холодный, хитрый и расчетливый Октавиан, «бездарный» Лепид, благородная Порция. Он же продолжает намеченную Плутархом антитезу двух республиканских лидеров, расчетливого, думавшего о личной выгоде Кассия и

кристально честного борца за идею, Брута, не допускающего что-либо противоречащее чистоте идеи свободы. Возможно, название «Юлий Цезарь» было вызвано тем, что в елизаветинской Англии выход драмы, где в заголовке стояло бы имя Брута, было невозможно по цензурным соображениям.

Наконец, взгляды, достаточно близкие к мнению Н. Макиавелли, высказывает Ш. Монтескье. В трактате «О величии и падении римлян» французский мыслитель также склонен идеализировать республику, особенно — ее ранний период и эпоху расцвета. Упадок начался с ростом численности граждан, которые составляли уже разделенное сообщество, не все члены которого были привержены традиционным римским ценностям. Создание и рост Империи, неравенство бедных и богатых привели к разрушению традиционных добродетелей, а приверженность солдат своим генералам — к свержению республиканского строя. Впрочем, Ш. Монтескье не видел выход из кризиса ни в деятельности Цезаря, ни в последующей империи, считая ее историю эпохой упадка. Если Н. Макиавелли стоит у истоков «мифа о республике», то Ш. Монтескье находится у истоков теорий ее падения, вызванного завоеваниями, кризисом римских ценностей и военными переворотами.

Эпоха абсолютных монархий 17–18 вв. вызвала особый интерес к Цезарю, которого начинают считать величайшим правителем в истории Рима и основателем системы абсолютной монархии, продолжателями которой стали выступать и сами современные правители. С другой стороны, эпоха Просвещения усилила интерес к экономическому развитию и техническому прогрессу, а централизация европейских держав демонстрировала свое очевидное превосходство перед феодальной раздробленностью. Наоборот, революционная историография, особенно в эпоху

Великой Французской революции, снова подняла на щит Катона, Цицерона и Брута и третировала Цезаря как основателя тирании.

При всей исторической закономерности подобного подхода, он вел к любопытному парадоксу. Застойные абсолютные монархии с их сословным делением общества, крепостным правом, всесилием религии, королевской власти и бюрократии равнялись на Цезаря, бывшего одним из самых смелых и оригинальных реформаторов в истории человечества и способствовавшего прогрессу прав человека. С другой стороны, преобразующие и освобождающие человека и общества буржуазные революции, провозгласившие своим девизом личную свободу, суверенитет народа и господство закона, сделали героями людей, защищавших олигархическую республику с ее нищим, реально бесправным народом и миллионами еще более бесправных провинциалов и рабов. Поразительно и то, что люди, мечтавшие о коренном переустройстве общества, делали своими кумирами Катона, говорившего «нет» любой инициативе преобразования иногда только потому, что это предложение отличается новизной, Брута, чьи «реформы» сводились только к убийству Цезаря, и Цицерона, идеализировавшего давно отжившую и ставшую виртуальной республику.

19 век привел к становлению исторической науки. Это было время накопления позитивных знаний и разработки истории в целом и антиковедения — в частности. Особенно вторая половина 19 века стала временем введения в обиход новых методов работы с источниками, как традиционными литературными, так и новыми, археологическими, эпиграфическими и нумизматическими. Это было время раскопок Г. Шлимана, Э. Курциуса, Л. Омоля, появления Корпусов греческих и латинских надписей и фундаментальных трудов Дж. Грота, У. Митфорда, Н.Д. Фюстель де

Куланжа, Я. Буркхардта, И. Тэна, Э. Ренана и многих других ученых, заложивших основы современного антиковедения. Видное место среди этих исследований занимают труды немецких ученых, В. Друманна и Т. Моммзена, и именно с ними связано появление нового взгляда на Цезаря.

Уже у В. Друманна присутствует представление об экономическом, политическом и духовном кризисе Римской республики. Последняя изжила себя, и это понимал Цезарь, а сутью его преобразований стало установление единовластия и создание абсолютной монархии, типологически сходного с европейскими абсолютными монархиями 16–18 вв.^{368} Аналогичная точка зрения на Цезаря представлена и в трудах Ф. Шампаньи и Ч. Мериваля^{369}, однако подлинным создателем и новой концепции гражданских войн, и нового образа Цезаря можно считать Т. Моммзена.

Вероятно, именно Т. Моммзену удалось в полной мере развенчать миф о римской республике. Захватив верховную власть над миром, Рим возложил на себя необычайно трудную задачу, которую он так и не смог разрешить, а само римское владычество все больше и больше вырождалось в «мелочный и близорукий эгоизм». «В Риме считалось достаточным управлять изо дня в день и разрешать с грехом пополам лишь текущие вопросы»^{370}. Центральное правительство полностью утратило контроль над провинциальным управлением, что привело к полному повсеместному развалу. Наиболее полно этот кризис проявился в Испании 50-х гг. 2 века до н.э., выражаясь в постоянных поражениях римской армии, ее чудовищной жестокости против мирного населения, некомпетентности, коррупции и нарушениях международного права римскими полководцами и полной неспособностью власти контролировать как местное население, так и свою собственную администрацию^{371}. В Азии, Македонии и

Греции, где римское господство было более стабильным, Рим «отладил» грандиозную систему организованного грабежа, в котором участвовали не только власти, но и римские дельцы и колонисты. «Возникла новая система государственного хозяйства: она отказывалась от обложения римских граждан, но зато превращала всю массу подданных в доходную статью государства... Цинизму и алчности римских торговцев предоставляли с преступным потворством полный простор в провинциальном управлении», а прекраснейшие города соседних с Римом стран приносились в жертву «не варварскому честолюбию, но еще гораздо более гнусному варварству спекуляции»^{372}.

Бедственным было и положение в армии. Римский флот не смог заменить уничтоженные эллинистические флоты, что привело к небывалому расцвету морского разбоя, а римские дельцы сотрудничали с пиратами. Охота за рабами стала главным промыслом, процветавшим на Средиземноморье. Оборона границ в Азии и Африке перелагалась на подданных, а охрана италийских, македонских и испанских границ велась крайне небрежно. Римские армии «уже напоминали те сирийские армии, в которых число хлебопек, поваров, актеров и прочих нестроевых элементов вчетверо превышали число так называемых солдат», а римские военачальники преуспели лишь в искусстве губить свои армии^{373}. Плохое управление, сочетавшееся с хищническим римским «капитализмом» и бесправием подданных, развал армии и некомпетентность руководства — такова картина положения Римской державы уже на рубеже 2-1 вв. до н.э.

Еще более опасным был экономический и социальный кризис. «Капитал вел войну против труда, т.е. против свободы личности, конечно, облакая эту борьбу, как всегда, в строго законные формы»^{374}. Возникла угроза гибели крестьянства, а затем и гибели

республики. Итальянское крестьянское землевладение обесценивалось: мелкое хозяйство вытеснялось крупным, земледелие — скотоводством, виноградарством и разведением маслин, а свободный труд — трудом рабов^{375}. Страшная картина рабства с его постоянной охотой на людей, всеобщим проникновением рабского труда, плантационной системой и зверским обращением с невольниками, общей напряженностью и кровавыми восстаниями, полностью сходная с картиной другого современника Моммзена, А. Валлона, дополняет картину кризисного состояния общества^{376}.

Происходит и разложение правящей элиты. Власть замыкалась в себе и становилась наследственной. «Тайное голосование и некоторые другие преобразования создавали иллюзию независимости и суверенитета народного собрания, но эта борьба народного суверенитета против фактически существующего строя была неудачной». «В Риме того времени пагубным образом сочеталось двойное зло: с одной стороны, выродившаяся олигархия, с другой — еще неразвитая, но уже пораженная внутренним недугом демократия... Но в действительности в тогдашнем Риме не было ни настоящей олигархии, ни настоящей демократии»^{377}.

Т. Моммзен стоит у истоков так называемой «двухпартийной схемы», согласно которой вся история Рима от Гракхов до Цезаря представляет собой борьбу двух партий, оптиматов (партии знати) и популяров (народной партии). Впрочем, Моммзен постоянно подчеркивает сходства между двумя партиями, прежде всего, в смысле их «политического эгоизма, лицемерия и беспомощности»^{378}. [96]

Один из критиков Т. Моммзена назвал его теорию «мстительным взглядом стороннего наблюдателя», не желающего судить римлян «в том контексте и по тем

стандартам, которые признавали они сами»^{379}. Заметим, что жуткая картина «империи зла» была создана ученым, преклонявшимся перед Римом и сделавшим, вероятно, более, чем кто-либо другой для изучения и понимания его истории, а литературная сторона «Истории Рима» обеспечила его автору Нобелевскую премию.

Следующим этапом концепции Т. Моммзена является концепция римской революции. Возможно, первым, кто осознал степень опасности, был Сципион Эмилиан, однако победитель Карфагена и Нуманции, честный и умеренный реформатор, опасался революции больше, чем существующего порядка^{380}. Революцию начали другие. Моммзен не сочувствует Гракхам, он считает цели Тиберия благими и спасительными, но этот благонамеренный патриот встал на путь демагогии и тирании. Его аграрный закон был единственным способом предотвратить гибель италийского крестьянства, но его методы вызвали начало кризиса и политического насилия, а ореол мученика оказался незаслуженным^{381}. Гай Гракх поставил своей целью свержение аристократии путем союза пролетариата и купечества. Он вовсе не собирался утверждать римскую республику на новых, демократических основах, а, наоборот, хотел отменить республиканские учреждения, стремясь к пожизненному трибунату, монархии и тирании. Моммзен критикует и конкретные итоги деятельности Гракхов: хлебный закон способствовал росту социального паразитизма, всаднические суды оказались еще более коррумпированными, чем сенатские, а эксплуатация провинций продолжала усиливаться^{382}. Впрочем, победившая реставрация также не была выходом из положения. Римская знать не сделалась ни умнее, ни лучше.

«Никогда еще во всей римской истории не было среди аристократии такого полного отсутствия

государственных и военных талантов, как в эту эпоху реставрации, в период между гракханской революцией и революцией Цинны»^{383}. Все социальные пороки, речь о которых шла ранее, прогрессировали с ужасающей быстротой, и самым ярким показателем этого распада стала Югуртинская война, обнажившая все язвы римской системы. Вместе с тем, в Риме не было и настоящей демократической оппозиции, а революция вовлекала в себя военных и армию. Оставалось неясным, будет ли выступление Мария новой попыткой заменить олигархию тиранией (невозможность демократии была уже очевидна). Так или иначе, на политическом горизонте рядом с короной появился меч^{384}.

Марий получил оружие в лице новой реформированной армии и спас Рим от нашествия германцев, которое допустила правящая олигархия и с которым она не могла справиться^{385}. Это была первая, но далеко не последняя ситуация, когда популярный военачальник выступил в качестве спасителя Рима. В лице Мария оппозиция получила более подходящего вождя, чем Гракхи, и он мог пойти по одному из двух путей: либо свергнуть олигархию военным путем, либо попытаться ввести реформы посредством закона. Марий пошел по второму пути и проиграл^{386}. Причиной его поражения стало объединение против него сенаторов и всадников (аристократии и буржуазии), а затем и раскол между военным вождем и демократами. Это была новая победа реставрации^{387}.

На повестку дня вышел союзнический вопрос, вызванный как общим ухудшением положения союзников в ходе кризиса, так и поражением народной партии и крахом надежд на получение гражданских прав^{388}. Эту реформу попытались осуществить аристократические реформаторы во главе с Ливием Друзом, но и они потерпели неудачу, что и вызвало

Союзническую войну. Уступки италикам после войны Т. Моммзен считает половинчатыми, что стало причиной нового политического, а затем уже и экономического кризиса, в свою очередь, вызванного послевоенной разрухой. Проявлением этого кризиса были выступления Сульпиция Руфа, военный переворот Суллы и последующая диктатура марианцев, а затем и гражданская война.

Моммзен достаточно уважительно относится к Сулле. Он считает, что последний провел успешную кампанию против Митридата, добившись победы над царем и восстановления порядка в Греции, Македонии и Малой Азии^{389}, после чего смог приступить к предстоящей реставрации. В ходе гражданской войны Сулла покончил с длившейся уже десять лет революцией и смог приступить к реформам^{390}. Говоря о Сулле, немецкий историк выдвинул два достаточно противоречивых тезиса, позже активно используемых последующей историографией: мнение о Сулле как защитнике аристократических традиций и мнение о Сулле как строителе римского государства.

Человек, лишенный политического эгоизма, Сулла сумел защитить римскую аристократию. Он положил конец италийской революции, покончил с анархией в Риме и стал подлинным творцом государственного объединения Италии. «Без преувеличения можно сказать, что давно расшатанная римская республика неизбежно рухнула бы, если бы Сулла не спас ее своим вмешательством в Азии и Италии»^{391}. Впрочем, режим Суллы также оказался непрочен, а его постройка походила на плотину, брошенную в бушующее море^{392}.

Итак, первый период был временем непрерывной 50-летней революции. Старый порядок рушился бесповоротно, и Риму угрожала опасность полной анархии внутри и военного разгрома извне. Трагедия была в том, что Рим фактически объединял под своей

властью цивилизованный мир, а потому под угрозой оказалась вся судьба цивилизации.^{393}.

Именно в этот момент на политическую сцену выходит Цезарь. Оппозиция сулланскому режиму, с которой была связана жизнь молодого аристократа, была фактически всеобщей. К ней примыкали либералы и конституционалисты, демократы и деловой мир, недовольны были широкие массы населения Италии и Рима, жители экспроприированных общин, массы репрессированных и разоренных людей, всевозможные честолюбцы.^{394} Построив свою крепость, Сулла не смог оставить в ней достойный гарнизон. Т. Моммзен придерживается невысокого мнения о лидерах постсулланского режима (Метелл Пий, Катул, Лукуллы и др.)^{395}? включая Помпея и Красса, тем более, что их нельзя было назвать несомненными сторонниками режима.^{396},

Впрочем, и у демократов не было серьезных политических лидеров. Котта играл второстепенную роль, Лепид был личностью незначительной, а с Цезарем можно было связывать только будущее. Т. Моммзен с глубоким уважением относится к Квинту Серторию, человеку рыцарской храбрости, прекрасному оратору, талантливому военачальнику и подлинному государственному деятелю.^{397} В известной мере, Серторий был предтечей Цезаря, и его трагедией было то, что он был вынужден сражаться против своего государства.^{398}.

Дело Суллы рухнуло в результате союза Помпея и Красса с демократами в 70 г. Впрочем, вопрос о будущем был скорее поставлен, чем решен, а коалиция, связанная только целью свержения режима, распалась, как только эта цель была достигнута.^{399} Перспективой могла стать диктатура Помпея или, напротив, конфликт между Помпеем и Крассом. Новая гражданская война была

предотвращена благодаря демократическим лидерам. С другой стороны, Т. Моммзен постоянно подчеркивает посредственность и заурядность Помпея, который всегда стремился к исключительному положению в государстве, но не мог решиться его занять^{400}. Это было первое испытание, которому подвергла его судьба, но он его не выдержал^{401}. После закона Габиния, Помпей уверенно шел к единоличной власти, побеждая пиратов и Митридата и неуклонно продвигаясь на восток. Поход завершил создание Римского государства в Азии, и когда Помпей вернулся в Италию в 62 г., он «во второй раз увидал царский венец у его ног»^{402}.

В период отсутствия Помпея произошли важные события. Цезарь провел дело Рабирия, реабилитировал память Мария и сблизился с Крассом. Публично называя Помпея главой своей партии, демократы готовились и к борьбе против него. «Замысел демократов, направленный и против сената и против Помпея, делал возможным соглашение между этими двумя. Демократия, пытаясь противопоставить диктатуре Помпея диктатуру другого, более угодного ей человека, тем самым также шла к военной власти...»^{403}.

Переворот Помпея не удался. Отчасти это было вызвано тем, что его действия встретили сопротивление с обеих сторон и вызвали опасения гражданской войны, однако отчасти и по причине личной слабости лидера, ибо «человеку, лишенному мужества, не поможет и милость богов»^{404}. Теперь на сцену выступает Цезарь. Именно он стал инициатором триумvirата. Впервые во главе демократов становится лидер, увенчанный победой в Испании и полный обширных военных замыслов. Уже тогда создается его великая цель, «идеал свободного государства под главенством одного лица»^{405}.

Новым шагом стало завоевание Галлии. Т. Моммзен считает завоевание исторической миссией Рима и видит в этом глобальную заслугу Цезаря. «В силу того закона, что народ, сплоченный в государство и цивилизованный, растворяет в себе народы политически и культурно незрелые — в силу этого закона, столь же непреложного, как закон тяготения, италийская нация, единственная из народностей древнего мира, сумевшая соединить высокое политическое развитие с высшей цивилизацией... была призвана подчинить себе пришедшие в упадок греческие государства Востока к вытеснить на западе через посредство своих колонистов народы, находившиеся на более низкой степени культуры: ливийцев, иберов, кельтов, германцев»^{406}. Впрочем, это не только характерная для XIX века апология колониальной миссии цивилизованных народов. Идея завоевания принадлежит римской демократии. Она была уже у Гая Гракха, ее воспринял Марий, но только после свержения сулланского строя, демократия взялась за решение задачи. Первым шагом было восстановление господства в Средиземноморье, вторым — покорение Востока (эта задача была решена с помощью Помпея), третью задачу осуществил Цезарь. Получая военную власть, он думал об интересах партии, но его план был планом возрождения государства^{407}.

С другой стороны, хотя кельты добились значительного прогресса, их цивилизация достигла своего предела и клонилась к упадку. Основой их жизни был не город, а племя. Настоящее варварство уже исчезло, но галлы были далеки от уровня культуры. Над страной нависла германская угроза, опасная и для римлян. Завоевав Галлию, Цезарь ослабил экономическое давление на нее и пощадил галльские национальные, политические и религиозные учреждения, проводя романизацию в относительно мягкой форме^{408}. Если бы не Цезарь, великое

переселение народов случилось бы на 400 лет раньше, когда римская цивилизация была гораздо слабее, а деструктивные последствия могли бы стать необратимыми. Именно с Цезаря начался процесс развития европейской цивилизации, как Средневековья, так и Нового времени. «Мы обязаны Цезарю тем, что между минувшим величием Эллады и Италии и гордым зданием новой истории был перекинут мост, что Западная Европа стала романской, германская Европа классической... что Гомер и Софокл не привлекают, подобно Ведам и Калидасе, только литературных ботаников, а цветут в нашем собственном саду, и это дело Цезаря»^{409}.

Пока Цезарь воевал в Галлии, Помпей шел к собственной диктатуре, пытаясь установить контроль над государственной машиной и сближаясь с республиканцами. Он пытался сделать это еще в 57 г., получив полномочия по снабжению хлебом, а затем в 52 г., став «консулом без коллеги». Теперь Помпей и оптиматы начинают борьбу на уничтожение. Началась борьба за лишение Цезаря его полномочий, завершившаяся открытым объявлением войны со стороны помпеянцев. Ответом стал Рубикон: Цезарь не только начал военные действия, он брал на себя ответственность за судьбу государства^{410}.

Силы были неравны. Цезарь начинал войну как командующий галльской армией, тогда как Помпей был фактическим главой республики, распорядившись всеми ее силами. Как полагает Т. Моммзен, в Италии существовала сильная поддержка Помпею, но его ничтожество и разногласия в руководстве свели ее на нет. Победа дала Цезарю не так много: Помпей мог организовать морскую блокаду, а провинции и финансы были в его руках. Имущие классы в Италии боялись репрессий, анархии и передела собственности, а неимущие страдали от инфляции, высокой квартирной

платы и задолженности. Цезарь завоевал Италию постепенно, основным механизмом стали политика милосердия и разумные экономические и социальные преобразования^{411}.

49 год принес первые победы, а поражение Афрания и Петрея в Испании разрушило все планы Помпея^{412}. Переломом стала битва при Фарсале, однако и после нее оставалось множество проблем. Т. Моммзен посвящает немало места александрийской войне и другим кампаниям 47 г. и достаточно высоко оценивает действия помпеянцев в африканской кампании. Снова демонстрируя пренебрежение к Помпею и большинству его сторонников, он проявляет уважение к Катону, которого ранее многократно упрекал в шутовстве и доктринерстве.

В отличие от Помпея, Катон был руководителем республиканцев, даже тогда, когда республика была безнадежно утрачена. В смерти Катона больше благородства, чем в его жизни, и при всей его недальновидности, утопизме, утомительной надоедливости и фальшивых взглядах, которые сделали его «идеалом тупого республиканца и любимцем тех, кто им спекулирует», Катон единственный с честью и отвагой оставался достойным представителем этой великой системы^{413}. Катон погиб не даром. Это был ужасающе резкий протест против монархии, показавший «всю мнимую законность, которой Цезарь облек свою монархию и обличил во всей ее лицемерной лживости тот лозунг примирения партий, под чьей эгидой возникло господство нового властителя». Катон оставил в наследство Империи непримиримую войну, которую вплоть до Тацита вел с ней призрак легитимной республики, эту «войну заговорщиков и литераторов»^{414}.

Впрочем, для Моммзена (в отличие от его предшественников) Цезарь важен не своим путем к

власти и победами над политическими противниками и даже не Галльской войной. Главное — это его глубоко конструктивная программа выхода из кризиса и создания нового мира, которую он пытался осуществить на протяжении всей своей жизни и которую он особенно полно реализовывал в последние годы. Цезарь для Т. Моммзена — уникальная фигура в истории Рима, родовитейший аристократ, величайший оратор, писатель, полководец, политик и государственный деятель, человек, сочетавший в себе необычайное обаяние, страсть и реализм^{415}. В отличие от Александра, Ганнибала и Наполеона, солдат играл в нем подчиненную роль по отношению к политику. Цезарь для Моммзена — это уникальный вариант демократического монарха, основой власти которого является воля народа. Он сумел создать абсолютную власть и проводить надсословную и надклассовую политику, объединив все слои римского общества^{416}. Т. Моммзен показывает политику Цезаря как глубоко конструктивную систему преобразований: прекращение гражданских распри и борьбы партий, амнистия политическим противникам, создание нового типа власти, превращение сената в совещательный орган, оздоровление финансовой системы и государственной казны, наведение порядка в Риме и Италии, общее оздоровление экономики и налаживание мирной жизни во всем римском мире и, наконец, создание политического, экономического и культурного единства средиземноморского мира^{417}.

Именно с Цезаря начинается история великой Империи, заложившей основы средневековой, а затем и последующей западноевропейской цивилизации^{418}. «Как труженик и творец живет еще после многих веков в памяти народов первый и, в то же время единственный император-Цезарь»^{419}.

Мы уделили столь значительное место теории Т. Моммзена потому, что именно он был создателем научной концепции истории Рима последнего века республики, и вся последующая наука, независимо от того, хотела она этого или нет, равно как и независимо от признания (или непризнания) факта преемственности, находится в том поле, которое очертил для нее выдающийся немецкий историк.

Как в свое время Плутарх, Т. Моммзен создал яркие образы деятелей эпохи: Гракхи, Марий, Сулла, Помпей, Катон и сам Цезарь. Блестящий талант литератора часто довлеет над содержанием, но, независимо от согласия или несогласия, ученые не могут пройти мимо его ярчайших образов. С Моммзеном много спорили и не соглашались, но именно он задал ту проблематику, с которой работает и современная наука. Критикуя Моммзена и даже отрекаясь от него, она все равно находится в рамках его «теоретического семинара», а во многом и фактической основы. Как никто до него и мало кто после, Моммзен разобрал экономическую и политическую систему поздней республики, ее идеологию и культуру, создав, вероятно, первую научную теорию кризиса республики и установления Империи. К этой теории примыкают еще две, также сыгравшие немалую роль в истории антиковедения — теория принципата, как особой формы власти, созданной Августом, а отчасти и Цезарем (знаменитая «теория диархии» или «монархии римского типа»)^{420}, и теория Империи как нового уровня римской цивилизации, контрастирующего с разрухой позднеереспубликанского периода^{421}.

Заканчивая обзор моммзеновской концепции истории поздней республики и диктатуры Цезаря, попробуем определить ее основные черты.

1. Эпоха поздней республики была временем глубочайшего системного кризиса экономики,

политической системы и идеологии римского общества, вызванного превращением Рима в великую державу и полным несоответствием старых форм управления и новой реальности.

2. Кризис стал очевидным к последней трети 2 в. до н.э. и продолжал углубляться вплоть до времени Суллы, когда общество достигло низшей точки падения.

3. Именно демократия пыталась вывести государство из этого кризиса, достаточно рано придя к использованию экспансии, армии и единоличной власти. Первые попытки (реформы Гракхов, «принципат» Мария и правление Цинны) при всех их успехах оказались неудачны. Новое движение началось после свержения сулланской системы.

4. Цезарь начинал свою деятельность как лидер демократического движения, вначале больше действуя как закулисная сила, поддерживая Красса и Помпея, а затем всё более выдвигаясь на первый план. Его поддержали массы населения Рима и Италии, и именно как лидер римской демократии Цезарь начал войну в Галлии, гражданскую войну, а затем и полномасштабные реформы. Т. Моммзен создает образ лидера популяров, ставшего великим полководцем и демократическим монархом.

5. Галльские войны стали глобальной заслугой Цезаря и принесли пользу не только Риму, но и галлам, создав новую римско-галльскую цивилизацию и предотвратив возможное «великое переселение народов». Если галльские войны спасли Рим от внешней угрозы, то гражданская война и победа Цезаря способствовали спасению Рима от внутреннего распада.

6. Реформы Цезаря спасли римское государство и античную цивилизацию от гибели, они возродили не только Рим и Италию, но и огромный мир новой Империи, создав новую общность, лежащую у истоков будущих цивилизаций.

7. Наконец, Т. Моммзен восстановил роль Цезаря в культурной жизни Рима, показав как его самостоятельную роль в этой последней (и как писателя, и как спонсора), так и значение государственной деятельности Цезаря для культурного развития общества. Негативно относясь к Цицерону, Т. Моммзен (вероятно, чрезмерно) попытался избавиться от засилия «цицеронизма» в культуре.

Т. Моммзен выступил как, вероятно, самый значительный и красноречивый адвокат Цезаря, а его труд стал первой серьезной научной разработкой темы. Разумеется, положения Т. Моммзена вызвали критику и протесты, причем, зачастую протестное отношение было вызвано красочными эпитетами и великолепным стилем. Эти последние иногда оттеняют содержательную часть, и это стало еще одной причиной того, что мы сочли необходимым пересказать теорию Т. Моммзена более подробно. Критика шла по трем линиям: со стороны приверженцев старых теорий, со стороны единомышленников, протестующих против слишком сильных оценок, и, наконец, со стороны приверженцев новых идей.

Вероятно, две первые тенденции отражены в трудах современников Т. Моммзена, Б. Низе, К.В. Нича, Ф. Рюстова и В. Рошера. Б. Низе в принципе принимает теорию кризиса республики^{422}, — трактовку борьбы Мария и Суллы и общую оценку сулланской диктатуры^{423}, полагая, однако, что зло партийной борьбы в полной мере возродилось в 70-е гг. I века. Реформы 70 года имели далеко идущие последствия, итогом которых стало разрушение системы Суллы, падение аристократии и торжество монархии. Вместе с тем, положение оставалось тяжелым, и справиться с ним не могло ни правительство оптиматов, ни Помпей и Красс, ни демократы. Италия была разорена тремя войнами (Союзнической, гражданской и спартаковой) и

сулланской колонизацией, а городское население нищало в результате сулланской политики. Недовольство городского населения стимулировало роль демагогов, провинции были разорены не меньше, чем метрополия, а имущественные диспропорции приняли ужасающий характер^{424}.

Хотя, вероятно, именно Цезарь был инициатором триумvirата, главной силой по-прежнему оставался Помпей, программа которого, в общем, и реализовывалась во время консульства Цезаря. Объединенный триумvirат господствовал до 53 г. (т.е. до гибели Красса), а в ходе Галльских войн баланс сил начинает меняться в сторону равновесия между Цезарем и Помпеем. Как и Т. Моммзен, Б. Низе, в общем, не склонен считать республиканцев более или менее серьезной силой^{425}.

Б. Низе положительно оценивает завоевание Галлии. Это было событие всемирно-исторического значения, которое «ввело римское господство в сердце северной Европы и, вместе с тем, помогло Цезарю развернуть свои государственные способности и приобрести славу, богатство и силу, давшие ему преимущество перед всеми его соперниками»^{426}.

Дальнейшее развитие событий рассматривается, главным образом, в ракурсе соперничества Цезаря и Помпея. Уже с 52 г. последний решил устранить соперника, что и пытался сделать при помощи оптиматов, впрочем, и Цезарь был готов к силовому варианту^{427}. Вероятно, он не очень верил в предпринимаемые им попытки примирения, а победа в войне 49 г. (в Италии и Испании) были одержаны благодаря его успешной стратегии и тактике, равно как и благодаря политике милосердия^{428}. Б. Низе подробно разбирает реформаторскую деятельность Цезаря, показывая ее многосторонний и конструктивный

характер (земельные раздачи, создание властных структур, строительные проекты). Вместе с тем, автор далек от моммзеновской идеализации: он достаточно спокойно, как правило, без комментариев, излагает события гражданской войны и полагает, что Цезарь слишком подавлял сенат и чрезмерно демонстрировал свою абсолютную власть, что, в конечном счете, и привело к заговору. С другой стороны, Б. Низе считает нереалистичными глобалистские замыслы Цезаря и особенно представления о них в современной историографии^{429}. Примерно в том же плане рассматриваются события и в исследовании К.В. Нича, который также видит в деятельности Цезаря немалую долю разрушительных тенденций^{430}.

Таким образом, эта группа исследователей, в целом, придерживаясь взглядов Т. Моммзена, склонна оценивать достижения Цезаря, не применяя столь высоких патетических оценок, которые можно встретить у знаменитого немецкого историка, снижать значимость и глобализм его проектов и отмечать ошибки, как правило, связанные с эскалацией монархической власти и отношениями с сенатом. Другие исследователи выступали с критикой власти Цезаря.

По мнению Ф. Рюстова и В. Рошера, цезаризм был не демократической монархией, ставшей результатом демократического движения, а скорее — результатом упадка полисной демократии и псевдодемократическим течением. Он соединял в себе две противоположные тенденции, крайний демократизм (или скорее — популизм) и крайний монархизм. Сосредоточив в своих руках политическую власть, цезаризм стремится сохранить иллюзию общего равенства, стараясь импонировать всем слоям населения, однако его главной опорой остаются армия и силовые структуры. Республиканские традиции деградировали, хотя и частично сохранились.

Особенностью этого подхода стало появление понятия «цезаризм»^{431}, отсутствующее у Т. Моммзена, настаивающего на уникальности Цезаря. Цезаризм становится известным синонимом «бонапартизму» и обозначает монархический режим, отличный от монархии с легитимной наследственной властью монарха и традиционными институтами. Носитель власти при «цезаризме» и «бонапартизме» приходит к власти по воле народа выборным или квазивыборным путем, опирается на армию и сохраняет демократический или популистский фасад, иногда даже проводя серьезные реформы. Заметим, что такого рода режимы — довольно частое явление в истории, но, в отличие от них, (включая и режим Наполеона I), Цезарь действительно пришел к власти в результате народного выбора, а военный аспект всегда был подчинен политическому, тогда как популизм имел тенденцию к сокращению.

Другая, ставшая достаточно популярной идея была, вероятно, впервые высказана Р. фон Пельманом, отмечавшим типологическое сходство между властью Цезаря и режимами греческих тиранов^{432}. Цезаризм также воспринимался как бюрократическая система, которая при насаждении уравнивательных тенденций и единообразия, реально лишала прав различные слои общества.

Представители бонапартистского режима действительно испытывали интерес к Цезарю, причем, их в значительной степени интересовала военная сторона его деятельности. Различные суждения, часто достаточно критического плана высказывал Наполеон Бонапарт. Некоторые из них весьма своеобразны. Так, он считал, что в 49 г. Помпей должен был всеми силами удерживать Рим, что, несомненно, привело бы к немедленному окружению Помпея и окончанию войны уже в 49 г. Наполеон III издал в 1865–1868 гг. свою

трехтомную «Историю Юлия Цезаря», где в военной части опирается на исследования своих адъютантов, прежде всего, Стоффеля, написавшего классическое сочинение о ходе гражданской войны^{433}. Исследование военных кампаний Цезаря успешно продолжалось на рубеже 19 и 20 вв. Появились основательные издания «Записок» Цезаря, издания Е. Кюблера, В. Вельфлина, Мойзеля и Шнейдера^{434}. Известным итогом этих исследований стал труд Г. Дельбрюка.

Г. Дельбрюк считал Цезаря вершиной военного искусства, мастером наступательных и оборонительных операций и блестящим представителем «стратегии сокрушения», способным также применять и другой вид стратегии, «стратегию измора»^{435}. Некоторые суждения Г. Дельбрюка достаточно оригинальны (так он полагает, что в большинстве сражений галльских и гражданских войн Цезарь имел численное превосходство)^{436}. Дельбрюк очень профессионально и тщательно разбирает главные сражения Цезаря. В галльских войнах он уделяет особое внимание кампаниям 58 г. (против гельветов и против Ариовиста), походу против бельгов 57 г. и сражению при Алезии (52 г.)^{437}, а в гражданской войне - сражениям при Илерде, Фарсале и Тапсе^{438}. Разбираются тактика и боевые качества армии Цезаря, его излюбленные тактические приемы, в том числе, характерные для развития эшелонной тактики действия 3 и 4 линий^{439}. Изложение Дельбрюка показывает сложность тех военных задач, которые стояли перед полководцем. В отличие от Т. Моммзена, он придерживается очень высокого мнения о многих противниках Цезаря. В галльских войнах это Ариовист, Кассивеллаун и Верцингеторикс, в гражданской речь идет об Афрании, Петрее, Лабие и, конечно, о самом Помпее^{440}.

В других трудах, которые стали появляться уже в начале 20 века, появляются и новые концепции. Если раньше сомнению подвергались в основном некоторые наиболее прямолинейные и яркие формулировки, а также концепция «демократического монарха», то теперь, в трудах Эд. Мейера, Г. Ферреро, а позже — М. Гельцера, Р. Сайма и некоторых других авторов намечается тенденция пересмотреть всю теорию гражданских войн и роли в них Цезаря, созданную знаменитым немецким ученым.

Теория Г. Ферреро построена на противоречии с теорией Т. Моммзена. В центре интересов итальянского историка находится Август, а история гражданских войн от Гракхов до Цезаря является как бы развернутым вступлением^{441}. В начале своей деятельности Цезарь был демократом, стремившимся добиться примирения между оптиматами и популярами и установить умеренный демократический строй в духе учения Аристотеля или практики Перикла^{442}. Эти свои планы он сохранил до консульства 59 г., изначальных монархических планов у него не было и, в отличие от Т. Моммзена, Г. Ферреро не отождествляет монархизм и демократизм^{443}. Реализовать свой план Цезарю не удалось, он оказался «гениальным неудачником», мечущимся из стороны в сторону, допускающим, ошибку за ошибкой и не сумевшим избежать гражданской войны, хотя он этого и хотел. Честолюбие вело Цезаря в сторону монархии и, в итоге, он победил в гражданской войне, а если и преуспел в чем-либо, так это в разрушении^{444}. «Историческая роль Цезаря не была ролью великого государственного человека, призванного внести порядок в хаос эпохи. Это была роль великого человека действия, предназначенного олицетворять и привести в движение в борьбе с традициями старого земледельческого общества все

революционные силы торговой эпохи»^{445}. Этими силами были религиозное неверие, моральная индифферентность, отсутствие семейного чувства, политический оппортунизм, презрение к традициям, восточная роскошь, хищный милитаризм, спекуляция, подкуп, демократический дух, умственная утонченность, смягчение варварской жестокости, страсть к искусству и знаниям^{446}. Цезарь, равно как и Помпей и Красс, был разрушителем. «Это поколение подготовило трансформацию древнего мира в великое единство Империи, ибо своей борьбой и усвоением новых нравов оно ускорило в Италии падение старого латинского общества, а в провинциях своими войнами и грабежами вызвало разрушение древних политических и социальных организаций, очистив таким образом почву для принятия нового единого строя. Цезарь был великим человеком этого ужасного исторического момента. Я иду даже далее; я утверждаю, что если Цезарь более всех своих современников содействовал возрождению древнего мира, то лишь потому, что разрушил более всех прочих...»^{447}. Реальным создателем нового общества становится Август, хотя и его Г. Ферреро критикует за недостаток конструктивного начала. Август оставил после себя «гибридное правительство, дать определение которому было бы трудно самому тонкому политику: это была испорченная республика, недоношенная монархия, выродившаяся аристократия, бессильная демократия»^{448}. Попытка Августа возродить старую аристократическую республику оказалась химерой. Хаотическое и внутренне противоречивое правление Августа ослабило центральную власть, но это ослабление центра открыло возможности подъема провинций, что стало основой для продолжения существования античного мира.

Взгляд Г. Ферреро, отличавшийся парадоксальностью, был попыткой пересмотреть

концепцию Т. Моммзена, вероятно, в ее главном пункте — конструктивной роли Цезаря в создании Римской Империи. Цезарь, гениальный полководец и писатель, выдающийся политический деятель, оставался только разрушителем республики, что, впрочем, было, с точки зрения Г. Ферреро, вполне прогрессивным актом.

Несколько иная концепция была выдвинута Эд. Мейером, который противопоставил Цезаря и Августа, но не как разрушителей или созидателей или «гениального неудачника» и «строителя новой системы», а как носителей разных политических идей. В известной мере это было связано с развитием моммзеновской теории принципата. Согласно этой теории, власть принцепса была не монархической властью, а чрезвычайной магистратурой, состоящей из двух элементов, проконсульского империя и трибунской власти. Опираясь на этот вывод, Т. Моммзен пришел к выводу о «диархии» (двоевластии) императора и сената^{449}. Большинство ученых конца. 19 — начала 20 в. в той или иной степени приняли ее положения. Некоторые (О. Карлова, П. Виллемс, Е. Герцог) приняли ее практически целиком^{450}, тогда как Г. Ферреро и Эд. Мейер (особенно последний) пошли дальше, объявив принципат «восстановленной республикой», а принцепса — чрезвычайным магистратом республики, подчиненным сенату и бывшим хранителем и защитником республиканских устоев. Теоретическое обоснование, как полагал Эд. Мейер, дал Цицерон в трактате «О государстве», а политическим воплощением стал так называемый «принципат Помпея»^{451}. Мнение, что именно Помпей, а не Цезарь был реальным предшественником Августа, стало достаточно популярным и в дальнейшей историографии, иногда даже преобладая над традиционной теорией преемственности Августа и Цезаря (П. Гринхалл, Дж. Лич, отчасти — С.Л. Утченко и Я.Ю. Межерицкий)^{452}.

Согласно этой же теории, Цицерон из стойкого и бескомпромиссного защитника республики превращался в идеолога принципата (Р. Ретценштейн, М. Шефер, Х. Кембелс){453}.

Цезарю в этой схеме места не остается, хотя Эд. Мейер сохраняет достаточно высокое мнение о его личности и способностях государственного деятеля. Цезарь не был политиком «текущего момента», напротив, он имел перед собой достаточно определенный образ будущего государства, однако это был образ эллинистического монарха, стоящего во главе римско-эллинистического государства. Возможно, Цезарь воспринял его во время своего пребывания на востоке, особенно — в Египте. Стремясь создать монархию такого типа и подражая Александру, Цезарь намного опережал события и его план мог реализоваться только столетиями позже{454}.

Тезис об эллинистической монархии Цезаря был поддержан и другими исследователями. Ж. Каркопино, в отличие от Эд. Мейера, все же видел в деятельности Цезаря конструктивное начало. Будущий диктатор еще в молодости стремился к абсолютной надсословной монархии, которую он создал впоследствии. Это был прогрессивный процесс, поскольку он прекратил сословную борьбу. Видя в монархии Цезаря именно ту абсолютную власть, которую обнаруживал в ней и Т. Моммзен, Ж. Каркопино был склонен к отрицанию ее чисто римского характера и считал, что утверждению монархии Цезаря способствовали эллинистические политико-идеологические представления{455}. Мнение о чисто эллинистическом характере власти Цезаря развивали и другие ученые{456}. Впрочем, для Ж. Гаже юридические полномочия недостаточны для объяснения власти не только Цезаря, но и Августа. «Великая монархическая революция» проходила в нерегламентированной сакрально-магической форме.

Священная неприкосновенность, божественность триумфатора, гений правителя — именно эти римские и эллинистические идеи и стали основой римской монархии^{457}.

Теория Т. Моммзена в сочетании с некоторыми новыми тенденциями отразилась в творчестве М. Гельцера. Вероятно первый и самый серьезный удар по концепции своего знаменитого предшественника немецкий ученый нанес своей ранней работой, посвященной истории двух борющихся партий, оптиматов и популяров. По мнению М. Гельцера, нобилитет не был единым целым ни в политическом, ни в экономическом отношении^{458}. В другой монографии, посвященной уже самому Цезарю, автор высказывает мнение, что понятия «оптиматы» и «популяры» применимы только к отдельным политикам, но не к каким-либо политическим объединениям. На самом деле римские партии носили чисто личностный характер, основываясь на родстве и отношениях клиентелы. Что касается популяров, то они не были демократами и не стремились к благу народа^{459}.

Еще дальше в этом плане зашел Ф. Мюнцер, знаменитый немецкий просопографист и автор большого количества статей в *Realencyclopädie*, посвященных персоналиям эпохи республики. Используя огромный просопографический материал, Ф. Мюнцер рассмотрел положение внутри нобилитета и пришел к выводу, что на протяжении всего периода существования римской аристократии, внутри высшего сословия шла непрекращающаяся борьба между аристократическими кланами, основанными на семейных связях и клиентских отношениях, сутью которой были не политические программы, а личное соперничество^{460}.

Вокруг просопографических исследований существует немало проблем. Если в 30–50-е гг. они почти безраздельно господствовали в зарубежных

исследованиях (Г. Штрассбургер, В. Сайм, Г. Скаллард, А. Афцелиус, Л.Р. Тэйлор), [{461}](#) то, начиная с 60-х гг., исследователи больше следуют традиции М. Гельдера, пытаясь найти «золотую середину» между традиционной теорией Т. Моммзена и новым направлением (А. Астин, Е. Бэдиан, Р. Броутон, Э. Габба, З. Груэн, Я. Суолахти и др.)[{462}](#).

Некоторые из этих ученых внесли немалый вклад и в тему Цезаря, исходя уже из положения, что Цезарь не мог быть лидером единой партии популяров, поскольку таковой не было в природе. В лучшем случае можно говорить об определенных чертах программы, и стиле политической деятельности, как это позже полагали Г. Штрассбургер, Р. Сайм или Хр. Мейер[{463}](#).

В образе Цезаря у М. Гельцера сочетается традиция Т. Моммзена и новые идеи. Ранняя карьера Цезаря отмечена постепенным восхождением к власти, вполне напоминающим карьеру любого римского политика. Все, что делал Цезарь, он делал с аристократической непринужденностью и прекрасным знанием повседневной политической жизни, а в его действиях можно обнаружить печать безусловного превосходства. Этот аристократизм проявился, например, в истории с пиратами, когда молодой, 25-летний аристократ, не занимавший какого-либо положения, смог собрать выкуп и организовать серьезную антипиратскую экспедицию[{464}](#). На первых этапах своей карьеры Цезарь приобрел определенную репутацию в политических кругах, но в среде римского нобилитета было достаточно много людей с такого рода качествами (энергией, честолюбием, решительностью) и пока еще ничто не указывало на его особую роль. Вместе с тем он никогда не компрометировал себя и не поступался своим достоинством[{465}](#).

Цезарь выдвинулся в результате союза с Помпеем и Крассом и своего консульства, а затем — в ходе Галльской войны^{466}, проявив себя талантливым военачальником, стратегом и тактиком, однако его победа была не только результатом военных действий, но и следствием его гибкой и дальновидной политики^{467}. Решающей схваткой стало восстание Верцингеторикса, во время которого галлы впервые осознали свое национальное единство^{468}. Именно в Галлии происходит и изменение политических взглядов Цезаря, что объясняется его долгим отсутствием из Рима и большой властью, которую он получил во время проконсульства. Постепенно перед его глазами стал вырисовываться образ монархически управляемой империи, и именно в эти годы Цезарь, никогда не терявший из виду конечных целей, стал освобождаться из плена «полисных» предрассудков^{469}. Вместе с тем, и во время Галльской войны Цезарь был готов к мирному решению конфликта с Помпеем и оптиматами. Он был готов к политической борьбе, будучи уверен в победе, и его главной целью было получение второго консульства и дальнейший путь к власти^{470}. Наоборот, силовой вариант устраивал помпеянцев, они развязали войну, но когда последняя началась, оказались к ней не готовы, тогда как Цезарь действовал весьма решительно.

Эскалация его власти началась после Фарсальского сражения во время пребывания на востоке, где ему начали воздавать настоящие божеские почести^{471}. И все же Цезарь был римлянином с головы до ног, мечтавшим о подъеме на новую ступень власти римского народа^{472}. Важнейшим принципом его политики была политика милосердия, причем Цезарь стремился к сотрудничеству с представителями римских аристократических родов и компромиссу с традиционной идеологией, отказавшись как от

сулланских проскрипций, так и от политики Мария и Цинны^{473}.

Цезарь для М. Гельцера — величайший гений, которого когда-либо дал Рим. Он, обладал некоей «демонической» гениальностью, и возвышался над другими благодаря стремительному темпу своей жизни, своему свободному и прозорливому взгляду и особой манере устранять все трудности и осуществлять все самые смелые планы. Трагедией было то, что его жизнь была прервана самими римлянами, считавшими, что они действительно совершали это ради интересов *res publica*^{474}. Тем не менее Цезарь остается победителем, а последующая политика развивается по проложенным им направлениям, и именно Цезарь создал основы новой монархии, обеспечившей «спокойствие в Италии, мир в провинциях и благоденствие всей Империи»^{475}.

Итак, М. Гельцер, в целом, отказывается от представления о Цезаре как о лидере популяров и «демократическом монархе», он скорее — политик-аристократ, ставший великим полководцем и правителем и, хотя эллинистические идеи явно оказали на него влияние, он не отошел от римской традиции. Вероятно, М. Гельцер не делает Цезаря создателем всей последующей цивилизации, но его роль для истории Рима была очень велика. Изданная в 1921 г. книга М. Гельцера выдержала много изданий, и часто считается лучшей биографией Цезаря^{476}.

Перу М. Гельцера принадлежит много сочинений и, вероятно, наиболее уместно рассмотреть образ Помпея, созданный немецким историком в его другой монографии^{477}. Автор также отказывается от моммзеновской оценки Помпея, как стремящейся к власти, но неспособной ее взять бездарности, но, вместе с тем, не принимает и мнение Эд. Мейера о «принципате» Помпея и не считает его носителем

новой конструктивной идеи^{478}. Помпей был талантливым организатором и хорошим полководцем, но его трагедия была связана с двумя обстоятельствами. Первым была гениальность его противника, Цезаря, который во всех отношениях был выше Помпея. Впрочем, вероятно, более важным было второе — главной причиной неудач Помпея было отсутствие ясной цели и, как следствие, постоянные колебания между Цезарем и оптиматами, равно как и другими политическими силами. Особенно часто он подвергался давлению оптиматов и проявлял нерешительность и неумение пользоваться даже плодами успеха. Помпей Моммзена является жертвой собственной бездарности, тогда как Помпея М. Гельцера губит непоследовательность.

Хотя концепция Эд. Мейера также не стала господствующей, она нанесла достаточно серьезный удар по теории Т. Моммзена. Историография 20 века в целом остается достаточно лояльной к Помпею. Минусами считаются его сулланское прошлое, постоянные колебания между сенатской партией и непоследовательность, однако, по большому счету, за ним остается репутация выдающегося полководца, честного республиканца и способного политика. Ф. Марш отмечал противоречивость результатов деятельности Помпея, считая его способным нарушить дух конституции, если при этом будет соблюдена буква закона, и могущим «получить выгоду от беззакония, если кто-либо другой возьмет на себя ответственность»^{479}. Сам М. Гельцер считает, что его устраивало положение «первого среди равных»^{480}. По мнению Ж. Эллегуара, Помпей был реальным диктатором, но, в отличие от Цезаря и Августа, подчинялся сенату и не пытался над ним встать^{481}. Помпея часто считают политиком «средней линии», пролагавшим путь между консерватизмом оптиматов и монархией Цезаря (И. ван Оотенхем, Хр. Мейер). Ярким

примером реабилитации Помпея является и труд С.Л. Утченко. Впрочем, более поздняя историография (Э. Линтотт) отчасти возвращается к старым позициям, полагая, что Помпей оказался не на высоте своих задач, и критикуя его либо за измену делу Цезаря, либо, наоборот, за длительный союз с последним, а иногда и за то и за другое.^{482}.

Стремление оторвать Цезаря от римской почвы, предпринимаемое Эд. Мейером и Г. Ферреро, а отчасти даже Т. Моммзенем и М. Гельцером, встретили реакцию, более всего проявившуюся в англо-американской историографии, хотя и не только в ней.^{483}. Представители этого направления самым решительным образом выступили за сближение Цезаря с римскими реалиями, римской республикой, Римской империей и его современниками. Все дальше и дальше стали уходить в прошлое теории восточной и эллинистической монархии, теории типологического сходства диктатуры Цезаря и монархии Северов и, наконец, моммзеновская теория абсолютной монархии, а в его формуле «демократического монарха», где акцент очень долго делался на последнем слове, теперь постепенно начинает появляться ударение на первом.

2. Цезарь и «демомодернизация»

Оценка роли Цезаря очень тесно связана с изменением ряда принципиальных установок, и перед тем как вернуться к этой теме, имеет смысл рассмотреть общие позиции. Важнейшим в методологическом плане является процесс «демомодернизации» и соответственно — более критическое отношение к источникам.

Историография 19 и второй половины 20 века достаточно спокойно относилась к различного рода сопоставлениям с более поздними эпохами. Иногда это выражалось в теоретических концепциях, подчас допускавших и крайности модернизации, но зачастую проводящих достаточно глубокие параллели между разными историческими периодами. Дань этой тенденции отдали практически все упомянутые ранее ученые, Т. Моммзен, Эд. Мейер, Р. фон Пельман, Г. Ферреро, М.И. Ростовцев и др. Впрочем, гораздо чаще речь шла об относительно свободном использовании понятийного аппарата более поздней истории применительно к событиям древности. Наука 19 века (здесь яркими примерами могут быть и Т. Моммзен, и Эд. Мейер, и Г. Ферреро) регулярно использует такие понятия, как «капитализм», «империализм», «анархизм», «социализм», «дворянство», «пролетариат», «парламент», «либералы», «консерваторы» и т.п. применительно к периоду античной древности. Она также достаточно свободно, иногда даже слишком, проводит параллели между обществами античности и Нового времени, сравнивая древние и современные институты, идейные и политические течения и, наконец, политических лидеров. Для ученых этого времени было вполне нормальным явлением, скажем, сопоставление римского империализма с империализмом великих

держав 19 века, сравнение римского сената с британским парламентом 18-19 вв., вигов и тори — с римскими оптиматами и популярами, равно как и попытки нахождения параллелей между деятельностью Гракхов и лидеров Великой Французской революции или Юлия Цезаря и Наполеона Бонапарта. Иногда такие сопоставления могли носить глубокий концептуальный характер, однако зачастую это был просто способ донести до читателя личность римского политика или суть римского политического института через более понятный ему современный образ.

Для современного зарубежного антиковедения, напротив, более характерно то, что можно было бы условно назвать «демомодернизацией». При данном подходе античная древность оказывается сравнительно «примитивным», «традиционным» или «доиндустриальным» обществом, для которого современные категории по большей части неприемлемы. Общим принципом является отказ или крайняя осторожность в использовании даже таких нейтральных терминов, как «политическая партия», «парламент», «либерализм», «конкуренция» и т.п. Этот принцип распространяется и на реалии: в античном обществе не было ни свободного предпринимательства, ни стремления к прибыли, ни конкуренции, ни развитого банковского дела. При подобном рода экономике не могло быть ни четко осознанных классовых интересов, ни определенных политических партий, вместо которых действовали борющиеся кланы, похожие на шекспировских Монтекки и Капулетти, ни правильно организованных государственных институтов типа избирательной системы, парламента или регионального представительства^{484}. Задаются достаточно характерные вопросы. Можем ли мы переводить моралистические оценки античных авторов в политические понятия? Влияли ли в древности

экономические факторы на политическую борьбу или же экономика, политика и идеология развивались автономно?^{485} Параллели переносятся скорее в область действительно примитивных обществ. При таком подходе ни один герой, в том числе Александр или Цезарь, не мог иметь какое-либо всемирно-историческое значение, максимум претендуя на роль локальной величины.

Хотя говорить о новой волне гиперкритики, наверное, не приходится, но определенные тенденции, несомненно, имеют место. Характерным явлением современного периода можно считать противопоставление материала современников (особенно — Цицерона) и современных событиям документов (прежде всего, археологических и нумизматических данных) материалу поздних источников (Плутарх, Аппиан, Дион Кассий), не говоря уже о бревнаторах эпохи Поздней Империи^{486}. Чрезмерное доверие по отношению к современникам, особенно — к Цицерону (любопытно, что Цезаря и Саллюстия этот процесс коснулся меньше) сочетается с гиперкритикой по отношению к поздним авторам.

Быть может, не менее значимым было общее изменение отношения к Римской Империи. В начале 20 века, а особенно в 30-40-е гг. отношение к ней было преимущественно негативным. На смену теории диархии Т. Моммзена приходит вначале теория «монархического принципата» В. Гардтгаузена^{487}. Наряду с теориями «чистой», «эллинистической» или «восточной» монархий появилось представление о принципате как особом типе монархии, военной диктатуры или авторитарной власти, опиравшемся на армию и другие силовые структуры^{488}. Несколько позже, особенно при ассоциации с некоторыми тоталитарными режимами 20 века, появляются различные концепции «тоталитарного», «военного» или «полицейского»

государства, основанного на подавлении оппозиции и республиканских институтов^{489}. Кроме того, особенно в это время распространяются «теории фасада», основой которых было противоречие формы и содержания системы, причем, содержанием обычно считается монархическая власть, а формой — республиканские и квазиреспубликанские институты^{490}. С другой стороны, с середины 20 века отношение к Империи начинает меняться, напоминая достаточно позитивную тенденцию времен Т. Моммзена. Вероятно, начиная с исследований М.И. Ростовцева^{491} и появления первого издания «Кембриджской античной истории», исследователи приходили к выводу о значительном росте экономического, политического и культурного уровня античного общества в эпоху Римской Империи и подъеме ранее находившейся в упадке провинциальной жизни. Если это так, то принципат воспринимался как нечто полезное для римского общества, органически вытекающее из римской традиции, а следовательно, установление принципата было не столько узурпацией власти, сколько выходом из кризиса, альтернативой которому были гражданские войны и общий упадок, а возможно и гибель римского порядка, римского государства и римской цивилизации. Улучшение отношения к Империи способствовало и росту позитивных настроений в отношении к Цезарю и Августу^{492}.

Происходит изменение и в отношении к некоторым ключевым проблемам кризиса I в. до н.э. Меняется отношение к римским завоеваниям и римскому империализму. Если классическая историография (Т. Моммзен, Т. Франк, М.И. Ростовцев, Л. Омо)^{493}, признавая факт агрессивности Рима, огромные бедствия, причиненные покоренным народам, жестокость римских властей, грабеж провинциалов и

порабощение населения, все же, по большому счету, оценивала римское завоевание со знаком «плюс», то теперь положение несколько изменилось. Оправдание римского завоевания можно считать характерной чертой эпохи огромных колониальных империй. Рим принес цивилизацию народам Западной Европы (испанцам, галлам, жителям северобалканских областей), на востоке он защитил греко-эллинистический мир от варварских нашествий и собственных неразрешимых проблем. Он создал единое экономическое, политическое, правовое и культурное пространство на всем протяжении Средиземноморского бассейна и заложил фундамент западноевропейской цивилизации.

Современная историография дает более сложную картину. Традиция отчасти сохраняется, однако в послевоенный период, характерный явным переосмыслением завоевательной и имперской идеи, появляется все большее число исследований, содержащих критику римлян или сомнения в благах «римского мира»^{494}. По мнению многих ученых, римская экспансия не отвечала интересам самого римского народа и проводилась в интересах эгоистичной и коррумпированной политической элиты, мало считавшейся с интересами собственного общества. Еще меньше благ Рим принес покоренным народам. Помимо прямого ограбления, римлян обвиняют в том, что их победы прервали прогрессивное историческое развитие местных цивилизаций (напр. в Испании или Галлии)^{495}. Завоевание Цезарем Галлии, ранее оценивавшееся как глубоко позитивное явление, теперь достаточно часто подвергается критике не только в плане методов его ведения, но и в плане исторических результатов. Другим различием является распространенное в современной науке мнение о различии природы современного империализма, основанного на экономической и политической экспансии, и империализма античного и

вообще «доиндустриального», исходящего, прежде всего, из политических, национальных, престижных, культурных и иных установок^{496}. Иными словами, завоевание Галлии теряет свой смысл с точки зрения практических нужд Рима.

Другой комплекс проблем связан с темой кризиса конца 2–1 в. до н.э. Выше мы уже затрагивали эту тему^[97], сейчас отметим, что многие ученые отмечают прогрессивные явления в экономике того времени и не считают, что кризис носил столь глубокий и системный характер. В этом случае, миссия Цезаря теряет свою исключительность, а его реформы — свое эпохальное содержание.

Наконец, если в 1930–50-е гг. господство теории «личных партий» было фактически безраздельным (Г. Штрассбургер, Р. Сайм, Л.Р. Тэйлор, Г. Скаллард, А. Афцелиус и др.)^{497}, то начиная с 1960-х гг. исследователи все больше и больше следуют традиции М. Гельцера, пытаясь примирить ее с моммзеновской теорией. Вероятно, наиболее полно эта позиция отражена в ANRW и «Кембриджской античной истории» второго издания, двух, вероятно, крупнейших общих изданиях по интересующему нас периоду^{498}. Общее отношение выражено в статьях Р. Броутона в ANRW и Э. Линтотта в САН.

Полагая, что ни одно современное серьезное исследование невозможно без привлечения и основательного исследования просопографии, Р. Броутон, однако, не считает ее универсальной отмычкой к решению всех проблем. Люди из одних и тех же кланов подчас находились по разные стороны политических баррикад, а деятельность политиков далеко не всегда определялась их личными связями^{499}. Э. Линтотт полагает, что поддержка со стороны родственников, как правило, касалась личных вопросов и ситуаций, когда

тот или иной политический деятель оказывался под непосредственной угрозой его личности (судебный процесс, финансовые трудности, личная безопасность и т.п.), но, хотя личное и политическое были тесно связаны, эта взаимопомощь далеко не всегда распространялась на политические вопросы^{500}. В то же время оба автора отмечают самостоятельность сословно-классовых позиций всадничества, плебса, армии и италийских союзников и считают, что серьезные политические конфликты имели в своей основе глубинные причины экономического, политического и идеологического характера^{501}. Оба исследователя указывают на необходимость учета классовых и сословных интересов и политических программ, а если политические связи создавались родственными отношениями, то достаточно часто происходил и обратный процесс^{502}.

Происходит и частичное восстановление теории единой партии популяров, что особенно решительно отрицала наука 1930–50-х гг. Если некоторые из ее представителей (Г. Штрассбургер, Л.Р. Тэйлор) признавали наличие оптиматов, но решительно отрицали существование партии популяров (считая термин применимым только к отдельным лицам или программам), то другие отрицали даже единство оптиматов (Р. Сайм). Напротив, большинство исследователей 1960–90-х гг. (П. Брюнт, Ф. де Мартино, Э. Грюэн и др.) все же склонны признавать наличие того или иного варианта единых политических группировок, идейнополитических течений или «партий», идейных течений или политических стилей. Так, Хр. Мейер, автор, возможно, наиболее полно исследовавший тему популяров, дает полный список политиков, именуемых таким образом в источниках^{503}. Несмотря на то, что популяры объединяли политиков разного толка, авантюристов и реформаторов, умеренных и радикалов,

карьеристов и аристократов, Хр. Мейер признает наличие определенного политического стиля, характерного для популяров и выраженного в совокупности лозунгов, методов, принципов организации и определенной направленности законодательства^{504}.

Эти теории изменили и взгляд на Цезаря. Его, в какой-то степени перестают воспринимать как фигуру глобального масштаба, создателя новой цивилизации, оказавшего особое влияние на мировую историю и все больше и больше помещают в контекст римской политической жизни, понятий, реформ и столкновений интересов конкретных людей. Снова восстанавливается образ Цезаря-популяра, причем, популяра достаточно умеренного толка, и одновременно исчезает образ Цезаря-монарха, пытавшегося принести на римскую почву принципиально новые концепции.

Э. Эдкок, автор статьи в первом издании «Кембриджской истории» считал, что у Цезаря не было никакого стремления к царской власти, а его реформы были, главным образом, направлены на стабилизацию римской политической системы^{505}. Тезис о республиканизме, консерватизме и традиционализме Цезаря развивается в трудах Р. Сайма, Дж. Бальсдона, Л. Виккерта, Л. Радитцы, Дж. Коллинза и др.

Так Р. Сайм не считает Цезаря революционером и не видит необходимости отрывать его от римской почвы. Он считает диктатора реалистом, римлянином до мозга костей и политическим деятелем достаточно консервативного плана.

Цезарь не стремился создать монархию, тем более, в ее эллинистическом варианте, довольствуясь положением диктатора. Его монархизм был вынужденным, а стремление создать эллинистическую монархию является вымыслом новейшей историографии.

Настоящим лидером революции стал Октавиан Август, который и создал новую империю^{506}.

Монографию Дж. Бальсдона признают, наравне с монографией М. Гельцера, лучшей современной монографией о Цезаре. Отмечая его аристократизм и стремление к защите собственной dignitas, Дж. Бальсдон, однако, считает Цезаря представителем умеренной центристской позиции, которую он занял, вероятно, в период гражданской войны между Марием и Суллой или, во всяком случае, в период начала своей политической карьеры, когда получил предложение Лепида^{507}. Перед Цезарем открывались три пути: он мог отказаться от традиций семьи и перейти в лагерь сулланцев, Но, что было более естественно, он мог примкнуть к вооруженной оппозиции Лепида или Сертория. Тем не менее молодой политик избрал третий вариант — традиционную политическую карьеру (военная служба, выступления на форуме, в суде и т.п.)^{508}. Вместе с тем он все больше и больше осознавал слабость и неэффективность позднего «республиканизма» и сенатского правления. Не испытывая сожаления по поводу старых учреждений и порядков, он был готов разрушить пришедшую в негодность государственную машину.

Важнейшим достижением Цезаря было завоевание Галлии и, по мнению Дж. Бальсдона, мы вполне можем доверять «Запискам» Цезаря, хотя бы по той причине, что, когда он их писал, были живы многие участники и современники событий^{509}. Дж. Бальсдон высоко оценивает военные дарования Цезаря, его быстроту, умение находить неожиданные решения и уверенность в себе, которую полководец умел внушить своей армии. Победив Галлию, Цезарь приступил к наведению порядка в Риме и римской державе.

Цезарь, несомненно, стремился к высшей власти и проявил при этом глубокую решимость. Он хотел

вернуть Риму безопасность и порядок и очистить римскую политику от воздействия коррупции и долгового вопроса. Он мечтал и планировал реконструкцию римского государства и поход на Восток, но его главными проблемами были конкретные текущие реформы, направленные на восстановление элементарного порядка и управляемости государством^{510}.

Задачу Цезаря выполнил Октавиан Август. Его режим мало отличался от цезарианского, но Октавиан понимал необходимость сохранения республиканского фасада. Он установил единоличную власть и встал во главе армии, поскольку именно армия дает реальную силу. Вместе с тем Октавиан был «гениальным пропагандистом» и сумел убедить всех, что республика действительно восстановлена. Планы первого архитектора были отвергнуты, однако планы второго принесли всеобщее удовлетворение. Без сделанного Цезарем и уроков его гибели, не могло быть и принципата Августа^{511}.

Как полагает Л. Виккерт, Цезарь был человеком, тесно связанным с римской и республиканской традицией, стремившимся решать те реальные проблемы, которые встали перед государством. Люди типа Катона и Цицерона проявили неспособность видеть реальную ситуацию, что привело к духовному параличу^{512}. По мнению А. Феррабино, Цезарь был подлинным основателем Империи, а политика Цезаря и Августа неотделимы друг от друга. Ее стержнем (и у того, и у другого) была политика милосердия (*dementia*), на основе которой создавалось общегосударственное единство, продолженное августовской политикой «римского мира»^{513}.

Дж. Коллинз рассматривает галльские и гражданскую войны через призму анализа самого Цезаря и его сочинения. Вслед за Т. Холмсом

Райсом^{514}, он отвергает все основные обвинения в адрес автора и главного героя произведения (превышение проконсульских полномочий, набор войск и ведение войны без разрешения сената, действия против союзников и грабежи галльских храмов)^{515}. Дж. Коллинз склонен отрицать и обвинения Цезаря в фальсификации истории^{516}. Для того чтобы это понять, надо четко выяснить, что хочет оправдать Цезарь и какого рода «оправдания» могли произвести впечатление на римлян^{517}. Если современная пропаганда должна представить любую войну непременно оборонительной и вызванной экстренной необходимостью, то для римлян этого не требовалось, и ни один из римских проконсулов никогда не подвергался обвинению за то, что расширил границы римского могущества^{518}. Если бы Цезарь подвергся обвинению в несправедливом ведении войны, то в 56 г. Цицерону пришлось бы доказывать, что она была вызвана самообороной, однако оратор, напротив, восхваляет Цезаря за наступательный образ действий (Cic. de prov. Cons., 32), а установление мира означает для него полное покорение Галлии^{519}. Цезарь писал в расчете на аудиторию, уверенную в его исторической правоте и не пытался скрыть агрессивность войны. «Записки о галльских войнах» были ориентированы на самые различные слои населения, и никаких следов стремления усилить позиции популяров за счет их противников в сочинении не обнаруживается^{520}.

Принципиально иной была ситуация в гражданской войне, которая воспринималась как худшее из возможных преступлений. В «Записках о гражданской войне» Цезарь показывает не свою удачу, а свою историческую правоту и, напротив, разоблачает пороки своего противника — жестокость, трусость, слабость и некомпетентность, равно как и алчность, любовь к

роскоши, изнеженность и непомерное честолюбие^{521}. Есть и тенденция показать, что противник использует недозволенные приемы (вооружение рабов, обращение к вассальным и иностранным правителям, включая открытых противников Рима, опору на маргинальные и склонные к мятежу слои общества и т.п.)^{522}. Дело самого Цезаря это дело защиты мира и республики, причем, автор подчеркивает, что он не допускает грабежей, принимает меры для поддержания делового доверия и пользуется поддержкой всего населения Италии. Разумеется, главным достоинством победителя является его милосердие (*dementia*), хотя (очень интересное наблюдение) сам автор редко использует этот термин, предпочитая различного рода синонимы (*lenitas*, *temperantia*, *humanitas*)^{523}.

Дж. Коллинз считает, что сочинение Цезаря представляет собой мастерски построенную пропаганду, основанную на подаче достоверных фактов в определенном свете и при определенной выборке^{524}. Вместе с тем его сведения не противоречат другой информации и есть все основания полагать, что они вполне достоверны, а общая картина не является искаженной.

Те же темы затрагиваются в большой статье Л. Радитцы в «*Aufstieg und Niedegang der Römischen Welt*»^{525}. Автор разбирает точки зрения на причины галльских войн, в известной степени, полемизируя со всеми. Т. Моммзен считал, что завоевание Галлии было политической необходимостью^{526}, тогда как А. Хойсс объясняет его чисто римскими обстоятельствами и полагает, что никакой галльской угрозы не существовало, а кампании Цезаря были обусловлены внутривосточным положением в Риме^{527}. По мнению Д. Тимпе, они были не только подготовкой к гражданской войне, но и реализацией определенных

принципов римской политики^{528}. Как полагает Л. Радитца, галльская угроза реально существовала, Цезарь осознавал ее достаточно определенно, и именно ее он стремился показать своим читателям. Весьма интересной является мысль А. Шервин-Уайта и некоторых других исследователей^{529}, полагающих, что римский командующий первоначально имел целью создание более гибкой и косвенной системы подчинения в Галлии, однако этот план был сорван восстаниями 56, а особенно 53–52 гг.^{530}

Гражданская война 49–45 гг., особенно ее первые месяцы, была революцией, поддержанной практически всеми слоями населения Италии. Цезарь не шел на принципиальную ломку республиканских ценностей, более того, он был одним из немногих, кто воспринимал их такими, какими они были, в отличие от многих, прикрывавшихся республиканскими «свободами», которыми на деле никто так и не мог воспользоваться. Именно Цезарь пытался реализовать эти свободы и ценности в той степени, в которой это вообще было возможно. «Записки о гражданской войне» со всей определенностью показывают, «то иного выхода не было^{531}. Вероятно, Цезарь испытал сильный удар, поняв, что война не закончилась Фарсалом и предстоит еще полоса тяжелых и кровавых столкновений. Будучи неспособны видеть реальное положение дел, люди типа Цицерона впадали в морализаторство, компенсируя этим отсутствие внутренней силы. Наоборот, даже в обстановке общественной депрессии Цезарь оставался верен своим внутренним убеждениям^{532}.

Вероятно, с молодых лет он следовал принципам чести, сначала это была личная честь, затем она оказалась перенесена на республиканскую политику и ее принципы, однако при этом Цезарь был уверен, что имеет дело с реальными проблемами. Проблема чести,

человеческой и государственной, личная моральная оппозиция злу, олицетворяемому системой, превращались в политическую линию и были тем, в чем испытывала потребность римская государственная система. Вероятно, это внесение морали в политику и есть важнейшая черта Цезаря в концепции американского исследователя. Распад республики вынуждал Цезаря все больше и больше брать ответственность на себя. Впервые он четко заявил об этом на заседании сената в апреле 49 г., предложив сенаторам взять на себя заботу о государстве и править вместе с ним. «Если же они от страха будут уклоняться от этого, то он не станет им надоедать и самолично будет управлять государством» (Caes. B.C., I, 32). Это было не взятие власти, а взятие ответственности, что стало особенно актуальным после Фарсальского сражения^{533}.

«Убийство Цезаря означало крах суверенного римского народа. С его исчезновением ушла свобода ощущения реальности. Их место заняли мистическое оправдание власти и всеобщее чувство подавленности»^{534}. Цезарь сумел спасти государство и общество, но его собственная судьба оказалась трагичной. «Вероятно, тогда, в конце, Цезарь ощутил, что когда реальность виделась ему наиболее ясно, он был особенно слеп. Парфянский поход был попыткой продолжить ссылку из Рима. Ему некуда было идти, как некуда было идти всем, кто понимает больше, чем окружающие могут это перенести»^{535}. Из-за этой ясности понимания комментарии содержат редкое ощущение взгляда в будущее. «Бюст Цезаря в музее в Торлании, — заключает статью Л. Радитца, — показывает острую пронзительную боль, идущую из недр глубокой печали. У него нет желания манипулировать или готовности поддерживать чьи-то

манипуляции. Это лицо человека, знающего, что он взял меч, оставленный Афиной в самом начале истории»^{536}.

Л. Радитца, вероятно, особенно ясно выражает еще одну идею, которая намечалась и в более ранних трудах, но приобрела у него особое звучание и стала популярной в художественной литературе, особенно в современный период. Талантливый политик, полководец, мыслитель, ученый, Цезарь, вероятно, одержал победу, спасая Рим от краха. Построенная им и Августом Римская империя стала показателем этого успеха. Вместе с тем, его личная судьба глубоко трагична — это судьба человека, обреченного на гибель и непонимание со стороны общества, поскольку он стоял выше последнего в интеллектуальном, духовном и нравственном отношении. Эд. Мейер склонен винить Цезаря за то, что он не стал посвящать себя насущным проблемам своего времени и начал строить нечто весьма отдаленное в своей перспективе. Л. Радитца полагает, что вина лежит на обществе, не способном или не желающем понять ту правду, которую хотел показать ему Цезарь. Живой Цезарь был обречен на смерть, после смерти он был обречен на непонимание того, что он хотел сделать. Эту мысль можно обнаружить и в «Цезаре и Клеопатре» Б. Шоу, где главный герой скрывает эту трагедию за маской юмора, иронии и изящных афоризмов, и в фильме «Клеопатра» и, быть может, особенно глубоко и трагически — в «Идах Марта» Торнтон Уайльдера.

Вероятно, одним из последних вариантов характеристики Цезаря в современной западной историографии можно считать ряд глав во 2 издании «Кембриджской античной истории», принадлежащих перу Т. Уайзмана и Э. Роусон^{537}. Ранней карьере Цезаря уделено очень небольшое внимание и, по сути дела, авторы создают образ популиста, привлекающего народ роскошными играми, реабилитацией Марии и агитацией за равноправие транспаданцев^{538}. Отмечается роль

Цезаря в деле Рабирия, продвижении закона Сервилия Рулла (авторы считают его достаточно разумной попыткой снять социальную напряженность в Италии) и деле Каталины и его сторонников^{539}. Впрочем, героями событий этого периода были Помпей и Цицерон, а рост значения деятельности Цезаря относится уже к 60 г., его пропреторству в Лузитании, образованию первого триумvirата и консульским выборам, причем события этого периода показали, что римская конституция уже не работала^{540}. Центральным событием консульства Цезаря был аграрный закон, отличавшийся сбалансированностью и масштабностью, однако встреченный сопротивлением консерваторов, опасавшихся роста популярности Цезаря. Этот страх перед личным выдвижением инициатора закона не позволил им увидеть те весьма разумные принципы, которые содержались в этом предложении, а яростное сопротивление во многом было вызвано только тем, что законопроект исходил от их политического противника^{541}. Персональный фактор был предпочтен государственным интересам. В 59-58 гг. Цезарь одержал серьезную победу, тем более, что продолжением его реформ, по сути дела, стал трибунат Клодия^{542}.

Первый этап галльской войны оказался очень удачен для Цезаря. Угроза с севера, как со стороны гельветов, так и со стороны германцев, была вполне реальна, а кампании 58-56 гг. завершились завоеванием Галлии^{543}. «Подобно тому, как Помпей завоевал области от Кавказа до Красного моря, так теперь и Цезарь завоевал территории от Атлантики до Рейна, а вскоре, возможно, и до Дуная. Спеша на восток, в Иллирик, Цезарь продиктовал гораздо более краткий комментарий второго года войны. На сей раз римский народ уже не надо было ни в чем убеждать»^{544}.

Вторым этапом завоевания стало подавление восстаний 53–52 гг. до н.э.

Подробно характеризуя события 52–50 гг. и развязывание войны, Т. Уайзмен полагает, что правовая сторона вопроса достаточно неясна. «Правовой вопрос» (Rechtsfrage) вызвал обширную дискуссию среди современных ученых, хотя вопрос относительно времени остается неясен, поскольку у нас нет ни одной очевидной даты истечения срока командования, которая могла бы удовлетворить обе стороны. Однако, вступив в Италию с армией, Цезарь сделал этот вопрос неуместным: независимо от того, было ли его командование законным, для такого рода действий у него полномочий не было»^{545}.

Говоря о гражданской войне, Э. Роусон подчеркивает значение пропагандистской победы Цезаря на первом этапе войны. Особое значение имела, конечно, политика милосердия, рассеявшая опасения зажиточных слоев перед переделом собственности, тогда как бедные слои также поддержали Цезаря. Последнему удалось привлечь на свою сторону тех, кто, говоря словами Цицерона, «совершенно не заботился ни о чем, кроме собственных жалких поместий и сбережений» (Cic. Att., VIII, 13, 2; 3, 5)^{546}. Заметим, что пренебрежительное замечание Цицерона относится к подавляющему большинству римского населения, которое, в отличие от помпеянских олигархов, было вынуждено думать о «хлебе насущном».

Разбирая различные точки зрения по поводу деятельности Цезаря, Э. Роусон делает ряд выводов. Определенным символом реформ диктатора может считаться его собственное заявление о том, что его целью является «покой для Италии, мир для провинций и безопасность для Империи» (Caes. B.C., III, 57)^{547}. Пробыв десять лет за пределами Италии и Рима, Цезарь смог увидеть вещи с высоты имперской перспективы.

Его репутация человека, симпатизирующего жителям провинций, сыграла определенную роль в его победе. Оценивая провинциальную политику Цезаря, Э. Роусон отмечает ее двойственность. Цезарь проявил милосердие в Азии и Греции, собирался дать гражданство Сицилии, дал права гражданства жителям Цизальпинской Галлии, распространял гражданство в Бетике и других районах Империи. Важным достижением были строительство и восстановление городов в разных частях державы и особенно возрождение Карфагена и Коринфа, равно как и его колониационная политика^{548}.

Вместе с тем не все назначения наместников были удачны, а среди ставленников Цезаря были и такие фигуры, как Кассий Лонгин или Саллюстий. «Цезарь начал войну с весьма неудовлетворительным набором подчиненных и, возможно, одним из мотивов его политики *dementia* было получение лучших»^{549}. Достаточно широко предоставляя римское и латинское гражданство, диктатор не дал ни того, ни другого статуса ни одному греческому городу востока. После Тапса и Мунды, Цезарь достаточно жестко наказывал африканские и испанские города и общины. Колонизация и романизация часто происходили за счет ухудшения положения местного населения^{550}.

Отмечая массовую поддержку, оказанную Цезарю городами Италии в 49 г., Э. Роусон отмечает вслед за Цицероном, которого она явно выделяет из всех античных источников, что пять лет спустя настроения значительно изменились. Цезарь сумел избежать сулланских методов колонизации, однако ее масштабы были не столь велики, как это может показаться. Большое значение имело муниципальное устройство Италии, проведенное Цезарем; за счет Италии пополнялись кадры цезарианского сената, что существенно расширяло права местных элит. Вместе с

тем расселение ветеранов не могло не вызвать негативной реакции, а местные элиты сохраняли определенную оппозиционность^{551}.

Зато Рим действительно стал мировой столицей. Проводя грандиозную строительную программу, Цезарь «увековечил свое присутствие в самом сердце Рима, и при каждом публичном действии его постройки напоминали каждому римскому гражданину о его деяниях»^{552}. Город расширялся и перестраивался по проекту греческих архитекторов, а культурное соревнование с греками сыграло огромную роль в культурной программе диктатора. Рим должен был во всех отношениях сравняться с греками, и сам диктатор всегда отмечал и радовался успеху римлян в этом культурном соревновании. Рим должен был стать не только культурной и интеллектуальной столицей Империи, но и процветающим, прекрасно управляемым городом. В большинстве мероприятий Цезаря не было ничего революционного, а некоторые большие вопросы разрешить так и не удалось (речь идет, например, о крайне важном для населения Рима квартирном вопросе и проблеме задолженности населения Италии и Рима)^{553}.

Говоря о власти Цезаря и подробно анализируя его полномочия, Э. Роусон все же отвергает мнение о желании диктатора получить монархическую власть или объявить себя царем. Вместе с тем став пожизненным диктатором, Цезарь «окончательно закрыл двери всем надеждам сторонников республики»^{554}. Не будучи царем в формально-правовом плане, Цезарь становился таковым с точки зрения республиканской пропаганды, для которой реке был не идеальным монархом, образ которого создавала греческая философия, а узурпатором и тираном^{555}. С другой стороны, таким образом, процесс создания культа Цезаря был

достаточно реален и вполне возможно, что и сам Цезарь искренне верил в присутствие в нем самом сверхчеловеческого, божественного начала^{556}.

Окончательное суждение отличается двойственностью. Цезарь признается выдающимся политиком, полководцем и реформатором, много сделавшим для успеха политики Империи и ее эволюции, но ставившим интересы личной власти, собственной партии и ее выгод выше общеимперских интересов. «В отличие от большинства завоевателей, даже тех, кто действительно изменил карту мира, Цезарь был подлинно великим человеком; по всей вероятности, он встал выше многих предрассудков своего времени. Он пытался встать над партиями, классами и нациями, он, несомненно, был выше всех своих современников. Похоже, что ни один из них не оказал на него существенного влияния, хотя Цезарь всегда очень великодушно отвечал на их просьбы. Тем не менее, Цицерон, далеко не всегда бывший справедливым к Цезарю, совершенно справедливо заметил о нем в самом начале гражданской войны, сказав, что тот не «ставил безопасность и честь государства выше собственных выгод»^{557}.

Вероятно, на этом мнении, отражающем обе стороны взгляда на Цезаря, и можно завершить обзор воистину неисчерпаемого материала зарубежной историографии, простое перечисление названий которой потребовала бы нового объемного очерка. Ограничимся ссылками на некоторые библиографические обзоры^[98] и замечанием, что, подобно нашему предшественнику С.Л. Утченко, обзор которого, кроме всего прочего, имел для нас и огромную практическую пользу, мы старались ограничиться лишь теми трудами, которые касались наиболее общих концептуальных вопросов, связанных с Цезарем или оказавших особое влияние на последующую историографию и общественную мысль.

Мы также пытались представить взгляд на Цезаря не только различных ученых, несомненно, отличавшихся особенностями личного восприятия, но и разных эпох, причем временами эти мнения скорее говорят не о самом герое, а о времени, которое создает его образ. Современная «демодернизация» постоянно оказывается в ситуации забавной коллизии, когда историческое и даже современное звучание пробивается через ее заслоны, а образ Цезаря (равно как и других героев античности) приобретает не менее современное звучание, нежели это было у Т. Моммзена или Г. Ферреро. Современная эпоха больше ценит конкретную практическую деятельность и ориентацию на гуманистические ценности и с подозрением относится к утопическим идеям, и потому образ Цезаря приобретает более «заземленное» звучание. Впрочем, перед тем, как окончательно изложить свои собственные суждения, необходимо остановиться на отечественной историографии, также представляющей достаточно широкий спектр различных суждений и теорий.

3. Отечественная историография

Как и С.Л. Утченко, мы начнем этот раздел с общих историй Рима 80–50-х гг. 20 века. Точка зрения Р.Ю. Виппера, ученого, стоящего на рубеже между дореволюционной и марксистской школами, близка к позиции Эд. Мейера, причем, в некоторых положениях отечественный исследователь делает ее более четкой и определенной. Цезарь начинал как представитель демократической оппозиции, однако постепенно отошел от нее, став представителем «военного империализма», все больше и больше зависящим от армии. Следующим шагом стало его превращение в абсолютного монарха, сохранявшего опору на армию и, вместе с тем, попытавшегося перенести на римскую почву идеи восточной и эллинистической монархии. Согласно Р.Ю. Випперу, после посещения Сирии и Египта, Цезарь стал проявлять огромный интерес к востоку, его формам жизни и религиозным обрядам^{558}.

Если Р.Ю. Виппер развивает образ «эллинистического монарха», то у В.С. Сергеева на первый план выходит военная составляющая. Армия, солдаты и война занимали центральное место в политической системе диктатора, по сути дела, являвшейся ярко выраженным военным режимом. По своей сути, власть Цезаря была близка не к римской республике или даже полуконституционной монархии Августа и Юлиев-Клавдиев, а к военной монархии Северов, при которой на первый план окончательно вышли силовые структуры^{559}. Социально-экономическая политика Цезаря во всех отношениях предвосхищала политику Римской Империи, ее целью было объединение средиземноморского бассейна под властью Рима и превращение римской республики в

Средиземноморскую державу. Особое значение в этом плане имели последние мероприятия диктатора, его заморская колонизация, распространение гражданских прав и планы восточного похода^{560}. Впрочем, большая часть планов Цезаря не вышла из стадии проектов, а последующая Империя реализовывала их гораздо медленнее, чем хотел этого ее основатель^{561}. Общество не приняло новые формы жизни, которые вводил Цезарь, но если Р.Ю. Виппер считал особенно неприемлемыми эллинистические формы власти, то В.С. Сергеев считает таковой всю совокупность его политики. Августу пришлось замедлить и приостановить ход цезарианских реформ и переориентироваться на италийские и консервативные ценности.

Идея «демократического монарха» или, скорее, — демократа, ставшего монархом, развивалась С.И. Ковалевым, поставившим деятельность Цезаря в контекст борьбы оптиматов и популяров. Как и другие ученые его времени (В.С. Сергеев, А.В. Мишулин), С.И. Ковалев был сторонником моммзеновской «двухпартийной» схемы. История гражданских войн предстает в его изложении как борьба двух политических партий, оптиматов (аристократическая, сенатская партия) и популяров (народная, демократическая партия), которые можно считать достаточно организованными объединениями, имевшими свою программу, методы, более или менее постоянный состав и традиции преемственности^{562}. Несмотря на определенные оговорки, ученые этой школы считали вполне возможным считать режим Мария и Цинны «диктатурой популяров», а режим Суллы — «диктатурой оптиматов» и именно в этом контексте рассматривать деятельность Цезаря.

Наиболее полно демократические идеи были воплощены Гракхами. «Одно мгновение», — пишет С.И. Ковалев, — «могло показаться, что сенатской

олигархической республике нобилей приходит конец и ее сменяет развитая античная демократия типа афинской»^{563}. Впрочем, движение Гракхов не смогло перерасти в демократическую революцию и было подавлено по причине ((из-за)) слабости демократии и ее внутренних противоречий^{564}.

Новое революционно-демократическое движение было связано с Югуртинской и Кимврской войнами и военной реформой Мария. Будучи продолжением гракханских реформ, это движение популяров было отмечено новыми факторами: возросшей ролью люмпен-пролетариата, вносящего в него сильный элемент анархии, ростом демагогии демократических лидеров и (что было главным) — участием в движении армии и военного лидера (Мария), интересам которых стали подчиняться руководители популяров. Крах движения Сатурнина в 100 г. знаменовал собой не только поражение демократии, но и слабость новой реформированной армии^{565}.

Кризис, вызванный Союзнической войной и вторжением Митридата обострил политическую борьбу и снова вызвал к жизни демократическое движение. В 87 г. демократы заняли Рим, установив там свою диктатуру, с 87 по 85 гг. государство фактически возглавлял Цинна, так же как и Марий, ставший демократическим диктатором^{566}. Режим марианцев не удержался, после гражданской войны 83–82 гг., к власти пришел Сулла.

Оценка Суллы С.И. Ковалевым (как и многими другими учеными) достаточно сложна. Сулла разгромил популяров, а его конституционные реформы имели целью восстановить господство аристократии. Это была диктатура класса римских рабовладельцев в ее ультраконсервативном варианте, а революционно-демократическое движение было практически уничтожено^{567}. Вместе с тем независимо от своих

субъективных целей, диктатор объективно заложил основы новой системы, которую впоследствии расширил и укрепил Цезарь и которую мы называем империей. «Принцип постоянной военной диктатуры при сохранении республиканской формы, уничтожение демократии, ослабление сената при его внешнем укреплении, улучшение административного и судебного аппарата, расширение прав гражданства, муниципальное устройство Италии — все эти меры вновь появятся в деятельности преемников Суллы и войдут органической составляющей в государственное устройство Рима»^{568}.

В 70 г. основные антидемократические законы Суллы были отменены. Эта революция была произведена не популярами, а победившими в войнах 70-х гг. полководцами, использовавшими демократию для достижения личных целей. Впрочем, в период пиратской войны и восточного похода Помпей был союзником демократов^{569}. Что касается Цезаря, то он был демократом с самого начала, а в 60-е гг. участвовал в широком демократическом движении, к которому С.И. Ковалев относит Катилину, а отчасти и Красса^{570}. Наконец, в 50-е гг. под эгидой Помпея, Красса и Цезаря происходит объединение всех антидемократических и вообще антисенатских сил^{571}. Позиции Цезаря усилились в ходе Галльских войн, создавших закаленную и дисциплинированную армию, усиливших «партию Цезаря» и давших в его руки огромные материальные средства^{572}.

С.И. Ковалев считает практически неразрешимым вопрос об окончании галльского наместничества Цезаря, причем, полагая, что его нельзя было сместить ранее 1 марта 49 г.^{573} Столь же неясен и вопрос о его заочной баллотировке, хотя закон 10 трибунов действительно существовал. Нарушением было и игнорирование вето

народных трибунов, Антония и Кв. Кассия в январе 49 г. [{574}](#).

Итак, долгое время Цезарь сохранял старые связи и приверженности, не делая ничего, что могла бы поставить ему в упрек народная партия. Он начал видеть в ней неудобство со времен Клодия. После победы его власть основывалась на армии, а в ряде важных вопросов (напр., организация власти и организация сената), он шел по стопам Суллы. Среди его реформ были такие прогрессивные мероприятия, как провинциальная колонизация, предоставление прав гражданства провинциалам и упорядочение провинциального управления, заложившие фундамент будущей Империи [{575}](#).

Впрочем, постепенно социальная основа его власти стала сужаться. Демократические слои были недовольны сокращениями хлебных раздач и закрытием коллегий, ограничения откупной системы вызвали недовольство всадников. Сужению социальной базы способствовали и монархические амбиции диктатора, мечтавшего о монархии эллинистического типа [{576}](#). Этим воспользовались бывшие помпеянцы, организовавшие заговор.

Возможно, точка зрения С.И. Ковалева наиболее близка к нашей. Хотя отечественный ученый не отказывается от взгляда на Цезаря, как носителя эллинистических идей, эта мысль не занимает у него столь важного места, как у его предшественников. С другой стороны, он справедливо подчеркивает тесную связь Цезаря с Римом и римским движением популяров и высоко оценивает его мероприятия, направленные на создание новой Империи. Труднее согласиться с тем, что в этом последнем он шел по стопам Суллы и мнением о том, что кризис времен его диктатуры носил системный характер. Примечательна и заключительная характеристика Цезаря у С.И. Ковалева: «Он был

человеком гениальных способностей и высокой культуры. Качества великого полководца, сочетались в нем с широтой кругозора выдающегося государственного деятеля. Вместе с тем, в личности Цезаря было много обаяния и благородства»^{577}. Цезарь зашел слишком далеко, римлянам была нужна завуалированная форма диктатуры, на которой он остановился в 46 г. до н.э.^{578}

Достаточно близки и взгляды Н.А. Машкина. Первым из отечественных исследователей он специально обратился к вопросу о политических партиях. Признавая, в целом, теорию борьбы оптиматов и популяров, Н.А. Машкин сделал две важные оговорки. Во-первых, он отказался считать римские политические партии аналогом современным и, во-вторых, отметил, что классическим периодом борьбы оптиматов и популяров было время Гракхов и Сатурнина, тогда как последующий период отмечен гораздо более сложным характером противостояния^{579}.

Гракхи были сторонниками римского плебса и пытались провести в жизнь подлинно демократические принципы. Оба брата стали жертвами реакции, но и олигархия получила серьезный удар, а основные политические последствия гракханских законов связаны с аграрным законом и законами о всадниках^{580}. Особое значение в развитии демократии имела военная реформа Мария и его военные победы. Впрочем, сам Марий был не столько популяром, сколько ставленником армии и всадничества. Он выступил как носитель военной диктатуры. После его смерти, место Мария занял Цинна^{581}.

Если С.И. Ковалев был, вероятно, первым, кто обратил особое внимание на римских популяров, Н.А. Машкин уделил столь же адекватное внимание развитию системы военных диктатур. Именно с этим

связана его оценка Суллы, а затем и Цезаря. С одной стороны, законы Суллы были, несомненно, глубоко проникнуты консервативным духом. Диктатор пытался возродить тот строй, который существовал в Риме до Гракхов и даже до закона Гортензия^{582}. С другой стороны, главной опорой Суллы была армия, а реставрационные тенденции сочетались у него с презрением к римским обычаям, цинизмом и жестокостью^{583}. Военный диктатор явно преобладал над оптиматским лидером^{584}.

Реформы 70 г. стали результатом союза Помпея и лидеров демократии. Благодаря последней, Помпей получил свои чрезвычайные назначения, а Рим добился успехов в восточной политике. Вместе с тем, реформы 70 г. не привели к возрождению римской демократии. Хотя Цезарь вышел на политическую арену как лидер популяров, причем, достаточно умеренных, возродил марианскую партию и попытался провести несколько демократических мероприятий (напр. Закон Рулла), он тоже достаточно быстро переходит к этой «личной» политике. Так, триумвират был уже чисто личностным союзом трех могущественных политиков (Помпея, Красса и Цезаря), направленным против оптиматов.

Галльские войны ускорили образование Империи. Галльская добыча стала средством демагогической политики, а армия — сильнейшим инструментом политики в руках Цезаря, также превратившегося в военного вождя. Н.А. Машкин отмечает позитивное воздействие завоевания на жизнь Галлии: темпы романизации были быстрыми, между галльскими и италийскими областями начался интенсивный товарообмен, в самой стране развивалось ремесленное и сельскохозяйственное производство, а наиболее крупные местные поселения стали городами, в которых развивалась галло-римская культура, сыгравшая значительную роль в европейской цивилизации^{585}.

По мнению Н.А. Машкина, именно крайние оптиматы (группа Катона и др.) развязали войну между Цезарем и Помпеем. Последующая традиция сделала из Помпея мученика, павшего за республику, но это едва ли отражало его истинные намерения. Как и Цезарь, Помпей стремился к единовластию и видел перед собой образ Александра^{586}. Гражданская война 49-45 гг. привела к острому кризису, выходом из которого и стали реформы Цезаря^{587}. В этих реформах сочетались традиционные принципы партии популяров, монархические идеи, распространенные в странах эллинистического востока, и некоторые положения римских консерваторов^{588}. Цезарь опирался на массовую базу: он был популярен среди городского плебса, вокруг него группировались римские дельцы и провинциальные элиты, его поддерживали получившие гражданство жители провинций. Выступив вначале как руководитель и восстановитель партии популяров, Цезарь стремился стать защитником всего свободного населения Империи^{589}.

Самым значительным специальным исследованием в отечественной историографии является монография С.Л. Утченко «Юлий Цезарь». Мы уже неоднократно обращались к этому труду, однако в настоящее время есть смысл дать его общий завершающий обзор. Значительный интерес представляет уже вводная глава «Образ Цезаря в мировой историографии. Миф о Цезаре», в которой впервые в отечественной историографии, был представлен подробный анализ источников и историографии по теме Цезаря. Здесь же С.Л. Утченко формулирует свою теорию «цезарианского мифа».

По мнению автора, телеологический подход к анализу личности и деятельности Цезаря присутствует уже у Саллюстия и Цицерона и продолжает развиваться у Плутарха и Светония. По мнению автора, античность

знала Цезаря, прежде всего как выдающегося полководца, и считала преобразователем римского государства другого человека, Октавиана Августа^{590}. Создание телеологического мифа о Цезаре-политике и реформаторе принадлежит уже новой и новейшей историографии.

Телеологический миф впервые появляется у В. Друманна, считавшего, что Цезарь с юных лет понимал обреченность республики и необходимость установления монархии, и достигает своей кульминации в «Римской истории» Т. Моммзена, создавшего образ «первого и единственного императора Цезаря»^{591}. Далее С.Л. Утченко дает подробный обзор ключевых исследований на тему Цезаря (Г. Ферреро, Р. Сайм, Эд. Мейер), отмечая реакции авторов на крайности теории Т. Моммзена и, вместе с тем, констатируя, что телеологический подход так и не был изжит до конца^{592}. Эта тенденция прослеживается и в лучших западных работах о Цезаре, принадлежащих уже к более позднему периоду (сочинения М. Гельцера и Дж. Бальсдона)^{593}.

Далее отечественный исследователь представляет уже своего Цезаря. Вероятно, центральным вопросом первых глав является вопрос о роли Цезаря в движении популяров, и здесь С.Л. Утченко возвращается к своей теории политических партий, в свое время приведшей к повороту в советской историографии^{594}. Тщательно проанализировав термины, автор приходит к выводу об абсолютной неприменимости современного понятия «партия» к тем весьма аморфным объединениям, которые существовали в римской республике^{595}. С другой стороны, сами термины «оптиматы» и «популяры» никоим образом не могут быть обозначениями партийных структур^{596}. Далее автор продолжает скорее гельцеровскую традицию, все же

признавая наличие в Риме элементов «партийности» и считает оптиматов и популяров большими идейно-политическими течениями, в рамках которых действовали небольшие, как правило, «личные» партии, основанные на фамильных связях, клиентских отношениях и иных видах зависимости^{597}.

Даже независимо от того, признаем ли мы существование единой «партии популяров», Цезаря никоим образом нельзя считать ее лидером. Хотя в 70-е гг. он приобрел определенную известность, он едва ли мог претендовать на руководящую роль в каком-либо объединении^{598}. Более того, он так и не примкнул к настоящей демократической оппозиции, выбрав, вместо этого, вполне определенный путь политической карьеры^{599}, с ее традиционными методами (устройство зрелищ, трата денег и достаточно стандартные пропагандистские кампании)^{600}. Цезарь вышел на широкую арену только тогда, когда он начал ориентироваться на Помпея. Его действия приобретают антисенатскую направленность, однако он не был ни крайним демагогом, ни «рискованным отчаянным игроком», всегда умея остановиться у последней черты^{601}.

Хотя в 60-е гг. Цезарь постепенно набирал силы, это время стало для него сложной полосой неудач (сотрудничество с Катилиной, закон Рулла, дело Рабирия и др.)^{602}. Тем не менее, он продолжал восходить по лестнице магистратур, приобретал политический опыт^{603} и, наконец, обнаружил в себе крайне ценное качество — умение не падать духом от неудач и благодаря собственной стойкости, превращать поражение в победу^{604}. В это время Цезарь продолжал следовать в фарватере политики Помпея, а потому особое значение имеет и характеристика этого последнего, отличающаяся у С.Л. Утченко глубокой

оригинальностью. Автор отвергает как мнение Т. Моммзена, считавшего Помпея ничтожеством, неспособным взять идущую в руки власть, так и точку зрения Эд. Мейера о его стремлении создать некий «принципат Помпея», т.е. особую синтетическую систему управления^{605}. Для С.Л. Утченко Помпей был образованным и просвещенным вельможей, воспитанным в духе глубокого уважения к римской законности и не желавшего уходить с конституционной почвы^{606}. Этот талантливый человек дела был глубоко привержен существующему, строю и поступал «как должно», мало задумываясь над тем, что из этого выйдет^{607}.

Значительную часть своего труда С.Л. Утченко посвящает первому триумvirату, причинам его создания и целям его участников. Не будем перечислять все основные выводы автора, из коих некоторые весьма интересны и оригинальны, отметим лишь общую тенденцию отрицания у триумvirов каких-либо глобальных политических концепций и признания того, что на первом месте находились вполне конкретные злободневные цели^{608}. Впрочем, триумvirат мог и перерасти эти чисто тактические задачи, а фраза Катона, что объединение этих лидеров было страшнее, чем внутренняя борьба или гражданская война, вполне справедлива, если иметь в виду не благо всего римского общества, а интересы сенатской республики^{609}.

В период консульства Цезарь начинает отходить от движения популяров. Хотя основное мероприятие, аграрная программа, была выдержана в русле политики последних, другие мероприятия реформатора были просто выполнением обязательств перед коллегами по триумvirату. Цезарь начинает понимать, что неорганизованная масса народа уже не может быть прочной и надежной опорой его планов^{610}, тем более,

что у городской «массы» появился новый альтернативный лидер в лице Публия Клодия^{611}. Новой целью Цезаря было получение провинции и армии и, отправляясь в 58 г. в Галлию, он едва ли имел какие-либо четкие планы и намерения, но уже совершенно определенно ощущал новые перспективы^{612}.

Эти перспективы дали Галльские войны, которым С.Л. Утченко уделяет очень серьезное внимание. Не будем останавливаться на очень подробном и детализированном обзоре хода военных действий в Галлии в 58–51 гг., которым мы не раз пользовались в собственном обзоре (см. гл. 5–6) и отметим лишь самые основные выводы автора. По уровню материальной культуры Галлия едва ли заметно уступала Риму, и если ее культура может быть названа «варварской», то вовсе не как отсталая, а скорее — как чуждая греко-римской культуре античности^{613}. Победрами над галлами Цезарь был обязан не только своим талантам военачальника, но и качествам выдающегося дипломата (известное противоречие тому, что говорилось во введении), а также — политике милосердия, которая, однако, могла сменяться беспощадной жестокостью^{614}. Римское завоевание открыло для Галлии новые перспективы, и процесс романизации страны берет свое начало с галльских кампаний^{615}. Были и другие последствия: Цезарь стал выдающимся военачальником, блеск его побед произвел неотразимое впечатление даже на противников полководца, а за его спиной стояли теперь мощная армия, сильная «личная партия» и огромные материальные средства. В Галлии же зарождается и политика *dementia*, которой предстоит сыграть «исключительную и, вместе о том, роковую роль в истории всей дальнейшей жизни и деятельности Цезаря»^{616}.

Подробно рассматривая вопросы развязывания гражданской войны, автор скорее склоняется в пользу Цезаря^{617}, полагая, что по всем правилам Цезарь должен был оставаться своего рода «полуофициальным» наместником Галлии хотя бы в течение всего 49 года^{618}. Еще более интересен общий вывод: именно Помпей понимал, что политическая борьба неизбежно кончится его поражением, а потому уверенно шел к силовому варианту. Положение Цезаря было иным: он был уверен, что новый тур политической борьбы принесет победу именно ему, а потому был заинтересован в использовании всех возможностей мирного решения конфликта. Получилось наоборот — не желавший войны Цезарь с ее началом стал действовать быстро и решительно, тогда как желавший войны Помпей был растерян как никогда^{619}.

Нельзя не согласиться с другим тезисом С.Л. Утченко. Италия и провинции были не только театром военных действий, но и активными «играющими сторонами» в гражданской войне 48–45 гг., и победа Цезаря была вызвана тем, что ему удалось повести за собой самые различные города, общины и отдельные сообщества всей огромной Римской державы, будь то Италия, Испания, Африка, Македония или Греция^{620}.

Последняя часть труда С.Л. Утченко посвящена реформам Цезаря и его диктатуре. Автор полагает, что эти преобразования отражали весьма разнородные тенденции. Некоторые из преобразований (наделение земель ветеранов, всеобщий ценз, колониционная политика и строительная программа) были действительно грандиозными мероприятиями, нацеленными на дальнюю перспективу^{621}, однако основная политика диктатора, представляла собой набор «ответов» на жгучие вопросы текущих событий и конкретной ситуации^{622}. Даже закон о муниципиях и

реформа календаря были вызваны текущими нуждами управления^{623}. Новаторские мероприятия Цезаря сочетались с охранительными тенденциями и традиционными подходами и, даруя права гражданства провинциалам, диктатор не собирался ни вытеснить старых граждан, ни лишать власти старую аристократию^{624}. Двойственную роль сыграла и политика *dementia*: — став необычайно эффективной тактикой в период гражданской войны, она оказалась крупным политическим просчетом после победы^{625}.

Общий вывод как бы повторяет сказанное во введении. Признавая полководческие дарования Цезаря, автор считает его дилетантом (или неудачником) в вопросах государственного строительства и не считает, что перед его глазами возникала какая-либо политическая теория, будь то «эллинистическая монархия», «демократическая монархия» или «принципат». Все эти формы есть ретроспективное построение поздних историков, тогда как политика Цезаря была направлена на решение конкретных злободневных вопросов современной ему жизни^{626}.

Цезарь оказывается промежуточной фигурой между двумя грандиозными политическими процессами. Первым из них была грандиозная социальная революция, начавшаяся в эпоху Гракхов и достигшая своей кульминации в Союзнической войне, вторым — переход к Империи и деятельность Августа^{627}. Справедливо отвергая понятие «цезаризм» по причине его полной неясности и признавая, что Август все же был последователем Цезаря, а не Помпея или Цицерона, С.Л. Утченко считает Цезаря «необходимой жертвой» в процессе борьбы республики и Империи. Если одни (как Цицерон и Катон) гибли потому, что отстаивали исторически обреченное дело, то другие (как Цезарь) —

потому, что они зашли слишком далеко, предвосхищая развитие событий^{628}.

Монографию С.Л. Утченко можно считать крупнейшим отечественным исследованием, сохранившим свою актуальность и по сей день. Говоря об исследованиях современных ученых, отметим два, первое из которых имеет общий, а второе — конкретный характер.

Небольшое пособие М.В. Белкина и К.В. Вержбицкого «История древнего Рима» интересно именно как пример современного подхода к некоторым проблемам истории Рима, включая проблему Цезаря. Определяя власть Цезаря как военную монархию, построенную на основе республиканской конституции, авторы считают главной реформой диктатора его «правовую революцию», направленную на превращение Римской республики в Средиземноморскую державу и отказ от монопольного положения Рима и римлян^{629}. Составными частями этой революции можно считать широкую раздачу гражданских прав провинциалам, колонизацию и романизацию провинций, частичную отмену откупной системы, замененную государственным налогообложением и принятие нового муниципального закона. Цезарь скорее проложил дорогу, ведущую из кризиса, чем создал новое здание, это последнее строил уже Октавиан Август^{630}. Особенность жанра (учебное пособие для студентов, посвященное всей истории Рима), естественно, не дает возможности раскрытия этих тезисов, но, заметим, что они во многом совпадают с тем, что хотелось бы сказать и нам.

Более полно тема Цезаря рассмотрена в уже совсем новом отечественном исследовании, монографии Н.В. Чекановой. Монография содержит немало интересных замечаний относительно гражданских войн в целом, но мы намерены ограничиться только темой Цезаря. Автор выделяет три этапа в его деятельности: 84–61 гг. —

время складывания идеологии и практики того, что позже назовут «диктатура Цезаря»; 60-52 гг. — время закрепления его политического лидерства и 52-44 гг. — время, когда государственно-политические идеалы и принципы реальной политики Цезаря, а также его положение в системе римской власти, были приняты большей частью римского общества^{631}.

В первый период происходит оформление отношения Цезаря к основным проблемам римской общественной жизни и его политическая практика. Цезарь осознал, что римская демократия (комиции) превратилась в неорганизованную массу, а аристократия (сенат) показала свое политическое бессилие и неспособность контролировать ситуацию^{632}.

Образование I триумvirата создало систему политического дуализма. Республиканская форма правления сохранилась, однако над республикой нависла новая структура, которая во многом определяла ее политику. По своим целям, характеру и форме власти триумvirат был коллегиальной, конституционно неоформленной диктатурой, предполагавшей республиканские принципы организации власти, но реально опиравшейся на силу, личный авторитет членов объединения и оказываемое ими силовое давление. Впрочем, на первом этапе триумвиры не ставили своей целью уничтожение сената и республиканского строя^{633}.

Консульство и первые годы галльского наместничества стали решающими для превращения Цезаря в крупного политического лидера. Укрепились его позиции в комициях и коллегии трибунов, резко изменилось соотношение сил в сенате^{634}. Амплитуда политической деятельности Цезаря в 59-52 гг. оказалась необычайно широкой, поскольку он пытался опереться на самые разнообразные политические силы. Оформляются правила его политического поведения:

реализм мышления, проведение надсословной политики и консолидация граждан вокруг его личности. Решающим поворотом стали 52–50 гг., победа Цезаря в Галлии и консолидация помпеянцев в Риме^{635}.

Наиболее подробно автор разбирает собственно диктатуру Цезаря, начав свой разбор с ряда интересных вопросов. Сколь велика была степень радикальности реформ Цезаря? Был ли он готов к ним сам? И, наконец, какую именно политическую систему создавал диктатор?^{636} Свергал ли он «свободную республику»? Все три составляющие традиционной схемы (Цезарь сверг свободную республику ради установления монархии) оказываются достаточно сомнительными. «Свободная республика» была слабой властью, а действия Цезаря едва ли можно считать государственным переворотом. Наконец, диктатура Цезаря намечала определенные тенденции, но ее едва ли можно считать собственно монархической властью^{637}.

Н.В. Чеканова подробно рассматривает сенатскую политику Цезаря и его деятельность в государственно-административной сфере. В отношении сената Цезарь, несомненно, проводил политику на снижение его авторитета и превращение в орудие реализации собственных планов, однако сенат оставался высшим органом власти, и диктатор был вынужден с этим считаться^{638}. Примерно то же самое можно сказать об имперской политике: Цезарь во многом определил развитие принципов территориальной монархии, производил массовое предоставление прав гражданства и масштабную муниципальную реформу, имевшую целью наладить процесс управления^{639}. Однако он вовсе не хотел уничтожить республику, подавить сенат и растворить Рим в системе провинций^{640}.

Подводя итоги, Н.В. Чеканова отмечает, что Цезарь понимал необходимость реформ, которые подготовили бы слияние Рима, Италии и провинций в единое целое, и упорядочение царившего в Империи разнообразия отношений. Его целью было создание единой территориальной державы с сильной централизованной властью, и он не скрывал, что считает республику мертвой. Вместе с тем, реформы Цезаря не были единой продуманной программой, а были попыткой решения наиболее сложных и насущных проблем на основе уже сложившейся практики. Цезарь форсировал курс на модернизацию римского общества, что вызвало протест консервативно настроенной части гражданства^{641}.

Итак, отечественная историография дает несколько вариантов анализа диктатуры Цезаря. Если Р.Ю. Виппер видит в Цезаре «эллинистического монарха», а В.С. Сергеев считает его по преимуществу военным диктатором, то С.И. Ковалев и Н.А. Машкин помещают его в контекст борьбы оптиматов и популяров, продолжая, по сути дела, моммзеновскую идею лидера популяров, превратившегося в единоличного «демократического» монарха. Существует и определенные различия: если С.И. Ковалев делает упор на «демократическую» составляющую, то Н.А. Машкин более склонен видеть эволюцию Цезаря в сторону военного лидера. Возможно, самым принципиальным поворотом была теория С.Л. Утченко, который, в русле более поздней западной историографии, отказывается от идеи о доминировании в деятельности Цезаря какой-либо идеологической модели и видит в нем политика-реалиста, живущего сегодняшним днем, учитывающего интересы конкретных людей и решающего насущные злободневные проблемы. Наконец, в понимании Н.В. Чекановой Цезарь оказывается своеобразным «кризис-менеджером», остававшимся приверженцем основных

принципов республики, но пытающимся спасти ее путем частичных преобразований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытаемся подвести некоторые итоги. Многие уже было сказано в предыдущем изложении, однако некоторые проблемы, поставленные уже наукой Нового и Новейшего времени, требуют хотя бы суммарного анализа. У истоков антицезарианской, а отчасти и процезарианской традиции лежит миф о римской республике и ее героях. Этот миф имеет как античные, так и современные корни. Со времен Платона и Аристотеля в античной общественной мысли создается образ смешанного строя, идеально сочетавшего демократическое, аристократическое и монархическое начала. Полибий и Цицерон объявили этим идеальным обществом римское государство. Демократический элемент римского строя олицетворялся суверенитетом народных собраний, в которых власть большинства народа (трибутные комиции) сочеталась с другим видом собрания (центуриатные комиции), где преобладали зажиточные слои населения. Римский сенат был выражением власти аристократии, соединившей в себе древнюю патрицианскую родовую знать, патрицианско-плебейскую аристократию должностей, разбогатевшую на войнах аристократию денег, энергичных и напористых «новых людей» и популярных народных лидеров. Наконец, римские магистраты сочетали традицию полной самостоятельности, унаследованную от царской власти, и функции исполнительной власти республики, подчиненной коллегиальным органам. Заметим, что этот античный миф более или менее соответствовал римскому государству, целью которого была консолидация общества для борьбы с внешним противником. «Демократические» ценности явно были на втором плане. «Идеальная система», казалось,

прекрасно проявила себя на деле: Рим построил Италийскую федерацию, разгромил Карфаген и эллинистические царства и создал гигантскую Средиземноморскую державу. Кроме того, римская идеология прекрасно создавала иллюзию «общества равных возможностей», сохраняла аристократические идеалы и успешно консолидировала общество. Далее начинается уже современная часть мифа.

Многие проблемы Рима действительно сходны с современным правом: это обеспечение прав большинства и меньшинства, сочетание принципов выборности и единоначалия, парламентаризма и диктатуры, разделения законодательной, исполнительной и судебной властей и т.п. Вольно или невольно Римская республика воспринимается как «свободное общество» со свободными, альтернативными выборами, свободой слова и собраний, состязательным судебным процессом и гарантиями прав личности, а человек, покончивший с ним, естественно, не имеет шансов на оправдание. Впрочем, вслед за Н.В. Чекановой зададим вопрос, было ли это общество действительно свободным, и сверг ли его Цезарь?

Римские державы 3, 2 и 1 вв. сильно отличались друг от друга. До Второй Пунической войны Рим владел только Италией, Сицилией и Сардинией. Это было достаточно компактное государство, большую часть населения которого составляли римские граждане — около 300 000 человек (с семьями — около 1 млн.) — и союзники — около 350 000 (с семьями — примерно 1, 5 млн.)^{642}.

Ко времени Гракхов Рим уже владел большей частью Испании, северной Африкой (бывшие владения Карфагена), Македонией, Грецией и западной частью Пергама, что означало 3-4 кратное увеличение как территории, так и населения державы. На 3-4 млн. италиков, союзников и римлян, приходилось теперь 12-

15 млн. жителей покоренных территорий^{643}. Ко времени Цезаря размеры сверхдержавы примерно удвоились за счет Галлии, Нумидии, областей к северу от Македонии, Вифинии — Понта и Сирии. При Августе к ним добавились Египет и широкая полоса между верховьями и низовьями Дуная. Площадь современной Италии, примерно равная площади Римского государства перед 2 Пунической войной, равняется 300 000 км²; в конце 2 века площадь Римской державы достигла примерно 2 млн. км², при Цезаре — около 3 млн. км², Империи Августа — свыше 5,5 млн. км². Население росло примерно сходными пропорциями, достигнув во времена гражданских войн примерно 25–30 млн.

Население провинций (перегрины), а частично и союзники, оказались за пределами «идеальной системы», фактически не имея какой-либо правовой защиты. Примерно четверть этого огромного бесправного населения составляли рабы, бывшие полной собственностью хозяев и лишённые каких-либо прав на собственность, семью (рабский брак считался «сожителем») и потомство, принадлежащее хозяину. Любое насилие, допущенное по отношению к рабу, не считалось преступлением, а особенностью ситуации эпохи поздней республики было то, что практически всё провинциальное население не было защищено от возможности ограбления, массового порабощения и жестоких наказаний. Долговое рабство, недопустимое для римских граждан, процветало в провинциях, а покоренные Римом территории не были защищены от грабежей пиратов, римских наместников и римского «делового мира».

Война была постоянным явлением в жизни провинций. Испания пережила Серторианскую войну, с 55 г. там стояли 7 помпеянских легионов, а в 49–45 гг. она стала ареной войны гражданской. Мелкие

локальные войны продолжались до времен Августа. Греция и Македония стали ареной I Митридатовой и трех гражданских войн: 49–45, 42 и 31 гг. Экономика Греции смогла восстановиться лишь ко 2 в. н.э. На территории Малой Азии прошли три Митридатовы войны, в 85 г. Сулла наложил на провинции огромную контрибуцию в 20 000 талантов, в 49–48 гг. ее разграбили помпеянцы, в 42 г. — армии Брута. В 88 г. Митридат устроил резню в Пергаме, в 47 г. в Азию вторгся Фарнак. Пострадавшая от Югуртинской войны Африка была опустошена Юбой и помпеянами. Не лучше было в странах, еще не вошедших в состав державы: Галлия была ареной междоусобиц и германских вторжений, а вся история Птолемеевского Египта это история распада, городских бунтов и упадка экономики^{644}. Не в лучшем положении была Сирия, последний осколок Селевкидского царства.

Жизнь Цезаря протекала даже не в гракханском, а в сулланском Риме, Риме Союзнической войны, гражданской смуты 80-х гг., сулланской диктатуры и господства постсулланской олигархии. Союзническая война унесла 300 000 жизней римлян и италиков (Veil., 11, 15, 3), в 88 г. произошел сулланский военный переворот, в 87 г. — марианское восстание и осада Рима, в 83–82 гг. — гражданская война, в ходе которой погибло около 150 тыс. человек (Eutr., V, 1). Многие области Италии (Самний, Этрурия, Лациум, Кампания) были опустошены еще во времена Августа. Постсулланский период не избавил страну от новых конфликтов: в 78 г. произошло восстание Лепида, в 73–71 гг. по всей Италии прокатилось Спартаковское восстание, в 60-е гг. назревал заговор Каталины. По сути дела, все эти войны имели характер одной, непрекращающейся гражданской войны. Предстояла еще кампания 49 г., Мутинская и Перузийская войны и блокада побережья флотом Секста Помпея. Нищета была и во времена Принципата, однако массовая нищета

была характерной чертой именно сулланского и постсулланского Рима. Мы видим ее повсеместно, будь то время гражданских войн 80-х гг., постсулланский период 70-х гг. и даже относительно благополучное время 60-50-х гг. [{645}](#), ^[99]

Беспрецедентный характер носило военное напряжение. Численность римской армии во 2 Пунической войне достигала 20-25 легионов, но это был абсолютный максимум. В войнах 139-167 гг. (от Замы до Пидны) Рим выставлял от 6 до 13 легионов, а в 167-105 гг. — 6-8 легионов [{646}](#). После Араузиона ситуация радикально изменилась. Со 105 по 100 г. римляне содержали армии в 12 легионов, в 90-е гг. наступило затишье (число легионов сократилось до 4-6), однако в период Союзнической войны римляне мобилизовали 32-34 легиона, примерно столько же выставили союзники. В 87-84 гг. армия сократилась до 24 легионов, однако в гражданской войне 83-82 гг. участвовало 54 легиона. В 78-70 гг. Рим снова выставлял от 25 до 42 легионов, спад произошел в 69-63 гг. (26-28 легионов) и далее в 62-53 гг. (10-18 легионов). Впрочем, в 49-45 гг. численность армии снова выросла до 40-45 легионов [{647}](#).

Подлинной знаковой фигурой, символизирующей период 80-49 гг. был не Помпей, Цицерон или Катон. Настоящим создателем «республики» последних десятилетий был Луций Корнелий Сулла, победивший в гражданской войне 83-82 гг. и ответственный за большую часть ее жертв. Сулланские проскрипции уничтожили и подавили оппозицию, сулланские законы прямо или косвенно регламентировали жизнь римского общества, сулланская колонизация создавала массовую базу режима, а созданная Суллой политическая элита правила Римом в течение трех десятилетий.

Возможно, эта корпорация не имела некоторых признаков, свойственных современным партиям, однако

победившая «партия власти» обладала высокой степенью единства и корпоративности, будучи связанной между собой многочисленными родственными, деловыми и партнерскими связями и выступая единым фронтом в сенате, во время судебных процессов и на выборах, всегда будучи готова пойти на силовой вариант. Из 61 консула 79–49 гг. 23 сражались под знаменами диктатора, 16 состояли с ними в родстве (как правило — дети), а большинство из оставшихся 20 были их политическими партнерами и единомышленниками. У «партии власти» были свои общепризнанные лидеры. В 70-е гг. ими были Метелл Пий, Лутаций Катул, братья Лукуллы, Гортензий, Метелл Критский. Несколько особняком стояли Помпей, Красс и Сервий Исаурийский. В 60–50-е гг. их место заняли Метелл Целер, Лентул Спинтер, Анн. Клавдий Пульхр, Домиций Агенобарб, Бибул и др., а их идейным лидером стал М. Порций Катон. При всем разнообразии личных, клановых и даже идейных и политических интересов, эти люди выступали единым фронтом против любого противника.

Сулланская элита контролировала не только власть, но и деньги. После победы Суллы, в руках диктатора и его окружения скопилось 350 млн. сестерциев. Состояние Красса выросло до 180 млн., Помпея — до 70 млн. В этот круг, вне всякого сомнения, входили Лукуллы, Гортензий, Домиций Агенобарб и клан Метеллов. Если одни олигархи уже достигли подобных богатств, то другие к этому стремились, что вызывало небывалую коррупцию. Так, в деле Верреса фигурировало около 100 млн. сестерциев, а число коррупционных процессов было необычайно велико, даже несмотря на то, что сулланцы крайне неохотно «сдавали» своих коллег. Для сопоставления, заметим, что даже в «лучшие» времена в государственной казне было 200–400 млн. сестерциев^{648}, военный бюджет

составлял не менее 75–80 млн.^{649}, а подавляющее число из 300 000 граждан жили за чертой бедности и получали бесплатный хлеб.

Чисто внешне эта «республика нищих и миллионеров» имела ряд демократических свобод. В Риме I века был формальный суверенитет народа, выборность большинства магистратов, свобода собраний и слова и альтернативные выборы. В 139–107 гг. на всех народных волеизъявлениях (выборы, принятие законов, криминальные процессы) вводилось тайное голосование, а любой римский политик не менее 4–5 раз в жизни обязательно участвовал во всенародных выборных кампаниях.

Информация о консульских выборах показывает, что свободные, альтернативные выборы были весьма редким исключением из правила. В 111 г. лидер популяров Гай Меммий заявлял, что последние 15 лет народ был игрушкой в руках олигархов (Sail.lug., 31). У нас нет подробностей этих выборных кампаний, но результаты говорят сами за себя: за это время клан Метеллов занял пять консульских мест, а единственным «новым человеком» был консул 122 г. Гай Фанний, получивший место благодаря Гаю Гракху и затем ставший его противником. Косвенным показателем отношения к собственным «избранникам» был народный энтузиазм во время многочисленных в то время процессов против виновников поражений в Югуртинской и Кимврской войнах. В этой ситуации подлинной революцией были выборы Мария в 107 г., вызвавшие, как пишет Саллюстий, небывалую явку избирателей (Sall.lug., 95). Народ голосовал не только за Мария, но и против нобилитета.

Победившая революция еще в большей степени лишила народ права выбора. В 104–100 и в 87 гг. консулом становился Марий, а его коллегой был, как правило, кто-либо из сторонников. После, возможно,

относительно свободных выборов в 90-е гг. наступали бессменные консульства Цинны, и Карбона (с 87 по 82 гг.), сулланская диктатура и очередность сулланских олигархов в 70-е гг.

Период «свободных выборов», вызванных относительным равновесием правящих оптиматов и различного рода оппозиции, приходится на небольшой период 67–49 гг. Он завершился специфическим выборным кризисом (или кризисами), ставшим следствием всевозможных злоупотреблений, массового подкупа избирателей, силового давления, «черного пиара» и предвыборных скандалов. По мнению Д. Клауда, комиссия по делам о подкупе появилась в Риме уже в 149–120 гг. ^{650}, но именно в период «свободных выборов» происходит резкое ужесточение законодательства. В 67 г. 10-летний запрет занимать должности для осужденного по закону о подкупе стал пожизненным, в 63 г. к этому добавилось 10-летнее изгнание, в 52 г. Помпей сделал изгнание пожизненным.

Электоральные скандалы стали обычным явлением. Первый из них случился уже в 66–65 гг. и привел к «первому заговору Катилины», а за предвыборной борьбой этих лет стоит зловещая тень переворота, который готовили катилинарии.

Новой революцией стали выборы на 59 г. и победа Цезаря, а после относительного равновесия 57–56 гг., Красс и Помпей стали консулами на 55 год. Скандалы 54–53 гг., парализовавшие выборы, привели к диктатуре Помпея, после чего система окончательно зашла в тупик. В 49 г. наступил паралич власти, помпеянцы не могли обеспечить выборы на 48 год.

Насилие на выборах и при принятии законов стало нормой. В 100 г. был разгромлен Сатурнин, с насилия в комициях начались сулланский (88 г.) и марианский (87 г.) перевороты. Оно было регулярным в относительно «спокойные» 60-е гг. и стало постоянным во времена

Милона и Клодия. Возникают специальные силовые структуры, способные обеспечить срыв голосования или, наоборот, проведение комиций, Клодий создал особые штурмовые отряды из плебеев, Милон и оптиматы организовывали отряды гладиаторов, Марий, Помпей и Цезарь использовали солдат, как отставных, так и находящихся на службе. Особенно опасным было то, что рост насилия зачастую сопровождал периоды либерализации.

«Свободная республика» преследовала инакомыслие с последовательностью, достойной тоталитарных режимов 20 века, о чем свидетельствует судьба римских диссидентов и оппозиционеров. Можно оставить без комментариев расправы над Гракхами и Сатурнином, убийство Ливия Друза, деятельность комиссии Вария и, наконец, вершину массовых репрессий — сулланский террор с его официальным лишением прав детей репрессированных, наказаниями за укрывательство и помощь жертвам (даже если эту помощь оказывали родители, дети или супруги). Более «либеральная» постсулланская эпоха предпочла «демократические» методы.

Показательна судьба политиков, которых Хр. Мейер перечисляет в списке популяров^[651].^[100] Саллюстий пишет об «устранении» Гн. Сициния, трибуна 74 г., поднявшего вопрос о восстановлении трибуната, в 66 г. был обвинен в вымогательствах и покончил с собой один из идеологов движения, Г. Лициний Макр. Авл Габиний, инициатор пиратского закона 67 г. стал даже консулом 58 г. и наместником Сирии, однако в 54 г. его обвинили сразу по трем основным статьям римского криминального законодательства, в оскорблении величия, подкупе и вымогательствах. Аналогичная судьба постигла трибуна 66 г. Гая Манилия, обвиненного и отправленного в изгнание за государственную измену и вымогательства. В заключение Саллюстия

относительно сходства методов в низких моральных качествах оптиматов и популяров можно сделать одно добавление — республиканская Фемида явно отделяла «партию власти» от оппозиции.

В 52 г. беспорядки на выборах и убийство Клодия (как уверял Цицерон, происшедшее чисто случайно) вызвали процесс Милона, достаточно быстро превратившийся в процесс клодианской партии. Ни один из людей Милона наказан не был, а серия процессов о насилии привели к разгрому партии Клодия. Коррупционерами также оказались популяры и близкие к ним лица (Г. Меммий, Плавтий Гипсей и М. Эмилий Скавр). Наказали и трибунов-популяров, начавших процесс против Милона. Как показали процессы Клодия и изгнание из сената Саллустия Криспа, даже нарушение супружеской верности стало преступлением, которое совершали исключительно противники режима. Наконец, в 52–49 гг. стареющие генералы Суллы и их более молодые единомышленники отказались от этой «либеральной» политики и решили повторить сулланский вариант. Теперь на их пути встал Цезарь.

В конце жизни Цезарь с грустной иронией заметил, что был бы первым республиканцем, если бы в Риме была республика. Латинское слово имело два значения — государство вообще с наличием необходимой системы управления и государство с коллегиальным управлением и соответствующими свободами. Цезарь имел в виду и то и другое, и в этой его фразе, возможно, и кроется смысл отношений Цезаря со «свободной республикой».

* * *

С.Л. Утченко упрекает в телеологизме тех ученых, которые полагают, что цели и направленность

деятельности Цезаря сложились уже во времена его молодости, когда он размышлял о «несовершенствах» современной ему республики и путях их исправления. Мы не побоимся впасть в еще больший «телеологизм», утверждая, что многое в его политической деятельности было predetermined еще задолго до того, как он смог реально оценивать окружающую обстановку и заниматься не только политической, но и вообще какой-либо деятельностью. Заметим, что упреки в телеологизме вообще достаточно рискованны, когда мы имеем дело с античной ментальностью.

Человек древности, по всей вероятности, был настроен не менее (если не более) «телеологично», чем современные ученые. Что же касается веры во всевозможные оракулы, пророчества, предзнаменования высокой роли или миссии и идеи некоей «космической predeterminedности», то они были характерны для него гораздо больше, чем для людей нашего времени. Сама история интересующего нас периода показывает примеры этой мистической, подчас иррациональной веры в собственное избранничество и судьбу, ведущая человека по жизни, зачастую противореча формальной логике. Потерпев поражение и будучи изгнан из Рима, скрываясь от преследователей, которым обещали за его голову огромные деньги, Марий, тогда еще шестикратный консул, искренне верил в пророчество о том, что доживет до седьмого. Помпей считал, что внешне и внутренне сходен с Александром, а потому его ожидает сходная судьба. Лукулл атаковал Митридата, получив во сне знамение оракула (Plut. Luc, 12), умный и циничный Лентул Сура верил в пророчество о «трех Корнелиях, которым было суждено править Римом». Наконец, Сулла, вероятно, самый яркий пример такого рода, советовал своим читателям руководствоваться не здравым расчетом, а знаками и наитиями свыше (Plut. Sulla, 37). Перед отплытием в Италию в 83 г. Сулла был

уверен в победе. Одной из причин этой уверенности были полученные им пророчества (Plut. Sulla, 26). Как знать, как бы изменилась история, получи Марий или Сулла иные предзнаменования. Как полагает Э. Роусон, Цезарь вполне мог считать себя человеком, наделенным особыми качествами^{652}, а потомок Венеры и Энея не мог не рассчитывать на особую, отличную от других историческую миссию.

Впрочем, оставив «дела божественные», заметим, что гораздо более «земные» и «материальные» факторы определили его судьбу, быть может, в гораздо большей степени. Речь идет о таких обстоятельствах, как происхождение, воспитание, обстоятельства жизни, родственные связи и собственный социальный опыт. Представитель рода Юлиев Цезарей, одного из старейших патрицианских родов, возводящий свою генеалогию к богам и римским царям, был рожден профессиональным политиком и военным очень высокого ранга. Права выбора у него, в общем, не было. Римская аристократия более, чем любая другая, была ориентирована на государственную службу, и, в отличие от титулованного, богатого и образованного западноевропейского или русского аристократа, у римского нобиля практически не было возможности уйти из политики и заняться светской жизнью, управлением своими имениями или литературной деятельностью. Отсутствие в нескольких поколениях высокопоставленных политиков и сенаторов означало даже для знатного рода типа Корнелиев Сулл определенное «выпадение» из структуры нобилитета (Sall.lug., 95).

Второе обстоятельство повлияло на его «выбор» не меньше, чем первое. Само рождение определило положение Цезаря как «наследного принца» марианской партии, а племянник Мария, зять Цинны и родственник нескольких Цезарей и, возможно, Аврелиев Котт, к тому

же женатый на другой «наследной принцессе», дочери Цинны Корнелии, обязательно должен был стать одним из лидеров марианцев и популяров. Происхождение определило общий путь, семейные связи — его конкретную направленность.

Победа Суллы усилила эти связи. Марианская партия была фактически уничтожена, и еще до того, как Цезарь мог оценить порочность системы, эта последняя едва не уничтожила его самого. Сулланская система отняла у него молодость, поставив под угрозу жизнь и честь и, подобно Генриху IV Наваррскому после Варфоломеевской ночи, Цезарь должен был бороться с властью даже независимо от своей воли. Со смертью Суллы исчезла лишь самая острая опасность, с 80 по 49 год вся деятельность молодого, а затем уже и зрелого политика проходила в крайне враждебном окружении. Сулланская элита была сильным и беспощадным противником, готовым использовать любые методы, от открытых судебных процессов до закулисных интриг. Если Цицерон был для этой элиты лишь «чужаком», то Цезарь всегда оставался врагом, которого необходимо уничтожить. В 49 г., после длительной подготовки, стороны вступили в смертельную схватку.

Существовал и еще один фактор. Положение «наследного принца» марианской партии и племянника Мария не кончилось с победой Суллы. Разгромленные марианцы и популяры не могли оказать Цезарю ту помощь, на которую он рассчитывал, напротив, они ждали помощи от него, и потому Цезарь был востребован еще до того, как смог превратиться в реального лидера. Если господствующая сулланская элита видела в Цезаре смертельного врага, то остатки марианцев видели в нем потенциального и, возможно, даже реального руководителя. Мы категорически не согласны с мнением С.Л. Утченко и Н.В. Чекановой о «второстепенности» или «третьестепенности» роли

Цезаря в 70-е — начале 60-х гг. Тот факт, что Эмилий Лепид, консуляр и тогдашний лидер оппозиции сделал персональное предложение молодому человеку, прошедшему лишь начальные стадии военной службы, говорит само за себя. «Наследный принц» может себя еще ничем не проявить, но он не может быть «третьестепенной» фигурой.

Наконец, не следует сбрасывать со счетов жизненный опыт Цезаря, который он приобрел в детстве и юности. Это были ужасы Союзнической и гражданской войн, переворотов и массовых репрессий, гибели родных и близких, которые он мог наблюдать из самой гущи событий. Будущие бескровные методы войны, политика милосердия, а, возможно, и «правовая революция» вполне могут иметь корни в этих событиях. Возможно, именно тогда он стал разочаровываться и в марианцах, что объясняет отличия его политики от традиционной политики популяров.

Другой комплекс проблем — это проблемы демократов и популяров, равно как и вопрос о месте Цезаря в этом движении. Многие исследователи отмечают разрозненность и слабость римской демократии, различия между понятиями «демократ» и «популяр» и невозможность отождествления с ними Цезаря. Вместе с тем, в этих выводах есть известная доля преувеличения.

Как полагает Хр. Мейер, автор, вероятно, самого полного исследования о популярах, слово *popularis* не было обозначением политической партии, но играло роль собирательного понятия для определенной категории политиков^{653}. В данный момент для нас важно не то, что это объединение было достаточно аморфным, а то, что оно применялось именно по отношению к определенным категориям людей. Хр. Мейер устанавливает список политиков, именуемых популярами^{654}: это гракханцы, сторонники Сатурнина,

трибуны 70–60-х гг., клодианцы и сторонники Цезаря^{655}. Примечательно, что сюда не попадают многие политики, близкие к популярам (Ливии Друз, Сульпиций Руф), равно как и Сципион Эмилиан, Помпей и Цицерон, часто использующие их методы. В списке нет Мария, Цинны и Цезаря.

Несмотря на аморфность объединения, можно определить определенные контуры программы популяров, в основном выработанные еще во времена Гракхов: это аграрные и хлебные законы, направленные на экономическое поддержание плебса, защита суверенитета народного собрания, народного трибуната, нрав народа и отдельных плебеев, критика антидемократических преобразований оптиматов и протесты против произвола олигархов. Хотя римские популяры были менее радикальны, чем греческие, по большому счету, между ними нет непроходимой пропасти. Возможно, особенностью римского движения было то, что к нему в изобилии примыкали различного рода политики, не бывшие ни популярами, ни демократами, но использовавшие их методы, лозунги и программу. Таковыми были всевозможные демагоги, популисты, политики «центристского» толка, карьеристы всех мастей, которым также надо было проходить через выборы, и, наконец, военные вожди.

Цезарь, несомненно, был демократом и популяром, и все, что он делал до Галльских войн, вполне совпадало с их программой. Он не был демократом гракханского толка, стремящимся превратить Рим в демократическое государство (для этого Цезарь был слишком реалистом), вместе с тем он, видимо, достаточно рано понял, что для победы реформ необходимы единоличная власть и силовые структуры.

Цезарь не пошел и по стопам своего дяди, Мария. Последний был военным, пришедшим в политику через армию и считавшим (это роднит его с Суллой) ее

главным фактором политики. Сочетание силовых методов и достаточно грубого популизма, вероятно, сближает Мариа с «бонапартистской моделью». Конечно, Цезарь не мог обойтись без его имени, но, в отличие от Мариа, Цезарь ориентировался на гражданское общество. Наконец, ему был чужд популизм деятелей типа Сатурнина или Клодия, и, если последние опирались на городской или сельский люмпен, то Цезарь искал поддержки тех слоев, которые не хотели стать этим люмпеном. Мы полностью согласны с С.Л. Утченко — Клодий был самостоятельной силой иногда помогавшей, а иногда и мешавшей Цезарю и его союзникам^{656}. Люмпенские движения были союзниками в борьбе с олигархией, но это был сложный, ненадежный, а подчас и опасный союзник. В период диктатуры Цезаря подобные движения (характерными являются примеры Целия Руфа, Долабеллы и Амация) становились угрозой для новой власти или, по крайней мере, создавали ей неудобства. Впрочем, после Ид Марта городской плебс, по-своему, но весьма решительно выступил против убийц Цезаря.

Был ли Цезарь лидером популяров? На начальном этапе он был скорее символической фигурой, однако к концу 60-х гг. его политический вес значительно усилился, и мы можем вполне определенно говорить о лидерстве. Блестящая победа на выборах в великие понтифики (63 г.) может считаться рубежом этого роста. В известной степени, Цезарь сохранял верность идеалам популяров даже в период своей диктатуры. Его масштабные аграрные и колонизационные программы, законы против коррупции и роскоши, попытки решения долгового и квартирного вопросов, несомненно, взяты из их арсенала, а среди окружения диктатора было много бывших представителей движения (Габиний, Ватиний, Требоний, Саллюстий Крисп, Мунатий Планк, Курион и

др.). После 52 г. именно лагерь Цезаря стал прибежищем разгромленных популяров и демократов.

Вместе с тем, особенностью Цезаря было умение создавать обширные коалиции. Он был не только лидером популяров, в 60-е гг. вокруг него создается объединение самых различных политиков, демократов и умеренных, реформаторов и карьеристов, которых объединяло недовольство политикой оптиматов. Среди политических союзников Цезаря оказались Помпей и Красс, отношения с которыми сложились не в конце 60-х гг., а гораздо раньше, примерно во времена «мирной революции» 70 г. [{657}](#).

Собственно говоря, к 59 г. Цезарь, в значительной степени, возрождает коалицию того времени. Создание триумvirата не было захватом власти, а триумvirат, вопреки почти общему убеждению, не стал «союзом трех властителей». Это было создание достаточно аморфной, но могущественной «второй партии», способной составить конкуренцию оптиматской «партии власти». Мастерски используя «аппаратную борьбу», Цезарь создал равновесие в сенате. Оно просуществовало вплоть до 52 г., разгрома Клодия и единоличного консульства Помпея. 50-е годы были временем сложной политической игры, когда Цезарю приходилось вступать подчас в самые необычные отношения с самыми различными силами. Именно тогда противники создают образ «интригана» и «манипулятора». С приближением к вершинам власти роль прямых методов борьбы, открытой агитации и общенародных выборов стала снижаться, напротив, возрастала роль закулисных интриг, тайных альянсов и всевозможных сложных комбинаций. Таковы были реалии «свободной республики». Борьба подходила к последнему, решающему этапу, когда основными факторами стали армии, провинции и деньги.

Современная историография галльских войн Цезаря подвергает критике и ставит под вопрос то, что никогда не вменяла ему в вину античная традиция и что, по большому счету, оправдывала историография 20 века. Если историография 19 века оправдывала войну тем, что Галлия, в конечном счете, приобщилась к римской цивилизации, современная историография часто делает акцент на огромных потерях, либо вообще пытается оспорить блага римского завоевания как для Галлии, так и для Рима. Исходя в принципе из установки о недопустимости войны, как способа решения политических проблем, мы должны учитывать, что имеем дело с обществом, в котором господствовали иные представления.

Античное общество допускало войну как способ решения территориальных, политических и иных вопросов. Конечно, откровенная агрессия осуждалась и тогда, однако ряд факторов могли вполне оправдать даже активную наступательную кампанию. Древность признавала понятие «исторического врага» и считала нормальным явлением так называемые «войны мести». С другой стороны, допускалась превентивная война, когда удар наносился с целью избежать потенциальной военной угрозы, что же касается «отражения агрессии», то это действие допускало самые расширительные толкования. Вопрос об «историческом враге» был достаточно ясен, а опасная ситуация, сложившаяся к 59–58 гг. позволяла говорить и о превентивной войне. Римляне вполне могли использовать и «доктрину Исократы», допускавшую агрессию против варваров, как способ решения внутренних проблем цивилизованного общества. По большому счету, в войнах Цезаря был тот же самый набор мотивов, что и в походе Александра, который в древности считался вполне правомерным ответом на варварскую угрозу, и не «виной», а

«заслугой» Александра было то, что его «ответ» завел слишком далеко.

Наверное, более сложен вопрос о галльском пути развития. Мы полностью согласны с С.Л. Утченко, считавшим, что уровень развития страны накануне галльских войн Цезаря был весьма высок, а галлов можно считать «варварами» только в этническом, а вовсе не в культурном плане^[658]. Возможно, будь она предоставлена сама себе, самобытная галльская цивилизация имела бы определенные перспективы, однако страна находилась под серьезной угрозой перерыва этого развития. Вторжение германцев и других «варваров» (теперь уже в культурном смысле слова) в сочетании с внутренним социальным взрывом могло привести к катастрофическим последствиям. Напротив, после римского завоевания в стране начался мощный экономический подъем, а Галлия, а затем -Франция оказалась одной из основ европейской цивилизации.

Напротив, вопрос о виновности в гражданской войне был для римлян особенно важен. По большому счету, и античная традиция, и современная историография решили его не в пользу Цезаря. Определенный компромисс заключался в теориях «взаимной вины» или утверждениях, что вопрос запутан настолько, что его решение не представляется возможным^[101]. Между тем, факты и логика событий убедительно показывают, что именно Помпей и оптиматы пошли на силовой вариант, который не был предпочтителен для Цезаря. Это была тщательно спланированная акция, целью которой была фактически полная реставрация сулланской системы с ее жестокими методами войны и тотальным террором. Альтернативой победы Цезаря была не победа Помпея или Катона — это был всеобщий крах и распад государства.

В истории гражданской войны 49[^]45 гг. есть немало интересных, редко отмечаемых в исследовательской литературе аспектов. Поход Цезаря в Италию (январь-март 49 г.) стал фактически бескровной «бархатной революцией», когда Рим и Италия однозначно встали на сторону цезарианцев. Последующий план Помпея был основан на его господстве в провинциях и на море и фактически был планом блокады Италии и войны против собственного народа с широким использованием вассальных контингентов, внешних сил и различных антиримских элементов. Кампании 49 и 48 гг., бескровная победа при Илерде и знаменитая битва при Фарсале, знаменовали собой решительную победу Цезаря, окончание военного двоевластия и превращение цезарианцев в законное правительство. Самым тяжелым стал, однако, последний период войны, когда остатки непримиримых помпеянцев и оптиматов широко использовали поддержку неримских сил в Египте, Иллирике, Африке и Испании.

Можно добавить несколько суждений относительно диктатуры Цезаря и его реформ. Это был новый тип власти, однако полномочия Цезаря не были властью абсолютного монарха или военного диктатора в современном понимании этого слова. Власть была оформлена в рамках республиканской традиции, и ее концепция ориентировалась, прежде всего, на обеспечение внешней безопасности. Цезаря часто упрекали в концентрации власти и почетных прав. кое-что стало следствием любви римлян к внешним почестям, однако другое можно отнести к сознательным действиям противников или вымыслам и ошибкам античных авторов. Как ни парадоксально, Цезарь, в отличие от своего преемника, уделил вопросам оформления власти слишком мало внимания.

При всем обилии стабилизационных и консервативных тенденций (без чего невозможна ни

одна подлинно новаторская программа), основные реформы Цезаря имели далекоидущие последствия, надолго определившие жизнь римского общества и государства. Аграрная и колониционная программы создали эффективную экономику, основанную на мощном фундаменте мелкой собственности с развитой средней и крупной собственностью всадничества и муниципальных элит, в которой оставалось место и для богатых людей. Система покоилась на мощном государстве, уже не боявшемся конкуренции крупных олигархов. Восстановление мелкой и средней собственности восстановило и экономическую основу армии, деятельность Цезаря привела к росту казны и финансовой стабилизации, обеспечивших бурный, неуклонный рост экономики в Италии и провинциях и реализацию грандиозных строительных и культурных программ.

Впрочем, главными достижениями Цезаря можно считать два. Первым было создание системы военной безопасности, определившей всю последующую жизнь Империи и ставшей основой экономического процветания и исходной точкой для беспрецедентного подъема античной цивилизации, сопоставимого с эпохой эллинизма. Второй и, вероятно, еще более значимой реформой стало крупномасштабное распространение прав гражданства в провинциях, бывшее одним из самых крупных освобождений человечества, сопоставимым с отменой крепостного права в странах Европы или освобождением чернокожего населения в США и странах Латинской Америки. Римский гражданин находился под защитой римского права, будучи защищен от порабощения и наиболее жестоких форм насилия, произвола и коррупции. Хотя даже при Цезаре и Августе граждане составляли меньшинство населения Империи, а процесс затянулся почти на два века, грань между римлянами и их подданными стала исчезать.

Античность восхищалась победами Цезаря в Галлии и блестящими маневрами при Фарсале или Тапсе, а поклонники личности диктатора могут восхищаться его мужеством в бою или отказом подчиниться всемогущему Сулле. Тем не менее, наверное, его самым большим достижением была эта тихая «правовая революция», которой его биографы уделяют лишь несколько строк. За этими строками стоят миллионы людей, получивших реальную свободу. Строй, провозглашавший себя «свободной республикой» и «идеальным государством», рухнул — Цезарь скорее осуществил его перестройку, нежели уничтожение — но десяткам миллионов людей стало существенно лучше.

Цезарь не был разрушителем, каким его изображают некоторые исследователи, он постарался сохранить от старого здания республиканского Рима все, что могло служить дальше. Многие были добавлены. Государство и общество сохранили свои традиции, но теперь они стали другими. Преобразования Цезаря, начиная от глобальных принципов политики и заканчивая различными юридическими мелочами, сохранялись на протяжении двух первых веков Империи, а отчасти и позже. Они дополнялись, модифицировались, но сохранялись как в поздней античности, так и в последующие эпохи. Цезарь не был продолжателем Суллы, вся его жизнь была посвящена борьбе с этим Римом. Рим Суллы оказался на грани полного коллапса, Рим Цезаря стал жить своей новой жизнью. Перефразируя знаменитую фразу Плутарха о Ликурге и Нуме, двух, как считали древние, образцовых законодателях греческой и римской истории, можно сказать, что Рим стал великим, отказавшись от законов Суллы, и оставался таковым до тех пор, пока жил по законам Цезаря.

notes

Примечания

Вопрос о характере Рима и возможности применения к нему понятия “полис” является предметом дискуссии, затронувшей отечественную историографию 70–80-х гг. Подробнее см. *Маяк И.Л.* Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983. С. 23–31; *Утченко С.Л.* Кризис и падение римской республики. М., 1965. С. 6–11. Различными аспектами этой дискуссии были вопросы о соотношении понятий “полис”, “город” и “община” (гражданская, территориальная и сельская), а также вопрос о возможности отождествления полиса и городагосударства. Не имея возможности подробно остановиться на этих вопросах, заметим, что наша позиция не отличается от точки зрения таких исследователей, как С.Л. Утченко, Е.М. Штаерман и И.Л. Маяк. В отличие от города-государства, полис не был универсальным явлением, и его можно рассматривать лишь как специфический вариант города-государства, обусловленный особыми историко-географическими условиями, прежде всего, греческого мира. Несмотря на ряд принципиальных отличий, Рим, на наш взгляд, имел основные признаки полисной системы (тождественность города, государства и гражданской общины, институт гражданства, республиканская форма управления, особенности менталитета и культуры), позволяющие считать его государством полисного типа.

Основой для подсчета обычно служат размеры предполагаемой территории и данные о количестве военных сил и числе центурий, а также о предполагаемой плотности населения. Исходными данными являются численность римского легиона, сначала 3 000 человек, по 1 000 от каждой трибы (Varro. De l. 1., V, 89), а затем — 6 000 пеших и 600 всадников (Plut. Rom., 20) и сведения Ливия и других авторов о 193 центуриях при Сервии Туллии (т.е. около 19 300 воинов) и 80 000 человек при цензе времен Сервия Туллия (Liv., 1,44,2). Как полагают исследователи, при Ромуле римляне имели 3 000 воинов, при Анке Марции их было 6 000, что предполагает общую численность населения в 12–15 000 и 20–30 тыс. человек. В конце царского периода в Риме было 60–80 000 граждан. Ф. де Мартино, предпочитающий расчеты плотности населения и территории, снижает эту цифру до 50 000.

Согласно традиции, аркадянин Эвандр был первым греком, прибывшим в Лациум и основавшим поселение на Палатине (Varro. De l. l., V, 21; Liv., I, 5,2; 7,4, 8; Dion. Hal., 1,31-32; Iust. XLIII, 1, 3; Plut. Rom., 21; Plin. NH., XXXIV, 167, 1; Ovid. Met., XrV, 456). Некоторые исследователи (Э. Перруцци) склонны считать предание об Эвандре отражением реального факта — появления в 13-14 вв. до н.э. микенского поселения, оказавшего культурное влияние на окружающую территорию.

4

В описываемой авторами последовательности достаточно четко видна последовательность этнических пластов: сикелы и сиканы; аборигины, латины, пеласги, греки-микенцы и троянцы.

Существуют и другие версии о происхождении трибуната, в частности, распространенная версия о том, что трибуны были должностными лицами рекса, руководившими разделом земель. Спорна и дата возникновения трибуната — иногда ее относят к 471, 449 и даже к 425 г. См. *Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation...S. 183-184.* Нам представляется, что имеющиеся у нас данные вполне позволяют остаться на традиционных позициях.

Калатные комиции (*comitia calata*) — особые сакральные собрания не царем и магистратами, а великим понтификом (Gell., XV, 27). Эти комиции собирались для выполнения сакральных обрядов, выбора жрецов и некоторых других функций (напр. для утверждения завещаний). Исследователи спорят, были ли калатные комиции самостоятельным видом народного собрания или же специализированной разновидностью куриатных собраний. См. *Маяк И.Л.* Рим первых царей..., С. 234.

Утченко С.Л. Кризис и падение..., С. 84–85. Автор полагает, что римляне понимали под суверенитетом всю полноту власти общины, т.е. магистратов и сената, а не только народного собрания. Что касается народовластия в греческом понимании этого слова, то его у римлян не было. На наш взгляд при всех формальных и неформальных ограничениях, римские комиции обладали всеми основными признаками суверенного органа власти: их решение (закон, выбор магистрата и т. п.) было обязательным для любой властной инстанции, никто не мог отменить их решение, кроме них самих, а любое действие, нарушающее решение комиции, считалось противозаконным.

Римские авторы (Гавий Басе, Варрон, сам А. Геллий) считали педариев сенаторами, не занимавшими магистратур. Как правило, они были всадниками. Этимология связана с процедурой сенатского голосования, заключающейся в расхождении сенаторов в разные стороны (*pedibus vocare (ire)*- букв, "голосовать ногами"). Существовало правило (возможно неписаное), что педарии могли только голосовать, но не высказывать мнения или участвовать в дискуссии, т.е. были лишены *ius sententiae*.

По мнению В. Кункеля, сенат не имел законодательных функций современного парламента и был скорее главной исполнительной властью, взявшей под контроль магистратов, а обязательность магистратских решений не вызывала у римлян никаких сомнений.

Традиционная точка зрения опирается на точку зрения Т. Моммзена и К. фон Фрица. Т. Моммзен отвергал какое-либо демократическое начало в римской конституции и считал Римскую республику аристократическим или олигархическим государством, которое сменила монархия Цезаря (*Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995–1996. Т. 3*). К. фон Фриц подчеркивал искусственный характер теории Полибия, не имеющей реальной основы ни в греческой, ни в римской политической жизни (*Fritz K. The Theory of Mixed Constitution in Antiquity. New York, 1959, P. 74; 91–92; 96*). В подробнейшем обзоре римского государственного строя (P. 123–304) К. фон Фриц демонстрирует непригодность схемы для событийной истории Рима. Напротив, современная историография склонна хотя бы частично признавать ее правомерность. Так, Э. Линтотт полагает, что власть магистратов как независимой выборной власти отчасти уравнивала аристократический режим сената. Наряду с этим, английский исследователь признает довольно значительную роль народного собрания, вовсе не бывшего игрушкой в руках олигархов (*Lintott A. Political history..., P. 4053*). Теория Полибия, как полагает Линтотт, не была оторванной от жизни греческой теорией и “подобно тому, как римляне осознали свою историю под влиянием греков, они создали свою конституцию под влиянием греческой философии” (P. 53).

Ужасающие потери по сравнению с 236–234 гг. до н.э. показал уже ценз 210–209 гг. — 137 108 человек. Ценз 204 г. показывает большую цифру—214 000, что вызывает некоторые недоумения. Вероятно, увеличение было вызвано проведением ценза не только в Италии, но и в провинциях, раздачей земель и полным учетом. Впрочем, ценз 194 г. снова дает 143 704 человека. Попытка Кл. Николе и П. Брюнта заменить первую цифру этого ценза на СС (200) едва ли имеет под собой веские основания. См. *Brunt P. Italian manpower 227 B.C. -A. D. 14. Oxford. 1971; Nicolet Cl. Economy and society, 133-43// САН. 2-ed. Oxford, 1994. P. 602-603.* Даже спад с 270 до 210 тыс. человек показывает потери, беспрецедентные в истории Рима.

Более или менее точно можно определить только численность римских граждан, относительно которых мы имеем данные цензов. Цензы 189–131 гг. до н.э. дают от 258 794 (189 г.) до 337 022 (131 г.). Поскольку регистрировались только военнообязанные мужчины, можно предположить, что общее число граждан достигало примерно 1 млн. человек. Данные цензов у Ливия совпадают с показаниями Полибия в его знаменитом обзоре военных ресурсов римлян в 227 г. до н.э. (Polib., II, 24-сравн. Diod., XXV, 13; Liv. Epit., 20), где он сообщает о 300 000 римских граждан. Из этого обзора можно установить численность союзников — около 500 тыс. (иногда его увеличивают до 575 тыс. человек), что предполагает общую численность порядка 2 млн. Во времена Августа, согласно Кл. Николе, в Италии было примерно 4,5 млн. свободного и ок. 3 млн. рабского населения. См. *Nicolet C.I. Economy and society*, P. 650. Труднее посчитать население провинций. Самой населенной провинцией империи обычно считают Египет (около 7–7,5 млн. жителей, не считая полумиллионного населения Александрии) (Diod., I, 31; Jos. V. J., II, 16, 4). По подсчетам Ю.Б. Циркина, население Испании достигало примерно 5–6 млн. человек *Циркин Ю.Б. Древняя Испания*. М., 2000. С. 198). Приблизительно ту же цифру дают исследователи для Галлии (*Harmand J. Les Celtes au second age du fer*. Paris, 1970. P. 61–65). Вероятно, ее можно взять в качестве ориентира для Африки, Греции и Македонии и восточной части Малой Азии (примерно область бывшего Пергама). Население Сирии и Сицилии было, видимо, несколько меньшим. При подробных подсчетах, население Испании, Африки, Македонии (с Грецией) и провинции Азия составляет

примерно 20–25 млн. человек. Достаточно сложно определить количество рабов. Оценка их пропорции к свободному населению колеблется от 1:1 (А. Валлон) до 1:2 (У. Уэстерманн). Речь идет о рабах в Италии, и наиболее вероятной представляется оценка Кл. Николе (примерно 3 млн. рабов) (*Nicolet Cl. Economy and society*, P. 604–605). Доля рабов в провинциях, вероятно была меньше, чем в Италии и вполне вероятно рабы могли составлять $\frac{1}{4}$ общего населения. Заметим, что провинциалов (по крайней мере, их определенные категории) было не столь трудно обратить в рабское состояние.

В исследовании Кл. Николе отмечается резкое расширение ассортимента питания различных слоев римского общества, рост потребности в импорте зерна в связи с урбанизацией и переход к пшенице как основной культуре (ранее преобладали рожь и овес). Это также было время расцвета виноградарства и виноделия, прогресса скотоводства, в т.ч. крупного, и появления пригородных вилл, на которых выращивались раритетные продукты, породы животных, овощи и цветы.

Большинство авторов сообщает о 500 югеров (125 га) земли (Plut. Tib. Gr., 7). Аппиан добавляет к этому сообщение о праве иметь еще по 250 югеров на каждого взрослого сына (App. B. C, I, 9), а Ливий приводит только второй максимум в 1000 югеров (Liv. Epit, 58).

Аграрный закон Гая представляет собой сложную загадку. С одной стороны, он четко засвидетельствован традицией, как литературной (Cic. in Cat., IV, 4; Liv. Epit., 60; Flor, III, 15), так и документальной (L. agr. a. 111, 8; 14; 19; 21; 27-28), с другой- мы не знаем ни его деталей, ни его результатов. Похоже, это было просто восстановление закона Тиберия.

Негативная позиция также имела несколько оттенков. Наиболее жесткий вариант представляет собой версия Ливия и Веллея Патеркула (Liv. Epit., 58; 60-61; Veil., II, 2), которые считают пагубными все законы Гракхов, объясняют их действия спонтанным бунтом толпы, подогреваемым демагогами и честолюбцами, а правительственную расправу — правомерной и естественной реакцией законной власти. Вероятно, именно таковой была позиция сенатских “ультра” типа Сципиона Назики и Луция Опимия. Иная картина представлена у Флора: оставаясь в лагере противников Гракхов, он все же склонен весьма критически оценивать события 40-30-х гг. II века и находить долю справедливости в требованиях реформаторов. Вместо “злодеев” перед нами предстают достаточно честные, но недальновидные политики, предложившие ошибочную программу преобразований и приведшие Рим к кризису. Подобные взгляды могли отражать мнение членов сципионовского кружка или бывших гракханцев типа Гая Фанния, перешедших на сторону правительства. Близка к этой позиции и точка зрения Цицерона.

Несмотря на достаточно резкую критику гракханских законов (особенно- хлебного, судебного и закона о провинции Азия), Т. Моммзен не считает революцию однозначным злом и даже высказывает мысль о преемстве реформ Гракхов и политики Цезаря (Там же, Т. 2. С. 34; 104; 110; 111).

18

Здесь и далее в скобках указывается год консульства.

19

Римские армии по большей части формировались в сельской местности.

В последнее время интерес к событиям Союзнической войны явно нарастает, причем, исследователи отмечают не только правовой, но и социально-экономический и национальный аспект. По мнению Э. Габбы и Кл. Николе, это был все тот же извечный конфликт “богатой”(и, следовательно, более романизованной и урбанизированной) и “бедной “Италии (*Nicolet Cl. Economy and society..*, P. 599–600). Отсутствие (и, напротив, наличие) гражданства имело теперь важное экономическое значение- союзническая элита не могла полноценно участвовать в эксплуатации империи, а простые италики не были защищены во время аграрных переделов. С другой стороны, Э. Габба отмечает участие в армиях повстанцев, рабов и бедноты, а Я.Ю. Заборовский отчетливо демонстрирует сочувствие населения многих районов восстания союзников продвигавшимся по ним отрядам Спартака (*Заборовский Я.Ю. Очерки...*, С. 160–164) и считает Спартакову войну известным продолжением Союзнической. Хотя социальные и национальные аспекты, несомненно обостряли конфликт, Союзническая война совершенно очевидно относится к категории особенно “бессмысленных “ войн, когда даже самые радикально настроенные повстанцы были готовы прекратить войну, получив гражданство, а победивший Рим принял условия побежденных италиков.

Т. Моммзен считает ее важнейшим актом политического развития Рима от республики к Империи, впрочем, почти сведенным на нет половинчатым характером реформ (см. *Моммзен Т. История Рима...*, Т. 2. С. 232–233). Для С.Л. Утченко Союзническая война стала главным событием социальной революции и краха Римополиса. По мнению Э. Габбы, “Распространение римского гражданства на всю Италию, от долины По до Мессанского пролива, означало полную трансформацию территориальной организации римского государства и ее реорганизацию на основе муниципиев... Рим перестал быть городом-государством и стал государством, состоящим из муниципиев, хотя его политические структуры остались без изменения” (*Gabba E. Rome and Italy...*, P. 127–128).

Небольшое увеличение с 394 336 до 463 000 граждан, несомненно, связано с невероятными потерями в войнах конца II- начала I вв. до н.э. и явно неполным предоставлением прав гражданства союзникам. Потери при Араузионе оцениваются в 80 000 человек, видимо, не только римлян, но и италиков и даже либертов и рабов (Plut. Mar., 12; Liv. Epit., 67). Потери были и в других сражениях войны, включая даже победоносные сражения при Аквах Секстиевых и Верцеллах. Видимо, уже эта война отбросила римлян к догракханскому уровню населения. Сильный удар нанесло и вторжение Митридата в 88 г. до н.э. и, хотя исследователи справедливо указывают, что из 80 000 погибших (Memnon. XV, 31, 3; Liv. Epit, 78; Val. Max., IX, 2, 3) большую часть составляли италийцы, рабы и либерты (см. Беликов А.П. Рим и эллинизм..., С. 210), эти потери также были достаточно ощутимы. Впрочем, самым страшным ударом была Союзническая война, потери в которой составили 300 000 с обеих сторон (Veil., II, 15), вероятно, в равной пропорции. Кроме того, из ценза 86 г. были исключены самниты и луканы (т. е. около трети повстанцев), а разница между цензами 86, 70гг. до н.э. и цензами времени Августа подтверждает мнение Я.Ю. Заборовского, что ценз 86 г. до н.э. был далеко не полным учетом населения. Заметим, что до 84 или 83 г. италики не были включены во все трибы.

Практически все, кто мог быть консуляром в этот период, погибли в гражданской войне. Жертвами Союзнической войны стали консулы П. Рутилий Луп (90 г.) и Л. Порций Катон (89 г.), в 87 г. погибли Гн. Помпей Страбон (89 г.) и Кв. Помпей Руф (88 г.). Жертвами марианского террора стали Л. Юлий Цезарь (90 г.), Гн. Октавий (87 г.), Л. Корнелий Мерула (суффект 87 г.), М. Антоний (99г.), П. Лициний Красс (97 г.), Гн. Корнелий Лентул (97 г.), Гн. Домиций Агенобарб (96 г.), Кв. Муций Сцевола (95 г.). В 86 г. умер Марий, это было его седьмое консульство, в 89 г. погиб в Азии Маний Аквиллий (101 г.) В 84 г. погиб Цинна (консул 87, 86, 85, 84). Остальные стали жертвами Суллы: Гн. Папирий Карбон (85, 84, 82 гг.), Л. Корнелий Сципион и Г. Норбан (83 г.) и Г. Марий-младший (82г.). Суффект 86 г. Л. Валерий Флакк погиб в восточном походе. В 82 г. старейшим консуляром был консул 100 г. Л. Валерий Флакк, кроме него в живых были консул 93 г. Л. Валерий Флакк, консул 92 г. М. Перперна и консул 91 г. Л. Марций Филипп. Относительно трех неясно: Г. Кассий Лонгин (96 г.), Г. Коэлий Кальд (94 г.) и Г. Геренний (93 г.). Нижние этажи сената, вероятно пострадали меньше, но значительные потери были и там.

Согласно Аппиану, жертвами гражданских войн стали 15 консуляров и 90 сенаторов (App. В. С, I, 103), Евтропий оценивает потери сената в 200 человек и (видимо, в их числе) — 24 консуляра, 7 преториев и 60 эдилициев (Eutr., V, 9). Данные авторов по погибшим консулярам примерно соответствуют фактам (см. прим. 12), что позволяет нам отнестись с доверием и к другим данным.

Примечательно, что в последнее время существует тенденция переносить центр тяжести сулланских реформ из области политических реформ в сферу частного права.

Можно согласиться с точкой зрения Я.Ю. Заборовского (Очерки..., С. 55–64; особенно С. 62), что Сулла фактически заморозил предоставление права гражданства италикам. В 88 г. после переворота он отменил закон Сульпиция о равном распределении италиков по 35 трибам. В 84–83 гг. марианцы восстановили этот закон (Liv. Epit., 84). Неясно отменил ли его Сулла. Согласно Ливию, еще в 82 г. (Liv. Epit., 82) он подтвердил договоры о предоставлении гражданства, а, согласно Аппиану, обещал союзникам “прощение” (App. B. C, I, 77). Декларация была сделана еще во времена военных действий, и неясно, насколько будущий диктатор был намерен ее соблюдать. Цицерон упоминает закон Корнелия о лишении прав гражданства некоторых италийских общин (Cic. Phil., XII, 27; in Саес, 33). Впрочем, очень похоже, что диктатор “решил” италийский вопрос иным путем, предпочитая не отменять права италиков, а уничтожить тех, кто его получил. Жуткие репрессии против ряда италийских областей (Самний, Луканий, Этрурия) и городов (Пренесте, Норба, Эзерния, Воллатерры и др.) и отмена цензуры свели процесс на “нет”. По справедливому замечанию А.В. Еремина, “Сулла подвел черту по итогам 80-х гг. до н.э., признав произошедшие изменения и не допуская их в последующем” (Еремин А.В. Диктатура Суллы..., С. 19). Мы также согласны с Я.Ю. Заборовским, считавшим, что реальным предоставлением гражданства италикам был ценз 70 г. См также *Егоров А.Б. Сулла и Цезарь, две диктатуры (опыт сравнительного анализа) // Запад-Россия-Кавказ. Межвузовский научно-теоретический альманах. Ставрополь-Москва. 2003. Вып. 2. С. 177–178.*

По мнению Хр. Мейера, Рим пережил четыре консервативных реставрации: подавление восстаний Гракхов Сатурнина, контрреформы Друза и победа Суллы. Каждая реставрация имела свои особенности: в первом случае сенат справился своими силами, впрочем, впервые прибегнув к насилию, во втором случае ему удалось создать более широкий блок, основанный на согласии сенаторов и всадников, новшеством Друза было то, что консерваторы сами начали контрреформы, пытаясь перехватить инициативу в свои руки, Сулла же использовал все возможные средства: армию, репрессии и контрреформы.

Заметим, впрочем, что для многих современных исследователей, зарубежных и отечественных, первичным в деятельности Суллы все же являются зверства его армий и массовые уничтожения в период проскрипций.

Мнения исследователей (Х. Штровер, Х. Бласкес, Х. Мариана, Э. Кавеньяк и др.) относительно серторианского сената весьма разнообразны. Одни оценивают его как “альтернативный сенат” и марианское правительство в эмиграции, претендующее на общегосударственное руководство, другие видят в нем личный совет Сертория или просто собрание бывших марианских сенаторов. Различны и мнения относительно состава, некоторые считают, что он состоял исключительно из римлян, другие полагают, что военачальник пополнил его состав за счет представителей романизированной испанской элиты и туземных вождей. Не вдаваясь подробно в рассмотрение этого вопроса, относительно которого мы имеем недостаточную информацию, заметим, что амбиции Сертория и его сенаторов сильно зависели от их реального положения.

Согласно Орозию, в начале 76 г. армия Сертория насчитывала 60 000 пехоты и 8000 конницы (Oros., V., 23). На первых этапах войны основную массу серторианской армии составляли войска, набранные в романизированных областях Испании; после разгрома Лепида, они были усилены за счет остатков его армии. Ближе к концу войны в войске повстанцев стали преобладать контингенты из малороманизированных и нероманизированных областей (кельтиберы, лузитане и др.). См. *Гурин И.Г. Серторианская война..*, С. 134-144.

Как полагает исследователь, в Италии действовали примерно 20 легионов (войска Лепида-7-8 легионов и правительственные войска Катула и Помпея — 12-13 легионов). 6 легионов воевали в Испании под командованием Метелла Пия, 4 стояли в Азии, 4- в Галлии.

Цицерон считал Цезаря одним из лучших ораторов своего времени. Он отмечал изящество его речи (*elegantia*), ее правильность и великолепное владение языком, четкость и ясность мысли (*Cic. Brut.*, 72; 252; 74, 253; 75, 261). Эти оценки разделяют Тацит, Светоний и Фронтон (*Tac. De orat.*, 21; 25; *Ann. XIII*, 3; *Fronto p.* 181. *Rom. Suet. Iul.*, 55). Очень характерна оценка Квинтилиана: “Гай Цезарь, если бы только он посвятил себя форуму, был бы таким, что никто из наших, кроме него, не смог бы сравниться с Цицероном. Такова была сила его речи, столь велики острота и энергия, что кажется, что он говорил с такой же силой духа, что и сражался. Впрочем, это было украшено таким же чудным изяществом, к которому он особенно стремился”.

В 74 г. у римлян было 13-14 легионов, сражавших в Испании под началом Помпея и Метелла Пия, к которым П. Брунт добавляет 5 легионов Перперны, сражавшихся на стороне Сертория. 8 легионов были у Лукулла в Малой Азии, 4-в Галлии. Общее число достигло 30-31, причем, следует помнить, что 76-74 гг. были пиком потерь в Испании. В 73 г. к ним добавились 4 легиона, сражавшиеся против Спартака в Италии, в 72 г. армия Красса насчитывала 10 легионов. Для 71 г. П. Брунт снижает общее число до 29 за счет легионов Перперны, уничтоженных Помпеем.

Заборовский Я.Ю. Очерки..., С. 160–163. Автор убедительно показывает, что организация снабжения армии Спартака, обеспечение ее надежными проводниками и свободная ориентация на местности, а также хорошо налаженная разведка были бы невозможны без поддержки местного населения, а ценз 70 г. был ответом на новое восстание “бедной Италии”. В контекст этой борьбы двух Италии, “богатой” и “бедной”, помещают спартаковское восстание и другие исследователи (напр. *Nicolet Cl.* Economy and society., P. 427–428). Интересно, что эта сторона движения, пожалуй наиболее отчетливо показана в художественной литературе (романы Р. Джованьоли и Г. Фаста).

В 70 г. была распущена большая часть римских войск: армия Красса (10 легионов) и основная часть армии Метелла и Помпея (12-14 легионов). Вплоть до 55 г. в Испании стояли 4 легиона, столько же находились в Цизальпинской и Нарбоннской Галлиях вплоть до начала Галльских войн Цезаря. Главной силой римлян была восточная армия Лукулла (8 легионов), с 67 г. Помпеи увеличил ее до 11-12 легионов, в 68-66 гг. в Киликии стояли еще от 3 до 6 легионов. Таким образом, в 60-е гг., несмотря на достаточно высокое военное напряжение, Рим в среднем выставлял 18-21 легион, т.е. примерно на 15 легионов меньше, чем в 70-е гг. История 60-х гг. знает два пика напряженности, правда, достаточно коротких: в 67 г. в ходе большой компании против пиратов Помпеи собрал 15-17 легионов (общее число 23-22), к ним следует добавить 500 кораблей; в 63 г. римские армии усилились до 30 легионов за счет правительственной армии (3-4 легиона) и мятежной армии Каталины (около 2-х легионов).

Поездка Цезаря, вероятно, становится понятной в контексте последующей деятельности Красса и новой активизации популяров. В 61 г. появляется новая сильная команда трибунов-реформаторов. Трибун Л. Росций Огон проводит закон о предоставлении римским всадникам 14 рядов в партере театра (Asc. 75 C; Q. Cic. Comm. pett., 19; Dio, 36, 8, 2). Другой трибун Г. Корнелий предложил отменить различного рода исключения из законов для частных лиц, которые делались посредством решений сената. В 67 г. был принят закон Габиния о чрезвычайных полномочиях Помпея, а 1 января 66 г. новый трибун, Г. Манилий, предложил дать либертам равные права голоса, а затем поддержал новые полномочия Помпея. Примерно в это же время Красс стал активно поддерживать популяров, в частности Г. Манилия и Гн. Пизона. Став в 65 г. цензором, Красс попытался предоставить права гражданства транспаданцам. См. *Wiseman T.P. The Senate and the populares//...*, P. 329–347.

В конце гражданской войны 83-82 гг. в римской казне было около 40 млн. сестерциев. Реальное накопление могло начаться только после войн 70-х гг., реформ 70 года, роспуска армий и восстановления управляемости Империей. К 62 г. запас достиг 260 млн. сестерциев, еще примерно 200 млн. дала восточная кампания Помпея (см. *Моммзен Т. История Рима...*, Т. 2. С. 350; Т. 3 С. 105; 341-343). Если бы не последующие события, римская держава получила бы реальные перспективы выхода из кризиса.

Согласно мнению С.И. Ковалева, в движении участвовали “здоровые силы”: мелкие земельные собственники, ремесленники и рабы, которые, однако, вели себя неорганизованно. Движение потерпело поражение из-за того, что его возглавили деклассированные элементы и показало слабость городской демократии. Т. Моммзен считает катилинариев “анархистами” (История Рима..., Т. 3 С. 115-120.). Сочетание в движении люмпенского и демократического элементов видят и современные ученые (см. напр. *Wiseman T.P. The Senate and the populares//...*, P. 348-358.

Трибуны во главе с Руллом выдвинули законопроект сразу после своего вступления в должность 10 декабря 64 г. 1 января 63 г. (также в день вступления в должность) ставший консулом Цицерон произнес свою первую речь против закона. На следующий день Цицерон произнес свою вторую речь (самую большую и подробную), на сей раз обращаясь к сенату. Позже он произнес еще две речи, из которых сохранилась только одна.

Закон Рулла был, по всей вероятности, масштабным предприятием. Предполагалось распределить земли в Кампании (по 10 югеров) и Стеллатинском поле (по 12) и вывести колонии. Колония выводилась в Капую, возможно это также были Теан, Ателлы, Кумы, Неаполь, Нуцерия и Помпеи (Cic. de l. agr. II, 31,85-86). Кроме того, предполагалось продать государственные земли в провинциях и на вырученные деньги закупить земли у частных лиц для раздачи их беднейшим гражданам. Как полагает Т. Моммзен, авторы закона имели в виду царские владения в Македонии, Херсонесе Фракийском, Вифинии, Понте и Кирене, а также городские и прочие владения в Испании, Африке, Сицилии, Греции и Киликии, бывшие военной добычей Рима (Моммзен Т. История Рима..., Т. 3 С. 119) и имущество Римского государства на Кипре и в Египте (сравн. Cic. de l. agr. II, 15, 38-17, 44; 19, 50, 51). Закон Рулла, по всей вероятности, был не менее масштабен, чем будущий закон Цезаря (59 г.).

Луций Лициний Мурена, сын одноименного легата Суллы, командовавшего во 2 Митридатовой войне (83–82 гг.), был квестором 74 г. (Сис. Миг., 18) и участвовал в 3 Митридатовой войне, вероятно с 74 по 69 гг. находясь под командованием Лукулла (Ibid., 9, 20; 15, 32–34). В 65 г. Мурена был городским претором, а в 63 г. баллотировался в консулы на 62 год. На выборах победили Мурена и Д. Юний Силан, а после избрания (октябрь 63 г.), один из его соперников, знаменитый юрист Сервий Сульпиций Руф, обвинил Мурену в подкупе избирателей (*ambitus*). В октябре 63 г. состоялся процесс, ставший столкновением двух оптиматских группировок. В числе обвинителей был Катон, адвокатами выступили Гортензий, Красс и Цицерон. Цицерон очень нуждался в союзе с военными и выступил в защиту Мурены. Во многом благодаря этому обстоятельству последний был оправдан. См. *Munzer F. Licinius //RE. Bd. 13. Hbd. Stuttgart, 1925. S. 444–450.*

Caes. B. G., I, 44 — “Он (Ариовист — А. Е.) пришел в Галлию раньше, чем римский народ. До сего времени войско римского народа ни разу не выходило за пределы Провинции Галлии. Что Цезарю нужно? Зачем он вступает в его владения? Эта Галлия — его провинция, как та — римская. Как самому не следовало бы вторгаться в наши земли, так и с нашей стороны несправедливо вмешиваться в его права”.

Здесь и далее идут ссылки на «Записки о Галльской войне» Цезаря

Такова последовательность рассказа Диона Кассия (Dio, 38, 16–17, 39) и Плутарха (Plut. Cato, 34–35), подтвержденная данными самого Цицерона. Клодий провел закон в феврале 58 г., а Цицерон покинул Рим 20 марта. Вероятно, в этот же день Клодий провел закон о консульских провинциях, с которого началось распределение провинций между магистратами. Катон был одним из последних друзей, к которым оратор обратился за советом, причем, именно он дал совет уйти в добровольное изгнание, не дожидаясь приговора, чтобы не доводить дело до конфликта (Plut. Cato, 35). Официальный закон об изгнании Клодий предложил в апреле (Cic. de domo, 18, 47; 19, 50; 31, 83; in Piso, 29, 72; Dio, 38, 17; Plut. Pomp., 32).

По мнению Ф. Милтнера (Porcii// RE. Bd. 22. Hbd., 43. Sp. 180.), Катон уехал на Кипр в апреле 58 г. Если учесть твердость Катона в политической борьбе и его умение устраивать публичные демарши, речь может идти о весьма деликатном устранении от решения судьбы друга и единомышленника. Это было тем более “деликатно”, что именно речь Катона стала едва ли не основным фактором, определившим сенатское решение. По понятным причинам, Цицерону было не очень выгодно это признавать.

Здесь и далее ссылки на «Записки» Цезаря. Даны без указания автора

“Без сомнения, “— пишет Т. Моммзен, — “Цезарь прекрасно осознавал, что установленные им подати, равно как и римский патронат, на первых порах существовали только на словах, однако эти слова являлись программой, осуществление которой должно было привести к прочной оккупации острова римскими войсками”.

Подробный анализ просчетов Красса и причин его поражения см. там же. С. 297-311. Признавая большинство выводов А.П. Беликова, мы хотели бы добавить еще одно соображение. Поражение Красса было не только его поражением, это было поражение Рима с его оптиматским и помпеянским правительством, бросившим Красса (как и Цезаря) на произвол судьбы и *de facto* лишившим его тыла.

В параграфе 3-5 ссылки на «Галльские войны» Цезаря даны без указания автора

Совр. Клермон. Об этом городе см. также *Широкова Н.С.* Города в римской Галлии..., С. 132.

Цифра считается установленной со времен Т. Моммзена и Г. Дельбрюка.

Обвинение Цезаря в развязывании войны, как правило, характерно либо для исследователей с ярко выраженной антицезарианской позицией, либо для тех, кто откровенно симпатизирует его противникам, Цицерону, Катону или Помпею. Это также встречается в общих трудах, целью которых является более или менее целостное прагматическое изложение событий.

Эта позиция часто встречается в специальной литературе о Цезаре и разделяется авторами наиболее значительных исследований (см. напр. М. Гельцер, Дж. Бальсдон, С.Л. Утченко и др.): Gelzer M. Caesar..., S. 251-255 Balsdon J.P. Julius Caesar..., P. 155 Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 202-213. Характерным для современной западной историографии является мнение Т. Уайзмана во 2 издании «Кембриджской истории» (Wiseman T.P. Caesar, Pompey and Rome, 59-50 b.c. // САН. 2-ed. Cambridge, 1994. P. 423), отмеченное известной антицезарианской направленностью: «Правовой вопрос (Rechtsfrage) вызвал обширную дискуссию в современной науке, так и не завершившуюся никаким определенным результатом. Он был неясным и в то же время в силу отсутствия какой-либо единой даты снятия полномочий, которая устроила бы обе стороны. Тем не менее, вступив в Италию с армией, Цезарь сделал ответ очевидным. Имел ли он законное право командования или нет, такого рода полномочий, у него, несомненно, не было».

Теорию «обоюдной вины», вероятно, следует отличать от дискуссии по поводу правовой стороны вопроса. См. напр. Ковалев С.И. Итогрия Рима..., С. 457; Машкин Н.А. Принципат Августа..., С. 53; Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 194-195; Егоров А.Б. Начало гражданской войны..., С. 46-48. Rechtsfrage, действительно, представляет немалую сложность. С точки зрения формального права позиции Цезаря были достаточно уязвимы: закон Требония от 55 г. давал командование на 5 лет (Veil., II, 46; Plut. Pomp., 62; Caes., 15; Flor., IV, 2, 11), которое заканчивалось в конце 50 г., а пролонгация командования на 49 год могла иметь только неофициальный характер, и правительство не было обязано ему следовать. Притязания помпеянцев основывались на том, что сенат был правительством республики, которому были обязаны подчиняться провинциальные наместники. Вместе с тем, соображения более глубинного понимания права делают вопрос значительно более сложным. «Двухпартийная» система была уже неотъемлемой частью римской политической жизни, а ликвидация одной из партий означала бы нарушение политического равновесия. Определенные проблемы создавало завоевание Галлии — передача армии, устройство провинции, награждение участников войны и наделение солдат землей требовали сохранения в руках Цезаря определенных властных полномочий. Предложения Куриона о взаимном роспуске обеих армий или роспуске армии Цезаря при сохранении за ним Иллирика были поддержаны большинством сенаторов, а потому можно с уверенностью утверждать, что Помпей и его окружение «продавили» антицезарианские решения вопреки воле сената. Вето

народных трибунов, Антония и Квинта Кассия, по закону аннулировали сенатское решение. Наконец, помпеянцы ни разу не обратились к суверену государства — народному собранию, которое явно сочувствовало Цезарю.

Т. Моммзен признает за Цезарем право «высшей целесообразности», не особенно вникая в правовую сторону вопроса.

Здесь и далее В.С. означает Caes. В.С.

Наиболее полно хронику событий дают письма Помпея, Домиция Агенобарба и самого Цицерона, содержащиеся в корпусе писем последнего. 10 февраля Домиций соединился у Корфиния с Вибуллием Руфом (это знал находившийся в Луцерии Помпей и не знал бывший в Формиях Цицерон) (Cic. Att., VII, 24; VIII, 11a). 16 февраля Помпей пишет Домицию письмо с требованием выйти из Корфиния, еще не упоминая о подходе Цезаря (Ibid. Att., VIII, 12c). 17 февраля он уже об этом знает (Cic. Att., VIII, 12d). Цезарь не дает столь точных датировок, но сообщает о занятии Фирма после сообщения о соединении помпеянских войск 10 февраля (Caes. B. C, I, 16-5-16). Как пишет Цезарь, он пробыл день в Фирме и «ускоренным маршем» отправился в Корфиний. От Фирма до Корфиния — 120-130 км, что предполагает примерно 3-4 дня пути и подтверждает тем самым данные писем. По сообщению Цезаря, он пробыл у Корфиния неделю (B. C, I, 23), т.е. мог уйти от Корфиния не ранее 25-25 февраля. Согласно официальному сообщению, полученному Цицероном, Помпей окончательно отплыл из Италии в 4 день до Ид марта (12 марта) (Cic. Att., IX, 6, 4). Если принять данные Цезаря, что осада Брундизия длилась 9 дней, то получается, что он прибыл к городу 2-3 марта (Caes., B. C, I, 27), что предполагает, что он прошел около 450 км за 7-8 дней (скорость движения около 56 км в день). Нам представляется возможным сдвинуть срок прибытия до 5-6 марта, тем более, что он прибыл после отплытия первого эшелона с консулами. Практика самого Цезаря показывает, что 3-4 дней для возвращения кораблей из Греции было достаточно. Подобная быстрота встречается несколько раз: в 57 г. Цезарь совершил

примерно 500-км марш к Аксоне за 15 дней (Caes. B. C, II, 2) (скорость движения около 35 км), однако галльские дороги были несравнимы с итальянскими, а местность была незнакома. Абсолютным рекордом Цезаря был переход из Рима в Белтику за 27 дней, совершенный в 45 г. (вероятно, с 2-3 легионами) (Dio, 43, 29-31; App. B. C, II, 103).

Наличие 7 000 молодых аристократов, годных для службы в кавалерии, предполагает, что общее число римских нобилей с семьями могло достичь 30 000 человек, что совершенно невероятно. Конкретные данные (см. напр. Schackleton-Bailey D. *The Roman nobility...*, P. 264–266) предполагают наличие десятков, максимум сотен, но не тысяч представителей нобилитета.

Далее идут ссылки на “Гражданские войны” Цезаря.

Тарракон, Калагуррис и Оска были главными форпостами серторианцев в 74-71 гг. Форпостом инсургентов была и сама Илерда (совр. Лерида), а в области яцетанов и авсетанов шли тяжелые бои. В 73 г. здесь сражались не только Помпей, но и Афраний. Оска была ставкой серторианцев и местом обучения детей испанской знати.

Далее ссылки на «Гражданские войны» Цезаря.

Расположение армий показывает, что Помпей отрезал Цезарю путь на юг в среднюю и южную Грецию, вынуждая его либо дать сражение, либо отступить обратно в Эпир, уже опустошенный военными действиями.

Далее идут ссылки на «Иудейские древности» Иосифа Флавия.

Денежные доходы после триумфа Помпея составили 20 000 талантов, а солдаты получили по 1 500 драхм (6 000 сестерциев) каждый (Plut. Pomp., 46).

Как полагает автор: “Рим должен был не только стать культурным и интеллектуальным центром, но и процветающим, хорошо управляемым городом”. Эти две тенденции — создание столицы Империи и создание мегаполиса, обеспечивающего нужды собственного населения и были характерной чертой цезарианского и императорского Рима, отличного от Рима-полиса эпохи республики.

См. Циркин Ю.Б. Древняя Испания. М., 2000. С. 191–192. “Если считать Римскую республику государством полиса Рима, стоящего во главе обширной державы, а Римскую Империю общесредиземноморским государством со столицей в Риме, то путь Испании в Империю начался при Цезаре”.

Т. Моммзен видел в установлении власти Цезаря глубоко позитивное явление и возрождение на новом уровне особого уникального типа управления огромной державой. Другие исследователи склонны либо следовать за республиканскими критиками Цезаря, либо просто констатировать факт перехода Рима от республики к монархии вне зависимости от оценки этого явления — Meyer Ed. *Caesar's Monarchic.*, S. 321-345; Виппер Р.Ю. *Очерки истории Римской Империи...* С. 291.

В этой связи весьма интересно мнение Ю. Дейнингера о том, что ни титулатура принципата, ни власть принцепса не были ограничены каким-либо единственным или центральным понятием, но представляли собой органичное сплетение разнообразных титулов, прав и полномочий. По мнению Н.В. Чекановой, диктаторские полномочия были основой власти Цезаря, однако сама власть представляла собой соединение республиканских магистратур и неформальных факторов власти (Чеканова Н.В. Римская диктатура последнего века республики. Спб., 2005. С. 302).

При оценке диктатуры Цезаря следует понимать, что в то время преобладало римское понимание диктаторской власти, включавшее не только ограниченность и безапелляционность, но и временный и сугубо легитимный характер. Это существенно отличало его от современного термина, прежде всего, связанного с неограниченностью, произволом, беззаконием и силовым характером власти, действующей не в интересах общества, а в интересах самого властителя и его окружения или его сторонников. Хотя это современное представление отчасти зародилось под римским влиянием, римское представление имело правовой характер и не носило ярко выраженного негативного оттенка.

Заслуживает внимание небольшой, но содержательный обзор историографии, приведенный С.Л. Утченко, из которого можно составить определенную классификацию мнений ученых: 1. превращение титула при Цезаре в понятие, обозначающее власть и сферу компетенции (Т. Моммзен, М. Гант);

2. полное сохранение старого республиканского качества (А. Эдкок);

3. отрицание связи римского титула с монархической властью (Р. Сайм, отчасти — сам С.Л. Утченко);

4. нахождение определенной, хотя и достаточно сложной и опосредованной связи между монархическими устремлениями Цезаря и титулом “император” (Н.А. Машкин);

5. отказ от сколь-нибудь определенного формального анализа (Эд. Мейер). См. также — Grant M. *From imperium to Auctoritas*. Cambridge, 1946. P. 409sq.; САН. 1-ed. V.IX. P. 728; Meyer Ed. *Caesar's Monarchic..*, S. 465-472; Syme R. *Roman revolution...*, P. 52; 2) *Imperator Caesar...*, P. 178-179.

Теория принципата как монархии, типологически сходной с просвещенными абсолютистскими монархиями XVI–XVIII вв., вероятно, была первой из исторически появившихся теорий, а у ее истоков стоят Ш. Монтескье, П. Корнель и И.В. Гете. См.: Монтескье Ш. Рассуждения о величии и упадке римлян. Спб., 1883; Вико Дж. Основания науки о природе наций. М., 1940; Шампаньи Ф. Кесари. Спб., 1842; Ampere J.J. L'Empire Romain. Paris, 1867. Подробный обзор истории этой теории см. Межеричский Я.Ю. Республиканская монархия. Метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Москва-Калуга, 1994. С. 38–39.

Известное возрождение “теории монархии” и развитие типологического сопоставления Римской Империи с эллинистическими монархиями и восточными державами было связано с прогрессом исследований в области религии и идеологии. См. напр. Gage J. De Cesar a Auguste ou est le probleme des origins du principat?//RH. 1936. P. 279–342; Pippidi D. Recherches sur le culte imperiale. Paris-Bucarest, 1939; Charlesworth M.P. Pietas and Victoria. The Emperor and the Citizen//JRS. 1970. P. 1–10.

Так называемая “теория фасада” ведет свое начало со времен Ш. Монтескье, Ф.М. Вольтера и Эд. Гиббона. Ее сторонники склонны идеализировать республиканские институты и считать эпоху Империи периодом духовного, морального и политического упадка. См. Gibbon E. Decline and fall of Roman Empire. London, 1896. V.I. P. 7; 12-13. О ранних и последующих “теориях фасада” см. Межерицкий Я.Ю. Республиканская монархия..., С. 38-39.

Впрочем, загадка ценза остается. Примерно 3, 5 млн. свободных мужчин, правда, на территории близкой к современной Италии, предполагает наличие общего числа населения в 10-14 млн. свободного населения при плотности втрое меньшей, чем современная. Обычно оценки специалистов идут гораздо ниже. П. Брюнт и Кл. Николе оценивают население Италии времен Августа в 4, 5 млн. свободных и около 3 млн. рабов (Brunt P. *Italian manpower...*, P. 124-126; Nicolet Cl. *Economy...* P. 604-605). Так или иначе, к концу правления Августа даже при самых минимальных подсчетах число граждан примерно удвоилось.

Особенно важным было исчезновение непроходимой грани между гражданами и негражданами и создание представления, что все жители Империи являются потенциальными гражданами. Это представление формируется в эпоху Цезаря, когда италики, наконец, получили гражданские права по-настоящему, а провинциалы, ранее об этом и не мечтавшие, получили достаточно реальную надежду. См., например. Sherwin-White A. The Roman Citizenship. A survey of its development into a world franchise // ANRW. Tl. 1. Bd. 2. Berlin-New York, 1972. P. 40-55.

Именно так действовали римляне в ходе 55–64 гг. В 58 г. римляне усилили сирийскую группировку Умидия Квадрата (4 легиона), находившуюся в Сирии, за счет создания новой группировки Домиция Корбулона (IV Скифский, V Македонский, XV Аполлонов легионы). Именно эта вторая группировка и вела наступление в Армении в 58–60 гг. н.э., тогда как легионы Умидия прикрывали сирийскую границу (Тасс. *Ann.*, XIII, 34–41; XIV, 23–26). Напротив, в 114 г. Траян двинул в Армению всю свою огромную армию из 10 полных и 5 частично укомплектованных легионов (Hanslik R. *Ulpianus* // *RE. Supplbd.* 10. S. 1065–1066).

В 55 г. Цезарь написал большой филологический трактат «Об аналогиях» (*De analogiis*) (*Suet. Caes.*, 56), посвятив его Цицерону и удостоившись восторженного отзыва последнего (*Cic. Brut.*, 72, 253). От сочинения дошло около 80 фрагментов, как правило, приводимых поздними грамматиками (Помпонием, Присцианом, Пробом, Харисием) и писателем-эрудитом, Авлом Геллием. В трактате затрагивались вопросы исторической лингвистики (*Pomp. Comm. art. Don. p. 27. Lind. p. 108*) и теоретические вопросы языкознания (*Don. p. 27. Lind. p. 108*), а также — вопросы словообразования (*Priscian p. 545 P; 707 P; Chads, p. 108-109*), склонения существительных и спряжения глаголов (*Priscian p. 545 P; Probus. Art. min 28; Pomp. Comm. art. Don. p. 233 Lind.; Charis. p. 104, 109, 707, 708, 985*). По всей вероятности, задачей трактата было не только изложение важнейших проблем латинской лингвистики, но и создание некоего практического руководства о том, как правильно говорить по-латыни. По крайней мере, один из советов Цезаря звучат необычайно актуально даже в наше время: «Подобно камню подводному избегай незнакомого и непривычного слова» (*Gell., I, 10*). Фрагменты трактата Цезаря см. *C. Iulii Caesaris. Commentarii cum supplementis A. Hirtii et aliorum rec. F. Oehler. Lipsiae, 1873. P. 430-433.*

Полностью дошли «Заговор Катилины» и «Югуртинская война», во фрагментах — «Истории». Три сочинения спорны — два письма к Цезарю и инвектива против Цицерона (см. ниже). Ни одного цельного труда других историков I в. до н.э. до нас не дошло.

Вероятно, наиболее дискутируемыми проблемами в обширной «саллюстиане» являются вопрос о политической ангажированности историка и объективности и достоверности его информации. Одни исследователи видят в нем «партийного» писателя, сторонника популяров и Цезаря, а некоторые представителя этого течения даже считают Саллюстия скорее публицистом, чем историком. Начало этой тенденции положили труды Г. Герстенберга и Эд. Шварца (Gerstenberg G. 1st Sallust ein Parteischriftsteller. Berlin, 1893; Schwarz Ed. Die Berichte tiber die catilinarische~Verschwörung // Hermes. 32. 1897. S. 554-608. Эта часть ученых более склонна к скептической оценке его творчества и достоверности его информации. Так, Р. Сайм (Syme R. Sallust. Berkeley, 1964) считал, что написание истории было для Саллюстия формой продолжения политической деятельности, экономические и политические теории писатель переводил в область морали, а факты и их достоверность не были предметом его особой заботы. Кроме того, Саллюстий излишне увлекался философскими теориями, политической публицистикой и собственным литературным стилем. Напротив, другие исследователи видят в Саллюстий объективного историка, ученого и теоретика, ставившего отыскание истины превыше всех прочих задач. См. напр., Patzer H. Sallust und Thukidides... S. 147-152; Fritz K. von. Sallust und das Verhalten... S. 188, 203, 205; Bucher K. Sallust... S. 307; Seel O. Von den Briefen ad Caesarem zur Coniuratio Catilinae. Stuttgart, 1930. S. 5-33, 77-84; Egermann P. Prooemien zu den Werk des Sallust. Wien, 1936. S. 35, 67, 73-80, 85-87.

В историографии существует достаточно много различных оценок отношения Саллюстия к Цезарю. Так, Ф. Клингер считает Саллюстия борцом с сулланской системой и господством нобилитета и союзником Цезаря, впрочем, разочаровавшимся как в политике Цезаря периода диктатуры, так и в его преемниках (Klinger F. Über die Einleitung... S. 26–27), мысль о разочаровании подчеркивают, например, Х. Дрекслер и Ф. Эгерманн (Drexler H. Sallust... S. 43–44; Egermann P. Die Prooemien... S. 85–87). Другие ученые видят в нем консерватора и государственника (Skard E. Sallust als Politiker... S. 45, 72–73; Vretska K. Der Aufbau des bellum Catilinae // Sallust. Hrsg. von V. Poschl... S. 91, 99) или, напротив — мыслителя-утописта (Seel O. Sallust... S. 20). По мнению К. Бюхера (Biicher K. Sallust... S. 327; 364–9), хотя Саллюстий был популяром и «партийным писателем», художник в нем явно возобладал над политиком. У Паананен полагает, что объективный исследователь оказался сильнее политически ангажированного популяра: Paananen U. Sallust' s politico-social terminology... P. 110–112

Существует мнение, что Цезарь стал пожизненным диктатором 15 февраля 44 г. (Jos. Ant., XIV, 211, 2; Cic. Phil., II, 87). Подробнее см. Rawson E. Caesar... P. 463. Это мнение сомнительно, т.к. 15 февраля — это как раз праздник Луперкалий.

2 сентября Цицерон произнес I Филиппику, а 28 сентября ответил на обвинительную речь Антония. Это и была знаменитая II Филиппика.

Ранее он был женат на падчерице Антония Клавдии и дочери Либона Скрибонии.

Проблема сражения при Акции остается исключительно сложной, а описание сражения у древних авторов весьма неясно. Можно задать, по крайней мере, три основных вопроса: во-первых, каковы были план и цели Антония в этом сражении, и рассчитывал ли он на полную победу над флотом Октавиана, или ставил более ограниченные задачи; во-вторых, почему с поля боя бежала Клеопатра, наверное, самое заинтересованное лицо и, наконец, почему Антоний предпочел последовать за ней, а не остаться с флотом? Было ли это иррациональным порывом, как полагает Плутарх, или положение флота Клеопатры и Антония было, действительно, безнадежным? Пропаганда Октавиана, естественно, хотела изобразить, что они предали собственную армию, но были ли для этого основания?

Надписи позволяют установить определенную динамику. В 29 г. до н.э. он получил 6 и 7 аккламации (Dess., 80-81), в 12-11 гг. до н.э. их было 13 (Dessau, 90). Согласно Диону Кассию и «Res gestae» Август был императором 21 раз (Dio., 52, 41), но в надписи 2 г. до н.э. появляется imp. XXVI (Dess., 104).

Теория монархии, вероятно, самая старая из теорий принципата, а ее истоки можно проследить вплоть до эпохи раннего Средневековья. Средневековые монархи, начиная, вероятно, с Карла Великого, видели в Империи некий монархический эталон, а общественная мысль Средневековья, видимо, мало отличала Империю от современных ей монархий. Особенно популярными теории монархии стали в эпоху «просвещенного абсолютизма» XVII–XVIII вв., когда идеологи английской, французской и других монархий проводили параллели между своими государствами и Римской Империей. В несколько негативном ракурсе определение Империи как монархии в противопоставлении со свободой греческого полиса или римской республики появляется в эпоху Возрождения (Данте Алигьери, Ф. Петрарка, Эразм Роттердамский). Теория «монархического принципата» фактически возрождается в труде В. Гардтгаузена и становится широко распространенной в I половине XX века, сохраняя определенные позиции и по сей день. См. напр. Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Berlin, 1881–1904. Bd. 2. S. 540; Dessau H. Geschichte der römischer Kaiserzeit. Berlin, 1924–1928; Rice Holmes T. The architect of Roman Empire. London, 1928–1931. V. 1–2; Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. М., 1923; Сергеев В.С. Очерки... С. 373–411; Ковалев С.И. История Рима... С. 490, 495, 583, 643, 683, 691.

В. Гардтгаузен и его последователи, по преимуществу, ориентировались на европейский тип монархии. Другим ответвлением «монархической теории» является сближение Римской Империи с монархиями Востока и эллинистического мира, равно как и признание многочисленных заимствований у этого последнего. См. напр. Gage J. *De Cesar a Auguste...* P. 279-342; Charlesworth M.P. *Pietas and Victoria...* P. 1-10.

В отличие от Т. Моммзена, считавшего императора и сенат «равными властями», авторы этой теории делают упор на «республиканскую» составляющую системы. Meyer Ed. Kaiser Augustus // Kleine Schriften. Halle, 1910; 2) Caesar's Monarchic und der Prinzipat des Pompeius... S. 123-125; Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1915-1923. Т. 4-5.

Сторонники «теории равновесия», в принципе следуя за Т. Моммзенем, склонны рассматривать принципат как сложную систему взаимодействия двух сил и вносить подчас значительные коррективы в теорию «двоевластия». Mispulet Cl. *Les institutions politiques des Romains*. Paris, 1883. V. 2. P. 70, 81; Jones A.H.M. *Augustus*. London, 1970. P. 187; Портнягина И.П. Сенат и сенаторские сословия в период раннего принципата (диссертация). Л., 1982; 2) Сенат и сенаторское сословие в период раннего принципата. Калинин, 1989; Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 30–37; 2) Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи. М., 1983. С. 134, 142, 148, 167–168; 3) Древний Рим, история и повседневность. М., 1986. С. 20, 27–28, 148; Межеричский Я.Ю. «Республиканская монархия...» С. 367–368. Известной формулой этой теории можно считать определение И.П. Портнягиной, что принципат был соглашением двух неравных сил, при котором более сильная сторона (монархия) должна была считаться с более слабой (сенат).

Вероятно, главным отличием «теории фасада» от «теории равновесия» является то, что сторонники первой считают «республиканскую составляющую» только правовой и идеологической фикцией, предназначенной для прикрытия монархических реалий и лишенной какого-либо сущностного содержания, тогда как «теория равновесия» предполагает определенную степень значимости этой традиции.

«Прежде всего, он (Помпей) предоставил нескольким сенаторам возможность полностью распоряжаться податями, расходами, правосудием; римский народ, ранее обладавший высшей властью, он, издав даже не равные для всех законы, оставил в рабстве» (Sail. Ep. ad Caes., II, 3, 2).

Различные оттенки этих мнений очень хорошо представлены в цитируемых выше статьях в сборнике В. Пешля: Г. Дрекслер и К. Вретска полагают, что из двух позитивных образов Саллюстий явно предпочитает Катона, что было, разумеется, демонстрацией скрытой оппозиции. Э. Скард считает, что Саллюстий восхищался Цезарем, но позже изменил свое мнение. Х. Патцер и В. Пешль склонны считать историка цезарианцем, сохранившим верность своему герою. В диссертации О. Зиля можно встретить еще один вариант решения вопроса: Цезарь и Катон являются положительными героями, и искать какое-либо предпочтение было бы нецелесообразно.

На наш взгляд, Саллюстий принес в лагерь Цезаря ненависть к нобилитету, характерную для местных муниципальных элит и сочетал взгляды популяров с идеями «неоконсерваторов». По большому счету, он остался цезарианцем, а его консерватизм — это не республиканизм римских аристократов, а «неоконсерватизм» муниципала.

Флор рассматривает историю Рима по аналогии с человеческой жизнью. Царский период (до свержения царей) — это детство народа; время покорения Италии (с 503 по 264 гг.) — юность; время от 264 г. до победы Августа (31 г. до н.э.) — его зрелость, после чего начинается старость (Flor, прооет.).

Речь идет о недошедших до нас «Ливийских» и «Иллирийских» и дошедших «Испанских», «Сирийских» и «Митридатových» войнах (книги 6, 11-12, фрагм. Книг 7 и 8).

Ссылки без указания автора — ссылки на «Гражданские войны» Аппиана.

“Обе партии были в равной мере заражены процессом политического разложения и фактически одинаково ничтожны. Обе они в силу необходимости были связаны с существующим порядком, так как у обеих отсутствовала всякая политическая мысль, не говоря уже о каком-либо политическом плане, выходящем за пределы существующего строя. Поэтому обе партии прекрасно уживались друг с другом, их цели и средства на каждом шагу совпадали”.

См. гл. 1-2.

См. Введение.

Можно также вспомнить перечень кризисов, приводимый Кл. Николе (*Nicolet Cl. Economy and society... P.311-315*): аграрный кризис 133-121 гг., движение Сатурнина 103-100 гг.; гражданские войны (с перерывами) 88-81, 78, 63, 49-44 гг.; Союзническая война 90-88 гг.; восстания рабов 136-132, 106-102, 73-71 гг., мятежи 47 г. и война с Секстом Помпеем в 39-36 гг. К этому можно добавить регулярные кризисы с продовольственным снабжением, начавшиеся в 124-123 гг. и продолжавшиеся до принципата Августа, финансовые и долговые кризисы 89-88, 66-63 и 48-47 гг. и чисто финансовые кризисы 88, 82, 63-61, 45-44 гг. “Во всех этих событиях”, — заключает Кл. Николе, — “наши источники неизменно подчеркивают социальное измерение: “богатые и “бедные”, “нобили” и “оптиматы” против “плебса”, “народа” или “низших классов”.

Из 37 человек из этого списка, 12 были убиты, а 11 осуждены. 8 человек из этого списка — это легаты Цезаря и его сторонники (Анний Бальб, Фуфий Кален, Ватиний, Требоний и др.) уцелели благодаря его победе и были бы уничтожены в случае поражения. Погибли почти все гракханцы и сторонники Сатурнина, борьба 80-х гг. закончилась их почти полным уничтожением, а популярны 70-60-х гг. становились жертвами процессов. В 50-40-х гг. Помпей и его сторонники вернулись к методам Суллы.

101

См. главу 7.

comments

Ссылки

1

Carcopino J. Cesar// Histoire generale. ed. par G. Glotz. Histoire Romaine. II. Paris, 1936; Gelzer M. Caesar als Politiker und Staatsmann. 6 Aufl. Wiesbaden, 1960; Ferrabino A. Caesar. Fiorenza, 1945; J.P.V.D. Balsdon. Julius Caesar. A Political Biography. New York, 1975; Raditsa L. Julius Caesar and his Writings// ANRW. Tl. 1. Bd. 3. Berlin-New York, 1975. S. 417-456. Некоторые литературные обзоры историографии о Цезаре см. напр. Collins J.H. Caesar as Political Propagandist// ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin-New York, 1972. P. 922-981; Kroymann J. Caesar und der Corpus Caesarianum in der neuen Forschung. Gesamtbibliographie 1945-1970 // ANRW. T. 1. Bd. 3. Berlin-New York, 1973. S. 457-487; The Cambridge Ancient History. 2-ed. Cambridge, 1994 (repr. 1999; 2001; 2003).

Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. 3. С. 130–387; Нич К.В. История римской республики. М., 1908. С. 444; Meyer Ed. Caesar's Monarchic und der Prinzipat des Pompeius. Stuttgart-Berlin, 1922; Adcock F. Caesar // CAH. V.DC. Cambridge, 1932. P. 614–738; Wiseman T.P. Caesar, Pompei and Rome, 59–50 B.C.// CAH.2-ed. Cambridge, 1994. V. DC. P. 368–424; Rawson E. Caesar: civil war and dictatorship// CAH. 2-ed. Cambridge, 1994. V. DC. P. 424–468.

Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1935. С. 333–345; Ковалев С.И. История Рима. Л., 1986. С. 425–452; Машкин Н.А. Принципат Августа. М.-Л., 1949. С. 74–95.

4

Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1976.

Термин А. Тойнби. Toynbee A-Hannibal's legacy to Rome. Oxford, 1965.

6

Моммзен Т. История Рима..., Т. 3. С. 352.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 3-41, особенно — 26-41.

Наиболее подробное изложение легенды см. Cic. De rep., II. 5, 10, X. 17; Liv., I, 1-8; Dion. Hal., 60-89; Plut. Rom., 3-10. Подробный обзор источников о ромуловом Риме см. *Маяк И.Л.* Рим первых царей...С. 40-45; 5274.

На это указывается даже в наиболее фундаментальных общих курсах. См. напр. *Ковалев С.И.* История Рима. Л., 1986. 2-е изд. С. 51-55; 63-64.

Подсчеты численности раннеримской общины см. *Маяк И.Л.* Рим первых царей...С. 130-134. Наиболее известны подсчеты Ю. Белоха, Ф. де Мартино и Э. Гьерстада (*Beloch J.* Römische Geschichte. 5 Aufl. Berlin, 1853. S. 219; *de Martino F.* Territorio, popolazione e ordinamento centuriato // *Diritto et societa nell' antica Roma.* Roma, 1979. P. 162-182; *Gjerstad E.* Innenpolitische und militarische Organisation in fruherdmischer Zeit// ANRW. Tl. I. Bd. 1. Berlin-New York, 1972. S. 174-182.

Подробный разбор мифа об Эвандре см. *Маяк И.М.* Рим первых царей..., С. 53, 56, 73-74; 82-84.

См. *Маяк И.Л.* Рим первых царей..., С. 56-63; 73-75.
Подборка сведений Вергилия о римском этногенезе см.
Там же С. 64-65.

См. *Маяк И.Л.* Рим первых царей..., С. 135-140.

Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation...S. 137-139.

Ibid., S. 141-143.

Ibid., S. 181.

Ibid., S. 166-167.

См. напр. Ibid., S. 172-183; *de Martino F.* Intorno all'origine della reppublica romana e delle magistrature // ANRW. Berlin- New York, 1972.

Подробнее см. *Дементьева В.В.* Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. Об обстоятельствах и причинах создания этой магистратуры см. там же, С. 37–62.

Подробнее о цензах см. *Заборовский Я.Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в римской республике. Львов, 1985. С. 190.

См. *Заборовский Я.Ю. Очерки...*, С. 190–191.

См. Meier Chr. Res publica amissa. Wiesbaden, 1966. S. 9-10.

Подробный обзор историографии о суверенитете народного собрания см. *Утченко С.Л.* Кризис и падение римской республики. М., 1965. С. 83–85.

См. *Mommsen Th.* Römische Staatsrecht. Leipzig, 1887. Bd. 2. S. 177; *de Martino F.* Intorno all' origine della reppublica..., S. 236.

О значении, механизме и общих принципах римских цензов см. *Заборовский Я.Ю. Очерки...*, С. 6–44.

О педариях см. Gell., III, 18.

Mommsen Th. Römische Staatsrecht..., Bd. 2. S. 250.

Подробный разбор историографии и анализ этой точки зрения см. *Kunkel W. Magistratische Gewalt und Senatsherrschaft in ANRW. Tl. 1. Bd. 2. Berlin-New York, 1972. P. 3-22.*

Белкин М.В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы V-III вв. до н.э. СПб., 1997. С. 150-176.

Там же, С. 201-220.

Один из таких обзоров в современной историографии см. *Lintott A.* 1) *The crisis of the Republic, sources and sources-problems*// САН. 2-ed. Oxford, 1994. P. 6-7; 2) *Political history, 146-95 B.C.* // САН. 2-ed. Oxford, 1994. P. 40-53.

Заборовский Я.Ю. Очерки..., С. 30-31; 34-35.

Заборовский Я.Ю. Очерки..., С. 31.

Там же.

В новейшей историографии тезис о влиянии 2 Пунической войны на последующие кризисные явления наиболее полно разработан А. Тойнби (*Toynbee A. Hannibal's legacy to Rome. Oxford, 1965.*), основные позиции которого мы разделяем.

Brunt P. Italian manpower..., P. 342-360.

См. *Циркин Ю.Б. Древняя Испания...*, С. 196.

См. *Кузищин В.И.* История древнего Рима. 3-е изд. М., 1994. С. 102.

Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995–1996. Т. 2–3.

Bengtson H. Griechische Geschichte. 4 Aufl. Munchen, 1969; *Otto W.* Zur Geschichte des 6 Ptolemaers. Munchen, 1934; *Haffter H.* Politisches in alten Rom. Römische Politiker. Heibelberg, 1967; *Volkmann H.* Griechische Rhetorik oder römische Politik// *Hermes*. 82. 1954. S. 465 ff. Достаточно часто в современной историографии римлян обвиняют в том, что они прервали прогрессивное историческое развитие тех или иных народов, напр. галлов или испанцев — см. *Badian E.* Roman Imperialism in late republic. Oxford, 1968; P. 89-92; *Starr Ch.* The Roman Place in History// ANRW. Berlin-New York, 1972. Tl. 1. Bd. 1., P. 6-8. или, наоборот разрушили эллинистический мир, бывший еще достаточно жизнеспособным и не представлявший для римлян никакой серьезной угрозы. См. напр. *Starr Ch.* The Roman Place..., P. 7-8; *Will E.* Histoire politique du monde hellenistique. II. Nancy, 1967; *Badian E.* Foreign Clientelae (264-70 B. C). Oxford, 1958. Подробный обзор зарубежной историографии о взаимоотношениях Рима и эллинистического мира см. *Беликов А.П.* Рим и эллинизм. Проблемы политических экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 24-31; 43; 71; 78-79.

Werner R. Das Problem des Imperialismus und die Römische Ostpolitik in zweiter Jahrhundert v. Chr. // ANRW. Berlin-New York, 1972. Tl. 1. Bd. 1. S. 502-504.

Напр. *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1995-1996. Т. 2-3.; *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926.

Подробный обзор этого вопроса см. *Кораблев И.Ш.* Ганнибал. М, 1976. С. 359–360. Отметим, к примеру, мнение Ж. Каркопино, считавшего виновными Ганнибала и карфагенян — *Carcopino J.* La traite d'Hasdrubal et le responsabilite de la deuxieme guerre punique// REA. 35. 1953. P. 258–259. и противоположные мнения Ф. Уолбэнка и У. Отто относительно виновности римлян: *Otto W.* Eine antike Kriegschuldfrage. Die Vorgeschichte des 2 Punischen Krieges// HZ. 145. 1931. S. 516; *Wallbank H.* Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1957. V. LP. 88–172.

Подробнее см. *Raditsa L. Bella Macedonica...*, P. 579-582; 587-589.

Will E. Rome et les Seleucides// ANRW. Berlin-New York.
Tl. 1. Bd. 1., 1972.

Raditsa L. Bella Macedonica..., P. 579-582; 587-589.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 69-73; 122-129; 207-212; 355-363; 367-373; Т. 3. С. 350-351.

Toynbee A. Hannibal's legacy to Rome. Oxford, 1965;
Badian E. Tiberius Gracchus and the beginning of Roman
Revolution// ANRW. Berlin-New York. 1972. Tl. 1. Bd. 1. S.
668-689.

Кузицин В.И. Римское рабовладельческое поместье
во 2 в. до н.э. — 1 в. н.э. М., 1972. С. 102-103.

Boren H.C. The Urban Side of the Gracchan Economic Crisis // AHR. 63. 1937/8. P. 890; *Dohr H.* Die Italische Gutschofe nach dem Schriften Catos und Varros. Koln, 1965; *White K.D.* Republican Capua. A social and economic Study//PBSR. 27. 1959. P. 108; 112ff.

Meyer Chr. Res publica amissa..., S. 301-302.

Кнабе Г.С. Древний Рим, история и повседневность.
М., 1986. С. 19.

Meyer Chr. Res publica amissa..., S. 301-302.

Штаерман Е.М. От гражданина к подданному//
Культура древнего Рима. М., 1986. Т. I. С. 45-51.

Заборовский Я.Ю. Очерки..., С 31.

Там же, С. 31.

Там же.

Там же, С. 32; 192.

Brunt P. Italian manpower..., P. 246.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 357-360; Nicolet Cl. Economy and society., P. 609-627.

Brunt P. Italian manpower..., P. 342-343.

Beranger J. Les jugements de Ciceron sur les Graques // ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin-New York, 1972. P. 732-763.

Beranger J. Les jugements de Ciceron sur les Graques // ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin-New York, 1972. P. 732-763.

Там же, Т. 2. С. 98.

Там же, Т. 2. С. 117.

Гримм Э.Д. Братья Гракхи. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1894. С. 54–55.

Протасова С.И. Борьба общественных идеалов в эпоху Гракхов. Пг., 1923. С. 25; *Ковалев С.И.* История Рима. 2-е изд. СПб., 1986. С. 352–353; *Машкин Н.А.* История древнего Рима. М., 1946. С. 221; *Утченко С.Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 17; 115; 132; 2) Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики (из истории политических идей I в. до н.э.). М., 1952. С. 29–42; *Заборовский Я.Ю.* Очерки..., С. 102; 105.

Утченко С.Л. Кризис и падение..., С. 17; 171-175.

Nicolet Cl. L'inspiration de T. Gracchus//*REA.* 67. 1965;
Boren H.C The Urban Side of the Graccham Economic Crisis //
AHR. 63. 1937/8. P. 870; *Cary M.A.* A history of Rome to the
reign of Constantine. New York, 1960; P. 282-294; *Badian E.*
Tiberius Gracchus and the beginning of Roman Revolution//
ANRW. Berlin-New York. 1972. Tl. 1. Bd. 1. S. 668-731; *Earl.*
D. Tiberius Gracchus. Bruxelles, 1963. P. 18-19; *Broughton R.*
The magistrates of Roman Republic. London, 1951; *Smith R.*
The Failure of Roman Republic. Cambridge, 1955. P. 17.

Badian E. Tiberius Gracchus.., P. 714-715.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 117; Grimm Э.Д. Братья Гракхи..., С. 25.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 109-111; Нич К.В. История римской республики..., С. 425; Гримм Э.Д. Братья Гракхи..., С. 26.

Заборовский Я.Ю. Очерки..., С. 120-122.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 186-187; *Нин К.В.* История римской республики..., С. 425; *Ковалев С.И.* История Рима., С. 361-362; *Игнатенко А.В.* Древний Рим (от военной демократии к военной диктатуре). Свердловск, 1988. С. 112-113.

Утченко С.Л. Кризис и падение..., С. 175-176; *Gabba E.* Le origini del Fescercito professionale in Roma; I proletari e le reforma di Mario// *Athenaeum*. NS. 27.1949. P. 173ff; 2) *Richerche sull' escercito profesionale Romano da Mario ad Augusto// Athenaeum*, 29. 1951. P. 171ff.; *Smith R.E.* Post-Marian Army. Manchester, 1958. P. 10.

Brunt P. The army and land in the roman revolution// JRS. 52. 1965. P. 69-71.; *Vogt J.* Caesar und seine Soldaten//NJAB. 1940. H. 4. S. 130ff.; *Schmittener W.* Politik und Armee in der spaten römischen Republik// HZ. 190. H. 1. S. 2-10.; *Harmand J.* L'armee et le soldat dans la republique Romaine. Paris, 1963.

Brunt P. Italian manpower..., P. 346.

Утченко С.Л. Кризис и падение.., С. 176.

Brunt P. Italian manpower..., P. 348.

Ibid.

Gabba E. Mario e Silla// ANRW. Berlin-New York. 1972. Tl. 1. Bd. 2. P. 769-774; *Ootenghem J.* Caius Marius. Bruxelles, 1964; *Frank T.* Marius and the Roman nobility//CJ. 50. 1955. P. 145-152.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 192.

Утченко С.Л. Кризис и падение.., С. 191.

Frank T. Marius and the Roman nobility//CJ. 50. 1955. P. 149-152; *Gabba E. Mario e Silla...*, P. 780-783.

Подробнее см. *Егоров А.Б.* Муций Сцевола, Лициний Крассы и Юлии Цезари (римская интеллигенция и кризис конца II — начала I вв. до н.э.)/ Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб., 2003. С. 191-204.

См. *Brunt P. Italian manpower...*, P. 349.

Подробнее о политической борьбе в 90-е гг. см. *Gruen E. Political Prosecutions in the 90-s BC*// *Historia*. 15. 1966. S. 32-64. 2) *The lex Varia*// *JRS*. 55. 1965. P. 59-73.; 3) *Roman politics and the criminal courts 149-78 B.C.* Cambridge, 1968; *Gabba E. Mario e Silla.*, P. 764-765.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 206; *Cary M.A.* A history of Rome to the reign of Constantine. New York, 1960; P. 317; *Marsh F.B.* A History of Roman World. London, 1934. P. 95-96.

Meier Chr. Res publica amissa..., P. 214; *Nicolet Cl.* L'ordre equestre..., P. 567.

Ковалев С.И. История Рима..., С. 376–378.

Gabba E. Mario e Silla.., P. 789-791.

Meier Chr. Res publica amissa.., P. 214-216.

Численность дается на основе данных Полибия (Polyb., II, 27).

Brunt P. Italian manpower..., P. 420.

Подробный обзор Союзнической войны- *Gabba E.*
Rome and Italy: the Social War// CAR 2-ed. Cambridge, 1994.
P. 105-107.

Munzer F. Comelii//RE. Bd. IV. Stuttgart, 1901. S. 1249.

Brunt P. Italian manpower..., P. 426-427.

Ibid.

Badian E. Waiting for Sulla//JRS. 52.1962. P. 52-53; *Meier Chr.* Res publica amissa., S. 232; 296; *Gabba E.* Mario e Silla., P. 798.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 349-351.

Моммзен Т. Там же.

Cary M.A. A history of Rome..., P. 328; *Marsh F.B.* A History of Roman..., P. 103.

Meier Chr. Res publica amissa..., S. 239-241.

История древнего Рима..., С. 134.

Badian E. Waiting for Sulla//JRS. 52. 1962. P. 52; *Bulst C.M.* Cinanum tempus// Historia. 13. 1964. P. 307-337.

О тенденциях в западной историографии к более детальному рассмотрению, а отчасти и пересмотру образа и политической деятельности Цинны см. *Егоров А.Б.* Проблемы истории гражданских войн в современной западной историографии// Мнемон. 2005. вып. 4. С. 491-493.

Аргументы против исправления (на 963 000 человек), т.е. CCCCLXIII на DCCCCLXIII приводит Я.Ю. Заборовский (Очерки..., С. 54-55).

Brunt P. Italian manpower..., P. 425.

Дуров В.С. Юлий Цезарь, человек и писатель. Л., 1991. С. 13.

110

Там же.

Там же, С. 172-173.

Там же, С. 13-14.

Подробнее о творчестве Цезаря см. гл. 10. Фрагменты недошедших сочинений Цезаря и указаний на них см. C. Iulii Caesaris. Commentarii cum supplementis A. Nitrii et aliorum. Rec. F. Oeler. Lipsiae, 1873. P. 426-450.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 316–317.

Wilcken U. Zur Entwicklung der römischen Diktatur//
APAW. 1940. 1. S. 26-28.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 316–317.

117

Там же.

Wilcken U. Zur Entwicklung..., P. 26-28.

Gabba E. Mario e Silla.., P. 803-805.

Willems P. Le Senat de la Republique Romain. Paris, 1875. V. 1. P. 232ff.; Hill H. Sulla's new senators in 81 B.C. *JICQ.* 1932. P. 70; *Nicolet Cl.* L'ordre equestre..., P. 581-591.

Nicolet Cl. L'ordre equestre..., P. 581-591.

См. напр. *Sail. Hist. Or. Macri*, V, 19-21.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 3. С. 8.

См. *Еремин А.В.* Диктатура Суллы (социально-политические и правовые основания сулланского режима).СПб., 2003. С. 16.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 326–327.

Подробнее о римских *quaestiones* см. *Cloud D. The Constitution and public criminal law* // CAH. 2-ed. Cambridge, 1994. P. 505-507.

127

См. напр. Cic. pro Rose, 50, 146; Sail. Cat., II, 4.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 349-351.

Нич К.В. История римской республики..., С. 450.

Froelich K. Cornelii (392). Stuttgart, 1901. S. 1551-1556;
1564-1565.

Block L. Sociale Kampfe in alten Rom. Leipzig., 1908. S. 7-8; 12; *Bennet H.* Cinna and his Time. Chicago, 1923; *Bulst C.M.* Cinanum tempus // *Historia.* 13. 1964. P. 307-337.; *Badian E.* Waiting for Sulla..., P. 57-58.

Gabba E. Mario e Silla.., P. 795-805.

Meier Chr. Res publica amissa.., P. 227-228; 237; 256.

Ковалев С.И. История Рима..., С. 397-398.

Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1946. С. 248-249 2) Принципат Августа. М.-Л. 1949. С. 16-17.

Утченко С.Л. Кризис и падение..., С. 31; 181; 194-197.

Carcopino J. Sulla ou L'Empire maniquee. Paris, 1931. P. 443-456.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 349-351; Ковалев С.И. История Рима..., С. 396.; Игнатенко А.В. Древний Рим..., С. 152; Froelich K. Comelii..., S. 1551-1556; Meier Chr. Res publica amissa..., P. 227-228; 256-262.

Carcopino J. Sulla..., P. 443-456.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 353.

Meier Chr. Res publica amissa.., P. 227-228.

Выражение Т. Моммзена. *Моммзен Т.* История Рима...,
Т. 2. С. 350.

Подробнее о восстании Сертория см. *Гурин И.Г.* Серторианская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской Республики в начальный период гражданских войн. Самара, 2001. С. 113–115.

Carcopino J. Sulla..., P. 443-450.

Гурин К.Г. Серторианская война.., С. 105.

Brunt P. Italian manpower..., P. 425.

Brunt P. Italian manpower..., P. 425.

Подробнее см. *Утченко С.Л. Юлий Цезарь...*, С. 45-51; 53-55; 59; 71-72.

Подробное описание перелома в Серторианской войне, произошедшее в 74-73гг. см. *Гурин К.Г.* Серторианская война..., С. 245-252.

См. *Гурин И.Г.* Серторианская война.., С. 231-245 с подробным анализом источников и литературы по вопросу о гибели Сертория. Признавая значительную ценность этого обзора, мы не можем согласиться с мнением автора, относящего гибель Сертория к 73 г. до н.э. и придерживаемся традиционного взгляда (72 г. до н.э.).

Brunt P. Italian manpower..., P. 427-428.

Подробнее см. *Заборовский Я.Ю.* Очерки..., С. 56; 63; 163. Автор отмечает, что это было то самое “долгожданное приращение”, которое должно было произойти после Союзнической войны. Особый характер ценза подчеркивался и тем, что он сопровождался ритуальным очищением (*lustrum*). См. также *Wiseman T.P.* *The Senate and the populares//..*, P. 327-329. Вместе с тем можно согласиться и с мнением Я.Ю. Заборовского, что даже сейчас предоставление гражданства было неполным (Очерки..., С. 63).

Nicolet Cl. L'ordre equestre..., P. 581-591.

См. *Brunt P. Italian manpower...*, P. 427-428.

См. *Brunt P. Italian manpower...*, P. 427-428.

Кузицин В.И. История древнего Рима..., С. 152;

Sail. Cat., 5, 14-16; Q. Cic. Comm. pett, 10.

См. напр. *Лившиц Г.М.* Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н.э. и заговор Катилины. Минск, 1960; *Ковалев С.И.* История Рима..., С. 416-423;

Основным источником на тему о законе Рулла являются три крайне тенденциозные речи Цицерона “Об аграрном законе”; особое значение имеет самая большая, 2 речь. Об участии Красса и Цезаря см. *Cic. de l. agr. II*, 2; 8; 20; 23; 50; 58. Это мнение стало общим местом в научной литературе: см. напр. *Моммзен Т. История Рима...*, Т. 3 С. 119-120; *Утченко С.Л. Юлий Цезарь...*, С. 63-64.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 3 С. 166.

Meier Ed. Caesar's Monarchic., S. 3-4; 42.

Marsh F.B. A History of Roman World. London, 1934. P. 241.

Gelzer M. Caesar..., S. 59.

Hellegouarch J. Le vocabulaire latine des relations et des parties politiques sous la République. Paris, 1966. P. 346-348.

Ковалев С.И. История Рима..., С. 424.

Утченко С.Л. Кризис и падение..., С. 48-50; 2) Юлий Цезарь..., С. 84-85.

См. ниже разбор мнений о датировке. Детальный обзор о 1 триумвирате см. *Чеканова Н.В.* Система триумирата в политической жизни Рима при переходе от республики к империи. Л., 1988. С. 110-157; 2) Римская диктатура последнего века республики. СПб., 2005. С. 278-283.

Kornemann E. Römische Geschichte. Stuttgart. 1938. Bd. 1. S. 571-572; *Syme R.* Roman revolution...,P.377; *Bengtson H.* Caesar.Sein Leben und seine Herrschaft// Kleine schrift.Munchen,1974.S. 209; *Ковалев С.И.* История Рима..., С. 424.

Нич К.В. История римской республики..., С. 440; *Meier Ed.* Caesar's Monarchie..., S. 59-60.

История древнего Рима..., С. 164; *Игнатенко А.В.*
Древний Рим..., С. 139.

Schwarz Ed. Cassius Dio//RE. 1899. Bd. 3. Sp. 1684–1722; *Hanslik R.* Cicero, Caesar und das triumvirate//RhM. 1955. 98. S. 324–334. Последняя детально разобрана С.Л. Утченко (Кризис и падение..., С. 57–59).

Утченко С.Л. Кризис и падение..., С. 57-59; 2) Юлий Цезарь..., С. 93; *Чеканова Н.В.* Система триумирата..., С. 114; *Sanders H.A.* The So-Called Triunvirate// MAAR. X. 1932. P. 55ff.

Виппер Р.Ю. Очерки по истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 247-248; *Сергеев В.С.* Триумвират и диктатура Юлия Цезаря// И.Ж. 1937. 5. С. 96; *Машкин Н.А.* Принципат Августа..., С. 21; *Kornemann E.* Römische Geschichte..., S. 572; 577; *Meier Ed.* Caesar's Monarchic..., S. 59-60.

Утченко С.Л. Кризис и падение..., С. 62.

Машкин Н.А. Принципат Августа..., С. 21-22; *Утченко С.Л.* Кризис и падение..., С. 62. 2) *Юлий Цезарь...*, С. 95.

Groebe E. Iulii (131)//RE. Bd. 10. Stuttgart, 1917. S. 197-199; Miller F. Pompeius (31)// RE. Bd. 10. Stuttgart, 1917. S. 2129-2130; Ковалев С.И. История Рима..., С. 425.

Brunt P. Italian manpower..., P. 342.

Подробнее см. *Утченко С.Л. Юлий Цезарь...*, С. 101-102; *Кризис и падение..*, С. 68-69.

Meier Ed. Caesar's Monarchie..., S. 91; *Taylor L.R. The Date and Meaning of Vettius Affair//Historia. N. 1. 1950. P. 45-51;* *Утченко С.Л. Юлий Цезарь...*, С. 103-105.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 3 С. 14; *Сарторино Ж.*
Histoire Romaine..., V. II. P. 681 ff.

Широкова К.С. Города в римской Галлии// Античное общество. Проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 123-125.

Badian E. Roman Imperialism in Late republic. Oxford, 1968;P. 89-92; *Perowne S.* Death of Roman republic. New York, 1968.

Зарщиков А.В. Галльское проконсульство Цезаря и римская аристократия// Античный мир и археология. Вып. II. Саратов, 2002. С. 67-71.

Там же, С. 71.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 125.

186

См. Cic. In sen., 4, 9-7; 13, 32; de domo sua, 20, 51; 21, 54; 26, 69; 27, 70; 34, 91-37, 98; 37, 100-102; 44, 116; Sest., 7, 15-16; 10, 25; 12, 28; 14,32-33; 16, 36; 19,43-24, 53; inPiso, 4, 8-5, II; 7, 13-14; Veil. 11, 45, 2; Liv. Epit., 103; App. B. C, II, 15; Plut. Pomp., 48; Dio, 38, 12-17.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 3 С. 176-178;248-250.

Pockock P. Clodius and the Acts Caesar// CQ. 18. 1924. P. 52-65; 2) A note on the policy of Clodius// CQ. 19. 1925. P. 182-185; *Carcopino J.* Histoire Romaine..., V. II. P. 729.

Marsh F.B. A History of Roman..., P. 183-198.

Meier Ed. Caesar's Monarchic., S. 103; Cary M.A. A history of Rome., P. 396.

Heaton W. Mob's Violence in the late Roman Republic.
Urbana, 1939.

Ковалев С.И. История Рима..., С. 427.

Машкин Н.А. Принципат Августа..., С. 33–35.

Там же.

Утченко С.Л. Кризис и падение..., С. 77-82. 2) Юлий Цезарь..., С. 106-107.

196

О социальном составе клodianцев см. Cic. de domo 3, 5, 21, 54; 30, 75; 30, 79; Sest., 15, 34; 35, 76; 38, 81; de har. resp., 12, 25; pro Mil., 14, 36; 35, 96; Asc. P. 28.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 146; 149.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 3 С. 178-179; Т. 5. С.
121

Моммзен Т. История Рима..., Т. 5. С. 121-122; см. также *Вержбицкий К.В.* К вопросу о целях "британского похода" Калигулы// *Para bellum*. I. (21). С. 17-27.

Зеймаль Е.В. Парфия и греко-бактрийское царство//
История древнего мира. М. 1982. С. 475.

201

Там же, С. 477.

202

Там же.

Беликов А.П. Рим и эллинизм..., С. 289-290.

204

Там же.

Широкова К.С. Города в римской Галлии..., С. 129-130.

206

Там же, С. 130.

Там же, С. 129.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 5. С. 64-65; 69; 71-72.

Grenier A. Manuel d'archeologie gallo-romaine. Paris, 1984. V. VI. P. 681-692; 690.

Широкова Н.С. Города в римской Галлии..., С. 125.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 5. С. 65-68.

Моммзен Г. История Рима..., Т. 5. С. 69; Широкова К.С. Города в римской Галлии..., С. 125 слл.

Широкова Н.С. Города в римской Галлии..., С. 123-124.

Подробный обзор этой темы см. *Утченко С.Л.* Юлий Цезарь..., С. 306–309; *Volkman H.* Sullas Marsch auf Rom. Der Verfall der römischen republik. Munchen, 1958. P. 11; *Schmittener W.* Politik und Armee in der spaten römischen Republik// HZ. 190. 1960. H. 1. P. 2. *Smith R.E.* Service in post-Marian Roman army. Manchester, 1968.

Shakleton Bailey D. The Roman nobility in the 2nd Civil War//CQ. 1960. 2. P. 253-268.

Shakleton Bailey D. The Roman nobility.., P. 264-266.

Ibid., P. 264.

Jal P. *la guerre civile a Rome*. Paris, 1953. P. 85-87; 99-107; Collins J.H. Caesar as a political propagandist // ANRW. 1972. T. 1 Bd. 1 P. 942-946; 957-958; Егоров А.Б. Начало гражданской войны в Риме 49-45 гг. до н.э. // *Parabellum* 4 (20). 2003. С. 45-46.

Напр. Pohlmann R. Die Entstehung des Caesarismus // Aus Altertum und Gegenwart. München, 1835; Нич К.В. История римской республики. М., 1908. С. 444

Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. 3. С. 243-248.

Подробнее см. Егоров А.Б. Загадки Фарсала // *Parabellum*. 25. 2005. С. 47-48.

См. Там же. Вероятно, первым, кто серьезно подверг критическому обзору сведения об армии Помпея и, в частности, о его кавалерии был Г. Дельбрюк. См. Дельбрюк Г. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 1. С. 274-278.

Jal P. La guerre civile..., P. 106.

Формулировка С.Л. Утченко (См. Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 220).

См. Гурин И.Г. Серторианская война..., С. 247-248; 252-255; 259.

Дельбрюк Г. История военного искусства..., Т. 1. С. 374.

227

Там же.

Ростовцев М.И. Рождение римской империи. Пг., 1918. С. 21; Jal P. La guerre civile..., P. 83-87; 99-107.

Wilcken U. Zur Entwicklung der römischen Diktatur..., S. 26-28.

Фрэн И. Клеопатра или неподражаемая. М., 2001. С. 33; Деке П. Клеопатра. Ростов-на-Дону. 1998. С. 30; Беликов А.П. Рим и эллинизм..., С. 365–367; Green P. From Alexander to Actium. The historical evolution of the Hellenistic age. Berkeley. Los Angeles. 1993. P. 661–662.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 3. С. 293; Gelzer М. Caesar..., S. 262.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 254-255; Дуров В.С. Юлий Цезарь..., С. 98-99; 102-104.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 3 С. 247; Gelzer M. Caesar..., S. 251-252; Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 249.

Дуров В.С. Юлий Цезарь..., С. 101.

Gelzer M. Caesar..., S. 262; Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 255.

Brunt P. Italian manpower..., P. 433.

Ibid., P. 435-436.

Ibid., P. 433.

Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latine..., P. 384.

Моммзен Т. История Рима..., Т.2. С. 304; Т. 3. С. 341-343.

241

Там же, Т. 3. С. 341-343.

Hamblenne P. L'opinion publique romaine en 46-43 et les sentences politiques de Publius Syrus // ANRW. BerlinNew York, 1972. Tl. 1. Bd.2. P. 641-645.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 3. С. 344.

244

Suet. Claud., 20.

245

Моммзен Т. История Рима..., Т. 5. С. 204.

246

Подробнее см. Заборовский Я.Ю. Очерки..., С. 56; 194.

См. Кнабе Г.С. Древний Рим, история и повседневность. М., 1986. С. 162.

О мероприятиях Цезаря в отношении Рима см.
Rawson E Caesar, civil war and dictatorship // САН. 2-ed.
Oxford, 1994. P. 453-458.

Fitzler K. Seek O. Iullii (132)//RE.Bd.10. Hbd.1. Stuttgart, 1917. Sp. 277-278.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 3. С. 470–474.

Gelzer M. Caesar..., S. 332-337; более осторожно — Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 280-281; Dieninger J. Von der Republik zur Monarchie: Die Ursprünge der Herrschertitulatur des Prinzipats//ANRW. Berlin-New York, 1972. T1.1. Bd. 1. S. 892-907.

Rosenberg E. Imperator//RE. 1914. Bd.17. Sp. 1140-1154; Mc Fayden D. The History of the title Imperator under the Roman Empire. Chicago, 1920; Kienast D. Imperator//ZRG. 78. 1961. S. 403-421; Lesuisse L. La nomination de l'empereur et le titre d'imperator//AC. 30. 1961. P. 415-428; Combes R. Imperator. Recherches sur l'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome republicaine. Paris, 1966; Syme R. Imperator Caesar, a study in nomenclature//Historia. 7. 1958. S. 172-188; Wickert L. Princeps (civitatis)//RE. Bd. 22. 1954. Sp. 2278-2281; Машкин Н.А. Принципат Августа..., С. 65-66; Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 280-281.

Rosenberg E. Emperor..., Sp. 1140-1142.

Ibid., Sp. 1142.

Dieninger J. Von der Republique zur Monarchic., S. 993.

Машкин Н.А. История Рима... Т. 3. С. 400–401; Машкин Н.А. Принципат Августа... С. 65; Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 280–281.

Von Premerstein A. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. Berlin, 1937. S. 123.

Wickert L. Princeps..., Sp. 2279-2281.

Mc Fayden D. The History..., P. 17-27; Last H. Imperium maius /JRS. 37. 1947. P. 162; Syme R. Roman revolution..., P. 52.

Машкин Н.А. Принципат Августа..., С. 64-66.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 280-281.

262

Там же.

Gesche H. Die Vergottung Caesars//Frankfurter Althistorische Studien. Kallminz Opf. 1968. S. 7-10; Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 321-322. Авторы отмечают различие двух понятий: обожествления, т.е. передачи определенных божеских почестей без придания статуса бога, и обоготворения, т.е. включения в число государственных богов с учреждением официального культа.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 321-322.

Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 177-178.

Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1883-1887. Bd. 2. S. 872-875.

Meier Ed. Kaiser Augustus// Kleine Schriften. Halle, 1940;
2) Caesars Monarchie..., S. 123-125; Ферро Г. Величие и падение Рима. М., 1915-1923. Т.4-5.

Mispulet Cl. *Les institutions politiques des Romains*. Paris, 1883. V. 2. P. 70; 81-82; Буассье Г. *Римская религия от Августа до Антонинов*. М., 1878; 2) *Общественные настроения времен римских Цезарей*. Пг., 1915; Герье В.И. *Август и установление римской Империи* // *Вестник Европы*. 1877. № 6-8; Grimm Э.Д. *Исследования по истории римской императорской власти*. СПб., 1900-1902. Т. 1. С. 32; 220; 224-225; 247-248; 285; 387; 408.

Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Berlin, 1881-1904. Bd. 2. S. 540, близкие точки зрения — Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Berlin, 1924-1928. Bd. 1-2; Rice T. The architect of the Roman Empire. London, 1928-1931. V. 1-2.

Heinze R. Keiser Augustus //Hermes. 1930. Bd. 65. S. 38; Marsh F.B. The reign of Tiberius. Oxford, 1931. P. 18. Теории “фасада” очень популярны и в современной историографии, как в западной, так и отечественной: Ehrenberg V. Monumentum Ancyranum//Klio. 1925. Bd. 19. S. 207; Kornemann E. Doppelprinzipat und Reichsteilung in Imperium Romanum. Leipzig-Berlin, 1930; Kolbe W. Augustus. Darmstadt, 1985. S. 72-98; Taylor L.R. Party politics in the age of Caesar. Berceley-Los Angeles, 1939 (3-ed. 1961). P. 180; Hohl E. Augustus//Das Altertum. 1950. Bd.2. S. 238; Jones A.H.M. Augustus. London, 1970.P.187; Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской Империи. М., 1923; Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. С. 373-411; Ковалев С.И. История Рима..., С. 490, 495, 583, 643, 691; Машкин Н.А. Принципат Августа..., С. 400-401; 606; Утченко С.Л. Кризис и падение ..., С. 3-32.

Grant M. From imperium to auctoritas. Cambridge, 1946; Magdelain A. Auctoritas principis. Paris, 1947; Hammond M. The Augustan Principate. Cambridge, 1933; 2) The Antonine Monarchy//ANRW. T. 1.2. Bd.2. Berlin-New York, 1975. S. 329-384; Premerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. Berlin, 1937. S. 63ff.; 125ff; 212; Wallace Hadryll. A. The golden age and sin in Augustan ideology//P&P. 1982. V. 85. P. 19-35; 2) Civilis princeps: between citizen and the King//JRS. 1982. V. 72. P. 32-48; Портнягина И.П. Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата (диссертация). Л., 1982; 2) Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата. Калинин, 1983; Штаерман Е.М. От гражданина к подданному// Культура древнего Рима. М., 1985. С. 52-55; Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 30-37; 2) Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи (конец I — начало II вв.) (диссертация). М., 1983. С. 134-142; 148; Межеричкий Я.Ю. Республиканская монархия..., гл. 1.; С. 367-376.

Kunkel W. Römische Rechtsgeschichte. Berlin, 1948. S. 35; Timpe D. Untersuchungen zum Koninuitat des frühen Prinzpats // Historia Einzelschriften.V.Wisebaden, 1962; S. 122-123; Beranger J. Recherches sur l'aspect ideologique du principat. Basel, 1953; Meier Er. Römische Stadt — und Staatsgedanke. Zurich, 1964; Wickert L. Princeps (civitatis)..., S. 2296; 2) Neue Forschungen zur römischen Prinzipat//ANRW. Berlin-New York, 1974. T.1.2. Bd.I. S. 72-76.

Моммзен Т. История Рима. СПб., 1996. Т. 3. С. 308–309; Meyer Ed. Caesar's Monarchic..., S. 406; Gage J. De Cesar a Auguste..., P. 279–342; Gelzer M. Caesar..., S. 332–337; Balsdon J.P.V.D. Caesar..., P. 104–105; Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 26–40; 303–333.

Schackleton Bailey D. The Roman nobility..., P. 265.

Ibid, P. 264-265.

Symc R. Roman revolution..., P. 78-76; Willems P. Le Senat... V.I. P. 581-598; Meyer Ed. Caesar's Monarchic. S. 463-465; Carcopino J. Cesar..., P. 932-935.

О колонизационной программе Цезаря см. Rawson E. Caesar....., P. 442-448.

Brunt P. Italian manpower..., P. 342.

Ibid.

Машкин Н.А. Принципат Августа...., С. 458;
Заборовский Я.Ю. Очерки..., С. 63.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 282-283.

Циркин Ю.Б. Античная Испания..., С. 192-193; 198.

Заборовский Я.Ю. Очерки..., С. 56; 63. Автор считает, что учет был далеко не полным. Данное количество граждан (910 000 человек) создают при наличии площади античной Италии в 160 000 км² плотность населения в 6 человек на км² (с учетом женщин, детей и рабов — 22, 8 человек). Для сравнения — площадь современной Италии — 301 000 км², население (по данным 60-х гг.) — 52 337 000 человек, а плотность — 174 человека на км². Различие между площадью античной и современной Италии связано с тем, что в римскую Италию не входили Сицилия, Сардиния и север страны (Цизальпинская Галлия) примерно до линии Пиза-Римини, т.е. Пьемонт, Эмилия-Романья, Лигурия, Балле д'Аоста, Ломбардия, и области Трентино-Альто-Адидже, Венеция и Фриули-Венеция-Джулия.

Brant P. Italian manpower..., P. 8; 14.

285

Заборовский Я.Ю. Очерки..., С. 56; 63.

286

Там же.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 3. С. 338–339.

См. C Iulii Caesaris. Commentarii... P. 441-456.

Lintott A. The crisis of the Republic... P. 1.

Такова, например, общая тенденция фундаментального сборника под редакцией В. Пешля — Sallust. Herausg. von V. Pöschl. Darmstadt, 1970 — содержащего статьи таких выдающихся специалистов, как Ф. Клингер, Х. Дрекслер, Э. Скард, Г. Патцер, К. Вретска, П. Занкан, К. фон Фриц, К. Бюхер и др. Другие историки проявляют гораздо больший интерес к его политической деятельности. См. Paananen U. Sallust's politico-social terminology. Helsinki, 1972. P. 7-20; Syme R. Sallust. Berkeley, 1964; рец. Earl D. in JRS. 1935. P. 232-240.

Patzer H. Sallust und Thukidides // Sallust. Hrsg. von V. Poeschl. Darmstadt, 1970. S. 103-120; Fritz K. von. Sallust und das Verhalten der römischen Nobilität zur Zeit der Kriege gegen Iugurtha // Ibid. S. 156, 157, 188, 205; Pöschl V. Die Reden Caesars und Catos in Sallust's Catilina' // Ibid. S. 388-396; Также — Schur W. Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934; Perrochat P. Les modeles grecs de Salluste. Paris, 1949; Avenarius W. Die griechische Vorbilder des Sallust // SO. 39. 1957.

Многие ученые высказывают сомнения в подлинности «Писем к Цезарю»: Dihle A. *Zu den epistolae ad Caesarem senem* // *MH.* 11. 1954. S. 126-130; Scard E. *Zur sprachliche Entwicklung des Sallust* // *SO.* 39. 1964. S. 13-16; Syme R. *Sallust...* P. 239 ff. С другой стороны, у теории аутентичности также есть немало сторонников: Seel O. *Von den Briefen...* S. 6-32; Hellegouarc'h J. *Democratic et principat dans les lettres de Salluste a Cesar* // *RBPh.* 1970. T. 44. P. 71, 72; Dietz G. *Sallusts Briefe an Caesar.* Freiburg, 1956.

Несколько сравнительно новых обзоров см. Collins J.H. Caesar as a Political Propagandist // ANRW. T1.1. Bd. 1. Berlin — New York, 1972. P. 963-966; Kroymann J. Caesar und der Corpus Caesarianum in der neuren Forschung. Gesamtbibliographie 1945-1970//ANRW. T1.1. Bd. 3. Berlin — New York, 1973. S. 437-487.

См. напр. Rice Holmes T. Caesar's Conquest of Gaul. Oxford, 1911. P. 211-256; Collins J.H. Caesar as a Political Propagandist... P. 939-941, 942, 943, 946-947, 958-962.

Collins J.H. Caesar as a Political Propagandist... S. 923.

Ibid. P. 923-927.

Ibid. P. 934-936.

Ibid.

Ibid. P. 942-943; Jal P. La guerre civile... P. 391-433.

Ibid. P. 946-957.

301

Дуров В.С. Юлий Цезарь... С. 13, 14.

Groebe W. Iulius (131)... S. 255.

Это обстоятельство отмечают самые разные исследователи. См. напр. Bengtson H. *Zur Geschichte des Brutus*. Munchen, 1970. S. 18-23; Машкин Н.А. *Принципат Августа...* С. 121; Rawson E. *The Aftermath of the Ides* // *САН*. 2-ed. Cambridge, 1994. P. 468-469.

Нич К.В. История римской республики... С. 508; Сергеев В.С. Второй триумvirат и падение Римской республики // И.Ж. 1937. № 9. С. 63-76; Машкин Н.А. Принципат Августа... С. 63-76; Егоров А.Б. Рим на грани эпох (проблемы рождения и формирования принципата). Л., 1985. С. 73; Kromayer E. Rechtliche Begründung des Prinzipats. Marburg, 1888; Kolbe W. Der zweite Triumvirat. Weimar, 1914. S. 49; Last H. Imperium maius // JRS. 37. 1947. P. 162; Bengtson H. Grundriss der Römischen Geschichte mit Quellenkunde. München, 1970. 2 Aufl. Bd. 1. S. 238-240; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. Zum Charakter des zweiten Triumvirats. Göttingen, 1990. S. 8. Вероятно, наиболее полным в отечественной историографии можно считать обзор системы 2 Триумvirата, сделанный Н.В. Чекановой. См. Чеканова Н.В. Система триумvirата в политической жизни Рима при переходе от республики к Империи. Л., 1987. С. 110-157; Римская диктатура последнего века республики. СПб., 2005. С. 374-457.

Mommsen Th. Römische Staatsrecht... Bd. I. S. 707 ff;
Машкин Н.А. Принципат Августа... С. 177-178; Чеканова
Н.В. Система триумвирата... С. 154.

Чеканова Н.В. Система триумвирата... С. 159-162.

307

Там же. С. 159.

Чеканова Н.В. Система триумвирата... С. 171-173;
Римская диктатура... С. 419-424; 426-432; 456.

309

Brunt P. Italiam manpower... P. 531.

Подробный обзор обоих поэтических произведений см. Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи... С. 82-97.

О характере этой присяги см. Premerstein A. von, Von Werden und Wesen... S. 63 ff.; Instinsky H.U. Consensus universorum // Historia 40. S. 265-278; Adcock F. The interpretation of Res gestae divi Augusti, 34, 1 // CQ. 45. 1951. P. 130-135; Visscher F. de. Les pouvoirs d' Octavien en l'an 32 av. J.C. // BEBR. 19. 1938. P. 103-104; Wickert L. Princeps (civitatis)... S. 2264-2269.

312

CAH. 1-ed.V. 10. P. 100.

Ibid.

См. Ibid. P.

Машкин Н.А. Принципат Августа... С. 286.

Кулаковский Ю.А. Вновь открытая присяга на имя Августа // Филологическое обозрение. 1901. Т. 20; Boemer F. Der Eid beim Genius des Kaisers // Athenaeum. 44. 1966. P. 77-123; Herrmann P. Der römische Kaisereid. Untersuchungen zu seiner Herkunft und Entwicklung. Göttingen, 1968.

Carthledge P. The second thought of Augustus of the res publica in 28/7 B.C. // *Hermathena*. 119. 1975. P. 30-40;
Lacey W.K. Octavian in the senate. January 27 B.C. // *JRS*. 64. 1974. P. 176-184.

Подробнее см. Егоров А.Б. Добродетели щита Августа // Античный мир. Изд. СПбГУ, 1988. С. 280-294.

Вероятно, самым основательным отечественным исследованием по этой теме с указанием на большое количество специальной литературы является исследование Ф.А. Михайловского. См. Михайловский Ф.А. Трибунская власть в политической системе Августа (несколько точек зрения) // Античная гражданская община. М., 1984. С. 92-104; 2) Трибунская власть в политической системе принципата (диссертация). М., 1985.

Grant M. The Augustan Constitution // G & R. 1949. 18. P. 108-110.

321

Salmon E.T. The Evolution of Augustus Principate.
Wiesbaden, 1956. S. 456.

Hammond M. The tribunician day during the early Empire... P. 80-83; Jones A.H.M. The imperium of Augustus... P. 10-11.

Yavetz Z. Plebs and Princeps. Oxford, 1969. P. 91-97.

Подробнее см. Гримм Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900. Т. I.С. 132-134.

Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Leipzig, 1883-1887. Bd. 2. S. 872-875; Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Berlin, 1885. Bd. 1. S. 494; Kornemann E. Doppelprinzipat und Reichsteilung des Romains. Berlin, 1883. S. 70.

«Теория фасада» (на наш взгляд, очень удачное определение Я.Ю. Межерицкого) восходит еще к сочинениям Ф. Вольтера и Эд. Гиббона и достаточно распространена в современной историографии. См. напр. Ehrenberg V. Monumentum Ancyranum // Klio. 1925. Bd. 19. S. 207; Kolbe W. Augustus. Darmstadt, 1985. S. 72-98; Taylor L.R. Party Politics... P. 180; Hohl E. Augustus // Das Altertum. 1950. Bd. 2. S. 238; Wallace Hadryli Y. The golden age and sin in Augustan ideology // P & P. 1982. V. 85. P. 19-36; 2) Civilis princeps: between citizen and the King // JRS. 1982. 72. P. 32-48; 3) Image and authority in the coinage of Augustus // 1988. 76. P. 66-87.

Hammond M. *The Augustan Principate*. Cambridge, 1933-1937; Castritius H. *Der römische Prinzipat als Republik*. Musum, 1982. S. 9-10.

Rostovtzeff M.A. A history of ancient world. Oxford, 1927. V. 2. P. 160-190; Meier Ed. Römische Staat — und Staatsgedanke. Berlin, 1948. S. 35; Kunkel W. Römische Rechtsgeschichte. Berlin, 1948; Wickert L. Princeps... Sp. 2004-2030; 2096-2098.

Наиболее полно наша позиция изложена в другой работе: Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. М., 1985; 2) Вопрос о роли сената в политической системе принципата в историографии ХГХ — ХХ вв. // Мнемон. СПб., 2002. С. 175-191.

Gelzer M. Nobilitat der Kaiserzeit // Historia, 1915. S. 395-415; de Laet S. De Samenstelling van den Romeischen Senaat gedurende d eerste Eeuw van het Principaat. Antwerpen, 1941.

Кнабе Г.С. Древний Рим, история и повседневность...
С. 76-78.

Там же. С. 162.

Echols Edw. The roman city police. Origine and development // CJ. 53. 1958. P. 377-385.

Машкин Н.А. Принципат Августа... С. 452.

335

Кнабе Г.С. Древний Рим, история и повседневность...
С. 81.

336

Там же.

Brunt P. Italian manpower... P. 342.

Заборовский Я.Ю. Очерки... С. 63-64.

Машкин Н.А. Принципат Августа... С. 507; Bemario H.G. Augustus princes // ANRW. Tl. 2. Bd. 1. Berlin New-York, 1975. P. 74.

Машкин Н.А. Принципат Августа... С. 509.

341

Legiones... S. 1379.

Ibid.

Ibid.

344

Утченко С.Л. Юлий Цезарь... С. 3-4; 26-27; 39.

345

Там же. С. 39.

346

Там же. С. 39-40.

347

Там же.

348

Там же. С. 23-28.

Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1916. Т. 2.

Meyer Ed. Caesar' s Monarchie... S. 321-345; Syme R.
Roman revolution... P. 11-59.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь... С. 3-40.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь... С. 26, 39-40.

353

Там же. С. 5.

354

Там же.

355

Там же. С. 6-7.

356

Там же. С.11.

357

Там же. С. 7-8, 12-13.

См. напр. Drexler H. Sallust... S. 35-41; Scard E. Sallust als Politiker... S. 60-64; Vretska K. Der Aufbau... S. 93-95; Patzer H. Sallust und Thukidides... S. 117-118; ; Pöschl V. Die Reden Caesars... S. 369-391; Seel O. Sallust... S.43-46.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь... С. 19-20.

360

Там же. С. 20.

О датировке сочинения Флора см. Немировский А.И. Исторический труд Аннея Флора // Немировский А.И. Дашкова М.Ф. Луций Аней Флор — историк древнего Рима. Воронеж, 1977. С. 4-7.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь... С. 23-24.

363

Там же. С. 23.

364

Сравн. Характеристику этой цитаты у С.Л. Утченко
(Утченко С.Л. Юлий Цезарь... С. 22).

365

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 26.

Lintott A. The crisis of the Republic..., P. 10.

Ibid., P. 11.

Drumann W. Groebe P. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. 3 Aufl. Berlin, 1899-1923.

Шампаньи Ф. Кесари. СПб., 1842; Merivale Ch. History of the Roman Empire. London, 1834-1844.

370

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2. С. 65.

371

Там же, Т. 2. С. 67.

372

Там же, Т. 2. С. 14-22.

373

Там же, Т. 2. С. 65; 67-68.

374

Там же, Т. 2. С. 74-75.

375

Там же, Т. 2. С. 74, 75; 80-82.

Там же, Т. 2. С. 75-85. Сравн.: *Валлон А.* История рабства в античном мире. М., 1941.

377

Там же, Т. 2. С. 73.

378

Там же, Т. 2. С. 73-74.

Lintott A. The crisis of the Republic..., P. 11.

Моммзен Т. История Рима..., Т. 2, С. 83-84.

381

Там же, Т. 2. С. 84-95.

382

Там же, Т. 2. С. 103-121.

383

Там же, Т. 2. С. 128.

384

Там же, Т. 2. С. 150-152.

385

Там же, Т.2. С. 173-174; 176-179.

386

Там же, Т. 2. С. 182-185; 188.

Там же, Т. 2. С. 197-198.

Там же, Т. 2. С. 203, 204.

Там же, Т. 2. С. 284-285.

390

Там же, Т. 2. С. 313-314.

391

Там же, Т. 2. С. 350-351.

Там же, Т. 2. С. 351-354.

Там же, Т. 3. С. 351-354.

394

Там же, Т. 3. С. 7-9.

395

Там же, Т. 3. С. 10-11.

396

Там же, Т. 3. С. 11-15.

397

Там же, Т. 3. С. 15-18.

398

Там же, Т. 3. С. 28-29.

399

Там же, Т. 3. С. 69-71.

400

Там же, Т. 3. С. 72.

401

Там же, Т. 3. С. 103-106.

402

Там же, Т. 3. С. 134-136.

403

Там же, Т. 3. С. 114.

404

Там же.

405

Там же, Т. 3. С. 137-138.

406

Там же, Т. 3. С. 198.

407

Там же, Т. 3. С. 146.

Там же, Т. 3. С. 195-196.

409

Там же, Т. 3. С. 198.

410

Там же, Т. 3. С. 247-248.

411

Там же, Т. 3. С. 259-261.

412

Там же, Т. 3. С. 265-266.

413

Там же, Т. 3. С. 308.

414

Там же, Т. 3. С. 309-315.

415

Там же, Т. 3. С. 386-387.

416

Там же, Т. 3. С. 343-344.

417

Там же, Т. 3. С. 356-368; 371-372; 374-375.

418

Там же, С. 379.

419

Там же, С. 387.

420

Там же, С. 379.

421

Там же, С. 339-340.

422

Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения.
СПб., 1908. С. 196–199.

423

Там же, С. 211; 214-215; 219-220; 241-243.

424

Там же, С. 243-244; 248-253.

425

Там же, С. 271-272.

426

Там же, G. 286-287.

427

Там же, С. 286; 289-290.

428

Там же, С. 293-295.

429

Там же, С. 302-307.

430

Нич К.В. История римской республики..., С. 444 и сл.

Rtistow F. Der Cacsarismus, sein Wesen und Schaffcn. Zurich, 1879; *Roscher W.* Politik. Geschichtliche Naturlehre der Monarchic, Aristokratie und Demokratie. Stuttgart, 1892. S. 588, ff.

Pohlmann R. Die Entstehung des Caesarismus // Aus Altertum und Gegenwart. Munich, 1895; *Idem.* Römische Kaiserzeit und Untergang der antiken Welt..., S. 505.

433

Stoffel G. Histoire de Jules Cesar. Guerre civile. Paris, 1887.

Подробнее см.: *Покровский М.М.* Юлий Цезарь // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1991. С. 16-17.

435

Дельбрюк Г. История военного искусства..., Т.I. С.225

436

Там же, С.226.

437

Там же, С.231.

438

Там же.

439

Там же, С.228.

440

Там же.

441

Ферреро Г. Величие и падение Рима..., М., 1916.

442

Там же, Т. II. гл. 18.

443

Там же, Т. II.

444

Там же.

445

Там же.

446

Там же.

447

Там же.

448

Там же.

Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Leipzig, 1871-1878. Bd. I-III.

Karloxva O. Römische Rechtsgeschichte..., Bd.I. S. 494;
Herzog E. Geschichte und System der römischen Staats.
Leipzig, 1884-1891; *Mispulet Cl.* Les institutions politiques...,
V.2. P. 70; 81.

451

Meyer Ed. Caesar's Monarchic. S.406-407; Idem. Kaiser Augustus..., S. 441-442.

Greenhalgh P.A.L. Pompey: the republican prince. London, 1881; *Leach J.* Pompey the Great. London, 1986; *Утченко С.Л.* Юлий Цезарь..., С. 31; 82-85; *Межерицкий Я.Ю.* Республиканская монархия..., С. 194-197.

Reitzenstein R. Die Idee des Prinzipats bei Cicero und Augustus // Nachrichten der Göttingen Wissenschaften. 1917. Bd.3. S. 398-436; 481-488; *Schdfer M.* Cicero und der Principat des Augustus // Gymnasium. 1957. Bd. 64. S. 310-335; *Cambels H.* Das monarchische Element und die Funktion der Magistrate in Ciceros Verfassungsentwurf // Gymnasium. 1984. Bd. 91. S. 237-260.

Meyer Ed. Caesar's Monarchic..., S. 321-345; 472.

455

Carcopino J. Cesar// Histoire generale ed. par G. Glotz.
Histoire Romane. II. P. II. Paris, 1936.

456

Gage J. De Cesar a Auguste..., P. 279-342.

Ibid., P. 340-342.

Gelzer M. Regimentsfähigkeit und Nobilität der römischen Republik. München, 1912. S. 21-29.

459

Gelzer M. Caesar..., S.4; 2) Regimentsfähigkeit..., S. 12-13.

Munzer F. Römische Adelsparteien..., S. 257-276.

Strassburger H, *Optimates* // RE. Bd.36. Stuttgart, 1939, S. 792; 795; *Syme R*. *Roman revolution...*, P. 16-19; *Taylor L.R*. *The party politics...*, P. 13-22; *Scullard H.H*. *Roman politics 230-150 B.C.* Oxford, 1951; *Afzelius A*. *Zur Definition der römische Nobilitat vor der Zeit Ciceros* // C & M. 7. 1945. S. 150-200.

Astin A.E. Politics and Policies in the Roman Republic // Queens Univ. Belfast, 14, 1968; *Badian E.* Foreign Clientelae (264-70 B.C.) Oxford, 1958; *Idem.* Waiting for Sulla..., P. 47-61; *Idem.* Marius and the Nobles // Durham Univ. Journal. 25. 1963-1964. P. 141-153; *Gabba E.* Marius and the Nobles..., P. 764-805; *Idem* I senatori sillani..., P. 262-270; *Gruen E.S.* Roman politics and the Criminal Courts 149-78 B.C. Cambridge, 1968; *Idem.* Political Prosecutions in the 90-th // Historia. 15. 1966. P. 32-34; *Suolahti J.* The Junior officers of the Roman Army in the Republican period. A Study on social structure // Ana. Acad. Scientiarum Fennica. 97. 1955; *Idem.* The Roman censors. A study on Social Structure // Ann. Acad. Scientiarum Fennica. 117. 1969.

Strassburger H. Caesar im Urteil der Zeitgenossen // HZ. 1953. 175.S. 225-264; *Syme R.* Roman Revolution..., P. 11-59; *Meyer Chr.* Populares // RE. Supplbd. 10. Stuttgart, 1965. S. 578-582.

Gelzer M. Caesar..., S. 25-26.

465

Ibid., S. 34-46.

466

Ibid., S. 181-190.

Ibid., S. 107.

Ibid., S. 164; 166; 177.

Ibid., S. 177.

Ibid., S. 194-196.

Ibid., S. 251-252.

Ibid., S. 332-337.

Ibid., S. 243, 283.

Ibid., S. 336-337.

475

Ibid.

476

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 36–38.

477

Gelzer M. Pompcius. München, 1949.

Ibid. S. 259-263.

479

Marsh F.B. A history of Roman world..., P. 241.

480

Gelzer M. Caesar..., S. 59.

481

Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latine..., P. 346-348.

Lintott A. The crisis of Republic..., P. 10.

483

Подробнее см.: *Егоров А.Б.* Проблемы истории гражданских войн..., С. 475-477.

Характерными примерами этого течения можно считать статью Ч. Старра, являющуюся вступительной статьей “в *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*” и вводная глава *Cambridge Ancient History*, написанная Э. Линтоттом (*The Crisis of Republic: sources and source-problem*) многократно цитировалась ранее. Статья Ч. Старра — *Starr Ch. G. The Roman Place in History // ANRW. Berlin-New York, 1972. T1.1. Bd. 1. S.3-11.*

485

Lintott A. The crisis of Republic..., P. 8-10; 13-15.

Егоров А.Б. Проблемы истории гражданских войн...,
С. 477-478.

487

Gardthausen Y. Augustus und seine Zeit. Berlin, 1891-1904. Bd.2. S. 540.,

488

Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Berlin, 1924-1928.

489

Напр.: *Premenstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937.

О различных точках зрения на принципат см. прим. к гл. 13 и нашу статью: *Егоров А.Б. Вопрос о роли римского сената...*, С. 176-181.

491

Rostovtzeff M. History of Roman world. Oxford, 1928.

Adcock D. Caesar..., P. 614-738; *Syme R. Roman revolution...*, P. 11-59; 113; 121-129. См. также обзор: *Starr Ch. Roman place...*, P.7-8.

Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926; *Frank T.* Roman imperialism. New-York, 1914; *Starr Ch.* Roman place..., P. 7-9.

Bengtson H. Griechische Geschichte. 4 Aufl. München, 1969; *Haftner H.* Politisches in alten Rom. Römische Politiker. Heidelberg, 1967; *Volkmann H.* Griechische Rhetorik oder römischen Politik // Hermes. 82.

495

Badian E. Roman Imperialism..., P. 89-92; *Starr Ch. The Roman place...*, P. 7-8.

Очень интересный обзор см. *Werner R.* Das Problem des Imperialismus und die römische Ostpolitik im zweiten Jahrhundert v. Chr. // ANRW. T1.1. Bd. 1. Berlin-New York, 1972. S. 502-524.

Strassburger H. Optimates..., S. 792; 795; *Syme R.* Roman revolution..., P. 16-19; 43; *Taylor L.R.* Party politics..., P. 13-22; *Scullard H.H.* Roman politics 230-150 B.C. Oxford, 1951; *Afzelius A.* Zur Definition der römischen Nobilitat vor der Zeit Ciceros // *Classica and Medievalica.* 7. 1945. S. 150-200.

Broughton R. Senate and Senators of the Roman republic. The prosopographical approach // ANRW. T1.1. Bd.I. Berlin-New York, 1972. P. 250-265; *Lintott A.* The crisis of the Republic..., P. 12-15.

Broughton R. Senate and Senators..., P. 255-258.

500

Lintott A. The crisis of the Republic..., P. 14-15.

501

Broughton R. Senate and Senators..., P. 256-257.

Ibid.

Meier Chr., Populares..., S. 549-615.

Ibid. S. 555, ff.

505

*Adcock*A. Caesar..., P. 614-738.

Syme R. Roman revolution..., P. 11-59; 113; 121-122.

507

Balsdon J.P. V.D. Julius Caesar..., P.29.

Ibid.

Ibid., P. 104-105.

Ibid., P. 155-170.

Ibid., P. 177-178.

Wickert L. Zu Caesar's Reichspolitik// *Klio*. 30. 1937. S. 232-253.

513

Ferrabino A. Caesar. Fiorenza, 1945.

Rice Holmes T. Caesar's Conquest of Gaul. Oxford, 1911.
S. 211-256.

Collins J.H. Caesar as a Political Propagandist..., P. 922-923.

Ibid., P. 923.

Ibid., P. 923-924.

Ibid., P. 923.

Ibid., P. 923-926.

Ibid., P. 932-936.

Ibid., P. 946; 949-954.

Ibid., P. 953-954.

Ibid., P. 960-962.

Ibid., P. 957-959.

Raditsa L. Julius Caesar and his Writings..., S. 417-456.

Ibid., P. 420.

527

Ibid.

Ibid., P. 423.

Ibid., P. 421-²⁷.

Ibid., P. 422.

Ibid., P. 422-445.

Ibid., P. 447.

Ibid., P. 451-453.

Ibid., P. 449.

Ibid., P. 455.

Ibid., P. 456.

Wiseman T.P. Caesar, Pompey and Rome, 59-50 B.C.// CAH. 2-ed. Oxford, 1994. P. 368-423; *Rawson E.* Caesar: civil war and dictatorship // CAH. 2-ed. Oxford, 1994. P. 423-467.

538

Wiseman T.P. Caesar..., P. 368.

Ibid.

Ibid.

Ibid., P. 369-371.

Ibid., P. 371-372.

Ibid., P. 381-382; 385; 388.

Ibid., P. 391.

Ibid., P. 423.

546

Rawson E. Caesar..., P. 424-425; 427.

Ibid., P. 439.

Ibid., P. 381-383; 445-446.

Ibid., P. 440-441.

Ibid.

Ibid., P. 448-453.

Ibid., P. 453.

Ibid., P. 453-459.

Ibid., P. 463-464.

Ibid., P. 463.

Ibid., P. 464-465.

Ibid., P. 466-467.

558

Виппер Р.Ю. Очерк истории Римской империи. М, 1925. С. 258-281.

Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима, М., 1935. С. 333-334.

560

Там же. С. 337; 340.

561

Там же. С. 344-345.

Ковалев С.И. История Рима..., С. 333; 341; 346-347;
352-353; 361-362.

563

Там же. С. 346-347.

564

Там же. С. 353.

565

Там же. С. 369-374.

566

Там же. С. 391-392.

567

Там же. С. 386.

568

Там же. С. 410.

569

Там же. С. 410.

570

Там же. С. 423.

571

Там же. С. 424.

572

Там же. С. 436.

573

Там же. С. 435-436.

574

Там же. С. 437-438.

575

Там же. С. 447-448.

576

Там же. С. 448-449.

577

Там же. С. 451.

578

Там же. С. 451-452.

Машкин Н.А. Принципат Августа..., С. 12.

580

Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1947. С. 214;
221; 222.

581

Там же. С. 226-227; 232; 241-242.

582

Там же. С. 246.

583

Там же. С. 247-248.

584

Там же. С. 248-249.

585

Там же. С. 292-295; 303-304.

586

Там же. С. 306-307.

587

Там же. С. 312-313.

588

Там же. С. 313-314.

589

история древнего Рима..., С. 319-321; *Он же.*
Принципат Августа..., С 95.

590

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 26.

591

Там же. С. 27-29.

592

Там же. С. 29-35.

593

Там же. С. 36-40.

594

Там же. С. 48-51.

595

Там же.

596

Там же.

Более подробно вопрос о политических партиях рассмотрен в другой монографии С.Л. Утченко — см. *Утченко С.Л.* Кризис и падение римской республики, М., 1965. С. 17 и ел.; 171 и сл.

598

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С.53.

599

Там же. С. 45.

600

Там же. С. 55.

601

Там же.

602

Там же. С. 58-71.

603

Там же. С. 71-73.

604

Там же. С. 73.

605

Там же. С. 80-83.

606

Там же. С. 83-84.

607

Там же. С. 85.

608

Там же. С. 95.

609

Там же. С. 96.

610

Там же. С. 106.

611

Там же. С. 110-113.

612

Там же. С. 112-113.

613

Там же. С. 117-120.

614

Там же. С. 136-137.

615

Там же. С. 186-188.

616

Там же. С. 190.

617

Там же. С. 192-196, 200-213.

618

Там же. С. 194-195.

619

Там же. С. 211-213.

620

Там же. С. 240-245.

621

Там же. С. 282-285.

622

Там же. С. 303-304, 306-309.

623

Там же. С. 285-286.

624

Там же. С. 308-314.

625

Там же. G7 316-318.

626

Там же. С. 340.

627

Там же. С. 341-342.

628

Там же. С. 347-348.

Белкин М.В., Вержбицкий К.В. История древнего Рима... С. 88-90.

630

Там же. С. 89-90.

631

Чеканова Н.В. Римская диктатура последнего века Республики. СПб. 2005. С. 255.

632

Там же. С. 276-277.

633

Там же. С. 282-283.

634

Там же. С. 285-286, 288.

635

Там же. С. 298-299.

636

Там же. С. 310-314.

637

Там же. С. 313.

638

Там же. С. 318-324.

639

Там же, С. 314-316, 329.

640

Там же. С. 332-340.

641

Там же. С. 368.

642

См. прим. 34 к гл. I.

643

См. прим. 34 к гл. I.

644

Thompson D.T. Egypt, 146-31 B.C. // CAH. 2-ed. V. IX.
Cambridge, 1994 P. 311-315.

645

Gabba E. Rome and Italy... P. 119? 122.

646

Brunt P. Italian manpower..., P. 342-346.

647

Ibid., P.34-7-350.

648

Моммзен Т. История Рима... Т.2. С.304; Т.3. С.341-343.

649

Там же. Т.3. С.352.

650

Cloud D. The constitution and criminal law... P.505-508.

651

Meier Chr. Populares..., Sp. 578-582

652

Rawson E. Caesar..., P. 463.

653

Meier Chr. Populares..., Sp. 578-582.

654

См. прим. 10.

655

Meier Chr. Populares..., Sp. 578-582.

656

Утченко С.Л. Юлий Цезарь..., С. 109-113.

657

Там же. С. 53.

658

Там же. С. 119.